Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
"Волгоградский государственный университет"

На правах рукописи

Бурмагин Сергей Викторович

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЕДИНСТВА УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ И ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТИ СУДЕБНЫХ ПРОИЗВОДСТВ

Специальность 5.1.4. – Уголовно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени доктора юридических наук

Том I

Научный консультант:
заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ
доктор юридических наук, профессор
Гаврилов Борис Яковлевич

Волгоград 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том I

Введение ……5

Глава 1. Система уголовного правосудия Российской Федерации: теоретические основы и структурно-функциональный анализ……37

§ 1. Современные научные представления о сущности и признаках уголовного правосудия…….37

§ 2. Доктринальное и правовое обоснование расширенного толкования уголовного правосудия…….61

§ 3. Деятельность суда по осуществлению уголовного правосудия: структура, содержание, виды и системное единство……...110

§ 4. Теоретические основания и методологические подходы к функциональной характеристике уголовного правосудия……142

Глава 2. Судебные производства в уголовном процессе: концепция единства и дифференцированности……..195

§ 1. Судебные производства в контексте исторического развития российского уголовного правосудия……196

§ 2. Сравнительно-правовой анализ систем судебного производства в уголовных процессах зарубежных стран……...234

§ 3. Доктринально-методологические и правовые основы системного единства и дифференцирования судебно-уголовного производства…….266

§ 4. Общая характеристика и типология судебных производств в современном российском уголовном процессе…….315

Глава 3. Судебные решения в системе уголовного правосудия ….…….351

§ 1. Понятие и признаки судебных решений, их свойства и значение для отправления правосудия ……..……..351

§ 2. Правосудность как комплексное правовое требование к судебным решениям: понятие и критерии правосудности……...387
§ 3. Система и типология судебных решений в контексте концепции единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств……..429
§ 4. Принятие решений как процесс и результат судебного правоприменения, его место в структуре судебного производства……474

Том II

Глава 4. Типы и виды судебных производств, их назначение и содержание…3
§ 1. Основное судебное производство (по уголовному делу) и его разновидности. ……..3
§ 2. Судебно-контрольные производства и их роль в системе уголовного правосудия……..34
§ 3. Судебно-исполнительные производства: назначение и предметно-содержательное многообразие……78
§ 4. Судебно-реабилитационные производства – необходимый правовосстановительный компонент системы уголовного правосудия 146
Глава 5. **Особенности институционально-структурного и процедурного построения контрольных, исполнительных и реабилитационных судебных производств**…….172
§ 1. Специфика состязательных конструкций различных типов судебных производств……..173
§ 2. Особенности познавательно-доказательственной деятельности по судебным делам, рассматриваемым в порядке контрольных, исполнительных и реабилитационных судебных производств……...203
§ 3. Некоторые структурно-процедурные особенности и недостатки регламентации «неосновных» судебных производств……227

Заключение ……260

Список сокращений……..277

Список использованных источников ……...279

Список иллюстративного материала ……..400

Приложения……401

Приложение № 1. Судебная статистика Российской Федерации……...401

Приложение № 2. Результаты социологического опроса (анкетирования)...413

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Начавшаяся более тридцати лет назад эпоха глобальных социально-экономических, политических, культурно-идеологических и правовых преобразований общественной жизни Российской Федерации ознаменовалась проведением в стране судебно-правовой реформы, отправной точкой, юридической основой и главным драйвером которой явились принятые в 1991 г. Верховным Советом РСФСР Декларация прав и свобод человека и гражданина и Концепция судебной реформы в РСФСР, а затем и принятая в 1993 г. общенародным голосованием Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ).

В русле новой правовой идеологии, задавшей курс на укрепление судебной власти и раскрытие ее правозащитного потенциала, в России планомерно проведена модернизация всех видов судопроизводства, в том числе уголовного, которая сопровождалась закономерным, отвечающим современным общественным потребностям, расширением сферы правосудия и созданием новых форм его реализации.

Современное уголовное судопроизводство, регламентированное Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации 2001 г. (далее – УПК РФ), помимо традиционного для него рассмотрения уголовных дел включает в себя и другие виды уголовно-процессуальной деятельности суда по разрешению иных юридических дел (правовых вопросов), именуемых в юридическом обиходе «судебными материалами». Согласно данным общероссийской судебной статистики такого рода «судебные материалы», подлежащие рассмотрению в порядке уголовного судопроизводства, ежегодно исчисляются сотнями тысяч (в 2021 г. – 1 848 371) и стабильно в 2–2,5 раза превышают количество рассматриваемых судами уголовных дел.

В процессуальном (процедурном) аспекте реализация уголовным судом полномочий по рассмотрению этих вопросов (части 2 и 3 ст. 29, статьи 133, 139, 397, 398, 400 и др. УПК РФ) происходит по отдельным процессуальным обращениям заинтересованных субъектов уголовного процесса и обретает вид и характер автономных судебно-уголовных производств, обособленных от производства по уголовному делу и имеющих собственный предмет рассмотрения и обусловленные им сущностные и процедурные отличия.

В этой связи вполне определенно сформировавшиеся в уголовном судопроизводстве иные судебные производства в целях их надлежащей нормативно-правовой регламентации и эффективного практического применения нуждаются, не менее чем производство по уголовному делу, в научном осмыслении и обосновании их правовой природы, глубокой теоретической проработке на основе системного подхода и сравнительно-правового анализа присущих им общих закономерностей и особенностей функционирования. Решение данной насущной задачи неизбежно выводит исследователя на феномен правосудия, требует четкого, научно обоснованного соотнесения с категорией правосудия всех видов (направлений) судебной деятельности, включенных в уголовное судопроизводство, раскрытия их взаимных связей и оценки степени их единства.

Многочисленные научные исследования отдельных видов и направлений процессуальной деятельности уголовного суда не позволяют достичь такого результата и приводят их авторов к неоднозначным оценкам и противоположным выводам, что препятствует выстраиванию на доктринальном уровне стройной и единой системы уголовного правосудия. Проблема осложняется различиями в подходах к пониманию сущности и пределов уголовного правосудия, а также структуры уголовного судопроизводства.

Отечественная процессуальная доктрина, длительное время безоговорочно базировавшаяся на постулате об однородности (однопредметности) уголовного правосудия и сводившего его к рассмотрению по существу уголовного дела, в значительной степени продолжает опираться на этот узкий, утративший свою

правовую основу и ставший догматическим взгляд на содержание правосудия, который по-прежнему находит своих сторонников и получает отражение в научной и учебной литературе. Как правило, он сочетается с представлением уголовного процесса как деятельности, ведущейся в рамках единого производства по уголовному делу, которое разделяется лишь на стадии (а если и на производства, то только в рамках общего производства по уголовному делу или его стадий) и поглощает всю уголовно-процессуальную деятельность суда без остатка, не допуская в уголовном процессе отдельных видов судебных производств.

Эти и иные утратившие адекватность правовому регулированию теоретические положения искажают сущность иных видов деятельности уголовного суда, не позволяют правильно их «квалифицировать» с научной точки зрения и объяснить современную конструкцию уголовного судопроизводства, тем самым не обеспечивают необходимую теоретическую основу для развития уголовно-процессуального законодательства и дезориентируют правоприменителя.

Опрос практических работников – судей, прокуроров, адвокатов – свидетельствует об отсутствии у них единых, четких представлений и последовательных взглядов о предмете уголовного правосудия. Большинство из них (88,5%, в том числе 95% судей) придерживаются позиции, что уголовное правосудие не ограничивается только рассмотрением уголовного дела, в то же время лишь 43,4% респондентов (в том числе 60,5% судей) воспринимают «материалы» по судебному контролю, по вопросам исполнения приговора и иных решений, по вопросам реабилитации в качестве самостоятельных судебных дел, а не составных частей уголовного дела, но при этом 80,7% практических работников все же считают, что решения, выносимые по результатам рассмотрения таких «материалов» являются актами правосудия. Искаженное восприятие какого-либо вида процессуальной деятельности суда как не относящегося к правосудию несет угрозу процессуального упрощенчества, несоблюдения при рассмотрении жизненно важных правовых вопросов

(обжалования незаконных действий следователя, условно-досрочного освобождения, восстановления прав реабилитированного и т.д.) принципов правосудия, ненадлежащего обеспечения права на судебную защиту, снижения гарантий правосудности судебных решений.

Между тем единая правовая природа и сущностное сходство деятельности по рассмотрению уголовных дел и иных «судебных материалов», разрешаемых в порядке уголовного судопроизводства, их подчинение общим правовым требованиям и одновременно наличие предметных, целевых и процедурных различий в их производстве, становятся все более очевидными и актуализируют поиск новых фундаментальных теоретических и методологических подходов к пониманию сущности, содержания и пределов уголовного правосудия, выстраивания на их основе его доктринальной модели.

Таким образом, на современном этапе развития науки уголовно-процессуального права в условиях расширения сферы и обогащения содержания уголовного правосудия назрела крупная научная проблема теоретического осмысления и переработки накопленных в новейшее время научных знаний о различных видах и направлениях уголовно-процессуальной деятельности суда, обобщения опыта их практической реализации и теоретического обоснования на концептуальном уровне новой парадигмы уголовного правосудия как единой, интегрированной системы, объединяющей в рамках уголовного процесса разнохарактерные, дифференцированные судебные производства, связанные общим назначением и функционированием.

В свете сказанного особо актуальным для науки уголовно-процессуального права в целом и теории уголовного правосудия в частности, представляется комплексное исследование всех видов и направлений уголовно-процессуальной деятельности суда под углом зрения их системного единства, выделения в них общих признаков, закономерностей, функциональных связей и объединения на этой основе в одно явление – деятельность по осуществлению уголовного правосудия.

Одновременно с этим теоретическое и практическое значение имеет исследование системы уголовного правосудия с позиции ее структурно-функционального построения, позволяющего познать не только общие свойства, но и «высветить» ее отдельные структурные элементы и внутренние связи. При этом особый научный интерес вызывает объективно существующая дифференцированность внешне единого судебно-уголовного производства на составляющие компоненты – типы и виды судебных производств – по предметно-целевому признаку, который позволяет не просто выделить в судебно-уголовном производстве общий и особенные порядки рассмотрения однородных дел подобно тому, как это производится в соответствии с внутриотраслевой концепцией единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы по уголовным делам, а показать структурное расчленение, градацию уголовного правосудия на судебные производства по разнотипным делам (разнородным правовым спорам), представляющие собой не общий и особенные порядки (формы) уголовного производства, а отдельные уголовные производства, имеющие самостоятельное социально-правовое значение, собственное предметное содержание и необходимым образом дополняющие друг друга в общей системе уголовного правосудия.

Степень научной разработанности темы. Правосудие как научная категория и обозначаемое ею явление правой действительности многогранно и является предметом изучения как на общетеоретическом уровне, так и в пределах отраслевых юридических наук. В общей теории государства и права феномен правосудия представлен достаточно широко и всесторонне исследуется как общегосударственная функция, как деятельность специальных органов – судов по урегулированию индивидуальных правовых конфликтов, а в контексте теории судебной власти – как функция судебных органов, их исключительная компетенция, основной способ (средство) реализации судебной власти. Правосудие рассматривается также через призму правоприменения, правового и индивидуального регулирования общественных отношений. В таких и многих иных аспектах правосудие представлено и исследуется на современном этапе в

работах С. С. Алексеева, В. И. Анишиной, В. В. Дорошкова, Н. В. Витрука, В. В. Ершова, Н. А. Колоколова, В. В. Лазарева, В. М. Лебедева, В. М. Марченко, И. Б. Михайловской, Т. Г. Морщаковой, В. С. Нерсесянца, В. М. Семенова, Ю. А. Тихомирова, Д. В. Фетищева, Д. А. Фурсова и других правоведов.

В сфере уголовного процесса правосудие рассматривается обычно как часть уголовно-процессуальной деятельности и нередко отождествляется с судебной деятельностью. В дореволюционный и советский периоды развития науки уголовно-процессуального права деятельность уголовного суда широко освещалась в работах большинства видных ученых-процессуалистов XIX–XX столетий: В. П. Божьева, С. В. Викторского, Л. Е. Владимирского, Э. Ф. Куцовой, В. З. Лукашевича, П. А. Лупинской, Я. О. Мотовиловкера, И. Л. Петрухина, Н. Н. Полянского, Н. В. Радутной, Н. Н. Розина, В. М. Савицкого, В. К. Случевского, М. С. Строговича, И. Я. Фойницкого, М. А. Чельцова и многих других, которые рассматривали судебную деятельность и проблемы судебного производства в контексте общих вопросов и проблематики уголовного процесса.

На современном этапе развития науки уголовно-процессуального права на уровне монографий, диссертаций и других научных работ исследуются общие и частные вопросы реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве (А. В. Аверин, Л. Б. Алексеева, В. М. Бозров, Л. А. Воскобитова, Б. Я. Гаврилов, Л. В. Головко, И. С. Дикарев, В. П. Кашепов, Н. Н. Ковтун, В. А. Лазарева, Л. Н. Масленникова, Т. Г. Морщакова, Т. К. Рябинина, М. К. Свиридов, В. А. Семенцов, А. В. Смирнов, Н. М. Чепурнова, Ю. В. Францифоров), анализируются понятие, признаки и содержание правосудия по уголовным делам, рассматриваются функции суда в уголовном процессе (В. А. Азаров, М. Т. Аширбекова, А. П. Гуськова, З. З. Зинатуллин, О. В. Качалова, Н. П. Кириллова, В. В. Николюк, Н. Г. Муратова, Е. В. Рябцева, Н. Г. Стойко, Л. Г. Татьянина, Н. А. Тузов), поднимаются различные правовые аспекты и проблемные вопросы судебно-уголовного производства (О. И. Андреева, В. А. Давыдов, В. В. Дорошков, Е. А. Зайцева, Г. И. Загорский, К. Б. Калиновский, Н. А. Колоколов, А. В. Кудрявцева, А. В. Пиюк), в том числе проблемы

судебного познания и доказывания по уголовным делам (Ю. П. Боруленков, Г. А. Печников, С. Б. Россинский, А. И. Трусов, В. С. Шадрин, С. А. Шейфер и др.).

В то же время приходится констатировать отсутствие комплексных теоретических работ, в которых уголовное правосудие было бы представлено в виде системного правового образования, а деятельность по его осуществлению подвергнута всестороннему структурно-функциональному анализу.

Заметным шагом в этом направлении явилась монография Е. В. Рябцевой «Правосудие в уголовном процессе России» (2010), в которой предпринята попытка обоснования дифференциации уголовного правосудия в зависимости от процессуального порядка рассмотрения уголовных дел на традиционное, альтернативное, факультативное и особое правосудие, однако ввиду приверженности автора узкой трактовке правосудия, предмет исследования, как и во многих других работах, оказался ограничен дифференциацией судебного производства по уголовному делу.

В пореформенный период значительные успехи отечественными процессуалистами достигнуты в изучении и систематизации различных дифференцированных форм отправления правосудия по уголовным делам (О. А. Анферова, Д. В. Великий, Т. А. Владыкина, В. В. Кальницкий, О. В. Качалова, Н. С. Луценко, Н. С. Манова, Е. В. Мищенко, С. А. Насонов, А. В. Пиюк, Х. У. Рустамов, А. А. Ручина, Е. В. Рябцева, С. В. Сердюков, И. С. Смирнова, А. А. Сычев, Д. П. Туленков, С. С. Цыганенко, В. В. Шишов и др.), а также в раскрытии сущности и особенностей таких отдельных видов (направлений) процессуальной деятельности, выполняемой судом вне рассмотрения уголовного дела, как осуществление судебного контроля за досудебным производством (Э. А. Адильшаев, О. В. Добровлянина, И. В. Жеребятьев, Н. Н. Ковтун, Н. А. Колоколов, П. А. Луценко, Н. Г. Муратова, Е. В. Рябцева, В. В. Рудич, И. Ю. Таричко, О. В. Химичева, А. А. Шамардин, Р. В. Ярцев и др.), рассмотрение вопросов, связанных с исполнением приговора и иных судебных решений (А. Ф. Амануллина, И. А. Давыдова, О. В. Воронин,

О. В. Грицай, О. В. Гужва, А. А. Камардина, В. И. Качалов, Д. А. Квициния, М. Г. Курганский, Л. В. Ложкина, Н. В. Николюк, В. В. Николюк, Л. А. Пупышева, М. К. Свиридов, Д. В. Тулянский и др.), реабилитационные процедуры (Р. В. Гаврилюк, А. Н. Глыбина, О. А. Корнеев, Вал. В. Николюк, А. А. Орлова, В. А. Потетинов, В. С. Раменская, С. А. Рогачев, Д. В. Татьянин, О. И. Цоколова и др.).

Научные труды указанных авторов, несомненно, обогатили процессуальную науку и внесли существенный вклад в развитие теории уголовного правосудия, но при этом нельзя не заметить, что в большинстве своем, имея изначально ограниченные исследовательские цели, они не создают полной картины функционирования уголовного правосудия, в них авторы не предлагают единых подходов и не выдвигают теоретических положений, позволяющих сопоставить отделенные от уголовного дела судебные производства, концептуально определить роль и место каждого из них в единой системе уголовного правосудия и разграничить их по единым заданным параметрам.

Проблемы структуры и дифференцирования уголовного судопроизводства всегда были в центре внимания советских и российских ученых, однако в соответствии с общей доктриной единства и дифференциации процессуальной формы сравнительному исследованию на предмет разграничения уголовных производств на виды (главным образом по признаку особых процессуальных порядков) подвергается уголовно-процессуальная деятельность в целом. Тогда как уголовное правосудие требует иного, индивидуального дифференцированного подхода, поскольку не распространяется на ту часть производства по уголовному делу, которую осуществляют органы уголовного преследования, и в то же время включает в свою систему судебно-контрольные процедуры, имеющие место в период до поступления в суд уголовного дела, а также после завершения его производства в суде.

Таким образом, исследование системы уголовного правосудия предполагает, во-первых, введение в понятийный аппарат разрабатываемой концепции уточненного базового понятия «судебное производство»,

ограничивающего уголовно-процессуальное производство рамками судебной деятельности, во-вторых, выдвижение предметно-целевого признака в качестве приоритетного критерия дифференциации уголовных производств.

Впервые научный подход к исследованию дифференциации уголовного судопроизводства на основе его структурирования путем выделения видов уголовных производств по их направленности (выражается в предмете и задачах производства) был сформулирован Ю. К. Якимовичем в монографии «Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства» (1991). Научные воззрения профессора Ю. К. Якимовича на систему уголовно-процессуальных производств и предложенный им методологический подход к решению проблемы дифференциации уголовного судопроизводства были восприняты научным сообществом, легли в основу научных изысканий Д. П. Великого, А. Н. Глыбина, О. Г. Ивановой, А. В. Ленского, Л. В. Ложкина, А. В. Солодилова, М. В. Танцерева, Т. В. Трубниковой, получили развитие в докторских диссертациях С. С. Цыганенко (2004) и Н. С. Мановой (2005), в научных исследованиях других процессуалистов.

Одновременно в 1989–1990 гг. в работах В. В. Николюка воплотилась и получила глубокое теоретическое обоснование идея наличия в системе уголовного процесса самостоятельного (особого) производства – производства по рассмотрению судом вопросов, связанных с исполнением приговора. Разработанные профессором В. В. Николюком теоретические положения дали толчок изучению уголовно-исполнительного производства в целом и его отдельных видов, легли в основу кандидатских диссертаций И. В. Пастухова (2005), Н. В. Николюк (2006), О. В. Грицай (2007), Е. Н. Гапонова (2009), Вал. В. Николюк (2011), Д. А. Квициния (2012), докторской диссертации Л. А. Пупышевой (2022).

Сложившаяся благодаря вышеуказанным научным работам теория уголовных производств, предусматривающая выделение в уголовно-процессуальной деятельности наряду с основным производством по уголовному

делу особых и (или) дополнительных уголовных производств, достигла уровня устоявшейся доктрины и используется автором настоящей диссертации в качестве одной из основных теоретических предпосылок выдвигаемой концепции.

Единство судебных производств и системы уголовного правосудия в целом невозможно обосновать без исследования соответствующей им системы решений уголовного суда, которые воплощают в себе процесс и результат правосудия в рамках каждого из судебных производств и одновременно выступают связующим звеном между ними, одной из главных внутренних связей системы правосудия. В этой части исследования диссертант обращается к теории уголовно-процессуальных решений, разработанной в трудах таких ученых-процессуалистов как В. А. Азаров, М. А. Бажанов, В. М. Бозров, В. Н. Бутов, Л. А. Воскобитова, Ю. М. Грошевой, И. С. Дикарев, Г. И. Загорский, Ц. М. Каз, П. А. Лупинская, Н. Г. Муратова, П. Ф. Пашкевич, М. С. Строгович, и нашедшей свое отражение (применительно к судебным решениям) в монографических и диссертационных работах М. А. Баровой, М. В. Беляева, А. В. Бунина, В. А. Константиновой, М. В. Пальчиковой, М. А. Подольского, Р. А. Трахова, В. А. Теплова, М. А. Чайковской, А. С. Червоткина и др.

При этом диссертант отмечает, что до настоящего времени судебные решения не были предметом исследования в качестве структурного элемента судебных производств и системы уголовного правосудия в целом. В литературе поднималась проблема понятия итоговых и промежуточных решений и их соотношения (В. А. Азаров и В. А. Константинова), однако попыток ее решения через призму судебного правоприменения и в контексте дифференциации судебных производств не предпринималось. Так же недостаточно исследован такой важный для характеристики уголовного правосудия вопрос как роль и место процесса принятия процессуальных решений в судебном правоприменении и структуре судебного производства. Данные пробелы в теории судебных решений возможно и необходимо ликвидировать, основываясь на концепции единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств.

Объект и предмет диссертационного исследования. *Объектом* исследования является система общественных правоотношений, возникающих и развивающихся в связи с процессуальной деятельностью суда по осуществлению уголовного правосудия.

Предмет исследования составляют: а) уголовно-процессуальная деятельность суда, судебные процедуры и судебные производства, ведущиеся в уголовном процессе Российской Федерации и ряда зарубежных стран; б) положения Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, совокупность уголовно-процессуальных и иных норм российского права, регулирующих рассмотрение судом юридических дел в порядке уголовного судопроизводства и регламентирующих соответствующие судебные производства и процедуры; в) правовые акты Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, и Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ); г) уголовно-процессуальное законодательство зарубежных стран; д) материалы судебной практики и судебной статистики; е) положения уголовно-процессуальной доктрины и других социально-гуманитарных, в том числе юридических, наук.

Цель и задачи исследования. *Цель* исследования состоит в разработке целостной, теоретически и методологически обоснованной *концепции единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств*, позволяющей включать уголовно-процессуальную деятельность суда по разрешению уголовных дел и всех иных правовых вопросов в единую систему уголовного правосудия и ориентировать развитие теории правосудия, правотворческой и правоприменительной деятельности в направлении совершенствования всех видов судебно-уголовных производств в соответствии с принципами и стандартами правосудия на основе дифференцированного подхода, учитывающего предметно-целевое назначение каждого из производств.

Общая цель предопределила постановку и решение следующих исследовательских *задач*:

- обобщить современные научные представления о сущности и содержании правосудия, сформулировать понятие уголовного правосудия и выделить его основные признаки;
- исследовать имеющиеся в процессуальной теории различные точки зрения на содержание и пределы правосудия, осуществляемого в рамках уголовного процесса, и представить доктринальное и правовое обоснование расширенной трактовки уголовного правосудия;
- представить деятельность по осуществлению уголовного правосудия как системное образование, раскрыв структуру, содержание и виды данной деятельности с позиции их системного единства;
- дать общую функциональную характеристику уголовного правосудия на основе системного и многоуровневого подходов к определению судебных функций;
- исследовать в контексте общеисторического развития правосудия генезис судебных производств и отдельных процедур в российском уголовном судопроизводстве, выявить его закономерности;
- рассмотреть современные системы уголовного правосудия и судебных производств иностранных государств, выявить их общие черты и тенденции развития;
- установить и представить доктринально-методологические и правовые основания системного единства и дифференциации судебных производств в уголовном процессе;
- сформулировать и обосновать признаки самостоятельного судебного производства и указать критерии дифференциации судебных производств;
- представить типологию судебных производств в современном российском уголовном процессе, раскрыть общие признаки (свойства) и взаимные связи судебных производств в единой системе уголовного правосудия;
- исследовать природу, сущность, основные признаки и свойства судебных решений, раскрыть их значение для отправления правосудия;

- определить понятие и критерии (условия) правосудности судебных решений;
- проанализировать систему и типологию судебных решений в контексте единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств;
- соотнести процесс принятия судебных решений и его вариации с судебным правоприменением и определить его место и роль в структуре судебного производства;
- исследовать правовую природу, назначение, содержание и процессуальную форму каждого из типов судебных производств, показать и проанализировать их видовое многообразие;
- выявить специфику состязательного построения «неосновных» судебных производств, рассмотреть особенности познавательно-доказательственной деятельности, иные структурно-процедурные особенности регламентации и осуществления этих производств в суде первой инстанции;
- выработать основные направления совершенствования правового регулирования деятельности суда по осуществлению уголовного правосудия в свете концепции его единства и дифференцированности судебных производств.

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют фундаментальные положения общей теории права, теорий судебной власти, правосудия и правоприменения, доктрины уголовно-процессуального права.

Проведенное исследование, содержащиеся в нем выводы и суждения основываются на достижениях науки гражданского процессуального права, концептуальных положениях теории юридического процесса, теории управления и принятия решений, общей теории систем, учений о юридической деятельности, государственном контроле и надзоре, на научных знаниях из области философии и методологии права, социологии и психологии.

В диссертации широко использованы концепции, научные идеи, взгляды, выводы, содержащиеся в монографических, диссертационных и иных научных работах вышеуказанных авторов и других ученых, относящиеся к предмету

исследования, а также зарубежная юридическая литература по уголовному процессу.

Методологической основой исследования послужили: всеобщий диалектический метод познания; *общенаучные методы*: логический, анализа и синтеза, наблюдения, обобщения, абстрагирования, моделирования, системного и структурно-функционального анализа; а также такие *частнонаучные* и *специальные юридические методы* как логико-юридический и формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой, юридической интерпретации (толкования), статистический, конкретных социологических исследований, правового прогнозирования, которые в комплексе позволили обеспечить широту и полноту исследования, обоснованность выводов и достоверность полученных результатов.

Всеобщие методы познания предопределили последовательность и структуру диссертационного исследования, его направленность от общего к частному и от целого к части: от системы уголовного правосудия в целом к его подсистемам (системе судебных производств и системе судебных решений), от общих характеристик и свойств правосудной деятельности к ее особенностям, проявляющимся в разнообразных видах судебных производств. Диалектический метод ориентировал на исследование правовых явлений и объектов в их взаимосвязи и постоянном развитии.

Исторический и сравнительно-правовой методы позволили соискателю проследить развитие отечественного уголовного правосудия, выявить закономерности формирования современной системы судебно-уголовного производства в России и соотнести ее с аналогичными системами зарубежных стран.

Широкое применение системного подхода и структурно-функционального анализа к исследованию деятельности по осуществлению уголовного правосудия и ее структурных элементов – судебных производств и судебных решений – обеспечили решение основных исследовательских задач по выдвижению и

обоснованию теоретических положений о единстве и дифференцированности судебных производств, осуществляемых в сфере уголовного правосудия.

Посредством логико- и формально-юридического, сравнительного и интерпретационного методов исследованы нормативные и иные правовые положения и предписания, регулирующие различные виды и формы уголовного правосудия, а с помощью методов наблюдения, обобщения, социологического опроса, анализа статистических данных и конкретных судебных решений изучены содержание, результаты и проблемы практической деятельности уголовного суда, что позволило соискателю подкрепить теоретические выводы эмпирическими данными, выработать основные направления совершенствования правового регулирования судебных производств в уголовном процессе.

Правовая основа исследования включает в себя: Конституцию РФ, международно-правовые акты, законодательство Российской Федерации, Союза ССР, РСФСР, подзаконные нормативно-правовые акты (указы, приказы, положения, инструкции), правовые акты Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, позиции и решения ЕСПЧ.

При исследовании отдельных вопросов диссертации были востребованы законодательные памятники древнерусских государств и Российской Империи, а также изучено и использовано в работе уголовно-процессуальное законодательство зарубежных стран: США, Великобритании, Франции, ФРГ, Италии, Королевства Испания, Швейцарии, Австрии, Польши, Литвы, Латвии, Болгарии, Грузии, стран Содружества Независимых Государств и др.

Эмпирическую базу исследования составили:

- изученные в период 2010–2022 гг. материалы 2850 уголовных и иных судебных дел (материалов), рассмотренных в порядке уголовного судопроизводства судами общей юрисдикции Российской Федерации;

- судебные акты всех инстанций (приговоры, постановления, определения, заключения), вынесенные при отправлении уголовного правосудия в тот же временной период судами различных уровней (мировыми судьями, районными, областными и приравненными к ним судами, апелляционными и кассационными

судами) из разных регионов Российской Федерации, а также Верховным Судом РФ, в том числе размещенные в СПС «КонсультантПлюс» и в сети Интернет на сайтах ГАС РФ «Правосудие» и других информационных ресурсах, общим количеством более 4500;

- обзоры и справки по результатам обобщения судебной практики Верховного Суда РФ и судов субъектов РФ по процессуальным вопросам уголовного судопроизводства;

- общероссийские данные судебной статистики за 2018–2021 гг. и предшествующие периоды (по отчетам Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел и материалов по первой инстанции, а также в апелляционном, кассационном и надзорном порядках);

- результаты проведенного соискателем в 2022 г. социологического опроса посредством анкетирования 925 практических работников (судей, прокуроров, адвокатов), осуществляющих свою деятельность в сфере уголовного судопроизводства в 62 субъектах Российской Федерации;

- опубликованные в научных изданиях эмпирические результаты, полученные другими исследователями;

- разнообразный личный опыт правоприменительной деятельности на всех стадиях уголовного процесса, приобретенный соискателем в период следственной и судейской работы.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что на основе комплексного, всестороннего изучения и анализа деятельности по осуществлению уголовного правосудия и его главных структурных элементов – судебных производств и судебных решений – разработана совокупность теоретических положений, позволяющих рассматривать эту деятельность в качестве системного явления, объединяющего все виды уголовно-процессуальной деятельности суда.

Уголовное правосудие исследовано соискателем как сложная, интегрированная система с многоуровневой структурой, раскрыты ее цели, задачи

и содержание, структурные элементы в их взаимосвязи, при этом сравнительному анализу подвергнуты одновременно все виды (направления) деятельности уголовного суда и дана функциональная характеристика уголовного правосудия в целом. Автором проработаны такие ключевые для предмета исследования научные категории как «уголовное правосудие», «судебное производство», «тип судебного производства», «судебное решение», «итоговое судебное решение», «комплекс судебных решений», «механизм принятия судебных решений», «модель принятия решения», им даны авторские трактовки.

Настоящая работа является комплексным исследованием, в котором впервые все виды деятельности уголовного суда подвергнуты тщательному анализу на предмет их содержания и соответствия признакам правосудия, обоснована их единая правосудная сущность.

Опираясь на положения доктрины единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы, автор переложил их на судебную деятельность и с помощью сравнительно-правового анализа выявил основные признаки самостоятельности судебных производств и критерии их разграничения, на основании чего представил собственную типологию судебных производств. Вместе с этим установлены важные факторы общности судебных производств, дающие основания включать их в единую систему уголовного правосудия.

Полученные результаты позволили выдвинуть и обосновать отличающуюся принципиальной новизной *концепцию единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств*, в рамках которой судебно-уголовное производство представляется не монолитным, линейным и однопредметным производством, а системой разнородных, автономных, но взаимосвязанных судебных производств.

К новым результатам, обогащающим науку уголовного процесса и теорию правосудия, можно также отнести: выводы по истории эволюции системы судебных производств в процессе развития российского уголовного правосудия и суждения о тенденциях построения судебных производств в современных системах правосудия зарубежных стран; выводы о структуре деятельности суда

по осуществлению уголовного правосудия; исследование системы судебных решений и проблемы разграничения итоговых и промежуточных решений уголовного суда через призму выдвинутой научной концепции; интерпретацию свойства правосудности и его критериев как качественных характеристик судебного решения; установление соотношения принятия судебного решения с правоприменительным процессом и определение места процесса принятия решения в структуре судебного производства; выявление и раскрытие специфики и недостатков состязательного построения «неосновных» (дополнительных) судебных производств и связанных с ним особенностей познавательно-доказательственной деятельности.

Научная новизна диссертационного исследования выражается также в основных положениях, выносимых на защиту по его результатам.

На защиту выносятся следующие положения:

I. Теоретико–методологическое понятие деятельности по осуществлению уголовного правосудия

1. Представлены авторские интерпретации сущности правосудия и понятия уголовного правосудия:

- правосудие представляет собой сложную, открытую, социально-правовую систему государственно-властной процессуальной деятельности, осуществляемой органами судебной власти, и складывающихся в ходе нее правоотношений, имеющую своим предназначением разрешение в порядке одного из видов судопроизводства правовых споров о действительном или предполагаемом праве;

- ***уголовное правосудие*** есть осуществляемая в форме уголовного судопроизводства деятельность суда по рассмотрению и разрешению на основе права и справедливости уголовных и иных юридических дел (правовых вопросов), отнесенных уголовно-процессуальным законом к ведению судебной власти, в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом правовых интересов.

2. Утверждение автора о том, что деятельность суда по отправлению уголовного правосудия является по своей природе юридической, правоприменительной, а по характеру – познавательной, юрисдикционной, процессуальной, осуществляемой в установленной законом уголовно-процессуальной форме с соблюдением принципов уголовного судопроизводства и гарантий его справедливости. Рассмотрение и разрешение дела судом – две неотъемлемые составляющие уголовного правосудия, для которого характерно диалектическое единство процесса правосудия и его результата.

3. Авторское суждение о целях и задачах уголовного правосудия, согласно которому основные правозащитные цели уголовного правосудия детерминированы общим назначением судебной власти и целями (предназначением) уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), в рамках которого оно осуществляется. *Общими задачами суда* при осуществлении уголовного правосудия являются: 1) рассмотрение и разрешение уголовных дел и различных правовых вопросов, возникающих в ходе уголовного судопроизводства и отнесенных к компетенции суда; 2) обеспечение законности и справедливости осуществляемого судом уголовного производства; 3) создание необходимых условий для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

4. Обоснование вывода о том, что любая процессуальная деятельность уголовного суда, направленная на разрешение входящих в его компетенцию юридических дел и спорных (как материальных, так и процессуальных) правовых вопросов, требующих установления фактических обстоятельств и применения к ним норм права, обладает всеми конструктивными *признаками правосудия*: а) осуществляется судебным органом в установленной законом процессуальной форме; б) предназначена для защиты права; в) по существу представляет собой разрешение социально-правовых конфликтов посредством рассмотрения определенного вида судебных дел; г) имеет правоприменительный характер; д) завершается актом правосудия.

5. Авторский подход к определению структурного построения деятельности по осуществлению уголовного правосудия, которая состоит из *судебных действий и судебных решений* (первичные структурные элементы), *судебных процедур* (вторичные элементы) и *судебных производств* (конечные, элементы).

Судебные действия и решения есть единичные уголовно-процессуальные акты суда, они являются формой и результатом реализации властных полномочий уголовного суда, имеют значение юридических актов. Судебные процедуры образованы совокупностью последовательных, взаимосвязанных, имеющих общую направленность судебных действия и решений и предусмотрены для решения в ходе уголовного производства локальных, промежуточных правовых вопросов.

Под ***судебным производством*** следует понимать обособленную часть уголовно-процессуальной деятельности суда по осуществлению уголовного правосудия, совершаемую при взаимодействии с другими участниками уголовного судопроизводства и представляющую собой структурно определенный и организационно завершенный комплекс судебных процедур и отдельных процессуальных действий, предназначенный для разрешения по существу конкретной разновидности юридических дел (правовых споров), отнесенных к компетенции суда и подлежащих рассмотрению в порядке уголовного судопроизводства.

6. Предложенная автором классификация деятельности суда по осуществлению уголовного правосудия по предметному признаку, по которому *уголовно-процессуальная деятельность суда разделяется на виды* по следующим направлениям (группам): 1) судебный контроль досудебного производства по уголовному делу; 2) рассмотрение и разрешение уголовных дел; 3) рассмотрение вопросов, связанных с исполнением приговора и иных судебных решений; 4) рассмотрение вопросов реабилитации и возмещения вреда, причиненного незаконной процессуальной деятельностью органов уголовной юстиции.

Для каждой разновидности судебной деятельности законом предусмотрен особый вид судебного производства, предназначенный для рассмотрения и

разрешения соответствующих ему судебных дел: судебно-контрольных дел, уголовных дел, дел по вопросам исполнения судебных решений или реабилитационных и компенсационных дел, различающихся по существу спорного правоотношения (конфликта) и содержанию главного правового вопроса, подлежащего разрешению судом.

7. Авторский вывод о том, что деятельность уголовного суда по осуществлению правосудия во всех ее разновидностях характеризуется многофункциональностью. Комплексная функция уголовного правосудия, которую в целом осуществляет суд в уголовном процессе, складывается из таких *уголовно-процессуальных функций суда* (подфункций правосудия) как разрешение дела, контрольная, правоохранная, правовосстановительная, обеспечительная и превентивная – все они в той или иной степени реализуются при рассмотрении любого судебного дела и проявляются в каждом из видов судебных производств.

II. Судебные решения как важнейший элемент системы уголовного правосудия

8. Судебные решения являются главным, ключевым процессуальным средством выражения и реализации судебной власти, представляют собой наиболее важный компонент любого судебного производства и уголовного правосудия в целом, поскольку:

- посредством решений осуществляются наиболее значимые властные полномочия суда, достигаются цели и задачи судопроизводства;

- судебные решения отражают правовую сущность уголовного правосудия, которая состоит не только в процессе рассмотрения судебно-правового спора, но и в юридически значимом результате – законном, эффективном и справедливом урегулировании социально-правового конфликта.

9. Авторская дефиниция судебного решения как элемента системы уголовного правосудия, согласно которой ***судебное решение*** есть вынесенный в установленной законом процессуальной форме правоприменительный акт суда, содержащий основанные на праве и установленных фактических обстоятельствах

дела выводы по рассмотренному в порядке уголовного судопроизводства юридическому делу или отдельному правовому вопросу и вытекающие из этих выводов властные волеизъявления суда о действиях, направленных на достижение целей уголовного правосудия.

10. Авторская интерпретация комплексной качественной характеристики судебного решения в уголовном процессе, каковой является *свойство правосудности*, которое определяется через соответствие судебного решения правовым требованиям законности, обоснованности, мотивированности и справедливости, соблюдение которых обеспечивает надлежащее осуществление уголовного правосудия и достижение его целей по конкретному делу.

Правосудным должно быть каждое решение уголовного суда, но при этом содержательное наполнение требований законности, обоснованности, мотивированности и справедливости различно для разных типов и видов судебных решений и зависит от назначения, функционального характер решения, его относимости к основному вопросу судебного дела, *принадлежности к виду судебного производства*, а также от процессуального порядка принятия решения.

11. Авторский подход к установлению соотношения процедуры принятия судебного решения и акта судебного правоприменения (при их сопоставлении) как формы и содержания единого явления, который позволяет представить рассмотрение конкретного судебного дела в определенной инстанции как объединение взаимосвязанных, последовательно выстроенных единичных микро-правоприменительных актов суда по вспомогательным, текущим вопросам и основного макро-правоприменительного акта, образующих в совокупности правоприменительный цикл, направленный на разрешение главного правового вопроса рассматриваемого дела и индивидуальное урегулирование спорного правоотношения.

Последовательность правоприменительных циклов образует полный и единый правоприменительный процесс, который соответствует целому судебно-уголовному производству по отдельному судебному делу, рассматриваемому в порядке уголовного судопроизводства.

III. Основные положения концепции единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств

12. Утверждение автора, что современная система судебных производств, призванная обеспечить в сфере уголовного судопроизводства полноту судебной власти и реализовать ее правозащитную функцию, сложилась в результате длительного развития, проходившего в соответствии с общими закономерностями общественно-исторического процесса, в русле общеевропейских тенденций, с учетом национально-культурных традиций.

Расширение спектра судебных производств и разнообразия их процессуальных форм – объективный и закономерный процесс развития уголовного правосудия, обусловленный стремлением законодателя модернизировать традиционные формы правосудия, адаптировав их к новым социальным условиям и усложняющимся общественным отношения, и является общепризнанным в международном сообществе трендом.

13. Авторская *концепция единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств*, основанная на вышеприведенных доктринальных представлениях и идеях, может быть представлена в виде совокупности следующих основных, взаимосвязанных теоретических положений:

13.1. Уголовное правосудие в Российской Федерации является сложноорганизованной, интегрированной и динамической правовой системой, основное содержание которой составляет деятельность суда по рассмотрению в порядке уголовного судопроизводства юридических дел и урегулированию лежащих в их основе социально-правовых споров.

13.2. Судебная деятельность по осуществлению уголовного правосудия не ограничивается решением уголовного дела и не укладывается в единое, линейное, ординарное производство, а охватывает рассмотрение любых судебных дел в порядке уголовного судопроизводства и реализуется посредством комплекса взаимосвязанных, разветвленных судебных производств, центральным и системообразующим элементом которого выступает производство по уголовному делу.

13.3. Судебно-уголовное производство как форма деятельности суда по осуществлению уголовного правосудия первоначально делится на типы и виды производств по предметно-целевому принципу, а обособленные таким образом типовые и видовые судебные производства вторично расчленяются на судебные стадии (производства в судебных стадиях) и далее дифференцируются по иным, дополнительным основаниям.

13.4. *Признаками самостоятельности судебного производства*, позволяющими выделить его в отдельную организационно оформленную и процессуально обособленную структурную единицу системы уголовного правосудия, являются: а) наличие специфических целей и задач; б) собственный предмет судебного рассмотрения и соответствующий ему (особенный по содержанию) предмет судебного познания и доказывания; в) процессуальная автономность от других типов производств; г) полистадийность; д) внешняя организационная обособленность и отдельное (от уголовного дела) документальное оформление; е) своеобразная процедура, включающая особые правила подсудности; ж) собственный набор итоговых судебных решений.

13.5. В качестве отдельных типовых судебных производств в современном российском уголовном процессе можно выделить: основное производство по уголовному делу и производные от него судебно-контрольное, судебно-исполнительное и судебно-реабилитационное производства, которые через конкретизацию их предмета дифференцируются на виды и подвиды, каждое из которых предназначено для рассмотрения соответствующего ему типового судебного дела, разрешаемого в порядке уголовного судопроизводства.

13.6. Наряду с типологическими и видовыми различиями судебные производства *сохраняют общность в рамках единой системы уголовного правосудия*, что обусловлено следующими факторами: а) правовой природой, социальным назначением и единством судебной власти, которая реализуется в уголовном процессе посредством этих производств; б) единой аксиологической сущностью и общими целями уголовного правосудия; в) существующими между производствами взаимными связями и действием общих закономерностей их

построения и функционирования; г) тождественностью реализуемых судом процессуальных функций (при своеобразии их проявления в различных типах и видах производств); д) правоприменительным характером судебных производств; е) сходным структурным построением и поэтапным делением судебных производств; ж) единством принципов уголовного правосудия и общих условий судебного разбирательства; з) единообразием основных методов, процессуальных средств и способов рассмотрения и разрешения дела; и) единством регламента и общих процедурных правил проведения судебного заседания; к) наличием в различных судебных производствах унифицированных судебных процедур; л) общими судебно-процессуальными гарантиями соблюдения законности рассмотрения дела и обеспечения прав участников судопроизводства; м) стандартными правилами вынесения судебных решений и едиными для всех производств требованиями правосудности судебных решений; н) общим и в целом единообразным порядком проверки законности и обоснованности принимаемых в судебных производствах решений.

14. Сформулированные автором выводы о единстве и дифференцированности судебных производств подкрепляются суждениями о том, что система решений уголовного суда, являющаяся подсистемой уголовного правосудия, соотносится с системой судебных производств таким образом, что каждому единичному виду судебных производств соответствует необходимый для его успешного осуществления уникальный комплекс судебных решений, включающий в себя специфический набор основных (итоговых) решений суда, специально предназначенных для данного вида производства, и необходимый комплект вспомогательных и дополнительных решений, как универсальных, так и особенных, свойственных только определенному виду производств.

IV. Судебные производства в системе уголовного правосудия

15. Разработанная автором систематизация судебных производств, согласно которой основной тип судебных производств – производство по уголовному делу – в зависимости от характера рассматриваемого дела, определяемого на

основании предметного критерия, подразделяется на следующие виды: 1) производства по обвинению лица в совершении преступления (главы 33–42, 45.1, 46, 47.1,48.1 и 49 УПК РФ) – *производства с обвинением*; 2) производства по ходатайствам о применении принудительных мер медицинского характера (статьи 433–436 УПК РФ) – *производства по применению ПММХ*; 3) производства по ходатайствам о применении к несовершеннолетнему лицу принудительных мер воспитательного воздействия (части 1–2 ст. 427 УПК РФ) – *производства по применению ПМВВ*; 4) производства по ходатайствам о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (статьи 446.1 – 446.2 УПК РФ) – *производства по назначению судебного штрафа*.

Главным, сущностным признаком основных производств является их обусловленность свершившимся или предполагаемым общественно-опасным деянием и вытекающая из этого обстоятельства потребность в установлении: а) факта деяния и всех значимых обстоятельств его совершения; б) причастности к его совершению лица, в отношении которого ведется данное производство. В отличие от других типов судебных производств рассмотрению в суде уголовного дела, как правило, предшествует предварительное (досудебное) производство.

16. Констатация автором состояния системы уголовного правосудия, при котором контрольные, исполнительные и реабилитационные типы судебных производств имеют множество разновидностей и разнообразные процессуальные формы и, в отличие от основных производств, возбуждаются непосредственно в суде путем подачи в судебный орган соответствующего процессуального обращения уполномоченным субъектом, рассматриваются в укороченные сроки и в более упрощенных порядках (отсутствует стадия подготовки к судебному заседанию, упрощена исследовательская часть, прения сторон заменены на однократное выслушивание мнений).

17. Утверждение автора, что существенные особенности «неосновных» судебных производств связаны со спецификой их состязательной конструкции и проявляются в: а) характере и содержании конфликтного правоотношения,

отличного от уголовно-правового отношения, лежащего в основе уголовного дела; б) субъектном составе сторон, не совпадающем с присущим основному производству соотношением «сторона обвинения – сторона защиты»; в) содержании предмета и пределах судебного познания и доказывания; г) своеобразии процесса доказывания и используемых в нем средств доказывания; д) распределении бремени доказывания и степени проявления активности суда; е) привлечении к участию в судебном разбирательстве лиц и органов, не участвующих в основном производстве.

V. Предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства

18. На основании выявленных содержательных особенностей и процедурных недостатков отдельных видов производств по уголовному делу и дополнительных видов судебных производств, в целях приведения их в соответствие с потребностями уголовного правосудия в русле выработанных диссертантом концептуальных положений, предлагаются следующие основные направления по совершенствованию правового регулирования судебных производств:

1) уточнить содержащиеся в статьях 8 и 15 УПК РФ формулировки принципов осуществления правосудия только судом и состязательности сторон соответственно, с тем чтобы указанные принципы недвусмысленно распространяли свое действие не только на производство по уголовному делу, а на все без исключения виды судебных производств, осуществляемых в рамках уголовного процесса;

2) скорректировать правовые понятия итогового и промежуточного судебных решений, закрепленные в УПК РФ, по содержанию и объему охватываемых ими судебных актов: в содержащейся в п. 53.2 ст. 5 УПК РФ дефиниции «итоговые судебные решения» исключить слово «уголовное» или заменить его на «рассматриваемое» и тем самым распространить понятие

итогового судебного решения на все самостоятельные судебные производства, имеющиеся в российском уголовном процессе;

3) более четко и последовательно подчинить судебные производства по ходатайствам органов уголовного преследования о применении принудительных мер воспитательного воздействия, по ходатайствам о назначении судебного штрафа, а также судебно-контрольные, судебно-исполнительные и судебно-реабилитационные производства общим условиям и правилам производства уголовных дел в суде первой инстанции (глава 35 УПК РФ) за изъятиями, объективно вызванными спецификой предмета судебного рассмотрения и интересами разумной процессуальной экономии;

4) установить для уголовных дел с ходатайствами о применении принудительных мер воспитательного воздействия и ходатайствами о назначении судебного штрафа единообразную с иными видами уголовных дел процедуру их направления в суд через прокурора, предусматривающую утверждение им любых итоговых процессуальных документов дознавателя и следователя, лишив последних правомочия прекращать уголовное дело или уголовное преследование по предусмотренному ч. 1 ст. 427 УПК РФ основанию;

5) процедуру судебного рассмотрения уголовных дел о применении принудительных мер воспитательного воздействия и о назначении судебного штрафа следует регламентировать наподобие особого порядка проведения судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (ст. 316 УПК РФ), предусмотрев при этом, что суд, как правило, принимает решение по письменным материалам дела, а судебное следствие с непосредственным исследованием как собранных, так и вновь представляемых сторонами доказательств проводится в случаях, когда достоверность указанных в постановлении следователя (дознавателя) обстоятельств, необходимых для разрешения ходатайства, вызывает сомнение у суда или оспаривается сторонами.

Возможными итоговыми решениями по указанным видам уголовных дел определить: а) постановление об освобождении обвиняемого (подозреваемого) от уголовной ответственности, применении к нему соответствующей меры

уголовно-правового характера: принудительной меры воспитательного воздействия или судебного штрафа; б) постановление об отказе в удовлетворении ходатайства и возвращении уголовного дела прокурору для продолжения предварительного расследования; в) постановление о прекращении уголовного дела по иным не реабилитирующим основаниям, не связанным с применением (назначением) иных мер уголовно-правового характера;

6) упорядочить и конкретизировать в судебно-контрольных, судебно-исполнительных и судебно-реабилитационных производствах (целесообразнее посредством норм общего действия) правовые статусы сторон и других участников судопроизводства, включая прокурора, в соответствии с их истинным ролевым назначением и на началах процессуального равноправия в судебном заседании;

7) произвести в уголовном судопроизводстве унификацию процессуальных средств доказывания, предполагающую распространение системы доказательств, установленных для уголовных дел (ст. 74 УПК РФ), на все иные судебные производства, и в связи с этим ввести в действие нормы (возможно бланкетного характера), определяющие порядок производства в судебном заседании судебно-следственных действий, допустимых для «неосновных» судебных производств (в частности, допрос свидетелей, осмотр вещей и документов, назначение и производство судебной экспертизы);

8) исключить из предмета судебно-исполнительных производств вопросы, предусмотренные пунктами 11, 12 и 15 ст. 397 УПК РФ, включив их рассмотрение в основное судебное производство в качестве дополнительной, факультативной процедуры, применяемой при необходимости исправления, уточнения или дополнения итогового судебного решения по рассмотренному делу, для чего учредить в уголовном судопроизводстве *институт дополнительных судебных решений*, аналогичный действующим в других формах российского судопроизводства (конституционном, гражданском и административном).

Теоретическая значимость работы обусловлена разработкой и внедрением в отечественную науку уголовно-процессуального права совокупности новых знаний о многогранной процессуальной деятельности суда по осуществлению уголовного правосудия.

Комплекс разработанных теоретических положений, объединенных в концепцию единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств, обогащает сложившуюся в процессуальной науке доктрину уголовно-процессуальных производств и задает новое направление (парадигму) в развитии теории уголовного правосудия.

Результаты научной работы могут быть использованы для дальнейших теоретических и прикладных исследований различных направлений (видов) уголовно-процессуальной деятельности суда, разработки широкого круга проблем уголовного правосудия, включая вопросы эффективного построения конкретных видов судебных производств и совершенствования механизма принятия судебных решений, а также экстраполированы на соответствующие проблемные сферы наук гражданского процессуального и административно-процессуального права.

Практическая значимость исследования состоит в том, что сформулированные и обоснованные по его результатам теоретические положения, выводы и предложения позволяют наметить направления и способы совершенствования различных видов судебных производств, выработать на этой основе конкретные рекомендации и предложения по изменению и дополнению действующего уголовно-процессуального закона в целях их оптимизации и повышения эффективности уголовного правосудия.

Результаты исследования могут быть также использованы для корректировки и совершенствования судебной практики, при подготовке учебной, методической и научной литературы, в учебном процессе образовательных учреждений юридического профиля при преподавании дисциплин уголовно-правового цикла, а также в системе обучения и повышения квалификации судей и служащих аппаратов судов, прокуроров, адвокатов и работников органов расследования.

Достоверность результатов исследования, их апробация и внедрение. Достоверность результатов проведенного исследования обеспечена обширной правовой базой, научно обоснованной методикой исследования, использованием разнообразного и качественного научного и эмпирического материала, достаточной апробацией полученных результатов, которая осуществлена по следующим направлениям.

Результаты диссертационного исследования доложены и обсуждены на заседаниях кафедры процессуального права и криминалистики и кафедры уголовного права Волгоградского государственного университета, где получили положительную оценку.

Основные положения, выводы и предложения, содержащиеся в диссертации, отражены в 80 публикациях (общим объемом 158,5 п.л.), в том числе в 2 монографиях, 73 научных статьях, из них 24 – в периодических изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки Российской Федерации, а также в 4 учебных изданиях.

Теоретические и эмпирические результаты исследования в течение 2011–2022 гг. были представлены и обсуждены на 36 международных и 31 всероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях, форумах и круглых столах, проходивших в ведущих юридических вузах страны, расположенных в 17 регионах России: Москве, Санкт-Петербурге, Архангельске, Барнауле, Брянске, Волгограде, Иркутске, Казани, Краснодаре, Курске, Нижнем Новгороде, Омске, Оренбурге, Саратове, Симферополе, Томске, Челябинске, а также в ряде зарубежных стран: Республике Беларусь (Минск, Гомель), Казахстане (Астана), Таджикистане (Душанбе), Норвегии (Тромсе).

Результаты диссертационного исследования внедрены в практическую деятельность судов Республики Бурятия, Архангельской и Волгоградской областей, Ненецкого автономного округа, в деятельность Управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ в Архангельской области и Ненецком автономном округе, а также Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, апробированы соискателем в ходе занятий с судьями, помощниками

судей и секретарями судебных заседаний судебных органов Архангельской области по программам повышения квалификации судей и работников аппаратов судов.

Основные теоретические положения диссертации внедрены в учебный процесс и научно-исследовательскую деятельность высшей школы экономики, управления и права (ранее – юридического института) Северного Арктического федерального университета им М. В. Ломоносова, института права Волгоградского государственного университета, юридического факультета Юго-Западного государственного университета, Омской академии МВД России и Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Структура и объем работы обусловлены целями и задачами исследования. Диссертация разделена на два тома, состоит из введения, пяти глав, содержащих девятнадцать параграфов, заключения, списка сокращений, списка использованных источников, списка иллюстративного материала и двух приложений.

ГЛАВА 1. СИСТЕМА УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

§ 1. Современные научные представления о сущности и признаках уголовного правосудия

Правосудие – неотъемлемый атрибут и функция государства, важное социально-политическое и правовое явление современной общественной жизни, представляющее собой в самом широком смысле комплексную, многосложную и интегрированную систему правоприменительной и организационной деятельности органов судебной власти, других государственных органов, действий подвластных субъектов права и их правовых взаимоотношений.

Современная система правосудия, как она видится, включает в себя следующие компоненты: а) назначение (цели) правосудия – индивидуально-правовое урегулирование социально-правовых конфликтов и судебная защита индивидуальных прав, публичных интересов и общественного правопорядка; б) объект (на что направлено правосудие) – материальные и нематериальные блага, индивидуальные и общественные потребности, права и законные интересы, общественные отношения и поведение (действия) его участников; в) предмет правосудия – материально-правовые споры, процессуальные конфликты и иные правовые вопросы, подлежащие разрешению судом; г) субъекты правосудия – судьи и органы судебной власти; д) процессуальная деятельность суда по осуществлению различных видов правосудия; е) организационно-распорядительная, обеспечительная и иная сопутствующая правосудию непроцессуальная деятельность органов судебной власти, направленная на создание необходимых условий для своевременного, качественного и

эффективного отправления правосудия; ж) деятельность иных лиц, участвующих в судебных производствах (должностных лиц государственных органов, физических и юридических лиц и их представителей); з) правовые основы построения и функционирования системы – конституционные, международно-правовые и общепризнанные принципы правосудия, правовые стандарты его осуществления; и) внутрисистемные процессуально-организационные связи между субъектами и участниками правосудия (правоотношения между органами судебной власти разных уровней и различной компетенции, между субъектами правосудия (судами) и иными участниками судопроизводства), между деятельностью субъекта правосудия и действиями участников судопроизводства, а также закономерности их взаимодействия и взаимного влияния друг на друга и на функционирование системы правосудия в целом; к) связи и взаимодействие с внешней социальной средой – воздействие правосудия на окружающую правовую действительность и зависимость его от внешних правовых, информационных, политических, социально-экономических, культурных, мировоззренческих и прочих факторов.

Как часть, разновидность правоохранительной деятельности государства[1] правосудие направленно непосредственно на разрешение социально-правовых

[1] Здесь необходимо уточнить, что правосудие может считаться частью (разновидностью) правоохранительной деятельности при условии ее рассмотрения в самом широком значении, когда под правоохранительной деятельностью государства понимается форма осуществления государственных функций посредством властной работы государственных органов по охране норм права от нарушений, защите предоставленных субъективных прав и обеспечению выполнения юридических обязанностей (Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах / Отв. ред. М. Н. Марченко. Т. 1. Теория государства. М.: Зерцало, 2000. С. 210). Охраняя нормы права, правосудие тем самым охраняет от нарушений именно то содержание и направление в развитии общественных отношений, которое нашло свое юридическое закрепление и оформление в нормах права (Добровольская Т. Н. Советское правосудие на современном этапе развернутого строительства коммунизма: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1965. С. 4).

На современном этапе суд, безусловно, является правоохранительным органом и занимает центральное место в правоохранительной системе Российской Федерации, которая включает совокупность как государственных органов, так и негосударственных организаций, призванных обеспечивать защиту прав и свобод личности, правопорядок в целом. Но при этом суд никоим образом не относится к так называемым органам борьбы с преступлениями и иными правонарушениями, образующим «силовую» подсистему правоохранительных органов. Сущность судебной деятельности заключается не в борьбе с преступностью, а в защите права в

споров и конфликтов, объективированных и оформленных в юридическое дело, а в целом – на охрану норм права от нарушений, на обеспечение посредством судебной защиты прав и свобод человека и гражданина, сохранения в стране режима законности и верховенства права.

Правосудие есть сфера приложения, исключительная прерогатива и зона ответственности судебной власти, основной способ ее реализации. Правосудие осуществляется в форме различных видов судопроизводства: конституционного, гражданского, уголовного, административного (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ). Соответственно уголовным правосудием можно считать ту разновидность правосудия, которая совершается в рамках и формах уголовного процесса.

Уголовное правосудие в свою очередь также предстает в виде сложной, многофункциональной социальной системы, но, будучи связано с иными видами правосудия единством судебной власти и системы судебных органов, общностью целей и задач, общими конституционными принципами судоустройства и осуществления правосудия, оно остается подсистемой российского правосудия, являющегося в целом системным объектом более высокого порядка.

Центральным, основополагающим элементом системы уголовного правосудия, *правосудием в непосредственном смысле* является деятельность суда по его осуществлению. При рассмотрении и разрешении любых юридических дел в правоотношения с судом вступают лица, имеющие свой интерес в деле или отстаивающие интересы других субъектов, а также лица, содействующие осуществлению правосудия – все они «действуют для суда и под контролем суда», и «их деятельность, хотя и является необходимым условием правосудия, однако им не охватывается»[1]. Кроме того, правосудие, понимаемое как разбирательство и разрешение спора о действительном или предполагаемом праве, реализуется не на всех этапах уголовного судопроизводства и не

широком смысле этого понятия и в обеспечении режима правопорядка посредством правосудия (см.: Бурмагин С. В. Уголовный суд России. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 16–19; Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации / под. ред. В. М. Бозрова. М.: Юстиция, 2017. С. 53–54).

[1] Бибило В. Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве. Минск: Право и экономика, 2001. С. 73.

охватывает всю уголовно-процессуальную деятельность, часть которой (и весьма значительную) выполняют иные государственно-властные субъекты – должностные лица органов дознания, следствия и прокуратуры, осуществляющие предварительное, досудебное производство по уголовному делу. Поэтому уголовное правосудие не следует отождествлять, как это делают некоторые авторы[1], со всем уголовным судопроизводством.

Не ставя глобальной задачи полного и всестороннего изучения всей системы уголовного правосудия и освещения всех аспектов ее функционирования, главное внимание в настоящем диссертационном исследовании уделяется именно судебной деятельности по осуществлению правосудия, поскольку раскрытие и научное обоснование основных ее компонентов и характеристик являются необходимыми доктринальными и методологическими предпосылками успешного исследования основного предмета авторских изысканий – судебных производств в уголовном процессе – и построения на его результатах концепции их единства и дифференциации. Другие же элементы системы правосудия, в частности, деятельность суда по организации и обеспечению правосудия, а также деятельность иных субъектов уголовного процесса будут затрагиваться нами постольку, поскольку это будет необходимо для освещения основных вопросов диссертации.

Переходя непосредственно к исследованию понятия уголовного правосудия, необходимо отметить, что категория «правосудие» имеет межотраслевой характер и в виду своей многоаспектности и важности как в теоретико-доктринальном, так и в методологическом плане является предметом длительного изучения сразу нескольких отраслей юридической науки: теории государства и права, конституционного (государственного) права, теории судебной власти, процессуальных и других наук, но, как отмечают многие правоведы, по-прежнему понимается весьма неоднозначно.

---

[1] Чельцов М. А. Советский уголовный процесс: учебник. М.: Госюриздат, 1962. С. 14; Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. М.: Проспект, 2003. С. 24.

В научной и учебной литературе правосудие признается разновидностью государственной правоохранительной деятельности[1], формой деятельности[2] или особой функцией государства[3]; рассматривается и как форма (способ) реализации судебной власти[4], и как функция[5] или исключительная компетенция[6] судебной власти, и как ее правовое содержание[7]; определяется как правоприменительная деятельность суда[8] и как результат этой деятельности[9]; воспринимается и как суждение суда о праве, о правах и обязанностях[10], как право «судить по правде, по закону, по совести»[11], как «праведное судейство»[12]. Правосудие представляют одновременно в качестве социально-правового феномена, совокупности государственных правовых гарантий прав и свобод человека и гражданина,

---

[1] Фурсов Д. А., Харламова И. В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Т. 1. Теория и практика организации правосудия. М.: Статут, 2009. С. 114.

[2] Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В. М. Сырых. М.: РАП, 2008. С. 323; Колоколов Н. А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М.: Юрист, 2010. С. 117.

[3] Петрухин И. Л. Правосудие в системе государственных функций // Известия вузов. Правоведение. 1983. № 3. С. 36 – 43; Судебная система России: учеб. пособие / В. В. Ершов, Н. В. Радутная, О. Н. Ведерникова [и др.]. М.: Дело, 2001. С. 24.

[4] Уголовный процесс: учебник / под ред. В. А. Лазаревой. М.: Юстиция, 2015. С. 22–23; Рябинина Т. К. Особенности реализации судебной власти в стадии назначения судебного заседания: прошлое и настоящее: монография. М. Юрлитинформ, 2016. С. 23.

[5] Бурдина Е. В. Судебная власть в Российской Федерации: учебник. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2006. С. 60; Семенцов В. А. Судебная власть: понятие и основные признаки // Актуальные проблемы судебной власти, прокурорского надзора, правоохранительной и адвокатской деятельности: сб. науч. статей / под ред. О. В. Гладышевой, В. А. Семенцова. Краснодар: Просвещение-Юг, 2010. С. 5–9.

[6] Шевцов В. С. Право и судебная власть в Российской Федерации. М.: Профобразование, 2003. С. 186.

[7] Воскобитова Л. А. Теоретические основы судебной власти: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 40.

[8] Рафиков Р. В. Судебное правоприменение: теоретико-правовой анализ: автореф. … дис. канд. юрид. наук. Н.-Новгород, 2006. С. 13; Правоохранительные органы: учебник / отв. ред. Ю. К. Орлов. М.: Проспект, 2010. С. 44. Правосудие в современном мире: монография / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 59.

[9] Дегтярёв С. Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве (теоретико-прикладные проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 27.

[10] Правоохранительные органы Российской Федерации: учебник / под ред. В. М. Семенова, В. А. Байдукова. М.: Норма, 2008. С. 24.

[11] Рябинина Т. К. Особенности реализации судебной власти в стадии назначения судебного заседания... С. 20.

[12] Бозров В. М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть: монография. Екатеринбург: Уральская гос. юрид. акад., 2012. С. 50.

средства сохранения и восстановления социального мира[1], называют основным правозащитным механизмом[2], считают основной, наиболее важной составной частью судопроизводства[3], а иногда и отождествляют с ним[4].

По мнению профессора Ю. А. Тихомирова, каждая из многочисленных характеристик правосудия «верна постольку, поскольку акцентирует одну из граней данного явления»[5]. Действительно, большинство определений правосудия не конкурируют, а взаимно дополняют друг друга, так как демонстрируют различные подходы к пониманию сущности и назначения правосудия, сложной взаимосвязи данного понятия с понятием судебной власти, вскрывают его различные смыслы и аспекты. Их разноплановость подтверждает, что категория «правосудие» наделена множеством вполне обоснованных значений, имеющих право на существование и обогащающих научное представление об этом сложном явлении. Поэтому для корректного сопоставления различных взглядов и точек зрения на существо и содержание правосудия необходимо прежде всего учитывать разницу смыслов, вкладываемых в ту или иную характеристику правосудия, и каждый раз принимать во внимание, в каком аспекте исследуется это понятие, с какой стороны подошел к нему автор. В то же время в науке, безусловно, имеются и принципиальные разногласия в понимании природы судебной власти, ее функций и способов реализации, также влияющие на раскрытие сущности и содержания правосудия.

Методологическая роль точного определения понятия правосудия, как ее верно обозначает в своем диссертационном исследовании И. Ю. Носков[6], состоит в том, что оно лежит в основе определения ряда других научных понятий

---

[1] Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистров / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. М.: Юрайт, 2013. С. 292, 300 – 301.

[2] Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под. ред. Т. Г. Морщаковой. М.: Мысль, 2012. С. 11.

[3] Судебная власть и правосудие в Российской Федерации: курс лекций / под ред. В. В. Ершова. М.: РАП, 2011. С. 446.

[4] Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. С. 24.

[5] Правосудие в современном мире. С. 42 (автор гл. 3 «Правосудие в механизме правоприменения» — Ю. А. Тихомиров).

[6] Носков И. Ю. Судебная деятельность: понятие, виды, основные характеристики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 45.

(«судебная власть», «функции судебной власти», «судебная деятельность», «судебный контроль» и др.), востребованных теориями судебной власти и правосудия, и позволяет противопоставить истинное правосудие отступлению от него, отграничить правосудие от его суррогатов. Данный автор справедливо замечает, что, «несмотря на важную методологическую роль понятия «правосудие», его определения нет ни в одном из нормативных правовых актов, имеющих отношение к судебной власти в нашей стране и к ее деятельности»[1].

Проблема понимания сущности и содержания правосудия, на наш взгляд, наиболее актуальна применительно к уголовному судопроизводству. Это обусловлено тем, что в данной сфере реализации судебной власти помимо судебной широко представлена деятельность других властных субъектов и потому велика потребность четкого понимания роли суда в уголовном процессе, значения его процессуальной деятельности и отмежевания последней от правоприменительной деятельности иных правоохранительных органов.

Сама деятельность российского суда на различных стадиях уголовного процесса весьма разнообразна и не укладывается в узкие рамки так называемого классического понимания правосудия, а требует глубокого осмысления с позиции назначения и функционирования судебной власти. Раскрытие сущности и содержания правосудия в свою очередь позволяет правильно соотнести с этим явлением различные виды (направления) деятельности органов судебной власти, установить назначение и взаимосвязь уголовных производств, осуществляемых судом, а также определить место и роль различных судебных решений в общем механизме уголовного правосудия.

Кроме того, вопрос о границах правосудия значим не для одной лишь процессуальной науки, он «далеко не риторический и вызван не только заботой о чистоте теории», «в нем заложен сугубо практический интерес, а именно: забота о границах процессуальной независимости суда (судей)»[2]. Помимо решения

---

[1] Там же.

[2] Бозров В. М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России: Теоретические, процессуальные, криминалистические, этиологические и организационные аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 18.

проблемы действия в уголовном процессе принципа независимости судей точное определение сферы уголовного правосудия необходимо и для адекватного применения в судебной деятельности всех иных конституционных и общепризнанных принципов и стандартов правосудия, для правильного понимания (прежде всего судьями как носителями судебной власти) смысла и значения того или иного вида или части осуществляемой в уголовном процессе деятельности, существа и последствий принимаемых решений. О недостатке такого понимания свидетельствуют результаты проведенного диссертантом опроса практикующих в сфере уголовного судопроизводства юристов, которые показали, что определенная часть практических работников, в том числе судей, не имеют твердых и последовательных взглядов относительного того, какую деятельность суда охватывает уголовное правосудие и какие ее виды завершаются актом правосудия (*см. приложение № 2*)[1].

Между тем осознание правосудного характера своей деятельности, значимости заключительного (итогового) решения по каждому судебному производству как неотъемлемого элемента механизма реализации судебной защиты способствует закреплению у судей ответственного отношения к рассмотрению не только уголовных дел, но и любых иных дел и правовых вопросов, как предшествующих судебному разбирательству по уголовному делу, так и следующих за ним, исключает ложную оценку этих полномочий суда как неких второстепенных, выходящих за рамки правосудия.

Подробный и обстоятельный анализ различных характеристик, смыслов и дефиниций правосудия неоднократно проводился в многочисленных научных исследованиях и публикациях[2], присутствует и в некоторых работах соискателя,

---

[1] Полученные в ходе анкетирования данные анализируются автором далее по тексту.

[2] См., напр.: Чарыев М. Р. Правосудие — как одна из основных функций судебной власти в современной России // Российский судья. 2000. № 4. С. 6–9; Попов В. Ф. Судебное следствие в системе уголовно-процессуальной деятельности: понятие, значение, сущность и содержание // Российский судья. 2000. № 4. С. 39–47; Мядзелец О. А. Судебный контроль за досудебным производством как форма (способ) осуществления правосудия в сфере уголовного судопроизводства // Российский судья. 2008. № 11. С. 4–9; Фурсов Д. А., Харламова И. В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении... Т. 1. С. 105–130; Прокудина Л. А. Правосудие как способ разрешения правового конфликта // Российский судья. 2010. № 8. С. 3–

посвященных проблематике деятельности уголовного суда[1], что избавляет автора от необходимости подробного воспроизведения его в настоящей работе и позволяет, используя обобщенные данные, сконцентрироваться на сформулированных в отечественной теории правосудия главных, существенных признаках (свойствах) правосудия[2], отграничивающих его от иной юридической деятельности.

Базовая смысловая характеристика правосудия, присутствующая во всех научных определениях, заключается в том, что правосудие есть деятельность судебных органов, или судебная деятельность. С этим утверждением нельзя не согласиться, имея в виду конституционный принцип осуществления правосудия в Российской Федерации только судом (ч. 1 ст. 118 Конституции РФ). При этом правосудием может признаваться не вся и не любая деятельность органов

7; Мельников В. Ю. Понятие правосудия и судебного контроля в досудебном производстве // Администратор суда. 2012. № 2. С. 5–10; Адильшаев Э. А., Жеребятьев И. В., Шамардин А. А. Судебное санкционирование как форма реализации правосудия в уголовном судопроизводстве России: монография. Оренбург: ИПК «Университет», 2013. С. 133–165; Рябинина Т. К. Особенности реализации судебной власти в стадии назначения судебного заседания. С. 6–25; Носков И. Ю. Судебная деятельность: понятие, виды, основные характеристики. С. 45–74; Банников И. А. Принцип осуществления правосудия только судом в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 64–87; Ершов В. В. Регулирование правоотношений: Монография. М.: РГУП, 2020. С. 308–312.

[1] Бурмагин С. В.: 1) Роль и правовое положение суда в современном российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Т. 1. Владимир, 2009. С. 76–80; 2) Уголовный суд России. С. 89–92.

[2] См.: Правосудие в современном мире: монография / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. С. 43–44; Гуценко К. Ф., Ковалев М. А. Правоохранительные органы: Учебник / Под ред. К. Ф. Гуценко. М.: Зерцало, 1999. С. 60; Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: монография. Н.-Новгород, 2002. С. 34–35; Гуськова А. П., Шамардин А. А. Правоохранительные органы: Учебник. М.: Юрист, 2005. С. 61–62; Мамина О. И. Правосудие в механизме правового государства: концепции и реальность: автореф. дис. канд. юрид. наук. Тамбов, 2007. С. 9; Фурсов Д. А., Харламова И. В. Теория правосудия ... Т. 1. С. 114–116; Прокудина Л. А. Соотношение понятий «деятельность суда» и «отправление правосудия» // Право. 2010. № 3. С. 48. Адильшаев Э. А., Жеребятьев И. В., Шамардин А. А. Судебное санкционирование как форма реализации правосудия в уголовном судопроизводстве России. С. 142–143; Ершов В. В. Правосудие, правопонимание и правотворчество в условиях глобализации с позиции легизма и «широкого» понимания права // Российское правосудие. 2011. № 12. С. 5–16; Николюк В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения: монография. Орел: ОрЮИ МВД России, 2015. С.66–67; Белоусов А. Е., Басова О. О. О понятии правосудия по уголовным делам // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2015. № 2. С. 191–192; Панкова О. В. Правосудие в современной России: понятие и признаки // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 4. С. 527–546.

судебной власти, на чем также неоднократно акцентировали внимание различные авторы[1], а только правоприменительная деятельность, которая протекает в форме и рамках одного из видов судопроизводства, установленных ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, иными словами – процессуальная деятельность суда. Этот процедурный аспект является другой важной общепризнанной характеристикой правосудия.

Суть деятельности по осуществлению правосудия (главный ее признак) заключается в разбирательстве различного рода юридических дел и правовых вопросов, отнесенных к компетенции суда, на основе применения норм права в целях разрешения, урегулирования социально-правовых конфликтов (споров) и защиты права в самом широком смысле этого слова[2]. Под юридическим делом в данном контексте, согласно общеправовой теории, следует понимать «жизненный случай, в отношении которого осуществляются правоприменительные действия, т. е. жизненная ситуация, которая не только нуждается в юридическом рассмотрении и, следовательно, уже получила оценку как юридическая, но и фактически стала предметом юридических действий со стороны правоприменительного органа»[3]. Становясь предметом судебного рассмотрения (судебного производства), юридическое дело переходит в разряд судебных. К правосудию таким образом относится весь спектр деятельности по разрешению правовых споров (конфликтов), выполняемой органами судебной власти в целях защиты прав и охраняемых законом интересов граждан, организаций и государства.

---

[1] Одно из последних исследований по данному вопросу – Носков И. Ю. Судебная деятельность: понятие, виды, основные характеристики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 7–10, 51–52.

[2] См.: Лебедев В. М. Современная российская модель правосудия // Российское правосудие. 2012. Специальный выпуск журнала «К VIII Всероссийскому съезду судей». С. 22; Гражданское процессуальное право: Учебник / Под ред. М. С. Шакарян. М.: Проспект: Велби, 2004. С. 38; Ершов В. В. Право и правосудие как парные категории // Российское правосудие. 2014. № 1. С. 16–17; Суд и правоохранительные органы / под общ. ред. В. В. Ершова. М. Юрайт, 2014. С. 62–64.

[3] Алексеев С. С. Общая теория права: Курс в 2-х т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. С. 328.

Разбирательство судебных дел и разрешение правовых споров, как и любая иная целенаправленная и упорядоченная деятельность, должны завершаться вполне определенным результатом – актом правосудия, т. е. таким результирующим решением суда, в котором рассматриваемое дело (спорный правовой вопрос) разрешается по существу и которое имеет общеобязательный характер, обеспеченный силой государственного принуждения. Последний признак – наличие судебного решения по существу дела – характеризует правосудие не только в процедурном аспекте, обозначая завершающий этап деятельности суда, но и в качественном отношении с точки зрения результата, итога этой деятельности.

Правосудие, если исходить из этимологии данного слова, есть право суда судить: судить о сущности правового спора (о том, кто прав) и судить о праве, о его содержании. Но не просто судить в смысле «рассуждать» – размышлять и рассуждать о праве может кто угодно, а судить в значении «рассудить», т. е. принять в установленном порядке и форме волевое решение, которым «рассуждению» придается официальный, властный характер и сила закона. Поэтому акты правосудия имеют особое значение в правоприменении. Помимо формального разрешения социальных конфликтов и спорных правовых вопросов (до известных пределов это свойственно и актам иных органов власти) акты правосудия упорядочивают спорные правоотношения заинтересованных субъектов права окончательно и отличаются от правоприменительных актов иных органов власти исключительностью, общеобязательностью, преюдициальностью и неопровержимостью[1]. Но главное – они отражают не формальное следование предписаниям закона, а достижение глубинного понимания истинного смысла права, способны и должны воплощать в себе не только букву, но и дух закона, устранять дефектное правовое состояние в сочетании с реализацией требований справедливости и эффективного восстановления нарушенного права.

[1] Подробнее об указанных свойствах судебных решений см. § 1 третьей главы.

Отсюда следует, что «правосудие есть нечто большее, чем просто деятельность суда, пусть даже в строго определенной процессуальной форме»[1]. Правосудие – справедливое применение права[2], оно должно служить торжеству и верховенству права. Поэтому автор настоящей работы солидарен с позицией ученых, считающих, что сущностным свойством (признаком) правосудия, без которого правосудие перестает быть самим собой и превращается в нечто иное, является соответствие судебной деятельности требованию справедливости[3], и что сущность (смысловое значение) понятия правосудия определяет не только процедура, но и справедливое разрешение судом любого правового вопроса[4]. В этом смысле правосудие должно не только осуществляться, но и состояться, свершиться.

Приложив общие, характерные правосудию свойства к сфере уголовно-процессуальных отношений, можем перейти к определению понятия и конкретизации признаков уголовного правосудия. В результате такой мыслительной операции существенные и неотъемлемые ***признаки уголовного правосудия*** предстают в следующем виде:

1) уголовное правосудие – это разновидность государственно-властной деятельности, осуществляемая судом;

2) ее назначением является защита права, которая конкретизирована в целях уголовного судопроизводства и вытекающих из них задачах суда;

3) суть этой деятельности сводится к разрешению поставленного перед уголовным судом материального или процессуального правового вопроса и

---

[1] Бозров В. М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России … С. 17.

[2] Алексеев С. С. Философия права: История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. М.: Норма, 1997. С. 56.

[3] Дикарев И. С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2016. С. 247.

[4] См.: Шамардин А. А. К вопросу о формах осуществления судебной власти // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Международ. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 27-28 января 2005 г.). Ч. 2. Екатеринбург, 2005. С. 398; Рябинина Т. К. Особенности реализации судебной власти в стадии назначения судебного заседания. С. 20; Даровских С. М. Формирование правовых позиций – форма реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве // Современные проблемы судебного права / отв. ред. А. П. Гуськова. Оренбург, 2012. С. 83.

урегулированию обусловленного им социально-правового конфликта (спора о праве) посредством рассмотрения уголовных и иных судебных дел, отнесенных уголовно-процессуальным законом к компетенции суда;

4) деятельность по отправлению правосудия проходит в установленной законом уголовно-процессуальной форме состязательного (как правило) разбирательства дела в судебном заседании с соблюдением принципов уголовного судопроизводства и гарантий его справедливости;

5) по своему характеру она является правоприменительной деятельностью, в процессе которой к исследуемой судом правовой ситуации применяются нормы материального или процессуального права;

6) завершается эта деятельность актом правосудия – приговором или иным судебным решением, разрешающим юридическое дело по существу поставленного перед судом вопроса и общеобязательная сила которого подкреплена возможностью государственного принуждения.

Важно подчеркнуть обязательность всех этих признаков. Отдельные из них свойственны не только правосудию, но и иной государственной деятельности, и только присутствие в исследуемой юридической деятельности всех указанных характеристик в совокупности позволяет констатировать, что мы имеем дело с правосудием.

Исходя из вышеперечисленных признаков, **уголовное правосудие** можно определить как *протекающую в уголовном процессе, т. е. в форме уголовного судопроизводства, деятельность суда по рассмотрению и разрешению на основе права и справедливости уголовных и иных судебных дел (правовых вопросов), отнесенных уголовно-процессуальным законом к компетенции суда, в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом правовых интересов*.

Соответственно под уголовным судом следует понимать любой суд, осуществляющий уголовное правосудие (п. 48 ст. 5 УПК РФ). Более конкретно,

уголовный суд – совокупность судебных органов[1], действующих в уголовном процессе и наделенных властными полномочиями по рассмотрению уголовных дел и разрешению иных правовых вопросов, возникающих на различных стадиях и этапах уголовного процесса и отнесенных законом к ведению судебной власти.

Сообразно двум ключевым значениям правосудия как исключительной деятельности судебных органов по разрешению правовых конфликтов и как результата этой деятельности[2], правосудие воплощается в уголовно-процессуальной деятельности суда в двух взаимосвязанных аспектах: как юридический, судебный процесс (суд рассматривает, разбирает дело) и как конечный итог этого процесса (суд разрешил дело по существу).

Рассмотрение и разрешение дела судом – две составляющие правосудия. Ожидаемый от правосудия результат – справедливое разрешение правового конфликта и эффективное восстановление нарушенного права – не достижим без предшествующего разбирательства дела, в ходе которого устанавливаются фактические и юридические основания для принятия конечного решения. В то же время само по себе рассмотрение дела было бы лишено всякого смысла без его логического завершения – принятия судом итогового решения, разрешающего основной вопрос судебного дела. Цели уголовного правосудия воплощаются именно в судебном решении, объективирующем в себе в концентрированном виде процесс и результаты правосудной деятельности. Такое понимание диалектического единства процесса и результата правосудия важно не только для правильного обозначения сферы его действия с формальной стороны, но и для уяснения сути и правового значения процессуальной деятельности уголовного

---

[1] На данный момент, в соответствии с Федеральным конституционным законом от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в редакции от 16.04.2022 г.) и статьями 30 – 31 УПК РФ, к судебным органам, компетентным вершить уголовное правосудие, относятся все суды общей юрисдикции: мировые судьи, военные суды, районные суды, верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции, а также Верховный Суд РФ.

[2] См.: Дегтярев С. А. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве (теоретико-прикладные проблемы): автореф. … дис. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 27; Рябинина Т. К. Особенности реализации судебной власти в стадии назначения судебного заседания. С. 22.

суда, предшествующей вынесению заключительного решения, для познания истинного механизма принятия судебных решений, определения его составных компонентов и их взаимосвязей.

В развитие идеи единства двух смысловых значений правосудия следует обратиться к неоднозначно решаемой в отечественной науке проблеме пределов (границ) правосудия, имеющей межотраслевой, комплексный характер[1] и включающей в себя два аспекта: а) *предметный*, определяющий содержательную сферу правосудия и указывающий, разрешение каких собственно правовых вопросов следует относить к предмету правосудной деятельности суда (данный аспект в приложении к уголовному судопроизводству освещается в следующем разделе работы); и б) *процедурный*, касающийся установления начала и окончания процесса правосудия, включения в него или исключения определенных этапов, конкретных судебных действий.

Если воспринимать правосудие только как заключительный этап процессуальный деятельности суда, связанный исключительно с вынесением решения, тогда вся предшествующая подготовительная, обеспечительная деятельность и действия суда на предшествующих этапах и в ходе судебного разбирательства, включая принятие многочисленных процедурно-промежуточных решений, выпадет из понятия правосудия.

Подобного взгляда придерживаются З. З. Зинатуллин и Т. З. Зинатуллин, полагающие, что «правосудие нельзя низводить до уровня решения вопросов о назначении судебного заседания, о вызове в судебное разбирательство тех или иных лиц, о принятии мер к обеспечению возможной конфискации имущества, о

[1] Проблема определения пределов правосудия актуальна не только для науки уголовного процесса, она так же остро стоит применительно и к другим видам правосудия: гражданского, арбитражного, административного (См.: Загайнова С. К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 36–39; Жилин Г. А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография. М.: Проспект, 2010. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Прокудина Л. А. Соотношение понятий «деятельность суда» и «отправление правосудия» // Право. 2010. № 3. С. 43–59; Носков И. Ю. Судебная деятельность: понятие, виды, основные характеристики. С. 69–72; Панкова О. В. Правосудие в современной России: понятие и признаки. С. 531–534).

законности и обоснованности ареста и т. д.»[1]. Схожую позицию занимает Т. Н. Добровольская, которая хотя и рассматривает правосудие «как процесс, а не только как само вынесение решения по делу», но при этом считает, что этот процесс «начинается лишь с рассмотрения дела в судебном заседании по первой инстанции»[2]. Такой подход представляется ошибочным сразу с нескольких позиций.

Во-первых, осуществление правосудия по конкретному делу – не однократное действие (акт), а сложный, неразрывный правоприменительный процесс, состоящий из нескольких этапов (стадий)[3]. С точки зрения применения права рассмотрение и разрешение судебного дела выглядит как цепь последовательных и взаимосвязанных правоприменительных актов (последующие обусловлены предыдущими), объединенных в единый правоприменительный цикл. В этой связи выдающийся советско-российский теоретик права, член-корреспондент АН СССР и Российской академии наук, профессор С. С. Алексеев отмечал, что правоприменительная деятельность представляет собой систему разнородных правоприменительных действий основного и вспомогательного характера[4].

Если мысленно вычленить из судебного процесса единичные акты применения права (назначение судебного заседания, наложение ареста на

---

[1] Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. Правосудие, его содержание и формы реализации по уголовным делам // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве: сб. науч. ст. / под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль: Изд-во Ярославского гос. ун-та, 2000. С. 152–155.

[2] Добровольская Т. Н. Советское правосудие на современном этапе развернутого строительства коммунизма … С. 8.

[3] При наличии в теории права разных мнений о количестве и последовательности этапов правоприменительной деятельности по меньшей мере три из них считаются основными и общепризнанными: 1) установление фактической основы дела; 2) установление юридической основы дела; 3) принятие решения (См.: Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960. С. 223; Лазарев В. В. Применение советского права. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. С. 39; Дюрягин И. Я. Применение норм советского права: теоретические вопросы. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973. С. 51; Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. М., 1982, С. 330; Воскобитова Л. А. Правоприменительная природа принятия решений // Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / отв. ред. Л. М. Масленникова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. С. 77).

[4] Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. М.: Проспект, 2009. С. 249.

имущество, привлечение лица в качестве гражданского ответчика, исключение недопустимого доказательства и т. д.) и рассматривать их обособленно, то в каждом таком случае мы действительно цельного правосудия по делу не получим, как не удастся получить и единого объекта (предмета) материального мира лишь при лицезрении его разрозненных частей (осколков). Но в том то и дело, что в правовой действительности отдельные правоприменительные акты суда не существуют и не возникают сами по себе, а неразрывно соединены в единое целое – судебный процесс по конкретному юридическому делу – и обретают свой смысл и значение только во взаимосвязи с другими актами суда.

Во-вторых, механизм принятия судебного решения, каковым является и заключительный акт правосудия (например, приговор), строится на общих для любой области социальной (управленческой) деятельности закономерностях процесса принятия решения, который также характеризуется многоэтапностью. Общий алгоритм принятия решения включает в себя: определение проблемы и сбор информации, обработку и систематизацию имеющегося или полученного материала, разработку вариантов решения, оценку возможных последствий, выбор предпочтительного решения, выполнение решения[1]. Применительно к уголовному правосудию нельзя не признать, что «определение проблемы», требующей судебного разрешения, и сбор информации по ней начинается с момента поступления дела на рассмотрение в соответствующий судебный орган.

В-третьих, акт правосудия основывается на оценке доказательств, которая производится судьей по своему внутреннему убеждению (ст. 17 УПК РФ). С точки зрения психологии судейское убеждение возникает не одномоментно, его формирование проходит по формуле «познано – понятно – пережито – принято за истину – подготовлено решение» и охватывает следующие этапы: 1)

[1] См.: Евланов Л. Г. Теория и практика принятия решений. М.: Экономика, 1984. С. 9; Вербин С. Наука принятия решений. СПб.: Питер, 2002. С. 133–138; Колпаков В. М. Теория и практика принятия управленческих решений. Киев: МАУП, 2004. С. 41, 162; Зуб А. Т. Принятие управленческих решений. Теория и практика. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2010. С. 35–36; Гладкова Ю. В., Гладков В. П. Этапы принятия управленческих решений // Вестник ПНИПУ. Электротехника, информационные технологии, системы управления. 2010. № 4. С. 39–44; Грубов Е. О. Разработка и принятие управленческих решений: учеб. пособие. Иваново: Ивановский гос. энергетич. ун-т, 2010. С. 23.

предварительное изучение материалов дела; 2) планирование судебного разбирательства и выдвижение судебных версий; 3) проверка материалов предварительного расследования в ходе судебного разбирательства (исследования доказательств); 4) судебные прения и сопоставление своих предварительных оценок с оценками обвинения и защиты; 5) окончательное формирование убеждения в совещательной комнате[1].

В-четвертых, и это, возможно, главный момент, правосудие как основной способ реализации судебной власти должно воплощать в себе эффективную защиту права, что подразумевает законное, обоснованное и справедливое разрешение рассматриваемого дела в строго определенной правовой форме. Без рассмотрения дела в надлежащей судебной процедуре добиться такого качественного результата невозможно. Окончательное придание итоговому акту правосудия указанных правовых свойств очевидно происходит в совещательной комнате, но их «зарождение» и развитие («вызревание») начинается гораздо раньше – в ходе судебного разбирательства, когда раскрываются и реализуются основные компоненты законности и справедливости судебного производства, формируется доказательственная база для последующего обоснования решения по делу, и даже в период подготовки к судебному разбирательству, в процессе которой закладываются и начинают проявляться отдельные элементы этих качественных свойств.

Центральным этапом в реализации судебной власти является познание судом фактических обстоятельств дела, обеспечивающее вынесение правосудного решения[2], и такое познание начинается с момента получения судьей дела и предварительного ознакомления с его материалами. Необходимые предпосылки, условия и основания для принятия акта правосудия создаются всей предшествующей судебной деятельностью. Все подготовительные к судебному заседанию и обеспечительные действия и решения суда есть акты судебной

---

[1] См.: Васильев В. Л. Юридическая психология: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2004. С. 622–623.

[2] Воскобитова Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 16.

власти, они направлены на соблюдение принципов правосудия, процессуальных прав сторон, обеспечение состязательного и справедливого (в процессуальном аспекте) производства по делу, полное, всестороннее и объективное установление обстоятельств дела, а в конечном итоге – на вынесение правосудного решения по делу.

Наконец, о законности, обоснованности и справедливости итогового акта уголовного правосудия, о его ошибочности или безупречности участники уголовного судопроизводства, сторонние наблюдатели и вышестоящие судебные инстанции судят не только по письменному тексту соответствующего процессуального акта, но и по содержанию и форме иных судебных материалов дела: протокола судебного заседания, промежуточных постановлений и иных судебных документов, отражающих процессуальные действия уголовного суда. Эти процессуальные документы в обязательном порядке изучаются и оцениваются вышестоящим судом на предмет законности всего судебного производства, завершившегося обжалованным решением.

В-пятых, в связи с вышеуказанными факторами деятельность по осуществлению правосудия наделена свойством системности и состоит из комплекса разноплановых, но органически взаимосвязанных действий и решений суда, логически и последовательно выстроенных, как звенья одной цепи, в единое судебное производство и нацеленных на общий, единый результат – разрешение юридического дела по существу. На каждом этапе уголовного производства суд как единственный носитель судебной власти реализует властные полномочия, обеспечивая тем самым «судебное верховенство» на всем протяжении уголовного судопроизводства[1]. «Какую бы деятельность ни выполнял суд при производстве по уголовному делу, он всегда выступает как орган судебной власти, и сама судебная власть реализуется, таким образом, в уголовном судопроизводстве»[2].

---

[1] Бозров В. М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России … С. 20.

[2] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2004: Юрист. С. 83.

Таким образом, мы солидарны с большинством ученых-процессуалистов, которые на основании вышеприведенных и иных высказанных в литературе аргументов пришли к обоснованным выводам о том, что «всякая процессуальная деятельность суда (судьи), связанная с производством по уголовным делам», является правосудием, которое «охватывает всю без исключения судебную деятельность по уголовным делам вне зависимости от процессуальных стадий» (В. М. Бозров)[1], что понятие правосудия включает в себя «акт суда, разрешающий дело по существу, и предшествующую его вынесению процессуальную деятельность суда» (И. Л. Петрухин)[2] и что суд осуществляет свое главное предназначение – правосудие – не только в ходе непосредственного судебного разбирательства по делу, но и в стадии назначения судебного заседания (Т. Н. Рябинина)[3], в которой правосудие как длящийся процесс «без сомнения берет свое начало» (В. А. Азаров, В. А. Константинова)[4].

Изложенная позиция поддерживается отечественными правоведами, независимо от исследуемых видов судопроизводства и распространяется на все правосудие в целом. Так, в частности, И. Б. Михайловская, одна из авторов фундаментальной научной работы о судебной власти, констатирует: «Вся деятельность суда, которая осуществляется в установленном законом порядке судопроизводства, есть ничто иное, как правосудие»[5]. Аналогичного мнения придерживается судья Верховного суда Республики Карелия Е. М. Переплеснина[6].

---

[1] Бозров В. М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России … С. 20.

[2] Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М.: Наука, 1979. С. 45

[3] Рябинина Т. К.: 1) Особенности реализации судебной власти в стадии назначения судебного заседания. С. 36; 2) Деятельность суда по назначению и подготовке уголовного дела к судебному заседанию в механизме реализации судебной власти: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 6.

[4] Азаров В. А., Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 23.

[5] Судебная власть / Под ред. И. Л. Петрухина. С. 23.

[6] Переплеснина Е. М. Судебная власть и правосудие в конституционно-правовой системе современной России // Российская юстиция. 2012. № 5. С. 40–43.

В свою очередь И. Ю. Носков, исследовавший судебную деятельность в целом, исходит из того положения, что «границы правосудия совпадают со всеми правоприменительными действиями суда», тем самым поддерживает «понимание правосудия, которое не ограничивается “рассмотрением дела по существу” и тем более только “принятием судебного решения”»[1].

В научной работе, посвященной правосудию по гражданским делам, Д. А. Фурсов и И. В. Харламова пишут о том, что деятельность по отправлению правосудия начинается с момента поступления искового материала (заявления) в суд и «сопровождает все стадии развития процессуальных отношений, а не только самые значимые»[2]. На системности правосудия акцентирует внимание ученый-цивилист Т. В. Сахнова: «Правосудие — целостная категория. Вся судебная деятельность по защите, протекающая в гражданской процессуальной форме, охватывается понятием “правосудие”». И далее: «”Выпадение” какого-либо элемента процессуальной формы, нарушение установленных законом правил судебной защиты дезавуирует правосудие»[3].

Аналогичную позицию отстаивает судья Конституционного Суда РФ Г. А. Жилин, который относит к сфере правосудия любой этап процессуальной правоприменительной деятельности суда[4]. Профессор С. К. Загайнова также полагает, что «совершение любых процессуальных действий в рамках рассматриваемого дела охватывается процессом осуществления правосудия», при этом очень верно замечает, что «отнесение одних процессуальных действий суда к механизму осуществления правосудия, а других только к обычной процессуальной деятельности суда подрывает саму сущность судебной власти. Все процессуальные действия, совершаемые судом в рамках производства по конкретному делу, направлены на достижение главной цели правосудия –

---

[1] Носков И. Ю. Судебная деятельность: понятие, виды, основные характеристики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 72.

[2] Фурсов Д. А., Харламова И. В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Т. 1: Теория и практика организации правосудия. С. 122 – 123.

[3] Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. М.: Статут, 2014. С. 37.

[4] Жилин Г. А. О понятии правосудия // Российское правосудие. 2008. № 4. С. 20.

восстановления права. Эта цель пронизывает все стадии, все виды судебных производств»[1].

Объективности ради необходимо отметить, что представителями науки гражданского процессуального права, как и процессуалистам-криминалистам, предпринимаются попытки разграничить деятельность суда на правосудие при разрешении гражданского дела по существу и на иную деятельность процессуального характера, которая правосудием не является[2]. При этом сторонники отнесения к правосудию лишь процедуры разрешения спора по существу нередко ссылаются на Постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П[3] и незаслуженно, по мнению одного из авторов этого судебного акта – судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Жилина, придают некоторым доводам, приведенным в обоснование принятого решения, общее значение.

Напомним, что в указанном решении Конституционным Судом РФ в целях защиты прав заявителей дано толкование п. 2 ст. 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации[4] (далее – ГК РФ) и, в частности, содержащегося в этой гражданско-правовой норме понятия «осуществление правосудия», под которым согласно позиции Конституционного Суда РФ следует понимать не все судопроизводство, а лишь ту его часть, которая заключается в принятии актов судебной власти по разрешению подведомственных суду дел, т. е. судебных актов, разрешающих дело по существу (п. 4 мотивировочной части постановления). Однако такое понимание правосудия отнесено Конституционным

---

[1] Загайнова С. К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. С. 47.

[2] Подробнее об этом см.: Жилин Г. А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография. М.: Проспект, 2010 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова» // СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 700.

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14–ФЗ (в редакции от 01.07.2021 г., с изм. от 08.07.2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

Судом РФ только к положениям п. 2 ст. 1070 ГК РФ, имеющим ограниченную сферу действия и применения.

В этой связи Г. А. Жилин обращает внимание на то, что «в данном Постановлении нет общего вывода (как ошибочно полагают некоторые его комментаторы), что суд осуществляет правосудие в собственном смысле лишь при разрешении дела по существу и судебные акты, которыми дела не разрешаются по существу, не охватываются понятием осуществления правосудия в чистом виде», и что Конституционный Суд РФ, напротив, подчеркивает, что его выводы с учетом целевой направленности оспоренной нормы относятся исключительно к положениям п. 2 ст. 1070 ГК РФ[1].

Разъясняя истинную позицию Конституционного Суда РФ по этому вопросу, Г. А. Жилин указывает, что по смыслу частей 1 и 2 ст. 118 Конституции РФ гражданское судопроизводство как таковое, в целом или в его отдельных частях, является одной из форм осуществления правосудия судом как органом судебной власти, и Конституционный Суд РФ в связи с этим «последовательно отстаивает позицию о недопустимости возложения каких-либо полномочий, относящихся к сфере правосудия, на иные органы кроме суда, в том числе при рассмотрении вопросов, не относящихся к разрешению дела по существу». В качестве примера автор приводит Постановление Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2004 г. № 4-П[2], в котором указывается, что «предписания статей 118 и 120 Конституции РФ об осуществлении правосудия только судом как носителем судебной власти, действующим при осуществлении судопроизводства самостоятельно и независимо от чьей бы то ни было воли, подчиняясь только Конституции и федеральному закону, распространяется не только на стадию

---

[1] Жилин Г. А. Указ. соч.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2004 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 10 статьи 75 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" и части первой статьи 259 ГПК РФ в связи с запросом Верховного Суда РФ» // СЗ РФ. 2004. № 9. Ст. 831.

разрешения дела по существу, но на все другие этапы судопроизводства, в том числе на стадию возбуждения гражданского дела»[1].

Представляется, что выработанная Конституционным Судом РФ правовая позиция, предусматривающая широкие процессуальные границы действия правосудия и получившая развитие в его последующих решениях[2], подлежит распространению и на уголовное правосудие.

Таким образом, исходя из единого назначения и смысла правосудия, а также системного и целенаправленного характера процессуальной деятельности суда, следует признать, что деятельность по осуществлению уголовного правосудия начинается с момента поступления уголовного дела (иных процессуальных материалов и обращений) на рассмотрение в соответствующий суд первой инстанции, а заканчивается, условно говоря, вынесением окончательного решения по существу дела. При этом приговор или иное итоговое решение уголовного суда может считаться завершением уголовного правосудия только в смысле разрешения рассматриваемого дела по существу основного правового вопроса судом первой инстанции, поскольку уголовное производство по конкретному делу этим моментом не оканчивается даже в суде первой инстанции[3] и, более того, естественным образом (при определенных условиях) может иметь продолжение в последующих стадиях уголовного судопроизводства.

---

[1] Жилин Г. А. Указ соч.

[2] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 02.03.2006 г. № 22-О «По жалобе закрытого акционерного общества "Промышленно-финансовая корпорация "Томич" на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 4 части 2 статьи 39 АПК РФ» // СЗ РФ. 2006. № 15. Ст. 1643.

[3] После провозглашения приговора или иного решения, завершающего рассмотрение дела, суд выполняет комплекс процессуальных действий, направленных на обеспечение процессуальных прав сторон по ознакомлению с протоколом судебного заседания и судебными материалами дела, по обжалованию судебного решения и иных индивидуальных прав, и уполномочен выносить дополнительные постановления обеспечительного характера (статьи 260, 313 УПК РФ). – Подробнее об этой части судебной деятельности см.: Бурмагин С. В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе: учебное пособие. М.: Проспект, 2016. С. 226–227; Разяпова Л. М. Деятельность суда после провозглашения решения, завершающего рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 17–29.

§ 2. Доктринальное и правовое обоснование расширенного толкования уголовного правосудия

Дискуссионность вопроса о предмете и содержании уголовного правосудия. В русле общенаучной полемики вокруг понятия и содержания правосудия, помимо рассмотренного выше вопроса о процедурных границах уголовного правосудия, среди отечественных процессуалистов не утихают споры и относительно того, какую деятельность уголовного суда оно охватывает – любую, осуществляемую в уголовном процессе, либо ее отдельные виды (части) и какие именно. Фактически дискуссия идет о предмете и содержании (объеме) уголовного правосудия, но в основе ее по-прежнему лежат различия в понимании сущности правосудия. Сложившиеся научные взгляды по данному вопросу демонстрируют приверженность традиционному (узкому) пониманию правосудия как разрешения уголовного дела либо придают правосудию более широкий смысл и в целом сводятся к следующим противоборствующим позициям.

Согласно первой точке зрения, правосудие включает лишь осуществляемую в судебном разбирательстве деятельность суда по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу и не охватывает иную судебную деятельность в уголовном процессе (В. А. Азаров, М. Т. Аширбекова, Д. М. Берова, Л. В Винницкий, З. З. Зинатуллин, В. П. Кашепов, Н. С. Манова, Ю. К. Орлов, О. В. Химичева и др.)[1]. Крайнее проявление такой позиции – утверждение, что в

[1] Тулянский Д. В. Осуществляет ли суд правосудие в стадии исполнения приговора? // Журнал российского права. 2001. № 7. С. 118–121; Леончиков Н. С. Судебная власть и конституционное обеспечение прав человека и российском уголовном процессе // Учен. зап. Ин-та гос-ва и права. Тюмень, 2002. Вып. 3. С. 74–75; Соколовская Н. С. Уголовно-процессуальная функция, осуществляемая судом в состязательном уголовном процессе // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства. Томск, 2004. С. 191; Азаров В. А., Таричко И. Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск, 2004. С. 335; Шилов А. В., Трошкин Е. З. Судебный контроль на стадии предварительного расследования в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Минск, 2004. С. 30–31; Химичева О. В. Концептуальные основы

сфере уголовно-процессуальных отношений правосудие может связываться лишь с получением судом «ответа на основной, главный вопрос всего производства по уголовному делу, каковым является вопрос о виновности (невиновности) определенного лица в инкриминируемом преступлении», и вытекающий из такого суждения вывод, что «ни в каком ином (помимо приговора. – *С. Б.*) процессуальном решении суда, рассматривающего уголовное дело по первой инстанции, акта правосудия нет»[1].

Некоторые авторы дополняют узко трактуемую сферу правосудия той или иной формой проверки приговора вышестоящими судебными инстанциями, а также пересмотром уголовного дела ввиду новых или вновь открывшихся

процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 35; Манова Н. С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 43; Аширбекова М. Т., Стус Н. В. О природе судебного производства по пересмотру приговора в суде вышестоящей инстанции // Российский судья. 2007. № 10. С. 25–27; Давыдова И. А. Соотношение судебного контроля и иных функций судебной власти // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 6. С. 33–35; Зинатуллин З. З. Проблемы уголовного процесса России. Ижевск, 2008. С. 70; Абашева Ф. А., Зинатуллин Т. З. Функциональная характеристика современного уголовного процесса. М., 2008. С. 149–156; Правоохранительные органы / отв. ред. Ю. К. Орлов. С. 44; Берова Д. М. Функции суда в уголовном судопроизводстве // Философия права. 2010. № 6. С. 103; Исмаилов Ч. М. Теоретические и прикладные проблемы ограничения конституционных прав в оперативно-розыскной деятельности и их соотношение с уголовно-процессуальными // Российская юстиция. 2015. № 6. С. 60–64; Левченко О. В., Гужва О. В., Караева А. А. Рассмотрение судом вопросов, связанных с исполнением приговора: теоретические и практические проблемы: монография. М., 2018. С. 32.

[1] Зинатуллин З. З., Зезянов В. В. Судебная власть и правосудие по уголовным делам: соотношение с судебным контролем // Российский судья. 2005. № 5. С. 19. – Схожие позиции высказаны в работах: Васильева А. С. Соотношение судебного контроля и правосудия // Российский судья. 2006. № 7. С. 17–19; Аширбекова М. Т., Стус Н. В. О природе судебного производства по пересмотру приговора в суде вышестоящей инстанции. С. 25–26; Винницкий Л. В., Русман Г. С. Судебный контроль за избранием меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста. М., 2008. С. 15–16; Абашева Ф. А., Зинатуллин Т. З. Функциональная характеристика современного уголовного процесса. С. 153.

обстоятельств[1], отдельные исследователи – принятием мер по возмещению вреда, связанного с уголовным преследованием, т. е. процедурой реабилитации[2].

Противоположная позиция заключается в более широком понимании уголовного правосудия. Ее сторонники, к которым относится и соискатель, считают, что понятие правосудия значительно объемнее, нежели разрешение уголовного дела по существу (И. Л. Петрухин, В. А. Лазарева, А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский, А. С. Сбоев)[3], придерживаются позиции, согласно которой правосудие – это судебная деятельность по рассмотрению любых вопросов, связанных с производством по уголовному делу (В. Н. Бибило, Т. К. Рябинина, Ю. К. Якимович)[4], причем на любой стадии процесса (В. А. Теплов, В. М. Бозров)[5]. Они утверждают, что любая процессуальная деятельность суда отвечает всем признакам правосудия (И. В. Михайловская, С. Ю. Пашков, В. В. Конин)[6], относят к правосудию и судебный контроль над досудебным производством (Э. А. Адильшаев, И. В. Жеребятьев, А. П. Гуськова, Н. Н. Ковтун,

---

[1] Соловьев И. Ф. Правосудность приговора в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 1992. С. 7; Абашева Ф. А., Зинатуллин Т. З. Функциональная характеристика современного уголовного процесса. С. 154–155; Берова Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 33–34; Белоусов А. Е., Басова О. О. О понятии правосудия по уголовным делам. С. 191–198.

[2] Рябцева Е. В. Правосудие в уголовном процессе России: монография. М., 2010. С. 12.

[3] Петрухин И. Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений. М., 2008. С. 131–132; Лазарева В. А. Особенности и формы реализации судебной власти в уголовном процессе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Право. 2001. № 2. С. 154; Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник для вузов. 2-е изд. / под общ. ред. А. В. Смирнова. СПб, 2005. С. 104–105; Сбоев А. С. Механизм судебного контроля в досудебном уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 13.

[4] Бибило В. Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве. С. 81; Рябинина Т. К. Особенности реализации судебной власти в стадии назначения судебного заседания... С. 25; Якимович Ю. К. Понятие правосудия и принципы его определения // Якимович Ю. К. Избранные статьи (1985–1996). Томск, 1997. С. 25.

[5] Теплов В. А. Определение суда первой инстанции по уголовному делу: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1974. С. 4–6; Бозров В. М. Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов (вопросы теории и практики). Екатеринбург, 1999. С. 18, 32.

[6] Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. С. 23 (И. В. Михайловская — член авторского коллектива); Пашков С. Ю. Роль председательствующего при осуществлении правосудия судом первой инстанции по уголовным делам в общем порядке по УПК РФ: автореф. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. С. 12–13; Конин В. В. Стадия исполнения приговора: относится ли она к правосудию? // Российская юстиция. 2014. № 8. С. 57–58.

В. А. Лазарева, В. М. Лебедев, Е. Ю. Лихачева, П. А. Лупинская, Н. Г. Муратова, З. Т. Чеджемов, А. А. Шамардин)[1] и разрешение вопросов, вытекающих из исполнения судебных приговоров и постановлений (Е. Н. Гапонов, В. И. Качалов, В. В. Конин, В. В. Николюк, М. К. Свиридов, В. М. Фокин,)[2].

В литературе высказан и ряд промежуточных мнений, включающих в объем уголовного правосудия или удаляющих из него (не всегда последовательно и логично) те или иные действия, решения суда и целые производства[3].

В свое время комплексный (научный и нормативно-правовой) анализ сущностных свойств и формальных признаков правосудия, содержания и направлений уголовно-процессуальной деятельности суда, помноженный на

---

[1] Лебедев В. М. Судебная власть на защите конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 6, 15; Лазарева В. А. Судебная защита в уголовном процессе РФ: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 8; Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. С. 27; Чеджемов З. Т. Роль суда в обеспечении прав и свобод граждан на досудебном производстве по УПК РФ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 11; Жеребятьев И., Шамардин А. Некоторые вопросы реализации правосудия в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2004. № 3. С. 82–84; Гуськова А. П., Муратова Н. Г. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства. М., 2005. С. 73; Лихачева Е. Ю. Правообеспечительная роль правосудия в досудебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук. аратов, 2005. С. 8 15; Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2010. С. 48; Адильшаев Э. А., Жеребятьев И. В., Шамардин А. А. Судебное санкционирование как форма реализации правосудия в уголовном судопроизводстве России: монография. Оренбург, 2013. С. 145.

[2] Свиридов М. К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск, 1978. С. 135; Фокин В. М. Правоохранительные органы Российской Федерации: учебник. М., 1999. С. 31; Гапонов Е. Н. Совершенствование правового регулирования судопроизводства при исполнении приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 15–16; Николюк В. В. Особенности отправления правосудия при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора // Уголовный процесс. 2014. № 4. С. 28–37; Конин В. В. Стадия исполнения приговора... С. 55–58; Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 24–25.

[3] См.: Солодилов А. В. Судебный контроль в системе уголовного процесса России. Томск, 2000. С. 46– 47; Колоколов Н. А. Судебная власть: о сущем феномена в логосе // Колоколов Н. А. О праве, суде и правосудии (избранное). М., 2006. С. 197–198; Каретников А. С., Арзамасцева К. А.: 1) Является ли деятельность суда по рассмотрению и разрешению ходатайств должностных лиц органов предварительного расследования судебным контролем? // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 66–69; 2) Разрешение суда на производство следственных действий // Законность. 2011. № 2. С. 43–47; Мельников В. Ю. Понятие правосудия и судебного контроля в досудебном производстве // Администратор суда. 2012. № 2. С. 5–10; Камардина А. А. О понятии и сущности правосудия в уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2014. № 3. С. 14–17.

многолетний опыт судейской работы, привел соискателя к выводу, что уголовное правосудие как специфическая деятельность органов судебной власти представляет собой единую систему уголовно-процессуальной деятельности суда, которая направлена на разрешение социально-правовых споров в сфере уголовных и уголовно-процессуальных правоотношений, состоит из отдельных судебных процедур (совокупностей последовательных и взаимосвязанных процессуальных действий и решений), объединенных в судебные производства, и охватывает все виды судебной деятельности, осуществляемой в рамках уголовного процесса.

Свою позицию соискатель имел возможность высказать ранее в ряде работ и публикаций[1], однако особая теоретическая и методологическая значимость рассматриваемого вопроса для успешного решения задач настоящего исследования вызывает потребность досконально проанализировать доктринально-правовую основу решения проблемы пределов уголовного правосудия в контексте доводов уважаемых оппонентов.

В обобщенном виде аргументы процессуалистов, ратующих за сохранение классического, узкого понимания уголовного правосудия, сводятся к следующему:

1) для широкого определения границ правосудия в уголовном процессе якобы нет достаточных теоретических предпосылок и законодательных оснований;

2) осуществляя иные виды процессуальной деятельности, в частности, реализуя контрольные полномочия на стадиях досудебного производства и стадии исполнения приговора, суд не рассматривает и не разрешает уголовное дело по существу (не входит в сущность обвинения, не исследует обстоятельства совершенного преступления, не касается вопросов виновности, квалификации и

[1] Бурмагин С. В.: 1) Роль и правовое положение суда в современном российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Т. 1. Владимир, 2009. С. 11, 65–82; 2) Уголовный суд России: монография. М., 2010. С. 78–96; 3) Статус и деятельность суда в уголовном процессе: учеб. пособие. М., 2016. С. 88–93; 4) О сущности, понятии и пределах уголовного правосудия // Правоведение. 2018. № 1. С. 32–53; 5) Признаки и границы уголовного правосудия // Публичное и частное право. 2019. № 1. С. 149–162.

наказания), а решает только вопросы ограничения прав граждан (в судебном контроле) либо корректирует ранее вынесенные судом решения;

3) в правовых отношениях, возникающих в процессе осуществления судом контроля над досудебным производством и за исполнением приговоров и иных судебных решений отсутствует правовой спор между сторонами, который надлежит рассматривать суду в качестве независимого арбитра;

4) судебный контроль в досудебном производстве и на стадии исполнения представляет собой другую, вспомогательную по отношению к правосудию форму осуществления судебной власти, имеет отличные от деятельности по разрешению уголовного дела цели и предмет рассмотрения, осуществляется на иных стадиях процесса и в упрощенной процедуре; выносимые по его результатам решения суда не являются актами правосудия и не подкрепляются государственным принуждением.

Спорность данных позиций, как представляется, обусловлена, прежде всего, их базированием на старых представлениях о сущности судебной власти, ее предназначении и задачах в уголовном процессе, основана на существовавшем длительное время и казавшемся неизменным узком взгляде на правосудие, сводившем его лишь к деятельности суда по рассмотрению и разрешению уголовных и гражданских дел. Не случайно приверженцы сохранения понятия правосудия в прежнем объеме зачастую ссылаются на дефиниции, сформулированные известными и авторитетными процессуалистами советских времен и даже дореволюционной эпохи, работавшими (в каждом из периодов) в условиях качественно иной правовой системы, подвергшейся впоследствии существенной трансформации.

Однако подобные классические взгляды, являвшиеся адекватными общим положениям правовой науки и состоянию законодательства в дореволюционный и советский периоды отечественной истории, не соответствуют современной концепции российского правосудия и теоретическим взглядам на природу и назначение судебной власти, которая на данном этапе развития российского общества и государства не только выступает арбитром правовых споров, но и

является средством самоограничения государства правом, призвана обеспечить верховенство права и гарантировать защиту прав и законных интересов посредством как традиционных форм разбирательства судебных дел, так и разнообразных видов контрольной и иной правосудной деятельности.

Произошедшие с начала судебной реформы «объективные изменения предмета деятельности суда» требуют в современных условиях существенного изменения понимания правосудия, «которое уже нельзя ограничить только рассмотрением и разрешением гражданских и уголовных дел»[1]. В частности, лимитирование понятия уголовного правосудия лишь той частью деятельности суда, которая направлена на решение вопросов виновности и наказания, «в настоящее время не отражает действительного, реального содержания роли и значения судебной власти в уголовном судопроизводстве»[2].

Узкая трактовка уголовного правосудия затушевывает современные правовые реалии, отражает стремление ее авторов придать термину «правосудие» статус некой «зоны неприкосновенности» и оградить его от «неоправданного тиражирования и эрозии»[3] и тем самым превращается из классической в консервативную. Между тем, в соответствии с законами диалектики юридические понятия вслед за отражаемыми ими явлениями правовой действительности подвержены развитию и не должны обращаться в догму. По этому поводу в известной работе члена-корреспондента Российской академии наук, профессора Д. А. Керимова сформулировано важное общеметодологическое положение: «Если развитие правовой действительности непрерывно, если она в процессе развития изменяется и преобразуется, то и юридические понятия не могут быть неизменными, раз и навсегда данными, пригодными для любых условий и обстоятельств»[4].

---

[1] Воскобитова Л. А. Теоретические основы судебной власти. С. 39.

[2] Николюк В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания … С. 38.

[3] Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 16 – 17.

[4] Керимов Д. А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права: монография. М., 2019. С. 160.

Применительно к определению границ правосудия в уголовном судопроизводстве, профессор В. В. Николюк отмечает, что с изменением законодательства, объема и содержания судебной компетенции и деятельности суда «происходит расширение некогда сложившихся рамок правосудия, его пространства», и заключает: «оно (правосудие – *С. Б.*) не является застывшим, статичным, напротив, динамично развивается как в предметном, так и процедурном аспектах»[1]. Следовательно, и юридическое понятие «правосудие» – не статичная, а развивающаяся научная категория. Приведенный далее анализ действующего законодательства и правовых позиций органов судебной власти подтверждает данный вывод и позволяет констатировать, что для сохранения прежнего понимания правосудия, ограниченного только деятельностью по рассмотрению уголовного дела, в настоящее время правовых оснований не имеется.

Нормативно-правовые основания расширенного толкования уголовного правосудия. Действующие международно-правовые нормы в сфере защиты прав человека и основных принципов правосудия не ограничивают предметную область уголовного правосудия рамками рассмотрения судом уголовного дела. Исследовав основные международно-правовые документы на предмет наличия и раскрытия в них термина «правосудие», профессор В. В. Николюк обнаружил, что «ни в одном из рассмотренных международно-правовых актов не дается определения, расшифровки понятия «правосудия»», хотя данный термин в них широко используется, в то же время при регулировании права на доступ к правосудию и принципов его осуществления «рамки уголовного правосудия не ограничиваются собственно судебным разбирательством уголовного дела (обвинения), охватывают дополнительные производства (досудебное производство, компенсационные действия, исполнение судебных актов)». По результатам проведенного анализа он делает закономерный вывод о том, что «узкий, жесткий подход к трактовке понятия «правосудие», «уголовное правосудие» как исключительно к процедуре судебного

[1] Николюк В. В. Указ. соч. С. 53.

разбирательства дела в отношении обвиняемого в преступлении в международных правовых документах не прослеживается»[1].

Примечательно, что легальное определение правосудия отсутствует и в национальных правовых системах. Сравнительный анализ современных моделей конституционной регламентации правосудия свидетельствует, что в большинстве зарубежных стран правосудие либо рассматривается как очевидное и не влекущее отдельной конституционной регламентации требование, либо отражается в конституционных нормах через закрепление в них целей, принципов, условий и гарантий правосудия без конкретизации его предметной области (границ)[2].

Обращаясь к отечественному законодательству, необходимо сразу заметить, что используемые рядом авторов ссылки на п. 2 ст. 4 Закона РСФСР от 8 июля 1981 г. «О судоустройстве РСФСР»[3], гласивший, что «правосудие в РСФСР осуществляется путем рассмотрения в судебных заседаниях уголовных дел и применения установленных законом мер наказания к лицам, виновным в совершении преступления, либо оправдания невиновных», давно утратили свою актуальность.

Во-первых, данный Закон принимался в период действия прежнего советского процессуального законодательства (как уголовного, так и гражданского), в соответствии с которым иных полномочий, кроме как рассмотрение уголовных и гражданских дел, у судов не имелось.

Во-вторых, действие указанного Закона было ограничено уже в начале 1990-х гг. вступившими в действие законами Российской Федерации, и его положения впоследствии применялись лишь в части, не противоречащей Федеральному конституционному закону от 31 декабря 1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»[4] (далее – ФКЗ о судебной системе). Российское же законодательство в соответствии с новой ролью судебной власти в

---

[1] Николюк В. В. Указ. соч. С. 63–66.

[2] См.: Правосудие в современном мире / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. М., 2012. С. 32–39.

[3] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1981. № 28. Ст. 976.

[4] СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

обществе и системе государственного устройства, заложенной в Концепции судебной реформы, а затем нормативно конкретизированной в Конституции РФ 1993 г., регламентировало осуществление правосудия в более широких границах.

В-третьих, с 1 января 2013 г. Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР» полностью и окончательно утратил силу в связи с принятием Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»[1] (далее – ФКЗ о судах общей юрисдикции), вследствие этого в вопросе о нормативной регламентации содержания уголовного правосудия можно опираться только на современное российское законодательство[2].

Комплексный анализ статей 10, 11, 18, 118 Конституции РФ, статей 1, 4, 8, 11, 17 ФКЗ о судебной системе, статей 2 и 4 ФКЗ о судах общей юрисдикции, статей 3 и 7 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации»[3] (далее – ФКЗ о военных судах), статей 1 и 10 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»[4] (далее – Закон о статусе судей) приводит большинство исследователей данного вопроса к обоснованному выводу о том, что российский законодатель другой деятельности, помимо осуществления правосудия, на суды и судей не возлагает и, следовательно, все судебно-процессуальные полномочия относит к сфере правосудия.

Так, ст. 3 ФКЗ о военных судах и ст. 4 ФКЗ о судах общей юрисдикции провозглашают, что указанные суды осуществляют правосудие, рассматривая отнесенные к их компетенции (подсудности) дела в порядке гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Далее в ФКЗ о военных судах конкретизировано, что этим судам, помимо гражданских и административных дел, подсудны дела о преступлениях, совершенных

---

[1] СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 898.

[2] Поскольку предмет настоящей научной работы ограничен рамками уголовного судопроизводства, проблемные вопросы определения содержания и границ иных видов (форм) правосудия нами не рассматриваются.

[3] СЗ РФ.1999. № 26. Ст. 3170.

[4] Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.

специальными субъектами, т. е. уголовные дела, а также *дела, отнесенные к компетенции военных судов Уголовно-процессуальным кодексом РФ* (п. 2 ч. 1 ст. 7); дополнительно выделены правомочия принимать решения по делам судебного контроля, предусмотренные ч. 2 и 3 ст. 29 УПК РФ (ч. 6.1 ст. 7).

В ст. 4 ФКЗ о судах общей юрисдикции при определении объема полномочий, охватываемых правосудием, осуществление которого возложено на суды общей юрисдикции, помимо рассмотрения гражданских, административных и уголовных дел, в отдельном пункте также указано *рассмотрение иных дел,* отнесенных к ведению судов общей юрисдикции Конституцией РФ и законодательством РФ (п. 3 ч. 2), а значит, и уголовно-процессуальным законом.

К иным делам, надо полагать, следует относить и дела судебного контроля (Конституция РФ прямо возлагает на суд решение вопросов, сопряженных с ограничением основных прав и свобод личности), и дела по вопросам, связанным с исполнением приговора или иного итогового решения уголовного суда. Статья 18 Конституции РФ гарантирует, что права и свободы человека и гражданина обеспечиваются правосудием. В уголовном судопроизводстве судебная защита прав и свобод личности реализуется не только в производстве по уголовному делу, но и в судебно-контрольных производствах, которые непосредственно предусмотрены для этих целей, и в делах по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора, и в делах по восстановлению прав реабилитированных и возмещения (компенсации) вреда, причиненного уголовным судопроизводством.

Убеждение в правильности изложенной выше интерпретации воли законодателя усиливается при обращении к нормам уголовно-процессуального закона. В тесной связи с вышеперечисленными нормативно-правовыми актами УПК РФ определяет судью в уголовном процессе как должностное лицо судебного органа, уполномоченное осуществлять правосудие, и не обременяет его никакой иной деятельностью (п. 54 ст. 5). Если исходить из позиции, что правосудие – только разрешение уголовного дела по существу, тогда встает вопрос о правомерности участия судей на стадиях досудебного производства и на стадии исполнения приговора. Но на самом деле такой дилеммы не возникает,

поскольку российский законодатель, как мы убедились, последовательно демонстрирует приверженность расширенному толкованию пределов уголовного правосудия в соответствии с официальной, нормативно-определенной доктриной судебной власти.

В УПК РФ судебное разбирательство определено как заседание судов первой, второй, кассационной и надзорной инстанций (п. 51 ст. 5) без привязки к уголовному делу. Ввиду того, что судебные заседания предусмотрены по всем без исключения делам, включая судебно-контрольные дела, дела по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением судебных решений, и вопросов реабилитации, указанное законоположение означает, что понятие судебного разбирательства распространяется на все категории судебных производств, возникающих в уголовном процессе. Пункт 50 ст. 5 УПК РФ провозглашает: «судебное заседание есть процессуальная форма осуществления правосудия в ходе *досудебного* и *судебного производства* по уголовному делу», тем самым на законодательном уровне признается, что правосудием является деятельность суда во всех стадиях уголовного процесса.

Ряд авторов, не согласных с проводимой отечественным законодателем линией на расширение границ правосудия или ставящих под сомнение его позицию, пытаются представить ее противоречащей принципу осуществления правосудия только судом в том виде, как он сформулирован в УПК РФ[1]. Согласно ч. 2 ст. 8 УПК РФ никто не может быть признан виновным в преступлении и подвергнут наказанию иначе как по судебному приговору. Из этой формулировки, поскольку признать виновным человека можно только в результате рассмотрения и разрешения уголовного дела, делается вывод, что судебным разбирательством

[1] Кальницкий В. В. Судебное заседание как процессуальная форма деятельности суда в досудебном производстве по уголовному делу // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства: материалы науч.-практ. конф. (Томск, ТГУ, 29-31 янв. 2004 г.) / под ред. М. К. Свиридова. Томск, 2004. С. 132; Васильева А. С. Соотношение судебного контроля и правосудия. С. 17–18; Даровских С. М. Формирование правовых позиций – форма реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве С. 84.

уголовного дела правосудие и ограничивается. С таким аргументом вряд ли возможно согласиться.

Во-первых, правовые предписания ст. 8 УПК РФ запрещают кому-либо иному, помимо суда, осуществлять уголовное правосудие, но не направлены на определение его границ. В этом отношении прямого противоречия с положениями п. 50 ст. 5 УПК РФ и иными проанализированными выше нормами законодательства (противопоставления им) не имеется.

Во-вторых, из содержания ст. 8 УПК РФ логически вовсе не следует, что уголовное правосудие ограничивается только полномочием суда провозглашать виновность и назначать наказание. Если исходить из такой упрощенной интерпретации, то придется признать, что оправдание невиновного и его последующая реабилитация не есть правосудие. Но это явный нонсенс! Как тогда понимать смысл и назначение полномочий суда по вынесению оправдательных приговоров? Разве оправдательный приговор – не акт правосудия? Следуя подобным рассуждениям, логично вывести за пределы правосудия и решения суда о прекращении уголовного дела, и разбирательство уголовных дел о применении принудительных мер медицинского характера, кассационные и надзорные производства и т. д. Очевидно, что так можно дойти до полного абсурда и извратить истинный смысл уголовного правосудия.

В-третьих, не вполне обоснованно сводить содержание правового принципа только к одной норме, в рассматриваемом случае – к формулировке ст. 8 УПК РФ, которая отражает, возможно, главные, но не единственные его смыслы и значения. Конституция РФ, ФКЗ о судебной системе и ФКЗ о судах общей юрисдикции устанавливают широкий диапазон применения принципа осуществления правосудия только судом, распространяя его действие на всю процессуальную деятельность суда. Формулировку ч. 1 ст. 8 УПК РФ, которая провозглашает, что «правосудие по уголовному делу в РФ осуществляется только судом», нельзя понимать буквально, как ограничение сферы действия рассматриваемого принципа только судебным разбирательством уголовных дел, поскольку при таком толковании становится возможным замещение иных видов

процессуальной деятельности, являющихся прерогативами уголовного суда, деятельностью несудебных органов, а принцип осуществления правосудия только судом низводится до общего условия судебного разбирательства, что противоречит его действительному, более высокому значению как принципа всего уголовного судопроизводства и важнейшего конституционного принципа российского правосудия в целом.

В свете сказанного и ввиду того, что содержание уголовного правосудия определяется, главным образом, исходя из исключительных полномочий суда в уголовном судопроизводстве, а они, как будет показано далее, присутствуют на всех стадиях уголовного процесса, под «правосудием по уголовным делам» в ст. 8 УПК РФ следует понимать правосудие, осуществляемое на всем протяжении (на всех стадиях и этапах) уголовного судопроизводства. Такое (расширенное) толкование положений ст. 8 УПК РФ более соответствует конституционному смыслу правосудия. В этой связи для исключения сомнений в том, что уголовно-процессуальный принцип осуществления правосудия только судом охватывает не единственно признание лица виновным и назначение ему наказания, но и иную деятельность уголовного суда, обозначенную в качестве правосудия, целесообразно поддержать предложение В. В. Николюка и С. С. Безрукова о корректировке положений ст. 8 УПК РФ[1].

Одновременно с этим высказанные в ряде работ доводы о том, что при изложенной интерпретации сам принцип осуществления правосудия только судом становится ненужным, излишним, так как якобы превращается в пустую формальность[2], представляются недостаточно убедительными. Смысл данного принципа не в том, чтобы чисто механически разделить: эта деятельность – правосудие, остальное – нечто другое, а в том, что ни один орган или должностное лицо не вправе осуществлять деятельность по разрешению споров о

---

[1] Николюк В. В., Безруков С. С. Законодательное определение принципа осуществления правосудия только судом (ст. 8 УПК РФ) не отражает современного содержания уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2013. № 9. С. 14–17; Безруков С. С. Принципы уголовного процесса: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 39–40.

[2] Правоохранительные органы: учебник / под ред. Ю. К. Орлова. С. 46; Берова Д. М. Функции суда в уголовном судопроизводстве. С. 104.

праве, отнесенных к исключительной компетенции независимого и беспристрастного органа, обязанного и способного обеспечить законность, обоснованность и справедливость принимаемого решения, каковым может являться только суд.

Трактовке правосудия в расширенном варианте следуют и высшие судебные органы страны, чьи позиции, рекомендации и разъяснения, как известно, имеют большое, если не решающее, значение для выявления смысла и правильного толкования спорных или неясных положений закона.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 29 апреля 1998 г. № 13-П, расценивая возможность подачи в суд жалобы на действия и решения органов предварительного расследования (по действующему закону – в порядке ст. 125 УПК РФ) в качестве *одного из способов реализации права на доступ к правосудию*, фактически говорит о том, что деятельность суда по рассмотрению жалоб на данном этапе есть правосудие[1]. В Определении от 8 июня 2004 г. № 194-О Конституционный Суд РФ обосновывает необходимость предоставления подозреваемому и (или) его защитнику возможности изложить суду первой инстанции свое мнение по существу заявленного следователем ходатайства о помещении подозреваемого в порядке ст. 203 УПК РФ в психиатрический стационар предписаниями Конституции РФ об *обеспечении каждому права на судебную защиту в полном объеме посредством правосудия*, отвечающего требованиям справедливости[2].

В более поздних решениях Конституционный Суд РФ вновь признает, что рассмотрение жалоб на решения и действия (бездействие) должностных лиц органов предварительного расследования производится в рамках судебного контроля и как таковое *относится к сфере правосудия*, осуществляемого посредством перечисленных в Конституции РФ видов судопроизводства, в

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 29 апреля 1998 г. № 13-П по делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 113 УПК РСФСР в связи с запросом Костомукшского городского суда Республики Карелия // СЗ РФ. 1998. № 19. Ст. 2142.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 08.06.2004 г. № 194-О по жалобе гражданина Капустяна В. Н. на нарушение его конституционных прав статьями 165 и 203 УПК РФ // СЗ РФ. 2004. № 29. Ст. 3080.

данном случае – уголовного[1]; подчеркивает, что *правосудие* как прерогатива судебной власти *характеризует содержательную сторону процессуальной деятельности суда как таковую, в том числе при осуществлении судебного контроля за законностью решений и действий (бездействия) субъектов публичной власти*[2].

В одном из таких постановлений, излагая позицию относительно правомерности изъятия по уголовному делу имущества в ходе предварительного расследования, в том числе в виде наложения на него ареста, Конституционный Суд РФ констатировал, что такое изъятие может применяться при предоставлении владельцам имущества *процессуальных гарантий защиты прав посредством правосудия*, отвечающего требованиям справедливости и равенства[3]. Как известно, судебная защита от неправомерного изъятия имущества в ходе досудебного производства по делу происходит в рамках судебно-контрольных производств, предусмотренных статьями 115–116, 125 и 165 УПК РФ.

Не ограничиваясь отнесением к правосудию только судебно-контрольной деятельности суда на первоначальных стадиях уголовного процесса, Конституционный Суд РФ указывает на обязанность государства гарантировать лицам, неправомерно подвергнутым уголовному преследованию, охрану достоинства личности и *обеспечить им доступ к правосудию* и компенсацию причиненного ущерба *на всех стадиях уголовного судопроизводства*[4], в частности, говорит о недопустимости исключения для реабилитированного лица возможности выбора по собственному усмотрению соответствующего суда для

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2012 г. № 20-П по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 125 и ч. 1 ст. 152 УПК РФ в связи с жалобой гражданки Р. Г. Мишиной // СЗ РФ. 2012. № 32. Ст. 4618.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П по делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РФ в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко // СЗ РФ. 2017. № 48. Ст. 7299.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 11 января 2018 г. № 1-П по делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 81.1 и п. 3.1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Синклит» // СЗ РФ. 2018. № 4. Ст. 685.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 21 ноября 2017 г. № 30-П по делу о проверке конституционности положений ст. 38 и 125 УПК РФ в связи с жалобой гражданина В. В. Ченского // СЗ РФ. 2017. № 49. Ст. 7528.

разрешения вопроса о возмещении имущественного вреда, исходя из территориальной доступности такого суда, поскольку *исключение этой возможности* помимо прочего означает *ущемление права на доступ к правосудию*[1].

Согласно правовым позициям Конституционного Суда РФ, высказанным при проверке конституционности ч. 2.1 ст. 399 УПК РФ, *государство обязано обеспечивать потерпевшим от преступления доступ к правосудию* для отстаивания ими своих интересов, в том числе *путем обжалования судебных решений об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания*, а суд при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного *в целях осуществления справедливого правосудия* вправе признать обязательность извещения потерпевшего о предстоящем судебном заседании и подтверждения получения им такого извещения[2].

Как видим, Конституционный Суд РФ каждый раз связывает отправление правосудия с судебной защитой прав и свобод личности и констатирует его наличие в процедурах и производствах, в которых эта защита осуществляется.

Пленум Верховного Суда РФ придерживается аналогичной позиции. В частности, в п. 1 Постановления от 10 февраля 2009 г. № 1 судам предписано иметь в виду, что, с учетом общих положений уголовно-процессуального законодательства, *рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ происходит в форме осуществления правосудия* по правилам состязательного судопроизводства в открытом судебном заседании, за исключением случаев, предусмотренных ст. 241 УПК РФ[3]; в п. 2 Постановления от 20 декабря 2011 г. № 21 дано разъяснение

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2011 г. № 18-П по делу о проверке конституционности положения ч. 2 ст. 135 УПК РФ в связи с жалобой гражданина В. С. Шашарина // СЗ РФ. 2011. № 31. Ст. 4808.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 18 марта 2014 г. № 5-П по делу о проверке конституционности ч. 2.1 ст. 399 УПК РФ в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области // СЗ РФ. 2014. № 13. Ст. 1526.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (в редакции от 28 июня 2022 г.) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ» // БВС РФ. 2009. № 4.

о том, что *рассмотрение и разрешение судом вопросов, связанных с исполнением приговора,* также *осуществляются в форме правосудия*[1].

По всей видимости, ориентируясь прежде всего на проанализированные выше положения закона и на позиции высших судебных органов государства, будучи более восприимчивыми к правовым аргументам, чем к отвлеченным теоретическим умозаключениям, профессиональные участники уголовного судопроизводства, в большинстве своем склоняются к многопредметности уголовного правосудия – 95% судей, 83,3% прокуроров и 87,5% адвокатов не ограничивают осуществление уголовного правосудия только рассмотрением уголовных дел. По их мнению, в понятие «уголовное правосудие» следует включать и иную судебную деятельность: а) судебный контроль на стадиях досудебного производства (91,8% от общего числа респондентов – сторонников расширенного толкования уголовного правосудия); б) разрешение в порядке ст. 399 УПК РФ вопросов, связанных с исполнением приговора и других судебных решений (90,7% респондентов); в) рассмотрение в порядке главы 18 УПК РФ заявлений о реабилитации, восстановлении прав и возмещении причиненного вреда (87,3%), а также регламентированное главами 53–55 УПК РФ рассмотрение обращений в порядке международного сотрудничества (74,1%) (*см. приложение № 2, ответы на 1-й и 2-й вопросы анкеты*).

Границы предметно-содержательной сферы уголовного правосудия. Несмотря на явно недостаточную с позиции правового регулирования обоснованность утверждения об отправлении правосудия только в судебном разбирательстве по уголовному делу, некоторые авторы пытаются представить это суждение как аксиому, как нечто само собой разумеющееся и не требующее обоснований[2]. Получается, что сначала (нередко безапелляционно) правосудием объявляется только разрешение уголовного дела, а затем это утверждение преподносится как постулат, непреложный факт и используется в качестве (якобы

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 (в ред. от 18 декабря 2018 г.) «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // БВС РФ. 2012. № 2.

[2] См., например: Белоусов А. Е., Басова О. О. Указ. соч.

веского) аргумента для отторжения от правосудия иной уголовно-процессуальной деятельности суда, имеющей вполне естественные отличия от разбирательства уголовного дела. Однако из правильного по сути тезиса о том, что судом при разрешении уголовного дела осуществляется правосудие, логически вовсе не следует, что иная процессуальная деятельность уголовного суда не имеет свойств правосудия.

Ряд оппонентов широкому толкованию уголовного правосудия, находя в судебно-контрольной деятельности или в делах по разрешению вопросов исполнения приговора явные признаки и черты, свойственные деятельности по отправлению правосудия, тем не менее, делают вывод, что эти признаки и другие атрибуты (судебной власти) не могут свидетельствовать о том, что в рассматриваемой деятельности имеет место правосудие[1]. Но о чем же тогда они свидетельствуют? Подобное затушёвывание конструктивных, качественных характеристик правосудия либо прямое их игнорирование может привести к искажению его сути, утрате ориентиров в оценке и разграничении судебной и иной правоохранительной деятельности, повлечь у исследователя противоречивые, взаимоисключающие, а порой и явно сомнительные выводы.

Так, например, в одной из работ Д. В. Тулянский, проанализировав деятельность суда по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора, вначале пришел к выводу, что в отношении большей ее части «с полным правом можно вести речь об отправлении правосудия», а завершил свои рассуждения противоположным утверждением, что в стадии исполнения приговора правосудие не осуществляется[2].

Х. Д. Хачароев называет суд главным и единственным субъектом правосудия и в то же время утверждает, что «помимо суда субъектами правосудия

---

[1] Давыдова И. А. Соотношение судебного контроля и иных функций судебной власти. С. 33 – 35.; Зинатуллин З. З., Абашева Ф. А. Предмет уголовного судопроизводства и правосудия // Уголовное судопроизводство. 2009. № 2. С. 38–40; Орлов Ю. К. Правосудие и другие формы реализации (функции) судебной власти. Судопроизводство // Правоохранительные органы: учебник / отв. ред. Ю. Е. Орлов. М., 2010. С. 44; Камардина А. А. О понятии и сущности правосудия в уголовном судопроизводстве. С. 14–17.

[2] Тулянский Д. В. Осуществляет ли суд правосудие в стадии исполнения приговора? // Журнал российского права. 2001. № 7. С. 118–121.

являются государственные органы, в той или иной мере реализующие функции правосудия», относя к ним органы расследования, органы прокурорского надзора и «контроля за осуществлением правосудия» (?), органы, реализующие исполнение решений и приговоров суда[1].

Авторы коллективной монографии «Рассмотрение судом вопросов, связанных с исполнением приговора», отстаивая вывод о том, что суд при решении вопросов, связанных с исполнением приговора, правосудие не осуществляет, тут же предлагают закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве понятие правосудия, которое включало бы деятельность суда по рассмотрению и разрешению указанных вопросов[2].

В свою очередь Ф. А. Абашева и Т. З. Зинатуллин в совместной монографии «Функциональная характеристика современного российского уголовного процесса», ограничивая правосудие рассмотрением уголовного дела, решением вопроса о виновности или невиновности подсудимого и вынесением приговора, тем не менее относят к правосудию деятельность апелляционной инстанции по пересмотру приговора суда первой инстанции и деятельность кассационной и надзорной инстанций по пересмотру приговоров первой и апелляционной инстанций (последнюю почему-то только в случае изменения приговора)[3].

При этом указанными авторами не принимается во внимание тот факт, что полномочия судов вышестоящих инстанций (статьи 389.20 – 389.26, 401.14, 412.11 УПК РФ) гораздо шире обозначенных ими в своей работе, что суды контрольных инстанций правомочны не только отменять и изменять приговоры, но и оставлять их в силе, а в случае отмены – прекращать уголовное дело по любому из предусмотренных в УПК РФ оснований либо возвращать уголовное дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

---

[1] Хачароев Х. Д. К вопросу о понятии и сущности правосудия // Российская юстиция. 2012. № 4. С. 57–60.

[2] Левченко О. В., Гужва О. В., Караева А. А. Рассмотрение судом вопросов, связанных с исполнением приговора: теоретические и практические проблемы: монография. М., 2018. С. 35, 45.

[3] Абашева Ф. А., Зинатуллин Т. З. Функциональная характеристика современного российского уголовного процесса. М., 2008. С. 153–156.

Последние два вида судебных решений Ф. А. Абашева и Т. З. Зинатуллин исключают из числа актов правосудия[1]. В результате получается, что, пересматривая одно и то же уголовное дело, совершая одни и те же процессуальные действия, суд апелляционной, кассационной или надзорной инстанции в зависимости от исхода разбирательства и вида постановленного итогового решения в одном случае вершит правосудие, а в другом – осуществляет не правосудие, а нечто иное. Что есть это «иное», к какому виду правоприменительной судебной деятельности оно относится (полагаем, что сомнений в правоприменительном характере деятельности уголовного суда, быть не может) – авторы анализируемого нами произведения умалчивают.

Между тем, такой подход к определению правовой природы процессуальной деятельности суда (как первой, так и вышестоящих судебных инстанций) в зависимости от ее результата, разделяющий ее на правосудную и иную, дезориентирует судей и, значит, ущербен в практическом аспекте. Судьи, участвующие в рассмотрении уголовных дел, должны изначально, а не по завершению судебных разбирательств четко представлять характер и значение своей деятельности, иначе непонимание, вершится ли ими правосудие или «нечто иное», явится фактором, препятствующим реализации в судебных производствах основополагающих принципов правосудия и права на справедливое судебное разбирательство.

Не находим в указанной работе, посвященной функционированию всего уголовного судопроизводства, и характеристики действиям суда первой инстанции по вынесению иных (помимо приговора) многочисленных решений, в том числе за пределами разбирательства уголовного дела, а также деятельности вышестоящих судебных инстанций по проверке и пересмотру промежуточных решений по уголовным делам и решений нижестоящих судов по делам судебного

[1] Нельзя не заметить непоследовательности Ф. А. Абашевой в этом вопросе: в другой своей работе, вышедшей в то же время в соавторстве с З. З. Зинатуллиным, она причисляет постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования к актам правосудия (Зинатуллин З. З., Абашева Ф. А. Правосудие по уголовным делам: может ли оно быть досудебным? // Российская юстиция. 2008. № 12. С. 68).

контроля, вопросам исполнения приговора и реабилитации. Между тем, последние в объеме процессуальной деятельности судов второй инстанции всегда и значительно превалируют над пересмотром приговоров (см.: *приложение № 1, таблица 2*).

Так, в частности, в 2021 году в порядке уголовного судопроизводства судами Российской Федерации рассмотрено 317 869 апелляционных дел[1]. Из них дела по проверке приговоров и иных решений по существу уголовного дела составили только 112 689 апелляционных дел (около 35,5% от общего количества дел, рассмотренных в апелляционном порядке)[2], остальные (более 64,5%) – дела по проверке промежуточных судебных решений, вынесенных в ходе производства уголовного дела в суде первой инстанции, по пересмотру решений, вынесенных в порядке судебного контроля (в досудебных стадиях), и решений по вопросам, связанным с исполнением приговора.

Предметом пересмотра в порядке кассации и надзора чаще выступают приговоры, но и в этих судебно-проверочных формах наличествует значительное количество дел по проверке законности иных судебных решений. В том же 2021 г. суды Российской Федерации в кассационном порядке рассмотрели 548 дел по жалобам (представлениям) на судебные решения в порядке судебного контроля (1,3% от общего количества кассационных дел), 1 089 дел – на судебные решения по вопросам, связанным с исполнением приговора (2,6%)[3] (данные за предыдущие годы см.: *приложение № 1, таблица 3*).

---

[1] Отчет Судебного департамента при Верховном Суде РФ «О работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке за 2021 г.» (Форма № 6, раздел 1) // ГАС РФ «Правосудие» [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671 (дата обращения: 10.06.2022).

[2] Следует обратить внимание, что в указанном статистическом отчете в «итоговые судебные решения» включаются решения суда первой инстанции о прекращении уголовного дела, о применении принудительных мер медицинского характера и принудительных мер воспитательного воздействия, а также решения о направлении дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, поэтому количество и удельный вес апелляционных дел по проверке собственно приговоров составляют еще более меньшие числа.

[3] Отчет Судебного департамента при Верховном Суде РФ «О работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке за 2021 г.» (Форма № 8, раздел 2) // ГАС «Правосудие» [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671 (дата обращения: 10.06.2022).

Чтобы правильно судить, какого рода деятельность подпадает под понятие уголовного правосудия или лежит вне его пределов, полагаем необходимым сопоставить каждый из ее видов с обозначенными в предыдущем разделе диссертации признаками правосудия. Применение такого критерия позволяет убедиться, что не только рассмотрение и разрешение уголовных дел, но и любые иные ее виды обладают характерными правосудию чертами и, следовательно, соответствуют понятию правосудия.

Под видами процессуальной деятельности уголовного суда, которую автор дифференцирует по предметному критерию (по основному вопросу, поставленному на разрешение суда), подразумевается деление судебной деятельности[1] на четыре основные части: 1) контроль законности досудебного производства; 2) рассмотрение и разрешение уголовных дел; 3) разрешение вопросов, связанных с исполнением приговоров и иных судебных решений; 4) рассмотрение вопросов реабилитации и возмещения вреда, причиненного незаконной уголовно-процессуальной деятельностью. Каждая из указанных частей в соответствии с конкретизацией предмета судебного рассмотрения разделяется на отдельные виды и разновидности, которые соотносятся с предусмотренной для каждого из них процессуальной формой и типами, видами уголовных производств, в рамках которых осуществляется той или иной вид судебной деятельности (подробнее об этом изложено в следующем параграфе настоящей работы).

«Примерив» все выделенные признаки правосудия к каждому виду судебной деятельности, получим окончательный ответ на спорный вопрос о сфере действия (границах) уголовного правосудия.

1. Первый признак (*правосудие – деятельность суда*) настолько очевиден, что на нем, казалось бы, можно не останавливаться. Действительно, осуществлять правосудие может только суд, поэтому уголовное правосудие – это всегда уголовно-процессуальная деятельность суда, а не какого-либо иного органа или

[1] Здесь и далее в диссертации под «судебной деятельностью» каждый раз, если иное не оговорено особым образом, имеется ввиду только уголовно-процессуальная деятельность суда.

субъекта. Эта явность, конечно, сама по себе не означает обратного, что любая деятельность суда – правосудие. И здесь встает вопрос определения исключительности судебных полномочий – свойства, на которое ориентируется большинство исследователей, определяющих для себя, какие действия и решения суда охватываются уголовным правосудием.

Некоторые авторы – сторонники узкого понимания правосудия, находя сходство в отдельных процессуальных полномочиях суда и других субъектов уголовного процесса (полагаем, что в большей степени внешнее, чем сущностное), считают, что правосудием не может считаться деятельность, которую вправе осуществлять не только суд, но и другие органы. Так, Ю. К. Орлов, а за ним и Д. М. Берова, ссылаются на возможность обжалования решений следователя не только в суд, но и прокурору и, соответственно, их отмены «либо судом, либо прокурором»[1]. Д. М. Берова также утверждает, что деятельность суда на стадии исполнения приговора по решению вопросов отбывания наказания может осуществляться и другими органами власти посредством актов амнистии или помилования[2].

Приведенные доводы вряд ли можно признать состоятельными. Очевидно, что акты амнистии и помилования имеют совершенно иную, отличную от актов органов судебной власти правовую природу, находятся вне уголовно-процессуального правового регулирования, поскольку реализуются в сфере иных правоотношений и являются результатом осуществления властных полномочий иного рода. Постановления об амнистии – акты органа законодательной власти, имеющие нормативный характер и рассчитанные на применение к индивидуально неопределенному кругу лиц, они являются не уголовно-правовыми, а государственно-правовыми актами[3]. Указы Президента РФ о помиловании, хотя и носят индивидуальный правоприменительный характер, также не относятся к

---

[1] Правоохранительные органы: учебник / отв. ред. Ю. Е. Орлов. М., 2010. С. 46; Берова Д. М. Функции суда в уголовном судопроизводстве // Философия права. 2010. № 6. С. 104.

[2] Берова Д. М. Функции суда в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2011. № 1. С. 164.

[3] Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1 Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. М., 2011. С. 466.

уголовно-процессуальным актам и представляют собой форму реализации не уголовного закона, а государственно-властной компетенции и конституционных полномочий Президента РФ (п. «в» ст. 89 Конституции РФ)[1]. Поэтому сопоставление и объединение актов амнистии и помилования с судебной деятельностью по разрешению вопросов освобождения от уголовной ответственности и исполнения наказания, по меньшей мере, некорректно.

Что касается полномочий суда, прокурора и руководителя следственного органа по рассмотрению жалоб на действия (бездействия) и решения органов предварительного расследования, то при их сравнении нельзя не обнаружить как сущностных, так и внешне-процедурных отличий между ними, отражающих различия в назначении и способах реализации в досудебном производстве судебного контроля, прокурорского надзора и так называемого процессуального (ведомственного) контроля[2]. Инициирование проверки актов расследования заинтересованным лицом и совпадение целевых назначений в части защиты прав и свобод личности – пожалуй, единственные сходства рассматриваемых полномочий. В этих случаях, вопреки утверждению Ю. К. Орлова и Д. М. Беровой, различно даже содержание решений (суть властных предписаний) по результатам рассмотрения жалоб, принимаемых прокурором, руководителем следственного органа и судом. В отличие от субъектов прокурорского надзора и ведомственного процессуального контроля суд не правомочен отменять незаконные решения, а только признает их таковыми, а обязанность устранить допущенное нарушение возлагается на соответствующее уполномоченное должностное лицо (статьи 125 и 125.1 УПК РФ).

Изложенное не позволяет утверждать об идентичности полномочий суда и иных субъектов, ведущих процесс – их юридические значение и последствия различны. Гораздо больше поводов найти сходство в полномочиях суда и органов предварительного расследования по прекращению уголовного дела или

---

[1] Там же. С. 471–472.

[2] Более подробно отличие судебного контроля от прокурорского надзора и ведомственного контроля проанализировано соискателем в § 2 главы 4-й.

уголовного преследования, однако лишь немногие процессуалисты (в их числе В. А. Азаров, В. А. Константинова[1]) ставят под сомнение, что такой процессуальный акт суда означает разрешение уголовного дела по существу и, значит, посредством его вершится правосудие.

Необходимо отметить, что в УПК РФ нет единой нормы, вобравшей в себя все исключительные полномочия суда, – последние рассредоточены по многим статьям кодекса и не сводятся только к разрешению уголовного дела. Введенное законодателем в ст. 29 УПК РФ обозначение ряда юрисдикционных полномочий в качестве исключительных («только суд правомочен …», «только суд правомочен принимать решения …») не полно и носит несколько условный характер, поскольку по большому счету все полномочия суда являются исключительными в том смысле, что они не могут замещаться полномочиями никаких других участников судопроизводства. На той стадии, в тех процедурах, для которых они предусмотрены, никто не вправе совершать процессуальных действий и принимать какие-либо решения наравне с судом или вместо суда. Исключительность же судебных полномочий по прямому смыслу, который вложил в это понятие законодатель, означает то, что принятие аналогичных по сути процессуальных решений другими государственными органами, осуществляющими производство по делу, не предусмотрено вовсе, т. е. никогда и ни при каких условиях.

Противникам признания качества правосудия за судебным контролем и деятельностью по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, следует обратить внимание на то, что статья 29 УПК РФ к исключительным полномочиям суда относит не только решения, выносимые судом первой инстанции по результатам рассмотрения уголовного дела, но и судебные решения по реализации судебного контроля в досудебном производстве (ч. 2 ст. 29), и контрольную деятельность по пересмотру любых решений нижестоящих судов (п.

[1] Азаров В. А., Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам М., 2013. С. 17.

4 ч. 1 ст. 29) независимо о того, вынесены они в ходе и результате рассмотрения уголовного дела или осуществления судом иных уголовных производств.

Кроме того, к категории исключительных следует отнести и все полномочия суда по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора или восстановлением прав в порядке реабилитации (статьи 397, 398, 400 и др. УПК РФ), так как никакой другой субъект уголовного процесса не правомочен их рассматривать. К исключительным относятся так же правомочия суда принимать заявления о возбуждении дела частного обвинения, выносить решения о назначении судебного заседания по уголовному делу, направлять дело по подсудности, возвращать дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в порядке ст. 237 УПК РФ, разрешать отводы и ходатайства в судебном заседании, взыскивать процессуальные издержки и многие другие.

Таким образом, оперирование свойством исключительности полномочий не позволяет вывести за рамки правосудия ни одного решения суда, а, следовательно, и судебную деятельность, в ходе которой эти решения принимаются.

2. *Правозащитная цель правосудия.* Назначением всех видов судебной деятельности в уголовном процессе является защита права в широком его значении, что обусловлено правозащитной ролью судебной власти в целом. Целевое назначение уголовного правосудия выражено как в конституционных нормах общего действия, так и в более конкретных положениях уголовно-процессуального закона, устанавливающего способы, средства и принципы судебной защиты права посредством уголовного судопроизводства.

Поскольку уголовное судопроизводство – сфера приложения и доминирования судебной власти, а деятельность суда по осуществлению правосудия составляет основную часть всей уголовно-процессуальной деятельности, ее сердцевину, главная двуединая цель уголовного правосудия вытекает из назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) и состоит: 1) в защите и восстановлении нарушенных преступлением прав и законных интересов; 2) в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения,

осуждения, а равно любого иного ограничения ее прав и свобод в процессе производства по делу.

Первая составляющая целевого назначения уголовного правосудия претворяется в жизнь путем осуждения виновных, назначения им справедливого наказания и возмещения потерпевшей стороне причиненного преступлением ущерба, вторая – путем оправдания невиновных, освобождения их от наказания и реабилитации, а также посредством охраны и восстановления в ходе производства по делу прав и свобод участников уголовного судопроизводства и иных лиц, вовлеченных в сферу уголовного правосудия.

Деятельность суда по осуществлению уголовного правосудия, реализующая общую правозащитную функция судебной власти, в равной степени нацелена и на защиту нарушенного преступлением правопорядка, и на охрану прав и свобод личности от незаконного ущемления их в процессе производства по уголовному делу.

Оправдывая узкий подход к пониманию правосудия, З. З. Зинатуллин и Ф. А. Абашева в назначении уголовного судопроизводства на первое место ставят защиту от преступных посягательств. По их мнению, защита таких социальных ценностей как права и законные интересы лиц и организаций при всей своей значимости «носит по отношению к раскрытию преступлений, изобличению виновных в их совершении производный (в определенном смысле – вторичный) характер[1].

По этому поводу следует заметить, что никто не спорит с тем, что «факт совершения преступления является первоосновой уголовного процесса, своего рода его истоком», а «необходимость установления обстоятельств конкретного преступления приводит в движение весь механизм уголовного судопроизводства»[2], однако не надо забывать и «вторую сторону медали».

---

[1] Зинатуллин З. З., Абашева Ф. А. Предмет уголовного судопроизводства и правосудия // Уголовное судопроизводство. 2009. № 2. С. 38–40.

[2] Там же. С. 38.

Общество в целом и каждый индивидуум в отдельности в равной степени заинтересованы в том, чтобы в результате правосудия зло в виде преступления было наказано, и действительный, а не мнимый преступник понес уголовную ответственность, а попранная преступлением социальная справедливость была восстановлена. Из этого следует, что «в правосудии важен не только результат, но и способ, каким он был получен»[1]. Очевидно, что правозащитный эффект уголовного правосудия должен достигаться не любой ценой, а посредством законной, справедливой судебной процедуры, гарантирующей соблюдение прав и свобод человека. Наличие в социуме такого двойственного интереса и обуславливает равнозначность и гармоничное сочетание в уголовном правосудии вышеуказанных целей. Установление первенства какой-либо из целей, превалирование одной из них в деятельности уголовного суда закономерно приведет к дисбалансу социально-правовых ценностей, защищаемых в уголовном судопроизводстве, перекосу в функционировании системы правосудия.

Если суд будет отдавать предпочтение защите нарушенных преступлением прав и в меньшей степени заботиться о недопущении незаконного и необоснованного обвинения, не будет стремиться оградить участвующих в деле лиц от неправомерного ограничения их прав со стороны государственных органов, осуществляющих производство по делу, а равно исполняющих приговор и иные решения суда, правосудие неизбежно будет подвержено обвинительному уклону[2], сопровождаться односторонней оценкой доказательств, игнорированием

---

[1] Колоколов Н. А. Конституционное право на неприкосновенность жилища: к вопросу об эффективности превентивного судебного контроля (часть 1) // Российский судья. 2010. № 6. С. 13–16.

[2] Обвинительный уклон суда есть стремление «любой ценой подтвердить приговором обвинение, которое не отвечает требованию всесторонности, полноты и объективности исследования фактических обстоятельств дела, и в силу этого не позволяет суду правильно применить нормы уголовного права и вынести правосудное решение по делу» (Воскобитова Л. А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С. 458). Обвинительный уклон проявляется в некритичности судьи (судей) к предъявленному обвинению и при оценке обвинительных доказательств, в игнорировании им при принятии процессуального решения доказательств, свидетельствующих в пользу обвиняемого (подозреваемого) и в нежелании проверять и учитывать доводы защиты (Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: монография. М., 2017. С. 113).

прав и интересов личности, завершаться необоснованными и несправедливыми решениями, и в конечном итоге рискует выродиться в произвол и беззаконие.

С другой стороны, превознесение второй цели над первой, полагание, что главное в деятельности уголовного суда – недопущение необоснованного обвинения и защита личности от произвола государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, может ввергнуть суд в другую крайность: лишить объективности, поставить в состояние противодействия стороне обвинения, конфронтации с органами правопорядка. В результате будут созданы серьезные, зачастую непреодолимые, препятствия для надлежащего применения материально-правовых норм, реализации мер уголовной ответственности, предусмотренных уголовным законом. Если поставить на первый план, абсолютизировать защиту личности от уголовного преследования и возможного ограничения ее прав и свобод, которым сопровождается уголовно-процессуальная деятельность, и принизить первую цель, то уголовный процесс, включая его составляющую – правосудие, становится бессмысленным. В целях соблюдения индивидуальных прав и свобод проще вовсе не осуществлять уголовно-процессуальную деятельность, несущую в себе потенциальную угрозу их нарушения. Однако в этом случае, как и в первой ситуации, неизбежно пострадают как публичные интересы, так и субъективные права и частные интересы.

По изложенным соображениям противопоставление целей правосудия до уровня конкуренции, антагонизма недопустимо. Для суда ни одна из них не имеет приоритета, обе цели должны выступать равнозначными ценностями и сливаться в двуединую цель в соответствии с общеправовым (конституционным) назначением судебной власти.

Указанные цели правосудия достигаются через решение общих и конкретных задач, которые стоят перед уголовным судом на протяжении всей его процессуальной деятельности, на какой бы стадии, этапе уголовного судопроизводства он не действовал и какие бы виды производства не осуществлял.

К задачам уголовного правосудия следует относить то, что требуется исполнить и разрешить суду в процессе и результате осуществления правосудия[1]. Задачами уголовного суда в общем виде являются: 1) рассмотрение и разрешение уголовных дел, иных судебных дел и правовых вопросов, отнесенных к его компетенции; 2) обеспечение законности и справедливости осуществляемого судом уголовного производства; 3) создание необходимых условий для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

Наличие общих (основных) задач, стоящих перед судом на всем протяжении уголовного судопроизводства, устанавливается нормативно и не только положениями УПК РФ. В частности, ст. 4 ФКЗ о судах общей юрисдикции гласит, что суды общей юрисдикции осуществляют правосудие, разрешая споры и рассматривая дела, отнесенные к их компетенции, посредством гражданского, административного и уголовного судопроизводства, при этом рассматривают не только гражданские, административные и уголовные дела, но и иные дела, отнесенные законодательством к их ведению. Из ст. 4 ФКЗ о военных судах следует, что к основным задачам военных судов при рассмотрении любых дел относятся обеспечение и защита нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов человека и гражданина, юридических лиц и их объединений.

В уголовном судопроизводстве, как было отмечено выше, суду приходится разрешать не только уголовно-правовой (материальный) конфликт, в основе которого лежит главный правовой вопрос о виновности или невиновности обвиняемого лица в совершении конкретного преступления, но и разбирать иные споры, иные правовые вопросы, в том числе процессуальные, возникающие как до поступления уголовного дела в суд, так и по завершении его рассмотрения судом. Поэтому первая общая задача суда не ограничивается разрешением только

[1] Толкование термина «задача» см.: Ожегов С. И., Щведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006. С. 203.

уголовного дела, а ставится гораздо шире и распространяется на все виды деятельности уголовного суда.

Далее необходимо, чтобы задача суда по рассмотрению юридического дела (разрешению правового конфликта) реализовывалась не произвольно, а правовыми средствами. В этом заключается социальная ценность уголовного правосудия. Защита прав и законных интересов участвующих в деле лиц, обеспечение законности и справедливости производства по делу во всех аспектах и на всем его протяжении – первоочередные обязанности суда, вытекающие из назначения и принципов уголовного процесса (глава 2 УПК РФ).

Правозащитные и правообеспечительные задачи, так же как и первая задача, не ограничиваются периодом судебного разбирательства уголовного дела, но имеют место и при осуществлении судебно-контрольной деятельности в досудебном производстве, и при проверке судебных решений в вышестоящих судебных инстанциях, и при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора и иных судебных решений[1].

Некоторые процессуалисты утверждают о второстепенном значении деятельности суда, предшествующей рассмотрению уголовного дела и следующей за ним. В частности, В. А. Азаров, И. Ю. Таричко, Н. А. Колоколов, О. В. Химичева[2] говорят о вспомогательном характере судебного контроля, полагают, что судебный контроль призван обеспечить оптимальные условия для осуществления правосудия и всегда направлен на содействие эффективному осуществлению предварительного производства по уголовному делу (Н. А. Колоколов), а его задача заключается в том, чтобы, с одной стороны,

---

[1] Воскобитова Л. А. Проблемы понимания назначения, целей и задач современного уголовного судопроизводства // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений (к 90-летию со дня рождения профессора И. М. Гуткина) : сб. матер. межвуз. науч.-практич. конф: в 2 ч. Ч. 1. М., 2009. С. 65.

[2] Азаров В. А., Таричко И. Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск, 2004. С. 135 – 136; Колоколов Н. А.: 1) Судебный контроль в стадии предварительного расследования: реальность и перспективы // Государство и право. 1998. № 11. С. 33; 2) О праве, суде и правосудии: избранное. М., 2006. С. 197; Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 35.

подтвердить, что собранные по делу доказательства имеют юридическую силу и позволяют суду вынести правосудный приговор, а с другой – не допустить нарушения прав и законных интересов граждан (В. А. Азаров, И. А. Таричко).

Такой подход к оценке судебно-контрольной деятельности представляется не вполне верным и требует уточнения. «Обеспечительно-содействующий» эффект судебного контроля, который выделяют уважаемые авторы, – лишь одно и при этом не главное его качество, оно характеризует этот вид судебной деятельности только со стороны взаимосвязи с последующим судебным разбирательством по уголовному делу и не может «заслонить» собой самостоятельное значение судебного контроля, его собственную, непосредственную задачу.

Необходимо признать, что судьи при осуществлении судебного контроля не озадачены созданием надлежащих условий последующего производства по делу и не озабочены юридической силой собираемых следователем доказательств – это задачи предварительного расследования – а обязаны, прежде всего, обеспечить законность и обоснованность ограничения конституционных прав личности со стороны органов уголовного преследования. Все остальное – важный, но все же производный, сопутствующий результат судебного контроля. В судебно-контрольной деятельности воплощается основная, правозащитная функция судебной власти, достигается одна из главных целей, стоящих перед судом в уголовном судопроизводстве, – защита прав и свобод участников уголовного судопроизводства и других лиц, вовлеченных в сферу правосудия, от возможного произвола обвинительной власти.

Судебная деятельность по контролю исполнения приговора, особенно в части наказания, в изменяющихся условиях исполнения судебного решения (порой весьма длительного) направлена на защиту прав частных лиц (осужденного, оправданного, потерпевшего, гражданского истца) и соблюдение оптимального баланса их интересов в сочетании с интересом публичным, что

также тесно увязано с общими целями и задачами уголовного правосудия[1]. Сведéние этой деятельности к простой «корректировке» исполнения приговора или иного решения (Д. М. Берова)[2] без обозначения ее целей и задач, оснований и способов осуществления, имеющих общую основу с аналогичными компонентами иных видов процессуальной деятельности суда, не позволяет правильно осознать сущность и назначение данной деятельности и приводит к ее упрощенному пониманию.

На основе высказанных соображений полагаем, что судебный контроль досудебного производства, разрешение судом правовых вопросов, связанных с исполнением судебных решений и реабилитацией, имеют собственные специфические задачи, вытекающие из общих задач уголовного суда (правосудия), и важное самостоятельное значение в уголовном процессе, но при этом находятся в неразрывном системном единстве с деятельностью по рассмотрению уголовных дел и необходимым образом дополняют ее.

3. По поводу такого неотъемлемого свойства правосудия как *способность регулировать, упорядочивать спорные правоотношения* необходимо отметить, что в уголовном судопроизводстве суду помимо разрешения основного уголовно-правового вопроса уголовного дела приходится разбирать множество других разнообразных конфликтов и иных правовых вопросов, как материально-правовых, так и сугубо процессуального характера[3], возникающих как до поступления уголовного дела в суд, так и по завершении его рассмотрения судом.

---

[1] К аналогичному выводу о сути правосудия в стадии исполнения приговора пришел в своем диссертационном исследовании В. И. Качалов (Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017. С 24–25).

[2] Берова Д. М. Функции суда в уголовном судопроизводстве. // Общество и право. 2011. № 1. С. 164.

[3] Л. А. Воскобитова в сфере уголовного судопроизводства выделяет три категории процессуальных конфликтов: 1) процессуальные конфликты, разрешение которых отнесено к компетенции суда в силу прямого указания закона (п. 4 ч. 1 ст. 29, ч. 2 ст. 29 УПК РФ); 2) процессуальные конфликты, которые прямо не перечислены в законе, но закреплено общее право на судебный порядок рассмотрения и разрешения этих конфликтов (ч. 3 ст. 29, ч. 1 ст. 125 УПК РФ); 3) процессуальные конфликты, не имеющие прямого регулирования в законе, но могущие возникнуть в реальной практике и включаться в сферу предметной области судебной власти (Воскобитова Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 27).

Соответственно, в качестве объекта уголовного правосудия могут выступать не только уголовно-правовые отношения, влекущие постановку вопроса о виновности или невиновности обвиняемого в совершенном преступлении и его наказании, но и отношения уголовно-процессуального характера, предполагающие, в частности, возможность и необходимость ограничения конституционных прав и свобод личности, а также связанные с защитой таких прав и свобод путем обращения в суд[1].

Разрешение судом правового конфликта в качестве определяющей черты уголовного правосудия признается и противниками его широкого толкования (З. З. Зинатуллин, Ф. А. Абашева), которые вынуждены констатировать, что в досудебном производстве судьи разрешают и иные (помимо основного уголовно-правового) юридические конфликты (споры), имеющие место при применении меры пресечения, производстве ряда следственных действий, рассмотрении жалоб на действия и решения должностных лиц, осуществляющих производство по делу, однако продолжают настаивать на том, что «в основе процессуальной деятельности по осуществлению правосудия лежит только обвинение в своем материально-правовом выражении»[2].

Между тем, иные указанные правовые вопросы, так же вытекающие из конфликтных по своей природе правоотношений (ввиду столкновения в них противоречивых интересов), находятся в исключительной компетенции суда, ставятся на его разрешение в отдельных процессуальных обращениях заинтересованных субъектов процесса – постановлениях, представлениях, ходатайствах, жалобах – и порождают отдельные судебные дела (производства), разделяющиеся на виды в зависимости от предмета судебного рассмотрения (например, дело по ходатайству следователя о заключении лица под стражу, дело по представлению уголовно-исполнительной инспекции об отмене условного осуждения и т. д.), которые в количественном отношении значительно, по нашим

---

[1] Лихачева Е. Ю. Правообеспечительная роль правосудия в досудебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 8, 16.

[2] Зинатуллин З. З., Абашева Ф. А. Предмет уголовного судопроизводства и правосудия. С. 39.

многолетним наблюдениям в 2 – 2,5 раза и более, превосходят объем уголовных дел[1].

Так, в 2018 г. российские суды рассмотрели по первой инстанции в порядке уголовного судопроизводства 2 011 607 иных судебных дел по представлениям, ходатайствам и жалобам (без учета материалов по ходатайствам о разрешении оперативно-розыскных мероприятий как не имеющих процессуального характера) против 887 958 уголовных дел (30,6%), в 2019 г. – 1 922 540 иных судебных дел против 809 318 уголовных дел (29,6%), в 2020 г. – соответственно 1 820 691 иное судебное дело и (для сравнения) 751 491 уголовное дело (29,2%), в 2021 г. – 1 848 371 иное судебное дело и 772 223 уголовных дел (29,5%)[2] (подробнее см.: *приложение № 1, таблица 1*).

К чему относить рассмотрение этой массы дел, если не к деятельности по осуществлению правосудия? В основе всех этих дел лежит конфликт интересов, конкретный (реальный или потенциальный) спор о праве, что и обуславливает отнесение такого вопроса к компетенции суда. В противном случае не было бы никакой надобности выносить явно бесспорный вопрос, не затрагивающий ничьих прав и интересов, на разрешение органа правосудия и прибегать к затратным (в материальном и процессуальном плане) судебным процедурам.

Особенно оправдано отнесение к ведению судебной власти юридических дел, возникающих из публичных правоотношений, связанных с ограничением или восстановлением основных, конституционных прав и свобод человека и гражданина, и предполагающих возможный спор по поводу их соблюдения между фактически неравными субъектами: носителем индивидуальных прав (заведомо более слабая сторона) и всесильным государством в лице его властных органов и их должностных лиц. К делам такого рода относятся практически все дела,

---

[1] См.: Бурмагин С. В.: 1) Уголовный суд России. С. 84, 291–308; 2) Статус и деятельность суда в уголовном процессе. С. 80; 3) Судебные производства в уголовном процессе: понятие и виды // Государство и право. 2019. № 2. С. 153.

[2] Данные приведены по отчетам Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2018 – 2021 гг. (Форма № 1, разделы 1 и 4) // ГАС РФ «Правосудие» [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 10.06.2022).

рассматриваемые в порядке уголовного судопроизводства, в том числе дела судебного контроля.

В юридической науке присутствует и полярная позиция отрицания правового спора (конфликта) по делам судебного контроля в целом[1] или в отдельных формах его реализации (ст. 108, ст. 165 УПК РФ)[2]. Ее сторонники исходят из понимания спора как активного противодействия (противостояния) сторон, которое зачастую или во всех случаях (ст. 165 УПК РФ) отсутствует в судебной деятельности «по санкционированию» отдельных следственных или процессуальных действий органов предварительного расследования.

Данный подход к пониманию сути правового спора и основанная на нем позиция критикуется Н. Н. Ковтуном, который со ссылкой на работу В. Н. Кудрявцева и В. П. Казимирчука «Современная социология права» (1995) опирается в своих рассуждениях на положение о том, что «правовым конфликтом следует признать и такой конфликт, в котором спор непосредственно связан с принудительно изменяющимися правовыми отношениями сторон, их юридически значимыми действиями и состояниями», и отстаивает точку зрения, согласно которой любая из форм судебного контроля так или иначе связана с разрешением правового спора (конфликта) сторон, который «явно или в потенции присутствует перед судом ввиду объективного различия интересов сторон в уголовном процессе»[3]. Далее автор заключает, и следует согласиться с этим выводом, что «именно явный (при диспозитивной форме контроля) или потенциальный (при статутной форме контроля) конфликт названных интересов вызывает к жизни саму необходимость судебной проверки, требуя разрешения (оценки) судом законности и обоснованности имеющегося или потенциально-возможного ограничения прав и свобод»[4].

---

[1] Рябцева Е. В. Правосудие в уголовном процессе России. С. 10.

[2] Солодилов А. В. Судебный контроль в системе уголовного судопроизводства. Томск, 2000. С. 47; Каретников А. С., Арзамасцева К. А. Разрешение суда на производство следственных действий // Законность. 2011. № 2. С. 43–47.

[3] Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. С. 38–39.

[4] Там же. С. 39.

Следует добавить к сказанному, что в силу предписаний статей 2, 17, 18, 45, 46 Конституции РФ основные, конституционные и общепризнанные, права и свободы человека подлежат особо тщательной охране и обеспечению гарантиями со стороны государства и поэтому требуют эффективной судебной защиты посредством не только восстановительных процедур, но и актов правосудия, предупреждающих нарушение прав личности, а также нейтрализующих развитие конфликта интересов и упреждающих его перерастание в активный правовой спор (реальный конфликт) по поводу ограничения прав и свобод.

Публичный характер судебной власти предполагает, а защищаемые правосудием частный и общественный интересы в одинаковой степени требуют, чтоб режим соблюдения прав и свобод личности в судопроизводстве обеспечивался при любых условиях, в том числе и тогда, когда отдельные индивидуумы – носители прав и свобод – по каким-либо причинам не желают их активно защищать, а тем более – в условиях нормативного ограничения состязательности (ст. 165 УПК РФ), когда управомоченный субъект объективно поставлен в условия, при которых не только не имеет возможности отстаивать в суде поставленные под угрозу права и законные интересы, но и остается в полном неведении о возможном их ущемлении.

Поэтому, думается, не случайно большинство (60,4%) проанкетированных соискателем практических работников, в том числе 51,4% опрошенных судей, согласились с утверждением, что в делах по ходатайствам следователя (дознавателя) о разрешении производства следственных действий в порядке ст. 165 УПК РФ суд по сути разрешает правовой спор, конфликт (*см. приложение № 2, сумма ответов «б» и «в» на 10-й вопрос анкеты*).

Ряд авторов (З. З. Зинатуллин, Л. В. Винницкий, Г. С. Русман, А. А. Камардина и др.) не включают в сферу правосудия иные формы процессуальной деятельности суда, находящиеся за пределами судебного разбирательства по уголовному делу, по причине того, что они не связаны с решением вопросов виновности и назначения наказания, а предназначены для

рассмотрения спорных вопросов иного рода[1]. Однако, такое положение вполне естественно. У каждой категории судебных дел свой предмет рассмотрения и, следовательно, отличное от иных содержание основного вопроса. Подобная дифференциация по предметному признаку всегда существовала как между различными видами судопроизводства, так и между разнородными делами в рамках одного вида процесса, в рассматриваемом случае – уголовного.

Произошедшее в ходе судебно-правовой реформы расширение предмета (категории спорных правоотношений) уголовного правосудия – проявление общих закономерностей становления и развития судебной власти в современной России и тенденций расширения юрисдикции судов всех категорий и уровней, объективно обусловленных общественными потребностями усиления правозащитных механизмов государства и укрепления правопорядка в стране средствами судебной защиты.

Примечательно, что практически никто из выдвигающих столь спорный аргумент не предлагает «выдворить» за пределы правосудия рассмотрение уголовных дел о применении принудительных мер медицинского характера (гл. 51 УПК РФ) и о применении принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ) либо судебные производства о назначении мер уголовно-правового характера (гл. 51.1 УПК РФ), а ведь вопросы виновности и наказания в этих делах судом тоже не решаются.

Рассматриваемые в рамках иных судебных дел «промежуточные», «частные» вопросы, как их иногда называют[2], вовсе не так второстепенны, как кажется на первый взгляд, и не менее важны для личности и общества, чем главный вопрос уголовного дела о виновности лица и мере его ответственности. В делах судебного контроля и делах по вопросам исполнения судебных решений

---

[1] Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. Уголовно-процессуальные функции: учебное пособие. Ижевск, 2002. С. 165–168; Винницкий Л. В., Русман Г. С. Судебный контроль за избранием меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста. М., 2008. С. 15; Камардина А. А. О понятии и сущности правосудия в уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 3. С. 16.

[2] В. П. Кашепов. Функции правосудия // Правосудие в современном мире: монография / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. М., 2012. С. 61.

права и свободы личности, интересы общества затрагиваются не менее существенно, а порой и более болезненно, чем в уголовном деле.

Если принять во внимание, что значительная часть уголовных дел в настоящее время (в 2021 г. – около 43%) по прежнему рассматривается в особом (упрощенном) порядке, не требующем судебного исследования доказательств и установления фактов по основному вопросу уголовного дела (см. *приложение № 1, таблица 5*), то следует признать, что дела судебного контроля, особенно по применению мер пресечения и рассмотрению жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, нередко более сложны и требуют больших усилий от судьи и сторон.

4. Деятельность уголовного суда по разрешению разнообразных вопросов в порядке уголовного судопроизводства *осуществляется в строго определенной законом процессуальной форме*. Рассмотрение судебных дел по любым уголовно-процессуальным обращениям, а не только уголовных дел, проходит в порядке судебного заседания, в условиях состязательного (как правило) разбирательства путем установления юридически значимых обстоятельств на основе исследования доказательств и материалов дела, с использованием унифицированных судебных процедур и правил, в режиме действия принципов уголовного судопроизводства и общих условий судебного разбирательства. Организация и осуществление уголовно-процессуальной деятельности в форме судебного заседания, обладающего общими для всех судебных дел элементами (частями) и содержащего унифицированные судебные процедуры, – явный и наиболее существенный из формальных признаков правосудия.

В литературе встречаются критические высказывания об упрощенности, «неполноценности» судебных процедур в иных, помимо рассмотрения уголовного дела, видах судебной деятельности, которые по большей части не столь убедительны, как кажутся на первый взгляд, и не вполне отражают современное состояние судебной практики.

На начальном этапе действия УПК РФ, вследствие новизны и недостатков регламентации процедур судебного контроля в стадиях досудебного производства, породивших нестабильную и противоречивую судебную практику,

имелось немало неясностей по существу судебно-контрольных производств и порядку их проведения[1], возникали сомнения относительно объема и пределов судебного разбирательства по делам судебного контроля и соблюдения в нем гарантий правосудия. Все это давало повод говорить о неразвитости, ограниченности и даже ущербности процедур судебного контроля[2], об ограниченном действии в судебном контроле принципов правосудия (в частности, гласности и состязательности)[3] и на этом основании противопоставлять его по форме правосудию.

Однако на сегодняшний день оснований для подобных выводов становится все меньше. Процессуальная форма судебного контроля развивается по пути усложнения, совершенствования и сближения с порядком судебного разбирательства по уголовным делам[4], благодаря прежде всего позитивному развитию судебной практики на основе правовых позиций Конституционного Суда РФ, решений и рекомендаций Верховного Суда РФ, а также прецедентов Европейского Суда по правам человека.

Аналогичная тенденция наблюдается и в законодательном преобразовании и практической реализации порядка ведения судами дел по вопросам, связанным с исполнением судебных решений. Достаточно вспомнить внесенные в последнее десятилетие в ст. 399 УПК РФ существенные изменения, касающиеся: а) расширения перечня правовых вопросов по корректировке исполнения приговора (в сторону смягчения), право инициировать рассмотрение которых предоставлена осужденному (п. 2 ч. 1 ст. 399 УПК РФ)[5]; б) установления обязанности и сроков

---

[1] См.: Бурмагин С. В. Уголовный суд России. С. 236–249.

[2] См.: Кальницкий В. В. Судебное заседание как процессуальная форма деятельности суда в досудебном производстве по уголовному делу. С. 131–137.

[3] Азаров В. А., Таричко И. Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. С. 130.

[4] Самый показательный пример – развитие процедур рассмотрения ходатайств о заключении под стражу и продления срока содержания под стражей (ст. 108 – 109 УПК РФ), правила которых многократно изменялись, дополнялись законодателем и разъяснялись Пленумом Верховного Суда РФ.

[5] Федеральный закон от 01.12.2012 г. № 208-ФЗ «О внесении изменений в статьи 78 и 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 49. Ст. 6753.

извещения заинтересованных лиц, органов и учреждений – участников судебного заседания – о дате, времени и месте судебного заседания, обязанностей суда о вызове их, а также прокурора в судебное заседание, об обеспечении личного (непосредственно либо посредством видеоконференц-связи) участия в судебном заседании осужденного, когда он об этом ходатайствует (ч. 2 ст. 399 УПК РФ)[1]; в) предоставления потерпевшему, его законному представителю, представителю права участвовать в судебном рассмотрении отдельных вопросов исполнения приговора (пункты 4, 5, 19 ст. 397 УПК РФ, а также по вопросу об отсрочке исполнения приговора) и возложения на суд соответствующих обязанностей по обеспечению этого права (ч. 2.1 ст. 399 УПК РФ)[2]; г) распространения процессуальных прав (знакомиться с представленными в суд материалами дела, участвовать в их рассмотрении, заявлять ходатайства и отводы, давать объяснения, представлять документы), ранее представлявшихся только осужденному, на других участников судебного заседания: потерпевшего, его законного представителя, представителя (ч. 3 ст. 399 УПК РФ)[3].

Как верно указывает профессор В. В. Дорошков, на современном этапе развития уголовного судопроизводства судебное заседание по вопросам исполнения приговора должно соответствовать требованиям, предъявляемым к правосудию и касающимся состава суда, принципов осуществления правосудия, судебных актов, процедур их обжалования и т.п.[4]

Некоторое исключение из общего правила составляют процедуры рассмотрения судом ходатайств следователя (дознавателя) о разрешении

---

[1] Федеральный закон от 20.03.2011 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 13. Ст. 1687.

[2] Федеральный закон от 23.07.2013 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в статью 83 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // 2013. № 30 (Часть I). Ст. 4054; Федеральный закон от 30.03.2015 г. № 62-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации по вопросу участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора» // 2015. № 13. Ст. 1806.

[3] Федеральный закон от 23.07.2013 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в статью 83 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // СЗ РФ. 2013. № 30 (Часть I). Ст. 4054.

[4] Дорошков В. В. Совершенствование стадии исполнения приговора // Мировой судья. 2017. № 9. С. 33–40.

проведения большей части следственных и иных процессуальных действий (части 1 – 3 ст. 165 УПК РФ), в которых ограничивается действие состязательного начала судопроизводства, но не исключается конфликтность (спорность) правоотношения, являющегося предметом судебного исследования и разрешения. В целом данное исключение, вызванное объективными факторами, требует отдельного обсуждения[1], но не устраняет действие общих закономерностей уголовного правосудия, а лишь подчеркивает их.

Недостатки законодательного регулирования судебных полномочий и процедур в досудебном производстве и в так называемой стадии исполнения судебных решений до внесения законодателем необходимых изменений достаточно успешно преодолеваются судами в процессе правоприменения путем распространения на иные судебные дела общих правил и условий состязательного правосудия, а также вынесения решений в случаях их недостаточной регламентации на основании аналогии уголовно-процессуального закона.

Общие требования к порядку судебного разбирательства уголовных дел и условия его проведения (главы 35 и 36 УПК РФ): ведение протокола судебного заседания, разъяснение прав участников процесса, последовательное заслушивание участвующих в судебном производстве лиц, начиная с обратившейся стороны, исследование представленных доказательств и письменных материалов, вынесение в письменном виде итогового решения суда, предоставления права на его обжалование и т. д. – соблюдаются судами фактически во всех видах судебных производств. При рассмотрении любого дела (материала) в порядке уголовного судопроизводства суд обязан обеспечить высокий уровень гарантий права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство. Разъяснения, содержащиеся в ряде постановлений Пленума Верховного Суда РФ[2], и актуальная судебная практика не оставляют на этот счет никаких сомнений.

---

[1] Содержательные и процедурные особенности судебно-контрольных производств подробно рассмотрены и проанализированы в § 2 четвертой главы диссертации.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации»;

Опрос практических работников органов юстиции показал, что большинство из них разделяет мнение о том, что действие принципов уголовного судопроизводства (глава 2 УПК РФ) и общих условий судебного разбирательства (глава 35 УПК РФ) распространяется на процесс рассмотрения судебных дел (материалов) по вопросам судебного контроля, исполнения приговора и реабилитации. При этом 61% респондентов (63,3% судей) уверены, что принципы уголовного процесса и общие условия судебного разбирательств действуют в полном объеме, еще 31,5% (27,9% судей) признают действие только принципов судопроизводства, 1,2% подтверждают действие и принципов, и условий, но в ограниченном объеме, и только 5,6% опрошенных (4,7% судей) отрицают распространенность принципов уголовного судопроизводства и общих условий судебного разбирательства на процедуру рассмотрения иных (не уголовных) судебных дел (материалов) (*см. приложение № 2, ответы на вопрос 7-й анкеты*).

Имеющиеся процедурные особенности производств по делам судебного контроля и по вопросам, связанным с исполнением судебных решений, как, например, сроки рассмотрения дел и обжалования судебных решений (ст. 108 – 109 УПК РФ), некоторое ограничение состязательности в процедуре дачи разрешения на производство следственных и иных процессуальных действий (ст. 165 УПК РФ), особый круг участников судебного процесса, в частности, участие в заседании представителей государственных органов, исполняющих приговор (ст. 399 УПК РФ), отражают своеобразие этих форм правосудия и не отменяют действие общих и основополагающих правил разбирательства дел уголовным судом, так же как не разрушают единства правосудия такие дифференцированные его формы как особые («ускоренные») порядки судебного разбирательства (главы

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (в ред. от 11.06.2020) // БВС РФ. 2014. № 2; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) // БВС РФ. 2017. № 7.

32.1, 40, 40.1 УПК РФ) и особые производства уголовных дел (главы 50, 51, 51.1, 52 УПК РФ).

Следует также заметить, что производство по уголовным делам в вышестоящих (контрольных) инстанциях, где судебная процедура, действительно, значительно упрощена по сравнению с производством в суде первой инстанции, никем из процессуалистов не выводится по этой причине за границы правосудия. Даже наиболее ревностные приверженцы ограниченного подхода к определению объема уголовного правосудия признают, что «элементы содержания правосудия имеют место и в деятельности судов кассационной и надзорной инстанций»[1].

5. Деятельность по осуществлению правосудия носит *правоприменительный характер* и представляет собой особый, специфический тип (или форму) правоприменения[2], под которым обычно понимается решение судом конкретного дела (определенной правовой ситуации) путем приложения закона, общих правовых норм к конкретным лицам и обстоятельствам. Непосредственным результатом судебного правоприменения является разрешение правового конфликта посредством издания акта судебного правоприменения по конкретному юридическому делу[3].

Судебное правоприменение включает совокупность целенаправленных актов правоприменения, то есть юридически значимых для движения и рассмотрения судебного дела решений. Часть судебных решений разрешает текущие, процессуальные ситуации, а основное, завершающее правоприменительный цикл решение – главный правовой вопрос разбираемого судом дела.

Уголовным судом применяются нормы как материального, прежде всего уголовного, права, так и уголовно-процессуального. Вынесение судом всех без

---

[1] Зинатуллин З. З., Зезянов В. В. Судебная власть и правосудие по уголовным делам: соотношение с судебным контролем // Российский судья. 2005. № 5. С. 18–20.

[2] См.: Рафиков Р. Р. Судебное правоприменение: Теоретико-правовой анализ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н.-Новгород, 2006. С. 11–12; Курносова В. В. Судебная правоприменительная деятельность: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2018. С. 48.

[3] Аверин А. В. Истина и судебная достоверность (Постановка проблемы). СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. С. 79.

исключения процессуальных решений, а не только приговора, есть деятельность правоприменительная, поскольку, по сути, представляет собой разрешение вопросов как права, так и факта. По любому правовому, в том числе процедурному, вопросу, требующему судебного решения, суд устанавливает фактические обстоятельства и сопоставляет их с нормами права (безразлично, материального или процессуального), которые толкует и отбирает, создавая тем самым фактическую и юридическую основу для своего решения.

Таким образом, правоприменительным качеством, безусловно, обладают и деятельность по осуществлению судебного контроля в досудебном производстве, и деятельность суда по рассмотрению, вопросов, связанных с исполнением приговора, и всякая деятельность вышестоящих судебных инстанций по пересмотру обжалованных судебных решений.

6. Производство по каждому судебному делу *завершается финальным (итоговым) судебным решением,* которое венчает разбирательство по поступившему в суд обращению, разрешает дело по существу поставленного перед судом вопроса, нейтрализует конфликтную ситуацию либо предотвращает ее (аннулирует правовой спор), в конечном счете устанавливает между субъектами права конкретно-определенные правоотношения и может быть обжаловано заинтересованными участниками судебного процесса в вышестоящие судебные инстанции.

Такими свойствами обладает не только приговор суда, но и постановление о признании незаконными действия или решения следователя (ст. 125 УПК РФ), и постановление суда об отмене условного осуждения или продлении испытательного срока условно осужденному лицу в соответствии со ст. 74 УК РФ (п. 7 ст. 397 УПК РФ) и многие другие судебные решения. Любое из судебных решений не требует ни утверждения, ни согласования, имеет общеобязательную силу и должно быть неукоснительно исполнено (статьи 392 и 393 УПК РФ), что гарантируется возможностью государственного принуждения, включая меры уголовной ответственности за злостное неисполнение или воспрепятствование исполнению судебного акта (ст.315 УК РФ).

В этой связи вполне закономерной и не лишенной оснований представляется позиция большинства практических работников (87,2% судей, 75,5% прокуроров и 79,7% адвокатов), убежденных, что постановления (определения), выносимые по результатам рассмотрения дел (материалов) судебного контроля, а также по вопросам исполнения приговора и реабилитации являются, как и итоговые решения по уголовному делу, актами правосудия (см. *приложение № 2, ответы на 6-й вопрос анкеты*).

В то же время нельзя согласиться с утверждением, что решения по делам судебного контроля за органами уголовного преследования не обеспечиваются государственным принуждением, которого в судебном контроле якобы не предусмотрено[1]. Так может показаться, если принимать во внимание только уголовно-процессуальные нормы, которые действительно не устанавливают в отношении властных субъектов уголовного процесса никаких особых принудительных мер со стороны суда, за исключением применяемых к нарушителям порядка судебного заседания мер воздействия (ст. 258 УПК РФ). Аналогичное суждение можно было бы высказать и в отношении производств по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора, в которых помимо прокурора участвуют представители государственных органов, исполняющих приговор и иные судебные решения.

Однако, очевидно, что в единой системе государственных органов и государственной службы существуют иные (непроцессуальные), достаточно действенные механизмы обеспечивающие исполнение должностными лицами решений органов государственной власти, в том числе судебной. В частности, неисполнение судебного решения должностным лицом государственного (правоохранительного) органа означает грубое нарушение таких принципов деятельности соответствующего органа государственной власти как принцип законности и принцип соблюдения (охраны) прав и свобод граждан,

[1] Свиридов М. К. Соотношение функций разрешения уголовных дел и судебного контроля в деятельности суда // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. статей. Вып. 7. Томск, 2001. С. 6.

неисполнение им своих должностных обязанностей, может квалифицироваться как должностной проступок или преступление и повлечь соответственно дисциплинарную или уголовную ответственность. Существующие внутрислужебные, иерархические связи и упомянутые меры ответственности способны понуждать представителей власти уважать судебные решения и исполнять их.

Кроме того, противоправные действия и решения должностных лиц органов, ведущих производство по уголовному делу, совершенные вопреки властным распоряжениям суда, содержащимся в проигнорированном судебном решении, подпадают под уголовно-процессуальные санкции в виде признания таких действий и решений незаконными и не имеющими юридической силы, обязательной их отмены или устранения противоправных последствий, что опять же вызывает отрицательную оценку деятельности таких должностных лиц и влечет для них негативные последствия по службе.

В существующей правовой действительности сложно представить неисполнение уполномоченными органами государства или их должностными лицами постановлений судов о заключении обвиняемого под стражу или о его немедленном освобождении, об условно-досрочном освобождении осужденного от назначенного наказания, либо неподчинение должностных лиц решениям суда о признании их действий или решений незаконными, требующими устранения выявленных судом нарушений закона.

Помимо вышеизложенного, вескими аргументами отнесения к актам правосудия решений суда по результатам рассмотрения судебно-контрольных дел и дел по вопросам исполнения и реабилитации также являются: а) порядок их принятия в судебном заседании, заимствованный на практике судами посредством аналогии закона из процессуального порядка вынесения итоговых решений по уголовному делу, в частности приговора (принятие решения в совещательной комнате с соблюдением тайны и правил совещания, вынесение решений в виде отдельного процессуального документа, соблюдение общих правил внешнего оформления и подписания, немедленное оглашение принятого

решения в судебном заседании, разъяснение участникам судебного заседания существа, сроков и порядка обжалования решения)[1]; б) единство требований (законности, обоснованности, мотивированности и справедливости), предъявляемых к любым судебным решениям в уголовном судопроизводстве; в) общие процедурные правила их проверки в вышестоящих судебных инстанциях[2].

В свете сказанного непризнание за иными, помимо приговора, судебными решениями значения и характера актов правосудия[3] выглядит неубедительным. Акт правосудия имеет место каждый раз, когда суду приходится «судить о праве» и «судить на основе права».

Подводя итог сопоставления всех видов (направлений) деятельности уголовного суда с характерными свойствами правосудия, приходим к выводу, что любая уголовно-процессуальная деятельность суда, направленная на разрешение входящих в его компетенцию юридических дел и спорных вопросов, требующих установления фактических обстоятельств и применения к ним норм права, обладает всеми конструктивными признаками правосудия, а завершающее такую деятельность судебное решение есть акт правосудия.

Определившись с понятием, существенными признаками, предметной областью и пределами уголовного правосудия, считаем возможным перейти к рассмотрению иных сторон исследуемого правового явления посредством его структурно-функционального анализа.

---

[1] Воплощённая в практической деятельности уголовного суда унификация процедур вынесения заключительных судебных решений по любым разновидностям дел в уголовном судопроизводстве не позволяет согласиться с утверждением В. С. Васильевой о том, что «основное различие между правосудием и судебным контролем заключается в различном порядке принятия процессуальных решений» (Васильева А. С. Соотношение судебного контроля и правосудия. С. 18).

[2] Дикарев И. С. Правосудие и судебный контроль в уголовном процессе: соотношение понятий // Государство и право. 2008. № 2. С. 50–51.

[3] Абашева Ф. А., Зинатуллин Т. З. Функциональная характеристика современного российского уголовного процесса. С. 153; Васильева А. С. Соотношение судебного контроля и правосудия. С. 18.

§ 3. Деятельность суда по осуществлению уголовного правосудия: структура, содержание, виды и системное единство

Деятельность по осуществлению уголовного правосудия или, иными словами, процессуальная деятельность уголовного суда занимает в общей системе уголовного правосудия центральное место, выполняет ключевую, решающую роль в реализации задач и достижении целей правосудия, составляет основное, наиболее активное и деятельное содержание этой системы, привносит в нее необходимое властное начало, поэтому зачастую вполне обоснованно воспринимается как уголовное правосудие в его непосредственном значении, что нашло отражение в сформулированном выше определении уголовного правосудия.

Судебная деятельность – процессуальная деятельность уголовного суда – не является простым и конечным элементом системы правосудия, а представляет собой сложную по структуре и многофункциональную по содержанию организационно-правовую систему – подсистему уголовного правосудия, которое как системное образование более высокого порядка помимо собственно деятельности по осуществлению уголовного правосудия включает в себя: подсистему организационно-обеспечительной непроцессуальной деятельности органов судебной власти, подсистему деятельности субъектов, участвующих в уголовно-процессуальной деятельности суда, а также правовые основы организации и функционирования уголовного суда, правовые принципы и стандарты осуществления уголовного правосудия и другие конструктивные элементы.

Исходя из сказанного деятельность суда по осуществлению уголовного правосудия (уголовное правосудие в его непосредственном значении) требует комплексного, системного исследования. Системный подход позволяет проанализировать все составляющие деятельности уголовного суда в единстве и

взаимосвязи и в тоже время оценить ее отдельные направления (виды), а также понять и раскрыть своеобразие этой деятельности, проявляющееся в дифференцированных формах уголовного правосудия.

Деятельность суда по осуществлению уголовного правосудия как системное явление. В общем виде любая система может быть определена как «совокупность элементов, находящихся в определенных отношениях друг с другом и со средой»[1], во взаимодействии с окружающей действительностью она «выступает как единое целое и характеризуется появлением новых интегративных свойств»[2], не присущих составляющим систему объектам, взятым в отдельности[3]. В любом системном образовании выделяются сущность, содержание, структура и форма.

Если деятельность по осуществлению уголовного правосудия (уголовное правосудие в непосредственном смысле) рассматривать как системное правовое явление, то сущность данного явления есть разрешение специфических, присущих сфере уголовного судопроизводства споров о праве, а содержанием будет выступать процессуальная деятельность суда по рассмотрению и разрешению в порядке уголовного судопроизводства уголовных дел и иных спорных правовых вопросов (*см. схему 1*).

Сущность и содержание явления хотя и однопорядковые, но не равнозначные, не совпадающие категории. «Если сущность – основа, суть процесса, то содержание – выражение сущности в многочисленных и разнообразных ее проявлениях»[4], в рассматриваемом нами явлении – в многогранной деятельности уголовного суда.

---

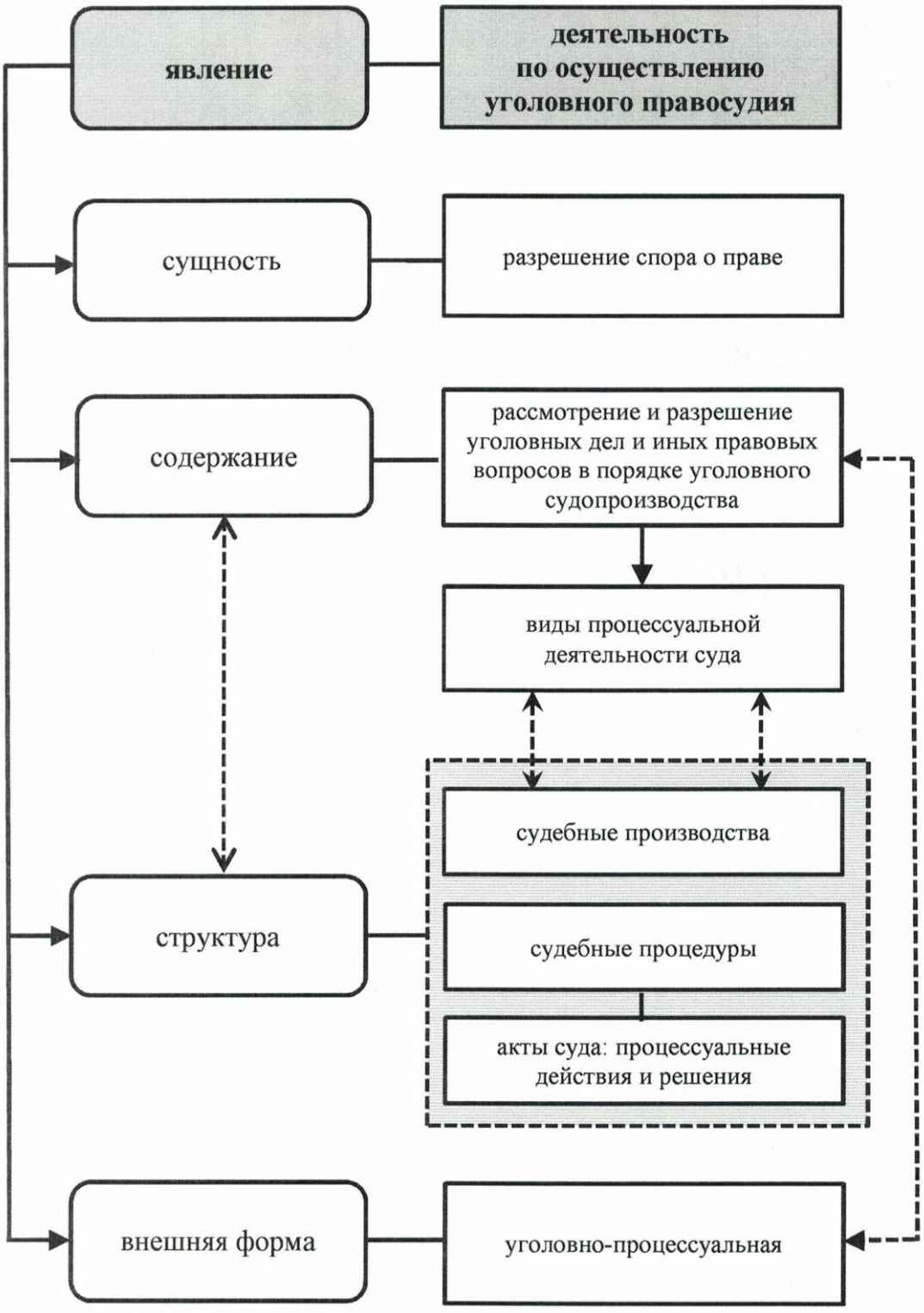
[1] Берталанфи Л. фон. История и статус общей теории систем // Системные исследования. Ежегодник 1973. М., 1973. С. 29.

[2] Ображиев К. В. Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 2. № 1. С. 92.

[3] Суздалов Е. Г. Теория систем и системный анализ. Конспект лекций. СПб, 2010. С. 9.

[4] Керимов Д. А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права: монография. М., 2019. С. 167.

Схема 1. Деятельность суда по осуществлению уголовного правосудия



Деятельность суда по осуществлению уголовного правосудия является разновидностью юридической деятельности и в этом качестве обладает общими, свойственными такого рода деятельности признаками[1]: а) имеет публично-властный, интеллектуально-волевой и организационно-управленческий характер; б) преобразует социальную действительность; в) опосредована правом; г) тесно связана с правоотношениями; д) процедурно формализована; е) влечет юридические последствия; но при этом как особый вид юридической деятельности наделена и специфическими чертами.

К таким отличительным чертам – характеристикам судебной деятельности следует отнести:

1) государственно-властную, правовую природу;

2) особый статус ее субъекта – суда (полнота власти в пределах установленной компетенции, самостоятельность и независимость, главенствующее положение в уголовном процессе);

3) инициирование исключительно процессуальным обращением заинтересованного субъекта (не может начаться по почину самого суда);

4) ограниченность пределами рассматриваемого судом юридического дела, правовой ситуации (казуса);

5) познавательный, правоприменительный, юрисдикционный характер деятельности, связанный с установлением фактических обстоятельств, применением материального права в полном объеме[2] и окончательным разрешением юридического спора посредством вынесения общеобязательного, имеющего силу закона судебного решения;

---

[1] См.: Карташов В. Н. Юридическая деятельность: Проблемы теории и методологии: автореф. дис. … д-ра юрид наук. М., 1990. С. 8–11; Беляев В. П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 11, 17–19.

[2] Например, исключительно суд вправе применить не только диспозицию уголовно-правовой нормы, но также и санкцию – назначить наказание, применить иные меры уголовно-правового характера, принудительные меры медицинского характера или воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 29 УПК РФ), только суд правомочен принимать решение о возмещении имущественного вреда (п. 3.1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ) либо о лишении имущества, имущественных взысканиях (ч. 3 ст. 35 Конституции РФ).

6) взаимосвязь и тесное взаимодействие с заинтересованными в исходе дела субъектами права (сторонами);

7) особо высокую степень формализации порядка осуществления и наличие специфической процессуальной формы – судебного заседания;

8) многообразие видов и форм процессуальной деятельности суда, их единство и дифференциацию;

9) стадийность судебной деятельности;

10) предъявление к процессу деятельности и ее результирующим актам не только правовых (законность, обоснованность), но и особых нравственных требований (соблюдение норм судейской этики, справедливость решений).

И. Ю. Носков выделяет также творческий характер судебной деятельности[1]. И хотя данное качество усматривается в любой юридической деятельности (в смысле ее творчески-преобразующей роли[2]), следует согласиться с данным автором в том, что в деятельности суда по осуществлению правосудия оно проявляется специфическим образом и с особой силой. Процессуальная детальность суда всегда связана с применением абстрактной правовой нормы, имеющей общее действие, к конкретному, единичному случаю, что подразумевает обязательное познание и учет казуальных особенностей дела, комплексное исследование, проверку и оценку доказательств, выбор подлежащей применению нормы права, а эти действия всегда несут в себе творческое начало. Интеллектуально-мыслительная составляющая судебной деятельности в высшей степени наполнена элементами логики, аналитики, правосознания.

Принятие решения требует от судьи знания и толкования права, обращения к научным знаниям, общественному и личному опыту, зачастую сопровождается устранением законодательных пробелов путем применения аналогии закона или права, нередко сочетается с собственным (судейским) усмотрением на основе интерпретации юридических норм, в особых случаях предваряется выработкой

---

[1] Носков И. Ю. Судебная деятельность: понятие, виды, основные характеристики: дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. С. 133–134.

[2] Карташов В. Н. Указ. соч. С. 5, 11.

правовых положений (позиций), значение и влияние которых может выходить за пределы конкретного дела. Даже составление и оформление в письменном виде сформировавшегося в сознании судебного решения – всегда процесс творческий, индивидуальный, позволяющий судье в рамках общих, устоявшихся правил составления юридических документов вырабатывать и практиковать собственный стиль, использовать различные языковые средства и применять языковые нормы, выстраивать логическое изложение содержательной части решения с учетом особенностей фактической стороны и прочих нюансов рассмотренного дела.

Деятельность по осуществлению уголовного правосудия как системный объект и разновидность юридической деятельности обладает собственной структурой, под которой понимается такое ее строение, расположение основных элементов и связей, которые обеспечивают ее целостность, сохранение объективно необходимых свойств и функций при воздействии на нее разнообразных (внутренних и внешних, объективных и субъективных) факторов действительности[1]. «Структура представляет собой внутреннее строение системы, включающее ее состав (набор элементов), а также отношения и связи между ее элементами. <…> В структурном отношении любая система характеризуется определенным набором элементов и связями между ними»[2].

Структура и содержание деятельности по отправлению уголовного правосудия тесно связаны, взаимообусловлены и подчиняются общим закономерностям развития. Структура предстает внутренней формой уголовного правосудия, она организует, упорядочивает, скрепляет в единое целое все элементы и их связи, образующие содержание деятельности по осуществлению правосудия, содержание со своей стороны наполняет структуру «живой тканью» своих элементов.

Содержание деятельности по осуществлению уголовного правосудия. В теории права под содержанием юридической деятельности понимается

---

[1] Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах / Под ред. М. Н. Марченко. Том 2. Теория права. М., 2000. С. 346; Карташов В. Н. Юридическая деятельность … С. 17.

[2] Ображиев К. В. Системный подход в юриспруденции … С. 93.

совокупность всех составляющих ее свойств и элементов. Конституирующими элементами содержания деятельности выступают такие ее характеристики как цели, задачи, объекты, субъекты и участники, юридические действия и операции, способы и средства их осуществления, принятые решения и результаты действий[1]. Рассмотрим эти элементы применительно к деятельности по осуществлению уголовного правосудия.

1. *Цели* процессуальной деятельности уголовного суда совпадают с целевым назначением уголовного правосудия, которое выражено как в конституционных нормах общего действия, так и в более конкретных положениях уголовно-процессуального закона, устанавливающего способы, средства и принципы судебной защиты права посредством уголовного судопроизводства[2]. Главная двуединая цель уголовного правосудия вытекает из общего назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ и состоит: 1) в защите и восстановлении нарушенных преступлением прав и законных интересов; 2) в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, а равно любого иного ограничения ее прав и свобод в процессе производства по делу. Указанные цели правосудия достигаются через решение общих и конкретных задач, которые стоят перед уголовным судом на протяжении всей его процессуальной деятельности, на какой бы стадии, этапе уголовного судопроизводства он не действовал и какие бы виды производства не осуществлял.

Основными, *общими задачами*, реализуемыми в судебной деятельности по осуществлению уголовного правосудия являются: 1) рассмотрение и разрешение конкретных уголовных дел и различных правовых вопросов, возникающих в ходе уголовного судопроизводства и отнесенных к компетенции суда; 2) обеспечение

---

[1] См.: Карташов В. Н. Указ. соч. С. 18; Общая теория государства и права. Академический курс … С. 346; Шагиев Б. В. Юридическая деятельность в современном российском обществе (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 16; Беляев В. П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности … С. 20-21; Носков И. Ю. Судебная деятельность: понятие, виды, основные характеристики … С. 99.

[2] Обоснование основных целей и задач уголовного правосудия приведено в предыдущем параграфе диссертации.

законности и справедливости осуществляемого судом производства по делу; 3) создание необходимых условий для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

2. *Объектами* деятельности по осуществлению уголовного правосудия – тем, на что направлена деятельность уголовного суда – выступают имущественные и нематериальные блага, права и свободы, публичные и индивидуальные интересы, подлежащие охране, восстановлению или ограничению судебной властью в процессе уголовного судопроизводства, а также общественные правоотношения и конкретные действия участников судопроизводства, другие явления, возникающие по ходу уголовного производства и служащие удовлетворению личных или общественных потребностей и интересов.

3. *Предметом* уголовного правосудия, то есть предметом судебного рассмотрения, являются юридические дела (казусы), подлежащие рассмотрению и разрешению в порядке уголовного судопроизводства. Исходя из обоснованного нами широкого понимания содержания уголовного правосудия, к ним следует относить не только уголовные дела, но и иные судебные дела (материалы), возбужденные (начатые) по любым поступившим в суд уголовно-процессуальным обращениям и рассматриваемые в отдельном уголовном производстве.

В основе любого судебного дела лежит конкретный социально-правовой конфликт или спорный юридический вопрос, отнесенный законодателем к компетенции судебной власти. Каждой категории судебных дел соответствует строго определенная, однородная группа конфликтов. Сущность и характер однородных конфликтов и особенности правоотношений, в рамках которых они возникают, предопределяют содержание основного правового вопроса, подлежащего судебному разрешению и составляющего суть судебного дела, и обуславливают процессуальные особенности производства по этой категории дел.

Основной правовой вопрос дела – главный (предметный) критерий разграничения судебных дел на категории, а производства по ним – на виды. По предметному признаку все рассматриваемые уголовным судом дела

первоначально делятся на четыре вида (категории): дела судебного контроля (судебно-контрольные дела), уголовные дела, дела по вопросам исполнения судебных решений (судебно-исполнительные дела), реабилитационные и компенсационные дела (*см. схему 3*).

4. *Субъектом уголовного правосудия*, если охватить эту деятельность целиком, выступает собирательный образ уголовного суда, вобравший в себя все органы судебной власти, обладающие компетенцией по ведению (рассмотрению) дел в порядке уголовного судопроизводства. В конкретных уголовно-процессуальных отношениях субъектом процессуальной деятельности выступает конкретно определенный судебный орган из числа судов общей юрисдикции или Верховный Суд РФ, но в этом качестве уголовный суд может предстать и в лице судьи (например, статьи 125, 165 УПК РФ), председателя суда или его заместителя (ч. 6 ст. 6.1, ст. 395, ч. 5 ст. 401.10, ч. 3 ст. 412.5, ч. 5 ст. 415 УПК РФ), а также присяжных заседателей, привлекаемых к участию в отправлении правосудия по уголовным делам в роли так называемых «судей из народа» (статья 1 и 2 Федерального закона от 20.08.2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»[1]).

5. К *участникам уголовного правосудия* следует относить всех иных субъектов уголовно-процессуальной деятельности (прокурора, следователя, потерпевшего, обвиняемого, защитника, свидетеля и т. д.), так или иначе участвующих в уголовном производстве, ведущемся судом, но с той оговоркой, что эти лица не участвуют в отправлении правосудия в собственном (узком) смысле этого понятия, не осуществляют правосудную деятельность, а посредством своих процессуальных действий либо отстаивают свой личный или служебный интерес в деле (стороны) либо оказывают суду содействие в реализации задач уголовного правосудия (иные участники). Хотя стороны и способны оказывать существенное (процессуальное) воздействие на деятельность

[1] Федеральный закон от 20.08.2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» (в редакции от 16.02.2022 г.) // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3528.

уголовного суда и влиять на принятие им решений, все судебные решения, в том числе итоговые акты правосудия, принимаются судебным органом самостоятельно, по его, как правило, одностороннему волеизъявлению.

Суд – основной, главенствующий субъект уголовно-процессуальных правоотношений, без которого немыслимо осуществление уголовного правосудия и получение от этой деятельности социально значимых результатов. Уголовное правосудие – исключительная компетенция судебной власти, и суд – эксклюзивный ее обладатель, поэтому в сфере осуществления уголовного правосудия суд выступает единственным властным субъектом. Властные полномочия суда распространяются на всех без исключения участников уголовного процесса, включая государственные органы и их должностных лиц (прокурора, следователя, дознавателя, представителей органов, исполняющих приговор и др.). Каждый из участников судебного процесса обязан подчиняться требованиям, распоряжениям и решениям уголовного суда, неукоснительно их исполнять (ч. 1 ст. 6 ФКЗ о судебной системе и ст. 392 УПК РФ), в то же время сам суд никому из них не подвластен и не подотчетен, его деятельность другими государственными органами не контролируется.

Сказанное не означает безграничного всевластия суда и произвольности его процессуального поведения. Согласно принципу независимости судей, при осуществлении правосудия по уголовным делам судьи подчиняются Конституции РФ и федеральному закону (ч. 1 ст. 8.1 УПК РФ). Судебная деятельность подробно и тщательно, в большей степени, чем действия других субъектов уголовного процесса, регламентирована уголовно-процессуальным законом, должна протекать в строгом соответствии с процессуальными принципами, требованиями и процедурными правилами в условиях действия многочисленных гарантий правосудности (законности, обоснованности и справедливости) принимаемых решений.

Уголовный суд осуществляет правосудие не изолированно, не сам по себе, а во взаимодействии с участниками судопроизводства, прежде всего со сторонами, вступая с ними в уголовно-процессуальные правоотношения. В рамках этих

правоотношений на суд возложены определенные обязанности, которым корреспондируют процессуальные правомочия (субъективные права) участников судебного производства.

Характер взаимоотношений, степень взаимодействия суда с другими участниками уголовного процесса обусловлены их общим правовым статусом, процессуальным положением и выполняемыми в уголовном производстве функциями, определяется состязательным порядком построения уголовного судопроизводства. Деятельность суда, как в целом, так и при совершении отдельных действий наиболее тесно, «плотно» связана с действиями заинтересованных в деле лиц – сторон. Эта связь обоюдная, так как не только инициатива и активность сторон во многом направляют деятельность уголовного суда и определяют ее содержание по конкретному делу, но и судебная деятельность (в особенности судебные решения) влияет на процессуальное поведение сторон, выбор ими последующих действий для отстаивания своих интересов и таким образом оказывает корректирующее воздействие на процессуальную деятельность сторон в целом.

6. *Юридические действия и операции*, образующие собственно деятельность суда по осуществлению уголовного правосудия, носят процессуальный характер и представляют собой множество регламентированных нормами УПК РФ поведенческих актов суда и их сочетаний, которые составляют активную, динамичную сторону судебной деятельности. По смыслу содержащихся в пунктах 32 и 33 ст. 5 УПК РФ положений, вся судебная деятельность в уголовном процессе без остатка протекает в форме процессуальных действий и процессуальных решений.

С точки зрения системности судебной деятельности процессуальные акты суда есть структурные элементы этой системы, которые посредством внутренних и внешних связей интегрируются в одно целое – деятельность по осуществлению правосудия. Будучи частями определенного целого, такие элементы только к ним (частям) не сводятся, поскольку представляют собой не «чистую», изолированную часть, а должны рассматриваться в комплексе их связей с

другими частями целого и с самим целым[1]. Чтобы раскрыть эти внутренние связи, необходимо проанализировать структуру судебной деятельности, чему посвящен следующий подраздел данного параграфа.

7. *Средствами* уголовно-процессуальной деятельности суда являются предметы, явления и процессы, с помощью которых обеспечивается решение задач уголовного правосудия и достигаются его цели, (материально-правовые нормы, процессуальные средства доказывания, меры процессуального принуждения, материально-технические и иные средства). Средства применяются судом для организации и обеспечения процесса правосудия, исследования обстоятельств спорного правоотношения и установления фактов, необходимых для разрешения конкретного уголовно-правового или процессуального конфликта, анализа правовых норм и изучения судебной практики, вынесения и оформления решения.

К *способам* осуществления уголовного правосудия, очевидно, следует относить те многочисленные процессуально-правовые возможности, заложенные во властных полномочиях уголовного суда, посредством и с помощью которых судебный орган реализует задачи правосудия при рассмотрении конкретных судебных дел. К характерным для судебной деятельности способам и методам ее осуществления можно причислить рассмотрение дел в публичном судебном заседании («слушание дела»), его открытость и, как правило, гласность, а также устность и непосредственность исследования доказательств, привлечение к участию в деле заинтересованных сторон и обеспечение реализации их прав и обязанностей, состязательность разбирательства дела и судебного производства в целом и т. д.

При этом процессуальные полномочия уголовного суда, в которых нормативно заложена потенциальная возможность определенным образом действовать и решать, образуют обширную и разветвленную подсистему уголовного правосудия – общую и «статичную» совокупность в определенной

[1] Керимов Д. А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2019. С. 189.

степени абстрактных прав и обязанностей суда, которые через основанные на них судебные действия и решения обретают динамизм и воплощаются в реальную деятельность по осуществлению правосудия по конкретному делу[1].

В своей совокупности средства, приемы, способы и методы процессуальной деятельности уголовного суда в различных сочетаниях и в купе с другими элементами образуют разнообразные, юридические по своей природе, *технологии осуществления уголовного правосудия* (например, технология подготовки судебного заседания, технология судебного разбирательства с участием присяжных заседателей, технология кассационного производства), представляющие собой разновидности правоприменительной технологии[2].

Структура деятельности по осуществлению уголовного правосудия. Итак, первичными структурными элементами деятельности уголовного суда выступают единичные уголовно-процессуальные акты суда, которые одновременно являются формой и результатом реализации властных процессуальных судебных полномочий и имеют значение юридических фактов[3].

Акты уголовного суда не хаотичны и не произвольны, а целенаправлены, взаимосвязаны и организационно упорядочены, они регламентированы нормами уголовно-процессуального права и совершаются в строго установленном порядке при наличии определенных в законе оснований и условий. Изначально акты суда разделяются по своей правовой сущности и значению на два типа: *процессуальные действия и процессуальные решения*, а далее дифференцируются

---

[1] См.: Бурмагин С. В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе. С. 105–111; Бородинов В. В. Современная система уголовно-процессуальных полномочий суда // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 25–27.

[2] Колесник И. В. Теоретическая модель правоприменительной технологии: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 136, 168–175.

[3] Как известно из теории права, процессуальные акты представляют собой разновидность юридических (индивидуальных) актов – действий, прямо направленных на достижение правового результата (Общая теория государства и права. Академический курс / Под ред. М. Н. Марченко. Т. 2: Теория права. М., 2000. С. 285; Алексеев С. С. Общая теория права. М., 2009. С. 405–407).

внутри обоих типов по целевому назначению, характеру, формам, правовым последствиям и другим критериям и признакам[1].

Судебные решения содержат ответы на поставленные перед судом правовые вопросы и вытекающие из этих ответов (выводов) государственно-властные веления судебного органа, выраженные в определенной форме и направленные на индивидуальное регулирование, упорядочение общественных отношений, они подводят итог процессуальной деятельности суда на определенном ее этапе или завершают правоприменительный цикл в целом. В этом сущностное отличие судебных решений от процессуальных действий суда, которые не обладают столь мощным регулятивным воздействием и результирующим эффектом, а в структуре судебной деятельности подчинены решениям суда и в целом по отношению к последним выполняют «обслуживающую», вспомогательную роль.

Судебные решения представляют собой наиболее важный, результирующий компонент процессуальной деятельности уголовного суда, составляют ее сердцевину, отражают и воплощают в себе саму суть правосудия. Бесспорно, что судебная власть объективировано и функционально проявляется в различных судебных актах ее органов и иных документально-юридических формах их действий[2], но основополагающим процессуальным средством выражения и реализации судебной власти выступает решение суда. Именно посредством процессуальных решений, прежде всего, реализуются наиболее значимые властные полномочия суда, осуществляются его процессуальные функции, достигаются цели и задачи уголовного правосудия.

---

[1] См.: Коваленко Е. Н. Судебное решение: теоретико-методологические и технико-юридические аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук, Ростов-на-Дону, 2009. С. 8–9; Пальчикова М. В. Определения и постановления суда первой инстанции в российском уголовном процессе: монография. М., 2013 С. 81–94; Загорский Г. И., Качалов В. И. Процессуальные (судебные) акты в уголовном процессе. М., 2014. С. 7–20; Бурмагин С. В. Акты уголовного суда // Бурмагин С. В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе. М., 2016. С. 120–143; Беляев М. В. Свойства судебных решений в российском уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 26–48.

[2] Тузов Н. А. Понятие, виды, природа, функции и качество судебных актов // Судебная власть и правосудие в Российской Федерации: Курс лекций / Под ред. В. В. Ершова. М., 2011. С. 504.

Судебные действия сами по себе, вне связи с судебными решениями, не имеют никакого смысла, поскольку предназначены для создания необходимых условий и предпосылок для принятия решений либо образуют собой собственно деятельность уголовного суда по принятию решения либо выполняются во исполнение судебных решений или в обеспечение их исполнения. По своему характеру и назначению уголовно-процессуальные действия суда любой инстанции и по всякому рассматриваемому уголовным судом делу можно разделить на три группы: 1) *подготовительно-обеспечительные*, совершаемые в целях подготовки судебных заседаний, создания необходимых условий для надлежащего разбирательства дела (извещение сторон, вызов свидетелей, истребование документов, направление копий судебных постановлений и т. п.); 2) *проводимые в судебном заседании* и входящие в систему действий и решений, образующих собственно разбирательство дела (открытие судебного заседания, действия в подготовительной части судебного заседания, судебно-следственные действия, заслушивание судебных прений и последнего слова, вынесение и оглашение судебных решений и т. д.); 3) *исполнительно-обеспечительные*, следующие за разрешением судебного дела и предназначенные для обеспечения прав сторон, связанных с обжалованием судебного решения, и для надлежащего исполнения судебных решений (вручение и направление копий судебных решений, ознакомление с протоколом судебного заседания, рассмотрение замечания на протокол, обращение судебного решения к исполнению и т. д.).

В то же время ни одно судебное решение, тем более итоговое, завершающее разбирательство по делу, не может состояться без предшествующей, достаточно сложной процедуры, включающей в себя комбинацию сочетающихся процессуальных действий, обеспечивающих формирование фактических и юридических оснований для решения суда. Без проведения надлежащих подготовительных и обеспечительных действий и самого судебного разбирательства невозможно получить законный и справедливый акт правосудия. Таким образом, действия суда создают необходимые основания и условия для принятия судом решения (для разрешения того или иного вопроса), решения же

служат правовым основанием для совершения новых (последующих) процессуальных действий, они позволяют суду при отправлении правосудия преодолевать определенные процессуальные моменты, «проходить» промежуточные этапы, поступательно осуществлять свою правосудную деятельность и успешно завершить ее.

Процессуальные действия и решения суда на основе существующей между ними связи, обусловленной общей направленностью на решение той или иной локальной (промежуточной) задачи, группируются в процессуальные блоки, образуя отдельные *судебные процедуры*, которые возникают в ходе уголовного производства по поводу постановки перед судом того или иного правового вопроса, находящегося в компетенции суда и требующего судебного решения. Процессуальные действия суда в этой связке создают необходимые условия и предпосылки для принятия решения, венчающего судебную процедуру, либо выполняются во исполнение решения суда и в этом случае следуют за принятым решением и завершают процедуру. Судебная процедура по своей сути представляет частный случай того объединения актов субъекта юридической деятельности, которое в теории права обычно именуют юридической операцией[1], поэтому предлагаемое нами понятие судебной процедуры можно считать конкретизацией обобщенной категории «юридическая операция» применительно к деятельности уголовного суда.

Исходя из сказанного, ***судебную процедуру*** в уголовном судопроизводстве следует определить *как совокупность последовательных и взаимосвязанных процессуальных действий и решений уголовного суда, предназначенных для разрешения отдельного, частного правового вопроса или реализации одной из стоящих перед судом локальных, промежуточных задач*.

К таким судебным процедурам относятся, например, деятельность судьи по назначению судебного заседания (статьи 227 – 231 УПК РФ), возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом

[1] См.: Общая теория государства и права. Академический курс. С. 347; Карташов В. Н. Юридическая деятельность: Проблемы теории и методологии … С. 20–21.

(ст.237 УПК РФ), рассмотрение и разрешения отводов (ст. 65 УПК РФ), допрос свидетеля (статьи 278 – 281 УПК РФ), рассмотрение судом ходатайств сторон о дополнении судебного следствия (ст. 291 УПК РФ) и т. д. Судебные процедуры связываются в более крупные, организационно законченные и нормативно определенные процессуальные образования – судебные производства (*см. схему 2*).

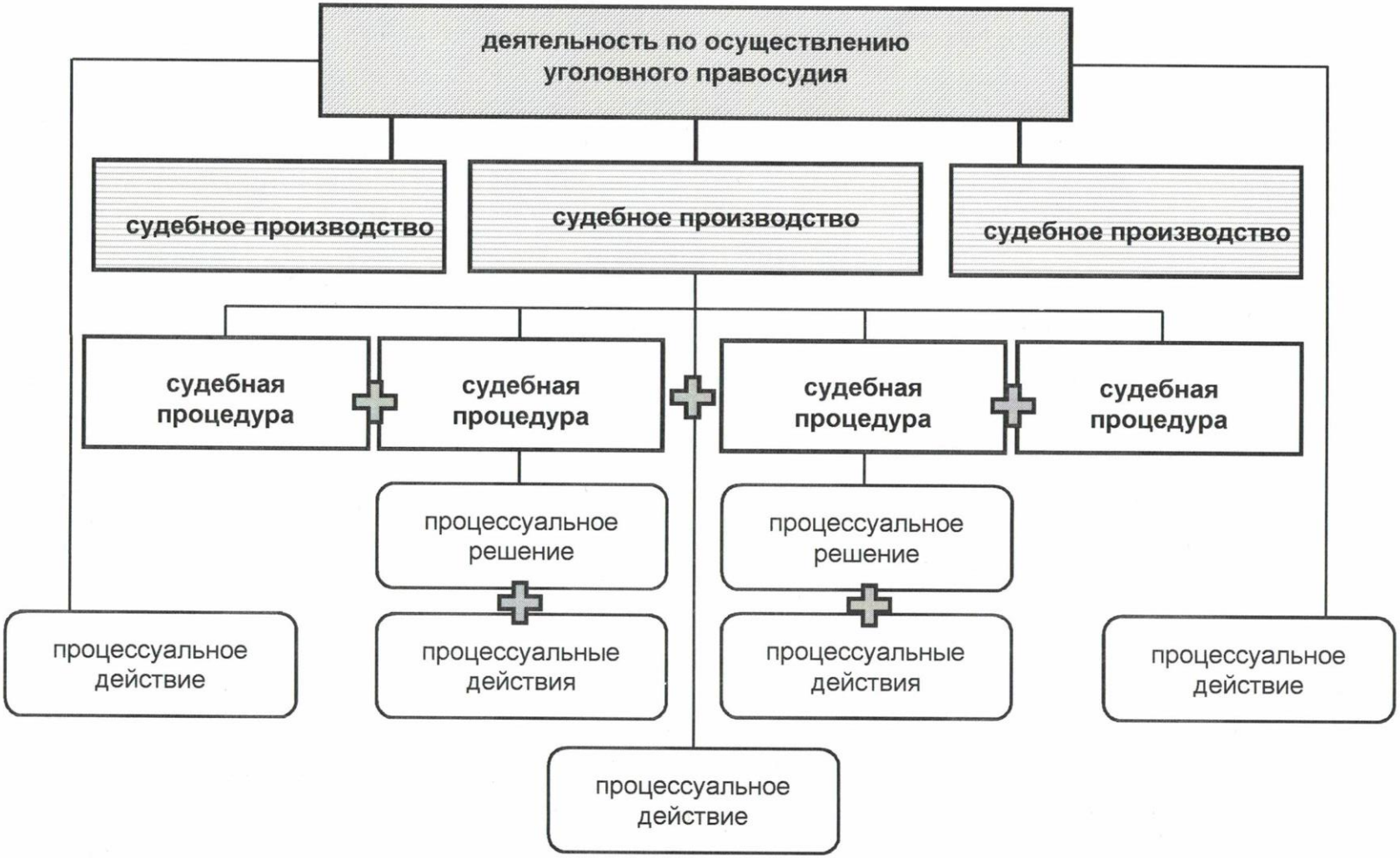
Судебные производства предназначены для разрешения основного правового вопроса, поставленного в обращении инициативной стороны, положившем начало судебному процессу – разбирательству конкретного юридического (судебного) дела.

В отличие от судебной процедуры судебное производство более продолжительно, охватывает рассмотрение не отдельного, текущего вопроса, а судебное дело в целом, разбивается на этапы, позволяет достигать главных целей уголовного правосудия и всегда завершается вынесением итогового, а не промежуточного судебного решения[1].

Судебную процедуру необходимо отличать от судебного производства и применительно к случаям, когда предметом судебного рассмотрения в рамках этих разноуровневых структурных образований выступают сходные по содержанию правовые вопросы, обычно сугубо процессуального свойства (об избрании или изменении меры пресечения, наложении ареста на имущество и т. п.). Значительное количество таких вопросов встает перед судом в процессе непосредственного рассмотрения уголовного дела, и в этом случае их разрешение вписывается как неразрывная составляющая в судебное разбирательство по уголовному делу, предстает в виде судебной процедуры в рамках единого судебного производства, направленной на урегулирование возникших промежуточных вопросов, корректировку хода судебного разбирательства, и, следовательно, носящей вспомогательно-обеспечительный характер.

[1] Развернутое понятие и признаки судебного производства даны в § 4 второй главы диссертации.

Схема 2. Структура деятельности суда по осуществлению уголовного правосудия



Вместе с тем подобные вопросы могут быть поставлены перед судом и в отдельных обращениях заинтересованных лиц, когда производство по уголовному делу непосредственно судом еще не осуществляется (например, при возбуждении следователем перед судом ходатайства об избрании обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу в порядке ст. 108 УПК РФ), либо уже завершено (рассмотрение в порядке ст. 399 УПК РФ вопроса о заключении под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания). В этих случаях деятельность суда по рассмотрению такого вопроса обособляется в отдельное уголовное производство, проходит все этапы и стадии, характерные для самостоятельного уголовно-процессуального производства.

Разнородные судебные производства ввиду единства их правосудной природы и общности задач, общих принципов уголовного правосудия и закономерностей его осуществления строятся по единой логической схеме движения дела в суде, независимо от существа дела и судебной инстанции, ведущей производство по делу, включают в себя сходные по форме и идентичные по содержанию и назначению процессуальные действия, решения и целые унифицированные процедуры.

В то же время в каждом судебном производстве и в деятельности каждой судебной инстанции, ввиду наличия своеобразных судебных полномочий и особенностей реализации общих прерогатив суда, присутствуют специфические процессуальные действия и решения. Для различных видов и стадий судебных производств такая неординарность обусловлена различиями в предмете судебного рассмотрения и конкретизацией задач, стоящих перед судом в разнотипных производствах и на разнородных стадиях, и связанной с этим дифференциацией средств и методов судебной защиты, которыми наделен уголовный суд для отправления правосудия.

Виды процессуальной деятельности уголовного суда. Деятельность уголовного суда по осуществлению правосудия, несмотря на то, что протекает в рамках одного вида судопроизводства, весьма разнообразна и многогранна, распространяется на все стадии уголовного процесса и сопровождается

вынесением различных процессуальных решений по множеству вопросов, которые приходится рассматривать суду в порядке уголовного судопроизводства. Помимо стадий судебного производства, которые не мыслимы без деятельности суда и традиционно были сферой его компетенции, суд по действующему УПК РФ значительно усилил свое влияние на производство дел в стадиях досудебных.

В теории уголовного процесса принято считать, что основным предметом судебного разбирательства является предъявленное обвинение в преступлении и связанный с ним материально-правовой вопрос о виновности или невиновности лица, привлеченного по уголовному делу в качестве обвиняемого[1], который красной нитью проходит через все производство по уголовному делу. Действительно, значительную часть судебной деятельности занимают действия по рассмотрению и разрешению по существу уголовных дел, направленные на выполнение одной из главных задач уголовного суда.

Вместе с тем, как отмечено выше, разрешение уголовного дела – не единственная задача суда в уголовном процессе. Она охватывает значительную часть, но не всю судебную деятельность. В производство суда первой инстанции поступают не в меньшем, а даже в большем количестве юридические дела, предметом которых являются иные спорные вопросы как материально-правовые, так и сугубо процессуальные, разрешение которых не связано с непосредственным применением норм уголовного права (*см. приложение № 1, таблица 1*).

---

[1] Зинатуллин З. З., Егорова Т. З., Зинатуллин Т. З. Уголовно-процессуальное доказывание: Концептуальные основы: Монография. Ижевск, 2002. С. 121–122, 176, 178; Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: Учебник для вузов. СПб., 2005. С. 41; Якимович Ю. К., Пан Т. Д. Судебное производство по УПК Российской Федерации. СПб., 2005. С. 93; Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / под ред. О. А. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко. Ростов-на-Дону, 2015. С. 263.

Я. О. Мотовиловкер основным вопросом уголовного дела считал вопрос об уголовной ответственности лица за вменяемое ему деяние, под которой подразумевал ответственность в материальном смысле, т. е. ту ответственность, которой обвиняемый подлежит, если будет установлено, что он действительно виновен в совершении преступления (Мотовиловкер Я. О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты: Вопросы факты и права. Воронеж, 1984. С. 7–10).

Подобного рода судебные дела (материалы), разделяемые нами по предметному признаку на: а) *дела судебного контроля*, б) дела по вопросам исполнения судебных решений – *судебно-исполнительные дела*, в) дела по вопросам реабилитации и возмещения вреда – *реабилитационные и компенсационные дела*, – в количественном отношении занимают значительное место в практике уголовного суда и в совокупности постоянно превосходят объем рассматриваемых уголовных дел. Так, например, в 2021 году российские суды по первой инстанции рассмотрели 772 223 уголовных дел, и в этот же период – 1 131 876 судебно-контрольных дел, 685 201 судебно-исполнительное дело и 2 235 реабилитационных и компенсационных дел[1].

Вся деятельность суда в уголовном процессе по предметному признаку – в зависимости от предмета судебного рассмотрения, то есть от того главного правового вопроса, по поводу которого начато судебное производство и для разрешения которого проводится судебное разбирательство – подразделяется на виды и подвиды, которые по их месту в системе уголовно-процессуальной деятельности суда и уголовного процесса в целом, субъектному составу, однородности (сходства) предмета правосудия и процедурных правил распределяются по четырем основным группам:

1) *Судебный контроль законности досудебного производства,* представляющий собой судебно-контрольную деятельность по проверке соблюдения конституционных прав и свобод личности органами и должностными лицами, осуществляющими досудебное производство по уголовным делам. Данной деятельностью охватываются:

- применение по ходатайствам следователя, дознавателя мер пресечения: запрета определенных действий, залога, домашнего ареста и заключения под стражу (статьи 105.1 – 108 УПК РФ);

[1] Отчет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2021 г. (Форма № 1) // ГАС РФ «Правосудие» [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671 (дата обращения: 10.06.2022).

- рассмотрение ходатайств следователя, дознавателя, прокурора о продлении срока содержания под стражей, домашнего ареста, запрета определенных действий, применения залога (ст. 109 УПК РФ);
- применение иных мер процессуального принуждения по ходатайствам следователя, дознавателя (статьи 114, 115, 116, 117 – 118 УПК РФ);
- продление по ходатайству следователя, дознавателя срока наложенного ранее ареста на имущество (ст. 115.1 УПК РФ);
- разрешение производства следственных и иных процессуальных действий (пункты 4 – 8 и 10.1 – 12 ч. 2 ст. 29, ч. 1 – 4 ст. 165, ч. 3 ст. 178 УПК РФ);
- проверка законности следственных действий, произведенных без предварительного судебного решения (ч. 5 ст. 165 УПК РФ);
- рассмотрение ходатайств следователя, дознавателя о помещении подозреваемого, обвиняемого, не содержащегося под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства соответственно судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы (п. 3 ч. 2 ст. 29 и ч. 2 ст. 203 УПК РФ);
- установление по ходатайству следователя, дознавателя срока для ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела (ч. 3 ст. 217 УПК РФ);
- рассмотрение ходатайств о переводе лица, страдающего психическим заболеванием и содержащегося под стражей, в психиатрический стационар (ч. 1 ст. 435 УПК РФ), а также о помещении лица, страдающего психическим заболеванием и не содержащегося под стражей, в психиатрический стационар (ч. 2 ст. 435 УПК);
- рассмотрение жалоб на процессуальные действия (бездействия) и решения органов предварительного расследования и прокурора (статьи 125, 125.1 УПК РФ);

- разрешение отмены постановления органа предварительного расследования или прокурора о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по истечении одного года со дня его вынесения (п. 13 ч. 2 ст. 29, ч. 1.1 ст. 214, ст. 214.1 УПК РФ);
- дача (принятие) заключения по представлению Президента РФ о наличии или отсутствии в действиях Генерального прокурора РФ или Председателя Следственного комитета РФ признаков преступления (части 2 и 3 ст. 448 УПК РФ);
- проверка по жалобе управомоченного лица законности и обоснованности решения прокурора об экстрадиции – выдаче лица иностранному государству (ст. 463 УПК РФ);

2) Рассмотрение и разрешение уголовных дел, которое включает:

- рассмотрение уголовного дела по существу предъявленного обвинения;
- рассмотрение уголовного дела с ходатайством следователя (дознавателя) о применении к несовершеннолетнему лицу мер воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ);
- рассмотрение уголовного дела о применении к лицу, совершившему общественно-опасное деяние, принудительных мер медицинского характера (статьи 440 – 446 УПК РФ);
- рассмотрение уголовного дела с ходатайством следователя (дознавателя) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении обвиняемого (подозреваемого) и применении к нему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 446.2 УПК РФ);

3) Разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора и иных судебных решений. К данному типу деятельности относятся:

- разрешение предусмотренных статьями 397 – 398 УПК РФ и другими правовыми нормами вопросов, связанных с исполнением наказания (ст. 399 УПК РФ);

- разрешение вопроса об отмене постановления о прекращении уголовного преследования и применении принудительной меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего на основании ч. 4 ст. 90 УК РФ и направлении материалов уголовного дела органу предварительного расследования (ч. 5 ст. 427 УПК РФ);
- разрешение вопросов о прекращении, продлении, восстановлении срока пребывания несовершеннолетнего осужденного в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа, а также о переводе его в другое специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (части 3 – 8 ст. 432 УПК РФ);
- разрешение ходатайств о продлении, изменении, прекращении принудительной меры медицинского характера (ст. 445 УПК РФ);
- рассмотрение представления судебного пристава-исполнителя об отмене судебного штрафа на основании ч. 2 ст. 104.4 УК РФ (статьи 446.5 и 399 УПК РФ);
- разрешение вопросов, связанных с признанием и исполнением приговора либо постановления суда иностранного государства в части наказания (статьи 399, 469, 470, 472 УПК РФ) или конфискации полученных преступным путем доходов (гл. 55.1 УПК РФ);
- рассмотрение представлений (ходатайств) о применении (назначении) обеспечивающих исполнение приговора процессуальных мер: о назначении судебно-психиатрической экспертизы (п. 4.2 ст. 397 УПК РФ), о заключении под стражу осужденного (пункты 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ), об избрании меры пресечения лицу, в отношении которого поступил запрос от иностранного государства о его выдаче (ч. 1 ст. 466 УПК РФ);
- рассмотрение ходатайств о снятии судимости (ст. 400 УПК РФ);

4) Рассмотрение вопросов реабилитации и возмещения вреда, причиненного незаконной уголовно-процессуальной деятельностью:

- рассмотрение требований реабилитированного о возмещении имущественного вреда (статьи 135 и 139 УПК РФ);
- рассмотрение требований о восстановлении трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав реабилитированного (ч. 1 ст. 138 и ст. 399 УПК РФ);
- рассмотрение заявлений о возмещении вреда лицу, незаконного подвергнутого мерам процессуального принуждения (ч. 3 ст. 133, статьи 135 и 399 УПК РФ);
- рассмотрение заявлений о возмещении вреда, причиненного юридическим лицам незаконной процессуальной деятельностью должностных лиц органов, осуществляющих уголовное судопроизводство (статьи 135, 139, 399 УПК РФ).

Судебное рассмотрение вышеперечисленных вопросов (дел) судебного контроля, исполнения приговора и иных судебных решений, реабилитации и возмещении вреда продиктовано тем, что они также как и уголовные дела отнесены уголовно-процессуальным законом к исключительной компетенции суда, и другие государственные органы как ведущие предварительное расследование, так и осуществляющие исполнение судебных актов не вправе их разрешать самостоятельно, а обязаны обращаться с соответствующими ходатайствами, представлениями в уголовный суд. Добавление обозначенных юридических дел, наравне с делами уголовными, к прерогативе судебной власти вполне закономерно и обусловлено тем, что: а) в их основе лежат спорные правовые вопросы, отражающие столкновение частного и публичного интереса; б) эти вопросы непосредственно касаются соблюдения основных прав и свобод человека и гражданина, поставленных Конституцией РФ под судебную защиту; в) по поводу правомерности их ограничения возможен конфликт между личностью – носителем этих прав и свобод – и публичной властью, законное и справедливое урегулирование которого возможно лишь посредством правосудия. Перевод подобного рода спорных правовых вопросов в сферу судебного правоприменения обеспечивает их наилучшее разрешение благодаря выделенным выше специфическим качествам правосудной деятельности: независимый суд, гласное

состязательное судебное разбирательство с равноправным участием заинтересованных сторон и т. д.

Помимо разграничения по предметному критерию деятельность по осуществлению правосудия в зависимости от характера и объема судебных полномочий делится на процессуальную деятельность, осуществляемую разными судебными инстанциями: первой инстанции, второй (апелляционной) инстанции, кассационной инстанции и надзорной инстанции. Межинстанционные различия судебных полномочий детерминированы особым назначением каждой судебной инстанции и наличием у них наравне с общими задачами (правозащитными, обеспечительными, превентивными) задач специфических, реализация которых требует специальных, адекватных этим задачам правовых средств, процессуальных способов и методов деятельности.

Так, если суд первой инстанции на основе применения состязательного метода и с использованием процессуальных средств познания и доказывания обязан непосредственно рассмотреть и разрешить поступившее к нему уголовное дело или иное процессуальное обращение в полном объеме и по существу, то суды вышестоящих инстанций призваны проверить обжалованное решение нижестоящего суда, выявить и исправить возможную судебную ошибку, поэтому рассматривают поступившее дело не «от начала до конца», а, как правило, в пределах жалобы или представления на соответствующее решение суда и в своей деятельности в большей степени используют контрольно-проверочные средства и опираются на опосредованный метод познания.

Особую, исключительную и экстраординарную, часть деятельности суда по осуществлению правосудия представляет собой пересмотр вступивших в законную силу приговоров, постановлений и определений уголовного суда ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, который является составной частью уголовно-процессуальной деятельности по возобновлению уголовного производства по указанным основаниям (гл. 49 УПК РФ)[1]. Назначение этого вида

[1] Подробнее о сущности возобновления уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельства см.: Давыдов В. А. Возобновление уголовного

деятельности состоит в устранении (отмене или изменении) дефектного акта уголовного правосудия, незаконность которого не была и не могла быть выявлена обычными способами проверки судебных решений на основе их обжалования и исправление которого требует установления и принятия во внимание новых или вновь открывшихся по делу обстоятельств, которые не были известны суду, но имеют существенное значение для разрешения дела и могли повлиять на исход судебного разбирательства.

Указанные виды деятельности уголовного суда процедурно обособлены и не смешиваются друг с другом, образуют части единого целого – деятельности суда по осуществлению правосудия. Первичным является деление правосудной деятельности по предметному признаку (по категории рассматриваемых судебных дел), вторичным – по судебным инстанциям, ее осуществляющим. Деятельность судебных инстанций разбивает рассмотрение каждого дела в порядке уголовного судопроизводства на последовательные, взаимосвязанные этапы – стадии. Соответственно каждое из рассматриваемых уголовным судом дел может, при условии обжалования принимаемых по этим делам судебных решений, пройти все контрольно-проверочные стадии судебного производства. Данные судебной статистики указывают, что контрольные и исполнительные (включая реабилитационные, которые в отчетах не выделяются из исполнительных) судебные дела регулярно становятся предметом уголовно-процессуальной деятельности судов апелляционной и кассационной инстанций (*см. приложение № 1, таблицы 2 и 3*).

Каждой разновидности судебной деятельности соответствует определенный вид судебно-уголовного производства, общее суммарное множество которых составляет ту часть уголовного процесса, в которой присутствуют и функционируют органы судебной власти. Судебная деятельность определенного вида осуществляется в границах и процессуальном порядке, установленном для соответствующего судебного производства, поэтому можно констатировать, что

судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: теория и практика исправления судебных ошибок. М., 2012. С. 14–41.

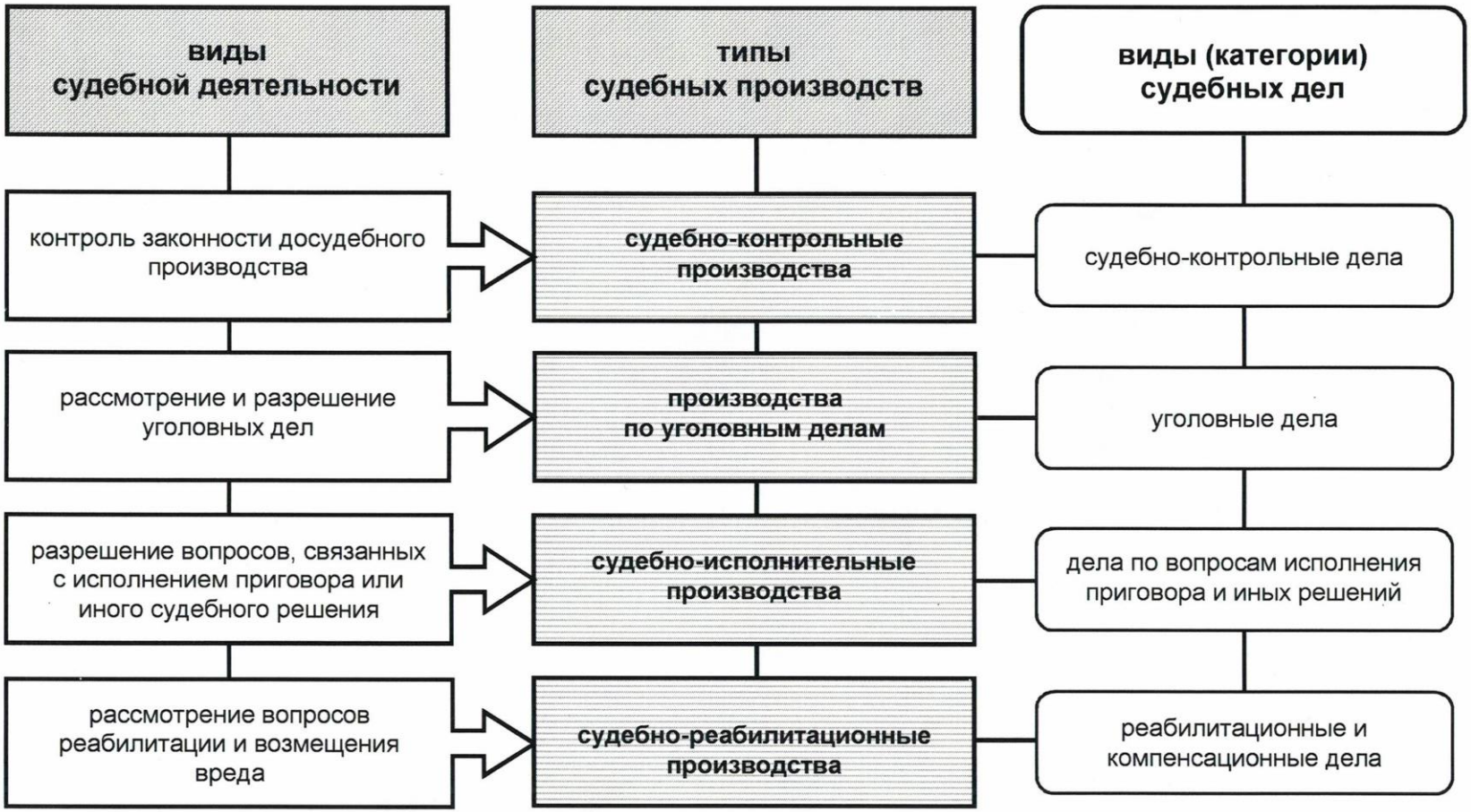
судебно-уголовное производство есть форма деятельности уголовного суда или форма осуществления уголовного правосудия, которая используется судом для рассмотрения соответствующей этому производству категории дел, подлежащих в соответствии с процессуальным законом рассмотрению в порядке уголовного судопроизводства (*см. схему 3*).

При относительной самостоятельности все виды (части) уголовно-процессуальной деятельности суда в форме соответствующих судебных производств взаимосвязаны, сопряжены друг с другом и по воле законодателя интегрированы в деятельность по осуществлению уголовного правосудия.

Роль основных системообразующих связей, объединяющих все виды и формы уголовного правосудия в единое целое, выполняют такие факторы как взаимообусловленность видов деятельности, их односубъектность (выполняются исключительно судебными органами – судами общей юрисдикции), общие для всех видов деятельности основные социально-правовые цели и задачи уголовного правосудия, общность процессуальных функций и единство внешней правовой формы деятельности уголовного суда (принципов правосудия, общих условий судебного разбирательства и процедурных правил).

Благодаря дополнению традиционной деятельности суда по рассмотрению и пересмотру уголовных дел особыми видами правосудия – судебным контролем досудебного производства, гарантирующим доступ к правосудию и обеспечивающим защиту конституционных прав и свобод личности на первоначальных стадиях производства по уголовному делу; корректировкой назначенного приговором наказания, условий и порядка его отбывания, повышающей уровень индивидуализации и эффективности уголовно-правовых мер воздействия; судебной деятельностью по восстановлению прав реабилитированных лиц, возмещения и компенсации вреда пострадавшим от неправомерных действий органов уголовной юстиции – уголовное правосудие в современной России закономерно расширило сферу своего действия, приобрело новое качественное состояние (особые синтезированные свойства) и усилило свой правозащитный потенциал.

Схема 3. Соотношение основных видов судебной деятельности и типов судебных производств



Так, например, оперативная (на стадиях досудебного производства) судебная проверка законности и обоснованности совершаемых органами уголовного преследования процессуальных действий повышает уровень судебной защиты прав и свобод личности, обеспечивает своевременное и эффективное восстановление нарушенных субъективных прав, снижает уровень конфликтности в уголовно-процессуальных отношениях и позволяет суду более успешно поддерживать в судопроизводстве оптимальный баланс частных и общественных интересов.

Динамизм системы уголовного правосудия. Уголовное правосудие – целостная, но при этом открытая и динамическая социальная система, т. е. такая система, которая обладает способностью регулярно обмениваться с внешней средой (социально-правовой действительностью) информацией и изменяет свое состояние во времени[1].

Постоянно функционируя в социальной среде в условиях перманентных, на протяжении нескольких десятилетий (с конца 80-х годов прошлого столетия) социально-экономических, политико-правовых и культурных преобразований российского общества, изменений доминирующих в социуме идеологических, мировоззренческих и морально-нравственных установок, деятельность по осуществлению правосудия неизбежно реагирует на такие происходящие в обществе изменения как трансформация общественных и личностных ценностей (потребностей), находящих выражение в праве, укрепление правозащитных механизмов государства, усиление роли и расширение сферы действия судебной власти, в том числе за счет придания ей полномочий по контролю и сдерживанию власти исполнительной, развитие и совершенствование процессуальных средств судебной защиты.

Под воздействием этих и многих других внешних факторов, отражающих общие закономерности общественного бытия и тенденции развития правовой

[1] Прохорова И. А. Теория систем и системный анализ. Челябинск, 2013. С. 13, 18 – 19; Суздалов Е. Г. Теория систем и системный анализ … С. 24; Основы теории систем и системного анализа: конспект лекций / сост. Е. Г. Водолазская, Н. В. Водолазская. Краматорск, 2003. С. 16.

системы, российское уголовное правосудие на основе действующего уголовно-процессуального права приобрело новые качества и содержание, которое не могло оставаться в рамках старой (дореформенной) процессуальной формы и закономерно требовало структурного изменения последней, дополнения правосудия новыми элементами, адекватными его обновленным, расширенным задачам в условиях построения правового государства. Для успешного функционирования уголовного правосудия и достижения стоящих перед ним целей деятельность уголовного суда наполнена разнообразными процессуальными действиями и решениями и снабжена широким кругом полномочий по их воплощению, позволяющими реализовывать судебную власть на всем протяжении уголовного судопроизводства.

Помимо этого, деятельность суда по осуществлению правосудия, как и всякое общественно-правовое явление, подвержено влиянию не только социального, но и научно-технического прогресса, на основе которого суды осваивают новые современные средства связи и коммуникации, информационного и организационно-правового обеспечения. За время проведения судебной реформы в российское уголовное правосудие внедрены элементы электронного делопроизводства, изготовление судебных решений и иных документов электронным способом, СМС-извещения участников судебного заседания, аудио-протоколирование судебных заседаний, применение видео-конференцсвязи, использование различных справочно-правовых и иных информационных автоматизированных систем.

В частности, в последние годы (2018–2021) отмечается заметный рост случаев применения технических средств судами первой инстанции при рассмотрении различных дел в порядке уголовного судопроизводства. Так, общее число судебных дел, рассмотренных с использованием видео-конференцсвязи, выросло с 93 130 в 2018 г. до 105 655 в 2021 г. (увеличение – *на 13,4%*); количество дел и материалов, по которым применялось аудио-протоколирование, увеличилось с 110 691 в 2018 г. до 1 174 724 в 2021 г. (увеличение – *в 9,6 раз*), а

количество дел, по которым использовалась видеозапись судебного заседания, возросло с 22 281 дела в 2018 г. до 78 421 дел в 2021 г. (*в 2,7 раза*)[1].

Дальнейшая оптимизация правосудия в соответствии с современными требованиями общественного развития связывается с созданием системы так называемого электронного правосудия, разработкой и более широким внедрением, в том числе в деятельность уголовного суда, цифровых технологий получения, обработки, хранения и использования необходимой для осуществления правосудия информации. Более того, все более активно исследуется возможность, пределы и правовые последствия «подключения» к правосудию искусственного интеллекта, оцениваются связанные с этим риски и перспективы повышения оперативности и качества правосудия, исключения из практики судебных ошибок, обусловленных человеческим фактором[2].

Выполненный в общих чертах анализ структуры и содержания деятельности суда по осуществлению правосудия необходимо дополнить рассмотрением важного вопроса о функциональности и функционировании уголовного правосудия. Исследование правосудия с функциональных позиций позволяет более глубоко раскрыть его содержание[3], выявить и познать еще одну связь, скрепляющую различные виды (части) уголовно-процессуальной деятельности суда. Роль такой важнейшей системной связи выполняют процессуальные функции, единые для всей системы уголовного правосудия, но безусловно

---

[1] Данные приведены из раздела 13 Отчетов Судебного Департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2018 – 2021 гг. (Форма № 1) // ГАС «Правосудие» [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 10.06.2022).

[2] См.: Заплатина Т. С. Искусственный интеллект в вопросе вынесения судебных решений, или ИИ-судья // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4. С. 160–168; Александров А. С., Андреева О. И., Зайцев О. А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 203–204; Андреев В. К., Лаптев В. А., Чуча С. А. Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 1. С. 19–34.

[3] Искендеров Р. Г. Правовое и социальное значение правосудного приговора. Баку, 1988. С. 19.

имеющие специфическое наполнение в каждом из типов и видов судебных производств.

§ 4. Теоретические основания и методологические подходы к функциональной характеристике уголовного правосудия

Изучение литературных источников, посвященных понятию и содержанию уголовного правосудия, приводит к мысли, что согласованному доктринальному трактованию объемов уголовного правосудия в определенной степени препятствуют различия во взглядах на количество и содержание выполняемых уголовным судом функций, которые в свою очередь являются следствием существующих расхождений в понимании и интерпретации общей категории «уголовно-процессуальные функции» (как по существу самих функций, их количеству, так и по носителям этих функций).

В науке уголовно-процессуального права учение об уголовно-процессуальных функциях имеет длительную историю, но, как свидетельствуют многочисленные очерки и исследования его развития[1], так и не достигло уровня стройной и завершенной научной теории. С советских времен в отечественной доктрине сформировались два основных направления, базирующихся на различных подходах в толковании понятия уголовно-процессуальной функции.

[1] Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 52–56; Чернышев В. А. Проблема функций в российской науке уголовного процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 1999. С. 4, 15–18; Танцерев М. В., Стойко Н. Г. Потерпевший и его функция в уголовном процессе Российской Федерации: Монография. Красноярск, 2003. С. 33–40; Дусейнова Э. Г. Функция суда по разрешению уголовных дел в системе уголовно-процессуальных функций России и Казахстана: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 10–12; Кириллова Н. П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. Монография. СПб., 2007. С. 52–56; Конин В. В. Уголовно-процессуальные функции: дискуссия не закончена // Наука и практика. 2008. № 1 (34). С. 63–65; Зинатуллин З. З., Туров С. Ю. Эволюция учения об уголовно-процессуальных функциях // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2012. Вып.1. С. 91–97; Бозров В. М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть: Монография. Екатеринбург, 2012. С. 4–15.

Первое основано на понимании функций как отдельных видов, направлений всей системы уголовно-процессуальной деятельности, связанных с целями и задачами, стоящими перед уголовным судопроизводством и обусловленных ими (Л. Д. Кокорев, Я. О. Мотовиловкер, В. П. Нажимов, В. М. Савицкий, М. С. Строгович, Н. Г. Стойко, М. В. Танцерев)[1]. В рамках второго направления уголовно-процессуальные функции понимаются как функции конкретных участников уголовного судопроизводства, увязываются с непосредственной деятельностью и основными процессуальными обязанностями отдельных субъектов уголовно-процессуальной деятельности, специальным назначением или ролью последних в уголовном процессе (В. Г. Даев, В. С. Зеленецкий, М. А. Чельцов, В. В. Шимановский, В. Н. Шпилев, П. С. Элькинд, Н. А. Якубович)[2]. В юридической литературе высказывались и иные, не получившие широкого распространения взгляды на процессуальные функции, например, как на части уголовно-процессуальной деятельности[3]. В связи с изложенным известные советские ученые-процессуалисты Л. Д. Кокорев и Я. О. Мотовиловкер в свое время отмечали, что в теории уголовного процесса нет

---

[1] Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 188—189; Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. С. 50–53; Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. М., 1971. С. 86–98; Нажимов В. П. Об уголовно-процессуальных функциях // Правоведение. 1973. № 5. С. 73–82; Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976. С. 5–11; Танцерев М. В., Стойко Н. Г. Потерпевший и его функция в уголовном процессе Российской Федерации. С. 33–40.

[2] Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 54–55; Шимановский В. В. К вопросу о процессуальной функции следователя в советском уголовном процессе // Правоведение. 1965. № 2. С. 175; Уголовный процесс / под ред. М. А. Чельцова. М., 1969. С. 11; Даев В. Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1974. № 1. С. 64–78; Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск, 1974. С. 56–68; Зеленецкий В. С. Функциональная структура прокурорской деятельности. Харьков, 1978. С. 11–13. Якубович Н. А. Процессуальные функции следователя // Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве. Сб. науч. трудов. М., 1980. С. 15–32.

[3] Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961. С. 37; Выдря М. М. Расследование уголовного дела – функция уголовного процесса // Советское государство и право. 1980. № 9. С. 78 – 83.

иной столь дискуссионной проблемы, как проблема процессуальных функций[1]. Подобная оценка актуальности данной темы уместна и в постсоветское время.

Проведя глубокий критический анализ существующих концепций и основных точек зрения, касающихся проблематики теории процессуальных функций, В. М. Бозров вынужден констатировать, что и на современном этапе, «несмотря на изобилие работ и известность ученых-процессуалистов, внесших лепту в разработку данной теории, все ее основные компоненты (что такое процессуальные функции, сколько их в сфере уголовно-процессуальной деятельности, как они называются и кем осуществляются) до сих пор вызывают горячие споры с учетом положений, содержащихся в новом УПК РФ»[2]. Профессор В. А. Лазарева дополнительно отмечает, что в научной литературе отсутствуют четкие критерии, позволяющие относить определенные виды судебной деятельности к категории функций или формы[3].

В результате сложившегося положения одни ученые утверждают, что суд в уголовном процессе выполняет единственную функцию разрешения дела[4], именуемую также функцией правосудия[5], а иногда функцией юстиции[6], при этом полагают, что реализация судом функции осуществления правосудия охватывает не только разрешение уголовного дела по существу, но и судебно-контрольную деятельность[7], другие напротив настаивают на наличии у суда отдельной

---

[1] Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. С. 50; Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. С. 160.

[2] Бозров В. М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. С. 15.

[3] Лазарева В. А. Проблемы реализации состязательности в уголовном процессе Российской Федерации // Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. М., 2013. С. 145.

[4] Строгович М. С. 1) Уголовный процесс. М., 1941. С. 83–84; 2) Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 199–200; Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и судебный приговор. Казань, 1965. С. 103; Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: Учебник для вузов. СПб., 2005. С. 104–105.

[5] Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976. С. 12–13.

[6] Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса. СПб., 2001. С. 84.

[7] Дикарев И. С. Правосудие и судебный контроль в уголовном процессе: соотношение понятий // Государство и право. 2008. № 2. С. 51.

процессуальной функции судебного контроля[1]. Ряд процессуалистов обосновывает многофункциональность процессуальной деятельности современного уголовного суда[2]. Отдельные авторы рассматривают правосудие одновременно и как функцию судебной власти, и как систему, включающую в себя различные функции и подфункции («функции правосудия»)[3], а также ведут речь о «функциях судебных актов»[4].

При этом нельзя не обратить внимание, что расхождения в позициях относительно количественных и качественных характеристик процессуальных функций детерминированы не только объективными факторами и разнообразием применяемых методологических подходов, но и допускаемыми некоторыми авторами неточностью, непоследовательностью использования в своих работах исходных дефиниций, а иногда и определенной небрежностью в применении понятийного аппарата. Нередко оппоненты, дискутирующие о понятии и содержании судебных функций, не замечают, что исходят из разной степени обобщения правовых явлений, и рассматривают функционирование суда в рамках несовпадающих социальных систем различного уровня.

---

[1] Азаров В. А., Таричко, И. Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России: Монография. Омск, 2004. С. 207–232; Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М., 2004. С. 27; Васильева А. С. Соотношение судебного контроля и правосудия // Российский судья. 2006. № 7. С. 17–19; Воскобитова Л. А. Суд как субъект уголовного судопроизводства. Осуществление судом власти в уголовном судопроизводстве // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2009. С. 103; Каштанова Н. С., Колбина В. А. Судебный контроль в уголовном процессе России // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 1 (50). С. 223–227.

[2] Мартынчик Е. Г. Социалистическое правосудие: предмет, правоотношения, функции и социальная роль // Правоведение. 1990. № 2. С. 38; Шилов А. В., Трошкин Е. З. Судебный контроль на стадии предварительного расследования в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Минск, 2004. С. 18; Берова Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. С. 15–16; Качалова О. В. Функции суда в современном российском уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2014. № 1. С. 8–10.

[3] Кашепов В. П. Функции правосудия // Правосудие в современном мире: монография / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. М., 2012. С. 47–62.

[4] Молодкин Н. Е. Функции судебных актов в правовом регулировании: автореф. дис … канд. юрид. наук. М., 2005. С. 14–17.

Так, например, в ряде научных работ термином правосудие одновременно без каких-либо оговорок и пояснений обозначается и функциональная характеристика (функция суда, функция судебной власти) и объект такой характеристики (деятельность суда)[1], не всегда должным образом разграничиваются понятия «функции судебной власти» и «уголовно-процессуальные функции суда» (или «функции суда») и допускается их смешение[2], тогда как это разные научные категории, отражающие связанные друг с другом, но различные правовые явления. Встречаются также утверждения о полной тождественности таких разносущностных понятий как судебная власть и правосудие[3]. Судебный контроль в юридической литературе предстает и как функция судебной власти[4], и как отдельная от правосудия уголовно-процессуальная функция[5], и как деятельность (разновидность деятельности)

---

[1] Бибило В. Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве. Минск, 2001. С. 59, 65, 74, 81.

[2] Тузов Н. А. Выражение функций органов судебной власти в судебных актах // Журнал российского права. 2008. № 10. С. 95–04.

[3] Чеботарев Г. Н. Принцип разделения властей в государственном устройстве Российской Федерации. Тюмень, 1997. С. 173, 179. – В диссертационной работе Н. В. Мишаковой подобное утверждение отсутствует, однако анализ и сопоставление сформулированных дефиниций приводят к выводу о смешении таких ключевых понятий как судебная власть, правосудие и судебная деятельность. Данным автором судебная власть определена как деятельность суда по разрешению конфликтов, правосудие названо функцией судебной власти и трактуется как принятие судебных актов, разрешающих дело по существу, т.е. по сути сводится к той же процессуальной деятельности, что и сущность судебной власти. При этом судебная деятельность объявлена отдельной функцией судебной власти, хотя по смыслу формулировок ее содержание полностью охватывает правосудие (получается, одна функция судебной власти поглощает другую) и выходит за установленные для судебной власти пределы (функция по объему шире самого явления?) (Мишакова Н. В. Теоретические и правовые аспекты совершенствования функций судебной власти в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. С. 15–18).

[4] Масликов И. С. Судебная власть в государственном механизме Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1997. С. 10–11; Яблоков В. А. Реализация судебной власти на досудебных стадиях уголовного процесса России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2001. С. 9; Анишина В. И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации: курс лекций. М., 2008. С. 65.

[5] Азаров В. А., Таричко И. Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. С. 207–232; Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М., 2004. С. 200–214; Васильева А. С. Соотношение судебного контроля и правосудия // Российский судья. 2006. № 7. С. 19; Марковичева Е. В. Осуществление правосудия и функции суда в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2018. Т. 28, вып. 1. С. 126–127.

уголовного суда[1], и как уголовно-процессуальная деятельность, имеющая многофункциональный характер[2]. Все изложенное приводит порой к несогласованности смыслов, вкладываемых в одноименные научные термины, и затрудняет анализ и сопоставление правовых категорий.

Между тем правильное определение функций уголовного суда имеет решающее значение для эффективного осуществления правосудия и развития всего уголовного судопроизводства. Научно обоснованное и методологически выверенное исследование уголовно-процессуальных функций суда и выявление связей между ними необходимо для более глубокого познания сущностных свойств и характеристик деятельности суда по осуществлению правосудия, раскрытия механизма претворения в актах правосудия ее результатов.

Внесение ясности в вопросе судебных функций важно и для правильного понимания назначения различных судебных решений, выносимых в процессе реализации судом своих процессуальных полномочий, обусловленных выполнением той или иной процессуальной функции. Наличие связи между функциями и актами органов судебной власти, по верному замечанию Н. А. Тузова, «предполагает более широкое и углубленное понимание правосудного значения судебных актов, чем просто представление о них как о неких результирующих судебно-процессуальных документах»[3]. Теоретически выделенные и законодательно закрепленные функции органов судебной власти определяют содержание и качество судебных решений, которые являются документально объективированным выражением функций судебных органов[4].

Высказанные соображения и существующие в доктрине разночтения побуждают затронуть дискуссионные вопросы функционирования суда в

---

[1] Солодилов А. В. Судебный контроль в системе уголовного процесса России. Томск, 2000. С. 22; Магизов Р. Р. Судебный контроль за законностью и обоснованностью применения мер процессуального принуждения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2004. С. 13.

[2] Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 9, 22.

[3] Тузов Н. А. Выражение функций органов судебной власти в судебных актах // Журнал российского права. 2008. № 10. С. 104.

[4] Там же.

уголовном процессе и еще раз концептуально и последовательно представить собственное мнение по проблеме функций уголовного суда[1], но уже в контексте проблематики настоящего исследования. И при освещении данного вопроса полагаем целесообразным начать с изложения теоретических концепций, положений, суждений и методологических подходов, задействованных автором при определении функций уголовного суда.

1. В русском языке слово функция имеет множество смысловых значений, используемых в различных областях человеческой деятельности и знания (науки)[2], но применительно к правовой сфере функция обычно предстает в качестве сущностной характеристики исходного правового явления, какой-либо юридической деятельности или субъекта этой деятельности. Функция непосредственно связана с самим объектом функциональной характеристики, но не совпадает с ним, поэтому понятие функции должно иметь собственное смысловое значение, отличное от смыслов иных правовых явлений, таких, например, как процессуальная деятельность, уголовно-процессуальные отношения, процессуальные обязанности. В противном случае утрачивается научная ценность и практическое значение данной категории как не имеющей собственного предмета, а все дискуссии вокруг понятия и наименования той или иной правовой функции превращаются в схоластический спор.

Функция органически связана с деятельностью, всегда проявляется через деятельность, реализуется в ней. Ведя речь о функции того или иного субъекта права либо правового явления (образования), каждый раз подразумеваем юридическую деятельность, в которой эта функция воплощается. Функция является общей качественной характеристикой деятельности, раскрывает ее

---

[1] Ранее функциональная характеристика уголовного суда излагалась соискателем в следующих работах: Бурмагин С. В.: 1) Расширение функций суда в состязательном уголовном процессе // Право и общество: сб. науч. тр. Архангельск, 2002. С. 4–10; 2) Роль и правовое положение суда в современном российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2009. Т. 1. С. 82–98; 3) Уголовный суд России: монография. М., 2010. С. 97–112; 4) Статус и деятельность суда в уголовном процессе. М., 2016. С. 94–104.

[2] См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1985. С. 746; Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1987. С. 526; Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999. Т. 4. С. 587.

содержание, а сама деятельность выступает определенной формой осуществления функции. «Функция предопределяет деятельность. В свою очередь, деятельность олицетворяет функцию. В этом смысле функция предшествует собственно деятельности <…> Деятельностью является то, что наступило, проявилось, существует реально. Деятельность – это осуществленная возможность. В отличие от нее, функция представляет собой реальную предпосылку деятельности»[1].

Применительно к уголовному процессу как социальной системе функцию следует рассматривать как «специфику или характер уголовно-процессуальной деятельности»[2]. Процессуальная функция в концентрированном виде выражает суть и направленность уголовно-процессуальной деятельности и чаще всего высвечивает определенную сторону деятельности, поэтому полагаем, что в названии функции должны отображаться специфика и характер деятельности, которые составляют содержание исследуемой функции и задают деятельности определенное направление и качественное состояние.

Функция правового явления или юридической деятельности как их качественная характеристика сама имеет правовой характер, правовую природу, находит отражение в нормах правах, вытекает из правовых предписаний, поэтому и функции уголовного суда должны находить отражение в уголовно-процессуальных нормах, регламентирующих как общие положения и принципы уголовного судопроизводства, так и непосредственно процессуальную деятельность суда и его полномочия.

2. Процессуальные функции производны от целей уголовно-процессуальной деятельности и от задач, выполняемых тем или иным ее субъектом, «каждая функция прямо или косвенно, непосредственно или опосредованно вытекает из задач и целей процесса»[3]. «Функция – это цель, положенная в деятельность: именно она определяет направление деятельности, от нее зависят назначение и

---

[1] Бибило В. Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве. Минск, 2001. С. 52–53.

[2] Чернышев В. А. Проблема функций в российской науке уголовного процесса. С. 10.

[3] Алексеева Л. Б. Уголовно-процессуальные функции // Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. М., 1989. С. 423.

роль участников»[1]. Функции упорядочивают процессуальную деятельность, придают ей целенаправленный характер, поскольку увязывают деятельность субъекта судопроизводства с его целями и задачами, которые для властных субъектов уголовно-процессуальной деятельности изначально выводятся из общего предназначения соответствующего государственного органа в системе правовой охраны и всеобщего, интегрированного назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). В этой связи можно утверждать, что процессуальные функции служат участникам производства по делу ценностно-ориентирующими векторами процессуального поведения и одновременно «скрепляют» уголовно-процессуальную деятельность в единое целое (обеспечивают единство уголовного процесса)[2].

Для выполнения обозначенной роли категория «процессуальная функция» призвана иметь обобщающий характер, ее содержание должно определяться не единичными (в рамках отдельно взятого процессуального действия), а достаточно общими целями и задачами уголовного судопроизводства. Функция, как верно отмечают Н. Г. Стойко и М. В. Танцерев, «характеризуется не каким-либо одним действием (какое бы важное значение оно не имело), а определенной деятельностью, т. е. совокупностью действий и решений, объединенных целью, на достижение которой они направлены, и порождающие (воплощающие) правовые смыслы для всего уголовного судопроизводства»[3].

Далее, мы разделяем позицию В. А. Чернышева, который, исходя из философской трактовки функции как «свойственного поведения», подошел к пониманию функции субъекта как идеальной модели его поведения, разграничивая ее с фактическим поведением[4]. В идеальном виде уголовно-процессуальные функции находят свое абстрактное выражение в нормативно закрепленных компетенции и полномочиях субъекта уголовного процесса, а

---

[1] Барабаш А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005. С. 227.

[2] Танцерев М. В., Стойко Н. Г. Потерпевший и его функция в уголовном процессе Российской Федерации. С. 38–39.

[3] Там же. С. 39.

[4] Чернышев В. А. Проблема функций в российской науке уголовного процесса. С. 12–15.

воплощаются в правовой действительности путем реализации субъектом деятельности (носителем функции) своих полномочий в рамках установленной компетенции при выполнении конкретных процессуальных действий и принятии процессуальных решений. Иначе говоря, процессуальная функция есть заложенный в уголовно-процессуальном праве ценностный потенциал, подлежащий раскрытию в живом движении, каковым является уголовное производство. Все сказанное в полной мере относится к процессуальным функциям уголовного суда.

Цели и задачи суда, выражающие его предназначение в уголовном судопроизводстве, задают судебной деятельности ценностные ориентиры и обозначают конечный или промежуточный результат, к которому эта деятельность должна стремиться, тем самым детерминируют функции уголовного суда.

Судебные функции в свою очередь очерчивают идеальную модель уголовно-процессуальной деятельности суда, указывают на ее границы и направления, предопределяют характер и состав судебных полномочий, необходимых для успешного и эффективного функционирования уголовного суда. Функции через соотносимые с ними компетенцию и полномочия суда устанавливают потенциально возможное и должное процессуальное поведение уголовного суда, которое через реализацию судебных полномочий превращается в реальность, в практическое осуществление правосудия.

При этом функции являются одним из факторов, определяющих пределы реализации судебных полномочий[1], они «удерживают» реально выполняемые судом процессуальные действия в установленных границах, не позволяя судебной деятельности отклоняться от заданных параметров и наполняться не свойственным правосудию содержанием. Так, например, суд наделен полномочием самостоятельно истребовать новые доказательства (ч. 1 ст. 86 УПК РФ), однако оно не может истолковываться как право или обязанность суда

[1] О пределах реализации судебных полномочий см.: Бурмагин С. В.: 1) Уголовный суд России. С. 131 – 135; 2) Статус и деятельность суда в уголовном процессе. С. 115–119.

собирать по собственной инициативе доказательства обвинения, поскольку такие действия есть ничто иное как выполнение обвинительной функции, несовместимой с возложенной на суд функцией разрешения дела (ст. 15 УПК РФ).

Таким образом, цели уголовного суда выражают предмет устремлений судебной власти в уголовном процессе – «что необходимо достичь» суду; задачи указывают судебному органу «что требуется исполнить, разрешить»; функции определяют «что должен делать» суд, чтоб выполнить поставленные задачи; компетенция суда в целом очерчивает сферу судебной деятельности (предмет ведения, категорию юридических дел и правовых вопросов), т. е. устанавливает «где, в каких границах и в каких случаях действует суд», а входящие в состав компетенции полномочия показывают «как, какими процессуальными средствами» суд может и должен выполнять возложенные на него функции. Ответ на вопрос, «что конкретно делает» суд при осуществлении правосудия, содержится в области его практической деятельности, в характере выполняемых им процессуальных действий и принимаемых решений по конкретному делу.

3. Поскольку процессуальная деятельность является сложным системным объектом, проблему определения уголовно-процессуальных функций в целом и процессуальных функций уголовного суда в частности следует решать на основе метода системного анализа[1].

В каждой из разнообразных, не совпадающих социально-правовых систем (подсистем) с различным уровнем обобщения правовых явлений или напротив их конкретизации, к каковым можно отнести и уголовный процесс, деятельность судебных органов проявляет определенные качества и свойства, наполняется особым смыслом. Актуализация конкретных свойств и смыслов вызывается закономерностями построения соответствующей системы, спецификой внутрисистемных функциональных связей, поэтому, давая функциональную

[1] Целесообразность системного подхода к определению понятия и содержания процессуальной функции более подробно обосновывается в работах: Кириллова Н. П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. С. 55; Попова Л. В. Системный подход в исследовании понятия уголовно-процессуальных функций // Вопросы осуществления правосудия по уголовным делам. Межвуз. сб. Вып. 10. Калининград, 1982. С. 35 - 42.

характеристику деятельности суда, методологически необходимо изначально четко обозначить систему координат, в которой эта деятельность подлежит рассмотрению.

В юридической литературе достаточно давно выражено понимание того, что «основные уголовно-процессуальные функции» и «функции отдельных участников уголовного процесса» – это разные категории, которые нельзя смешивать, поскольку в них отражены явления, хотя и сходные, но разного уровня[1]. М. Л. Якуб по этому поводу писал, что оба эти понятия – «два взаимосвязанных, но тем не менее разных аспекта рассматриваемой проблемы», каждый из которых «имеет свой смысл и свои основания». Данный автор одним из первых предложил различать функции как основные направления, виды процессуальной деятельности, дифференцируемые в общей системе уголовного процесса, и функции отдельного органа или лица, участвующего в процессе, под которыми понимал процессуальное назначение, основную процессуальную обязанность того или иного субъекта уголовного процесса[2].

Опытом применения теории систем при исследовании природы процессуальных функций обладали и другие авторы. Так, Я. О. Мотовиловкер, обращая внимание на структурность системы функций, указывал, что «систему функций можно делить на подсистемы, исходя из устойчивых взаимоотношений элементов отдельных уровней», считал возможным «в общей системе процессуальных функций выделить подсистемы гражданско-процессуальных и уголовно-процессуальных функций», а подсистему уголовно-процессуальных функций, являющуюся компонентом общей системы процессуальных функций, рассматривать в свою очередь в качестве самостоятельной (более низкого уровня)

---

[1] Нажимов В. П. Психологические основы учения об уголовно-процессуальных функциях // Правоведение. 1983. № 5. С. 52.

[2] Якуб М. Л. О понятии процессуальной функции в советском уголовном судопроизводстве» // Правоведение. 1973. № 5. С. 83–89.

системы, элементами которой могут выступать функции отдельных участников уголовного судопроизводства[1].

Несколько иной взгляд на структуру уголовно-процессуальных функций представлен в диссертационной работе В. А. Чернышева, который также разделяет два уровня функций: функции всей уголовно-процессуальной системы, состоящей из совокупности участвующих в уголовном процессе органов и лиц, задающие модель всей уголовно-процессуальной деятельности, и функции отдельных участников уголовного процесса и их групп (функции элементов системы). По мнению данного автора, функции всей системы (функции более высокого уровня) отражают в себе уголовно-процессуальную деятельность в целом, а направленность этой деятельности задана единой для всех субъектов процесса системой ценностей – общими задачами уголовного судопроизводства; функции же второго рода «существуют внутри функции уголовно-процессуальной системы» и направлены на решение одной из задач, поставленных перед участниками уголовного судопроизводства уголовно-процессуальным законодательством[2].

В нашем представлении функционирование органов судебной власти образует более многоуровневую систему, и для познания во всех аспектах правового феномена уголовного правосудия и заложенного в нем функционала следует «пройтись» по всем ступеням «функциональной лестницы» и отдельно остановиться на каждом уровне обобщения деятельности судебных органов. При этом следует иметь в виду, что в силу действия системных взаимосвязей «низовые» функции, максимально приближенные к практической деятельности, производны от «вышестоящих» функций, но в тоже время конкретизируют их применительно к более детально регламентированным на отраслевом уровне правовым отношениям, протекающим с участием суда.

---

[1] Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976. С. 12–13.

[2] Чернышев В. А. Проблема функций в российской науке уголовного процесса. С. 19–21.

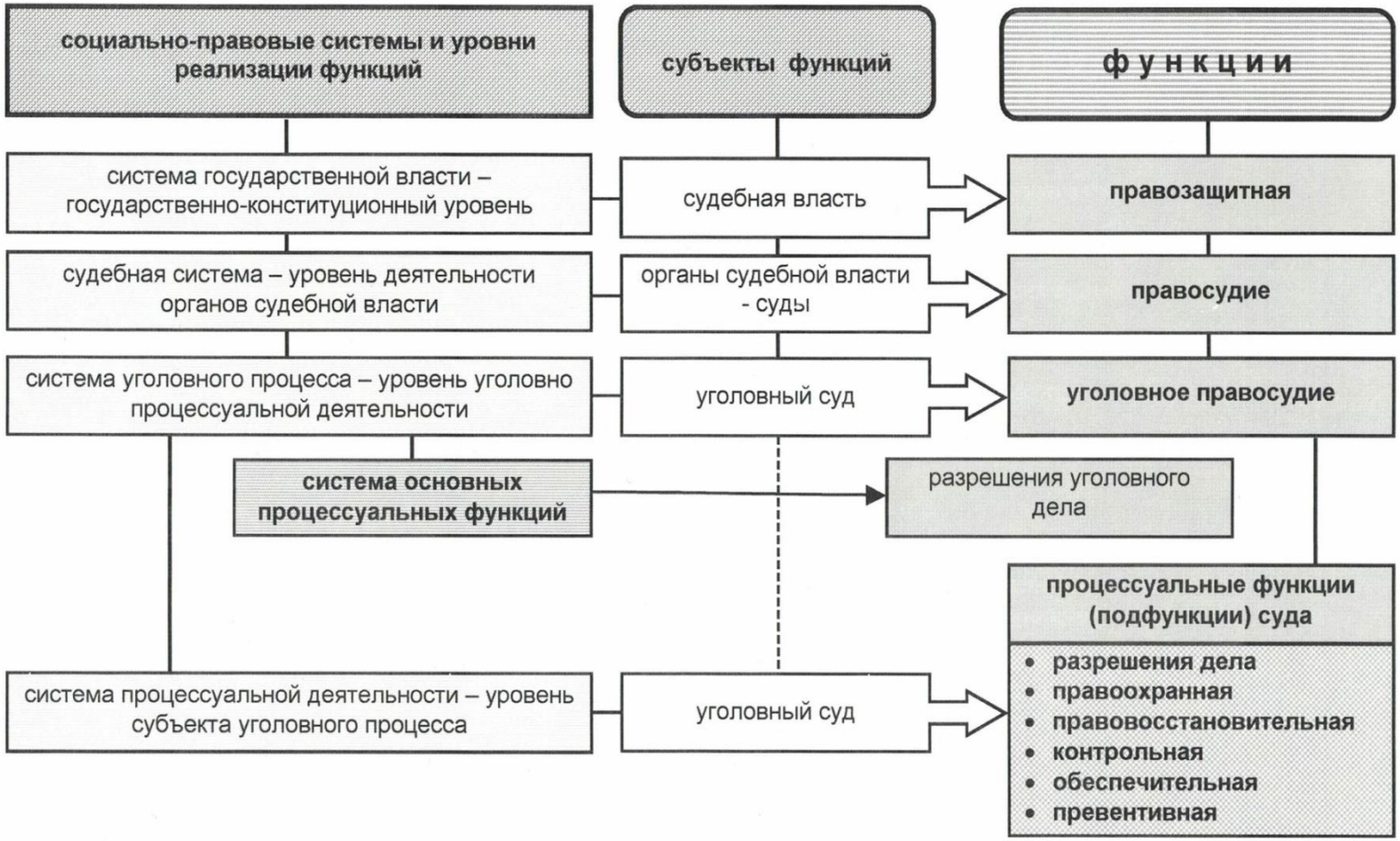
4. Самый высокий (с максимальной степенью обобщенности), государственно-конституционный уровень реализации деятельности суда находится в системе государственной власти. Элементом и субъектом функционирования этой системы выступает не уголовный суд и даже не совокупность всех судебных органов, а судебная власть в целом (*см. схему 4*).

Для ясности необходимо подчеркнуть, что судебная власть не сводится к ее носителям – судьям, судебным учреждениям или судебной системе в целом, а является сложным системным социально-правовым объектом и включает в себя такие компоненты как властная сущность, цели и функции судебной власти, средства и формы ее реализации, полномочия судебных органов, процессуальная и организационно-управленческая деятельность судов, а также особые государственно-властные отношения между органами судебной власти и иными субъектами права[1].

Являясь разновидностью государственной власти и будучи составной частью ее системы, судебная власть не может существовать и действовать вне государственного функционирования, поэтому закономерно принимает на себя (в той или иной мере и в преобразованном виде) функции, свойственные в целом государственной власти. Помимо этого в правовом государстве, каковым в ч. 1 ст. 1 Конституции РФ провозглашена (и должна являться в действительности) Российская Федерация, функции и деятельность судебной власти не могут не испытывать на себе влияния права: судебная власть не только функционирует

[1] Лазарева В. А. Судебная защита в уголовном процессе РФ: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 1999. С. 27; Организация деятельности судов: учебник / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2008. С. 24; Анишина В. И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации: курс лекций. М., 2008. С. 57–78; Газетдинов Н. И. Правосудие как основная форма реализации судебной власти // Российский судья. 2014. № 6. С. 20–23. Воскобитова Л. А. Теоретические основы судебной власти. С. 16, 26–41; Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации / под ред. В. М. Бозрова. М., 2017 С. 24. – По мнению М. И. Клеандрова, «структурно механизм судебной власти современной России можно представить как состоящий из трех взаимоувязанных и взаимозависимых компонентов: судоустройственного, судопроизводственного и определяющего статус лиц, непосредственно являющихся носителями судебной власти, – судей» (Клеандров М. И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты. М., 2011. С. 44.)

Схема 4. Судебные функции и уровни их реализации



исключительно в правовом поле, но посредством осуществляемого судебными органами правосудия реализует правовые предписания, раскрывает их смысл и содержание, активно влияет на формирование и развитие самого права. В этой связи мы поддерживаем позицию тех ученых, которые считают, что «функции судебной власти не только напрямую производны от функции государства, но в своем содержании базируются на функциях права»[1], что «судебная власть есть результат гармоничного их слияния»[2].

Как известно из теории государства и права, одной из важнейших, внутренних функций государства является функция охраны прав и свобод граждан и правопорядка[3] или правозащитная[4] (правоохранительная[5]) функция, а главными, специально-юридическими функциями права – регулятивная и охранительная[6].

Основной, конституционной функцией судебной власти, под которой следует понимать наиболее важное и преобладающее направление ее реализации, отражающее социально-правовую роль и главное предназначение судебной власти, является защита права (в широком смысле этого понятия) посредством отправления правосудия, т. е. ***правозащитная функция***[7]. Именно эта функция

---

[1] Фетищев Д. В. Судебная власть в механизме государства: вопросы теории и практики: Монография. М., 2007, С. 54; Анишина В. И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации: курс лекций. М., 2008. С. 62.

[2] Терехин В. А., Герасимова А. А. Современная реформа в России и развитие функций судебной власти // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 42–46.

[3] Общая теория государства и права: Академический курс в 2-х томах / Отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2000. Том 1. Теория государства. С. 204–205; Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права. М., 1998. С. 55; Теория государства и права / Под ред. В. М. Корельского, В. Д. Превалова. М., 2000. С. 151–155.

[4] Нерсесянц В. С. Общая теория государства и права. М., 2002. С. 258.

[5] Петрухин И. Л. Правосудие в системе государственных функций // Правоведение. 1983. № 3. С. 36; Бибило В. Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве. С. 53.

[6] Венгеров А. Б. Теория государства и права. Часть II. Теория права. Т. 1. М., 1996. С. 70; Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права. С. 171; Алексеев С. С. Общая теория права. М., 2009. С. 131–135; Социология права: курс лекций: в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М, 2015. Т. 1. С. 200–201.

[7] Обоснование наличия у судебной власти правозащитной функции см.: Лебедев В. М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб., 2001. С. 31–32; Лазарева В. А.: 1) Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара, 1999. С. 32–45; 2) Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве по уголовному делу: Монография. М., 2010. С. 6–15; Ковтун Н. Н. Судебный контроль в

находится в непосредственной связи с вышеуказанными функциями государства и права, оказывающими на нее формирующее воздействие, и получила широкое нормативно-правовое закрепление как на конституционном уровне (статьи 18, 22, 23, 25, 44, 52, 120, 125 Конституции РФ), так и в отраслевом законодательстве через установление целей и задач судебных органов в соответствующем виде судопроизводства (ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»[1] (далее – ФКЗ о Конституционном Суде), ст. 6 УПК РФ, ст. 2 ГПК РФ[2], ст. 2 АПК РФ[3], ст. 3 КАС РФ[4]).

Функция защиты права в широком смысле не ограничивается обережением конституционных прав и свобод человека и гражданина. Помимо субъективных прав личности при осуществлении правосудия, в том числе уголовного, судебной защите подлежат права и законные интересы юридических лиц (учреждений и организаций), а также интересы государства и общества в целом – публичные интересы. При этом судебная защита охватывает не только случаи нарушения правопорядка гражданами, но и случаи, «когда его ущемляют должностные лица государства, обладающие властными полномочиями, а также государство в целом»[5].

В научной литературе для обозначения основной функции судебной власти используются также такие термины как «правоохранительная функция»[6],

---

уголовном судопроизводстве России. Н.-Новгород, 2002. С. 22–23; Бурмагин С. В. Уголовный суд России. С. 13–21.

[1] Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в редакции от 01.07.2021 г.) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (в редакции от 11.06.2022 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[3] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (в редакции от 11.06.2022 г.) // СЗ РФ. № 30. Ст. 3012.

[4] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (в редакции от 11.06.2022 г.) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

[5] Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы. М., 2003. Т. 6. Российская Федерация. С. 26–27.

[6] Гуськова А. П. К вопросу о судебной защите прав и свобод человека, гражданина в российском уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2005. № 6. С. 12–13.

«обеспечение прав и свобод человека и гражданина»[1], «судебная защита прав и свобод»[2], «конституционная функция судебной защиты прав и законных интересов»[3], но при всем словесном разнообразии обозначения возложенной на судебную власть основной функции все авторы вкладывают в ее содержание одинаковый смысл – защиту права и законных интересов, поэтому не считаем целесообразным вдаваться в настоящей работе в сравнительный лексический анализ предлагаемых наименований и дискутировать по этому поводу, а полагаем необходимым ограничиться констатацией сущности данной функции.

Защита права – главная, но не единственная функция судебной власти, хотя и отражает ее основное предназначение. Если углубиться в социально-правовую природу судебной власти, следует согласиться с точкой зрения тех правоведов (Н. А. Колоколов, В. И. Анишина, В. А. Терехин и др.), которые расценивают судебную власть как многофункциональный феномен и выделяют в ее механизме как общие, характерные для многих органов государственной власти функции (правотворческие, идеологические, социальные, политические, воспитательные, и т. д.), так и специальные, осуществляемые только органами судебной власти (связанны с управлением судебными учреждениями, обеспечением деятельности по отправлению правосудия, обобщением и анализом судебной практики и т. п.)[4]. Но поскольку для выявления вертикали («иерархии») судебных функций, непосредственно влияющих на содержание деятельности по отправлению уголовного правосудия, интерес в рамках предмета нашего исследования

---

[1] Мартыняхин Л. Ф. О процессуальных функциях судебной власти и судов, ее осуществляющих // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства. Томск, 2004. С. 42–43.

[2] Сбоев А. С. Механизм судебного контроля в досудебном уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 12.

[3] Ковтун Н. Н. Указ. соч. С. 18–23; Фетищев Д. В. Судебная власть в механизме государства: вопросы теории и практики: монография. М., 2007. С. 41, 44.

[4] См.: Колоколов Н. А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М. 2010. С. 319–339; Анишина В. И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации: курс лекций. М., 2008. С. 65; Терехин В. А., Герасимова А. А. Современная реформа в России и развитие функций судебной власти // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 42–46. Тузов Н. А. Выражение функций органов судебной власти в судебных актах // Журнал российского права. 2008. № 10. С. 95–104.

представляет только правозащитная функция, мы в настоящей работе не рассматриваем подробно иные возможные (в большинстве – неправовые) функции судебной власти, не ставим задачи их системного анализа, а затрагиваем вопросы (во многом дискуссионные) относительно их наименования и содержания только в пределах заявленной темы.

5. В отечественной доктрине распространенным является представление о том, что правосудие есть функция судебной власти[1]. Наличие этой функции обосновывается, как правило, ссылками на исключительные прерогативы судебных органов по осуществлению правосудия, которое является их основной деятельностью и главным предназначением. Критикуя такую позицию, Н. Н. Ковтун справедливо отмечает, что функции государства и функции его органов не совпадают и методологически ошибочно их смешивать, равно как и отождествлять функцию с формой ее реализации, с самой деятельностью[2]. В. А. Терехин и А. А. Герасимова также призывают отличать, как общее и частное функции судебной власти, охватывающие ее направления деятельности в целом, от функций отдельных ее звеньев, органов или структурных частей [3].

Действительно, судебная власть и органы судебной власти (суды) – понятия не тождественные и не однопорядковые. Судебная власть более емкое и обширное социально-правовое образование (явление) и представляет собой социальную систему более высокого уровня. Судебные органы как институционный (судоустройственный) компонент входят составной частью в систему судебной власти. К структурным элементам, подсистемам этой системы

---

[1] Судебная власть / Под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003. С. 23–24; Бурдина Е. В. Судебная власть в Российской Федерации: учебник. Саранск, 2006. С. 60; Завражнов Е. В. Судебная власть в Российской Федерации: теоретические вопросы и проблемы реализации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 6; Семенцов В. А. Судебная власть: понятие и основные признаки // Актуальные проблемы судебной власти, прокурорского надзора, правоохранительной и адвокатской деятельности / под ред. О. В. Гладышевой, В. А. Семенцова: сб. науч. статей. Краснодар, 2010. С. 5–9; Терехин В. А., Герасимова А. А. Современная реформа в России и развитие функций судебной власти // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 45; Герасимова А. А. Функции судебной власти в механизме современного российского государства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 24.

[2] Ковтун Н. Н. Указ. соч. С. 19–20.

[3] Терехин В. А., Герасимова А. А. Современная реформа в России и развитие функций судебной власти. С. 42–46.

следует отнести так же Судебный департамент при Верховном Суде РФ с его территориальными подразделениями и систему органов судейского сообщества, которые выполняют различные организационно-обеспечительные функции[1], направленные на поддержание надлежащего уровня и обеспечение эффективности функционирования судебной системы – совокупности судебных органов, предназначенных для отправления правосудия. Следовательно, только судебная система имеет непосредственное отношение к правосудию, только суды наделены властью выполнять процессуальную деятельность по рассмотрению и разрешению отнесенных к их компетенции юридических дел, посредством которой правосудие собственно и осуществляется.

Развивая положение ч. 1 ст. 118 Конституции РФ, часть 1 ст. 1 и часть 1 ст. 4 ФКЗ о судебной системе устанавливают, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых к осуществлению правосудия присяжных и арбитражных заседателей, а статья 4 ФКЗ о судах общей юрисдикции и статья 4 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации»[2] (далее – ФКЗ об арбитражных судах) конкретизируют, что правосудие осуществляется судами путем разрешения споров и рассмотрения дел, отнесенных к их компетенции, посредством соответствующего вида судопроизводства. Поэтому именно суды и никакие иные органы власти уважительно именуются органами правосудия.

---

[1] Согласно статье 1 Федерального закона от 08.01.1998 г. № 7–ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» (в редакции от 16.04.2022 г.) // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 223, назначение Судебного департамента заключается в организационном (кадровом, финансовом, материально-техническом, информационном и ином) обеспечении деятельности федеральных судов, направленном на создание условий для полного и независимого осуществления правосудия, а также в материальном и социальном обеспечении судей. Органы судейского сообщества хотя и предназначены, прежде всего, для выражения интересов судей как носителей судебной власти, выполняют также задачи по участию в организационном, кадровом и ресурсном обеспечении судебной деятельности и утверждению авторитета судебной власти (статьи 3 и 4 Федерального закона от 14.03.2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (в редакции от 08.12.2020 г.) // СЗ РФ. 2002. № 11. Ст. 1022).

[2] Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (в редакции от 16.04.2022 г.) // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.

С учетом вышеизложенных соображений и исходя из ранее обозначенного нами бинарного значения понятия правосудия как исключительной деятельности судебных органов по разрешению правовых конфликтов и как результата этой деятельности, полагаем более точным и правильным относить правосудие к функции не судебной власти, а судебных органов. При таком подходе правосудие в соотношении с судебной властью предстает не функцией, а основным способом (средством, формой) или даже механизмом ее реализации[1].

Таким образом, при переходе с верхнего, конституционно-государственного уровня на следующую ступень воображаемой «функциональной иерархии» – уровень судебной системы получаем принадлежащую судам более конкретную, но при этом по-прежнему с достаточно широкой сферой действия функцию правосудия (*см. схему 4*).

Функция правосудия есть основанное на праве и справедливости разрешение судебными органами, входящими в единую судебную систему, социально-правовых конфликтов (споров о действительном или предполагаемом праве) путем рассмотрения юридических дел в установленной законом процессуальной форме в целях защиты прав и свобод личности, законных интересов граждан, организаций и государства, обеспечения правопорядка и стабильности в обществе.

Правосудие – основная функция судебных органов, она воплощается в их процессуальной деятельности, поэтому имеет процессуально-правовой характер. На уровне системы судов, так же как и при определении основной функции судебной власти, мы оставляем без внимания иные функции, которые

---

[1] См.: Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. С. 17–18; Мартыняхин Л. Ф. О процессуальных функциях судебной власти и судов, ее осуществляющих. С. 42–43; Лебедев В. М. Правосудие и его демократические принципы // Судебная власть и правосудие в Российской Федерации: Курс лекций / Под ред. В. В. Ершова. М., 2011. С. 445–446; Адильшаев Э. А., Жеребятьев И. В., Шамардин А. А. Судебное санкционирование как форма реализации правосудия в уголовном судопроизводстве России. Оренбург, 2013. С. 143; Рябинина Т. К. Особенности реализации судебной власти в стадии назначения судебного заседания: прошлое и настоящее: монография. М., 2016. С. 22–23; Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации / под ред. В. М. Бозрова. М., 2017. С. 24–25.

выполняются судами как органами государственной власти, поскольку они (эти функции[1]) либо носят организационно-управленческий, вспомогательно-обеспечительный характер и направлены на организацию работы судебных учреждений, руководство их деятельностью, обеспечение надлежащего уровня судопроизводства (ведение судебного делопроизводства, материальное и информационное обеспечение), а также на содействие качественному правосудию (обобщение судебной практики, иная аналитическая работа), либо не являются по своей сущности правовыми и специфическими для судебных органов (идеологическая, культурно-воспитательная, политическая, социальная и пр.), а отражают в себе общесоциальные функции судебной власти и государства в целом, представляют собой их продолжение и детализацию.

Указанная деятельность судебных органов не имеет процессуального характера и определяется не властными полномочиями, а служебной компетенцией[2]. Перечисленные направления судебной деятельности не имеют прямого отношения к интересующим нас в конечном итоге уголовно-процессуальным функциям суда, и хотя некоторые из них – организационно-управленческие и обеспечительные – влияют на осуществление правосудия, могут содействовать или препятствовать ему, ни одна из них не задействована в формировании процессуальных функций уголовного суда и не определяет их содержание.

На этом этапе наших рассуждений вполне резонно возникает вопрос: коль скоро нами предлагается разделять категории «функция» и «деятельность», уместно ли одновременно именовать правосудием и то и другое? Если правосудие – деятельность суда, возможно ли признавать его судебной функцией? Е. Г. Мартынчик, например, убежден, что отправление правосудия представляет собой не направление, т. е. не функцию суда, а вид и содержание судебной деятельности. По мнению данного автора, признание осуществления правосудия

---

[1] Подробнее об иных функция судебных органов см.: Тузов Н. А. Выражение функций органов судебной власти в судебных актах // Журнал российского права. 2008. № 10. С. 95–104.

[2] Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации. С. 27–28.

функцией суда равнозначно отождествлению вида деятельности с ее направлениями[1].

Полагаем, что применительно к правосудию подобного отождествления и смешения понятий не происходит, т. к. категория «правосудие» имеет два взаимосвязанных смысла, которые выражаются в двух одноименных, но разных по значению понятиях. Необходимо их различать и четко обозначать тогда, когда оба эти понятия одномоментно используются в научных рассуждениях.

Сущность правосудия как правового явления заключается (кратко) в разрешении споров о праве. Другое явление – судебно-процессуальная деятельность в своей сути представляет осуществление правосудия (читай – осуществление функции правосудия). Правосудие в значении разрешения правовых споров и конфликтов есть судебная функция, которая проявляется в деятельности суда по ее осуществлению и нацеливает суд на разрешение юридического дела, основанного на правовом споре. Следовательно, правосудие-деятельность и правосудие-функция соотносятся как явление и сущность и образуют диалектическое единство.

Правосудие не составляет содержания судебной деятельности и тем более не является ее видом (частью)[2], как считает Е. Г. Мартынчик, а выражает ее суть. Функция правосудия охватывает всю процессуальную деятельность суда, все ее виды, «пронизывает» все этапы и стадии судебного производства, а в содержательном аспекте представляет слияние двух компонентов: правосудия-процесса и правосудия-результата. Соответственно, содержание деятельности суда по осуществлению правосудия включает следующие элементы: рассмотрение (разбирательство) юридического дела и разрешение дела с вынесением результирующего акта правосудия, которые облекаются в соответствующую, установленную законом форму – процессуальные действия и процессуальные решения суда.

---

[1] Мартынчик Е. Г. Социалистическое правосудие: предмет, правоотношения, функции и социальная роль. С. 33–34.

[2] Там же.

Поскольку предмет правосудия не однороден и дифференцируется по типам и видам правовых споров, которым соответствуют определенные категории судебных дел, деятельность по отправлению правосудия также подразделяется по видам правосудия (конституционное, гражданское, арбитражное, уголовное и административное) и формам их реализации.

6. Дальнейшее приближение к непосредственному функционированию уголовного суда перемещает нас в систему уголовного судопроизводства, в пределах которой действует уголовный суд и осуществляется уголовное правосудие. Эта система еще более низкого уровня и охватывает вполне обозримый, более узкий круг общественных правоотношений. Функция правосудия на данном уровне сужается как по субъекту (ее носителями становятся только суды общей юрисдикции и Верховный Суд РФ), так и по объему (разрешение споров и дел, подлежащих разрешению лишь в порядке уголовного судопроизводства) и трансформируется в ***функцию уголовного правосудия*.**

Прежде чем перейти к рассмотрению и обоснованию уголовно-процессуальных функций суда, являющихся искомой целью данного раздела нашего исследования, обозначим несколько методологически важных моментов.

Во-первых, при соотнесении судебных функций различных уровней необходимо принимать во внимание их тесную взаимосвязь и взаимовлияние. Функции более высокого порядка, детерминированные наиболее общим предназначением суда (судебной власти в целом) как государственно-властного института (например, правозащитная функция судебной власти), при конкретизации судебных целей и задач на уровне отдельных видов судопроизводства преобразуются в направления деятельности с более конкретным содержанием и особыми процессуальными формами выражения, отвечающими потребностям общественной жизни и коррелирующимися с преобладающими в социуме правовыми ценностями.

В каждом из видов судопроизводства «органы судебной власти (суды) наделены как общими полномочиями, вытекающими из их особого статуса и

принадлежности к судебной системе, базирующейся на единой системе конституционных принципов ее организации и деятельности, так и правомочиями, отражающими специфику отраслевого судопроизводства»[1]. Иначе говоря, функции суда в социальных системах более низкого уровня приобретают бóльшую определенность, становятся менее абстрактными, приближаются к конкретно-регламентированной деятельности суда и в большей степени выражают специфику последней. В то же время судебные функции более высокого порядка, как и общие цели и задачи суда, не утрачивают своего регулирующего влияния на практическую деятельность и оказывают на нее общее воздействие как напрямую, так и через «отраслевые» функции.

Во-вторых, нельзя не учитывать, что в конкретной форме правосудия – уголовном судопроизводстве – перед судом ставятся не только общие для судебной власти и для всех органов правосудия, но и вытекающие из общего назначения уголовного процесса задачи, которые определяют не только традиционные, но и особые направления судебной деятельности. Уголовный суд в связи с этим наделяется конкретными полномочиями, которые придают его процессуальной деятельности специфические черты и свойства. Благодаря этому правосудие становится более предметным и реальным.

В-третьих, принципиально важно разграничивать уголовно-процессуальные функции как элементы системы всего уголовного процесса и функции суда как субъекта уголовно-процессуальной деятельности, представляющие собой категории разного уровня и содержательного наполнения.

В-четвертых, для сохранения своего самостоятельного (от видов деятельности, обязанностей) и особого смысла функции суда должны связываться не с каким-нибудь одним видом процессуальной судебной деятельности, например, с судебным контролем в досудебном производстве, а характеризовать ее в целом. Как верно отмечал М. Л. Якуб, «чтобы понятие «процессуальная функция» имело смысл и основание как понятие, обладающее самостоятельным

[1] Мартыняхин Л. Ф. О процессуальных функциях судебной власти и судов, ее осуществляющих. С. 43.

содержанием, необходимо рассматривать его как частное по отношению к уголовному процессу в целом и общее по отношению к отдельным процессуальным действиям и решениям, осуществляемым во исполнение той или иной функции»[1].

В разнородных судебных производствах функции проявляются с различной степенью активности в зависимости от приоритета задач, стоящих перед судом на разных этапах, в разных сегментах уголовного процесса, тем не менее, они выражают суть и направленность всей процессуальной деятельности уголовного суда, «пронизывают» всю судебную деятельность от начала до конца.

В-пятых, поскольку функции уголовного суда – это характеристики его процессуальной деятельности, они определяются нормами уголовно-процессуального права, регламентирующими назначение и задачи суда в уголовном процессе, «вытекают» из этих норм и закрепляются в установленных законом процессуальных полномочиях суда, поэтому не должны смешиваться с иными, непроцессуальными судебными функциями или функциями суда (судебной власти) более общего действия.

Обозначив принципиальные методологические подходы в определении функций суда в уголовном процессе, вернемся к констатации того, что в системе уголовного судопроизводства присутствует функция уголовного правосудия (*см. схему 4*).

7. Если рассматривать уголовно-процессуальную деятельность в целом как элемент системы уголовного процесса, т. е. совокупность всех действий участников уголовного судопроизводства, подчиненных общему назначению (целям) уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), то и процессуальные функции следует определять как отдельные стороны, направления этой общей деятельности.

На данном уровне обобщения уголовно-процессуальных отношений носителями процессуальных функций выступают не отдельные субъекты, а, как

---

[1] Якуб М. Л. О понятии процессуальной функции в советском уголовном судопроизводстве. С. 83–84.

правило, группы субъектов, условно объединенных в силу общности процессуального интереса и устремления, целевого назначения в процессе и наличия характерных для определенного направления деятельности процессуальных полномочий (совокупности прав и обязанностей).

Относительно соотношения функций уголовного процесса и функций отдельных его участников заслуживает внимания суждение В. П. Нажимова, который по этому поводу высказался следующим образом. «Конечно, и функции уголовного процесса (основные уголовно-процессуальные функции) и функции отдельных участников процесса взаимосвязаны. Но если первых немного, поскольку это основные и обобщенные функции всей системы (в данном случае уголовного процесса), обеспечивающие ее существование и развитие, то вторые стоят на порядок ниже, их много, но только они в конечном счете и могут обеспечить реальное существование первых»[1].

К аналогичным, по сути, выводам в своем исследовании приходит А. А. Тушев, когда утверждает, что «круг функций, осуществляемых конкретными участниками уголовного судопроизводства, шире круга основных функций уголовного процесса (обвинение, защита, разрешение уголовного дела)», что эти функции «составляют отдельные подсистемы, которые обеспечивают реализацию основных функций уголовного процесса»[2].

При всем многообразии доктринальных позиций и мнений относительно количества и названий уголовно-процессуальных функций большинство авторов, как и В. П. Нажимов, совершенно обоснованно выделяют в системе уголовного процесса только «основные» («главные») функции, и в их числе – *функцию разрешения дела.* Особенностью функции разрешения дела или правосудия, в отличие от других уголовно-процессуальных функций, является то, что она может осуществляться только одним субъектом – уголовным судом, что предопределено социально-правовой природой судебной власти, общим назначением судебных

---

[1] Нажимов В. П. Психологические основы учения об уголовно-процессуальных функциях. С. 52–53.

[2] Тушев А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: система функций и полномочий: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 10.

органов и исключительной компетенцией и полномочиями суда в уголовном процессе (статьи 29, 397 УПК РФ и др.).

Как известно, в отечественной науке наибольшие известность и распространение получила развивавшаяся в трудах советских и российских правоведов (А. Ф. Кони, И. Я. Фойницкого, В. Л. Случевского, М. С. Строговича, Р. Д. Рахунова, Я. О. Мотовиловкера, В. П. Нажимова, В. М. Савицкого, А. М. Ларина, П. А. Лупинской, И. Л. Петрухина, В. П. Смирнова и других) *концепция трех основных процессуальных функций*: обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, которая является составной частью, важным элементом состязательной модели уголовного судопроизводства, получила широкое освещение в научной и учебной литературе, а также нормативно-правовое закрепление (ст. 15 УПК РФ), поэтому не нуждается в подробном изложении.

Согласно данной концепции движение уголовного дела обусловлено диалектическим противоборством сторон, а уголовное производство сочетает в себе выполняемые ими, противоположные по своей направленности виды уголовно-процессуальной деятельности – функции обвинения и защиты. Суд же в состязательном уголовном процессе выполняет единственно допустимую для него функцию – разрешение уголовного дела. По поводу последнего положения нельзя не заметить следующего.

В рамках теории трех основных процессуальных функций функция разрешения уголовного дела выступает не столько как функция суда, сколько как определенное законом самостоятельное направление уголовно-процессуальной деятельности в целом, т. е. системы процессуальных действий всего уголовного процесса, ориентированное на разрешение уголовного дела по существу обвинения, заключающееся в проверке и оценке собранных по делу доказательств и принятии на их основе итогового решения.

В совокупности с двумя другими основными функциями (обвинения и защиты) функция разрешения уголовного дела составляет в состязательном процессе содержание основного уголовно-процессуального отношения между

сторонами и судом, складывающегося вокруг главного вопроса (основного предмета уголовного процесса) о виновности и ответственности обвиняемого. Отделение функции разрешения уголовного дела от функций обвинения и защиты признается необходимым и обязательным условием состязательного построения уголовного процесса, поэтому такое разделение уголовно-процессуальных функций нормативно закреплено в ч. 2 ст. 15 УПК РФ, согласно положениям которой, они – эти функции – не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо.

В состязательном процессе суд выступает единственным носителем функции разрешения уголовного дела в том смысле, что только по приговору суда лицо может быть признано виновным и подвергнуто уголовному наказанию (ч. 2 ст. 8 УПК РФ). Это положение дало Я. О. Мотовиловкеру основание именовать рассматриваемую функцию «функцией правосудия» и определить ее как «регламентированное законом направление деятельности суда, обязанного всесторонне, полно и объективно исследователь обстоятельства и вынести решение по вопросу, составляющему основной предмет процесса»[1].

В то же время данная концепция не охватывает и не может охватить всего функционального многообразия уголовно-процессуальной деятельности, ее ограниченное значение (действие) очевидно и признается ее сторонниками. В частности, Я. О. Мотовиловкер указывал, что «целевое назначение концепции трех основных функций состоит не в том, чтобы “отразить всю полноту уголовно-процессуальной деятельности” <…>, а в том, чтобы построение судебного разбирательства в нашем процессе не было представлено в искаженном виде»[2], то есть для обоснования состязательного характера уголовного судопроизводства.

---

[1] Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. С. 71. – В советский период отождествление правосудия с разрешением уголовного дела было вполне естественным, поскольку соответствовало доминирующим на тот момент научным взглядам о роли суда в уголовном процессе и советскому законодательству, ограничивающему судебную деятельность рассмотрением гражданских и уголовных дел. В постсоветское время представления о предназначении и роли судебной власти значительно изменились, задачи суда и его процессуальные полномочия законом существенно расширены.

[2] Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. С. 159.

А. А. Тушев по этому поводу не без оснований замечает: «Основные функции уголовного процесса (обвинение, защита, разрешение уголовного дела) определяют его исторический тип (модель), т. е. основной способ разрешения конфликта, связанного с совершением преступления. Однако это не означает, что участники уголовного процесса выполняют только эти функции. Законодательством предусмотрены конкретные механизмы в виде систем функций участников уголовного судопроизводства, которые должны обеспечивать эффективную реализацию основных функций уголовного процесса»[1].

Функция разрешения уголовного дела, рассматриваемая в системе трех основных процессуальных функций, характеризует деятельность суда лишь с точки зрения его основной роли в состязательной конструкции уголовного судопроизводства и выражает отделенность судебной деятельности от процессуальной деятельности сторон, но не передает всей полноты функционирования уголовного суда и не раскрывает всей сущности и специфики его процессуальной деятельности. В рамках системы трех основных процессуальных функций, ограниченной постулатом состязательности, у суда не может быть никакой другой (кроме разрешения уголовного дела) функции, иное означало бы выполнение судом обвинительной или защитительной деятельности, свойственной сторонам, что влечет нарушение состязательных начал правосудия.

Между тем понятие уголовного правосудия, как мы установили, не исчерпывается разрешением уголовного дела. Если рассматривать процессуальную деятельность суда всесторонне, во всех аспектах и в полном объеме, а не только во взаимоотношениях со сторонами по основному вопросу уголовного дела, то мы выявим у него и другие процессуальные функции, поскольку судебная деятельность, как и процессуальная деятельность многих других субъектов процесса, направлена на решение нескольких задач и поэтому *полифункциональна*. Кроме того, помимо уголовных дел суд в порядке уголовного

[1] Тушев А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: система функций и полномочий … С. 18.

судопроизводства, как установлено, уполномочен рассматривать судебные дела иного рода (судебно-контрольные, судебно-исполнительные, судебно-реабилитационные), в которых конфликтное правоотношение имеет отличную от уголовного дела юридическую природу.

Если функцию уголовного правосудия сводить только к разрешению уголовного дела, то становится совершенно неясным, что осуществляет суд и какие задачи выполняет на досудебных стадиях уголовного процесса, аналогично – при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением судебных решений, реабилитацией и возмещением вреда.

Следует также отметить, что реалии сегодняшнего дня диктуют потребность существенного переосмысления теории состязательности уголовного процесса и его составной части – концепции трех основных процессуальных функций, создававшихся адекватно существовавшим, но изменившимся со временем социально-правовым условиям. Эти теоретические положения, безусловно, сыграли свою прогрессивную роль как в развитии теории уголовного процесса, так и в становлении современного российского уголовно-процессуального законодательства, но не учитывают ставшего реальностью расширения предмета уголовного правосудия и, следовательно, необходимости подчинения всей деятельности уголовного суда состязательному началу, как того требует ч. 3 ст. 123 Конституции РФ.

Если строго следовать концепции трех процессуальных функций, как она формулируется в уголовно-процессуальной теории и закрепляется в законе (в ст. 15 УПК РФ), то получается, что судебная власть в уголовном процессе должна быть отделена от сторон (субъектно и функционально) только при рассмотрении уголовного дела, тогда как принцип состязательности имеет универсальный характер и согласно ч. 3 ст. 123 Конституции РФ должен распространять свое действие на любое судебное производство. Поэтому полагаем, что судебное разбирательство по любому юридическому делу, в том числе по делам судебного контроля и вопросам, связанным с исполнением приговора, должно быть встроено в состязательную процессуальную форму.

Собственно «иные судебные производства», которые анализируются в четвертой и пятой главах диссертации, в реальности опираются на вполне определенную состязательную основу, но их состязательное построение имеет существенные особенности, касающиеся характера конфликтного правоотношения, предмета спора, состава сторон и направленности их процессуальной деятельности, которые необходимо должным образом и в полной мере учитывать при регламентации уголовного правосудия. В этой связи представляется назревшей потребностью внесение изменений или дополнений в ст. 15 УПК РФ, которые нормативно закрепили бы расширенное толкование понятия состязательности судопроизводства, предусматривающее состязательное построение всех без исключения видов судебных производств, предусмотренных в уголовном процессе.

Таким образом, высказанные суждения и ранее сформулированные выводы о содержании и пределах уголовного правосудия, о видах судебной деятельности позволяют сформулировать следующую позицию: *функция уголовного правосудия является судебной функцией уровня системы уголовного процесса и имеет обобщенный характер, охватывает всю деятельность уголовного суда, а не только разрешение уголовного дела*.

Уголовно-процессуальные функции суда. Двигаясь далее «вниз» от системы уголовно-процессуальных функций уголовного процесса к его подсистемам – процессуальным функциям отдельных субъектов уголовно-процессуальной деятельности, «спускаемся» еще на более нижний уровень – уровень субъекта уголовно-процессуальной деятельности и переходим в *систему уголовно-процессуальных функций суда*. Эта система не является конечной ступенью, и при желании возможно провести функциональный анализ отдельных видов судебной деятельности, например, судебно-контрольной деятельности или даже ее различных форм, сообразно тем конкретным и частным задачам, которые стоят перед судом на отдельных этапах судопроизводства либо в рамках единичных судебных производств или процедур, но последующее дробление функций суда (их дальнейшая детализация) представляется нам

малопродуктивным и выходит за пределы поставленных нами исследовательских задач.

Понятие и содержание процессуальных функций суда, рассматриваемых на уровне субъекта уголовно-процессуальной деятельности, имеют наиболее важное значение не только для уяснения роли уголовного суда, определения его назначения, места и правового положения в уголовном процессе, но и для характеристики действующей системы уголовного правосудия и раскрытия механизма его реализации через судебные решения, поэтому заслуживает более пристального внимания.

Итак, ***процессуальные функции уголовного суда*** как субъекта уголовно-процессуальной деятельности *представляют собой урегулированные нормами права и обусловленные назначением суда самостоятельные направления уголовно-процессуальной деятельности, которые должен осуществлять суд для решения поставленных уголовно-процессуальным законом задач*.

Уголовно-процессуальные функции суда есть продолжение, детализация в конкретных нормативно-определенных полномочиях более общей функции – уголовного правосудия, в тоже время они тесно взаимосвязаны между собой и дополняют друг друга. В этом отношении можно согласиться с мнением Н. А. Тузова о том, что функция правосудия является сложносоставной, а ее элементные составляющие допустимо назвать подфункциями правосудия[1]. Системно-структурный подход позволяет «разложить» более сложную и объемную по содержанию функцию уголовного правосудия на подфункции – конкретные уголовно-процессуальные функции суда, являющиеся функциями «низового» порядка.

В современном российском уголовном процессе, на наш взгляд, *судом выполняются следующие процессуальные функции*: разрешения дела, контрольная, правоохранная, правовосстановительная, обеспечительная и превентивная (*см. схему 4*).

[1] Тузов Н. А. Выражение функций органов судебной власти в судебных актах. С. 96

Первейшая задача уголовного суда – разрешить поступившее на рассмотрение дело (представление, ходатайство, жалобу), но этим роль суда в уголовном процессе не ограничивается. Осуществление правосудия не сводится к решению юридического дела ради решения, а предполагает действенную охрану прав и законных интересов всех участников общественно-правовых отношений, ставших предметом рассмотрения суда или возникающих в связи с судопроизводством, ограждение этих прав и интересов от неправомерного посягательства, их своевременного и эффективного восстановления. Для достижения истинных целей правосудия и торжества справедливости эти задачи могут решаться не любыми, а только допустимыми процессуально-правовыми средствами, с соблюдением и под контролем соблюдения принципов судопроизводства, законной процедуры и процессуальных прав всех участников уголовного судопроизводства, прав и свобод личности. Отсюда вытекают, как уже было подчеркнуто, сопутствующие, но отнюдь не второстепенные задачи уголовного суда по обеспечению правомерности всего судебного производства, по контролю законности деятельности всех субъектов уголовного производства и по предотвращению любых нарушений права в процессе уголовного судопроизводства.

Кратко проанализируем содержание каждой из обозначенных функций.

Функция разрешения дела означает, что вся уголовно-процессуальная деятельность суда направлена на решение того или иного поставленного перед судом вопроса (комплекса вопросов), вытекающего из реального социально-правового конфликта либо потенциального спора о праве.

Функция разрешения дела реализуется в каждом судебном деле, закончившимся вынесением судом решения по существу поставленного перед ним вопроса, а не только в уголовном деле при вынесении приговора. По каждому делу, рассматривая ли предъявленное обвинение либо иное обращение в суд заинтересованного лица в форме представления, ходатайства, заявления, жалобы, уголовный суд нацелен именно на такое завершение производства по делу. Любое разбирательство дела судом устремлено на то, чтоб изучить притязания

обратившегося лица, всесторонне и полно исследовать представленные в судебном заседании доказательства и материалы, установить на их основе фактические обстоятельства дела, проанализировать их в совокупности с доводами сторон, дать им юридическую оценку и на основе применения соответствующих казусу норм права разрешить поступившее уголовное дело, представление, жалобу или иное обращение путем вынесения соответствующего судебного решения (приговора, определения, постановления).

Функция разрешения дела проявляется не только в деятельности суда первой инстанции, но и в судебной деятельности на последующих контрольно-проверочных стадиях уголовного процесса. Ввиду оспаривания состоявшихся решений нижестоящих судов вышестоящие судебные инстанции в особых, присущих им процессуальных формах, с помощью предоставленных им правовых средств (путем оставления в силе, отмены или изменения оспоренных судебных решений) принимают участие в разрешении поставленного перед судом первой инстанции вопроса, придают акту правосудия окончательный характер.

Правоохранная функция заключается в соблюдении конституционных прав и свобод любого лица, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства, самим органом правосудия и охране судом правового статуса личности от незаконных действий органов власти, осуществляющих предварительное производство по уголовному делу, либо исполняющих приговор или иное судебное решение, а равно в охране основанных на праве публичных интересов.

В любом судебном производстве суд, так или иначе, ограждает субъективные права граждан от незаконного и (или) необоснованного ограничения или нарушения. Так, при рассмотрении уголовного дела суд охраняет свободу подсудимого, его честь и доброе имя, и в случае недоказанности вины своим решением оправдывает его, освобождая от ошибочного (ложного) обвинения и избавляя от негативных последствий уголовной ответственности. При разрешении вопросов, связанных с исполнением обвинительного приговора, указанных в ст. 397 УПК РФ, суд также упреждает нарушение субъективных прав и интересов осужденных, когда в случае отсутствия достаточных оснований

отказывает органам, исполняющим наказание, в удовлетворении представления об отмене условного или условно-досрочного освобождения, о переводе осужденного в исправительное учреждение с более строгим режимом содержания, о замене неотбытого наказания более строгим и т. д.

Наиболее наглядно правоохранная функция реализуется на досудебных стадиях при осуществлении судом предусмотренных ч. 2 ст. 29 УПК РФ полномочий по принятию решений, связанных с ограничением конституционных прав и свобод граждан. Не являясь ни инициатором проведения следственных действий и применения мер процессуального принуждения, ни их исполнителем, суд своим решением лишь дает согласие на выполнение конкретных процессуально-следственных действий следователю или дознавателю. При этом, разрешая соответствующее ходатайство, суд проверяет законность и обоснованность намерений органов уголовного преследования ограничить права обвиняемого либо другого лица, и, тем самым выступает гарантом того, что ограничение охраняемых законом прав и свобод личности в соответствии с требованиями ст. 55 Конституции РФ будет применено только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. При отсутствии законных оснований для совершения процессуально-следственных действий, ущемляющих конституционные права и свободы граждан, суд отказывает органу уголовного преследования в их проведении, не дает разрешения на это, и, значит, запрещает, чем достигает соблюдение прав и свобод, ограждая их от незаконного посягательства со стороны государственных органов правопорядка.

Правовосстановительная функция реализуется в решениях, которыми суд признает и восстанавливает права, нарушенные как общественно-опасным деянием, в связи с которым ведется уголовное производство, так и властными субъектами уголовного процесса. Наиболее зримым, очевидным и значимым воплощением восстановления нарушенных прав служат обвинительный и оправдательный приговоры: обвинительным актом правосудия

восстанавливаются нарушенные преступлением права лиц, признанных по делу потерпевшими и гражданскими истцами, оправдательным – права лица, необоснованно обвинявшегося в совершении преступлении, и реабилитированного судом.

Помимо приговора правовосстановительный эффект присущ и другим судебным решениям. Цели восстановления права преследуются и достигаются во многих судебных производствах и отдельных судебных процедурах, в основе которых лежит обращение заинтересованного лица за судебной защитой (заявление по делу частного обвинения, гражданский иск о возмещении причиненного преступлением имущественного и компенсации морального вреда, апелляционная или кассационная жалоба на незаконное судебное решение, требование реабилитированного о возмещении имущественного вреда и восстановлении утраченных прав и т. д.).

В значительной степени правовосстановительная функция уголовного суда связана с процедурами обжалования заинтересованными лицами действий и решений органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное производство, в том числе нижестоящего суда. Например, в досудебном производстве, в ходе которого суд на основании ч. 3 ст. 29 УПК РФ уполномочен рассматривать жалобы на действия (бездействие) и решения прокурора и должностных лиц органов предварительного расследования, мы вновь видим, что предметом судебного разбирательства является вопрос о соблюдении прав и свобод граждан органами обвинительной власти, однако в отличие от рассмотренной выше процессуальной функции деятельность суда в рамках процедуры рассмотрения жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ не носит упреждающего (предупредительного) характера. Непосредственной целью судебного производства по такого рода жалобе является восстановление прав и свобод, уже незаконно нарушенных или ущемленных в ходе досудебного производства.

Суд восстанавливает права участников судебного процесса и по собственной инициативе, когда речь идет о нарушении процессуальных прав в ходе производства по уголовному делу, допущенных как в досудебных стадиях,

так и непосредственно самим судебным органом. В этих случаях суд своими действиями или решениями устраняет наступившие от нарушения негативные последствия или созданные нарушением препятствия для реализации участником судопроизводства своих прав, например: возобновляет необоснованно приостановленное уголовное производство, допускает (привлекает) к участию в деле заинтересованное лицо, которому ранее неправомерно было отказано в этом. В установленных законом случаях (ч. 1 ст. 237 УПК РФ) суд может возвратить уголовное дело прокурору, в том числе в целях устранения нарушений процессуальных прав обвиняемого или потерпевшего, препятствующих судебному рассмотрению и вынесению законного решения по делу.

Контрольная функция выражается в проверочном характере уголовно-процессуальной деятельности суда. Контроль (проверка и оценка) осуществляется судом на всех стадиях уголовного процесса и представляет собой проверку законности и обоснованности процессуальных действий и решений государственных органов, в том числе судебных решений, как не вступивших, так и вступивших в законную силу. Контрольно-проверочный элемент органически присущ всей деятельности уголовного суда по осуществлению правосудия и является составной частью явления более общего порядка – процессуального контроля, который представляет собой сложную систему сменяющих друг друга процедур, состоящих из деятельности различных субъектов судопроизводства, имеющих характер постоянного сравнения (ревизии) всех процессуальных действий и решений с требованиями закона[1], и который означает контроль каждой последующей стадии за результатами предыдущей и осуществляется в том числе в судебном разбирательстве уголовного дела[2].

---

[1] См.: Морщакова Т. Г., Петрухин И. Л. Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам). М., 1987. С. 15–24; Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. С. 7–11; Гаврилов Б. Я. Актуальные проблемы защиты конституционных прав и свобод личности в досудебном производстве. М., 2012. С. 43–44.

[2] См.: Лазарева В. А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара, 1999. С. 74; Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора н досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004 С. 16.

Проверять и оценивать деятельность других органов и нижестоящих судебных инстанций на предмет их законности суду приходится при разрешении многих вопросов, встающих перед судом в ходе рассмотрения любых дел в порядке уголовного судопроизводства. В одних случаях (на определенном этапе судопроизводства) такая проверка и оценка составляет суть судебной процедуры, является главной задачей уголовного суда (рассмотрение судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, ходатайств следователя о разрешении следственных действий или применении мер пресечения, рассмотрение апелляционных, кассационных и надзорных жалоб), в других – является лишь вспомогательным средством достижения иных целей и решения другой основной задачи, определяющей суть судебной деятельности[1]. Например, при рассмотрении уголовного дела главной задачей суда является правильное разрешение вопроса о виновности подсудимого (обоснованности предъявленного ему обвинения) и его уголовной ответственности, что предполагает помимо прочего непосредственное исследование и оценку представленных суду доказательств на предмет их доброкачественности. В основе этой деятельности лежит обязательная проверка отсутствия нарушений органом предварительного расследования порядка получения и закрепления доказательств, т. е. соблюдения требований уголовно-процессуального закона при производстве конкретных следственных и иных процессуальных действий, в результате которых были получены исследуемые доказательства. Таким образом, контрольно-проверочная деятельность суда не всегда имеет ближайшей целью охрану либо восстановление индивидуальных прав и свобод, но в каждом случае направлена на выявление нарушений закона в уголовном производстве.

Из сказанного следует, что контрольная функция уголовного суда не совпадает по своему содержанию с правоохранной и правовосстановительной функциями и имеет самостоятельный смысл и значение. Она отражает то общее свойство – проверочный характер судебной деятельности – которое присуще не

[1] См.: Ковтун Н. Н. Указ. соч. С. 13–14; Бурмагин С. В. Уголовный суд России. С. 201–202.

только всем разновидностям и формам судебного контроля, но и другим видам уголовно-процессуальной деятельности суда, поэтому не должна подменяться или замещаться «функцией судебного контроля» – понятием, которому, как правило, придается более узкое значение, ограничивающее сферу контроля досудебным производством[1], либо сводиться к отдельным элементам судебного контроля, например, к последующей проверке законности и обоснованности решений и действий следователя (дознавателя)[2].

Исходя из рассмотренных ранее сущности и содержания уголовного правосудия и выведенного нами соотношения понятий «деятельность» и «функция», придерживаемся мнения, что судебный контроль в уголовном процессе в любых его формах следует считать не процессуальной функцией, а отдельным видом (частью) уголовно-процессуальной деятельности суда, входящим в систему отправления уголовного правосудия.

Обеспечительная функция вытекает из назначения суда в уголовном процессе, которое заключается не только в рассмотрении и разрешении дела, охране и восстановлении прав и свобод личности, но и в создании надлежащих условий объективного и справедливого судебного разбирательства, в соблюдении предусмотренного нормами права порядка судопроизводства, в обеспечении гарантий законного и обоснованного судебного решения, а в целом – в достижении справедливого и эффективного правосудия.

Статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская конвенция, ЕКПЧ)[3] провозгласила право каждого человека на справедливое судебное разбирательство, которое в интерпретациях ЕСПЧ включает в себя следующие компоненты: доступ к правосудию как непременное условие и гарантия справедливого судебного разбирательства; рассмотрение дела

---

[1] Химичева О. В. Указ. соч. С. 35–36; 27; Таричко И. Ю. Функция судебного контроля в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2004. С. 7, 14–18; Васильева А. С. Соотношение судебного контроля и правосудия. С. 17–19; Марковичева Е. В. Осуществление правосудия и функции суда в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства. С. 126–127.

[2] Берова Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве … С. 15.

[3] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS № 5): [заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.] // СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона; публичность (гласность и открытость), состязательность судебного разбирательства при равноправии сторон и обеспечении права обвиняемого на защиту; презумпция невиновности и др.

В судебном заседании именно «судья обязан обеспечить, чтобы «разбирательство было справедливым» в отношении всех сторон, участвующих в споре, в соответствии с правом, предоставляемым им Конвенцией»[1].

Российское законодательство также возлагает на суд разнообразные обязанности сугубо обеспечительного свойства: разъяснять всем участникам судопроизводства их права, обязанности, ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав (ч. 1 ст. 11 УПК РФ), создавать необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч. 3 ст. 15 УПК РФ), обеспечивать право подозреваемого и обвиняемого на защиту (ч. 2 и ч. 3 ст. 16 УПК РФ), рассматривать и своевременно разрешать каждое ходатайство, заявленное участником судебного процесса (статьи 121 – 122 УПК РФ), своевременно вручать либо направлять заинтересованным лицам копии судебных решений и многие другие.

Совершая подобные процессуальные действия, которые входят составной частью в любое ведущееся судом уголовное производство, орган правосудия предоставляет всем участникам процесса, и, прежде всего, сторонам, равную возможность защищать собственные или представляемые интересы путем реализации своих процессуальных прав, создает необходимые условия для полноценного гласного состязания сторон, не допускает нарушения их «равновесия», устраняет из процесса все то, что влечет ущемление процессуальных прав участников процесса, тем самым обеспечивает в итоге право каждого на справедливое судебное разбирательство дела.

---

[1] Моул Н., Харби К., Алексеева Л. Б. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство: Прецеденты и комментарии. М., 2001. С. 60.

Обеспечительная функция суда реализуется на подготовительных этапах всех видов судебных производств, далее в деятельности председательствующего судебного заседания, на которого законом возложены особые обязанности по руководству судебным заседанием в целях обеспечения надлежащей процедуры судопроизводства и соблюдения всеми участвующими в деле лицами распорядка судебного заседания (ст. 243 УПК РФ), а также посредством принятия судом всевозможных мер процессуального принуждения, направленных на создание необходимых условий производства по делу или обеспечение исполнения решений уголовного суда. Обязанности обеспечительного характера входят в комплекс полномочий всех судебных инстанций по рассмотрению в порядке уголовного судопроизводства любой категории судебных дел и носят в большинстве своем универсальный характер.

Превентивная (профилактическая) функция также вытекает из правозащитных задач уголовного правосудия и нацелена на предупреждение незаконного ограничения прав и свобод личности в ходе производства по делу, предотвращение нарушения правил судопроизводства и интересов правосудия.

В первую очередь следует отметить известное превентивное значение обвинительного приговора – наиболее значимого акта правосудия, в котором при решении вопросов виновности и назначения наказания находят непосредственное применение нормы уголовного права, устанавливающие основание и меру ответственности за совершение преступления. Приговор – реализованная государством посредством правосудия угроза применения уголовного наказания к лицу, нарушившему уголовно-правовой запрет. Реальное воплощение в приговоре суда заложенной в уголовном законе потенциальной возможности применения карательных мер, помимо исправления осужденного, имеет своей целью предотвращение нового преступного посягательства, подавление побудительных мотивов к совершению преступления, а в конечном итоге – защиту прав и законных интересов личности и организаций, общественных интересов, охрану правопорядка и обеспечение режима законности в стране.

Аналогичным, предупредительным целям в системе уголовного процесса служат судебные процедуры по применению мер уголовно-процессуального принуждения, предусмотренные главами 13 – 14 УПК РФ, которые направлены на обеспечение установленного законом порядка производства по делу и необходимых условий для его надлежащего проведения, а меры пресечения дополнительно – на предотвращение новых преступлений. Принимая на различных этапах судопроизводства решения об избрании меры пресечения (ст. 97 – 108 УПК РФ), о приводе не явившихся в судебное заседание лиц (ст. 113 УПК РФ), о наложении денежного взыскания (штрафа) за ненадлежащее исполнение участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей либо нарушения ими порядка в судебном заседании (ст. 117 УПК РФ) и т. д., суд не только добивается в конкретной ситуации требуемого в соответствии с законом поведения участников процесса, то есть обеспечивает надлежащее рассмотрение и разрешение конкретного дела, но и предупреждает как повторные противоправные действия со стороны тех же участников процесса, так и возможные аналогичные правонарушения со стороны других лиц и по другим делам.

Важным проявлением превентивной функции суда является реализация предусмотренных ч. 4 ст. 29 УПК РФ полномочий по вынесению частных постановлений (определений), которыми наделены суды всех инстанций[1]. В частном определении либо постановлении суд обращает внимание соответствующих организаций и должностных лиц на обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, обстоятельства и факты нарушения прав и свобод граждан, других нарушений закона, требующие принятия необходимых мер. Сущность этих судебных актов заключается в предупреждении и предотвращении повторных преступлений и иных, аналогичных допущенным, нарушений права. Деятельность суда, связанная с

[1] Подробнее см.: Бурмагин С. В. Частное постановление (определение) как форма осуществления превентивной функции суда в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2006. № 11. С. 44–59.

вынесением частных постановлений (определений), нацелена на самостоятельное под воздействием авторитета судебной власти устранение нарушений закона лицом, его допустившим, направлена на побуждение государственных органов, различных организаций и лиц воздержаться впредь от действий (бездействия), получивших негативную оценку суда, носит в определенной мере воспитательный, а в целом – профилактический характер.

Как видно из содержания рассмотренных функций, они, как и требует выбранный нами методологический подход, не ограничены отдельными судебными действиями или процедурами. Осуществляя той или иной вид деятельности, а зачастую и при совершении одних и тех же действий суд одновременно выполняет несколько различных функций, что изначально предопределено общностью стоящих перед уголовным судом задач, подчиненных единой правозащитной цели правосудия.

Перечисленные функции имеют сквозное действие, пронизывают всю деятельность суда по осуществлению уголовного правосудия, присутствуют в любой ее разновидности, в любом судебно-уголовном производстве и на любой его стадии.

Например, рассматривая ходатайство следователя о заключении подозреваемого под стражу, суд тем самым разрешает судебно-контрольное дело по существу (функция разрешения дела), при этом в ходе разбирательства судья проверяет и оценивает обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, законность и обоснованность намерений следователя ограничить свободу обвиняемого или подозреваемого (контрольная функция), чем обеспечивает соблюдение конституционных прав преследуемого лица, а в определенных случаях и потерпевшего (правоохранная и обеспечительная функции).

В то же время положительным решением по указанному ходатайству суд предупреждает или пресекает противоправное, наносящее ущерб интересам правосудия поведение подозреваемого (превентивная функция) и тем самым создает необходимые условия для надлежащего и успешного расследования дела

и дальнейшего его производства (обеспечительная функция), а в случае отказа в удовлетворении ходатайства следователя и немедленного освобождения задержанного подозреваемого – устраняет или предотвращает незаконное ограничение прав личности (правовосстановительная и предупредительная функция) и одновременно ориентирует орган следствия на недопустимость задержания и ограничения свободы в подобных случаях (профилактическая функция).

Не претендуя на признание наших подходов к проблеме судебных функций единственно верными, а приведенного перечня судебных функций – исчерпывающим, тем не менее, выскажем в целях полного освещения авторской позиции ряд важных замечаний относительно некоторых изложенных в научной литературе суждений о характере, содержании и соотношении отдельных уголовно-процессуальных функций суда.

О. В. Качалова и Н. А. Тузов в своих работах верно указывают на правозащитную направленность деятельности судебных органов, подчеркивают определяющий, главенствующий характер правозащитной функции по отношению к функции правосудия[1], но при этом Н. А. Тузов включает функцию правосудия и правозащитную функцию в одну группу основных функций органов судебной власти[2], признавая тем самым их равнозначность, а О. В. Качалова, определяя функцию судебной защиты и функцию осуществления правосудия по сути как уголовно-процессуальные, представляет последнюю как часть комплексной функции судебной защиты[3].

Вполне соглашаясь с выводом о соподчинении функции правосудия правозащитной функции (аналогичное суждение изложено нами выше), нельзя не заметить, что иерархичное соотношение присуще только разноуровневым функциям, а не функциям одной системы, в рамках которой функции равнозначны, самостоятельны и существуют параллельно. Правозащитный

---

[1] Тузов Н. А. Выражение функций органов судебной власти в судебных актах С. 96; Качалова О. В. Функции суда в современном российском уголовном судопроизводстве. С. 10.

[2] Тузов. Н. А. Указ. соч. С. 104.

[3] Качалова О. В. Указ. соч. С. 10.

характер свойственен деятельности по осуществлению не только уголовного, но правосудия любого вида и формы. Правозащитные цели заложены в каждом виде судопроизводства: конституционном, уголовном, гражданском, арбитражном и административном, а «судебная защита» как правовая функция закреплена за судебной властью на самом высоком, конституционном уровне. Поэтому, полагаем, некорректно включать функции защиты права и правосудия в одну группу, в частности, относить их к функциям уголовно-процессуальной системы. Бесспорно, что в деятельности уголовного суда проявляется и правозащитная функция, но только как общая функция судебной власти, реализуемая не во всем своем объеме и значении, а лишь в части и пределах, задаваемых уголовным правосудием, и потому трансформированная на уровне системы процессуальных действий и решений суда в более конкретные уголовно-процессуальные функции суда (правоохранную, правовосстановительную, контрольную, обеспечительную, превентивную), о которых сказано выше.

Далее. С позиции системного подхода представляется недостаточно оправданным и отнесение к функциям суда в уголовном процессе таких функций как воспитательная, толкования права, надзора вышестоящих судов за нижестоящими, обобщения судебной практики[1], которые не имеют процессуально-правового характера, не вытекают непосредственно из задач суда в уголовном процессе и не закреплены в конкретных судебно-процессуальных полномочиях (в уголовном судопроизводстве на суд не возложены обязанности обобщать судебную практику, кого-либо воспитывать). Воспитательный эффект в аспекте внушения гражданам устойчивого уважительного отношения к праву, правовым институтам и побуждения их к осознанному законопослушному поведению опять же присущ любой, а не только правосудной, правоприменительной деятельности судебных органов и является скорее

[1] Качалова О. В. Указ. соч. С. 9–10.

проявлением воспитательной[1] (культурно-воспитательной[2]) функции судебной власти в целом, производной от аналогичной общегосударственной функции.

Методологически ущербным полагаем подмену процессуальных функций отдельными видами или частями процессуальной деятельности либо их смешение, допускаемые иногда при перечислении и классификации судебных функций. Так, Д. М. Берова, определяя функции отдельных участников уголовного процесса как виды их уголовно-процессуальной деятельности, помимо прочего, относит к функциям суда «судебное санкционирование» (разрешение производства следственных действий и применения мер процессуального принуждения), принятие мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением либо возможной конфискации имущества (наложение ареста на имущество), рассмотрение судом требования реабилитированного о возмещении ему имущественного вреда («реабилитационная функция»), рассмотрение судом вопросов, связанных с исполнением приговора («корректирующая функция»)[3].

Причисление к функциям отдельных видов и разновидностей уголовно-процессуальной деятельности (судебное санкционирование, разрешение вопросов исполнения приговора) и ее частей (наложение ареста на имущество, рассмотрение требования о возмещении имущественного вреда в порядке реабилитации) приводит автора к странным, на наш взгляд, суждениям о побочности (не обязательности?) и временно́м ограничении («сменяемости») некоторых судебных функций. Данные выводы противоречат общепризнанному постулату о производности процессуальных функций от целей и задач процессуальной деятельности конкретного субъекта, а в целом – от общего назначения уголовного судопроизводства (как представляется, процессуальные цели и задачи не могут иметь побочный характер, в особенности поставленные

---

[1] Анишина В. И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации. С. 62–66.

[2] Колоколов Н. А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. С. 337–338.

[3] Берова Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве … С. 29, 34–36.

перед органом правосудия), а также игнорируют такое обязательное для функции свойство как сквозной характер ее действия, подразумевающий «охват» ею всей процессуальной деятельности, характеристикой которой является рассматриваемая функция.

При подобном наборе функций закономерно возникает вопрос относительно критериев, по которым отдельные виды или части процессуальной деятельности суда отнесены к категории судебных функций, а другие «не удостоены такой чести». В частности, остается не ясным, какой функцией направляется судебная деятельность по восстановлению иных, неимущественных прав реабилитированного (ст. 138 УПК РФ), если правосудие в понимании автора сужено до пределов разрешения уголовного дела, а содержание «реабилитационной функции» ограничено возмещением имущественного вреда? К сожалению, проанализированная нами работа не содержит ответа на поставленный вопрос.

Отдельного упоминания заслуживает функциональная характеристика деятельности уголовного суда по организации процесса рассмотрения дела и по руководству судебным заседанием. Организационно-руководящая роль суда в уголовном процессе очевидна, но образует ли эта сторона его деятельности содержание отдельной, самостоятельной процессуальной функции – вопрос, не имеющий однозначного ответа.

Так, Д. М. Берова выделяет у суда организационную функцию, но сводит ее только к руководству судебным заседанием и наложением взысканий за нарушение порядка в судебном заседании, при этом указывает, что эта функция осуществляется «в процессе выполнения функции правосудия в рамках той же процедуры», тем самым ограничивает ее не только по кругу судебных полномочий, но и рамками рассмотрения уголовного дела (по Д. М. Беровой правосудие – деятельность только по рассмотрению и разрешению уголовного дела)[1]. Получается, что, с одной стороны, организационная составляющая отсутствует в иных видах судебной деятельности, в частности, при

[1] Д. М. Берова. Указ соч. С. 33, 35.

осуществлении судебного контроля в досудебном производстве и рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, что не соответствует действительности, с другой стороны, организационная деятельность как бы сливается с правосудной.

В свою очередь С. Ю. Пашков отводит организационно-руководящую роль в процессе председательствующему, которому приписывает более объемную по содержанию функцию «руководства рассмотрением дела», состоящую из «трех относительно самостоятельных направлений его деятельности: организационно-процессуальной, деятельности по обеспечению состязательности и равноправия сторон и участия в уголовно-процессуальном доказывании»[1].

Оценивая организационный и руководящий элементы в деятельности уголовного суда, необходимо помнить, что основная часть действий суда (судьи и работников аппарата суда) по организации и проведению судебного разбирательства (судебного заседания) регламентирована не уголовно-процессуальным законом, а правилами судебного делопроизводства[2], правилами внутреннего распорядка и другими локальными правовыми актами в конкретном суде, следовательно, проходит вне уголовно-процессуальных отношений и не приобретает значения процессуальных актов. Незначительная часть организационной деятельности, облеченная в процессуальную форму, а в основном это процессуальные решения суда (о назначении судебного заседания, о его отложении, о применении видеоконференц-связи и т. п.) или распоряжения председательствующего по ходу заседания, представляет собой не самостоятельное направление процессуальной деятельности суда, а совокупность процессуальных средств по реализации уже обозначенных нами функций:

---

[1] Пашков С. Ю. Роль председательствующего при осуществлении правосудия судом первой инстанции по уголовным делам в общем порядке по УПК РФ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2010. С. 7.

[2] Например, Инструкцией по судебному делопроизводству в районном суде, утв. Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 г. № 36 (в редакции от 22.12.2021) г.) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

разрешения дела, контрольной, превентивной, но в большей степени – обеспечительной[1].

На наш взгляд, организационные и руководящие полномочия суда вычленить в чистом виде практически невозможно, они слиты с полномочиями по рассмотрению и разрешению судебных дел. Процессуальные действия по ведению производства по делу совершаются не ради самих себя и не преследуют особую цель – руководство процессом, т. е. не являются самоцелью, а направлены на решение тех же задач, что и вышеперечисленные нами функции. Единственная норма, прямо возлагающая на суд в лице председательствующего обязанность руководить судебным заседанием (ст. 243 УПК РФ), содержит однозначные указания на обеспечительные и предупредительные цели такого руководства.

Приведенные соображения приводят нас к выводу, что процессуальная деятельность суда (председательствующего) по организации судебного заседания и руководству им есть присущий органам судебной власти способ, властный метод осуществления уголовного правосудия, что все содержание предполагаемых «организационной» и «руководящей» функций суда полностью поглощается иными судебными функциями, «растворяется» в них, поэтому для их выделения в самостоятельные направления процессуальной деятельности уголовного суда оснований не имеется. Вместе с тем не исключаем возможность выделения функции (подфункции) руководства, но только не в деятельности уголовного суда в целом, а при переходе еще на более низкий уровень обобщения, на котором возможно, как это делает указанный автор, выделение, обособление из общего понятия суда таких субъектов судебной власти как председательствующий, судья, председатель суда (того или иного уровня) и его заместитель, а равно мировой судья (в будущем, возможно, – следственный судья) и анализ их функционирования, при котором допустима дальнейшая детализация

[1] Подробнее о содержании обеспечительной деятельности уголовного суда и присутствующих в ней организационных и контрольно-руководящих компонентах см.: Бурмагин С. В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе. С. 144–158.

деятельности суда по субъектному признаку и «расщепление» его функций на отдельные компоненты более низкого уровня.

В завершение первой главы диссертации, исследовав вопросы сущности, понятия и признаков уголовного правосудия, проведя его структурно-функциональный анализ, приходим к следующим ***основным выводам***:

1. Уголовное правосудие есть разновидность государственно-властной деятельности, осуществляемой судом, и представляет собой сложное системное правовое явление, суть которого – разрешение в порядке уголовного судопроизводства спора о действительном или предполагаемом праве, а основным содержанием является процессуальная деятельность уголовного суда по рассмотрению и разрешению уголовных и иных судебных дел, отнесенных к его компетенции.

2. Главная двуединая цель уголовного правосудия состоит: 1) в защите и восстановлении нарушенных преступлением прав и законных интересов; 2) в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, а равно любого иного ограничения ее прав и свобод в процессе производства по делу.

Общими задачами суда при осуществлении уголовного правосудия являются: 1) рассмотрение и разрешение уголовных дел и различных правовых вопросов, возникающих в ходе уголовного судопроизводства и отнесенных к компетенции суда; 2) обеспечение законности и справедливости осуществляемого судом уголовного производства; 3) создание необходимых условий для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

3. Деятельность по отправлению уголовного правосудия является по своей природе юридической, правоприменительной, а по характеру – юрисдикционной и подзаконной, проходит в установленной законом уголовно-процессуальной форме с соблюдением принципов уголовного судопроизводства и гарантий его справедливости. Иная, непроцессуальная деятельность суда не является

правосудием, но содействует своевременному и качественному его осуществлению.

Рассмотрение конкретного дела представляет собой взаимосвязанную последовательность правоприменительных актов суда, образующих в совокупности правоприменительный цикл, направленный на разрешение основного правового вопроса рассматриваемого дела и индивидуальное урегулирование спорного правоотношения.

4. Любая процессуальная деятельность уголовного суда, направленная на разрешение входящих в его компетенцию юридических дел и спорных вопросов, требующих установления фактических обстоятельств и применения к ним норм права, является правосудием.

Правосудие начинает осуществляться с момента поступления в судебный орган соответствующего процессуального обращения (заявления, ходатайства, представления, уголовного дела), порождающего судебное производство и номинально заканчивается моментом обращения итогового решения суда, вступившего в законную силу, к исполнению, но может быть продолжено в судах вышестоящих инстанций.

Для такого расширенного доктринального толкования понятия уголовного правосудия и определения его предметной области и процессуальных пределов (границ) имеются необходимые и достаточные теоретические и правовые основания.

5. Деятельность суда по осуществлению правосудия состоит из многочисленных единичных актов суда: действий и решений, и по предметному признаку разделяется на четыре вида (части): 1) судебный контроль досудебного производства; 2) рассмотрение уголовных дел; 3) разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора и иных судебных решений; 4) рассмотрение вопросов реабилитации и возмещения вреда, причиненного незаконной уголовно-процессуальной деятельностью.

6. Деятельность уголовного суда по осуществлению правосудия характеризуется многофункциональностью. Комплексная функция уголовного

правосудия, которую в целом осуществляет суд в уголовном процессе, состоит из таких уголовно-процессуальных функций (подфункций) суда как разрешение дела, правоохранная, правовосстановительная, контрольная, обеспечительная и превентивная.

7. Структуру уголовного правосудия образуют процессуальные действия и процессуальные решения суда, судебные процедуры и судебные производства. Судебные процедуры предусмотрены для решения в ходе уголовного производства локальных, промежуточных (текущих) правовых вопросов и образованы совокупностью последовательных, взаимосвязанных судебных действия и решений, имеющих общую направленность.

Судебные производства как самые крупные, организационно законченные и нормативно определенные процессуальные образования, состоящие из упорядоченных судебных процедур и отдельных процессуальных действий и решений, предназначены для разбирательства по предмету судебного дела и решения его основного и всех сопутствующих правовых вопросов. В своей совокупности судебные производства охватывают всю деятельность суда по осуществлению уголовного правосудия без остатка.

8. Судебные решения являются основополагающим процессуальным средством выражения и реализации судебной власти, представляют собой наиболее важный компонент уголовного правосудия, посредством которого осуществляются наиболее значимые властные полномочия суда, достигаются цели и задачи уголовного правосудия. Судебные решения выражают правовую сущность уголовного правосудия, которая состоит не только в процессе рассмотрения и разрешения судебно-правового спора, но и в юридически значимом результате – законном, эффективном и справедливом урегулировании социально-правового конфликта.

Далее от общетеоретических вопросов содержания и структурно-функционального построения деятельности суда по осуществлению уголовного правосудия следует перейти к рассмотрению конкретных форм реализации этой деятельности.

ГЛАВА 2. СУДЕБНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: КОНЦЕПЦИЯ ЕДИНСТВА И ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТИ

Как отмечено выше, комплексное и разностороннее исследование всех видов, направлений и форм процессуальной деятельности суда позволяет получить целостную картину уголовного правосудия во всех его проявлениях. В этой связи представляется, что разграничение в уголовном процессе судебных производств как форм осуществления уголовного правосудия и их сравнительный (исторический и правовой) анализ имеют важное научно-теоретическое, методологическое и практическое значение. Такой подход предоставляет возможность выявить и досконально исследовать как общие закономерности осуществления правосудия уголовным судом, так и специфические особенности его однородных (типовых) и единичных (видовых) форм, помогает осознать и принять диалектику уголовного правосудия.

Научное обоснование единства и целостности правосудия при дифференциации уголовно-процессуальной деятельности по его осуществлению в свою очередь позволяет наиболее полно и всесторонне познать правовой механизм принятия уголовным судом разнообразных процессуальных решений, в которых воплощается правосудие, побудить законодателя на беспробельное и эффективное регулирование этого механизма, а также правильно ориентировать практических работников, и прежде всего судей, в вопросах сущности, назначения и процедурных особенностей отдельных видов судебных производств, понять ими, а значит, и воплотить в правоприменительной деятельности свою истинную роль в той или иной разновидности правосудной деятельности.

Современная система уголовного правосудия, с одной стороны, является подсистемой всего российского правосудия – системы более высокого порядка, с другой – подсистемой уголовного процесса, поэтому деление процессуальной

деятельности уголовного суда на судебные производства должно рассматриваться в русле общетеоретических положений о системности уголовного судопроизводства, единстве и дифференциации его уголовно-процессуальной формы, и в контексте исторического развития всего уголовного судопроизводства. Необходимость такого методологического подхода подкрепляется тем обстоятельством, что судебная деятельность – основная (не только в количественном отношении, но и в содержательном плане) часть уголовного процесса, и дифференцированность последнего в большей мере проявляется именно в судебных стадиях.

§ 1. Судебные производства в контексте исторического развития российского уголовного правосудия

Многовековая история судопроизводства продемонстрировала многообразие форм и видов уголовного процесса, возникавших в различные исторические эпохи, в разных странах и у разных народов. Уголовное правосудие как осуществляемая в установленной процедуре деятельность суда по разрешению уголовно-правовых конфликтов развивалось в границах этих видов и форм.

В рамках настоящей диссертации полагаем излишним описывать характерные признаки типовых – розыскной, состязательной и смешанной – моделей уголовного правосудия (уголовного процесса) и углубляться в их сравнение, они давно и в достаточной степени исследованы и проанализированы в научной литературе[1]. Поэтому сразу обратимся к истории возникновения и

[1] См., например: Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, Германии и России. СПб., 1868. С. 5–7; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.1. СПб.: Альфа, 1996. С. 59–72; Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. С. 103–120; Мещеряков Ю. В. Формы уголовного судопроизводства. Л.: ЛГУ, 1990. С. 65–83; Смирнов

преобразования в России судебно-уголовных производств и их интеграции в единую систему.

Опираясь на исторические данные, нельзя не признать, что российское уголовное правосудие в целом прошло те же этапы развития, что и правосудие в других странах, относящихся к европейской (преимущественно, христианской) цивилизации, и эволюционировало в русле общих закономерностей, «по мере развития общества и государства, исторических трансформаций правовой культуры, возрастания роли личностных начал в правовом пространстве Российского государства»[1], но, безусловно, имело и свои национальные особенности.

Вышедший из архаичных (древне-родовых и общинных) способов разрешения социальных конфликтов[2] судебно-уголовное производство на первоначальных этапах становления государства представляло собой довольно примитивную и однородную судебную процедуру рассмотрения правового деликта, независимо от характера и содержания последнего, которой были свойственны господство частного начала, усмотрение сторон, их процессуальное равенство, сакральность и формализм разбирательства[3]. Таковы были формы правосудия в отдельных странах Древнего Востока, в античных государствах в период их становления, а также в европейских странах в эпоху Средневековья (время «варварских Правд») и классического феодализма.

В древнерусских государствах IX–XIII вв. правосудие также вершилось в форме обвинительного («тяжебного») процесса[4] – исторически первой

А. В. Модели уголовного процесса. СПб.: Наука, 2000. С. 26–123; Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 21–39.

[1] Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. СПб., 2003. С. 128.

[2] О древних способах разрешения конфликтов в догосударственном обществе см.: Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах (1957) // Чельцов (Чельцов-Бебутов) М. А. Избранное. Т. 1: сб. науч. трудов / отв. ред. Л. А. Воскобитова. М.: Проспект, 2017. С. 41–62.

[3] Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб.: Альфа, 1996. С. 17.

[4] Строгович М. С. Уголовный процесс. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. С. 31; Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права … С. 533; Смирнов А. В.

разновидности состязательного типа судопроизводства, который складывался из ряда обязательных формальных действий, не разделялся на гражданский и уголовный, состоял из одинарного судебного производства, не имеющего структурного деления, и применялся, в том числе, для объявления ответственного (виновного) за совершенное противоправное деяние и его наказания[1]. Предусмотренное нормами Русской Правды некое подобие предварительного расследования в форме «свода» и «гонения следа» (статьи 34–36, 77 Пространной Правды[2]), осуществлявшихся в частном порядке истцом (потерпевшим) и предназначавшихся для отыскания надлежащего ответчика (обвиняемого) и возврата похищенного[3], хотя несло в себе зачатки досудебного производства, но не составляло обособленную часть судебного процесса. В указанный период уголовное производство не только не имело признаков системности, но еще и не обрело «своего лица», не выделилось из однородной и единой для всех юридических дел судебной процедуры.

Следует указать, что в период преобладания обвинительного процесса в Киевской Руси возникает и постепенно развивается экстраординарный порядок судопроизводства – розыскной, который зародился в форме расправы над политическими врагами, в том числе в виде княжеской «опалы»[4], а также обнаруживает свое начало в деятельности церковных судов. Последние появились

Состязательный процесс. СПб.: Альфа, 2001. С. 198; История государства и права России: учебник / Под. ред. Ю. П. Титова. М.: ООО «ТК Велби», 2003. С. 30–31; Смыкалин А. С. Особенности судоустройства, судопроизводства и исполнения судебных решений в период феодальной раздробленности на Руси в XII–XIV вв. (на примере Новгорода и Пскова) // Российская юстиция. 2006. № 5. С. 64.

[1] Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 32. – См. также: Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, германии и России. СПб: Тип. Э. Аргольда, 1868. С. 80–81; Кутафин О. Е., Лебедев В. М. Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы. Т. I. Начала формирования судебной власти / Отв. ред. Н. М. Золотухина. М.: Мысль, 2003. С. 58–59; Цечоев В. К. История суда России: учеб. пособие. М.: Проспект, 2010. С. 20–27; Загорский Г. И., Зюбанов Ю. И. У истоков российского уголовного судопроизводства (к 1000-летию Русской Правды): монография. М.: Проспект, 2017. С. 17.

[2] Текст Пространной редакции Русской Правды см. в книгах: Кутафин О. Е., Лебедев В. М. Семигин Г. Ю. Указ. соч. С. 86– 95; Загорский Г. И., Зюбанов Ю. И. Указ. соч. С. 78–90.

[3] См.: Чельцов-Бебутов М. А. Указ. соч. С. 533–535; Рубаник В. Е. Государство, право и суд Киевской Руси: историко-юридический очерк. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 302–304.

[4] Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 33.

вскоре после принятия на Руси христианства на основании княжеских Уставов (Устав князя Владимира Святославовича «О десятинах, судах и людях церковных», Устав князя Ярослава Мудрого «О церковных судах» и др.[1]) обрели собственную обширную юрисдикцию[2] и при отправлении правосудия руководствовались не только церковными уставами, но и нормами канонического процесса, заимствованными у Византии и привносившими в церковное судопроизводство розыскные начала: тайность, письменность, активность суда, применение пытки[3].

В XIV–XVI вв. по мере трансформации понятия преступления из категории личной «обиды» в категорию «лихого дела», не только причиняющего ущерб личности, но и несущего вред обществу, усиления в связи с этим публичного (государственного) начала в судопроизводстве, происходившем в русле общих процессов централизации и укрепления российского государства, происходит распространение розыскного порядка уголовного производства, который охватил наиболее опасные преступления, получил первое формально-нормативное закрепление в Судебнике 1497 г., а дальнейшее развитие – в Губной Белозерской грамоте (1539 г.), Судебнике 1550 г., Уставной книге Разбойного приказа (1555-1556 гг.). Включение «розыска» в уголовное правосудие сопровождалось созданием для борьбы с «лихими людьми» специальных административно-судебных органов – губных изб (губных старост)[4], «задача которых состояла в

---

[1] См.: Беляев И. Д. История русского законодательства. СПб.: Лань, 1999. С. 190–196, 202–204; Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы. Т. I. Начала формирования судебной власти. С. 83–84; Загорский Г. И., Зюбанов Ю. А. У истоков российского уголовного судопроизводства … С. 8–16.

[2] См. об этом: Амплиева Т. Ю. По закону русскому. История уголовного судопроизводства Древней Руси: Монография. М.: Юридический институт МИИТа, 2005. С. 117–122; Рубаник В. Е. Указ. соч. С. 287–298; Загорский Г. И., Зюбанов Ю. А. Указ. соч. С. 8–16.

[3] Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права … С. 543; История государства и права России / Под. ред. Ю. П. Титова. С. 31.

[4] См.: Чельцов-Бебутов М. А. Указ. соч. С. 553–562; Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Указ. соч. С. 132–133, 137–138.

том, чтобы порученные их ведению дела «сыскивать и доведши (т.е. собрав доказательства виновности) наказывать»[1].

Подобным образом в период действия царских Судебников в Российском (Московском) государстве сложилась определенная система уголовного правосудия, включавшая в себя отдельные, отчетливо сформировавшиеся и разграничивающиеся по категориям преступлений, порядку их выявления и личности преступника судебно-уголовные производства: состязательное производство («суд») и розыскное производство («сыск»)[2].

«Сыскные» и «судные» уголовные дела были подсудны разным судебным органам: первые находились в ведении губных старост и Разбойного приказа, вторые – земских органов (изб), судов наместников и волостелей (позже – воевод), судебных Приказов, Боярской думы и великокняжеского суда. Указанные виды уголовных производств осуществлялись параллельно, вне зависимости друг от друга и имели существенные различия.

«Сыскному» производству подлежали «важнейшие уголовные дела» (главным образом, разбои и «тятьбы» с поличным, душегубства и поджоги, совершенные при разбоях, а также преступления против государства) при условии основательности улик и несомненности в том, что обвиняемые были заведомо «лихими людьми». Такое судебное производство начиналось немедленно (по возникновению самого дела), как правило, по инициативе судебного органа, включало процедуры «повального обыска», задержания и «облихования», не могло окончиться примирением, предусматривало пытку в качестве основного средства доказывания, разделялось на три части: расследование, «удовлетворение истцов», постановление и исполнение приговора, который, как и все

---

[1] Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 33.

[2] См.: Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, Германии и России. С.96–99; Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и половины XVII веков), СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1884. С. 115; Строгович М. С. Уголовный процесс. С. 38; Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права … С. 559–562; История государства и права России / Под ред. Ю. П. Титова. М.: ООО «ТК Велби», 2003. С. 77; Исаев И. А. История государства и права России: Учебник. М.: Юристъ, 2004. С. 159; Цечоев В. К. История суда России. С. 46–49.

производство, фиксировался в судном списке[1]. При этом порядок судебного расследования заметно различался (дифференцировался) в зависимости от повода к его проведению на расследования: а) по «лихованным обыскам»; б) по оговору под пыткой («язычной молвке»); в) по жалобам потерпевшего лица[2].

Производство «по судным делам» носило чисто состязательный (частно-исковой) характер, возбуждалось исключительно по жалобе (челобитной) и имело в сравнении с первоначальным обвинительным процессом более развитую процессуальную форму: а) начиналось в определенные законодательством сроки; б) допускало примирение сторон; в) предусматривало разнообразные виды доказательств: признание, свидетельские показания, письменные документы, результаты обыска и осмотра ран и увечий, а также поле, жребий и крестное целование; г) разделялось на три этапа: предварительные (подготовительные) действия, собственно производство в суде – судоговорение, постановление и исполнение приговора; д) фиксировалось в судных списках; е) предусматривало оформление таких судебных документов как приставные, зазывные или наказные грамоты («памяти»), докладные списки, а также выдачу сторонам копий решений суда в виде «бессудных» и «правых» грамот[3].

Помимо рассмотренных основных уголовных производств – «суда» и «сыска» – в указанный период истории российского правосудия имело место еще одно (усеченное) производство – «управа». «Управными» являлись дела о правонарушениях, по которым по очевидности проступков безотлагательно «подвергали наказанию без формального о них суда»[4]. Преимущественно это были дела, по которым «не возникало частных исков, а нарушались только

---

[1] См.: Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство. С. 135-174; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2005. С. 736–738; Беляев И. Д. Указ. соч. 452–453, 462–463, 476–478.; Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. С. 150–152.

[2] См. об этом: Ланге Н. Указ. соч. С. 135.

[3] См.: Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство … С. 175–227; Беляев И. Д. История русского законодательства. С. 447–452, 457–462; Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 732–736; Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Указ. соч. С. 127–128.

[4] Ланге Н. Указ. соч. С.115–116, 122.

распоряжения правительства самовольством или явным ослушанием»[1]. Хотя, по всей видимости, «управа чинилась» без особой формальной процедуры, ее можно считать прообразом современных форм ускоренного и упрощенного (сокращенного) уголовного судопроизводства.

Примечательно, что, будучи самостоятельными, указанные производства при возникновении (выяснении) определенных обстоятельств сменяли друг друга по одному и тому же делу: «суд» мог перерасти в «сыск», а «сыск» – обратиться в «суд», «управные» же дела могли потребовать производства «суда»[2]. Такое положение не удивительно и вполне приемлемо, поскольку распространяется на однотипные судебные производства, характеризующиеся однородностью своего предмета, которым выступает уголовно-правовой конфликт (казус), оно имеет, как будет показано далее, широкое распространение и в современном правосудии.

Помимо производств в суде первой инстанции в эпоху Судебников складывается порядок по пересмотру «судных» уголовных дел в вышестоящих судебных инстанциях, институционально сложившихся при Иване Грозном в соответствии с реформированным судебным устройством, при котором некоторые дела могли проходить через три судебные инстанции: местный суд, суд Приказов и суд Боярской Думы[3].

Право и процедуры пересмотра приговоров первоначально, видимо, возникают в Новгородской республике. А. Куницын, ссылаясь на Собрания Государственных грамот, указывает, что в Великом Новгороде право «уничтожать» решения нижних судов принадлежало Вечу по делам мирским и Новгородскому Архиепископу – по делам духовным[4]. Указание на возможность пересмотра судебных решений органами княжеского суда, а также перенос

---

[1] Там же. С. 116.

[2] Там же. С. 116, 118.

[3] Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права … С. 560.

[4] Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843. С. 124.

рассмотрения дела в специальную коллегию появляется в статьях 3 и 26 Новгородской судной грамоты (1471 г.)[1].

В Московском государстве постепенно также организовались две формы пересмотра уголовных дел: «доклад» и «пересуд». Первая предусматривала передачу местными судьями разобранного ими дела в вышестоящий суд (Приказ, Боярскую думу или Великому князю) с докладом для его окончательного разрешения[2], когда, как поясняет Н. Ланге, судьям «почему либо было «немочно» решить дело, или когда судьи разноречили между собой относительно решения», а так же «по особому Высочайшему повелению о предоставлении тех или других дел непосредственно в Москву»[3]. Впоследствии в условиях абсолютизации власти и доминирования розыскной формы уголовного судопроизводства из данной процедуры развился характерный для российского правосудия ревизионный порядок проверки и пересмотра уголовных дел, следы которого сохраняются и в современном отечественном правосудии.

Вторая форма – «пересуд» – состояла в переносе дел из уездов к боярам по жалобам сторон на приговоры местного суда и содержала признаки известного западноевропейской традиции апелляционного порядка обжалования и пересмотра решений нижестоящих судов, но при этом жалоба на решения местных судебных властей, как отмечают Н. Ланге и И. Я. Фойницкий, имела вид обвинения самих судей в «неправде» и «мздоимстве», вследствие чего приобретала личный характер и в результате порождала «суд с судьей»[4].

Итак, вследствие возникновения производств по пересмотру дел, отечественное уголовное судопроизводство прирастает судебно-контрольными стадиями, а система уголовного правосудия еще более усложняется и получает вектор развития в направлении, призванном повысить качество, эффективность и

---

[1] Малиновский И. А. Сборник памятников древнего русского права. Ростов-на-Дону: Акционерная печатня, 2017. С. 50, 54. – См. также: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 708.

[2] Чельцов-Бебутов М. А. Указ. соч. С. 554.

[3] Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство … С. 60. См. также: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб.: Альфа, 1996. С. 521–522.

[4] Ланге Н. Указ. соч. С. 61–62; Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 522.

справедливость правосудия за счет устранения судебных ошибок и злоупотреблений.

В последующем розыскной порядок судебного процесса постепенно вытесняет состязательный, распространяется на все большее число уголовных дел, получает дальнейшее нормативное закрепление и развитие в Судебнике 1589 г., Сводном Судебнике 1606 г. и Соборном Уложении 1649 г., а также в Уставной книге Разбойного приказа 1616–1635 гг. – ведомственном акте, который наиболее тщательно регулировал розыскную деятельность губных органов[1].

Петровская эпоха ознаменовалась практическим устранением из уголовного правосудия состязательного порядка и процветанием розыскного производства, обретшего ярко выраженные инквизиционные черты (господство публичного начала, инициатива суда, письменность и тайность судопроизводства, система формальных доказательств с упором на признание, добываемое пыткой, ревизионный порядок пересмотра)[2]. По мнению ряда ученых отечественное «сыскное» производство имело значительное сходство с западноевропейским розыскным (инквизиционным) процессом[3] и на определенных этапах заимствовало его элементы из западноевропейских (немецких) правовых источников[4].

---

[1] См.: Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Петроград: Изд. юрид. кн. склада "Право", 1916. С. 50–51; История отечественного государства и права. Ч. 1 / под ред. О. И. Чистякова. М., 2001. С. 170; Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Указ. соч. С. 141, 146–151, 225–227, 321; Цечоев В. К. Истрия суда России. С. 51–52.

[2] Именным Указом от 21 февраля 1697 г. было постановлено, что «суду и очным ставкам не быть, а ведать все дела розыском». Изданный 5 ноября 1723 г. Указ «О форме суда», который формально отменял розыск и объявил «суд» единственной формой процесса, фактически ограничивал свое действие гражданскими делами. На практике по уголовным делам продолжал применяться инквизиционный порядок, дополненный в 1716 г. «Кратким изображением процессов или судебных тяжб» – процессуальным разделом Воинского устава (Подробнее об этом см.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 739–742; Чельцов-Бебутов М. А. Указ. соч. С. 595–600; Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы. Т. II. Период абсолютизма. М.: Мысль, 2003. С. 145–149; Исаев М. А. История Российского государства и права: учебник. М.: Статут, 2012 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

[3] Розин Н. Н. Указ. соч. С. 50; Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. С. 134.

[4] См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. С. 33; Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 739; Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права

На протяжении XVIII в. и первой половины XIX в. инквизиционное уголовное производство, претерпевая частые, но сумбурные и зачастую противоречивые изменения процессуальных правил, эволюционировало в другую, более мягкую разновидность розыска – следственный процесс по немецкому образцу («по типу германского дореформенного процесса»[1]), нашедший наиболее четкое, полное и окончательное выражение в Своде Законов Российской Империи 1832 г. (далее – Свод законов)[2].

По Книге 2-й «Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках» Тома XV Свода законов (далее – Кн.2 Т.15) уголовное судопроизводство с точки зрения системного построения гомогенно, осуществляется исключительно в розыскной форме (состязательные элементы в нем напрочь отсутствуют), достаточно четко структурировано (разделено на последовательные стадии), подробно регламентировано и демонстрирует общее процедурное единообразие. Но при этом оно проявляет и значительную дифференцированность процессуальной формы[3], что было обусловлено не только множественностью и разнообразием правовых актов, послуживших Своду

… С. 595; Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб.: Наука, 2000. С. 190–191; Исаев М. А. Указ. соч.

[1] Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 34. – М. А. Чельцов-Бебутов называет немецкий инквизиционный процесс начала XIX в. в качестве неофициального источника второй книги XV тома Свода законов (Чельцов-Бебутов М. А. Указ. соч. С. 617).

[2] Как указывают авторы многотомного издания «Судебная власть России», хотя Свод законов 1832 г. был составлен на основе действовавшего до этого законодательства (того же Соборного Уложения или Воинских артикулов Петра I), в нормах Свода законов «сохранились лишь дух и содержание соответствующих законов XVII–XVIII вв., воплощались же они в иной (обновленной) «букве» закона», кроме того «Свод законов устранял действие всех предшествующих законов, на которых был основан, и для правоприменителя (в первую очередь для судов) он превращался в единственный законодательный источник судебной деятельности» (Кутафин Е. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть России: история, документы. Т. III. От Свода законов к судебной реформе 1864 г. М.: Мысль, 2003. С.8).

[3] Н. Н. Розин указывает о наличии в уголовном процессе того времени свыше 20-ти видов судопроизводства, часто переходящих друг в друга (Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. С. 56). При непосредственном обращении к тексту Свода законов по состоянию на 1857 г. обнаруживаем, что в Кн.2 Т.15 особым формам посвящен целый Раздел VII, который регламентирует 15-ть «особенных родов судопроизводства», установленных для отдельных категорий уголовных дел, выделяемых по видам и субъектам преступлений, а также территории их совершения (ст. 573). – Здесь и далее содержание положений Свода законов приводятся по изданию: Свод законов Российской Империи, издания 1857. Том 15. Законы уголовные. СПб., 1857.

законов источниками процессуальных правил, но и неполной отделенностью судебной власти от власти административной (маловажные уголовные дела находились в исключительном ведении полицейского ведомства[1], большинство приговоров требовало утверждения высокими чинами), а также несовершенством самой судебной системы, чрезмерно усложненной, отражавшей сословное построение общества и включавшей помимо общих судов множество специальных.

Производство уголовных дел в российском следственном процессе состояло из следующих стадий или, как они чаще назывались в юридической литературе[2], частей: следствия, суда и исполнения приговора (ст. 1 Кн.2 Т.15). Производство следствия и «все меры, к оному относящиеся» до 1860 г., когда были учреждены судебные следователи, «принадлежали» полиции (ст. 2 Кн.2 Т.15), к компетенции полиции также относилось исполнение приговора (ст. 4 Кн.2 Т.15). Производство следствия делилось на две части: предварительное (Раздел II, Кн.2 Т.15) и формальное (Раздел III, Кн.2 Т.15).

Предварительное следствие должно было установить, действительно ли имело место происшествие, заключавшее в себе признаки преступного деяния, и привести в известность все обстоятельства, указывающие на такое деяние, а следовавшее за ним *формальное следствие* производилось уже в отношении конкретного лица, установленного в ходе предварительного следствия и поставленного в «состояние обвинения»[3], и «направлялось на то, чтобы обнаружить и привести в полную ясность и известность, над каким лицом или имуществом учинено преступное деяние, в каком действии оно состояло, каким способом, когда, где, кем, с намерением или без намерения учинено и т. д., так чтобы суд не мог встретить никакого затруднения или сомнения в постановлении

---

[1] Розин Н. Н. Указ. соч. С. 52; Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права … С. 617.

[2] См.: Баршев И. Я. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. С. 49–51; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. С. 34.

[3] См.: Баршев И. Я. Указ. соч. С. 107–111, 134; Розин Н. Н. Указ. соч. С. 52; Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 34–35; Чельцов-Бебутов М. А. Указ. соч. С. 618.

приговора»[1]. Структура, содержание и порядок проведения следствия по Своду законов во многом созвучны современному предварительному расследованию России и позволяют проводить некоторые аналогии с его уголовно-процессуальными институтами и делением на этапы[2].

Судебная часть уголовного производства состояла из: 1) «производства дел уголовных в первой степени суда», т. е. в суде первой инстанции (Раздел IV, Кн.2 Т.15); и 2) производства по пересмотру уголовных дел «во второй степени суда» в формах ревизии и обжалования (Раздел V, Кн.2 Т.15)[3]. Судебное производство по разрешению уголовного дела не предусматривало устного, гласного и непосредственного судебного разбирательства, а функционально сводилось к проверке по письменным материалам дела (докладной записке) правильности предшествующего производства и оценке собранных доказательств на основе опосредованного их восприятия и в соответствии с системой формальных доказательств. При необходимости оно дополнялось справками и сведениями, в случае непризнания обвиняемым вины могло включить его повторный допрос.

Приговор выносился на основе судейских «мнений» (глава 5 Кн.2 Т.15), сложившихся по результатам «рассмотрения» письменных материалов дела и подсчета доказательств по определенным в законе правилам, которым в регламентации судебного производства отводилась основное место (глава 4 Кн.2 Т.15). Дальнейшее производство охватывало ревизию уголовного дела по прямому требованию закона (об утверждении приговора начальником губернии) либо в случаях разногласия между судом и органами администрации, а также пересмотр по жалобе[4] или протесту прокурора. Обе формы пересмотра, так же как

---

[1] Розин Н. Н. Указ. соч. С. 52.

[2] Подробнее об этом см.: Великая реформа: К 150-летию Судебных Уставов. Т. II. Устав уголовного судопроизводства / Под ред. Л. В. Головко. М.: Юстицинформ, 2014. С. 17; Кутафин Е. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Указ. соч. С. 280–283.

[3] См.: Бородинова Т. Г. Институт пересмотра приговоров в современном уголовно-процессуальном праве Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 59–60.

[4] Следует отметить, что свойственные розыскному процессу игнорирование прав и интересов личности и подавление диспозитивных начал правосудия плохо совместимы с апелляционным обжалованием, поэтому последнее применялось лишь в производстве по маловажным делам, не подлежащим ревизии (ст. 462 и 463 Кн.2. Т.15), дозволялось некоторым категориям осужденных только после исполнения наказания (ст. 484 Кн.2. Т.15), по принятию

и производство в суде первой инстанции, не предусматривали выполнение вышестоящими инстанциями какого-либо особого набора процессуальных действий, а ограничивались принятием решения.

Можно констатировать, что в следственной форме судопроизводства уголовное правосудие отделилось, хотя недостаточно последовательно и полно, от деятельности по расследованию уголовного дела, приобрело в сравнении с инквизиционным процессом более современные и цивилизованные черты: а) исключена пытка (формально отменена в 1801 г.); б) предусмотрен институт отвода судей «по подозрениям подсудимых» (глава 2, Кн.2 Т.15); в) возникает фигура защитника; г) в судебной деятельности появляются элементы правозащитной функции – на суд возложена обязанность «доставить подсудимому все возможные средства к его оправданию, и, в случае жалобы на учиненные при следствии упущения, рассмотреть все обстоятельства оного с точностью» (ст. 286 Кн.2 Т.15).

В то же время в условиях, когда судебная власть не обладала (и не могла обладать) самостоятельностью и независимостью, судебное производство остается процессуально неразвитым, наполненным процедурами, свойственными не правосудию, а чиновничьему (по сути – бюрократическому) бумажному делопроизводству, каким и предстает в нормах, регламентирующих деятельность уголовного суда (в частности, главы 4 и 5 Кн.2 Т.15). В системе уголовного процесса оно имеет второстепенное значение (превалирует досудебное производство), и его основной задачей является оценка собранных «следствием» доказательств[1]. Роль уголовного суда ограничена разрешением дела, иные прерогативы правосудия – контрольные, правозащитные, правообеспечительные,

---

жалобы («отзыва») перерастало в ревизию (ст. 479 Кн.2 Т.15) и было весьма ограничено на практике, чему способствовали различные способы борьбы с необоснованным обжалованием: уплата пошлин, дополнительных штрафов и даже уголовное наказание за необоснованную жалобу (статьи 474, 477, 483 и 488 Кн.2 Т.15). Подробнее об этом см.: Сидорова Н. В. Апелляция в системе производства в суде второй инстанции в уголовном процессе России. Томск: Изд-во НТЛ, 2006. С. 61–62; История судебной системы в России: учеб. пособие / под ред. Н. А. Колоколова. М.: ЮНИТА–ДАНА: Закон и право, 2011. С. 227–228.

[1] Великая реформа: К 150-летию Судебных Уставов. Т. II. С. 18.

превентивные и т. д. – в законе не обозначены и полномочия по их реализации находятся в зачаточном состоянии.

Следующий этап развития системы отечественного уголовного правосудия ознаменовался проведением в 60-х годах XIX в. полномасштабной Судебной реформы, явившейся частью эпохальных социально-экономических преобразований российского общества и государства и отразившей изменение общественно-правовых взглядов на роль суда и сущность судебной власти.

Реформа была направлена на создание единой, эффективной системы независимых судебных органов и кардинальную перестройку судебных процессов на гуманных, демократических принципах, ее сущность заключалась в отделении судебной власти от власти исполнительной и законодательной, установлении единого бессословного суда, ограничении количества судебных инстанций, введении в правосудие народного элемента (суда присяжных), учреждении института мировых судей, замене розыскного порядка уголовного судопроизводства состязательным, предусматривающим разделение функций обвинения, защиты и правосудия, в отмене формальной системы доказательств, в установлении гласности, устности и непосредственности судебного процесса[1].

В сфере уголовного правосудия судебная реформа воплотилась в принятии Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС, Устав)[2], которым в России был установлен распространившийся в странах континентальной Европы под влиянием Кодекса уголовного следствия 1808 г. (Франция) так называемый смешанный тип уголовного процесса, соединяющий в себе тайное, розыскное предварительное расследование и состязательное судебное производство. Обвинительная власть в целом была отделена от судебной в плане разграничения между ними процессуальных функций, а судебное разбирательство приобрело

[1] Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. С. 63. См. также: Гессен И. В. Судебная реформа. СПб.: Книгоизд-во П. П. Гершунина, 1905. С. 50–76; Шахрай С. М., Краковский К. П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех: К 150–летию Судебной реформы в России. М.: Кучково поле, 2014. С.72–84.

[2] Положения Устава приводятся по изданию: Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти томах. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 8: Судебная реформа. М.: Юрид. лит., 1991. С. 120–252.

значение основной стадии уголовного процесса, в которой суд стал выполнять главенствующую роль, расширив свое влияние на досудебное производство и деятельность по исполнению приговоров. Ревизионный порядок пересмотра судебных решений был заменен классическими апелляцией и кассацией французского образца[1].

Система уголовного правосудия по Уставу получила дальнейшее развитие в духе времени, обрела новые прогрессивные процедуры и даже целые судебные производства и стадии, заимствовав (в переработанном и адаптированном к российским реалиям виде) многие процессуальные формы из уголовных процессов западноевропейских стран[2].

Согласно структуре Устава (последовательности и содержанию его разделов и глав), производство по уголовным делам в своем поступательном движении могло проходить через следующие основные этапы (стадии): дознание, предварительное следствие, предание суду, подготовительные к суду распоряжения, окончательное производство (разбирательство в суде первой инстанции), обжалование и пересмотр приговора в порядке апелляции либо кассации, исполнение приговора, возобновление уголовных дел.

За исключением первоначального дознания, находившегося в ведении органов полиции и носившего факультативный (не обязательный, ситуационный) характер[3], а также действий по непосредственному исполнению приговора, производство уголовных дел было всецело во власти суда. Предварительное следствие осуществлялось судебными следователями, относившимися к судебному ведомству и обладавшими судейским статусом, они направляли и в

---

[1] Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 147.

[2] См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. С. 43–44, Т. 2. С. 496–504, 523, 548, 570–571.

[3] Согласно статьям 250, 252, 253 УУС, полиция о всяком происшествии, содержащем в себе признаки преступления или проступка, немедленно (не позднее суток) сообщала судебному следователю или прокурору и приступала к дознанию лишь в случаях, когда судебного следователя или прокурора не было на месте либо признаки преступления (проступка) были сомнительны и следовало удостовериться в действительности происшествия и наличии в нем этих признаков.

определенной степени контролировали розыскные действия органов дознания по расследуемым делам, давали им поручения (ст. 269–271 УУС). Мировые судьи по подсудным им делам вправе были обязать местную полицию произвести «предварительное розыскание» (ст. 52 УУС) либо поручить чинам полиции собрать «необходимые по делу сведения» (ст. 47, 74 УУС) или произвести осмотры, освидетельствования, обыски (ст. 105 УУС). Прекращение или приостановление производства по уголовному делу принадлежало к исключительной компетенции судебного органа. Таким образом, сложившееся на основании Устава производство было в полной мере судебным.

Судопроизводство по Уставу подразделялось на два основных вида производств: 1) производство в мировых судебных установлениях (Книга 1 УУС); 2) производство в общих судебных местах (Книга 2 УУС). Каждое из них имело свои особые (дифференцированные) формы.

Производство в общих судебных местах (окружные суды, Судебные палаты, Сенат), наиболее полное и универсальное в процедурном смысле, осуществлялось по основной массе уголовных дел в обычном процессуальном порядке (в «общем процессе») и проходило все вышеуказанные стадии. Общий порядок производства уголовных дел применительно к окружным судам разделялся на: а) производство с участием присяжных заседателей; б) производство без присяжных заседателей. Помимо общего порядка судопроизводства для общих судебных мест были установлены особенные порядки – «изъятия из общего порядка» (Книга 3 УУС), применявшиеся по уголовным делам, производимым с участием духовного ведомства; по государственным преступлениям; по должностным преступлениям; по делам, относящимся «до разных частей административного управления»; по делам смешанной подсудности – военной и гражданской (ст. 1000 УУС).

Производство у мировых судей охватывало менее важные дела о нетяжких преступлениях и отличалось большей оперативностью и простотой, оно не имело деления на предварительное и окончательное, не предусматривало предания обвиняемого суду и специальных подготовительно-распорядительных процедур,

было всецело судебным. В то же время в случаях необходимости – установление «необнаруженного» обвиняемого, проверка и уточнение сомнительных сведений, собирание недостающих доказательств – в порядке подготовки к судебному разбирательству и в ходе него по инициативе обвинителя (как частного, так и публичного) или по требованию мирового судьи к участию в судебном производстве подключалась местная полиция (орган дознания), которая производила розыскные или отдельные следственные действия[1]. По своему содержанию и процессуальной форме производство у мировых судей может быть охарактеризовано как *упрощенное судебное производство*.

В целях максимально быстрого решения дела там, где это возможно без ущерба интересам правосудия, мировыми судьями применялись и специально предусмотренные по определенным категориям дел (правонарушений) *ускоренные процедуры*: а) «порядок неотложности», когда дело принималось к слушанию с возможно большей скоростью (например, статьи 1232–1233 УУС); б) устранение судебного разбирательства путем добровольной уплаты обвиняемым денежного штрафа и прекращение в связи с этим уголовного дела (ст. 52[1] УУС)[2]; в) судебный приказ, введенный Законом от 15 июня 1912 г. (глава 10, Книга 1 УУС)[3] и предполагающий назначение обвиняемому наказания без судебного разбирательства при условии достаточности и несомненности для мирового судьи доказательств предъявленного обвинения, содержащихся в поступившем от органов публичной власти сообщении о преступном деянии[4]. Правовая регламентация и применение перечисленных процедур, в значительной степени сокращающих и ускоряющих уголовное производство, имели свои

---

[1] Подробнее об этом см.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. С. 401–402.

[2] См.: Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. С. 553.

[3] Здесь и далее по тексту положения Устава приведены по изданию: Устав уголовного судопроизводства. Издание 1914 года со всеми позднейшими узаконениями и с объяснениями по решениям уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената по 1916 год / Сост. Д. А. Каплан. Екатеринослав: Тип. И. Е. Коган, 1916.

[4] См.: Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М.: Издание А. А. Карцева, 1912. С. 384–385; Случевский Вл. Учебник русского уголовного процесса. СПб: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. С. 305–306. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. С. 550–552.

истоки в западноевропейских (германских, австрийских, французских, норвежских) аналогах[1] и положили начало формированию в отечественном правосудии особых, ускоренных (или сокращенных) порядков судопроизводства.

Помимо перечисленного Устав привнес в уголовное правосудие, осуществляемое как мировыми судьями, так и общими судами, такую дифференцированную форму рассмотрения как *заочное производство* (статьи 133–144⁴, 834¹–834⁵ УУС), а также предусмотрел значительные процессуальные особенности производства уголовных дел в отношении несовершеннолетних (внесены в Устав законом от 2 июня 1897 г.)[2] и установил особенные порядки производства уголовных дел в некоторых местностях Империи (Книга 4 УУС).

В результате Судебной реформы 1860-х годов и последующих вносимых в Устав изменений российское уголовное правосудие при сохранении единства общих начал и принципов развилось в достаточно сложную, многообразную систему дифференцированных судебных производств и процедур[3], большинство из которых продолжают существовать и эволюционировать в современном уголовном процессе Российской Федерации.

Представляя развитие отечественного уголовного правосудия, соискатель до настоящего момента рассматривал только производство уголовных дел, но в историческом аспекте необходимо обратить должное внимание и на иную, выделяемую нами в системе уголовного правосудия, деятельность суда, осуществляемую в рамках и порядке уголовного судопроизводства.

---

[1] См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. С. 496–504; Викторский С. И. Указ. соч. С. 384–385; Случевский Вл. Указ. соч. С. 306; Розин Н. Н. Указ. соч. С. 550–553.

[2] См.: Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 504–509; Розин Н. Н. Указ. соч. С. 559–563.

[3] Строго говоря, в систему уголовного правосудия Российской Империи второй половины XIX в. – начала XX в. следует включать и особенные порядки уголовного судопроизводства («военно-судебный, крестьянский и церковный»), установленные в отношении определенной категории лиц отдельными, специальными законами: Военно-судебным и Морским судебным уставами (1867 г.); Сельско-судебным уставом 1839 г. (с изменениями, внесенными Законом от 12 июля 1889 г.); Уставом духовных консисторий 1841 г. (с дополнениями и изменениями 1883 г.). – См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. С. 49–50, 141.

Исторически обусловлено, что длительное время, вплоть до периода буржуазно-демократических революций (XVII–XVIII вв.), назначение уголовного суда сводилось единственно к признанию (объявлению) виновного в совершенном преступлении и назначению предусмотренного законом наказания, что полностью отвечало потребностям общества. Соответственно, вся деятельность уголовного суда укладывалась в производство по уголовному делу и не была обусловлена иными правовыми отношениями, помимо основного уголовно-правового отношения, вызванного к жизни фактом преступного деяния.

Тем временем в ходе социально-экономических и политических преобразований, происходивших в указанный период на европейском пространстве, развитие общественного правосознания пошло в направлении признания естественности и ценности личной свободы, что привело к осознанию необходимости ее действенной защиты. В поисках последней общество стало видеть в органах судебной власти и, прежде всего, в суде уголовном, не только воплощение карательной политики государства, но и реальный механизм защиты личности от произвола властей, в результате правосудие стали рассматривать как необходимое и надежное средство достижения верховенства закона, как гарантию обеспечения прав и свобод человека. Возникшая общественная потребность начала удовлетворяться посредством воплощения в судебной практике, а затем и закрепления на законодательном уровне различных судебных процедур, ставящих под контроль судебной власти меры ограничения личных свобод со стороны органов уголовного преследования и органов исполнения наказания и допускающих вмешательство суда в правовой спор личности с публичной властью.

Судебный контроль как особый вид деятельности уголовного суда, направленный на охрану и восстановление прав личности в ходе досудебного производства по уголовному делу, ведет свою историю от древнеанглийской процедуры проверки судом законности ареста посредством выдачи приказа Habeas Corpus, развившейся на основе Великой хартии вольностей 1215 г. и Первого Вестминстерского Статута 1275 г. и получившей полное выражение и

закрепление в Акте для лучшего обеспечения свободы подданного и для предотвращения заточений за морями (1679 г.)[1]. В эпоху Просвещения идея судебного ограждения личной свободы получила распространение в странах континентальной Европы и начала воплощаться в процессуальном законодательстве ряда стран, в том числе и России.

В научной литературе отсчет внедрению в российский уголовный процесс судебных полномочий по контролю ограничения прав и свобод личности обычно ведется от Судебной реформы 1860-х годов[2], однако нормативно вполне определенные правовые предпосылки судебного контроля обнаруживаются и в более раннем законодательстве. Так, ст. 401 Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи от 7 ноября 1775 г.[3] предоставляла совестному суду, наделенному незначительной уголовной юрисдикцией, полномочие рассматривать прошения (жалобу) лиц, задержанных или содержащихся под стражей более трех дней без предъявления обвинения или без допроса, если эти лица не подозревались в оскорблении императорской особы, измене, убийстве, разбое или воровстве. Процедура рассмотрения прошения, имевшая значительное сходство с английским Habeas Corpus Act, предусматривала немедленное («не мешкав ни часа») доставление по повелению суда подозреваемого в совестный суд с «прописанием причин», по которым он содержится под стражей или не допрошен, рассмотрение прошения и (при подтверждении его обоснованности) издание приказа об освобождении подозреваемого «на поруки» с направлением

---

[1] См.: Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 183–184; Чельцов–Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права … С. 305–307; Колоколов Н. А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе. М.: ИГ «Юрист», 2008. С. 17–18.

[2] Чепурная И. В. Судебный контроль в досудебном уголовном производстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. С. 12–13; Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2004. С. 11; Соловьева Н. А., Соловьев В. К. Современное законодательство о судебном контроле и прокурорском надзоре в досудебном производстве. Волгоград: Изд-во ВолГу, 2005. С. 6, 9; Колоколов Н. А. Указ. соч. С. 19; Луценко П. А. Судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 18–19; Устинов А. А. Доказывание при рассмотрении судом материалов уголовного дела в ходе досудебного производства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. С. 61–63.

[3] Данный правовой акт приводится по кн: Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы. Т. II. Период абсолютизма. С. 351–352.

дела в надлежащий суд[1]. Аналогичную контрольную процедуру с участием совестного суда впоследствии предусматривал и Свод законов (статьи 192–194 Кн.2 Т.15), однако она также как и в предшествующий период применялась по ограниченному кругу дел. Позже, в утвержденном в 1860 г. Наказе судебным следователям, появилось правило составления всякий раз о заключении под стражу письменного постановления и представления его в течение суток суду.

По Уставу контрольные полномочия суда значительно расширились, на их основе впервые сформировался полноценный институт судебного контроля. Статьи 10 и 11 УУС предписывали «каждому судье», удостоверившемуся в задержании или содержании под стражей кого-либо без постановления уполномоченных на то мест или в ненадлежащем месте заключения, соответственно немедленно освободить неправильно лишенного свободы или принять меры к содержанию заключенного в установленном порядке. Согласно статьям 51^{1} и 51^{2} УУС задержанные в течение 24 часов должны были освобождаться или доставляться мировому судье, который не позже 24 часов по доставлении к нему задержанного обязан был опросить последнего и постановить определение об освобождении его из-под стражи или дальнейшем задержании.

Окружной суд был уполномочен разрешать заявленный судебному следователю отвод (ст. 275 УУС), рассматривать представления следователя о наложении запрещения или ареста на имущество обвиняемого (ст. 268 УУС), разрешать вопрос о задержании и заключении под стражу обвиняемого по требованию прокурора в случаях несогласия следователя с таким требованием (ст. 285 УУС), в порядке контроля выдавать следователю разрешение на осмотр и выемку задержанной почтово-телеграфной корреспонденции (ст. 368^{1} УУС), налагать наказания на служащих полиции «за упущения и беспорядки по следственной части» (статьи 485, 486, 488 УУС), рассматривать жалобы участвующих в деле лиц «на всякое следственное действие, нарушающее или

[1] См.: Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Указ. соч. С. 287–288; Исаев М. А. История Российского государства и права. М.: Статут, 2012 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

стесняющее их права» (статьи 491, 493 УУС). При этом установленные законом возможность принесения жалобы до поступления дела в суд (ст. 494 УУС) и порядок ее рассмотрения в распорядительном заседании суда с участием заинтересованного лица и прокурора (статьи 501–509 УУС) указывают на появление в уголовном процессе автономного судебно-контрольного производства.

В период действия Устава начинают появляться и судебные производства по рассмотрению вопросов, возникающих в ходе исполнения приговора. До Устава деятельность по исполнению приговора как самостоятельный этап (стадия) уголовного судопроизводства была выделена в Своде законов (Раздел 6, Кн.2 Т.15), однако регламентировалась уголовно-исполнительными по своему характеру и содержанию нормами, а участие суда в ней ограничивалось обращением приговора к исполнению и контролем за исполнением наказаний и пока еще не предусматривало каких-либо судебных решений по корректировке исполнения наказаний. Впервые подобного рода полномочия появляются у суда с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., которым принудительное помещение лиц в дом умалишенных и установление опеки над их имуществом, а также прекращение этой принудительной меры было отнесено к компетенции судебного органа – Правительствующего Сената (Приложение III к ст. 101)[1].

Изначально порядок исполнения приговора по Уставу (Книга 1, глава 11 и Книга 2, раздел 6), помимо деятельности прокурора и административных органов исполнения наказаний, охватывал лишь действия суда по обращению приговора к исполнению и действия, непосредственно связанные с его исполнением в части, входящей в обязанности суда (например, статьи 183, 947, 960 и 961 УУС), а также предусматривал во многом сходную современному «разъяснению сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора» (п. 15 ст. 397 УПК) процедуру устранения пробелов и ошибок в приговоре, препятствующих его

[1] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. С. 894–895.

исполнению, путем вынесения судом дополнительного приговора (статьи 23[1] и 118 955 УУС)[1].

Кроме того, в порядке исполнения приговора допускались: отсрочка или рассрочка денежной пени (ст. 24 Уголовного уложения 1903 г. (далее – УУ)[2]), отсрочка денежных взысканий (ст.187 УУС), замена назначенного в приговоре наказания «другим, ему соответствующим», отсрочка и приостановление исполнения наказаний (ст. 959 УУС).

Процессуальный закон также устанавливал некоторые меры, созвучные современному институту реабилитации и направленные на восстановление прав и чести «невинно-осужденного», возмещение ему ущерба[3]: опубликование в печатных органах вступившего в силу оправдательного приговора (ст. 975 УУС); возмещение оправданному за счет обвинителя понесенных убытков вследствие недобросовестного обвинения (ст. 121 УУС); право оправданного «искать вознаграждения» с должностных лиц, в том числе судей и прокурора, в порядке гражданского судопроизводства, если «может доказать, что они действовали пристрастно, притеснительно, без законного повода и основания или же вообще недобросовестно» (статьи 783–784 УУС); зачет оправданному должностному лицу времени нахождения под следствием и судом в срок службы и выплата удержанного содержания и пенсии (ст. 1110 УУС).

Однако для рассмотрения перечисленных выше правовых вопросов закон не прописывал специальных судебно-уголовных процедур, оставляя решение многих из них во внесудебном (административном) порядке либо в порядке

---

[1] См.: Устав уголовного судопроизводства. Издание 1914 года со всеми позднейшими узаконениями и с объяснениями по решениям уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената по 1916 год С. 667–668; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. С. 572.

[2] Новое Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: кн. маг. В. П. Анисимова, 1903. С. 16–17.

[3] Прообразы этих восстановительных мер присутствовали в российском законодательстве и в предшествующие исторические периоды (см.: Гаврилюк Р. В. Реабилитация в российском уголовном процессе (вопросы теории и практики): автореф. дис. … канд. юрид наук. Н.-Новгород, 2008. С. 17–19).

гражданского судопроизводства[1], поэтому в этой части можно говорить не о появлении в уголовном процессе обособленных судебных производств, а лишь о наличии предпосылок для их возникновения.

В то же время правовая доктрина в рассматриваемый исторический период одновременно с признанием того, что «исполнительная деятельность, как таковая, не может всецело лежать на судебной власти, по самому существу ее», активно развивает идеи о необходимости «допущения дальнейшего участия судебной власти к исполнительной деятельности» с приданием ей прав наблюдения (надзора) за исполнением приговоров[2], а также возможной в ходе исполнения корректировки самого наказания и порядка его исполнения под контролем суда[3].

В русле этих взглядов Законом от 22 июня 1909 г. в уголовный процесс введено двухэтапное производство по условно-досрочному освобождению от определенных видов наказания: вначале возбужденный одним из уполномоченных органов вопрос об условно-досрочном освобождении осужденного обсуждался и предварительно решался особым совещанием под председательством мирового судьи, затем окончательно разрешался окружным судом путем утверждения постановления особого совещания в распорядительном заседании с участием прокурора. Соответственно была предусмотрена и отмена условно-досрочного освобождения, которая также производилась в судебном порядке – в распорядительном заседании окружного суда[4].

Кроме обозначенных к числу судебных производств, осуществляемых в порядке исполнения приговора, следует также отнести вполне оформленное в нормах Устава и полноценное с точки зрения процедуры производство по

---

[1] См.: Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М.: Тип. А. П. Поплавского, 1910. С. 408–420; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. С. 572–576; Случевский Вл. Учебник русского уголовного процесса. С. 646–655; Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. С. 567–579.

[2] Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 569; Розин Н. Н. Указ. соч. С. 567–568.

[3] См.: Случевский Вл. Указ. соч. С. 646–647; Духовской М. В. Указ. соч. С. 408–409; Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 569–570.

[4] См.: Фойницкий И. Я. Указ. соч. С.573–574; Случевский Вл. Указ. соч. С. 648; Воронин О. В. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 8–9.

восстановлению в правах лиц, отбывших уголовное наказание, на основании ст. 31 УУ (статьи 975^1 – 975^9 УУС).

Таким образом, помимо обстоятельно регламентированных производств по уголовным делам, построенных на началах разделения судебной и обвинительной властей, независимости суда, состязательности и других демократических принципах судопроизводства, Устав заложил определенные процедурно-правовые основы для становления и развития на последующих исторических этапах контрольных, исполнительных и реабилитационных судебных производств, нашедших обоснование в новейшей доктрине судебной власти и прочно вошедших в современную систему уголовного правосудия.

Эволюционно-поступательное развитие системы судебных производств, как и всего уголовного судопроизводства, было прервано революционными событиями 1917 года. Характеризуя уголовную политику начального периода построения нового (социалистического) общества, А. И. Александров пишет: «Произошел глубокий разрыв в отечественной правовой традиции, многое из наработанного раньше, как в теории, так и на практике, оказалось отвергнуто»[1].

Первые годы Советской власти ознаменовались упразднением дореволюционных судоустройственных и процессуальных порядков, началом формирования новой судебной системы (народные суды, революционные трибуналы) и поиском новых форм уголовного правосудия, которое в начальный период советской эпохи вершилось судебными органами в условиях действия краткого, противоречивого, фрагментарного, в значительной степени чрезвычайного и некодифицированного уголовно-процессуального законодательства[2], складывавшегося из серии сменявших друг друга автономных нормативных актов (Декреты о суде[3], Инструкция НКЮ о революционном

---

[1] Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. С. 241.

[2] Головко Л. В. Развитие отечественного уголовного процесса // Курс уголовного процесса /под ред. Л. В. Головко. М.: Статут, 2017. С. 153–157.

[3] Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» [Декрет о суде № 1] // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50; Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде» [Декрет о суде № 2] // СУ

трибунале[1], Декрет СНК о революционных трибуналах[2], Положения о трибуналах[3], Положения о народном суде[4], Положение о высшем судебном контроле[5] и др.).

В уголовном правосудии царила эклектика прежних процессуальных правил, выработанных Уставом (в той мере, в какой они не были отменены декретами новой власти и не противоречили правосознанию трудящихся классов» – п. 8 Декрета о суде № 2), и новых, не устоявшихся процессуальных форм, пропитанных идеями революционно-классовой борьбы и демонстрирующих пренебрежение «буржуазными» процедурными формальностями и стремление к упрощенчеству. Были отвергнуты суд присяжных (последних заменили народные заседатели из числа трудящихся) и апелляционное производство, которое уступило место кассационно-ревизионному порядку пересмотра судебных решений. Гарантии прав личности оказались существенно снижены, законность судопроизводства зачастую подменялась революционной целесообразностью. Формально суд по-прежнему был призван разрешать уголовные дела, однако в условиях социальных потрясений, гражданской войны, иностранной интервенции и хозяйственной разрухи на суды, в особенности на трибуналы, ложилась «задача по подавлению классовых врагов и поддержанию революционней дисциплины»[6].

РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420; Декрет СНК РСФСР от 20.07.1918 г. № 3 «О суде» [Декрет о суде № 3] // СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

[1] Инструкция Народного комиссариата юстиции РСФСР от 19.12.1917 г. «О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» // СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 170.

[2] Декрет СНК РСФСР от 04.05.2018 г. // СУ РСФСР. № 35. Ст. 471.

[3] Постановление Реввоенсовета РСФСР от 04.02.1919 г. «О революционных военных трибуналах (Положение)» // СУ РСФСР. 1919. № 13. Ст. 131; Декрет ВЦИК от 12.04.1919 г. «О революционных трибуналах (Положение)» // СУ РСФСР. 1919. № 13. Ст. 132.

[4] Декрет ВЦИК от 30.11.1918 г. «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // СУ РСФСР. 2018. № 85. Ст. 889; Декрет ВЦИК от 21.10.1920 г. «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» // СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.

[5] Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10.03.1921 г. «Положение о Высшем судебном контроле» // СУ РСФСР. 1921. № 15. Ст.97.

[6] Чельцов М. А. Очерк истории советского уголовного процесса (1948) // Чельцов М. А. (Чельцов–Бебутов). Избранное. Том 1 / отв. ред. Л. А. Воскобитова. М.: Проспект, 2017. С. 707.

Вплоть до 60-х годов прошлого столетия в уголовном судопроизводстве наблюдались противостояние и борьба состязательных и розыскных начал, обусловленные в большей степени социально-политическими и идеологическими факторами. Суд, являясь инструментом классовой борьбы с легкостью менял статус вершителя правосудия, каковым выступал в состязательном процессе (по Декрету о суде № 2 и по Уголовно-процессуальным кодексам 20-х гг.), на роль карательного органа, выполняющего заказ власти на ужесточение уголовной репрессии, приобретая это качество в деятельности различных революционных трибуналов и внесудебных органов уголовной расправы.

Принятый в 1922 г. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР[1] (далее – УПК 1922 г.) почти полностью воспроизвел дореволюционную концепцию судебного предварительного следствия, «приписав» следователей к судебному ведомству и предусмотрев судебно-инстанционный порядок обжалования их действий и решений[2], но вскоре, в связи с реорганизацией судебных органов в соответствии с принятым в том же году Положением о судоустройстве РСФСР[3], был переработан и заменен в 1923 г. на новый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР[4] (далее – УПК 1923 г.). Полномочия по контролю над органами следствия постепенно отошли к компетенции прокурора, «фактически произошло включение следователя в состав органов уголовного преследования»[5]. Так, в частности, из судебной компетенции были изъяты первоначально (по УПК 1922 и 1923 гг.) принадлежавшие суду полномочия по разрешению заявленного следователю отвода, по прекращению, приостановлению и возобновлению предварительного следствия (статьи 122, 203–205 УПК 1923 г.)[6].

---

[1] Уголовно-Процессуальным Кодекс Р.С.Ф.С.Р. [принят Постановлением III Сессии ВЦИК от 25.05.1922 г.] // СУ РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.

[2] Головко Л. В. Указ. соч. С. 157.

[3] Положение о судоустройстве Р.С.Ф.С.Р. [принято Постановлением IV сессией ВЦИК от 11.11.1922 г.] // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

[4] Уголовно-Процессуальным Кодекс Р.С.Ф.С.Р. [утвержден Постановлением Президиума ВЦИК от 15.02.1923 г.] // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

[5] Смирнов А. В. Эволюция исторической формы советского уголовного процесса и предварительного расследования // Советское государство и право. 1990. № 12. С. 59.

[6] См.: Постановление ВЦИК от 16.10.1924 г. «О дополнениях и изменениях Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1924. № 78. Ст. 784; Постановление

С этого момента, по оценке профессора Л. В. Головко, «начала формироваться советская конструкция несудебного «прокурорского» предварительного следствия, стирающая грань между следствием и дознанием, где следователь утрачивал независимость, а центральную роль играл уже прокурор»[1].

Вместе с тем судебное разбирательство оставалось гласным и устным, было построено на основах полной непосредственности, предусматривающей проверку всех данных расследования, и широкого состязания обвинения и защиты. Производство в суде второй инстанции (как в общих судах, так и трибуналах) было представлено кассационным производством (главы XXV, XXIX, XXX УПК 1923 г.), являвшимся по сути ревизионной проверкой, проводившейся по поводу жалобы, но не связанной ее пределами и касавшейся существа уголовного дела[2]. Вступившие в законную силу приговоры подлежали проверке вышестоящими судами в порядке надзора, представлявшем собой чисто советское нововведение (разделы 2-е глав XXIX и XXX УПК 1923 г.), а также посредством производства «по возобновлению дел по вновь открывшимся обстоятельствам» (глава XXVII, раздел 2-й главы XXX УПК 1923 г.).

Одновременно с общим (ординарным) порядком рассмотрения уголовных дел УПК 1923 г. сохранил такие известные Уставу особенные формы производства в суде как *заочное рассмотрение уголовного дела* (ст. 265 и раздел 1-й главы XXVI) и *упрощенные (ускоренные) производства*: а) ограничение судебного следствия допросом подсудимого в случае его согласия с предъявленным обвинением (ч. 1 ст. 282); б) рассмотрение дел в дежурных камерах (раздел 2-й главы XXVI); в) вынесение судебного приказа (раздел 3-й главы XXVI). Рассмотрению в дежурных камерах дел «о задержанных обвиняемых, которые, по мнению органов, произведших задержание, не требует особого расследования, или по которым обвиняемые признали себя виновными»

ВЦИК, СНК РСФСР от 20.10.1929 г. «Об изменениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1929. № 78. Ст. 756.

[1] Головко Л. В. Указ. соч. С. 157.

[2] Чельцов М. А. Очерк истории советского уголовного процесса. С. 718.

предшествовало сокращенное досудебное производство, оно не предусматривало стадии предания суду, но при этом производилось по общим правилам, установленным для производства в народном суде.

Судебно-контрольные процедуры в системе советского правосудия практически отсутствовали, т. к. контроль суда над досудебным производством не вписывался в сложившуюся общую парадигму партийно-государственного устройства, не допускавшую самостоятельности судебной власти и отводившую уголовному суду место органа по борьбе с преступностью, призванного выполнять эту роль совместно с другими правоохранительными органами, и поэтому был вытеснен из досудебного производства прокурорским надзором. Единственное сохранившееся контрольное полномочие судебных органов – подтвердить или отменить в течение 48 часов арест по извещению органа дознания о задержании подозреваемого – было весьма ограничено, не распространялось на задержания и аресты, производимые следователями и органами ГПУ (ст. 104 УПК 1923 г.), а после внесенных в 1924 г. изменений в процессуальный закон[1], практически оказалось невостребованным.

В то же время, судебные производства по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора (наказания) получили в УПК 1922 и 1923 гг. определенное развитие в сравнении с Уставом 1864 г. Помимо конкретизации правовых вопросов исполнения приговора, отнесенных к компетенции суда (статьи 457, 461, 464 УПК 1923 г.), закон впервые регламентировал вопрос подсудности данной категории судебных дел, а так же установил порядок рассмотрения этих вопросов в судебном заседании с участием заинтересованных сторон (статьи 462 и 263 УПК 1923 г.), сформировав тем самым первичную модель судебно-исполнительного производства.

[1] Постановлением ВЦИК от 16.10.1924 г. «О дополнениях и изменениях Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» в ст. 104 УПК 1923 г. были внесены изменения, согласно которым орган дознания был обязан (на альтернативной основе) сообщать о задержании подозреваемого следователю либо в народный суд, соответственно следователь наравне с судом был наделен полномочием проверять (подтверждать или отменять) арест подозреваемого.

Реабилитация же, как процесс восстановления прав и состояний незаконно привлеченного к уголовной ответственности, напротив, не только не развилась в самостоятельное судебное производство, но и не сохранилась вовсе. Перед уголовным судом в рассматриваемый период не ставились правозащитные и правовосстановительные задачи, его назначение ограничивалось карательными функциями. Последующие изменения и дополнения в уголовно-процессуальный закон вносились в направлении ликвидации и ущемления и без того ограниченных прав личности в уголовном процессе, ужесточения и усиления его репрессивности[1]. В 30-х годах совместными постановлениями ВЦИК и Совнаркома[2] УПК РСФСР 1923 г. был дополнен разделами, предусматривающими особые, усеченные порядки рассмотрения уголовных дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти (глава XXXIII) и о контрреволюционном вредительстве и диверсиях (глава XXXIV), которые не допускали обжалования и пересмотра приговоров, а порядок по делам о терроризме к тому же исключал участие сторон в судебном слушании дела. При этом помимо судебных органов в стране была создана и отлажена разветвленная система репрессивных органов внесудебной юстиции (Особые комиссии, Особые совещания, «тройки» и «двойки» при ОГПУ, НКВД, МГБ), производивших с помощью инквизиционных средств и методов уголовно-административную расправу и значительно сузивших сферу осуществления собственно уголовного правосудия, что значительно принизило его значение и породило явление, известное как массовые репрессии 30-40-х годов[3].

По завершении сталинской эпохи в советском обществе явственно обозначился запрос на ослабление тоталитарных устоев государства, на

---

[1] Александров А. И. Указ. соч. С. 265.

[2] Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.12.1934 г. «О дополнении УПК РСФСР главой XXXIII» // СУ РСФСР. 1935. № 2. Ст. 8; Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 02.02.1938 г. «О дополнении УПК РСФСР главой XXXIV» // СУ РСФСР.1938. № 3. Ст. 38.

[3] Подробнее о деятельности указанных «квазисудебных» органов см.: Александров А. И. Указ. соч. С. 266–273; Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть России: история и документы. Т. V. Советское государство. М.: Мысль, 2003. С. 306–310, 370–372.

смягчение репрессивности и гуманизацию судопроизводства, на всеобщее укрепление законности, в том числе в сфере правосудия. Принятые в 1958 г. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик[1] (далее – Основы 1958 г.) четко закрепили линию на расширение и охрану прав личности в советском уголовном процессе, внесли определенность в правовой статус участников процесса и установили гарантии прав обвиняемого на защиту, возложили на государственные органы, в том числе суд обязанности по обеспечению реализации процессуальных прав участников судопроизводства[2]. С принятием Основ 1958 г., Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г.[3] (далее – УПК РСФСР) и процессуальных кодексов других союзных республик в стране установился смешанный тип уголовного процесса, сочетающий в себе с точки зрения соотношения процессуальных функций следственно-розыскное предварительное расследование и «внешне облеченные в состязательные формы судебные стадии»[4].

Судебное производство в этот период делилось на следующие последовательные этапы – стадии: 1) предание обвиняемого суду; 2) судебное разбирательство; 3) кассационное производство; 4) исполнение приговора (деятельность суда, связанная с исполнением приговора); 5) пересмотр дела в порядке надзора; 6) возобновление дела по вновь открывшимся обстоятельствам[5]. При этом производство в суде было в значительной степени унифицировано и по подавляющему большинству дел проходило в общем порядке, что отражало стремление законодателя после продолжительного предшествующего периода упрощенчества и пренебрежения процессуальной формой обеспечить уголовное правосудие надежными гарантиями достижения истины и охраны прав

---

[1] Закон СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

[2] Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. С. 12.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утв. Законом РСФСР от 27.10.1960 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР.1960. № 40. Ст. 592.

[4] Смирнов А. В. Состязательный процесс. С. 212.

[5] Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Том 1. С. 67–69.

участников судопроизводства по каждому рассматриваемому делу[1]. УПК РСФСР предусматривал особенные порядки лишь для производства уголовных дел в отношении несовершеннолетних (глава 32) и уголовных дел по применению принудительных мер медицинского характера (глава 33), которые имеют специфику предмета доказывания, содержат дополнительные гарантии защиты прав и интересов лиц, в отношении которых ведется производство, и обладают в связи с этим некоторыми процедурными особенностями, не позволяющими относить их к разряду упрощенных производств.

В 1966 г. в УПК РСФСР был введен раздел девятый «Производство по делам о хулиганстве» (глава 34)[2], который установил особенное производство по делам о простом, неквалифицированном хулиганстве (ч. 1 ст. 206 УК РСФСР). Данное уголовное производство являлось сокращенным (упрощенным) в части досудебного производства (предварительное расследование не проводилось, а дело возбуждалось в суде на основании протокола органа дознания и материалов проведенной им в 5-дневный срок проверки), однако судебное разбирательство, хотя и предусматривало сокращенный срок рассмотрения дела, проводилось в общем порядке (ст. 419 УПК РСФСР). Поэтому судебное производство по указанному виду преступлений можно охарактеризовать лишь как ускоренное во времени, но не сокращенное по объему и не упрощенное по содержанию. Впоследствии, в 1977 г., данный порядок был распространен на дела о неквалифицированном мелком хищении государственного или общественного имущества (ч. 1 ст. 96 УК РСФСР)[3], а в 1985 г. и на ряд дел о других нетяжких

---

[1] Как отмечает О. В. Качалова, в основу концепции УПК РСФСР легла идея о единстве уголовно-процессуальной формы, в соответствии с которой производство по различным категориям уголовных дел должно осуществляться в едином порядке с соблюдением единых гарантий законности (Качалова О. В. Теоретические основы ускоренного производства в Российском уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С.42–43.

[2] Дополнения в УПК РСФСР внесены Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24.08.1966 г. «О внесении дополнений и изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1966. № 35. Ст. 946.

[3] Изменения внесены Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13.12.1977 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1977. № 51. Ст. 1217.

преступлениях[1], образовав тем самым так называемую протокольную форму досудебной подготовки материалов, получившую широкое распространение в правоприменительной практике вплоть до окончания действия УПК РСФСР.

Судебные производства по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора, получили в УПК РСФСР большее распространение за счет расширения предметной области, однако в процедурном аспекте оставались практически в прежнем, слабо регламентированном виде (ст. 369 УПК РСФСР). Наряду с этим суд был окончательно устранен из стадии предварительного расследования, и до 1992 г. никакими полномочиями по текущему (оперативному) контролю над досудебным производством не обладал.

В советский период в рамках уголовного судопроизводства не получили должного развития и реабилитационные процедуры. Возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда регулировалось (как в отношении оснований, так и порядка) не уголовно-процессуальным законом, а иными нормативно-правовыми актами общего действия[2], не сформировавшими отдельного судебно-реабилитационного производства. Введенная в действие в 1983 г. статья 58.1 УПК РСФСР[3] возложила на орган дознания, следователя, прокурора и суд обязанность разъяснять гражданину, в отношение которого вынесено реабилитирующее процессуальное решение, порядок восстановления его нарушенных прав и принять предусмотренные законом меры к возмещению ущерба, причиненного

---

[1] Изменения внесены Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24.01.1985 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1985. № 5. Ст. 163.

[2] Постановление Совета Министров СССР от 08.09.1955 г. № 1655 «О трудовом стаже, трудоустройстве и пенсионном обеспечении граждан, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированных» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда», утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18.05.1981 г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» // Ведомости ВС СССР. 1981. № 21. Ст. 741.

[3] См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 08.08.1983 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1983. № 32. Ст. 1153.

гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, однако данное правовое требование носило в значительной степени декларативный характер, не было подкреплено надлежащими процессуальными гарантиями и не развилось в полноценный процессуальной институт уголовной реабилитации.

Дальнейшее развитие и преобразование системы судебных производств в отечественном уголовном процессе связано с судебно-правовой реформой конца XX – начала XXI вв. Одобрив в 1991 г. Концепцию судебной реформы, Верховный Совет РСФСР в числе основных направлений реформы определил: организацию судопроизводства на принципах состязательности, равноправия сторон, презумпции невиновности подсудимого; дифференциацию форм судопроизводства; признание права каждого лица на разбирательство его дела судом присяжных в случаях, установленных законом; расширение возможностей обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц, установление судебного контроля за законностью применения мер пресечения и других мер процессуального принуждения[1]. Принятая 22 ноября 1991 г. парламентом Декларация прав и свобод человека и гражданина[2], закрепив конкретные права и свободы личности и запретив их произвольное ограничение, провозгласила обязательными предварительный судебный контроль или последующую поверку судом задержания, заключения под стражу и лишение свободы, ограничения права на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений, а также обыска и иных действий, совершаемых с проникновением в жилище (части 2, 3 ст. 8, ч. 1 ст. 9, ч. 2 ст. 10). Данные правовые акты законодательной власти, а также принятая в 1993 г. Конституция РФ заложили доктринально-правовые и конституционные основы

[1] Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР", 1991, N 44, ст. 1435.

[2] Декларация прав и свобод человека и гражданина [принята Постановлением Верховного Совета РСФСР от 22.11.1991 г. № 1920-1 «О декларации прав и свобод человека и гражданина»] // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

реформирования уголовного правосудия и реорганизации системы судебных производств.

Еще в период действия УПК РСФСР были восстановлены такие формы уголовного судопроизводства как рассмотрение уголовного дела судом присяжных[1], производство у мирового судьи и апелляционное производство[2], а также установлен судебный контроль ограничения прав и свобод личности в досудебных стадиях уголовного процесса в форме судебной проверки законности и обоснованности заключения под стражу (ареста) и продления его срока (ст. 220.1 – 220.2 УПК РСФСР[3]), прекращения уголовного дела (ч. 5 ст. 209 УПК РСФСР[4]), производства обыска, наложения ареста на имущество, приостановления производства по уголовному делу, продления срока предварительного расследования и других действий и решений органов предварительного расследования, ущемляющих конституционные права и свободы лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу[5].

---

[1] Раздел десятый «Производство в суде присяжных» введен в УПК РСФСР Законом РФ от 16.07.1993 г. № 5451-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судоустройстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1313.

[2] Раздел одиннадцатый «Производство по делам, подсудным мировому судье», включающий главу 41-42 (обжалование и рассмотрение дел в апелляционном порядке), введен в УПК РСФСР Федеральным законом от 07.08.2000 г. № 119-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно–процессуальный кодекс РСФСР» // СЗ РФ. 2000. № 33. Ст. 3345.

[3] Данные статьи введены в УПК РСФСР Законом РФ от 23.05.1992 г. № 2825-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 25. Ст. 1389.

[4] в редакции Федерального закона от 21.12.1996 г. № 160-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 52. Ст. 5881.

[5] Контроль перечисленных действий и решений осуществлялся по аналогии с процедурой судебного обжалования арестов на основании решений Конституционного Суда РФ: Постановления Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью "Моноком"» // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1749; Определения Конституционного Суда РФ от 17.02.2000 г. № 84-О «По жалобе граждан Лазарева Андрея Викторовича, Русановой Елены Станиславовны и Эрнезакса Олега Владимировича на нарушение их конституционных прав рядом положений статей 201, 202, 218 и 220 УПК РСФСР» // СЗ РФ. 2000. № 28. Ст. 2999.

Принятый в 2001 г. УПК РФ продолжил развитие системы судебных (уголовных) производств в соответствии с заданным Концепцией судебной реформы и подтвержденным нормами Конституции РФ курсом на построение правового государства, укрепление судебной власти, расширение предмета и совершенствование механизма судебной защиты прав и законных интересов, усиление гарантий своевременного и эффективного её осуществления посредством правосудия. УПК РФ расширил и упорядочил процессуальные формы предварительного и последующего судебного контроля в досудебном производстве (части 2 и 3 ст. 29); увеличил и разнообразил вопросы, подлежащие разрешению судом в порядке исполнения приговора и иных судебных решений (ст. 397, 398, 400 и др.); облек в форму судебных производств решение вопросов, связанных с международным сотрудничеством в сфере уголовного судопроизводства (главы 54 и 55); регламентировал судебные процедуры по восстановлению прав реабилитированных лиц и возмещению вреда, причиненного незаконными действиями и решениями государственных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство (глава 18); ввел новую дифференцированную форму судебного производства по уголовному делу – особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40).

В течение 20-летнего срока действия УПК РФ регулируемая им система судебных производств продолжала видоизменяться, что свойственно любой динамической системе, в русле общих тенденций развития уголовного правосудия и дальнейшей дифференциации уголовно-процессуальных формы. Так, в частности, судебное производство по уголовному делу обрело новые (особые) порядки судебного разбирательства: принятие судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ[1]) и постановление приговора по делу, по которому производилось дознание в

[1] введена Федеральным законом от 29.06.2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 26. Ст. 3139.

сокращенной форме (ст. 226.9 УПК РФ[1]), а также получило такую разновидность как производство о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности (глава 51.1 УПК РФ[2]). Кардинально (в 2010 и 2018 гг.[3]) реорганизованы апелляционное, кассационное и надзорные производства, существенно изменены как процессуальные порядки этих производств, так и их соотношение в общей системе пересмотра судебных решений. Состав судебных производств, осуществляемых в ходе исполнении приговора или иного судебного решения, пополнился новыми производствами по вопросам уголовно-правового характера (например, пункты 2.1, 4.1, 8.1, 17.1, 17.2 статьи 397, ст. 446.5 УПК РФ), а также нетипичным для исполнительных производств чисто процессуальным вопросам (пункты 4.2, 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ) и вопросам, рассматриваемым в порядке международного сотрудничества (пункты 20 и 21 ст. 397, ст. 473.4 УПК РФ).

Таким образом, историко-правовое исследование становления и формирования российской системы уголовного правосудия показало, что оно прошло длительное эволюционное развитие и испытало периодически происходившие на фоне общественных катаклизмов радикальные (в отдельных случаях революционные) преобразования, в ходе которых существенно изменялись: задачи уголовного суда, его положение среди других участников процесса и характер взаимоотношений с ними, процессуальные функции, объем и характер судебных полномочий, пределы судейского усмотрения и другие важные компоненты правосудия.

---

[1] введена Федеральным законом от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

[2] введена Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СЗ РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4256.

[3] См.: Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 45; Федеральный закон от 11.10.2018 г. № 361-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 42 (часть II). Ст. 6375.

Независимо от конкретно-исторических форм судопроизводства общими направлениями (тенденциями) в эволюции уголовного правосудия явились развитие и совершенствование уголовно-процессуальных отношений с участием суда, расширение в количественном и изменение в качественном значениях задач и предмета уголовного правосудия (объема и характера правовых споров, подведомственных уголовному суду), усиление правовой регламентации деятельности по отправлению правосудия и, как следствие, трансформация последней в направлении содержательного разнообразия и структурного усложнения, дифференциации и модернизация процессуальных форм правосудия, преобразования старых и появления новых судебных процедур. Так, например, возникшие в 90-х годах прошлого столетия в виде неразвитых, символично обозначенных процедур новые формы контрольных полномочий уголовного суда переросли в устоявшиеся судебно-контрольные производства.

Эти изменения (преобразования) детерминированы ролью органов судебной власти в общественно-государственном устройстве и социально-правовым назначением уголовного правосудия в определенной общественной формации на конкретном историческом этапе ее развития. На современном этапе, как верно отмечает профессор Т. Г. Морщакова, на фоне обновленного целеполагания в уголовном процессе (следовательно, и в уголовном правосудии – *С. Б.*) и признания его задачей защиту прав и свобод расширение содержания судебной функции по осуществлению правосудия является теоретически обоснованным[1].

В результате в российском уголовном правосудии сложилась современная – сложная, разветвленная и многофункциональная – система судебных производств, призванная обеспечить интересы правосудия и реализовать в сфере уголовного судопроизводства правозащитную функцию судебной власти. Очевидно, что судебные производства, как и система уголовного правосудия в целом, будут и далее совершенствоваться как в структурном, так и содержательном отношении в согласии с потребностями и условиями общественного развития.

[1] Морщакова Т. Г. Об актуальности теории решений в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2011. № 2. С. 5–8.

Подтверждением этому, в частности, может служить внесенный 15 февраля 2021 г. Пленумом Верховного Суда РФ в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проект закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением понятия уголовного проступка»[1]. Данный законопроект предполагает расширение (предметное разнообразие) производств о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности (глава 51.1 УПК РФ) вследствие дополнения этих мер новыми видами: общественными работами и ограниченно оплачиваемыми работами[2].

§ 2. Сравнительно-правовой анализ систем судебного производства в уголовных процессах зарубежных стран

Исследованный в предыдущем параграфе генезис российской системы правосудия показывает, что он осуществлялся в русле общеевропейского развития уголовного судопроизводства, и это вполне естественно. Россия – во многом самобытная страна, но в целом (в историческом, политико-социальном и культурном планах) тяготеет к европейской цивилизации и привержена сформировавшимся на ее философско-религиозной, мировоззренческой основе общечеловеческим ценностям и общественным интересам, поэтому не удивительно, что многие передовые процессуальные институты и формы заимствовались российским правосудием из судопроизводственного опыта

[1] Законопроект № 1112019-7 // Система обеспечения законодательной деятельности [сайт]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/ (дата обращения: 10.04.2022).

[2] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 г. № 24 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // Документ не опубликован. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

европейских стран[1]. В связи с данным обстоятельством в сравнительно-познавательных целях проводимого нами исследования интерес представляет изучение современных моделей уголовного правосудия и систем судебно-уголовного производства, сложившихся на евроазиатском, в том числе постсоветском, пространстве.

Предваряя обращение к конкретным национальным формам уголовного правосудия, следует отметить ряд важных обстоятельств (факторов) общего свойства, которые влияют на оценку этих форм и состоят в следующем. При выстраивании современных европейских уголовно-процессуальных систем, базирующихся на демократических принципах и гуманистических идеалах, большое внимание уделяется соблюдению прав человека в процессе уголовного судопроизводства. Западноевропейская доктрина рассматривает уголовный процесс (уголовную процедуру) не только как механизм реализации предписаний уголовного права («процессуальное право служит осуществлению материального») в конкретном деле[2], но как гарантию против произвольного ограничения (незаконного ущемления) прав и свобод личности[3] и как средство установления справедливого соотношения между интересом общества в эффективном преследовании преступников и права на защиту привлеченного к ответственности лица («уголовно-процессуальный закон – закон баланса»)[4]. Для

---

[1] Исключение, пожалуй, составляет лишь советский период истории, хотя и в советском уголовном процессе имелось значительное сходство с германским (немецким) судопроизводством.

[2] Hauser R. Schweri E. Schweizerisches Strafprozessrecht. Basel: Helbing & Lichtenhahn 2002. P. 1–2. – Э. Эшворт и М. Редмейн, характеризуя уголовный процесс, отмечают, что он – часть ответа государства на преступление и часть механизма, посредством которого оно применяет материальное уголовное право к гражданам (Ashworth A., Redmayne M. The Criminal Process. Oxford: Oxford. University Press. 2005. P. 2).

[3] Ф. Депорт и Л. Лазерг-Кускэ выделяют в качестве первой цели уголовной процедуры обеспечение свободы путем создания условий права на защиту (Desportes F., Lazerges-Cousquer L. Traité de procédure pénale. Paris: Economica, 2012.P.1.). А. Далия и М. Ферaиоли выделяют обеспечение гарантий в качестве важной функции уголовного процесса (Dalia A. A., Ferraioli M. Manuale di diritto processuale penale. Padova: Cedam. 2013. P. 10.

[4] Leroy J. Procédure pénale. Paris: LGDJ – Montchrestien. 2013. P. 10. См. также: Lozzi G. Lezioni di procedura penale. Milano: Giappichelli. 2017. P. 1–2. – М. Л. Расса в этой связи отмечает, что проблема уголовной процедуры состоит в поиске баланса между интересами общества в разумном наказании нарушителей и интересом преследуемого лица в возможности защиты (Rassat M-L. Procédure pénale. Paris: Ellipses. 2010. P. 4)

обеспечения этого все принудительные меры и процессуальные действия, сопряженные с ограничением основных прав человека, в том числе производимые в досудебных стадиях, находятся в компетенции органов судебной власти или поставлены под контроль суда, что находит выражение в многообразных судебно-контрольных процедурах.

Сравнительно-правовые исследования порядка судопроизводства в иностранных (преимущественно европейских) государствах, проводимые российскими (К. Ф. Гуценко, Л. В. Головко, Б. А. Филимонов, Н. Г. Стойко, О. Б. Семухина, А. А. Трефилов и др.) и зарубежными (В. И. Самарин, В. В. Луцик и др.) процессуалистами выявили устойчивую тенденцию к сближению содержания и формы институтов уголовного процесса и их гармонизации, взаимопроникновения разнотипных систем судопроизводства, происходящих в русле сближения национальных правовых систем в целом[1]. Данные тенденции вызваны многими факторами общественного развития, в том числе международно-правовым сотрудничеством, обусловленным объективными процессами социально-экономической и культурной интеграции стран и народов. В результате наблюдается значительное сущностное, а нередко и формальное сходство судебных процедур и целых производств, существующих в различных национальных уголовно-процессуальных порядках.

Известно, что на Западе исторически сложились две основные модели уголовного правосудия: англосаксонская и континентальная. Первая модель являет собой образец состязательной конструкции судопроизводства, вторая характеризуется как «смешанная». Различия между ними определяются, как отмечает профессор Л. В. Головко[2], не идеологическими установками (идеологические начала обеих моделей едины и построены на философии прав

[1] См.: Гуценко К. Ф., Головко Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. М.: Зерцало-М, 2002. С. 34–43; Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб.: Изд-во юрид. ф-та СПбГУ, 2006. С. 5–21; Уголовный процесс европейских государств: монография / под ред. В. И. Самарина, В. В. Луцика. М.: Проспект, 2018. С. 38–46.

[2] Головко Л. В. Развитие уголовного процесса в Западной Европе и США // Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головко. М.: Статут, 2017. С. 182–184.

человека и фундаментальных демократических принципах), а выстроены на технико-конструктивном (сугубо уголовно-процессуальном) уровне, и в совокупности со сложившимися национальными традициями и процессуальными пристрастиями порождают межгосударственное разнообразие структурного и институционального построения судебного процесса.

В США и Великобритании (Англии и Уэльсе), ввиду отсутствия кодифицированных уголовно-процессуальных законов и отсутствия стремления ученых–юристов к созданию четких теоретических конструкций[1], наблюдается неопределенность относительно понятия, предмета и границ уголовного процесса, отмечается его структурная аморфность (бессистемность), обусловленная недостаточностью теоретической и правовой базы для отделения видов производств от процедур и четкого выделения стадий уголовного производства[2]. Ни английскому, ни американскому уголовному процессу не известны такие категории как «уголовное дело», «производство по уголовному делу», «лицо, ведущее производство по делу»[3]. Уголовный процесс в этих странах представляется как набор, совокупность процедур, главным образом судебных, по принятию уголовно-процессуальных решений и не воспринимается в качестве единой, непрерывной процессуальной деятельности, производимой ответственным за ее осуществление органом публичной власти. В частности, привычное для России и других стран континентальной Европы досудебное производство (предварительное расследование), как правило, не считается частью уголовного судопроизводства, а представляет собой «полицейское расследование», регламентированное отдельными специальными правовыми актами[4], проводимое в непроцессуальной форме и сопровождающееся

---

[1] Барабанов П. К. Уголовный процесс в Великобритании. М.: Изд-во «Спутник+», 2015. С. 25.

[2] См.: Гуценко К. Ф., Головко Л. В., Филимонов Б. А. Указ. соч. С. 44–47, 170–172; Стойко Н. Г., Семухина О. Б. Уголовный процесс в США. Красноярск, 2000. С. 112.

[3] Головко Л. В. Указ. соч. С. 185.

[4] В Великобритании такими актами являются Закон о полиции и доказательствах по уголовному делу 1984 г. и Своды практических правил, представляющие собой «справочник для надлежащих расследований» (Подробнее об этом см.: Барабанов П. К. Указ. соч. С. 75–141).

отдельными судебными процедурами, связанными с продлением задержания, выдачей приказов (ордеров) на арест, обыск и другие принудительные действия.

Тем не менее, в юридической литературе определенные этапы (условные «стадии») производства по уголовному делу все же обозначаются. Так, английские авторы (Э. Эшворт, М. Редмейн, Э. Сэндерс и др.), описывая движение уголовного дела, выделяют в нем следующие этапы: 1) производство в полиции; 2) рассмотрение обвинения в Королевской службой обвинения; 3) производство в магистратском суде или в магистратском суде и Суде короны; 4) апелляция[1]. У. Бернам при описании стадий уголовного судопроизводства США разграничивает (группирует) процессуальную деятельность следующим образом: a) арест, предъявление обвинения и первая явка обвиняемого в суд (включают полицейское расследование, следственные действия Большого жюри (в некоторых юрисдикциях и по определенной категории дел), усмотрение обвинительной власти и заявление об обвинении по делу; b) предварительное слушание, обвинительное заключение или «информация», распорядительное заседание суда с предъявлением обвинения, досудебные ходатайства; c) судебное разбирательство дела; d) назначение наказания по уголовному делу; e) рассмотрение жалоб на обвинительные приговоры[2].

Собственно судебное производство по уголовному делу в США и Великобритании имеет дифференцированные формы, следование которым зависит от двух факторов: а) категории уголовных дел, определяемой по степени опасности (тяжести) преступления (США)[3] или способа их судебного рассмотрения (Великобритания)[4]; б) отношения обвиняемого к предъявленному обвинению (признание или непризнание вины, согласие с обвинением или его оспаривание). Таким образом, разделяются: обычное суммарное производство составом профессиональных судей, *усложненное* производство в суде присяжных

---

[1] Ashworth A., Redmayne M. The Criminal Process. Oxford: Oxford. University Press. 2005. P. 2–8; Sanders A., Young R., Burton M. Criminal Justice. Oxford: Oxford University Press. 2010. P. 2–5.

[2] Бернам У. Правовая система США. М.: Новая юстиция, 2006. С. 450–465.

[3] Стойко Н. Г., Семухина О. Б. Уголовный процесс в США. С. 112.

[4] Барабанов П. К. Уголовный процесс в Великобритании. С. 206–207.

и *упрощенное* суммарное производство, осуществляемое магистратскими судами по делам о менее значительных преступлениях без предварительного их рассмотрения (слушания)[1]. Особенностью англо-саксонской модели правосудия является существенное сокращение судебного производства по любому уголовному делу при признании обвиняемым вины (или отказе от оспаривания обвинения) за счет отказа от судебного разбирательства (*trial*) как такового и перехода к назначению наказания.

В Великобритании существует несколько вариаций суммарного производства, предусматривающих различные способы выяснения судом позиции обвиняемого по предъявленному обвинению и формы (порядка) участия его и других сторон в судебном заседании. Так, ст. 11 Закона о магистратских судах 1980 г. допускает заочное рассмотрение дела, а ст. 12 этого же Закона дополнительно регламентирует предварительную процедуру «признание вины по почте», при которой обвиняемый может письменно сообщить суду о признании вины и указать смягчающие наказание обстоятельства в направляемой ему специальной форме[2]. Особый порядок рассмотрения «суммарных дел» введен Законом об уголовном судопроизводстве и судах 2015 г. и предусматривает по ходатайству (желанию) обвиняемого проведение судебного разбирательства судьей единолично по письменным материалам дела без участия сторон[3].

Характерной для США разновидностью сокращенной формы правосудия является известная «сделка о признании вины» (*plea bargaining*), в заключении которой, согласно Федеральным правилам уголовного процесса и законодательству многих штатов, суду запрещено участвовать, но которая проверяется судом и может быть им принята (утверждена), только если суд удостоверится, что заявление обвиняемого было добровольным и имеющиеся у обвинения доказательства свидетельствуют о его виновности[4].

---

[1] Стойко Н. Г., Семухина О. Б. Указ. соч. С. 113.

[2] Барабанов П. К. Указ. соч. С. 251-253.

[3] Уголовный процесс европейских государств. С. 49–50.

[4] Бернам У. Указ. соч. С.467–468; Herman G. N. Plea bargaining. Charlottesville: Lexis Law Publishing. 1997. P. 166–169, 203–204.

Помимо разнообразных видов судебных производств по уголовному делу судопроизводство США и Великобритании охватывает отдельные процедуры предварительного судебного контроля за применением государственными органами расследования мер процессуального принуждения, которые по своему содержанию, форме и структуре напоминают российские судебно-контрольные производства. В то же время в уголовном судопроизводстве этих странах не принято выделять стадию исполнения приговоров[1], поэтому судебная деятельность по разрешению вопросов, возникающих в ходе реализации предписаний приговора, а равно вопросов восстановления прав и возмещения вреда, соответственно нарушенных и причиненных противоправной процессуальной деятельностью государственных органов, регулируется другими отраслями права.

Современное уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации испытало, как испытали и продолжают испытывать судопроизводства других стран, влияние англосаксонской модели правосудия[2], выразившееся в значительном усилении состязательных начал судопроизводства (четкое размежевание сторон (на обвинение и защиту) и процессуальных функций, снижение активности суда в познавательно-доказательственной деятельности, упрощение производства при признании вины, прекращение судебного разбирательства при отказе стороны обвинения от поддержания «уголовного иска» и т. д.), но при этом, исторически сохраняя приверженность романо-германской правовой системе, преимущественно (в целом) оставило отечественное уголовное правосудие на рельсах континентальной модели со

---

[1] Гуценко К. Ф., Головко Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 49.

[2] Так, в частности, испанские учение отмечают, что под влиянием процессуального права США в уголовном процессе происходит расширение действия принципа целесообразности (прокурорской диспозитивности) в ущерб традиционному для уголовного правосудия Испании принципу необходимости (законности) (Подробнее об этом см.: Барабанов П. К. Уголовный процесс Испании. М.: Изд-во «Спутник+», 2021. С. 19-21). Другой пример: УПК Италии 1988 г., копируя опыт англосаксонского судопроизводства, предоставил обвиняемому и его защитнику право проведения в полном объеме так называемого параллельного расследования (Гуценко К. Ф., Головко Л. В., Филимонов Б. А. Указ. соч. С. 25).

смешанной формой судопроизводства, которая в связи с этим закономерно вызывает с нашей стороны больший исследовательский интерес.

Для континентальной модели уголовного правосудия в отличие от англосаксонской характерны: четкое отмежевание состязательного судебного производства от предшествующего, розыскного по своей природе досудебного производства; отношение к производству в суде как части уголовного процесса, продолжающей производство предварительное и опирающейся на результаты последнего; замена классического суда присяжных иными формами участия народного элемента в отправлении правосудия и широкое допущение полного рассмотрения дела профессиональными судьями; нацеленность процесса доказывания на установление «материальной» истины и более активная роль суда в судебном разбирательстве; отличная от «сделок с правосудием» сущность применяемых ради ускорения уголовного производства согласительных процедур.

В то же время следует признать, что и континентальная модель уголовного правосудия не отличается единством и монолитностью, а в разных странах континентальной Европы имеет существенную специфику, связанную с организацией предварительного расследования[1] и прежде всего *характером и степенью участия в нем судебных органов*, а также степенью активности суда в ходе разбирательства дела и установления (познания) его фактических обстоятельств. Наиболее типичными, исторически устоявшимися и значимыми с точки зрения влияния на правопорядки других стран образцами континентальной модели представляются системы уголовного правосудия Франции и Германии.

В соответствии с господствующей в немецкой доктрине точкой зрения (Х. Шредер, Т. Феррель, М. Хегер)[2] уголовный процесс представляет собой урегулированное законом движение уголовного дела с целью достижения конечного результата – судебного решения (приговора) о материально-правовом

[1] Головко Л. В. Указ. соч. С. 188.

[2] Schroeder F., Verrel T. Strafprozessrecht. München: Verlag C.H. Beck. 2011. S. 3-7; Heger M. Strafprozessrecht. Stuttgart: Kohlhammer W. 2013. S. 6.

положении[1]. Согласно процессуальному закону уголовное судопроизводство в Германии осуществляется в два этапа: производство по существу уголовного дела (*Erkenntnisverfahren*), регламентированное в §§ 1–444, 464–495 УПК ФРГ и других законах, и исполнительное производство (*Vollstreckungsverfahren*) (Книга 7 УПК ФРГ), при этом собственно производство по уголовному делу проходит стадии предварительного расследования, предварительного рассмотрения дела судом и основного судебного производства, включающего судебное разбирательство и обжалование судебных решений, и может проводиться как в общем порядке, так и в особенных формах («особых производствах»)[2].

Во Франции процессуальная наука традиционно разделяет понятия «уголовная процедура» (*procédure pénale*) и «уголовный процесс» (*procès pénal*)[3]. Под уголовной процедурой понимается набор правил, которые регулируют реакцию общества на уголовно-наказуемое деяние (Ф. Фурман)[4], относятся к расследованию и рассмотрению в суде дела в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступлений (Э. Верни)[5], имеют своей целью регламентацию уголовного процесса (Г. Стефани, Ж. Левассер, Б. Булок)[6] и по своей сути представляют совокупность правовых норм. При этом, как отмечается в литературе, уголовная процедура включает правовое регулирование не только сугубо процессуальных аспектов уголовного производства, но и вопросов организации и компетенции уголовных судов, статуса и роли прокуратуры и

---

[1] См.: Розэ Г. Введение в немецкое уголовно-процессуальное право: Учебное пособие. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2001. С. 11; Гуценко К. Ф., Головко Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 403–404; Барабанов П. К. Уголовный процесс ФРГ. М.: Изд-во «Спутник+», 2014. С. 8.

[2] Хелльманн У. Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ // Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия: Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам: Изд-во Потсдамского ун-та, 2012. С. 39–40, 65–77; Уголовный процесс европейских государств. С. 100–101; Барабанов П. К. Указ. соч. С. 22–25.

[3] Подробнее об этом см.: Барабанов П. К. Уголовный процесс Франции. М.: Изд-во «Спутник+», 2016. С. 6–12.

[4] Fourment F. Procédure pénale. Bruxells: Larcier, 2012. P.1.

[5] Verny É. Procédure pénale. Paris: Dalloz , 2012. P. 1.

[6] Stéfani G., Levasseur G., Bouloc B. Procédure pénale. Paris: Dalloz, 2022. P. 2.

других участников процесса[1]. Уголовный же процесс воспринимается как процесс судебный, включающий только деятельность, производимую судебными органами, т. е. процессуальную деятельность, начинающуюся после обращения прокурора в суд с публичным иском (Ф. Депорт, Л. Лазерг-Кускэ)[2] либо только рассмотрение дела в суде по существу, исключая проводимое судебным следователем предварительное следствие (С. Куинчард, Ж. Бюссон)[3].

Досудебное (предварительное) производство во Франции сохранило классическую структуру и состоит из двух последовательных стадий (этапов): полицейского дознания под контролем прокурора и предварительного судебного расследования, проводимого следственным судьей (или следственной камерой), который по статусу, компетенции и принадлежности к судебному учреждению является полноценным судьей, проводит расследование и самостоятельно принимает все процессуальные решения, в том числе по применению мер принуждения, за исключением решений о заключении под стражу, возложенных Законом от 15 июня 2000 г. на специализированных судей «по свободам и заключению». Поскольку предварительное следствие проводится органом судебной власти и построено на началах инстанционности (действия и решения судебного следователя могут обжаловаться только в вышестоящий судебный орган – следственную камеру Апелляционного суда), оно вполне может быть отнесено к судебному производству, т. е. включено в систему судебно-уголовного производства. Ввиду того, что в такой конструкции судебный контроль за расследованием носит внутренний характер, судебно-контрольные процедуры остаются частью производства по уголовному делу и не обретают значение отдельных (особых) судебных производств.

В Германии судебное предварительное следствие упразднено с 1974 г., и расследование имеет полицейско-прокурорскую природу – полиция собирает доказательства, а прокурор на их основании принимает процессуальные решения,

---

[1] Vergés É. Procédure pénale. Paris: LexisNexis, 2020. P. 1; Барабанов П. К. Указ. соч. С. 8.

[2] Desportes F., Lazerges-Cousquer L. Traité de procédure pénale. Paris: Economica, 2012. P. 24.

[3] Guinchard S., Buisson J. Procédure pénale. Paris: LexisNexis, 2014. P. 1–2.

в связи с чем все необходимые в интересах расследования принудительные меры и действия, связанные с ограничением основных (конституционных) прав и свобод граждан предпринимаются с разрешения и под внешним контролем суда[1]. Такой контроль осуществляется «следственным судьей», назначаемым из числа судей участкового суда[2], посредством проведения судебных заседаний и принятия по ходатайству прокурора постановлений о выемке (§§ 98 и 100 УПК ФРГ[3]), обыске (§ 105 УПК ФРГ), контроле телекоммуникаций (§§ 100a/b УПК ФРГ), обыске (§ 105 УПК ФРГ), временном лишении воительских прав (§ 111a УПК ФРГ), заключении под стражу и продлении его сроков (§§ 114, 115, 115a, 116 УПК ФРГ) и т. д., а также путем проверки и подтверждения обоснованности вышеуказанных действий, проведенных без судебного решения в случаях, не терпящих отлагательства, и проверки по ходатайству обвиняемого обоснованности содержания его под стражей (§§ 117–118 УПК ФРГ). Таким образом, здесь в отличие от Франции судебное производство по уголовному делу не охватывает стадию предварительного расследования (отделено от него), и поэтому в системе судебно-уголовного производства Германии, как и в Российской Федерации, присутствуют обособленные судебно-контрольные производства.

Судебное производство по уголовному делу в Германии и Франции, так же как и во многих других странах, в значительное степени дифференцировано. Во Франции порядок производства по уголовному делу различается в зависимости от звена судебной системы, в котором дело рассматривается по первой инстанции и для которого установлены особенные процессуальные правила, а также от категории дела, определяемой в соответствии с делением всех преступных деяний

---

[1] Головко Л. В. Развитие уголовного процесса в Западной Европе и США. С. 189–190.

[2] В отдельных случаях, например, при проведении прослушивания и записи разговоров в жилище, контроль осуществляется коллегией судей земельного суда (§§ 100c/d УПК ФРГ).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия (Strafprozessordnung) 1877 г. (в редакции от 07.04.1987 г. и более поздних законов). Здесь и далее по тексту положения УПК ФРГ приводятся по изданию: Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия: Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам: Изд-во Потсдамского ун-та, 2012.

на преступления, проступки и правонарушения[1]. Каждая из категорий дел закреплена (подсудна) за определенным звеном судебной системы, и производство по ним имеет структурные различия: а) *производство по делам о преступлениях*, наиболее полное и сложное, проходит предварительное (судебное) следствие первой и второй инстанций, судебное разбирательство в суде ассизов по первой инстанции, апелляционное рассмотрение в суде ассизов и кассационный пересмотр; б) *производство по делам о проступках* не включает предварительное следствие (ему предшествует только дознание и возбуждение уголовного преследования прокурором) и осуществляется в исправительном суде (первая инстанция), апелляционном суде (вторая инстанция) и предусматривает обжалование в кассационном порядке; в) *производство по делам о правонарушениях* также не предполагает предварительного следствия, но ведется в полицейском суде или местном суде (местным судьей) и допускает (не во всех случаях) апелляцию и кассацию[2].

Перечисленные виды уголовных производств претерпевают дальнейшую дифференциацию уже на своем уровне. Так, каждое из производств имеет заочную форму судебного рассмотрения (статьи 410 – 412, 379-2 УПК Франции[3]); исправительными, полицейскими и местными судами помимо рассмотрения дела в обычной процедуре может быть осуществлено упрощенное производство без

---

[1] Гуценко К. Ф., Головко Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 297; Барабанов П. К. Уголовный процесс Франции. С. 113–124, 420.

[2] Помимо судов общей компетенции во Франции действует ряд специализированных уголовных судов: специализированные межрегиональные суды для расследования и рассмотрения сложных экономических и финансовых дел, суды в отношении несовершеннолетних (судьи по делам несовершеннолетних), суды по политическим преступлениям (Верховный суд, Суд правосудия Республики) и др., которые имеют специальную компетенцию и осуществляют правосудие с присущими им процессуальными особенностями (См.: Барабанов П. К. Указ. соч. С. 113–124).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Франция (*Code de procédure pénale*) 1958 года (в редакции на 01.05.2022 г.) // Légifrance. Le service public de la diffusion du droit. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154?etatTexte=VIGUEUR&etatTexte=VIGUEUR_DIFF (дата обращения: 10.05.2022).

проведения судебного разбирательства в форме уголовного приказа (статьи 495 – 495-6, 524 – 528-2 УПК Франции)[1].

В Германии, в отличие от Франции, установлен общий порядок судебного производства (судебного разбирательства) по уголовному делу, независимо от категории уголовного дела и вида уголовного суда (принадлежности суда к определенному звену судебной системы), рассматривающего дело в качестве первой инстанции. Судебное производство по уголовному делу складывается из предварительного судебного рассмотрения (по сути – предания суду), завершающегося принятием решения об «открытии основного судебного производства», т. е. судебного разбирательства (§§ 199 – 211 УПК ФРГ), подготовки судебного разбирательства (§§ 212 – 225а УПК ФРГ), основного (непосредственного) судебного разбирательства (§§ 226 – 275 УПК ФРГ) и обжалования приговора или иных решений суда в порядке апелляции и кассации (ревизии) (§§ 296 – 358 УПК ФРГ)[2].

Наряду с обычным порядком судебного производства УПК ФРГ предусматривает следующие особенные (дифференцированные) его формы: *суммарное производство* по делу об уголовном проступке, обстоятельства которого устанавливаются судом по письменному ходатайству прокурора без проведения судебного разбирательства и которое сводится к изданию судебного приказа о наказании (§§ 407 – 412 УПК ФРГ); *ускоренное производство*, в котором дело решается в судебном заседании в кратчайшие сроки, исключает предварительное судебное рассмотрение, допускает устную форму обвинения и исследование показаний по протоколам ранее проведенных допросов (§§ 417 – 420 УПК ФРГ). Вместо распространенного в других странах заочного рассмотрения уголовного дела германское уголовное правосудие для случаев,

---

[1] Иные способы упрощения и ускорения уголовного производства во Франции, как то: штраф в твердо-определенной сумме и сделка посредством договорного возмещения ущерба – применяются на начальных стадиях уголовного процесса без участия суда, следовательно, не имеют отношения к судебному производству и поэтому оставлены нами без внимания.

[2] См.: Гуценко К. Ф., Головко Л. В., Филимонов Б. А. Указ. соч. С. 447–472; Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия: Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам: Изд-во Потсдамского ун-та, 2012. С. 39–40, 250–306; Барабанов П. К. Уголовный процесс ФРГ. С. 23–24.

когда место пребывания обвиняемого неизвестно или если он пребывает за границей и его доставка в суд представляется неисполнимой или несоразмерной, применяет специфическое *производство в отношении отсутствующих лиц* (§§ 276 – 296 УПК ФРГ), в ходе которого разбирательство дела по существу не проводится, а задачей является обеспечение доказательств на случай доставки обвиняемого в будущем, после выполнения которой производство по делу приостанавливается.

Системы судебно-уголовных производств Франции и Германии помимо указанного включают в себя обособленные от производства по уголовному делу судебные процедуры по разрешению разнообразных вопросов, связанных с исполнением приговора (наказания) и иных решений уголовного суда[1], например: о приостановлении или разделения исполнения наказания (статьи 708, 712-6 УПК Франции); о применении лишения свободы за неуплату штрафа (статьи 749 – 750 УПК Франции); об экстрадиции и заключении в связи с этим лица под стражу (статьи 696-11 – 696-17 УПК Франции); о возмещении ущерба, связанного с неоправданным осуждением (статьи 149 – 150 УПК Франции); об условно-досрочном освобождении (§§ 454 – 454a УПК ФРГ); об отказе от исполнении штрафа (§§ 459d, 462 УПК ФРГ); по возражениям против решений органа исполнения наказания (§§ 459h, 462 УПК ФРГ), которые в сопоставлении с основным производством по уголовному делу могут характеризоваться как особые.

УПК ФРГ в Книге шестой сгруппировал «особые виды производств», однако на поверку видно, что к таковым, имеющим обособленный от уголовного дела предмет судебного рассмотрения, можно с определенной долей условности отнести только производство в отношении невменяемых или процессуально недееспособных лиц (Раздел II Книги шестой УПК ФРГ), производство по вынесению отдельного решения об изъятии предметов и средств совершения деяния или временной конфискации имущества, а также «последующее

[1] См.: Барабанов П. К.: 1) Уголовный процесс Франции С. 504–506; 2) Уголовный процесс ФРГ. С. 337–338.

производство» по вопросу неоправданности изъятия предмета (имущества) (§§ 439 – 443 УПК ФРГ). Остальные включенные в Книгу шестую «особые производства» являются по своей сути либо разновидностью (особыми формами) производства по уголовному делу («суммарное» и «ускоренное» производства) либо его составными частями – судебными процедурами («производство при установлении денежного взыскания в отношении юридических лиц и объединений» – § 444 УПК ФРГ).

Анализ уголовно-процессуального законодательства иных европейских стран показывает, что основным в любой системе судебно-уголовного производства, безусловно, остается производство по уголовному делу, которое, как правило, четко отграничено от предварительного (досудебного) производства, всецело находящегося под властью и контролем или надзором прокуратуры – специального государственного органа уголовного преследования (Италия, Швейцария, Австрия[1], Польша, Болгария, Литва и др.)[2], и лишь в немногих странах (например, в Королевстве Испания, Княжестве Лихтенштейн), как и во Франции, охватывает предварительное следствие, осуществляемое органами судебной власти – следственными судьями. Но и во втором варианте состязательное построение судебного производства диктует необходимость выдвижения обвинения (уголовного иска) специальными, публичными или частными, субъектами уголовного преследования, поскольку и в смешанной модели правосудия судья не обвиняет, а нуждается в обвинителе для сохранения своей беспристрастности, и это положение, по верному замечанию испанского процессуалиста Д. Фенолла, является главным отличием обвинительной (состязательной) системы правосудия от инквизиционной[3].

---

[1] В Австрии судебные органы наделены некоторыми полномочиями проводить следственные мероприятия, если производство по делу вызывает особый общественный интерес, но в целом их деятельность в предварительном производстве ограничивается контрольно-разрешительными функциями.

[2] См. об этом: Трефилов, А. А. Уголовный процесс зарубежных стран. Т. 1: Уголовно-процессуальная компаративистика. Уголовный процесс Швейцарии. М. : НИПКЦ Восход-А, 2016. С. 179–184, 386, 388.

[3] Fenoll J.N. Derecho procesal III. Proceso penal. Valencia: Tirant lo Blanch. 2019. P. 24–28. Как отмечают другие испанские ученые (М. Гонсалес, Х. Солер, И. Брун), признаваемый в

Производство по уголовному делу непосредственно в суде имеет в разных странах как единые структурные и функциональные признаки, обусловленные общими закономерностями уголовного правосудия, так и проявляет разнообразие процессуальных форм и судебных процедур[1], возникших вследствие конкретно-исторических условий и традиций или явившихся результатом межгосударственного правового воздействия, заимствования и переработки под собственные нужды иностранных процессуальных институтов.

В каждой стране имеется собственное, так называемое ординарное (обычное), проходящее через все этапы (стадии, фазы) уголовное производство, которое дополняется разнообразными, упрощающими (ускоряющими) или усложняющими судебное производство, процессуальными формами.

Так, во всех европейских правопорядках стандартное судебно-уголовное производство в обязательном порядке предусматривает: а) некий промежуточный (между предварительным расследованием и судебным разбирательством), контрольно-проверочный (в большем или меньшем объеме) и одновременно подготовительный этап[2]; б) собственно судебное разбирательство, состоящее из

Испании обвинительный принцип процесса основывается на необходимости существования отдельного и независимого от судьи обвинителя, выдвигающего уголовный иск, а также требует признания и соблюдения прав обвиняемого на защиту при равных с обвинителем средствах и процессуальных возможностях; он также гарантирует существование независимого судебного органа, призванного руководствоваться абсолютной беспристрастностью (См.: Gonzalez M., Soler J., Brun I. Derecho procesal penal. Pamplona: CreateSpace Independent Publishing Platform. 2016. P. 24).

[1] Особое разнообразие процедур, предусмотренных для рассмотрения различных категорий уголовно-наказуемых деяний и регулируемых различными процессуальными законами, отмечается в Королевстве Испания (См.: Барабанов П. К. Уголовный процесс Испании. М.: Изд-во «Спутник+», 2021. С. 101–118). Действующий в Италии Уголовно-процессуальный кодекс 1988 г. предусматривает целых шесть видов упрощенных производств (*procedimenti speciali*) (См.: Барабанов П. К. Уголовный процесс Италии. М.: Изд-во «Спутник+», 2019. С. 37).

[2] Например, в Испании этот этап представлен «промежуточной фазой», в которой сторона обвинения определяется, поддерживать ли ей обвинение, а суд проверяет наличие условий для начала судебного разбирательства и принимает решение об открытии слушания в суде или прекращении дела (См.: Herrera C., Alonso F. Derecho procesal penal. Madrid: Centro de Estudios Financieros. 2019. P. 220, 249-250; Барабанов П. К. Указ. соч. С. 222–234).

В Австрии первоначальный этап судебного производства («промежуточный процесс»), как и в Германии, выливается в предварительное судебное рассмотрение, в ходе которого не только решаются организационно-подготовительные вопросы, но и собираются новые, дополнительные доказательства путем представления их сторонами и производства

подготовительной и исследовательской (по типу судебного следствия) частей, прений сторон, принятия и вынесения приговора или иного итогового решения; в) апелляционное и (или) кассационное обжалование, а также экстраординарные формы пересмотра приговора и возобновления производства по делу.

К усложненным процессуальным порядкам (формам) уголовного судопроизводства традиционно относятся уголовные производства в суде присяжных, которые к настоящему времени сохранились в ряде странах Европы (в частности, в Великобритании, Шотландии, Испании, Бельгии, Австрии, Норвегии, Грузии), но нередко демонстрируют отход от своего классического образца, проявляющийся в корректировке количественного состава (профессиональных судей и присяжных заседателей) и соотношения их полномочий[1].

следственных действий, вследствие чего может произойти корректировка обвинения (См.: Уголовный процесс зарубежных государств. С. 194–195).

В уголовном процессе Италии для этих же целей предусмотрено «подготовительное судебное заседание», в рамках которого суд призван контролировать полноту досудебного производства, качественное формулирование и надлежащее оформление обвинения (См.: Барабанов П. К. Уголовный процесс Италии. М.: Изд-во «Спутник+», 2019. С. 279–280).

Предшествующее судебному разбирательству процессуальная деятельность суда в Польше разбивается на два отдельных этапа: предварительную проверку обвинения и подготовку делу к судебному разбирательству, а в Болгарии все проверочно-подготовительные к судебному заседанию действия выполняются судьей-докладчиком, который при наличии оснований для освобождения от уголовной ответственности с наложением административного наказания может назначить и рассмотреть дело по специальным правилам (См.: Уголовный процесс зарубежных государств. С. 358–362, 688–689).

Подготовка дела к судебному разбирательству по УПК Швейцарии не выделяется в качестве отдельной судебной стадии, тем не менее она проводится, по содержанию схожа с аналогично называемой стадией российского уголовного процесса и может проходить в двух возможных формах: без проведения судебного заседания («кабинетная» форма) и в предварительном слушании, в (Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран … С. 392–393).

[1] Например, в Австрии вопросы факта могут рассматриваться присяжными заседателями в присутствии и при участии профессиональных судей, а вопросы о наказании, мере пресечения, частноправовых требованиях и судебных издержках решаются профессиональными судьями совместно с присяжными (§ 338 УПК Австрии). В Бельгии совместное с присяжными заседателями рассмотрение происходит при определении меры наказания (См.: Гуценко К. Ф., Головко Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 33; Уголовный процесс европейских государств. С. 197–198). В Королевстве Норвегия суд присяжных функционирует только в качестве суда апелляционной инстанции и как процессуальный порядок не распространяется на отдельные категории уголовных дел (См.: Насонов С. А. Норвежская модель производства в суде присяжных// Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 45–46. С. 56–61).

Существенными процессуальными особенностями, заметно усложняющими судебное рассмотрение, неизменно наделяются судебные производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Производство этих дел, как правило, осуществляется специальными судьями или составами судей (судьями по делам несовершеннолетних в Испании, судом шеффенов по делам несовершеннолетних в Австрии, ювенальным судом в Англии и Уэльсе) или специализированными судами (трибуналами по делам несовершеннолетних в Италии, tribunaux pour enfants и cours d`assises des mineurs во Франции) и зачастую регламентируется обособленными в процессуальных кодексах правовыми нормами или даже отдельными процессуальными законами[1].

Общей тенденцией развития европейских систем уголовного правосудия выступает стремление оптимизировать, рационализировать процессуальные порядки и правила путем упрощения и ускорения судопроизводства там и тогда, где и когда упрощение процессуальной формы не отражается на качестве уголовного правосудия, не снижает уровень его эффективности и не ставит под сомнение обеспечение справедливости. Зарубежные правопорядки являют большое разнообразие упрощенных (ускоренных) производств, главная цель которых, как отмечает профессор М. Леопольд, – «усиление процессуальной экономии и разгрузка судов»[2].

Ввиду очевидной невозможности в рамках настоящего исследования подробно описать виды и формы упрощенных производств, присущие каждому государству в отдельности, отметим лишь, что сокращенные (упрощенные) судебные производства[3], предназначенные, как правило, для разрешения

---

[1] Например, Положение об уголовном процессе в отношении несовершеннолетних, одобренное декретом Президента Республики Италия от 22.09.1988 г.; Органический закон Испании от 12.01.2000 г. об уголовной ответственности несовершеннолетних, Закон Австрии об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних от 20.10.1988 г., Ювенальный Уголовно-процессуальный кодекс и Закон о правосудии по делам несовершеннолетних Княжества Лихтенштейн, Ювенальный уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии от 20.03.2009 г.

[2] Цит. по кн.: Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран. С. 434–435.

[3] Здесь, сообразуясь с предметом диссертационного исследования, мы не касаемся дифференцированных (упрощенных) уголовно-процессуальных форм, всецело ограниченных рамками досудебного производства.

уголовных дел по нетяжким преступлениям и другим, менее значительным категориям уголовных деяний (проступкам, правонарушениям), заключаются в устранении или сокращении отдельных этапов (например, промежуточных, подготовительных), связаны в основном с признанием обвиняемым вины и (или) согласием с предъявленным обвинением и отказом в связи с этим от полноценного судебного разбирательства (полностью или в части) и в большинстве своем рассматриваются судьями единолично, что само по себе выступает дифференцирующим уголовную процедуру фактором.

Обобщенно существующие упрощенные (ускоренные) судебные производства по уголовным делам[1] можно разделить (условно) на следующие группы:

- *существенное сокращение, упрощение процедур, входящих в судебное производство*: сокращенные процедуры на основе «предварительных действий», проводимых следственным судьей (статьи 774 – 789 УПЗ[2] Испании), «быстрое судебное разбирательство» (статьи 797 – 802 УПЗ Испании), частичное исследование доказательств по соглашению сторон (ст. 388 УПК Польши), «ускоренное» и «незамедлительное» производства, сокращенное судебное следствие по согласию сторон (главы 24 и 25, 27 УПК Болгарии[3]) и др.;

- *исключение, сокращение или упрощение отдельных этапов (стадий, фаз) судебного производства*, например: процедуры о малозначительных преступлениях – «немедленное слушание» и «протокольная форма» (статьи 962 – 977 УПЗ Испании), непосредственное судебное разбирательство и прямое (срочное) судебное разбирательство (статьи 449 – 455 УПК Италии), немедленное рассмотрение дела при его поступлении в суд (статьи 426 – 428 УПК Литвы), «сокращенный процесс» (гл. 37 УПЗ Латвии[4]);

---

[1] См.: Уголовный процесс европейских государств. С. 199–200, 360–361, 367, 692–694; Барабанов П. К. : 1) Уголовный процесс Испании. С. 103–117; 2) Уголовный процесс Италии. С. 332–334, 336–351; Качалова О. В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 69.

[2] Закон об уголовном судопроизводстве (*Ley de Enjuiciamiento Criminale*) от 14.09.1882 г.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Болгария 2005 г.

[4] Уголовно-процессуальный закон Латвийской Республики от 21.04.2005 г.

- *утверждение постановления прокурора о наказании либо его обжалование в суде*, в частности, судебное рассмотрение возражений на приказ о наказании, изданный прокурором в предварительном производстве (ст. 356 УПК Швейцарии[1]), удостоверение судом декрета прокурора о наложении наказания (статьи 803bis (a) – 803bis (j) УПЗ Испании);

- *соглашение между прокуратурой и обвиняемым в нормативно установленных пределах*: применение наказания по ходатайству (соглашению) сторон (статьи 444 – 448 УПК Италии), согласие обвиняемого с предъявленным обвинением и предложенным наказанием (статьи 694 – 700 УПК Испании, статьи 392 – 400-1c УПК Португалии), вынесение приговора, основанного на соглашении сторон о наказании (ст. 335 УПК Польши), одобрение судом «соглашения о разрешении дела», заключенного прокурором и защитником с согласия обвиняемого (ст. 29 УПК Болгарии), разрешение дела на основе соглашения о признании вины и наказания (главы 38, 49 и 50 УПЗ Латвии, глава XXI УПК Грузии[2]) и др.;

- *согласие с предъявленным обвинением и отказ от доказывания в суде* в таких формах как: упрощенное производство без доказывания в суде по ходатайству обвиняемого и с согласия сторон с обвинительным заключением (статьи 361 – 362 УПК Швейцарии), упрощенная процедура на основе ходатайства обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства (статьи 438 – 442 УПК Италии, ст. 338a УПК Польши);

- *приказное производство – судебный приказ без проведения судебного разбирательства*, например: вынесение судьей декрета (приказа) о наказании по ходатайству прокурора (статьи 459 – 469 УПК Италии), издание судебного распоряжения о наказании по инициативе прокурора (§ 491 УПК Австрии),

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии от 05.10.2007 г. – Здесь и далее положения закона приводятся по изданию: Трефилов А. А. Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии от 5 октября 2007 года. М.: НИПКЦ Восход-А. 2011.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 09.10.2009 г. № 1772 (в редакции от 30.12.2021 г.) // Законодательный Вестник Грузии. URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=137 (дата обращения: 05.05.2022).

судебный приказ о наказании по ходатайству прокурора или по инициативе судьи (§ 319, 328 – 330 УПК Лихтенштейна[1]);

- *производства с прекращением уголовного преследования:* приостановление производства с возложением испытания на обвиняемого с возможным последующим прекращением уголовного преследования (статьи 464-bis – 464-novies УПК Италии), завершение (прекращение) производства ввиду уплаты штрафа (ст. 460 УПК Италия), рассмотрение дела с постановлением прокурора об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности с наложением административного наказания (гл. 28 УПК Болгарии).

Свойственному для всех стран особому виду производств по уголовным делам следует отнести производство в отношении особой категории лиц – душевнобольных и (или) совершивших уголовно-наказуемое деяние в состоянии невменяемости – для которых обычно предусмотрен отдельный процессуальный порядок (уголовная процедура), установленный общим для всех уголовных дел законом (например, Раздел II «Производство в отношении невменяемых или процессуально недееспособных лиц» Книги шестой УПК ФРГ; Глава 2 «Производство в отношении невменяемого» УПК Швейцарии; Раздел 2 Главы 34 УПК Болгарии), либо отдельными от уголовно-процессуального закона нормативно-правовыми актами.

В ряде стран также выделяются особенные, характерные только для их систем правосудия и ведущиеся по специфическим процедурным правилам судебные уголовные производства, например, такие как производства по делам о преступлениях, совершенных путем средств телекоммуникации, и производства по делам о домашнем и гендерном насилии (Испания), производства по конфискации имущества (Австрия, Лихтенштейн), производство в отношении организации по административному проступку, вытекающему из преступления (Италия), производство по делам о преступлениях, совершенных юридическими

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Княжества Лихтенштейн от 18.10.1988 г. – Здесь и далее положения закона приводятся по изданию: Трефилов А. А. Уголовно-процессуальный кодекс Лихтенштейна: комментарий и перевод. М.: НИПКЦ Восход–А, 2012.

лицами (Литва, Грузия), процесс по применению мер принудительного воздействия к юридическому лицу и процесс о полученном преступным путем имуществе (Латвия).

В странах, в которых предварительное следствие осуществляется не судебными органами (следственными судьями), а все досудебное производство находится в сфере ответственности прокурора – и таких государств, как нами выяснено, большинство – особое значение приобретают процедуры судебного контроля за действиями и решениями органов расследования и уголовного преследования, осуществляемые специально уполномоченными судьями (например, суды по вопросам мер принуждения в швейцарских кантонах Базель–Ландшафт, Тургау и Люцерн[1], судьи досудебного расследования в Литве[2], судьи-магистраты в Грузии), которые функционально и в части компетенции отделены от суда первой инстанции, обязанного рассматривать уголовное дело по существу, либо, как в Германии, обычными судьями судов общей компетенции (Австрия, Италия[3], Латвия).

Указанные судьи не осуществляют в досудебных стадиях (фазах) сплошного, непрерывного производства, а действуют ситуативно и, как правило, по инициативному обращению прокурора, полицейского органа или обвиняемого. При этом объем контрольных полномочий таких судей в разных национальных правопорядках весьма различен. Примером широко круга обязанностей является компетенция австрийских судей (§ 104 – 108 УПК Австрии), которые помимо принятия по ходатайству прокуратуры решений о заключении под стражу и применении иных мер пресечения, выдачи разрешений на производство широкого круга процессуально-следственных действий принудительного характера, правомочны также производить по ходатайству прокуратуры состязательный

[1] См.: Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран … С. 276–278.

[2] См.: Уголовный процесс европейских государств. С. 392.

[3] В Италии судья, наделенный полномочиями в досудебном производстве, именуется «судьей по досудебному производству», тем не менее, он – судья суда общей юрисдикции или суда по делам несовершеннолетних, на которого судебные обязанности в фазе досудебного производства возложены в соответствии со списками, подготовленными Высшим советом магистратуры (Dalia A. A., Ferraioli M. Manuale di diritto processuale penale. Padova: Cedam. 2013 P. 503).

допрос свидетелей и обвиняемого, проводить отдельные следственные действия и мероприятия, если производство вызывает особый общественный интерес, рассматривать жалобы на действия или бездействия прокуратуры и уголовной полиции, прекращать дело по ходатайству обвиняемого[1].

Далее. Ни одна из национальных правовых систем не обходится без исполнительного производства – юридической деятельности по обращению вступивших в законную силу приговоров и других судебных решений к исполнению, непосредственному исполнению предписаний уголовного суда и корректировке процесса исполнения, а также внешнего контроля за этой деятельностью. Однако подходы к регламентации исполнительного производства и отнесению его составных элементов к тому или иному виду судебного процесса – и это наглядно видно на примерах Великобритании, Франции и Германии – различны, отсюда многообразие вариантов конструирования (как по объему, так и по содержанию) и правил проведения судебных процедур и производств, связанных с исполнением приговоров и иных решений суда.

В одних странах участие уголовного суда в исполнении приговоров ограничивается рассмотрением ходатайств о корректировке порядка и условий исполнения наказаний или иных мер уголовно-правового характера (Латвия, Грузия), в других – включает реализацию широких полномочий по текущему и инициативному контролю за деятельностью исполнительных органов и учреждений и соблюдением ими прав заключенных (Франция, Испания, Италия).

С учетом конкретных задач судебных органов в общем процессе исполнения приговора или иного процессуального решения «исполнительные» полномочия суда возлагаются либо на обычных судей уголовных судов (Италия, Литва)[2], либо на специализированные подразделения судебных органов (например, во Франции: судьи по применению наказания, являющиеся магистратами исправительного суда, и трибуналы применения наказаний –

[1] Уголовный процесс европейских государств. С. 172–184, 187, 190–191.

[2] В этом случае функционально судебный орган может обозначаться как «судья по исполнению» либо «суд по наблюдению за исполнением».

подразделения «судов большой инстанции»), либо на отдельные, наделенные специальной компетенцией органы судебной власти, так называемые пенитенциарные суды, а возможны и сочетания приведенных вариантов[1].

Кроме того, не без учета изложенных нюансов правовая доктрина одних государств относит связанную с исполнением приговоров (наказаний) деятельность суда к разряду процессуальной и, соответственно, она подпадает под действие уголовно-процессуального закона, в котором обособляется в специальных разделах, облекается в ту или иную процессуальную форму и заключается в конкретную уголовную процедуру; в других государствах судебная деятельность такого рода, как и деятельность иных субъектов исполнения, выведена за пределы уголовного процесса и регламентируется в основном нормами иных отраслей права, в частности, уголовно-исполнительного (например, в Швейцарии, Италии, Турции[2]). Принимая во внимание выявленные особенности, полагаем, что из сферы исполнительного процесса в национальную систему судебно-уголовных производств уместно включать лишь уголовно-процессуальные по своей природе действия суда, связанные с принятием решений, направленных на обеспечение и корректировку исполнения приговоров и иных решений уголовного суда.

Сказанное относительно уголовно-исполнительных судебных процедур и производств, полагаем, в полной мере распространяется и на действия суда по разрешению вопросов возмещения вреда и имущественных компенсаций,

---

[1] В Испании, например, действуют специализированные суды по надзору за пенитенциарными учреждениями, которые осуществляют и контроль решений административных органов исправительного учреждений, и контроль порядка исполнения наказания (отсрочка исполнения наказания, условно-досрочное освобождение и т.д.). Второй вид контроля выполняется также судьями и трибуналами, принявшими исполняемое решение (См.: Барабанов П. К. Уголовный процесс Испании. С. 368).

[2] В Италии и Турции законодатели предпочли исключить нормы об исполнении приговора из текста уголовно-процессуального закона и разместили их в отдельных законодательных актах об исполнении наказаний (См.: Сумин А. А. Стадия исполнения приговора не должна присутствовать в системе стадий уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 81).

выплачиваемых государствами в связи с незаконным уголовным преследованием и (или) применением мер принуждения[1].

Наряду с отмеченным многообразием подходов к регламентации судебных производств в иностранных правопорядках следует выделить и существенные различия относительно установленной законом процессуальной формы, в которую облекаются действия судей по реализации их контрольных, «исполнительных» и реабилитационно-восстановительных полномочий. В одних случаях деятельность судьи ограничивается однократным актом – принятием процессуального решения (постановления) на основе представленных письменных материалов и поэтому укладывается в рамки ординарной судебной процедуры, в других – охватывает комплекс разнохарактерных процессуальных действий и решений, включая подготовительно-обеспечительные, предполагает проведение судебного заседания с привлечением других участников и публичное вынесение решения и тогда обретает признаки самостоятельного судебного производства.

При сравнительно-правовом анализе невозможно обойти вниманием системы судебно-уголовного производства зарубежных стран, являющихся в прошлом советскими союзными республиками, а ныне – участниками Содружества независимых государств (СНГ)[2], поскольку их правовые системы имеют значительное сходство с правовой системой Российской Федерации и общие с ней истоки, но в то же время в постсоветский период – период их

---

[1] Подобные компенсационные меры в том или ином объеме предусмотрены практически во всех национальных правовых системах, но порядки их применения существенно разняться. Так, например, в Шотландии в случае отмены или изменения приговора вследствие судебной ошибки вопрос о праве на возмещение по ходатайству пострадавшего рассматривается и решается не судом, а Правительством Шотландии, а размер возмещения определяется назначаемым Правительством советником (См.: Барабанов П. К. Уголовный процесс в Великобритании. С. 685). Во Франции же взыскание ущерба, причиненного неоправданным осуждением, а также возмещение неоправданного нахождения под стражей в период предварительного заключения являются частью уголовного процесса и осуществляются посредством судебной процедуры, предусмотренной ст. 149 УПК Франции.

[2] По состоянию на 2022 год членами СНГ являются: Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан, Украина – См.: Страны СНГ // Интернет-портал СНГ. URL.: https://e-cis.info/country/ (дата обращения: 01.07.2022).

самостоятельного развития – испытали в той или иной степени влияние как американской, так и различных западноевропейских моделей правосудия.

В этом контексте необходимо в первую очередь обратиться к Модельному уголовно-процессуальному кодексу для государств – участников СНГ, принятому в 1996 г. (далее – Модельный УПК СНГ)[1]. Данный правовой акт носит рекомендательный характер, тем не менее, служит важным ориентиром для развития национальных уголовно-процессуальных систем стран СНГ.

В целом опирающийся на проверенные временем положения советской уголовно-процессуальной доктрины и одновременно впитавший реформаторские идеи демократизации и либерализации уголовного судопроизводства, усиления в нем роли органов судебной власти, расширения предметной области уголовного правосудия и укрепления его состязательных начал, Модельный УПК СНГ предложил постсоветским государствам стандартную, апробированную десятилетиями структуру производства по уголовному делу, включающую типичные для процесса того времени стадии: возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, предание суду и назначение судебного заседания (подготовка к судебному разбирательству), судебное разбирательство, производство в суде второй инстанции, исполнение судебных решений, пересмотр вступивших в законную силу судебных решений в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам.

В качестве дифференцированных форм производства уголовных дел в кодексе отдельно выделены особенности порядков производства дел в суде с участием присяжных заседателей (глава 51), в мировом суде (глава 52), по делам несовершеннолетних (глава 59), по делам, лиц, обладающих привилегиями и иммунитетами (глава 60). Вновь, теперь уже на уровне межгосударственного права, в уголовно-процессуальное законодательство возвращена категория

[1] Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт [Принят в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996 г. Постановлением 7-6 на 7-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств–участников СНГ] (в редакции от 29.11.2013 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

«особые производства»[1], к которым отнесены традиционные для структуры советского и российского уголовного процесса производства по применению принудительных мер медицинского характера (главы 61 и 62) и новое направление в практике судопроизводства – оказание (международной) правовой помощи по уголовным делам (глава 63).

Помимо разбирательства уголовных дел Модельный УПК СНГ включил в компетенцию уголовного суда: а) разрешение различных вопросов, связанных с исполнением приговоров и иных судебных решений (глава 53), б) осуществление судебного контроля за досудебным производством (глава 43); в) рассмотрение требований о возмещении вреда, причиненного в результате ошибки или злоупотребления органа, ведущего уголовный процесс (глава 7). Для осуществления указанных направлений процессуальной деятельности уголовного суда – два последних из них явились нововведением – кодекс предусмотрел особые судебные процедуры.

Анализ уголовно-процессуального законодательства стран СНГ позволяет убедиться, что основные, совместно выработанные правовые установки на выстраивание современной системы судебно-уголовного производства в большинстве стран реализованы в нормы закона. Заложенные в Модельном кодексе СНГ образцы судебных процедур, так или иначе, восприняты национальными законодательствами и воплощены в жизнь в различных вариациях, отражающих национальные особенности, традиции и пристрастия, но в целом соответствующих общемировым тенденциям развития и совершенствования уголовного правосудия.

Так, в обновленном процессуальном законодательстве стран СНГ широко представлены ускоренные (упрощенные) порядки судебного производства по уголовным делам (в том числе различного рода соглашения), имеющие сущностное и процедурное сходство с аналогичными уголовными процедурами

[1] Напомним, что нормы главы XXVI УПК РСФСР 1923 г. закрепляли «особые производства в народном суде», под которыми подразумевались ускоренные порядки производства по уголовным делам (постановление явочных приговоров и судебных приказов), а также рассмотрение дел в дежурной камере.

других европейских стран: производства на основании соглашения о признании вины (глава 35 УПК Украины[1], глава III Раздела III УПК Молдовы[2], глава 45.1 УПК Армении[3], глава 64 УПК Казахстана[4], глава 57 УПК Кыргызстана[5], глава 62.1 УПК Узбекистана[6]); соглашения о примирении (глава 35 УПК Украины, глава 58 УПК Кыргызстана); досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 49.1 УПК Беларуси[7], глава 45.2 УПК Армении, глава 64 УПК Казахстана); рассмотрение дел по явным преступлениям (глава V Раздела III УПК Молдовы); производство по делам о примирении (глава 62 УПК Узбекистана); производство по делам об уголовных проступках (ст. 529 УПК Казахстана); приказное производство (глава 64-1 УПК Казахстана); ускоренное производство (глава 46 УПК Таджикистана[8]).

В Украине, Казахстане и Кыргызстане, как и в Российской Федерации, учрежден суд присяжных, к компетенции которого отнесено рассмотрение наиболее серьезных (тяжких) преступлений, поэтому в системе уголовного

---

[1] Уголовный процессуальный кодекс Украины (*Кримінальний процесуальний кодекс*) от 13.04.2012 г. № 4651-VI (в редакции от 14.04.2022 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=52250 (дата обращения: 05.05.2022). См. также: Кримінальний процесуальний кодекс України. Параллельный перевод на русский язык. Симферополь, 2014.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14.03.2003 г. № 122-XV (в редакции от 31.03.2022 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3833. (дата обращения: 05.05.2022).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 01.09.1998 г. № ЗР-248 (в редакции от 20.08.2021 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7460 (дата обращения: 05.05.2022).

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 г. № 231-V (в редакции от 02.03.2022 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=69097. (дата обращения: 05.05.2022).

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 18.01.2022 г. № 129 // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=136101 (дата обращения: 05.05.2022).

[6] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 г. № 2013-XII (в редакции от 11.04.2022 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=889. (дата обращения: 05.05.2022).

[7] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 г. № 295-З (в редакции от 26.05.2021 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2002 (дата обращения: 05.05.2022).

[8] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009 г. № 564 (в редакции от 18.03.2022 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=30692 (дата обращения: 05.05.2022).

правосудия этих стран предусмотрена соответствующая данной форме правосудия («усложненная») разновидность судебного производства уголовных дел – производство в суде присяжных. В остальных странах СНГ уголовные дела рассматриваются либо только профессиональными судьями (Молдова, Азербайджан, Армения), либо профессиональными судьями и коллегиями с участием заседателей или народных заседателей (Беларусь, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан).

В обновленных в ходе реформ структурах судебно-уголовных производств стран СНГ важное место по-прежнему занимают такие отдельные, специфические порядки уголовного судопроизводства как производство по делам в отношении несовершеннолетних, производство по применению принудительных мер медицинского характера (мер безопасности) и его аналоги, производства по вопросам исполнения приговоров и иных судебных решений, рассмотрение заявлений (ходатайств) о возмещении вреда от незаконных действий властных субъектов уголовного производства, а также процедуры судебного контроля досудебного производства и судебные процедуры разрешения правовых вопросов в рамках международного (межгосударственного) сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

В ряде стран выделяются и нетипичные для большинства постсоветских государств уголовные производства, в которых главным действующим лицом также выступают судебные органы: рассмотрение дел по преступлениям, совершенным юридическими лицами (глава VI УПК Молдовы), производство по применению уголовно-правовых мер в отношении юридического лица (глава LVI-I УПК Азербайджана[1]), производство о конфискации до вынесения приговора (раздел 15 УПК Казахстана), судебное применение акта амнистии в ходе досудебного производства (глава 63 УПК Узбекистана), производство на территории дипломатических представительств, консульских учреждений, на

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14.07.2000 г. № 907-IQ (в редакции от 15.04.2022 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=11597 (дата обращения: 05.05.2022).

воздушном, морском или речном судне, находящемся за пределами государства (глава 41 УПК Украины).

Модельный УПК СНГ (глава 43), регламентируя новый уровень уголовно-процессуальных отношений, возникающих с участием судебной власти в досудебных стадиях, предложил единую модель реализации судебного контроля в досудебном производстве по уголовному делу[1]. Однако в национальных законодательствах регулирование судебно-контрольной деятельности получило индивидуальное, многовариантное исполнение. В Туркменистане, например, законодатель остался привержен прежней парадигме прокурорского надзора за предварительным производством и не передал суду полномочий по контролю за расследованием уголовных дел (ст. 56 УПК Туркменистана[2]). В Азербайджанской Республике, Республике Армения и Республике Таджикистан уголовно-процессуальное законодательство установило объем полномочий по судебному контролю (в Азербайджане он называется надзором), сопоставимый с пределами судебно-контрольной деятельности в досудебном производстве Российской Федерации, дополнительно включив в эту сферу и переведя в разряд процессуального контроль суда за оперативно-розыскными мерами (статьи 278, 281 УПК Армении, статьи 442, 445 УПК Азербайджана).

В Беларуси судебный контроль распространяется лишь на некоторые меры процессуального принуждения и включает рассмотрение жалоб на действия и решения органа уголовного преследования (ст. 33 УПК Беларуси), а в Казахстане, напротив, имеет более широкие границы, в которые входит санкционирование следственных действий, сопряженных с принуждением и ограничением прав граждан, депонирование по ходатайству сторон показаний свидетелей и потерпевших, принятие по ходатайству прокурора решения о конфискации до приговора имущества, полученного незаконным путем, и другие действия и

---

[1] Муратова Н Г. Уголовный процесс: проблемы и идеи: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 296.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18.04.2009 г. (в редакции от 08.05.2022 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=27706 (дата обращения: 05.05.2022).

решения (ст. 53 УПК Казахстана). Схожий круг контрольных полномочий определен суду статьей 53 УПК Кыргызстана.

УПК Молдовы дополнительно отнес к прерогативам суда рассмотрение заявлений об ускорении уголовного преследования, разрешение по ходатайству прокурора проведения специальных розыскных мероприятий, рассмотрение вопроса об исключении из решения некоторых пунктов обвинения в случае экстрадиции осужденного (ст. 41). УПК Узбекистана, помимо рассмотрения судом ходатайств и жалоб по вопросам применения и продления ряда мер пресечения, применения иных принудительных мер, предусматривает действия по закреплению судом по ходатайству прокурора показаний свидетеля, потерпевшего, гражданского истца (ст. 29).

Для исполнения судебно-контрольных обязанностей и иных полномочий в период досудебного производства по уголовному делу в некоторых странах институционально выделен специальный судебный орган: следственные судьи (Украина, Казахстан, Кыргызстан), судьи по уголовному преследованию (Молдова), в остальных судебный контроль отнесен к компетенции обычных уголовных судов, что может создавать определенную проблему обеспечения их беспристрастности при повторном обращении к тем же материалам уголовного дела, но уже в порядке судебного разбирательства по существу дела.

В заключение сравнительного анализа зарубежных систем судебно-уголовного производства, сопоставив их между собой и с российской системой, можно с уверенностью констатировать общее структурное сходство всех систем при содержательном разнообразии их составляющих элементов. В каждой современной национальной системе уголовного правосудия выделяются такие виды судебной деятельности как рассмотрение и разрешение уголовного дела в разнообразных дифференцированных вариантах (формах), судебный контроль на предшествующих этапах уголовного производства, судебно-исполнительная и восстановительно-компенсационная (реабилитационная) деятельность.

Вместе с тем нельзя не заметить, что законодательство различных государств, в том числе стран «ближнего зарубежья» к одним и тем же составным

частям (видам, направлениям) уголовно-процессуальной деятельности суда «привязывает» различные правовые термины, не имеющие общего, четкого и однозначного доктринального толкования. Более того, и в рамках одного национального нормативно-правового массива однотипные, однопорядковые и одноуровневые элементы структуры деятельности по осуществлению правосудия обозначаются различной терминологией: «процедура», «производство», «порядок», «особый порядок», «особое производство», «особенности производства» и т. п.

При этом ни в одной системе судебно-уголовного производства, в том числе Российской Федерации (об этом речь пойдет в следующих разделах диссертации), не проводится четкое размежевание судебных производств по предметно-целевому признаку на основное («центральное») производство по уголовному делу и смежные, связанные с ним производства по иным правовым вопросам, подлежащим рассмотрению уголовным судом. В результате специальные (дифференцированные) порядки производства по уголовному делу смешиваются с действительно особыми, автономными от уголовного дела судебными производствами и включаются в общие разделы процессуального закона, либо последние (чаще производства по делам судебного контроля, восстановительным и компенсационным делам) вовсе не вычленяются из производства по уголовному делу. В отдельных странах (ФРГ, Азербайджан, Армения, Казахстан) процессуальное законодательство заключает (объединяет) «особые производства» в специальные разделы[1], но и здесь наблюдается их смешение с разновидностями производства по уголовному делу и их дифференцированными формами (особенными порядками)[2].

---

[1] См.: Книга шестая «Особые виды производства» УПК ФРГ, Раздел 11 «Особые производства» УПК Азербайджана, Раздел 14 «Особые производств» УПК Армении, Раздел 11 «Особые производства» УПК Казахстана.

[2] Так, например, УПК Азербайджана относит с категории «особых производств» осуществление судебного надзора (глава LII), производство по оказанию правовой помощи по уголовным делам (глава LVII), производство в порядке исполнения приговора или иных итоговых судебных решений (глава LVIII), но вместе с тем и производство по новым обстоятельствам, связанным с нарушением прав и свобод (глава LIII), производство по вновь открывшимся обстоятельствам (глава LIV), производство по применению принудительных мер

Таким образом, международный опыт построения систем уголовного судопроизводства указывает на отсутствие у законодателей системного подхода к выделению особых уголовных порядков и отдельных производств, тогда как это представляется принципиально важным как «для сохранения и обеспечения сбалансированности различных форм ведения уголовного судопроизводства»[1], так и в целях надлежащей регламентации всех видов судебных производств с учетом их единой правовой (правосудной) сущности и предметно-целевой специфики каждого из них. Изложенное подтверждает актуальность развития доктрины судебных производств в уголовном процессе на основе выработки четких, научно обоснованных критериев их дифференциации.

§ 3. Доктринально-методологические и правовые основы системного единства и дифференцирования судебно-уголовного производства

Производства и стадии в системе уголовного процесса. Современные научные представления об уголовном процессе или уголовном судопроизводстве (в рамках настоящей работы соискатель исходит из равнозначности и взаимозаменяемости данных понятий[2]) основываются на его понимании как системной, последовательной, регламентированной нормами уголовно-процессуального права, осуществляемой в форме правовых отношений и в

медицинского характера в отношении лица, подлежащего освобождению от уголовной ответственности в связи с наркоманией (глава LIV-I), производства по применению принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии невменяемости или заболевших психической болезнью после совершения преступления (главы LV и LVI), производство по применению уголовно-правовых мер в отношении юридического лица (глава LVI-I), которые являются разновидностью производства по уголовному делу или составляют его стадию.

[1] Пупышева Л. А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса: дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2022. С. 90.

[2] Правовым основанием к отождествлению понятий «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство» служит п. 56 ст. 5 УПК РФ, согласно которому уголовное судопроизводство есть совокупность досудебного и судебного производства по уголовному делу.

установленном процессуальном порядке деятельности государственных органов, должностных лиц и иных участников уголовного процесса, направленной на достижение назначения (целей) уголовного судопроизводства[1]. В соответствии со сложившимся деятельностным подходом к пониманию сущности уголовного процесса последний представляет собой целенаправленное движение – производство по уголовному делу, означающее, прежде всего, уголовно-процессуальную деятельность по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению дела. Уголовно-процессуальная деятельность как система действий и решений всех субъектов уголовно-процессуальных отношений составляет содержание уголовного процесса.

Системный подход в изучении уголовного судопроизводства позволяет воспринимать уголовный процесс как сложное, многоступенчатое, системное образование (правовое явление) и рассматривать его в этом качестве сразу в нескольких направлениях: как многофункциональную систему, как систему правоотношений, возникающих между субъектами уголовного судопроизводства, как систему процессуальных действий и решений этих субъектов и как систему всей уголовно-процессуальной деятельности. Применительно к тематике настоящего исследования внимания заслуживает последний из указанных аспектов.

Уголовный процесс как система уголовно-процессуальной деятельности (уголовное производство в целом) представляет собой структурно упорядоченную совокупность взаимосвязанных элементов – отдельных уголовных производств, выстроенных в определенном порядке, установленном уголовно-процессуальным

[1] Уголовный процесс / Под. ред. И. Л. Петрухина. М., 2001. С. 7; Уголовный процесс / Под ред. В. П. Божьева. М., 2002. С. 7–8; Волколуп О. В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. СПб., 2003. С. 11–15; Уголовный процесс России / Под ред. В. З. Лукашевича. СПб., 2004. С. 16–17; Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. М., 2008. С. 14–15; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации /отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2009. С. 21; Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск, 2015 С. 5; Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах. М., 2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

законом[1]. Таким образом, уголовные (уголовно-процессуальные) производства[2] есть элементы структуры уголовного процесса как системы уголовно-процессуальной деятельности и в зависимости от степени обобщения этой деятельности могут быть представлены в ее структуре на трех уровнях[3]: 1) производства по конкретным делам (низший уровень общности); 2) виды производств, выражающие и аккумулирующие специфику и особенности производства по определенной категории дел, что находит отражение в нормативно-правовом регулировании (средний уровень); 3) уголовное судопроизводство в целом – совокупность всех конкретных уголовных производств (высший уровень).

В контексте исследуемого вопроса нас в большей степени интересует второй уровень, на котором уголовные производства выступают в виде так или иначе выделенных и закрепленных в законе идеальных моделей процессуального поведения, которым должны соответствовать единичные производства по конкретным делам. На данном уровне виды уголовных производств имеют абстрактный характер и охватывают соответствующие им типичные общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовного судопроизводства, которые регламентируются (помимо правовых принципов и норм общего действия) обособленными группами процессуальных норм и, следовательно, могут расцениваться как самостоятельные уголовно-процессуальные институты[4].

---

[1] Структурно уголовно-процессуальную деятельность можно разделить на виды и по другим критериям, например, по субъекту процессуальной деятельности – на деятельность суда, деятельность прокурора, деятельность защитника и т. д., но в контексте рассматриваемого вопроса такая видовая дифференциация не актуальна, поэтому оставлена нами без внимания.

[2] Уголовно-процессуальные производства и уголовные производства используются нами в настоящей работе как равнозначные, синонимичные понятия.

[3] Якимович Ю. К. Структура уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства // Якимович Ю. К. Избранные труды. СПб., 2011. С. 143.

[4] Взгляд на уголовно-процессуальное производство как правовой институт подробно изложен в статье П. Г. Сычева: Сычев П. Г. Уголовно-процессуальные производства как базовый элемент теории дифференциации уголовного процесса // Российская юстиция. 2016. № 8. С. 47–51.

Эти виды производств (идеальные модели) характеризуются и различаются между собой специфическими задачами, собственным (обобщенным) предметом, комплексом присущих им процедурных правил и особенностями их практического применения. Посредством законодательного выделения в едином уголовном процессе типов и видов уголовных производств, собственно, и происходит его основанная дифференциация. «Дифференциация уголовного судопроизводства прежде всего есть не что иное, как наличие в его составе разных производств, отличающихся по ряду критериев и приспособленных для разных категорий дел»[1].

Как известно, каждое уголовно-процессуальное производство, как и уголовное судопроизводство в целом, обладает организационно-процессуальным единством (целостностью), но при этом не однородно и разбивается на последовательные, взаимосвязанные, но различающиеся по своему назначению (непосредственным задачам), содержанию и процессуальному порядку части процессуальной деятельности – стадии, которые отражают динамику уголовного производства, его продвижение к конечной цели и образуют собой отдельную универсальную систему, элементы которой в том или ином объеме присутствуют в каждом конкретном уголовном производстве.

Виды производств и стадии производства – разноплановые, несовпадающие признаки (атрибуты) уголовного производства, находящиеся в разных плоскостях и характеризующие уголовное производство с разных сторон. По выражению Ю. К. Якимовича, виды уголовных производств делят уголовный процесс «по вертикали», а стадии – «по горизонтали»[2]. Используемое здесь соотношение «вертикаль-горизонталь» точно передает перпендикулярность воображаемого взаимного расположения и действия разделительных плоскостей

---

[1] Смирнова И. С. Производство по сложным уголовным делам в системе уголовно-процессуальных производств // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 4 (29). С. 135.

[2] Якимович Ю. К. 1) Дифференциация уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2013. Вып. 2. С. 203; 2) Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. С. 53.

(критериев «виды» и «стадии»), но думается недостаточно наглядно и несколько двусмысленно[1], поэтому предпочитаем, хотя это и не принципиально, обозначать расчленение уголовного процесса несколько иначе, как «продольное» деление (по видам уголовных производств) и «поперечное» деление (по стадиям)[2], и будем следовать этому далее.

Вид производства указывает на его предмет и целевое назначение, т. е. на правовой характер уголовно-процессуальной деятельности, который остается неизменным на всем ее протяжении, а стадии раскрывают производство в его поступательном движении от начального момента до логического завершения, обнаруживая его формирование и демонстрируя поэтапное развитие судебного процесса. Стало быть, вид производства есть качественная, сущностная, но *статическая* характеристика уголовного производства, а стадия – характеристика *динамическая*, но внешне-формальная, практически не зависящая от специфики производства.

Из сказанного следует, что «вид уголовного производства» и «стадия уголовного производства» – различные правовые категории, и в теоретических конструкциях их следует различать и недопустимо смешивать. Такое смешение иногда присутствует в юридической литературе, чему в немалой степени способствуют, с одной стороны, отсутствие легального понятия стадий уголовного судопроизводства и их нормативно определенного перечня, с другой – использование законодателем в тексте закона для обозначения указанных компонентов структуры судопроизводства полисемичной (неоднозначной)

---

[1] При использовании предложенной Ю. К. Якимовичем терминологии не совсем ясно, в каком направлении подразумевается пространственно-воображаемое движение уголовного судопроизводства: снизу вверх или слева направо. Заметим, что «вертикаль» обычно ассоциируется с иерархией (отношениями подчинения), т. е. выстраиванием взаимодействия по принципу движения вверх от нижестоящего к вышестоящему, поэтому более подходит для образной ассоциации деления на стадии. Сами же производства самостоятельны, их виды в большей степени независимы друг от друга и осуществляются не последовательно, а параллельно.

[2] Термины «продольное» и «поперечное», используемые для обозначения разграничения судопроизводства, диссертант заимствует у В. П. Нажимова, который с их помощью констатировал деление уголовного процесса соответственно на виды уголовно-процессуальной деятельности и на стадии (этапы) (см. В. П. Нажимов Психологические основы учения об уголовно-процессуальных функциях // Правоведение. 1983. № 5. С. 52.)

юридической терминологии, а местами и некорректных формулировок, не вполне согласующихся с устоявшимися доктринальными положениями и структурой самого УПК РФ.

Традиционно в процессуальной теории стадии уголовного процесса (их количество, последовательность и наименование) определяются, исходя из структурного построения так называемой особенной части уголовно-процессуального закона (в действующем правовом регулировании – соответствующие разделы частей 2 и 3 УПК РФ). Этой системе стадий не соответствуют упоминающиеся в тексте УПК РФ «стадия судебного производства» (ч. 1 ст. 106), «стадия досудебного производства» (ч. 5 ст. 241), «стадия исполнения уголовного дела» (ч. 7 ст. 259), «стадия предварительного слушания» (ч. 5 ст. 348). При этом в законодательных наименованиях объективно выделяющихся стадий уголовного процесса лексема «стадия» не фигурирует, но не единожды используется термин «производство», например: производство в суде апелляционной инстанции, производство в кассационной или надзорной инстанции (название глав 45.1, 47.1, и 48.1 УК РФ). Кроме того, производствами – досудебным и судебным – названы две части уголовного процесса, разграничение которых основано не на дифференциации уголовного судопроизводства на отдельные виды, а на формальном объединении его однородных (по осуществляющему производство властному субъекту) стадий в две укрупненные группы, заключенные в соответствующие обобщающие понятия.

В то же время термином «производство», но в другом смысловом значении поименованы особые порядки судопроизводства, предусмотренные для «отдельных категорий уголовных дел» (главы 50, 51, 51-1 УПК РФ) или в отношении «отдельных категорий лиц» (глава 52 УПК РФ), а также процессуальные порядки, имеющие существенные процедурные отличия от общего производства по уголовному делу (главы 41 и 42 УПК РФ).

Получается, ключевой для понятия уголовно-процессуального производства термин «производство» употребляется в законе в двух смыслах: в первом случае он подразумевает обособленную часть, определенную стадию (или совокупность

стадий) любого уголовного производства, во втором приобретает значение разновидности уголовного производства как неразрывного процесса, проходящего через все стадии, предусмотренные для данного вида деятельности[1]. Данное обстоятельство, очевидно, отражает то положение вещей, что виды производства и его стадии как две характеристики одного явления – уголовного производства – исходят от него, принадлежат ему и имеют с уголовным производством и между собой объективные связи, но при этом оно никоим образом не умаляет сущностных различий этих характеристик и не дает оснований для их слияния или замещения.

В этом аспекте внимание привлекает диссертационная работа Н. С. Мановой. Рассматривая уголовно-процессуальное производство как структурное образование процессуальной деятельности (наряду с категорией «стадия»), данный автор определяет его «как функциональный этап уголовно-процессуальной деятельности, включающий, как правило, несколько стадий, осуществляемый субъектами, выполняющими определенную процессуальную функцию, в рамках которой они решают адекватные задачи, и характеризующийся соответствующей формой (средствами и способами осуществления) уголовного судопроизводства», и далее, с учетом «функциональной направленности деятельности государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовный процесс» выделяет в качестве видов уголовных производств: досудебное (или предварительное) производство, производство в суде первой инстанции (основное производство), производство по проверке законности и обоснованности решений суда и производство по

[1] Строго говоря, помимо указанных явлений словом «производство» в УПК РФ обозначаются также выполнение единичных следственных и иных процессуальных действий (например, «производство неотложных следственных действий» – ст. 157, «производство осмотра» – ст. 177) или отдельных судебных процедур («производство судебной экспертизы» – ст. 283). Данные значения уголовно-процессуального термина «производство» намеренно нами не обсуждаются и не принимаются во внимание ввиду того, что соотносятся с такими элементами системы уголовно-процессуальной деятельности (действиями и процедурами), которые находятся на более низких ступенях структурной лестницы и на разных уровнях обобщения и по этой причине не подлежат сопоставлению в одном ряду («на равных») с видами и стадиями производств.

разрешению процессуальных вопросов, возникающих при исполнении приговора[1].

Из приведенных определения и перечня видно, что разделение уголовных производств на виды фактически осуществлено данным автором по стадийному принципу, а именно путем разбивки на части, состоящие (в большинстве) из сгруппированных стадий уголовного процесса. Проведенное размежевание посредством «функционально-субъектного» критерия поставило в один ряд разнохарактерные объекты: один из видов уголовных производств (производство по вопросам, связанным с исполнением приговора) и отдельные части производства по уголовному делу, и, как представляется, не привело к желаемому результату – выделению самостоятельных, не сопряженных друг с другом производств.

Во-первых, в предложенной классификации налицо «пересечение» и «наложение» видов производств, чего не должно происходить, если мы имеем дело с отдельными производствами. Так, в частности, «производство по разрешению процессуальных вопросов, возникающих при исполнении приговора»[2], очевидно, осуществляется судом первой инстанции и затем может перейти в ведение вышестоящей судебной инстанции, проверяющей законность судебных решений. Такое «перерождение» одного вида производства в другое возможно только тогда, когда они являют собой не самостоятельные, с собственным предметом юридического спора, уголовные производства, а их взаимосвязанные части – стадии.

Профессор Н. С. Манова по этому поводу пишет: «Переход от одного производства к другому происходит при достижении соответствующего уровня в решении задач, составляющих содержание конкретной процессуальной функции, и означает определенный качественный скачок в развитии процесса, при котором

---

[1] Манова Н. С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 18–19.

[2] Следует попутно заметить, что в порядке ст. 399 УПК РФ судом разрешаются не только и не столько процессуальные вопросы, но и вопросы, имеющие материально-правовой характер, почему-то оставленные автором анализируемой классификации за ее пределами.

полномочия по осуществлению уголовно-процессуальной деятельности переходят к иному компетентному государственному органу»[1]. Представляется, что упомянутый в приведенных рассуждениях «качественный скачок в развитии процесса» означает не переход от одного вида производства к другому, а ни что иное как смену стадий уголовного производства.

Во-вторых, порядок судопроизводства предусматривает возможность и основания возвращения уголовного дела из последующей в предыдущие стадии производства (возвращение дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, направление дела из вышестоящей судебной инстанции на новое судебное рассмотрение в суд первой, апелляционной или кассационной инстанций, возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств). В таких случаях, исходя из предложенных Н. С. Мановой интерпретаций, придется признать, что по одному и тому же юридическому делу (правовому спору) осуществляются несколько видов разнородных производств, что само по себе неприемлемо. Если же считать, что при таком повороте событий производства не сменяют друг друга, а повторное начинается заново (как бы по вновь возникшему делу), оказывается допустимым остановка (прерывание) первоначального производства по делу без его надлежащего завершения (без итогового решения)[2], т. е. оставление производства в неоконченном виде, чего уголовно-процессуальный закон не предусматривает и не дозволяет.

В-третьих, четко вычленить какое-либо производство в самостоятельный вид по функциональному признаку, ориентируясь только на отдельные процессуальные функции кого-либо из властных субъектов уголовного процесса весьма затруднительно, практически невозможно, ввиду многофункциональности их уголовно-процессуальной деятельности, которая в предыдущей главе наглядно

---

[1] Манова Н. С. Указ. соч. С. 18–19.

[2] Например, признание предварительного расследования по уголовному делу после возвращения его судом прокурору отдельным уголовным производством означало бы незавершенность имевшего место ранее производства в суде первой инстанции, т. к. уголовное дело не было рассмотрено судом по существу.

продемонстрирована нами на примере суда. Размежевание уголовно-процессуальной деятельности в целом и деятельности отдельных субъектов (участников) уголовного процесса по реализуемым процессуальным функциям возможно только теоретически, так сказать абстрактно.

В правовой реальности не существует обособленных производств, претворяющих в жизнь какую-либо одну, пусть и из числа основных, функцию судопроизводства, а тем более функцию отдельного субъекта уголовного процесса. В любой разновидности производств наблюдается симбиоз функций, в разных сочетаниях и в различной степени проявления каждой из них, но завершающий производства итог всегда является результатом взаимодействия нескольких процессуальных функций.

В свете сказанного, представляется, что уголовные производства как совокупности взаимосвязанной процессуальной деятельности всех участников процесса, задействованных в том или ином виде производства, не разделяют, а аккумулирует в себе функции каждого участника производства. В этом аспекте любое отдельное производство, как и уголовный процесс в целом есть многофункциональная, многоуровневая система.

Если обратиться, в частности, к стадии предварительного расследования, включаемой в понятие досудебного производства, то обнаружим, что здесь действуют сразу несколько властных субъектов уголовного судопроизводства, в той или иной степени ведущих производство по делу: орган дознания и начальник органа дознания, следователь или дознаватель, руководитель следственного органа или начальник подразделения органа дознания, прокурор и суд. Все они на данном этапе судопроизводства выполняют разнообразные и неединичные задачи и процессуальные функции. Как в таких условиях однозначно определить функциональную направленность досудебного производства в целом?

Досудебное производство и производства в судебных стадиях в рамках конкретного уголовного дела имеют единые предмет расследования и рассмотрения и предмет доказывания, общие главные задачи и направлены на достижение единой для уголовного дела цели, а отличаются соотношением

реализуемых в них функций, непосредственными задачами, конкретизирующими общие задачи уголовного процесса, особенным кругом участников и характером уголовно-процессуальных отношений между ними, специфическими условиями и порядком (формой) процессуальной деятельности, набором завершающих процессуальных актов, т. е. теми признаками, по которым в науке уголовно-процессуального права принято разделять стадии уголовного судопроизводства[1].

В-четвертых, уголовно-процессуальное производство представляет собой целостный правоприменительный процесс, взятый с момента его инициации в установленном законом порядке до момента завершения вынесением итогового процессуального решения, которым разрешается юридическое дело[2]. Досудебное производство по уголовному делу носит предварительный характер и не может считаться окончательным, за исключением случаев прекращения уголовного дела органом уголовного преследования. Производства по проверке законности и обоснованности решений суда служат факультативным продолжением и дополнением производства в суде первой инстанции, направленным на проверку и (при необходимости) на корректировку результатов разрешения дела, тем самым «растягивают» правоприменительный процесс и переводят момент его завершения в контрольно-проверочные стадии. Отделение досудебного производства от судебного и расчленение последнего на отдельные независимые части искусственно разрывает процесс правоприменения и препятствует его восприятию как единого целого.

Несомненно, разбивка уголовного производства на составные части по стадийному принципу не лишена научного и практического значения, т. к. позволяет исследовать и держать в поле зрения законодателя и субъектов правоприменения свойственные этим частям особенности, но она имеет смысл только в совокупности с предметно-целевой дифференциацией уголовных

---

[1] См.: Волколуп О. В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. С. 21; Якимович Ю. К., Пан Т. Д. Судебное производство по УПК Российской. Федерации. СПб., 2005. С. 35–36.

[2] Боярская А. В. С. Доказывание в упрощенных судебных производствах уголовного процесса России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2012. С 14.

производств и должна следовать за последней, а не заменять ее. Например, Т. В. Трубникова, изначально выстраивая классификацию уголовных производств по их направленности (по предметному признаку), дополняет ее такими критериями деления производств на виды как степень сложности процессуальной формы и этап движения дела (досудебное и судебное производства)[1].

В научной литературе встречаются и иные примеры замещения видов уголовных производств их составными частями. Так, Н. А. Юркевич определяет уголовно-процессуальное производство как обособленный и *самостоятельный этап* уголовного судопроизводства, объединяющий совокупность стадий, а стадией предлагает считать закономерный этап в движении уголовного дела внутри производства, направленный на решение промежуточных задач, и, исходя из такой трактовки, пытается обосновать наличие по уголовному делу «промежуточного производства», следующего за досудебным производством и предшествующим производству по рассмотрению уголовного дела по существу[2]. Схожим образом Я. А. Климова выделяет действия и решения прокурора *на завершающих этапах* досудебного производства в «буферное производство», которое, по мнению автора, представляет собой специфическое уголовно-процессуальное производство и самостоятельную часть уголовного процесса[3].

При разработке проблем реализации судебной власти на стадии подготовки дела к судебному заседанию Р. Ф. Зиннатов пришел к сомнительному, на наш взгляд, выводу о том, что разрешение судом в предварительном слушании ходатайств и жалоб (уголовно-процессуальных конфликтов) в целях устранения препятствий к последующему рассмотрению уголовного дела по существу образует особое производство[4]. Исходя из правильной оценки организационно-

---

[1] Трубникова Т. В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 1997. С. 8.

[2] Юркевич Н. А. Промежуточное производство в системе уголовного процесса России. История, теории и практика, перспективы развития. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 21–22.

[3] Климова Я. А. Трансформация полномочий прокурора на завершающих этапах досудебного производства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2017. С. 17.

[4] Зиннатов Р. Ф. Реализация судебной власти на стадии подготовки дела к судебному заседанию в современном уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2006. С. 7, 12–13.

подготовительных действий суда как необходимой (начальной) части деятельности по осуществлению правосудия, автор почему-то вычленяет из нее действия по рассмотрению ходатайств и жалоб заинтересованных сторон, имеющих ярко выраженный вспомогательный характер (в этих действиях наглядно проявляется обеспечительная функция уголовного суда), в самостоятельное судебное производство.

Между тем, разрешение судом любых жалоб и ходатайств в период подготовительных действий к судебному разбирательству и по ходу самого разбирательства, если только оно не закончилось прекращением уголовного дела[1], есть ничто иное как промежуточные, вспомогательные акты судебного правоприменения, направленные на обеспечение надлежащего рассмотрения по существу уголовного дела. Отдельного производства здесь не наблюдается, поскольку отсутствует самостоятельный предмет судебного разбирательства, а разрешение судом текущих ходатайств и заявлений подчинено общей задаче рассмотрения уголовного дела по существу и производится в рамках данного дела, поэтому такого рода процессуальная деятельность образует всего-навсего судебную процедуру – важную, но все же составную часть производства по уголовному делу.

Допустить иное означает создать абсурдную ситуацию – «производство в производстве», которая способна деструктировать деятельность суда по осуществлению уголовного правосудия. Таких, предполагаемых Р. Ф. Зиннатовым, «производств» можно вообразить сколь угодно много, если иметь ввиду многочисленные и многообразные процедурные (конфликтные и бесспорные) вопросы, которые приходится разрешать суду в период судебного разбирательства и на последующих стадиях судопроизводства каждый раз, когда об этом ходатайствует одна из сторон. Так что «реализация судом предоставленных ему полномочий по разрешению уголовно-процессуальных

[1] Судя по контексту работы, в которой изложена анализируемая позиция, вопрос об отнесении процедуры прекращения судом уголовного дела к особому производству авторов не ставится.

конфликтов» на этапе предварительного слушания не выходит за пределы вспомогательной (обеспечительной) судебной процедуры, остается составной частью судебной деятельности в стадии подготовки судебного разбирательства (судебного заседания) по уголовному делу, и придавать подобного рода судебным процедурам значения «особого уголовного производства», полагаем, нет никаких оснований.

Изложенные выше соображения и замечания позволяют сделать вывод, что система видов производств и система стадий являются главными системообразующими компонентами российского уголовного процесса, «определяют систему и структуру уголовного судопроизводства в целом»[1] и поэтому имеют нормативно-правовое выражение и закрепление в УПК РФ. По точному образному выражению Ю. К. Якимовича, «именно система видов производств и система стадий образуют «каркас», «скелет», при помощи которого организуется, упорядочивается содержание такого явления, как уголовное судопроизводство»[2]. Система видов производств и система их стадий как бы накладываются друг на друга, в результате чего любое отдельное взятое производство по конкретному делу относится к какому-либо виду уголовных производств и одновременно (в определенный период его свершения) находится на какой-либо стадии.

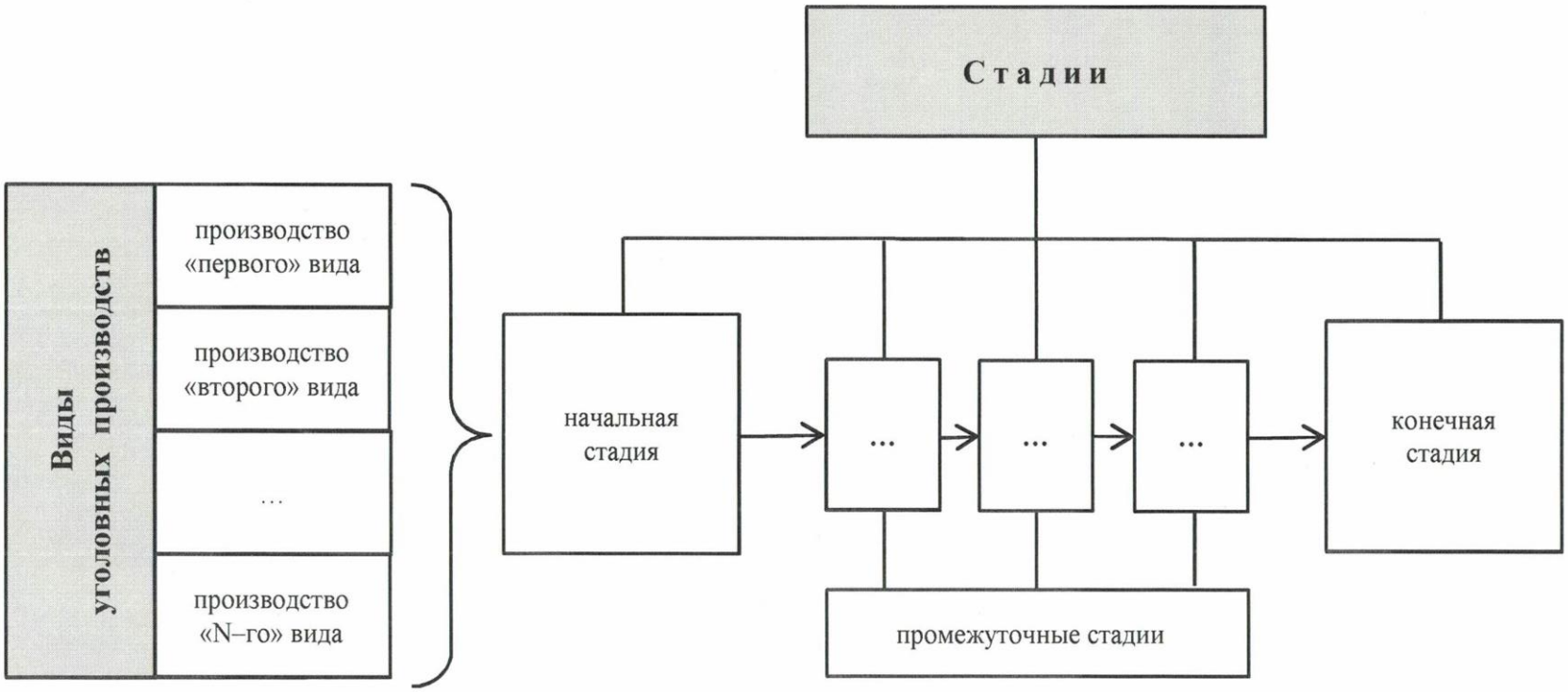
Исходя из раскрытого нами соотношения и взаимодействия рассмотренных систем, представление о структурном построении уголовного процесса в самом общем виде (без конкретизации стадий и видов производств) визуально может быть представлено в виде нижеприведенной логической схемы (*см. схему 5)*.

---

[1] Якимович Ю. К. Дифференциация уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2013. Вып. 2. С. 203.

[2] Якимович Ю. К. Структура уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. С. 145.

Схема 5. Структурная модель уголовного процесса: производства и стадии



Проблемно-дискуссионные вопросы дифференциации уголовно-процессуальных производств. Следующей частью важных с точки зрения системности и дифференцированности уголовного судопроизводства доктринальных положений является комплекс неоднозначно решаемых наукой и во многом дискуссионных вопросов о стадиях уголовного процесса и конкретных видах уголовных производств (их количестве и наименованиях), а также о направлениях, основаниях и пределах дифференциации уголовного процесса. Не ставя целью представить всю палитру взглядов и мнений по этим спорным вопросам, дабы не отклониться от главных целей настоящей диссертации, остановимся лишь на тех ключевых моментах, определенность в которых необходима для обоснования выдвигаемой концепции единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств.

Прежде всего следует отметить, что до настоящего времени в науке уголовно-процессуального права по-прежнему превалирует традиционный взгляд на уголовный процесс как на разделенное на стадии и этапы, дифференцированное по процессуальной форме на разновидности, но все же единое, всеобъемлющее и поглощающее собой всю возможную уголовно-процессуальную деятельность производство по уголовному делу[1]. Принято считать, что это – цельное производство, которое в соответствии со структурой Особенной части УПК РФ разбивается на два больших сегмента (досудебное и судебное производство) и состоит из следующих стадий: возбуждение уголовного дела, предварительное расследование уголовного дела, подготовка к судебному разбирательству (судебному заседанию), судебное разбирательство в суде первой инстанции, пересмотр не ступивших в законную силу приговоров и иных

[1] См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т.1. М., 1968. С. 66–69; Уголовный процесс / Под. ред. И. Л. Петрухина. М., 2001. С. 12–19; Уголовный процесс России / Под ред. В. З. Лукашевича. СПб., 2004. С. 18–21; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2009. С. 26–29; Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. М., 2008. С. 15; Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс. М., 2008. С. 26–28; Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М., 2016. (§ 1. гл. 2) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

итоговых судебных решений судом второй (апелляционной) инстанции, исполнение приговора (или судебный контроль за исполнением приговора), пересмотр вступивших в законную силу приговоров в кассационном и надзорном порядках, возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. При этом, как верно отмечает С. С. Цыганенко, в учебной и специальной литературе системно-структурная основа уголовного процесса продолжает рассматриваться посредством характеристики процессуальных стадий без учета роли и значения процессуальных производств[1].

В соответствии с традиционным восприятием уголовного судопроизводства как производства исключительно уголовных дел основными критериями его разграничения (дифференциации) на виды становятся признаки стадий и сложность процессуальной формы, а наличие в уголовном процессе иных, обособленных от уголовного дела, производств, затушевывается или попросту игнорируется. При таком подходе дифференцирование уголовного судопроизводства ограничивается выделением *особых процессуальных форм* (порядков) производства *по уголовным делам* в рамках его отдельных стадий или их объединений (досудебного производства, производства в суде первой инстанции), отличающихся от общего, базового порядка расследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела комбинацией специфических процессуальных особенностей и имеющих своим назначением повышение результативности, оптимизации и эффективности производства по уголовным делам различной категории[2].

---

[1] Цыганенко С. С. Общий и дифференцированный порядки уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 5.

[2] См.: Рустамов Х. У. Дифференциация форм уголовного процесса: Современные тенденции и проблемы совершенствования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998; Великий Д. П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. С. 24–31; Манова Н. С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм … С. 25–49; Мищенко Е. В. Проблемы дифференциации и унификации уголовно-процессуальных форм производств по отдельным категориям уголовных дел: дис. … д-ра юрид. наук. Оренбург, 2014. С. 77–96; Качалова О. В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе: монография. М., 2015. С.7–22; Орлова Т. В.

Обычно в качестве оснований дифференциации уголовно-процессуальной формы и разграничения уголовного процесса на отдельные виды уголовных производств используют: а) свойства уголовного дела, например, категорию уголовного дела или степень общественной опасности (тяжесть) преступления; б) обусловленную этими свойствами сложность порядка производства по делу (обычная, ускоренная или упрощенная, усложненная или с усиленными гарантиями прав обвиняемых формы производства); в) направленность деятельности органа, осуществляющего процессуальную деятельность; г) состав суда; д) правовой статус и специфические характеристики личности обвиняемого или лица, изобличенного в совершении общественно-опасного деяния[1].

По указанным критериям исследователи дифференцированных процессуальных форм, как правило, разграничивают и классифицируют только производства по уголовным делам (один из возможных, обобщенных вариантов такой классификации-дифференциации представлен на *схеме 6*).

Однако дифференциация уголовного судопроизводства в целом и судебного производства в частности, как объективно существующее явление, не ограничивается разделением процессуальной деятельности только в части возбуждения, расследования и разрешения уголовных дел. Вопреки распространенному взгляду на систему уголовного процесса как на совокупность производств по уголовным делам, часть уголовно-процессуальной деятельности (и весьма значительная) выполняется за пределами этих производств.

Дифференциация форм судебного разбирательства в уголовном процессе российского государства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016.

[1] См.: Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981. С. 104; Свиридов М. К. О сущности и основаниях дифференциации уголовного процесса // Актуальные вопросы государства и права в период совершенствования социалистического общества. Томск, 1987. С. 241; Великий Д. П. Указ. соч. С. 21–30; Цыганенко С. С. Указ. соч. С. 14–15; Власова Н. А. Проблемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 55–69; Манова Н. С. Указ. соч. С. 13–15; Рябцева Е. В. Правосудие в уголовном процессе России: монография. М., 2010. С. 14–20; Дикарев И. С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, ее обусловливающие // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 18–21; Мищенко Е. В. Указ. соч. С. 149–152; Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. С. 70–83; Орлова Т. В. Указ. соч. С. 16–21; Щипицина В. В. Критерии дифференциации процессуальной формы: правовое и социальное значение // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 4. С. 180–186.

Схема 6. Дифференциация процессуальной формы производства по уголовному делу

В досудебных стадиях, когда уголовное дело, а до его возбуждения – материал проверки по сообщению о преступлении находится в производстве и распоряжении органа предварительного расследования, суд, что очевидно, не осуществляет производство по уголовному делу (или материалу проверки) и не руководит его движением. Иное и невозможно, поскольку судебная власть ввиду ее исключительности и независимости не совместима в пределах ее процессуальной компетенции с властно-распорядительной деятельностью других органов власти и «устраняет» последнюю из судебного процесса. Там и тогда, где и когда действует орган правосудия, принимая на себя уголовное производство, процессуальная деятельность других государственных органов утрачивает свой властный характер.

Тем не менее, в указанный период суд осуществляет процессуальную деятельность (ч. 2 и ч. 3 ст. 29, пункты 2 и 2.1 ч.1 ст. 448 УПК РФ), именуемую судебным контролем законности ограничения конституционных прав и свобод личности со стороны органов уголовного преследования, при том, что само уголовное дело или материал проверки продолжает находиться в производстве следователя или дознавателя.

На так называемой стадии исполнения приговора суд первой инстанции в порядке статей 399, 400 (и др.) УПК РФ проводит разбирательство по вопросам, связанным с исполнением приговора и иных судебных решений (по большей части перечислены в ст. 397 УПК РФ). Эти вопросы возникают и рассматриваются судом в период, когда производство по уголовному делу завершено, приговор или иное итоговое решение суда обращено к исполнению, а материалы уголовного дела зачастую списаны в архив суда.

Применительно к указанным ситуациям возникает вопрос: какое юридическое дело рассматривает и разбирает суд, если в первом случае уголовное дело еще не поступило в судебный орган и не принято им к своему производству, а во втором – производство по уголовному делу судом уже завершено? Ответ один – в обоих случаях суд осуществляет уголовные (уголовно-процессуальные) производства иного рода, в ходе которых рассматривает не уголовные дела, а

производные от них дела судебного контроля и судебные дела по вопросам, связанным с исполнением приговора, скромно именуемые в юридическом обиходе «судебными материалами».

Итак, рассматриваемая в пределах деятельности по уголовным делам дифференциация форм уголовного судопроизводства и основанные на ней классификации не могут претендовать на всеобщность, т. к. не охватывают всего многообразия уголовных производств и поэтому имеют ограниченную сферу научного применения, а, значит, требуют дополнения и расширения.

На ограниченность «традиционных» приемов систематизации и дифференциации уголовного судопроизводства неоднократно обращал внимание Ю. К. Якимович, который выдвинул в качестве главного и первичного критерия разграничения уголовно-процессуальных производств на различные виды «их направленность, выражающуюся в предмете и задачах», справедливо указывая, что она (эта направленность) «характеризует не какие-то отдельные особенности (пусть даже существенные), а главное, основное, т. е. сущность производства»[1]. Данный подход, на наш взгляд, особенно оправдан и продуктивен при исследовании комплекса судебных уголовных производств, типологически зависимых от характера разрешаемого судом правового конфликта и предмета рассматриваемого им юридического дела, и необходим для вычленения тех типов и видов судебных производств, процессуальная форма которых не подвержена влиянию вышеперечисленных, характерных для уголовных дел факторов и не индивидуализируется ими.

Профессор Ю. К. Якимович предложил изначально подразделять все уголовные производства на три вида: 1) основные производства – производства по уголовным делам, предметом которых является вопрос о наличии-отсутствии уголовно-правового отношения и о его содержании, а задачей – установление наличия или отсутствия этого отношения; 2) дополнительные производства,

---

[1] Якимович Ю. К.: 1) Уголовно-процессуальные производства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 10–12; 2) Структура уголовного процесса: система стадий и система производств … С. 147–149; 3) Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. С. 57.

осуществляемые после вступления приговора в законную силу и в связи с его исполнением, предметом этих производств является «вопрос о наличии или отсутствии обстоятельств, с которыми уголовный закон связывает необходимость изменения, замены или прекращения реализации уголовного наказания», а задачей – «обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы в каждом случае, когда имеются для этого основания, было произведено изменение или замена наказания либо досрочное прекращение его исполнения, и не было ни одного случая неосновательного изменения, замены, досрочного прекращения исполнения наказания»; 3) особые производства – уголовные производства, материально-правовой базой которых являются нормы не уголовного, а иных отраслей права, в связи с чем они имеют неоднородные предмет и задачи, но во всяком случае отличные от предмета и задач основного производства[1]. Остальные критерии дифференциации уголовного судопроизводства, как то: сложность процессуальной формы, судебный состав и т.д., по мнению Ю. К. Якимовича вторичны и должны применяться после разграничения уголовных производств по их направленности[2].

Научные воззрения профессора Ю. К. Якимовича на систему уголовно-процессуальных производств и предложенный им методологический подход к решению проблемы дифференциации уголовного судопроизводства восприняты научным сообществом и получают дальнейшее развитие в процессуальной доктрине[3], в том числе применительно к отдельным видам или группам

---

[1] Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. С. 57–70.

[2] Якимович Ю. К. Дифференциация уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы. С. 208.

[3] См.: Трубникова Т. В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России … С. 7–8, 20–21; Солодилов А. В. Судебный контроль в системе уголовного процесса России. Томск, 2000. С. 27–28; Великий Д. П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы … С. 22–23; Волколуп О. В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. С. 16; Пастухов И. В. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора: автореф. дис … канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 14–16; Ложкина Л. В., Татьянина Л. Г. Виды и формы производств, осуществляемых в стадии исполнения приговора // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2008. Вып. 2. С. 141–145; Боярская А. В. Уголовно-процессуальное производство и судебное производство: конкуренция понятий //

производств[1], находят отражение в работах зарубежных исследователей[2] и в учебной литературе[3]. Некоторые процессуалисты – приверженцы идеи множественности уголовных производств различным образом определяют количество и наименование их видов и соотношение между ними[4], но в главном они едины – в уголовном процессе наравне с производством по уголовному делу наличествуют отдельные, самостоятельные уголовные производства, различающиеся своей направленностью и спецификой процессуальной формы.

Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 1. С. 149–152; Сычев П. Г. Указ. соч.; Смирнова И. С. Критерии дифференциации основных уголовно-процессуальных производств // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 1 (26). С. 65–69.

[1] Николюк Н. В. Производство по рассмотрению и разрешению дел о замене наказания в связи с уклонением осужденного от его отбывания: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 13–14; Ложкина Л. В. Заключение под стражу осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы (вопросы теории и практики): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. С. 12–13; Татьянина Л. Г., Адильшаев Э. А. Судебное санкционирование как особое производство // Вестник Удмуртского университета. Экономика и Право. 2011. Вып. 4. С. 147–152; Резяпов А. А., Каминский А. М. Производство о наложении денежного взыскания в системе уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Экономика и Право. 2015. Т. 25. Вып. 5. С. 139–141; Иванова О. Г. Уголовно-процессуальное производство по избранию судом меры пресечения: уголовно-процессуальная форма и особенности доказывания: дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2019. С. 20–50; Диваев А. Б., Земеров И. А. Правовая природа деятельности по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора // Вестник Кузбасского института. 2020. № 3. С. 93–104.

[2] Аббасова Ф. М. Теоретические основы дифференциации производств в уголовном процессе в контексте системы особых производств по Уголовно-процессуальному кодексу Азербайджанской республики // Юрид. вестник Самарск. ун-та. 2016. Т. 2. № 4. С. 31–36; Бибило В. Разъяснения судом сомнений и неясностей, возникших при исполнении приговора // Судовы Веснік. 2016. № 4. С. 66–70; Емельянов С. Л. Уголовный процесс и уголовно-процессуальные производства в Республике Беларусь: вопросы их дифференциации // Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия Великой Судебной Реформы: сб. науч. статей всерос. науч.-практич. конф. (14–15 ноября 2019 г.); Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. С.135–139.

[3] Уголовный процесс: учебник / Под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко и А. Г. Тузова. Ростов н/Д. 2015. С. 36–37.

[4] Например, С. С. Цыганенко делит все предусмотренные в уголовном процессе производства на два типа: 1) производства по уголовным делам, обусловленные материальным характером правового отношения в качестве своего предмета и 2) специальные уголовно-процессуальные производства, обусловленные потребностью обеспечения различных процессуальных задач по охране прав и законных интересов участников уголовно-процессуальной деятельности, а также реализации предоставленных процессуальным органам в этой связи полномочий (Цыганенко С. С. Указ. соч. С. 16), а Л. А. Пупышева все «неосновные» производства называет особыми или промежуточными (Пупышева Л. А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса: дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2022. С. 120–137).

Таким образом, учение о самостоятельных уголовно-процессуальных производствах и их видах, составляющих структуру уголовно-процессуальной деятельности и совместно со стадиями определяющих систему уголовного процесса, получила достаточную апробацию и подтверждение своей научной состоятельности, поэтому, полагаем, может и должна служить теоретической основой для концепции единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств.

Исполнение приговора в структуре уголовного судопроизводства. Возникшая с развитием идеи множественности производств в уголовном процессе проблема их соотношения со стадиями уголовного процесса наиболее явно и усиленно, обострившись до дилеммы «стадия или вид производства», проявляет себя в исследованиях и оценках уголовно-процессуальной деятельности, регламентированной ст. 47 УПК РФ.

Определенная конкуренция взглядов на приоритет той или другой категории (и стоящими за ними явлениями) привела к их противопоставлению применительно к той части уголовного судопроизводства, которая в законе названа «исполнением приговора», и формированию в процессуальной доктрине противоположных направлений (позиций) относительно сущности и содержания уголовно-процессуальной деятельности, обусловленной вступлением приговора в силу и его исполнением. В комплексе возникших дискуссионных вопросов, главным становится вопрос о том, является ли деятельность суда по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора и иных судебных решений (статьи 397, 398 и 400 УПК РФ), продолжением (стадией) производства по уголовному делу или представляет собой отдельное уголовно-процессуальное производство (совокупность самостоятельных уголовных производств).

Первое направление проистекает из изложенного выше традиционного представления уголовного судопроизводства как линейного и единого производства по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовного дела и основана на убеждениях, что процессуальная деятельность суда, сопряженная с исполнением приговора, есть часть (окончание) этого производства и что ей

свойственны все признаки, характерные для самостоятельной стадии уголовного процесса[1]. При этом многие приверженцы данной точки зрения отмечают необычность и своеобразие стадии исполнения приговора и признают, что она существенным образом выделяется из общего ряда уголовно-процессуальных стадий (М. К. Свиридов, Д. В. Тулянский, Л. В. Головко и др.).

Второе направление возникло позднее (в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого столетия)[2] и развилось в устоявшуюся систему альтернативных взглядов на сущность и содержание уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой при исполнении приговора и иных судебных решений, во многом благодаря теоретическим разработкам профессора В. В. Николюка,

---

[1] Куцова Э. Ф. Исполнение приговора. М., 1960. С. 4; Перлов И. Д. Исполнение приговора в советском уголовном процессе. М., 1963. С. 5–7; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., 1970. С. 424–425; Свиридов М. К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск, 1978. С. 7–9; Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004, С. 10–11; Рябцева Е. В. Исполнение приговора в уголовном процессе России. Ростов-на-Дону, 2007. С. 11–13; Курганский М. Г. Вопросы исполнения приговора, разрешаемые районными (городскими) судами по месту отбывания наказания осужденными: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 8; Шабалина Л. А. Обеспечение прав, свобод и законных интересов осужденного при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2012. С. 13–14; Иванов В. В. Современные проблемы исполнения приговора // Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистров / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. М., 2013. С. 439–447; Гужва О. В. Теоретические и практические проблемы рассмотрения судом вопросов, связанных с исполнением приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 15–16; Головко Л. В. Исполнение обвинительного приговора (Глава 33) // Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головко. М., 2017. С. 1199–1206; Малышева О. А. Уголовно-процессуальные основы исполнения приговора. М., 2017. С. 21; Мичурина О. В. О месте стадии исполнения приговора в системен уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2017. № 10. С. 33–35; Левченко О. В., Гужва О. В., Караева А. А. Рассмотрение судом вопросов, связанных с исполнением приговора. М., 2018. С. 16–28; Свиридов М. К. Отраслевая принадлежность норм, регулирующих судебную деятельность по исполнению приговора // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 83–91.

[2] Впервые вывод о самостоятельности производств по разрешению вопросов, возникающих в процессе исполнения приговора, высказала Т. Н. Добровольская (Добровольская Т. Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговоров. М., 1979. С. 18–20). Чуть позже допустимость рассматривать осуществляемую в стадии исполнения приговора деятельность как продолжение процесса по уголовному делу поставили под сомнение В. И. Швецов и А. М. Ларин (см.: Швецов В. И. Исполнение приговора в советском уголовном процессе: учебное пособие. М., 1982. С. 16; Ларин А. М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. М., 1985. С. 62–63).

который значительную часть своих научных работ посвятил проблематике указанной деятельности и произвел ее комплексный анализ[1].

Сторонники альтернативного взгляда на сущность, назначение и содержание процессуальной деятельности, сопряженной с исполнением приговора, ставят под сомнение либо вовсе отрицают наличие в системе уголовного процесса самостоятельной стадии исполнения приговора, не рассматривают деятельность суда по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в качестве продолжения основного производства (по уголовному делу), а относят ее к самостоятельному виду и разделяют на отдельные (дополнительные, особые или промежуточные) уголовные производства[2] либо к отдельному (вне стадий процесса) «процессуальному институту исполнения приговора в рамках уголовно-процессуального права»[3].

В современной научной литературе высказан и ряд промежуточных, в определенной степени компромиссных позиций, согласно которым рассмотрение и разрешение судом того или другого (или любого) вопроса, возникающего в связи с исполнением приговора или иного судебного решения, является особым или дополнительным, относительно независимым уголовным производством, но

---

[1] См.: Николюк В. В.: 1) Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР. Иркутск, 1989; 2) Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР: дис. … д-ра юрид. наук. М. 1990; 3) Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения: монография. Орел, 2015; 4) Привод, задержание и заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: Научно-практич. пособие. М., 2018. С. 8–23; и др. работы.

[2] Николюк В. В. 1) Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР: дис. … д-ра юрид. наук. М. 1990., С. 20–55. 2) Привод, задержание и заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания. С. 8–23; Пастухов И. В. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора … С. 8, 14–16; Николюк Н. В. Производство по рассмотрению и разрешению дел о замене наказания в связи с уклонением осужденного от его отбывания … С. 8; Грицай О. В. Исполнение приговора в части имущественных взысканий: процессуальная сущность, основания и порядок: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2007. С. 6–7; Квициния Д. А. Разрешение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 15–16; Гапонов Е. Н. Совершенствование правового регулирования судопроизводства при исполнении приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 13–14; Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса … С. 60–68; Пупышева Л. А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса … С. 85, 130–132.

[3] Волколуп О. В. Указ. соч. С. 203–208.

осуществляемым в рамках самостоятельной стадии исполнения приговора, завершающей производство по уголовному делу[1].

Особые позиции по исследуемому вопросу сформулированы А. А. Суминым, предлагающим преобразовать стадию исполнения в стадию «обращения приговора к исполнению», исключив из нее (и вообще из УПК РФ) все предусмотренные главой 47 уголовные производства[2], а также А. Б. Диваевым и И. А. Земеровым, которые придают деятельности по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора, значение дополнительного уголовно-процессуального производства, отделенного от стадии исполнения приговора, а содержание стадии исполнения ограничивают исключительно деятельностью по обращению приговора и других судебных решений к исполнению[3].

Сравнительный (критический) анализ различных научных позиций, мнений и точек зрения на природу, назначение и содержание уголовно-процессуальной деятельности, сопряженной с исполнением приговора или иного решения уголовного суда, через призму правовой регламентации данной деятельности, позволяют высказать следующие суждения по рассматриваемой проблеме.

1. В вопросах структурного выстраивания системы стадий уголовного процесса и их вычленения, последовательности и наименования, в целом теория ориентируется на соответствующие разделы УПК РФ, один из которых,

---

[1] Воронин О. В. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 10–11; Грищенко А. В. Институт исполнения приговора в уголовном судопроизводстве: автореф дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 11–13; Ложкина Л. В. Заключение под стражу осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы (вопросы теории и практики): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. С. 13; Тябина Ю. А. Уголовно-процессуальные правоотношения в стадии исполнения приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н.-Новгород. 2016. С. 17–18; Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 35–45.

[2] Сумин А. А. Стадия исполнения приговора не должна присутствовать в системе стадий уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 79–81.

[3] Диваев А. Б. Обращение к исполнению приговоров, определений, постановлений – завершающая стадия производства по уголовному делу // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1. С. 149–159; Диваев А. Б., Земеров И. А. Правовая природа деятельности по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора // Вестник Кузбасского института. 2020. № 3. С. 93–104.

регулирующий деятельность, поставленную после производства в суде второй инстанции, назван «раздел XIV. Исполнение приговора». Это обстоятельство дает повод для утверждения, что «исполнение приговора» определено в качестве стадии уголовного судопроизводства на законодательном уровне, т. е. нормативно[1]. Однако такой аргумент сам по себе (без подкрепления другими вескими доводами) не выглядит убедительным и достаточным, если иметь ввиду, что разделы УПК РФ знаменуют собой не только расчленение уголовного судопроизводства на стадии, но и выделение в нем отдельных видов производств и особых процессуальных форм, именуя все эти структурные элементы общим термином «производство», на что было обращено внимание выше.

2. Исполнение приговора или иного итогового решения суда по уголовному делу – важный компонент деятельности по урегулированию уголовно-правового конфликта, необходимый для восстановления социальной справедливости и устранения негативных последствий общественно-опасного (преступного) деяния в виде нарушения защищаемых законом прав и интересов. В механизме осуществления судебной власти посредством уголовного судопроизводства исполнение решений уголовного суда предстает завершающим этапом, обеспечивающим реализацию права на судебную защиту (в концепции ст. 6 Европейской конвенции – права на справедливое судебное разбирательство)[2] и достижение целей уголовного правосудия и назначения уголовного судопроизводства в целом. В этом отношении, казалось бы, имеется веский резон выделять исполнение приговора и иных итоговых решений суда по уголовному делу в качестве отдельной стадии (этапа) уголовного судопроизводства.

Однако формально в рамках УПК РФ это затруднительно произвести из-за отсутствия в уголовном процессе однообразного порядка исполнения всех судебных решений, который невозможно установить по ряду причин: во-первых, ввиду видового разнообразия решений уголовного суда, которые не только

---

[1] Воронин О. В. Указ. соч. С. 10–11; Камардина А. А. Исполнение приговора как стадия уголовного судопроизводства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 3. С. 64; Качалов В. И. Указ. соч. С. 30–31, 35.

[2] См.: Воскобитова Л. А. Теоретические основы судебной власти. С. 246–254.

многочисленны, но и различны по характеру, содержанию, значимости, моменту принятия, правовым последствиям и т.д.; во-вторых, в силу множественности видов уголовных производств, осуществляемых судами в различные периоды движения уголовного дела и отличающихся содержанием итоговых решений; в-третьих, вследствие межотраслевого характера правового института исполнения уголовно-процессуальных судебных решений, включающего в себя положения уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, гражданского, исполнительного законодательства и нормы других отраслей российского права.

Единообразно для всех решений уголовного суда установлен лишь порядок их обращения к исполнению – по вступлению в законную силу (с учетом имеющихся исключений) судом первой инстанции, рассматривавшим дело, путем направления субъекту исполнения копии соответствующего решения (статьи 391, 393 УПК РФ). В остальной части и на последующих этапах исполнение судебных решений весьма дифференцировано.

Часть судебных решений: а) менее значительные и в большинстве вспомогательные (организационные, обеспечительные) решения; б) итоговые решения в некоторой, незначительной их части (например, об уничтожении или передаче соответствующим лицам или органам находящихся в распоряжении суда вещей и предметов, являющихся вещественными доказательствами или подвергнутым аресту имуществом[1]), в) решения судебно-контрольных инстанций об отмене решений нижестоящих судов и направлении дела на новое судебное рассмотрение, – исполняется непосредственно судами. В этом случае обращение решения к исполнению как таковое не производится.

Другая часть решений уголовного суда направляется для исполнения государственным органам, должностным лицам или руководителям организаций,

[1] Уничтожение по приговору (постановлению, определению) суда вещественных доказательств, поступивших в суд первой инстанции вместе с делом и хранящихся в суде до вступления приговора или иного итогового решения в законную силу, производят работники этого суда в составе специально создаваемой комиссии (п.11.11 Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде).

предприятий, учреждений, которые: а) уполномочены выполнять предписанные законом единичные разовые процессуальные действия властного характера, вытекающие из судебного решения, такие как освобождение лица из-под стражи, осуществление привода неявившегося в судебное заседание лица, отмена признанного судом незаконным процессуального решения органа предварительного расследования или прокурора; б) обязаны решением суда предпринять конкретные действия, например: хранить арестованное имущество, временно отстранить обвиняемого или подозреваемого от должности, произвести судебную экспертизу, передать (реализовать, уничтожить) вещи или предметы, относящиеся к определенному виду вещественных доказательств, принять предупредительные меры по частному постановлению, определению суда.

Наиболее значимые, итоговые решения уголовного суда (прежде всего, приговоры) в той части, которая предполагает принудительное их исполнение, например: о заключении лица под стражу, о назначении уголовного наказания, иной меры уголовной ответственности (в виде штрафа или конфискации) либо принудительных мер медицинского характера или воспитательного воздействия, об имущественном взыскании – исполняются специально уполномоченными исполнительными органами государственной власти (органами Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы судебных приставов, Министерства внутренних дел и другими) и специальными государственными учреждениями здравоохранения и образования.

Деятельность этих органов и учреждений по непосредственному исполнению приговора и иных решений уголовного суда в большей части проходит в рамках не уголовно-процессуальных, а иных правовых отношений, поскольку регламентирована не уголовно-процессуальным законом, а иными законодательными актами: Уголовно-исполнительным кодексом РФ[1] (далее – УИК РФ), Федеральным законом от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (в редакции от 11.06.2022 г.) // СЗ РФ.1997. № 2, Ст. 198.

стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления»[1], Федеральным законом от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»[2] (далее – ФЗ об исполнительном производстве) и т.д., поэтому не относится к сфере уголовного судопроизводства и не может включаться в систему уголовного процесса (уголовного правосудия).

Согласно действующему правовому регулированию (гл. 47 УПК РФ) уголовное судопроизводство охватывает не фактическое (непосредственное) исполнение судебных решений как таковое, а судебную деятельность по рассмотрению отдельных, отнесенных к компетенции суда вопросов, возникающих в ходе исполнения приговора или иного итогового судебного решения по уголовному делу, и сопутствующую ей процессуальную деятельность вышеуказанных исполнительных органов и учреждений по инициированию судебного рассмотрения правовых вопросов, предусмотренных ст. 397, 398 (и др.) УПК РФ, и участию в судебном разбирательстве по ним.

Таким образом, обособленная часть уголовного судопроизводства, регламентированная главами 46 и 47 УПК РФ и традиционно именуемая «стадией исполнения приговора», не включает собственно исполнительных действий ни по приговору, ни по какому-либо иному процессуальному решению уголовного суда, а ограничена действиями суда по обращению решений к исполнению (направлению их соответствующим субъектам исполнения) и разрешению разноплановых правовых вопросов, возникающих в процессе исполнения судебных решений уполномоченными на то органами и учреждениями и требующих вмешательства суда.

Стало быть, название стадии «исполнение приговора» не отвечает характеру и содержанию включенной в нее процессуальной деятельности, которая, во-первых, представляет собой не исполнение, а скорее судебное обеспечение

---

[1] Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления» (в редакции от 11.06.2022 г.) // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

[2] Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в редакции от 14.07.2022 г.) // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст.4849.

надлежащего исполнения, а во-вторых, касается не только приговоров, но и иных судебных решений: постановлений (определений) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, о назначении, продлении или изменении принудительных мер медицинского характера, о применении, изменении, продлении срока и отмене принудительных мер воспитательного воздействия, о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, а также постановлений и определений вышестоящих судебных инстанций (апелляционной, кассационной и надзорной), которыми внесены изменения в приговоры или иные итоговые решения суда первой инстанции и которые подлежат исполнению одновременно и в совокупности с соответствующими (измененными ими) решениями суда первой инстанции. В этой связи данную стадию судопроизводства (если признавать ее наличие) следовало бы переименовать в соответствии с ее сущностью и реальным содержанием.

Такое положение вещей, при котором уголовный суд не осуществляет принудительное исполнение своих итоговых решений и эта исполнительная деятельность выведена за пределы уголовного судопроизводства (правосудия), согласуется с конституционным разделением государственной власти в Российской Федерации на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10 Конституции РФ) и вовсе не противоречит содержанию провозглашенного в ст. 6 Европейской конвенции и в других международно-правовых актах права на справедливое судебное разбирательство, составной частью которого, по интерпретации ЕСПЧ[1], является право на исполнение судебного решения, т. к. отнесение права на исполнение судебного решения к сфере регулирования ст. 6 Европейской конвенции преследует сугубо практические цели – обеспечение, в рамках предоставленного Конвенцией инструментария, конечного результата

[1] См.: Постановление ЕСПЧ по делу «Хорнсби против Греции» (Hornsby v. Greece) от 19 марта 1997 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М., 2000. С. 428–439; Постановление ЕСПЧ от 07.05.2002 г. по делу «Бурдов (Burdov) против России» (жалоба № 59498/00) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ЕСПЧ по делу «Бурдов против Российской Федерации (№ 2)» [Burdov v. Russia]) от 15 января 2009 г., (жалоба № 33509/04) // Российская хроника Европейского Суда. 2009. № 4.

правосудия – восстановления нарушенных прав, без которого правосудие немыслимо, и безотносительно к тому, является ли исполнительное производство самостоятельным процессом или же частью судопроизводства[1].

3. Главным, фигурирующим в юридической литературе аргументом в поддержку тезиса о существовании стадии исполнения приговора служит неоспоримое в принципе утверждение о том, что процессуальная деятельность суда, обособленная в разделе XIV УПК РФ, выполняет собственные непосредственные задачи (обратить решение в исполнение и разрешить все возникающие перед судом в процессе исполнения правовые вопросы), характеризуется определенным кругом участников и особым характером складывающихся между ними процессуальных отношений, содержит в себе уголовно-процессуальное доказывание, осуществляется в специфических процессуальных формах (порядке) и завершается свойственными только этой деятельности судебными решениями[2]. Совокупность этих признаков позволяет выделять ту или иную часть уголовно-процессуальной деятельности в процессуально обособленное, организационно цельное, логически и формально завершенное производственное образование. Но почему, спрашивается, в виде отдельного этапа (стадии) «производственного процесса», а не его разновидности?

Вышеуказанные признаки, по которым принято различать стадии уголовного судопроизводства, в той же мере характерны и для уголовных производств и точно также как и в отношении стадий дают возможность обнаружить отличительные особенности разных видов уголовных производств. В

---

[1] Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под. ред. Т. Г. Морщаковой. М., 2012. С. 175–176.

[2] Перлов И. Д. Исполнение приговора в советском уголовном процессе. С. 6–8; Ложкина Л. В. Указ. соч. С. 13; Камардина А. А. Исполнение приговора как стадия уголовного судопроизводства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 3. С. 64–66; Иванов В. В. Современные проблемы исполнения приговора // Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. М., 2013. С. 441; Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе ... С. 36–39; Мичурина О. В. Указ. соч.; Свиридов М. К. Отраслевая принадлежность норм, регулирующих судебную деятельность по исполнению приговора. С. 87–88.

этом нет ничего странного и противоречивого, если помнить, что виды и стадии уголовного судопроизводства суть структурные характеристики одной и той же системы – уголовного процесса. И виды, и стадии делят (продольно и поперечно) уголовный процесс на обособленные части, которые, будучи производными от единого целого, не могут не иметь общих признаков построения и принципов функционирования. Хотя деления по видам и стадиям происходят по разным направлениям (в разных плоскостях), получаемые в результате условные части уголовно-процессуальной деятельности накладываются «крест-накрест» друг на друга, образуя производства, дифференцированные сразу по двум критериям, к примеру: «производство по уголовному делу в суде апелляционной инстанции» или «рассмотрение судом первой инстанции ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении», и не приводят к разрыву уголовного судопроизводства, его делению на абсолютно независимые сегменты.

4. Приведенный путь рассуждений порождает, казалось бы, проблемный вопрос: как в таком случае определить, чем является та или иная часть уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальной деятельности) – самостоятельным видом уголовного производства или его отдельной стадией? В действительности проблемы здесь не существует. Данный вопрос каждый раз, в том числе и применительно к процессуальной деятельности в период исполнения приговора и иного итогового решения суда, должен решаться посредством предметного критерия, выполняющего роль *главного и первоначального разграничителя уголовных производств на виды*, а затем уже с помощью дополнительного фактора – стадийного построения процессуальной деятельности.

Под предметом уголовного процесса в литературе обычно понимается «то, по поводу чего уголовный процесс движется, то, чего уголовно-процессуальная деятельность касается, то, вокруг чего она «вращается»[1]. Предмет уголовного процесса конкретизируется применительно к каждому ведущемуся в порядке

[1] Мотовиловкер Я. О. Предмет советского уголовного процесса. Ярославль. 1974. С. 5; Якимович Ю. К. Структура уголовного процесса: система стадий и система производств. основные и дополнительные производства // Якимович Ю. К. Избранные труды. СПб, 2011.С. 149.

уголовного судопроизводства юридическому (судебному) делу, в рамках которого подлежащий разрешению правовой вопрос (комплекс вопросов) содержательно детализируется и необходимым образом формализуется (закрепляется). Деление процесса на стадии означает рассмотрение материалов одного и того же дела в несколько этапов. Объем данных материалов может меняться, но предмет процесса при этом остается неизменным. Каждая стадия – это этап рассмотрения дела, одновременно являющийся предпосылкой для последующего его продвижения[1].

Если у сопоставляемых частей уголовно-процессуальной деятельности предмет производства (юридического дела) в целом един и отличается только степенью конкретизации, тогда налицо целостное уголовное производство, а исследуемые части могут представлять собой лишь его последовательные стадии. И наоборот, если разбирательству в рамках обособленных производств подлежат различные виды (категории) юридических дел, определяемые собственным предметом и отличающиеся по подлежащему разрешению основному правовому вопросу, можно быть уверенным, что мы имеем дело с самостоятельными уголовными производствами. Задачи производства во многом обусловлены его предметом и в совокупности с последним задают ту направленность уголовному производству, которая позволяет по обоснованному утверждению Ю. К. Якимовича разграничивать судопроизводство на различные виды.

Нельзя не заметить, что и первичная (на конституционном уровне) дифференциация отечественного судопроизводства (правосудия) на виды: конституционное, гражданское, административное и уголовное – произведена, прежде всего, по предметному принципу (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ), который раскрывается в отраслевом процессуальном законодательстве, определяет для каждого вида судопроизводства свою специфическую область правоотношений и категорию правовых споров (юридических дел), детерминирующих в свою

[1] Николюк В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения. С. 18.

очередь перечень особых задач и набор специфических процессуальных средств, свойственных для определенного вида судопроизводства.

Производство по уголовному делу ведется по поводу общественно-опасного (зачастую неочевидного) деяния и направлено на установление наличия или отсутствия уголовно-правового отношения. Основными вопросами уголовного дела, подлежащими разрешению судом, являются вопросы о виновности лица в инкриминируемом ему деянии, об уголовной ответственности и наказании виновного лица либо применении к лицу, совершившему общественно-опасное деяние, иных мер уголовно-правового характера (воздействия). Обозначенный предмет производства по уголовному делу един и неизменен на всем его протяжении. На каждой стадии судопроизводства предмет уголовного дела и связанный с ним предмет доказывания могут уточняться, конкретизироваться и даже «сужаться» в зависимости от степени познания и доказанности обстоятельств дела и пределов требований, изложенных в процессуальных обращениях к суду (обвинительном заключении, акте или постановлении, в апелляционной, кассационной или надзорной жалобе и представлении), порождающих очередную стадию производства по уголовному делу, но при этом всегда останутся в пределах, определенных характером и содержанием подлежащего урегулированию уголовно-правового конфликта и в обобщенном виде установленных в нормах уголовно-процессуального закона.

Предметом судебного рассмотрения и разрешения в порядке регламентированного главой 47 УПК РФ производства являются правовые вопросы, ни один из которых не входит в предмет уголовного дела. Практически все исследователи (и сторонники, и противники выделения стадии исполнения приговора) сходятся во мнении, что предусмотренные в статьях 397, 398 и 400 УПК РФ вопросы отличны от правовых вопросов, разрешаемых в уголовном деле (ст. 299 УПК РФ), как по своему правовому характеру и содержанию, так и по фактическим основаниям их возникновения[1], что предопределяет собственный

[1] Швецов В. И. Указ. соч. С. 11, 16; Свиридов М. К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск, 1978. С. 109–110; Волколуп О. В. Система уголовного

предмет исследования и доказывания по судебным делам такого рода. Следовательно, деятельность суда по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора, «не касается установленных приговором фактических обстоятельств уголовного дела»[1] и не может рассматриваться как логическое продолжение предшествующего производства по уголовному делу, как «продолжение правосудия по основному уголовному делу», на чем продолжает настаивать в одной из своих последних статей профессор М. К. Свиридов[2].

5. Большинство процессуалистов, глубоко исследующих сопряженную с процессом исполнения актов правосудия деятельность уголовного суда, не ограничиваются указанием на стандартный набор специфических особенностей, которыми, как принято считать, все стадии процесса отличаются друг от друга, а обращают внимание на особую специфичность и процедурное своеобразие стадии исполнения приговора, подчеркивают ее неординарность, атипичность, «самобытность», которые, помимо наличия собственного предмета и специфических задач, выражаются в следующих основных моментах[3]:

а) «исполнение приговора» – смешанная стадия, механически составленная из двух разнородных, не связанных друг с другом компонентов: действий суда по обращению судебных решений к исполнению и процессуальной деятельности

судопроизводства и проблемы ее совершенствования. С. 204–206; Ложкина Л. В., Татьянина Л. Г. Виды и формы производств, осуществляемых в стадии исполнения приговора. С. 141–142; Червоткин А. С. Процессуальные особенности рассмотрения вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора // Российская юстиция. 2015. С. 23; Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса … С. 61; Николюк В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания … С. 24.

[1] Николюк В. В. Указ. соч. С. 34.

[2] Свиридов М. К. Отраслевая принадлежность норм, регулирующих судебную деятельность по исполнению приговора // Вестник ТГУ. Право. 2020. № 36. С. 87.

[3] Добровольская Т. Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговоров. С. 20; Свиридов К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. С. 109–110, 137; Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве. М., 2006 С. 8–18; Бибило В. Н. Уголовно-процессуальное регулирование исполнения приговора // Бибило В. Н. Проблемы юриспруденции: избранные труды. Минск, 2010. С. 383; Камардина А. А. Исполнение приговора как стадия уголовного судопроизводства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 3. С. 64–66; Николюк В. В. Указ. соч. С. 12–35; Головко Л. В. Исполнение обвинительного приговора … С. 1203–1206; Качалов В. И. Указ. соч. С. 36–38.

суда по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора или иного судебного решения;

б) стадии исполнения свойственны множественность и разнохарактерность (по Д. В. Тулянскому – «полифоничность») разрешаемых судом правовых вопросов и обусловленное этими обстоятельствами отсутствие единого предмета исследования;

б) разбирательство по этим вопросам производится судом без истребования, изучения и использования материалов уголовного дела (востребованными являются только сами акты правосудия, с исполнением которых связан рассматриваемый вопрос)[1];

в) стадия исполнения приговора весьма аморфна, четко не ограничена ни временными, ни процедурными рамками и имеет дискретный (прерывистый) характер;

г) для нее не определено завершающее (итоговое) решение, которым констатировалось бы выполнение задач стадии и исчерпание ее содержания;

д) стадия исполнения не выполняет никаких контрольных функций по отношению к предшествующим ей стадиям и не создает никаких предпосылок для возникновения стадий последующих.

Предусмотренные статьями 397, 398, 400, частями 3–4 ст. 432, ч. 1 ст. 446 и другими нормами УПК РФ правовые вопросы, относимые к предметной сфере стадии исполнения, обусловлены разнохарактерными, имеющими разное юридическое значение и даже различную правовую природу обстоятельствами (юридическими фактами) и соответствующими правоотношениями, которые порождаются этими обстоятельствами. Будучи разнородными по своему происхождению, сущности, содержанию и потому в большинстве своем не связанными друг с другом, данные вопросы могут возникать и возникают в любой

[1] Исключением является рассмотрение вопросов, предусмотренных пунктами 11 и 15 ст. 397 УПК РФ, которое так или иначе предполагает обращение к содержащимся в уголовном деле процессуальным документам, но данные вопросы, исходя из их содержания, не вытекают из обстоятельств, возникающих в процессе исполнения соответствующего судебного решения, и по своей сути не вписываются в характерные признаки предмета стадии исполнения приговора, о чем подробнее речь пойдет в разделе 3.3 диссертации.

момент исполнения приговора или иного судебного решения на всем его протяжении, безотносительно друг к другу.

Вследствие этого деятельность суда на данном отрезке (в данной точке) судопроизводства не приобретает сплошного и поэтапного характера, а разбивается на множество независимых друг от друга судебных разбирательств, проводимых каждый раз, когда в процессе исполнения приговора или иного судебного решения возникает и ставится на разрешение уголовного суда тот или иной правовой вопрос из числа подлежащих рассмотрению в порядке ст. 399 УПК РФ. При этом отсутствуют внутренние динамические связи между отдельными частями уголовно-процессуальной деятельности, свойственные стадии как целостной ступени развития уголовного производства, а разнонаправленные и не имеющие единого предмета судебные разбирательства не синхронизируются по времени, не могут быть объединены процедурно, не образуют между собой логической последовательности, поэтому не составляют в совокупности единого уголовного производства.

По указанным причинам невозможно определить и завершающий стадию уголовно-процессуальный акт, который знаменовал бы собою выполнение задач стадии и ее окончание, что не вписывается в общетеоретические представления об уголовно-процессуальных стадиях и их конституирующих признаках. Фактически получается, что началом и окончанием (в виде итогового решения) обладает не сама стадия в целом, а ее отдельные элементы, из множества которых она состоит[1]. Таким образом, отсутствует цельность и логическая завершенность данного сегмента уголовного процесса как с точки зрения достижения задач исполнения приговора, так и связанности его отдельных процессуальных фрагментов.

Далее. Стадия исполнения не вписывается в общую систему стадий и не имеет в ней четко определенного места. Условно говоря, она – «плавающая» стадия. По общему правилу исполнение итогового судебного решения и предшествующее ему обращение к исполнению производится по вступлении

[1] Головко Л. В. Указ. соч. С. 1204.

судебного акта в законную силу, а это может произойти как в заключительной фазе производства в суде первой инстанции (если решение не обжаловано), так и по завершению апелляционного производства. С учетом того, что «исполнительная деятельность» суда в части, регламентированной гл. 46 УПК РФ, включает в себя действия по обращению к исполнению любых судебных решений, в том числе и решений вышестоящих инстанций, нельзя не признать, что она возникает не только после апелляции, но и после стадии кассации и внутри ее (если принять во внимание многоступенчатость этой формы пересмотра судебных решений), а также по истечении надзорного производства. А если принять в расчет немедленное исполнение целого ряда решений уголовного суда, непосредственно после их провозглашения (разрешение производства следственных действий, применение или отмена меры пресечения, оправдание и др.), то обнаружится, что стадия исполнения «начинает вклиниваться» и в предшествующие стадии производства по уголовному делу.

Относительно стадии исполнения не наблюдается и необходимого с позиции требований системности уголовного процесса уровня взаимодействия с другими примыкающими к ней стадиями. Поскольку в судебных делах по вопросам, связанным с исполнением приговора или иных судебных решений, наличествует собственный, отличный от уголовного дела предмет рассмотрения и предмет доказывания, суд устанавливает фактические основания принятия процессуального решения *впервые* и в процессе их познания, как правило, не обращается к материалам уголовного дела и содержащимся в них сведениям, а оперирует иными, специфическими источниками доказательственной информации о вновь возникших в период исполнения обстоятельствах, которые на момент производства по уголовному делу попросту не существовали и поэтому не могли быть в нем зафиксированы. Из этого следует, что между относимой к стадии исполнения приговора процессуальной деятельностью и предшествующим производством по уголовному делу *отсутствует гносеологическая преемственность*, с необходимостью присущая последовательным стадиям (этапам) единого уголовно-процессуального производства.

Кроме того, ввиду завершенности самого производства по уголовному делу (приговор вынесен и вступил в законную силу) и отсутствия общего с ним предмета познания и доказывания, при рассмотрении предусмотренных в стадии исполнения вопросов суд не контролирует (не проверяет и не оценивает) ход и результаты предшествующей уголовно-процессуальной деятельности. Они суду безразличны, т. к. не имеют значения для принятия решения по рассматриваемому вопросу и не влияют на его правосудность, тогда как общей закономерностью системы уголовного процесса является то, что на каждой последующей стадии производится проверка достоверности и законности результата, достигнутого на предшествующей стадии[1]. В данной же фазе судопроизводства контроль осуществляется судом не за законностью производства по уголовному делу и принятых по нему решений (для этих целей предназначены другие стадии – судебно-проверочные), а за принудительным исполнением приговора или иного судебного решения уполномоченным на то государственным органом (учреждением), т. е. по сути за деятельностью, протекающей вне уголовного процесса.

Предусмотренное п. 15 ст. 397 УПК РФ полномочие суда разъяснять в порядке ст. 399 УПК РФ возникшие сомнения и неясности вследствие ошибок и недостатков, допущенных при постановлении приговора или иного итогового решения суда, является частным, нетипичным случаем[2], не меняющим общей картины неподконтрольности исполняемых актов правосудия суду, действующему в предполагаемой стадии исполнения.

Не создает судебная деятельность по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора, никаких предпосылок и для возникновения *в производстве по уголовному делу* последующих стадий[3], наступление которых возможно после обращения приговора или иного судебного решения в законную силу (главы 47.1, 48.1, 49 УПК РФ). То обстоятельство, что решения суда первой

---

[1] Петрухин И. Л. Уголовный процесс. С. 12.

[2] Подробнее об этом см. в § 3 главы 4-й.

[3] Данное суждение изначально высказано Т. Н. Добровольской (См.: Добровольская Т. Н. Указ. соч. С. 20)

инстанции по вопросам исполнения могут обжаловаться в вышестоящие судебные инстанции, не опровергает изложенный выше тезис, поскольку такое развитие событий происходит не в русле стадийного движения уголовного дела (не смешивается с ним), а в рамках отдельного уголовного производства, имеющего собственные «процессуальные переходы» к последующим стадиям. Спорная стадия исполнения приговора или иного акта уголовного правосудия не содержит никаких оснований для его пересмотра в кассационном или надзорном порядке, а также не порождает новых обстоятельств и «не открывает вновь» ранее скрытые по уголовному делу обстоятельства. Все эти предпосылки дальнейшего движения уголовного дела зарождаются вне стадии исполнения и в ней никак не проявляются. Пересмотр (прежде всего в апелляционном порядке) решений, принимаемых в стадии исполнения приговора и являющихся по своей природе и содержанию решениями суда первой инстанции, образует свою собственную линию контрольно-проверочной деятельности вышестоящих судебных инстанций, а вместе с первичным рассмотрением дел в порядке ст. 399 УПК РФ – новую, отдельную от стадийного движения уголовного дела цепочку судебных стадий.

Совокупность проанализированных нами специфических особенностей уголовно-процессуальной деятельности «по исполнению приговора» не просто ставит под сомнение существование стадии исполнения приговора, а достигает такого уровня «критической массы», на котором обращается в веские основания для перерастания сомнений в твердую убежденность в том, что осуществляемая в порядке гл. 47 УПК РФ деятельность не входит в «исполнительную стадию» производства по уголовному делу (или уголовного процесса в целом), а представляет собой конгломерат своеобразных, отделенных от уголовного дела уголовно-процессуальных производств, которые не ограничиваются разрешением только вопросов исполнения приговора (наказания).

6. Стадийный характер деятельности суда по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением актов уголовного правосудия, который зачастую замалчивается сторонниками концепции «стадии исполнения», со всей

очевидностью указывает на принадлежность этой деятельности к самостоятельному типу (видам) уголовного производства, отделенному от уголовного дела.

Правовые вопросы, связанные с исполнением приговора, разрешаются судом первой инстанции, но его постановления могут быть обжалованы в вышестоящие суды и пересмотрены ими в апелляционном (ч. 1 ст. 401 УПК РФ) и далее в кассационном и надзорном порядках. Кроме того, заключительные (результирующие) решения суда по любому из вопросов, разрешаемых в порядке ст. 399 УПК РФ, в свою очередь по вступлении в законную силу обращаются к исполнению наравне с приговорами и иными итоговыми решениями суда по уголовному делу и в едином для всех судебных решений порядке (гл. 46 УПК РФ). Таким образом, налицо стадийное построение исследуемой нами деятельности, присущее уголовному судопроизводству в целом.

Подобное деление внутри стадии не осуществимо, поскольку неизбежно выходит за ее пределы и разрушает организационную целостность и процессуальную завершенность стадии, уничтожает ее «морфологию». Любая стадия процесса, безусловно, имеет собственную структуру и деление на определенные логические этапы, но эти этапы есть элементы структуры более низкого порядка, они индивидуальны для каждой стадии и не могут сопоставляться, уравниваться со структурными элементами системы более высокого уровня, каковым по отношению к отдельным стадиям выступает уголовный процесс в целом.

При оперировании же понятием «стадия исполнения приговора» получается, на этом акцентирует внимание В. В. Николюк[1], что одни и те же элементы уголовного процесса – стадии – одновременно выступают элементами системы и более высокого (производства по уголовному делу), и более низкого (стадия исполнения приговора) порядка, что неизбежно нарушает

[1] Николюк В. В. Научная полемика конструктивна, когда она не становится «околонаучной» (в связи со статьей М. К. Свиридова «Отраслевая принадлежность норм, регулирующих судебную деятельность по исполнению приговора») // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 4. С. 186.

(«автоматически детонирует») законы системного построения сложно-структурного явления, каковым является уголовный процесс, и препятствует правильному восприятию и пониманию единой системы уголовного процесса.

7. В наиболее распространенной интерпретации содержание стадии исполнения приговора включает в себя деятельность по обращению к исполнению приговоров, определений и постановлений суда (гл. 46 УПК РФ) и деятельность по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговоров (гл. 47 УПК РФ), которые представляют собой малосвязанные друг с другом, различные по характеру, содержанию, объему и значению части судебной деятельности, не имеющие общих задач, субъектов и процессуальной формы, в том числе сроков их осуществления, и видимо с учетом этих обстоятельств регламентированы законодателем в отдельных главах УПК РФ.

Следование данной трактовке содержательной стороны стадии исполнения вызывает необходимость согласовать плохо совмещаемые, разновеликие и разнонаправленные части процессуальной деятельности, первая из которых представляет собой весьма ограниченный набор одинарных, одномоментно выполняемых процессуальных действий, а вторая – всю многочисленную совокупность полноценных судебных производств исполнительного типа, что приводит процессуалистов, признающих исполнение приговора самостоятельной стадией уголовного процесса, к искусственным конструкциям, предполагающим деление стадии исполнения приговора на отдельные этапы (первый и второй, «активный» и «пассивный», этап «обращение к исполнению» и следующие за ним этапы: «подготовка и назначение судебного заседания», «судебное разбирательство», «обжалование вынесенного судебного решения», «исполнение постановления»)[1] и (или) вычленение в отстаиваемой стадии отдельных структурных элементов (обязательных и «необязательных», «непостоянных»,

[1] Левченко О. В., Гужва О. В. Теоретическое осмысление места института исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 1. С. 135; Тябина Ю. А. Уголовно-процессуальные правоотношения в стадии исполнения приговора. С. 22–23; Шабанов В. Б., Буданова Л. Ю. Проблемы, возникающие при рассмотрении и разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 1. С. 25–26.

факультативных)[1] либо констатацию наличия самостоятельных форм ее существования [2].

А. Б. Диваев и И. А. Земеров, придя к обоснованному выводу о том, что деятельность по обращению приговора к исполнению и деятельность по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, настолько отличны друг от друга по своим признакам, что не могут составлять содержание единой уголовно-процессуальной стадии, ограничивают содержание стадии исполнения приговора как завершающего этапа основного правоприменительного процесса, каковым по сути выступает производство по уголовному делу, только действиями по обращению приговора к исполнению[3].

При таком подходе, означающем удаление из «стадии исполнения приговора» всей совокупности осуществляемых судом уголовных производств – в реальной действительности такие случаи, когда при исполнении актов правосудия перед судом не ставится никаких вопросов, достаточно распространены – в ней остается лишь деятельность уголовного суда по обращению судебных решений к исполнению («пассивный этап стадии исполнения», как ее характеризуют О. В. Левченко и О. В. Гужва[4]), которая никак не может претендовать на статус самостоятельной стадии судопроизводства. Данная деятельность заключается в однократных простых действиях – направлении в соответствующий орган или учреждение, на которые возложено исполнение судебного акта, копии судебного решения (ст. 393 УПК РФ), и дополнительно – в случае наложения штрафа или иного имущественного взыскания – исполнительного листа (глава 12 ФЗ об исполнительном производстве), носит исключительно распорядительный характер, не имеет единой временной привязки (если только эту операцию не

---

[1] Бибило В. Н. Уголовно-процессуальное регулирование исполнения приговора // Право и демократия: сб. науч. тр. Минск, 2003. Вып. 14. С. 286–293; Левченко О. В., Гужва О. В., Караева А. А. Рассмотрение судом вопросов, связанных с исполнением приговора. С. 26.

[2] Головко Л. В. Указ. соч. С. 1206.

[3] Диваев А. Б. Обращение к исполнению приговоров, определений, постановлений – завершающая стадия производства по уголовному делу. С. 156; Диваев А. Б., Земеров И. А. Правовая природа деятельности по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора. С. 100, 102.

[4] Левченко О. В., Гужва О. В. Указ. соч. С. 135.

ограничивать обращением к исполнению приговора), не предполагает участие других субъектов уголовного процесса, не включает в себя никаких правоприменительных действий и не заканчивается принятием итогового судебного решения, поэтому по верной оценке профессора В. В. Николюка «никак не вписывается в критерии стадии уголовного судопроизводства»[1] и не может быть признана в качестве таковой.

Как уже отмечено выше, действия по обращению к исполнению выполняются судом в отношении не только итоговых решений по уголовному делу (приговора, постановления или определения о прекращении уголовного дела и т.д.), но и в отношении многочисленных промежуточных процессуальных решений, подразумевающих «внешнее исполнение», т. е. требующих конкретных исполнительных действий соответствующих органов, учреждений, организаций и должностных лиц, уполномоченных на то законом или решением суда, например, постановления суда о приводе, о заключении лица под стражу, о назначении и проведении судебной экспертизы, о наложении ареста на имущество, об объявлении розыска подсудимого, о возвращении дела прокурору и другие.

При этом следует заметить, что содержание правовых норм главы 46 УПК РФ не дает основания ограничивать понятие «обращение к исполнению» действиями, касающимися только итоговых решений по уголовному делу, а позволяет распространять действие этих предписаний на случаи обращения к исполнению решений уголовного суда по результатам рассмотрения судебно-контрольных, реабилитационных, компенсационных дел и дел по вопросам исполнения судебных решений, а также промежуточных судебных решений вспомогательного, обеспечительного характера. Во всяком случае, иных нормативных правил обращения к исполнению таких решений законом не установлено, и, следовательно, эта деятельность неизбежно (при отсутствии прямых ограничений) подпадает под действие норм главы 46 УПК РФ.

---

[1] Николюк В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания … С. 32.

Исходя из такого расширенного понимания сферы применения норм о порядке обращения к исполнению приговоров, определений и постановлений суда, следует признать, что действия по обращению к исполнению судебных решений имеют место в любом уголовном производстве и не только в завершающей фазе правоприменительного цикла, но и по ходу производства по судебному делу, когда судом совершаются отдельные акты правоприменения.

Несмотря на всю важность для достижения конечных целей уголовного судопроизводства, совокупность предусмотренных законом процессуальных действий по обращению к исполнению судебного решения вне зависимости от характера последнего не только не образует стадии уголовного производства (стадии уголовного процесса), но даже не представляет собой полноценной судебной процедуры (отдельного правоприменительного акта), поскольку не включает в себя ни единого судебного решения и по сути (сама по себе) является реализацией правовых предписаний путем их исполнения.

Данные действия – обращение судебного решения к исполнению – включаются в комплекс исполнительно-обеспечительных действий и процедур, следующих за вынесением итогового судебного решения (направление копий решений уголовного суда участникам судопроизводства и исполняющим его субъектам, рассмотрение замечаний на протокол судебного заседания, вынесение дополнительных, уточняющих или дополняющих, решений), которыми завершается любое уголовное производство в суде первой инстанции и которые предназначены для обеспечения процессуальных прав сторон и надлежащего исполнения вынесенного акта правосудия.

8. Попытки некоторых авторов – приверженцев стадии исполнения приговора совместить («примирить») атипичные проявления данной стадии с научно-обоснованными и теоретически состоятельными институциональными атрибутами (свойствами) системы стадий уголовного процесса приводят их к двусмысленным, спорным суждениям и очевидным противоречиям[1].

[1] Подобного рода сомнительные тезисы и выводы в большинстве своем подвергнуты обстоятельной и обоснованной критике в вышеуказанных работах В. В. Николюка, поэтому

Так, А. В. Грищенко, с одной стороны, ограничивает стадию исполнения приговора моментом вступления решения суда по уголовному делу в законную силу (начало стадии) и началом фактического отбывания осужденным назначенного наказания (завершение стадии), и включает ее наравне с другим элементом – особым производством по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в структуру «исполнительного производства по уголовным делам», но с другой стороны, относит к содержанию стадии исполнения приговора не только обращение приговора к исполнению, но и «судебный контроль за законностью исполнения отдельных предписаний приговора», а к ее основным задачам – рассмотрение и разрешение всех вопросов, связанных с исполнением приговора, тем самым «смешивает» выделенные ранее структурные элементы «исполнительного производства по уголовным делам»[1].

О. В. Гужва уверяет, что «стадия исполнения судебных решений может иметь место неоднократно по каждому уголовному делу в случае возникновения каких-либо вопросов, разрешаемых судом согласно ст. 397 УПК РФ», т. е. указывает на многократную повторяемость стадии, но тут же утверждает о том, что момент завершения стадии исполнения приговора «индивидуален для каждого итогового судебного решения и может заканчиваться как обращением приговора к исполнению, так и разрешением вопроса о снятии или погашении судимости спустя несколько лет после отбытия осужденным наказания», тем самым пытается обосновывает длящийся, непрерывный (в рамках одного уголовного дела) характер стадии[2].

В свою очередь Д. В. Тулянский, приблизившись к пониманию того, что уголовное судопроизводство не ограничивается уголовным делом, и придя к убеждению, что «стадийность как характерный признак процесса может иметь место и вне уголовного дела, когда само дело еще либо уже не существует», тем

здесь в порядке дополнения мы обращаем внимание лишь на некоторые высказывания сторонников критикуемой нами позиции.

[1] Грищенко А. В. Институт исполнения приговора в уголовном судопроизводстве: автореф дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 6–7, 11–13, 20–21.

[2] Гужва О. В. Теоретические и практические проблемы рассмотрения судом вопросов, связанных с исполнением приговора … С. 16.

не менее, не относит «появившуюся» стадийность к возникающим на данном этапе самостоятельным производствам, а делает вывод, что «как только допускается абстрагирование от уголовного дела, при исполнении приговора сразу же проявляются традиционные атрибуты любой стадии, что нейтрализует ее отличия от иных стадий уголовного процесса»[1].

При таком раскладе получается абсурдная ситуация: дела нет, а стадия есть. Возникает вопрос, по поводу чего и ради чего в таком случае продолжается уголовное судопроизводство. Очевидно, что ни самого процессуального производства, ни стадии как части производства без юридического дела быть не может. Чтоб признать наличие стадии, до́лжно исходить из существования юридического (судебного) дела и ведущегося по этому делу производства. Поэтому «абстрагированием от дела» проблему сочетания (состыковки) завершенного производства по уголовному делу и как бы «лишней», не вписывающейся в это производство стадии не решить.

В реальности в период исполнения приговора или иного судебного решения производство ведется не по уголовному (завершенному) делу, а осуществляется по иным судебным делам, обусловленным рассмотрением вопросов, связанных с исполнением судебных решений. И эта деятельность действительно обладает всеми признаками и атрибутами стадии уголовного процесса, но предстает не в качестве «особой» стадии производства по уголовному делу, а в качестве первоначальной стадии производства по судебно-исполнительным, как мы их называем, делам.

В завершение анализа сущности судебной деятельности, выполняемой в соответствии с главами 46 и 47 УПК РФ, в системной взаимосвязи с иной процессуальной деятельностью уголовного суда можно заключить, что:

1) деятельность по исполнению приговора или иного судебного решения не образует отдельной стадии уголовного судопроизводства, ни на уровне системы уголовного процесса в целом, ни в рамках отдельных уголовных производств, включая производство по уголовному делу;

---

[1] Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве … С. 11.

2) процессуальная деятельность уголовного суда по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением итоговых судебных решений по уголовному делу (гл. 47 УПК РФ), в совокупности представляет собой комплекс (симбиоз) отдельных, разнородных и разнопредметных уголовных производств, имеющих в уголовном судопроизводстве самостоятельное правовое значение;

3) распорядительные действия суда по обращению к исполнению приговора, определений и постановлений, предусмотренные главой 46 УПК РФ, следует относить к завершающему этапу любого осуществляемого судом уголовного производства или его стадии, включающему в себя исполнительно-обеспечительные действия, в обязательном порядке выполняемые после принятия итогового судебного решения, завершающего в рамках рассматриваемого дела тот или иной цикл правоприменения или правоприменительный процесс в целом.

§ 4. Общая характеристика и типология судебных производств в современном российском уголовном процессе

В науке уголовно-процессуального права под судебным (судебно-уголовным) производством понимается та часть уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальной деятельности), которая осуществляется судом. Следовательно, к ней применимы изложенные в предыдущем разделе диссертации теоретические положения и методологические подходы относительно системности и дифференциации уголовного судопроизводства, которые, как представляется, приемлемо положить в основу концепции единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств.

Деятельность современного уголовного суда, как отмечено ранее, хотя и протекает в рамках единого уголовного процесса, но весьма разнообразна и разнонаправлена, сопровождается вынесением различных процессуальных решений по множеству вопросов, которые приходится рассматривать суду в

порядке уголовного судопроизводства, и не ограничивается производством по уголовному делу, которое, как известно, начинается для суда моментом поступления дела в суд от прокурора и завершается обращением к исполнению вступившего в законную силу итогового решения[1]. Осуществляемая за пределами этого производства судебно-процессуальная деятельность характеризуется иным, отличным от уголовного дела, предметом судебного разбирательства и наличием специфических задач. Именно поэтому судебно-уголовное производство предстает не линейным и одинарным (ограниченным рассмотрением только уголовного дела), а достаточно разветвленным и охватывающим разрешение всего комплекса правовых вопросов, находящихся в ведении уголовного суда.

Судебно-уголовное производство как обобщенная в рамках всего уголовного процесса категория означает системное объединение всех возможных судебных производств в уголовном процессе, но вследствие своего абстрактного характера в правовой реальности не существует. На уровнях правового регулирования и практического воплощения имеют место соответственно виды судебных производств и единичные производства – правоприменительные циклы, означающие полноценное, завершенное рассмотрение и разрешение судом конкретных судебных дел.

В узком смысле судебное производство может рассматриваться как структурная единица, элемент системы деятельности суда по осуществлению уголовного правосудия. В этом аспекте судебное производство представляет собой синтез последовательных правоприменительных актов суда, осуществляемых в форме соответствующих судебных процедур, который может быть дополнен отдельными процессуальными действиями или их группами (*см. схему 2*).

В широком смысле судебное производство включает не только деятельность суда по осуществлению правосудия, но и взаимосвязанную с ней

[1] Продолжение или возобновление оконченного производства по уголовному делу возможно только в порядках пересмотра вступивших в законную силу приговора или иного итогового решения суда, которые имеют экстраординарный характер.

процессуальную деятельность других субъектов уголовного процесса, вступивших или вовлеченных в судебное производство. В этом значении судебное производство по содержанию совпадает с понятиями «уголовно-процессуальное производство» и «уголовное производство», которые употреблялись в предыдущем параграфе диссертации. За исключением основного уголовного производства (по уголовному делу), которое по объему шире судебного производства, так как в отличие от иных уголовных производств имеет в своей структуре досудебное производство, в котором властвуют органы уголовного преследования.

В рамках каждого судебного производства реализуется определенный вид уголовно-процессуальной деятельности суда, который выполняется по поводу строго определенной категории судебных дел (*см. схему 3*).

Итак, **судебное производство в уголовном процессе** можно определить как *обособленную часть уголовно-процессуальной деятельности суда по осуществлению уголовного правосудия, совершаемую при взаимодействии с другими участниками уголовного судопроизводства и представляющую собой структурно определенный и организационно завершенный комплекс судебных процедур и отдельных процессуальных действий, предназначенный для разрешения по существу конкретной разновидности юридических дел (правовых споров), отнесенных к компетенции суда и подлежащих рассмотрению в порядке уголовного судопроизводства*.

Судебные производства в зависимости от степени обобщения или конкретизации предмета и задач судебного рассмотрения подразделяются на типы и виды, которые в свою очередь дифференцируются по стадиям, по особенностям процессуальной формы и другим основаниям и криктериям, по которым судебные производства возможно классифицировать в различных научных целях.

В соответствии с предназначением уголовного процесса основным видом деятельности уголовного суда, безусловно, является рассмотрение и разрешение уголовных дел. Соответственно судебные производства по рассмотрению уголовных дел следует считать *основными*.

Переложив высказанные Ю. К. Якимовичем в отношении уголовного процесса суждения[1] на судебную деятельность (то, что истинно в отношении целого, верно и в отношении его части), можно констатировать, что в структуре уголовного правосудия основные судебные производства занимают главенствующее положение, как по своему назначению, так и по объему отведенной для них процессуальной деятельности уголовного суда. Именно судебные производства по уголовным делам в первую очередь характеризуют сущность уголовного правосудия в целом. Уголовное правосудие в принципе может существовать без иных возложенных на суд уголовных производств, но немыслимо без судебного производства по уголовному делу.

Ввиду того, что вне деятельности по рассмотрению уголовных дел суд выполняет другие виды уголовно-процессуальной деятельности, не соотносимые с судебным производством по уголовному делу ни по времени, ни по выполняемым конкретизированным задачам, ни по процессуальным формам их реализации, в уголовном процессе со всей очевидностью присутствуют и *иные* (*«неосновные»*) *судебные производства*.

Эти отделенные и отличные от уголовного дела производства охватывают деятельность суда по рассмотрению дел иного рода: судебно-контрольных дел, дел по вопросам, связанным с исполнением приговора и иных судебных решений, а также реабилитационных и компенсационных дел. Поскольку производства по такого рода делам не включают в себя предварительной (досудебной) процессуальной деятельности властных субъектов, а начинаются с момента обращения в суд заинтересованных участников уголовного процесса (государственного органа или частного лица) с соответствующим ходатайством, представлением, заявлением, жалобой и осуществляются исключительно в суде, они всецело являются производствами *судебными*.

В обширной юридической литературе «неосновные» уголовные производства по введенной Ю. К. Якимовичем терминологии в разных

[1] См.: Якимович Ю. К. Структура уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. С. 156.

сочетаниях обозначаются как дополнительные[1], как особые[2], как дополнительные и особые[3], как «особые в дополнительных» и т. д. Подобные эпитеты используются для общей характеристики «неосновных» производств, указывая на связи и соотношение этих производств с базовым производством по уголовным делам, но, на наш взгляд, не годятся для выделения и обозначения отдельных типов и видов производств, поскольку не раскрывают их сущности и назначения. Оценивая же пригодность используемых в научной литературе терминов на роль обобщающего понятия, способного охватить все группы «неосновных» производств, нельзя не заметить следующее.

Все «иные» производства значительно отличаются по ряду признаков (эти отличия будут проанализированы позже) от основного производства, и если производство по уголовному делу ввиду его первоочередного значения и наиболее тщательной регламентации считать общим и обычным, то остальные

---

[1] Пастухов И. В. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора … С. 7–8; Николюк Н. В. Производство по рассмотрению и разрешению дел о замене наказания в связи с уклонением осужденного от его отбывания … С.14; Квициния Д. А. Разрешение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора … С. 10–11; Диваев А. Б., Земеров И. А. Правовая природа деятельности по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора С. 102.

[2] Солодилов А. В. Судебный контроль в системе уголовного процесса России. С. 42–43; Грицай О. В. Исполнение приговора в части имущественных взысканий: процессуальная сущность, основания и порядок … С. 5; Ложкина Л. В. Заключение под стражу осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы (вопросы теории и практики) … С. 7–8; Татьянина Л. Г., Адильшаев Э. А. Судебное санкционирование как особое производство. С. 147; Адильшаев Э. А., Жеребятьев И. В., Шамардин А. А. Судебное санкционирование как форма реализации правосудия в уголовном судопроизводстве России: монография. Оренбург, 2013. С. 165–177; Резяпов А. А., Каминский А. М. Производство о наложении денежного взыскания в системе уголовного судопроизводства. С. 140–141; Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе … С. 42; Пупышева Л. А. Особое производство, предусмотренное гл. 47 УПК РФ: назначение, предмет и процессуальная форма // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. Том 2. № 1 (2). С. 140.

[3] Великий Д. П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы … С. 23; Волколуп О. В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. С. 16; Воронин О. В. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением … С.10; Ложкина Л. В., Татьянина Л. Г. Виды и формы производств, осуществляемых в стадии исполнения приговора. С. 141–143; Аббасова Ф. М. Теоретические основы дифференциации производств в уголовном процессе в контексте системы особых производств по Уголовно-процессуальному кодексу Азербайджанской республики. С. 33.

виды производств с учетом их неординарности, неповторимости и специфичности, казалось бы, можно назвать «особыми». Однако считать «особыми», а тем более «экстраординарными»[1] весь набор широко распространенных типичных производств, охватывающих 2/3 объема судебной деятельности по осуществлению уголовного правосудия, представляется недостаточно корректным и подходящим, если к тому же принять во внимание то обстоятельство, что «неосновные» производства имеют столь существенные различия (как межтиповые, так и внутри каждой группы), что возникает необходимость последующего выделения «особого в особом».

Еще менее пригодным в качестве обобщающей категории, а равно и общей характеристики иных судебных производств следует признать термин «промежуточные производства»[2], который, как представляется, явно не соответствует месту и роли «неосновных» судебных производств в системе правосудия, искажает соотношение этих производств с основным производством и принижает их самостоятельное от производства по уголовному делу значение.

Вместе с тем, можно признать, что по отношению к основному производству все иные уголовные производства по сути дополнительные в том смысле, что: во-первых, они в определенной мере производны от уголовного дела, их возникновение обусловлено наличием основного производства и постановкой перед судом правовых вопросов, так или иначе связанных с ходом или результатами уголовного дела; во-вторых, иные производства являются необязательными, факультативными, они могут возникнуть в связи с основным производством, а могут и не быть, поскольку их появление зависит от

---

[1] Пупышева Л. А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса: дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2022. С. 18, 381.

[2] Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 58–59; Пупышева Л. А. Указ. соч. С. 16, 84, 131–132. – Данными авторами выделение групп «промежуточных производств» (в противопоставление основным производствам) увязывается с вынесением по их итогам решений, которые законом (п. 53.3 ст. 5 УПК РФ) отнесены к категории «промежуточных судебных решений». Последнее обстоятельство подвергнуто соискателем критическому анализу при исследовании системы и типологии судебных решений (см.: § 3 третьей главы диссертации).

дополнительных условий; в-третьих, деятельность уголовного суда, выполняемая в рамках этих производств, дополняет традиционную деятельность по осуществлению уголовного правосудия – правосудие по уголовным делам, существенно расширяет его границы и усиливает правозащитный потенциал судебной власти, реализуемый в уголовном процессе. Поэтому представляется более приемлемым и точным позиционировать «неосновные» судебные производства как *дополнительные*.

В то же время для отражения сущности тех или иных типов (видов) «неосновных» (дополнительных) судебных производств и разграничения их между собой, на наш взгляд, более употребимы термины, которые, во-первых, отражают связанность уголовного производства с судебной деятельностью, т. е. демонстрируют, что речь идет о производстве, осуществляемом судом, а во-вторых, указывают на предметно-целевую специфику производства, исходя из которой и должна строится типология уголовных производств.

Учитывая изложенные соображения и руководствуясь предметно-целевым критерием, все судебные производства в уголовном процессе первоначально следует подразделить на следующие ***типы***:

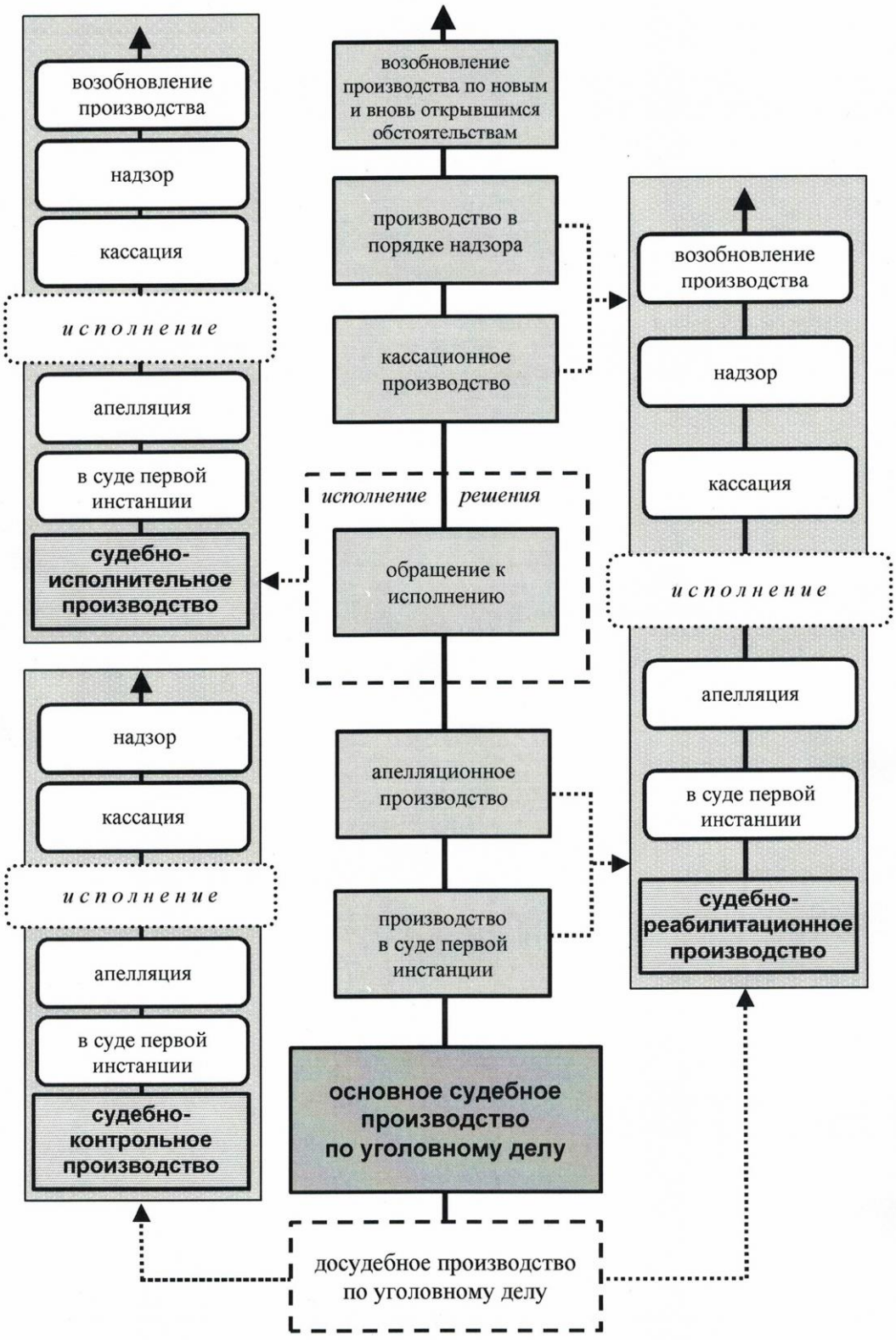
1) *судебные производства по уголовным делам* – основные производства;

2) *судебно-контрольные производства*, осуществляемые судом в период досудебного производства по уголовному делу в целях защиты прав и свобод личности;

3) *судебно-исполнительные производства*, в рамках которых разрешаются вопросы, связанные с исполнением приговора или иного решения уголовного суда;

4) *судебно-реабилитационные производства*, ведущиеся по делам о восстановлении прав реабилитированных лиц и возмещении вреда, причиненного в процессе уголовного судопроизводства незаконными действиями органов уголовной юстиции (*см. схему 7*).

Схема 7. Система судебных производств



Данные типы производств подвержены последующей дифференциации на отдельные виды и разновидности по тому же предметному признаку, но уже на следующем уровне конкретизации предмета судебного рассмотрения (об этом речь пойдет в главе четвертой диссертации) и далее – в направлении выделения особых процессуальных форм и отдельных процессуальных особенностей.

Перечисленными производствами, как представляется, полностью исчерпывается деятельность по осуществлению уголовного правосудия[1]. Конкретные судебно-контрольные, судебно-исполнительные и судебно-реабилитационные производства связаны через свой предмет с соответствующим «материнским» производством по уголовному делу, и эта связь для одних производств в большей, для других в меньшей степени проявляется уже в момент их возникновения.

Судебно-контрольные производства непосредственно «произрастают» из досудебного производства по уголовному делу, по ходу которого возникает конфликтная ситуация или спорное правоотношение между органом уголовного преследования и субъектом, вовлеченным в это производство, по поводу ограничения или возможного нарушения его индивидуальных прав и свобод посредством принятия процессуальных решений, совершения процессуальных действий или принятия мер процессуального принуждения. Таким способом предмет спора по делам судебного контроля всегда образуется в рамках основного производства, а проверке и оценке со стороны суда подвергается то или иное процессуальное действие или решение органов обвинительной власти, совершенное или принятое в процессе производства по уголовному делу и являющееся неотъемлемым элементом этого производства.

Наряду с этим, первоначальные, инициирующие судебный контроль процессуальные действия также в большинстве случаев являются частью

---

[1] Незначительным «довеском» в уголовно-процессуальной деятельности российского суда являются отдельные судебно-процессуальные действия, выполняемые в порядке исполнения запроса иностранного государства о правовой помощи (ст. 457 УПК РФ), которые сами по себе никакого судебного производства не образуют, но могут рассматриваться как часть уголовного производства, ведущегося в иностранном государстве, направившем такой запрос.

основного производства (например, следователь или дознаватель выносит постановление о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства; заявитель подает жалобу на действия или решения следователя не непосредственно в суд, а через следователя, который обязан перенаправить ее в судебный орган), соответственно, произведенные этими действиями процессуальные обращения в суд (ходатайства и жалобы) становятся непосредственным предметом судебного рассмотрения. В этой связи и участниками судебно-контрольного производства в большинстве своем становятся субъекты, участвующие в досудебном производстве по уголовному делу. Кроме того, необходимые для разрешения судебного-контрольного дела фактические обстоятельства в большей степени устанавливаются судом на основании доказательств, полученных в ходе досудебного производства и содержащихся в материалах уголовного дела. Таким образом, судебно-контрольные виды производств появляются непосредственно из основного уголовного производства, выделяются из него, но следует заметить до того, как оно становится *судебным*, поэтому происхождение судебно-контрольного производства от основного судебного (по уголовному делу) следует считать условным.

Развиваясь «по собственному сценарию» производство по судебно-контрольному делу не теряет, но сохраняет определенную связь с основным производством, которая выражается в следующих аспектах. Поступление уголовного дела на рассмотрение суда по общему правилу пресекает движение судебно-контрольного дела, влечет прекращение производства по нему, независимо от того, на каком этапе (стадии) судебного контроля это произошло. Такой вывод следует из положений УПК РФ, в которых соответствующие нормы, регулирующие судебно-контрольные производства, размещены в разделах и главах, посвященных возбуждению и расследованию уголовного дела, позиции Конституционного Суда РФ, неоднократно признававшего недопустимым проведение проверки в порядке ст. 125 УПК РФ законности действий (бездействия) и решений органов уголовного преследования параллельно

судебному разбирательству по основному уголовному делу[1], и подтвержден сложившейся судебной практикой, основанной на аналогичных разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ (п. 9 указанного ранее Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1), а также на его указаниях о том, что вступившие в законную силу судебные решения, вынесенные в ходе досудебного производства, могут быть, по общему правилу, пересмотрены в кассационном порядке лишь до передачи уголовного дела в суд первой инстанции для рассмотрения по существу (п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 г. № 19[2]).

Кроме этого развитие судебно-контрольного дела, содержание и объем судебно-проверочных действий зависят не только от первоначальных требований обратившейся в суд стороны, но и от степени их поддержания в судебном заседании, а также от возражений противной стороны, ее активности в ходе разбирательства дела, т. е. от вполне конкретного процессуального поведения участников судебно-контрольного производства, а оно является логическим продолжением той линии процессуального поведения, которая детерминирована обстоятельствами уголовного дела и процессуальными интересами его субъектов, сформировавшимися в уголовном деле, и подвержена переменам вследствие как изменения процессуальной ситуации по уголовному делу, так и трансформации процессуального интереса кого-либо из участников основного уголовного производства. Иначе говоря, на ход и результат рассмотрения судебно-контрольного дела влияют интересы его участников и мотивы их процессуального поведения, привнесенные из основного производства по уголовному делу, субъектами которого они – участники, как правило, являются.

«Обратная связь» заключается в непосредственном влиянии результатов судебно-контрольных производств, воплотившихся в финальных (итоговых)

---

[1] См.: Определения Конституционного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 369-О и от 20 октября 2005 г. № 381-О // Документы не опубликованы. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 г. № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // БВС РФ. 2019. № 9.

постановлениях суда по делам судебного контроля, на динамику процессуальной деятельности (например, признание незаконным прекращение уголовного дела или приостановление производства по нему), ее содержание (в частности, разрешение производства следственных и иных процессуальных действий) и формирование доказательственной базы по основному производству, в том числе и после его перехода в судебные стадии. Так, продление в рамках судебно-контрольного дела срока содержания обвиняемого под стражей или иной избранной судом меры пресечения вызывает необходимость в период рассмотрения судом уголовного дела по существу разрешить вопрос об отмене этой меры пресечения либо продлении срока ее действия в отношении данного обвиняемого (подсудимого).

Судебно-исполнительные производства непосредственно в уголовном деле не зарождаются и из него не вытекают, источник их происхождения иной и находится вне основного производства и даже вне уголовного процесса, а в сфере исполнительной (непроцессуальной) деятельности органов и учреждений, ведающих исполнением решений уголовного суда. Тем не менее, любое судебно-исполнительное производство также «привязано» к конкретному производству по уголовному делу, которое является по отношению к нему основным, исходным. Здесь связь с производством по уголовному делу не такая прямая и не столь тесная как у судебно-контрольных производств, она опосредована процессом исполнения и проявляется в пересечении содержания основных вопросов, разрешаемых в том и другом производстве, а также в наличии общего субъекта, в отношении которого ведутся оба производства.

Сами исполнительные производства возникают вследствие определенных, юридически значимых обстоятельств (юридических фактов), имеющих место не в ходе основного производства, а после его завершения в течение последующего исполнения итогового решения по уголовному делу, но дающих основание корректировать дальнейший процесс исполнения наказания или применения иных мер уголовно-правового воздействия, назначенных итоговым решением суда по уголовному делу, к тому же лицу, в отношении которого осуществлялось

основное судебное производство. Иными словами, предмет судебно-исполнительного производства связан с правовыми последствиями, обусловленными судебным решением по уголовному делу и начавшими действовать с момента вступления этого решения в законную силу и обращения его к исполнению.

В дальнейшем судебно-исполнительные производства сохраняют связь с основным производством в той мере, в какой действие принятых по ним судебных решений взаимосвязано с действием итогового судебного решения по уголовному делу. Итоговые решения по уголовному и по судебно-исполнительному делам с момента вступления последнего в законную силу начинают действовать совместно и неразрывно, порождая общие юридические последствия в пределах предмета судебно-исполнительного производства. Их исполнение становится взаимозависимым. Так, например, обвинительный приговор в части наказания будет исполняться с учетом корректировки условий и порядка отбывания наказания, внесенной постановлением судьи по результатам рассмотрения соответствующего, связанного с исполнением наказания вопроса. В то же время постановление судьи, вынесенное в порядке ст. 399 УПК РФ по какому-либо вопросу, связанному с исполнением наказания, не может быть исполнено в отрыве от обвинительного приговора, в его отсутствие. Отмена итогового решения по основному производству в кассационном или надзорном порядках, а равно ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств влечет отмену и решений суда, вынесенных по судебно-исполнительным производствам, следовавшим за основным производством и связанным с ним. С другой стороны, любые изменения или отмена в вышестоящих судебных инстанциях судебного постановления по судебно-исполнительному производству отражается на исполнении исходного итогового решения суда по уголовному делу.

Анализируя взаимосвязь основных и исполнительных судебных производств, следует также отметить, что последние никак не воздействуют на первых, не влияют на принятые по ним итоговые решения. В отличие от решений, выносимых судами апелляционной, кассационной и надзорной инстанций по

уголовному делу, судебные постановления по большинству вопросов, которые законодатель связывает с исполнением приговора и иных решений уголовного суда, не изменяют и не могут изменить итоговые решения по основному судебному производству, а те из них, которые имеют такой эффект, принимаются в процедурах, которые, строго говоря, не следует относить к производствам судебно-исполнительного типа[1].

Судебно-реабилитационные производства также как и судебно-контрольные «проистекают» из уголовного дела. Они детерминированы окончательным итогом основного производства или его текущими, промежуточными результатами и имеют своим основанием факты нарушения индивидуальных прав и причинения вреда физическому или юридическому лицу незаконными действиями (бездействием) или решениями органов и должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, т. е. конкретные фактические обстоятельства основного уголовного производства.

Более того, юридическая оценка и констатация фактов нарушений прав и причинения вреда в большинстве своем также имеют место в ходе производства по уголовному делу (как в досудебных, так и в судебных стадиях) и фиксируются в процессуальных решениях органов предварительного расследования, прокурора и суда, реабилитирующих обвиняемого (подозреваемого) либо устанавливающих отдельные нарушения прав этих субъектов или иных, вовлеченных в уголовное судопроизводство лиц.

В связи с этим можно утверждать, что реабилитационные производства являются следствием, но не прямым продолжением основных производств, точнее – следствием реабилитирующего результата этих производств или последствием отдельных принятых в основном производстве решений контрольно-проверочного свойства.

Предмет разбирательства судебно-реабилитационного производства – вид, характер и размер подлежащего возмещению вреда – определяется характером, длительностью и другими индивидуальными признаками допущенных в ходе

[1] Подробнее об этом – в § 3 главы четвертой диссертации.

основного производства процессуальных нарушений и их последствиями. Как следствие, обстоятельства незаконной уголовно-процессуальной деятельности органов публичной власти, повлекшей нарушение прав и причинение вреда, входят в предмет познания в судебном заседании по делам данного типа, в связи с чем материалы уголовного дела (основного производства), фиксирующие ход, результаты и последствия незаконной процессуальной деятельности могут выступать в качестве средств доказывания.

В то же время судебно-реабилитационные производства отличаются от судебно-контрольных тем, что зачинаются не в рамках основного производства, а подобно судебно-исполнительным производствам вне его и возбуждаются путем обращения реабилитированного либо иного лица, жаждущего возмещения вреда от незаконной уголовно-процессуальной деятельности, с соответствующим заявлением в судебный орган, то есть посредством действий, не входящих в содержание основного уголовного производства.

Судебно-реабилитационные производства, будучи более свободны от основного производства, поскольку не ограничены производством по уголовному делу и решения по ним исполняются самостоятельно, тем не менее, также не теряют связь с основным производством (равно и с судебно-контрольным производством в случаях, когда дающее право на возмещение вреда процессуальное нарушение установлено и признано таковым решением по судебно-контрольному делу, например, при удовлетворении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ) – при отмене реабилитирующего процессуального решения или решения, констатирующего незаконность конкретных процессуальных действия (бездействия) или решения органа или должностного лица, осуществляющих уголовное судопроизводство, судебные решения по вопросам реабилитации или компенсации причиненного вреда утрачивают свою юридическую основу и подлежат отмене или изменению в соответствующей части.

Таким образом, будучи обусловлены основным производством по уголовному делу и в разной (большей или меньшей) степени производны от него, иные («неосновные») судебные производства, тем не менее, процедурно

обособлены от основного судебного производства, вполне самодостаточны и должны восприниматься в теории и на практике как отдельные, полноценные и самостоятельные уголовные производства. Самостоятельность «неосновных», дополнительных судебных производств подтверждается наличием у них признаков, присущих целостному, обособленному уголовному производству и позволяющих вычленить эти судебные производства в качестве отдельных структурных образований системы судебной деятельности по осуществлению уголовного правосудия.

Признаки самостоятельности судебного производства состоят в следующем:

1. *Наличие специфических целей и задач* для каждого вида судебных производств, совпадающих с конкретизированными целями и задачами видов процессуальной деятельности уголовного суда, реализуемых в соответствующих разновидностях судебных производств. Обозначенные нами ранее (в предыдущей главе) цели и задачи отдельных видов уголовно-процессуальной деятельности суда согласуются с общими правозащитными целями и задачами уголовного правосудия, выводятся из них, но тем не менее, исходя из сущности подлежащего разрешению юридического конфликта (спорного правового вопроса), имеют более конкретное содержание и специфическое наполнение, благодаря чему придают отдельному типу и виду судебного производства свое особенное значение, задают ему определенное направление, обозначают вектор судебной активности, обуславливают характер и содержание судебных полномочий, определяют свойственный для конкретного вида производства комплекс судебных действий и решений и иных необходимых средств процессуальной деятельности.

2. *Собственный предмет судебного рассмотрения.* Если в основных производствах рассматриваются уголовные дела, поступившие с обвинительными документами, в которых поставлен вопрос о виновности обвиняемого в инкриминируемом деянии и предполагается его наказание, либо с постановлениями (ходатайствами) о применении к лицу, подлежащему

освобождению от уголовной ответственности, иных мер уголовно-правового воздействия, то предметом рассмотрения иных, дополнительных производств являются:

а) ходатайства органов предварительного расследования (в отдельных случаях прокурора) о производстве процессуальных действий и принятии мер принуждения, ограничивающих конституционные права и свободы личности, либо жалобы на нарушения этих прав со стороны должностных лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу (*судебно-контрольные производства*);

б) заявления-ходатайства осужденного или представления государственных органов или учреждений по различным вопросам, связанным с исполнением приговора или иного решения уголовного суда или снятием судимости (*судебно-исполнительные производства*);

в) заявления-требования реабилитированного или лица, незаконно подвергнутого мерам процессуального принуждения, или юридического лица, в отношении которого допущены незаконные процессуальные действия, о возмещении причиненного им вреда и восстановлении иных прав реабилитированного (*судебно-реабилитационные производства*).

В указанных процессуальных обращениях-требованиях, порождающих соответствующее судебное производство, сформулирован и поставлен перед судом тот основной правовой вопрос (или комплекс вопросов), который надлежит «разобрать» суду в судебном заседании и разрешить по результатам судебного разбирательства.

Таким образом, судебное разбирательство по каждому из видов судебных производств проводится по поводу различного рода правовых споров. В каждом виде судебного производства основной вопрос, на разрешение которого нацелено правосудие, индивидуален, а в типовом производстве он отличается не только по содержанию, но и по своей юридической природе.

Так, например, в судебно-контрольных производствах разрешаются сугубо процессуальные вопросы допустимости ограничения прав и свобод личности

посредством процессуальной деятельности, а в уголовном деле – уголовно-правовые вопросы наличия общественно-опасного деяния, виновности лица и меры его ответственности.

Предметом разбирательства судебно-исполнительных производств выступают разнообразные вопросы, как вытекающие из уголовных и уголовно-исполнительных правоотношений, складывающихся по поводу исполнения назначенного наказания или иных мер уголовно-правового характера, так и из правоотношений иного рода, в частности, из уголовно-процессуальных, возникающих в связи с необходимостью принятия обеспечительных мер (заключение под стражу осужденного, скрывшегося или уклоняющегося от отбытия наказания), а также правоотношений, связанных с исполнением имущественных взысканий, установленных решениями по гражданскому иску, рассмотренному в уголовном деле.

Разбирательство же реабилитационных и компенсационных дел проводится в отношении имущественных и иных субъективных прав, нарушенных незаконной деятельностью при производстве по уголовному делу, и связано с определением объема и порядка восстановления нарушенных прав, в том числе характера и размера причиненного и подлежащего возмещению или компенсации вреда. То есть правовые споры, разбираемые судом в этом типе производств, носят не уголовно-правовой и не уголовно-процессуальный, а, главным образом, гражданско-правовой характер, поскольку вытекают из деликтных обязательств государства, а также связаны с имущественными, жилищными, трудовыми, социально-обеспечительными правоотношениями, участником которых является реабилитированное лицо или иное лицо, приобретшее право на компенсацию вреда, причиненного в ходе уголовного судопроизводства.

3. Специфика целей, предметов судебного рассмотрения и судебного разбирательства предопределяют для каждой из разновидностей судебных производств не просто особенности, а *существенные различия в предмете судебного познания и доказывания*, охватывающем индивидуальный перечень

обстоятельств, установление которых требуется для законного и обоснованного разрешения дела[1].

4. *Собственные специфические правила подсудности* для каждого типа (вида) судебных производств, позволяющие определить «свой суд» для определенной категории судебных дел, рассматриваемых в порядке уголовного судопроизводства.

Компетенция по рассмотрению уголовных дел распределена между судебными органами судов общей юрисдикции в статьях 31–33 УПК РФ на основании таких признаков (критериев) подсудности как предметный (родовой), территориальный, персональный (субъектный), исключительный (специфика содержания дела)[2].

Для судебно-контрольных (статьи 108, 109, 125, 165, 463 и др. УПК РФ), судебно-исполнительных (статьи 396, 400, ч. 4 ст. 432, ч. 2 ст. 445 УПК РФ) и реабилитационно-компенсационных производств (ч. 2 ст. 135 УПК РФ) закон установил собственные правила подсудности рассматриваемых в этих производствах дел, которые не связаны с подсудностью уголовных дел («не завязаны» на них), не зависят от предшествующего или последующего распределения уголовных дел по подсудности, а выстроены по своей логике с учетом места и назначения иных судебных производств в единой системе уголовного правосудия. В частности, при определении подсудности иных судебных дел не применяются персональный и исключительный критерии, а используемые предметно-родовой и территориальный принципы наполняются новым смыслом и содержанием, перестают определяться категорией уголовного дела (тяжестью преступления и его юридической квалификацией). Связанные с основным уголовным делом судебные производства могут осуществляться иными

---

[1] Особенности доказывания по делам, рассматриваемым в дополнительных судебных производствах, исследуются в 5-й главе диссертации.

[2] См.: Якимович Ю. К., Пан Т. Д. Судебное производство по УПК Российской. Федерации. СПб., 2005. С. 72–75; Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. М., 2008. С. 499–502; Загорский Г. И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам: учебно-практическое пособие. М., 2011 С. 9–10; Уголовный процесс. Ростов н/Д., 2015. С.275–280; Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М., 2017. С. 830–844.

субъектами правосудия, т. е. не тем судьёй и даже не тем судом, которые будут рассматривать или уже рассмотрели уголовное дело по существу. В тех же случаях, когда судебные производства связаны с реализацией международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства (например, рассмотрение жалоб на решение об экстрадиции; рассмотрение вопроса о передаче гражданина иностранного государства, осужденного к лишению свободы российским судом, для отбывания наказания в государство, гражданином которого он является), основное производство вовсе предстоит рассматривать суду иностранного государства либо оно уже рассмотрено иностранным судом.

5. *Автономность судебных производств*. Основные производства первичны, в своем появлении и движении в судебных стадиях они полностью независимы от иных судебных производств. В досудебный период производство по уголовному делу испытывает существенное влияние судебного контроля, могущего воздействовать на его состояние и движение (признание судом незаконности отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения, приостановления; разрешение следственных действий или напротив признание их незаконными; отклонение или удовлетворение ходатайств о применении мер процессуального принуждения), но при переходе производства по уголовному делу в ведение суда это влияние минимизируется и утрачивает свой прежний побуждающий к движению и направляющий эффект.

Дополнительные судебные производства, как установлено, имеют тесную связь с уголовным делом, они производны от основного производства и их возникновение зависит от его содержания или результатов. Предмет судебно-контрольных, реабилитационных и компенсационных дел первоначально возникает в рамках уголовного дела, а вопросы, связанные с исполнением итоговых решений по уголовному делу и восстановлением прав реабилитированных, по своему содержанию обусловлены результирующими предписаниями суда по рассмотренному им уголовному делу. В любом случае без уголовного дела не может возникнуть ни тех, ни других.

Будучи производны от уголовного дела, иные судебные производства, тем не менее, абсолютно автономны от основного судебного производства, возбуждаются самостоятельно и не пересекаются с основным производством. Все дополнительные («неосновные») судебные производства начинаются не поступлением уголовного дела на рассмотрение суда, а направлением (поступлением) в суд отдельных процессуальных обращений заинтересованных лиц: ходатайств следователя о производстве следственного действия; жалобы заявителя на процессуальное решение прокурора; представлений администрации учреждения, исполняющего наказание, об изменении осужденному вида исправительного учреждения; заявления-требования реабилитированного о восстановлении его прав и возмещении вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием и т. д.

Значительное число основных уголовных производств на досудебных стадиях оканчивается отказом в возбуждении уголовного дела либо прекращением уголовного дела, в результате чего эти производства не имеют судебного продолжения, однако по многим из них судебную деятельность нельзя не признать состоявшейся. Так происходит, в частности, в случаях, когда судом рассмотрена жалоба на отказ в возбуждении уголовного дела, дано заключение о наличии или отсутствии признаков состава преступления, рассмотрены и удовлетворены ходатайства следователя о производстве следственных действий, о применении мер процессуального принуждения.

В судебно-исполнительном производстве, возникающем в период исполнения приговора, основной вопрос уголовного процесса о виновности обвиняемого перед судом не стоит, он уже разрешен в приговоре суда, а рассматриваемые вопросы появляются из вновь возникших правоотношений (уголовно-правовых или уголовно-исполнительных, а также гражданско-правовых), упорядочение или изменение которых требует вмешательства суда. Такие вопросы не вытекают неизбежно из рассмотренного дела, т. к. зависят от последующих юридических фактов, они могут возникнуть, а могут и не ставиться перед судом.

Судебно-исполнительные производства, чаще всего возбуждаются, когда производство по уголовному делу уже завершено, итоговое решение обращено к исполнению, а само дело поступило в архив. В то же время судебно-исполнительное производство может вестись и тогда, когда производство по уголовному делу переходит в последующие стадии: кассационного или надзорного пересмотра, возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Аналогичная картина наблюдается при сопоставлении с основным производством судебно-реабилитационного производства.

На момент возбуждения реабилитационных и компенсационных судебных дел производство по уголовному делу обычно бывает завершено (по крайней мере, в отношении реабилитированного) и нередко – на стадии предварительного расследования, но может быть продолжено в случаях отмены вынесенных в ходе предварительного расследования постановлений о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования или кассационного (и надзорного) обжалования вступившего в законную силу реабилитирующего акта правосудия, либо когда основанием возмещения причиненного вреда выступает не завершающий производство по уголовному делу процессуальный акт, а иное решение, которым подтверждена незаконность отдельных мер процессуального принуждения, процессуальных действий (бездействия) или решений властных субъектов, ведущих производство по уголовному делу.

В любом случае налицо отделение («отпочкование») иных судебных производств от основного производства по уголовному делу и их параллельное с ним существование. Единожды порожденное уголовным делом дополнительное судебное производство обособляется от него и продолжает самостоятельную «процессуальную жизнь» в относительной независимости от хода и результатов основного производства.

Истины ради укажем, что некоторая зависимость, через которую сохраняется отмеченная выше связь производств между собой, все же существует: при поступлении основного производства для рассмотрения по существу в суд

первой инстанции судебно-контрольное производство подлежит немедленному прекращению, за исключением некоторых его разновидностей[1], а на судьбу решений по судебно-исполнительным, реабилитационным и компенсационным делам влияют результаты пересмотра итоговых и иных решений по уголовным делам, с которыми связано возникновение (возбуждение) этих производств.

Однако отмеченное влияние основных производств на дополнительные не критично и не аннулирует в целом автономного их развития и движения. Сохраняющиеся между судебными производствами взаимные связи не ставят под сомнение их самостоятельности, но демонстрируют и доказывают их принадлежность единой системе уголовного правосудия.

5. *Полистадийность* – один из главных и обязательных признаков самостоятельного уголовного производства[2] – в полной мере присуща не только производству по уголовному делу, но и всем иным судебным производствам. Этот признак проявляется в том, что любое отделившееся от основного судебное производство в своем движении не ограничивается стадией, в которой зародилось, а, следуя собственной логике развития, может аналогично уголовному делу пройти все судебные стадии уголовного судопроизводства. При этом, хотя периодизация судебно-контрольных, судебно-исполнительных и судебно-реабилитационных производств перенимает название и последовательность стадий, установленных для основного судебного производства, стадийное движение этих производств не зависит от перехода основного производства в ту или иную стадию, происходит самостоятельно и не синхронизируется со стадиями производства по уголовному делу, что опять же

---

[1] Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, обжалование и пересмотр в кассационном порядке постановлений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, применения запрета определенных действий, предусмотренного пунктом 1 части 6 статьи 105.1 УПК РФ, или о продлении срока действия этих мер либо о помещении лица в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы возможны и после поступления уголовного дела в суд первой инстанции (п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19).

[2] Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. С. 56.

указывает на автономность и самостоятельное, обособленное развитие дополнительных производств.

Здесь возможны различные комбинации. Например, судебно-контрольное производство перешло в апелляцию, а уголовное дело еще не поступило в суд и находится в стадии расследования либо вовсе прекращено или приостановлено органом предварительного расследования. В последнем случае основное судебное производство в отличие от судебно-контрольного еще не началось и возможно никогда не начнется, поскольку уголовное дело остановилось («застыло») на досудебном этапе. Другой вариант: основное судебное производство прошло кассацию или надзор, а судебно-исполнительное производство дальше суда первой инстанции не продвинулось, или наоборот, приговор вступил в законную силу без последующего обжалования, т. е. основное производство завершилось в суде первой инстанции, в то время как возникшее впоследствии судебно-исполнительное производство дошло до кассации.

При этом следует отметить, что все иные (не уголовные) судебные дела одновременно с тем, что проходят контрольно-проверочные стадии отдельно от уголовного дела, пересматриваются в вышестоящих судебных инстанциях *в едином для всех типов дел уголовно-процессуальном порядке*. Существующие в настоящий момент отличия в уголовно-процессуальных формах пересмотра судебных решений, установленные в отношении промежуточных решений, в том числе решений по дополнительным судебным производствам, касаются только состава апелляционной инстанции (ч. 3 ст. 30 УПК РФ) и введения предварительного этапа проверки обоснованности кассационных жалобы, представления (статьи 401.10 – 401.12 УПК РФ) и не обусловлены предметными или процедурными особенностями судебных производств.

6. *Внешняя организационная обособленность и отдельное документальное оформление судебных производств*, являющиеся одновременно следствием и проявлением их автономности и полистадийности. Каждое судебное производство регистрируется, учитывается и оформляется в судебном органе как отдельное дело, по нему проводится весь комплекс судебных действий,

установленный правилами судебного делопроизводства. В частности, упомянутая ранее Инструкция по судебному делопроизводству в районном суде от 29.04.2003 г. № 36 гласит, что «по каждому судебному делу (материалу) ведется производство» и предусматривает отдельные от уголовных дел регистрацию, учет и нумерацию (по специальным индексам) судебно-контрольных дел и производств по вопросам, разрешаемым в порядке исполнения приговоров, включая дела по вопросам реабилитации, с дифференциацией их по видам и формам, с формированием по каждому поступившему в суд процессуальному обращению (заявлению, жалобе, ходатайству, представлению) обособленного судебного дела (материала), включающего в себя все последующие судебные документы, связанные с его рассмотрением, а также регламентирует особенности делопроизводства по этим категориям дел, включая подготовку к судебному разбирательству, оформление материалов после их рассмотрения, направление в вышестоящие судебные инстанции и обращение к исполнению (раздел 3 пункты 3.10-3.13; разделы 10, 10.2, 10.4, 10.7 Инструкции).

Для судей рассмотрение по первой инстанции иных судебных дел по вопросам судебного контроля, исполнения наказаний, реабилитации и возмещения причиненного при производстве по уголовному делу вреда, скромно именуемых в судейском обиходе и в юридической литературе «судебными материалами», представляет собой полноценное производство, структурно не отличающееся от производства по уголовному делу и требующее соблюдения всех гарантий вынесения правосудного решения. Во всех судах общей юрисдикции ведется отдельная статистика количества, сроков и результатов рассмотрения как уголовных, так и иных дел (материалов), рассматриваемых в порядке уголовного судопроизводства. Эти статистические данные входят в количественные и качественные показатели деятельности судов и работы отдельных судей, влияют на оценку эффективности функционирования судебных органов и профессионального уровня конкретных судей.

7. *Особая, законодательно регламентированная процедура*. Все судебные производства в уголовном процессе осуществляются на основе имеющих общее

действие принципов уголовного судопроизводства, а также общих условий судебного разбирательства, единого регламента судебного заседания и иных требований к порядку рассмотрения дел уголовным судом, детально регламентированных для основного производства по уголовным делам и распространенных судебной практикой на все иные типы судебных производств. Таким образом, общие условия и порядок производства по уголовным делам в суде первой инстанции служит для суда главным процессуальным инструментарием в отправлении уголовного правосудия.

В то же время иные, дополнительные судебные производства имеют продиктованные спецификой их предмета и задач существенные особенности порядка их проведения, которые закреплены в отдельных, специальных нормах уголовно-процессуального закона (статьи 106 – 109, 125 и 125.1, 165, 135, 399, 400, части 4–8 ст. 432, 445–446, ч. 2–3 ст. 448 (и др.) УПК РФ) и помимо упомянутых выше правил подсудности касаются также сроков рассмотрения дела, круга участников судебного разбирательства, процессуальных средств доказывания, видов итоговых судебных решений, о чем более подробно изложено в четвертой и пятой главах диссертации.

8. *Наличие собственного перечня итоговых судебных решений* – важнейший признак самостоятельности производства. Судебное разбирательство в каждом обособленном судебном производстве заканчивается вынесением заключительного решения, которое разрешает по существу главный вопрос дела, поставленный перед судом в соответствующем процессуальном обращении, положившим начало судебному производству. Для каждой разновидности судебных производств в законе установлен свой конкретный перечень итоговых судебных решений, унифицированных по форме и структуре, но различающихся по своей сути и содержанию. Главное сущностное различие итоговых актов правосудия выражается в формулировках их резолютивных частей, которые, как правило, закреплены нормативно для различных видов судебных производств и опять же отражают специфику предмета судебного разбирательства.

Вполне возможно, приведенный перечень институционально-определяющих признаков судебных производств не является исчерпывающим, и его можно продолжить, но в нем, полагаем, отражены наиболее существенные.

Ранее Т. В. Трубникова в качестве признаков самостоятельного уголовно-процессуального производства выделила: а) «наличие у данного производства определенной материально-правовой базы, объективно требующей отличий в законодательном регулировании»; б) «комплексность производства, то есть наличие определенных особенностей в деятельности правоохранительных органов на всех (или хотя бы на нескольких) стадиях уголовного процесса»; в) «наличие таких различий по сравнению с обычным порядком производства, которые в конечном итоге приводили бы к изменению форм деятельности по этим делам»[1]. Выводы о принадлежности данных отличительных признаков уголовным производствам находят поддержку у других процессуалистов[2]. Не имея принципиальных возражений против существования указанных признаков и их пригодности для разграничения уголовных производств, выскажем по их поводу ряд уточняющих суждений.

Под определенной материально-правовой базой самостоятельного уголовно-процессуального производства можно подразумевать только особый, присущий тому или иному производству и определяемый его предметом конгломерат (перечень видов) правовых норм, подлежащих применению при разрешении рассматриваемого в рамках этого производства вида юридических дел, но никак не отдельные отрасли материального права, «закрепление» которых

---

[1] Трубникова Т. В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России … С. 10–11.

[2] Солодилов А. В. Судебный контроль в системе уголовного процесса России. С.31; Ложкина Л. В., Татьянина Л. Г. Виды и формы производств, осуществляемых в стадии исполнения приговора. С. 142; Татьянина Л. Г., Адильшаев Э. А. Судебное санкционирование как особое производство. С. 150; Адильшаев Э. А., Жеребятьев И. В., Шамардин А. А. Судебное санкционирование как форма реализации правосудия в уголовном судопроизводстве России. С. 174–177; Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса … С. 65–70; Сычев П. Г. Уголовно-процессуальные производства как базовый элемент теории дифференциации уголовного процесса // Российская юстиция. 2016. № 8. С. 47–51.

за судопроизводством осуществлено на более высоком уровне – на уровне его видов: конституционного, гражданского, уголовного и административного.

В теории при разграничении видов правосудия и форм их осуществления принято считать, например, что уголовное судопроизводство (уголовное правосудие) – сфера применения уголовного права, а применение норм гражданского, трудового, семейного, жилищного и ряда других отраслей права – удел гражданского судопроизводства. В целом так оно и есть, но в частностях нередко происходит «проникновение» в уголовное правосудие не характерных для него элементов правоприменения иных (не уголовно-правовых) норм, что вполне объяснимо и оправдано с позиции целесообразности и эффективности рассмотрения в одном деле разнородных, но тесно связанных, «скрепленных» правовым казусом правоотношений.

На уровне судебно-уголовных производств «отраслевое разделение» их материально-правовой базы не выглядит очевидным и достаточно четким, чтоб провести однозначные границы между ними по этому признаку. Для каждого типа судебного производства, как основного так и иных, характерно применение не однородных правовых норм, а принадлежащих к различным отраслям права (как материальным так и процессуальным).

Так, к примеру, нормы гражданского права, регулирующие имущественные отношения и отношения, связанные с причинением вреда, могут быть применены не только при разрешении по уголовному делу гражданского иска, но и в судебно-контрольном производстве, когда перед судом поставлен вопрос об ограничении или восстановлении (в случае нарушения) права собственности (например, производства по наложению ареста на имущество, о разрешении обыска или выемки, по жалобам на изъятие имущества при производстве иных следственных действий), а также в судебно-исполнительном производстве по разрешению отдельных вопросов, связанных с исполнением наложенных приговором имущественных взысканий, и во всяком случае – по большинству дел по вопросам реабилитации и возмещения имущественного вреда, причиненного в ходе уголовного судопроизводства.

Поэтому полагаем, что в контексте разграничения типов и видов судебных производств уместно вести речь о различающемся *специфическом сочетании правовых норм различной отраслевой принадлежности*, входящих в «материально-правовую базу» судебного производства, их приоритетности и превалировании, характерных для того или иного производства. Такая специфика материально-правовой базы судебного производства вытекает из особенностей предмета рассматриваемого в его рамках дела (правой сущности и содержания поставленного на разрешение суда вопроса), поэтому вполне может рассматриваться в качестве элемента такого выделенного нами отличительного признака судебных производств как «собственный предмет судебного рассмотрения».

Следующий признак «комплексность производства», если под ним понимать буквально «наличие особенностей в деятельности правоохранительных органов на всех (или хотя бы на нескольких) стадиях уголовного процесса»[1], не очень подходит для разграничения судебных производств, поскольку последние не охватывают досудебное производство по уголовным делам, а практически все особенности судебно-процессуальной деятельности, характерные для определенного типа (вида) судебных производств и касающиеся их предмета и задач, характера и объёма судебных полномочий, видов судебных решений и т.д., сосредоточены в суде первой инстанции, в последующих стадиях они не существенны.

Последний из указанных Т. В. Трубниковой признаков – «наличие приводящих к изменению формы деятельности различий», как мы его понимаем, пересекается с предыдущим и в основном своем значении нашел отражение в иных, сформулированных нами признаках судебного производства.

Помимо первичного, «продольного» разграничения по своей направленности на типы и виды судебно-уголовное производство в «поперечном направлении» делится по стадиям на производство в суде первой инстанции, апелляционное производство, кассационное и надзорное производства,

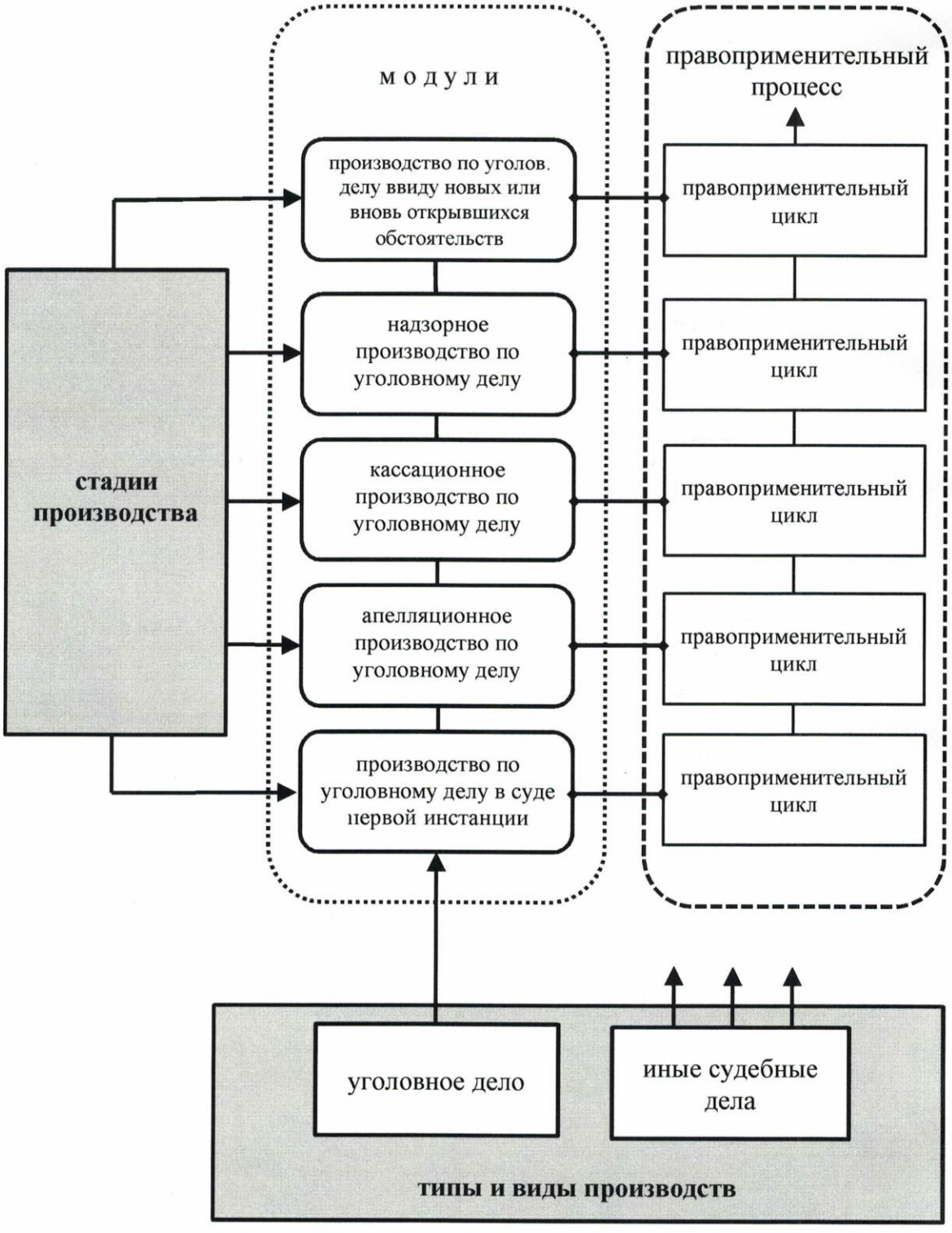
[1] Трубникова Т. В. Указ. соч. С. 10.

производство по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. В результате наложения предметно-целевого («продольного») и стадийного («поперечного») критериев деления структура судебно-уголовного производства в целом, как и осуществляемой в нем процессуальной деятельности уголовного суда, визуально-схематично может быть представлена в виде множества (по количеству видов и стадий производств) перпендикулярно пересекающихся плоскостей, образующих обособленные, но взаимосвязанные сегменты – *модули процессуальной деятельности*, каждый из которых представляет собой ведущееся уголовным судом производство по определенному виду (категории) дел, ограниченное рамками функционирования той или иной судебной инстанции (*см. схему 8*).

Каждый такой «производственный модуль» содержит в себе отдельный, относительно самостоятельный (автономный) и вполне завершенный цикл судебного правоприменения, состоящий из свойственных правоприменительной деятельности этапов: 1) установление фактических обстоятельств заданной правовой ситуации; 2) выбор (отыскание) правовой нормы, подлежащей применению к данным фактическим обстоятельствам; 3) вынесение результирующего решения.

Обладая свойством дифференцированности и типологическими различиями между собой, судебные производства одновременно и наряду с этим *сохраняют общность в рамках единой системы уголовного правосудия*, одноуровневыми элементами которой они являются. Единство судебных производств (уголовного правосудия) детерминировано правовой природой, социальным назначением и единством судебной власти, которая реализуется в уголовном процессе посредством этих производств, единой аксиологической сущностью и общими целями уголовного правосудия, органической частью которого они выступают, скреплено существующими между производствами взаимными связями и усилено действием общих закономерностей построения и функционирования судебных производств.

Схема 8. Модули судебного производства отдельного вида
(на примере уголовного дела)



Основными ***факторами, объединяющими судебные производства в единую систему деятельности по осуществлению уголовного правосудия***, являются:

1) общность задач, вытекающих из единого назначения уголовного правосудия;

2) тождественность реализуемых судом процессуальных функций (при своеобразии их проявления в каждом из типов и видов производств);

3) одинаковая правовая сущность всех судебных производств, заключающаяся в рассмотрении юридического дела и разрешении лежащего в его основе правового спора;

4) правоприменительный характер судебных производств, каждый из которых представляет собой целостный и завершенный цикл правоприменения;

5) однородное структурное построение и идентичное поэтапное деление судебных производств, в обязательном порядке предусматривающие познавательно-исследовательскую часть судебного заседания;

6) субъектная однородность – все производства осуществляются судами общей юрисдикции и Верховным Судом РФ;

7) инициирование любого судебного производства мотивированным на это (в силу личного или служебного интереса) субъектом – стороной по делу;

8) единство принципов уголовного правосудия и общих условий судебного разбирательства, действующих в судебных производствах;

9) единообразие (сходство) основных методов, процессуальных средств и способов рассмотрения и разрешения дела;

10) единый регламент и общие процедурные правила проведения судебного заседания, включая общий (минимально необходимый) набор процессуальных прав участвующих в рассмотрении дела сторон;

11) наличие унифицированных судебных процедур (вызов в судебное заседание, разъяснение прав участникам, рассмотрение отводов, разрешения иных заявленных ходатайств, совещание судей, оглашение принятых решений и т. д.);

12) общие судебно-процессуальные гарантии соблюдения законности рассмотрения дела и обеспечения прав участников судопроизводства, включая право на обжалование судебного решения;

13) единые для всех производств требования правосудности судебных решений;

14) общий и в целом единообразный порядок проверки законности и обоснованности принимаемых в судебных производствах решений.

Все выделяемые в уголовном процессе судебные производства подчинены целям и задачам, производным от общего назначения уголовного правосудия, осуществляются (с определенными особенностями, свойственными каждому из видов производств) в соответствии с едиными правовыми принципами и стандартами правосудия, по схожим, во многом унифицированным процедурным правилам и с соблюдением общих условий судебного разбирательства, установленных для уголовных дел (непосредственность и устность, гласность, неизменность состава суда, равенство сторон и др.), реализуют в себе единый правовой механизм принятия судебных решений, строятся по общей, присущей правосудию и нашедшей отражение в структурном построении судебных производств логической схеме.

Данная схема отражает основные этапы и направленность движения любого судебного производства и может быть представлена следующим образом: поступление в суд соответствующего процессуального обращения-требования (обвинительного документа, заявления, ходатайства, жалобы, представления), инициирующего судебное производство, → назначение и подготовка судебного разбирательства → собственно судебное разбирательство по рассматриваемому делу → разрешение дела по существу поставленного в процессуальном обращении правового вопроса с вынесением завершающего (итогового) решения → обжалование судебного решения и пересмотр дела вышестоящей судебной инстанцией → обращение вступившего в законную силу решения суда к исполнению.

В каждом виде судебных производств помимо разрешения рассматриваемого дела судом выполняются, в разной степени и своеобразными способами, все иные процессуальные функции (подфункции), составляющие в комплексе функцию уголовного правосудия. На любом этапе (стадии) и в любой фазе отправления правосудия уголовный суд предпринимает (если и не по прямому предписанию закона, то на основе применения его по аналогии) необходимые процессуальные действия, носящие правоохранный, правовосстановительный, контрольный, обеспечительный и предупредительный характер, и обладает для этого соответствующими процессуальными полномочиями.

Проведенный в настоящей главе анализ социально-исторических детерминант, правовой основы, теоретических положений и методологических подходов современной доктрины системного построения уголовного судопроизводства и его дифференциации приводит к следующим ***выводам***:

1. Произошедшее в новейшей истории России расширение предметной области уголовного правосудия и дальнейшая дифференциация его правовых форм являются закономерными процессами, вызванным объективными факторами исторического развития российского общества.

2. В структурном построении уголовного судопроизводства его деление на виды по предметно-целевому принципу (критерию) первично, а расчленение на стадии вторично и должно применяться не к судебно-уголовному производству в целом, а к его отдельным, самостоятельным видам, дальнейшая дифференциация которых (как правило, в рамках отдельных стадий) возможна по иным, дополнительным критериям, таким, например, как особенности процессуальной формы, ее упрощения или усложнения.

3. Судебно-уголовное производство как система уголовно-процессуальной деятельности суда представляет собой не линейное и ординарное (однопредметное) производство, а сложную, интегрированную и многофункциональную процессуальную конструкцию, комплексное правовое образование, состоящее из нескольких видов уголовно-процессуальных

производств, различающихся по своему предметно-целевому назначению (направленности).

4. Предлагаемая соискателем *концепция единства уголовного правосудия и дифференцированности судебно-уголовных производств*, как можно убедиться на основании вышеизложенного материала, зиждется на необходимой теоретической и нормативно-правовой основе и имеет объективные предпосылки: а) дальнейшее расширение правовой сферы приложения судебной власти; б) развитие в уголовном судопроизводстве правозащитных механизмов, прежде всего путем наращивания потенциала судебной защиты; в) общественный запрос на усиление гарантий справедливости уголовного правосудия и повышение его эффективности.

5. *Судебное производство* в уголовном процессе есть обособленная часть уголовно-процессуальной деятельности суда по осуществлению уголовного правосудия, совершаемая при взаимодействии с другими участниками уголовного судопроизводства и представляющая собой структурно определенный и организационно завершенный комплекс судебных процедур и отдельных процессуальных действий, предназначенный для разрешения по существу конкретной разновидности юридических дел (правовых споров), отнесенных к компетенции суда и подлежащих рассмотрению в порядке уголовного судопроизводства.

6. В современном уголовном процессе Российской Федерации наличествуют следующие типы судебных производств: основной (по уголовному делу), контрольный, исполнительный и реабилитационный. Исходным, центральным, доминирующим и системообразующим является производство по уголовному делу (во всех его разновидностях).

В то же время судебно-контрольные, судебно-исполнительные и судебно-реабилитационные производства не являются исключениями из основного общеуголовного производства, его экстраординарными формами (порядками), а представляют собой самостоятельные уголовные производства, необходимым образом расширяющие сферу уголовного правосудия и дополняющие его систему

процессуальными средствами судебной защиты, отсутствующими в основном производстве.

7. Характерными признаками самостоятельного судебного производства являются: наличие специфических целей и задач; собственный предмет судебного рассмотрения и соответствующий ему, особенный по содержанию предмет судебного познания и доказывания; процессуальная автономность, внешняя организационная обособленность и отдельное документальное оформление; полистадийность; особая процедура, включая специфические правила подсудности и собственный набор итоговых судебных решений.

8. Каждый из выделенных типов судебных производств занимает собственное важное место в единой системе уголовного правосудия. Любое судебное производство в смысле его письменного оформления можно именовать общим термином – судебное дело, охватывающим и уголовные дела, и любые, так называемые судебные материалы по различным, отдельным ходатайствам, представлениям и жалобам, рассматриваемым в порядке уголовного судопроизводства. Каждое судебное дело заканчивается актом правосудия, которое воплощает применение норм права к установленным фактам, разрешает дело по существу и вносит свою лепту в достижение целей уголовного правосудия.

9. Единство и дифференцированность процессуальной формы – объективные закономерности развития современного (в рамках действующего УПК РФ) российского уголовного судопроизводства, а значит, и уголовного правосудия. В ходе него наблюдаются две разнонаправленные тенденции: дальнейшая дифференциация форм уголовного правосудия (появление новых судебных производств) и унификация ключевых (опорных) судебных процедур и процессуальных правил основного производства, их распространение на иные (дополнительные) судебные производства посредством правового регулирования либо через судебную практику и придание им таким образом универсального характера.

ГЛАВА 3. СУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

§ 1. Понятие и признаки судебных решений, их специфические свойства и значение для отправления правосудия

Судебные акты и судебные решения: конкретизация терминов и соотношение понятий. Термин «судебные решения» используется в юридической науке для обозначения широкого спектра правовых актов судебной власти одновременно с такими обобщающими понятиями как «судебные акты», «судебно-правовые акты», «акты суда», «постановления суда», «процессуальные судебные решения», «процессуальные судебные акты», «акты правосудия» и т.д.[1], в которые вкладываются различные смыслы и значения, отражающие

[1] См.: Савченко В. А. Единоличные решения судьи при рассмотрении уголовных дел: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1981. С. 5–6; Тихомиров Ю. А., Котелевская И. В. Правовые акты. М.: Юрид. колледж МГУ, 1999. С. 228; Молодкин Н. Е. Функции судебных актов в правовом регулировании: автореф. дис … канд. юрид наук. М., 2005. С. 14–17; Широкопояс Ю. А. Акты суда общей юрисдикции об окончании производства по делу без принятия судебного решения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 10–11; Загайнова С. К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: Теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 14–16; Коваленко Е. Н. Судебное решение: Теоретико-методологические и технико-юридические аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2009. С. 6–7, 12–14; Малько А. В., Семикин Д. С. Судебные акты как особая разновидность правовых актов // Российский юридический журнал. 2010. № 5. С. 34–39; Пальчикова М. В. Определения и постановления суда первой инстанции в российском уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 43–46; Азаров В. А., Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 70–96; Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 14–15; Азаров В. А., Константинова В. А. Унификация правовых норм о судебных решениях в свете концепции судебного права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 11. С. 26–31; Беляев М. В. Свойства судебных решений в российском уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 9–12; Курносова В. В. Судебная правоприменительная деятельность: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2018. С. 64, 67.

разнообразие подходов ученых к познанию природы и раскрытию всевозможных свойств и сторон данных объектов правовой действительности. При этом перечисленные научные категории зачастую выступают в качестве определяющих и определяемых в различных комбинациях по отношению друг к другу[1], что вызывает необходимость, во избежание терминологической путаницы, изначально конкретизировать и соотнести их для целей настоящего исследования.

Заметим, что многообразие представленных в научной литературе наименований разных видов правовых актов судебных органов и их определений объясняется не только сложностью и многоаспектностью исследуемого явления и лексическими пристрастиями отдельных авторов, но в значительной степени и несогласованностью положений отраслевых законодательств, в которых отсутствует единообразие в терминологическом обозначении обобщающего понятия правовых актов судебной власти, но на которые вынуждены ориентироваться исследователи определенного вида судопроизводства.

В базовом для российского правосудия ФКЗ о судебной системе родовое понятие правовых актов суда четко не определено, в этом значении употреблены сразу два юридических термина: «постановления» (ч. 1 ст. 6) и «решения» (ч. 2 ст. 36). Аналогичная картина наблюдается в тексте (ч. 1 ст. 1 и ч. 2 ст. 3) Федерального закона от 17 декабря 1998 № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации»[2] (далее – ФЗ о мировых судьях). Согласно статьям 6 и 71 ФКЗ о Конституционном Суде, все виды правовых актов Конституционного Суда РФ, выносимых в ходе осуществления им конституционного судопроизводства (постановление, определение, заключение), а также организационные решения охватываются общим понятием «решение».

В ст. 13 ГПК РФ в качестве родового понятия процессуальных актов суда используется термин «постановление», которое включает в себя приказы, определения, решения и постановления. В арбитражном и административном

---

[1] Азаров В. А., Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам. С. 80.

[2] Федеральный закон от 17.12.1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» (в ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1998. № 51. ст. 6270.

судопроизводствах, на основании, соответственно, ст. 15 АПК РФ и ст. 16 (и др.) КАС РФ, все судебные постановления, определения и решения включаются в общее понятие «судебные акты». Термин «судебные акты» в качестве обобщающего понятия употребляется в ФКЗ об арбитражных судах и ФЗ об исполнительном производстве, упоминается также в статьях 7, 9 и 14 ФКЗ о военных судах, хотя в большинстве норм данного закона содержится простое перечисление видов судебных актов, выносимых военными судами.

В уголовном процессе родовым, нормативно-закрепленным понятием, объединяющим приговор, определение и постановление суда, традиционно выступает «решение», которое по смыслу закона (пункты 5, 23, 25, 28, 33, 53.1, 53.2, 53.3 статьи 5 УПК РФ) охватывает все процессуальные акты уголовного суда, содержащие в себе индивидуально-властные повеления и принимаемые в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом. В предыдущем УПК РСФСР 1960 г. приговор, определение и постановление суда также определялись через обобщающее понятие «решения» (пункты 10 – 12 ст. 34 УПК РСФСР).

Аналогичный подход – использование категории «решение» при формулировании нормативных понятий приговора и других уголовно-процессуальных актов суда – применен в Модельном УПК СНГ (ст. 10) и в уголовно-процессуальном законодательстве ряда стран ближнего зарубежья (ст. 110 УПК Украины, пункты 18, 24, 30 и 36 ст. 6 УПК Республики Беларусь, пункты 16, 19, 38 и 52 ст. 7 УПК Казахстана, пункты 7–10 ст. 6 УПК Армении; пункты 20, 41, 62 ст. 5 УПК Кыргызстана, ст. 6 УПК Таджикистана, пункты 22, 23, 29, 41 и 46 ст. 6 УПК Туркменистана, п. 13 ст. 6 УПК Молдовы).

Вследствие указанных нюансов нормативно-правового регулирования название «судебные решения» получило наиболее широкое употребление и в отечественной науке уголовно-процессуального права, где чаще других терминов выполняет роль объединяющего, родового понятия, которая оправдана также тем, что в уголовном судопроизводстве решение не имеет какой-либо специальной формы, обязательной для конкретно-определенных видов процессуальных актов суда. Кроме того, термин «решение» более точно соответствует общему смыслу

интересующих нас правовых актов судебной власти, разрешающих материально-правовой казус или процедурную ситуацию в рамках уголовного судопроизводства, поэтому в качестве родового понятия применяется нами и в настоящей работе.

В соответствии с изложенным ранее (в первой главе диссертации) взглядом на структуру судебной деятельности, судебное решение охватывается более общим понятием «акт суда», под которым мы подразумеваем первичный элемент правоприменительной, уголовно-процессуальной деятельности суда, его единичное волевое действие («поступок»), имеющий признаки юридического акта и поэтому приобретающий в уголовно-процессуальных отношениях значение юридического факта. В этом смысле понятие актов суда синонимично категории «уголовно-процессуальные акты суда»[1], взаимозаменяемо с ним и включает в себя как процессуальные действия (акты-действия), так и процессуальные решения (акты-решения) уголовного суда.

Другой распространенный в законодательстве и науке (теории права, теории судебной власти и правосудия, гражданского и арбитражного процессуального права) термин «судебные акты» в его обычном, наиболее распространенном значении правоприменительных актов судебных органов, разрешающих правовые вопросы посредством властных предписаний, полагаем возможным использовать в качестве родового, междисциплинарного понятия, т. е. в более широком, обобщающем смысле, выходящем за пределы уголовного судопроизводства и охватывающем все сферы осуществления правосудия. В нашем представлении судебные акты – понятие собирательное, вбирающее в себя любые, процессуально определенные и документально оформленные волеизъявления судебных органов в связи с рассмотрением юридических дел[2].

---

[1] Под уголовно-процессуальными актами обычно понимают закрепленные в процессуальном документе действия и решения должностных лиц и органов, ответственных за проведение уголовного судопроизводства (см.: Уголовно-процессуальные акты: учеб. пособие / под ред. Г. В. Стародубовой. М.: Юрайт, 2018. С. 20).

[2] В этой связи мы поддерживаем предложение С. К. Загайновой, полагающей необходимым в целях обеспечения единства судебной власти ввести в научный оборот понятие «судебные акты» в качестве родового «для определения всех видов процессуальных актов-

При выбранном подходе в еще более широкое понятие «акты судебной власти» нами включаются все без исключения возможные правовые акты, исходящие от органов судебной власти: как правоприменительные акты индивидуального характера («казуальные судебные акты»), так и интерпретационные (акты судебного толкования) общего действия; как процессуальные акты, так и непроцессуальные (организационно-правовые, управленческие, правоинициирующие)[1]; как акты–действия так и акты–решения.

В общеправовой процессуальной теории широко используется также термин «акты правосудия», который редко дефинируется в научной литературе, но под которым обычно подразумевают процессуальные решения суда, разрешающие по существу уголовное, гражданское или административное дело. В уголовном процессе *актами правосудия* традиционно и бесспорно признают приговоры всех видов, реже и с определенными оговорками – постановления и определения, завершающие рассмотрение уголовного дела в суде первой или вышестоящей инстанции. Но при этом даже в дореформенный (советский) период существовала и отстаивалась позиция, согласно которой к актам правосудия относятся все решения суда (по УПК РСФСР – определения), в том числе промежуточные (в современной терминологии)[2].

В соответствии с изложенной в предыдущих главах системой уголовного правосудия и основанной на ней концепции единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств для определения понятия акта правосудия применимы два подхода: деятельностный и результирующий. Если

документов, выносимых государственными судами в рамках всех типов судопроизводства» (Загайнова С. К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: Теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С.6).

[1] См.: Толочко А. Н. Роль мотивировки в обеспечении законности, обоснованности и справедливости актов социалистического правосудия, выносимых судом первой инстанции по уголовным делам: автореф. дис. … канд. юрил. наук. Харьков, 1985. С. 7; Молодкин Н. Е. Функции судебных актов в правовом регулировании: автореф. дис … канд. юрид. наук. М., 2005. С. 9; Судебная власть и правосудие в Российской Федерации: Курс лекций / Под ред. В. В. Ершова. М.: Рос. акад. правосудия, 2011. С. 508–510.

[2] Теплов В. А. Определение суда первой инстанции по уголовному делу: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1974. С. 9; Бутов В. Н. Определения суда первой инстанции по уголовным делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. С. 5–7.

рассматривать правосудие как деятельность суда по ее осуществлению, то актами правосудия (актами правосудной деятельности) будут выступать любые акты, образующие судебную деятельность, включая все без исключения процессуальные решения суда. Такой подход дает нам понятие актов правосудия в самом широком значении, необходимом для характеристики деятельности по рассмотрению и разрешению юридического дела (правового спора) как деятельности правосудной, то есть осуществляемой органом правосудия и направленной на судебную защиту прав и законных интересов. Второй подход позволяет выделить акты правосудия в их собственном, непосредственном, более узком смысле как результат всей деятельности суда по осуществлению правосудия, как реализацию его исключительных полномочий органа правосудия. В таком ракурсе понятие акта правосудия ограничивается результирующими решениями суда, завершающими рассмотрение по существу уголовного или иного судебного дела и представляющими собой итог соответствующего судебного производства.

Обе интерпретации актов правосудия (широкое и непосредственное) употребимы для различных исследовательских целей и имеют право на существование, но далее в диссертации по соображениям ясности изложения под актами правосудия каждый раз, если иное специально не оговорено автором, понимаются только результирующие (основные, итоговые) решения уголовного суда, завершающие то или иное судебное производство.

Определившись с исходной терминологией, можно перейти непосредственно к исследованию юридической сущности судебного решения в уголовном судопроизводстве, анализу его признаков, свойств и многоплановых значений.

Понятие, сущность и отличительные признаки судебного решения. Прежде всего, судебное решение необходимо рассматривать как разновидность индивидуально-правового, правоприменительного акта. Именно в этом качестве судебное решение образует основополагающий конструктивный элемент деятельности суда по осуществлению правосудия в каждом из судебных

производств, выступает главным средством реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства[1].

Уголовное правосудие, как отмечено в диссертации, суть правоприменительная деятельность уголовного суда, состоящая из совокупности целенаправленных правоприменительных актов, т. е. юридически значимых для движения и рассмотрения судебного дела действий, наиболее важная часть которых выражается в разрешении текущих, процессуальных ситуаций и основного правого вопроса разбираемого судом дела. «Завершающий, конечный акт применения права – юридическое действие по решению юридического (в данном случае судебного – *С. Б.*) дела, в результате которого в ткань правовой системы включается новый (отменяется или изменяется старый) элемент – индивидуальное предписание»[2]. Таким образом, деятельность суда по осуществлению уголовного правосудия представляет собой систему полноценных, взаимосвязанных правоприменительных актов и циклов.

Являясь актом применения права, судебное решение обладает всеми общими, характерными для данного типа правовых актов признаками, формулируемыми в теории права на основе анализа социально-правовой природы, сущности и содержания правоприменительной деятельности как особой формы реализации права[3].

---

[1] Воскобитова Л. А.: 1) Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 32; 2) Теоретические основы судебной власти. С. 177 – 180.

[2] Алексеев С. С. Общая теория права. М.: Проспект, 2009. С. 250.

[3] См.: Лазарев В. В. Применение советского права. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. С. 9–12; Дюрягин И. Я. Применение норм советского права и социальное (государственное) управление: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Свердловск,1975. С. 10–18, 28–29; Чванов О. А. Механизм правоприменения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1995. С. 10; Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Спарк, 1998. С. 305–309; Тенетко А. А. Юридическая техника правоприменительных актов: дис. … канд. юрид. наук. М., 1999. С. 20–22; Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах / Под ред. М. Н. Марченко. Т. 2 Теория права. М.: Зерцало, 2000. С. 314–322; Скакун О. Ф. Теория государства и права: учебник. Харьков: КОНСУМ, 2000. С. 424–425; Постнов А. С. Механизм детерминации правоприменительных актов: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 11–12; Аверин А. В. Истина и судебная достоверность (Постановка проблемы). СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. С. 85–86; Травкин А. А. Сущность и сферы (пределы) действия правоприменительных актов (проблемы теории и практики): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 11–12; Проблемы теории государства и права: учебник / Под

Обобщение современных научных представлений о сути и первоосновах правоприменения позволяют заключить, что *судебное решение в уголовном процессе как правоприменительный акт* обладает следующими признаками:

- носит официальный, властный характер;
- имеет юридическую силу и обязательно для исполнения;
- обеспечивается государственным принуждением;
- направлено на реализацию правовых норм;
- привносит в общественные отношения индивидуально-конкретное регулирование;
- рассчитано на однократное (ситуационное) применение;
- выполняет роль юридического факта;
- принимается в рамках правовых отношений и при взаимодействии с другими субъектами права;
- выносится в специальных процедурах и формах, установленных законом.

Ввиду того, что судебные решения занимают особое место в правоприменительных процессах и имеют главенствующее значение по отношению к актам иных правоприменяющих органов, что обусловлено доминирующей и решающей ролью суда в любом виде судопроизводства, являющегося сферой приложения судебной власти, перечисленные общие признаки актов применения проявляются в судебных решения с определенной спецификой и сопровождаются отличительными особенностями. Эти специфика и

ред. В. М. Сырых. М.: РАП, 2008. С. 310–315; Алексеев С. С. Общая теория права. М., 2009. С. 525–527, 547–551; Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009 С. 46–47; Колесник И. В. Теоретическая модель правоприменительной технологии: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 158–160; Глазырина М. А. Правоприменительный акт как документальная форма правоотношений: сущность, качество, виды // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: сб. науч. трудов. Вып. 14. Ярославль: ЯрГУ, 2015. С. 150–152; Изместьева Е. М. Субъекты правоприменительной деятельности в условиях децентрализации правового регулирования в России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2016. С. 10; Берзинь О. А. К вопросу о понятии процессуального решения в уголовном судопроизводстве России // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 1. С. 95–96; Курносова В. В. Судебная правоприменительная деятельность: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2018. С. 63–66.

особенности позволяют доктринально выделять правосудие в самостоятельный, особый тип (форму) правоприменения – судебное правоприменение[1].

Судебные решения – продукт деятельности судебной власти в лице специальных государственных органов – судов, уполномоченных вершить правосудие. Осуществляя на началах публичности уголовное производство, суд в рамках своей компетенции принимает необходимые решения, которые закрепляются в официальных документах. Содержанием судебного решения, как и любого правоприменительного акта, является государственно-властное предписание, выносимое по результатам рассмотрения отдельного правового вопроса или всего юридического дела.

Конкретизируя применительно к судебным органам высказывание П. А. Лупинской о характере деятельности по применению норм права, отметим, что властный характер деятельности суда по применению права проявляется в содержании решений и тех средствах, которые вправе применить суд, чтобы обеспечить выполнение решения[2]. Судебно-процессуальные акты-решения, как и акты-действия, представляют собой одновременно и форму, и результат реализации установленных законом властных полномочий судебных органов (предоставленных суду правомочий и возложенных на него законом обязанностей), посредством которых в судебной деятельности воплощаются функции и задачи уголовного суда и правосудия.

Решения суда обладают юридической силой – властностью и способностью оказывать воздействие на правоотношения и порождать определенные правовые последствия – качествами, основанными на властном характере судебных полномочий и юридической силе самих применяемых норм права. Юридическая

---

[1] См.: Дюрягин И. Я. Применение норм советского права: Теоретические вопросы. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973. С. 12; Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права. С. 308; Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М.: Юрист, 2003. С. 259–260; Аверин А. В. Истина и судебная достоверность. С. 79; Рафиков Р. Р. Судебное правоприменение: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н.-Новгород, 2006. С. 11–13; Проблемы теории государства и права / Под ред. В. М. Сырых. С. 325–326; Курносова В. В. Судебная правоприменительная деятельность … С. 8.

[2] Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. С. 21.

сила и связанная с ней обязательность исполнения решений уголовного суда обеспечивается главным образом государственным принуждением, в то время как для обеспечения прочих правоприменительных актов помимо мер государственного воздействия широко используются всевозможные материальные и духовные, поощрительные и принудительные, организационные и иные меры[1].

Как правоприменительные акты судебные решения по уголовному делу направлены, прежде всего, на реализацию норм уголовного закона (установление преступности деяния, применение уголовной ответственности и наказания либо иной меры уголовно-правового характера), но реализуют также и нормы других отраслей права – как материального (например, гражданского, уголовно-исполнительного), так и уголовно-процессуального. Практически все судебные решения в уголовном судопроизводстве сопровождаются применением уголовно-процессуального законодательства, которым регламентированы основания и условия их принятия, порядок вынесения и внешняя форма выражения.

Судебные решения есть «неотъемлемый элемент системы правовых средств, при помощи которых осуществляется правовое регулирование»[2]. При этом властные предписания уголовного суда носят не нормативный, а индивидуальный (казуальный) характер, всегда вытекают из разрешения конкретной правовой ситуации (уголовно-правового, иного материально-правового или процессуального казуса), обращены к конкретным субъектам – участникам установленных судом правовых отношений: гражданам, организациям, государственным органам, и конкретизируют их права и обязанности применительно к выявленным фактическим обстоятельствам[3].

---

[1] Колесник И. В. Теоретическая модель правоприменительной технологии: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 159.

[2] Молодкин Н. Е. Функции судебных актов в правовом регулировании. С. 8.

[3] В этом состоит определенное отличие уголовно-процессуальных судебных решений от решений суда в гражданском, арбитражном и административном судопроизводствах, в которых не все судебные акты имеют индивидуально-определенный характер, но принятые по искам в защиту неопределенного круга лиц или по делам о признании недействующими нормативно-правовых актов распространяются на неопределенный круг лиц, т. е. имеют

Наличие в решениях суда, в том числе уголовного, всех признаков актов индивидуального регулирования общественных отношений в теории права общепризнано и не нуждается в подробном обосновании. В то же время распространенная в отечественной доктрине правоприменения позиция о том, что правовой основой индивидуальных актов, направленных на реализацию требований правовых норм, могут быть только нормативно-правовые предписания[1], применительно к судебным решениям требует уточнения в том смысле, что суды при разрешении юридических дел руководствуются не только нормами права (закона), но и общими правовыми принципами внутригосударственного права и основополагающими принципами международного права и международными договорами[2]. Для судебного правоприменения в любой форме правосудия характерны раскрытие смысла, толкование (интерпретация) общих и специальных правовых предписаний, преодоление пробелов и коллизий в законодательном регулировании на основе общих положений и принципов права, правовых обычаев, а также использование позиций, изложенных в решениях вышестоящих судов, Конституционного Суда РФ и международных судов, в частности, ЕСПЧ.

Далее: действия по вынесению судебного решения проходят не иначе как в рамках уголовно-процессуальных правоотношений. Как элемент правоотношения судебное решение является разновидностью юридического факта – волевым правомерным юридическим действием (актом), направленным на достижение определенных юридических последствий. Это значит, что каждое решение суда не только изменяет либо завершает, «замыкает» правоотношение, в рамках которого оно состоялось, но и, обладая свойством юридического факта и зачастую выступая в этом качестве частью юридического состава, порождает новые правовые отношения между судом и другими участниками производства по делу, между иными субъектами права. Завершающие судебное производство

неперсонифицированный характер (См.: Загайнова С. К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе … С. 17–18).

[1] Тенетко А. А. Юридическая техника правоприменительных актов. С. 22

[2] См.: Ершов В. В. Регулирование правоотношений: монография. М.: РГУП, 2020. С. 301.

решения способны также подтверждать или устанавливать отсутствие материально-правовых отношений. Процессуальные судебные акты-решения связаны с результатами юридической деятельности суда, с его итогами и несут в себе именно правовые последствия для участников спорного правоотношения[1].

Таким образом, решения уголовного суда играют роль актов индивидуального регулирования, основанного на праве во всех его формах, содержат адресованные субъектам права и обеспеченные государственным принуждением властные предписания правомерного поведения, необходимого для осуществления уголовного судопроизводства либо реализации юридической (уголовной либо гражданско-правовой) ответственности.

Для каждого акта правоприменения предусмотрена определенная, нормативно регламентированная с различной степенью детализации процедура его совершения, но ввиду особой значимости правоприменительной деятельности суда для правового регулирования общественных отношений процесс судебного правоприменения в целом и вынесения судебного решения в частности формализован наиболее тщательно и на самом высоком нормативно-правовом уровне. Ряд общих, основных и принципиальных положений, касающихся правосудия вообще и влияющих на механизм принятия судебных решений, закреплен в главах 2 и 7 Конституции РФ и содержится в положениях международно-правовых актов и договоров[2]. Детальная регламентация правоприменительной деятельности уголовного суда, видов и форм его решений осуществлена в УПК РФ, а по отдельным, частным вопросам – иными

---

[1] Малько А. В., Семикин Д. С. Судебные акты как особая разновидность правовых актов // Российский юридический журнал. 2010. № 5. С. 37.

[2] Например, Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948); Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950); Международного пакт о гражданских и политических правах (принят Генеральной Ассамблеей ООН 16.12.1966); Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (заключена 10.12.1984.); Основные принципы независимости судебных органов (одобрены Генеральной Ассамблеей ООН 13.12.1985); Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила)» (приняты Генеральной Ассамблеей ООН 29.11.1085); Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995).

федеральными законами. В результате основания, условия, порядок вынесения и внешняя, объективированная форма любого решения уголовного суда регламентированы и предопределены принципами и нормами уголовно-процессуального права, поэтому судебное решение – всегда процессуальный акт.

Раскрыв правоприменительную природу и процессуальный характер судебного решения в уголовном процессе, перейдем к анализу его юридической сущности, внутреннего содержания и различных смысловых значений.

Как было отмечено выше, индивидуальные правовые акты заключаются в специальные, нормативно определенные процедуры и формы, благодаря чему содержащиеся в них властные веления получают внешнее объективированное выражение. Происходящее от латинских *acta* (действие, деяние) и *actus* (юридическое действие), слово «акт» имеет в русском языке два основных смысловых значения: 1) единичное действие, поступок; 2) документ, удостоверяющий что-нибудь[1]. Поэтому в юридической науке «под “актом” понимают как проявление человеческой деятельности (действия), так и документ, т. е. словесно-документальное отражение этой деятельности»[2].

В этой связи С. С. Алексеев предлагал «учитывать смысловые различия, которые существуют между понятиями «решение юридического дела», «индивидуальное государственно-властное предписание» и «акт применения». Если первое из указанных понятий охватывает завершающее правоприменительное действие, второе указывает на результат правоприменения, то третье выражает результат решения юридического дела, рассматриваемый в единстве с его внешней, документальной формой, т. е. является актом-документом»[3].

---

[1] См.: Дыдынский Ф. М. Латино-русский словарь к источникам римского права: По изданию 1896 г. М.: Спарк, 1998. С. 25; Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз, 1985. С. 22; Бартошек М. Римское право: Понятия термины, определения. М.: Юрид. лит, 1989. С. 34, 44.

[2] Муратова Н. Г. Процессуальные акты органов предварительного расследования: Вопросы теории и практики. Казань: Изд-во Казан. ун-та,, 1989. С. 8.

[3] Алексеев С. С.: 1) Теория права. М.: Бек,1995. С. 260; 2) Общая теория права. М., 2009. С. 250.

В современной теории права принято различать три взаимосвязанных смысловых значения акта индивидуального правоприменения: акта как действия (совокупности действий) по его принятию, акта как властного требования правого характера (результата правоприменения) и акта как официального документа, закрепляющего результат правоприменения[1]. Вполне естественно и логично, что эти смыслы применяются и к судебным актам в целом[2], и к процессуальным решениям уголовного суда в частности[3].

Следовательно, решение суда в контексте правоприменительного процесса, каковым по сути является любое судебно-уголовное производство, можно рассматривать в двух аспектах: 1) решение как действие (процесс) по разрешению стоящего перед судом правового вопроса и 2) решение как результат этой деятельности, заключающийся в выводе (ответе) суда по разрешаемому вопросу и во властном судебном волеизъявлении-предписании, облеченном в документально-процессуальную форму. Такой подход согласуется с изложенным в предыдущих главах взглядом на уголовное правосудие как единое явление, сочетающее в себе две составляющих – рассмотрение и разрешение в порядке уголовного судопроизводства уголовных и иных юридических (судебных) дел.

Первый (поведенческий) аспект категории «решение суда» представляет интерес с точки зрения содержательной стороны самого процесса принятия решения в ходе судебного производства, центральным элементом которого безусловно является процессуальная деятельность уголовного суда по разрешению того или иного правового вопроса, а второй (результирующий)

---

[1] Аверин А. В. Истина и судебная достоверность … С. 85 – 92; Бахта А. С. Механизм уголовно-процессуального регулирования. С. 43; Проблемы теории государства и права / Под ред. В. М. Сырых. С. 346–347.

[2] См.: Загайнова С. К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе ... С. 14; Молодкин Н. Е. Указ. соч. С. 15–16; Коваленко Е. Н. Судебное решение: Теоретико-методологические и технико-юридические аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2009. С. 11–12.

[3] См.: Савченко В. А. Единоличные решения судьи при рассмотрении уголовных дел: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1981. С. 5; Азаров В. А., Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам. С. 81–82; Беляев М. В. Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 53.

аспект важен для раскрытия сущности судебного решения как такового, как самостоятельного явления правовой действительности, объективирующего в себе волеизъявление органа судебной власти. Если в процессуальных действиях уголовного суда по разрешению дела мы находим ответ на вопрос, каким образом, с помощью каких процессуальных средств и в каком порядке суд принимает решение, то вынесенное судом решение указывает, к чему, к какому результату привела эта деятельность.

В теории судебного правоприменения оба смысловых понятия выполняют важную гносеологическую и методологическую роль, но поскольку основной задачей настоящего исследования является изучение общих и особенных (дифференцированных) свойств судебных производств в уголовном процессе и их основных составных частей – процессуальных решений суда, далее в диссертации в соответствии с поставленными исследовательскими задачами феномен судебного решения рассматривается, главным образом, в значении результата разрешения судом юридического вопроса.

Имея общие с процессуальными действиями признаки уголовно-процессуальных актов (являются частью судебной деятельности по осуществлению правосудия, реализуют властные полномочия суда в уголовном процессе, регламентированы по форме, содержанию и процедуре нормами уголовно-процессуального права), судебные решения в то же время обладают важным сущностным качеством – способностью оказывать непосредственное регулятивное воздействие, которое объединяет их с решениями других властных субъектов уголовного процесса в разновидность уголовно-процессуальных актов – *процессуальные решения* (п. 33 ст. 5 УПК РФ).

Судебные решения, в отличие от судебно-процессуальных действий содержат ответы на поставленные перед судом правовые вопросы и вытекающие из этих ответов государственно-властные веления суда, выраженные в конкретно-определенной форме и направленные на индивидуальное регулирование, упорядочение общественных правоотношений, они подводят итог

процессуальной деятельности суда на определенном ее этапе или завершают правоприменительный цикл в целом.

На основе указанных признаков от судебных решений следует отличать организационные решения судьи (не имеют процессуального характера), «тактические решения» (не являются отдельным, самостоятельным правоприменительным актом и не обладают свойствами индивидуального правового регулирования, а лишь предваряют процессуальные действия суда, будучи их первоначальным, мыслительно-волевым моментом), а также такие процессуальные акты суда как распоряжения (ст. 232, ч. 4 ст. 257, части 1 и 2 ст. 258, ч. 1 ст. 326, ч. 2 ст. 327 УПК РФ), указания (ч. 3 ст. 136, части 17 и 18 ст. 328, ч. 2 ст. 331 УПК РФ) и запросы (ст. 115, 238, 453 и 456 УПК РФ). Последние, по сути, представляют собой либо процессуальные действия распорядительного характера, либо действия – обращения с просьбой к иному компетентному органу (запрос о правовой помощи, запрос в Конституционный Суд РФ)[1].

Процессуальные решения, как верно заметила П. А. Лупинская, «не только содержат ответы на вопросы о наличии или об отсутствии юридически значимых обстоятельств, при наличии которых могут быть приняты решения о совершении определенных правовых действий, но и предписывают, какое действие должно последовать», не только отвечают на вопросы «что установлено» или «не установлено», но и «определяют, какие правовые последствия вызывают установленные или неустановленные обстоятельства»[2].

Большинство правоведов, исследовавших сущность и содержание различных судебных решений, включая уголовно-процессуальные, соглашаются с тем, что суть судебного решения выражается в ответах на возникшие по рассматриваемому юридическому делу правовые вопросы и (или) в конкретно-

---

[1] Подробнее о разграничении судебных решений и иных процессуальных и организационных актов суда см.: Бурмагин С. В.: 1) Отграничение решений от иных актов уголовного суда // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 4. С. 9–22; 2) Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия. С. 461–473.

[2] Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве … С. 16–17.

индивидуальном властном предписании суда, основанном на установленных, юридически значимых фактах (обстоятельствах)[1].

Соискатель также убежден, что судебное решение для выполнения своей регулятивно-правовой роли должно содержать в себе два обязательных компонента: констатирующий и властно-распорядительный. Без первого компонента решение суда не обретает легитимности, поскольку в отсутствие фактической и юридической основы, а именно она выводится и констатируется в судебных выводах («ответах»), решение представляет собой «голое», произвольное веление, не подкрепленное силой права и убедительностью факта. При отсутствии властно-распорядительного компонента решение суда предстает в незавершенном виде, оно не способно выступать средством индивидуального регулирования общественных отношений, утрачивает правовой смысл и значение акта правосудия.

Судебное решение как процессуальный акт немыслимо вне процессуальной формы. Само по себе решение как результат логико-мыслительной и волевой деятельности судьи (судей) приобретает значение правового акта и порождает необходимые юридические последствия только будучи произведенным в рамках процессуальной деятельности суда и выраженным во внешних формах: провозглашено в судебном заседании (в большинстве случаев) и закреплено в

---

[1] Савченко В. А. Единоличные решения судьи при рассмотрении уголовных дел: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1981. С. 5; Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1991–2001). Очерки теории и практики. М.: Городец-издат, 2001. С. 104, Трахов Р. А. Обоснованность решений суда первой инстанции в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 8; Бахта А. С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 12; Бозров В. М., Костовская Н. В. Судебное решение и оценка доказательств по уголовному делу: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 12; Пальчикова М. В. Определения и постановления суда первой инстанции в российском уголовном процессе. С. 46; Барова М. А. Уголовно-процессуальный механизм вынесения судебных решений в досудебном производстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2014. С. 13, 20; Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 14; Володина Л. М. Решения в уголовном судопроизводстве // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений): Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф: В 2-х Ч. М.: Акад. упр. МВД России, 2015. Ч. 1. С. 149.

процессуальных судебных документах. Поэтому в теории уголовного процесса установленная законом процессуальная форма выражения абсолютно обоснованно признается неотъемлемым признаком любого судебного решения[1].

В то же время недостаточно определять судебное решение, равно и любой иной правоприменительный акт, только как «официальный акт-документ» без указания на его содержательную сторону[2]. Решение-документ неотделимо от существа решения. Процессуальный документ, хотя и составленный по установленной форме, но не наполненный выводами и властными велениями, остается незаполненным бланком – «пустой внешней оболочкой», лишенной содержания, поэтому такое решение не имеет смысла и не приобретает значения правового акта. С другой стороны, решение суда, не облеченное в надлежащую процессуальную форму, не может считаться состоявшимся и не обретает необходимой юридической силы. Следовательно, собственно решение суда (выводы и предписания) и процессуальную форму его выражения (письменный процессуальный документ) необходимо воспринимать как единое целое, как две стороны одного явления (правового объекта), воплощающие в себе диалектическое единство содержания и формы.

Таким образом, обобщив проанализированные выше существенные признаки и смысловые значения уголовно-процессуальных актов суда и основываясь на общей научно обоснованной дефиниции уголовно-

---

[1] См.: Случевский Вл. Учебник русского уголовного процесса. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913, С. 312–313; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том 2. М., СПб.: Альфа, 1996. С. 341–342; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Том.1. М.: Наука, 1968. С. 200–201; Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. С. 26; Трахов Р. А. Обоснованность решений суда первой инстанции в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 8; Бозров В. М., Костовская Н. В. Судебное решение и оценка доказательств по уголовному делу. С. 9; Пальчикова М. В. Определения и постановления суда первой инстанции в российском уголовном процессе. С. 55–56; Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 15; Барова М. А. Указ. соч. С. 13; Беляев М. В. Судебные решения в российском уголовном процессе … С. 33–35.

[2] Изместьева Е. М. Субъекты правоприменительной деятельности в условиях децентрализации правового регулирования в России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2016. С. 10.

процессуальных решений, данной профессором П. А. Лупинской[1], полагаем возможным сформулировать следующее определение решения уголовного суда.

Судебное решение в уголовном процессе *есть вынесенный в установленной законом процессуальной форме правоприменительный акт суда, содержащий основанные на праве и установленных фактических обстоятельствах дела выводы по рассмотренному в порядке уголовного судопроизводства юридическому делу или отдельному правовому вопросу и вытекающие из этих выводов властные волеизъявления суда о действиях, направленных на достижение целей уголовного правосудия.*

Являясь разновидностью уголовно-процессуальных решений, судебное решение обладает такими общими, характерными для всех решений чертами как нормативно-правовое установление и закрепление в уголовно-процессуальном законе оснований и условий принятия решений, процедуры их вынесения, оснований и порядка обжалования; наличие логической структуры и основных содержательных элементов и реквизитов[2]; подчинение требованиям законности, обоснованности и мотивированности (ч. 4 ст. 7 УПК РФ).

В то же время вследствие особого предназначения судебной власти в системе общественно-государственного устройства, ее полноты и самостоятельности, властного доминирования в любом виде судопроизводства, а также процессуальной независимости судов (судей) и их неподконтрольности при

---

[1] Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. С. 26.

[2] Структура, содержание и внешние реквизиты определены в УПК РФ не для всех процессуальных решений, а только для наиболее юридически значимых, например, для судебного приговора (статьи 304 – 309 УПК РФ). Применительно к другим решениям, в том числе судебным, правила их содержательно-структурного наполнения и внешне-документального оформления применяются в силу сложившихся процедурно-правовых обычаев (обыкновений) на основе аналогии уголовно-процессуального закона. Попытка законодателя регламентировать правила составления и внешнего оформления всех процессуальных решений, включая судебные, путем установления в главе 57 УПК РФ перечня бланков процессуальных документов, как известно, не увенчалась успехом и прекращена в 2007 году ввиду невозможности охватить все многочисленные и разнообразные по содержанию процессуальные решения и предусмотреть их индивидуальные особенности, раскрывающиеся в конкретных правовых ситуациях.

осуществлении правосудия другим государственным органам и общественным институтам, ***решения суда имеют следующие существенные отличия,*** выделяющие их из общего объема уголовно-процессуальных решений.

1. Содержащиеся в судебных решениях ответы на правовые вопросы и основанные на них волеизъявления-требования исходят от органа судебной власти. Все решения уголовного суда, разрешающие основной или промежуточный вопрос рассматриваемого дела, являются актами правосудия в широком смысле данного понятия.

2. Решения уголовного суда вполне самодостаточны и не требуют ни согласования, ни утверждения, а их принятие не допускает какого-либо вмешательства и указаний от кого бы то ни было.

3. Судебные решения главенствуют в сфере судопроизводства и превалируют над процессуальными решениями других органов власти, имеют обязательный характер для всех субъектов права и по вступлении в законную силу подлежат неукоснительному исполнению (ст. 392 УПК РФ). При этом никакие процессуальные решения других государственных органов, участвующих в уголовном деле, не имеют для суда преюдициального значения и не обладают непреодолимой силой. Любое ходатайство, представление прокурора, следователя, дознавателя, других государственных органов, обращенное к суду даже и в форме постановления, может быть отклонено. Юридическая сила решения органа уголовного преследования может быть аннулирована судом непосредственно путем признания его незаконным (например, по результатам рассмотрения жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ) или преодолена посредством вынесения собственного решения по тому же вопросу (например, оправдание лица по предъявленному обвинению).

4. Решения суда имеют результирующее значение для производства по уголовному или иному судебному делу: они не только венчают отдельно взятую судебную процедуру и подводят черту под рассматриваемым уголовно-правовым спором или процессуальным конфликтом (последнее возможно и в результате прекращения уголовного дела или уголовного преследования органом

предварительного расследования), но и являются окончательными в том смысле, что решение по рассмотренному судом вопросу не может быть опровергнуто или преодолено другими субъектами уголовного судопроизводства или действующими вне уголовного процесса органами государственной власти, а может быть пересмотрено только вышестоящей судебной инстанцией в строго установленном порядке и по определенным основаниям.

5. Только судебным решением разрешаются правовые вопросы, отнесенные в уголовном судопроизводстве к исключительной компетенции судебной власти (статьи 29, 397 и др. УПК РФ).

6. Посредством судебных решений нормы уголовного права реализуются в полном объеме, например, когда при вынесении обвинительного приговора, постановления или определения вышестоящей судебной инстанции уголовный суд применяет не только диспозицию уголовно-правовой нормы, но также и ее санкцию. Судебные решения, в которых применяются уголовно-правовые нормы, вызывают более значимые и не свойственные решениям иных органов уголовно-правовые последствия в виде уголовной ответственности и наказания или применения иных мер уголовно-правового характера и влекут иные специфические правовые последствия (например, судимость)[1].

7. Для судебных решений (и не только в уголовном процессе[2]) характерны более детальная регламентация их форм и содержания, подробное регулирование процедуры их принятия и особые, присущие только правосудию правила вынесения решений (в судебном заседании, в условиях гласности, при активном участии сторон, с соблюдением тайны совещания и т. д.).

8. Для уголовного суда законодатель предусмотрел такие специфические по форме и содержанию процессуальные решения как приговор, определение,

---

[1] Подробнее о различиях в применении уголовно-материальных норм судом и другими государственными органами (прокурором и органами предварительного расследования) см.: Уголовный процесс / под ред. В. П. Божьева. М., 2002. С. 102–103; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2002. С. 70.

[2] См.: Загайнова С. К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе ... С. 6–7. Курносова В. В. Судебная правоприменительная деятельность: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2018. С. 64–65.

заключение, частные постановление и определение, которые отсутствуют в наборе процессуальных средств других властных субъектов уголовного процесса.

9. В отношении судебных решений установлен специальный инстанционный (исключительно судебный) порядок их проверки, изменения и отмены.

10. Судебные решения в большинстве своем исполняются особым образом уполномоченными на это органами исполнительной власти.

11. Судебные решения наделяются законной силой (статьи 390 – 391 УПК РФ) – качественным состоянием, демонстрирующим значимость (до уровня закона) и степень властности решения уголовного суда, означающим его окончательность и выражающимся в стабильности и правовом действии судебного решения. «Вступление судебного решения в законную силу является тем моментом, когда оно приобретает окончательный характер, обеспечиваемый принципом *res judicata*, вследствие чего весь комплекс свойств, присущих судебному решению как акту правосудия, переводится из потенциального состояния в актуальное»[1].

Законная сила и свойства судебных решений. В уголовно-процессуальной теории со вступлением судебного решения в силу чаще всего связывают так называемые *внешние свойства решения*, к которым разные авторы причисляют: законную силу судебного решения, его общеобязательность, исключительность, преюдициальность, неизменность, неопровержимость, стабильность, определенность, непоколебимость, исполнимость, истинность[2].

---

[1] Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. С. 75.

[2] Каз Ц. М. Правовая природа приговора в советском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов. 1952. С. 14–17; Бутов В. Н. Определения суда первой инстанции по уголовным делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. С 13–16; Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков, 1979. С. 109; Гай О. Ю. Законная сила приговора в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 6; Александрова О. Ю. Оправдательный приговор в уголовном процессе: теоретические основы и правоприменительная практика: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 10–11; Бунина А. В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 12–13; Ивенский А. И. Приговор – акт правосудия, осуществляемого в общем и особом порядках судебного разбирательства: автореф.

Аналогичные по сути или близкие по содержанию свойства выделены процессуальной наукой у судебных актов и в других областях правосудия, в частности, в гражданском и арбитражном судопроизводствах[1], что указывает на их универсальность и подчеркивает общую правовую природу судебных решений (судебных актов) как главных средств реализации задач и функций правосудия, через которые проявляется и воплощается судебная власть.

В то же время нельзя не отметить, что, несмотря на давние и многочисленные (по большей части в рамках теории гражданского процесса) исследования, современная российская доктрина не выработала общего подхода к пониманию правовой природы законной силы судебных актов и не содержит единых или согласованных позиций относительно содержания законной силы и ее соотношения со свойствами судебного решения[2]. Отсутствует единство взглядов и в отношении перечня свойств, их природы и содержания[3].

дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 9–10; Остапенко И. А. Приговор как итоговое решение по уголовному делу: автореф. дис. канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 9–10; Чурилов Ю. Ю. Оправдательный приговор в российском судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. С. 8; Коваленко Е. Н. Судебное решение: Теоретико-методологические и технико-юридические аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. С. 20; Чайковская М. А. Характеристика приговора: свойства или требования // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1. С. 260–262; Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе. С. 78–155; Бибило В. Н. Свойства судебного приговора как проявление легитимации правосудия // Журнал Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 3. С. 75–82; Беляев М. В. Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 112–113.

[1] См.: Авдюков М. Г. Законная сила судебного решения в советском гражданском процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1953. С. 6; Масленникова Н. И. Законная сила судебного решения в советском гражданском процессуальном праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. С. 9–10; Князев А. А. Законная сила судебного решения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 7–8; Клинова Е. В. Проявление законной силы судебного решения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 8–10; Загайнова С. К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 37–38; Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. М., 2014. С. 496–507.

[2] Подробнее об этом см.: Князев А. А. Законная сила судебного решения… С. 4–5, 11–12; Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. С. 501–504; Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе. С. 50–70.

[3] Например, М. Т. Аширбекова и Е. А. Зайцева относят исключительность, обязательность, истинность и преюдициальность к сущностным чертам приговора и отстаивают мнение о том, что эти черты являются не внешними, а внутренними свойствами приговора (см.: Аширбекова М. Т. Приговор: правореализационные качества и сущностные свойства // Вестник

Не углубляясь в анализ и сопоставление всего спектра мнений и позиций по дискуссионным вопросам о природе, сущности законной силы судебных актов и связанных с ней свойств судебных решений – благо такой анализ успешно проведен другими авторами и в достаточной степени представлен в юридической литературе[1] – считаем возможным в рамках настоящего исследования ограничиться кратким изложением собственных выводов и суждений о наличии, содержании и соотношении присущих судебным решениям свойств, обоснование которых подробно приведено нами в монографии «Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия»[2].

Итак, к внешним свойствам судебного решения, характеризующим его действие «вовне» как особого государственно-властного (судебного) акта индивидуально-правового регулирования, на наш взгляд, следует относить: исключительность, общеобязательность, исполнимость, преюдициальность и неопровержимость.

Под *исключительностью* следует понимать недопустимость производства и принятия решения, как судебным так и любым иным органом власти, по юридическому делу или отдельному правовому вопросу, некогда рассмотренному уголовным судом и получившему разрешение во вступившем в законную силу решении суда.

Свойство исключительности судебного решения связано с обособленностью, исключительностью компетенции органов правосудия, диктуется необходимостью реализации общеправовых принципов *non bis in idem* – недопустимости повторного осуждения и наказания за одно и то же деяние (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, ст. 4 Протокола № 7 от 22.11.1984 г. к Европейской

Волгоград. акад. МВД России. 2019. № 3. С. 74–80; Аширбекова М. Т., Зайцева Е. А. О сущностных свойствах приговора // Вестник ТГУ. Право. 2021. № 39. С. 21–31).

[1] См.: Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции: монография / под ред. Н. А. Колоколова. М., 2012. С. 243–258; Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. М., 2014. С. 496–510; Дикарев И. С. Указ. соч. С. 58–155.

[2] Бурмагин С. В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 443–461.

конвенции[1]) – и правовой определенности. Последний предусматривает определенность судебных актов – *res judicata*, означающую, помимо прочего, неколлизионность (неконфликтность) судебных решений, стабильность и однозначность их регулятивного воздействия на правоотношения.

Вследствие исключительности принятого решения суд не рассматривает последующие тождественные процессуальные обращения, не может неоднократно разрешать один и тот же уголовно-правовой или процессуальный спор и применять норму права к одним и тем же правоотношениям. Исключительность свойственна не только приговору, но и иным решениям уголовного суда, включая промежуточные решения, касающиеся процессуальных вопросов, возникающих в ходе того или иного судебного производства[2]. Как отмечает В. Н. Бибило, «исключительность приговора – одна из важнейших гарантий легитимации правосудия»[3]. Полагаем, что аналогичное значение свойство исключительности имеет и у иных судебных решений, завершающих любой вид судебных производств, включенных в систему уголовного правосудия.

Свойство *общеобязательности* судебного решения отражает в себе законодательно установленное требование признавать выводы (констатацию фактов) и неуклонно исполнять властные предписания, содержащиеся во вступивших в законную силу приговорах, определениях и постановлениях суда. Общеобязательность решений уголовного суда обеспечивается требованиями закона (ч. 1 ст. 6 ФКЗ о судебной системе, ч. 1 ст. 392 УПК РФ) и принудительной силой государства, посредством чего в общеобязательности судебных актов воплощается властное начало деятельности суда по осуществлению правосудия.

Исполнимость судебного акта в процессуальной науке предстает как «обязанность сторон подчиниться нормам права, примененным судом в

---

[1] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (вместе с Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2022).

[2] Об отдельных исключениях и нюансах действия и проявления свойства исключительности в решениях уголовного суда см.: Дикарев И. С. Указ. соч. С. 123–155.

[3] Бибило В. Н. Указ. соч. С. 79.

решении»[1], беспрекословное исполнение этого решения[2], возможность принудительного исполнения подтвержденного судом требования или осуществления обязанности, установленной судебным решением[3], полная и точная реализация всех содержащихся в судебном акте решений управомоченными на то органами и лицами с применением в необходимых случаях государственного принуждения[4]. Таким образом, свойство исполнимости – это способность судебного решения быть реализованным (исполненным) в добровольном или принудительном порядке теми органами и лицами, на которых судебным решением или законом возложена обязанность выполнить запрограммированные в решении суда юридические действия.

Преюдициальность применительно к уголовному судопроизводству (ст. 90 УПК РФ) понимается как обязательность установленных вступившим в законную силу судебным актом обстоятельств для органов предварительного расследования, прокурора и суда, которые должны признавать их без дополнительной проверки[5]. Иначе говоря, дознаватель, следователь, прокурор и суд освобождаются от обязанности исследовать те обстоятельства уголовного дела, которые уже были установлены ранее в ходе уголовного судопроизводства по другому делу и подтверждены вынесенным приговором[6]. Таким образом,

---

[1] Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. С. 506.

[2] Авдюков М. Г. Законная сила судебного решения в советском гражданском процессе … С. 9.

[3] Масленникова Н. И. Законная сила судебного решения в советском гражданском процессуальном праве … С. 9; Князев А. А. Законная сила судебного решения … С. 23; Клинова Е. В. Проявление законной силы судебного решения … С.10.

[4] Бутов В. Н. Указ. соч. С. 15.

[5] Дикарев И. С. Указ. соч. С. 109; Александрова О. Ю. Оправдательный приговор в уголовном процессе … С. 11; Лопатин С. А. Реализация или преодоление преюдиции в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. С. 9. – Аналогичное содержание в понятие свойства преюдициальности вкладывается в гражданском процессуальном праве (См.: Сахнова Т. В. Указ. соч. С. 506; Клинова Е. В. Указ. соч. С. 9).

[6] п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 28.09.2017 г. № 2177-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воронцова Льва Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьей 90 УПК РФ». Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

преюдициальность препятствует принятию противоречащих друг другу актов правосудия.

По буквальному толкованию ст. 90 УПК РФ преюдициальность свойственна далеко не всем решениям уголовного суда, а только приговорам, причем за исключением постановленных по результатам судебного разбирательства, проведенного в особом порядке (статьи 226.9, 316 и 317.7 УПК РФ). Распространение преюдициальной силы на итоговые постановления (определения) уголовного суда, за что ратует ряд авторов[1], может быть поддержано лишь при условии соблюдения надежных гарантий достоверного установления обстоятельств, приобретающих значение преюдициальных фактов. В этом плане мы солидарны с М. В. Беляевым, считающим, что свойством преюдициальности могут и должны наделяться только такие судебные решения, которые вынесены по результатам полноценного судебного разбирательства и основаны на фактических обстоятельствах, установленных посредством судебного доказывания[2].

Анализ правовой сущности исполнимости и преюдициальности судебных решений в сопоставлении с рассмотренным выше свойством общеобязательности судебных актов позволяет согласиться с мнением И. С. Дикарева о том, что свойства исполнимости и преюдициальности составляют содержание свойства обязательности, являются его элементами и полностью охватываются понятием общеобязательности судебных решений[3].

Последнее из выделенных нами свойств судебных решений – свойство *неопровержимости* или неизменности, непоколебимости[4] – обычно

---

[1] Заржицкая Л. С. Преюдициальность приговора // Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции: монография / под ред. Н. А. Колоколова. М., 2012. С. 246, 253–254, 258; Беляев М. В. Свойства судебных решений в российском уголовном процессе. С.75–76; Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе.. С. 112–113.

[2] Беляев М. В Судебные решения в российском уголовном процессе … С. 104–106.

[3] Дикарев И. С. Указ. соч. С. 98–99.

[4] В процессуальной науке термины «неопровержимость», «неизменность» и «непоколебимость» в значении свойств судебных актов обычно используются как тождественные по смыслу, поэтому их следует воспринимать как различные наименования одного и того же юридического понятия, обозначающего соответствующее единичное свойство

рассматривают в контексте реализации принципа правовой определенности, требующего устойчивости установленных судом правоотношений и определенности правового статуса лица, признанного судебным решением, которые достигаются стабильностью окончательных судебных актов[1]. В частности, применительно к приговору М. К. Свиридов резонно замечает: «Правопорядок должен быть стабильным. Для этого должны быть стабильными его регуляторы. Отсюда вытекает необходимость стабильности приговора как одного из регуляторов»[2]. Стабильность судебных решений в свою очередь обеспечивается их неопровержимостью.

Неопровержимость (неизменность) решения понимается как запрет на внесение изменений в его содержание судом, вынесшим данное решение, а также недопустимость после вступления решения в законную силу его свободного обжалования заинтересованными участниками судебного процесса и пересмотра вышестоящим судом в обычном (апелляционном) порядке[3].

Свойства исключительности, общеобязательности и неопровержимости имманентно присущи всем решениям уголовного суда, но в силу их специфики различны по своему содержанию и субъектам, на которых они распространяют свое влияние, проявляются не одинаково у разного рода решений – не одномоментно и в различной степени[4]. В частности, преюдициальность –

судебных решений. Применительно к приговору данное свойство рядом авторов названо также «стабильностью» – См.: Ивенский А. И. Указ. соч. С. 5; Аширбекова М. Т., Зайцева Е. А. О сущностных свойствах приговора. С. 21–22.

[1] Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе. С. 78–79.

[2] Свиридов М. К. Обеспечение стабильности приговора // Вестник ТГУ. 2012. № 357. С. 139.

[3] См.: Александрова О. Ю. Указ. соч. С. 11; Бутов В. Н. Указ. соч. С. 16; Дикарев И. С. Указ. соч. 86; Сахнова Т. В. Указ. соч. С. 504.

[4] По мнению В. А. Теплова наличие у судебного определения тех или иных свойств (их сочетания) зависит от характера и вида определения суда (Теплов В. А. Определение суда первой инстанции по уголовному делу … С. 19–20). В. Н. Бутов придерживался позиции, согласно которой в уголовном судопроизводстве имеются определения суда (по действующему закону получается, что и соответствующие постановления суда), которым присущи не все свойства, и лишь свойства обязательности и исполнимости приобретаются всеми без исключения определениями суда (Бутов В. Н. Указ. соч. С. 15). М. Т. Аширбекова и Е. А. Зайцева к свойствам, характеризующим любой правоприменительный акт суда, добавляют

составная часть общеобязательности – свойственна ограниченному кругу судебных решений; своеобразно действует свойство исключительности у ряда промежуточных решений, имеющих процедурный характер; часть решений (например, об избрании, отмене или изменении судом меры пресечения) исполняется до перехода их в окончательное состояние (до вступления в законную силу). При всем при этом свойства судебного решения тесно взаимосвязаны, все они, черпая властность в специфическом положении и значении суда, постановившего решение, в свою очередь обеспечивают властность, силу и значение судебного решения[1].

Важно подчеркнуть, что все рассматриваемые свойства обретаются судебным решением изначально, с момента появления судебного решения как объекта правовой действительности, то есть с момента его принятия судом, но проявляться и реализовываться (функционировать) начинают не одновременно и не равномерно[2].

Внешние свойства потому и «внешние», что характеризуют решение в его связи и взаимодействии с «внешней средой» – окружающей правовой действительностью, с порождаемыми им новыми правоотношениями и с юридической деятельностью субъектов, которым адресованы властные предписания суда или на чье поведение оказывает влияние факт и правовое содержание действующего судебного решения. Эти связи, взаимодействие с внешней правовой реальностью обнаруживаются в действии судебного решения, а действовать любое решение суда начинает, как правило, с момента вступления в законную силу. В любом случае, вступление решения в законную силу знаменует собой начало его юридического действия в полном объеме.

Само юридическое действие судебного решения заключается не только в обязательном и неукоснительном исполнении содержащихся в нем конкретных повелений суда, но и в подчинении, непротивлении его установлениям (выводам)

исключительность и отмечают, что стабильность как приговора, так и иного судебного решения известным образом ограничена (Аширбекова М. Т., Зайцева Е. А. Указ. соч. С. 24–25).

[1] Князев А. А. Законная сила судебного решения … С.13–14.

[2] Бутов В. Н. Указ. соч. С. 15; Коваленко Е. Н. Указ. соч. С. 20–21;

и властным предписаниям, в недопущении со стороны кого-либо действий и решений, противоречащих этим установлениям и предписаниям, в следовании им в процессуальной и иной практической деятельности, а также в оказании преюдициального влияния решения суда на последующие процессуальные акты. Иными словами, действие судебного решения – это активное проявление его внешних свойств: исключительности, общеобязательности (исполнимости и преюдициальности) и неопровержимости.

Вступление решения суда в законную силу означает, что оно обрело окончательный вид (с учетом корректировки судом апелляционной инстанции) и начинает действовать в полном объеме, т. е. «запускается» и реализуется заложенное в решении правовое воздействие на общественные правоотношения и, как следствие, возникают обусловленные им юридические последствия. При этом судебное решение не может быть свободно обжаловано и пересмотрено в обычном порядке и подлежит неукоснительному исполнению, в том числе принудительно. Это указывает на переход судебного решения в качественно иное правовое состояние, которое выражается в полной активации его внешних свойств: исключительности, общеобязательности (включая исполнимость и преюдициальность) и неопровержимости. Иными словами вступление в законную силу переводит решение суда в действующее, активное состояние. Только вступив в законную силу, решение суда окончательно и в полном объеме приобретает качество акта правосудия.

Таким образом, *законная сила судебного решения* – это не свойство судебного решения, а его правовое состояние – состояние действенности, состояние полной активности внешних свойств решения. В случаях, когда действенность (активность) не обретается судебным решением изначально, т. е. в момент принятия решения, роль пускового механизма перехода решения в это состояние (вступления в законную силу) исполняет юридический факт истечения срока апелляционного обжалования судебного решения либо, если решение обжаловано, факт вынесения судом апелляционной инстанции решения, не отменяющего исходное решение суда.

Пребывание судебного решения в законной силе есть ничто иное, как его длящееся правовое действие, имеющее определенные объективные (предметный, временной, пространственный) и субъективные пределы[1], но в любом случае законная сила судебного решения – не одномоментное событие, но более или менее продолжительное состояние.

Иного смыслового содержания, отличавшего бы законную силу как правовой феномен от других, связанных с правосудием явлений, мы не находим. В этой связи представляется некорректным интерпретировать законную силу как самостоятельное, отдельное свойство судебного решения[2], равно как и совокупность (суммарное множество), комплекс внешних свойств[3].

Сила судебного решения заключается не в наличии присущих ему свойств (исключительности, общеобязательности, неопровержимости) или в их совокупности – одного этого явно недостаточно – а в совместном действии этих свойств. Как верно заключает И. С. Дикарев, эффективность судебного решения как акта правосудия может быть обеспечена лишь при условии, что указанные свойства, каждое из которых обладает собственным уникальным содержанием, действуют в комплексе[4].

Значение судебных решений, выносимых в уголовном процессе, весьма обширно и многогранно, оно достаточно подробно освещено в юридической литературе, но, как правило, применительно к отдельным видам и формам

---

[1] Подробнее о пределах законной силы судебных актов см.: Гай О. Ю. Законная сила приговора в уголовном процессе ... С. 18; Остапенко И. А. Приговор как итоговое решение по уголовному делу … С. 20; Безруков А. М. Преюдициальная связь судебных актов: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 14–15;. Масленникова Н. И. Законная сила судебного решения в советском гражданском процессуальном праве … С. 16–18; Князев А. А. Законная сила судебного решения … С. 9, 24–29; Клинова Е. В. Проявление законной силы судебного решения … С. 13–14.

[2] Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. С. 109; Бунина А. В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства … С. 12-13; Остапенко И. А. Указ соч. С. 20.

[3] Бутов В. Н. Определения суда первой инстанции по уголовным делам … С. 13-14; Масленникова Н. Законная сила судебного решения в советском гражданском процессуальном праве … С. 9; Клинова Е. В. Проявление законной силы судебного решения … С. 12.

[4] Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в *уголовном процессе. С. 72.*

решений[1]. В зависимости от уровня обобщения свойств и характеристик решений уголовного суда их значение может рассматриваться как в контексте общей ценности актов судебной власти (общее значение), так и с точки зрения их роли и назначения в системе уголовного правосудия (специальное, особенное значение). Значимость различных, дифференцированных на виды судебных решений целесообразно оценивать также по их функциональному назначению, в зависимости от вклада конкретного решения в реализацию задач конкретного судебного производства и достижение конечных целей уголовного правосудия.

Общее социально-правовое значение судебных решений обусловлено их принадлежностью к актам судебной власти и состоит в урегулировании социально-правовых конфликтов и разрешении спорных правовых вопросов, в сглаживании противоречий и восстановлении в обществе мира, спокойствия и порядка. При этом, как верно замечает С. К. Загайнова, провозглашение в Конституции РФ принципа разделения властей, придание судебной власти статуса самостоятельной ветви государственной власти отразилось на правовой природе и значении судебных актов, расширило сферу их действия[2]. Уголовно-

[1] К числу наиболее заметных работ последних лет, в которых раскрывается значение различных решений уголовного суда, можно отнести: Александрова О. Ю. Оправдательный приговор в уголовном процессе: теоретические основы и правоприменительная практика: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005; Подольский М. А. Судебные решения в досудебном производстве по уголовному делу: Вопросы теории и практики: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007; Петрухин И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию: монография. М., 2009; Лупинская П. А. Решение в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2010; Пальчикова М. В. Определения и постановления суда первой инстанции в российском уголовном процессе: монография. М., 2013. Азаров В. А., Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам: монография. М., 2013; Барова М. А. Уголовно-процессуальный механизм вынесения судебных решений в досудебном производств: дис. канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2014; Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения в уголовном судопроизводстве: монография М., 2017; Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017; Попова И. П. Обвинительный приговор без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве: сущность, основания и порядок постановления: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2018; Беляев М. В. Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019; Загорский Г. И. Постановление приговора: проблемы теории и практики: учебно-практич. пособие. М., 2020.

[2] Загайнова С. К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: Теоретические и прикладные проблемы: автореф. … дис. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 3, 16–17.

процессуальные решения суда, как и судебные акты в целом, представляют собой главное средство, важнейший элемент механизма реализации судебной власти[1], обеспечивающего ее функционирование в сфере уголовного судопроизводства. Принимая процессуальные решения, судебные органы воплощают свои государственно-властные полномочия в практическую деятельность и через них оказывают властное регулятивное и правозащитное воздействие на социальную действительность.

Социально-политическая и идеологическая роль судебных решений проявляется в их способности закреплять выявленный в ходе судебного правоприменения истинный смысл и содержание нормативно-правовых предписаний, воплощать в жизнь заложенную в законодательстве уголовно-правовую и уголовно-процессуальную политику государства, корректировать ее в соответствии с гуманистическими и нравственными основами судопроизводства и общественными ценностями, способствовать правовому воспитанию и повышению правовой культуры граждан.

Кроме того, решения уголовного суда, и это особо заметно в судебно-контрольных производствах, имеют важное с позиции разделения властей в сфере уголовного судопроизводства значение в качестве действенного «средств судебного контроля над правовыми процессами, действиями субъектов права и их результатами»[2] и в первую очередь – контроля над законностью деятельности органов уголовного преследования и органов исполнения судебных решений, сопряженной с ограничением основных (конституционных) прав и свобод личности.

В современных условиях информационного общества, развития и внедрения в судебную деятельность новых информационных технологий, наметившейся «цифровизации» правосудия нельзя умолчать и о возрастающем значении судебных решений для доступности, открытости, предсказуемости правосудия, расширения возможностей осуществления контроля со стороны общества за

[1] Воскобитова Л. А. Теоретические основы судебной власти. М., 2017. С. 146–152.
[2] Молодкин Н. Е. Функции судебных актов в правовом регулировании. С. 10.

деятельностью органов судебной власти. Как верно отмечает М. В. Беляев, «значение судебных решений уже не может рассматриваться в контексте лишь отдельного уголовного дела», по их качеству оценивается справедливость правосудия и эффективность судебной (и правоохранительной в целом) системы[1]. Действительно, восприятие социумом принимаемых судом решений во многом предопределяет оценку в общественном сознании способности судебной власти эффективно и своевременно защищать право в целом и выступать надежным гарантом соблюдения прав и свобод личности.

Собственно правовое значение судебных решений заключается в том, что они выполняют в правовых отношениях роль юридических фактов или завершающего элемента юридических составов, являются определяющим звеном, заключительным этапом и результатом правоприменительной деятельности суда, осуществляемой в границах определенного судебного производства, занимают в механизме правового регулирования особое место среди индивидуальных правовых актов, будучи важнейшим средством (способом) индивидуального (казуального) регулирования общественных отношений. Как акты индивидуального правового регулирования решения суда имеют исключительную значимость, поскольку судебное регулирование всегда оказывается решающим и окончательным.

При этом судебное решение не только определяет права и обязанности участников спорного правоотношения по конкретному делу, но и оказывает серьезное влияние на правопорядок в целом, поскольку «содержит указание на стабильный характер связи между всеми значимыми обстоятельствами и нормами права», и поэтому на него ориентируются действия субъектов других сходных правоотношений, не участвующих в разрешении судебного спора, а также решения иных субъектов правоприменительной деятельности[2].

Поскольку «применение права – это деятельность управленческая, организующая, служащая для упорядочения общественных отношений» и

---

[1] Беляев М. В. Судебные решения в российском уголовном процессе … С. 3, 52.
[2] Фурсов Д. А., Харламова И. В. Теория правосудия… Т. 1. С. 104–105.

«представляет собой правовую форму государственного управления обществом»[1], в отечественном правоведении судебное решение юридического дела или отдельного правового вопроса по своей социальной природе характеризуется как разновидность управленческого решения, которое всегда сопровождается предварительным волевым и сознательным выбором варианта возможного поведения (деятельности) на основе имеющейся информации, включающем в себя выбор цели, средств ее достижения и последовательности действий[2]. Как отмечает В. Н. Карташов, правоприменительный (*а значит, и судебный – С. Б.*) акт связан с реальным преобразованием тех или иных сфер общественной жизни, удовлетворением конкретных личностных потребностей и интересов[3].

Однако, характеризуя судебное решение как управленческое, нельзя не учитывать, что «в правовой сфере цели и средства их достижения установлены законом и составляют содержание правовой процедуры»[4], а в качестве необходимой для решения информации выступают сведения о фактических обстоятельствах рассматриваемого дела[5]. Поэтому судебное правоприменение – это управление «специализированного характера, нацеленное на обеспечение строгого воплощения в жизнь общих программ, закрепленных в нормах права»[6], его воздействие осуществляется на основе и посредством правовых принципов и форм права, в установленных юридическими нормами пределах, что предопределяет особую специфичность решения суда как разновидности управленческого решения.

---

[1] Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права. С. 306.

[2] См.: Алексеев С. С. Проблемы теории права. Т. 2. Свердловск, 1973. С. 278; Колпаков В. М. Теория и практика принятия управленческих решений. С. 19–22; Ломакин А. Л. Управленческие решения: учебное пособие. М., 2005. С. 38; Добросоцкая О. В. Разработка и принятие управленческих решений: теоретико-методологические основы и процессная организация: автореф. дис. … канд. экон. наук. Воронеж, 2008. С. 10–11; Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. С. 14; Ершов В. В. Правовое и индивидуальное правовое регулирование общественных отношений как парные категории // Российское правосудие. 2013. № 4. С. 6.

[3] Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 5. Правосистематизирующая практика: текст лекций. Ярославль, 1999. С. 90.

[4] Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. 2010. С. 14–15 .

[5] Алексеев С. С. Общая теория права. 2009. С. 241.

[6] Алексеев С. С. Указ. соч. С. 240–241.

Переход от общих свойств судебного решения к его рассмотрению в системе уголовного правосудия позволяет выявить то особенное, конкретно-правовое значение судебного решения, которое характеризует его в качестве важнейшего элемента этой системы.

Проанализированные в § 1 главы первой диссертации существенные признаки уголовного правосудия проявляются, главным образом и прежде всего, в судебных решениях – ключевых компонентах деятельности по осуществлению правосудия, выполняющих в каждом судебном производстве среди прочих процессуальных актов наиболее важную роль. Именно в решениях суда раскрывается смысл того или иного судебного производства и уголовного правосудия в целом. Посредством процессуальных решений в судебно-уголовных производствах реализуются властные полномочия и рассмотренные выше функции уголовного суда, а через них – задачи и назначение уголовного правосудия, конкретизированные применительно к определенному (реальному) судебному производству.

Судебные решения в рамках конкретного уголовного производства логически связывают, упорядочивают деятельность суда и деятельность других участников судопроизводства, отражают их целенаправленный характер. Решения суда концентрируют в себе ход и результаты деятельности по осуществлению уголовного правосудия (процесс рассмотрения и разрешения индивидуального судебного дела) на отдельных ее этапах или в целом.

Судебные (прежде всего – обеспечительные) решения одновременно являются и средством реализации процессуальных и иных прав участников судопроизводства. При этом такие решения (например, о назначении судебного заседания, о его отложении в связи с неявкой кого-либо, об ознакомлении стороны с материалами дела, о применении индивидуальных мер безопасности, о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон и т.д.), с одной стороны, позволяют заинтересованным субъектам судебного процесса, и прежде всего сторонам, использовать свои права и создают для этого необходимые процессуальные условия, с другой – обеспечивают контроль суда за реализацией

процессуальных прав, правомерностью их использования, а также за должным исполнением обязанностей, что в конечном итоге опять же способствует надлежащему отправлению правосудия.

В то же время и ограничение в уголовном судопроизводстве основополагающих (конституционных) прав и свобод человека, которые наиболее существенно затрагиваются именно в этой сфере юридической деятельности, допускается исключительно на основании судебного решения. При этом именно судебные решения, как никакие решения иных органов государственной власти, способны оптимально сбалансировать публичные и частные интересы, обеспечить их разумное сочетание в конкретной правовой ситуации, разрешаемой в порядке того или иного судебного производства.

Значение отдельных видов судебных решений различно, детерминировано их целевым назначением и той ролью, которую они выполняют в общей деятельности по отправлению уголовного правосудия и достижении ее конечных целей, и является одним из критериев их классификации. Но в целом, в своей совокупности, судебные решения, принимаемые в различных видах судебно-уголовных производств, обеспечивают признание, реализацию и защиту прав и свобод личности, юридических лиц, государственных и общественных интересов, тем самым претворяют в жизнь задачи уголовного (ст. 2 УК РФ) и иных отраслей российского законодательства, реализует предназначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), демонстрируют полноту судебной власти в уголовном судопроизводстве.

§ 2. Правосудность как комплексное правовое требование к судебным решениям: понятие и критерии правосудности

Неразрывная, органическая взаимосвязь судебных решений и судебных производств, включенных в общую систему уголовного правосудия, очевидна.

Задачи, функции и принципы правосудия на уровне правовой регламентации определяют характер, содержание и перечень судебных решений, входящих в арсенал процессуальных средств, необходимых для осуществления судом в рамках уголовных производств правосудной деятельности. В свою очередь судебные решения, принимаемые в процессе судебных производств, призваны воплощать уголовное правосудие в реальную действительность, реализовывать его задачи применительно к конкретному правовому казусу.

Являясь олицетворением не только деятельности суда по отправлению правосудия, но и результата этой деятельности, судебные решения, в особенности основные (итоговые), должны аккумулировать в себе и проявлять вовне все основные свойства уголовного правосудия, т. е. обладать такими качественными характеристиками, наличная совокупность которых не позволяет сомневаться, что правосудие по конкретному делу свершилось в полной мере и должным образом. Иначе говоря, решение уголовного суда должно быть правосудным. Но что значит – правосудное решение?

Согласно словарям русского языка слово правосудный означает «отличающийся правосудием, основанный на праве и справедливости»[1] или «соответствующий требованиям закона, основанный на правосудии»[2], его синонимами являются слова справедливый, правый, праведный, законный, беспристрастный[3]. В приведенном лексическом наборе отражается объективно существующая смысловая и сущностная органическая связь правосудия с правом, законом и их нравственной основой – справедливостью, которая неизбежно

---

[1] Толковый словарь русского языка. М., 1934–1940. Том 3. П–Ряшка. / Под редакцией Д. Н. Ушакова. 1939. Стб. 697.

[2] Словарь русского языка: В 4-х т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М., 1981–1984 . Т. 3. П—Р. 1983. С. 355; Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. М., 2000. Т. 2: П–Я. // Словари онлайн [Электронный ресурс]. URL: https://efremova.slovaronline.com/80933-PRAVOSUDNYIY (дата обращения: 10.07.2022).

[3] Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. М., 2001. С. 478.; Flyword.ru. Онлайн словарь синонимов и близких по смыслу слов [Электронный ресурс]. URL: http://flyword.ru/ (дата обращения: 10.07.2022); Словарь русских синонимов [Электронный ресурс]. URL: https://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/ (дата обращения: 10.07.2022); Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ – русский язык для всех [Электронный ресурс]. URL: http://gramota.ru/slovari/ (дата обращения: 10.07.2022).

распространяет свое действие и на принимаемые в процессе правосудия судебные решения.

Несмотря на то, что в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой слово «правосудный» обозначено как устаревшее, оно широко используются в современной юридической (судебной) практике в качестве характеристики судебных актов, принимаемых в том или ином виде правосудия[1], но правовой смысл данного термина нормативно нигде не определен. В уголовном и уголовно-процессуальном законе однократно употреблен лишь его антипод – противоположное по значению слово «неправосудный» (ст. 305 УК РФ, ч. 8 ст. 448 УПК РФ), однако обозначаемое им понятие также не раскрыто.

В многочисленных комментариях к ст. 305 УК РФ, установившей уголовную ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта, разъясняется, что в уголовно-правовом значении неправосудным признается такой судебный акт, который «постановлен с нарушениями процессуального или материального закона, влекущими его

[1] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2003 г. № 505-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гусевой Елены Сергеевны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 62 Жилищного кодекса РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2016 г. № 226-О «По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 246 УПК РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 5; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.04.2018 г. № 19-АПУ18-5 / Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2018), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018 г. // БВС РФ. 2019. № 3–4; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.08.2019 г. № 18-КГ19-72 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 18.06.2019 г. № 22-2886/2019 по делу N 1-68/2018 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Псковского областного суда от 22.10.2013 г. по делу № 33-1758/2013 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение судебной коллегии по гражданским делам Ленинградского областного суда от 03.03.2011 г. № 33-1088/2011 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09.12.2015 г. по делу № А44-251/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Решение Санкт-Петербургского городского суда от 25.09.2012 г. по административному делу № 12-665/12 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление председателя Калининградского областного суда от 25 сентября 2014 г. № 4-Аг-430/14 по делу об административном правонарушении // СПС «КонсультантПлюс».

отмену или изменение»[1], «вынесен с явным нарушением законодательства о порядке их принятия, о порядке оценки доказательств, с нарушением принципов правосудия»[2], является необоснованным или незаконным и подлежит отмене или изменению в предусмотренном законом порядке[3], постановлен с грубым, существенным нарушением процессуального или материального закона и «при явном расхождении (несоответствии) выводов суда и фактических обстоятельств дела»[4], «способен причинить ущерб конституционным правам и свободам участников судопроизводства, государственным и общественным интересам»[5].

В диссертационной работе А. Ю. Карташова дается обобщенное, научно обоснованное определение неправосудности приговора, решения или иного судебного акта как несоответствия судебного акта (в любой его части) фактическим обстоятельствам юридического конфликта, подлежащего судебному разрешению, выраженного в неправильном применении судом норм материального и (или) процессуального права[6].

Подробно исследовав предмет преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, В. П. Кудрявцев раскрывает его в ином аспекте: неправосудный судебный акт (*а значит, и судебное решение в уголовном судопроизводстве – С. Б.*) – это «акт, который был признан в специальных, закрепленных процессуальным законом

---

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы X - XII: в 4 т. (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2017. Т. 4. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Н. А. Громова. М., 2007. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. А. Чекалина, В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. М., 2007. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

[4] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.И. Радченко, науч. ред. А. С. Михлин, В. А. Казакова. М., 2008. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. М., 2013. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. М., 2013 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. М., 2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2015. Т. 2. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[6] Карташов А. Ю. Уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 8, 12–13 .

процедурах, а именно посредством рассмотрения дела судами апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, незаконным и (или) необоснованным, а приговор – ещё и (или) несправедливым»[1].

Приведенные трактовки позволяют рассматривать неправосудный судебный акт как результат осуществления судебной деятельности «с серьезным отклонением от функций правосудия и вопреки стоящим перед ним задачам»[2]. Соответственно, судебное решение может считаться правосудным при условии отправления уголовным судом правосудия с соблюдением принципов и правил уголовного судопроизводства, разрешения рассматриваемых вопросов сообразно фактическим обстоятельствам дела и на основе действующих норм материального права и иных правовых предписаний.

Конституционный Суд РФ в своих решениях регулярно обращается к категории правосудности судебного акта (судебного решения) и активно оперирует ею, подразумевая под правосудностью совокупность таких качеств (свойств) судебного акта как законность, обоснованность и справедливость[3].

---

[1] Кудрявцев В. Л. Правовые и процессуальные проблемы определения предмета преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта» // Евразийская адвокатура. 2017. № 5. С. 76.

[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. А. Чекалина, В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. М., 2007. // СПС «КонсультантПлюс».

[3] См.: п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // СЗ РФ. 2003. № 51. Ст. 5026; п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда" // СЗ РФ. 2013. № 28. Ст. 3881; п. 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей – седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина С.В. Махина» // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4660; п. 5.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 ГК РФ и статьи 17 Федерального закона "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам" в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7169; п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 15.10.2018 г. № 36-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 10 УК РФ, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части первой статьи 239 и пункта 1 статьи 254 УПК РФ в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой» // СЗ РФ. 2018. № 44. Ст. 6821.

Современная уголовно-процессуальная доктрина однозначно воспринимает парные категории «правосудное» и «неправосудное» в качестве общей правовой оценки судебного решения с точки зрения соответствия его качественного состояния высокому назначению акта правосудия и способности выполнить в конкретном деле роль эффективного инструмента судебно-правовой защиты. При этом понятие правосудности стало обобщающим, оно объяло собой такие издавна разработанные в теории российского уголовного процесса категории как законность, обоснованность и справедливость, а в постсоветский период дополнительно – мотивированность, обозначающие и охватывающие все нормативно установленные правовые требования, предъявляемые к приговору и иным судебным решениям.

Таким образом, в процессуальной науке правосудность признается *комплексной характеристикой приговора и иных судебных решений*, интегрирующей все предъявляемые к ним как к актам правосудия требования в единое целое – в систему взаимосвязанных условий, соблюдение которых обеспечивает вынесение судом правосудного решения[1].

Законность, обоснованность, мотивированность и справедливость судебного решения выделяются в качестве конструктивных элементов этой системы ввиду их нормативно-правового установления (статьи 7, 297, 305, 307 УПК РФ, ст. 6 ЕКПЧ) и в юридической литературе чаще рассматриваются и анализируются применительно к приговору[2], который во все времена бесспорно и

---

[1] См. об этом: Соловьев И. Ф. Правосудность приговора в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 1992. С. 7, 11; Гай О. Ю. Законная сила приговора в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 6, 15; Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник. М., 2008. С. 535; Чайковская М. А. Свойства приговора: монография. М., 2013. С. 52–54; Попова И. П. Обвинительный приговор без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве: сущность, основания и порядок постановления: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2018. С. 88, 97; Беляев М. В. Судебные решения в российском уголовном процессе … С. 88–90, 112–113.

[2] Каз Ц. М. Правовая природа приговора в советском уголовном процессе … С. 10–11; Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков, 1979. С. 109, 121–125; Ахундов Н. А. Справедливость приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1990; Бунина А. В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 13–25; Ивенский А. И. Приговор – акт правосудия, осуществляемого в общем и особом порядках судебного разбирательства: автореф. дис. канд.

заслуженно считается наиболее значимым актом уголовного правосудия. Тем не менее, развитие и современное состояние теории уголовного судопроизводства, уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики не оставляют сомнений в том, что указанные условия (требования) правосудности распространяются (в разной степени и сочетаниях) на любые иные решения уголовного суда, не только основные (итоговые), но и на вспомогательные и дополнительные (промежуточные), как вынесенные по уголовному делу, так и принятые по ходу и в результате иных судебных производств[1].

Указанные выше условия правосудности судебных решений традиционно и небезосновательно расцениваются учеными-процессуалистами как внутренние свойства решений, определяющие их характер, юридическую сущность и содержание, и отграничиваются от внешних свойств судебных решений[2], к

юрид. наук. Саратов, 2006. С. 8–9; Остапенко И. А. Приговор как итоговое решение по уголовному делу … С. 11–12; Загорский Г. И. Постановление приговора: проблемы теории и практики: учебно-практич. пособие. М., 2010 С. 11–39; Чайковская М. А. Характеристика приговора: свойства или требования // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1. С. 256–262; Попова И. И. Свойства обвинительного приговора в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 1. С. 52–54; Аширбекова М. Т. Приговор: правореализационные качества и сущностные свойства // Вестник Волгоград. акад. МВД России. 2019. № 3. С. 74–80.

[1] См.: Теплов В. А. Определение суда первой инстанции по уголовному делу: автореф. дис. … канд. юрил. наук. Саратов, 1974. С. 9; Бутов В. Н. Определения суда первой инстанции по уголовным делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск. 1975. С. 12; Подольский М. А. Судебные решения в досудебном производстве по уголовному делу: Вопросы теории и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 15–16; Григорьев В. Н. , Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс: Учебник. М., 2008. С. 270–274; Трахов Р. А. Обоснованность решений суда первой инстанции в российском уголовном процессе: автореф. дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 16–17; Бозров В. М., Костовская Н. В. Процессуальная сущность решения суда первой инстанции по уголовному делу // Мировой судья. 2012. № 8. С. 14–23; Пальчикова М. В. Определения и постановления суда первой инстанции в российском уголовном процессе. С. 56–81; Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 23, 27–28; Азаров В. А., Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам: монография. М., 2013. С. 144; Свиридов М. К. Самостоятельность суда при постановлении приговора // Вестник ТГУ. Право. 2014. № 2. С. 90; Рябинина Т. К. Деятельность суда по назначению и подготовке уголовного дела к судебному заседанию в механизме реализации судебной власти: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 111–113.

[2] См.: Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков, 1979. С. 109. Бунина А. В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 12; Ивенский А. И. Приговор – акт правосудия, осуществляемого в общем и особом порядках судебного разбирательства … С. 5; Чурилов Ю.

которым относятся рассмотренные нами ранее: исключительность, общеобязательность, исполнимость, преюдициальность и неопровержимость.

Внутренние свойства являются характерными чертами, признаками судебных решений[1] как процессуальных правоприменительных актов, но в отличие от внешних свойств – не особыми, отличительными, а общими, присущими любому уголовно-процессуальному решению[2]. Они не заданы априорно и не обретаются судебными решениями автоматически при их принятии (вынесении), а носят условный характер. Судебные решения наделяются свойствами законности, обоснованности, мотивированности и справедливости посредством выполнения судом одноименных правовых требований[3] в ходе практической правосудной деятельности, являются результатом сознательных и целенаправленных усилий судьи (судей) по приданию своему решению качеств правосудного акта.

Ввиду такого, могущего показаться «внешним», способа обретения приговором или иным итоговым решением суда рассматриваемых свойств М. Т. Аширбекова именует последние «правореализационными качествами» и считает, что сами требования предъявляются не к приговору, а к правоприменителю – суду, к его правореализационной деятельности, посредством которой приговору

Ю. Оправдательный приговор в российском судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. С. 8; Коваленко Е. Н. Судебное решение: Теоретико-методологические и технико-юридические аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. С. 19–21; Попова И. И. Свойства обвинительного приговора в российском уголовном судопроизводстве. С. 52–58; Беляев М. В. Судебные решения в российском уголовном процессе … С. 112–113.

[1] Свойство есть качество, признак, составляющие отличительную особенность чего-нибудь, чего-либо. (Ожегов С. И. Словарь русского языка. С. 612; Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 4. М., 1988. С. 56).

[2] Свойствами законности, обоснованности и мотивированности должны обладать и процессуальные решения других органов и должностных лиц, ведущих уголовное производство (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), которые при принятии решений обязаны соблюдать также и требования справедливого судопроизводства (справедливости в процессуальном аспекте), вытекающие из ст. 6 Европейской конвенции.

[3] Требование – правило (норма), условие, обязательное для выполнения, которому что-либо должно соответствовать (Ожегов С. И. Словарь русского языка. С. 701 Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 4. М., 1988. С. 401).

сообщаются требуемые свойства[1]. Следуя этому разграничению, М. Т. Аширбекова и профессор Е. А. Зайцева полагают правильным «привнесенные судом» качества – законности, обоснованности, мотивированности и справедливости – относить к разряду внешних, а не внутренних свойств приговора[2].

С данным суждением сложно согласиться, поскольку, во-первых, принятое в процессуальной науке разграничение свойств судебных решений (актов) на внешние и внутренние проводится не по происхождению, источнику свойств, а по сфере (направленности) их действия; во-вторых, в нормах УПК РФ требования законности, обоснованности, мотивированности и справедливости прямо сформулированы как обращенные к судебным решениям (ч. 4 ст. 7, ст. 297 УПК РФ); в-третьих, ввиду системности уголовного правосудия и единства двух его составляющих (процесса и результата) «правореализационную деятельность» суда, являющуюся по сути деятельностью по осуществлению правосудия, невозможно (недопустимо) отрывать от ее результатов – тех процессуальных решений, которые принимаются в ходе этой деятельности и входят в ее структуру.

Безусловно, требования законности, обоснованности и справедливости адресованы суду как автору процессуального решения и касаются всей его правоприменительной деятельности, направленной на разрешение спорного дела (или отдельного вопроса) посредством определенного решения. Однако, поскольку приговор или иное решение суда – плод судебной деятельности по осуществлению правосудия, а не возникающее вне этой деятельности явление, требуемые свойства не привносятся извне и не «придаются» судом решению одномоментно, а создаются всей деятельностью уголовного суда на протяжении судебного производства («вызревают в недрах правосудия») и являются внутренними, органическими характеристиками актов правосудия, без которых

---

[1] Аширбекова М. Т. Приговор: правореализационные качества и сущностные свойства. С. 75.

[2] Аширбекова М. Т, Зайцева Е. А. О сущностных свойствах приговора. С. 27.

данные акты, как и вся сопутствующая им судебная деятельность утрачивает качество правосудности.

Являясь предъявляемыми к судебным решениям требованиями и одновременно критериями (условиями) их правосудности, законность, обоснованность, мотивированность и справедливость изначально характеризуют идеальную модель правосудного судебного акта – тот качественный результат, который ожидается к исходу судебной деятельности, и лишь при реализации этих требований (условий) в конкретном судебном решении становятся его свойствами[1].

При этом условный характер обретения судебным решением указанных внутренних свойств не означает их необязательности. Напротив, внутренние свойства неотъемлемы от судебного решения и в идеале должны быть присущи всем состоявшимся актам правосудия. Они, так же как и внешние свойства, представляют собой существенные, а в содержательном плане и достаточно специфические черты судебного решения, в совокупности и диалектической взаимосвязи с внешними свойствами выражают его качественную определенность в системе процессуальных решений[2], характеризуют его как акт органа правосудия.

Отсутствие или неполнота какого либо из указанных внутренних свойств искажают правовую сущность и умаляют юридическое значение судебного акта, снижают или вовсе аннулируют его способность выполнять роль регулятора общественных отношений и важнейшего средства правовой защиты, т. е. свидетельствуют об ущербности решения уголовного суда, поэтому требуют восполнения недостающих свойств, а в случае невозможности корректировки решения влекут утрату им (через отмену) юридической силы.

В этом отношении можно согласиться с высказыванием Ю. М. Грошевого о взаимосвязи и взаимозависимости внешних и внутренних свойств судебного

---

[1] Коваленко Е. Н. Судебное решение: Теоретико-методологические и технико-юридические аспекты … С. 20; Беляев М. В. Свойства судебных решений в российском уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 66.

[2] Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. С. 109.

решения (у Ю. М. Грошевого – приговора)[1] с тем уточнением, что внутренние свойства обуславливают не сами внешние свойства решения суда, имманентно присущие последнему, а их действие, внешнее проявление в том смысле, что неправосудное (незаконное, необоснованное или несправедливое) решение не должно вступать в законную силу и, следовательно, оказывать (через свои внешние свойства) юридическое действие на правовую действительность. С другой стороны, пребывание решения уголовного суда в законной силе, т. е. в состоянии его общеобязательности, исключительности и неопровержимости обуславливает не только презумпцию истинности судебного решения, но и признание решения законным, обоснованным, мотивированным и справедливым.

По своему содержанию внутренние свойства судебного решения совпадают с соответствующими правовыми требованиями, предъявляемыми к судебному решению. Обладание решения суда тем или иным внутренним свойством означает его соответствие тем правовым предписаниям и установлениям, которые в совокупности образуют сущность и объем одноименного требования. Поэтому для раскрытия внутренних свойств отдельных видов решений уголовного суда необходимо каждый раз обращаться к анализу общих и частных правовых требований, заложенных в уголовно-процессуальных нормах, регламентирующих основания, содержание, форму и порядок принятия этого решения. Ввиду содержательной идентичности одноименных качественных свойств судебных решений и предъявляемых к решениям требований, зависимости появления первых от соблюдения вторых представляется возможным воспринимать их как парные правовые явления и для удобства изложения обобщенно именовать *свойствами-требованиями*.

Свойства-требования относительно универсальны и в большей части своего объема имеют распространение на уголовно-процессуальные решения иных властных субъектов уголовного процесса, осуществляющих производство по

[1] Грошевой Ю. М. Указ. соч. С. 109. – На особые системные связи внешних и внутренних свойств приговора также обращает внимание М. Т. Аширбекова (см.: Аширбекова М. Т. Приговор: правореализационные качества и сущностные свойства. С. 75–77).

уголовному делу (ч. 4 ст. 7 УПК РФ)[1], но при этом в отношении судебных решений имеют специфическое проявление, которое выражается не только в большем объеме стандартных требований (законность акта правосудия предполагает соблюдение законности в ходе всего предшествующего, как досудебного, так и судебного производства), но и в наличии дополнительных особых, свойственных правосудию правил и условий, связанных, в частности, с обеспечением права на справедливое судебное разбирательство, гарантиями эффективности и справедливости судебно-правовой защиты и восстановления нарушенного права. Свойства-требования охватывают собой и форму и содержание любого судебного решения, но применительно к отдельным видам решений имеют различное «наполнение», обусловленное характером, сущностью и назначением как самого решения, так и судебного производства, для которого это решение предназначено.

Законность, обоснованность, мотивированность и справедливость как предъявляемые к судебным решениям требования в уголовно-процессуальном законе не сформулированы и подробно не прописаны, а только указаны в качестве таковых (ч. 4 ст. 7, ст. 297 УПК РФ) и отчасти, весьма ограниченно, конкретизированы лишь в отношении приговора (ст. 297 УПК РФ).

Такое положение объяснимо тем, что требования к процессуальным решениям – категории всеобъемлющие, охватывающие практически все части и стороны уголовно-процессуальной деятельности, поэтому содержание искомых требований весьма затруднительно (если вообще возможно) точно вписать в какую-то одну правовую норму или группу норм, «стянуть» в единую формулировку даже в общем виде, не говоря уже об их дифференцированном изложении в отношении различных типов и видов решений уголовного суда.

В частности, законность, являясь не только уголовно-процессуальным, но и общеправовым принципом любой юридической деятельности, имеет настолько

---

[1] За исключением того, что к процессуальным решениям органов уголовного преследования не предъявляется требование справедливости (в материально-правовом аспекте), а их мотивированность определяется значительно менее строгими правилами и условиями, чем те, которые адресованы решениям суда.

многоаспектный характер и широкий спектр действия, что при проецировании на судебное решение в качестве правового требования включает в себя практически все положения уголовного и иного материального права и уголовно-процессуального законодательства, соблюдение которых необходимо для придания судебному решению статуса законного. Правовую конструкцию, которая механически объяла бы содержание условий (свойств) правосудности всех возможных решений уголовного суда полностью и во всех аспектах, невозможно вообразить, с позиции юридической техники она абсурда и неисполнима. В подобном искусственном симбиозе многочисленных и разнородных правовых предписаний не видится ни научной, ни практической потребности, а вот нормативное закрепление обобщающих дефиниций свойств-требований, позволяющих правоприменителю уяснить их суть, самостоятельное значение и содержательные различия, было бы полезным и, полагаем, является необходимым. Опыт регламентации уголовного судопроизводства в ряде зарубежных стран свидетельствует о потенциальной возможности закрепления на законодательном уровне определений или правовых критериев законности, обоснованности, мотивированности и справедливости приговоров (ст. 350 УПК Республики Беларусь, ст. 259 УПК Грузии, ст. 455 УПК Узбекистана, отчасти ст. 358 УПК Армении) и даже всех судебных решений в целом (ст. 370 УПК Украины).

Тем не менее, несмотря на ограниченную регламентацию в УПК РФ, законность и другие свойства-требования судебных решений достаточно подробно и всесторонне проработаны в российской процессуальной доктрине[1],

[1] См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996. Т. 2. С. 341–342; Каз Ц. М. Правовая природа приговора в советском уголовном процессе … С. 11–12; Пашкевич П. Ф. Законность и обоснованность приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1958. С. 12–20; Перлов И. Д. Приговор в советском уголовном процессе. М., 1960. С. 191–200; Бажанов М. И. Законность и обоснованность основных судебных актов в советском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967; Строгович С. М. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., 1970. С. 324–327; Бутов В. Н. Определения суда первой инстанции по уголовным делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск. 1975. С. 12–13; Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков, 1979. С. 121–125; Ткачев Н. И. Законность и обоснованность судебных постановлений в гражданском процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1984; Толочко А. Н. Роль

хотя при этом трактуются в научной среде неоднозначно и зачастую противоречиво[1].

Содержательная сторона свойств-требований судебных решений выводится частью из общих и особенных положений уголовно-процессуального закона и принципов судопроизводства, частично – из общепризнанных принципов и норм международного права, но в большей степени определяется посредством «негативной регламентации» – через установление правовых оснований отмены и изменения приговора и иных решений уголовного суда (статьи 389.15 – 389.18 УПК РФ), которые составляют суть таких (противоположных по смыслу свойствам-требованиям) понятий, как незаконность, необоснованность, немотивированность и несправедливость судебных решений.

В значительной мере содержание свойств-требований раскрывается посредством судебной практики, предоставляющей судьям возможность

мотивировки в обеспечении законности, обоснованности и справедливости актов социалистического правосудия, выносимых судом первой инстанции по уголовным делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Харьков, 1985; Муратова Н. Г. Процессуальные акты органов предварительного расследования: Вопросы теории и практики. Казань, 1989. С. 48–86; Сморчков А. И. Обоснованность правоприменительного решения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1989; Ахундов Н. А. Справедливость приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1990. С. 17–23; Бунина А. В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства…. С. 13–25; Загайнова С. К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: Теоретические и прикладные проблемы. С. 22–26; Лупинская П. А. Решения в уголовно судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2010. С. 201–221; Трахов Р. А. Обоснованность решений суда первой инстанции в российском уголовном процессе: автореф. дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2010; Загорский Г. И. Постановление приговора: проблемы теории и практики: учебно-практич. пособие. М., 2010 С. 11–39; Пальчикова М. В. Определения и постановления суда первой инстанции в российском уголовном процессе. С. 56–81; Бозров В. М., Костовская Н. В. Судебное решение и оценка доказательств по уголовному делу. С. 12–20; Васяев А. А., Князькин С. А. Мотивированность судебных решений – стандарт Европейского суда по правам человека // Адвокат. 2013. № 6. С. 27–32; Виницкий Л. В., Маганкова А. А. Справедливость приговора суда первой инстанции в современном уголовном процессе России: монография. М., 2014; Ершова Н. С. Обоснованность итоговых уголовно-процессуальных решений суда первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2014; Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. М., 2014. С. 483–496; Рябинина Т. К. Нравственные аспекты постановления приговора // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2. С. 86–94; Беляев М. В. Свойства судебных решений в российском уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 82–158; Кудрявцева А. В. Мотивированность судебного решения как составляющая справедливости судебного разбирательства // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 61–64; Писаревский И. И. Обоснованность и мотивированность приговора в российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2019. и др.

[1] Подробнее об этом см.: Бурмагин С. В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия. С. 540–657.

трактовать эти требования применительно к различным судебным решениям во всем разнообразии их видов и форм и сообразно особенностям и индивидуальным обстоятельствам конкретного судебного производства. В этом плане большую роль в раскрытии объема, содержания и сущности каждого из свойств-требований играют разъяснения и толкования Пленумом Верховного Суда РФ законоположений по различным вопросам правоприменения, казуальные правовые позиции и оценочные суждения судебных коллегий и Президиума Верховного Суда РФ, а также вновь созданных и начавших действовать в 2019 г. апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, выраженные в процессуальных решениях по пересмотренным ими делам, а также в различного рода обобщениях судебной практики. Аналогичное значение в пределах своих регионов сохраняют апелляционные и действующие кассационные решения областных и приравненных к ним судов.

Накопленные и обобщенные научные знания и данные правоприменительной практики позволяют сформулировать и раскрыть содержание свойств-требований, которыми должны обладать или которым должны соответствовать судебные решения в уголовном процессе, а также провести разграничение между ними.

Отметим, что в отечественной правовой науке категория «законность» применяется для обозначения сразу нескольких правовых явлений и состояний: политико-правового режима российского (ранее – советского) государства, предполагающего соблюдение норм права всеми участниками общественных отношений[1]; основополагающего общеправового (конституционного) принципа[1],

[1] Теория юридического процесса / Под общ. ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 39–47; Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х тома / Отв. ред. М. Н. Марченко. Т. 1 Теория государства. М., 2000. С. 171–173; Баранов А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2006. С. 9, 14–15; Алексеев С. С. Общая теория права. М., 2009. С. 153–157; Калиновский К. Б. Законность и типы уголовного процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 6, 8–9; Хачатуров Р. Л. О законности // Вектор науки ТГУ. 2009. № 3(6). С. 59–63; Францифоров Ю. В. Принцип законности как средство противодействия преступлениям в уголовном судопроизводстве // Оптимизация правовой основы противодействия преступности: к 25-летию Конституции РФ: сб. науч. трудов / под. ред. Н. А. Соловьёвой, В. М. Шинкарука. Волгоград, 2018 С. 180–184.

содержащего универсальные требования к организации и функционированию органов государственной власти, в том числе судебных[2]; общепроцессуального принципа (принципа юридического процесса, правосудия)[3]; самостоятельного принципа уголовного судопроизводства[4] и, наконец, предъявляемого к уголовно-процессуальным решениям требования.

Правовое требование законности судебного решения вытекает из принципа законности уголовного судопроизводства и полностью охватывается его содержанием. В свою очередь принцип законности уголовного процесса есть проявление таких социально-правовых реалий более общего порядка, объединенных единым термином «законность», как принцип, режим и метод функционирования общества и государства, в основе которых лежит точное исполнение законов и подзаконных актов государственными органами,

---

[1] Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 84–86; Боннер А. Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М., 1992. С. 8; Уголовный процесс / Под ред. И. Л. Петрухина. М., 2001 С. 69; Печников Г. А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе: монография. Волгоград, 2010. С. 235; Бозров В. М., Костовская Н. В. Судебное решение и оценка доказательств по уголовному делу. С. 13; Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск, 2015. С. 101.

[2] Чванов О. А. Механизм правоприменения: автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 1995. С. 18; Анишина В. И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации. С. 159–160; Правоохранительные органы. М., 2010. С. 59 – 62, 360; Судебная власть и правосудие в Российской Федерации: Курс лекция / Под ред. В. В. Ершова. М., 2011. С. 58–60; Правосудие в современном мире: монография /под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. М., 2012. С. 241–242; Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: учебник / под ред. В. М. Бозрова. М., 2017. С. 70–71.

[3] Баландин В. Н. Принципы юридического процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 12; Якимович Ю. К., Пан Т. Д. Судебное производство по УПК Российской Федерации. СПб., 2005. С. 44; Рябцева Е. В. Правосудие в уголовном процессе России. С. 66–67; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1 – 32.1. Постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л. А. Воскобитова. М., 2015. С. 47.

[4] Уголовный процесс: Учебник / Под ред. В. П. Божьева. М., 2002. С. 74–76; Уголовный процесс России: Общая часть / Под ред. В. З. Лукашевича. СПб., 2004. С. 62–65; Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. С. 61, 84–85; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2009. С. 236 – 240; Макарова З. В. Конституционный принцип законности уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 631–636; Уголовный процесс: учебник / под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко и А. Г. Тузова. Ростов н/Д. 2015. С. 43–44; Безруков С. С. Принципы уголовного процесса: дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. С. 15, 263; Францифоров Ю. В. Указ. соч. С. 182.

должностными лицами, общественными объединениями и гражданами[1]. Таким образом, законность как «общеправовой принцип, общеправовое требование, которому должна отвечать деятельность всех государственных органов и должностных лиц, юридических и физических лиц»[2], распространяет свое действие на деятельность суда по осуществлению правосудия и обязывает суд при ведении любого вида уголовного производства строго следовать нормам и принципам права.

Обращаясь непосредственно к содержательной стороне требования законности применительно к определенному виду судебного решения необходимо точно определить характер и объем нормативно-правовых предписаний, которыми должен руководствоваться уголовный суд при принятии интересующего процессуального решения, но прежде – уточнить правовые формы этих предписаний. Последнее важно и для уяснения сущности и содержания других требований к судебным решениям: обоснованности, мотивированности и справедливости, которые также имеют правовой характер и заключены в юридические формы.

С началом судебно-правовой реформы (с конца 80-х годов прошлого столетия[3]) и на протяжении всего периода государственно-правовых преобразований современной России вследствие множества социально-политических, идеологических, правовых[4], мировоззренческих, культурологических и иных объективных факторов, изменились доктринальные

---

[1] Хачатуров Р. Л. Указ соч. С. 63.

[2] Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. С. 101.

[3] Основные идеи и направления судебно-правового переустройства общества в концентрированном виде были сформулированы в Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 года.

[4] Наиболее значимыми событиями, повлиявшими на научно-правовое мировоззрение большинства российских юристов, правоприменительную (в первую очередь – судебную) практику и правосознание российского общества, следует признать принятие в 1993 г. Конституции РФ, а также подписание и ратификация в 1998 г. Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней (Федеральный закон от 30.03.1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514).

подходы к пониманию права и определению его надлежащих форм и источников[1], а общеправовая категория законности обрела новые смыслы и наполнилась новым содержанием, выходящим за пределы сугубо легистского правопонимания[2], преобладавшего в отечественной правовой науке и общественном правосознании[3].

Согласно положениям действующей Конституции РФ, Россия – демократическое правовое государство (ч. 1. ст. 1), высшей ценностью в ней объявлены человек, его права и свободы (ст. 2), которые признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ (ч. 1 ст.17); права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием (ст. 18), в связи с чем каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ч. 1 ст. 46). Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории РФ, законы и иные правовые акты не должны противоречить Конституции, а общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, при этом правила международного договора имеют приоритет перед правилами, предусмотренными законом (ст. 15)[4].

---

[1] Беляев М. В. Судебные решения в российском уголовном процессе … С. 113.

[2] Легистский тип правопонимания традиционно сводит по существу все право к «законодательству» – законам и иным нормативно-правовым актам, принятым органами государственной власти (Ершов В. В. Право и неправо: дискуссионные вопросы теории и практики // Российское правосудие. 2013. № 1. С. 24)

[3] См.: Ершов В. В. Правосудие, правопонимание и правотворчество в условиях глобализации с позиции легизма и «широкого» понимания права // Российское правосудие. 2011. № 12. С. 6.

[4] Последнее положение действует при условии, что международный договор не противоречит Конституции РФ. Согласно изменениям в Конституцию РФ, принятым на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 г., не соответствующие Конституции РФ международные договоры РФ и признанные таковыми при их проверке Конституционным Судом РФ, не подлежат введению в действие и применению (п. «г» ч. 2 и ч. 6 ст. 125 Конституции РФ).

Приведенным конституционным установлениям корреспондирует ст. 1 УПК РФ, которая к формам (источникам) уголовно-процессуального права – *законодательству РФ, регулирующему уголовное судопроизводство* – относит Конституцию РФ, уголовно-процессуальный закон (УПК РФ) и общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ. В то же время применение правил международных договоров РФ в уголовном судопроизводстве не допускается в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, когда такое противоречие установлено в порядке, определенном федеральным конституционным законом (ч. 6 ст. 125 Конституции РФ, ч. 3 ст. 1 УПК РФ в редакции Федерального закона от 08.12.2020 г. № 419-ФЗ[1]).

В согласовании и единстве с положениями ст. 1 УПК РФ следует понимать и закрепленное в ч. 4 ст. 7 и ст. 297 УПК РФ требование законности приговора и иных судебных решений, которое вслед за расширением границ права и правосудия доктринально стало трактоваться шире и более емко, включать в себя не только соответствие решений уголовного суда законам и подзаконным нормативно-правовым актам, но и другим правовым формам (источникам права), а в приоритете – положениям Конституции РФ и общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам РФ[2].

В соответствии с приведенными нормативно-правовыми предписаниями Верховный Суд РФ разъяснил, что: а) судам при рассмотрении дел, в том числе уголовных, следует оценивать содержание закона или иного нормативного правового акта, регулирующего рассматриваемые судом правоотношения, соизмерять его с конституционными положениями и во всех необходимых случаях применять Конституцию Российской Федерации в качестве акта прямого

---

[1] Федеральный закон от 08.12.2020 г. № 419-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 50 (часть III). Ст. 8064.

[2] Бунина А. В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства … С. 14; Остапенко И. А. Приговор как итоговое решение по уголовному делу … С. 6–7. – В гражданском судопроизводстве вынесение судом решения в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ в настоящее время так же рассматривается как один из критериев законности судебного решения (Загайнова С. К. Указ. соч. С. 23–24).

действия[1]; б) под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо, а под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного[2]; в) международные договоры, которые имеют прямое и непосредственное действие в правовой системе Российской Федерации, применимы судами, в том числе при разрешении уголовных дел, в частности, когда международным договором Российской Федерации установлены иные правила судопроизводства, чем уголовно-процессуальным законом Российской Федерации, или регулируются отношения, в том числе отношения с иностранными лицами, ставшие предметом судебного рассмотрения[3]; г) при осуществлении правосудия суды должны иметь ввиду, что неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации может являться основанием к отмене или изменению судебного акта в апелляционном, кассационном или надзорном порядках[4].

Помимо прямо указанных в Конституции РФ и УПК РФ форм права, которыми судам надлежит непосредственно руководствоваться при осуществлении уголовного правосудия, современный российский суд широко использует правоприменительные решения и интерпретационные акты (акты толкования правовых норм) Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. К этому судей обязывают положения закона, устанавливающие обязательность

---

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (в редакции от 03.03.2015 г.) // БВС РФ. 1996. № 1.

[2] Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (в редакции от 05.03.2013 г.) // БВС РФ. 2003. № 12.

[3] Там же, п. 5.

[4] Там же, п. 9.

решений Конституционного Суда РФ (ст. 6 ФКЗ о Конституционном Суде), а также правомочие Верховного Суда РФ давать российским судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации (ст. 126 Конституции РФ, ч. 4 ст. 19 ФКЗ о судебной системе в редакции от 05.02.2014 г., п. 1 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 г. «О Верховном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ о Верховном Суде)[1]).

При этом обязательность учета правовых позиций и толкований Верховного Суда РФ при осуществлении правосудия в настоящее время вытекает не столько из нормативных предписаний (упоминание о «руководящем» характере разъяснений Верховного Суда РФ в указанных законах отсутствует[2]), сколько из правового обычая российско-советской действительности, который зиждется на иерархичности судебной системы и инстанционности правосудия[3], а также на авторитете Верховного Суда РФ как высшего судебного органа государства.

Кроме того, как верно отмечают К. В. Барановский, А. В. Безруков и А. Г. Калугин, «законодательная регламентация уголовно-процессуальных отношений не является исчерпывающей, постоянно дополняется и корректируется решениями Конституционного Суда РФ, которые включаются в содержание отраслевых процессуальных норм, однако не всегда полностью и

---

[1] Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (в редакции от 16.04.2022 г.) // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

[2] Указания на «руководящий» характер разъяснений Пленума Верховного Суда РФ (ранее – РСФСР) по вопросам применения законодательства и на полномочие Верховного Суда РФ по контролю за выполнением судами этих «руководящих разъяснений», содержавшиеся в статьях 56 и 58 Закона РСФСР от 08.07.1981 г. «О судоустройстве РСФСР», формально утратили силу с момента вступления в действие в 2011 г. ФКЗ о судах общей юрисдикции, но фактически не имели юридического действия уже с момента вступления в силу ФКЗ о судебной системе (с 1 января 1997 г.), поскольку противоречили положениям ч. 5 ст. 19 данного закона.

[3] Толкование закона Верховным Судом РФ де-факто признается обязательным для нижестоящих судов на будущее время, исходя из полномочий вышестоящих судебных органов по отмене и изменению судебных решений (Дорошков В. В. Стратегия развития современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 60).

своевременно»[1]. В таких условиях учет и непосредственное использование в судебном правоприменении правовых позиций Конституционного Суда РФ особо востребовано.

Ввиду невозможности, без явного отвлечения от темы настоящего диссертационного исследования, углубиться в сложный и весьма дискуссионный вопрос о правотворческой сущности решений высших судов России и международных (межгосударственных) судов и юридической природе изложенных в них правовых позиций[2], ограничимся констатацией непреложного факта, что независимо от того, придается ли данным правовым актам значение источника (формы) права[3] или только «прецедента толкования права»[4], «прецедента индивидуального судебного регулирования»[5], решения уголовного

---

[1] Барановский К. В., Безруков А. В., Калугин А. Г. Влияние правовых позиций Конституционного Суда РФ на уголовно-процессуальное законодательство и практику // Журнал российского права. 2007. № 11. С. 68.

[2] См.: Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право. М., 2007. С.100–141, 475–494; Ершов В. В. Юридическая природа правовых позиций суда // Российское правосудие. М., 2013. № 6. С. 37–47; Гук П. А. Судебное нормотворчество: вопросы теории и практики // Lex Russica. 2016. № 7. С. 14–27; Даровских С. М. Судебные правовые позиции в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и процессуальные формы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 10–12, 20–22, 27–29, 37.

[3] Лившиц Р. З. Судебная практика как источник права // Журнал российского права. 1997. № 6. С. 49—57; Лазарев Л. В. Конституционный Суд РФ и развитие конституционного права // Журнал российского права. 1997. № 11. С. 4; Эбзеев Б. С. Толкование Конституции Конституционным Судом РФ: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 5–12; Хохрякова О. С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации их значение для применения трудового законодательства в законодательства о социальном обеспечении // Вопросы трудового права. 2006. № 9. С. 19; Хаткова З. М. Место судебных решений в системе источников конституционного права Российской Федерации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. № 1. С. 329; Страшун Б. А., Сухинина И. В. О базе данных «Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации» // Конституционное правосудие. 2007. № 1. С. 30; Терёхин В. А. К вопросу о легализации судебной практики как источника права // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 3. С. 142—143.

[4] Нерсесянц В. С. 1) Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 34–41; 2) У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права: Сб. науч. ст. М., 2000. С. 110–111; Бойков А. Д. Опасность негативного правотворчества // Право и политика. 2000. № 9. С. 25–29; Байтин М. И. О юридической природе Конституционного Суда Российской Федерации // Судебное правоприменение: проблемы теории и практики. М., 2007. С. 227–228.

[5] Ершов В. В.: 1) Право и неправо: дискуссионные вопросы теории и практики. С. 29; 2) Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории // Российское правосудие. 2013. № 4. С. 4–23.

суда помимо норм позитивного права должны соответствовать правовым актам (позициям) указанных судебных органов и основываться на них. Без этого соответствия правосудность судебного решения не может быть обеспечена.

В современных правовых реалиях невозможно себе представить судебное правоприменение в процессе осуществлении правосудия, в том числе по уголовным делам, без учета постановлений Конституционного Суда РФ, устанавливающих соответствие или несоответствие Конституции РФ отдельных положений российских законов и, следовательно, пределы их допустимого применения, а также без использования иных решений Конституционного и Верховного судов РФ и содержащихся в них позиций, раскрывающих смысл, содержание и юридическое значение тех или иных правоположений, подлежащих применению при разрешении конкретных судебных дел. Актуальная судебная практика по уголовным делам изобилует примерами обоснования судами своих процессуальных решений прямыми ссылками на акты Конституционного Суда РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ и содержащиеся в них правовые позиции, что дает основание рассматривать последние в качестве источников формирования судебной практики[1].

Схожее значение для отправления правосудия в Российской Федерации, важное с точки зрения правильного понимания и применения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод российскими судами приобрела с момента вступления Российской Федерации в 1998 г. в Совет Европы практика Европейского суда, в решениях которого в соответствии с его компетенцией (ст. 32 Европейской конвенции) раскрывается смысл и содержание прав и свобод человека, гарантий этих прав и осуществляется их динамическая интерпретация.

Согласно положениям ст. 46 Европейской конвенции и ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ решения ЕСПЧ, принятые в отношении

---

[1] См.: Зайцева Е. А., Ашуров В. К., Сидоренко О. В. Роль следственной и судебной практики в обеспечении правильного применения норм уголовно-процессуального права: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2017. С. 133–167.

России, обязательны для российских судов[1], которые при рассмотрении конкретных уголовных дел обязаны учитывать даваемые Европейским судом толкования и интерпретации прав человека и основывать свои решения на позициях, изложенных в постановлениях ЕСПЧ, ориентироваться на сформированные им стандарты соблюдения прав человека при осуществлении уголовного правосудия.

Верховный Суд РФ в 2003 г. указал, что применение судами Конвенции о защите прав человека и основных свобод во избежание любого ее нарушения должно осуществляться с учетом практики Европейского суда (пункты 9, 10 вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5). Принятое спустя десятилетие Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней»[2] побуждает суды при осуществлении правосудия активнее использовать решения Европейского суда. В этом документе Верховный Суд РФ ориентировал суды на то, что правовые позиции ЕСПЧ, которые содержатся в его окончательных постановлениях, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов и учитываются при применении российского законодательства. В частности, содержание прав и свобод, предусмотренных законодательством РФ, должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод, раскрываемого Европейским судом при применении Европейской конвенции и Протоколов к ней (пункты 2, 3 постановления). Более того, Верховный Суд РФ призвал российские суды с целью эффективной защиты прав и свобод человека учитывать и правовые позиции ЕСПЧ, изложенные в

[1] В связи с выходом России в марте 2022 г. из Совета Европы Российская Федерация с 16 сентября 2022 года перестала быть Высокой Договаривающейся Стороной Европейской конвенции, однако формально процесс денонсации Европейской конвенции Россией не завершен, и на момент написания диссертации ФЗ от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» сохраняет юридическую силу.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // БВС РФ. 2013. № 8.

окончательных постановлениях, принятых в отношении других государств – участников Европейской конвенции, если обстоятельства рассматриваемого ими дела аналогичны обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов ЕСПЧ (п. 2 постановления).

Несмотря на законодательную неопределенность в Российской Федерации статуса решений ЕСПЧ как источника (формы) права, благодаря разъяснениям и политике Верховного Суда РФ, в судейском корпусе развеяны сомнения относительно прямого действия Европейской конвенции и возможности непосредственного использования ее положений в интерпретации Европейского суда при отправлении правосудия. В правосознании российских судей утвердилось понимание важности следования общепризнанным международным принципам и стандартам уголовного правосудия. Судебная практика свидетельствует, что суды ориентируются на выработанные Европейским судом правовые позиции, заимствуют из его актов юридические формулировки, раскрывающие смысл и содержание того или иного положения Европейской конвенции, и все чаще в своих решениях по уголовным делам ссылаются на конкретные прецеденты ЕСПЧ[1]. При этом, как отмечается в научной литературе, в большинстве случаев правовые позиции ЕСПЧ используются российскими судами в опосредованном виде – через практику Конституционного и Верховного судов РФ[2].

Вместе с тем в настоящее время и в ближайшей перспективе при осуществлении правосудия судам приходится учитывать происходящие в российской правовой системе изменения, касающиеся применения на территории Российской Федерации международно-правовых норм и исполнения решений международных (межгосударственных) судебных органов.

---

[1] Подробнее об этом см.: Бурмагин С. В. Проблемы применения решений Европейского суда по правам человека при рассмотрении уголовных дел судами Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 2. С. 299–309.

[2] См.: Зайцева Е. А. , В. К. Ашуров, Сидоренко О. В. Указ. соч. С. 186 – 187; Бурмагин С. В. : 1) О влиянии решений Европейского Суда по правам человека на уголовное судопроизводство России // Российское правосудие. 2016. № 3. С. 91–92; 2) Проблемы применения решений Европейского суда по правам человека при рассмотрении уголовных дел судами Российской Федерации. С. 304–306.

Во-первых, в соответствии с внесенными в 2020 г. изменениями в ст. 79 Конституции РФ, судам при осуществлении правосудия надлежит исходить из того, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, исполнению в Российской Федерации не подлежат. Это значит, что состоявшиеся решения ЕСПЧ не имеют для России абсолютной юридической силы и могут быть «заблокированы» Конституционным Судом РФ (п. б ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ), если основаны на противоречащей Конституции РФ интерпретации конвенциальных прав и свобод человека либо налагают на Россию обязанности в противоречии с основами публичного правопорядка Российской Федерации. Соответственно, проблема выбора для применения в судебном решении конфликтующих между собой правовых позиций ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ по одному и тому же вопросу должна решаться в пользу позиции последнего.

Во-вторых, в связи с выходом Российской Федерации из Совета Европы[1] Российская Федерация с 16 сентября 2022 года перестала быть Высокой Договаривающейся Стороной Европейской конвенции[2], что означает и отказ от признания юрисдикции Европейского суда. Последний в связи с этими обстоятельствами заявил о сохранении своей компетенции рассматривать жалобы против Российской Федерации только при условии, что указанные в них действия или бездействия, могущие представлять собой нарушение Европейской конвенции, будут иметь место до указанной даты – 16 сентября 2022 г.[3]

---

[1] Членство Российской Федерации в Совете Европы прекращено с 16 марта 2022 г. на основании Резолюции Комитета Министров Совета Европы CM/Res(2022)2 от 16.03.2022 г. – Resolution CM/Res(2022)2 on the cessation of the membership of the Russian Federation to the Council of Europe // Council of Europe. Committee of Ministers [сайт]. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=0900001680a5da51 (дата обращения: 20.07.2022).

[2] См.: Россия перестанет быть стороной Европейской конвенции о правах человека 16 сентября 2022 года // Совет Европы. Программный Офис Совета Европы в Москве [сайт]. URL: https://www.coe.int/ru/web/moscow/-/russia-ceases-to-be-a-party-to-the-european-convention-on-human-rights-on-16-september-2022 (дата обращения: 20.07.2022).

[3] Резолюция о последствиях прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы в свете статьи 58 Европейской Конвенции по правам человека, принятая 22.03.2022 г.

В-третьих, еще до официального отказа от участия в Европейской конвенции Российская Федерация сама ограничила исполнение решений Европейского суда. Так, согласно ст. 2 Федерального закона от 11 июня 2022 г. № 150-ФЗ[1] не подлежат исполнению на территории Российской Федерации постановления ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 г.

Тем не менее, как бы ни развивались в дальнейшем взаимоотношения Российской Федерации и Европы, выработанные за годы взаимодействия стандарты соблюдения прав человека в сфере судопроизводства, заняли подобающее для их социально-правовой значимости место в российской процессуальной доктрине, вошли важным и неотъемлемым компонентом в систему уголовного правосудия, гарантирующим его правомерность и справедливость, и, полагаем, достаточно прочно закрепились в правосознании российских законодателей и правоприменителей, широкой юридической общественности, поэтому не подлежат «девальвации».

В истинности данного вывода убеждает то, что принципы справедливого правосудия и обеспечения прав и свобод личности в процессе судопроизводства провозглашаются не только Европейской конвенцией, но и множеством иных международно-правовых актов различного уровня: Всеобщей декларацией прав человека (1948), Международным пактом о гражданских и политических правах (1966), Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (1985), Конвенцией Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (1995) и другими. Выработанные Европейским судом позиции и подходы к решению проблем обеспечения в правосудии личных прав и свобод учитываются в правотворческой деятельности, признаны высшими судами Российской Федерации и глубоко

на Пленарном заседании Европейского Суда по правам человека [изложена в Информации Европейского суда по правам человека от 23.03.2022 г. № ECHR 099 (2022)] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: https://base.garant.ru/403740812/ (дата обращения: 22.07.2022).

[1] Федеральный закон от 11.06.2022 г. № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 24. Ст. 3940.

внедрились в их правовые позиции, толкования и рекомендации, а через них – в широкую судебную практику.

Дальнейшее развитие стандартов правосудия и совершенствование судебных процедур в целях наиболее эффективного осуществления уголовного правосудия и достижения необходимого (оптимального) баланса в защите частных и общественных интересов, полагаем, возможно и «собственными силами» (без указующих правовых установок ЕСПЧ) – для этого в России достаточно накопленного практического опыта и теоретических знаний.

Из всего сказанного можно заключить, что прежнее, ушедшее в прошлое узкобуквальное понимание законности как требования соблюдения исключительно законодательных и подзаконных нормативных актов исчерпало свои социальные, теоретические и правовые основания, и уступило место новой общепризнаваемой и поддерживаемой большинством юристов концепции законности.

Данный вывод подтверждается и результатами опросов работников уголовной юстиции. Согласно данным, полученным М. В. Беляевым, абсолютное большинство опрошенных (91,7% судей, 88,1% прокуроров, 95% адвокатов) указали, что связывают законность судебного решения с соблюдением не только закона и нормативных актов, но и положений Конституции РФ, общепризнанных принципов и норм международного права, а также с необходимостью учета при принятии судебных решений позиций Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, и Европейского суда[1]. Опрошенные И. Г. Смирновой судьи подтвердили, что постоянно руководствуются правовыми позициями Конституционного и Верховного судов РФ и в большинстве случаев (69,4% и 65,3% соответственно) мотивируют ими свои процессуальные решения, а также опираются на правовые позиции ЕСПЧ[2]. Согласно результатам исследования Ю. В. Малышевой более 81% судей в своей практической деятельности постоянно

[1] Беляев М. В. Судебные решения в российском уголовном процессе … С. 119, 459.

[2] Смирнова И. Г. К вопросу о социальной роли Европейского суда по правам человека в уголовном судопроизводстве // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 5. С. 151.

или иногда (в зависимости от содержания конкретного уголовного дела) руководствуются международно-правовыми актами и решениями ЕСПЧ, при этом более 35% судей принимают во внимание решения ЕСПЧ, вынесенные в отношении других государств[1].

Таким образом, обращенное к деятельности суда по отправлению правосудия (независимо от вида судебного производства) и к судебным решениям непосредственно требование законности, сохраняя традиционное и привычное для юридической науки, процессуального законодательства и правоприменительной практики название, в современном его толковании означает соответствие решения суда требованиям правовых норм, т. е. не слепое, формальное следование указаниям закона, а их применение через широкое правопонимание в комплексе и через призму конституционных положений, правовых, в том числе общепризнанных, принципов и международных норм права, основополагающих прав и свобод человека. Иначе говоря, в модернизированной парадигме уголовного правосудия законное судебное решение обрело значение *правомерного акта правосудия* (правомерный – «находящийся в соответствии с правом»[2], «внутренне оправданный, закономерный, основанный на праве»[3]), призванного обеспечить верховенство права и его защиту.

Выполненные соискателем анализ и обобщение доктринальных положений, нормативно-правовых предписаний и состояния судебной практики, подробно изложенные в ранее упомянутой монографии «Судебные производства и судебные решения в системе уголовного правосудия» (2021)[4], позволяют прийти к следующим выводам относительно содержания исследуемых критериев правосудности судебных решений в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

---

[1] Малышева Ю. В. Реализация в уголовном процессе Российской Федерации решений Европейского Суда по правам человека: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. С. 174–175.

[2] Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1999. Т. 3. П—Р. С. 355.

[3] Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1985. С. 498.

[4] См.: Бурмагин С. В. Судебные производства и решения … С. 552–654.

Содержательно ***законность (правомерность) судебного решения*** как императивное требование включает в себя следующие компоненты – обязательные условия:

- вынесение решения компетентным судом, созданным на основании закона;
- законность предшествующего производства по делу в пределах, исключающих существенные нарушения уголовного процессуального закона;
- использование правомерных средств и способов установления фактических обстоятельств дела (допустимость и достоверность доказательств);
- наличие предусмотренных законом юридических оснований принятия решения;
- правильное применение норм материального и (или) процессуального права;
- соблюдение нормативно установленной процедуры и процессуально-правовых условий вынесения решения;
- надлежащее документальное оформление принятого решения (внешняя форма, структура, реквизиты, подписи).

В целях более точного отражения в УПК РФ перечисленных аспектов законности судебных решений представляется необходимым: 1) дополнить статью 237 УПК РФ отдельным основанием возвращения дела прокурору, под которым указать наличие допущенного органом предварительного расследования существенного нарушения уголовно-процессуального закона, исключающего возможность рассмотрения дела и вынесения судом приговора или иного решения; 2) уточнить ч. 2 ст. 297 УПК РФ в части того, что приговор должен быть основан на правильном применении не только уголовного, но и иного материального закона; 3) придать закрепленным в отношении приговора требованиям «материальной» и «процессуальной» законности универсальный характер и распространить их на все иные решения суда в уголовном процессе; 4) скорректировать предусмотренное п. 6 ст. 389.15 и ст. 389.18 УПК РФ основание

отмены (изменения) судебного решения, указав в этом качестве неправильное применение любого, а не только уголовного, закона.

Обоснованность как внутреннее свойство любого решения уголовного суда и одновременно как правовое требование к его качественному состоянию означает *соответствие вынесенного решения наличным фактическим основаниям*[1] *его принятия*, которое подразумевает, что:

- содержащиеся в судебном решении резолюции (результирующие предписания) согласуются с выводами суда, на которых эти резолюции основаны;
- выводы и резолюции суда по всем разрешаемым вопросам соответствуют установленным в судебном заседании фактическим обстоятельствам дела и закономерно вытекают из них;
- фактические обстоятельства дела установлены судом достоверно и в полном объеме, необходимом для принятия решения, на основе исследованных в ходе судебного разбирательства доказательств;
- в решении между различными суждениями, выводами суда отсутствуют противоречия.

При этом обязательными (но не единственными) условиями, соблюдение которых обеспечивает обоснованность судебного решения, следует считать: а) полное, всестороннее и объективное посредством состязательности сторон исследование, т. е. проверка и оценка на предмет относимости, допустимости, достоверности и достаточности, наличных доказательств и (или) иных доказательственных материалов по делу в предусмотренном законом порядке; б) объективный, логически правильный содержательный и правовой анализ судом установленных фактов (обстоятельств дела); в) адекватное изложение в судебном решении установленных фактических обстоятельств, имеющих значение для дела, исследованных доказательств и сделанных на их основе выводов.

---

[1] Общеупотребительное значение слова основание – причина, повод, которые объясняют, оправдывают, делают понятными поступки (Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.., 1985–1988. Т. 2. К-О. 1986. С. 650). В рассматриваемом контексте поступком выступает решение суда.

Как можно понять из содержательной стороны перечисленных условий, они представляют разные стороны деятельности суда по отправлению правосудия и непосредственно не охватываются понятием обоснованности судебного решения, а относятся к иным категориям: первое – к законности судебного решения, второе – к его обоснованию, третье – к мотивированию, но при этом включаются в общий механизм принятия уголовным судом правосудного решения, создают важные и необходимые предпосылки для обретения судом достоверного знания о подлежащей разрешению правовой ситуации, ее правильной юридической квалификации и адекватного выбора уголовным судом процессуального решения, требуемого для свершения правосудия.

Мотивированность как качественное состояние акта правосудия с необходимостью вытекает из социально-правовой природы и предназначения судебной власти, призванной посредством правосудия обеспечивать верховенство права и защиту индивидуальных прав, свобод и законных интересов, разрешать юридические споры и нейтрализовывать конфликты правового характера, тем самым вносить в общественную жизнь упорядоченность и умиротворение. Только мотивированное, понятное и убеждающее в своей правоте судебное решение соответствует указанной роли, может претендовать на признание его легитимным актом судебной власти и свидетельствовать, что правосудие в конкретном деле не только вершилось, но и состоялось.

Сущность мотивирования судебного решения заключается в подтверждении наличия фактических и юридических оснований его принятия и объяснении судом выбора варианта принимаемого решения. Мотивированность как правовое требование, предъявляемое к решениям уголовного суда, означает обязательность мотивировки решения, т. е. его внешнего обоснования, которое в общем виде должно содержать:

- изложение установленных судом фактических обстоятельств;
- приведение доказательств, на которых основаны выводы суда, их анализ и оценку;
- ссылки на подлежащие применению правовые нормы и их толкование;
- приведение существенных и значимых для принимаемого решения доводов сторон и их оценку;

- изложение суждений, аргументов и заключений суда в связи и на основании оценки доказательств, установленных фактов и доводов сторон;
- указание мотивов промежуточных выводов суда и мотивов выбора принимаемых решений;
- формулировку заключительных выводов суда по существу разрешаемых вопросов.

Свойство мотивированности, придаваемое судебному решению в результате его надлежащего обоснования и мотивирования судьей (судьями), есть качественное состояние процессуально оформленного решения суда, пребывая в котором судебное решение отражает связь между доказательствами (доказательственной информацией), установленными на их основе фактическими обстоятельствами дела и выводами суда по всем разрешенным вопросам, а также раскрывает мотивы (основания) принятия судом данного решения и демонстрирует соответствие вынесенного решения фактическим и правовым основаниям.

Для успешной реализации своего назначения в рамках конкретного дела мотивировка (мотивировочная часть) судебного решения должна быть качественной, а именно: отвечать требованиям полноты, определенности, логичности, доказательности (убедительности), а также грамотности[1].

Среди критериев правосудности судебных решений условие их ***справедливости*** является наиболее сложным для дефинирования и уяснения его природы и содержания, поэтому неоднозначно оценивается и трактуется в современной правовой доктрине[2]. Такое положение обусловлено тем, что

---

[1] Пономаренко В. А. Указ. соч. С. 20.

[2] См.: Ахундов Н. А. Справедливость приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1990. С. 6–7; Подольный Н. А. Принцип справедливости в уголовном процессе России // Российский судья. 2002. № 12. С. 13–15; Бунина А. В. Приговор суда как акт правосудия … С. 10, 19–24; Аширова Л. М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Уфа, 2006. С. 9–12; Гладышева О. В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 10, 22–23; Масленникова М. Л. Требования, предъявляемые к приговору // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2009. С. 728; Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве … С. 204 – 205; Подольный Н. А., Урявин Д. А. Справедливость – критерий правосудности // Российский судья. 2011. № 1. С. 32–34; Воскобитова Л. А. Правовые рамки справедливости в уголовном судопроизводстве // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве: Сб. статей по материалам всерос. науч.-практич. конф. 20–21 марта 2015 г. Ч. 1. СПб., 2016. С. 55–67; Качалова О. В. Критерии справедливости уголовного

справедливость – емкое и многоаспектное понятие, охватывающее одновременно и область морали (нравственности) и социально-правовую сферу.

Тем не менее, в российской правовой науке сформировалось твердое мнение, что справедливость является фундаментом права[1], выступает в качестве конституционного принципа[2], основополагающего начала всех отраслей национального права[3] и как общеправовой принцип, имеющий универсальный характер, «вбирает в себя все иные принципы, интегрирует их и через них проявляется в действительности»[4], оказывает регулирующее воздействие, в том числе на уголовное судопроизводство[5]. Конституционный Суд РФ также признает справедливость общеправовым принципом, отмечая тем самым его универсальный характер[6]. Председатель Конституционного Суда РФ

судопроизводства // Там же. С. 152–162; Макарова З. В. Справедливость – нравственно-правовая основа уголовного судопроизводства // Там же. С. 218–227; Макарова З. В. Справедливость в уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2012. № 7. С. 54–56; Чайковская М. А. Характеристика приговора: свойства или требования. С. 258–259; Бозров В. М., Костовская Н. В. Судебное решение и оценка доказательств по уголовному делу. С. 19–20; Виницкий Л. В., Маганкова А. А. Справедливость приговора суда первой инстанции в современном уголовном процессе России. М., 2014. С. 44–63; Васильев О. Л. Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях российского уголовного процесса: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 10–11; Корнакова С. В., Щербаков В. А. Проблемы реализации принципа справедливости в российском уголовном судопроизводстве. М., 2019. С. 14–27; Беляев М. В.: 1) Свойства судебных решений в российском уголовном процессе. С. 129–152; 2) Судебные решения в российском уголовном процессе … . 173–200.

[1] Еникеев З. Д. Воплощение справедливости в законах – правотворческая задача // Вестник Удмуртского университета. 1997. № 1. С. 51.

[2] Пресняков М. В. Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание: автореф. дис. … д-ра. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 12–14.

[3] Хайруллин В. И. Категория справедливости в истории политико-правовой мысли. М., 2011. С. 15.

[4] Мирза Л. С. Iustitia (Правосудие и справедливость в уголовном процессе) // Lex Russica. 2008. № 1. С. 61.

[5] Евстигнеева О. В. Конституционно-правовые основы справедливости в уголовном судопроизводстве // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводств. Сб. статей по материалам всерос. науч.-практ. конф.: 22 марта 2013 г. / Сост. К. Б. Калиновский, Т. В. Соколов. СПб., 2013. С. 116.

[6] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 1070 ГК РФ в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова» // СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 700; Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 г. № 5-П «По делу о проверки конституционности статьи 405 УПК РФ в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в РФ, производственно-технического

В. Д. Зорькин подчеркивает, что «выдвинутый еще древними мыслителями принцип справедливости и равенства составляет ядро всего современного права»[1].

В сфере уголовного правосудия, в которой разрешаются предельно острые социальные конфликты и наиболее существенным образом затрагиваются права и интересы личности, а также значимые общественные и государственные интересы, справедливость приобретает особое значение. В общественном сознании справедливость во многом ассоциируется именно с правосудием, является его обязательным атрибутом. В своих решениях Конституционный Суд РФ характеризует справедливость как «неотъемлемый признак правосудия», без которого оно утрачивает свои качества, а также констатирует, что правосудие по своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости[2]. Конституционный Суд РФ детально не раскрывает эти требования, но, исходя из того, что правосудие воплощается в решениях суда, вполне ясно, что они обращены к судебной деятельности по разрешению юридического дела и завершающему ее акту правосудия. Возникает вопрос: каковы же эти требования и каков их характер?

Обращаясь непосредственно к правовому регулированию требования справедливости решений уголовного суда, нельзя не отметить, что УПК РФ формально не провозглашает справедливость ни целью уголовного правосудия, ни принципом судопроизводства, понятие и сущность справедливости применительно к сфере уголовного правосудия четко не определены, справедливость обозначена лишь в значении обязательного требования к приговору (ст. 297 УПК РФ) и упоминается в немногочисленных процессуальных

кооператива “Содействие”, общества с ограниченной ответственностью “Карелия” и ряда граждан» // СЗ РФ. 2005. № 22. Ст. 2194.

[1] Зорькин В. Стандарт справедливости // Российская газета. 2007. 8 июня.

[2] См.: вышеуказанные постановления, а также: Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // СЗ РФ. 2003. № 51. Ст. 5026; Постановление Конституционного Суда от 16.05.2007 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 УПК РФ в связи с запросом президиума Курганского областного суда» // СЗ. 2007. № 22. Ст. 2686.

нормах именно в таком качестве (ч. 2 ст. 6, ч. 4 ст. 226.9, ст. 389.9, п. 4 ст. 389.15, ч. 4 ст. 389.16, ч. 4 ст. 389.28, ч. 3 ст. 413 УПК РФ), формально не распространяя свое действие на другие решения уголовного суда.

Из буквального смысла ч. 2 ст. 297 УПК РФ следует, что приговор признается справедливым, если постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона. Это во многом декларативное нормативное положение, тем не менее, ориентирует исследователя и правоприменителя на наличие в структуре требования справедливости процессуальных и материальных элементов (сторон).

Справедливость приговора и иных судебных решений в процессуальном аспекте означает справедливость судебных процедур по осуществлению правосудия, соблюдение которых обеспечивает возможность принятия по рассматриваемому делу справедливого акта правосудия. Смысл процессуальной справедливости сводится к формуле – без справедливой процедуры не может быть справедливого, а поскольку требование справедливого судопроизводства носит правовой характер, то и правосудного судебного решения.

Процессуальная сторона справедливости судопроизводства в целом выражается в общепризнанном международно-правовом принципе справедливого судебного разбирательства, выводимом из положений Всеобщей декларации прав человека (статьи 10–11)[1], Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 6) и Протоколов к ней, Международного пакта о гражданских и политических правах (ст. 14)[2], Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (ст. 6)[3], Конвенции Содружества

---

[1] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Рос. газета. 1995. 5 апреля.

[2] Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией № 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

[3] Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принята 29.11.1985 г. Резолюцией № 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

Независимых Государств о правах и основных свободах человека (ст. 6)[1] и других международно-правовых актов. В рамках этого принципа обращенное к правосудию требование справедливости предстает в виде системы взаимосвязанных критериев (обязательных условий) справедливого судебного разбирательства любого юридического дела, достигших благодаря своей универсальности и широкому внедрению значения фундаментальных правовых положений – международных (европейских) стандартов правосудия.

Как известно, провозглашенное в ст. 6 Европейской конвенции и других международно-правовых актах (договорах) право на справедливое судебное разбирательство в интерпретациях Европейского суда включает в себя следующие основные компоненты – *критерии справедливости*: 1) обеспечение доступа к правосудию; 2) рассмотрение дела законным составом суда в соответствии с правилами подсудности; 3) соблюдение разумных сроков судопроизводства; 4) публичное (гласное и открытое) судебное разбирательство; 5) независимость и беспристрастность суда; 6) состязательность и равноправие сторон; 7) рассмотрение дела исходя из презумпции невиновности; 8) обеспечение права обвиняемого на защиту, включая: право быть уведомленным о предъявленном обвинении, право на юридическую помощь, право на вызов и допрос свидетелей, право на помощь переводчика; 9) возможность пересмотра приговора вышестоящим судом. Подробный анализ перечисленных эталонных показателей процедурной справедливости, их расшифровка и детальная конкретизация в свете обширной практики ЕСПЧ достаточно широко представлены в современной научной литературе[2], что избавляет нас от необходимости их воспроизведения в настоящей диссертации, ограниченной собственном предметом исследования.

---

[1] Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995) // СЗ РФ. 1999. № 13. Ст. 1489.

[2] См.: Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Комментарий к статьям 5 и 6. М., 1997; Моул Н., Харби К., Алексеева Л. Б. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 6 Право на справедливое судебное разбирательство. Прецеденты и комментарии. М., 2001; Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / Под общ. ред. В. А. Туманова, Л. М. Энтина. М., 2002. С. 83–119; Алексеева Л. Б. Право на справедливое судебное разбирательство: Реализация в УПК РФ общепризнанных принципов и норм международного права: дис. … д-ра юрид. наук.

Содержание и значение процессуальной справедливости убеждает, что «только справедливые судебные процедуры могут привести к справедливому судебному решению»[1], и еще раз, но уже в аспекте действия требования справедливости судебных решений, подтверждает правильность выводов о том, что принимаемые в уголовном судопроизводстве решения (в том числе судебные) – результат предшествующей деятельности со стороны компетентных органов и должностных лиц, а соблюдение процессуальных правил при ведении судопроизводства обеспечивает принятие законных, обоснованных и справедливых решений[2]. Следовательно, критерии процессуальной справедливости применимы не только к приговору, но и к иным судебным решениям, как итоговым, так и промежуточным, включая решения по существу поставленных перед судом вопросов в рамках отдельных судебных производств, осуществляемых в порядке уголовного судопроизводства.

Обращаясь к понятию *материальной (сущностной) справедливости* судебных решений, нельзя не заметить ее ограниченного законодательного выражения – только для приговора и только в уголовно-правовом смысле как

М., 2003; Рабцевич О. И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2003; Европейские стандарты права на справедливое судебное разбирательство и российская практика / Под общ. ред. А. В. Деменевой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004; Осипов А. Л. Реализация требований статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении уголовных дел судом первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010; Афанасьев С. Ф. Право на справедливое судебное разбирательство и его реализация в российском гражданском судопроизводстве. М., 2009; Трубникова Т. В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации: Учеб. пособие. Томск, 2011; Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т. Г. Морщаковой. М., 2012; Рудич В. В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 16–28; Справедливое судебное разбирательство в международном праве: юридический сборник. Варшава, 2013; Качалова О. В. Критерии справедливости уголовного судопроизводства. С. 156–161; Макбрайд Д. Права человека и уголовный процесс. Практика Европейского Суда по правам человека. М.: Развитие правовых систем, 2018.; Малышева О. А., Малышева Ю. В. Реализация правовых позиций Европейского Суда по правам человека в российском уголовном процессе: монография. М., 2019. С. 55–100; и др.

[1] Муратова Н. Г., Шайдуллова К. А. Судебные решения – акт юридической культуры и справедливости // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 2. С. 196.

[2] Гуськова А. П. Судебные решения в уголовном судопроизводстве. Их характеристика и значение: учеб. пособие. Оренбург, 2012. С. 48.

справедливость назначенного наказания (ч. 2 ст. 297 УПК РФ). При этом свойство-требование справедливости приговора, как и требование законности и обоснованности, нормативно определяется через свою противоположность (антипод) – понятие несправедливости приговора, выраженное в ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ.

Несмотря на имеющиеся перспективы теоретической разработки и закрепления в процессуальных нормах определенных критериев сущностной справедливости на основе принципов равенства, соразмерности, пропорциональности и баланса интересов[1], действующий закон не позволяет оценивать большинство судебных решений с позиции справедливости их существа, оставляя правопользователям довольствоваться справедливостью процедурной.

В завершение характеристики содержательных компонентов (критериев) правосудности судебных решений: законности, обоснованности, мотивированности и справедливости – необходимо подчеркнуть их тесную взаимосвязь и взаимообусловленность, которые не приводят к потере самостоятельного значения каждого из них, а позволяют говорить о системном характере их действия.

Конечно, если исходить из всеобщности принципа законности и иметь ввиду нормативно-правовой характер свойств-требований обоснованности, мотивированности и справедливости судебных решений, то можно утверждать, что законность поглощает собой все другие требования. Однако в правоприменительной (судебной) деятельности требование законности судебного решения все же имеет более узкое содержание, ограниченное сферой соблюдения процедур судопроизводства и правильного применения материального и процессуального закона, что вызвано практической потребностью конкретизации и размежевания законодательно установленных для судебных решений

[1] Подробнее об этом см.: Бурмагин С. В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия. С. 636–654.

требований и связанных с ними оснований отмены и изменения решений уголовного суда.

Свойство обоснованности судебного решения содержательно, как объективная связь и соответствие выводов и предписаний суда фактам и подтверждающим их доказательствам, прямо не прописано в процессуальном законе, но раскрывается именно в таком качестве через положения УПК РФ, регламентирующие основания отмены и изменения судебных решений в порядке их проверки в судах вышестоящих инстанций, т. е. имеет вполне определенную правовую основу – закон обязывает уголовный суд при принятии любого решения выполнить это требование и обеспечить обоснованность принимаемого решения. Одновременно с этим несоблюдение нормативно-правовых предписаний и правовых принципов (стандартов), касающихся порядка получения и исследования доказательств в ходе судебного разбирательства и их оценки судом могут негативно повлиять на процесс обоснования судебного решения и, соответственно, привести к его необоснованности (полной или частичной). С другой стороны ошибки обоснования судебного решения практически неизбежно влекут неправильное применение судом правовых норм (закона), а, значит, обуславливают незаконность (неправомерность) решения суда.

Свойство обоснованности также тесно связано со свойством мотивированности через процесс и результат обоснования-мотивирования судебного решения. Обоснованность судебного решения (наличие указанной объективной связи) может быть воспринята не только судьями, вынесшими решение, но через его внешнее обоснование – мотивировку – и другими лицами, а также, в случае некачественной мотивировки или ее частичного отсутствия, может быть «познана» и признана сведущими в деле лицами (сторонами, другими участниками судебного заседания) или выявлена вышестоящим судом в ходе проверки судебного решения. При встречающейся на практике несогласованности внутреннего и внешнего обоснования судебного решения[1] возможно отсутствие у

[1] Под внутренним и внешним обоснованием мы понимаем две стороны одного процесса, единого этапа принятия судебного решения: собственно обоснование (внутреннее) – сугубо

судебного решения того или иного свойства: решение может быть (объективно) обоснованным, но надлежащим образом не мотивированным, т. е. не объясненным «вовне» (неполная или некачественная мотивировка) и, наоборот, – формально мотивированное («внешне обоснованное») решение может оказаться не обоснованным по существу.

Мотивированность сама по себе не обеспечивает обоснованности решения, но необходимым образом объясняет суть и основания решения, убеждает в его обоснованности. Немотивированное или некачественно мотивированное решение автоматически не аннулирует его обоснованности, но в большинстве случаев затрудняет восприятие решения как обоснованного, не позволяет уяснить объективные основания и субъективные (при судейском усмотрении) мотивы тех выводов, на которых оно построено, и по этой причине, как правило, воспринимается лишенным оснований, произвольным, а значит и оценивается как незаконное. Кроме того, и это не менее важно, мотивирование решения в ходе его принятия и составления судьей (судьями) способствует обоснованности решения, позволяет судьям окончательно утвердиться в правильности собственных оценок и выводов, взглянуть на принимаемое решение «со стороны» и оценить его с точки зрения убедительности с тем, чтоб своевременно (до вынесения) скорректировать в нужном направлении.

Свойство справедливости подтверждает соответствие судебного решения не только формальным по своей сути требованиям законности (правомерности), но и нравственным началам, общепринятым моральным принципам и установкам, закрепленным в праве, а потому придает судебному решению бóльшую легитимность. Соблюдение требования справедливости, как с процессуальной, так и с материальной стороны, обеспечивает внешнее восприятие и принятие судебного решения как должного, необходимого вмешательства в социальную реальность правовыми средствами и за счет этого обеспечивает более

мыслительный процесс, внешнее обоснование (или мотивирование) – объективирование этого процесса, его внешнее выражение в процессуальной форме решения. Подробнее см.: Бурмагин С. В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия. С. 597–598.

эффективное регулирование общественных отношений посредством правосудия. Для признания акта правосудия справедливым важно его правильное обоснование и тщательное, качественное во всех отношениях мотивирование. Без соблюдения законной и справедливой процедуры судебного разбирательства, которое должно завершиться прогнозируемым по его итогам результатом, и без надлежащего (правильного по сути и логичного, понятного по содержанию) обоснования-мотивирования принимаемых решений вынести справедливый акт правосудия невозможно.

Требованиям законности, обоснованности и справедливости должно соответствовать каждое судебное решение, каждый из содержащихся в них ответов на поставленные правовые вопросы, касающиеся одного лица или нескольких лиц, и тех правовых последствий, которые из этих ответов вытекают[1]. В то же время, «содержательное наполнение» этих требований различно для разных видов судебных решений и зависит от назначения, функционального характера решения, его относимости к основному вопросу судебного дела, типу и виду судебного производства, а также от процессуального порядка принятия решения, который, как будет показано далее, имеет несколько дифференцированных форм. В отдельном деле рассматриваемые требования так же зависят от конкретного предмета судебного рассмотрения, перечня и характера разрешаемых судом вопросов.

Так, например, законность разрешения отводов в судебном заседании с точки зрения соблюдения порядка судопроизводства обусловлена лишь надлежащим выполнением правил отдельной судебной процедуры (по рассмотрению отводов), тогда как для законности приговора требуется не только соблюдение порядка его вынесения, но и отсутствие (недопущение) существенных нарушений уголовного-процессуального закона в ходе всего предшествующего приговору уголовного производства. Объемы и глубина обоснования и мотивирования итоговых судебных решений более существенны,

[1] Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. С. 19.

чем у промежуточных, процедурных решений, значительная часть которых выносится в устной форме и не требует особого обоснования, а их мотивировка в письменной форме весьма кратка (если вообще выполняется) и отражается в протоколе судебного заседания секретарем судебного заседания со слов председательствующего.

Обеспечение правосудности судебных решений всецело лежит на судебном органе, рассматривающем дело, и осуществляется на всем протяжении ведения им того или иного уголовного производства, но по большей части в наиболее ответственные, кульминационные моменты судопроизводства – на этапах вынесения процессуальных решений. Процессуальный механизм принятия судебных решений, в который входят условия, основания, способы и методы, процедура вынесения решения и другие элементы, в соответствии с единством и дифференциацией уголовного правосудия строится в целом на общих, присущих всему уголовному правосудию закономерностях, имеющих распространение на все судебные производства, но имеет и особое действие (проявление), характерное для отдельных разновидностей производств и решений и соответствующее их специфике.

§ 3. Система и типология судебных решений в контексте концепции единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств

Главенствующее положение суда в уголовном процессе, согласующееся с его исключительной и многогранной ролью органа правосудия, обширность и масштабность стоящих перед уголовным судом задач, многофункциональность его процессуальной деятельности, охватывающей все стадии уголовного судопроизводства, предопределяют множественность и широкий круг правовых

вопросов, подлежащих судебному разрешению в различных уголовных производствах.

Уголовно-процессуальный закон в связи с этим установил большое количество разнообразных по назначению, содержанию и форме уголовно-процессуальных решений суда, общее число которых с трудом поддается подсчету[1]. При этом нормативно определенный набор судебных решений не является исчерпывающим и достаточным, что наиболее остро проявляется в «неосновных» судебных производствах, в связи с чем судебная практика вынуждена вырабатывать дополнительные, не предусмотренные УПК РФ процессуальные решения, необходимые для урегулирования упущенных законодателем правовых вопросов, возникающих в ходе осуществления уголовного правосудия[2].

В отечественной науке проблематике разграничения судебных решений на отдельные виды и формы, выявлению их особенностей уделено повышенное внимание. В этом направлении решения уголовного суда изучались и продолжают исследоваться как в общей совокупности, так и применительно к отдельным их группам и классам, что нашло отражение в многочисленных, разработанных для разных целей и на различных уровнях обобщения классификациях судебных решений[3]. Такое положение оправдано ввиду теоретического и практического

---

[1] Согласно исследованию М. В. Пальчиковой, только для судебного разбирательства по уголовному делу в суде первой инстанции закон предусматривает 47 видов постановлений и определений (Пальчикова М. В. Определения и постановления суда первой инстанции в российском уголовном процессе. С. 38). В общее число судебных решений следует прибавить: не менее двадцати видов приговоров, включая приговоры апелляционной инстанции, выносимые по уголовному делу; массу итоговых решений суда первой инстанции, завершающих каждый из видов иных судебных производств (минимум по два на каждое судебное производство); основные решения по итогам производств в судах вышестоящих (проверочных) инстанций и по новым или вновь открывшимся обстоятельствам; наконец, многочисленные вспомогательные и дополнительные (промежуточные) решения, принимаемые по ходу всякого судебного производства.

[2] См.: Бурмагин С. В. Уголовный суд России. С. 242–249; Пальчикова М. В. Указ. соч. С. 47.

[3] См.: Бажанов М. И. Законность и обоснованность основных судебных актов в советском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. // Бажанов М. И. Избранные труды. Харьков, 2012. С. 1193–1194; Бутов В. Н. Определения суда первой инстанции по уголовным делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. С. 7–11; Савченко В. А. Единоличные решения судьи при рассмотрении уголовных дел: автореф. дис.

значения классифицирования столь разноплановых правовых объектов, каковыми являются решения суда. По верному утверждению П. А. Лупинской, классификация процессуальных решений в теоретическом плане «способствует уяснению общей природы процессуальных решений и предъявляемых к ним законом требований», а в практическом смысле «направлена на обеспечение принятия законных, обоснованных и справедливых решений»[1].

Судебные решения в уголовном процессе образуют не просто набор, суммарное множество, а достаточно сбалансированную (если не на законодательном уровне, то во всяком случае посредством судебной практики) систему логически и последовательно встроенных в деятельность по осуществлению правосудия, взаимосвязанных и взаимозависимых процессуальных актов-решений, объединенных общими правилами судопроизводства (правовыми принципами, унифицированными процедурами и требованиями общего действия) и направленных на достижение как конкретных (в рамках юридического дела), так и общих, конечных целей уголовного правосудия. Каждое из решений, отдельный их вид выполняет собственную задачу в том или ином судебном производстве, на конкретном его этапе, но,

---

… канд. юрид. наук. Саратов, 1981. С. 7–8; Остапенко И. А. Приговор как итоговое решение по уголовному делу: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 14–16; Подольский М. А. Судебные решения в досудебном производстве по уголовному делу (вопросы теории и практики): дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 62–71; Загорский Г. И. Постановление приговора: проблемы теории и практики. М., 2010. С. 102–112; Трахов Р. А. Обоснованность решений суда первой инстанции в российском уголовном процессе. С. 15–16; Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. С. 44–71; Бурмагин С. В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе. С. 128–136; Бозров В. М., Костовская Н. В. Судебное решение и оценка доказательств по уголовному делу. С. 21–23; Азаров В. А., Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам. С. 96–107; Пальчикова М. В. Указ. соч. С. 81–94; Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе. С. 32–48; Константинова В. А. Понятие и классификация промежуточных решений суда первой инстанции в уголовном процессе: учеб. пособие. Омск, 2017. С. 60–75; Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе. М., 2018. С. 257–263; Беляев М. В. Судебные решения в российском уголовном процессе … С. 56–88; Беляев М. В., Качалов В. И., Качалова О. В., Марковичева Е. В. Свойства судебных решений и механизм их вынесения в уголовном судопроизводстве: научно-практическое пособие. М., 2021. С. 9–12.

[1] Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. С. 45.

реализуя свое назначение, вносит вполне определенный вклад в движение судебного дела к конечному результату и является важным, неотъемлемым элементом общего механизма отправления уголовного правосудия.

Система судебных решений не статична, а будучи важнейшим (ключевым) элементом более высокоуровневой системы правосудия, реагируя вместе с ней, как часть целого, на изменения общественных потребностей, развивается одновременно с правосудием и в русле общих тенденций его совершенствования, поэтому может и должна восприниматься и рассматриваться в контексте социально-исторического развития. В то же время в интересах сохранения общественной стабильности и обеспечения постоянной и эффективной судебно-правовой защиты уголовное правосудие, а, следовательно, и входящие в его структуру системы судебных производств и судебных решений должны оставаться достаточно стабильными (отчасти даже консервативными), устойчивыми к неоправданным, конъюнктурным колебаниям уголовной и уголовно-процессуальной политики государства и не подвергаться без глубокого научного обоснования резкой ломке и кардинальной перестройке, сохранять культурно-правовую преемственность.

Классификация судебных решений по отдельным признакам, качествам, состояниям позволяет понять и обозначить значение, роль и место различных решений в общей системе правосудия, их взаимосвязи, выявить не только общую природу решений и предъявляемых к ним требований, как указывает П. А. Лупинская, но и отдельные свойства, индивидуальные особенности, характерные для того или иного вида решений, а так же вскрыть и сопоставить общие и частные закономерности механизма принятия судебных решений, его дальнейшего развития и совершенствования.

На практике системное восприятие судебных решений в их единстве и взаимосвязи, не совместимое с пренебрежительным отношением к отдельным их видам, способствует закреплению у судей ответственного отношения к каждому из них, выработке твердой установки на качественное формулирование,

составление любого процессуального решения и строгое соблюдение требований закона при их вынесении.

Нормативно определенные типы судебных решений. Судебное решение как любой процессуальный акт правоприменения определяется его формой и содержанием. УПК РФ в качестве судебных решений прямо указывает приговор, определение, постановление (п. 53.1 ст. 5), предусматривает также вердикт (п. 5 ст. 5) и заключение суда (п. 11.1 ст. 5). Такой инструментальный набор, за исключением «заключения», является традиционным для отечественного правосудия[1], но не выражает четкого деления решений суда на виды, не представляет собой ни систематизацию, ни тем более их классификацию. Данное законодательное деление судебных решений проведено, главным образом, по их наименованию и форме и для подавляющего большинства решений, которые оформляются в виде постановления и определения, не позволяет судить об их содержании и назначении.

Название решения связано с его сущностью только у приговора, вердикта и заключения. Назначение этих решений достаточно узко и специфично, поэтому поддается законодательной дефиниции. Согласно ст. 5 УПК РФ, *приговор* – решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции; *вердикт* – решение о виновности или невиновности подсудимого, вынесенное коллегией присяжных заседателей; *заключение суда* – вывод о наличии или об отсутствии в действиях лица, в отношении которого применяется особый порядок производства по уголовному делу, признаков преступления.

Приведенные и последующие уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие основания и порядок вынесения заключения, вердикта,

---

[1] Термин «приговор» известен российскому правосудию со времен Соборного уложения 1649 года, в котором впервые употребляется в значении судебного решения (Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1985. С. 299.), а постановления и определения введены в практику уголовного суда на основании норм Устава уголовного судопроизводства 1864 года (См. об этом: Пальчикова М. В. Указ. соч. С. 26–28).

приговора позволяют заключить, что данные решения предназначены для разрешения конкретных правовых вопросов, достаточно детализированы и обладают индивидуальными признаками и реквизитами (приговор, вердикт), чтобы считать их отдельными типами (видами) судебных решений. Этого нельзя утверждать в отношении определений и постановлений суда, которые почти в равной степени охватывают все иные вопросы, разрешаемые судом в уголовном процессе, идентичны по внешней форме и порядку вынесения (разняться только по названию) и разграничиваются между собой лишь по составу суда, их выносящего, а потому объективно требуют дальнейшей градации на группы, подгруппы, виды и подвиды.

В то же время ввиду того, что вердикт присяжных заседателей и заключение суда не включены законодателем в перечень судебных решений, перечисленных в п. 53.1 ст. 5 УПК РФ, и не фигурируют в дефинициях ни итогового, ни промежуточного судебного решения (пункты 53.2 и 53.3 ст.5 УПК РФ), первоначально (до непосредственного обращения к классификации) и неизбежно возникает далеко не праздный, а практически ориентированный вопрос о причислении их к категории уголовно-процессуальных решений суда, который требует уяснения и анализа правовой природы данных актов и сопоставления их свойств с характерными для судебного решения признаками.

Вердикт коллегии присяжных заседателей как правовой акт неоднозначно оценивается в научной литературе. С. И. Викторский и С. В. Познышев воспринимали вердикт как разновидность приговора[1]. Современные авторы расценивают вердикт как правоприменительный акт[2], отдельный вид процессуального решения[3], самостоятельное итоговое судебное

[1] Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1912. С. 375–376; С. 301. Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. С. 301.

[2] Аширбекова М. Т. Вердикт присяжных как правоприменительный акт // Мировой судья. 2019. № 10. С. 33–37.

[3] Стрелкова Ю. В. Вердикт присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и правоприменительная практика: дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. С. 8.

решение[1], как окончательное (итоговое) решение по делу наряду с приговором[2], считают вердикт специфическим судебным решением, которое не относится ни к итоговым, ни к промежуточным судебным решениям[3].

Сопоставляя свойства вердикта с установленными ранее признаками судебного решения[4], приходим к выводу, что вердикт присяжных заседателей по своей сути и юридической природе является ответом на вопросы, относящиеся к компетенции уголовного суда, и содержит многие признаки уголовно-процессуального решения. Тем не менее, несмотря на важное (в случае оправдания подсудимого – решающее) значение вердикта для разрешения уголовного дела, его нельзя признать самодостаточным и полностью самостоятельным судебным решением.

В вердикте только констатируется наличие или отсутствие юридически значимых обстоятельств, необходимых для подтверждения уголовного правоотношения, но отсутствует второй обязательный компонент судебного решения – властное установление правового состояния (статуса) подсудимого (исходя из характера зафиксированного судом уголовно-правового отношения) и императивное предписание органам власти и другим субъектам права на выполнение конкретных юридических действий, предусмотренных законом и с необходимостью вытекающих из существа решения о виновности или невиновности подсудимого.

Отсутствие таких властных указаний, имеющих индивидуально-регулятивный характер, лишает вердикт значения полновесного итогового судебного решения, окончательно разрешающего уголовно-правовой конфликт.

---

[1] Владыкина Т. А. Теоретическая модель производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 32–33.

[2] Насонов С. А. Концептуальные основы производства в суде с участием присяжных заседателей: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 385.

[3] Беляев М. В. Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 308.

[4] Более подробно результаты этого сопоставления представлены нами в следующей работе: Бурмагин С. В. Является ли вердикт присяжных заседателей судебным решением? // Уголовное судопроизводство. 2019. № 4. С. 8–13.

Вследствие этого вердикт (без приговора) не обладает необходимой юридической силой, не подлежит самостоятельному исполнению и обязателен только при подтверждении его приговором («дублирования» в приговоре). Сохраняя внешнюю документальную обособленность, вердикт своим содержанием вливается в судебный приговор, становится (не механически, а органически) его неотъемлемой частью, образует с приговором единое целое. Без приговора вердикт не порождает необходимых последствий уголовно-правового характера, а создает лишь предпосылки для этого, детерминирует тот или иной (оправдательный или обвинительный) приговор.

С другой стороны приговор суда, включающего в свой состав коллегию присяжных заседателей, базируется на вердикте и не может состояться без него, поскольку фактические основания для вынесения приговора устанавливаются вердиктом, содержатся в нем и не подлежат изменению, за исключением случая, предусмотренного ч. 4 ст. 348 УПК РФ. Приговор, вынесенный по результатам рассмотрения дела судом с участием коллегии присяжных заседателей, представляет собой комплексное, сложносоставное процессуальное решение, содержащее ссылку на вердикт присяжных заседателей.

Неразрывное единство вердикта и приговора обусловлено и предопределено разделением компетенции между «судьями факта» (присяжные заседатели) и «судьей права» (профессиональный судья), входящими в единый судебный состав. Только совокупность решений коллегии присяжных заседателей и председательствующего по делу профессионального судьи обеспечивает полноту судебной власти в производстве по делам, отнесенным к подсудности суда присяжных, и реализует задачи уголовного правосудия в данной форме уголовного судопроизводства.

Изложенные соображения о сущности и природе вердикта присяжных заседателей позволяют заключить, что вердикт, безусловно, имеет характер специфического уголовно-процессуального решения, исходящего от органа судебной власти, но является не отдельным, самостоятельным и окончательно сформированным решением уголовного суда, а органической частью

соответствующего приговора и только в совокупности с последним достигает значения акта правосудия.

Заключение суда о наличии или отсутствии в действиях лица признаков преступления является на текущий момент эксклюзивным актом, фигурирующим лишь в полномочиях Верховного Суда РФ и предназначенным только для единичных правовых ситуаций, когда решается вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении Генерального прокурора РФ или в отношении Председателя Следственного комитета РФ либо о привлечении кого-либо из них в качестве обвиняемого по уже возбужденному уголовному делу (пункты 2 и 2.1 ч.1 ст. 448 УПК РФ в редакции Федерального закона от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ[1]).

Положения ст. 448 УПК РФ ограничиваются (и ограничивались ранее) наделением суда полномочием давать заключение, но не регламентируют порядок рассмотрения соответствующего представления и вынесения судом заключения. Однако в период 2002–2008 гг. (до внесения в ст. 448 УПК РФ изменений Федеральным законом от 25.12.2008 г. № 280-ФЗ[2]), когда процедура дачи заключения распространялась на многих других лиц из числа субъектов публичной деятельности, в отношении которых, согласно ст. 447 УПК РФ, применяется особый порядок производства по уголовному делу, суды общей юрисдикции различных уровней (от районного суда до Верховного Суда РФ) наработали значительную практику вынесения подобных заключений[3], которая

---

[1] Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 16.

[2] Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона “О противодействии коррупции”» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6235.

[3] Практика дачи судами заключения о наличии или об отсутствии признаков преступления обстоятельно проанализирована в следующих публикациях: Колоколов Н. А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе. М., 2008. С. 385–414; Фадеева Е. И. Судебные решения, выносимые по результатам рассмотрения представления о даче заключения о наличии в действиях прокурора, следователя и адвоката признаков преступления // Российский юридический журнал. 2010. № 2. С. 191–198; Латыпов Т. Р. О применении положений главы 52 УПК РФ при возбуждении уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 59–65; Синицын В. А. Отдельные

позволяет судить об особенностях этого судебно-контрольного производства, характере и свойствах завершающего его акта – заключения суда.

Анализ юридической литературы по обозначенной теме, судебных решений по результатам проверки законности заключений судов первой инстанции, правовых позиций Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ по вопросам сущности, содержания и процессуального порядка вынесения заключений позволяет сделать однозначный вывод о том, что заключение суда первой инстанции о наличии или отсутствии признаков преступления есть полноценное судебное решение.

В пользу такого вывода можно представить следующие аргументы:

а) заключение суда по своей юридической природе есть правоприменительный акт судебного органа, содержащий ответ на уголовно-правовой вопрос о наличии или отсутствии в конкретных действиях (бездействии) лица, обладающего особым (служебным) правовым статусом, признаков конкретного преступления, указанного в адресованном суду представлении;

б) заключение разрешает этот спорный правовой вопрос и, в зависимости от сделанного судом вывода, влечет возбуждение уголовного дела в отношении указанного лица и (или) привлечение его в качестве обвиняемого либо служит основанием для отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела (п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), то есть порождает вполне определенные правовые последствия;

в) заключение суда принимается в рамках соответствующего судебно-контрольного производства, осуществляемого по присущим правосудию правилам судебного разбирательства: в судебном заседании, с участием заинтересованных сторон (инициатора проверочной деятельности – автора представления или его представителя; лица, в отношении которого принесено в

аспекты законодательной регламентации особенностей производства по уголовным делам в отношении Генерального прокурора Российской Федерации и председателя Следственного комитета Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 5. С. 61–65.

суд представление, и его защитника; а также лица, заявившего о преступлении)[1], с соблюдением состязательности, равноправия сторон, других принципов уголовного правосудия и права на справедливое судебное разбирательство, сопровождается исследованием фактических оснований[2] и обязательным составлением протокола судебного заседания[3], с формулированием окончательных выводов в заключительном процессуальном документе, венчающем судебно-контрольное производство;

г) процессуальный документ, в который облекается заключение, в обязательном порядке выносится судом в совещательной комнате и строго в письменном виде, его изложение и структура аналогичны другим формам судебных решений[4];

д) к заключению, как и к прочим процессуальным решениям суда, предъявляются общие требования законности, обоснованности и мотивированности – наличие этих свойств является показателем правосудности заключения;

е) заключение, как любое итоговое решение по судебному производству, должно основываться на исследованных в судебном заседании данных[5], может

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 05.11.2004 г. № 345-О «По жалобе гражданки Бегченковой Ольги Ивановны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 448 УПК РФ» // СЗ РФ. 2004. № 51. Ст.5264.

[2] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 27.12.2004 N 14-о04-58 и Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 13.04.2005 г. № 121п05пр // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ № 12-Дп02-13 / Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2003 г. // БВС РФ. 2004. № 1.

[4] Содержание и форма заключения действующим законом не установлены, однако выработаны в ходе судебной практики на основе требований, обращенных к иным судебным решениям (приговору, различного рода постановлениям и определениям) и носящих во многом универсальный характер, а также с ориентиром на бланк заключения, содержавшийся в приложении 14 к статье 477 УПК РФ, действовавшей с 11.07.2003 г. до 08.06.2007 г. (утратила силу вместе с Частью шестой УПК РФ на основании Федерального закона от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830).

[5] Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 13.04.2005 г. № 121п05пр // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2005 г. // БВС РФ. 2005. № 12.

обжаловаться в апелляционном, кассационном и надзорном порядках[1], быть проверено судом вышестоящей инстанции по общим для всех решений правилам и отменено (изменено) ввиду незаконности или необоснованности[2].

Таким образом, несмотря на неточное законодательное определение заключения суда всего лишь как вывода по юридически значимому вопросу, данный процессуальный акт, во–первых, содержит в себе необходимые судебные предписания (о признании наличия или отсутствия в действиях лица признаков преступления), обязывающие субъектов уголовного преследования к вполне конкретным процессуальным действиям и влияющие на правовое положение лица, в отношении которого дано заключение, во–вторых, обладает всеми иными признаками и свойствами судебного решения. В этой связи уместным представляется предложить законодателю включить заключение суда в перечень судебных решений, указанных в п. 53.1 ст. 5 УПК РФ, наравне с приговором, определением и постановлением.

В отличие от заключения, которое является особенным, предназначенным для отдельного правового вопроса решением, приговор, определение и постановление можно рассматривать в качестве общих, формализованных типов решений уголовного суда, которые посредством выявления у них дополнительных признаков и свойств следует подразделять на более конкретные виды и подвиды, а в совокупности (включая и заключение) – группировать в определенные классы (категории, разряды), что собственно и предпринимается в перечисленных выше научных работах. При этом приговор всегда остается основным, наиважнейшим (с точки зрения реализации целей правосудия) решением уголовного суда, обладающим уникальной процессуальной формой и содержанием.

---

[1] Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 804п03пр / Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2003 года // БВС РФ. 2004. № 7.

[2] Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 07.12.2005 г. № 757п05пр // БВС РФ. 2006. № 6; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10.11.2006 г. № 69-о06-31 // СПС «КонсультантПлюс».

К отдельному, совершенно особому по своей природе типу судебных решений следует относить *частные постановления* и *частные определения*, выносимые всеми судебными инстанциями в рамках любого судебного производства[1]. Согласно ч. 4 ст. 29 УПК РФ суд вправе (но не обязан) вынести частное постановление (определение) в случаях выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан, а также других нарушений закона, допущенных при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом.

Специфика этих решений заключается в том, что в них не разрешаются правовые вопросы, встающие перед судом в процессе производства по делу, соответственно, и не содержатся ответы (выводы) суда на эти вопросы. Сущность частных постановлений и определений заключается не в разрешении дела по

[1] См.: п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ»; п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (в редакции от 16.05.2017 г.) // БВС РФ. 2010. № 9; п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 «О применении судами принудительных мер медицинского характера» (в редакции от 03.03.2015 г.) // БВС РФ. 2011. № 7; п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 « О практике применения судами норм главы 18 УПК РФ, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» (в редакции от 02.04.2013 г.) // БВС РФ. 2012. № 1; п. 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (в редакции от 29.11.2016 г.) // БВС РФ. 2011. № 4; п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора»; п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» (в редакции от 03.03.2015 г.) // БВС РФ. 2012. № 8; п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» (в редакции от 01.12.2015 г.) // БВС РФ. 2013. № 1; п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судам законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»; п.18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // БВС РФ. 2015. № 9; п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 г. № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» (в редакции от 29.06.2021 г.) // БВС РФ. 2019. № 9.

существу, не в восстановлении нарушенных прав и не в их обеспечении, а в предупреждении и предотвращении повторных аналогичных преступлений и иных нарушений права.

Частные постановления и определения суда представляют собой специфическую форму реагирования органов судебной власти на такие нарушения закона, которые не являлись непосредственным предметом судебного рассмотрения, не устранены к моменту окончания судебного разбирательства либо носят типичный и распространенный характер, а также на условия, способствовавшие правонарушению, которые, как правило, созданы действиями либо бездействием конкретных должностных лиц, государственных органов, организаций или граждан. В частном постановлении (определении) суд обращает внимание компетентных органов власти, организаций, учреждений и должностных лиц на выявленные обстоятельства и нарушения закона и своей властью и авторитетом побуждает их принять соответствующие меры по устранению этих обстоятельств и нарушений. Частные определения (постановления) по аналогичным поводам принимаются судами вышестоящих инстанций и, так же как в суде первой инстанции, имеют место как по уголовным делам, так и иным судебным делам, рассматриваемым в порядке уголовного судопроизводства.

Так, в 2021 г. всеми судами общей юрисдикции Российской Федерации при осуществлении уголовного правосудия вынесено 16 747 частных постановлений и определений, в том числе 11 903 – по уголовным делам и 4 844 – по иным делам, рассмотренным в порядке уголовного судопроизводства. Из указанного числа частных постановлений (определений) 4 122 или 24,6% вынесены вследствие установления обстоятельств (причин и условий), способствовавших совершению преступления; 7 068 или 42,2% – по поводу нарушений закона, допущенных при производстве дознания и предварительного следствия; 523 или 3,1% - ввиду нарушения закона при судебном рассмотрении дел; остальные 5 034 или 30% – в связи с нарушениями закона со стороны органов и учреждений, исполняющих

судебные решения, с иными правонарушениями и по другим случаям (*см. приложение № 1, таблица 9*)[1].

Приведенные статистические данные и анализ судебной практики не позволяют согласиться с высказанным в литературе мнением о том, что частные постановления и определения суда «не согласуются с функцией правосудия, выходят за ее пределы» и «не способствуют укреплению авторитета суда»[2]. Современные научные данные напротив свидетельствуют о том, что действующий с советских времен (ст. 57 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик[3], статьи 21.2, 321, 355 УПК РСФСР[4]) институт частных определений (постановлений) суда, хотя и претерпел определенные трансформации в части обязательности и структурного соотношения оснований вынесения судом решений данного типа, вызванные изменением роли суда в уголовном судопроизводстве на основе расширения и укрепления его состязательных начал, продолжает оставаться важным инструментом профилактики (предупреждения) нарушений права и в этом качестве может рассматриваться как дополнительное средство позитивного регулятивного воздействия судебной власти на социально-правовую действительность в целях защиты права[5]. Представляется, что частные постановления (определения) вполне

---

[1] Данные судебной статистики приведены по отчетам Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции, в апелляционной, кассационном и надзорном порядкам (формы № 1, 6, 8 и 8н) за 2021 г. // ГАС РФ «Правосудие». URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671 (дата обращения: 05.06.2022.).

[2] Бибило В. Н. Частные определения суда // Право и демократия: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 8. Минск, 1997. С. 144–151.

[3] Статья 57. «Частное определение (постановление) суда» введена в Основы Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13.08.1981 г. № 5447-X «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1981. № 33. Ст. 966.

[4] Статья 21.1 введена в УПК РСФСР 1960 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 08.08.1983 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1983. № 32. Ст. 1153.

[5] Подробный анализ современного состояния института частных постановлений (определений) уголовного суда см.: Бурмагин С. В.: 1) Частное постановление (определение) как форма осуществления превентивной функции суда в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2006. № 11. С. 44–59; 2) Уголовный суд России. С. 105–112, 122–127; Азаров А. В.,

вписываются в современную концепцию судебной власти при условии сохранения действующего положения, не позволяющего возводить полномочие по их вынесению в ранг обязанностей широко спектра применения, сопряженных с имевшим место в прошлом вовлечением органов судебной власти в активную борьбу с преступностью и другими антисоциальными явлениями[1].

Несмотря на своеобразие частного постановления (определения) суда, не должно возникать сомнений в относимости этого типа актов к уголовно-процессуальным решениям суда и недопустимости низведения их до уровня «сигналов» о выявленных фактах негативного свойства[2], придания им характера «рекомендаций», не имеющих обязательной силы[3].

Проведенные научные изыскания позволили ряду исследователей обосновать выводы о том, что частное определение (а в настоящее время и постановление) отвечает всем требованиям правоприменительного акта, в качестве такового воздействует на правовые отношения и является актом процессуальным, обладая признаками последнего[4]. В подтверждение позиции о принадлежности частных постановлений и определений к разряду судебных решений можно выделить следующие, присущие этим актам черты:

а) исходят от органа судебной власти, следовательно, имеют государственно-властный характер;

Константинова А. В. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам. С. 107–133.

[1] Примером такого вовлечения служит Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29.09.1988 г. № 11 «О практике вынесения судами частных определений (постановлений)» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1988. № 6.

[2] Мурадьян Э. М. Частные определения суда по гражданским делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1969. С. 8.

[3] Пучинский В. Особые определения суда первой инстанции // Социалистическая законность. 1956. № 1. С. 42–43.

[4] Бажанов М. И. Законность и обоснованность основных судебных актов в советском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. // Бажанов М. И. Избранные труды. Харьков, 2012. С. 1207; Майорова Л. В. Частные определения в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Л., 1983. С. 12; Инагамджанова З. Ф. Частное определение - важное средство выполнения судом профилактических функций: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ташкент, 1991. С. 7, 12–14; Константинова А. В. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2012. С. 24–26.

б) содержат правовую оценку со стороны суда конкретно-правовой ситуации, связанной с обстоятельствами рассматриваемого судом дела и содержащей в себе нарушение права или создающей условия для его нарушения;

в) формулируемые в них выводы основаны (должны быть основаны) на фактах, установленных в судебном разбирательстве по результатам процессуального доказывания;

г) содержащаяся в них судебная оценка выявленных фактов нарушения права или отдельных обстоятельств этих нарушений (причин и условий) сопровождается властным требованием устранения причин и условий нарушения права либо принятия мер по недопущению аналогичных правонарушений в будущем[1];

д) обладают общими для судебных решений свойствами юридической силы, общеобязательности и исполнимости, не могут быть отменены или преодолены актами других органов власти, обращаются к исполнению в общем порядке (ст. 393 УПК РФ), их исполнение контролируется соответствующим судебным органом в лице ответственного работника аппарата суда[2], при этом неисполнение частного постановления (определения) влечет административную ответственность по ст. 17.4 Кодекса об административных правонарушениях РФ[3] (в редакции Федерального закона от 29.07.2018 г. № 240-ФЗ[4]);

---

[1] Хотя резолютивная часть данного типа актов излагается в достаточно «мягкой» и не совсем повелительной форме, с использованием формулировок типа «обратить внимание на допущенное нарушение», она содержит и указание на необходимость информирования суда о принятых мерах, тем самым побуждает орган или должностное лицо к активным юридическим действиям.

[2] Пункт 9.1 Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде, утв. Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 г. № 36; пункты 12.2 и 12.19 Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов, утв. Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15.12.2004 г. № 161 (в редакции Приказа от 24.12.2021 № 248) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[4] Федеральный закон от 29.07.2018 г. № 240-ФЗ «О внесении изменений в статью 17.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 4829.

е) принимаются в совещательной комнате, как правило, одновременно с основным (итоговым) решением, составляются в виде отдельного письменного документа – постановления или определения, провозглашаются (не обязательно путем полного оглашения) в судебном заседании;

ж) к ним предъявляются общие для процессуальных решений требования законности, обоснованности и мотивированности;

з) могут обжаловаться, причем отдельно от итоговых решений, в апелляционном, кассационном и надзорном порядках (ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ) любым лицом, чьи интересы непосредственно затрагивают (пункты 2 и 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 г. № 26 и п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 г. № 19).

Таким образом, частные постановления (определения) суда образуют самостоятельный, специфический по своей сути и содержанию тип судебных решений, являющийся особой формой реализации превентивной и контрольной функций уголовного суда, дополнительным средством судебно-правовой защиты. В представленной ниже классификации частные постановления и определения суда могут быть охарактеризованы как дополнительные судебные решения.

Классификации судебных решений. Переходя к рассмотрению разнообразных видов и подвидов судебных решений, сразу обозначим, что в рамках настоящего диссертационного исследования не ставится задача выстроить исчерпывающим образом обобщённую классификацию всех возможных решений уголовного суда[1], но преследуется цель выделить наиболее значимые для теории и практики судопроизводства критерии дифференциации судебных решений и сконцентрировать внимание на тех из них, которые важны для раскрытия сущности и назначения судебных решений, и особенно – для уяснения их места и роли в судебных производствах и в системе уголовного правосудия в целом.

[1] Более полное обобщение и анализ существующих научных классификаций судебных решений, представленных российскими процессуалистами в вышеперечисленных научных работах, предпринят нами в монографии «Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия» (С. 493–509).

Наиболее значимыми в этом отношении являются основания деления решений уголовного суда по их характеру и содержанию, целевому или функциональному назначению, по отношению к главному (основному) вопросу рассматриваемого дела и по видам судебно-уголовных производств, для которых они предназначены.

Содержание судебного решения в обобщенном смысле включает в себя ответы на рассмотренные судом вопросы и вытекающие из этих ответов (выводов) конкретные властные волеизъявления суда. Волеизъявления сосредоточены в резолютивной части соответствующего решения, ответы–выводы в развернутом виде присутствуют в мотивировочной части решения, а в концентрированном виде выражены в резолюциях-повелениях суда. В этом отношении властные предписания суда есть квинтэссенция его выводов. Главное содержание судебного решения может быть также отражено в его заглавии, что практикуется судьями при вынесении, составлении и оформлении более важных постановлений и определений (например, постановление о назначении судебного заседания, постановление о назначении судебной экспертизы, определение о прекращении уголовного дела), но не является императивным требованием.

Содержание судебного решения задает сразу несколько, связанных друг с другом групповых признаков – оснований их классификации: назначение и функциональный характер решения, сущность и характер разрешаемых вопросов, отношение к главному (основному) вопросу рассматриваемого дела.

По характеру, сущности и содержанию разрешаемого вопроса (вопросов) – предметный критерий – каждое единичное решение суда является особенным, специфичным, а если его рассматривать не абстрактно, а в рамках конкретного судебного производства, то и уникальным, неповторимым ввиду базирования на индивидуальных фактических обстоятельствах. Тем не менее, однородность, сущностное сходство самих правовых вопросов, являющихся предметом судебного рассмотрения, позволяет объединять судебные решения по предметному признаку в определенные группы (классифицировать по группам): решения по избранию, изменению и отмене мер пресечения; решения о

производстве судебно-следственных действий; решения о признании (привлечении) лица в качестве участника судебного разбирательства; решения по рассмотрению заявлений и ходатайств участвующих в деле лиц; решения по вопросам о виновности-невиновности обвиняемого; решения по вопросу законности и обоснованности обжалованных процессуальных действий и решений и т. д. Суть любого решения суда детерминируется предметом судебного рассмотрения, через который устанавливается связь судебного решения с судебным производством и в соответствии с которым решения распределяются по производствам.

Среди процессуальных решений уголовного суда немало решений, имеющих сложный (два и более вопроса) или комбинированный (состоящий из совокупности материально-правовых и процессуальных вопросов) предмет разрешения. Наиболее характерным, но не единственным примером одновременного, комплексного разрешения разноплановых по юридическому значению, но взаимосвязанных вопросов является судебный приговор или иное итоговое решение суда первой инстанции по уголовному делу.

Подобный процессуальный акт суда можно именовать *сложносоставным (комплексным) судебным решением*, поскольку он включает в себя совокупность связанных друг с другом единичных решений, одномоментно принятых и облечённых в общую процессуальную форму, т. е. соединенных вместе в единый процессуальный документ под общим названием. К такого рода решениям можно также отнести постановления (определения) о назначении судебного заседания, о прекращении уголовного дела, о возвращении дела прокурору, об отмене приговора суда и направлении дела на новое судебное рассмотрение и др.

В противоположность комплексному решению простое, *одинарное решение* касается единственного правового вопроса, разрешаемого судом. Одинарные решения наиболее распространены в судебном разбирательстве, они касаются, как правило, процедурных вопросов, возникающих по ходу судебного заседания, и зачастую выносятся в устной форме. Одинарность характерна также для

большинства решений, завершающих «неосновные» (дополнительные) судебные производства.

Классификационный признак «целевое назначение» близок по смыслу с предыдущим и в литературе нередко смешивается с ним, поскольку *назначение или целевая направленность решения* тесно связана с его предметом – разрешаемым вопросом, определяется по направленности последнего. Назначение решения указывает на те непосредственные процессуальные цели и задачи, которые призван реализовать выделенный вид судебного решения. По данному основанию судебные решения дифференцируются на: а) определяющие движение производства по делу; б) создающие надлежащие (общие) условия для рассмотрения дела; в) устанавливающие процессуальные статусы и состояния; г) направленные на собирание и исследование доказательств; д) направленные на охрану и соблюдение прав личности; е) нацеленные на обеспечение реализации процессуальных прав сторон и состязательности судебного разбирательства; ж) обеспечивающие исполнение процессуальных обязанностей и предупреждающие процессуальные нарушения; з) направленные на разрешение судебного дела; и) ориентированные на проверку правильности актов правосудия и исправление ошибок нижестоящих судов и др.

Следующий выделенный нами критерий классификации – *функциональный характер судебного решения* – тесно примыкает к целевому назначению (помним: цель и задачи правосудия определяют функции судебной деятельности по ее осуществлению), он раскрывает значение решения, характеризует его с точки зрения функциональных связей с другими решениями, места в системе судебных решений и той роли, которую оно выполняет в судебных производствах. По данному основанию судебные решения можно подразделять на: а) подготовительные; б) организационно-распорядительные; в) обеспечительные; г) познавательные[1]; в) результирующие – разрешающие дело по существу; г) дополнительные – дополняющие основное предписание суда.

[1] Под познавательными подразумеваются решения, связанные с проведением судебно-следственных действий и исследованием доказательств в судебном следствии. В совместной с

С учетом того, что отдельное решение суда может затрагивать несколько правовых вопросов и, следовательно, иметь сложный предмет разрешения, а установленные функции суда, составляющие суть уголовного правосудия, реализуются в его деятельности одновременно (параллельно), следует признать, что классификация судебных решений по рассмотренным критериям является в определенной степени условной, как впрочем и все иные классификации.

Сложносоставные решения, имеющие своим предметом совокупность или целый комплекс правовых вопросов, как правило, имеют и многоцелевое назначение, направлены на решение нескольких задач и многофункциональны. Так, например, постановление о назначении судебного заседания разрешает вопросы подсудности уголовного дела и организации судебного разбирательства по делу (содержит распоряжения относительно времени, места и процессуального порядка рассмотрения дела); определяет вид состава суда, круг лиц, подлежащих вызову в судебное заседание; содержит решения по обеспечению обвиняемого защитником (назначению защитника), по мере пресечения, по заявленным сторонами ходатайствам (статьи 228 и 231 УПК РФ). Тем самым данное решение одновременно реализует подготовительную, организационную и обеспечительную функции уголовного правосудия (или уголовного суда).

Одним из важнейших содержательных критериев классификации судебных решений, позволяющих раскрыть их сущность и значение для правосудия,

---

В. М. Бозровым монографии Н. В. Костовская включает решения познавательной направленности («решения познавательного характера») в классификацию по критерию «целевое предназначение» решения, по которому разграничивает их от решений познавательно-распорядительного характера, решений организационно-распорядительного характера и решений, разрешающих уголовное дело по существу (Бозров В. М., Костовская Н. В. Судебное решение и оценка доказательств по уголовному делу. С. 21–23). Представляется, что выбранное для разделения перечисленных видов решений основание – целевое предназначение – является неудачным, т. к. в предложенных названиях видов решений их цели просматриваются слабо. В одной из предыдущих работ Н. В. Костовская для данной классификации определила критерий разграничения более точно – функциональная направленность решения (Костовская Н. В. Процессуальная сущность решения суда первой инстанции по уголовному делу // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 3 (109). С. 76). Вполне осознавая общую дискуссионность вопросов выбора и наименования классификационных признаков судебных решений, подчеркнем еще раз то обстоятельство, что несовпадение формулировок этих признаков или их замещение во многом объясняется их общей принадлежностью к содержательной стороне решения и тесной взаимосвязью.

является признак *относимости к разрешению главного (основного) вопроса рассматриваемого дела*. По отношению к этому вопросу судебные решения могут быть разделены на основные, вспомогательные и дополнительные.

Основные решения, как указывает П. А. Лупинская, характеризуются тем, что в них содержится оценка совокупности собранных доказательств и на основе установленных обстоятельств даются ответы на основные вопросы по уголовному делу[1]. Соглашаясь в принципе с такой, верной по сути, трактовкой основного решения, полагаем необходимым, в соответствии с выработанным нами определением понятия судебного решения, дополнить ее указанием на то, что в основном решении ответ(ы), данный(е) на главный правовой вопрос (основные вопросы) дела обязательно сопровождается(ются) соответствующим правовым предписанием властного органа, принявшего данное решение.

Главный вопрос любого судебного дела заключен в соответствующем процессуальном обращении, породившем судебное производство и подлежащем разрешению судом. Суть этого вопроса и составляет существо рассматриваемого судом дела. Так, сущность уголовного дела, поступившего с обвинением, составляет вопрос об уголовной ответственности обвиняемого лица (его виновности и мере уголовной ответственности) – главный вопрос уголовного дела[2]. В деле по ходатайству об условно-досрочном освобождении суть основного вопроса иная – возможность исправления осужденного без дальнейшего отбывания наказания, она и составляет сущность данного вида судебно-исполнительных дел. Из сказанного следует, что основное судебное решение – это решение, которым дело разрешается по существу.

С позиции выдвинутой нами концепции дифференциации судебно-уголовных производств определение основного решения требует уточнения и в части процессуальной сферы вынесения основных решений, которая не ограничивается только производством уголовного дела. Каждое самостоятельное

---

[1] Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. С. 45.

[2] Мотовиловкер Я. О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты: Вопросы факта и права. Воронеж, 1984. С. 7–8.

судебное производство (контрольное, исполнительное, реабилитационное) заканчивается разрешением главного вопроса соответствующего судебного дела, т. е. основным решением суда. Основные (финальные) судебные решения четко, хотя и не беспробельно, установлены для каждого вида производств как в суде первой инстанции, так и последующих судебно-проверочных инстанций.

Вспомогательные судебные решения – иные решения суда, имеющие место в любом судебном производстве на всем его протяжении, они прямо не касаются главного вопроса дела, но при этом способствуют его разрешению и подчинены общим задачам осуществления правосудия по конкретному делу, т. е. выполняют в производстве по делу служебную роль. Вспомогательный характер этих решений раскрывается в тех подготовительных, организационных, познавательных действиях и обеспечительных мерах суда, на реализацию которых они непосредственно направлены.

Важно отметить, что основные и вспомогательные решения отличаются друг от друга «кругом тех фактических обстоятельств, которые должны быть установлены для того, чтобы решение было принято, а также уровнем доказанности фактических обстоятельств, составляющих основу решения»[1]. Последнее утверждение справедливо только в отношении тех обстоятельств, которые входят в предмет доказывания по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ) и должны быть в полном объеме и исчерпывающим образом установлены к моменту вынесения основного решения, и только для тех случаев, когда эти обстоятельства так или иначе фигурируют во вспомогательных решениях, не будучи доказаны окончательно.

Вспомогательные решения, как правило, – «текущие» решения, сопровождающие движение дела и предшествующие его завершению судом той или иной инстанции, они входят в ту часть деятельности уголовного суда по осуществлению правосудия, которая представляет собой рассмотрение судебного дела до его разрешения. Основное решение суда является одновременно и заключительным (итоговым) в том смысле, что в нем суд разрешает правовой

[1] Лупинская П. А. Указ. соч. С. 46.

конфликт или спорный правовой вопрос, составляющий основной предмет рассматриваемого дела, тем самым оно констатирует в пределах конкретного судебного производства, что ожидаемое по делу правосудие свершилось, и дает возможность для дальнейшего движения дела и его перехода в последующие судебно-проверочные производства.

Однако основное решение не всегда бывает последним в «своем» судебном производстве, не всегда завершает его. Производство по уголовному делу в суде первой инстанции не оканчивается вынесением приговора или иного итогового судебного решения, оно продолжается посредством выполнения судом заключительных (обязательных и факультативных), обеспечительных по своей сути процессуальных действий[1]. В случае подачи сторонами замечаний на протокол судебного заседания председательствующий по результатам рассмотрения замечаний обязан вынести постановление об удостоверении их правильности либо об их отклонении (ч. 3 ст. 260 УПК РФ). Помимо этого решения суд первой инстанции, согласно ч. 4 ст. 313 УПК РФ, на завершающем этапе производства по уголовному делу правомочен по ходатайству заинтересованного лица принять процессуальные решения по вопросам, указанным в частях 1-3 и 5 ст. 313 УПК РФ, если эти вопросы не были разрешены одновременно с постановлением приговора или иного итогового решения по делу. В таком же порядке решается вопрос о процессуальных издержках по делу, если он не был решен при вынесении приговора (п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 42[2]).

Если первый из перечисленных видов решений (ст. 260 УПК РФ) носит выраженный вспомогательный характер – направлен на обеспечение процессуальных прав сторон, то решения в порядке и по основаниям ст. 313 УПК

---

[1] Подробнее см.: Бурмагин С. В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе. С. 226–227; Разяпова Л. М. Деятельность суда после провозглашения решения, завершающего рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 17–19 .

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» (в редакции от 15.05.2018 г.) // БВС РФ. 2014. № 2.

РФ можно расценивать как *дополнительные*. В этих постановлениях (определениях) суд разрешает правовые вопросы: а) не включенные законодателем в приговор, но которые связаны с осуждением лица и касаются его личных, непроцессуальных прав и интересов (части 1, 2, 2.1 ст. 313 УПК РФ) либо частных интересов потерпевшего (ч. 5 ст. 313 УПК РФ) либо интересов адвоката, защищавшего осужденного по назначению суда и приобретшего право на вознаграждение (ч. 3 ст. 313 УПК РФ); б) включенные в перечень ст. 299 УПК РФ (процессуальные издержки), но по тем или иным причинам, не разрешенные в приговоре. Такие решения как бы дополняют судебный приговор, они охватывают правоотношения, сопряженные с уголовным производством или возникающие как следствие урегулирования судом уголовно-правового конфликта, распространяют судебную защиту на права и интересы, затронутые судебным производством, но не охваченные приговором, тем самым способствуют осуществлению уголовного правосудия по конкретному делу в более полном объеме.

Следует заметить, что аналогичные решения в части оплаты труда адвоката по назначению из средств федерального бюджета, отнесения этих расходов к процессуальным издержкам и их взыскания с осужденного принимают также суды апелляционной и кассационной инстанций, оформляя эти решения в отдельные постановления (определения), которые выносятся одновременно с апелляционным и кассационным постановлением (определением) соответственно либо после провозглашения последних.

К категории дополнительных, по нашему убеждению, следует отнести и решения суда первой инстанции по вопросам, перечисленным в пунктах 10, 11 и 15 ст. 397 УПК РФ, которые в настоящее время принимаются в порядке ст. 399 УПК РФ[1], а также частные постановления и определения.

В теории и практике уголовного судопроизводства для содержательной характеристики и дифференциации судебных решений наравне с категориями «основные» и «вспомогательные» решения широко используются близкие им по

[1] Данная позиция обоснована нами в § 3 четвертой главы диссертации.

смыслу понятия итогового и промежуточного судебных решений, которые рассматриваются нами отдельно (в следующем подразделе настоящего параграфа).

Далее, все решения уголовного суда подразделяются (распределяются) *по видам судебной деятельности и соответствующим судебным производствам*, для которых они предусмотрены. По данному основанию, позволяющему полнее раскрыть роль и место каждого решения в общей системе уголовного правосудия, судебные решения дифференцируются следующим образом: 1) решения, принимаемые в судебно-контрольных производствах при рассмотрении дел судебного контроля; 2) решения, принимаемые в основном производстве по уголовному делу; 3) решения, принимаемые при осуществлении судебно-исполнительных производств; 4) решения, принимаемые по делам о реабилитации и возмещении вреда. В соответствии с рассмотренной нами в предыдущей главе системой судебных производств каждая из указанных групп решений при переходе от типового судебного производства к видовому разбивается на соответствующие подгруппы по предметному признаку.

Аналогично, но уже в другом («поперечном») направлении, судебные решения независимо от характера судебного дела распределяются *по производствам в судах различных инстанций*, в рамках которых они принимаются, (как вариант – по судебным инстанциям или судебным стадиям[1]). Таким способом целесообразно разделять решения, принимаемые в ходе производства в суде первой инстанции, в суде второй инстанции (апелляционное производство), в суде кассационной инстанции (кассационное производство) и в суде надзорной инстанции (надзорное производство).

---

[1] Теплов В. А. Определение суда первой инстанции по уголовному делу: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1974. С. 9–16. – В зависимости от стадии уголовного процесса, на которой вынесены решения, А. С. Червоткин делит промежуточные судебные решения (Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе … С. 33). Инстанционно-стадийный критерий использован и в классификации судебных решений, представленной в работе: Беляев М. В. Судебные решения в российском уголовном процессе … С. 84–86.

Следует обратить внимание, что четкое, за исключением отдельных нюансов, размежевание по судебным производствам характерно для основных (итоговых) решений, которые для каждого вида судебных производств образуют уникальный, неповторимый набор. Отдельные виды судебных решений из различных производств имеют сходство по названию и назначению (например, приговор суда первой инстанции и апелляционный приговор), но полностью идентичными не являются, поскольку всегда несут различия в содержательном плане, по направленности и сущности властных распоряжений.

Вспомогательные решения суда в разных видах судебных производств, напротив, во многом сходны и нередко тождественны (например, решения о назначении или отложении судебного заседания, об отводах, об отмене или изменении в процессе разбирательства дела меры пресечения, о приобщении к делу представленного стороной документа и т.д.), что обусловлено единством общих задач и функций уголовного суда, универсальностью многих организационно-распорядительных и обеспечительных полномочий суда и судебных процедур, в которых они реализуются. И такое положение – один из факторов и одновременно показатель системности и единства уголовного правосудия.

В рамках отдельных типов судебных производств или стадий уголовного процесса, в целях их более глубокого и разностороннего исследования, в процессуальной науке предпринимается и не безуспешно классификация судебных решений с их привязкой к видам производств (категориям судебных дел)[1] или разбивкой на подклассы по дополнительным критериям (основаниям). Так, например, В. И. Качалов вполне оправдано с позиции своих исследовательских задач сгруппировал решения, выносимые судом по результатам рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора или иного судебного решения (глава 47 УПК РФ), по виду производств в следующие

[1] Подольский М. А. Судебные решения в досудебном производстве по уголовному делу: Вопросы теории и практики … С. 15; Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе … С. 262–263.

классы: решения, принимаемые в ходе исполнения приговора; решения, принимаемые в ходе применения судебного штрафа как меры уголовно-правового характера; решения, связанные с передачей осужденного к лишению свободы в государство, гражданином которого он является, для отбывания наказания; решения, принимаемые в ходе применения принудительных мер медицинского характера; решения, принимаемые в ходе применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних[1].

Процессуальная форма судебного решения включает в себя такие элементы как процессуальный порядок их вынесения, способы внешнего выражения (объективирования), требования к составлению и документальному оформлению. Образуя с содержанием диалектическое единство, форма судебного решения имеет такое же влияние на обеспечение правосудности решения, как и его содержание, поэтому ключевые признаки формы вполне логично кладутся правоведами в основу критериев разграничения решений суда. К таковым можно отнести: а) *состав суда*: единоличные решения и коллегиальные решения; б) *субъект инициирования принятия решения*: решения, принимаемые только по ходатайству стороны и обусловленные исключительно ее позицией; решения, принимаемые судом (судьей) исключительно по собственной инициативе; решения, инициируемые на альтернативной основе, как судом, так и сторонами (большинство судебных решений); в) *срок принятия решения*: решения, для которых в законе установлен конкретный срок принятия, и решения, принятие которых не ограничено конкретным сроком[2]; г) *процессуальный порядок принятия решения*: решения, принимаемые в совещательной комнате, и решения, принимаемые в зале судебного заседания («на месте»); д) *форма внешнего выражения, фиксации решения*: письменные решения – оформляются в виде отдельного письменного документа; устные решения – излагаются в протоколе судебного заседания.

---

[1] Качалов В. И. Указ. соч. С. 263.

[2] При принятии таких решений судам надлежит руководствоваться принципом разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ).

Проблема разграничения итоговых и промежуточных решений уголовного суда. В выстраивании современной научной типологии судебных решений важную роль играют законодательно закрепленные понятия *итогового и промежуточных решений***,** на них опирается большинство современных классификаций решений уголовного суда. При этом, как будет показано далее, закрепленные законодателем дефиниции основываются на традиционном и оспариваемом нами в настоящей работе представлении об уголовно-процессуальной деятельности суда как протекающей в рамках единого производства по уголовному делу и связанной на всем своем протяжении задачами разрешения уголовно-правового конфликта. Такой подход не позволяет в полной мере учитывать деление судебной деятельности на отдельные самостоятельные виды, которым свойственны собственный предмет судебного рассмотрения, особенный предмет доказывания и специальный комплект окончательных решений, и вследствие этого приводит к искаженному представлению о системе решений уголовного суда, ее структуре, значении и взаимосвязях ее элементов – отдельных видов судебных решений.

Между тем необходимость корректного размежевания итоговых и промежуточных судебных решений вызвана большим значением для науки уголовно-процессуального права и правоприменительной практики дефиниции «итоговое судебное решение», которая, по верному замечанию В. И. Качалова, «позволяет определить единые методологические подходы к решению проблем, касающихся принятия этих решений»[1]. Исходя из изложенного, вопрос о разделении судебных решений на итоговые и промежуточные заслуживают отдельного содержательного анализа.

Понятия итогового и промежуточного судебных решений по уголовным делам прочно вошли в юридический обиход после принятия Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ[2], которым нормативные определения данных

---

[1] Качалов В. И. Уголовно-процессуальное регулирование исполнения итоговых судебных решений. М., 2017. С. 11–12.

[2] Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу

понятий были закреплены в уголовно-процессуальном законе. Согласно пунктам 53.2 и 53.3 ст. 5 УПК РФ, *итоговым судебным решением* является приговор и иное решение суда, вынесенное в ходе судебного разбирательства, которым уголовное дело разрешается по существу, а *промежуточным* – все иные определения и постановления суда. Анализ приведенных дефиниций в совокупности с понятиями «процессуальное решение» (п. 33 ст. 5 УПК РФ) и «судебное решение» (п. 53.1 с. 5 УПК РФ) приводит к выводу о том, что все процессуальные решения суда (приговоры, постановления, определения), которые только возможны в уголовном процессе, попадают в какую-либо из двух указанных групп.

Исходя из позиции законодателя, определившего итоговое решение как результат рассмотрения исключительно уголовного дела, Пленум Верховного Суда РФ в п. 4 Постановления от 27 ноября 2012 г. № 26[1] разъяснил, что под итоговым судебным решением помимо приговора следует понимать определение, постановление суда, которыми уголовное дело разрешено по существу, либо определение или постановление суда, вынесением которых завершено производство по уголовному делу в отношении конкретного лица, а к промежуточным решениям, помимо прочего, отнес все решения суда в ходе досудебного производства по делу, а также в процессе исполнения итоговых судебных решений.

Для сравнения: в Модельном УПК СНГ итоговое решение определяется как «всякое решение органа, ведущего уголовный процесс, исключающее начало или продолжение производства по делу, а также разрешающее, хотя бы и не окончательно, дело по существу» (п. 15 ст. 10), при этом «дело» не ограничено понятием «уголовного дела», а определено как «всякое обособленное производство, ведущееся в ходе уголовного судопроизводства» (п. 4 ст. 10).

отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 45.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм УПК РФ, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» (в редакции от 01.12.2015 г.) // БВС РФ. 2013. № 1.

Аналогичная дефиниция итогового решения содержится в п. 19 ст. 7 УПК Казахстана.

Как известно, выделение из общей массы судебных решений в группу итоговых тех из них, которые завершают рассмотрение уголовного дела по существу в суде первой инстанции, и отграничение их от всех остальных решений суда, не обладающих этим свойством, было произведено в УПК РФ в целях законодательного закрепления дифференцированного порядка обжалования судебных решений в уголовном судопроизводстве (ст. 389.2) и оптимального распределения нагрузки по рассмотрению поданных жалоб между вышестоящими судами разного уровня внутри одной (апелляционной или кассационной) инстанции (статьи 389.3 и 401.3). В этом отношении используемые дефиниции имеют свой конкретный смысл и важное регулятивное и практическое значение, которые невозможно отрицать.

Вместе с тем разделение судебных решений на итоговые и промежуточные в том виде, в каком оно получило юридическое закрепление в УПК РФ, нельзя признать оптимальным и безупречным ни с точки зрения соответствия используемой терминологии сущности раскрываемых в законе понятий, ни с позиции доктрины дифференциации уголовного судопроизводства.

Не вполне удачным и корректным применительно к решению уголовного суда представляется использование самого наименования «промежуточное», которое позволяет воспринимать обозначенное этим термином решение как неокончательное, неполное или предварительное, в то время как уголовно-процессуальное право не знает института предварительных судебных решений, и каждое решение, выносимое в рамках любого судебного производства, является окончательным в том смысле, что полностью разрешает той или иной частный правовой вопрос, возникающий на определенном этапе рассмотрения дела[1].

Кроме того, в сочетании и противопоставлении со словом «итоговое» термин «промежуточное» обретает смысловое значение текущего события

[1] Подробнее об этом см.: Азаров В. А., Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам. М., 2013. С. 73–75.

(действия), возникающего в ходе длящегося явления (незавершенного процесса) и предшествующего его окончанию, итогу. «Промежуточное» подразумевает четко ограниченные временные рамки между двумя фактами, применительно к юридическому процессу – между фактами юридическими. В этом аспекте, с учетом содержания данного в УПК РФ определения итогового судебного решения, понятие промежуточного решения должно охватывать лишь судебные решения, вынесенные в ходе производства по уголовному делу в суде первой инстанции с момента поступления дела в суд до момента вынесения приговора или иного итогового решения суда.

На деле присутствующий в смысловом значении слова «промежуточное» временнóй фактор явно проигнорирован законодателем, в результате в группу промежуточных решений зачислены судебные решения, принимаемые после провозглашения приговора или вынесения иного итогового решения суда по уголовному делу, включая решения судов вышестоящих контрольных инстанций, судебные решения по вопросам исполнения приговора, реабилитации и возмещения вреда. Такое словесно-смысловое несоответствие внешне создает впечатление незавершенности и алогичности уголовно-процессуальной деятельности суда и уголовного производства в целом. Действительно, можно ли считать логически выверенным и завершенным производство, выстроенное по схеме: промежуточные (текущие) решения суда → итоговое судебное решение → промежуточные (текущие) решения суда?

Вопрос о недостатках рассматриваемых дефиниций, с учетом их положительной роли в регламентации порядков пересмотра судебных решений, не заслуживал бы столь пристального внимания и критики, если только ограничивался неудачным использованием терминологии. Однако при обращении к системе процессуальных полномочий и решений уголовного суда и их сопоставлении с исследуемыми правовыми понятиями становится ясно, что последние скрывают за собой более серьезную и глубинную проблему, которая заключается в неверной оценке существенных свойств и функционально-целевого назначения целого ряда судебных решений, волею законодателя отнесенных к

категории промежуточных и смешанных в этой группе без учета принципиальных различий между ними.

В основу разграничения судебных решений на итоговые и промежуточные положен такой отличительный признак итогового акта суда как *отражение в нем результатов рассмотрения уголовного дела*. С учетом приведенных выше интерпретаций Пленума Верховного Суда РФ таким результатом может явиться: 1) разрешение уголовного дела по существу главного вопроса, который дифференцируется по содержанию в зависимости от вида поступившего в суд уголовного дела: с обвинительным заключением (актом, постановлением); с постановлением о направлении уголовного дела для применения ПММХ; с постановлением о прекращении уголовного преследования и возбуждении ходатайства о применении к несовершеннолетнему ПМВВ; с постановлением о возбуждении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа; 2) иное завершение производства по уголовному делу в отношении конкретного лица (прекращение уголовного дела или уголовного преследования по различным основаниям).

Обратим внимание на то, что и при расширенном толковании понятия итогового судебного решения Верховный Суд РФ ведет речь о завершении производства лишь в суде первой инстанции и *только по уголовному делу*, тогда как по первой инстанции суды помимо уголовных дел рассматривают в порядке уголовного судопроизводства множество иных дел в рамках «неосновных» (дополнительных) производств, исследуемых в главе четвертой диссертации.

По остаточному принципу в группу промежуточных решений оказались включены абсолютно все остальные, совершенно разноплановые по своему содержанию и по функционально-целевому назначению виды судебных решений, причем со всех стадий уголовного процесса, сущностные различия которых более весомы и значимы, чем единственный объединяющий их признак, заключающийся в том, что они не разрешают уголовное дело по существу и не

завершают каким-либо иным образом производство по уголовному делу в суде первой инстанции.

Данное обстоятельство как с позиции теоретических соображений, так и практических потребностей диктует необходимость детальной научной классификации промежуточных судебных решений, но одновременно вызывает сложности при дальнейшем их разграничении на подвиды и в выборе конкретных параметров и характеристик в качестве критериев разграничения.

Не прибавляет ясности и стройности законодательной систематизации судебных решений и использование в УПК РФ разных наименований (форм) к однотипным по сути и содержанию решениям суда. Речь об определениях и постановлениях, которыми названы решения и итоговые, и промежуточные, как первой инстанции, так и вышестоящих. При этом заложенный в норме закона формальный критерий деления судебных решений на постановления и определения – количественный состав суда (пункты 23 и 25 ст. 5 УПК РФ) – последовательно и до конца в УПК РФ не выдержан.

Видимо указанными причинами объясняется тот факт, что исследователи данного вопроса, как правило, ограничивают понятие промежуточных решений и их классификацию решениями суда первой инстанции[1], оставляя в стороне акты судов вышестоящих судебных инстанций, которые плохо, а точнее совсем не вписываются в законодательно установленную дилемму «итоговое–промежуточное». Но и при обращении к уголовно-процессуальной деятельности суда первой инстанции и ее всестороннем изучении обнаруживаем, что она не однородна и выходит за рамки рассмотрения уголовного дела. Та ее часть (виды),

[1] См.: Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 32–33, 36–38; Пальчикова М. В. Определения и постановления суда первой инстанции в российском уголовном процессе. С. 87–94; Бозров В. М., Костовская Н. В. Судебное решение и оценка доказательств по уголовному делу. С. 21–23; Азаров В. А., Константинова В. А. Указ. соч. С. 70–107; Константинова В. А. Понятие и классификация промежуточных решений суда первой инстанции в уголовном процессе: учеб. пособие. Омск, 2017. С. 6–29, 60–75.

Редким исключением является позиция Н. С. Ершовой, которая предлагает выделять итоговые и промежуточные решения судов вышестоящих инстанций (Ершова Н. С. Итоговые и промежуточные уголовно-процессуальные решения // Актуальные проблемы уголовного процесса. 2012. № 3. С. 198–205).

которая осуществляется за пределами подготовки и проведения судебного разбирательства по уголовному делу, не только не укладывается в его временные рамки, но и не подчинена ему, поскольку имеет собственный предмет и самостоятельное значение.

Один из исследователей проблематики промежуточных решений судья Верховного Суда РФ А. С. Червоткин в своей диссертационной работе разделяет промежуточные судебные решения на основные виды в зависимости от стадии уголовного процесса, на которой они вынесены: 1) решения на досудебных стадиях; 2) решения, выносимые в ходе судебного рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции; 3) решения, выносимые в порядке исполнения итогового судебного решения. При этом автор определяет промежуточные судебные решения в уголовном процессе как «вспомогательные решения суда, имеющие целью создание надлежащих условий для осуществления судопроизводства, принятые с соблюдением предусмотренных законом процедур в ходе производства по уголовным делам, зафиксированные в процессуальной форме, не разрешающие уголовные дела по существу и подлежащие, как правило, немедленному исполнению»[1]. Если проанализировать сущность и назначение перечисленных выше видов решений, то станет очевидным, что под цели «создания надлежащих условий для осуществления судопроизводства <…> в ходе производства по уголовным делам» подпадает только вторая группа решений, именуемая А. С. Червоткиным «промежуточными решениями в собственном смысле». Сам автор в одной из своих предшествующих работ делится сомнениями относительно принадлежности решений по итогам рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора, к категории промежуточных, и, подчеркивая их своеобразие, высказывается о целесообразности выделения этих решений в отдельный, самостоятельный вид – «дополнительные к итоговым»[2], однако впоследствии эта идея была им отвергнута.

---

[1] Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 9.

[2] Червоткин А. С. Развитие понятия промежуточного судебного решения в современном уголовном процессе // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 33–34.

Другой представитель судейского корпуса М. В. Беляев при разработке критериев дифференциации решений уголовного суда, соглашаясь в целом со вспомогательной ролью промежуточных судебных решений по отношению к «основным», обращает внимание, что в ряде случаев «промежуточные решения выходят за пределы данного (*вспомогательного – С. Б.*) значения и имеют самостоятельную ценность». К имеющим «самостоятельную ценность» и сопоставимое с итоговым судебным решением значение указанный автор относит решения суда, принимаемые в рамках судебного контроля в досудебном производстве и в стадии исполнения приговора[1]. Несмотря на признание самостоятельного значения этих актов, М. В. Беляев, как и другие авторы, видимо, не желая выходить за пределы законодательных дефиниций и интерпретаций Верховного Суда РФ, в конечном итоге включает решения суда первой инстанции по делам судебного контроля и вопросам исполнения приговора в разряд промежуточных решений, более того, относит к последним и решения вышестоящих судебных инстанций по пересмотру обжалованных судебных решений[2].

Отмеченные нами изъяны законодательных определений итогового и промежуточного судебных решений позволяют заключить о фиктивности этих дефиниций: понятие итогового судебного решения явно заужено, понятие промежуточного – искусственно и чрезмерно расширено. Такое положение не только препятствует построению стройной системы судебных решений в уголовном процессе на доктринальном уровне, но и приводит к искаженному пониманию правоприменителем (прежде всего судьями), да и самим законодателем действительного смысла и значения судебных решений, выносимых по результатам иных («неосновных») судебных производств, а также основных решений вышестоящих судов, занижению их роли в осуществлении правосудия, что в свою очередь отражается на полноте и качестве регламентации

[1] Беляев М. В. Судебные решения в российском уголовном процессе … С. 71–72.
[2] Беляев М. В. Указ. соч. С. 84–86.

судебных процедур по принятию этих решений и эффективности деятельности суда по осуществлению уголовного правосудия.

Основанный на решениях Конституционного Суда РФ[1] и поддержанный Верховным Судом РФ подход российского законодателя к разграничению итоговых и промежуточных решений базируется на критикуемом нами представлении (восприятии) уголовного судопроизводства как единого, целого и неделимого, производства по уголовному делу, охватывающего всю уголовно-процессуальную деятельность суда без остатка. При таком взгляде на судопроизводство процессуальная деятельность уголовного суда сводится главным образом к рассмотрению и разрешению уголовного дела, а вся остальная судебная деятельность воспринимается как побочная, второстепенная и подчиненная общей задаче – разрешению уголовно-правового конфликта. Как следствие – итоговые судебные решения связываются только с результатом рассмотрения по существу уголовного дела, а прочим решениям суда приписывается служебная роль и исключительно вспомогательное значение.

Между тем, присутствие в уголовном процессе выделенных нами самостоятельных судебных производств в качестве отдельных структурных образований общей системы уголовного правосудия с неизбежностью предполагает, что каждое направленное в суд процессуальное обращение, содержащее требование судебной защиты действительного или предполагаемого права или законного интереса и порождающее отдельное судебное производство, рассматривается по существу поставленного в нем вопроса посредством судебного разбирательства, проводимого в форме судебного заседания с участием заинтересованных сторон и сопряженного с исследованием доказательств и

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 УПК РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 1998. № 28. Ст. 3393; Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 г. № 286-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каримова В. Ф. на нарушение его конституционных прав статьями 5, 125, 359, 391 УПК РФ // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 524-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Семенова Е. А. на нарушение его конституционных прав положениями части седьмой статьи 236, статьями 359, 391 и пунктом 9 части первой статьи 448 УПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

установлением фактических обстоятельств. По результатам каждого такого разбирательства суд выносит финальное решение, которое разрешает основной вопрос судебного дела или иным образом заканчивает рассмотрение дела по существу.

По нашему убеждению, все решения, которыми завершаются «производственные модули»: судебно-контрольные производства (в досудебных стадиях процесса), производства по вопросам исполнения судебных решений, реабилитации и возмещения вреда, а также производства в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, – обладают всеми свойствами итоговых судебных решений наравне с итоговыми решениями суда первой инстанции по уголовному делу, существенно отличаясь от последних только содержанием разрешаемых ими правовых вопросов и сущностью властных повелений суда, поэтому должны охватываться общим родовым понятием.

Общие отличительные признаки (свойства) итогового судебного решения в уголовном процессе заключаются в том, что такое решение:

1) разрешает по существу основной вопрос судебного производства по конкретному процессуальному обращению и завершает рассмотрение соответствующего судебного дела в определенной судебной инстанции;

2) постановляется в совещательной комнате и выносится только в письменной форме в виде отдельного процессуального акта (приговора, постановления, определения, заключения);

3) свободно обжалуется в установленном законом порядке в вышестоящую судебную инстанцию независимо от иных судебных решений.

Следуя изложенной позиции, к промежуточным судебным решениям следует относить лишь постановления и определения, выносимые на этапах подготовки и проведения судебного заседания в рамках любого судебного производства, не касающиеся основного вопроса рассматриваемого дела и не разрешающие его по существу, а предназначенные для решения частных, чаще процедурных вопросов. Эти решения реализуют обеспечительные и организационно-распорядительные полномочия суда, направленны на

организацию эффективного и качественного судебного разбирательства и обеспечение надлежащих условий его проведения, поэтому действительно носят вспомогательный характер и выполняют служебную роль.

Наибольшее количество промежуточных решений принимается в ходе разбирательства уголовных дел в суде первой интенции, и применительно к этим основным производствам они регламентированы в УПК РФ. Однако ввиду общих правил и закономерностей построения судебных производств, продиктованных единой природой судебной власти и общим механизмом ее реализации посредством уголовного правосудия, ни одно судебное разбирательство по любому делу не обходится без вспомогательных, промежуточных решений[1]. Так, к наиболее характерным, встречающимся во всех видах судебных производств можно отнести: постановления о назначении судебного заседания, о разрешении отводов и иных ходатайств участников судебного заседания, об отложении судебного заседания, о приобщении к делу представленных сторонами документов и другие.

Существующее законодательное закрепление понятий промежуточного и итогового судебного решения не только искажает сущность основных решений суда, завершающих контрольные, исполнительные и реабилитационные судебные производства, но и неоправданно принижает их огромное в действительности социально-правовое значение, переводя в разряд второстепенных и вспомогательных, тем самым умаляет роль судебного контроля, корректирующей и реабилитационно-восстановительной (компенсационной) деятельности суда в достижении правозащитных целей уголовного судопроизводства.

Все это может создавать у судей и других участников процесса опасную иллюзию о «предварительном», «проходящем», «второстепенном» характере результирующих решений по иным (не уголовным) делам, рассматриваемым в

[1] Подобного рода судебные решения присутствуют в деятельности суда по осуществлению не только уголовного, но и иных видов правосудия (См.: Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 гг.): Очерки теории и практики. М., 2001. С. 104 –108; Загайнова С. К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: Теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 7–8.)

порядке уголовного судопроизводства, меньшей существенности и значимости разрешаемых посредством их вопросов в сравнении с вопросами уголовного дела. Подобное искаженное восприятие дополнительных судебных производств как неких вспомогательных в сравнении с уголовным делом чревато менее тщательным и скрупулёзным, чем следует, судебным разбирательством указанных типов дел, допущением на практике формального подхода и процессуального упрощенчества при их рассмотрении, снижением качества выносимых судебных решений. Развитие этих явлений неизбежно снижает эффективность судебной защиты, что является недопустимым с позиции ст. 18 Конституции РФ, гарантировавшей обеспечение прав и свобод человека и гражданина посредством правосудия.

Таким образом, правовые понятия итогового и промежуточного судебных решений, закрепленные в УПК РФ, нуждаются в существенной корректировке по содержанию и объему охватываемых ими судебных актов. В русле высказанных соображений полагаем целесообразным и необходимым в содержащейся в п. 53.2 ст. 5 УПК РФ дефиниции «итоговые судебные решения» исключить слово «уголовное» или заменить его на «рассматриваемое» и тем самым распространить понятие итогового судебного решения на все судебные производства, имеющиеся в российском уголовном процессе.

Комплексы судебных решений. Рассмотрев вопросы систематизации и классификации судебных решений в уголовном судопроизводстве, приходим к выводу, что с позиции предлагаемой концепции дифференциации судебных производств в уголовном процессе система судебных решений выстраивается (конструируется) следующим образом.

Первоначально судебные решения распределяются по отдельным, дифференцированным по предметно-целевому признаку судебным производствам, для которых они предусмотрены и в которых принимаются, образуя необходимый, соответствующий каждому виду судебных производств перечень решений. Для краткости изложения эти перечни (с учетом родового объединения производств) можно свести в следующие группы: решения,

принимаемые в судебно-контрольных производствах; решения, принимаемые в производствах по уголовным делам; решения, принимаемые в судебно-исполнительных и судебно-реабилитационных производствах.

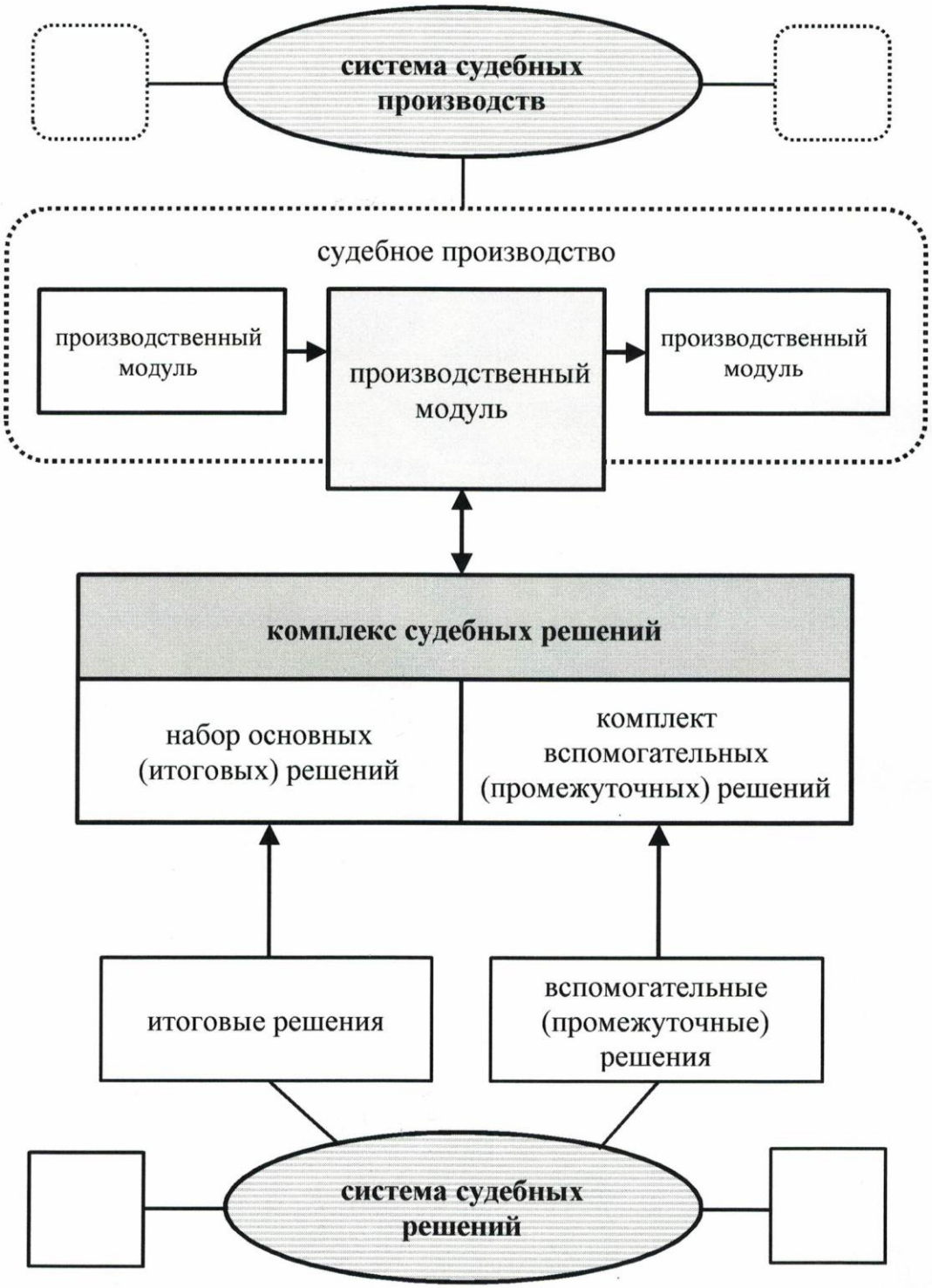
Далее, на выполненное деление, сообразно со стадийным членением судебных производств («поперечным», оно же – «по горизонтали»), дополнительно накладывается деление инстанционное, в соответствии с которым судебные решения в границах предметно обособленных судебных производств подразделяются на решения суда первой инстанции, решения суда апелляционной инстанции, решения суда кассационной и надзорной инстанций.

В результате получаем для каждого единичного вида судебных производств (в рамках «производственного модуля») необходимый для его успешного осуществления ***комплекс судебных решений***, например, комплекс решений суда первой инстанции по рассмотрению ходатайств следователя (дознавателя) о применении меры пресечения; комплекс решений суда апелляционной инстанции по рассмотрению жалоб и представлений на приговор суда первой инстанции; комплекс решений суда кассационной инстанции, используемый при пересмотре дела по ходатайству об условно-досрочном освобождении и т. п.

Важно отметить, что эти комплексы представляют собой синтез взаимосвязанных между собой судебных решений, нацеленных на разрешение юридических дел, рассматриваемых судом в том или ином судебном производстве. Каждый комплекс в обязательном порядке включает единственный в своем роде *набор основных (итоговых) решений суда*, нормативно установленный исключительно для определенного вида производств, и объединяет его с необходимым *комплектом вспомогательных (промежуточных) решений*, как универсальных (в составе стандартных судебных процедур), так и особенных, встречающихся только в отдельных производствах (см. *схему 9*).

Таким образом, основные (итоговые) судебные решения могут и должны дифференцироваться по видам судебных производств, что не наблюдается в большинстве существующих в процессуальной теории классификаций.

Схема 9. Комплекс судебных решений



Основные (итоговые) решения для однородных производств могут иметь значительное сходство по названию, структуре, отдельным содержательным элементам и формулировкам, отчасти – по некоторым пунктам резолютивной части. В качестве примера можно привести итоговые решения по результатам рассмотрения судом первой инстанции вопросов, связанных с исполнением наказания, назначенного приговором суда (пункты 2–4.1, 5–9, 13–14, 16–17.2 и 19 ст. 397 УПК РФ), которые всегда выносятся в форме постановления, в первом пункте резолютивной части которого, как правило, формулируется волеизъявление суда об удовлетворении или отказе в удовлетворении соответствующего ходатайства или представления, рассмотренного судом в порядке ст. 399 УПК РФ. Тем не менее, итоговые решения для разных видов (и даже подвидов) производств никогда не будут идентичными, сохраняя сущностные различия, которые обусловлены собственными, отличными от других юридическими основаниями их принятия и находят выражение в описательно-мотивировочной и резолютивной частях решения.

Вариативность вспомогательных (промежуточных) решений в комплексах очевидна. Одни и те же вспомогательные решения могут присутствовать в разных судебных производствах в различных объемах и комбинациях, обусловленных не только и не столько характером (видом) производства, сколько их конкретным содержательным наполнением, конфигурацией, собственной траекторией и другими индивидуальными особенностями. Поэтому дополнительная дифференциация неосновных (промежуточных) решений проводится независимо от типа и вида судебного производства, и при необходимости может быть осуществлена по многим иным, в частности, процедурным классифицирующим признакам, например, срокам принятия, порядку вынесения и обжалования.

Комплексы судебных решений ввиду неповторимого сочетания в них разноплановых судебных актов являют собой уникальные образования. В совокупности они составляют систему судебных решений, в которой выполняют роли отдельных структурных элементов. Через комплексы система судебных решений соотносится с системой судебных производств и далее – с системой

уголовного правосудия, детерминируется ими. Структурно системы уголовного правосудия и судебных производств проецируются на систему судебных решений, воспроизводят в ней свои структурные и функциональные (межэлементные) связи.

«Производственные комплексы» решений уголовного суда выражают функциональное назначение судебных производств, отражают их специфику, процессуальные особенности, положительные стороны и недостатки. По комплексу судебных решений, по характеру и сочетанию последних, можно судить об уровне, качестве законодательной регламентации того или иного судебного производства, о его организационно-процессуальной сформированности и развитости, об эффективности процессуальной деятельности суда по осуществлению уголовного правосудия на соответствующем направлении.

Вычленение и анализ отдельных комплексов решений уголовного суда, сопоставление их между собой, выявление и исследование общих и особенных закономерностей механизма принятия судебных решений, сочетаемости и синтезирования решений в различных комплексах позволяют полнее раскрыть свойства и значение отдельного судебного решения, правильно осознать необходимость и «пригодность» для судебного производства каждого, включенного в «производственный комплекс» решения, убедиться в способности последнего служить достаточным и эффективным средством реализации судебных функций в процессуальных условиях конкретного вида производства. Такой подход к исследованию природы и механизма принятия уголовно-процессуальных решений суда через призму дифференциации судебных производств, по нашему убеждению, не только обогащает науку уголовного процесса, но и способствует позитивному развитию правовой регламентации форм и содержания судебных решений, процедуры их принятия, совершенствованию правоприменительной деятельности суда по осуществлению уголовного правосудия.

§ 4. Принятие решений как процесс и результат судебного правоприменения, его место в структуре судебного производства

Центральное место и особо важная роль судебных решений в системе уголовного правосудия обуславливают огромное значение для отправления правосудия вопросов принятия судебных решений в уголовном судопроизводстве – как на теоретическом уровне, так и в практической плоскости,. Между тем «принятие судебного решения» как научное понятие не относится к числу досконально разработанных и устоявшихся, имеет несколько смысловых значений (аспектов), что требует для целей настоящего исследования внесения определенности относительно сущности и содержания обозначаемого этим понятием ключевого компонента правосудия, определения места и роли последнего в судебном производстве.

Принятие судебного решения – один из отмеченных нами выше[1] аспектов категории «решение суда». Это – «поведенческий» аспект, в котором решение рассматривается как действие(я) по разрешению стоящего перед судом правового вопроса, он раскрывает, каким образом, с помощью каких средств и в каком порядке суд принимает решение. В этом смысле принятие судебного решения со всей очевидностью является частью судебной деятельности по осуществлению правосудия, составляющей основное содержание каждого из судебно-уголовных производств. В то же время, исходя из правоприменительной природы правосудия и решений уголовного суда, «принятие судом решения» не может рассматриваться вне правоприменительного процесса, поскольку является его ключевым звеном. В этой связи в контексте теории правоприменения возникает важный вопрос о том, какой объем процессуальной деятельности (или действий) уголовного суда следует относить к понятию «принятие судебного решения».

[1] в первом параграфе настоящей главы.

Дело в том, что отечественная правовая доктрина с одной стороны (с позиции правоприменения) последовательно определяет принятие решения («решение дела») как один из логических этапов (или стадий) правоприменительной деятельности (правоприменительного процесса или правоприменительного акта), и чаще – как заключительный этап[1], с другой стороны (в рамках процессуальной теории) – под принятием решения, в том числе и судебного, подразумевает многоэтапную деятельность субъекта правоприменения, включающую в себя такие составляющие как установление фактических обстоятельств дела (или сбор и оценку доказательственной информации) и выбор соответствующей им нормы права[2], которые употребительно к правоприменительному процессу выделяются в качестве его отдельных этапов (или стадий) наряду с принятием решения. Кроме того, в тексте УПК РФ наравне с терминами «принятие решения» для обозначения реализации судом (равно и другими субъектами уголовного процесса) идентичных властных

[1] См.: Александров Н. Г. Применение норм советского социалистического права. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. С. 27; Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960. С. 223; Михаляк А. С. Применение социалистического права в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1963. С. 42; Лазарев В. В. Применение советского права. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. С. 39; Дюрягин И. Я. Применение норм советского права и социальное (государственное) управление: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Свердловск,1975. С. 20; Теория юридического процесса / Под общ. ред. В. М. Горшенева. Харьков: Вища школа, 1985. С. 130–131; Чванов О. А. Механизм правоприменения: автореф. дис. … канд. юрид. наук, Саратов, 1995. С. 12–13; Венгеров А. Б. Теория государства и права: Ч. 2. Теория права. Т. 2. М.: Юристъ, 1997. С. 56–59; Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права. М.: Спарк, 1998. С. 310; Проблемы общей теории права и государства / Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма, 2004. С. 426; Проблемы теории государства и права / Под ред. В. М. Сырых. М.: Эксмо, 2008. С. 328; Алексеев С. С. Общая теория права. М.: Проспект, 2009 С. 535–537; Колесник И. В. Теоретическая модель правоприменительной технологии … С. 227; Курносова В. В. Судебная правоприменительная деятельность: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2018 С. 50–62.

[2] Лупинская П. А. : 1) Теоретические основы принятия решений в советском уголовном судопроизводстве … С. 14–15; 2) Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976. С. 19–22; 3) Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. С. 37–40; Уголовно-процессуальные акты / под ред. Г. В. Стародубовой. М.: Юрайт, 2018. С.15; Беляев М. В. Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика … С. 212; Беляев М. В., Качалов В. И., Качалова О. В., Марковичева Е. В. Свойства судебных решений и механизм их вынесения в уголовном судопроизводстве. М.: Проспект, 2021. С. 35.

полномочий широко используются иные лексемы: «вынесение решения», «вынесение постановления», «вынесение определения»[1].

Возможные в связи с этим разночтения и неясности, как представляется, устранимы через сопоставление понятий «правоприменение» и «процессуальное производство». Оба они имеют прямое отношение к деятельности суда по осуществлению уголовного правосудия, являются ее характеристиками. Судебное производство – целенаправленная, последовательная, нормативно и организационно определенная совокупность процессуальных действий и решений суда по рассмотрению и разрешению юридического дела, а судебное правоприменение – это «комплекс мыслительных и фактических, организационных и юридических операций (действий)»[2] суда, направленный на реализацию правовых предписаний в приложении к конкретной жизненной ситуации в целях разрешения социально-правового конфликта посредством издания по конкретному юридическому делу акта судебного правоприменения. Как видим, понятие «судебное производство» характеризует правосудие с внешней (процедурной) стороны, а «судебное правоприменение» – с внутренней (сущностной). Правоприменение как юридическая сущность деятельности уголовного суда пронизывает все судебное производство, подчиняет его своей логике, в согласии с которой и строится процессуальный порядок судебного производства. Правда, стоит уточнить, что при этом судебное производство включает в себя и другие (помимо актов судебного правоприменения) процессуальные акты: организационно-подготовительные и обеспечительные действия суда, а также процессуальные действия сторон и иных участников судебного производства, которые выходят за пределы собственно правоприменения и представляют собой иные формы реализации права: соблюдение, исполнение, использование.

---

[1] См., например, части 7 и 8 статьи 108 и части 8 и 14 ст. 109 УПК РФ.

[2] Аверин А. В. Судебное правоприменение и формирование научно-правового сознания судей: Проблемы теории и практики: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. С. 27–28.

Исходя из изложенного, можно утверждать, что судебно-уголовное производство по рассмотрению юридического дела полностью охватывает соответствующий процесс применения судом права к спорной ситуации, лежащей в основе рассматриваемого дела, и заключает правоприменительную деятельность суда в уголовно-процессуальную форму, «растягивая» при этом правоприменение на все судебное производство. Последнее обстоятельство объясняется следующим.

В содержании любой правоприменительной деятельности, в том числе судебной, явственно выделяются интеллектуальная и волевая стороны (компоненты): первая состоит в познании фактических обстоятельств дела, отыскании соответствующей им правовой нормы и уяснение ее смысла и содержания, вторая – в самом государственно-властном решении юридического дела, т. е. в выработке властного предписания, облеченного в предусмотренную для него форму[1]. Логически закономерная необходимость предварительного установления фактической и юридической основы решения предопределяет наличие в процессе принятия решения первоначальных, познавательных этапов[2], вследствие чего принятие судебного решения как правоприменительный процесс не может быть сведен к одномоментному акту и ограничен таким образом процессуальными действиями, завершающими судебное производство.

---

[1] Алексеев С. С. Указ. соч. 527; Воскобитова Л. А. Правоприменительная природа принятия решений в уголовном судопроизводстве // Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / отв. ред. Л. М. Масленникова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. С. 75.

[2] П. А. Лупинская, основываясь на общих закономерностях принятия решения в любой области социального управления, выделяла два этапа принятия уголовно-процессуальных решений: 1) установление фактических обстоятельств путем доказывания, т. е. собирание и оценка информации (информационный этап) и 2) собственно принятие решения о действии на основе полученной информации, когда компетентный орган (должностное лицо) дает ответы на правовые вопросы и выражает государственное-властное веление (Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. С. 37–39). Л. А. Воскобитова уточняет эту позицию и считает целесообразным «познавательный (интеллектуальный) этап разделить на два самостоятельных этапа, первый из которых должен охватывать только установление фактической основы дела, а второй должен быть сосредоточен только на установлении юридической основы дела», поясняя, что «каждый из этих этапов имеет свои теоретические и процессуально-правовые особенности (Воскобитова Л. А. Указ. соч. С.76).

Формально правоприменительная деятельность суда по разрешению уголовного дела начинается с начала судебного следствия, а фактически – гораздо раньше, с момента получения судьей уголовного дела и изучения его материалов в порядке решения вопросов, предусмотренных статьями 227–229 УПК РФ, когда происходит предварительное восприятие (уяснение) судьей содержащейся в материалах дела информации о фактических обстоятельствах дела, их доказанности и юридической квалификации, которое продолжается далее в ходе предварительного слушания, если такое проводится, и в порядке подготовки к судебному разбирательству. На всем протяжении судебного производства по уголовному делу судья(и) в той или иной форме и в разных объемах (наиболее полно – в ходе судебного следствия), получает(ют) необходимую для принятия решения информацию, как об устанавливаемых фактах, так и в отношении подлежащих применению правовых предписаний.

Как верно отмечает В. В. Лазарев, «решение дела как своеобразный интеллектуальный процесс выведения определенного заключения из фактических обстоятельств и юридических норм вызревает постепенно»[1]. Определить точно, в какой момент судебного разбирательства завершается каждый из познавательных этапов принятия судебного решения и «включается» его волевой компонент, невозможно. В идеале, согласно алгоритму, заложенному в процессуальном законе, этот переход должен произойти после выраженной вовне готовности суда вынести решение и его удаления для этого в совещательную комнату (статьи 295, 389.14 УПК РФ). Однако в реальности, в конкретных производствах возможны различные варианты, которые заслуживают отдельного исследования. Как отмечается в юридической литературе, и практика судопроизводства это подтверждает, выделяемые в правоприменительной деятельности и в процессе принятия судебного решения этапы или стадии весьма условны[2] и вычленяются

[1] Лазарев В. В. Действие права и формы его реализации // Проблемы общей теории права и государства / Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма, 2004. С. 428.

[2] Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. С. 40; Чертова Н. А., Юринская И. С. Механизм принятия судебного решения:

лишь логически[1], они нередко наслаиваются друг на друга, а фактические действия, отражающие различные интеллектуальные и волевой компоненты правоприменения, обособлены лишь номинально, взаимно переплетаются и обуславливают друг друга[2].

В то же время в законодательно регламентированном порядке производства по уголовному делу (в судах первой и второй инстанций), отражающем логику правоприменения, познавательный и резюмирующий компоненты принятия решения разделены более четко – процессуальные действия по непосредственному принятию итогового решения выделены и сгруппированы в обособленный, заключительный модуль процессуальной деятельности уголовного суда (этап судебного разбирательства), регламентированный специально предусмотренной главой 39 УПК РФ под общим названием «постановление приговора» (для суда первой инстанции) и совокупностью специальных норм, заключенных в отдельные статьи 389.20 – 389.33 УПК РФ (для суда апелляционной инстанции).

Все сказанное в отношении производства по уголовному делу, полагаем, распространимо в полном объёме и на иные («неосновные») судебные производства: контрольные, исполнительные, реабилитационные, а также на производства по пересмотру судебных решений, вступивших в законную силу.

Таким образом, с точки зрения правоприменения «принятие судебного решения» может пониматься двояко: в широком смысле как длящийся на всем протяжении производства по делу в суде определенной инстанции процесс, включающий интеллектуальную (познавательную, оценочную, резюмирующую)

теоретические аспекты // Вестник САФУ. Серия: Гуманитарные и социальные наук. 2015. № 3. С. 119; См. также: Теория юридического процесса / Под общ. ред. В. М. Горшенева. С. 131.

[1] Ковалева Е. Л. Правоприменение // Проблемы теории государства и права / Под ред. В. М. Сырых. М.: Эксмо, 2008. С. 328.

[2] Алексеев С. С. подчеркивает, что «правоприменительные действия представляют собой непрерывный, все углубляющийся и все более обогащающийся процесс юридического познания, в ходе которого происходит обращение то к фактам, то к юридическим нормам: на основе анализа норм возникает необходимость более глубоко исследовать фактические обстоятельства; анализ же фактических обстоятельств вынуждает вновь обращаться к нормам, уточнять отдельные юридические вопросы и т. д. (Алексеев С. С. Указ. соч. С. 536). Об этом же пишет и П. А. Лупинская (Лупинская П. А. Указ. соч. С. 40).

деятельность суда по установлению фактических и юридических оснований для предстоящего решения и волевую деятельность по выбору варианта разрешения правовой ситуации и его реализации посредством издания индивидуального акта правоприменения, и в узком (собственном) значении как основанный на анализе фактов и юридических норм непосредственный акт принятия решения, отражающий волевую сторону правоприменения и заключающийся в издании судебного акта, т. е. как заключительный этап процесса правоприменения. Переход суда к непосредственному принятию решения в этом процессе с точки зрения психологии знаменуется осознанием судьей (судьями) достаточности исходных данных для принятия решения и началом выбора решения из числа возможных вариантов, предоставленных нормами уголовно-процессуального права.

Сугубо с процедурной стороны принятие судебного решения предстает как совокупность уголовно-процессуальных действий суда по выработке ответов на правовые вопросы, поставленные на разрешение суда в обращении инициативной стороны, формулированию вытекающих из сделанных выводов (ответов) государственно-властных предписаний и надлежащему оформлению результатов этих действий в виде предусмотренного законом судебного акта. Данная совокупность судебных действий завершает судебное производство в суде соответствующей инстанции, предстает в виде обособленной судебной процедуры и может быть обозначена как *вынесение решения*.

Предлагаемое соотношение анализируемых понятий представляется вполне соответствующим и нормативно-правовому регулированию. Хотя, как следует из анализа норм УПК РФ, содержащих исследуемую терминологию, слова «принятие» и «вынесение» в смысловой связи с различными решениями суда используются законодателем как синонимичные и взаимозаменяемые, в их употреблении улавливается малозаметный нюанс, на который стоит обратить внимание. Слово «принятие» используется, как правило, в сочетании со словом «решение», и получаемые в результате выражения типа «принятие решения(й)» (п. 13 ст. 5, ч. 1 ст. 9 УПК РФ), «принятие судебного решения» (ч. 5 ст. 108 УПК

РФ), «решение принимается» (ч. 1 ст. 42, ч. 1 ст. 70, ч. 2 ст. 72, ч. 1.1 ст. 110, ч. 1 ст. 343 УПК РФ), «суд (или судья) принимает решение» (ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 68, ч. 11 ст. 108, ч. 1 ст. 227, ч. 1 ст. 236, ч.1 ст. 291, ч. 3 ст. 317.6, ч. 6 ст. 335, ч.1 ст. 389.20, ч. 1 ст. 435, ч. 2 ст. 473.6 и др. УПК РФ) применяются для обозначения сущности решения без акцента на его процессуальную форму, тогда как глагол «выносить» употребляется в основном с существительными «определение», «постановление», «приговор», например: «выносить приговор» (п. 52 ст. 5 УПК РФ), «приговор выносится» (ст. 322, ч. 2 ст. 389.28 УПК РФ), «судья (суд) выносит постановление» (ч. 6 ст. 6.1, ч. 1 ст. 34, ч. 2 ст. 114, ч.4 ст. 107, ч. 5 ст. 125, ч. 1 ст. 231, ч.2 ст. 300 и др. УПК РФ), «суд выносит определение или постановление» (части 1, 3 и 4 ст. 253, ч. 2 ст. 271, 272, 313, ч. 2 ст. 389.20 и др. УПК РФ), «выносится определение (или постановление) суда» (ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 275, ч.7 ст. 318 УПК РФ), «кассационное определение выносится» (ч. 11 ст. 401.13 УПК РФ), тем самым термин «вынесение» увязывается в большей степени с процессуальной формой судебного решения и указанием на его издание.

До настоящего момента в контексте судебного правоприменения мы вели речь о принятии основных (итоговых) решений, завершающих судебное производство. Однако, как уже обозначено в настоящей работе, в комплекс решений, принимаемых судом в ходе каждого из видов уголовных производств, входит разнообразное множество вспомогательных, а иногда и дополнительных решений, которые также имеют правоприменительный характер, и, следовательно, их подготовка и принятие (вынесение) протекают в русле общих условий и закономерностей правоприменительной деятельности. Отличия (особенности) принятия этой категории решений от принятия основных судебных решений заключаются в ином характере, содержании и объеме предмета решения (как правило, это одинарные, текущие процессуальные вопросы), значительно меньшем объеме исследуемого фактологического и нормативно-правового материала, служащего основой решения, в менее сложной и продолжительной процедуре, в наличии дополнительного упрощенного («устного») порядка вынесения.

Принятие данных решений происходит на всем протяжении судебного производства в форме соответствующих судебных процедур, в рамках которых и осуществляются акты судебного правоприменения, выражающие сущность этих процедур. Получается, правоприменительная деятельность суда по решению основного вопроса уголовного или иного судебного дела, рассматриваемого в порядке уголовного судопроизводства (макро-правоприменение), сопровождается микро-правоприменительными (вспомогательными и дополнительными) актами суда, а точнее, включает их в свое содержание. Эти микро-правоприменительные акты, осуществляемые в границах и посредством соответствующих судебных процедур, проходят свойственные любому правоприменению логические этапы и завершаются разрешением локального правового вопроса (процессуальной ситуации) путем принятия судом акта правоприменения в форме постановления или определения.

Из сказанного следует, что содержание каждого из судебных производств, рассматриваемого в пределах деятельности суда одной из инстанций, не ограничивается одним (макро-) правоприменительным актом, а включает в себя объединение взаимосвязанных правоприменительных актов суда, состоящее из основного макро-акта, проходящего через все судебное производство, и всех прочих правоприменительных микро-актов, ограниченных корреспондирующими им судебными процедурами. Такое (на уровне судебного производства в определенной судебной инстанции) объединение правоприменительных актов коррелятивно комплексу судебных решений, установленному для соответствующего судебного производства и, на наш взгляд, в целях отграничения от единичного правоприменительного акта может быть названо *правоприменительным циклом*.

В обоснование предложенного полагаем уместным обратиться к научному наследию советско-российского теоретика права, профессора И. Я. Дюрягина. В своей диссертационной работе «Применение норм советского права и социальное (государственное) управление» (1975) ученый предложил различать в правоприменительной сфере правоприменительный акт, правоприменительный

цикл и правоприменительный процесс (и их стадии) как разновеликие явления, из которых большее по продолжительности и объему вбирает в себя меньшее[1]. По поводу правоприменительных циклов И. Я. Дюрягин отмечал: «Процедурно-процессуальные циклы применения права получили в законодательных актах наименования соответствующих видов производств, например, производство в суде первой инстанции, производство в кассационной инстанции и исполнительное производство, т. е. правоприменительные циклы имеют законодательное и практическое значение»[2]. Далее, в отношении правоприменительного процесса автор высказывал следующее суждение: «Правоприменительный процесс по аналогии с управленческим процессом представляет собой проникнутый единством общей цели комплекс взаимосвязанных друг с другом, предполагающих друг друга правоприменительных циклов, из которых каждый последующий обслуживает предыдущий, и в совокупности (или в системе) обеспечивающих упорядочение, развитие общественных отношений, достижение необходимых для государства и общества практических результатов. Такое понимание правоприменительного процесса основывается на гражданском процессуальном и уголовно-процессуальном законодательстве, которое закрепляет и регулирует все основные этапы (циклы) движения гражданских и уголовных дел, начиная от их возникновения до окончательного разрешения и практической реализации»[3].

С. К. Загайнова, анализируя правоприменительную деятельность суда в цивилистических (гражданском и арбитражном) процессах, пришла к выводу, что деятельность по осуществлению правосудия представляет собой определенную совокупность правоприменительных циклов. Согласно рассуждениям автора, «общее для всех правоприменительных циклов – наличие особого правоприменительного акта, которым завершается процесс правоприменения в определенном правоприменительном цикле, а также наличие промежуточных

---

[1] Дюрягин И. Я. Применение норм советского права и социальное (государственное) управление: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Свердловск, 1975.

[2] Дюрягин И. Я. Указ. соч. С. 20–21.

[3] Там же. С. 21

правоприменительных актов, являющихся связующим звеном между различными стадиями в правоприменительном цикле»[1].

Опираясь на приведенные доктринальные положения и конкретизируя их применительно к исследуемым в настоящей диссертации правовым явлениям и процессам, сопоставив правоприменительную деятельность уголовного суда по принятию процессуальных решений со структурой судебно-уголовного производства, получаем следующую картину (*см. схему 8*).

Отдельной судебной процедуре соответствует протекающий в ее рамках единичный правоприменительный акт, результатом которого является единичное процессуальное (вспомогательное или дополнительное) решение уголовного суда. Основное (итоговое) решение по рассматриваемому уголовному или иному судебному делу также выносится в порядке соответствующей судебной процедуры, но сам акт судебного правоприменения, воплощающийся в этом решении, распространяется на все судебное производство в определенной инстанции, включает в себя вспомогательные (промежуточные) акты правоприменения и основывается на их результатах. Совокупность основного и всех иных актов правоприменения, имевших место в ходе производства в суде определенной инстанции, образуют правоприменительный цикл. Между правоприменительным циклом и соответствующим ему комплексом судебных решений и судебным (инстанционным) производством в целом существует неразрывная корреляция. Последовательность правоприменительных циклов образует единый правоприменительный процесс. Каждый из подобных процессов соответствует целому (полному) судебно-уголовному производству по отдельному судебному делу, рассматриваемому в порядке уголовного судопроизводства.

Принятие судебного решения, будучи (в собственном значении) заключительным этапом судебного правоприменения и содержанием судебной процедуры по его вынесению, представляет собой сложный процесс (процедуру), в котором находят выражение различные стороны судейской деятельности

[1] Загайнова С. К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе … С. 29.

(когнитивная, аналитическая, психоэмоциональная, мотивационно-волевая). Посредством него реализуются наиболее значимые властные полномочия органа судебной власти, осуществляются все функции уголовного суда, обеспечивается правосудность принимаемых судебных актов.

Процедура принятия судебного решения как часть судебного производства имеет собственную структуру и содержание, захватывает помимо правоприменительной деятельности суда процессуальную деятельность сторон, активно воздействующих на принятие судебного решения, при этом подвержена влиянию не только сугубо процессуальных, но и различных внешних факторов. В этой связи процессуальной доктриной введена в научный оборот и разрабатывается категория «механизм принятия судебного решения»[1], которая пока еще не обрела четкого научного определения и не получила достаточного теоретического обоснования.

Термин «механизм» широко используется в отечественной правовой науке для обозначения и дефиниции различных правовых явлений и конструкций, таких, например, как «механизм правового регулирования»[2], «процессуально-правовой механизм»[3], «механизм правоприменения»[4], «механизм реализации» того или иного правового принципа[5] и т. д. В каждом подобном случае под механизмом подразумевают некий набор инструментов – правовых средств, с

---

[1] Барова М. А. Уголовно-процессуальный механизм вынесения судебных решений в досудебном производстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2014. С. 21–22; Чертова Н. А., Юринская И. С. Механизм принятия судебного решения: теоретические аспекты // Вестник САФУ. Серия: Гуманитарные и социальные наук. 2015. № 3. С. 118–125; Беляев М. В. Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 201–219; Беляев М. В., Качалов В. И., Качалова О. В., Марковичева Е. В. Свойства судебных решений и механизм их вынесения в уголовном судопроизводстве. С. 30–38.

[2] Алексеев С. С. Общая теория права. М.: Проспект, 2009. С. 364–365.

[3] Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. М.: НОРМА, 2003. С. 162–163.

[4] Чванов О. А. Механизм правоприменения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1995. С. 10–11.

[5] Нафикова Г. А. Механизм реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 11; Рыжкова И. А. Механизм реализации принципа уважения чести и достоинства личности при производстве следственных действий в России и за рубежом: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. С. 10.

помощью или посредством которых в том или ином виде юридической деятельности обеспечивается достижение определенной цели. Аналогичным образом в науке уголовно-процессуального права определяется механизм принятия уголовно-процессуальных, в том числе судебных, решений.

Так, профессор П. А. Лупинская, рассматривая общий механизм принятия решений как многофакторную систему, состоящую из взаимодействующих объективных и субъективных факторов, не только правового характера, но и социального, политического, психологического и личностного свойства, особое значение придает совокупности всех тех правовых средств, при помощи которых в правоприменительной деятельности обеспечивается принятие законных и обоснованных решений, и определяет эту совокупность как собственно юридический механизм принятия решений[1].

Как в любом системном образовании в юридическом или, если быть точнее, *процессуально-правовом механизме* принятия решений выделяются структурные элементы, а поскольку принятие процессуального решения представляет собой акт правоприменения, то и свойственные процессу правоприменения этапы (или стадии).

Механизм принятия судебных решений в уголовном процессе (далее – МПСР) очевидно является разновидностью общепроцессуального механизма, он упорядочивает и направляет интеллектуально-волевую деятельность судей при осуществлении ими уголовного правосудия. В системе механизма принятия судебных решений можно выделить следующие структурные элементы:

1) цель и задачи, на достижение или выполнение которых направлено решение;

2) объект решения – те конкретные общественные отношения, которые подлежат индивидуальному урегулированию посредством принимаемого решения;

---

[1] Лупинская П. А. Теоретические основы принятия решений в советском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. д-ра юрид. наук. М.,1973. С. 12–13.

3) предмет решения – тот правовой вопрос (комплекс вопросов) или правовая ситуация в целом, требующие правоприменительного судебного решения;

4) субъект решения – компетентный судебный орган;

5) определенные законом судебные полномочия по принятию решения;

6) способы инициирования решения;

7) фактические и юридические основания и процессуальные условия принятия решения;

8) средства и методы установления оснований решения и вынесения его судом;

9) альтернативные варианты решения и условия их выбора;

10) процессуально-правовые факторы влияния на принятие решения;

11) процедура принятия судебного решения.

В приведенном перечне сознательно не указаны такие влияющие на принятие судебных решений факторы, которые П. А. Лупинская относила к категориям социально-политических, идеологических, социально-психологических, личностных и факторов «вещного порядка»[1], поскольку они находятся за пределами собственно уголовно-процессуального МПСР, исследуемого в настоящей работе, и на наш взгляд должны относиться к образованию более высокого порядка и уровня обобщения – *социально-правовому механизму принятия судебных решений*.

М. В. Беляев к элементам МПСР относит также этапы принятия решений[2], и ряд авторов разделяет это мнение[3]. Однако представляется, что в принятии решения задействованы не этапы сами по себе, а деятельность суда по принятию решения. Этапы являются характеристикой этой деятельности с точки зрения

---

[1] Лупинская П. А.: 1) Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976. С. 40–41; 2) Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2010. С. 74–75.

[2] Беляев М. В.. Указ. соч. С. 203, 218.

[3] См.: Беляев М. В., Качалова О. В., Качалов В. И. , Марковичева Е. В. Указ. соч. С. 30–35.

упорядоченности, последовательности ее осуществления, поэтому не могут выступать отдельными («полноправными») элементами МПСР.

В представленном обобщенном виде МПСР имеет универсальный характер и распространяет свое действие на все без исключения решения уголовного суда, раскрывает нам процесс принятия судебного решения, так сказать, в общем, абстрактном виде. Но реальное уголовное судопроизводство более конкретно, оно охватывает целую систему многочисленных и разнообразных судебных решений, различающихся по многим параметрам и принимаемых в различных видах судебно-уголовных производств, что неизбежно обуславливает специфику их принятия, которая и отражается в МПСР и позволяет утверждать о наличии в уголовном правосудии дифференцированных моделей принятия судебных решений.

При этом, как полагаем, нет оснований утверждать о возможности конкретизации общего для всех решений механизма их принятия до уровня единичных судебных дел, т. е. вести речь о множестве механизмов принятия судебных решений, каждый из которых был бы предназначен для отдельного вида судебного решения, а тем более – для индивидуального решения по конкретному делу.

Как уже отмечено, МПСР универсален, его структура и элементный состав постоянны. Изменению, в зависимости от реальных условий функционирования данного механизма, подвергается только содержательное наполнение его элементов. Например, различные виды судебных решений принимаются определенными судебными органами, имеют специфическое целевое назначение, для них в законе установлены собственные основания и условия их принятия, для их вынесения предусмотрены соответствующие судебные полномочия и, как правило, своеобразная процедура.

Поэтому в доктринальном плане корректнее выделять не модели самого механизма принятия судебных решений[1], а *модели* (или варианты) *реализации* МПСР или, что представляется более удобочитаемым, *модели принятия*

[1] Беляев М. В. Указ. соч. С. 215.

судебного решения. Иными словами, вариативность МПСР существует не в структуре механизма (совокупность его элементов всегда постоянна, и ни один из них не выпадает из механизма), а в содержании элементов механизма, которое варьируется в зависимости от множества факторов.

П. А. Лупинская, например, указывала, что правовые модели принятия решений в уголовном процессе могут различаться фактическими основаниями для их принятия, уровнем доказанности этих оснований, правовыми выводами (собственно решениями), которые должны или могут последовать за установленными фактическими основаниями[1]. Эти и другие факторы – предмет и пределы доказывания, процессуальные средства установления фактической основы решения, правовая база решения, характер и степень участия сторон в принятии решения – в значительной степени задействованы в дифференциации модели принятия судебного решения по виду судебного производства, для которого решение предусмотрено.

Обобщенным и наиболее значимым для вариативности принятия судебных решений фактором, на наш взгляд, является дифференциация судебных решений по их функционально-целевому назначению, по видам уголовно-процессуальной деятельности суда или соответствующих судебных производств, для которых предназначены решения, а также по отношению к главному (основному) вопросу рассматриваемого судом дела.

На основе данных критериев в познавательно-исследовательских целях и для успешного решения практических (законотворческих и правоприменительных) задач можно и необходимо разграничивать:

а) модели принятия итоговых и промежуточных судебных решений: процесс принятия первых охватывается всем уголовным производством в определенной судебной инстанции, а вторых – ограничивается соответствующей судебной процедурой, являющейся всего лишь частью того или иного судебного производства;

---

[1] Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2010. С. 101.

б) модели принятия промежуточных (вспомогательных и дополнительных) решений: в устной форме с их фиксацией в протоколе судебного заседания и в письменной форме с вынесением отдельного судебного акта;

в) модели принятия основных судебных решений, завершающих различные виды судебно-уголовных производств: основных (по уголовным делам), контрольных, исполнительных, реабилитационных, судебно-проверочных, производств по пересмотру дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Каждая из указанных *типичных моделей* принятия судебных решений не отличается однородностью и в свою очередь может быть подразделена на виды и подвиды в соответствии с дифференциацией решений уголовного суда и судебных производств.

В то же время деятельность суда по принятию разнообразных решений имеет общие признаки, обусловленные как единой правоприменительной природой решений уголовного суда и его процессуальной деятельности в целом, так и общими закономерностями построения и функционирования судебной деятельности по осуществлению правосудия. Независимо от каких-либо особенностей принимаемого судом решения (его характера, назначения, отношения к главному вопросу рассматриваемого дела и т. д.) в МПСР обязательно присутствует процессуальный повод для решения возникшего правового вопроса, наличествуют прямо установленные в процессуальном законе или вытекающие из его положений основания и условия принятия решения, применяется логически последовательный алгоритм действий по принятию решения, отражающий стадии правоприменительного акта (установление и исследование фактических обстоятельств рассматриваемого дела, выбор и анализ подлежащих применению правовых норм, принятие процессуального решения и его документальное оформление), а также общие процедурные правила вынесения решения, призванные гарантировать в необходимой степени правосудность принимаемых судом решений.

Так, любое судебное решение предполагает правовую ситуацию, подлежащую разрешению органом судебной власти, и требует соответствующего процессуального обращения в суд (к суду) заинтересованного субъекта или (при решении некоторых промежуточных правовых вопросов) инициативы самого суда. Правоприменительный характер деятельности по принятию решений обуславливает установление (познание) судом фактических и юридических оснований для принятия решения и выбор варианта решения из числа нормативно предусмотренных, а состязательная модель судопроизводства – участие (в той или иной мере и форме) сторон по делу в принятии любого судебного решения.

В связи с изложенным можно констатировать наличие в уголовном судопроизводстве *общей (универсальной) модели принятия судебного решения*, достаточно абстрактной, чтоб применяться в практической деятельности, но отражающей общие закономерности судебного правоприменения. Данная (общая) модель имеет типичные и более конкретные варианты, дифференцируемые в зависимости от различных, указанных выше факторов, задействованных в принятии решения.

Типичная модель принятия основного решения и ее разновидности в контексте дифференцированности судебных производств будут проанализированы нами в следующей главе диссертации при рассмотрении особенностей различных типов и видов судебных производств, а в завершение вопроса о единых для всех судебных производств проявлений (признаков) процесса принятия судебного решения рассмотрим суммарно *типичную модель принятия промежуточных решений* и ее основные характеристики.

К промежуточным («текущим») решениям, как мы определились, следует относить решения суда, выносимые на этапах подготовки и проведения судебного разбирательства, а также непосредственно после его завершения, но до окончания производства в суде соответствующей инстанции, не касающиеся разрешения основного вопроса по судебному делу, а предназначенные для урегулирования частных, в основном процедурных (но не только) вопросов. Посредством принятия этой категории актов суд решает локальные, (промежуточные) задачи

судебного производства: подготовительные, организационные, обеспечительные, познавательные и другие, без выполнения которых невозможно осуществить основной правоприменительный акт на условиях законного и справедливого правосудия. Все они выносятся в единой процессуальной форме, имеющей номинальную градацию по наименованию на постановления и определения в зависимости от количественного состава суда (п. 23 и 24 ст. 5 УПК РФ).

Большинство промежуточных постановлений и определений суда, носящих вспомогательный характер и направленных на организацию судебного разбирательства и обеспечение надлежащих условий его проведения (например, о назначении судебного заседания, об отложении судебного заседания, об отводах, о назначении (допуске) защитника, о приводе, об удовлетворении или отклонении заявленного стороной ходатайства и др.) достаточно стандартны и имеют единообразное применение при осуществлении различных видов (форм) уголовного правосудия. Процессуальный закон не устанавливает различий в порядке принятия однородных промежуточных решений для разных судебных производств, а судебная практика издавна унифицировала его, распространив процессуальную форму принятия промежуточных судебных решений, установленную для производства по уголовному делу, на принятие аналогичных решений при рассмотрении как судебно-контрольных дел, так и дел по вопросам, связанным с исполнением приговора, а также вопросам реабилитации и возмещения вреда, причем независимо от стадии судебного производства. Данное обстоятельство позволяет при исследовании типовой модели принятия промежуточных решений суда абстрагироваться от характера судебного дела (вида судебного производства).

Основными моментами в судебной процедуре принятии промежуточного решения в любом судебно-уголовном производстве видятся: а) возникновение или постановка правового вопроса, требующего судебного решения; б) подготовка решения; в) вынесение решения судом.

В отличие от процесса принятия основных (итоговых) решений, который, как и все судебное производство, обусловлен процессуальным обращением в суд

инициативной стороны (по уголовному делу – стороны обвинения), принятие промежуточных решений может быть инициировано как любой из сторон, так и самим судом (судьей)[1].

В первом случае сторона реализует свое дискреционное право путем обращения к суду с письменным или устным ходатайством (статьи 119 и 244 УПК РФ), в котором ставит перед судом юридический вопрос и обосновывает необходимость его разрешения. Ходатайство – один из основных процессуальных инструментов стороны, которым стороны активно пользуются в качестве средства отстаивания своих интересов в судебном производстве. По направленности (существу поставленного перед судом вопроса) ходатайства сторон, а, следовательно, и принимаемые по ним позитивные решения суда в первом приближении могут классифицироваться на следующие группы: ходатайства, связанные с порядком проведения судебного разбирательства; ходатайства, связанные с определением круга участников судебного производства и их статуса; ходатайства, связанные с движением судебного дела; ходатайства, связанные с порядком и содержанием процесса познания и доказывания, а также средствами доказывания; ходатайства, связанные с обеспечением и охраной прав и законных интересов участников судебного процесса; ходатайства, связанные с обеспечением эффективного исполнения участниками процесса своих обязанностей и реализацией ими предоставленных прав[2].

Получив (приняв) ходатайство заинтересованного участника уголовного производства, суд проверяет, когда это не очевидно, законность процессуального повода и устанавливает наличие правовых оснований для принятия

---

[1] Здесь необходимо уточнить, что УПК РФ предусматривает ряд промежуточных решений, которые не могут быть приняты по собственной инициативе суда, а обусловлены исключительно позицией сторон (например, о вызове дополнительных свидетелей обвинения, о рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства, об оглашении показаний подсудимого, данных ранее в суде или при производстве предварительного расследования).

[2] См.: Алексеев А. Г. Вопросы теории и практики заявления, рассмотрения и разрешения ходатайств в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Барнаул, 2005. С. 17–19; Хайдаров А. А. Проблемные вопросы заявления сторонами ходатайств и их рассмотрения в ходе судебного следствия // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 3. С. 243–244.

затребованного стороной решения. При этом подготовка решения, принятие которого предложено в судебном заседании, может сопровождаться выполнением необходимых судебно-следственных или иных процессуальных действий, но в любом случае она организовывается и проводится председательствующим при участии (желательно активном) других сторон и обязательно включает в себя обсуждение заявленной инициативы другими участвующими в судебном заседании сторонами (ч. 2 ст. 271 УПК РФ). Последнее требование обусловлено действием в судебном производстве начал состязательности и равноправия сторон (статьи 15 и 244 УПК РФ). Только после этого суд вправе вынести решение по ходатайству.

Указанный порядок распространяется и на ходатайства, поступившие до начала судебного заседания, и во время перерыва в судебном заседании, и между судебными заседаниями, проводимыми в ходе разбирательства по одному и тому же делу[1]. Решения же по ходатайствам, поступившим до назначения судебного заседания, т. е. в порядке статей 228 и 231 УПК РФ, если при этом не требуется проведение судебного заседания для решения вопроса о мере пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога или запрета определенных действий либо вопроса о продлении срока ареста на имущество (части 2 и 3 ст. 228 УПК РФ) принимаются судьей в рамках единого сложносоставного (комплексного) постановления о назначении судебного заседания, выносимого судьей вне заседания и без участия (присутствия) сторон.

Во втором случае, по собственному почину, суд выносит решение в силу прямого указания закона, исполняя обязанность по принятию решения в процессуальной ситуации, обнаружившей наступление предусмотренных законом правовых оснований и условий такого решения (например, постановление или определение о направлении дела по подсудности, о самоотводе, о привлечении к

[1] Исключение составляет только постановление о возобновлении производства по приостановленному делу, которое выносится судьей вне заседания (судебного разбирательства), поскольку последнее не может быть начато (продолжено) по приостановленному производству без его предварительного возобновления и назначения судебного заседания.

участию в деле гражданского ответчика, о приостановлении или возобновлении производства по делу), либо используя на основе собственного усмотрения, но опять же при наличии законных оснований и соблюдении процедурных и прочих правовых условий, предоставленное законом правомочие на принятие решения (например, постановления или определения о применении к участнику судебного заседания мер процессуального воздействия за нарушение порядка судебного заседания о направлении запроса в Конституционный Суд РФ, частное постановление или определение).

Ни одно судебное постановление (определение), в том числе промежуточное, не может быть принято произвольно, для каждого из них установлены правовые основания и условия, которые либо прямо прописаны в статьях УПК РФ, регулирующих назначение и содержание конкретного вида решений[1], либо выводятся из иных правовых предписаний или совокупности норм общего действия, определяющих смысл, характер и назначение той или иной разновидности решений уголовного суда. Правоприменительный характер судебного решения непременно требует установления в конкретной процессуально-правовой ситуации этих оснований, которые выражаются в наличии обстоятельств, входящих в гипотезу процессуальной нормы, диспозиция которой предписывает или предоставляет суду право принять решение. Отсюда вытекает общая закономерность присутствия в любой модели принятия судебного решения этапа выявления и проверки фактических и юридических оснований решения, названного нами применительно к принятию промежуточных решений подготовкой решения.

---

[1] В количественном отношении таких промежуточных (вспомогательных и дополнительных) решений в уголовном судопроизводстве меньшинство. Например, решения суда: о приводе (ст. 113 УПК РФ), о выделении уголовного дела (ст. 239.1 УПК РФ), о проведении закрытого судебного разбирательства (ст. 241 УПК РФ), об избрании, изменении, отмене, продлении меры пресечения (ч. 2 ст. 256 в сочетании со статьями 96–110 УПК РФ); постановления председательствующего: о роспуске коллегии присяжных заседателей ввиду тенденциозности ее состава (ст. 330 УПК РФ), о роспуске коллегии присяжных заседателей и направлении уголовного дела на новое рассмотрение иным составом суда со стадии предварительного слушания (ч. 5 ст. 348 УПК РФ), о прекращении рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей и направлении его для рассмотрения судом в порядке, установленном главой 51 (ч. 2 ст. 352 УПК РФ) и др.

Данный этап принятия судом промежуточного решения, особенно сугубо процедурного, разрешающего стандартную для разбирательства дела ситуацию (процедурный вопрос), может быть весьма быстротечен и малозаметен, не выражаться в отдельных действиях познавательного и проверочного характера, а ограничиваться только выслушиванием контраргументов и (или) оценкой уже полученной и изученной судом и сторонами информации, но всегда присутствует и обязательно реализуется судом.

Обращаясь к процедуре непосредственного вынесения судом промежуточных решений, отметим, что в отличие от итоговых судебных решений, для каждого из которых обязательна письменная форма, для промежуточных решений, независимо от существа дела, рассматриваемого в порядке уголовного судопроизводства, установлен дифференцированный порядок их вынесения. Определенная часть постановлений и определений, прямо указанных в законе, выносится в строго письменной форме в виде отдельного процессуального документа, а если решение принимается в ходе судебного заседания, то и с его обязательным постановлением и изготовлением в совещательной комнате, а остальная, более значительная, часть решений выносится в альтернативном порядке: либо письменно либо устно, по усмотрению суда (ч. 2 ст. 256 УПК РФ).

Порядок вынесения промежуточного судебного решения в письменной форме аналогичен процедуре вынесения основного (итогового) решения по делу и разделяется на стандартные последовательные этапы, о которых речь пойдет в следующей главе диссертации. «Устные» или «протокольные» решения, как известно, выносятся судом открыто, непосредственно в судебном заседании, путем совещания судей «на месте», при этом в письменной форме решение не составляется, а его наименование и суть после провозглашения фиксируется секретарем судебных заседаний в протоколе судебного заседания посредством соответствующей записи (п. 7 ч. 3 ст. 259 УПК РФ).

Как показывает практика уголовного правосудия, в устной форме принятия судом промежуточных решений кроется ряд серьезных проблем, связанных с

обеспечением как процессуальных прав участников судопроизводства и основополагающих прав личности, так и правосудностью и исполнимостью этих решений.

Во-первых, законодатель не предусмотрел такие обязательные случаи письменного изготовления промежуточных решений, когда судебное решение направляется для исполнения другим органам власти, организациям, учреждениям, должностным лицам (о направлении дела по подсудности, о розыске подсудимого, о приводе, о доставлении (этапировании) в судебное заседание обвиняемого или свидетеля, о применении иных мер процессуального принуждения, а также частные постановления и определения суда). Исполнение подобных решений, вынесенных в устной (протокольной) форме, очевидно неосуществимо, и потому по сложившейся судебной практике их принятие сопровождается изготовлением отдельного процессуального акта и, следовательно, происходит не в зале судебного заседания, а в совещательной комнате.

Во-вторых, исходя из общих правовых требований правосудности судебного решения (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), любое постановление и определение суда, а, следовательно, и вынесенное в устной (протокольной) форме, должно быть обоснованным и мотивированным. Несоблюдение этих нормативных предписаний, как правило, влечет нарушение иных принципов судопроизводства, ущемление уголовно-процессуальных и личностных прав участников судебного разбирательства: права на судебную защиту, на доступ к правосудию, на справедливое судебное разбирательство, на обжалование судебного решения и другие. Согласно указанным нормативно-правовым требованиям, предъявляемым к судебным решениям, судья (председательствующий) обязан не только объявить результирующую часть устного решения суда, но и сообщить присутствующим мотивы и основания, как фактические так и юридические, и при необходимости разъяснить суть такого решения, а секретарь судебного заседания – занести все объявленное судьей в протокол судебного заседания, не ограничиваясь широко

используемой на практике шаблонной записью «постановление вынесено и оглашено».

На практике судьи не часто прибегают к письменной форме решения тогда, когда закон разрешает ограничиться его устным провозглашением[1]. Между тем при объявлении устного решения суду нередко весьма затруднительно «на ходу» в достаточной степени четко и полно обосновать и мотивировать принятое решение, а иногда и сформулировать его суть. Невнятное же оглашение решения затрудняет правильное его восприятие и понимание участниками судебного процесса, а секретарю судебного заседания – и точное отражение решения в протоколе судебного заседания.

Участники судопроизводства и наблюдатели зачастую сталкиваются с ситуациями, когда судьи значительно сокращают эту и без того упрощенную процедуру вынесения устных решений. В юридической печати присутствует немало примеров немотивированности и произвольности устных (протокольных) решений по уголовным делам, особенно по важным для сторон и исхода дела вопросам, связанным с истребованием и исследованием доказательств[2]. Ознакомление с реальными протоколами судебных заседаний подтверждает наличие этой проблемы[3]. В них в лучшем случае содержатся записи типа «суд, совещаясь на месте, постановил …», после которых указывается суть решения,

---

[1] По данным М. В. Пальчиковой, исследовавшей 510 протоколов судебных заседаний по уголовным делам, в 92% случаев постановления и определения выносились в устной форме с их отражением в протоколе судебного заседания (См.: Пальчикова М. В. Определения и постановления первой инстанции в российском уголовном процессе. С. 95).

[2] См.: Васяев А. А. Немотивированный отказ суда и судьи удовлетворить заявленное участниками процесса ходатайство - нарушение принципа законности в уголовном судопроизводстве // Портал «Мудрый юрист» [Электронный ресурс]. URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/24464-nemotivirovannyj-otkaz-suda-sudi-udovletvorit-zayavlennoe-uchastnikami (дата обращения: 10.02.2022); Пальчикова М. В. Недобросовестность рассмотрения ходатайств участников судебного разбирательства как основная проблема современного уголовного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 163–168.

[3] М. В. Пальчикова в своей монографии приводит данные о немотивированности большинства принимаемых в устной форме решений, в частности, указывает, что в 98% изученных протоколов судебных заседаний устные решения суда сводились к констатации удовлетворения или отказа в удовлетворении заявленного ходатайства без каких-либо пояснений и мотивирования (Пальчикова М. В. Определения и постановления первой инстанции в российском уголовном процессе. С. 97–98).

либо приводится формулировка принятого решения без какого-либо обоснования, и очень редко – ссылка на конкретную норму закона. Содержание таких протоколов свидетельствует, что судья (председательствующий) не утруждал себя какими-либо разъяснениями решения, принятого в устной форме. С другой стороны, возможны и встречаются на практике случаи безосновательных упреков в адрес судебных органов в необоснованном постановлении (определении), проверить и опровергнуть которые затруднительно ввиду отсутствия в протоколе судебного заседания достаточной мотивировки оспариваемого решения.

Сложность полноценного мотивирования устных решений и отражения мотивировки (обоснования) в протоколе судебного заседания вполне понятна судам вышестоящих инстанций – эти суды сами принимают подобные решения в ходе собственного рассмотрения дела – и учитывается ими при проверке промежуточных решений нижестоящих судов, как впрочем и тот факт, что статьи 256 и 259 УПК РФ не обязывают при вынесении устного постановления или определения указывать мотивы принятия решения в протоколе судебного заседания. При таком положении обоснованность принятого решения устанавливается (проверяется) вышестоящей судебной инстанцией на основе содержащейся в материалах дела информации о предшествующих решению процессуальных действиях и иных фактических данных, юридически значимых для принятого решения, а формальная немотивированность («внешняя необоснованность») решения зачастую попросту игнорируется.

Данная проблема в определенной степени нивелирована введением с 1 сентября 2019 г. обязательного аудиопротоколирования заседаний судов первой и апелляционной инстанций (ст. 259 УПК РФ в редакции Федерального закона от 29.07.2018 г. № 228-ФЗ[1]), однако не ликвидирована полностью и, утратив прежнюю остроту, продолжает сохраняться в следующих аспектах: а) закон не обязывает вести протоколирование с использованием средств аудиозаписи в кассационном и надзорном производствах, которые также включают в себя

[1] Федеральный закон от 29.07.2018 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 4817.

вынесение устных постановлений (определений) в ходе судебного заседания; б) аудиозапись стимулирует судей к устному обоснованию (объяснению на публике мотивов) принятого «на месте» решения и включения объявленной мотивировки в протокол судебного заседания, но не устраняет сложность фактического исполнения этих действий.

На актуальность обозначенных проблемных аспектов судебного правоприменения указывают результаты проведенного соискателем опроса 180 судей из 22 регионов Российской Федерации, осуществляющих уголовное судопроизводство. На вопрос, существуют ли на практике и, если да, то в чем выражаются проблемы обоснования и мотивирования устных постановлений и определений, выносимых в судебном заседании без удаления в совещательную комнату, значительная часть судей (44,4%) подтвердила, что такие проблемы существуют, и указала, что они связаны со сложностью устного формулирования оснований принятого решения (27,8% от числа опрошенных судей) или объяснения оснований и мотивов принятого решения участникам судебного заседания при его провозглашении (7,8%), а также с адекватным отражением в протоколе судебного заседания оснований и мотивов принятого в устной форме решения (8,9%). Примечательно также, что более 9,4% судей считают, что «устные решения не требуют обоснования и мотивирования»[1]. Такая позиция указывает на наличие изъянов в правовом сознании и воззрении части судейского корпуса, т. е. дополнительного, субъективного фактора, препятствующего надлежащей реализации правовой модели принятия текущих, вспомогательных судебных решений.

При таких условиях может показаться единственно верным полный отказ от устных (протокольных) решений, однако такой, казалось бы, легкий путь устранения проблемы представляется неприемлемым. Большинство промежуточных решений, принимаемых в ходе судебных разбирательств

[1] Бурмагин С. В. Специфика принятия вспомогательных (текущих) судебных решений в уголовном процессе // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 2. С. 13.

различного рода дел, не носят спорного характера, касаются простых процедурных вопросов, и требовать от суда по каждому из них удаляться в совещательную комнату и составлять письменное решение совершенно нерационально. Очевидно, что такой поворот в развитии уголовного правосудия не будет оправдан ни с позиции процессуальной экономии, ни с точки зрения оперативности процесса и соблюдения права на разумный срок уголовного судопроизводства. Следовательно, выход видится в развитии дифференцированного подхода к уголовно-процессуальному порядку принятия промежуточных решений, выработке на его основе и закреплении в судебной практике обращенных к судьям методологических рекомендаций по выбору формы промежуточного решения и критериев такого выбора, которые целесообразно изложить в соответствующих, профильных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ[1].

О том, что такие рекомендации необходимы и были бы полезны судьями, высказалось более половины (56,1%) опрошенных нами респондентов (судей), при этом, что любопытно, 40% из них – судьи, которые на предыдущий вопрос отрицали наличие проблем обоснования и мотивирования устных постановлений (определений).

На наш взгляд выносить в судебном заседании промежуточное решение в письменной форме: а) обязательно в случаях, когда законом допускается обжалование промежуточного постановления (определения) отдельно от обжалования итогового решения по делу[2] (ст. 389.2 УПК РФ), в частности, затрагивающие права граждан на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки и препятствующие дальнейшему движению дела, а также когда решение существенным образом затрагивает конституционные права и свободы

[1] Например, в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 г. № 51«О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» и от 27.11.2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции».

[2] В подобных случаях арбитражный и административный процессуальные законы прямо предписывают суду первой инстанции выносить промежуточное (текущее) определение в виде отдельного судебного акта (ч. 3 ст. 184 АПК РФ, п. 1 ч. 3 ст. 198 КАС РФ).

личности либо ограничивает процессуальные права сторон; б) необходимо, когда принимаемое решение подлежит направлению для исполнения другим органам власти, организациям, учреждениям, должностным лицам; в) целесообразно, когда по заявлению, ходатайству или нескольким ходатайствам сторон разрешается сложный процессуальный вопрос или комплекс таких вопросов, требующих от судьи (судей) для их правильного разрешения оценки доказательств, дополнительного изучения материалов дела, обдумывания и обсуждения решения, его серьезного обоснования и мотивирования, что по понятным причинам затруднительно осуществить в устной форме в зале судебного заседания.

В устной форме принятие решений в ходе судебных заседаний должно допускаться по несложным, процедурным вопросам, разрешение которых не требует от суда основательной аргументации. Такие решения должны быть доступны для понимания участникам процесса «на слух», т. е. при прослушивании их устного провозглашения, а их суть и мотивы принятия – достаточно просты и очевидны.

Несмотря на отсутствие в законе прямого предписания мотивировать устные (протокольные) постановления и определения, данное требование не может быть поставлено под сомнение в силу нормы общего действия (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), оно также вытекает из содержания права на справедливое судебное разбирательство и подтверждено соответствующим разъясняем Пленума Верховного Суда РФ (п. 6 постановления от 19.12.2017 г. № 51).

Для более четкого нормативного выражения требования мотивированности устных (протокольных) постановлений и определений, однозначного восприятия его судебными органами и единообразной реализации при осуществлении правосудия представляется необходимым закрепление в уголовно-процессуальном законе правовых положений, аналогичных тем законодательным установлениям (ст. 225 ГПК РФ, ст. 199 КАС РФ, ч. 2 ст. 185 АПК РФ), которые во всех иных видах правосудия (формах судопроизводства) обязывают суд указывать в протокольных определениях: *вопрос*, о котором выносится

определение, *мотивы*, по которым суд пришел к своим выводам, *ссылку на законы* (и иные нормативные правовые акты), которыми суд руководствовался, и судебное постановление (*вывод* по результатам рассмотрения вопроса).

В свете изложенного заслуживают внимания и поддержки ранее высказанные рядом авторов (В. А. Азаровым, В. А. Константиновой, М. В. Пальчиковой и др.[1]) предложения: о включении в ст. 256 УПК РФ норм, устанавливающих элементы (пункты) содержания промежуточных постановлений и определений суда и выделяющих те содержательные элементы, которые обязательны для устных (протокольных) решений суда; о дополнении ст. 259 УПК РФ положением об обязательном указании в протоколе судебного заседания мотивов, по которым принято устное (протокольное) решение (от себя добавим: и правовых норм, на которых решение основано); о внесении в ст. 271 УПК РФ требования об обязательном мотивировании судом решений, принимаемых по результатам рассмотрения заявленных сторонами ходатайств.

Исследовав природу и свойства судебного решения как правового феномена и главного (основного) элемента системы уголовного правосудия, рассмотрев типологию и процесс принятия судебных решений через призму единства и дифференциации судебно-уголовного производства, в качестве ***основных выводов*** можно констатировать следующее.

1. Судебные решения являются ключевым компонентом деятельности по осуществлению правосудия, в них раскрывается смысл и проявляются существенные признаки того или иного судебного производства и уголовного правосудия в целом. Посредством решений в судебно-уголовных производствах

---

[1] Константинова В. А. Мотивированность устных определений и постановлений уда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 4. С. 243; Азаров В. А., Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам: монография. М., 2013. С. 151; Пальчикова М. В.: 1) Определения и постановления суда первой инстанции в российском уголовном процессе. С. 101; 2) Недобросовестность рассмотрения ходатайств участников судебного разбирательства как основная проблема современного уголовного процесса. С. 167–168; Савченко С. Х. Разрешение ходатайств как способ исправления процессуальных ошибок, совершенных при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции в ходе судебного разбирательства // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 2 (57). 2015. С. 29.

реализуются властные полномочия и функции уголовного суда, а через них – задачи и назначение уголовного правосудия применительно к конкретному судебному производству.

2. Судебное решение в уголовном процессе представляет собой вынесенный в установленной законом процессуальной форме правоприменительный акт суда, содержащий основанные на праве и установленных фактических обстоятельствах дела выводы по рассмотренному в порядке уголовного судопроизводства юридическому делу или отдельному правовому вопросу и вытекающие из этих выводов властные волеизъявления суда о действиях, направленных на достижение целей уголовного правосудия.

Являясь разновидностью уголовно-процессуальных решений, судебное решение обладает общими, характерными для этих правовых актов признаками, но в то же время и свойственными только актам судебной власти чертами, в том числе обретает законную силу – правовое состояние, при котором полностью активируются внешние свойства судебного решения как особого государственно-властного акта индивидуального регулирования: исключительность, общеобязательность, исполнимость, преюдициальность и неопровержимость.

3. Судебное решение является олицетворением не только деятельности суда по отправлению правосудия, но и результата этой деятельности, поэтому должно аккумулировать в себе и проявлять вовне все основные свойства уголовного правосудия, что означает – быть правосудным.

Правосудность является комплексной качественной характеристикой судебного решения в уголовном процессе и определяется через соответствие судебного решения правовым требованиям (условиям) законности (правомерности), обоснованности, мотивированности и справедливости, соблюдение которых обеспечивает надлежащее осуществление уголовного правосудия и достижение его целей по конкретному делу.

4. Значение отдельных видов судебных решений различно, детерминировано их целевым назначением и той ролью, которую они выполняют

в общей деятельности по отправлению уголовного правосудия и достижении ее конечных целей, и является одним из оснований их классификации.

В современной научной типологии решений уголовного суда важную роль играют закрепленные в УПК РФ понятия итогового и промежуточного судебных решений, которые нуждаются в существенной корректировке по содержанию и объему охватываемых ими судебных актов, поскольку в использованной законодателем формулировке не учитывают факт присутствия в уголовном процессе иных, помимо уголовного дела, судебных производств.

Наличие самостоятельных («неосновных», дополнительных) судебных производств в качестве отдельных структурных образований общей системы уголовного правосудия с неизбежностью детерминирует постановление по результатам судебного разбирательства по каждому поступившему в суд процессуальному обращению, содержащему требование судебной защиты права или законного интереса, финального решения, которое разрешает основной вопрос судебного дела или иным образом заканчивает рассмотрение дела по существу.

Общими отличительными признаками итоговых решений в любом обособленном судебном производстве является то, что эти решения: 1) разрешают по существу основной вопрос судебного производства по конкретному процессуальному обращению и завершают рассмотрение соответствующего судебного дела в определенной судебной инстанции; 2) постановляются в совещательной комнате и выносятся исключительно в письменной форме в виде отдельного процессуального акта: приговора, постановления, определения, заключения; 3) свободно обжалуются в установленном законом порядке в вышестоящую судебную инстанцию независимо от иных судебных решений.

5. Для каждого единичного вида судебных производств (производственного модуля) предусмотрен необходимый для его успешного осуществления комплекс судебных решений, который представляет собой синтез взаимосвязанных между собой процессуальных решений суда, нацеленных на разрешение юридических дел, рассматриваемых судом в том или ином судебном производстве. Каждый

комплекс в обязательном порядке включает уникальный набор основных (итоговых) решений суда, нормативно установленных для определенного вида производств, и объединяет его с комплектом вспомогательных (промежуточных) решений, как универсальных (в составе стандартных судебных процедур), так и особенных, встречающихся только в отдельных производствах.

6. Процедура принятия судебного решения и акт судебного правоприменения соотносятся как форма и содержания единого явления. В связи с этим рассмотрение конкретного судебного дела в определенной инстанции можно представить как объединение взаимосвязанных, последовательно выстроенных единичных (микро)правоприменительных актов суда по вспомогательным (текущим, промежуточным) вопросам и основного (макро)правоприменительного акта, образующих в совокупности правоприменительный цикл, направленный на разрешение главного правового вопроса рассматриваемого дела и индивидуальное урегулирование спорного правоотношения. Последовательность правоприменительных циклов образует единый правоприменительный процесс, который соответствует целому (полному) производству по отдельному судебному делу, рассматриваемому в порядке уголовного судопроизводства.

7. Обобщенным и наиболее значимым для вариативности принятия судебных решений фактором является дифференциация судебных решений по их функционально-целевому назначению, по видам уголовно-процессуальной деятельности суда или соответствующих судебных производств, для которых предназначены решения, а также по отношению к главному (основному) вопросу рассматриваемого судом дела. На основе данных критериев различаются: а) модели принятия итоговых и промежуточных судебных решений; б) модели принятия основных судебных решений, завершающих различные виды судебных производств; в) модели принятия промежуточных решений по порядку (форме) их вынесения.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
"Волгоградский государственный университет"

На правах рукописи

Бурмагин Сергей Викторович

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЕДИНСТВА УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ И ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТИ СУДЕБНЫХ ПРОИЗВОДСТВ

Специальность 5.1.4. – Уголовно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени доктора юридических наук

Том II

Научный консультант:
заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ
доктор юридических наук, профессор
Гаврилов Борис Яковлевич

Волгоград 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том II

Глава 4. Типы и виды судебных производств, их назначение и содержание…3

§ 1. Основное судебное производство (по уголовному делу) и его разновидности. ……..3

§ 2. Судебно-контрольные производства и их роль в системе уголовного правосудия…….34

§ 3. Судебно-исполнительные производства: назначение и предметно-содержательное многообразие……78

§ 4. Судебно-реабилитационные производства – необходимый правовосстановительный компонент системы уголовного правосудия 146

Глава 5. Особенности институционально-структурного и процедурного построения контрольных, исполнительных и реабилитационных судебных производств…….172

§ 1. Специфика состязательных конструкций различных типов судебных производств……..173

§ 2. Особенности познавательно-доказательственной деятельности по судебным делам, рассматриваемым в порядке контрольных, исполнительных и реабилитационных судебных производств……...203

§ 3. Некоторые структурно-процедурные особенности и недостатки регламентации «неосновных» судебных производств……227

Заключение ……260

Список сокращений……..277

Список использованных источников……279

Список иллюстративного материала ……..400

Приложения……401

Приложение № 1. Судебная статистика Российской Федерации……...401

Приложение № 2. Результаты социологического опроса (анкетирования)...413

ГЛАВА 4. ТИПЫ И ВИДЫ СУДЕБНЫХ ПРОИЗВОДСТВ, ИХ НАЗНАЧЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

§ 1. Основное судебное производство (по уголовному делу) и его разновидности

К основному типу судебных производств, совершаемых в порядке уголовного судопроизводства, относятся собственно производства по уголовным делам, главным признаком которых является их направленность на решение вопроса о наличии или отсутствии уголовно-правового отношения и его содержания[1]. Это, безусловно, базовые, системообразующие судебные производства как по их месту в уголовном процессе, так и по роли в достижении общего назначения (целей) уголовного судопроизводства. Они охватывают центральную стадию уголовного процесса – судебное разбирательство уголовного дела в суде первой инстанции – и позволяют не только установить факт совершения деяния, запрещенного уголовным законом, или его отсутствие, но и решить вопрос об уголовной ответственности и применении наказания и (или) иных мер уголовно-правового характера к лицу, совершившему это деяние.

К уголовным делам относятся: а) дела по обвинению лица в совершении преступления, поступившие в суд с обвинительным заключением, обвинительным актом или обвинительным постановлением; б) дела о применении принудительных мер медицинского характера; в) дела по ходатайствам о применении к несовершеннолетнему лицу принудительных мер воспитательного

[1] Трубникова Т. В. Теоретические основы упрощенных судебных производств. Томск, 1999. С. 28; Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. С. 58.

воздействия; г) дела по ходатайствам о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

В зависимости от характера (вида) рассматриваемого уголовного дела, определяемого в соответствии с предметным критерием, ***основные судебные производства подразделяются на следующие виды***:

- производства по обвинению лица в совершении преступления (главы 33–42, 45.1, 46, 47.1,48.1 и 49 УПК РФ) – *производства с обвинением*;
- производства по ходатайствам о применении принудительных мер медицинского характера (статьи 433–436 УПК РФ) – *производства по применению ПММХ*;
- производства по ходатайствам о применении к несовершеннолетнему лицу принудительных мер воспитательного воздействия (части 1–2 ст. 427 УПК РФ) – *производства по применению ПМВВ*;
- производства по ходатайствам о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (статьи 446.1 – 446.2 УПК РФ) – *производства по назначению судебного штрафа*.

Судебные производства по рассмотрению уголовных дел, особенно дел с предъявленным обвинением, наиболее сложные и многоэтапные, имеют более длительное по времени и объемное по содержанию судебное разбирательство, требующее продолжительной и тщательной подготовки, что обусловлено более обширным предметом доказывания и широким кругом разрешаемых в итоговом решении правовых вопросов (ст. 299 УПК РФ и др.). Соответственно, и задачи суда в уголовном деле и круг полномочий для их реализации имеют значительно больший диапазон в сравнении с иными типами судебных производств.

Главными *задачами* суда в производстве по уголовному делу являются: установление факта (или его отсутствие) и обстоятельств уголовно-наказуемого деяния, разрешение вопроса о виновности лица, причастного к совершению деяния, и его наказании либо освобождении от уголовной ответственности и применении иных мер уголовно-правового характера.

Объектами судебной защиты в основных судебных производствах выступают, с одной стороны, права и законные (публичные и частные) интересы, нарушенные вследствие общественно-опасного деяния (преступления), с другой – права и законные интересы лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу, и прежде всего лиц, подвергнутых уголовному преследованию.

Предметом судебного производства по уголовному делу (предметом судебного рассмотрения) является облеченное в установленную процессуальную форму утверждение стороны обвинения о совершении конкретным лицом, дело в отношении которого передано в суд, общественно-опасного (преступного) деяния и требование о признании его виновным и наказании либо о применении к этому лицу иной меры уголовно-правового характера.

В качестве характерной черты основных судебных производств можно выделить превалирование в их «материально-правовой базе» норм уголовного права. Хотя при разрешении связанных с рассмотрением уголовного дела вопросов о гражданском иске, вещественных доказательств, судебных издержках, мерах процессуального принуждения суд применяет иные (как материальные, так и процессуальные) правовые нормы, основное судебное правоприменение направлено на широкую и полную реализацию уголовно-правовых предписаний.

Следует отметить также, что уголовно-процессуальный закон наиболее полно и детально регламентирует именно основное судебное производство (по уголовному делу), для которого установил так называемый общий порядок производства по уголовному делу в суде первой инстанции (раздел IX УПК РФ), основные процедурные правила и процессуальные условия которого имеют распространение на все виды основных судебных производств. В частности, основные производства структурированы более явственно и определенно, в них разделяются подготовка к судебному заседанию и собственно судебное разбирательство, которое имеет четко выраженные этапы, регулируемые отдельными главами 36 – 39 УПК РФ.

В отличие от иных типов судебных производств, процедурные особенности которых анализируются в следующих разделах диссертации, производство в суде

первой инстанции по уголовному делу инициируется и тем самым возбуждается исключительно стороной обвинения в лице органа уголовного преследования (прокурора, следователя, дознавателя) или частного обвинителя (потерпевшего, его законного представителя) посредством направления в суд соответствующего процессуального обращения-требования: обвинительного заключения, акта или постановления (статьи 222, 226, 226.8 УПК РФ), заявления по делу частного обвинения (ст. 318 УПК РФ), постановления о возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 429 УПК РФ), постановления о направлении уголовного дела в суд для применения к лицу принудительных мер медицинского характера (ст. 439 УПК РФ), постановления о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении обвиняемого (подозреваемого) и назначении ему судебного штрафа (ст. 446.2 УПК РФ).

В любом производстве по уголовному делу всегда присутствуют и осуществляют свои функции сторона обвинения и сторона защиты, судебное состязание происходит только между ними. Даже если первая не выдвигает перед судом обвинение (по делам о применении принудительных мер медицинского характера) либо ходатайствует перед судом об освобождении виновного лица от уголовной ответственности (по делам о применении принудительных мер воспитательного воздействия и делам о назначении судебного штрафа), она в любом случае уличает перед судом конкретное лицо в совершении деяния, запрещенного уголовным законом, и доказывает суду необходимость применения принудительных мер уголовно-правового характера.

В структуре основного типа судебных производств в количественном соотношении преобладает рассмотрение уголовных дел с предъявленным обвинением, которые, как следует из данных судебной статистики, стабильно составляют более 90% от общего числа рассматриваемых судами первой инстанции уголовных дел. Так, в 2021 г. судами общей юрисдикции Российской Федерации по первой инстанции окончено: 740 980 производств по уголовным

делам, поступившим в суд с предъявленным обвинением, что составило 96% от общего количества рассмотренных уголовных дел; 8019 производств по делам о применении ПММХ (1%); 2275 производств по делам о применении ПМВВ (0,3%) и 20 949 производств по назначению судебного штрафа (2,7%) (*см. приложение № 1, таблица 4*).

В научной литературе высказано суждение, как представляется, не совсем верное, что применение принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ) является особым производством и не относится к рассмотрению уголовных дел[1]. Возражая против данной позиции, нельзя не обратить внимание на формально-процедурную сторону организации и функционирования этих производств. Подсудность дел о применении ПММХ определяется по общим правилам подсудности уголовных дел, установленным в статье 31 УПК РФ (п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 г. № 6)[2]. В процессуальных нормах, регламентирующих порядок производства о применении ПММХ (глава 51 УПК РФ), расследуемые и рассматриваемые дела именуются не иначе как *уголовные дела*. Из содержания этих норм однозначно явствует, что в рамках этого производства в суд поступает ничто иное, как *уголовное дело* с постановлением о направлении его в суд для применения принудительных мер медицинского характера (части 4 и 5 ст. 439 УПК РФ), что в судебном разбирательстве рассматривается именно *уголовное дело* (ст. 441 УПК РФ), по результатам которого судом принимается решение *по уголовному делу* (ст. 442 УПК РФ).

Аналогичным образом, как производство по уголовному делу, законодатель определяет и производства по применению принудительных мер воспитательного

---

[1] Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. С. 65–68; Солодилов А. В. Судебный контроль в системе уголовного процесса России. С. 32–33; Аббасова Ф. М. Теоретические основы дифференциации производств в уголовном процессе в контексте системы особых производств по Уголовно-процессуальному кодексу Азербайджанской республики. С. 33; Пупышева Л. А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса … С. 134–136.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» (в редакции от 03.03.2015) // БВС РФ. 2011. № 7.

воздействия (ч. 1 ст. 427 УПК РФ), и производства о назначении судебного штрафа (глава 51.1 УПК РФ), по которым вместе с ходатайством следователя (дознавателя) на рассмотрение суда поступают все материалы уголовного дела.

В отличие от других типов судебных производств рассмотрению уголовных дел в суде предшествует предварительное (досудебное) производство, которое по всем выделенным нами видам уголовных дел на стадии возбуждения дела и начальных этапах его расследования выполняется в одинаковом объеме, протекает в единой процессуальной форме и только в последующей, как правило, завершающей фазе (с момента установления у подозреваемого лица психического заболевания или состояния, являющегося основанием для применения принудительных мер медицинского характера, либо с момента формирования убеждения о возможности освобождения виновного лица от уголовной ответственности с применением иных мер уголовно-правового воздействия) начинает обретать элементы дифференциации, проявляющиеся помимо прочего в различии завершающих расследование процессуальных документах, с которыми уголовное дело направляется в суд.

Таким образом, даже с формальной стороны наличие предварительного этапа (досудебного производства), этого очевидного и неотъемлемого признака основного уголовного производства[1], позволяет относить все вышеперечисленные судебные производства к основному типу – производству по уголовному делу. Судебное рассмотрение вопроса о применении ПММХ, равно как и вопросов о применении принудительных мер воспитательного воздействия (далее – ПМВВ) и назначении судебного штрафа есть логическое и прямое продолжение предварительного (досудебного) производства по уголовному делу и составляет с последним единое целое.

Но главный, сущностный признак, объединяющий анализируемые судебные дела в категорию уголовных дел, – обусловленность судебно-уголовного производства свершившимся или предполагаемым общественно-опасным

[1] Исключение составляют производства по делам частного обвинения, которые возбуждены и рассмотрены мировыми судьями без предварительного расследования (в 2021 г. рассмотрено 5 462 таких дела).

деянием и вытекающая из этого обстоятельства потребность в установлении: а) факта общественно-опасного деяния и всех значимых обстоятельств его совершения; б) причастности к его совершению лица, в отношении которого ведется данное производство. Выяснение (установление или опровержение) указанных обстоятельств – необходимая предпосылка законного, обоснованного и справедливого разрешения поставленного перед судом основного вопроса рассматриваемого дела, имеющего, как и в уголовном деле с обвинением, уголовно-правовой характер.

Профессор Ю. К. Якимович полагает, что уголовное производство по применению принудительных мер медицинского характера не направлено на фиксирование уголовно-правового отношения, которое в этом случае якобы не возникает, но в тоже время признает, что данное производство «направлено на установление наличия общественно опасного деяния, его совершения определенным лицом и необходимости применения к этому лицу принудительных мер медицинского характера»[1]. Однако, выяснение этого круга вопросов есть ничто иное, как обнаружение и фиксация (установление) оснований применения уголовного закона (статей 21, 97 – 101 УК РФ), а, значит, и общественных отношений, регулируемых уголовно-правовыми нормами.

Уголовно-правовые отношения не являются однородными и возникают всякий раз, когда нарушается уголовно-правовой запрет, независимо от того, подлежит ли лицо, совершившее общественно-опасное деяние, уголовной ответственности или освобождению от нее, подвергается ли оно наказанию или иным мерам уголовно-правового характера. К числу последних уголовный закон прямо относит и принудительные меры медицинского характера, и судебный штраф (раздел 6 УК РФ), а уголовно-правовая доктрина – еще и принудительные меры воспитательного воздействия[2].

---

[1] Якимович Ю. К. Структура уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства // Якимович Ю. К. Избранные труды. СПб., 2011. С. 157.

[2] Гареев М. Ф. Цели иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения по российскому уголовному праву: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 88; Костюк М. Ф., Батанов А. Н., Посохова В. А., Калинина Т. М. Понятия и виды иных мер уголовно-правового

Кроме того, нельзя не учитывать, что в деле о применении ПММХ суд исследует все обстоятельства, входящие в обычный (общий) предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ), в том числе вопрос о виновности лица, в отношении которого ведется производство, так как постановление органа предварительного расследования не предопределяет вывод суда о его невменяемости или последующем психическом расстройстве, делающем невозможным назначение или исполнение наказания, и все обстоятельства дела подлежат проверке в ходе полноценного судебного разбирательства путем исследования всей совокупности собранных доказательств.

Решение об освобождении такого лица от уголовной ответственности или наказания суд принимает на основе собственного убеждения и в случае несогласия с органами предварительного следствия, а также в случае излечения лица, вопрос о вменяемости (или невменяемости) которого по причине психического расстройства не был разрешен до применения ПММХ, направляет дело прокурору для производства уголовного дела в обычном порядке (п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ). Здесь мы наблюдаем «переход» уголовного дела из одного вида в другой в рамках единого уголовного производства при том, что судебное производство как часть общего производства по делу будет завершено, и в случае возвращения уголовного дела в суд в новом качестве, то есть с обвинительным документом, возникнет заново в другой его разновидности.

Аналогичные «повороты» в процессуальном движении уголовного дела могут при определенных условиях происходить и в ходе производств по ходатайствам следователя (дознавателя) о применении к несовершеннолетнему ПМВВ и ходатайств о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа. Оба эти вида основных судебных производств не предполагают полного исследования доказательств и установления факта преступления и виновности

характера. М., 2011. С. 3, 126; Иногамова-Хегай Л. В. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и иные меры уголовно-правового характера // Общество и право. 2016. № 2. С. 100; Непомнящая Т. В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоведение. 2017. Т. 1. № 1. С. 114–121; Сундуров Ф. Р. Природа и проблемы систематизации мер в уголовном праве // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2018. Т. 160. кн. 2. С. 502.

обвиняемого (подозреваемого) непосредственно судом, однако предусматривают судебную проверку оснований для освобождения виновного лица от уголовной ответственности и применения к нему предложенных органом предварительного расследования мер уголовно-правового характера.

При отказе суда в удовлетворении таких ходатайств следователя (дознавателя) уголовное дело возвращается судом руководителю следственного органа или прокурору, то есть обращается к производству в обычном порядке в целях его дальнейшего расследования, по окончанию которого оно может вновь поступить на рассмотрение суда, но уже в ином качественном состоянии (как правило, в виде уголовного дела с обвинением), переводящим вновь возникающее по нему судебное производство в другой разряд основных производств. Подобные трансформации между разнотипными судебными производствами невозможны.

Не случайно, а очевидно с учетом предметной и сущностной однородности основных производств, дела о применении ПММХ, так же как и дела о применении ПМВВ и назначении судебного штрафа, по ведомственным регистрационным правилам и статистическим учетам, в том числе по правилам судебного делопроизводства и судебной статистики проходят (учитываются) именно как уголовные дела[1], и для установления такого порядка имеются указанные выше процессуальные и материально-правовые основания.

Итак, единый уголовно-правовой характер конфликта, лежащего в основе всех судебных дел, рассматриваемых в основных судебных производствах, предметно-целевое сходство и тождественность основных задач этих производств, их «родственное происхождение» из единого, им предшествующего предварительного производства по уголовному делу, и наконец, общая (уголовно-

---

[1] См.: Шклярук М. С. Траектория уголовного дела в официальной статистике: на примере обобщенных данных правоохранительных органов / Под ред. К. Д. Титаева, Э. Л. Панеях. М., 2014. С. 34 – 54.

Здесь следует уточнить, что в судебной статотчетности данные о рассмотрении судом в порядке ст. 427 УПК РФ ходатайств следователя (дознавателя) о применении к несовершеннолетнему на основании ст. 90 УК РФ принудительных мер воспитательного воздействия, включаются (на наш взгляд ошибочно) не в показатели рассмотрения уголовных дел, а учитываются отдельно в числе дел по представлениям, ходатайствам, жалобам (строка 19 раздел 4 Отчета о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции (Форма 1) Судебного Департамента при Верховном Суде РФ).

правовая) природа наказания и иных мер уголовно-правового характера, на применение которых направлен тот или иной вид производства по уголовному делу, указывают на *однотипность данных судебных производств*.

Разновидности основного производства, в которых суду не требуется принимать решение по предъявленному обвинению, определенным образом отличаются как между собой, так и от производства по уголовному делу с обвинительным заключением (актом, постановлением). Безусловно, каждый из видов основного судебного производства, проявляет присущие ему особенности, касающиеся специфики его предмета и конкретных задач, объема и содержания разрешаемых судом правовых вопросов, предмета доказывания и, как производное, диапазона и формата судебной деятельности по отправлению правосудия. Однако эти особенности, по нашему убеждению, не умаляют их сущностного сходства и однородного (уголовно-правового) характера разрешаемых в их рамках вопросов, поэтому кардинально не влияют на вывод об их принадлежности к одному типу судебных производств – *производству по уголовному делу.*

Согласно ч. 2 ст. 433 и ч. 1 ст. 441 УПК РФ судебное производство по применению ПММХ осуществляется в общем порядке, установленном уголовно-процессуальным законом для уголовных дел, с изъятиями, предусмотренными главой 51 УПК РФ. К особенностям судебного рассмотрения уголовных дел о применении ПММХ, вытекающим из положений указанной главы, можно отнести: а) особые правила участия в судебном заседании сторон: обязательное участие защитника; решение вопроса о личном участии лица, в отношении которого ведется производство, в зависимости от его психического состояния; привлечение к участию в деле законного представителя; б) оставление гражданского иска без рассмотрения[1]; в) специфический круг разрешаемых судом вопросов (ст. 442 УПК РФ); г) специальный перечень итоговых судебных решений в форме постановления (ст. 443 УПК РФ). Другие основные судебные

[1] п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера».

производства без обвинения в плане процедуры имеют более существенные отличия, которые заслуживают более пристального внимания.

Так, в юридической литературе высказаны мнения о том, что судебная деятельность по рассмотрению ходатайства о применении к несовершеннолетнему ПМВВ, в отношении которого органом предварительного расследования прекращено уголовное преследование, имеет признаки особого (контрольного) уголовного производства[1]. Схожая оценка дается и производству о применении судебного штрафа, когда утверждается, что оно осуществляется на досудебном этапе производства по уголовному делу[2]. Следует признать, что для подобных трактовок имеются определенные, заслуживающие внимания поводы, связанные с формальным отнесением (через название статьи 446.2 УПК РФ) деятельности суда по рассмотрению ходатайств о назначении судебного штрафа к досудебному производству, а также с процессуальными особенностями перехода (передачи) уголовных дел указанных видов в судебную стадию и упрощенным («усеченным») порядком их рассмотрения в судебном заседании, который по внешней форме приближен к судебно-контрольным производствам. Проанализируем эти моменты.

УПК РФ четко не определяет, подобно тому как это регламентировано для случаев направления в суд уголовного дела с обвинительным документом или с постановлением для применения принудительных мер медицинского характера (статьи 215, 225, 439 УПК РФ), что постановления следователей и дознавателей о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа, а равно и

---

[1] Отмечая наличие таких признаков, С. А. Косова, тем не менее, пришла к выводу, что судебная деятельность по рассмотрению материалов о применении принудительных мер воспитательного воздействия представляет дифференцированное (упрощенное) производство по уголовному делу (Косова С. А. Прекращение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2002. С. 8, 16).

[2] Погодин С. Б. Возможности развития особых производств в условиях российской модели состязательного уголовного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 1. С. 138; Ченцов В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа: теория, законодательство, правоприменение: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. С. 25–27.

ходатайства о применении к несовершеннолетнему ПМВВ означают лишь окончание предварительного расследования и являются формой передачи уголовного дела органу правосудия. При этом решение органа предварительного расследования о прекращении уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего, которое принимается одновременно с возбуждением ходатайства о применении ПМВВ и оформляется единым процессуальным актом, может создавать ложное впечатление о полном завершении основного уголовного производства.

В действительности в рассматриваемых вариантах, как и в случае направления уголовного дела в суд для применения ПММХ (ст. 439 УПК РФ), об окончании производства по уголовному делу не может быть и речи, поскольку его непосредственные задачи выполнены лишь частично: предварительно установлено преступное деяние и лицо, виновное по версии органа уголовного преследования в его совершении, произведена юридическая квалификация (опять же предварительная) действий этого лица, но не решен один из основных вопросов уголовного дела – вопрос об уголовной ответственности и наказании виновного либо освобождении его от уголовной ответственности и применении к нему иных мер уголовно-правового характера. Данный правовой вопрос (о применении тех или иных мер уголовно-правового характера) находится в исключительной компетенции органа правосудия (ч. 1 ст. 29 УПК РФ), и его разрешение требует направления уголовного дела для дальнейшего производства в судебный орган.

Таким образом, анализируемые судебные производства – по применению ПМВВ и назначению судебного штрафа – представляют собой не вновь возникшие («особые» или «дополнительные») и ведущиеся по отдельному предмету производства, а являются необходимым логическим продолжением производства по тому же уголовному делу, которое велось органом предварительного расследования до возбуждения перед судом соответствующего ходатайства.

Возможно, данный вывод представляется не столь очевидным применительно к производству о применении ПМВВ ввиду того, что орган предварительного расследования самостоятельно до направления дела в суд прекращает уголовное преследование в отношении несовершеннолетнего (ч. 1 ст. 427 УПК РФ), и данное решение следователя судебные органы склонны воспринимать как прекращение уголовного дела, не требующее вынесения аналогичного решения судом при положительном разрешении ходатайства[1]. Такая позиция исходит из трактовки данной ситуации Пленумом Верховного Суда РФ, который в разъяснениях, данных в п. 33 Постановления от 01.12.2011 г. № 1[2] дал понять, что в соответствии с ч. 2 ст. 427 УПК РФ суд рассматривает ходатайство о применении к несовершеннолетнему ПМВВ *по уголовному делу, прекращенному следователем* в соответствии с ч. 1 ст. 427 УПК РФ.

Однако по поводу указанного обстоятельства следует заменить, что ч. 1 ст. 427 УПК РФ предписывает следователю (дознавателю) прекращать только уголовное преследование, тогда как прекращение уголовного преследования и прекращение уголовного дела – все же отдельные процессуальные решения, и при сопоставлении положений статей 24, 27 и 427 УПК РФ становится ясно, что прекращение уголовного преследования на основании ст. 90 УК РФ не влечет автоматического прекращения уголовного дела.

Если исходить из назначения предусмотренных ст. 90 УК РФ принудительных мер воспитательного воздействия, которое заключается в

---

[1] См.: Справка по результатам обобщения судебной практики по делам о применении принудительных мер воспитательного воздействия / Бюллетень судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда за 1 квартал 2009 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Справка по результатам обобщения судебной практики по делам о применении принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ) судами и мировыми судьями Нижегородской области в 2013 году // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Справка по результатам обобщения судебной практики по делам о применении принудительных мер воспитательного воздействия судами и мировыми судьями в 2016 году / Верховный суд Республики Хакасия [официальный сайт]. URL: http://vs.hak.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=330 (дата обращения: 20.12.2020).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (в редакции от 28.10.2021 г.) // БВС РФ. 2011. № 4.

достижении исправления совершившего преступление несовершеннолетнего посредством воспитательного воздействия без привлечения его к уголовной ответственности в форме осуждения и наказания, то сущность процессуального решения о применении ПМВВ видится в отказе от уголовного преследования и наказания несовершеннолетнего лица, виновного в преступлении, и ограничении реакции государства на преступление применением (одной или нескольких) принудительных мер воспитательного воздействия.

Здесь налицо два взаимосвязанных компонента государственно-властного волеизъявления: прекращение уголовного преследования и назначение ПМВВ, которые в рассматриваемом случае применения ПМВВ в порядке частей 1 и 2 ст. 427 УПК РФ находят выражение в двух отдельных процессуальных решениях. Первое принимается следователем, второе – судом. При этом содержательно эти решения остаются взаимозависимы: прекращение уголовного преследования обусловлено возможностью (необходимостью) применения ПМВВ, назначение последнего неизбежно предполагает отказ от дальнейшего уголовного преследования, а в совокупности в качестве логического завершения они требуют и прекращения уголовного дела в целом.

В продолжение сказанного необходимо обратить внимание, что судебное решение об отказе в удовлетворении ходатайства следователя (дознавателя) о применении ПМВВ лишает постановление следователя (дознавателя) о прекращении уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего смысла и юридического значения (отказ от уголовного преследования становится безосновательным, беспричинным), влечет его отмену и продолжение производства по уголовному делу в прежнем порядке.

В связи с изложенным, нельзя не признать, что решение следователя или дознавателя в части прекращения уголовного преследования несовершеннолетнего является не окончательным, а *условным*, «предварительным» (как и решения, посредством которых предъявляется

обвинение), требующим не только формального согласования с руководителем следственного органа или прокурором, но и *подтверждения со стороны суда*[1].

В судебном заседании судья устанавливает фактические основания, проверяет соблюдение нормативно-правовых условий применения ПМВВ и на основе полученных данных формулирует собственные выводы о возможности достичь исправления несовершеннолетнего путем применения к нему ПМВВ. Стало быть, волеизъявление следователя (дознавателя) получает реальное воплощение, только будучи подтверждено аналогичным волеизъявлением органа правосудия, выраженным в судебном постановлении о назначении ПМВВ, которое и выполняет роль итогового решения, завершающего производство по уголовному делу.

Такой же по сути механизм реализации воли органов уголовного преследования на освобождение обвиняемого (подозреваемого) от уголовной ответственности и ограничение государственного воздействия на него мерой уголовно-правового характера заложен в судебном производстве по рассмотрению ходатайства следователя (дознавателя) о прекращении уголовного дела и применении судебного штрафа (ст. 446.2 УПК РФ). С той лишь разницей, что полномочие прекращать уголовное дело или уголовное преследование в данном производстве придано суду, а не органу расследования, что представляется более приемлемым.

При изложенном понимании процесса применения (назначения) иных мер уголовно-правового характера по инициативе органов предварительного расследования постановления следователя (дознавателя) о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему ПМВВ, а так же о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела в отношении обвиняемого (подозреваемого) и назначении ему судебного штрафа никак нельзя признать решениями, завершающими производство по уголовному делу, а следует рассматривать (в

[1] Возможно, по этой причине законодатель не наделил следователя и дознавателя правом прекращать уголовное дело в анализируемой процессуальной ситуации.

совокупности с сопутствующими процессуальными действиями) как самостоятельную форму окончания предварительного расследования[1] и относить к видам итоговых процессуальных документов предварительного расследования по уголовным делам, подлежащим направлению для рассмотрения в суд первой инстанции[2].

Характеризуя судебные производства по уголовным делам, поступившим в суд без предъявленного обвинения, нельзя обойти вниманием и другие (процедурные) особенности их осуществления, которые обусловлены не только спецификой их предмета, то есть характером и объемом разрешаемых по делу правовых вопросов, но и вызваны действием других факторов, в частности, очевидным стремлением законодателя упростить и ускорить разрешение этих вопросов, тем самым добиться более широкого применения иных мер уголовно-правового характера как альтернатив уголовному наказанию, снизить затратность основных производств, облегчить в какой-то мере правоприменителям выполнение стоящих перед ними в уголовном процессе задач. Судя по данным судебной статистики, обозначенные направления уголовной (уголовно-процессуальной) политики находят определенное отражение в правоприменительной практике: если применение к несовершеннолетним ПМВВ на протяжении длительного периода остается, как в абсолютном, так и относительном исчислении практически на прежнем уровне, то производства по ходатайствам следователя (дознавателя) о применении судебного штрафа в течение 2019 – 2020 гг. продемонстрировали почти двукратный прирост[3] (*см. приложение № 1, таблица 4).*

Если судебное производство по применению ПММХ в основном (в большей части) ведется в общем порядке, предназначенном для обычного рассмотрения уголовных дел (главы 33–39 УПК РФ) с некоторыми изъятиями,

---

[1] Косова С. А. Указ. соч. С. 9.

[2] Дикарев И. С. Об унификации процессуальной формы направления уголовных дел в суд // Законность. 2017. № 8. С. 53–56;

[3] В 2021 г. данная тенденция пресеклась – согласно статистическим данным в этот год в производство суда поступило в 2 раза меньше дел с ходатайствами о назначении судебного штрафа, чем в 2020 году.

предусмотренными статьями 441–443 УПК РФ, то уголовно-процессуальные порядки судебного рассмотрения дел о применении ПМВВ и дел о назначении судебного штрафа имеют существенные процедурные отличия от судебного разбирательства уголовных дел в привычном его понимании и дают основание относить их (по критерию сложности процессуальной формы) к категории упрощенных производств.

В ч. 2 ст. 427 УПК РФ прямо указано, что материалы уголовного дела, поступившие в суд с ходатайством о применении ПМВВ, рассматриваются в порядке, установленном частями 4, 6, 8, 9 и 11 ст. 108 УПК РФ, то есть по правилам, предназначенным для осуществления одной из форм судебного контроля – рассмотрения судом ходатайств органов предварительного расследования о применении мер пресечения.

В главе 51.1 УПК РФ порядок рассмотрения ходатайства следователя (дознавателя) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении судебного штрафа регламентирован фрагментарно и недостаточно ясно. Статья 446.2 УПК РФ определяет лишь подсудность, сроки рассмотрения дела, перечень участников судебного заседания и виды принимаемых судом итоговых решений, но не содержит положений о порядке проведения судебного разбирательства, его структуре и содержании. Часть 2 ст. 446.1 УПК РФ указывает, что данное производство осуществляется по правилам, установленным УПК РФ, но эти правила весьма дифференцированы в законе для различных видов судебных производств, что не позволяет однозначно утверждать, что здесь применим порядок, установленный для рассмотрения уголовных дел с предъявленным обвинением. При этом Верховный Суд РФ рекомендовал судам рассматривать ходатайства о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в отношении подозреваемого или обвиняемого и назначении ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в порядке части 6 статьи 108 УПК РФ (п. 25.4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27

июня 2013 г. № 19[1]), то есть опять же с использованием процедуры судебного контроля, и на практике суды следуют этим рекомендациям.

Между тем, большинство процессуалистов, исследующих уголовные производства по применению ПМВВ и назначению судебного штрафа, отмечают несовершенство и незавершенность правового регулирования данных производств, проявившееся в пробельности, неясности и непоследовательности регламентации процессуального порядка их ведения, недостаточной урегулированности отдельных процедурных вопросов, а также его неоправданной ориентации на процедуры судебного контроля и как следствие – излишней дифференцированности процессуальной формы рассмотрения этих дел в сравнении с другими видами производств по уголовному делу, что не соответствует задачам рассматриваемого (основного) типа судебных производств, правовой природе и характеру разрешаемых судом вопросов[2].

Конечно, нельзя не признать, что предусмотренное ст. 108 УПК РФ производство по рассмотрению судом ходатайств органов уголовного преследования о применении к обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения, постоянно (с начала действия УПК РФ) развивалось по пути усложнения и процедурного сближения с основным судебным производством посредством включения универсальных, традиционных для форм правосудия и неотъемлемых

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (в редакции от 29.11.2016 г.) // БВС РФ. 2013. № 8.

[2] См.: Марковичева Е В. Прекращение уголовного преследования в отношении несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия // Российский судья. 2007. № 9. С. 25–27; Мядзелец О. А. Рассмотрение и разрешение судом вопросов, связанных с применением к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия // Российский судья. 2007. № 5. С. 16–20; Солонина С Ю. Дискреционные основания прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2015. С. 19–20; Карпов К. Н., Николаев К. Д., Фисенко Д. Ю. Практика применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних // Законодательство и практика. 2016. № 2. С. 63; Кальницкий В. В. 1) Порядок прекращения судом уголовного дела (преследования) в связи с назначением судебного штрафа // Законодательство и практика. 2016. № 2. С. 6–12; 2) К вопросу о процессуальной форме судебного заседания в досудебном производстве // Российская юстиция. 2017. № 3. С. 60–63; Дикарев И. С. Об унификации процессуальной формы направления уголовных дел в суд // Законность. 2017. № 8. С. 53–56; Стельмах В. Ю. Процессуальные аспекты прекращения уголовного преследования с назначением судебного штрафа // Российский юридический журнал. 2018. № 6. С. 117–129.

от деятельности по его осуществлению отдельных процедурных правил, признания и расширения процессуальных прав сторон, обеспечения их участия на началах состязательности, усиления гарантий правосудности принимаемых по итогам производства судебных решений, и продолжает эволюционировать в этом направлении. Как уже отмечено соискателем, любое судебное производство, в том числе и судебно-контрольное, носит характер разбирательства дела, сопровождающегося в той или иной форме исследованием доказательственного материала и познанием обстоятельств, установление которых необходимо для разрешения поставленных перед судом вопросов.

В то же время, очевидно, что судебно-контрольные процедуры не приспособлены для целей применения обозначенных нами иных мер уголовно-правового характера, являющихся видами освобождения от уголовной ответственности. Назначение ПМВВ и судебного штрафа неизбежно сопряженно с установлением и доказыванием события преступления и виновности конкретного лица, поскольку освободить от уголовной ответственности возможно лишь того, кто подлежит уголовной ответственности, то есть лицо, виновное в совершении преступления. При этом основание уголовной ответственности, виновность лица должны быть установлены с помощью надлежащих процессуальных средств доказывания не только органом предварительного расследования, но и удостоверены судом в судебном заседании. Кроме того, полноценному доказыванию перед лицом органа правосудия, разрешающего вопрос о применении ПМВВ или назначении судебного штрафа, подлежат также основания и условия освобождения от уголовной ответственности с применением указанных мер. Эффективно осуществить указанную деятельность возможно только в условиях полновесного состязательного судебного разбирательства на основе судебного следствия.

В свете высказанных суждений важнейший момент в регламентации судебного производства по назначению судебного штрафа видится в том, что, устанавливая в ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ виды результирующих решений для данной разновидности производств, законодатель определил одним из оснований отказа в

удовлетворении ходатайства следователя (дознавателя) и возвращения уголовного дела с ходатайством руководителю следственного органа или прокурору *несоответствие сведений* об участии лица в совершении преступления, изложенных в постановлении о возбуждении ходатайства, *фактическим обстоятельствам дела, установленным в ходе судебного рассмотрения ходатайства*.

Разъясняя и конкретизируя данное законоположение, Пленум Верховного Суда РФ в п. 25.3 Постановления от 27.06.2013 г. № 19 (в редакции от 29.11.2016) и в п. 16.2 Постановления от 01.02.2011 г. № 1 (в редакции от 28.10.2021) указал судам, что при изучении представленных материалов и рассмотрении ходатайства судья должен убедиться в том, что выдвинутое в отношении лица подозрение или предъявленное лицу обвинение в совершении преступления небольшой или средней тяжести обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, и в материалах содержатся достаточные сведения, позволяющие суду принять итоговое решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении подозреваемому, обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Данное разъяснение вполне логично и необходимо, учитывая, что в соответствии со ст. 76.2 и 104.4 УК РФ судебный штраф может быть назначен (а уголовное дело или уголовное преследование на основании ст. 25.1 УПК РФ прекращено) только лицу, впервые *совершившему преступление* небольшой или средней тяжести, и эти положения закона требуют точного и бесспорного установления факта и обстоятельств совершения преступления конкретным лицом[1].

[1] Как следует из обобщения практики судов Челябинской области, одной из наиболее распространенных причин отмены судебных решений о назначении судебного штрафа является «отсутствие в принятых решениях выводов о том, что выдвинутое в отношении лица подозрение или предъявленное лицу обвинение подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу», в связи с чем судьи ориентированы на обязательное приведение указанных выводов в описательно-мотивировочной части постановления об удовлетворении ходатайства следственного органа (См.: Обобщение судебной практики применения районными (городскими) судами и мировыми судьями Челябинской области положений ст. 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации за второе полугодие 2020 года и 2021 год, утв. президиумом Челябинского областного суда 01.07.2022 г. // ГАС «Правосудие». URL: http://oblsud.chel.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=109 (дата обращения: 01.08.2022)).

Однако законодатель не урегулировал, а Верховный Суд РФ оставил без соответствующих разъяснений вопрос о том, какими способами и средствами суды должны проверять обоснованность предъявленного обвинения (выдвинутого подозрения) при рассмотрении данного рода дел. С учетом того, что судебное следствие в производстве по назначению судебного штрафа не предусмотрено и на суд не возложена обязанность непосредственного исследования в судебном заседании доказательств, собранных в ходе предварительного расследования, остается единственный способ – непроцессуальное и индивидуальное (вне судебного заседания) ознакомление председательствующего с письменными материалами уголовного дела, их изучение и оценка содержащихся в них доказательств по аналогии с тем, как обоснованность, подтвержденность обвинения доказательствами, в силу положений ч. 7 ст. 316 УПК РФ, устанавливается судом при рассмотрении уголовного дела в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ).

Изучение судебной практики назначения судебного штрафа в порядке ст. 446.2 УПК РФ показывает, что суды в основном следуют указанным предписаниям закона и рекомендациям Верховного Суда РФ, используя опосредованный метод познания обстоятельств уголовного дела и ознакомления с доказательствами, касающимися предъявленного обвинения (выдвинутого подозрения)[1], при этом практикуют исследование в судебном заседании отдельных доказательств, касающихся иных оснований и условий прекращения уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ[2], отражают в постановлениях о назначении судебного штрафа выводы об обоснованности обвинения и его подтверждении

---

[1] См.: Справка по результатам изучения судебной практики по применению судами Республики Крым судебного штрафа (статьи 76.2, 104.4, 104.5 УК РФ) (за период с 15 июля по 15 октября 2016 года) // Верховный суд Республики Крым [официальный сайт]. URL: http://vs.krm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=55 (дата обращения: 20.12.2020); Справка Архангельского областного суда по результатам обобщения судебной практики «О соблюдении районными (городскими) судами и мировыми судьями законодательства, регламентирующего освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа» // Архив Архангельского областного суда. 2019.

[2] См.: Справка Архангельского областного суда по результатам обобщения судебной практики «О соблюдении районными (городскими) судами и мировыми судьями законодательства, регламентирующего освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа» // Архив Архангельского областного суда. 2019.

собранными по делу доказательствами[1], а при установлении несоответствия подозрения (обвинения) в совершении преступления фактическим обстоятельствам дела и неподтвержденности собранными доказательствами отдельных признаков инкриминируемого состава преступления отказывают в удовлетворении ходатайства следователя о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа[2].

Применительно к судебному производству по применению ПМВВ ни законодатель в ст. 427 УПК РФ, ни Пленум Верховного Суда РФ в вышеуказанном Постановлении от 01.02.2011 г. № 1 не предъявили суду требования убедиться в обоснованности и подтверждении доказательствами обвинения (подозрения), по которому в отношении несовершеннолетнего лица на основании и в порядке ч. 1 ст.427 УПК РФ вынесено постановление о прекращении уголовного преследования и возбуждении ходатайства о применении ПМВВ.

Между тем, данная процессуальная ситуация, в которой суду предстоит разрешить уголовно-правовой вопрос, во многом сходный с вопросом о назначении судебного штрафа, практически аналогична ситуации рассмотрения ходатайства следователя (дознавателя) в порядке ст. 446.2 УПК РФ. Применение ПМВВ в порядке освобождения от уголовной ответственности допускается лишь в отношении несовершеннолетнего, *совершившего преступление* и преступление не любое, а только небольшой или средней тяжести (ч. 1 ст. 90 УК РФ), следовательно, при разрешении ходатайства следователя о применении ПМВВ судья, так же как по уголовному делу с ходатайством о назначении судебного

---

[1] Постановление Усольского городского суда Иркутской области от 07.02.2020 г. по уголовному делу № 1-183/2020 // ГАС «Правосудие». URL: https://usolsky--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=232750602&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 20.12.2020); Постановление Вельского районного суда Архангельской области от 14 мая 2020 г. по уголовному делу № 1-111/2020 // ГАС «Правосудие». URL: https://velsksud--arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=49782420&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.12.2020).

[2] Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г. // Верховный Суд РФ [официальный сайт]. URL: http://www.vsrf.ru/documents/thematics/?year=2019 (дата обращения: 20.12.2020).

штрафа, в первую очередь обязан проверить обоснованность выдвигавшегося в отношении несовершеннолетнего обвинения (подозрения) и убедиться в наличии доказательств, подтверждающих факт преступления и причастность несовершеннолетнего к его совершению.

Такой вывод поддерживают большинство практикующих в сфере уголовного судопроизводства юристов: 97% опрошенных нами респондентов согласны с мнением о том, что при рассмотрении ходатайства следственного органа о применении принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 427 УПК РФ) суд должен проверить обоснованность (доказанность) выдвинутого в отношении несовершеннолетнего обвинения (подозрения) и убедиться в наличии в действиях несовершеннолетнего состава инкриминируемого ему преступления; при этом 61% респондентов (в том числе 45,4% судей, 60,3% прокуроров и 66,7% адвокатов) считают, что судья не только обязан изучить с указанной целью письменные материалы уголовного дела, но и вправе провести необходимые судебно-следственные действия, направленные на установление (уточнение) отдельных обстоятельств дела (*см. приложение № 2, ответы на 15-й вопрос анкеты*).

Ввиду отсутствия четких указаний в законе и разъяснений Верховного Суда РФ на этот счет, сложившаяся судебная практика выглядит противоречивой: в одних случаях судьи констатируют (устанавливают) или просто фиксируют в своих постановлениях факт совершения несовершеннолетним преступления при конкретных обстоятельствах, приводя их в описательно-мотивировочной части постановления, и указывают категорию преступления[1], дополнительно излагают выводы о доказанности (подтверждении) материалами уголовного дела инкриминируемого деяния[2] или даже вины в совершенном преступлении[1], в

[1] Постановление Сухобузимского районного суда Красноярского край от 11.02.2020 г. по делу № 1–10/2020 // Судебные и нормативные акты РФ [электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/DOSUgi9D67W4/ (дата обращения: 15.01.2021).

[2] Постановление Городовиковского районного суда Республики Калмыкия от 20 мая 2020 г. по делу № 1–36/2020 // Судебные и нормативные акты РФ [электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/mrxmLA2ORgri/ (дата обращения: 15.01.2021); Постановление Предгорного районного суда Ставропольского края от 19 мая 2020 г. по делу № 1–158/2020 //

других – ограничиваются изложением предъявленного несовершеннолетнему обвинения без какой-либо оценки его обоснованности[2] либо приводят обстоятельства преступления, установленного органом предварительного расследования, без ссылки на их подтвержденность доказательствами[3]. При таком положении дел остается не ясным, убедился ли суд в наличии в действиях несовершеннолетнего состава вменявшегося ему в вину преступления, удостоверяет ли суд этот факт.

Выявившиеся процессуальные недостатки, несовершенство судебных производств по применению ПМВВ и назначению судебного штрафа, анализируемые в научной литературе и подтвержденные судебной практикой, по нашему убеждению, являются следствием недооценки на законодательном и правоприменительном уровнях, а нередко и игнорирования (в угоду внутриведомственным, «производственным» интересам) истинной сущности и значения выполняемой в рамках этих производств судебной деятельности, которая при всем своеобразии остается по сути деятельностью по осуществлению уголовного правосудия[4] и требует адекватного задачам правосудия качественного состояния судебных процедур и определенной (в разумных пределах) их унификации, позволяющих обеспечивать эффективное и справедливое отправление правосудия.

Относительно совершенствования рассматриваемых производств в научной литературе выдвинут ряд разнообразных и достаточно аргументированных предложений по их преобразованию, предусматривающих в том числе полный

Судебные и нормативные акты РФ [электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/IqnV2OutRFVw/ (дата обращения: 15.01.2021).

[1] Постановление мирового судьи судебного участка № 5 Кунгурского судебного района Пермского края от 20.09.2011 г. по делу № 4–/2011 // Судебный участок № 5 Кунгурского судебного района Пермского края [официальный сайт]. URL: http://101.perm.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=718 (дата обращения: 15.01.2021).

[2] Постановление Староминского районного суда Краснодарского края от 23 апреля 2020 г. по делу № 1–53/2020 // Судебные и нормативные акты РФ [электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/10zwOLEmDrQg/ (дата обращения: 15.01.2021).

[3] Постановление Нововоронежского городского суда Воронежской области от 16.02.2016 г. по делу № 1–28/2016 // Судебные и нормативные акты РФ [электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/BywAf89Gba1V/ (дата обращения: 15.01.2021).

[4] Собственно доказыванию этого тезиса посвящена глава 1 диссертации.

отказ от специальных судебных процедур применения ПМВВ и назначения судебного штрафа по ходатайству органа предварительного расследования и (или) принятия решения о применении данных мер уголовно-правового характера в форме судебного приговора, выносимого по результатам судебного разбирательства уголовного дела, проведенного в общем порядке[1]. Обобщение выдвигаемых предложений позволяет выделить наиболее оптимальные из них и в большей степени соответствующие отстаиваемой нами доктрине системного единства уголовного правосудия.

В целях совершенствования судебных производств по рассмотрению уголовных дел о применении ПМВВ и назначении судебного штрафа представляется необходимым:

1. Лишить органы предварительного расследования права прекращать уголовное преследование в отношении несовершеннолетнего, обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления небольшой или средней тяжести, по предусмотренному ч. 1 ст. 427 УПК РФ основанию[2], ограничив их полномочия вынесением при установлении указанных в ч. 1 ст. 90 УК РФ обстоятельств постановления о возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему предусмотренной ч. 2 ст. 90 УК РФ принудительной меры воспитательного воздействия. Содержательно такое постановление должно составляться по правилам, аналогичным тем, которые установлены для иных итоговых документов предварительного расследования: обвинительного акта (ч.1

---

[1] Бопхоев Х. В. Принудительные меры в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений: проблемы совершенствования законодательного урегулирования и практики правоприменения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. С. 9; Быданцев Н. А. Прекращение уголовного преследования (дела) в отношении несовершеннолетнего с применением принудительной меры воспитательного воздействия в аспекте ювенальной юстиции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2007. С. 8; Кальницкий В .В. К вопросу о процессуальной форме судебного заседания в досудебном производстве // Российская юстиция. 2017. № 3. С. 60–63.

[2] Подобные предложения выдвинуты в следующих работах: Марковичева Е. В. Указ. соч.; Мядзелец О. А. Судебный контроль за прекращением уголовного дела и уголовного преследования: автореф. дис. канд. … юрид. наук. М., 2008. С. 14. – О недопустимости прекращения уголовного преследования до рассмотрения ходатайства о применении ПМВВ судом указывал И. Л. Петрухин (Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М., 2005. Ч. 2. С. 176).

ст. 225 УПК РФ) и постановления о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера (ч. 4 ст. 439 УПК РФ), и соответствовать требованиям, изложенным в п. 25.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19. Прекращение же уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в связи с применением к нему ПМВВ должно стать прерогативой суда.

2. Распространить общее правило направления уголовного дела в суд через прокурора (главы 30–31, статьи 225–226, 226.7–226.8 и 439 УПК РФ) на судебные производства по применению к несовершеннолетнему ПМВВ и по назначению обвиняемому (подозреваемому) судебного штрафа, и нормативно закрепить порядок, при котором постановления следователя (или дознавателя) о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства с согласия руководителя следственного органа (начальника органа дознания) вместе с уголовным делом должны направляться на утверждение прокурору[1]. Прокурора следует наделить полномочием принять по результатам рассмотрения (изучения) материалов уголовного дела одного из решений: 1) об утверждении постановления следователя (дознавателя) и направлении уголовного дела с соответствующим ходатайством в суд; 2) о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования; 3) о прекращении уголовного дела по другим основаниям, не связанным с применением иных мер уголовно-правового характера.

Предлагаемая модернизация позволяет, во-первых, устранить не имеющую, по верному замечанию И. С. Дикарева, убедительных оснований дифференциацию порядка направления в суд уголовных дел для применения мер, регулируемых одним институтом уголовного права – институтом иных мер уголовно-правового характера[2]; во-вторых, внести большую определенность в

---

[1] Шишов В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в досудебном производстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. С. 12–16.

[2] Дикарев И. С. Указ. соч. – Здесь речь идет о различиях порядка направления в суд уголовных дел, имеющихся в настоящее время между судебными производствами по ходатайствам о применении ПМВВ и назначении судебного штрафа, с одной стороны, и

вопросе о роли прокурора в данных видах судебных производств, возбуждаемых по ходатайству следователя – участие прокурора в качестве стороны в судебном заседании становится более осмысленным и целенаправленным, поскольку переводит его из положения «стороннего наблюдателя» в статус заинтересованной в исходе рассмотрения дела стороны и позволяет более четко и однозначно представлять суду единую позицию публичной, обвинительной власти.

3. Более явно и последовательно подчинить судебные производства по ходатайствам органов уголовного преследования о применении ПМВВ и дел по ходатайствам по назначению судебного штрафа общим условиям и правилам производства уголовных дел в суде первой инстанции (главы 33, 35–38 УПК РФ) за изъятиями, объективно вызванными спецификой предмета судебного рассмотрения и интересами (разумной) процессуальной экономии (например, сокращенные сроки назначения и проведения судебного заседания, исключение предварительных слушаний, особые виды решений на этапе назначения судебного заседания, сокращенное, как правило, судебное следствие, замена прений и последнего слова на однократное заслушивание мнений сторон, специфический перечень итоговых решений суда).

В целом процедуру судебного рассмотрения данных видов уголовных дел представляется целесообразным регламентировать наподобие особого порядка проведения судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (ст. 316 УПК РФ), предусмотрев при этом, что суд, как правило, принимает решение по письменным материалам дела, а судебное следствие с непосредственным исследованием как собранных, так и вновь представляемых сторонами доказательств проводится лишь для проверки тех указанных в постановлении следователя (дознавателя) сведений (обстоятельств),

---

судебным производством по применению принудительной меры медицинского характера – с другой.

необходимых для разрешения ходатайства, достоверность которых вызывает сомнение у суда[1] или оспаривается сторонами.

Итогом судебного разбирательства по рассматриваемым разновидностям уголовных дел должно явиться вынесение судом одного из следующих решений: 1) об освобождении обвиняемого (подозреваемого) от уголовной ответственности, применении к нему соответствующей меры уголовно-правового характера: принудительной меры воспитательного воздействия или судебного штрафа, и прекращении уголовного дела; 2) об отказе в удовлетворении ходатайства и возвращении уголовного дела прокурору для возобновления предварительного расследования; 3) о прекращении уголовного дела по иным не реабилитирующим основаниям, не связанным с применением (назначением) иных мер уголовно-правового характера.

Следует также заметить, что удовлетворение ходатайства следователя (дознавателя) и освобождение обвиняемого (подозреваемого) от уголовной ответственности с применением ПМВВ или назначением судебного штрафа, возможно, не требует прекращения уголовного дела, поскольку: во-первых, производство по уголовному делу состоялось, проведено в полном объеме, дело рассмотрено по существу и принятое по нему итоговое решение суда по вступлении в законную силу подлежит исполнению; во-вторых, освобождение от уголовной ответственности, как в случае применения ПМВВ, так и назначения судебного штрафа, является условным, и при систематическом неисполнении несовершеннолетним требований, предусмотренных принудительной мерой воспитательного воздействия, либо неуплате лицом назначенного ему судебного штрафа для возобновления уголовного преследования суду не потребуется отменять собственное решение, а достаточно будет направить уголовное дело прокурору для возобновления предварительного расследования. Такая схема, безусловно, требует отдельной детальной проработки и должна быть состыкована

[1] Обязательность проведения судебного следствия в случаях возникновения сомнений у суда по поступившему ходатайству о применении ПМВВ к несовершеннолетнему отстаивает О. А. Анфёрова (Анфёрова О. А. Проблема прекращения уголовного дела (уголовного преследования) с применением к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 9).

с аналогичными решениями, принимаемыми судом в ходе производства в суде первой инстанции по уголовному делу с предъявленным обвинением (ст. 431, 446.3 УПК РФ), поэтому не предлагается в настоящей работе в форме конкретных предложений по изменению процессуального законодательства.

Подводя итог анализу основных разновидностей судебных производств по уголовным делам, можно заключить, что, судебные производства по делам о применении принудительной меры медицинского характера, по делам о применении принудительных мер воспитательного воздействия и делам о назначении судебного штрафа имеют общую уголовно-правовую основу и составляют процессуальное единство между собой и с «каноническим» производством по уголовному делу. Данные производства с учетом их специфики и отличий от «обычных» уголовных дел, поступающих в суд с предъявленным обвинением, резонно выделять лишь в *особые (или особенные) виды производств по уголовным делам*, оставляя, тем не менее, в группе основных судебных производств.

Как следует из анализа действующего правового регулирования, судебные производства по уголовным делам без обвинения дальнейшей дифференциации в процессуальном законе практически не получили. Производства по применению ПМВВ и назначению судебного штрафа, как установлено выше, достаточно просты и одинарны. Можно лишь выделить некоторые особенности производства по делам о применении ПММХ в зависимости от основания их применения, которое определяется видом принудительной меры медицинского характера и категорией лица, к которому эти меры могут быть назначены (ч. 1 ст. 433 УПК РФ). Отдельное судебное производство по применению ПММХ осуществляется в отношении лиц: а) совершивших деяния, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ, в состоянии невменяемости (п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ); б) у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания (п. «б» ч. 1 ст. 97 УК РФ).

Различия между этими разновидностями производства по применению ПММХ проявляются:

– в содержании предмета доказывания (во втором случае вопрос о вменяемости или невменяемости лица в момент совершения уголовного деяния судом не исследуется и остается открытым);

– в резолютивных решениях суда, входящих в итоговое постановление по делу: в первом варианте назначению ПММХ предшествует решение суда об освобождении лица от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 21 УК РФ, во втором такое решение не принимается ввиду отсутствия для этого оснований;

– в дальнейшем движении уголовного дела: в первом варианте итоговое судебное постановление в любом случае окончательно завершает производство по делу в суде первой инстанции, во втором производство по делу фактически приостанавливается и после выздоровления лица, к которому назначены ПММХ, должно быть возобновлено и через процедуру возвращения дела прокурору продолжено в общем порядке.

В отличие от особенных видов основных производств современное судебное производство по уголовным делам с обвинением имеет различные процессуальные формы (порядки) и в свою очередь дифференцируется по различным, указанным в предыдущих разделах диссертации основаниям на «общий» («обычный») и «ускоренные», «упрощенные», «усложненные», «заочные» и прочие производства. Ввиду достаточной освещенности в научной литературе всех разновидностей производств с обвинением в контексте общей доктрины дифференциации уголовного судопроизводства[1] и по причине

[1] См.: Якимович Ю. К., Ленский А. В., Трубникова Т. В. Дифференциация уголовного процесса / Под ред. М. К. Свиридова. Томск, 2001; Цыганенко С. С. Общий и дифференцированный порядки уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004; Манова Н. С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 13–15; Сердюков С. В. Ускоренное судебное разбирательство: необходимость, реальность, перспектива (вопросы теории и практики). М., 2006; Рябцева Е. В. Правосудие в уголовном процессе России: монография. М., 2010. С. 14–20; Смирнова И. С. Производство по сложным уголовным делам в системе уголовно-процессуальных производств // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 4. С. 135–138; Мищенко Е. В. Проблемы дифференциации и унификации уголовно-процессуальных форм производств по отдельным категориям уголовных дел: дис. … д-ра юрид. наук. Оренбург, 2014. С. 77–96, 149–152; Качалова О. В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе: монография. М., 2015. С. 7–22; Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск, 2015. С. 70–83.

ограниченного объема настоящей диссертации, думается, позволительно упустить их подробный сравнительный анализ и для демонстрации востребованности и значимости различающихся по сложности процессуальной формы порядков ограничиться приведением их количественных параметров (дифференцированные статистические данные за 2018–2021 гг. см. в *приложении № 1, таблица 5*).

В 2021 г. общее число рассмотренных судами Российской Федерации уголовных дел с обвинением заметно возросло по сравнению с предыдущим годом (на 5,8%), видимо, в том числе за счет отмеченного сокращения производств по назначению судебного штрафа, и составило, как указано выше, 740 980 дел.

При сопоставлении общего и особых порядков судебных производств с обвинением между ними обнаруживается следующее соотношение. Более усложненная форма судебного производства по уголовным делам – рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей – хотя имеет количественный рост (с 2018 г. – в три раза), по–прежнему мало востребована, и в 2021 г. ее доля в производствах по уголовным делам с обвинением осталась на том же уровне – 0,1%.

Преобладавший на протяжении многих лет[1] особый порядок судебного разбирательства, реализуемый в двух вариантах, регламентированных главами 40 и 40.1 УПК РФ, впервые с 2007 г. «уступил первенство» общему (обычному) порядку – в 2021 г. в обычном порядке российские суды рассмотрели 57% уголовных дел с обвинением. Новый тренд в российском уголовном правосудии вызван изменениями в ч. 1 ст. 314 УПК РФ относительно категорий преступлений, по делам о которых допускается применение особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему

[1] См.: Бурмагин С. В. Уголовный суд России. С. 298.

обвинением, внесенными законодателем в 2020 году[1] на волне обоснованной критики в научной среде чрезмерно широкого использования этого порядка[2].

§ 2. Судебно-контрольные производства и их роль в системе уголовного правосудия

Данную группу (тип) судебных производств образуют производства по рассмотрению ходатайств органов предварительного расследования и прокурора об ограничении конституционных прав и свобод личности посредством выполнения следственных и иных процессуальных действий или применения мер процессуального принуждения, а также по рассмотрению жалоб на процессуальные действия (бездействие) и решения органов и должностных лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу.

Социально-правовое назначение судебно-контрольной деятельности, осуществляемой в рамках этих производств, состоит в контроле и сдерживании органов обвинительной власти в части исполнения ими властно-принудительных полномочий, сопряженных с ограничением основных прав и свобод человека, посредством чего в сфере уголовно-процессуальных отношений реализуется система сдержек и противовесов как проявление конституционного принципа разделения властей, составным элементом которого признается судебный контроль правомерности деятельности других ветвей власти[3].

---

[1] Федеральный закон от 20.07.2020 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4750.

[2] См. об этом: Качалова О. В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе. С. 148–152.

[3] Как указывает М. К. Свиридов, «судебный контроль в досудебном производстве есть проявление сдержек и противовесов в отношении участвующих в уголовном процессе представителей исполнительной власти» (Свиридов М. К. Природа судебного контроля за предварительным расследованием // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 120).

При этом судебный контроль в уголовном процессе выступает (прежде всего) необходимой гарантией защиты прав, свобод и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, а также важным средством обеспечения законности производства по уголовному делу в целом. Посредством судебного контроля разрешаются коллизии между обязанностями государства, с одной стороны, обеспечивать действие конституционных прав и свобод личности (ст. 11 Конституции РФ), с другой – правовую защиту иных охраняемых законом общественных ценностей (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Тем самым в ходе предварительного производства по уголовному делу поддерживается необходимый для общества баланс в деле защиты частных и публичных интересов и обеспечивается должный уровень правосудия, при котором происходит своевременное и эффективное разрешение (устранение или предупреждение) острых социально-правовых (уголовно-процессуальных) конфликтов.

В относимых к рассматриваемому типу судебных производствах реализуется так называемый *оперативный судебный контроль* деятельности органов уголовного преследования (судебный контроль в собственном, узком смысле), который рассматривается отечественной процессуальной доктриной в качестве составной части более обширного явления – системы судебного контроля в уголовном процессе[1], охватывающего всю деятельность уголовного суда, в которой контрольный элемент (аспект) выступает в качестве главной судебной задачи, и включающего не только оперативный судебный контроль, но и деятельность, осуществляемую в контрольно-проверочных стадиях уголовного

[1] Судебный контроль как общеправовое явление, разумеется, не ограничивается областью уголовно-процессуальных отношений, а задействован во многих сферах общественной жизни, в которых проявляется неодинаково, разнопланово. Под общим названием «судебный контроль» кроются его различные виды, к которым помимо контроля в уголовном судопроизводстве относятся: судебный конституционный контроль, судебный контроль в сфере исполнительной власти, внутриведомственный (иерархический) судебный контроль (См.: Беляев В. П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 25–26; Вороненков Д. Н. Теоретические и нормативные основы судебного контроля в механизме разделения властей: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 16, 18). Но в настоящей работе, в соответствии с ее тематикой, главное внимание естественным образом сосредоточено именно на контрольной деятельности уголовного суда.

судопроизводства[1], а, по мнению некоторых ученых, также контроль за законностью и результатами досудебного этапа производства по делу на стадии назначения судебного разбирательства (Н. Н. Ковтун, Д. О. Серебров)[2] и деятельность суда по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора и иных судебных решений, (Н. Г. Муратова, В. И. Качалов, Н. А. Колоколов и др.)[3].

Сущность, правовая природа и задачи судебного контроля. По своей природе «контрольная деятельность суда является юрисдикционной, основанной на процессуально-правовых и нравственных началах и направленной на разрешение юридических конфликтов, возникающих между гражданином и органами государственной власти, должностными лицами»[4].

Судебный контроль на досудебных стадиях уголовного процесса, как определено в первой главе, не функция, а самостоятельный вид процессуальной деятельности суда по отправлению уголовного правосудия, который осуществляется в период досудебного производства по уголовному делу и направлен на разрешение по существу отнесенного к компетенции суда социально-правового конфликта (спора сторон) по поводу правомерности ограничения индивидуальных прав и свобод лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу. Суть этой деятельности сводится к проверке и оценке законности и обоснованности процессуальных действий (бездействия) и решений

---

[1] Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: монография. Н.Новгород. 2002, С 27–28; Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 8–9; Серебров Д. О. Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2004. С. 27–28.

[2] Ковтун Н. Н. Указ. соч. С. 13–14, 29, 329; Серебров Д. О. Указ. соч. С. 27; Бурмагин С. В. Уголовный суд России. С. 199–204.

[3] Муратова Н. Н. Указ. соч. С. 39–41; Колоколов Н. А., Давыдова И. А., Павлухин А. Н., Эриашвили Н. Д. Судебный контроль в стадии исполнения уголовного наказания // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 6. С. 10–34; Амануллина А. Ф. Судебный контроль в стадии исполнения приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9–11; Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 82–108.

[4] Вороненков Д. Н. Теоретические и нормативные основы судебного контроля в механизме разделения властей … С. 16.

должностных лиц органов предварительного расследования и прокурора, а именно: их соответствия нормам уголовно-процессуального права, регулирующим порядок и основания ограничения конституционных прав и свобод личности при производстве по уголовному делу, и обстоятельствам конкретной следственно-процессуальной ситуации, в которой возникла потребность ограничения прав и свобод.

Следует заметить, что термин «судебный контроль» не имеет нормативно-правового определения, в том числе в УПК РФ, является сугубо научным и был, по всей видимости, привнесен в теорию уголовного процесса для обозначения новых полномочий уголовного суда, которыми в начале 90-х гг. XX столетия на́чало наполняться предварительное производство по уголовному делу, а слово «контроль» применительно к действиям уголовного суда на данном этапе судопроизводства, как указывает Н. А. Колоколов, было избрано в противовес устоявшимся понятиям «прокурорский надзор» и «судебный надзор» (надзор вышестоящих судов за деятельностью нижестоящих)[1].

Для правильного понимания сущности судебно-контрольной деятельности в уголовном процессе и соответственно назначения (направленности) рассматриваемых нами судебно-контрольных производств следует обратить внимание на существенное несовпадение смыслов и содержательных элементов родового понятия «контроль», которое обозначает деятельность по *проверке* подконтрольного объекта и *постоянному наблюдению* (надсмотру) с целью проверки его состояния, функционирования[2], и юридического понятия «судебный контроль», подразумевающего проверочную деятельность суда, которую можно отнести к видам контроля только условно, с определенными оговорками.

Процессуалисты, сопоставляющие правосудие и судебный контроль и (или) судебный контроль и «судебное санкционирование» в целях размежевания этих правовых явлений как самостоятельных видов (функций) судебной деятельности,

---

[1] Колоколов Н. А. Методика проведения основных судебно-контрольных действий в стадии предварительного расследования: учебное пособие. Ч. I. М., 2015. С. 61.

[2] Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под редакцией Д. Н. Ушакова. М. 1935. Т. 1. Стб. 1450; Словарь русского языка: В 4-х т./ Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1986. Т. 2. С. 94; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006. С. 292.

в своих рассуждениях и выводах нередко опираются на доктринальные положения общей теории управления или теории государственного контроля и надзора[1].

Однако судебный контроль в уголовном процессе представляет собой особую, своеобразную разновидность надведомственной контрольно-юридической деятельности[2], которая имеет определенные, характерные для государственного контроля черты (нормативно-правовой и властно-публичный характер; оперативность; вторичность по отношению к подконтрольной деятельности; обеспечение законности как приоритетная задача; осуществление в определенной правовой форме специально уполномоченными государственными органами; самостоятельность и независимость контрольных органов[3]), что позволяет рассматривать ее в качестве элемента общей системы госконтроля[4], но при этом отличается от «обычного» государственного контроля по

---

[1] Зиннатов Р. Ф. Реализация судебной власти на стадии подготовки дела к судебному заседанию в современном российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2006. С. 11–14; Каретников А. С., Арзамасцева К. А. Является ли деятельность суда по рассмотрению и разрешению ходатайств должностных лиц органов предварительного расследования судебным контролем? // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 66–69; Адильшаев Э. А., Жеребятьев И. В., Шамардин А. А. Судебное санкционирование как форма реализации правосудия в уголовном судопроизводстве России: монография. Оренбург, 2013. С. 149–155.

[2] Судебный контроль в уголовном процессе / под ред. Н. А. Колоколова. М., 2009. С. 13–14.

[3] Беляев В. П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 11; Миронов А. Л. Сущность государственного контроля // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 9. С. 48; Нуманов Х. И. Сущность контрольно-надзорной функции в деятельности государственных органов // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2013. № 2. (29). С.110–111; Кудилинский М. Н. Контроль как вид государственно-управленческой деятельности. Соотношение понятий «контроль» и «надзор» // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 48; Липунцова А. В. Государственный контроль в механизме реализации функций государства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Пенза, 2019. С. 8–9.

[4] В большинстве научных работ по теории государства судебный контроль признается видом государственного контроля. – См.: Беляев В. П. Указ. соч. С. 13, 24. Дюкова Е. А., Чепурнова Н. М. Судебный контроль как вид контрольной деятельности государства // Российский судья. 2007. № 10. С. 16–18; Ткаченко М. В. Государственный контроль и надзор за нотариальной деятельностью (административно-правовые вопросы): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 20; Измоденов А. К., Курдюмов А. В. Основы государственного контроля, надзора и аудита. Екатеринбург, 2018. С. 22–25, 108; Умарова М. А. Механизм судебного контроля: общетеоретическое исследование: дис. … канд. юрид. наук. Курск, 2018. С. 40–42; Липунцова А. В. Указ. соч. С. 9.

непосредственным целям, содержанию и *осуществляется специфическими средствами и способами, присущими исключительно правосудию*, поэтому не может отождествляться с управленческим контролем. По этой причине рассуждения об относимости той или иной части (вида) процессуальной деятельности уголовного суда к контролю, построенные исключительно на сличении ее свойств с признаками контроля в сфере управления, представляются недостаточно корректными и не убеждают в истинности полученных на этой основе выводов. Попытаемся разъяснить сказанное.

Теорией управления контроль рассматривается как функция или элемент управления либо стадия в управленческом цикле и воспринимается как система наблюдения, проверки и коррекции процесса функционирования соответствующего объекта в целях выявления результатов воздействия субъекта контроля на объект и устранения отклонения объекта от заданных параметров[1].

В теории государства и государственного управления, в науках конституционного и административного права государственный контроль предстает как сложное социально-правое явление и исследуется с различных позиций и в разных аспектах: как функция (элемент функции) государственного управления[2] или как элемент системы государственного управления, форма его реализации[3], как деятельность специально уполномоченных органов государственной власти[4], как особый (самостоятельный) вид государственной деятельности[5] или как вид (часть) государственной управленческой деятельности,

---

[1] См.: Афанасьев В. Г. Научное управление обществом (опыт системного исследования). М., 1973. С. 240; Горшенев В. М., Шахов И. Б. Контроль как правовая форма деятельности. М., 1987. С. 23–34; Лапина М. А. Сущность государственного контроля (надзора) и генезис его законодательного определения // Вестник Финансового университета. 2016. № 4. С. 153; Измоденов А. К., Курдюмов А. В. Указ. соч. С. 7–9.

[2] Миронов А. Л. Сущность государственного контроля // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 9. С. 47; Беляев В. П. Контроль и надзор: проблемы разграничения // Актуальные проблемы российского права. 2017. N 4. С. 200; Умарова М. А. Указ. соч. С. 33.

[3] Ткаченко М. В. Указ. соч. С. 10–11; Измоденов А. К., Курдюмов А. В. Указ. соч. С. 10.

[4] Кононов Р. В. Компетенция органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере контроля и надзора (вопросы теории): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 11; Попова Н. Ф. Административное право: учебник и практикум. М., 2019. С. 109–110.

[5] Липунцова А. В. Государственный контроль в механизме реализации функций государства … С. 8, 13.

направленный на «постоянное и целенаправленное наблюдение за подконтрольными участниками административных правоотношений, которые обязаны выполнять управленческие решения»[1]. В системе государственного управления контроль обычно подразделяют на внутренний и внешний[2]. Внутренний контроль осуществляется внутри системы управления («внутри ведомства») вышестоящим органом в отношении подчиненных ему (линейно или функционально) субъектов и представляет собой элемент (органическую часть) организационно-руководящей, координационной деятельности вышестоящего органа или должностного лица[3].

В судебной системе Российской Федерации, которая представляет собой подсистему государственных органов, охватывающую все судебные учреждения страны и при всей своей исключительности подчиняющуюся общим закономерностям построения и функционирования органов государства, внутренний контроль, безусловно, присутствует также как и в структурах иных органов власти, хотя с учетом конституционного требования самостоятельности судов и независимости судей имеет определенные ограничения и специфические формы реализации. В частности, в отношении судов общей юрисдикции, осуществляющих уголовное судопроизводство, контроль в основном и на постоянной основе ведется специально созданным внутри судебной системы органом – Судебным Департаментом при Верховном Суде РФ, выполняющим свою организационно-обеспечительную деятельность (контроль – одна из функций этой деятельности) при участии органов судейского сообщества[4], а в отношении сроков и качества осуществления правосудия проводится также и со стороны вышестоящих судов, включая Верховный Суд РФ.

---

[1] Колязина А. В. Государственный контроль и надзор в жилищно-коммунальном хозяйстве: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2018. С. 44.

[2] Измоденов А. К., Курдюмов А. В. Указ. соч. С. 9.

[3] Кудилинский М. Н. Контроль как вид государственно-управленческой деятельности. Соотношение понятий «контроль» и «надзор». С. 49–50.

[4] К основным задачам органов судейского сообщества относятся содействие в совершенствовании судебной системы и судопроизводства и участие в организационном, кадровом и ресурсном обеспечении судебной деятельности (ст. 4 Федерального закона от 14.03.2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (в редакции от 08.12.2020 г.) // СЗ РФ. 2002. № 11. Ст. 1022).

Однако этот внутрисистемный контроль касается организационной, информационно-методической, финансовой, кадровой, материально-технической и иных обеспечительных сторон деятельности органов судебной власти, не распространяется на их процессуальную деятельность по рассмотрению юридических дел и не затрагивает собственно осуществление правосудия[1]. Тем более, и это очевидно, что такого рода внутренний, «организационно-управленческий» контроль, выполняемый органами судебной системы, не имеет ничего общего (кроме сходства в наличии проверочного элемента) с судебным контролем за процессуальной деятельностью неподчиненных суду должностных лиц органов предварительного расследования и прокуратуры.

На основе анализа и обобщения выраженных в научной литературе взглядов на предмет и сущность контроля[2], можно заключить, что контроль в сфере управления, в том числе государственного, характеризуется тем, что контрольная деятельность: а) носит целенаправленный характер и осуществляется, как правило, в отношении организационно подчиненных органов и лиц; б) ведется на постоянной (беспрерывной) основе; в) включает в себя систематическое наблюдение за деятельностью контролируемого объекта, ее проверку и оценку с точки зрения не только законности, но и целесообразности, эффективной реализации предоставленных проверяемому органу полномочий, определение и анализ причин допущенных отклонений от заданных параметров, а также определение мер по устранению негативных явлений; г) предусматривает

---

[1] Проверка судебных решений в уголовно-процессуальном порядке к внутрисистемному контролю, полагаем, не относится, т. к. правосудие является не внутренней, а внешней функцией судебных органов.

[2] Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право. М., 2007. С. 239; Миронов А. Л. Сущность государственного контроля. С. 47–48; Нуманов Х. И. Сущность контрольно-надзорной функции в деятельности государственных органов // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2013. № 2. (29). С. 108; Смородинова Ю. С. Контроль и надзор в деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (административно-правовой аспект): дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. С. 28–29; Зубарев С. М. О правоохранительных аспектах контроля и надзора // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12. № 4. С. 418; Колязина А. В. Указ соч. С. 46; Беляев В. П. Контроль и надзор: проблемы разграничения. С. 202; Маслов К. В. О соотношении понятий контроля и надзора // Правоприменение. 2018. Т. 2. № 1. С. 85–90; Умарова М. А. Механизм судебного контроля: общетеоретическое исследование … С. 31–32.

вмешательство в оперативно-хозяйственную деятельность контролируемого объекта, оказание последнему помощи в устранении выявленных отклонений организационно-распорядительными средствами; д) предполагает у контролирующего субъекта наличие права отменять или изменять действия либо решения контролируемого; е) сопровождается определением способов воздействия на управляемый объект и непосредственным применением мер юридической ответственности в отношении лиц, виновных в выявленных нарушениях.

Большинство из перечисленных сущностных характеристик явно не подходит (не относится) к судебной деятельности, именуемой судебным контролем над досудебным производством.

Во-первых, осуществляемый в период предварительного производства по уголовному делу судебный контроль по своему целевому назначению в значительной степени отличается от контроля «управленческого», он не преследует цель обеспечения надлежащего качественного уровня деятельности «подконтрольных» органов предварительного расследования и прокуратуры, законности и эффективности расследования уголовного дела (хотя косвенно и способствует этому), а имеет узконаправленное действие – ограждение конституционных прав и свобод личности от незаконного и необоснованного ограничения (ущемления) в ходе досудебного производства по уголовному делу.

Во-вторых, судебный контроль не имеет внутрисистемного характера и управленческого свойства: суд не выступает субъектом руководства и управления, а «контролирует» деятельность органов и должностных лиц, не находящихся в его организационно-административном подчинении, отсюда отсутствие в арсенале суда управленческих процедур и инструментов.

В-третьих, суд в отличие от субъектов, для которых контроль является частью их управленческой деятельности, не несет ответственности за состояние и законность проверяемой им деятельности органов уголовного преследования, как орган правосудия он нейтрален (и даже индифферентен) к результатам их деятельности.

В-четвертых, суд не контролирует эффективность процессуальной деятельности органов расследования и прокурора в целом и не проверяет целесообразность их действий и решений в частности, контроль суда ограничивается только вопросами правомерности (законности и обоснованности) подконтрольной процессуальной деятельности и только в части соблюдения основных прав и свобод вовлеченных в конкретное уголовное производство лиц.

В-пятых, судебный контроль на досудебных стадиях производства по уголовному делу, хотя и позиционируется как текущий, в противопоставлении с отложенным контролем суда за ходом и результатами оконченного предварительного расследования (гл. 34 УПК РФ)[1], никогда не носит характер непосредственного наблюдения (отслеживания) подконтрольной деятельности, а ограничивается проверкой и оценкой единичных действий и решений.

В-шестых, контроль суда осуществляется не систематически, не на постоянной основе, а эпизодически, по мере поступления в суд соответствующих процессуальных обращений, и, следовательно, может вообще не производиться и не производится по значительному количеству уголовных дел, что противоестественно и недопустимо для управленческого контроля.

В-седьмых, суд целенаправленно не отслеживает нарушения со стороны органов уголовного преследования и по собственному почину их не выявляет, а проводит контрольно-проверочные действия только по инициативе других субъектов и участников производства по уголовному делу.

В-восьмых, контроль суда является не сплошным, а выборочным. Судом контролируется не вся процессуальная деятельность органов предварительного расследования и прокурора, а только определенная ее часть – действия и решения, затрагивающие конституционные права и свободы личности – и лишь в пределах обозначенного в обращении заинтересованной стороны процессуального казуса (конфликтной ситуации) и заявленных требований. Тем самым судебный контроль проявляет свойственную правосудию ситуационность.

---

[1] Судебный контроль в уголовном процессе / под ред. Н. А. Колоколова. С. 18.

В-девятых, суд не имеет в отношении подконтрольных субъектов никаких исполнительно-распорядительных и административных полномочий: не вправе вмешивается в оперативную деятельность органов расследования и прокурора, давать им какие-либо указания относительно направления, тактики досудебного производства и по другим вопросам их деятельности, определять должностным лицам, допустившим нарушение, меру ответственности и применять к ним соответствующие санкции[1].

В-десятых, суд даже не властен отменять незаконные действия или решения должностных лиц, ведущих предварительное производство по уголовному делу[2], и устанавливать (предлагать) конкретные меры по устранению допущенных нарушений – судебно-контрольные повеления (требования) ограничиваются констатацией законности или незаконности (обоснованности или необоснованности) проверяемых действий и решений и возложением на соответствующих компетентных должностных лиц обязанности по устранению допущенных нарушений.

Учитывая изложенную специфику судебного контроля над законностью досудебного производства нельзя не признать, что данный вид судебной деятельности не является ведомственным контролем, имеет ограниченную сферу действия, и может быть отнесен к разновидности государственного контроля весьма условно (можно сказать, номинально), лишь по признаку осуществления его специальным государственным органом – судом – и ввиду выраженного проверочно-оценочного характера его действий по отношению к действиям других органов государственной власти, ведущих производство по уголовному делу на досудебных стадиях, а также возможного (при негативной оценке

---

[1] Единственными, имеющими процессуальный характер санкциями суда являются признание состоявшегося действия (бездействия) или решения должностного лица незаконным либо отклонение притязаний следователя, дознавателя, прокурора на ограничение прав и свобод конкретного лица, выраженных в соответствующем ходатайстве, и запрет на совершение запрашиваемого у суда процессуального действия или применение меры принуждения.

[2] Исключением из этого общего правила является возложенная на суд обязанность по отмене незаконного и (или) необоснованного решения Генерального прокурора РФ или его заместителя о выдаче лица иностранному государству для уголовного преследования или исполнения приговора (ст. 463 УПК РФ).

проверяемого акта) корректирующего эффекта решений суда, принимаемых по результатам проведенного контроля.

Кроме того, необходимо принять во внимание, что важнейшей характеристикой любого вида судебного контроля является его процессуальная форма. Вне юридического процесса, за рамками того или иного вида судопроизводства (конституционного, уголовного, административного) полноценный контроль суда невозможен и, как правило, не осуществляется[1]. И здесь мы можем вновь убедиться в несовпадении его признаков, теперь уже формально-процедурных, с признаками контроля как элемента (функции) системы государственного управления.

Согласно традиционной процессуальной доктрине, основанной на узком понимании юридического процесса как юрисдикционной деятельности, направленной на разрешение споров о праве и осуществление принуждения в рамках правосудия и в связи с ним[2] («юрисдикционная концепция юридического процесса»[3]), процессуальная форма ограничивается рамками судопроизводства и не охватывает иные виды юридической, в том числе контрольно-надзорной, деятельности, которые заключены в правовые формы иного рода – в юридические процедуры[4].

---

[1] Единственное исключение, пожалуй, составляет порядок разрешения судом оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, и на неприкосновенность жилища, предусмотренный ст. 9 Федерального закона от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в редакции от 28.06.2022 г.) // СЗ РФ 1995. № 33. Ст. 349 (далее – ФЗ об ОРД)). Данный вид «судебного контроля» реализуется вне существующих видов судопроизводства, при этом носит не судебно-процессуальный, а чисто административный (хотя и вневедомственный) характер и по своему порядку совершенно не соответствует принципам и процедурным правилам правосудной деятельности.

[2] Юсупов А. А. Проблемы единства понимания юридического процесса и юридической процедуры // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 3. С. 107–108, 111.

[3] Горшенев В. М. Теория юридического процесса как комплексное научное образование // Проблемы социалистической законности. Республиканский междуведомственный научный сборник. Харьков, 1986, Вып. 17. С. 7.

[4] Подробнее см.: Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. С. 237–240; Васильев А. М. О правоприменении и процессуальном праве // Труды ВЮЗИ. Проблемы соотношения материального и процессуального права. М., 1980. С. 4-13; Полянский Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М., Мельников А. А. Проблемы судебного права. М., 1983. С. 14; Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. М., 2003. С. 60–84; Юсупов А. А. Указ. соч. С.

В сложившейся общей теории юридического процесса, основанной на альтернативном (широком) подходе к пониманию процессуального права и юридического процесса, последний представлен как комплексная система органически взаимосвязанных и логически последовательных правовых форм деятельности уполномоченных органов государства и должностных лиц, а также заинтересованных в разрешении юридических дел иных субъектов права, которая включает в себя не только традиционные (юрисдикционные), но и нетрадиционные (управленческие) процессы[1]. По мнению создателей и сторонников данной теории (В. М. Горшенев, П. Е. Недбайло, Ю. И. Мельников, В. С. Основин, В. Г. Крупнин, И. Б. Шахов, А. А. Павлушина и др.) к самостоятельным видам юридического процесса наравне с правоприменительным (юрисдикционным и позитивным) относятся также учредительный, правотворческий и *контрольный* процессы[2]. Последний по методу осуществления одновременно носит и разрешительно-распорядительный (административно-процедурный) и юрисдикционный характер, выступая в форме регулятивных и охранительных правоотношений[3], но при этом позиционируется, прежде всего, как специфическая правовая форма управленческой деятельности государственных органов, поскольку по сущности и содержанию контроль явно выходит за рамки юрисдикционной деятельности и его главным назначением

107–114; Ваулин И. А. Особенности процессуального права как части системы российского права // Вопросы экономики и права. 2016. № 1. С. 15.

[1] Зубарев С. М. О правоохранительных аспектах контроля и надзора. С. 417; Юсупов А. А. Указ. соч. С. 108.

[2] Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / Под ред. В. М. Горшенева, П. Е. Недбайло М., 1976. С. 40–53; Теория юридического процесса / Под общ. ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 65–70; Горшенев В. М., Шахов И. Б. Контроль как правовая форма деятельности. М., 1987. С. 8-59; Мельников Ю. И., Рудкин Ю. Д. О процессуальном в юридической деятельности // Юридическая деятельность: сущность, структура, виды. Ярославль, 1989. С. 66; Баландин В. Н. Принципы юридического процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 10–12; Павлушина А. А. Теория юридического процесса: Проблемы и перспективы развития: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Н.Новгород, 2005. С 44–46; Козлова А. В. О видах юридического процесса: теория вопроса // Вопросы экономики и права. 2012. № 12. С. 38–42; Солдатова О. Е. Юридический процесс (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 11–13; Ваулин И. А. Указ соч. С. 15–20.

[3] Зубарев С. М. Указ. соч. С. 418.

является обеспечение «согласованности запланированного и реально осуществимого»[1].

Стало быть, при любом существующем на сегодняшний день научном подходе к сущности и содержанию юридического процесса судебный контроль в процессуально-процедурном аспекте «разведен» и никоим образом не стыкуется с контролем в сфере управления. Контроль суда за деятельностью органов уголовного преследования, как и контрольно-проверочная деятельность вышестоящих судебных инстанций, реализуется в форме правоприменительного, юрисдикционного (уголовного) процесса, который в отличие от юридических процедур государственно-управленческого контроля (или контрольного процесса) построен на собственных, присущих только правосудию принципах, методах и процессуальных правилах и не содержит никаких позитивных (управленческих) процедур.

Исходя из всего вышеизложенного, невозможно согласиться с категоричными утверждениями А. И. Бойко и О. А. Бойко о том, что судебный контроль «является органичным компонентом общего процесса государственного управления в области борьбы с преступностью» и с его введением в уголовный процесс произошло «предварительное включение суда в основную юридическую деятельность другого ведомства», что, «проявляя себя юридически значимым образом на стадии предварительного расследования, суд volens-nolens вступает в область классической исполнительно-распорядительной деятельности органов государственного управления»[2]. Процессуальный судебный контроль не может и не должен быть таковым по определению.

Оперативный судебный контроль – не функция и не стадия управленческой, исполнительно-распорядительной деятельности, а деятельность исключительно правосудная, осуществляемая не иначе как посредством рассмотрения и разрешения юридических (судебно-контрольных) дел. Предваряющий судебное производство по уголовному делу судебный контроль воплощает в себе

---

[1] Горшенев В. М., Шахов И. Б. Контроль как правовая форма деятельности. С. 22.

[2] Бойко А. И., Бойко О. А. Судебный контроль по уголовным делам – особый вид юридической деятельности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. № 1. С. 77–78, 83.

конституционно установленные способы судебной защиты прав и свобод личности от произвола и незаконных действий органов публичной, в рассматриваемом случае – обвинительной, власти (ч. 2 ст. 22, 23, 25, ч. 3 ст. 35, 46, 52 Конституция РФ) и представляет собой ее уголовно-процессуальный вариант (форму), привнесенный в досудебное производство по уголовным делам в целях своевременной и эффективной реализации в уголовном процессе правозащитной функции власти судебной.

По своей сущности, содержанию и свойствам судебный контроль ближе не к «управленческому» контролю, а к государственному (в частности, прокурорскому) надзору[1], но и с ним имеет существенные различия, не позволяющие идентифицировать его как надзорную деятельность[2]. Так, в судебно-контрольной деятельности отсутствуют такие присущие надзору и неотъемлемые от него признаки как наличие широко поставленной цели – удержание в режиме законности всей деятельности поднадзорных объектов и обеспечение правопорядка в целом, а отсюда и всеобъемлющий характер, универсальность, систематичность (осуществление на постоянной, непрерывной основе), активность и инициативность в выявлении нарушений законности,

---

[1] О свойствах государственного (прокурорского) надзора см.: Беляев В. П.: 1) Контроль и надзор как формы юридической деятельности … С. 28–36; 2) Контроль и надзор: проблемы разграничения. С. 202–203; Нуманов Х. И. Сущность контрольно-надзорной функции в деятельности государственных органов. С. 110; Смородинова Ю. С. Контроль и надзор в деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. С. 29–39; Лапина М. А. Сущность государственного контроля (надзора) и генезис его законодательного определения. С. 154–155; Зубарев С. М. О правоохранительных аспектах контроля и надзора // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12. № 4. С. 417–421; Измоденов А. К., Курдюмов А. В. Основы государственного контроля, надзора и аудита. С. 12–13; Маслов К. В. Указ. соч. С. 87–88.

[2] В литературе встречаются работы, в которых авторы без достаточных на то оснований причисляют судебный контроль к надзору. Так, Ю. С. Смородинова, разграничив государственный контроль и надзор и, видимо, не найдя требуемые квалифицирующие признаки контроля в контрольно-проверочной деятельности судебных органов «в отношении действий и актов иных органов, не входящих в судебную систему», без должной аргументации отнесла эту деятельность к виду надзора (Смородинова Ю. С. Указ. соч. С. 40). А. М. Баранов, заключив, что в действиях суда на досудебном производстве «собственно контроля нет», полагает, что «с точки зрения чистоты юридической терминологии, по отношению к контрольной деятельности суда необходимо использовать термин «надзор»» (Баранов А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2006. С. 29–30).

применении мер государственного принуждения по пресечению и устранению последствий выявленных нарушений и в привлечении виновных к юридической ответственности. Сравнительный анализ судебного контроля и прокурорского надзора убедительно доказывает, что они являются самостоятельными организационно-правовыми формами контрольно-надзорной деятельности государства[1].

В рамках уголовного процесса судебный контроль, исходя из его целевого назначения, задач, объекта и предмета, допустимо (с обязательным выделением его специфичности) включать в действующую систему уголовно-процессуального контроля досудебного производства (по О. В. Химичевой – систему «процессуального контроля и надзора на досудебном производстве»[2]), основными, регулярно задействованными элементами которого являются ведомственный процессуальный контроль руководителей органов предварительного расследования и прокурорский надзор. Соприкасаясь и определенным образом взаимодействуя на участке охраны основных (конституционных) прав и свобод личности с ведомственным контролем и прокурорским надзором оперативный судебный контроль, тем не менее, не конкурирует с этими формами контрольно-надзорной деятельности, не подменяет и не ограничивает соответствующих полномочий прокурора и руководителей органов следствия и дознания[3], а органично их дополняет, усиливая

---

[1] Чепурнова Н., Смольников С. Судебный контроль и прокурорский надзор // Законность. 2007. № 5. С. 16–18. – См. также: Сбоев А. С. Механизм судебного контроля в досудебном уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 10–11.

[2] Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 15–17.

[3] См.: Колоколов Н. А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования преступлений: важная функция судебной власти (проблемы осуществления в условиях правовой реформы): дис. … канд. юрид. наук. М., 1998. С. 54–55; Химичева О. В. Указ. соч. С. 21; Чепурная И. В. Судебный контроль в досудебном уголовном производстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. С. 15; Костерина Н. В. Судебный контроль на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 15; Шемраева Ю. А. Связь судебного контроля и прокурорского надзора на стадии предварительного расследования по уголовному делу // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 1. С. 97.

правозащитный и правообеспечительный механизмы уголовного судопроизводства и выступая важнейшей гарантией соблюдения в ходе предварительного производства по уголовному делу основных прав и свобод человека.

Таким образом, приведенные соображения еще раз убеждают в том, что судебно-контрольная деятельность в период досудебного производства по уголовному делу, как и в контрольно-проверочных судебных стадиях, есть не часть (стадия) управленческой либо какой-либо иной (не юрисдикционной) юридической деятельности, а представляет собой обязательный с позиции действующего права компонент деятельности по осуществлению уголовного правосудия, ее разновидность, в которой контрольная функция суда наиболее выражена и выходит на первый план, но реализуется наравне с функцией разрешения дела – судебно-контрольного дела, не отменяя при этом действие и иных процессуальных функций (подфункций) уголовного суда: правоохранной, правовосстановительной, обеспечительной и превентивной.

В научной литературе изложено мнение, что суд на досудебных стадиях производства по уголовному делу выполняет только обеспечительную функцию[1], а также приводятся схожие суждения о том, что по отношению к правосудию (разрешению уголовного дела) судебный контроль выполняет обеспечительную роль (функцию)[2], «носит соподчиненный, обеспечительный характер»[3], а решения, принятые в порядке судебного контроля, несут вспомогательную

---

[1] Рыжих А. Н. Полномочия суда на досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. …канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 6, 11–12. – Данный автор, отвергая осуществление судом в досудебном производстве и функции правосудия, и функции контроля, тем не менее, признает наличие судебно-контрольных полномочий, которые на данном этапе уголовного производства реализуются в форме деятельности, названной им «судебным контролем».

[2] Сергеев К. А., Чеботарева И. Ю. Контроль и отправление правосудия – два вида судебной деятельности // Социум и власть. 2015. № 5. С. 87; Каштанова Н. С., Колбина В. А. Судебный контроль в уголовном процессе России // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 1 (50). С. 226.

[3] Шилов А. В., Трошкин Е. З. Судебный контроль на стадии предварительного расследования в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Минск, 2004. С. 27.

нагрузку, обеспечивая для суда возможность вынесения правосудного приговора[1]. Подобные оценки требуют существенной корректировки.

При осуществлении контроля обеспечительная функция и обусловленные ею процессуальные полномочия, безусловно, реализуются судом, но только в рамках судебно-контрольного производства, т. е. в действиях и решениях, направленных на подготовку и обеспечение надлежащего рассмотрения и разрешения судебно-контрольного дела (проверка относимости и подсудности поступившего процессуального обращения, достаточности представленных в суд материалов, назначение судебного заседания, вызов сторон, разъяснение процессуальных прав, отложение судебного заседания и т. д.). Однако в таком, обычном для правосудия объеме и содержании, обеспечительная функция не может претендовать на превалирующую роль и тем более считаться единственно выполняемой в судебном контроле.

Для констатации выполнения судебным контролем обеспечительной функции широкого действия, т. е. в отношении основного уголовного производства, необходимо наличие соответствующей целевой установки (функция производна от назначения деятельности и выполняемых ею задач), которая в плане обеспечения законности и эффективности предварительного расследования, создания оптимальных условий для осуществления правосудия на данном этапе судопроизводства у суда отсутствует. Иное означало бы переложение на суд задач, стоящих перед органами предварительного расследования и (отчасти) надзирающего за ними прокурора. Возложение на суд подобного рода задач проблематично и по причине того, что «обеспечение» как функция требует активности и целенаправленности и не должно быть пассивным и безынициативным, каковой является судебно-контрольная деятельность на этапах досудебного производства.

---

[1] Азаров В. А., Таричко И. Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск, 2004. С. 136; Таричко И. Ю. Функция судебного контроля в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2004. С. 14.

Влияние решений по делам судебного контроля на движение уголовного дела (в досудебных стадиях), на формирование доказательственной базы (объем и допустимость доказательств), на законность применения мер принуждения и в целом всего предварительного производства может быть значительным, а может и вовсе отсутствовать, но в любом случае не имеет в силу рассмотренных выше свойств (эпизодичность, ограниченность, пассивность) решающего значения в обеспечении законности основного уголовного производства, а лишь выступает фактором, способствующим поддержанию в нем режима законности.

Как было отмечено ранее, обеспечительное действие судебного контроля в отношении последующего, в том числе судебного, производства по уголовному делу является дополнительным, сопутствующим позитивным эффектом, производным от выполнения судом непосредственных задач осуществляемого контроля, и не является результатом целенаправленной деятельности суда.

Цель реализации судебной власти в досудебных стадиях уголовного процесса изначально ограничена, но с позиции иерархии социально-правовых ценностей особо значима, это – защита личности от незаконного и необоснованного ограничения ее конституционных прав и свобод процессуальной деятельностью органов уголовного преследования. Она детерминирована основополагающим правом гражданина на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ) и общим назначением уголовного судопроизводства (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), в силу чего выступает одной из главных целей уголовного правосудия.

Из сказанного следует, что *непосредственные задачи* суда в судебно-контрольных производствах относительно задач по рассмотрению уголовного дела имеют не подчиненный характер, а самостоятельное значение и заключаются в том, чтоб оперативно, с соблюдением установленной законом процедуры рассмотреть судебно-контрольное дело, законно и справедливо разрешить вопрос (спор) о правомерности состоявшегося или предпринимаемого со стороны органа уголовного преследования ограничения индивидуальных прав и свобод личности и тем самым предотвратить их нарушение либо эффективно восстановить уже нарушенное право. В этой связи представляется неприемлемой встречающаяся в

литературе трактовка целей и задач судебного контроля в досудебных стадиях уголовного судопроизводства как промежуточных целей и задач суда[1].

Строго говоря, перед судебным контролем в досудебном производстве с 2007 г., дополнительно поставлена и другая (локальная) цель – защита государственной тайны (п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ в редакции Федерального закона от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ[2]), которую законодатель, следует признать, безосновательно определил суду. Думается, что защита публичного интереса в ходе государственной юридической деятельности, каковой является расследование уголовного дела, не входит в число приоритетов судебного контроля и не соответствует его назначению, а может и должна быть обеспечена другими способами – методами прокурорского надзора и процессуально-ведомственного контроля.

Других непосредственных задач типа: подтвердить юридическую силу собранных по делу доказательств[3], придать юридическую силу правомерным действиям и решениям органов уголовного преследования[4] и тем самым легализовать полученные ими доказательства[5], способствовать эффективному расследованию уголовного дела и обеспечить его законность[6], непосредственно перед судебным контролем не стоит. В действующей системе российского уголовного процесса, суд не руководит предварительным расследованием и не «регулирует ход предварительного расследования»[7], соответственно не несет

---

[1] Солодилов А. В. Судебный контроль в системе уголовного процесса России. Томск, 2000. С. 40; Меретуков Г. М. Правовая природа и виды решений суда первой инстанции в российском уголовном процессе // Электронный научный журнал КубГАУ. 2012. № 76. С. 1124–1149.

[2] Федеральный закон от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"» // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

[3] Азаров В. А., Таричко И. Ю. Указ. соч. С. 136.

[4] Каштанова Н. С., Колбина В. А. Указ. соч. С. 226.

[5] Таричко И. Ю. Функция судебного контроля в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2004. С. 7–8; Чекуров Н. Г. Проблемы реализации судебного контроля в уголовном судопроизводстве РФ // Сибирский юридический вестник. 2012. № 4. С. 102.

[6] Махоркин И. Л. Полномочия суда и их реализация на стадии предварительного расследования в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 20.

[7] Там же.

ответственности и не должен отвечать за качество досудебного производства, организуемого и осуществляемого иной ветвью власти и проходящего в неподвластных суду условиях. Не стоит пытаться возлагать на уголовный суд миссии, которые выходят за пределы его задач как органа правосудия и требуют употребление несвойственных правосудию средств и методов.

С другой стороны, «отторжение» на доктринальном уровне судебного контроля от правосудия, отведение ему лишь вспомогательной, второстепенной роли в уголовном судопроизводстве чревато принижением его социально-правового значения со стороны как законодателя, так и правоприменителей (судей), что и приводит на уровне нормативно-правового регулирования к недостаточной развитости, несовершенству процессуальных форм судебно-контрольной деятельности и является одной из главных причин неэффективного, формального осуществления судьями полномочий по оперативному контролю за действиями и решениями органов уголовного преследования.

Итак, *объектом* оперативного судебного контроля (то, на защиту чего он направлен) выступают конституционные права и свободы личности, нарушенные или подлежащие ограничению посредством процессуальной деятельности субъектов, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу, и связанные с этим уголовно-процессуальные отношения, в рамках которых ограничиваются (ущемляются) права и свободы.

Представителями томской научной школы процессуалистов отстаивается позиция, согласно которой «материально-правовой базой» всех судебно-контрольных производств являются нормы Конституции РФ, «предусматривающие права и свободы человека (и возможности их ограничения в ходе уголовного судопроизводства)»[1], поэтому в рамках этих производств применяются именно нормы конституционного права[2], а институт судебного контроля по своему характеру является не уголовно-процессуальным, а

---

[1] Трубникова Т. В. Судебный контроль на досудебных стадиях судопроизводства: правовая природа и место в системе уголовного процесса // Вестник ТГУ, 2003. № 279. С. 83.

[2] Якимович Ю. К. Понятие назначение, дифференциация уголовного процесса … С. 68–69.

конституционно-правовым[1]. Данный взгляд на правовую основу судебно-контрольных производств не может быть принят безоговорочно и требует уточнения.

Положения Конституции РФ как основного закона государства носят всеобщий, базовый, межотраслевой характер, содержательно они, как правило, раскрываются и конкретизируются применительно к той или иной сфере общественной жизни (деятельности) в специализированных нормативно-правовых актах более низкого уровня, поэтому «конституционные истоки» можно найти в любых отраслях и нормах права, в том числе регулирующих режим соблюдения прав человека в уголовном судопроизводстве. Глава 2 Конституции РФ провозглашает права и свободы человека и гражданина, гарантирует их государственную защиту, в том числе судебную посредством правосудия (статьи 18, 45, 46, 52), определяет принципы допустимого ограничения прав и свобод (статьи 55–56) и для некоторых из них прямо устанавливает судебный способ ограничения (статьи 22, 23, 25, 35), но и только.

Собственно процедурные гарантии соблюдения прав и свобод человека в ходе досудебного производства, основания, условия и процессуальный порядок принятия решений и выполнения действий, ограничивающих права и свободы, непосредственно регламентированы нормами уголовно-процессуального права. Соответственно, возникающие в связи с совершением или инициированием таких процессуальных актов правовые споры или конфликтные по сути и требующие судебного решения юридические вопросы являются по своей природе не только конституционно-правовыми, но и процессуальными, а общественно-правовые отношения, в которые облечены действия участников судебно-контрольных производств, хотя и имеют конституционную основу, тем не менее носят выраженный уголовно-процессуальный характер. Н. Н. Ковтун по этому поводу справедливо замечает, что вне уголовного судопроизводства и вне уголовно-процессуальных отношений судебный контроль соблюдения конституционных

[1] Свиридов М. К. Природа судебного контроля за предварительным расследованием. С. 120–121.

прав и свобод в досудебном производстве невозможен, т. к. лишен своей объективной основы[1].

Изучение правоприменительных судебных актов подтверждает, что, разрешая при рассмотрении судебно-контрольного дела вопрос о законности или обоснованности того или иного процессуального действия или решения, суд непосредственно применяет нормы уголовно-процессуального права, регламентирующие основания, условия и порядок совершения поставленного под контроль суда акта органа обвинительной власти и ссылается в своем постановлении (определении) на соответствующие статьи УПК РФ, как правило, без дополнительного обращения к нормам Конституции РФ[2].

Общим *предметом* оперативного судебного контроля выступает уголовно-процессуальная деятельность должностных лиц органов уголовного преследования по осуществлению ими досудебного производства по уголовным делам. В рамках единичного судебно-контрольного производства предметом судебной проверки становятся конкретно-индивидуальные процессуальные действие (бездействие) или решение должностного лица, причастного к производству по уголовному делу, затрагивающие права и свободы конкретного индивида.

Виды и формы судебно-контрольных производств. По предметному признаку (существу разрешаемого судом вопроса) судебно-контрольные производства подразделяются на следующие ***виды***[3]:

---

[1] Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. С. 33.

[2] Непосредственное применение положений Конституции РФ (ссылки на конституционные нормы) о правах человека имело распространение в судебной практике 90-х годов XX в., когда это было вызвано потребностью практической реализации гарантий судебной защиты конституционных прав и свобод личности в условиях отсутствия в УПК РСФСР надлежащей регламентации судебно-контрольных полномочий.

[3] Здесь для краткости изложения большинство разновидностей судебно-контрольных производств объединены в группы однотипных по содержанию и форме производств, которые по предметному критерию подлежат дальнейшей градации вплоть до единичного уровня, например, предусмотренные ст. 165 УПК РФ производства о разрешении следственных и иных процессуальных действий – по видам этих действий.

- производства по даче заключения по представлению Президента РФ о наличии или отсутствии в действиях соответствующего должностного лица признаков преступления (части 2 и 3 ст. 448 УПК РФ);
- производства по применению по ходатайствам следователя, дознавателя, а также прокурора[1] мер пресечения: запрета определенных действий, залога, домашнего ареста и заключения под стражу (ст. 108 УПК РФ);
- производства о продлении срока содержания под стражей, домашнего ареста, запрета определенных действий и применения залога (ст. 109 УПК РФ) по ходатайствам следователя, дознавателя, а также прокурора[2];
- производства по применению иных мер процессуального принуждения по ходатайствам следователя, дознавателя (статьи 114, 115, 118 УПК РФ);
- производство о продлении по ходатайству следователя, дознавателя срока наложения ареста на имущество (ст. 115.1 УПК РФ);
- производства по выдаче разрешений на производство следственных и иных процессуальных действий (ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ);
- производство по проверке законности следственного действия, произведенного без судебного решения (ч. 5 ст. 165 УПК РФ);
- производства по ходатайствам органов расследования о помещении подозреваемого, обвиняемого в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы (ч.2 ст. 203 УПК РФ);
- производства по установлению по ходатайству следователя, дознавателя срока для ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела (ч. 3 ст. 217 УПК РФ);

---

[1] На основании ч. 1 ст. 466 УПК РФ прокурор в целях обеспечения возможности выдачи лица иностранному государству для уголовного преследования (ст. 462 УПК РФ) вправе ходатайствовать перед судом об избрании этому лицу меры пресечения в виде заключения под стражу, которая согласно разъяснениям Верховного Суда РФ избирается и в дальнейшем продляется в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 97, статей 108, 109 и 466 УПК РФ, а также п. 1 ст. Европейской конвенции (п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» (в редакции от 03.03.2015 г.) // БВС РФ. 2012. № 8).

[2] В случаях, предусмотренных ч. 2.1 ст. 221 и ч. 1 ст. 466 УПК РФ.

- производства по ходатайствам следователя, дознавателя о переводе лица, страдающего психическим заболеванием и содержащегося под стражей, в психиатрический стационар (ч. 1 ст. 435 УПК РФ) и по ходатайствам о помещении лица, страдающего психическим заболеванием и не содержащегося под стражей, в психиатрический стационар (ч. 2 ст. 435 УПК);
- производства по ходатайствам прокурора, руководителя следственного органа о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по истечении одного года со дня его вынесения органом расследования (п. 13 ч. 2 ст. 29, ч. 1.1 ст. 214, ст. 214.1 УПК РФ);
- производства по жалобам на процессуальные действия (бездействия) и решения органов предварительного расследования и прокурора (статьи 125 и 125.1 УПК РФ);
- производство по жалобе на решение Генерального прокурора РФ или его заместителя об экстрадиции – выдаче лица иностранному государству *для уголовного преследования*[1] (ст. 463 УПК РФ).

Судебно-контрольные производства могут быть дифференцированы по множеству иных критериев, давших основание для многочисленных, разработанных в науке уголовно-процессуального права классификаций судебного контроля[2], позволяющих полнее раскрыть их содержательную сущность и процессуальную форму.

---

[1] Выдача лица иностранному государству может быть произведена и в целях исполнения приговора суда иностранного государства (ч. 1 ст. 462 УПК РФ). При таком варианте рассмотрение жалобы на решение об экстрадиции хотя и проводится в том же процессуальном порядке (ст. 463 УПК РФ), тем не менее, образует (по предметному и прочим признакам) не контрольное, а судебно-исполнительное производство.

Следует также заметить, что при принятии решения о выдаче иностранному государству лица, в отношении которого поступил запрос на выдачу, прокурор вправе собственным решением подвергнуть это лицо домашнему аресту или заключить его под стражу, если к запросу приложено решение судебного органа иностранного государства о заключении этого лица под стражу (ч. 2 ст. 466 УПК РФ). В этом случае, как разъяснил Верховный Суд РФ, постановление прокурора о заключении лица под стражу может быть обжаловано в суд в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК РФ (п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11).

[2] Подробнее о классификации судебного контроля см.: Яблоков В. А. Реализация судебной власти на досудебных стадиях уголовного процесса России: автореф. дис. … канд. юрид. наук.. Самара, 2001. С. 11–12; Шилов А. В., Трошкин Е. З. Судебный контроль на стадии

Судебно-контрольные производства весьма разнообразны в своем процессуальном оформлении и внешних процедурных проявлениях и различаются между собой: а) по стадии основного уголовного производства, в которой возможна их реализация (в стадии возбуждения уголовного дела, в стадии предварительного расследования, в обоих стадиях); б) по субъектам – инициаторам контрольного производства; в) по субъектам контроля – судебным органам, уполномоченным осуществлять ту или иную форму судебного контроля; г) по срокам обращения к суду и срокам (продолжительности) контрольного производства; д) по кругу и статусам лиц, участвующих в судебном рассмотрении судебно-контрольного дела; е) по режиму судебного заседания; ж) по форме (заключение, постановление, определение) и содержанию судебных решений.

Анализ предусмотренных российским законодателем комбинаций процедурных элементов судебного контроля в их совокупности с предметом судебного рассмотрения позволяет соотнести виды судебно-контрольных производств с установленными для их осуществления процессуальными формами и прийти к выводу, что далеко не все судебно-контрольные производства имеют собственную и адекватную предмету и характеру той или иной разновидности судебного контроля процессуальную форму.

На сегодняшний день в российском уголовном процессе более-менее четко сформировались три ***основные***, наиболее востребованные ***судебно-контрольные формы*** – в порядке их перечисления ниже применение в 2021 г. этих форм составило 31%, 52% и 10% соответственно от общего числа проводившихся судебно-контрольных производств (*см. приложение № 1, таблица 6*):

1) предусмотренная ст. 108 УПК РФ процедура, непосредственно предназначенная для рассмотрения и разрешения ходатайств о применении судом мер пресечения, а также производный от нее, родственный, но отличающийся по

предварительного расследования в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. С. 43–45; Бурмагин С. В. : 1) Роль и правовое положение суда в современном российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Т. 2. Владимир, 2009. С. 11–19; 2) Уголовный суд России. С. 212–213.

ряду элементов порядок продления сроков действия мер пресечения, установленный ст. 109 УПК РФ;

2) предусмотренная частями 2 – 4 ст. 165 УПК РФ процедура разрешения судом производства следственных и иных процессуальных действий, имеющая различающиеся между собой вариации;

3) предусмотренная ст. 125 (и дополнительно ст. 125.1) УПК РФ процедура рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц органов предварительного расследования и прокурора.

Иные, менее распространенные на практике, судебно-контрольные производства либо наделены собственной процедурой, в отдельных случаях недостаточно разработанной:

- ст. 115.1 УПК РФ – порядок продления срока ареста имущества;
- ч. 3–4 ст. 118 УПК РФ – наложение судом денежного взыскания по инициативе следователя, дознавателя;
- ч. 5 ст. 165 УПК РФ – порядок проверки законности совершенного без судебного решения следственного действия;
- ст. 214.1 УПК РФ – судебный порядок получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования;
- ст. 463 УПК РФ – судебное обжалование решения об экстрадиции;

либо по воле законодателя заимствуют одну из указанных выше основных процессуальных форм:

- рассмотрение ходатайств о наложении ареста на имущество, о помещении обвиняемого, подозреваемого в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы, о помещении лица, страдающего психическим заболеванием и не содержащегося под стражей, в психиатрический стационар, производится в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ;
- рассмотрение ходатайств о переводе лица, страдающего психическим заболеванием и содержащимся под стражей, в психиатрический стационар осуществляется в порядке ст. 108 УПК РФ;

- при разрешении ходатайства об установлении срока для ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела используется порядок, предусмотренный ст. 125 УПК РФ;

либо формально вовсе не имеют законодательно установленной процедуры и осуществляются в порядке, сложившемся на основе судебной практики, которая заполняет законодательные пробелы заимствованиями из устоявшихся, «родственных» (по своему характеру) производств:

- временное отстранение обвиняемого, подозреваемого от должности (ст. 114 УПК РФ);

- дача судом заключения о наличии или отсутствии в действиях должностного лица признаков преступления (ст. 448 УПК РФ).

Для характеристики содержательной стороны и выделения процедурных особенностей разных видов судебно-контрольных производств наибольший научный интерес и практическое значение представляет следующая градация судебного контроля:

а) по критерию соотношения времени проведения судебной проверки с моментом совершения контролируемого процессуального акта на *предшествующий* (предварительный) и *последующий*;

б) по способу защиты охраняемых прав – на *предупредительный* и *восстановительный*;

в) по признаку обязательности проведения – на *статутный* (обязательный) и *диспозитивный* (необязательный).

Если взять вышеуказанные основные формы судебного контроля, то в последней из них (статьи 125 и 125.1 УПК РФ) реализуется диспозитивный, последующий, восстановительный судебный контроль, а в остальных (статьи 108, 109 и 165 УПК РФ) – обязательный, предшествующий и предупредительный. Все виды судебного контроля, реализуемые в иных формах, также классифицируются по данным признакам.

При этом нельзя не заметить, что законодатель произвольно, без учета видовой принадлежности и предметной специфики наделил отдельные судебные

производства процессуальной формой, выработанной для иного вида судебного контроля. Так, помещение обвиняемого, подозреваемого в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы и помещение лица, страдающего психическим заболеванием и не содержащегося под стражей, в психиатрический стационар по своей сути являются мерами процессуального принуждения, не требующими принятия решения по их применению в условиях тайны, поэтому ходатайства о применении этих мер могут и должны рассматриваться судом с участием всех заинтересованных субъектов в порядке, аналогичном для судебных процедур по разрешению ходатайств о применении меры пресечения, т. е. в порядке, предусмотренном ст. 108, а не ст. 165 УПК РФ[1].

Предшествующий (предварительный) статутный контроль законности ограничения времени ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами предварительного расследования (ч. 3 ст. 217 УПК РФ) почему-то вставлен (оформлен) в процедуру ст. 125 УПК РФ, предназначенную для производств по рассмотрению жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц органов уголовного расследования и прокурора, т. е. для последующего, восстановительного, диспозитивного контроля.

Подобные нестыковки, также как и пробелы в регламентации порядка судебно-контрольных производств требуют устранения на законодательном уровне.

Если от внешней (процессуальной) формы обратиться к существу судебно-контрольной деятельности, то со всей очевидностью обнаружим, что для всех видов и форм судебного контроля за досудебным производством характерно то, что суд проверяет подконтрольные ему процессуальные акты субъектов уголовного преследования путем установления средствами процессуального доказывания наличия или отсутствия фактических и юридических оснований и соблюдения или нарушения установленных законом процессуальных условий для

---

[1] Идентичное по своему характеру производство по ходатайству о помещении в психиатрический стационар лица, страдающего психическим заболеванием, но не содержащегося под стражей (ч. 1 ст. 435 УПК РФ), предписано рассматривать именно в порядке ст. 108 УПК РФ.

их (актов) совершения, а результат судебной проверки подвергнутого контролю процессуального акта и оценка его законности и обоснованности всегда отражаются в процессуальном решении, завершающем рассмотрение судебно-контрольного дела.

Одновременно с общими признаками судебно-контрольной деятельности, позволяющими отнести ее к уголовному правосудию и одновременно выделить в качестве его специфической формы, у разных видов оперативного судебного контроля обнаруживаются различия в методах его осуществления и способах защиты охраняемых судебным контролем прав личности.

Последующий, восстановительный контроль (статьи 125 и 125.1, ч. 5 ст. 165, ст. 463 УПК РФ) производится судом путем проверки законности и обоснованности уже совершенных органом предварительного расследования и прокурором действий или принятых ими решений и направлен не на предупреждение нарушений прав и свобод личности, а на устранение неправомерного ограничения прав и их восстановление. При этом восстановление нарушенного права в каждой из разновидностей последующего, восстановительного контроля производится разными способами регулятивного воздействия:

1) суд констатирует незаконность и (или) необоснованность проверенного процессуального действия (бездействия) или решения и предписывает устранить допущенное нарушение, адресуя его компетентному должностному лицу органа уголовного преследования, которое исполняет требование суда путем отмены незаконного решения или совершения иных активных процессуальных действий (статьи 125, 125.1 УПК РФ);

2) суд признает произведенное без судебного решения следственное или иное процессуальное действие (из числа перечисленных в ч. 5 ст. 165 УПК РФ) незаконным, вследствие чего доказательства, полученные в ходе такого действия признаются недопустимым, а у следователя, дознавателя возникают обязанности устранить все негативные для прав и свобод человека последствия признанного незаконным действия: отменить арест на имущество, если он применялся, вернуть

владельцам изъятое имущество, документы, носители цифровой информации и т.п.;

3) суд самостоятельно, собственным постановлением отменяет признанное незаконным или необоснованным решение Генерального прокурора РФ о выдаче в порядке ст. 462 УПК РФ лица иностранному государству и одновременно отменяет избранную в отношении этого лица меру пресечения (ст. 463 УПК РФ).

Непосредственный (имущественный или моральный) вред физическому или юридическому лицу, причиненный процессуальными действиями (бездействием) или решениями органов уголовного преследования, признанными незаконными по результатам судебного контроля, подлежит установлению и взысканию судом уже не в рамках судебно-контрольных процедур, а в порядке уголовной реабилитации (ч. 3 ст. 133, ч. 2 ст. 136, ст. 139 УПК РФ) или гражданского судопроизводства (ст. 1069 – 1070 ГК РФ).

В отличие от последующего, восстановительного контроля *предшествующий, предупредительный контроль* суда характеризуется тем, что в нем проверяется правомерность (законность и обоснованность) не имеющегося в наличии, а еще несостоявшегося процессуального акта (действия или решения), точнее – намерения субъекта обвинительной власти прибегнуть к принудительным мерам, неизбежно ограничивающим конституционные права и свободы личности (статьи 108, 109, 114, 115, 115.1, ч. 2 ст. 203, части 1 и 2 ст. 435 УПК РФ), либо совершить процессуально-следственные действия (ч. 1–4 ст. 165 ч. 3 ст. 217 УПК РФ) или принять процессуальные решения (ст. 214.1, части 2 и 3 ст. 448 УПК РФ), сопряженные с ограничением таких прав. В этих случаях судебный контроль предваряет процессуальные действия и тем самым ограждает (предохраняет) поставленные под угрозу ограничения индивидуальные права и свободы от незаконного их ущемления. Здесь также наблюдаем использование разных методов контрольного воздействия суда на исходную, исследованную им процессуальную ситуацию в целях защиты и обеспечения правомерности ограничения прав личности.

Не убедившись в доказанности (или убедившись в недоказанности) по делу наличия фактических оснований и соблюдения процедурных условий, установленных законом для запрошенного органом уголовного преследования акта, суд отказывает в применении мер принуждения, в производстве следственных и иных процессуальных действий, в принятии соответствующего решения, тем самым не позволяет следователю, дознавателю, прокурору безосновательно и противоправно ограничить конституционное право конкретного лица.

При подтверждении законности и фактической обоснованности предлагаемых органом предварительного расследования или прокурором правоограничивающих мер и действий суд разрешает судебно-контрольное дело двумя предусмотренными в законе способами:

1) избирает запрошенную или менее строгую меру пресечения (ст. 106–108 УПК РФ), применяет иную требуемую меру процессуального принуждения (статьи 114, 115, 118, 203, 435 УПК РФ), продляет срок действия таких мер (статьи 109, 115.1 УПК РФ);

2) разрешает соответствующему должностному лицу совершить определенное следственное, иное процессуальное действие (ч. 1–4 ст. 165, ч. 3 ст. 217 УПК РФ) или принять решение (ст. 214.1, ч. 2–3 ст. 448 УПК РФ).

Разница между этими способами очевидна: в первом варианте судебно-контрольное решение носит характер императивного предписания, непосредственно ограничивающего субъективное конституционное право (чаще – личную свободу) и подлежащего обязательному и неукоснительному исполнению уполномоченным на то органом или должностным лицом; во втором – решение суда само по себе права и свободы человека не ограничивает, судебное волеизъявление лимитировано предоставлением субъекту досудебного производства по уголовному делу права (процессуальных оснований) применить такое ограничение посредством производства следственного, иного процессуального действия (например, обыска или выемки в жилище) либо принятия процессуального решения (например, об отмене по прошествии одного

года постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования). Разрешением суда должностное лицо органа расследования или прокурор может не воспользоваться и по своему усмотрению отказаться от намерения совершить соответствующее следственное действие или вынести процессуальное решение.

Соотношение правосудия, судебного контроля и «судебного санкционирования». Различия в методах и способах контроля суда над досудебным производством в совокупности с его специфичностью и эксклюзивностью дали повод ряду авторов не только ставить под сомнение корректность отнесения этого вида судебной деятельности к категории контроля, но и вывести отдельные ее разновидности (части) из системы судебного контроля и придать им значение самостоятельных видов (направлений) уголовно-процессуальной деятельности, таких, например, как «судебное санкционирование», под которым обычно подразумевают реализацию полномочий суда по рассмотрению и разрешению ходатайств о производстве процессуальных действий и применению мер принуждения, в ходе которых возможно ограничение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства[1].

Так, Е. В. Рябцева, следуя узкой трактовке уголовного правосудия, не только противопоставляет судебный контроль правосудию, но и отделяет от него судебное санкционирование и рассматривает правосудие, контроль и санкционирование как три самостоятельных равнозначных вида судебной деятельности[2]. А. Н. Рыжих, также не признавая судебную деятельность на досудебных стадиях уголовного процесса правосудием, идет по пути еще большего сущностного ее разграничения и указывает, что она представлена в таких формах как судебный контроль (ст. 125 УПК РФ), применение мер пресечения и процессуального принуждения, разрешение судом ходатайств о

---

[1] Луценко П. А. Судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 50.

[2] Рябцева Е. В. Судебное санкционирование в уголовном процессе России: монография. М., 2010. С. 18–20.

проведении следственных действий (санкционирование) и «реагирование на нарушение нормативных актов и прав участников судопроизводства» (ч. 4 ст. 29 УПК РФ)[1].

Другие авторы напротив исходят из правосудной сущности деятельности суда на стадии предварительного расследования, но при этом разделяют ее на такие отдельные формы осуществления правосудия как «судебная проверка (контроль)» и «судебное санкционирование» (И. Л. Махоркин)[2] либо судебное санкционирование и судебную проверку считают видами судебного контроля, а деятельность суда по его осуществлению – «элементом правосудия» (П. А. Луценко)[3].

Н. В. Костерина к судебному контролю относит только деятельность суда по проверке законности задержания, по рассмотрению жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ и по проверке законности проведенных следственных действий в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ, а все разновидности предшествующего, предупредительного, статутного контроля выделяет в самостоятельный вид деятельности (правовой институт) – «судебное ограничение конституционных прав и свобод граждан на досудебном производстве»[4].

Авторы коллективной монографии «Судебное санкционирование как форма реализации правосудия в уголовном судопроизводстве России» (2013), исследуя деятельность суда на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, пришли к следующим выводам: судебный контроль состоит исключительно в рассмотрении судом жалоб участников уголовного процесса на действия (бездействие) и решения государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство; остальная деятельность суда в досудебном производстве есть «судебное санкционирование», которое, хотя и

---

[1] Рыжих А. Н. Полномочия суда на досудебных стадиях уголовного процесса … С. 6, 12–14.

[2] Махоркин И. Л. Полномочия суда и их реализация на стадии предварительного расследования в уголовном процессе России … С. 17–18.

[3] Луценко П. А. Указ. соч. С. 10–11, 42.

[4] Костерина Н. В. Судебный контроль на досудебных стадиях уголовного судопроизводства … С. 9–10, 12–14.

является также как и судебный контроль формой осуществления правосудия (данные авторы являются сторонниками широкого понимания правосудия), представляет собой самостоятельный, отличный от судебного контроля вид судебной деятельности; дача судебного заключения в порядке ст. 448 УПК РФ не относится ни к контролю, ни к санкционированию, а должна расцениваться как «особый вид судебной деятельности»[1].

Довольно оригинальную, но вместе с тем весьма аргументированную точку зрения отстаивают А. С. Каретников и К. А. Арзамасцева, которые отвергают применимость к деятельности суда на досудебных стадиях понятия «контроль», полагая, что вся она, за исключением действий в порядке ст. 165 УПК РФ, являет собой «правосудие в чистом виде»[2]. При этом данные авторы пришли к выводу, что деятельность суда по разрешению производства следственных действий (ст. 165 УПК РФ) не только не является судебным контролем, но и противоречит понятию «правосудие», поэтому должна быть максимально сокращена[3].

Большинство же процессуалистов (Н. А. Колоколов, Н. Н. Ковтун, Н. Г. Муратова, О. В. Химичева, и др.), независимо от того, находят ли они в деятельности по рассмотрению уголовных дел и по осуществлению контроля досудебного производства общую правовую природу (считают или нет оба вида судебной деятельности правосудием), все же включают в систему оперативного (текущего) судебного контроля все вышеуказанные нами виды и формы, тем самым охватывают понятием судебного контроля всю совершаемую судом на досудебных стадиях уголовного процесса процессуальную деятельность[4]. Полностью разделяем данную точку зрения.

---

[1] Адильшаев, Э. А., Жеребятьев И. В., Шамардин А. А. Судебное санкционирование как форма реализации правосудия в уголовном судопроизводстве России. С. 155, 164–165.

[2] Каретников А. С., Арзамасцева К. А. Является ли деятельность суда по рассмотрению и разрешению ходатайств должностных лиц органов предварительного расследования судебным контролем? // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 66–69.

[3] Каретников А. С., Арзамасцева К. А. Разрешение суда на производство следственных действий // Законность. 2011. № 2. С. 43–47.

[4] Н. Н. Ковтун. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. С. 207–298; Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного производства … С. 34–38; Сбоев А. С. Механизм судебного контроля в досудебном уголовном судопроизводстве России. С. 17–20; Серебров Д. О. Указ. соч. С. 27;

Обобщение различных мнений и позиций, высказанных в научной литературе относительно существа и правовой природы деятельности уголовного суда в досудебных стадиях уголовного процесса, позволяет заметить, что отнесение к судебному контролю последующих, восстановительных форм контрольной деятельности суда (статьи 125, 263 УПК РФ), за редким исключением, возражений не вызывает. «Камнем преткновения» выступает так называемая «разрешительная», «санкционирующая» судебная деятельность, по поводу которой необходимо высказать следующие суждения.

В первой главе диссертации нами приведены основные и, как представляется, достаточные доказательства (аргументы) того, что вся деятельность уголовного суда, в том числе на досудебных стадиях уголовного процесса, имеет необходимые признаки уголовного правосудия, поэтому без излишнего повторения только акцентируем внимание на этом важном выводе[1].

Относительно «контрольной» сущности и содержания рассматриваемых видов деятельности уголовного суда позиция соискателя изложена выше. Добавим к сказанному, что судебный контроль исключительно специфичен и строить выводы о его наличии или отсутствии только путем «примерки» к

Магизов Р. Р. Судебный контроль за законностью и обоснованностью применения мер процессуального принуждения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2004 С. 13–14; Пучковская М. Е. Исправление судом следственных ошибок на стадии предварительного расследования и при производстве в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 15–16; Чепурная И. В. Указ. соч. С. 8; Таричко И. Ю. Функция судебного контроля в российском уголовном процессе … С. 8; Антонова Е. Е. Функциональная характеристика досудебного производства в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 16; Муратова Н. Г. Формирование концепции судебного контроля современного уголовного процесса // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 1. С. 103; Ковтун Н. Н., Ярцев Р. В. Судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство России (глава 16 УПК РФ). Н.Новгород, 2008. С. 8–11; Судебный контроль в уголовном процессе / Под ред. Н. А. Колоколова. М., 2009. С. 18–21; Луценко П. А. Указ. соч. С. 10–11; Колоколов Н. А. Методика проведения основных судебно-контрольных действий в стадии предварительного расследования. Ч. I. М., 2015. С. 65–66; Абдрасулов Е. Б., Абакасов М. С. Некоторые аспекты юридической природы судебного контроля в уголовном процессе Республики Казахстан // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2017. № 2. С. 72–76.

[1] Дополнительные доводы в обоснование данного вывода применительно к действиям и решениям суда в досудебном производстве изложены в указанной выше статье Каретникова А. С. и Арзамасцевой К. А. «Является ли деятельность суда по рассмотрению и разрешению ходатайств должностных лиц органов предварительного расследования судебным контролем?».

деятельности суда признаков контроля из государственной сферы управления, как это делают многие авторы, методологически неверно. Безусловно, деятельность уголовного суда по рассмотрению судебно-контрольных дел – в большей степени правосудие, чем контроль в привычном его понимании, и в этом аспекте сохранение за ней названия «судебный контроль» в значительной мере – дань сложившейся в науке уголовно-процессуального права традиции, поддерживаемой большинством ученых.

В то же время по своему назначению, содержанию, жесткой привязке к «чужим» процессуальным актам и доминированию контрольно-проверочных элементов в отношении этих актов, а также по существенным процедурным особенностям исследуемые виды судебных производств кардинально отличаются от иных типов судебно-уголовных производств, и их наречение «контрольными» представляется вполне уместным и оправданным, с учетом той контрольно-сдерживающей роли судебной власти (в отношении власти исполнительных органов правоохраны), которая наиболее четко проявляется в предварительной фазе производства по уголовному делу.

Судебно-контрольные дела по ходатайствам следователей, дознавателей – здесь не исключение. Терминологическое обозначение деятельности суда по рассмотрению этих дел как «санкционирование» верно лишь отчасти и отражает не все ее содержательные стороны. По своей сущности и содержанию данная деятельность суда намного сложнее (даже по своей структуре она отнюдь не однородна) и не укладывается в сложившиеся до ее появления процессуальные алгоритмы.

Согласно своему лексическому значению, слово «санкционирование» означает утверждение, одобрение, разрешение, дачу санкции на что-либо[1]. Ввиду того, что судебно-контрольным производствам в порядке статей 108, 109, 165 (и др.) УПК РФ предшествует соответствующее постановление следователя, дознавателя по вопросу, поставленному на разрешение суда, результирующее

[1] Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 4. 1988. С. 27; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006. С. 696.

судебное решение по отношению к процессуальному акту органа предварительного расследования естественным образом воспринимается как утверждение судом применения мер процессуального принуждения (ст. 108, 109, 114, 115, 115.1, 118, ч. 2 ст. 203, 435 УПК РФ), либо как разрешение (санкционирование) на выполнение процессуально-следственных действий (ч. 1–4 ст. 165, ч. 3 ст. 217 УПК РФ) или принятие процессуальных решений (ст. 214.1, ч. 2–3 ст. 448 УПК РФ), либо как одобрение выполненных без предварительного разрешения суда процессуально-следственных действий (ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

Аналогия судебных решений предшествующего, статутного контроля с санкционированием подкрепляется в правовом сознании тем обстоятельством, что данный вид судебного контроля заменил собой в уголовном процессе схожие по своей сути разрешительно-надзорные действия прокурора, прямо обозначавшиеся в уголовно-процессуальном законе как «санкция на арест» (ст. 11 и 96 УПК РСФСР), «санкция на отстранение от должности» (ст. 153 УПК РСФСР), «санкция на выемку документов, содержащих сведения, являющиеся государственной тайной» (ст. 167 УПК РСФСР), «санкция на обыск» (ст. 168 УПК РСФСР) и т. д.

Однако, с другой стороны, решения суда в порядке предшествующего, статутного контроля значительно отличаются от прежних прокурорских санкций как по форме, так и по содержанию. Напомним, что санкционирование прокурором постановления следователя, дознавателя представляло собой одномоментный акт одобрения (утверждения) самостоятельно принятого следователем (дознавателем) решения о производстве требуемого следственного действия или применении необходимой меры процессуального принуждения, означавший по сути разрешение надзорного органа на выполнение властных предписаний следователя (дознавателя), имевший значение придания проверяемому постановлению юридической силы, необходимой для его исполнения, и оформлявшийся наложением на постановление простой письменной резолюции, заверявшейся подписью и печатью прокурора.

В отличие от подобного (обычного) санкционирования суд принимает собственное процессуальное решение, которое обязан обосновать и вынести в форме отдельного мотивированного постановления (определения), единственно дающего основание для совершения испрошенных процессуальных действий, сопряженных с ограничением конституционным прав и свобод личности. Кроме того, принятию «санкционирующего» судебного решения предшествует судебное разбирательство с участием сторон по вопросу законности и обоснованности предстоящего, предпринимаемого органом уголовного преследования правоограничительного действия. При этом, вопреки мнению Н. В. Костериной[1], принятие судом «личного решения» вовсе не исключает контрольно-проверочного характера предшествующих решению судебных действий и вполне с ним совместимо.

В то же время (с третьей стороны) судебные производства по рассмотрению ходатайств следователя, дознавателя не могут быть сведены к банальной процедуре разрешения «обычных» ходатайств и прочих обращений заинтересованной стороны. Проводя аналогию с разрешением ходатайств защитника, А. С. Каретников и К. А. Арзамасцева заключают, что при рассмотрении дел по ходатайствам органов предварительного расследования (ст. 108, 109, 165 УПК РФ и др.) отсутствует предмет контроля, т. к. ходатайство таковым не является[2]. Такая позиция представляется однобокой – в ней не учитываются все нюансы данных судебных производств.

Ходатайства следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, прокурора, инициирующие предшествующий, статутный судебный контроль сходны по некоторым свойствам, но не идентичны по своей природе и значению ходатайствам защитника или иных заинтересованных в контроле лиц, поскольку исходят от властного субъекта уголовного процессуальной деятельности и имеют двойное назначение. В этих процессуальных актах заключено не только обращение к суду – просьба желанным для стороны обвинения образом

[1] Костерина Н. В. Указ. соч. С. 13–14.
[2] Каретников А. С., Арзамасцева К. А. Указ. сочинения.

разрешить поставленный перед судом вопрос, но и (прежде всего) выражено *властное решение* органа уголовного преследования применить меру процессуального принуждения или совершить определенное следственное или иное процессуальное действие.

Волеизъявление об ограничении прав и свобод личности в ходе досудебного производства по уголовному делу исходит не от суда, а от осуществляющего это производство следователя, дознавателя, в отдельных случаях прокурора и руководителя следственного органа, которые руководствуются задачами и интересами скорейшего, эффективного и результативного расследования дела и самостоятельно (независимо от суда) определяют его тактику, устанавливают необходимость и целесообразность совершения тех или иных следственных действий, принятия предусмотренных законом ограничительных мер. Именно наличие второго (властно-определяющего) компонента данных актов-ходатайств обуславливает их оформление в виде не простого письменного прошения, а полноценного процессуального решения в форме постановления, на которое распространены общие требования законности, обоснованности и мотивированности принимаемых в уголовном судопроизводстве процессуальных решений (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). Собственно выраженное в постановлении властное волеизъявление органа обвинительной власти вторгнуться определенным образом в сферу прав человека и является непосредственным предметом контроля со стороны суда, и проверяется судом с точки зрения правомерности как самого вторжения, так и предполагаемых способов его осуществления.

Властное судебное предписание о применении меры процессуального принуждения или о допустимости (разрешении) проведения следственного действия производно от первоначального властного решения органа обвинительной власти, обусловлено им и его пределами. Суд самостоятелен в выборе характера решения («разрешить», «применить» или «отказать») – в этом состоит контрольно-корректирующий аспект данного судебного производства, но не в выборе необходимых для расследования дела мер и действий. Отказ органа уголовного преследования от своих притязаний (отказ от ходатайства в судебном

заседании) влечет снятие вопроса с судебного рассмотрения путем прекращения соответствующего производства и препятствует иному (самостоятельному) судебному волеизъявлению.

О том, что судебные решения по делам предупредительного, статутного контроля основываются на волеизъявлении следователя, дознавателя, свидетельствует и тот факт, что реальное выполнение разрешенного судом действия и применение мер процессуального принуждения всецело находятся во власти (на усмотрении) должностного лица, расследующего дело, и полностью зависит от его воли. Следователь, дознаватель вправе выбирать время проведения разрешенного судом следственного действия или не проводить его вовсе, а также правомочны в любой момент расследования дела отменить без обращения к суду назначенную судом меру процессуального принуждения (ч. 2. ст. 110, ч. 4 ст. 114, ч. 9 ст. 115 УПК РФ). Поэтому нельзя не признать, что применение меры пресечения, иного принудительного ограничения конституционных прав личности в досудебном производстве есть не следствие (итог) судебного устремления, а совокупный результат соответствующего волеизъявления, выраженного в правоприменительном решении органа предварительного расследования, прокурора и его подтверждения властью суда.

Последнее обстоятельство, полагаем, не дает оснований для вывода о том, что, реализуя «контрольно-разрешительные» полномочия, суд становится причастным к уголовному преследованию[1]. Российский уголовный суд не имеет никакого отношения к выдвижению и формулированию обвинения (подозрения), не затрагивает в ходе своей контрольной деятельности в период досудебного производства вопросов виновности и уголовной ответственности конкретного лица, не является инициатором мер и действий, ограничивающих личную свободу и другие права человека, а его участие в осуществлении правоограничивающих следственных мероприятий лимитировано проверкой их правомерности и обусловлено не целью уголовного преследования, а напротив задачами судебной

[1] Шилов А. В., Трошкин Е. З. Указ. соч. С. 34; Антонова Е. Е. Функциональная характеристика досудебного производства в российском уголовном процессе … С. 8.

защиты прав и свобод личности, предупреждения их незаконного и необоснованного ущемления.

В свете сказанного нельзя согласиться с оценками А. С. Каретникова и К. А. Арзамасцевой, утверждающими, что, осуществляя предусмотренные ст. 165 УПК РФ полномочия, суд «своими решениями «движет» процесс расследования по уголовному делу», действуя при этом в интересах стороны обвинения, тем самым становится участником уголовного преследования и обеспечивает эту деятельность[1]. Такая опасность существует, если целевое назначение судебного контроля и входящего в его структуру «судебного санкционирования» толковать расширительно и пытаться «притягивать» задачи суда к задачам органов уголовного преследования (органов борьбы с преступностью), связывать суд интересами раскрытия и расследования уголовного дела, насаждать суду обязанность содействовать этой деятельности.

Как верно указывают А. И. Бойко и О. А. Бойко, «нейтрализации исполнительно-распорядительного характера разрешительного (досудебного) производства» (добавим от себя – и возможного эффекта содействия уголовному преследованию) служат те обстоятельства, что судом контролируются полномочия государственного органа, а не права частного лица, и что «ограничение судом самостоятельности обвинительной власти предпринимается как гарантия прав и свобод граждан, а не для защиты других ценностей» [2]. Согласимся с данными авторами и в том, что «эти соображения должны стать путеводной звездой и одновременно ограничителем для уголовного суда при выдаче (отказе) разрешений на следственные акции»[3].

Резюмируя изложенные соображения, приходим к выводу, что деятельность уголовного суда, именуемая в процессуальной литературе «судебным санкционированием» охватывает совокупность разновидностей предшествующего (предварительного), предупредительного, статутного

---

[1] Каретников А. С., Арзамасцева К. А. Разрешение суда на производство следственных действий // Законность. 2011. № 2. С. 43–47.

[2] Бойко А. И., Бойко О. А. Судебный контроль по уголовным делам – особый вид юридической деятельности. С. 85.

[3] Там же.

судебного контроля за досудебным производством, который в свою очередь является особым видом судебной деятельности по осуществлению уголовного правосудия и заключается в рассмотрении и разрешении конфликтных по своей природе правовых вопросов ограничения конституционных прав и свобод человека в ходе осуществляемого органами уголовного преследования досудебного производства по уголовному делу.

«Судебное санкционирование» как и судебный контроль в целом реализуются в разнообразных дифференцированных судебно-контрольных производствах, находящихся в развитии и до настоящего времени не получивших окончательного оптимального оформления. Наиболее специфичным и потому неоднозначно воспринимаемым и оцениваемым научным сообществом является производство по выдаче судебного разрешения на выполнение следственных и иных процессуальных действий, точнее тот его основной вариант, который проходит в судебном заседании с «усеченным участием» (в порядке частей 2 и 3 ст. 165 УПК РФ)[1].

Установленные законодателем пределы и процедурные правила судебного контроля досудебного производства, целесообразность и эффективность отдельных судебно-контрольных производств, особенно проводимых в порядке ст. 165 УПК РФ, нередко подвергаются не лишенной оснований критике как со стороны ученых, так и практических работников и становятся предметом научных дискуссий[2]. При этом в качестве основного аргумента для негативных оценок

---

[1] Второй модифицированный вариант – рассмотрение ходатайств о разрешении следственных действий, касающихся реализации, утилизации или уничтожения вещественных доказательств, а также безвозмездной их передачи в случаях, предусмотренных ст. 82 УПК РФ, – производится в судебном заседании с участием сторон и других заинтересованных в разрешении контрольного дела лиц (ч. 3.1 ст. 165 УПК РФ).

[2] Кальницкий В. В. "Санкционирование" и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства не эффективны // Уголовное право. 2004. № 1. С. 73–75; Жеребятьев И. Судебный порядок выдачи разрешения на производство отдельных процессуальных действий // Уголовное право. 2005. № 2. С. 84–86; Бородинов В. В. Невостребованный потенциал судебного контроля // Российская юстиция. 2006. № 5. С. 37–41; Россинский С. Б. Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? // Российский судья. 2009. № 8. С. 17–21; № 9. С. 19–22; Колоколов Н. А. Конституционное право на неприкосновенность жилища: к вопросу об эффективности превентивного судебного контроля // Российский судья. 2010. № 6. С. 13–16, № 7. С. 4–8; Лазарева В А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в

обычно приводятся данные судебной статистики о чрезмерно высоком уровне (процентном показателе) удовлетворения судом ходатайств следователя, дознавателя, и малом удельном весе удовлетворенных судом в порядке ст. 125 УПК РФ жалоб[1].

Не имея в рамках настоящего исследования цели и возможности провести исчерпывающий анализ и дать полную оценку эффективности и целесообразности всех форм судебного контроля, что требует отдельного, глубокого и обстоятельного изучения их состояния и практики применения, заметим лишь, что, во-первых, имеющиеся процедурные недостатки и возможная неэффективность той или иной деятельности (в нашем случае – судебно-контрольной) не предопределяют сущность самой деятельности, не могут изменить ее характер; во-вторых, как верно замечает Н. А. Колоколов, эффективность правосудия определяется не одними статистическими результатами судебной деятельности, а зависит от реального достижения им социально значимых целей[2]; в-третьих, для получения обоснованного и безошибочного вывода о целесообразности или напротив бесполезности той или иной формы судебного контроля требуется открытие и уяснение истинных причин ее неэффективности или нерациональности и оценка их устранимости, а для отказа от судебно-контрольных процедур – убежденность в наличии альтернативных, более эффективных гарантий обеспечения прав человека в ходе досудебного уголовного производства.

С чем можно однозначно согласиться, так это с утверждением Ю. К. Якимовича об излишней дифференциации процессуальной формы судебно-

---

досудебном производстве по уголовному делу: монография. М., 2010. С.151–162; Каретников А. С., Азамасцева К. А. Разрешение суда на производство следственных действий // Законность. 2011. № 2. С. 43–47; Россинский С. Б. Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 225–235.

[1] См., например: Ковтун Н. Н., Суслова Е. Н. Эффективность оперативного судебного контроля // Уголовное судопроизводство. 2010. № 3. С. 7–15.

[2] Колоколов Н. А. Конституционное право на неприкосновенность жилища: к вопросу об эффективности превентивного судебного контроля (часть 2) // Российский судья. 2010. № 7. С. 4–8.

контрольных производств[1], которая имеет избыточные дробление и обособление, не всегда соответствующие характеру отдельных видов судебного контроля и не вызванные потребностями практического свойства.

В этой связи вполне уместными представляются высказанные в научной литературе предложения об определенной унификации процедур судебного контроля[2] и введения в УПК РФ общих норм (отдельного раздела), отражающих основные начала и принципы судебно-контрольной деятельности и устанавливающих общезначимые для всех судебно-контрольных производств условия и правила их проведения[3]. Не лишним является и предостережение законодателя от чрезмерного расширения пределов судебного контроля, распространения его на действия и решения органов предварительного расследования и прокурора, непосредственно не затрагивающих конституционные права и свободы человека и не создающих угрозы их нарушения[4].

§ 3. Судебно-исполнительные производства: назначение и предметно-содержательная разнородность

Судебно-исполнительные производства в уголовном процессе возникают после вступления в силу приговора или иного итогового решения суда в период их исполнения или непосредственно после исполнения и охватывают значительную по объему и разнообразную по содержанию деятельность суда по рассмотрению большого количества разноплановых, правовых вопросов (*см.*

---

[1] Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса … С. 84.

[2] Луценко П. А. Судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации … С. 11.

[3] Лихачева Е. Ю. Правообеспечительная роль правосудия в досудебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 9–10.

[4] См.: Якимович Ю. К. Указ. соч. С. 84.

приложение № 1, таблицы 1–3)[1]. К данному типу следует относить производства, реализуемые в порядке гл. 47 УПК РФ («Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора»), а также предусмотренные ч. 5 ст. 427, частями 4 – 8 ст. 432, статьями 445 – 446, 446.5, 463, ч. 1 ст. 466, статьями 470 – 472, 473.4 – 473.6 УПК РФ.

Среди всех типов производств судебно-исполнительные производства из-за их многочисленности, предметной разнородности и довольно непростой, недостаточно четкой, во многом пробельной и непоследовательной регламентации, имеющей к тому же межотраслевой характер, представляются наиболее сложными для системного исследования и доктринально менее проработанными, чем основные и контрольные производства. Данные факторы создают трудности для уяснения правовой природы, характера и назначения судебно-исполнительных производств, упорядочения рассматриваемых в их рамках правовых вопросов, а также точной настройки нормативно-правового регулирования судебно-исполнительных производств в целом[2]. Тем не менее, на основе проработанных в предыдущих разделах настоящей диссертации подходов

---

[1] В отдельные годы (2010–2012) в связи с массовой подачей осужденными заявлений о приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом на основании ст. 10 УК РФ количество судебно-исполнительных производств в абсолютных цифрах было соизмеримо с количеством рассмотренных уголовных дел и дел судебного контроля, и даже превосходило последние. Так, в 2011 г. российскими судами по первой инстанции было рассмотрено 999 095 уголовных дел, 867 689 дел судебного контроля (в порядке уголовного судопроизводства) и 935 052 дела по вопросам, связанным с исполнением приговора и иных судебных решений. В 2012 г. судебно-исполнительные производства составили 32 % от общего количества проведенных судами уголовных производств (Расчеты произведены на основании данных из статистических отчетов Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2011 и 2012 гг. (Форма № 1, разделы 1 и 4) // ГАС РФ «Правосудие» [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 10.06.2021).

[2] В научной литературе нормативно-правовое регулирование деятельности суда по рассмотрению «исполнительных» вопросов вызывает многочисленные нарекания и нередко признается недостаточно эффективным (Скиба А. П. Некоторые проблемы разграничения уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного регулирования // Уголовно-исполнительное право: научный журнал. 2015. № 2 (20). С. 9–13; Шабанов В. Б., Буданова Л. Ю. Проблемы, возникающие при рассмотрении и разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 1. С. 25–32; Пупышева Л. А. Судебное производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в свете правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2. С. 148).

попытаемся определиться с видами данных производств, их предметом и содержанием.

Предложенное нами название «исполнительные» в отношении судебных производств номинально, поскольку за редким исключением непосредственно исполнением своих итоговых решений уголовный суд не занимается, но, будучи в значительной степени условным, это название отражает две важные характеристики, позволяющие отнести эти судебные производства к одному типу: 1) все они возникают в период исполнения приговора или иного итогового решения суда по уголовному делу либо после окончания исполнения, но в период действия правового последствия, обусловленного осуждением и связанного с отбытием наказания (период течения судимости); 2) вызваны необходимостью разрешения судом правовых вопросов, так или иначе связанных с исполнением указанных решений или с их юридическими последствиями, в частности, с судимостью, срок погашения которой исчисляется по специальным правилам, установленным ст. 86 УК РФ, и в большинстве случаев не завершается моментом отбытия (исполнения) назначенного приговором наказания.

Характерной особенностью рассматриваемого типа судебных производств является широкая и разнообразная «материально-правовая база», что обусловлено многочисленностью и неоднородностью рассматриваемых вопросов, вследствие чего законодателю не удается, на что есть объективные причины, в регулятивных целях подвести возникающие по поводу исполнения приговора и иных решений уголовного суда общественные отношения под действие какой-либо одной отрасли права. В результате, и к этому выводу сходятся все исследователи, правовой институт исполнения приговора и иных решений уголовного суда на сегодняшний день носит комплексный, межотраслевой характер[1].

Здесь, в отличие от основных и контрольных производств, приоритетной материальной основой которых со всей очевидностью выступают нормы

[1] Давыдова И. А. Судебный контроль за исполнением уголовного наказания: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 16; Грищенко А. В. Институт исполнения приговора в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 7; Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 17.

уголовного и уголовно-процессуального права соответственно, «лидирующее» преобладание в судебном правоприменении норм одной отрасли права (в частности, уголовного закона) не столь явно и бесспорно[1]. Как явствует из представленного ниже перечня, разрешаемые вопросы и соответственно правоотношения, подлежащие установлению и урегулированию судом, имеют различную правовую природу и носят как материальный (уголовно-правовой, уголовно-исполнительный, международно-правовой), так и процессуальный характер. При этом некоторые из них обладают смешанной нормативно-правовой основой и на уровне регламентации дублируются правовыми нормами разной отраслевой принадлежности, которые недостаточно согласованы и нередко находятся в состоянии конкуренции[2].

Итак, рассматриваемые в рамках судебно-исполнительных производств вопросы многочисленны, различны по своему характеру и значению и даже по правовой природе. Перечень этих вопросов, предусмотренный УПК РФ (по большей части – в статье 397), по оценке А. С. Червоткина, «никак не систематизирован и носит характер случайного набора, постоянно и беспорядочно пополняемого законодателем»[3].

В литературе также неоднократно отмечено, и проведенный соискателем анализ это подтверждает, что, с одной стороны, значительная часть правовых

---

[1] В этой связи отдельные авторы утверждают о непроцессуальном характере судебной деятельности по разрешению вопросов исполнения наказания и высказываются за отнесение ее к предмету правового регулирования уголовно-исполнительного законодательства (Диваев А. Б. Сущность деятельности по исполнению приговора в уголовном процессе // Вестник Кузбасского института. 2017. № 4. С. 116; Сумин А. А. Стадия исполнения приговора не должна присутствовать в системе стадий уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 80). Другие ученые предлагают рассматривать эту деятельность как структурный элемент судебного контроля за исполнением наказания и регламентировать ее в отдельном законе, посвященном контролю за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания (Давыдова И. А. Указ. соч. С. 9, 16; Колоколов Н. А., Давыдова И. А., Павлухин А. Н., Эриашвили Н. Д. Судебный контроль в стадии исполнения уголовного наказания // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 6. С. 10–34).

[2] Николюк В. В. Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Российской Федерации: точки соприкосновения и проблемы согласования // Уголовное право. 2016. № 3. С. 116–122.

[3] Червоткин А. С. Процессуальные особенности рассмотрения вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 24.

вопросов, самым прямым образом касающихся исполнения приговора (в части наказания) или иных решений суда, отсутствует в представленном в ст. 397 УПК РФ перечне[1], который в связи с этим фактически восполняется за счет вопросов, необходимость судебного разрешения которых вытекает из иных положений уголовно-процессуального закона и норм других отраслей права (уголовного, уголовно-исполнительного), либо вынужденно, ввиду законодательных пробелов, дополняется многочисленными разъяснениями, исходящими от Пленума Верховного Суда РФ, и подтверждается текущей судебной практикой. А с другой стороны, в этот перечень включены вопросы, не соответствующие предмету и назначению судебно-исполнительной деятельности (особому месту и назначению «стадии исполнения приговора», ее связям с другими стадиями уголовного процесса)[2], а потому рассмотрение и разрешение этих вопросов не должно образовывать отдельного, самостоятельного судебного производства.

«Пестрота» и «разношерстность» правовых вопросов, разрешаемых в период исполнения судебных решений, требуют их систематизации и актуализируют задачу определения четких *критериев относимости* того или иного рассматриваемого судом вопроса к предмету судебно-исполнительных производств, которые позволяли бы судить о соответствии этого вопроса назначению данного вида судебной деятельности, ее месту и роли в системе уголовном правосудия. С учетом уже высказанных выше соображений, опираясь на сформулированные в научной литературе признаки относимости вопросов к «предмету стадии исполнения приговора» или «предмету судебного контроля за

---

[1] Пастухов И. В. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора … С. 8, 17–18; Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве. М., 2006. С. 16–17; Скиба А. П. Указ. соч. С. 10; Николюк В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения. Орел, 2015. С. 24–25; Червоткин А. С. Указ. соч. С. 24–25; Крымов А. А. Некоторые проблемы регламентации уголовно-процессуальных прав осужденных // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2 (40). С. 99–100.

[2] См.: Свиридов М. К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск, 1978. С. 136–137, 149–155; Николюк В. В. Указ. соч. С. 25.

исполнением наказаний»[1] и используя в обобщенном виде наиболее приемлемые и научно обоснованные из них, можно предложить в качестве искомых критериев следующее.

К ***предмету судебно-исполнительных производств*** следует относить вопросы, которые: а) подведомственны уголовному суду – *субъектный критерий*; б) возникают, обнаруживаются и ставятся перед судом в период исполнения приговора или иного итогового решения суда либо по завершении исполнения приговора, но до истечения судимости – *временной критерий*; в) непосредственно связаны с деятельностью по исполнению судебного решения и обусловлены этой деятельностью – *критерий связанности (детерминированности)*; г) имеют в качестве основания для своего возникновения и фактической основы для разрешения обстоятельства, возникшие после вынесения судебного решения и в процессе его исполнения – *фактологический критерий*[2]; д) обладают «исполнительной направленностью», т. е. по своему характеру и содержанию предназначены для влияния (воздействия) на реальный процесс исполнения судебного решения – *функциональный критерий*; е) их разрешение возможно процессуальными средствами собственно судебно-исполнительного производства и не требует обращения к инструментарию («помощи») основного производства по уголовному делу – *критерий процессуальной самодостаточности*.

Соответственно, аналогичные по содержанию критерии (признаки) могут и должны использоваться и для установления в целом принадлежности того или иного судебного производства к «исполнительному» типу.

Сразу обозначим, что на основании указанных критериев из структуры предмета судебно-исполнительных производств мы исключаем рассмотрение

---

[1] Свиридов М. К. Указ. соч. С. 143–144; Тулянский Д. В. Указ. соч. С. 31; Колоколов Н. А., Давыдова И. А., Павлухин А. Н., Эриашвили Н. Д. Судебный контроль в стадии исполнения уголовного наказания // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 6. С. 10–34.

[2] Исключение, как верно замечает М. К. Свиридов, составляет лишь вопрос об отсрочке исполнения приговора, поставленный перед судом после вступления приговора в силу (ст. 398 УПК РФ). В этом случае основанием для отсрочки наказания могут служить обстоятельства, начавшиеся до вынесения приговора (беременность, болезнь и т.д.), но по тем или иным причинам не послуживших поводом для постановки вопроса об отсрочке в период судебного разбирательства в суде первой или апелляционной инстанций.

вопросов о возмещении вреда реабилитированному, восстановлении его трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав (п. 1 ст. 397 УПК РФ), которые относим к предметной сфере судебных производств иного рода – производств реабилитационных, которые имеют самостоятельное, отличное от исполнительных производств назначение и содержание, а главное – не имеют никакого отношения к исполнению судебных решений и никак с ним не связаны: не обусловлены процессом исполнения, не оказывают на него ни корректирующего, ни какого-либо другого влияния. Более того, в период возбуждения и осуществления судом реабилитационных производств собственно исполнения (оправдательного приговора, иного реабилитирующего решения) как такового вообще не происходит. Отметим также, что имеются определенные основания не относить к видам судебно-исполнительных производств и деятельность суда по рассмотрению некоторых других вопросов из числа перечисленных в ст. 397 УПК РФ, о чем речь пойдет ниже.

По предметному критерию[1] все предусмотренные процессуальным законом уголовные производства, осуществляемые судом в период исполнения приговора или иного судебного решения, в зависимости от сущности и содержания главного разрешаемого судом правового вопроса подразделяются на единичные виды, а по однородности характера этих вопросов могут быть объединены в следующие

[1] Классификация вопросов, составляющих содержание компетенции суда в области исполнения приговоров, по иным основаниям представлена в следующих работах: Рыжков И. Н. Стадия исполнения приговора в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1965. С. 10–11; Матвиенко Е. А. Приговор суда и его исполнение. Минск: Высшая школа, 1968. С. 52; Николюк В. В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР. Иркутск, 1989. С. 59–62; Тулянский Д. В. Осуществляет ли суд правосудие в стадии исполнения приговора? // Журнал российского права. 2001, № 7. С. 118–121; Амануллина А. Ф. К вопросу о правовой природе вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 202; Червоткин А. С. Процессуальные особенности рассмотрения вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора. С. 24–25; Гужва О. В. Теоретические и практические проблемы рассмотрения судом вопросов, связанных с исполнением приговора: автореф. дис. канд. юрид наук. М., 2013. С. 17–19; Тябина Ю. А. Теоретико-правовые аспекты классификации вопросов, разрешаемых судом в порядке исполнения приговора // Человек: преступление и наказание. 2015. № 4. С. 125–129; Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 87–92, 99–108.

группы и подгруппы (статистические данные по видам судебно-исполнительных производств приведены в *приложении № 1, таблица 7*):

1) производства по вопросам отсрочки (рассрочки) исполнения приговора или иного решения суда:

- об отсрочке исполнения наказаний в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, принудительных работ, ареста или лишения свободы (ч. 1 ст. 398 УПК РФ);
- об отсрочке или рассрочке уплаты штрафа (ч. 2 ст. 398 УПК РФ, ч. 2 ст. 31 УИК РФ);
- об отсрочке отбывания наказания в виде обязательных работ, исправительных работ беременной женщине со дня предоставления отпуска по беременности и родам (ч. 3.1 ст. 26, ч. 5 ст. 42 УИК РФ);
- об отсрочке или рассрочке исполнения имущественных взысканий, наложенных приговором или иным судебным решением (ст. 37 ФЗ об исполнительном производстве);
- об отсрочке исполнения приговора в части взыскания процессуальных издержек (п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 42[1]);

2) производства по вопросам освобождения от отбывания наказания и его последствий (судимости):

- об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в соответствии со ст. 79 УК РФ (п. 4 ст. 397 УПК РФ);
- об освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного в соответствии со ст. 81 УПК РФ (п. 6 ст. 397 УПК РФ);
- об освобождении от наказания в виде исправительных работ осужденного, признанного инвалидом первой группы (ч. 4 ст. 42 УИК РФ);

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» (в редакции от 15.05.2018 г.) // БВС РФ. 2014. № 2.

- об отмене условного осуждения и о снятии с осужденного судимости в соответствии с ч. 1 ст. 74 УК РФ (п. 7 ст. 397 УПК РФ)
- об освобождении от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора в соответствии со ст. 83 УК РФ (п. 9 ст. 397 УПК РФ);
- об освобождении от наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, в соответствии со ст. 10 УК РФ (п. 13 ст. 397 УПК РФ);
- об освобождении от наказания несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 92 УК РФ (п. 16 ст. 397 УПК РФ);
- об освобождении осужденного, в отношении которого на основании ч.1 ст. 82 УК РФ применена отсрочка отбывания наказания, от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости в соответствии с ч. 3 ст. 82 УК РФ;
- о сокращении срока отсрочки отбывания наказания осужденным беременной женщине, женщине, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, мужчине, имеющему ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющемуся единственным родителем, с освобождением осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости в соответствии с ч. 4 ст. 82 УК РФ (п. 17.1 ст. 397 УПК РФ);
- об освобождении осужденного, признанного больным наркоманией и которому отбывание наказания отсрочено на основании ст. 82.1 УК РФ, от отбывания наказания или оставшейся части наказания в соответствии с ч. 3 ст. 82.1 УК РФ;
- об освобождении от наказания в виде ограничения по военной службе военнослужащего, уволенного с военной службы, в порядке, установленном ст. 148 УИК РФ (п. 19 ст. 397 УПК РФ);
- об освобождении от наказания (основного и (или) дополнительного) со снятием или без снятия судимости в связи с изданием акта амнистии в

соответствии со ст. 84 УК РФ (основание – соответствующее постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ об амнистии);

- о досрочном снятии судимости в соответствии со ст. 86 УК РФ (ст. 400 УПК РФ);

3) производства по вопросам смягчения наказания или его замене на более строгое:

- о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания в соответствии со статьями 46, 49, 50, 53, 53.1 УК РФ либо в связи с признанием осужденного злостным нарушителем порядка и условий отбывания принудительных работ в соответствии со ст. 53.1 УК РФ (пункты 2 и 2.1 ст. 397 УПК РФ);
- о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в соответствии со ст. 80 УК РФ (п. 5 ст. 397 УПК РФ);
- о смягчении наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, в соответствии со ст. 10 УК РФ (п. 13 ст. 397 УПК РФ);
- о замене оставшейся части наказания более мягким видом наказания осужденному, в отношении которого на основании ч. 1 ст. 82 УК РФ применена отсрочка отбывания наказания, в соответствии с ч. 3 ст. 82 УК РФ
- о снижении размера удержания из заработной платы осужденного к исправительным работам в соответствии со ст. 44 УК РФ в случае ухудшения материального положения осужденного (п. 14 ст. 397 УПК РФ);
- о замене неотбытой части наказания в виде ограничения по военной службе более мягким видом наказания военнослужащему, уволенному с военной службы, в порядке ст. 148 УИК РФ (п. 19 ст. 397 УПК РФ);
- о сокращении наказания или его замене более мягким видом наказания в связи с изданием акта амнистии в соответствии со ст. 84 УК РФ (основание – соответствующее постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ об амнистии);

4) производства по вопросам приведения назначенного приговором наказания к реальному исполнению:

- об отмене условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в соответствии со ст. 79 УК РФ (п. 4.1 ст. 397 УПК РФ);
- об отмене условного осуждения и исполнении назначенного приговором суда наказания на основании частей 2.1 и 3 ст. 74 УК РФ (п. 7 ст. 397 УПК РФ)
- об отмене отсрочки отбывания наказания осужденным беременной женщине, женщине, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, мужчине, имеющему ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющемуся единственным родителем, и направлении осужденного для отбывания наказания в соответствии с ч. 2 ст. 82 УК РФ (п. 17 ст. 397 УПК РФ);
- об отмене отсрочки отбывания наказания осужденному, признанному больным наркоманией, и направлении его для отбывания наказания в соответствии с ч. 2 ст. 82.1 УК РФ (п. 17.2 ст. 397 УПК РФ);
- об исполнении назначенного приговором наказания в отношении осужденного, освобожденного от отбывания наказания на основании ч. 1 ст. 81 УК РФ, в случае его выздоровления (ч. 4 ст. 81 УК РФ);

5) производства по изменению условий отбывания наказания, порядка исполнения наказания и имущественных взысканий:

- об изменении вида исправительного учреждения, назначенного по приговору суда осужденному к лишению свободы, в соответствии со статьями 78 и 140 УИК РФ (п. 3 ст. 397 УПК РФ);
- о продлении испытательного срока условно осужденному в соответствии с ч. 2 ст. 74 УК РФ (п. 7 ст. 397 УПК РФ);
- об отмене либо о дополнении возложенных на осужденного обязанностей в соответствии со ст. 73 УК РФ (п. 8 ст. 397 УПК РФ);
- об отмене частично либо о дополнении установленных осужденному к наказанию в виде ограничения свободы ограничений в соответствии со ст. 53 УК РФ (п. 8.1 ст. 397 УПК РФ);
- о снижении размера удержания из заработной платы осужденного к исправительным работам в соответствии со ст. 44 УИК РФ в случае ухудшения материального положения осужденного (п. 14 ст. 397 УПК РФ);

- об изменении способа и порядка исполнения имущественных взысканий (ст. 37 ФЗ об исполнительном производстве);
- о взыскании назначенного несовершеннолетнему осужденному штрафа с его законных представителей (п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1);

6) производства по изменению, прекращению, продлению иных мер уголовно-правового характера (воздействия):

- о назначении, о продлении, об изменении или о прекращении применения принудительных мер медицинского характера в соответствии со статьями 102 и 104 УК РФ (п. 12 ст. 397, ст. 445 УПК РФ);
- об отмене постановления о прекращении уголовного преследования и применении принудительной меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего на основании ч. 4 ст. 90 УК РФ и направлении материалов уголовного дела органу предварительного расследования (ч. 5 ст. 427 УПК РФ);
- о прекращении, продлении, восстановлении срока пребывания несовершеннолетнего осужденного в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа, а также о переводе его в другое специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (части 3 – 8 ст. 432 УПК РФ);
- об отмене судебного штрафа на основании ч. 2 ст. 104.4 УК РФ и направлении уголовного дела руководителю следственного органа или прокурору (ст. 446.5 УПК РФ);

7) производства по вопросам исполнения судебных решений в рамках международного сотрудничества:

- по жалобе на решение Генерального прокурора РФ или его заместителя о выдаче иностранному государству иностранного гражданина или лица без гражданства, находящегося на территории РФ и осужденного судом иностранного государства, *для исполнения приговора*[1] (ст. 463 УПК РФ);

[1] От данного варианта экстрадиции, как было отмечено в предыдущем параграфе, следует отличать выдачу лица иностранному государству для целей уголовного преследования. Действия такого рода не связаны с исполнительным производством, поэтому судебное рассмотрение жалобы на решение прокурора о выдаче в этих целях не образует судебное

- по жалобе на постановление прокурора о заключении под стражу или домашнем аресте лица – иностранного гражданина или лица без гражданства, находящегося на территории РФ и *осужденного судом иностранного государства*, – в отношении которого поступил запрос о его выдаче иностранному государству *для исполнения приговора* с приложением решения судебного органа иностранного государства о заключении этого лица под стражу (ч. 2 ст. 466 УПК РФ, п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11[1]);
- о передаче иностранного гражданина, осужденного к лишению свободы судом Российской Федерации, для отбывания наказания в государство, гражданином которого он является (п. 20 ст. 397, статьи 469 – 471 УПК РФ);
- о признании, порядке и условиях исполнения приговора иностранного государства в отношении гражданина РФ, передаваемого для отбывания наказания в Российскую Федерацию (п. 21 ст. 397, статьи 469–470 и 472 УПК РФ);
- об исполнении пересмотренного (отмененного или измененного) приговора иностранного государства в отношении гражданина РФ, отбывающего наказание в Российской Федерации, а также о применении к этому лицу изданных в иностранном государстве актов об амнистии или о помиловании (ч. 6 ст. 472 УПК РФ);
- о признании и принудительном исполнении приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории РФ доходов, полученных преступным путем (гл. 55.1 УПК РФ).

8) производства по процессуальным вопросам, связанным с обеспечением исполнения приговора (наказания):

производство «исполнительного» типа и отнесено нами к разряду судебно-контрольных производств.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» (в редакции от 03.03.2015 г.) // БВС РФ. 2012. № 8.

- о назначении судебно-психиатрической экспертизы в соответствии с ч. 2.1 ст. 102 УК РФ (п. 4.2 ст. 397 УПК РФ);
- о заключении под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы, либо осужденного к принудительным работам, уклонившегося от получения предписания, предусмотренного ч. 2 ст. 60.2 УИК РФ, или не прибывшего к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок, до рассмотрения вопроса о замене наказания (п. 18 ст. 397 УПК РФ);
- о заключении под стражу осужденного к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении, уклонившегося от получения предписания, предусмотренного ч. 1 ст. 75.1 УИК РФ, или не прибывшего к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок, а также о направлении его в колонию-поселение под конвоем в порядке, установленном статьями 75 и 76 УИК РФ, либо для рассмотрения вопроса об изменении вида исправительного учреждения, назначенного по приговору суда (п. 18.1 ст. 397 УПК РФ);
- об избрании и дальнейшем продлении меры пресечения лицу – *осужденному судом иностранного государства* – в отношении которого поступил запрос от иностранного государства о его выдаче *для исполнения приговора* без приложения решения судебного органа иностранного государства о заключении этого лица под стражу (ч. 1 ст. 466 УПК РФ, пункты 15 – 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 г. № 11);

9) производства по устранению недостатков, пробелов в приговоре или ином судебном решении и разъяснению сомнений и неясностей, возникающих при его исполнении:

- об исполнении приговора при наличии других неисполненных приговоров, если это не решено в последнем по времени приговоре в соответствии со ст. 70 и ч. 5 ст. 69 УК РФ (п. 10 ст. 397 УПК РФ)[1];

[1] Пункт 10 ст. 397 УПК РФ прямо не предусматривает решение вопроса о сложении наказаний по двум вступившим в законную силу и неисполненным приговорам на основании ч.

- о зачете времени содержания под стражей, а также времени пребывания в лечебном учреждении в соответствии со статьями 72, 103 и 104 УК РФ (п. 11 ст. 397 УПК РФ);
- о разъяснении сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора (п. 15 ст. 387 УПК РФ и п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 г. № 21).

При всем разнообразии предмета судебного рассмотрения в вышеуказанных производствах наблюдается некая общность задач и единство в направленности судебной деятельности. Главной и особенной ***задачей*** всех судебно-исполнительных производств является обеспечение надлежащего применения материального (уголовного, уголовно-исполнительного) закона адекватно изменяющимся в процессе исполнения итогового судебного решения обстоятельствам и условиям с целью эффективного достижения целей уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера (воздействия) при соблюдении оптимального баланса частных и публичных интересов. Эта же задача (одна из многих в комплексе задач международного сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства) реализуется и в деятельности суда по рассмотрению вопросов дальнейшего исполнения наказания, назначенного российским судом, в отношении лица, подлежащего выдаче иностранному государству, а также исполнения приговора и иных

---

5 ст. 69 УК РФ, однако судебная практика допускает возможность такого решения в порядке ст. 399 УПК РФ, если этот вопрос не был решен в последнем по времени приговоре (См.: кассационные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.02.2003 г. № 89-О03-6 и от 01.12.2009 г. № 67-О09-82 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»). Разработчики проекта УПК РФ оправдывают сложившееся правоприменение следующим образом: «Если законодатель допускает устранение пробела в приговоре по правилам, более жестким (ст. 70 УК), чем правила сложения наказания, предусмотренные ч. 5 ст. 69 УК, то решение вопросов, связанных с исполнением двух приговоров, по которым надлежало назначить наказание по правилам ч. 5 ст. 69 УК, не противоречит как УПК, так и УК. Более того, УК, УИК и УПК не предусматривают возможности самостоятельного исполнения двух и более приговоров, по которым наказание назначено в виде лишения свободы» (Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред.: Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. М., 2004. 822 с. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

решений судов иностранных государств на территории Российской Федерации (производства из 7-й группы приведенного перечня судебных производств).

Конкретное содержание разрешаемых в судебно-исполнительных производствах вопросов позволяет выявить их сущность, которая в свою очередь указывает на характер и направленность всего производства. По характеру воздействия на исполнение судебных решений деятельность суда в процессе их исполнения может быть подразделена на *корректирующую исполнение* (производства из 1–7 групп вышеприведенного перечня), *обеспечивающую исполнение* (производства из 8-й группы) и *конкретизирующую исполнение* (производства 9-й группы). В. И. Качалов в этом аспекте говорит о корректирующем, конкретизирующем и правообеспечительном судебном контроле[1].

Значительным своеобразием обладают производства по вопросам исполнения судебных решений в рамках международного сотрудничества, которые предусматривают: специфический предмет судебного рассмотрения; включение в производство дополнительных участников – «компетентных органов» Российской Федерации и иностранных государств; специфические подготовительные процедуры; широкую правовую основу принятия судебных решений, включающую нормы международного права, международные (межгосударственные) договоры и межправительственные соглашения, а также уголовное и иное законодательство иностранных государств; особые (по содержанию) виды итоговых решений суда, – все это дает серьезный повод для размышления относительно наличия оснований для выделения исполнительных производств рассматриваемой группы в отдельный тип особых судебных производств. Однако, установление, анализ и оценка глубины и значимости указанных особенностей заслуживают отдельного научного исследования, поэтому в рамках настоящей работы ограничиваемся констатацией

[1] Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе ... С. 18, 94.

специфичности, «особости» данной разновидности судебно-исполнительных производств.

Контрольный аспект судебно-исполнительной деятельности. Представления о процессуальной деятельности по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора и иных решений уголовного суда, как разновидности судебного контроля в уголовном процессе или составной части судебного контроля за исполнением уголовных наказаний (исполнением приговора или исполнительным производством) весьма распространены в современной процессуальной доктрине[1]. Однако следует задаться вопросами: каким образом контрольная функция реализуется в данном виде судебной деятельности, как проявляется ее действие, обретает ли она тот характер и достигает ли той степени интенсивности, когда уместно говорить о ее превалирующем значении и утверждать о контрольной направленности всей судебной деятельности, сопряженной с исполнением решений уголовного суда?

---

[1] Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 13, 39–41; Давыдова И. А. Судебный контроль за исполнением уголовного наказания: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 8–9; Воронин О. В. Исполнение приговора по УПК РФ: учеб. пособие. Томск, 2006. С. 9–10; Грищенко А. В. Институт исполнения приговора в уголовном судопроизводстве … С. 19–21; Курганский М. Г. Вопросы исполнения приговора, разрешаемые районными (городскими) судами по месту отбывания наказания осужденным: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 11; Грицай О. В. Исполнение приговора в части имущественных взысканий: процессуальная сущность, основания и порядок. Самара, 2007. С. 19–21; Амануллина А. Ф. Судебный контроль в стадии исполнения приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9–10; Павлухин А. Н., Давыдова И. А., Эриашвили Н. Д. Судебный контроль за исполнением уголовных наказаний. М., 2008; Колоколов Н. А., Давыдова И. А., Павлухин А. Н., Эриашвили Н. Д. Судебный контроль в стадии исполнения уголовного наказания // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 6. С. 10–34, 2009. № 1. С. 25–37, № 2. С. 28–39; Бибило В. Н. Уголовно-процессуальное регулирование исполнения приговора // Бибило В. Н. Проблемы юриспруденции: избранные труды. Минск, 2010. С. 381; Квициния Д. А. Разрешение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 19–20; Гужва О. В. Теоретические и практические проблемы рассмотрения судом вопросов, связанных с исполнением приговора … С. 8, 17; Кудовба О. Н. Судебный контроль за исполнением принудительных мер медицинского характера, применяемых в отношении осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 25 (1–4). № 2. С. 182–185; Левченко О. В., Гужва О. В., Караева А. А. Рассмотрение судом вопросов, связанных с исполнением приговора: теоретические и практические проблемы: монография. М., 2018. С. 33–35.

Раскрывая в предыдущем параграфе диссертации сущность и содержание судебного контроля в уголовном судопроизводстве, соискателем подчеркнуты его «особость», специфический характер и ограниченность действия, отмечено, что деятельность уголовного суда по контролю за досудебным производством относима к разновидности государственного контроля номинально, при условии принятия во внимание уникальных, характерных судебному контролю свойств, при этом заключено, что судебный контроль является, прежде всего, особым видом судебной деятельности по осуществлению уголовного правосудия. Данные суждения и выводы, ввиду сущностного единства правосудной деятельности, в полной мере распространимы и на деятельность суда по ведению уголовных производств исполнительной направленности.

Очевидно, что, как и в отношении досудебного производства, уголовный суд не осуществляет тотального (постоянного и всеохватывающего) контроля за законностью деятельности органов и учреждений, исполняющих приговор или иное судебное решение, как это следовало бы делать типичному контролирующему органу, а вмешивается в процесс исполнения судебных решений точечно, ситуационно, по ограниченному кругу вопросов и только по инициативе заинтересованной стороны. Иначе говоря, контроль суда всегда опосредован и осуществляется не иначе как через разрешение судом вопросов, связанных с исполнением приговора и иных судебных решений[1].

А. В. Грищенко полагает, что в период исполнения приговора судебный контроль как форма реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве состоит «в деятельности судебных органов по наблюдению и обеспечению законности исполнительного производства по уголовным делам»[2]. Под последним, как явствует из контекста, автор подразумевает деятельность по непосредственному исполнению приговора. Однако содержание полномочий уголовного суда, реализуемых в судебно-исполнительных производствах, не дает никаких оснований утверждать, что суд «наблюдает» за исполнением приговора

[1] Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве. М., 2006. С. 19.

[2] Грищенко А. В. Указ. соч. С. 20.

или «обеспечивает законность» деятельности исполнительных органов. Таких широких задач УПК РФ на суд не возлагает.

Профессор М. К. Свиридов, раскрывая в упомянутой выше работе сущность и содержание судебного контроля на данном этапе судопроизводства, пришел к обоснованным и убедительным выводам о том, что контроль суда в сфере исполнения приговора не может быть прямым, что «осуществление контроля для суда не должно быть задачей самостоятельной, выполняемой наряду с отправлением правосудия», что «главная задача суда – дать ответ на вопрос об изменении наказания или досрочном освобождении», а контроль осуществляется судом «по ходу решения главной задачи, поэтому его и следует называть косвенным»[1].

Анализ представленных в научной литературе позиций по исследуемому вопросу показывает, что ряд процессуалистов (Н. Г. Муратова, О. В. Воронин, Н. А. Колоколов, И. А. Давыдова, А. Н. Павлухин и др.) рассматривают судебно-исполнительные производства в качестве составной части (элемента) более глобального правового образования – комплексного (межотраслевого) института судебного контроля за исполнением наказаний, в содержание которого помимо осуществления указанного вида уголовно-процессуальной деятельности включают, как минимум, контроль за своевременностью и законностью «приведения в исполнение приговора о наказании органами, уполномоченными исполнять тот вид наказания, который указан в приговоре» (ч. 5 ст. 393 УПК РФ и ч.3 ст. 20 УИК РФ) и судебное обжалование действий администрации учреждений и органов, исполняющих наказания (ч. 2 ст. 20 УИК РФ)[2], а также и деятельность суда по рассмотрению гражданских дел с участием осужденных, в которых оспариваются права или обязанности последних, и деятельность суда по рассмотрению уголовных дел о должностных преступлениях в отношении

[1] Свиридов М. К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. С. 208–209, 212.
[2] Муратова Н. Г. Указ. соч. С. 39; Воронин О. В. Указ. соч. С. 9;

осужденных и о преступлениях самих осужденных, совершенных в связи или в процессе исполнения наказаний[1].

Не оспаривая в принципе теоретическую состоятельность выстраивания столь сложной конструктивно и широкой по предмету модели судебного контроля в сфере исполнения уголовных наказаний и не вдаваясь в обсуждение обоснованности включения в нее той или иной судебной деятельности, не относящейся к судебно-исполнительным производствам, так как это выходит за границы нашего исследования, тем не менее можно позволить себе высказать ряд важных суждений и замечаний, имеющих непосредственное отношение к решению поставленных выше вопросов.

Нельзя не признать, что для отнесения судебно-исполнительных производств к судебному контролю за исполнением наказаний имеются определенные формально-юридические предпосылки – статья 20 УИК РФ «Судебный контроль», точнее содержащееся в части первой данной статьи положение о том, что при решении вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора в соответствии со статьями 397 (за исключением случаев, указанных в пунктах 1 и 18) и 398 УПК РФ, «суд контролирует исполнение наказаний». При этом часть 2 ст. 20 УИК РФ, на которую нередко ссылаются в обоснование тезиса о контрольном характере деятельности уголовного суда в период исполнения приговора, устанавливает контрольные полномочия суда, которые вовсе не относятся к уголовно-процессуальной деятельности, а реализуются в порядке административного судопроизводства, поэтому не могут приниматься во внимание при определении правовой природы деятельности уголовного суда.

Наряду с этим следует заметить, что значительная часть судебно-исполнительных (уголовных) производств не подпадает под действие ч. 1 ст. 20 УИК РФ и поэтому выпадает из поля зрения тех исследователей, которые

[1] Павлухин А. Н., Давыдова И. А., Эриашвили Н. Д. Судебный контроль за исполнением уголовных наказаний. С. 24–25, 60–78; Колоколов Н. А., Давыдова И. А., Павлухин А. Н., Эриашвили Н. Д. Судебный контроль в стадии исполнения уголовного наказания // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 6. С. 10–34, 2009. № 1. С. 25–37.

ограничивают судебный контроль только сферой исполнения приговора в части применения наказания. На основе сугубо формального подхода невозможно отнести к судебному контролю решение вопросов: а) непосредственно не связанных с исполнением уголовных наказаний – как указанных в ст. 397 УПК (пункт 12), так и предусмотренных другими процессуальными нормами (ст. 400, ч. 5 ст. 427, части 4 – 8 ст. 432, статьями 445 – 446, 446.5, 463, 473.1 – 473.6 УПК РФ); б) имеющих отношение к исполнению наказания, но не фигурирующих в статьях 397 и 398 УПК РФ (ч. 1 ст. 466 УПК РФ) или по непонятным причинам исключенных законодателем из предмета судебного контроля (п. 18 ст. 397 УПК РФ). Получается, что с формально-юридической точки зрения далеко не все судебно-исполнительные производства выполняют контрольную задачу.

Но и обращение к сущностно-содержательной стороне деятельности суда по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора или иных судебных решений, также не позволяет однозначно отнести ее к разновидности судебного контроля, поскольку подобная характеристика не вполне соответствуют истинной сути и назначению ряда производств рассматриваемого типа.

В деятельности суда по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора или иного итогового решения по уголовному делу, особенно при рассмотрении этих вопросов по представлению органов или учреждений, исполняющих судебное решение, контрольный элемент, безусловно, присутствует (и его наличие опять же подтверждает тезис о перманентности контрольной функции суда), но не более чем в любой иной уголовно-процессуальной деятельности суда. Во всяком случае, в большинстве судебно-исполнительных производств контроль не выступает в качестве главной задачи судебной деятельности, как это имеет место в судебно-контрольных производствах на досудебных стадиях или при пересмотре судебных решений вышестоящими судебными инстанциями.

По большому счету, как установлено ранее, под судебным контролем и его разновидностями обычно подразумевают такую процессуальную деятельность суда, суть которой сводится к проверке и оценке правомерности деятельности

органов публичной власти, например, органов уголовного преследования (судебный контроль в уголовном судопроизводстве на досудебных стадиях), иных органов исполнительной власти (судебный контроль в порядке административного судопроизводства), законодательных органов (так называемый судебный нормоконтроль).

В сфере исполнительных правоотношений под привычное понятие судебного контроля (в его предварительных, предупредительных, статутных формах) явно подпадают лишь производства по вопросам применения к осужденным мер пресечения и их продления (пункты 18 и 18.1 ст. 397, ч. 1 ст. 466 УПК РФ), а также (в виде последующего, восстановительного, диспозитивного контроля) производства по рассмотрению жалоб на решения прокурора в порядке ст. 463 УПК РФ о выдаче лица, осужденного судом иностранного государства, для исполнения приговора и на решения прокурора о домашнем аресте или заключении под стражу, принятые в порядке ч. 2 ст. 466 УПК РФ[1].

Признаки предупредительного контроля просматриваются также в судебных производствах по рассмотрению таких вопросов как отмена условного осуждения и направление осужденного для отбывания лишения свободы, замена наказания на более строгое, передача осужденного для отбывания наказания в иностранное государство, признание и исполнение приговора иностранного государства, продление иных мер уголовно-правового воздействия и т. п., то есть в производствах по таким вопросам, положительное решение которых грозит осужденному или лицу, в отношении которого применяются меры уголовно-правового характера, еще более значительным ограничением его прав и свобод со стороны публичной (исполнительной) власти и ухудшением (ослаблением) его правового статуса.

Однако, значительная, если не большая часть вопросов, предусмотренных статьями 397, 398, 400 (и др.) УПК РФ, рассматривается судом *по ходатайству осужденного или его представителя*, и осуществляемые в этих случаях уголовно-

[1] Ввиду отсутствия необходимой процедуры в рамках уголовно-исполнительного производства данные жалобы по аналогии рассматриваются в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ (п. 21 Постановления Пленума ВС РФ о 14.06.2012 № 11).

процессуальные производства не сопряжены с проверкой и оценкой деятельности органов власти, исправительных учреждений или должностных лиц по ограничению прав осужденного или ущемлению его интересов, а, напротив, направлены на установление уголовно-правовых оснований для улучшения его положения, ослабления уголовной репрессии, о чем просит и (или) в чем, несомненно, заинтересован сам осужденный. Кроме того, немалая часть производств по тем же «благоприятствующим» вопросам осуществляется по ходатайствам исполняющих судебное решение органов и учреждений[1], то есть инициируется ими в интересах осужденного или лица, в отношении которого применяется мера уголовно-правового характера, и также не связана с оценкой правомерности ограничения прав личности. В чем же в этих случаях заключается контроль суда?

Противоправность или правомерность поведения осужденного в период отбытия наказания, вопреки мнению некоторых авторов[2], объектом судебного контроля не является и являться не может, если, конечно, под судебным контролем подразумевать общепризнаваемое правовое явление – контроль судебной власти над деятельностью других ветвей публичной власти, а ни нечто иное. По крайней мере, федеральное законодательство никаких полномочий по контролю за осужденными судам не предоставляет, эти обязанности возложены на специальные органы и учреждения, исполняющие уголовные наказания (ст. 16 УИК РФ), в частности на Федеральную службу исполнения наказаний (п. 1 Положения о ФСИН[3]).

---

[1] По наблюдениям и оценкам Д. В. Тулянского около 60 % от общего числа обращений администрации специализированных органов и учреждений, исполняющих наказание, «связаны с позитивной для осужденных составляющей», т. е. подаются в суд в интересах осужденного (Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве. С. 37).

[2] Грицай О. В. Исполнение приговора в части имущественных взысканий … С. 9, 20–21. Оценка «законности поступков осужденных» отнесена к объекту судебного контроля и авторами статьи: Колоколов Н. А., Давыдова И. А., Павлухин А. Н., Эриашвили Н. Д. Судебный контроль в стадии исполнения уголовного наказания // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 1. С. 25–37.

[3] Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утв. Указом Президента РФ от 13.10.2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» (в редакции от 11.04.2022 г.) // СЗ РФ. 2004. № 42. Ст. 4109.

Если под контролем подразумевать проверку судом целесообразности решений, предлагаемых в пользу осужденного или лица, подвергнутого мерам уголовно-правового характера, скажем, с позиции соблюдения публичных (общественных) интересов и обеспечения достижения целей наказания или принудительных уголовно-правовых мер, то надо признать, что это контроль совсем иного рода, не относящийся к судебному контролю как виду государственной юридической деятельности или особой форме правосудия. Подобная проверка суть обычная оценка судом установленных по делу фактических обстоятельств на соответствие предписаниям правовых норм, вопрос о применении которых инициирован процессуальным обращением в суд, и представляет собой неотъемлемый элемент механизма принятия любого процессуального решения и внутренне-содержательный компонент отправления правосудия.

«Конкретизирующий судебный контроль», который по В. И. Качалову охватывает деятельность суда по уточнению и конкретизации определенных обстоятельств, необходимых для надлежащего исполнения итогового судебного решения[1], по нашему мнению, также не является контролем в значении особого вида судебной деятельности, в противном случае допускается невозможное с точки зрения логики и принципов контрольной деятельности положение, при котором суд первой инстанции как субъект контроля проверяет свою собственную деятельность, контролирует сам себя. К тому же конкретизация итогового решения уголовного суда, устранение из него сомнений и неясностей, хотя бы и проявившихся при исполнении судебного решения, не обусловлены контролем над процессом исполнения и не предполагают какую-либо проверку и оценку исполнительных действий органов и учреждений, исполняющих решение

[1] Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе … С. 16, 26. – Деятельность по рассмотрению «возникших у администрации учреждений и органов, исполняющих наказания, сомнений и неясностей» относит к «функции судебного контроля» и ряд других авторов: Колоколов Н. А., Давыдова И. А., Павлухин А. Н., Эриашвили Н. Д. Судебный контроль в стадии исполнения уголовного наказания // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 1. С. 25–37.

суда, а направлены исключительно на устранение дефектов самого акта правосудия.

Таким образом, оценивая весь комплекс судебно-исполнительных производств, следует признать, что однозначно выраженный контрольный характер на постоянной основе имеют только отдельные, немногочисленные судебно-исполнительные производства процессуально-обеспечительной направленности, а в большинстве производств присущий любой деятельности суда контрольно-проверочный компонент выходит на первый план только при определенных условиях, когда поставленный на разрешение суда вопрос сопряжен с усилением принуждения и ограничения прав и свобод, но и при этом не становится превалирующей установкой суда.

Как справедливо указывает профессор В. В. Николюк, осуществляемый судом в рамках уголовно-исполнительного производства контроль «не носит автономного характера по отношению к правосудию, является его составной частью и на данный момент правового регулирования отвечает, по большому счету, всем основным его параметрам»[1]. Аналогичную позицию высказывает и профессор М. К. Свиридов, когда пишет, что судебный контроль за исполнением наказаний «осуществляется в рамках правосудия, является его частью», и для него характерны методы, присущие судебной деятельности[2].

Поэтому, подытоживая изложенное, делаем вывод, что проходящее в рамках уголовного судопроизводства рассмотрение судом вопросов, связанных с исполнением судебных решений, в целом есть обычная деятельность (разновидность деятельности) по осуществлению правосудия.

Как отмечено выше, судебно-исполнительные производства (точнее – принимаемые по их итогам постановления) различаются характером и степенью воздействия на исполнение решений уголовного суда, которое определяет

---

[1] Николюк В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения. С. 73.

[2] Свиридов М. К. Указ. соч. С. 209.

значение каждого производства и его место в системе уголовного правосудия. Проанализируем роль судебных производств в указанном аспекте.

Корректирующие судебные производства. Основная часть судебно-исполнительных производств направлена на коррекцию исполнения приговора или иного итогового решения суда по уголовному делу (замена вида наказания или иной меры уголовно-правового воздействия, порядка и условий их отбывания, освобождение от них и т. д.), обусловленную изменением уголовного законодательства (ст. 10 УК РФ) либо возникновением или изменением объективных или субъективных факторов (фактических обстоятельств), трансформирующих уголовные или уголовно-исполнительные правоотношения, установленные и закрепленные этими решениями.

По этому вопросу В. И. Качалов верно указывает, что возможность корректирующего воздействия на исполнение приговора заложена «в самой правовой природе целей уголовного наказания» (ч. 2 ст. 43 УК РФ), которые заключаются не только в восстановлении социальной справедливости, но и в исправлении осужденного[1].

Цель исправления может быть достигнута не только по завершении полного исполнения и отбывания назначенного наказания, но и на более ранних этапах его отбывания, либо, напротив, ввиду злостного уклонения осужденного от отбывания наказания или иного противоправного поведения, может потребовать корректировки наказания или условий его отбывания в сторону усиления уголовно-правового воздействия и связанных с ним принудительных правоограничений. Стало быть, «содержание мер уголовной ответственности объективно вызывает необходимость «сопровождения» судом исполнения приговора в части предусмотренных им наказаний»[2]. Аналогичный смысл и назначение несет в себе и корректировка применения иных мер уголовно-правового характера.

---

[1] Качалов В. И. Указ. соч. С. 97–98.

[2] Николюк В. В., Квициния Д. А. Устранение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора: монография. Хабаровск, 2014. С. 51.

В научной литературе изложено мнение, что решения по итогам судебно-исполнительных производств изменяют ранее вынесенный приговор[1] (получается, и иное итоговое судебное решение по уголовному делу) и в соответствующей части лишают его силы[2]. Данная точка зрения с давних пор последовательно и настойчиво отстаивается профессором М. К. Свиридовым в контексте обоснования реальности стадии исполнения приговора и позиционирования «судебно-исполнительной деятельности» в качестве продолжения деятельности суда по разрешению уголовного дела[3], но не находит широкой поддержки среди процессуалистов, а напротив вызывает обоснованные возражения[4]. Вместе с тем схожие точки зрения продолжают высказываться и в современной литературе. Так, например, в корректировке приговора (в «корректирующем воздействии на приговор») видит сущность судебных постановлений, принимаемых на стадии исполнения итоговых решений суда, В. И. Качалов[5].

Между тем вопрос, изменяется ли приговор судебными постановлениями, вынесенными в порядке главы 47 УПК РФ, имеет принципиальное значение, поскольку ответ на него влияет на определение самостоятельности судебно-исполнительных производств и характера их взаимосвязи с основным производством по уголовному делу.

---

[1] Куцова Э. Ф. Исполнение приговора. М., I960. С. 18; Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1962, С. 476; Рыжков И. Н Стадия исполнения приговора в советском уголовном процессе: автореф. дис … канд. юрид. наук. М., 1965, С. 4.

[2] Свиридов М. К. Отраслевая принадлежность норм, регулирующих судебную деятельность по исполнению приговора // Вестник ТГУ. Право. 2020. № 36. С. 86–87.

[3] Свиридов М. К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск, 1978. С. 98–107.

[4] Перлов И Д. Исполнение приговора в советском уголовном процессе. М., 1963, С. 16–19; Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и судебный приговор. Казань, 1965, С. 336–337; Мотовиловкер Я. О. Предмет советского уголовного процесса. Ярославль, 1974. С. 92–94; Волколуп О. В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. С. 205–206; Воронин О. В. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением: автореф. дис. канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 10; Божьев В. П. Уголовно-материальные правоотношения и их связь с процессуальными правоотношениями // Божьев В. П. Избранные труды. М., 2010. С. 91–92; Николюк В. В. Научная полемика конструктивна, когда она не становится «околонаучной» … С. 185.

[5] Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе С. 95–102.

Формальное изменение приговора (иного судебного решения), которое сопровождалось бы исправлением результирующих судебных предписаний и внесением соответствующих формулировок в текст изменяемого судебного акта, в ходе осуществления судебно-исполнительных производств корректирующего, а равно и обеспечительного характера очевидно не происходит. Для иного вывода, принимая во внимание содержание норм главы 47 УПК РФ, никаких правовых оснований не имеется.

Изменение судебного решения в привычном понимании всегда связано с его пересмотром, проверкой по существу, является следствием переоценки фактических и (или) юридических оснований решения. Подобного рода деятельность при рассмотрении судом вопросов исполнения не производится, а относится (и всегда относилась) к содержанию задач суда в контрольно-проверочных стадиях основного производства. Да и специфика судебно-исполнительного производства, имеющего, как было установлено, иной, нежели у основного судебного производства, предмет судебного разбирательства и собственную фактическую и правовую основу разрешения стоящих вопросов, не позволяет суду ни проверить, ни «перерешать» постановленные в уголовном деле решения.

Как верно указывает В. П. Божьев применительно к приговору, суд в процессе исполнения не может изменить характер установленных уголовно-правовых отношений, а «может, не изменяя приговора, изменить объем или характер, а равно порядок реализации назначенного вида уголовной ответственности»[1]. И. Д. Перлов по этому поводу отмечал, что в период исполнения суд лишь «вносит существенные изменения в порядок и сроки фактического исполнения наказания, что не является изменением приговора»[2].

Кроме того, и решения по итогам судебного разбирательства уголовного дела, и постановления по вопросам исполнения этих решений принимаются судом первой инстанции (зачастую одним и тем же судебным органом – ч. 1 ст. 396 УПК

[1] Божьев В. П. Указ. соч. С. 91.
[2] Перлов И. Д. Указ. соч. С. 16–17.

РФ), тогда как по общему, сложившемуся в российском уголовном процессе правилу, которому законодатель следует при распределении процессуальных полномочий между субъектами правосудия, суд, вынесший приговор или иное итоговое решение по уголовному делу, не вправе сам его изменить[1] – такое право предоставлено только суду вышестоящей инстанции[2], тем более ревизовать, переменить решение вышестоящей инстанции: апелляционный приговор и апелляционное или кассационное постановление (определение), которым, к примеру, в решение суда первой инстанции внесены изменения.

Учитывая изложенные обстоятельства и признавая, что в стадии исполнения приговора не может оспариваться ни один вопрос приговора и перед судом не стоит задача проверки его законности и обоснованности, профессор М. К. Свиридов вынужден представлять «изменение приговора в стадии исполнения» как изменение приговора особого рода, как «особый институт», отдельный «вид изменения приговора», отличный от изменения, производимого судами вышестоящих инстанций, который имеет своим основанием не наличие судебной ошибки, а вновь возникшие (но не вновь открывшиеся) уже после вынесения приговора обстоятельства[3]. Но уместно и корректно ли в таком случае вести речь об изменении приговора?

Возникающие после вступления приговора или иного судебного решения в законную силу и в связи с его исполнением обстоятельства, составляющие совместно с исполняемым судебным актом (актами) фактологическую базу для судебно-исполнительных (корректирующих) производств, имеют значение юридических фактов или элементов фактического состава и как таковые не обладают «обратным действием», не способны повлиять на уже состоявшиеся и подтвержденные судебным решением правоотношения. Эти обстоятельства-

---

[1] Определенное исключение, очевидно, составляют полномочия суда первой инстанции по разъяснению сомнений и неясностей, возникших при исполнении приговора (п.15 ст. 397 УПК РФ), но допускаемое таким способом вмешательство в судебное решение имеет весьма специфический и ограниченный характер, о чем будет подробнее изложено в подразделе, посвященном «конкретизирующим» производствам.

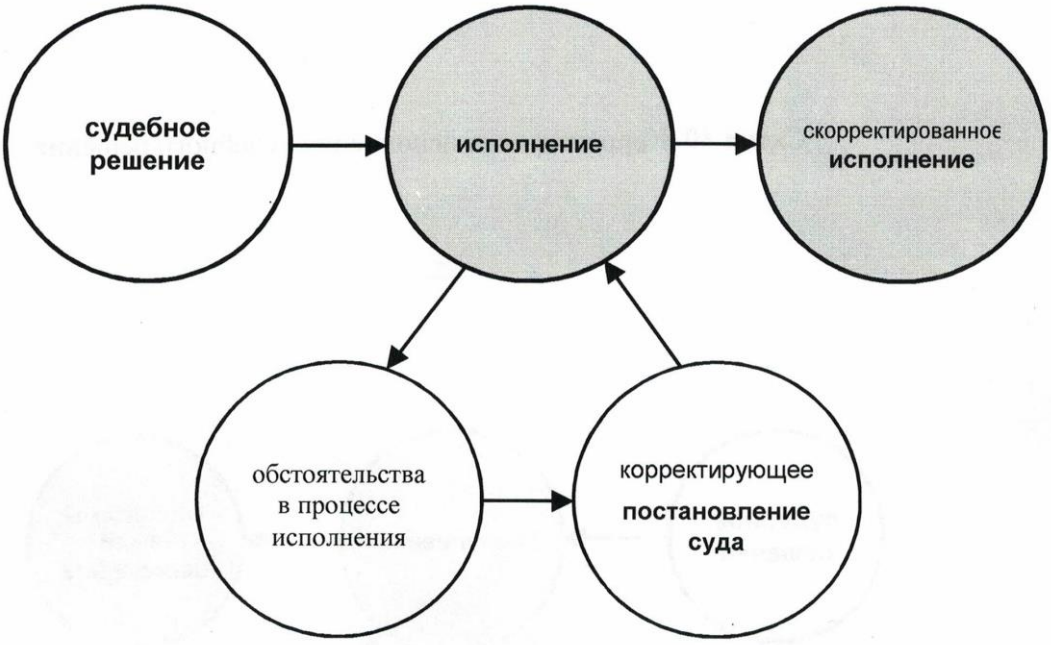
[2] На это указывает и сам автор критикуемой позиции: Свиридов М. К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. С. 105.

[3] Там же. С. 104.

факты порождают новые уголовные, уголовно-исполнительные и прочие правоотношения, субъектом которых становится лицо, в отношении которого вынесено исполняемое решение, и создают для участников исполнительных правоотношений новую (спорную) правовую ситуацию, которая по их инициативе выносится на разрешение суда, поскольку требует урегулирования посредством уголовного правосудия.

Соответственно суд, принимая решение на основе юридически значимых для процесса исполнения и подтвержденных в судебном заседании фактических обстоятельств, обращает свое регулятивное воздействие на *дальнейшее исполнение* судебного решения в соответствующей части, никак не касаясь предшествующего его исполнения и не ставя под сомнение законность и справедливость самого акта правосудия *(см. схему 10*).

Схема 10. Корректировка исполнения судебного решения



Будучи неправомочным (в рамках рассматриваемого вида судебно-исполнительного производства) изменять приговор или иное исполняемое решение, суд первой инстанции заменяет на новые вид наказания либо порядок, сроки и другие условия исполнения наказания или иной меры уголовно-правового

характера, но только на перспективу и только в рамках оставшейся, неисполненной их части. Фактически суд рассматривает и разрешает новый юридический казус, безусловно связанный, о чем сказано выше, с фактом осуждения и наказания виновного или фактом применения иных мер уголовно-правового характера, но влекущий не продолжение уголовного дела, а возникновение отдельного юридического дела – судебно-исполнительного.

При этом, что важно, постановление суда не заменяет приговор или иное решение, а содержащиеся в нем властные предписания не становятся частью исполняемого акта правосудия подобно тому, как решения вышестоящих судебных инстанций, изменяя порочные решения судов нижестоящих, «удаляют» последние из оспоренного судебного акта и заменяют их собой, юридически соединяясь с остальной, оставленной в силе, частью решения и образуя с последней единое целое – полновесное (окончательное) процессуальное решение, которое в таком преобразованном виде (после апелляции) изначально отправляется на непосредственное исполнение либо (после кассации, надзора) трансформирует собой исполнение целиком, «в обе стороны»: и на перспективу – до его окончания, и ретроспективно – с самого его начала.

«История взаимоотношений» исполняемого акта правосудия и судебного постановления в порядке гл. 47 УПК РФ складывается и развивается иначе. После издания последнего оба судебных акта как правовые объекты (процессуальные документы), так же как и при апелляции, кассации, надзоре, продолжают одновременное самостоятельное существование, но при этом заключенное в «судебно-исполнительном» постановлении распоряжение суда не только формально, но и содержательно не сливается с первоначальным, как правило, уже начавшим исполняться судебным решением (например, приговором) в единое целое, как считает профессор М. К. Свиридов[1], и не образует с последним общего предписания суда.

[1] М. К. Свиридов пишет в своей работе: «по существу, определение включается в приговор, составляет с ним целое, хотя формально внешне такое единство не выражается – особого решения о включении определения в приговор не выносится, оно заменяет часть приговора о наказании» (Свиридов М. К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора С.

При этом никакой опасности конкуренции двух противоречащих друг другу судебных актов, на что указывает уважаемый автор[1], не существует, поскольку параллельного исполнения принятых по одному и тому же вопросу судебных решений не происходит. Эти решения – первоначальное решение соответствующего вопроса в итоговом судебном решении по уголовному делу и последующее постановление суда в порядке ст. 399 УПК РФ – исполняются *последовательно*.

Если ситуацию корректировки исполнения судебного решения рассматривать ограниченно, только применительно к приговору (наказанию), как это делают большинство авторов и в их числе профессор М. К. Свиридов, то нельзя не увидеть, что выносимое в порядке ст. 399 УПК РФ постановление не аннулирует и не заменяет собой содержащееся в приговоре решение по соответствующему вопросу о виде, сроке наказания, условий или порядка отбывания наказания (хотя бы потому, что не имеет ретроспективного действия), и уж тем более не лишает это решение юридической силы, а лишь своеобразным образом «вытесняет» его из сферы применения (исполнения). Первоначально предписанные судебным приговором меры попросту перестают действовать (применяться) по причине утраты необходимой эффективности и социально-правовой целесообразности и уступают место новому судебному предписанию, более соответствующему изменившимся условиям.

Подобного рода «неприменение», «прекращение применения» процессуального решения, не связанное с его отменой или изменением, вполне естественно и допустимо, ввиду отсутствия в уголовном судопроизводстве какой-либо иерархии процессуальных актов одного и того же субъекта правоприменения (в нашем случае – суда), и обусловлено полномочиями компетентного субъекта судопроизводства осуществлять и корректировать правоприменение в соответствии с динамикой общественных правоотношений.

---

101). Аналогичные умозаключения автор воспроизводит в статье: Свиридов М. К. Отраслевая принадлежность норм, регулирующих судебную деятельность по исполнению приговора. С. 87.

[1] Свиридов М. К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. С. 102.

Так, суд (аналогично и следователь, и дознаватель) вправе изменить или отменить любую назначенную ранее меру процессуального принуждения или изменить условия ее применения, возобновить ранее приостановленное производство по уголовному делу, прекратить рассмотрение уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства и перейти в общий порядок (этот перечень можно продолжить) *путем принятия нового процессуального решения без отмены или изменения прежнего*[1]. Если же следовать оспариваемой нами позиции, придется признать заведомо неприемлемые вещи: следователь, когда изменяются условия или отпадают основания применения той или иной меры процессуального принуждения, своим постановлением об ее отмене или изменении отменяет (изменяет) решение органа судебной власти.

На самом деле ничего подобного не происходит. Первоначальное правоприменительное решение, принятое под определенные фактические основания и соответствующие им юридические условия, считается исполненным – оно свою регулятивную задачу на определенном этапе выполнило. Изменение имевшихся ранее оснований и условий вызывает к жизни новый, иной по содержанию акт правоприменения, устанавливающий новый порядок индивидуально-правового (процессуального) регулирования. Все сказанное в полной мере распространимо на соотношение «приговор – постановление в порядке ст. 399 УПК РФ».

Дополнительным доказательством того, что судебным постановлением по вопросам исполнения наказания приговор в соответствующей части не изменяется и не лишается силы, служит то обстоятельство, что его дальнейшее «неисполнение» чаще всего является условным, оно не становится окончательным, неизменным и бесповоротным, а исполнение – безвозвратно утратившим актуальность.

---

[1] Исключение составляют только такие процессуальные решения, определяющие движение производства по уголовному делу, как отказ в возбуждении уголовного дела и прекращение уголовного дела или уголовного преследования, которые не утрачивают свое действие автоматически при издании противоположного по своей направленности акта, а в силу прямого указания закона (пункты 4 и 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ) требуют непосредственной отмены в установленном порядке.

В качестве подтверждающих примеров можно привести такие правовые ситуации, когда предоставленная судом в порядке статей 397–399 УПК РФ временная отсрочка отбывания наказания затем на основании ч. 2 ст. 81 или ч. 2 ст. 82.1 УК РФ отменяется и осужденный направляется для отбывания назначенного приговором наказания; либо когда в период испытательного срока на условно осужденного судом накладывается дополнительная, не предусмотренная приговором обязанность (ч. 7 ст. 73 УК РФ), которая впоследствии до истечения испытательного срока отменяется в порядке той же ст. 399 УПК РФ; либо когда отбывающий лишение свободы осужденный на основании ст. 79 УК РФ освобождается условно-досрочно, но затем в связи с допущенными им нарушениями условно-досрочное освобождение судом отменяется (ч. 7 ст. 79 УК РФ). Во всех подобных случаях, «измененное», как может показаться, а на самом деле условно приостановившее свое действие (временно «законсервированное») решение в приговоре того или иного вопроса наказания возобновляет свое действие и продолжает исполняться в прежнем, неизменном виде, как если бы и не было принятых в порядке ст. 399 УПК РФ постановлений.

Несколько иначе дело выглядит при корректировке исполнения решений суда первой инстанции о применении иных (принудительных) мер уголовно-правового характера: судебного штрафа, принудительных мер медицинского характер и принудительных мер воспитательного воздействия. Помимо решения вопросов исполнения указанных мер в плане сроков, порядка, условий их применения и досрочного прекращения, объединенные в 6-ю группу виды судебно-исполнительных производств (*см. вышеприведенный перечень*) включают рассмотрение такого специфического вопроса как отказ от применения назначенной судом меры уголовно-правового характера – меры воспитательного воздействия или судебного штрафа – в связи с обстоятельствами субъективного свойства, препятствующими надлежащему исполнению судебного решения и достижению целей применения этих мер (ч. 5 ст.427 и ст. 446.5 УПК РФ).

При таком повороте событий корректировка исполнения судебного решения по уголовному делу происходит не посредством изменения исполнения на последующий, оставшийся период, а путем полного прекращения исполнения с возобновлением основного производства по уголовному делу в целях установления фактических и правовых оснований и соблюдения процессуальных условий для привлечения лица к уголовной ответственности. В указанных случаях выносимое судебное постановление формально-юридически отменяет (аннулирует) не только решение суда о применении соответствующей меры уголовно-правового характера, но и судебное решение о прекращении уголовного дела (при отмене судебного штрафа) или постановление органа предварительного расследования о прекращении уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего (при отмене принудительной меры воспитательного воздействия).

Этот особый (радикальный) способ корректировки процесса исполнения объясним спецификой назначения таких мер уголовно-правового характера как судебный штраф и принудительные меры воспитательного воздействия – их применение означает освобождение от уголовной ответственности и поэтому требует предварительного или одновременного прекращения уголовного дела (или преследования), а исполнение предполагает добровольное подчинение этим мерам и выполнение правоограничивающих обязательств, но принципиально ничего не меняет в механизме корректировки исполнения судебных решений. Здесь, как и в случае с исполнением наказания, принимаемое в рамках судебно-исполнительного производства решение не изменяет и не заменяет собой решение по основному производству, а является результатом рассмотрения иной сложившейся в сфере исполнения правовой ситуации, требующей ревизии результативности уголовно-правового воздействия и его корректировки, что также отнесено к компетенции уголовного суда.

Таким образом, принимаемое по итогам корректирующего судебно-исполнительного производства постановление суда не изменяет и не заменяет собой исходное, обращенное к исполнению решение уголовного суда, а

оптимизирует (изменяет, подправляет или прекращает) *процесс последующего исполнения* судебного решения, *приспосабливает* его к изменившимся условиям в интересах достижения целей уголовно-правового регулирования. Как следует из приведенной выше классификации и данных судебной статистики, корректирующий способ воздействия на исполнение судебных решений свойственен подавляющему большинству судебно-исполнительных производств, которые благодаря этому качеству наиболее соответствуют по всем вышеуказанным критериям исполнительному типу производств и получили наибольшее развитие и распространение (*см. приложение № 1, таблица 7*).

Обеспечительные судебные производства. Данную категорию судебно-исполнительных производств представляет небольшая группа производств (8-я в приведенной выше классификации), которые по своим свойствам и предметной области также вполне отвечают критериям относимости к судебным производствам исполнительной направленности, но имеют свои особенные черты, отличающие их от «корректирующих» судебно-исполнительных производств.

Обеспечительные судебно-исполнительные производства возникают в непосредственной связи с исполнением приговора в части наказания и по поводу появления (возникновения) в ходе исполнения обстоятельств, имеющих юридическое значение для определения дальнейшего порядка и условий отбывания осужденным назначенного ему наказания. Они наделены в значительной степени более узким предметом и поэтому имеют ограниченную сферу действия и менее распространены в правоприменительной деятельности (*см. приложение № 1, таблица 7*).

Своеобразие влияния обеспечительных производств на последующий процесс исполнения уголовного наказания заключается в том, что они оказывают на него не прямое, а опосредованное (через корректирующие производства) воздействие. Принимаемые по завершению этих производств судебные решения не корректируют ни наказание, ни условия и порядок его применения, а только *способствуют* проведению судом такой корректировки, создают для этого необходимые условия и предпосылки. Иначе говоря, анализируемые

производства, как правило, *направлены на обеспечение* корректирующих производств[1], при этом ими обеспечивается не только принятие решений по корректировке исполнения наказания, но и сама возможность проведения корректирующих судебно-исполнительных производств.

Так, судебно-психиатрическая экспертиза в соответствии с ч. 2.1 ст. 102 УК РФ назначается судом лицу, осужденному за совершение в совершеннолетнем возрасте преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего 14-летнего возраста, и страдающему расстройством сексуального предпочтения (педофилией), для последующего, основанного на экспертном заключении решения вопроса о необходимости применения к такому осужденному принудительных мер медицинского характера в период его условно-досрочного освобождения, на время отбывания более мягкого наказания или после отбытия наказания.

Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания определенного вида, либо осужденного к принудительным работам, уклонившегося от получения предусмотренного ч. 2 ст. 60.2 УИК РФ предписания или не пребывшего к месту отбывания наказания в установленный срок, (п. 18 ст. 397 УПК РФ) имеет следующие взаимосвязанные цели: пресечь злостное уклонение осужденного от отбывания наказания и обеспечить его присутствие в судебном заседании при рассмотрении представления о замене назначенного приговором наказания на наказание более строго вида.

Аналогично заключение под стражу осужденного к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении, уклонившегося от получения предусмотренного ч. 1 ст. 75.1 УИК РФ предписания или не прибывшего к месту отбывания наказания в установленный срок, (п. 18.1 ст. 397 УПК РФ) предназначено, с одной стороны, для пресечения уклонения осужденного от отбывания наказания в виде лишения свободы, с другой – для обеспечения

[1] Исключение составляют судебные производства об избрании и дальнейшем продлении меры пресечения лицу, в отношении которого поступил запрос от иностранного государства о его выдаче для исполнения приговора (ч. 1 ст. 466 УПК РФ). Данные производства, как показано ниже, имеют несколько иную обеспечительную направленность.

решения судом основного (в возникшей правовой ситуации) вопроса исполнения – вопроса о направлении осужденного в колонию-поселение под конвоем либо об изменении вида исправительного учреждения на исправительную колонию общего режима в соответствии с п. 4.1 ст. 78 УИК РФ.

Избрание судом по представлению прокурора меры пресечения в виде заключения под стражу и ее последующее продление в отношении лица, осужденного судом иностранного государства и находящегося на территории Российской Федерации (ч. 1 ст. 466 УПК РФ и пункты 15 – 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ 14.06.2012 г. № 11), осуществляется в целях обеспечения возможности выдачи этого лица (иностранного гражданина или лица без гражданства) иностранному государству для исполнения приговора. Следовательно, данный вид судебных производств направлен на обеспечение не коррекции исполнения приговора, а (через процедуру выдачи) на исполнение самого приговора в том виде и содержании, в каком это решение было принято судом иностранного государства. Данный нюанс, надо полагать, не отменяет и не ставит под сомнение «исполнительную направленность» данного производства и его обеспечительный характер.

Из сказанного со всей очевидностью следует, что судебно-исполнительные производства обеспечительного характера находятся в тесной, неразрывной связи с соответствующими «корректирующими исполнение» производствами или (в последнем случае) с несудебным исполнительным производством, обусловлены ими и вне этой связи (сами по себе) не имеют смысла и не оправдывают своего существования.

Вопросы, разрешаемые в рамках обеспечительных судебно-исполнительных производств, по своей природе сугубо процессуальные, в их основе лежат уголовно-процессуальные отношения, и принимаемые по этим вопросам решения по отношению к итоговому решению судом «основного» вопроса исполнения приговора носят вспомогательный характер. По большому счету, исходя из общих закономерностей построения судопроизводства, рассмотренные обеспечительные производства *должны быть встроены в соответствующие судебно-*

исполнительные производства, «на которые они работают», быть частью общей процедуры последних[1], но по воле законодателя регламентированы таким образом, что обрели значение обособленных, самостоятельных судебных производств «исполнительной направленности».

Одним из основных средств обеспечения исполнения приговора, как обоснованно указывает О. И. Цоколова, является применение государственного принуждения[2], и в связи с этим обеспечительные судебно-исполнительные производства различаются между собой не только по целевому назначению, но по степени принудительного воздействия назначаемых судом мер.

Производство по назначению в отношении осужденного судебно-психиатрической экспертизы несет в себе определенный элемент принуждения, но в целом выполняет чисто обеспечительные задачи, тогда как остальные производства исследуемой группы наравне с этим реализуют, как уже было отмечено, и явно выраженную контрольно-охранную миссию, которая заключается в тщательной проверке наличия законных оснований для применения к осужденному мер процессуального принуждения[3], охране свободы личности и недопущения ее незаконного и необоснованного ущемления посредством принудительных мер, предлагаемых субъектом исполнения наказания.

---

[1] Пример включения процедуры назначения судебно-психиатрической экспертизы в судебно-исполнительное производство находим в ст. 445 УПК РФ, согласно которой при рассмотрении вопросов прекращения, изменения или продления применения принудительных мер медицинского характера суд в судебном заседании может назначить судебную экспертизу, если поступившее в суд с соответствующим ходатайством медицинское заключение вызывает сомнение.

[2] Цоколова О. И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 3, 11.

[3] Мы здесь намеренно, дабы не отвлекаться от основной линии нашего повествования, не вдаемся в освещение проблемного и дискуссионного вопроса о том, является ли заключение под стражу осужденного мерой пресечения подобно той, что применяется в досудебном производстве к обвиняемому (подозреваемому), или представляет собой специфический вид (меру) процессуального принуждения, требующий отдельной, специальной регламентации, а адресуем читателя к работам профессора В. В. Николюка, в которых эта проблема наиболее тщательно исследована и проанализирована: Николюк В. В.: 1) Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения. Орел, 2015. С. 78–98; 2) Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания // Заключение под стражу и его альтернативы в уголовном судопроизводстве: коллективная монография / науч. ред. О. В. Качалова. М., 2019. С. 124–160.

Какая из задач важнее – контроль за соблюдением права на личную свободу или обеспечение надлежащего исполнения наказания – определить невозможно. Представляется, что эти задачи равновелики, что опять же предопределяется равнозначностью и единством общих целей уголовного правосудия, которые развиваются и детализируются в более конкретных целях и задачах каждой из разновидностей судебных производств.

Раскрывая правообеспечительную сущность рассматриваемого вида судебной деятельности, В. И. Качалов справедливо отмечает, что, объективно оценивая обстоятельства и принимая обоснованное решение, суд обеспечивает права и законные интересы лиц, в отношении которых рассматриваются данные вопросы, не допуская при этом произвольного и бесконтрольного принуждения, а также обеспечивает защиту публичных интересов, которые заключаются в потребности своевременной изоляции осужденных, не исполняющих возложенные на них обязанности[1].

Между однородными по целевому назначению и предмету судебного разбирательства производствами, предусмотренными пунктами 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ, проявляются различия иного свойства. Эти производства различаются конструктивно.

Рассмотрение и разрешение судом вопроса о заключении осужденного под стражу на основании п. 18 ст. 397 УПК РФ представляет собой одинарное, контрольно-обеспечительное по своей сути производство, его итогом является решение суда о заключении осужденного под стражу или об отказе в применении данной меры принуждения. В этом случае в соответствии с п. 2 ст. 397 УПК РФ основной вопрос исполнения – вопрос о замене наказания на более строгое, для обеспечения решения которого злостно уклоняющийся от отбывания назначенного по приговору наказания осужденный может быть заключен под стражу, рассматривается и разрешается судом в отдельном судебном заседании, в

[1] Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе С. 106.

рамках организационно и процессуально самостоятельного судебного производства, проводимого в порядке ст. 399 УПК РФ[1].

В то же время судебное производство, обусловленное необходимостью решения указанных в п. 18.1 ст. 397 УПК РФ вопросов, исходя из смысла и содержания данной нормы, проводится, как правило, в комбинированной, совмещенной форме, когда различные по своему назначению, но взаимосвязанные вопросы (о заключении под стражу задержанного осужденного и о его конвоировании в колонию-поселение либо о заключении осужденного под стражу и об изменении ему вида исправительного учреждения) поставлены перед судом в едином представлении исполнительного органа и рассматриваются судом одномоментно, посредством общего, не разделенного судебного разбирательства, соответственно и решения по обоим вопросам объединяются в одном постановлении суда.

При характеристике судебно-исполнительных производств, связанных с принятием решения о заключении осужденного под стражу (пункты 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ), нельзя не уделить внимание не предусмотренной УПК РФ, но широко распространенной на практике их «вариации» – производствам о продлении срока задержания осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, принудительных работ или лишения свободы в колонии-поселении, а также осужденного, признанного больным наркоманией, которому предоставлена отсрочка отбывания наказания в соответствии со ст. 82.1 УК РФ и который скрылся от контроля. В рамках этих вариативных производств решения о применении меры принуждения принимаются на основании положений ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 32, ч. 4 ст. 46, ч. 6 ст. 58, ч.4 ст. 60.2, ч. 2 ст. 60.17, ч. 6 ст. 75.1, ч. 9 ст. 178.1 УИК РФ.

---

[1] Оценивая данную процессуальную конструкцию, В. В. Николюк довольно точно охарактеризовал ее как двухэтапное рассмотрение судом вопроса о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания (Николюк В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания // Заключение под стражу и его альтернативы в уголовном судопроизводстве. М., 2019. С. 154–155.

Предусмотренное указанными нормами задержание осужденных – самостоятельный (не уголовно-процессуальный) вид задержания, который по своей природе является мерой принуждения уголовно-исполнительного характера[1] и по этой причине, казалось бы, не должен иметь никакого отношения к рассматриваемым нами судебно-исполнительным производствам. Но примечательно следующее.

Во-первых, уголовно-исполнительное задержание преследует те же цели, что и заключение осужденного под стражу, а именно: пресечь уклонение от отбывания наказания и обеспечить участие осужденного в судебном разбирательстве дела о замене назначенного приговором наказания на более строгое или изменении вида исправительного учреждения с колонии-поселения на исправительную колонию общего режима, а также дополнительно (в случаях, указанных в ч. 9 ст. 178.1 УИК РФ) – участие в рассмотрении дела об отмене отсрочки отбывания наказания осужденному, больному наркоманией.

Во-вторых, продление срока задержания осужденного свыше 48 часов на срок до 30 суток (равен предельному сроку заключения осужденного под стражу по пунктам 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ) ожидаемо отнесено к компетенции органа правосудия, но при этом порядок рассмотрения этого вопроса и принятия по нему решения не регламентирован ни в УИК РФ, ни в УПК РФ.

При таком состоянии правового регулирования, рассмотрение «уголовно-исполнительного» вопроса о продлении срока задержания осужденного производится судами в порядке уголовного судопроизводства по правилам, установленным для судебных производств по делам о заключении осужденного под стражу. В результате сложился и получил распространение на практике

---

[1] Плашевская А. А. Уголовно-исполнительное задержание в системе мер правового принуждения // Вестник Кузбасского университета. 2012. № 3 (11) С. 49–54; Булатов Б. Б., Николюк В. В. Задержание осужденного, злостно уклоняющегося от исполнения приговора (отбывания наказания) // Уголовное право. 2013. № 6. С. 96; Николюк В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения. С. 125–126, 229–230; Малин П. М. Об уголовно-исполнительном задержании // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 4. С. 45; Якубина Ю. П. Законодательное регулирование задержания осужденных, уклоняющихся от исполнения приговора // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 59.

подвид (вариант) судебно-исполнительного уголовного производства, в котором вместо вопроса о заключении осужденного под стражу в качестве альтернативы ставится в представлении и разрешается судом вопрос о продлении срока задержания осужденного.

Анализ судебной практики свидетельствует о задействованности обоих вариантов судебных производств по применению к осужденному близких по своей функциональности и конкурирующих между собой мер принуждения (задержания и заключения под стражу). При этом в условиях недостаточной полноты, значительной коллизионности и несогласованности уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных правовых норм, регулирующих вопросы задержания и заключения под стражу осужденного, отмечается неоднозначность, непоследовательность и противоречивость судебной практики как в использовании процедурных правил рассмотрения указанных вопросов и выборе подлежащей применению правовой нормы, так и относительно существа и формулировок принимаемых решений[1].

Наличие в структуре судебно-исполнительных (уголовных) производств таких разновидностей как производства процессуально-обеспечительного характера подтверждает вывод о самостоятельности и самодостаточности судебных производств «исполнительного» типа. Дальнейшее развитие судебно-исполнительного производства в уголовном процессе, очевидно, должно пойти по пути расширения предметной сферы контрольно-обеспечительной деятельности и наделения уголовного суда в связи с этим новыми полномочиями. В частности, обоснованы в литературе и подтверждены потребностями практики необходимость и целесообразность применения таких принудительных мер как задержание и заключение под стражу в отношении других категорий осужденных

[1] См.: Булатов Б. Б., Николюк В. В. Проблемы согласования (преодоления конкуренции) норм УПК РФ и УИК РФ // Российская юстиция. 2014. № 12. С. 46–50; Николюк В. В.: 1) Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения. С. 117–125, 135–201; 2) Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания // Заключение под стражу и его альтернативы в уголовном судопроизводстве. М., 2019. С. 132–149; Симоненко А. В. Задержание осужденных как правовое состояние // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 170–171.

(условно-осужденных, условно-досрочно-освобожденных, с отсрочкой исполнения наказания), намеренно уклоняющихся различными способами от исполнения обязанностей, возложенных на них приговором и (или) вытекающих из существа назначенного наказания, что дает основание для корректировки дальнейшего исполнения приговора[1].

Конкретизирующие судебные производства. Группа производств, обладающих конкретизирующим действием, так же как и иные виды судебно-исполнительных производств, влияют на исполнение приговора или иное судебное решение, поскольку вызваны обстоятельствами, создающими определенные препятствия для надлежащего и точного исполнения акта правосудия, и обусловлены необходимостью устранения этих препятствий. Вместе с тем данные производства имеют характерные особенности, которые существенно отличают их от «корректирующих» и «обеспечительных» производств и дают веские основания ставить под сомнение их относимость к судебно-исполнительному типу производств (об этом речь пойдет чуть позже). Поскольку в системе уголовного правосудия предмет судебного рассмотрения определяет многие другие параметры судебной деятельности, в том числе процедурные особенности, рассмотрение специфики данных производств целесообразно начать с раскрытия сущности и содержания разрешаемых в них вопросов.

Итак, к предмету конкретизирующих производств следует относить вопросы, указанные в пунктах 10, 11 и 15 ст. 397 УПК РФ, которые, хотя и являются весьма разнородными, имеют по своему характеру и значению определенное сходство между собой.

Градация конкретизирующих производств по рассматриваемым вопросам в соответствии с указанными пунктами ст. 397 УПК РФ – скорее следование законодательной регламентации, чем отражение реального соотношения этих

[1] См.: Николюк Н. В. Производство по рассмотрению и разрешению дел о замене наказания в связи с уклонением осужденного от его отбывания: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 17–18; Николюк В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения. С. 143–147.

вопросов, составляющих предмет разбирательства в каждом из производств. Как известно, используемое в п. 15 ст. 397 УПК РФ юридическое понятие «сомнения и неясности, возникающие при исполнении приговора» не имеет строго определенного и четко фиксированного содержания[1], интерпретируется процессуальной доктриной и судебной практикой очень широко и охватывает не только собственно сомнения и неясности содержания судебных предписаний, требующих разъяснения и уточнения, но и очевидные, несущественные (как технические, так и юридические) ошибки, упущения и пробелы в судебном решении, примерный (открытый) перечень которых приведен в п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» (воспроизводить его, думается, нет необходимости), дополняется вопросом о виде исправительного учреждения, не назначенного осужденному к лишению свободы приговором суда (п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 г. № 9[2]) и может расширяться за счет казуальных решений вышестоящих судов общей юрисдикции и Верховного Суда РФ. Некоторые из вопросов, которые согласно судебной практике допустимо рассматривать «в порядке исполнения приговора» со ссылкой на п. 15 ст. 397 УПК РФ, по своему характеру и происхождению аналогичны вопросам в пунктах 10 и 11 этой же статьи, поэтому последние, если бы не были отдельно выделены в ст. 397 УПК РФ, вполне могли разрешаться под девизом «устранение сомнений и неясностей приговора»[3]. Поэтому правовую природу и функционирование производств рассматриваемой группы продуктивнее исследовать в их совокупности.

Происхождение (появление) правовых вопросов, входящих в предмет «конкретизирующих» судебно-исполнительных производств, связано не с

---

[1] Свиридов М. К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. С. 149.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» // БВС РФ. 2014. № 7.

[3] Ряд исследователей прямо указывают на допустимость распространения общего понятия «сомнения и неясности, возникающие при исполнения приговора» на частные случаи недостатков приговора, указанных в пунктах 10 и 11 ст. 397 УПК РФ (См.: Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве. С. 17–18).

процессом исполнения приговора или иного решения, хотя их нерешенность может оказывать на этот процесс негативное влияние (затруднять исполнение или препятствовать исполнению), а с процессом принятия судебного решения и полученным в итоге результатом – некачественным содержанием решения. Данные вопросы, обобщенно именуемые «сомнения и неясности», проистекают из недостатков (дефектов) обращенного к исполнению судебного решения, и их рассмотрение обусловлено необходимостью устранения несущественных ошибок, упущений и восполнения пробелов, допущенных судом при постановлении приговора или иного решения по уголовному или иному делу, рассмотренному в порядке уголовного судопроизводства.

Сами пробелы, ошибки и прочие недостатки решения, хотя и выявляются по большей части в ходе исполнения соответствующего судебного решения, непосредственно возникают не в процессе исполнения, а при издании акта правосудия, то есть в завершающей фазе судебного разбирательства по делу. Пробельность акта правосудия, выражающаяся в нерешенности того или иного вопроса, подлежащего судебному урегулированию, может возникнуть (и нередко возникает на практике) и на более поздних этапах производства по уголовному делу, вследствие отмены вышестоящей судебной инстанцией приговора или иного, сложносоставного (комплексного), судебного решения в части второстепенного вопроса, что не влечет повторное рассмотрение всего уголовного дела, но вызывает необходимость принятия дополнительного судебного постановления по оставшемуся без решения правовому вопросу.

Судебная практика за последние годы продемонстрировала более чем трехкратный рост производств, связанных с применением п. 15 ст. 397 УПК РФ – с 2018 г. по 2021 г. в 3,3 раза (*см. приложение № 1, таблица 7*) – и показывает, что причинами возникновения «сомнений и неясностей» и прочих, охваченных этим понятием препятствий исполнению приговора или иного решения уголовного суда выступают *дефекты судебных решений*, которые по их свойствам можно разделить на следующие группы (виды):

1) *пробелы* в решении (или неполнота решения) вопросов, подлежащих разрешению в резолютивной части судебного акта (например, неприменение акта об амнистии, если применение его является обязательным и суд при постановлении приговора не входил в обсуждение этого вопроса; об определении размера и распределении процессуальных издержек, если эти вопросы не получили разрешения в приговоре суда);

2) *юридические* (*правоприменительные) ошибки*, выражающиеся в неправильном применении материального или процессуального закона (об освобождении имущества от ареста в случаях, когда арест наложен на имущество, на которое по закону не допускается обращение взыскания; о зачете времени содержания под стражей в срок отбывания наказания, если судом была допущена неточность при его исчислении; о зачете отбытого наказания при назначении наказания по совокупности приговоров, если такой зачет произведен неточно[1]);

3) *технические ошибки*: описки, опечатки, иные погрешности, допущенные механически (неосознанно) при выполнении (написании) текста решения, имеющие явный, очевидный характер и поэтому не взывающие никаких сомнений в необходимости и способе их исправления (неверное указание реквизитов судебного решения, арифметические ошибки, ошибочное написание фамилий и имен подсудимого или иных участников судебного разбирательства);

4) *текстуальные погрешности (недостатки)*: грамматические, стилистические, семантические, привносящие в решение элементы неясности недосказанности, двусмысленности и неточности содержания решения и могущие породить неверное, искаженное восприятие его правовой сути.

---

[1] В подпунктах «г» и «д» п. 22 постановления Пленума от 20.12.2011 г. № 21 Верховный Суд РФ в мягкой форме говорит о «неточности», но по сути неверно выполненный зачет времени содержания под стражей, независимо от того, что явилось тому причиной (несоблюдение требований п. 11 ст. 5, частей 9 – 10 ст. 108 или ст. 128 УПК РФ, арифметическая ошибка или элементарная невнимательность судьи при исчисление сроков содержания под стражей), представляет собой неправильное применение норм частей 3 – 4 ст. 72 УК РФ, т. е. ошибку правового характера. Аналогично, «неточно» выполненный (вернее – «неправильный») зачет отбытого наказания при назначении наказания по совокупности приговоров означает допущенную судом юридическую ошибку.

Недостатки обвинительного приговора, влекущие постановку перед судом вопросов, предусмотренных пунктами 10 и 11 ст. 397 УПК РФ, очевидно, относятся к первой группе – пробелам (неполноте) судебного решения.

Посредством корректирующих постановлений, принимаемых судом на основании п. 15 ст. 397 УПК РФ, согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, могут разрешаться вопросы о разъяснении сомнений и неясностей, возникающих при исполнении не только приговора, но и иного судебного решения как итогового, так и промежуточного (п. 23 постановления Пленума Верховного Суда от 20.12.2011 № 21). Исследование судебной практики подтверждает распространенность данного метода устранения дефектов в судебном решении и его широкое использование для исправления ошибок и недостатков, допущенных при вынесении решений, принятых в любой части и на любом этапе уголовного судопроизводства (в досудебном производстве, в стадии судебного разбирательства, при исполнении приговора)[1], включая решения судов вышестоящих (в частности, кассационной) инстанций[2].

Однако посредством конкретизирующих производств в одинаковой степени (из любых решений суда) устранимы не все указанные дефекты, а только относящиеся к двум последним видам. Устранение пробелов и исправление юридических ошибок через рассмотрение соответствующих вопросов в порядке ст. 399 УПК РФ характерно только для приговора и других сложносоставных (комплексных) решений, таких, например, как постановление о прекращении уголовного дела или постановление об освобождении от уголовной ответственности и применении принудительных мер медицинского характера.

В таких актах уголовного суда пробелы и ошибки в решении второстепенных вопросов, не касающихся существа рассматриваемого дела, не ставят под сомнение законность, обоснованность и справедливость судебного решения в целом и не требуют его полновесного пересмотра (полной проверки)

---

[1] См.: Николюк В. В. Разъяснение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора // Российское правосудие. 2017. № 3. С. 83–85.

[2] См., например: кассационные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.09.2002 г. № 05-о02-128 и от 23.03.2021 № 48-УД21-2-К7 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

вышестоящими судебными инстанциями, поэтому могут быть исправлены в более упрощенном, доступном и оперативном порядке, каковым является процессуальный порядок, установленный для проведения судебно-исполнительных производств.

Решения же одинарные (постановление о заключении лица под стражу, постановление о продлении принудительной меры медицинского характера, постановление о направлении дела по подсудности и т. д.) содержат предписания (распоряжения) суда по единственному правовому вопросу, ошибочное или неполное решение которого приводит к порочности всего судебного акта и, как правило, влечет его полную отмену или изменение по предусмотренным ст. 389.15, ч. 1 ст. 401.14, ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ основаниям.

Необходимо отметить, что приведенное деление дефектов на виды несколько условно, т. к. они взаимосвязаны, взаимообусловлены, зачастую тесно «переплетаются» и поэтому в конкретных условиях бывают трудно разделимы. Но что важно, все перечисленные виды дефектов, а не только «юридические ошибки», имеют правовое значение как для оценки доброкачественности самого судебного решения, так и для его исполнения, иначе не было бы никакой потребности корректировать вступившее в законную силу решение путем устранения этих дефектов.

Собственно неясности и сомнения судебного решения (неясности и сомнения в буквальном смысле этих терминов) могут быть порождены только текстуальными погрешностями и техническими ошибками (при условии, что последние не переходят в ошибки юридические), приводящими к противоречиям в содержании решения или его двусмысленности, что и затрудняет однозначное исполнение акта правосудия. Подобные дефекты (недостатки) устранимы путем разъяснения смысла той или иной части судебного решения либо уточнения, какое из двух противоречащих положений является ошибочным, а какое – верным. Для этого от суда не требуется нового правоприменительного решения (все правовые вопросы судом решены и решены правильно), а достаточно дополнительного, разъяснительного акта в форме судебного постановления,

который, тем не менее, ввиду незавершенности дифференциации судебно-исполнительных производств на законодательном уровне, на сегодняшний день подлежит принятию в общем, предусмотренном ст. 399 УПК РФ, порядке.

На практике потребность в устранении неясностей и сомнений «в чистом виде», т. е. вызванных текстуальными недостатками судебного решения, для целей надлежащего исполнения возникает и реализуется довольно редко. Наиболее распространенными среди всех дефектов (недостатков) судебных решений, исправляемых в соответствии с п. 15 ст. 397 УПК РФ, являются технические ошибки[1].

Под видом «неясностей и сомнений», благодаря их расширительному толкованию, ликвидируются и другие виды дефектов (недостатков) решений уголовного суда: пробелы (неполнота) решения и юридические ошибки.

Данные дефекты – пробелы и юридические ошибки – требуют иного способа устранения, предполагающего обязательное обращение к фактологической стороне изначально принятого (дефектного) судебного решения, изучение письменных материалов дела в соответствующей части, их сопоставление с доводами представления (заявления, ходатайства) обратившегося в суд субъекта и содержанием дополнительно предоставленных суду документов, а также вынесение на основе проверенных и уточненных исходных данных недостающего (в случае неполноты процессуального решения) или нового (взамен порочного) судебного предписания, облекаемого в форму судебного постановления.

Подобные действия означают не что иное, как судебное разбирательство, включающее в себя исследование (познание) фактических обстоятельств в объеме, необходимом для разрешения поставленного в порядке ст. 399 УПК РФ вопроса, и установление тех из них, на которых должно основываться

[1] См.: Квициния Д. А. Разрешение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 23; Николюк В. В., Квициния Д. А. Устранение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора. Хабаровск, 2014 С.63–64; Николюк В. В. Разъяснение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора // Российское правосудие. 2017. № 3. С. 79.

«конкретизирующее» решение, поэтому должны проводиться в форме отдельного судебного заседания с участием заинтересованных субъектов.

Исправление в рамках «конкретизирующих» судебно-исполнительных производств ошибок и восполнение пробелов вступившего в законную силу и подлежащего исполнению судебного решения всегда сопряжено с внесением в это решение конкретных изменений («вторжением в приговор»)[1]. В отличие от проанализированных выше корректирующих производств, здесь вносимые изменения обращены не на последующее исполнение, а *непосредственно на само решение суда*, на его содержание, объем и суть властных судебных распоряжений, поэтому имеют «обратную силу», и распространяют свое действие на исполнительные правоотношения с момента принятия «основного» судебного акта (*см. схему 11*).

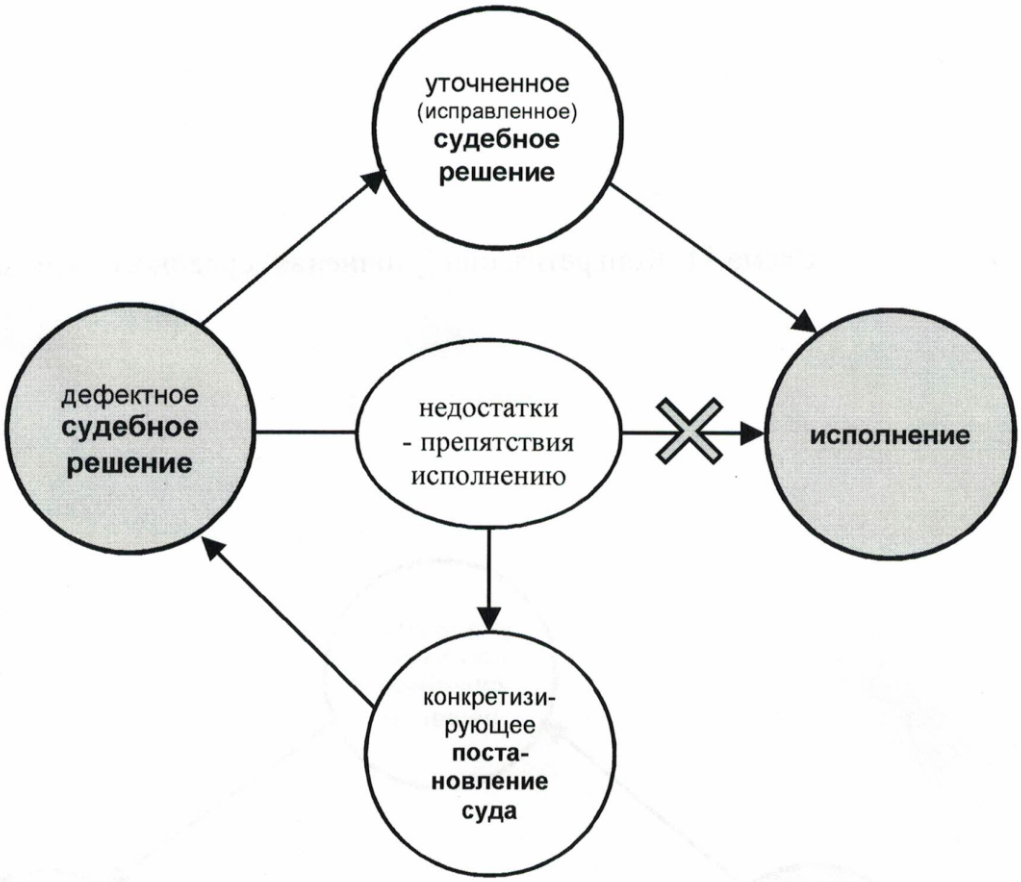
Вместе с тем, вынося постановление о дополнении, исправлении ошибочных формулировок и устранении иных недостатков приговора или иного, подлежащего исполнению судебного решения, суд первой инстанции не констатирует возникновение новых правоотношений, требующих существенной корректировки исполнения судебных предписаний, а только уточняет содержание правоотношений, установленных данным решением.

При этом сформулированные в конкретизирующем постановлении суда властные предписания необходимым образом дополняют резолютивную часть корректируемого («подлежащего уточнению») приговора, постановления, определения недостающими элементами или заменяют собой дефектные решения по отдельным, второстепенным вопросам, тем самым включаются в содержание резолюций приговора или иного комплексного судебного акта, переводя его в новое, соответствующее правовым требованиям качественное состояние. В результате такого (в содержательном плане) слияния в единое целое исполнению подлежит конкретизированный, а по сути, измененный приговор (постановление, определение).

---

[1] Тулянский Д. В. Осуществляет ли суд правосудие в стадии исполнения приговора? С. 118; Квициния Д. А. Разрешение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора … С.17.

Схема 11. Конкретизация (уточнение) судебного решения



Широкое использование в теории и судебной практике (в формулировках судебных решений) термина «уточнение» вместо более адекватного «изменение» не должно никого вводить в заблуждение относительно действительного характера и сущности судебных постановлений, выносимых на основании пунктов 10, 11 и 15 ст. 397 УПК РФ. Фактически данный термин введен в юридический оборот для обозначения производимой судом первой инстанции корректировки своих собственных решений и отграничения этой деятельности (на уровне судебных полномочий) от более распространенного и привычного варианта исправления судебных ошибок, осуществляемого посредством контрольно-проверочных производств в судах вышестоящих инстанций. Однако, уточнением судебного решения, если исходить из непосредственного значения этого выражения, можно считать разъяснение его смысла, конкретизацию или

дополнение установленных судом исходных данных, устранение текстуальных недостатков и большинства технических ошибок (когда они не влекут ошибки юридические), но исправление или дополнение выводов, на которых построено решение, а тем более правовых предписаний в резолютивной части означает только одно – *изменение решения*.

Уточнение судебного решения постановившим его судом (в сложившейся широкой интерпретации) и изменение судебных постановлений судами вышестоящих инстанций – два варианта (формы) исправления ошибок и недостатков, допущенных при вынесении приговора или иного решения уголовного суда[1]. Схожие по своей сути, они реализуются в отдельных судебных производствах: первый в исполнительных, второй в контрольно-проверочных, различающихся между собой по ряду признаков: а) по субъекту производства; б) по инициатору производства; в) по основаниям и способу возбуждения производства; г) по юридическим основаниям «вмешательства» в судебное решение; д) по процессуальным способам и средствам установления (проверки, подтверждения) порочности судебного решения; е) по процессуальному порядку судебного рассмотрения дела (срокам, кругу участвующих лиц, содержанию и последовательности судебных действий и т. п.); ж) по характеру, форме и содержанию завершающих производство решений; з) по юридическим последствиям этих решений. Но главный критерий, отграничивающий первый вариант от второго, связан с признаками – содержанием и характером – правового вопроса, дефектность решения которого надлежит устранить суду.

Применительно к приговору такой критерий сформулирован в выработанной еще Верховным Судом СССР[2] и поддержанной Верховным Судом РФ (п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 г. № 21) правовой позиции, согласно которой на основании п. 15 ст. 397 УПК РФ и в

---

[1] Николюк В. В., Квициния Д. А. Устранение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора. С. 59.

[2] См.: п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 22.12.1964 г. № 18 «О некоторых процессуальных вопросах, возникших в судебной практике при исполнении приговора» // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995. С. 31–33.

порядке, предусмотренном ст. 399 УПК РФ, *суды вправе разрешать такие возникающие при исполнении приговора вопросы* («сомнения и неясности»), *которые не затрагивают существо приговора* (главный признак)[1] *и не влекут ухудшение положения осужденного* (дополнительный признак). Если суд первой инстанции не выходит за установленные данным критерием рамки, ему позволительно «вмешиваться» в собственное состоявшееся решение и вносить в него требуемые изменения.

Таким образом, ***конкретизация исполнения судебных решений*** в уголовном судопроизводстве заключается в устранении «сомнений и неясностей», возникающих при исполнении судебного решения и создающих определенные трудности или препятствия для исполнения, и ***может осуществляться двумя способами***: 1) *разъяснение* решения без его исправления посредством дополнительного интерпретационного судебного акта; 2) *уточнение (изменение)* положений дефектного судебного решения, которое подразделяется на: а) дополнение решения недостающими властными предписаниями и (или) другими содержательными элементами, б) исправление ошибочных предписаний или неверно указанных установочных данных и реквизитов решения.

В связи с изложенным подходом к пониманию сущности «конкретизирующих» судебно-исполнительных производств может показаться, что соискатель противоречит своим собственным суждениям, приведенным выше в качестве контрдоводов позиции профессора М. К. Свиридова, отстаивающего присутствие в уголовном процессе «особого вида изменения приговора», реализуемого в стадии исполнения приговора. Полагаем, что в действительности

---

[1] Автор не поднимает в настоящей работе возникающую в связи с данным критерием теоретическую и практическую проблему определения и интерпретации понятия «существо приговора» и отсылает читателя к научным трудам, в которых данная проблема так или иначе освещена: Свиридов М. К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. С. 139–141, 154–155; Воронин О. В. Исполнение приговора по УПК РФ. С. 99; Квициния Д. А. Разрешение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора С. 11–12, 24; Плашевская А. А. Самостоятельное устранение судом ошибок в приговоре // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 2. С. 121–122; Николюк В. В., Квициния Д. А. Устранение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора. С. 83–87; Бибило В. Разъяснение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора // Судовы Веснік. 2016. № 4. С. 67–69.

никакого противоречия в наших выводах не имеется, поскольку ранее речь шла о принципиально ином виде судебно-исполнительного производства – «корректирующем», имеющем своим основанием, говоря словами М. К. Свиридова, не наличие судебной ошибки, как это имеет место в контрольно-проверочных производствах, осуществляемых судами вышестоящих инстанций, и в рассматриваемых нами конкретизирующих судебно-исполнительных производствах, а вновь возникшие уже после вынесения приговора обстоятельства. «Корректирующие» судебно-исполнительные производства посредством принятого по их итогам постановления трансформируют последующее исполнение акта уголовного правосудия, «конкретизирующие» – изменяют (дополняют, исправляют) сам акт правосудия.

Характерные для конкретизирующих производств черты столь специфичны и значительны, что демонстрируют существенные отличия этих производств от большинства других судебных производств исполнительного типа (корректирующих и обеспечивающих исполнение).

Профессор М. К. Свиридов, глубоко исследовавший предмет «стадии исполнения приговора», убедительно обосновал, что вопросы «об устранении из приговора его сомнений, неясностей, несущественных пробелов и ошибок», а также «об определении наказания по совокупности, если в отношении осужденного имеется несколько не приведенных в исполнение приговоров» не соответствуют характеру и назначению исполнительного производства, в связи с чем правомерность отнесения этих вопросов к предмету исполнительного производства вызывает серьезные сомнения[1]. В данной части мы полностью согласны с выводами М. К. Свиридова и в своем исследовании пришли к аналогичному мнению. Для подтверждения изложенной точки зрения достаточно выделить главные отличительные особенности (признаки) «конкретизирующих» производств и сопоставить их с критериями, определяющими судебно-исполнительные производства.

[1] См.: Свиридов М. К. Указ. соч. С. 149–189, 198.

Итак, во-первых, вопросы, входящие в предмет «конкретизирующих» производств, как установлено, ведут свое начало, происходят не из процесса исполнения судебного решения, а из процесса его принятия, а первопричины возникновения этих вопросов коренятся не в исполнительной деятельности, а в ошибках и недостатках подлежащего исполнению решения суда.

Во-вторых, решение по перечисленным в пунктах 10, 11, 15 ст. 397 УПК РФ вопросам основывается (и это особенно важно) на обстоятельствах, имевших место и, как правило, установленных до вынесения исходного судебного решения, а не возникших в процессе его исполнения[1]. Иными словами, в рамках конкретизирующих производств суд устраняет (разрешает) «сомнения и неясности» по вопросам, которые надлежащим образом должны были быть разрешены еще при рассмотрении уголовного или иного судебного дела на основе имеющегося в деле фактического материала.

В-третьих, в связи с предыдущими особенностями потребность в решении вопросов, подпадающих под расширенное понятие «неясности и сомнения», обнаруживается не только в период исполнения «неполного», «неясного» или содержащего ошибки судебного решения, но и на более ранних этапах судопроизводства (до обращения решения к исполнению и даже до вступления его в силу) и не обязательно в связи с реализацией решения. В этой связи проведение процедуры исправления недостатков может быть инициировано самим судом (председательствующим), принявшим дефектное решение и самостоятельно, в порядке так называемого самоконтроля[2], обнаружившим его

---

[1] Свиридов М. К. Указ. соч. С. 179; Квициния Д. А. Разрешение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора. С. 21; Николюк В. В. Разъяснение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора. С. 77–78.

[2] Под самоконтролем автор подразумевает не отдельный вид судебной деятельности (не совокупность полномочий суда), о котором пишут ряд процессуалистов, в основном цивилистической направленности (Зайцев И. Самоконтроль суда первой инстанции в гражданском процессе // Российская юстиция. 1998. № 12. С. 18-20; Семикина С. А.: 1) «Самоконтроль» в арбитражном суде // Вектор науки ТГУ. 2009. № 2. С. 134–136; 2) Эффективность актов арбитражных судов: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 17–18; Зайцева Ю. А. Самоконтроль арбитражного суда первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 13–21; Плашевская А. А. Самостоятельное устранение судом ошибок в приговоре С. 120), а «внутренний» (на интеллектуально-волевом уровне)

недостатки, а также постановлением (определением) вышестоящей судебной инстанции, содержащим указание суду первой инстанции о рассмотрении в порядке ст. 399 УПК РФ того или иного правового вопроса, оставшегося нерешенным (например, в приговоре).

В-четвертых, постановления по вопросам о разъяснении сомнений и неясностей приговора или иного судебного решения, о восполнении его пробелов, исправлении явных ошибок *не имеют исполнительной направленности*[1]. Позитивное решение данных вопросов, безусловно, имеет определенное (различной степени) влияние на исполнение судебного решения, поскольку уточняет, а в ряде случаев и корректирует объем, характер и содержание предстоящих исполнительных действий. Однако это влияние не прямое, а опосредованное, осуществляется через конкретизацию подлежащего исполнению судебного решения. Непосредственно, в соответствии со своим функциональным назначением, судебные производства данного вида направлены не на исполнение, но на «создание базы» для исполнения, а именно: на принятие решения, которого ранее не было, но которое должно было быть, или на исправление недостатков уже имеющегося решения[2].

В-пятых, устранение из судебного решения «сомнений и неясностей» путем уточнения (изменения) его положений (2-й способ конкретизации) невозможно только средствами судебно-исполнительного производства, а требует, как минимум, обращения к материалам судебного производства, в рамках которого

контроль судьей своих действий и решений как неотъемлемый компонент процессов самоуправления (саморегулирования) человека.

[1] Свиридов М. К. Указ. соч. С. 152.

[2] М. К. Свиридов по этому поводу пишет следующее: «Исполнительное производство правомерно лишь тогда, когда уже есть что исполнять, есть решение, обладающее качеством исполнимости. Наличие же в приговоре сомнений и неясностей, пробелов и явных, хотя и несущественных, ошибок свидетельствует как раз об обратном: либо вовсе нет того, что нужно исполнять (например, при отсутствии в приговоре решения о виде колонии), либо решение хотя и есть, но оно неясно или ошибочно. Все это свидетельствует не о наличии у таких решений качества исполнимости, а наоборот, о недопустимости придавать им такое качество. Следовательно, начинать деятельность исполнительного характера рано, для этого еще не существует базы. Создание последней путем принятия решения, которого ранее не было, или путем исправления уже имевшегося, но неправильного решения к деятельности исполнительной направленности отнести никак нельзя…» (Там же).

данное решение вынесено, и предполагает проверку установленных, но упущенных или проигнорированных при постановлении судебного акта обстоятельств, дающих основание для внесения в него дополнений или исправлений, которая проводится с использованием средств доказывания, присущих для данного типа (вида) производства.

Выявленная специфика конкретизирующих производств указывает на то, что по своим признакам они в значительной мере *не соответствуют ранее сформулированным критериям принадлежности судебного производства к исполнительному типу*. Применительно к конкретизирующему виду производств с уверенностью можно утверждать о соблюдении только субъектного критерия и частично критерия связанности (детерминированности), в то же время приходится констатировать о непостоянном соответствии данных производств временно́му критерию и признать, что в них вовсе «не срабатывают» такие критерии как фактологический, функциональный и достаточности процессуальных средств.

По результатам проведенного анализа напрашивается вывод, ранее сделанный профессором М. К. Свиридовым: «Все вопросы, касающиеся разъяснения сомнений и неясностей приговора, а также восполнения пробелов, устранения явных его ошибок, целесообразно исключить из предмета стадии исполнения приговора»[1]. Придерживаясь аналогичного мнения, заметим, что судебное рассмотрение вопросов, связанных с уточнением («конкретизацией») решений уголовного суда (пункты 11, 12 и 15 ст. 397 УПК РФ), сомнительно не только причислять к разновидности судебного контроля как отдельного направления (вида) судебной деятельности, но и относить к самостоятельным уголовным производствам. Эта деятельность уголовного суда по своему предмету, фактическим и юридическим основаниям, процессуальным средствам и процедурным требованиям явно тяготеет либо к основному производству (в случае исправления недостатков приговора или иного судебного решения по уголовному делу) либо к другому судебному производству, в рамках которого

[1] Свиридов М. К. Указ. соч. С. 151.

судом вынесено постановление (определение) с недостатками, устранимыми этим же судом.

Основываясь на вышеизложенных доктринальных положениях, вполне логично и закономерно *исключить отмеченные вопросы из предмета судебно-исполнительных производств* и не только в отношении приговора, но и любого другого решения уголовного суда, подлежащего «внешнему» исполнению, а деятельность по их разрешению «понизить рангом» – «перевести» (преобразовать на законодательном уровне) из судебного производства в разряд *дополнительной судебной процедуры*, факультативно (по мере необходимости) завершающей соответствующее судебное производство.

Предлагаемый вариант законодательной регламентации процессуальных действий по исправлению явных и несущественных дефектов (недостатков) судебных решений не нов и с давних пор используется в отечественном правосудии. В настоящее время *институт дополнительных судебных решений* (процедур) успешно функционирует в конституционном, гражданском, арбитражном и административном судопроизводствах. При этом дополняющие основное судебное разбирательство процедуры дифференцированы, что примечательно, по способам конкретизации принятого судебного акта, которые обозначены нами применительно к решениям уголовного суда.

Так, первый способ – разъяснение решения без его исправления – применяется по заявлениям (ходатайствам) участвующих в деле лиц или судебного пристава-исполнителя для устранения неясности решения и не допускает (да и не требует) изменения его содержания (ст. 202 ГК РФ, части 1, 2, 4 ст. 179 АПК РФ, 185 КАС РФ). Он также применяется Конституционным Судом РФ для разъяснения по ходатайствам уполномоченных лиц вынесенных им ранее постановлений и заключений (ст. 83 ФКЗ о Конституционном Суде).

Второй способ – устранение пробелов в решении (дополнение решения) – реализуется посредством принятия судом по заявлению участвующих в деле лиц или по собственной инициативе дополнительных решений по указанным в законе вопросам, которые подлежали рассмотрению, но оказались не разрешены судом в

рамках принятого по итогам судебного разбирательства основного решения по делу (ст. 201 ГПК РФ, ст. 178 АПК РФ, ст. 183 КАС РФ).

Наконец третий способ – исправление ошибок и неточностей в решении – востребован для устранения допущенных в решении описок, опечаток и явных арифметических ошибок (ст. 200 ГПК РФ, ч. 3 – 4 ст.179 АПК РФ, ст. 184 КАС РФ), неточностей в наименованиях, обозначениях, описок и явных редакционных и технических погрешностей (ст. 82 ФКЗ о Конституционном Суде) и, так же как и предыдущий способ, используется по инициативе и участвующих в деле субъектов, и самого суда.

Во всех указанных случаях процессуальное решение (постановление, определение), выносимое непосредственно в дополнение к итоговому решению по существу дела, суд принимает по результатам рассмотрения «проблемного» вопроса в отдельном судебном заседании с участием заинтересованных сторон, т. е. в форме специально установленной (факультативной) судебной процедуры, необходимым образом дополняющей осуществленное судом производство.

Институт «дополнительных решений» в усеченном виде и своеобразным образом действует и в уголовном судопроизводстве: суд первой инстанции, закончивший судебное разбирательство уголовного дела, вправе рассмотреть и решить посредством дополнительной процедуры указанные в части 1 – 3 ст. 313 УПК РФ факультативные вопросы, подлежащие разрешению одновременно с вынесением приговора, но по каким-либо причинам оставшиеся без рассмотрения (ч. 4 ст. 313 УПК РФ). Однако разъяснение в уголовном судопроизводстве сомнений и неясностей судебного решения, включая устранение его пробелов, в противоположность всем иным видам правосудия, заключено не в форму дополняющей судебное разбирательство процедуры, а вынесено за пределы основного уголовного производства. Такое институционально-конструктивное решение выбрано, видимо, в силу устоявшейся традиции и из практических соображений – зачем вводить и регламентировать отдельные процедуры, когда для этих нужд приспособлено исполнительное производство? А между тем на практике рассмотрение вопросов «по конкретизации» приговора и других

судебных решений зачастую не без оснований воспринимается судьями как продолжение основного производства по уголовному делу, а принимаемое по его результатам решение – как дополняющее резолюции, содержащиеся в основном (итоговом) судебном акте.

Так, изучение уголовных дел, рассмотренных районными судами Архангельской области, показало, что разрешение таких вопросов как: об исполнении приговора при наличии других неисполненных приговоров, если это не решено в соответствии со ст. 70 или ч. 5 ст. 69 УК РФ в последнем по времени приговоре (п. 10 ст. 397 УПК РФ); о судьбе вещественных доказательств, если этот вопрос не решен в приговоре, об оплате труда адвоката, когда этот вопрос поставлен после вступления приговора в законную силу, а также о разъяснении сомнений и неясностей приговора, связанных с описками и другими техническими ошибками (п. 15 ст. 397 УПК РФ), – чаще всего производится в судебном заседании, которое проводится в рамках уголовного дела (основного судебного производства), как правило, чисто номинально, без участия сторон и сопровождается формальным составлением протокола судебного заседания. При этом отдельное производство в порядке исполнения не заводится, не регистрируется, а все письменные материалы по рассмотрению указанных вопросов оформляются не в отдельное судебное дело (материал), а приобщаются к основному производству по уголовному делу, то есть попросту вшиваются в уголовное дело.

Любопытно, что и в практике Верховного Суда РФ встречаются примеры, когда Судебная коллегия по уголовным делам вносит уточнения в собственное кассационное определение (исправляет ошибочное написание дат), хотя и со ссылкой на ст. 397 и 399 УПК РФ, но путем вынесения «дополнительного кассационного определения» без проведения судебного заседания[1].

[1] Дополнительное кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 23 марта 2021 г. № 48-УД21-2-К7 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

«Дополнительными» именуют свои аналогичные определения и некоторые кассационные суды общей юрисдикции[1].

Подобные отклонения от предусмотренного ст. 399 УПК РФ порядка происходят как раз вследствие неразделенности в уголовном правосудии (в других видах правосудия, как мы убедились, она присутствует) разнородных по своей сути и направленности вопросов, которые выявляются после вынесения актов правосудия и которые «по привычке» или по «инерции мышления» продолжают без разбору относиться законодателем и судебной практикой к предмету судебно-исполнительных производств.

Представляется, что возникающие после принятия приговора или иного судебного решения вопросы должны, как и в других видах судопроизводства, разрешаться не в порядке ст. 399 УПК РФ, а путем принятия дополнительных решений посредством двух различных (дифференцированных) процедур. Первая процедура в более усложненной форме, предусматривающей обязательное назначение и проведение с участием заинтересованных лиц полноценного судебного заседания, должна быть предназначена для рассмотрения вопросов, обусловленных пробелами (неполнотой) или юридическими ошибками основного судебного решения (дефекты 1-го и 2-го видов), поскольку для их устранения суду необходимо на основе имеющихся доказательств установить и подтвердить определенные обстоятельства и при этом обеспечить заинтересованным участникам производства по уголовному делу, прежде всего осужденному, возможность защищать свои права и отстаивать законные интересы.

Более упрощенная форма может ограничиваться вынесением судом дополнительного процессуального решения (постановления, определения) без проведения судебного заседания и без участия сторон. Посредством такой процедуры, как видится, допустимо устранение текстуальных погрешностей и недостатков, требующих разъяснения, а также явных ошибок технического характера (дефекты 3-го и 4-го видов), так как разрешение подобных вопросов

[1] Дополнительное кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11 декабря 2020 г. № 77-1884/2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

обычно не связано с установлением и проверкой обстоятельств дела, продолжением доказывания, а вынесение судебных постановлений, разъясняющих смысл ранее принятого решения или устраняющих явные редакционные и технические погрешности не зависит от мнения и позиции сторон и, как правило, не затрагивает их интересы.

Форма судебно-исполнительных производств. В отличие от судебно-контрольных производств, для которых при относительной предметной однородности свойственна значительная дифференциация процессуальной формы (три основные формы), обусловленная различиями в характере и способах контроля, характерной особенностью «исполнительного» типа судебных производств, напротив, является структурное разнообразие предмета судебного рассмотрения при том, что процессуальный порядок их ведения не отличается множественностью вариаций и строится в большинстве случаев по правилам статей 396 и 399 УПК РФ.

Анализ уголовно-процессуальных норм, регламентирующих «судебно-исполнительную» деятельность, приводит к выводу, что *основной формой*, в которой протекает подавляющее большинство судебно-исполнительных производств (ст. 397 УПК РФ), является процессуальный порядок, предусмотренный статьями 396 и 399 УПК РФ, а *дополнительными формами* – отдельные, самостоятельные порядки, предназначенные для следующих единичных видов производств:

- о досрочном снятии судимости (ст. 400 УПК РФ);
- о продлении, восстановлении или прекращении срока пребывания несовершеннолетнего осужденного в специализированном учреждении закрытого типа, а также о переводе его в другое специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (части 4–8 ст. 432 УПК РФ);
- о прекращении, изменении или продлении применения принудительных мер медицинского характера (статьи 445 – 446 УПК РФ);
- по жалобе на решение прокурора о выдаче иностранному государству иностранного гражданина или лица без гражданства, находящегося на территории

РФ и осужденного судом иностранного государства, для исполнения приговора (ст. 463 УПК РФ);

- о признании и принудительном исполнении приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории РФ доходов, полученных преступным путем (статьи 473.3 – 473.6 УПК РФ).

Основной процессуальный порядок осуществления судебно-исполнительной деятельности имеет несколько дифференцированных вариантов (особых форм), которые помимо общих правил (ст. 399 УПК РФ) включают в себя дополнительные правила, специально предусмотренные для ведения отдельных разновидностей судебно-исполнительных производств, таких как: производство об отмене исполнения судебного штрафа и направлении дела органам расследования (ст. 446.5 УПК РФ), производство о передаче иностранного гражданина, осужденного к лишению свободы судом Российской Федерации, для отбывания наказания в государство, гражданином которого он является (статьи 470 и 471 УПК РФ), производство о признании, порядке и условиях исполнения приговора иностранного государства в отношении гражданина РФ, передаваемого для отбывания наказания в Российскую Федерацию (статьи 470 и 472 УПК РФ).

К сожалению, приходится констатировать, что законодатель, как и в отношении некоторых судебно-контрольных производств, допустил пробелы правового регулирования и не определил ни прямо, ни косвенно (через бланкетные нормы) процессуального порядка для рассмотрения судом таких связанных с исполнением судебных решений вопросов как: а) вопрос об отмене в соответствии с ч. 5 ст. 427 УПК РФ принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего и направлении дела на новое судебное рассмотрение или органу предварительного расследования; б) предусмотренный ч. 1 ст. 466 УПК РФ вопрос об избрании и дальнейшем продлении меры пресечения лицу, в отношении которого поступил запрос от иностранного государства о его выдаче для исполнения приговора суда иностранного государства; в) вопрос о законности (в порядке обжалования) постановления прокурора о заключении под стражу или домашний арест лица,

осужденного приговором иностранного государства, в соответствии с ч. 2 ст. 466 УПК РФ.

В перечисленных случаях пробелы законодательства компенсированы разъяснениями и рекомендациями Пленума Верховного Суда РФ о применении закона по аналогии, в соответствии с которыми и складывается судебная практика в настоящее время: первый из указанных вопросов разрешается в порядке ст. 399 УПК РФ[1], второй – в порядке статей 108 – 109 УПК РФ[2], третий – в порядке ст. 125 УПК РФ[3].

По оценкам специалистов (В. В. Николюк, Д. В. Тулянский О. В. Воронин, А. А. Крымов, В. И. Качалов и др.), активно исследующих проблемы уголовно-исполнительного производства («стадии исполнения приговора»), с которыми нельзя не согласиться, процессуальный порядок их осуществления далек от совершенства и длительное время нуждается в серьезной доработке по целому комплексу вопросов[4]. Не углубляясь в детали многочисленных особенностей и недостатков правовой регламентации судебно-исполнительной деятельности в уголовном процессе, в достаточной степени освещенных в юридической литературе (некоторые из них затронуты в настоящей диссертации), и обширных

---

[1] Пункт 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1.

[2] Пункты 15–16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 г. № 11 (в редакции от 03.03.2015 г.).

[3] Пункт 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 г. № 11.

[4] Николюк В. В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР: дис. … д-ра юрид. наук. М. 1990. С. 179–297; Пастухов И. В. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора … С. 17–22; Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве. С. 34–83; Воронин О. В. К вопросу о совершенствовании правового регулирования производств, связанных с рассмотрением и разрешением вопросов, касающихся исполнения приговора, по УПК РФ // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. Ч. 30 / Под ред. М. К. Свиридова. Томск, 2006. С. 172–175; Николюк Н. В. Производство по рассмотрению и разрешению дел о замене наказания в связи с уклонением осужденного от его отбывания … С. 19–26; Гужва О. В. Теоретические и практические проблемы рассмотрения судом вопросов, связанных с исполнением приговора: автореф. дис. канд. юрид наук. М., 2013. С. 17–24; Белоковыльский М. С. Стадия исполнения приговора: неадекватность средств доказывания цели // Адвокат. 2013. № 7. С. 25–32; Крымов А. А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 38-43; Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе ...С. 211–372; Левченко О. В., Гужва О. В., Караева А. А. Рассмотрение судом вопросов, связанных с исполнением приговора: теоретические и практические проблемы. С. 78–112.

предложений по ее совершенствованию на современном этапе, обозначим в обобщенном виде лишь основные направления дальнейшего развития судебно-исполнительных производств, обусловленные общими закономерностями функционирования системы уголовного правосудия и выражающиеся в необходимости:

1) упорядочения, систематизации перечня вопросов, рассматриваемых судом в порядке исполнения судебных решений, в частности, путем объединения однородных вопросов в группы и их регламентации в отдельных статьях главы 47 УПК РФ[1];

2) преодоления упрощенного подхода к судебной деятельности по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора и иных судебных решений[2], закрепления в гл. 47 УПК РФ положений, предусматривающих распространение на судебно-исполнительные производства с учетом их специфики общих условий судебного разбирательства (гл. 35 УПК РФ)[3], приведения установленных ст. 399 и другими статьями УПК РФ процедур судебно-исполнительных производств в соответствие с общепризнанными стандартами осуществления уголовного правосудия[4] (с учетом дополнений, внесенных в ч. 3 ст. 399 УПК РФ федеральными законами от 20 марта 2011 г. № 40-ФЗ[5] и от 23 июля 2013 г. № 221-ФЗ[1], уже можно утверждать о сложившейся

---

[1] Тулянский Д. В. Указ. соч. С. 68; Пастухов И. В. Указ. соч. С. 17–18; Николюк В. В., Квициния Д. А. Устранение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора. С. 116–119.

[2] Тябина Ю. А. Уголовно-процессуальные отношения в стадии исполнения приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 12.

[3] Камардина А. А. Реализация принципов уголовного судопроизводства при производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2012. С. 12; Левченко О. В., Камардина А. А. Соотношение принципов уголовного судопроизводства с общими условиями судебного разбирательства, реализуемые при производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 2. С. 83; Качалов В. И. Указ. соч. С. 229–230.

[4] Пупышева Л. А. Производство, предусмотренное гл. 47 УПК РФ: назначение и, предмет и процессуальная форма // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. Том 2. № 1 (2). С. 145–146.

[5] Федеральный закон от 20.03.2011 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 13. Ст. 1687.

законодательной тенденции распространения общих условий судебного разбирательства по уголовному делу на порядок проведения судебных заседаний по рассмотрению предусмотренных ст. 397 УПК РФ вопросов);

3) более полной, четкой и последовательной регламентации процессуальных статусов (правового положения) участников судебно-исполнительных производств, их совершенствования путем расширения, детализации и согласования их правомочий[2];

4) устранения недостатков правовой регламентации вопросов предметной подсудности дел по вопросам исполнения судебных решений, в том числе путем определения четких критериев подсудности дел судам различного уровня[3];

5) дальнейшего развития процессуального порядка(-ов) судебно-исполнительных производств «корректирующего» вида в направлении сближения с порядком рассмотрения уголовного дела[4], что предполагает более выраженное структурное построение судебного заседания и производства в целом, детализацию и конкретизацию их содержания, включая полномочия суда[5], а

---

[1] Федеральный закон от 23.07.2013 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в статью 83 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 30 (Часть I). Ст. 4054.

[2] Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 13–14; Пастухов И. В. Указ. соч. С. 20–21; Николюк Н. В. Производство по рассмотрению и разрешению дел о замене наказания в связи с уклонением осужденного от его отбывания … С. 9–10, 20–23; Шабалина Л. А. Обеспечение прав, свобод и законных интересов осужденного при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2012. С.17–20; Белоковыльский М. С. Указ. соч.; Крымов А. А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России … С. 17, 38–39, 42; Тябина Ю. А. Указ. соч. С. 24–25; Пупышева Л. А. Концепция производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора: постановка проблемы // Вестник Кузбасского института. 2016. №. 4. С. 120–122; Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе ...С. 245–257; Левченко О. В., Гужва О. В., Караева А. А. Рассмотрение судом вопросов, связанных с исполнением приговора: теоретические и практические проблемы. С. 103-111.

[3] Качалов В. И. Указ. соч. С. 213–216.

[4] Там же. С. 232.

[5] Крымов А. А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России: монография. М. Проспект, 2017. С. 256–257; Пастухов И. В. Указ. соч. С. 21-22; Николюк Н. В. Указ. соч. С. 22–25; Пупышева Л. А. Указ. соч. С. 123; Качалов В. И. Указ. соч. С. 231–232, 236; Левченко О. В., Гужва О. В., Караева А. А. Указ. соч. С. 101–104, 107.

также по пути уточнения и дифференциации судебных процедур в зависимости от характера рассматриваемого вопроса[1];

6) полноценной регламентации процедур применения судом процессуальных мер принуждения (привод, задержание, заключение под стражу, иные меры пресечения), направленных на обеспечение рассмотрения судом вопросов, связанных с принудительным исполнением судебных решений, и включения этих процедур в структуру соответствующих судебно-исполнительных производств, объективно нуждающиеся в таких мерах;

7) повышения уровня правовой регламентации предмета и порядка доказывания, осуществляемого в рамках судебно-исполнительных производств, и усиления гарантий достоверного установления обстоятельств, значимых для разрешения рассматриваемого вопроса, в том числе за счет допущения использования в данных производствах средств и способов уголовно-процессуального доказывания, установленных для основного производства по уголовному делу[2].

В связи с масштабностью и глубиной требуемых преобразований заслуживает поддержки и дальнейшего развития вывод о необходимости теоретической разработки и последующем законодательном воплощении новой, современной концепции производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора (по предложенной выше классификации – судебно-исполнительного производства)[3], которая, как представляется, должна базироваться на идее единства и дифференциации уголовного правосудия.

---

[1] Качалов В. И. Указ. соч. С. 232.

[2] Ларин А. М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. М.: Наука, 1985. С. 66; Крымов А. А. Указ. соч. С. 39–41; Белоковыльский М. С. Указ. соч. С. 32–33; Качалов В. И. Указ. соч. С. 200, 210.

[3] Пупышева Л. А. Концепция производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора: постановка проблемы // Вестник Кузбасского института. 2016. №. 4. С. 118–124..

§ 4. Судебно-реабилитационные производства – неотъемлемый правовосстановительный компонент системы уголовного правосудия

Данный тип судебных производств непосредственно увязан с деятельностью уголовного суда по разрешению вопросов о восстановлении прав и свобод реабилитированного лица и возмещении (компенсации) вреда, причиненного незаконной деятельностью должностных лиц, ведущих уголовное судопроизводство, и предназначен для рассмотрения в порядке уголовного судопроизводства соответствующих реабилитационных и компенсационных судебных дел, возбуждаемых по заявлению (требованию) заинтересованного лица о возмещении вреда или принятии иных компенсационно-восстановительных мер (гл. 18 УПК РФ).

В научной и учебной литературе эту деятельность зачастую причисляют к разряду осуществляемой судом в порядке исполнения приговора[1], т. е. относят к разновидности уголовно-исполнительного производства, и прежде всего по причине того, что разрешаемые по итогам этой деятельности основные вопросы – о возмещении вреда реабилитированному, восстановлении его трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав в соответствии с ч. 5 ст. 135 и ч. 1 ст. 138 УПК РФ – формально, но безосновательно, включены в перечень вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора (п. 1 ст. 397 УПК РФ), а процессуальный порядок их разрешения по большей части регламентирован ст. 399 УПК РФ. Однако внешне-формальные (процедурные) сходства не являются определяющими и не могут завуалировать, а тем более устранить действие тех различий (сущностного, предметного, целевого и функционального), которые существуют между исполнительными и реабилитационными судебными производствами.

---

[1] См.: Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головко. М., 2017. С. 1177–1179; Левченко О. В., Гужва О. В., Караева А. А. Рассмотрение судом вопросов, связанных с исполнением приговора. С. 71–72.

Как было отмечено в предыдущем разделе диссертации, производства по вопросам, предусмотренным п. 1 ст. 397 УПК РФ, не соответствуют критериям относимости к исполнительному типу судебных производств, характерными и необходимыми признаками которого попросту не обладают. Они имеют принципиальное иное, чем исполнительные производства, назначение и направленность, свою во многом уникальную материально-правовую базу. Кроме того, нельзя упускать из виду, что общий предмет регламентируемых главой 18 УПК РФ производств не ограничивается указанными в п. 1 ст. 397 УПК РФ вопросами и по объему значительно шире, а реабилитирующими актами являются не только оправдательный приговор и постановления (определения) суда о прекращении уголовного дела (или уголовного преследования) по основаниям пунктов 1, 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, но и аналогичные по своей сути, основаниям и значению постановления органов уголовного преследования, выносимые в досудебном производстве.

Как верно указывает В. И. Качалов, производство по возмещению вреда в порядке реабилитации является специфическим видом производства, которое имеет особое (в сравнении с производствами в стадии исполнения) содержание. В качестве важнейших системообразующих признаков производства по вопросам реабилитации данный автор отмечает следующие, присущие институту реабилитации черты: инспирирование производства происходит исключительно в частном порядке (по инициативе реабилитированных); содержание производства носит компенсационный характер; «при реабилитации отсутствует корректировка вступившего в законную силу судебного решения»; «реабилитация не является прямым и непосредственным продолжением исполнения этого решения», «институт реабилитации имеет совершенно самостоятельное содержание, носящее во многом частно-правовой характер, однако реализуемый уголовно-процессуальными средствами»[1]. Специфические признаки реабилитационных производств, обусловленные их предметом и целевым назначением и связанные с

[1] Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе ... С. 42–43.

их содержанием, можно продолжить, но вначале необходимо определиться с исходной уголовно-процессуальной категорией «реабилитация», которая хотя и имеет нормативно закрепленную дефиницию, но в процессуальной теории и в правоприменении воспринимается и трактуется неоднозначно[1], чему в немалой степени способствуют противоречивые и двусмысленные положения уголовно-процессуального закона.

Институт уголовной реабилитации. Лексическое значение слова «реабилитация» в русском языке имеет (в юридическом аспекте) двойной оттенок, оно отражает деятельность или действия, представляющие собой: 1) восстановление чести, прежней репутации неправильно обвиненного или опороченного лица, опровержение обвинения; 2) восстановление (по суду) в прежних правах[2]. Соответственно семантике анализируемого термина в правовой науке категория «реабилитация» используется для обозначения юридической деятельности по восстановлению прав лиц, неправомерно привлекаемых или привлеченных к уголовной ответственности, и правового института, нормы которого регулируют разнообразные общественные отношения, складывающиеся по поводу и в процессе этой деятельности.

Как правовой институт реабилитация имеет конституционно-правовую основу (ст. 53 Конституции РФ), носит межотраслевой (интегративный) характер, что признается большинством современных ученых[3], и включает в себя нормы не

---

[1] Подробный анализ точек зрения по данному вопросу см.: Татьянин Д. В. Реабилитация в уголовном процессе России: монография. М., 2007. С.13–24.

[2] Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Том 3. М., 1939. Стб. 1301–1302; Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 3. П–Р. М., 1987. С. 688; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006. С. 670.

[3] Раменская В. С. Институт реабилитации в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 7; Корнеев О. А. Институт реабилитации в уголовно-процессуальном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 7; Татьянин Д. В. Указ. соч. С. 35; Гаврилюк Р. В. Реабилитация в российском уголовном процессе (вопросы теории и практики): автореф. дис. канд. юрид. наук. Н.-Новгород, 2008. С. 11; Вандышев В. В. Реабилитация в уголовно судопроизводстве // Вандышев В. В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части: учебник для юридических вузов и факультетов. М., 2010 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Калиновский К. Б. Реабилитация в уголовном судопроизводстве // Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2014. С. 396; Качалов В. И. Указ. соч. С. 43; Потетинов В. А. Уголовно-процессуальный институт реабилитации в законодательстве России: современное состояние и

только уголовно-процессуального права, но и гражданского, гражданского процессуального, трудового, социального обеспечения, финансового и других отраслей российского права, а также нормы международных договоров[1]. При этом уголовно-процессуальный компонент в институте реабилитации занимает определяющее место[2], поскольку только нормы УПК РФ устанавливают основания и порядок оправдания и прекращения уголовного преследования и прямо закрепляют правовые дефиниции «реабилитация» и «реабилитированный», и кроме того основания, условия и порядок (в большей его части) возмещения вреда, причиненного реабилитируемому лицу, также регулируются положениями уголовно-процессуального закона. Последнее обстоятельство в совокупности с тем фактом, что возникающие в процессе реабилитации правоотношения носят преимущественно публичный характер и тесно связаны с задачами уголовного судопроизводства, позволяют некоторым процессуалистам настаивать на отнесении реабилитации к сугубо уголовно-процессуальному институту[3] или на необходимости придания ей такого качества[4].

Обращаясь непосредственно к правовому регулированию реабилитационной деятельности, нельзя не признать, что уголовно-

---

перспективы развития: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2018. С. 13; Логунов О. В. Часовникова О. Г. Глава 8. Реабилитация и иное возмещение вреда // Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. Э. К. Кутуева. СПб., 2019.С. 204.

[1] Например, подпункт «а» пункта 3 статьи 2, пункт 5 статьи 9 и пункт 6 статьи 14 Международного пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 г. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 2200 (XXI), ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18.09.1973 г. № 4812-VIII) // Ведомости ВС СССР. 1976. № 17. Ст. 291; Декларация принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (Утв. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 40/34 от 29 ноября 1985 года) // Доступ из ИПО «Гарант». URL: https://web.archive.org/web/20161102124130/http://base.garant.ru/1305333/ (дата доступа: 10.05.2021); Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Заключена 10.12.1984 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIII. М., 1989. С. 115–125.

[2] Вандышев В. В. Указ. соч.

[3] Подопригора А. А. Реабилитация в уголовном процессе России: автореф дис. … канд. юрид. наук. ростов-на-Дону, 2004. С.10; Глыбина А. Н. Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе РФ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2006. С. 9; Рогачев С. А. Реабилитация в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009 С. 9–10; Цоколова О. И., Костылева Г. В., Рогачев С. А. Реабилитация в уголовном процессе: Монография. М., 2010. С. 46.

[4] Раменская В. С. Указ. соч. С. 7.

процессуальный закон в этой части противоречив и непоследователен. С содержательной стороны (по объему действий) он определяет реабилитацию неоправданно узко, как порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда (п. 34 ст. 5 УПК РФ). В результате получается, что данное понятие не включает в себя ни «опровержения неправильного обвинения», ни даже самой деятельности по восстановлению прав и свобод реабилитируемого лица (только порядок, процедурные правила ее осуществления). Из приведенной дефинитивной нормы логически следует, что реабилитация лица, в отношении которого незаконно осуществлявшееся уголовное преследование аннулировано, начнется не ранее его обращения в суд с требованием о возмещении вреда и (или) восстановлении нарушенных прав.

Аналогичный смысл улавливается и в ст. 133 УПК РФ, регламентирующей основания «возникновения права на реабилитацию»: часть первая отождествляет реабилитацию с возмещением имущественного вреда, устранением последствий морального вреда и восстановлением в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах, а часть вторая указывает, что перечисленные в ней субъекты (например, лицо, в отношении которого вынесен оправдательный приговор или постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по так называемым реабилитирующим основаниям) «имеют право на реабилитацию», а это означает, что реабилитация еще не состоялась.

В то же время п. 35 ст. 5 УПК РФ предписывает считать «реабилитированным» лицо, имеющее право на возмещение вреда, причиненного в связи с незаконным и необоснованным уголовным преследованием. Согласно ч. 3 ст. 135, п. 1 ст. 397 и п. 1 ч. 1 ст. 399 УПК РФ с требованием о возмещении вреда и восстановлении прав в суд обращается *реабилитированный* или его законный представитель. Из содержания статей 135, 136 и 138 УПК РФ следует, что в установленном этими нормами порядке именно *реабилитированному* возмещается имущественный и моральный вред и восстанавливаются иные нарушенные права. Получается, что суд рассматривает «реабилитационные» по

своей направленности вопросы (возмещения вреда и восстановления прав) в отношении лица, уже прошедшего реабилитацию, которая к этому моменту тем или иным образом свершилась. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, содержащиеся в постановлении от 29 ноября 2011 г. № 17[1], воспроизводя законодательные формулировки, к сожалению, ничего не проясняют в этом вопросе.

С другой стороны положения главы 18. «Реабилитация» УПК РФ чрезмерно расширяют используемое в ее названии уголовно-процессуальное понятие по кругу субъектов, на которых реабилитация распространяется. Название данной главы ориентирует правоприменителя и иного правопользователя на то, что все регламентированные ее нормами восстановительно-компенсационные меры в отношении любого из указанных лиц имеют реабилитирующее назначение и реабилитационный характер. В действительности это не так, хотя бы потому, что в ст. 139 УПК РФ в качестве субъектов, управомоченных требовать возмещение вреда, указаны юридические лица, которые, как известно, не являются субъектами уголовной ответственности, и поэтому причиняемый им в процессе уголовного судопроизводства вред не может быть вызван уголовным преследованием. Но помимо этого очевидного несоответствия, имеется и другое – статья 133 УПК РФ, устанавливая «основания возникновения права на реабилитацию», предоставляет право на возмещение вреда не только лицам, в отношении которых обвинение (подозрение) в преступлении снято, а осуждение аннулировано по реабилитирующим (оправдывающим) основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, но и другим субъектам уголовного производства, пострадавшим от незаконной процессуальной деятельности должностных лиц:

– лицам, уголовное преследование в отношении которых признано незаконным и прекращено не по реабилитирующим, а по иным основаниям, связанным с несоблюдением процессуальных условий (процедурных требований)

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 УПК РФ, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» (в ред. от 28.06.2022 г.) // БВС РФ. 2012. № 1.

уголовного преследования и не исключающим виновности (причастности) лица в инкриминируемом преступленном деянии (пункты 5 и 6 ч. 1 ст. 24, пункты 4 – 6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ);

– лицам, незаконно или необоснованно подвергшимся применению принудительных мер медицинского характера, отмена которых не сопровождается констатацией невиновности (при назначении данных мер лицо не признавалось виновным) и далеко не всегда вызвана установлением непричастности лица к совершению общественно-опасного деяния;

– любым иным лицам, незаконно подвергнутым мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу при условии общей правомерности уголовного преследования либо вовсе вне связи с ним.

В разъяснение приведенных положений закона Верховный Суд РФ подтвердил, что физические лица, незаконно подвергнутые в ходе производства по уголовному делу мерам процессуального принуждения, а также юридические лица, которым незаконными действиями (бездействием) и решениями суда, прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания в ходе производства по уголовному делу причинен вред (например, вследствие незаконного наложения ареста на имущество юридического лица), в случае причинения им вреда имеют право на его возмещение в порядке, предусмотренном главой 18 УПК РФ (соответственно ч. 3 ст. 133 УПК РФ и ст. 139 УПК РФ), но уточнил, что *эти лица не относятся к кругу лиц, имеющих право на реабилитацию* (п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 г. № 17).

Таким образом, в главе 18 УПК РФ объединены нормы разнопланового характера, призванные обеспечить возмещение вреда лицам, вовлеченным в уголовное судопроизводство[1]. Помимо собственно института реабилитации выделяется группа норм, регулирующих обособленную от реабилитации деятельность по возмещению вреда, не вызванного незаконным уголовным преследованием (осуждением), а причиненного уголовно-процессуальными

[1] Николюк В. В. Возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам уголовно-процессуального принуждения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011.С. 11.

действиями иного рода. Данные процессуальные нормы, не имеющие прямого отношения к реабилитации, в совокупности с иными правовыми предписаниями можно рассматривать как самостоятельный правовый институт «возмещение вреда пострадавшим от действий должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство»[1], который также как и институт реабилитации носит межотраслевой характер, как в материально-правовом, так и процедурном аспектах (вред, причиненный действиями, не обусловленными уголовным преследованием, в одних случаях – ч. 3 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ – возмещается посредством уголовно-процессуальных процедур, в других, как указывает ч. 6 ст. 133 УПК РФ, – в порядке гражданского судопроизводства).

Оставляя на время в стороне деятельность по возмещению иного вреда, не вызванного незаконным уголовным преследованием или осуждением, продолжим анализ института реабилитации.

Не без влияния проанализированного выше противоречивого и двусмысленного нормативно-правового регулирования в современной процессуальной доктрине сформировались различные, в чем-то конкурирующие научные представления о правовом содержании реабилитационно-юридической деятельности, согласно которым под реабилитацией в уголовном правосудии понимается либо официальное признание невиновности гражданина, сопровождающееся гарантиями возмещения причиненного вреда и восстановления в правах[2], либо сам процесс реализации компенсационно-восстановительных мер[3], либо только порядок восстановления прав и свобод[4], но

---

[1] Орлова А. А. Концепция реабилитации и организационно-правовые механизмы ее реализации в российском уголовном процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 41–42; Сосновик Н. Ф. Возмещение вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам незаконным применением мер процессуального принуждения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. С. 10, 16–17; Петрухин И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию. С. 176; Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головко. М., 2017. С. 1189.

[2] Глыбина А. Н. Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе РФ. С. 9; Орлова А. А. Указ. соч. С. 22, 40.

[3] Пастухов М. И. Оправдание подсудимого. Минск, 1985. С. 74; Подопригора А. А. Реабилитация в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 7–8.

[4] Калиновский К. Б. Реабилитация в уголовном судопроизводстве // Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. В. М.

чаще – комплекс юридических действий, включающий в себя и вынесение реабилитирующего решения (оправдание), и последующие действия по восстановлению прав реабилитируемого, включая возмещение вреда, причиненного в результате незаконного уголовного преследования[1].

Размышляя о социально-правовой природе реабилитации и оценивая в этом разрезе приведенные точки зрения, приходим к заключению, что сущность и значение реабилитации не могут быть сведены к порядку восстановления прав и возмещения вреда, и в то же время реабилитация не должна толковаться расширительно, охватывая компенсационные меры, направленные на устранение последствий, вызванных не уголовным преследованием, а другими незаконными действиями.

Как замечает Б. Т. Безлепкин, действующие законоположения об основаниях и условиях реабилитации «резко контрастируют и с теоретическими воззрениями, и с накопленным опытом применения института реабилитации в прошлом, и с внутренним смыслом реабилитации как правоотношения, органически связанного с двумя основополагающими категориями – невиновности и справедливости»[2]. Профессор Л. В. Головко в этой связи предостерегает о том, что «слишком широкий подход к понятию реабилитации способен выхолостить важнейшую для уголовного процесса идею об особом

Лебедева. М., 2014. С. 396; Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. Э. К. Кутуева. СПб., 2019. С. 204.

[1] Раменская В. С. Институт реабилитации в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 13; Татьянин Д. В. Указ. соч. С. 21–22; Корнеев О. А. Институт реабилитации в уголовно-процессуальном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 8; Бетрозов С. А. Институт реабилитации в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб, 2006. С. 11, 13; Амирбекова Г. Г. Институт реабилитации в уголовном процессе: теория и практика реализации (по материалам Республики Дагестан): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9; Петрухин И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию: монография. М., 2009. С. 175; Макарова О. В. Правовое регулирование института реабилитации в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 32; Потетинов В. А. Уголовно-процессуальный институт реабилитации в законодательстве России: современное состояние и перспективы развития: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2018. С. 14.

[2] Безлепкин Б. Т. Реабилитация (статьи 133 – 139 УПК) // Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие. М., 2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

внимании, которое должно уделяться правам, говоря старым процессуальным языком, “невинно к суду привлекаемых”»[1].

В этом контексте нам понятна и близка позиция А. А. Орловой, которая полагает, что истинный смысл реабилитации состоит в оправдании лица и восстановлении его честного имени, и доказывает, что «сущность реабилитации заключается в официальном признании государством в лице компетентных органов и должностных лиц в предусмотренном законом порядке факта невиновности лица в инкриминированном деянии, влекущем наделение реабилитированного правом на возмещение причиненного ему вреда и гарантированную государством возможность его реализации»[2].

Однако, при таком подходе нельзя принижать значение реального восстановления имущественных и иных прав, отводить этим действиям второстепенную роль. Российский институт реабилитации воплощает в себе концептуальную идею «объективной» ответственности государства перед гражданами, пострадавшими в результате неправомерных актов власти в сфере правосудия (несправедливого привлечения к уголовной ответственности), которая в настоящее время получила признание как на национально-правовом, так и международно-правовом уровнях, и сопровождается выводом о том, что «восстановление нарушенных прав лиц, невиновных в совершении преступлений, должно рассматриваться не как благодеяние, вынужденная уступка со стороны государства, а как объективная социально-экономическая и нравственная необходимость, юридическая обязанность, непременное условие здорового развития общества»[3].

Полное восстановление прав реабилитированного и возмещение причиненного в ходе судопроизводства вреда – конституционная обязанность государства (статьи 2 и 53 Конституции РФ) и важная компонента социально-

---

[1] Головко Л. В. Последствия постановления оправдательного приговора (глава 32) // Курс уголовного процесса / Под. ред. Л. В. Головко. М., 2017. С. 1185.

[2] Орлова А. А. Концепция реабилитации и организационно-правовые механизмы ее реализации в российском уголовном процессе … С. 40.

[3] Бойцова Л. В. Ответственность государства за ущерб, причиненный гражданам в сфере правосудия: Генезис, сущность, тенденции развития: дис. … д-ра юрид. наук. М., 1995. С. 578.

правового назначения уголовного правосудия (ст. 6 УПК РФ). Поэтому с учетом действующего правового регулирования следует признать, что в качестве второй составляющей института реабилитации выступает сама деятельность по возмещению вреда и восстановлению прав реабилитированного, которая, будучи, факультативной, тем не менее не может и не должна исключаться из общего понятия реабилитации.

Большинство процессуалистов, отстаивающих мнение о комплексном характере процесса (института) реабилитации, выделяют в ее структуре не менее двух компонентов (или два этапа): 1) издание правоустанавливающего (как правило, реабилитирующего) юридического акта, констатирующего незаконность уголовного преследования и одновременно признающего право на реабилитационное возмещение; 2) реализация компенсационных и восстановительных мероприятий по требованию реабилитированного[1]. В целом придерживаясь аналогичной позиции, кратко изложим собственное видение действующей в Российской Федерации модели реабилитации.

Итак, ***уголовная реабилитация*** – содержательно сложный (комплексный) и многоступенчатый процесс *восстановления* первоначального правового состояния физического лица, нарушенного неправомерным уголовным преследованием и (или) незаконным осуждением, и *возмещения* причиненного этими действиями вреда.

Этот процесс, если его рассматривать в целом, во всех аспектах и проявлениях от момента возникновения материальных оснований для реабилитации до реального восстановления всех прав, представляет собой сложную систему юридических действий, которая не ограничивается уголовным судопроизводством, а захватывает также область гражданского судопроизводства и сферу исполнительной деятельности. При этом реабилитация не выстроена в

[1] См.: Раменская В. С. Институт реабилитации в уголовном процессе … С. 13; Бетрозов С. А. Институт реабилитации в уголовном процессе России … С. 11, Амирбекова Г. Г. Институт реабилитации в уголовном процессе: теория и практика реализации … С. 9, 12–13, 15; Рогачев С. А. Указ. соч. С. 13–14; Петрухин И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию. С.175; Цоколова О. И., Костылева Г. В., Рогачев С. А. Реабилитация в уголовном процессе. С. 13–14; Макарова О. В. Указ. соч. С. 32.

форме отдельного (особого вида) юридического процесса и не образует единого, самостоятельного уголовного производства, а *поэтапно рассредоточена по разным типам юридических производств*.

Первый, обязательный этап реабилитации – *формально-правовая* (или юридическая[1]) *реабилитация* состоит в вынесении уголовно-процессуального акта о признании преследуемого (или преследовавшегося) в уголовном порядке лица невиновным, а проводившегося уголовного преследования – необоснованным (оправдательный приговор, постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по реабилитирующим основаниям: за отсутствием события или состава преступления или виду непричастности лица к совершению преступления).

Главное социально-правовое значение данного акта юридической реабилитации – в «покаянии» государства в допущенной к человеку несправедливости и отказе от дальнейшего его преследования, а также в юридическом восстановлении всей полноты прав и свобод личности, признании ее «равной в социально-правовом отношении остальным членам гражданского общества»[2]. Оправдание, прекращение уголовного преследования уже само по себе восстанавливает (частично) прежнее положение привлекавшегося к уголовной ответственности лица, отменяет статус подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или осужденного, освобождая человека от обусловленных этим статусом правоограничений, обязанностей и других негативных для него последствий правового и репутационного свойства. В силу данных обстоятельств лицо, признанное невиновным, непричастным к преступлению, уже можно считать *реабилитированным в формально-правовом аспекте*.

Другое важное значение актов юридической реабилитации заключается в правовых основаниях (фактической и юридической основе), которые они создают для возмещения имущественного и морального вреда, связанного с незаконным

---

[1] Термин «юридическая реабилитация» используется в ряде научных работ: Гаврилюк Р. В. Реабилитация в российском уголовном процессе (вопросы теории и практики) … С. 21; Цоколова О. И., Костылева Г. В., Рогачев С. А. С. 12.

[2] Гаврилюк Р. В. Указ. соч. С. 21.

уголовным преследованием, и восстановления иных нарушенных прав, а также в признании за оправданным либо лицом, в отношении которого прекращено уголовное преследование, права на реабилитацию в этой части.

Первый этап реабилитации осуществляется исключительно на публично-правовой основе в силу императивных требований, обращенных к государственным органам, ведущим уголовное судопроизводство, реализует ту часть реабилитационных действий (принятие реабилитирующих решений и отмена всех принудительных мер), которые обеспечивают необходимый минимальный уровень восстановления в правах, достижение которого возможно *вне зависимости от воли и желания реабилитируемого лица*, и заканчивается направлением последнему извещения с разъяснением порядка последующих возможных действий по реализации реабилитационных прав. Таким образом, на первом этапе происходит *формальная реабилитация* и предпринимаются обеспечительные меры для полного восстановления прав реабилитированного.

Второй этап реабилитации, назовем его *материально-правовой* («компенсационной»[1]) реабилитацией, заключается в судебном рассмотрении требований реабилитированного о возмещении вреда и восстановлении иных прав. В отличие от предыдущего этапа он: а) не является обязательным, поскольку обусловлен исключительно дискреционным волеизъявлением (инициативой) реабилитированного; б) строится не только на публичных началах, но и несет в себе явно выраженные элементы диспозитивности (частное начало). Реабилитированный сам (по своему усмотрению), исходя из собственных интересов, решает, довольствоваться ли ему формальной реабилитацией либо требовать через продолжение реабилитационного процесса реального восстановления тех или иных утраченных прав. Государство свои деликтные обязательства выполнить готово, оно обеспечивает и гарантирует их реализацию через судебные органы посредством правосудия, но не может и не должно

[1] Понятие «компенсационной реабилитации» разработано и предложено Р. В. Гаврилюк (Гаврилюк Р. В. Реабилитация в российском уголовном процессе (вопросы теории и практики) … С.11).

навязывать возмещение вреда реабилитированному помимо его воли[1]. При этом реабилитированный свободен в предъявлении требования о возмещении вреда и восстановлении прав (это является его субъективным правом, а не обязанностью), в установлении объема своих требований (относительно того, какие из утраченных прав и благ необходимо восстановить), в распоряжении заявленными требованиями (вправе отказаться от них полностью или частично), наконец, в определении меры своей активности в процессе доказывания. Итогом второго этапа реабилитации является решение суда о взыскании имущественного или морального вреда в установленном размере и (или) восстановлении иных прав реабилитированного.

Третий, заключительный этап – необходимое и логическое завершение материальной реабилитации – представляет собой исполнение финансовыми, жилищными и другими органами и учреждениями судебных предписаний о взыскании в пользу реабилитированного в качестве возмещения вреда конкретных денежных сумм за счет казны Российской Федерации и (или) о восстановлении трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав реабилитированного, различных званий и классных чинов, о возвращении государственных наград. Посредством и в результате этой исполнительной деятельности реально и в полной мере воспроизводятся те нарушенные незаконным уголовным преследованием права и утраченные индивидуальные блага, восстановления которых пожелал и добивался в суде реабилитированный.

Первый и второй этап образуют судебно-процессуальную часть реабилитационной деятельности, третий – исполнительную. Все указанные этапы автономны друг от друга и проходят в рамках различных юридических производств: первый этап целиком «вмонтирован» в основное уголовно-процессуальное производство по рассмотрению уголовного дела, «растворяется» в нем; второй этап по большей части образует особое судебно-уголовное

[1] В этом плане находим безосновательными и нецелесообразными из практических соображений предложения отдельных ученых возложить на официальных лиц обязанности устанавливать и возмещать реабилитированному вред без его на то волеизъявления (Раменская В. С. Указ. соч. С. 9; Бетрозов С. А. Указ. соч. С. 21).

производство[1] либо протекает (в части возмещения морального вреда) в форме гражданского судопроизводства[2], либо в форме отдельных уголовно-процессуальных действий, таких как направление письменных сообщений о принятых реабилитирующих решениях по месту работы, учебы или жительства реабилитированного (ч. 4 ст. 136 УПК РФ), а третий этап находится за пределами процессуальной деятельности и может быть отнесен к исполнительному производству (процессу). Таким образом, в интересующем нас «реабилитационном типе» судебных производств осуществляется лишь часть реабилитационной деятельности, а именно: возмещение реабилитированному имущественного вреда (ст. 135 УПК РФ) и восстановление иных прав реабилитированного (ст. 138 УПК РФ).

Ограничивая материально-правовую реабилитацию перечисленными в ч. 1 ст. 133 УПК РФ восстановительно-компенсационными мерами, обусловленными изданием реабилитирующих (оправдывающих) процессуальных актов, мы тем самым оставляем в стороне, а фактически выделяем в отдельный подвид (форму) деятельность по возмещению вреда и восстановлению иных прав, являющуюся

---

[1] Аналогичное мнение высказывают и другие процессуалисты: Амирбекова Г. Г. Указ. соч. С. 15; Вандышев В. В. Указ. соч.; Глыбина А. Н. Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе РФ … С. 10; Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск, 2015. С. 68.

[2] В порядке гражданского судопроизводства помимо иска о компенсации морального вреда формально возможно рассмотрение и иных вопросов реабилитации, например, в части требований реабилитированного, оставленных без рассмотрения в порядке ст. 399 УПК РФ (абзац второй п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 г. № 17). В то же время в законе установлено недопустимое с точки зрения закономерностей и принципов функционирования правосудия положение, при котором реабилитированный после рассмотрения судом в порядке уголовного судопроизводства его требований о восстановлении трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав, будучи не удовлетворен итоговым решением уголовного суда, вправе обратиться с аналогичными требованиями за судебной защитой в порядке гражданского судопроизводства (ч. 1 ст. 138 УПК РФ), вследствие чего формально становится возможным повторное рассмотрение судом первой инстанции (в ином порядке и, по всей видимости, в ином составе) вопроса, по которому имеется состоявшийся и вступивший в законную силу акт правосудия. По этому поводу Верховный Суд РФ достаточно категорично (и вполне логично) указал со ссылкой на п. 2 ч. 1 ст. 134 и абзац третий ст. 220 ГПК РФ, что требования реабилитированного в той части, в которой они были разрешены по существу в порядке уголовного судопроизводства, рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства не подлежат (абзац третий п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 г. № 17).

следствием признания уголовного преследования (осуждения) незаконным по не реабилитирующим обвиняемого (подозреваемого) основаниям либо последствием отмены незаконного или необоснованного постановления суда о применении принудительной меры медицинского характера.

Данная деятельность уголовного суда, хотя и проходит в едином с реабилитацией процессуальном порядке (в аналогичной форме), по своей сути и назначению реабилитацией не является, поскольку категория «невиновность», на которой базируется идея реабилитации, к этим ситуациям отношения не имеет[1]. С другой стороны она не идентична и рассмотрению требований о возмещении вреда, причиненного вследствие не уголовного преследования, а иных незаконных процессуальных актов органов расследования, прокурора и суда (ч. 3 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ) и отличается от последней по характеру и объему компенсационных требований, основаниям взыскания вреда, кругу управомоченных субъектов[2]. Данные признаки являются критериями дифференциации общего и, как может показаться на первый (поверхностный) взгляд, единого реабилитационного производства, осуществляемого судом в порядке гл. 18 УПК РФ, а на поверку включающего в себя три отдельных вида возмещения вреда.

Виды и основные характеристики реабилитационных производств. Общим назначением судебно-реабилитационных (компенсационных) производств является защита прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, путем восстановления прав, нарушенных незаконным и (или) необоснованным уголовным преследованием, осуждением, применением принудительных мер медицинского характера и полного возмещения за счет государства причиненного при этом вреда, а также посредством возмещения вреда, наступившего от иных незаконных действий органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Целевые установки

[1] Макарова О. В. Правовое регулирование института реабилитации в российском уголовном процессе. С. 34.

[2] Подробнее об отличиях возмещения вреда на основании ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ, от возмещения в порядке реабилитации см.: Николюк В. В. Возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам уголовно-процессуального принуждения. Омск, 2012. С. 48–52.

реабилитационных производств прямо вытекают из назначения уголовного правосудия (судопроизводства) – защиты личности от ограничения ее прав и свобод, реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ст. 6 УПК РФ), и в полной мере соответствуют правозащитной роли уголовного суда и судебной власти в целом[1].

Задачи суда применительно к реабилитационным производствам заключаются в оперативном и качественном рассмотрении реабилитационных и компенсационных дел, оказании при этом реабилитированному или иному заявителю необходимого содействия в собирании дополнительных доказательств, необходимых для разрешения заявленных ими требований, принятии при необходимости мер к собиранию доказательств, обеспечении полного (в рамках заявленных требований) восстановления прав и возмещения установленного вреда путем вынесения законного и справедливого решения.

В деятельности суда по рассмотрению реабилитационных и иных компенсационных требований помимо функции разрешения юридического дела – здесь суд, как и в прочих производствах, рассматривает вполне определенный юридический казус (правовую ситуацию) – со всей очевидностью и наиболее ярко проявляется правовосстановительная функция уголовного правосудия, что не исключает действие (возможно, не столь заметное) других функций.

---

[1] Диссертант категорически не согласен с позицией А. Н. Глыбиной, которая отстаивая уголовно-процессуальную природу реабилитации (против этого возражений не имеется) и соотнося при этом реабилитацию с ее истоком – официальным подозрением или обвинением в совершении преступления, утверждает, что «возмещение имущественного вреда, компенсация морального вреда, восстановление в иных правах являются производными задачами, главной является исправление следственной, судебной ошибки …» (Глыбина А. Н. Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе РФ … С. 17). Волей-неволей автор принижает значение охраны прав в уголовном процессе, смещает акценты в палитре социально-правовых ценностей, подлежащих защите посредством уголовного правосудия, меняет их местами, отдавая приоритет установлению пресловутой «истины ради истины». Между тем установление истины (исправление ошибок обвинения) не цель, а средство в механизме защиты прав как потерпевшего от преступления, так и лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Как верно указывает Р. В. Гаврилюк, идея реабилитации закреплена в УПК РФ в качестве одной из составляющих социального назначения уголовного судопроизводства России и имеет значение уголовно-процессуального принципа (Гаврилюк Р. В. Указ. соч. С. 10–11).

Объектом судебной защиты при проведении реабилитационных производств выступает широкий спектр прав и свобод личности, индивидуальных благ и законных интересов, пострадавших от неправомерной деятельности органов уголовной юстиции. В связи с этим судебно-реабилитационные производства обладают обширной, в чем-то уникальной (для уголовного правосудия) по своему объему и структуре материально-правовой базой, которая зиждется на основополагающих конституционных установлениях, провозглашающих права и свободы человека и гражданина высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), закрепляющих основные из них (глава 2 Конституции РФ), гарантирующих каждому государственную и прежде всего судебную защиту его прав и свобод (ст. 45, 46, 52 Конституции РФ), возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53 Конституции РФ), и охватывает нормы многих отраслей материального права, закрепляющие конкретные права граждан, предоставляющие им материальные и неимущественные блага и в той или иной степени регулирующие порядок их предоставления и пользования ими, а также процессуальные нормы, в которых заложены основания и предусмотрены условия возмещения причиненного вреда и восстановления нарушенных прав. Непосредственно при рассмотрении реабилитационных и компенсационных дел суд сообразно предмету судебного разбирательства применяет конкретные правовые нормы, регламентирующие подлежащие восстановлению права либо устанавливающие основания взыскания того или иного вида (разновидности) вреда и определяющие порядок исчисления его размера.

Предмет реабилитационных производств, в сравнении с иными типами судебных производств, в целом однороден, это вопрос (вопросы) о взыскании того или иного вреда или восстановлении того или иного права. Однако ввиду отмеченной широты диапазона защищаемых (восстанавливаемых) индивидуальных прав казуальное наполнение этих вопросов может быть весьма разнообразным. В одном деле управомоченным субъектом может быть заявлено

требование о взыскании лишь имущественного вреда и лишь определенного вида[1], в другом – более разнообразный имущественный вред, в третьем – к требованию о взыскании имущественного вреда может быть присовокуплено требование о восстановлении каких-либо неимущественных прав (благ), пострадавших в результате незаконного уголовного преследования и осуждения.

Необходимо отметить, что рассматриваемые по реабилитационным и компенсационным делам вопросы не являются чисто техническими, требующими осуществить лишь верный расчет размера причиненного вреда, а безусловно носят правовой характер, поскольку требуют от суда установить факт (наличие) реабилитирующего процессуального акта или иного решения, констатирующего незаконность действий или решений органов уголовной юстиции, далее – причинно-следственную связь между этими незаконными актами и наступившим вредом (противоправность самих действий и решений проверять и доказывать не требуется – она установлена вступившим в законную силу процессуальным актом, порождающим право на реабилитацию и (или) возмещение вреда), а также убедиться в принадлежности заявителю того или иного права (блага), которое он просит восстановить[2].

В каких-то случаях ответы на указанные вопросы очевидны, лежат на поверхности и не требуют от суда глубокого изучения и анализа фактологического материала, но могут потребовать проверки юридической

---

[1] Судебная практика показывает, что в реабилитационных делах наиболее распространены одинарные требования о взыскании расходов на участие защитника, вынужденно понесенных реабилитированным в ходе производства по уголовному делу при защите от необоснованного обвинения (см.: Справка Архангельского областного суда по результатам обобщения судебной практики по возмещению вреда, связанного с уголовным преследованием (реабилитация), в 2007-2009 годах // Архив Архангельского областного суда, 2010; Обобщение судебной практики применения районными (городскими) судами и мировыми судьями Волгоградской области положений главы 18 УПК РФ, регламентирующей право на реабилитацию (2016 г.) // ГАС «Правосудие» [Электродный ресурс]. URL: http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=901 (дата обращения: 15.05.2021); Обобщение судебной практики по делам о признании права граждан на реабилитацию (Карелия), 2016 г. // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/23018055/ (дата обращения: 15.05.2021).

[2] См.: Обобщение судебной практики применения районными (городскими) судами и мировыми судьями Волгоградской области положений главы 18 УПК РФ, регламентирующей право на реабилитацию (2016 г.)

обоснованности (состоятельности) притязаний реабилитированного или иного заявителя. Да и определение размера вреда может сопровождаться установлением (проверкой) и применением правовой основы его исчисления (например, при определении размера утраченного заработка за период временного отстранения от должности или отбывания наказания в виде лишения свободы, при определении размера вреда с учетом инфляции). Кроме того, разбирательство по данной категории дел неизбежно сопровождается разрешением сопутствующих любому судебному разбирательству процессуальных вопросов (о подсудности, о надлежащем заявителе, о сроке исковой давности и т. д.)

Предметом любого судебного рассмотрения в конкретном деле выступает требование реабилитированного или иного уполномоченного субъекта о взыскании имущественного вреда или восстановлении утраченного права (блага) в форме соответствующего заявления-ходатайства, обращенного к суду (п. 1 ч. 1 ст. 399 УПК РФ). Подача такого заявления реабилитированным, иным физическим или юридическим лицом, пострадавшим от неправомерной деятельности суда, прокурора или органов предварительного расследования, либо их представителями инициирует (возбуждает) соответствующее судебно-реабилитационное производство.

Ввиду фактической однородности предмета реабилитационных производств (ч. 1 ст. 133 УПК РФ) данный признак малопригоден для дальнейшей их дифференциации (и соответственно классификации) и может быть использован только в совокупности с другими критериями для разграничения производств на те, которыми в соответствии со ст. 135 УПК РФ устанавливается и возмещается имущественный вред, и на те, в которых помимо этого на основании ст. 138 УПК РФ может разрешаться вопрос о восстановлении прав. Объективно существующее различие судебно-реабилитационных производств обусловлено тремя различными видами взысканий вреда, реализуемыми в порядке гл. 18 УПК РФ, которые разделяются по признакам управомоченного на возмещение вреда субъекта и видам процессуальных актов, дающих этим субъектам право на

возмещение вреда и (или) восстановление прав (части 2 – 3 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ).

По указанным критериям судебно-реабилитационные производства можно разделить на следующие ***виды и подвиды***:

1) *реабилитационно-восстановительные* производства – ведутся в отношении лиц, указанных в частях 2 и 2.1 ст. 133 УПК РФ, и в свою очередь подразделяются на:

- «собственно реабилитационные» производства, посредством которых восстанавливаются права и возмещается вред реабилитированным, в отношении которых состоялись оправдывающие их процессуальные акты: оправдательный приговор, постановление (определение) о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по реабилитирующим основаниям (пункты 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ) – реабилитация «в чистом виде»;

- «условно-реабилитационные» производства, предусмотренные для восстановления прав и возмещения вреда лицам, подвергшимся уголовному преследованию и осуждению, признанным незаконными с вынесением постановления (определения) о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям (пункты 5 и 6 ч. 1 ст. 24, пункты 4 – 6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ), а также лицам, незаконно или необоснованно подвергшимся принудительным мерам медицинского характера, в отношении которых постановление о применении указанных мер отменено;

2) *компенсационные производства* – предназначены для возмещения имущественного вреда, не связанного с незаконным или необоснованным уголовным преследованием или применением принудительных мер медицинского характера, а вызванного иными незаконными процессуальными действиями должностных лиц органов уголовной юстиции, и разделяются на:

- производства по возмещению вреда лицам, незаконно подвергшимся мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу (ч. 3 ст. 133 УПК РФ);

- производства по возмещению вреда юридическим лицам, причиненного в процессе уголовного судопроизводства незаконными действиями (бездействием) и решениями суда, прокурора, органов предварительного расследования (ст. 139 УПК РФ).

«Собственно-реабилитационные» и «условно-реабилитационные» производства объединены нами в одну подгруппу реабилитационно-восстановительных производств из следующих соображений. Во-первых, в отличие от компенсационных производств они обладают некоторыми общими, характерными для них чертами: а) предназначены для взыскания вреда, причиненного лицам, в отношении которых велось уголовное дело (уголовное преследование); б) фактической и правовой основой производств служит признание в итоговом (окончательном) решении по уголовному делу незаконности уголовного преследования или осуждения, или применения принудительных мер медицинского характера; в) в рамках этих производств возможно не только взыскать имущественный вред, но и восстановить иные нарушенные права. Во-вторых, оба производства имеют идентичную правовую (процедурную) регламентацию и на сегодняшний день включены законодателем в понятие реабилитации, что приходится учитывать, дабы не идти вразрез с действующим уголовно-процессуальным законом.

Компенсационные производства позволяют возместить за счет государства только имущественный вред, зато не ограничивают круг управомоченных на возмещение вреда субъектов лицами, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование. Для взыскания вреда в рамках компенсационных производств предусмотрены принципиально иные основания – отдельные незаконные процессуальные акты широкого круга действия, непосредственно не связанные с уголовным преследованием – для физических лиц диапазон актов ограничен действиями (мерами), сопряженными с процессуальным принуждением[1], для юридических лиц он фактически не лимитирован.

[1] Положения ч. 3 ст. 133 УПК РФ толкуются судебной практикой расширительно как по кругу лиц, так и по видам принуждения, распространяя действие данной нормы на любые, в том

При этом правовой основой для компенсационных производств, подтверждающей незаконность процессуальных актов, порождающих право на возмещение вреда, выступают не только итоговые, но и промежуточные решения по уголовному делу. Кроме того незаконность тех или иных процессуальных действий и решений, причинивших вред физическому или юридическому лицу, может быть установлена и констатирована не только в рамках производства по уголовному делу, но и в судебном решении по результатам судебно-контрольных производств, специально предназначенных для проверки законности и обоснованности действий и решений органов предварительного расследования и прокурора (ст. 125, ч. 5 ст. 165 УПК РФ), а также решениями вышестоящих судебных инстанций об отмене незаконных постановлений суда об избрании или продлении мер пресечения и других решений в порядке судебного контроля или об отмене незаконных судебных постановлений по вопросам, связанным с исполнением приговора, которыми неправомерно ущемлены права осужденного (необоснованная замена менее строго наказания на лишение свободы, незаконная отмена условного осуждения с направлением в места лишения свободы, заключение осужденного под стражу по п. 18 ст. 397 УПК РФ и т. д.), что также может повлечь причинение лицу имущественного вреда.

Таким образом, компенсационные производства, в отличие от реабилитационно-восстановительных, могут происходить не только от основного уголовного производства, но и от судебно-контрольного и даже судебно-исполнительного, быть ими обусловлены и «поддерживать» в этом случае взаимосвязь с одним из этих производств, а не с производством по уголовному делу.

числе следственные действие (выемка, обыск), имеющие принудительных характер, и в отношении любых участников судопроизводства, к которым эти меры были применены (Обобщение судебной практики по делам о признании права граждан на реабилитацию (Карелия), 2016 г.). Данная позиция находит поддержку и на доктринальном уровне: Сосновик Н. Ф. Возмещение вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам незаконным применением мер процессуального принуждения … С. 11, 20; Амирбекова Г. Г. Указ. соч. С. 10; Николюк В. В. 1) Возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам уголовно-процессуального принуждения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011.С. 11; 2) Возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам уголовно-процессуального принуждения. Омск, 2012. С.76–77.

Судебная статистика, к сожалению, не позволяет выделить все подвиды судебно-реабилитационных производств из общей массы иных судебных дел (материалов), учитываемых в разделе четвертом статистических отчетов о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции[1] и отследить точное их количество за отчетные периоды. В указанных статистических отчетах отдельными строками учитываются результаты по реабилитационно-восстановительным производствам в целом, а по компенсационным производствам, по всей видимости, частично – только по ходатайствам, рассмотренным в ходе досудебного производства, тогда как дела о возмещении имущественного вреда (компенсационные дела) могут быть инициированы и после завершения досудебного производства и возникать не только в связи с незаконными действиями органов предварительного расследования и прокурора, но и противоправными действиями и решениями самого суда.

Как следует из статистических данных значительного роста реабилитационных производств за исследованный период в России не отмечается (увеличилось только количество рассмотренных компенсационных дел), тем не менее, наблюдается определенная тенденция на увеличение количества положительных решений по результатам судебного рассмотрения как реабилитационных, так и компенсационных дел (*см. приложение № 1, таблица 8*).

Порядок ведения судебно-реабилитационных производств отличается унифицированностью (един для всех разновидностей производств), но в то же время и недостаточной регламентацией с учетом своей специфики. Основу процессуальной формы данного типа производства составляет порядок, предусмотренный ст. 399 УПК РФ, то есть предназначенный для проведения

[1] Отчеты Судебного департамента при Верховного Суде РФ «О работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» за 2018 – 2020 гг. (Форма № 1, раздел 4) // ГАС РФ «Правосудие» [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 10.06.2022).

судебно-исполнительных производств, который дополняется отдельными положениями главы 18 УПК РФ:

– ч. 2 ст. 135 УПК РФ устанавливает для подачи заявления-требования реабилитированного о взыскании имущественного вреда общий срок исковой давности, предусмотренный ГПК РФ, и определяет подсудность дел по рассмотрению данных требований;

– допускается заявление требования о возмещении имущественного вреда законным представителем реабилитированного (ч. 3 ст. 135 УПК РФ);

– для вынесения судебного постановления о производстве выплат в возмещение вреда установлен месячный срок со дня поступления соответствующего требования (ч. 4 ст. 135 УПК РФ).

Вместе с тем в законе не отражены иные особенности судебного разбирательства по реабилитационным и компенсационным делам, а они существуют и касаются правил подсудности, специфического круга субъектов процессуальных отношений, процессуальных сроков, предмета и порядка доказывания, собственного набора итоговых судебных решений. В судебных делах данного типа, помимо прокурора, появляются новые участники судопроизводства: реабилитированный, его представитель, законный представитель, заявитель (по делам о возмещении вреда, не связанного с реабилитацией), представитель Министерства финансов РФ (Управления Федерального казначейства), которые не упоминаются в Разделе II УПК РФ и не имеют четко определенного процессуального статуса.

При таких условиях суды, осуществляя правосудие в порядке реабилитации, вынуждены применять общие положения уголовно-процессуального закона, устанавливающие требования к проведению судебного разбирательства, заимствовать отдельные правила из гражданского судопроизводства и приспосабливать для нужд реабилитации несовершенные нормы статьи 399 УПК РФ. В частности, ввиду явных законодательных пробелов Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что суд, рассматривающий требования реабилитированного о возмещении вреда или восстановлении его в правах в порядке главы 18 УПК РФ,

вправе удовлетворить их или отказать в их удовлетворении полностью либо частично в зависимости от доказанности указанных требований представленными сторонами и собранными судом доказательствами (п. 10 постановления от 29.11.2011 г. № 17). Как видно из собранных соискателем статистических данных, немалая доля (до 10% и более) заявлений-ходатайств с требованиями о возмещении вреда и восстановлении нарушенных прав оставляется судами без удовлетворения (*см. приложение № 1, таблица 8*).

Итак, в завершение настоящей главы можем констатировать, что в современном российском уголовном процессе выделяются следующие типы самостоятельных судебных производств: основное производство по уголовному делу и производные от него судебно-контрольное, судебно-исполнительное и судебно-реабилитационное производства, каждое из которых предназначено для рассмотрения типичного для него судебного дела, подлежащего разрешению в порядке уголовного судопроизводства.

Наряду с типологическими различиями судебные производства сохраняют общность в рамках единой системы уголовного правосудия, обусловленную правовой природой, социальным назначением и единством судебной власти, которая реализуется в уголовном процессе посредством этих производств, единой аксиологической сущностью и общими целями уголовного правосудия, существующими между производствами взаимными связями и действием общих закономерностей построения и функционирования процессуальной деятельности уголовного суда по осуществлению правосудия.

ГЛАВА 5. ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-СТРУКТУРНОГО И ПРОЦЕДУРНОГО ПОСТРОЕНИЯ КОНТРОЛЬНЫХ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ И РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ ПРОИЗВОДСТВ

Основные характерные черты и свойства того или иного судебного производства со всей очевидностью и полнотой проявляются в первой и наиболее важной, центральной его части – производстве в суде первой инстанции. Здесь же обнаруживаются и представляющие интерес с точки зрения сравнительного анализа специфические организационно-правовые, структурные и процедурные особенности, присущие тому или иному типу и виду производств.

В последующих (проверочных) стадиях судебные производства по разнотипным судебным делам, рассматриваемым в порядке уголовного судопроизводства, достаточно унифицированы – пересмотр заключительных (итоговых) судебных решений по делам судебного контроля, по вопросам исполнения приговора и иных судебных решений, а также по делам реабилитации и возмещения или компенсации вреда проводится в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций в целом в единообразных с уголовными делами порядках (за исключением некоторых нюансов), которые хорошо изучены процессуальной наукой и получили достаточное освещение в юридической литературе, что позволяет в рамках настоящего исследования не отвлекаться на отдельные, непринципиальные процедурные моменты, сопровождающие пересмотр судебных дел в рамках «неосновных» (дополнительных) судебных производств, а раскрыть существенные и значимые для практики правоприменения отличия этих производств от производства по уголовному делу через их сравнение на этапе осуществления в суде первой инстанции.

§ 1. Специфика состязательных конструкций различных типов судебных производств

Согласно ч. 2 ст. 123 Конституции РФ правосудие в Российской Федерации во всех его видах осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Состязательность в уголовном судопроизводстве выступает в двух качествах: как системообразующая модель построения уголовных производств и как метод судебного познания фактических обстоятельств дела и юридических оснований его разрешения. По мнению М. С. Строговича, принцип состязательности имеет определяющее и решающее значение для всей системы уголовного процесса, поскольку «им определяется положение субъектов процесса, их права и обязанности и взаимоотношения друг с другом и с судом»[1]. От себя добавим, что состязательное начало во многом определяет и содержание, и направленность уголовно-процессуальной деятельности суда.

Состязательная форма органически присуща любому судебному разбирательству, поскольку наиболее соответствует природе и сущности правосудия в его современном понимании. Если состязательное начало удалить из судебной деятельности, последняя, как показывает исторический опыт, неизбежно меняет свою суть и трансформируется из правосудной в административную либо в следственно-розыскную, в «квазисудебную», «псевдоправосудную».

Состязательная модель правосудия базируется на признании наличия у субъектов общественных отношений разноплановых, зачастую противоположных интересов, предполагает их столкновение и развитие на этой почве конфликтной правовой ситуации, подлежащей урегулированию посредством правосудия, поэтому предусматривает решающую роль независимого и не связанного

[1] Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. С. 103.

интересами сторон суда, призванного разрешить правовой спор и тем самым нейтрализовать возникший конфликт. При этом состязательная конструкция процесса предоставляет сторонам равные потенциальные возможности для отстаивания своих интересов, позволяет суду равноценно учитывать противостоящие, нередко антагонистические интересы и находить между ними разумный баланс, обеспечивая тем самым справедливое разрешение конфликта.

Состязательная конструкция уголовного процесса, как известно, также характеризуется наличием двух противоположных сторон – обвинения и защиты, их процессуальным равноправием (в судебном производстве), разделением в уголовно-процессуальной деятельности функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела и наличием независимого от сторон суда, выполняющего исключительно функцию разрешения дела (или функцию правосудия)[1]. Так представляется типичная (классическая) модель состязательного процесса, рассчитанная на осуществление правосудия по уголовному делу с предъявленным обвинением (*см. схему 12*).

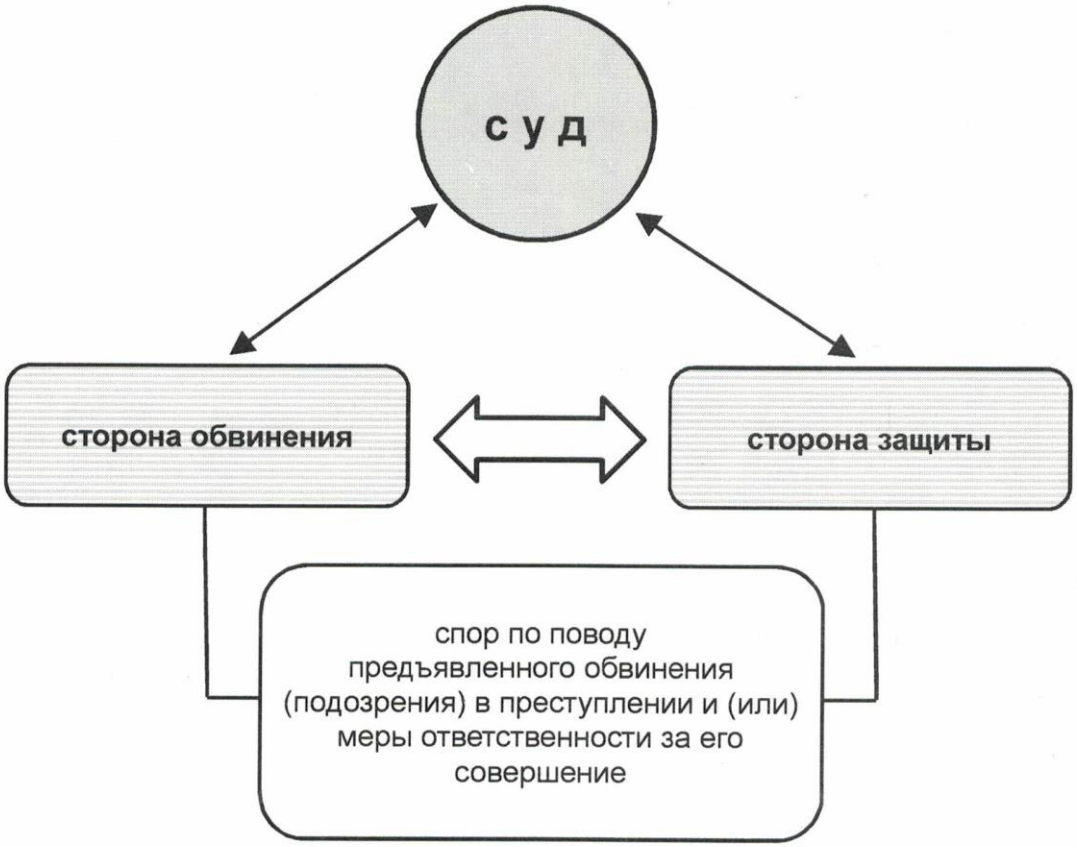
Но, как показано ранее, в современной российской системе уголовного правосудия деятельность суда не ограничивается рассмотрением уголовных дел и помимо их разрешения направлена на выполнение других разнообразных задач, реализуемых в различных уголовных производствах на разных этапах уголовного судопроизводства. При этом судебное разбирательство по любому юридическому делу, в том числе по делам судебного контроля, реабилитационным и компенсационным делам, а также по вопросам, связанным с исполнением судебных решений, в силу действия уголовно-процессуального принципа состязательности (ст. 15 УПК РФ) должно быть встроено в состязательную процессуальную форму независимо от стадии уголовного процесса[2].

---

[1] Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т.1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. С. 149; Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб, 2001 С. 18–19; Резепкин А. М. Элементы состязательности в российском досудебном производстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 12; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации /отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2009. С. 270; Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М., 2017. С. 300.

[2] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2000 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений частей 3, 4 и 5 статьи 377 УПК РСФСР в связи с

Схема 12. Состязательное построение судебного производства по уголовному делу с предъявленным обвинением



В действительности деятельность уголовного суда, за редким исключением, так и осуществляется – в соответствии с указанным принципом, чему способствует последовательная позиция Верховного Суда РФ, давшего на этот счет судам вполне определенные указания. Так, в п. 2 уже упомянутого постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 разъясняется, что рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, осуществляется в форме правосудия, а это значит – с соблюдением принципов правосудия, в том числе принципа состязательности.

жалобами граждан А. Б. Аулова, А. Б. Дубровской, А. Я. Карпинченко, А. И. Меркулова, Р. Р. Мустафина и А. А. Стубайло» // СЗ РФ. 2000. № 8. Ст. 991.

Среди судебно-контрольных производств состязательный характер судебного разбирательства наиболее полно и явно выражен в процессуальных порядках рассмотрения ходатайств о применении к обвиняемому (подозреваемому) мер пресечения и продлении сроков их действия (статьи 106 – 109 УПК РФ), а также жалоб на действия (бездействие) и решения прокурора и органов предварительного расследования (статьи 125 и 125.1 УПК РФ). И это не случайно. Как верно отмечают О. В. Качалова и В. И. Качалов, «принятие индивидуализированных решений о применении мер пресечения и реализация презумпции свободы невозможно вне состязательной судебной процедуры, предусматривающей гарантии беспристрастного и справедливого рассмотрения доводов сторон, находящихся в равном положении»[1]. Пленум Верховного Суда РФ применительно к вышеуказанным категориям судебно-контрольных дел особо подчеркнул, что их рассмотрение «происходит по правилам состязательного судопроизводства»[2], «осуществляется в условиях состязательности и равноправия сторон»[3].

Состязательное начало присутствует (возможно, не всегда так явно как при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ) и в других видах судебных производств. Следует заметить, что некоторые из них – контрольные и исполнительные – осуществляются с использованием процедур, предусмотренных статьями 108 и 125 УПК РФ, по прямому указанию закона либо по аналогии. Обозначая наличие сторон по делам о возмещении вреда и восстановлении прав реабилитированного, Верховный Суд РФ тем самым признает, что и судебно-реабилитационные производства осуществляются на началах состязательности (п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 г. № 17).

---

[1] Качалова О. В., Качалов В. И. Заключение под стражу в качестве меры пресечения: обоснованность применения и продления: учебно-методические материалы. М., 2019. С. 49.

[2] Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ».

[3] Пункт 49 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога».

Отдавая отчет тому, что в процессуальной науке вопрос о действии принципа состязательности в досудебном производстве и в так называемой стадии исполнения приговора весьма дискуссионен[1], соискатель, тем не менее, исходит из убеждения, что на всех этапах судопроизводства принцип состязательности присутствует и реализуется, но в «неосновных» (дополнительных) судебных производствах проявляется своеобразно, и это обусловлено спецификой этих производств, которая позволила выделить их в отдельные (от уголовного дела) категории судебных дел.

Что означает состязательный характер судебных производств? Прежде всего то, что инициатива в возбуждении судебной деятельности находится в руках сторон, суд «подключается» к предварительному производству, «вмешивается» в исполнение приговора или приступает к реабилитационным процедурам только на основании инициативного обращения одной из сторон. Сторона выдвигает правовое требование, суд привлекает к разбирательству противоположную сторону, потенциально имеющую иной интерес. Рассмотрение поступившего обращения происходит, как правило, в открытом судебном

---

[1] Подробнее по этому вопросу см.: Гришин А. И. Состязательность уголовного судопроизводства и предварительное расследование // Правоведение. 1998. № 1. С. 176–178; Болтошев Е. Д. К вопросу о состязательности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства России // Российский судья. 2001. № 10. С. 14–17; Лукашевич В. З., Чичканов А. Б. Принцип состязательности и равноправия сторон в новом УПК РФ // Правоведение. 2002. № 2. С. 102–109; Бахин В. П., Карпов Н. С. Состязательность или ее видимость? // Материалы международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания». М., 2004. С. 88–91; Митрофанова Е. В. Действие принципа состязательности сторон в досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2004; Химичева Г. П. Принцип состязательности сторон и его роль в совершенствовании УПК Российской Федерации // Там же. С. 91–94; Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве. С. 28–30; Даровских С. М. Механизм реализации принципа состязательности в стадии исполнения приговора // Вестник ЮУрГУ. 2009. № 6. С. 24–27; Волторнист О. А., Деришев Ю. В., Романовский М. Э. Проблемы соотношения досудебного и судебного производства в уголовном процессе России. М., 2009. С. 69–100; Божьев В. П. Состязательность на предварительном следствии // Божьев В. П. Избранные труды. М., 2010. С. 466–475; Воронин О. В. О состязательности в стадии исполнения приговора // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2010. № 1. С. 53–58; Камардина А. А., Левченко О. В. Реализация принципов уголовного судопроизводства судом в стадии исполнения приговора. М., 2013. С. 82–90; Левченко О. В., Гужва О. В., Караева А. А. Рассмотрение судом вопросов, связанных с исполнением приговора. М., 2018. С. 58–59; Цоколова О. И., Безруков С. С. Проблемы реализации принципа состязательности при избрании меры пресечения // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2019. № 33. С. 175–186.

заседании, в котором стороны обладают равными процессуальными правами на заявление ходатайств, предоставление доказательств, участие в их исследовании, доведение до суда собственной позиции по рассматриваемому вопросу и обжалование завершающего (итогового) судебного решения. Суд исследует представленные каждой стороной доказательства и материалы, а также выслушивает мнения и позиции сторон с одинаковой тщательностью и в определенной последовательности: сначала исходящие от стороны, обратившейся к суду с просьбой (заявлением, ходатайством, жалобой), затем – от стороны противоположной, возражающей. Суд принимает окончательное решение по существу дела только при условии, что инициатор обращения в суд не отказался от своих притязаний, в противном случае (отказ от обвинения, ходатайства, отзыв жалобы, представления и т. п.) прекращает соответствующее производство без разрешения основного вопроса судебного дела. Данный порядок по ключевым моментам аналогичен рассмотрению уголовного дела, для которого состязательные процедуры прописаны в законе более детально.

Поскольку действие принципа состязательности в основном судебном производстве по рассмотрению уголовного дела широко и всесторонне исследовано процессуальной наукой и не вызывает серьезных разночтений (за исключением, пожалуй, вопроса об активности суда в процессе доказывания)[1],

[1] См.: Строгович М. С.: 1) Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939; 2) Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 149–156; Мотовиловкер Я. О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. Ярославль, 1978. 62–93; Савицкий В. М. Язык процессуального закона. Вопросы терминологии. М., 1987. С. 234–268; Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России. Лекции-очерки / Под ред. В. М. Савицкого. М., 1997. С. 53–59; Ковтун Н. Н. О роли суда в доказывании по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности процесса // Государство и прав. 1998. № 6. С. 59–63; Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб, 2001; Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса. СПб., 2001; Лукашевич В. З., Чичканов А. Б. Принцип состязательности и равноправия сторон в новом УПК РФ // Правоведение. 2002. № 2. С. 102–109; Алиев Т. Т., Громов Н. А., Зейналова Л. М., Лукичев Н. А. Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве: Учебное пособие. М., 2003; Кузнецова О. Д. Проблемы реализации принципа состязательности при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Калининград, 2004; Кирилова Н. П. Состязательность судебного разбирательства и установление истины по делу // Правоведение. 2008. № 1. С. 93–100; Ляхов Ю. А. Конституционный принцип состязательности уголовного судопроизводства и права личности // Российская юстиция. 2014. № 3. С. 57–59; Козявин А. А. Актуальные проблемы

более актуальным представляется исследование проблемных вопросов реализации состязательности в «нетрадиционном» для уголовного правосудия виде (формах). Поэтому дальнейшее внимание диссертанта в контексте поставленного вопроса обращено на судебные производства, не связанные с разрешением уголовного дела, и уделено сравнительному анализу их состязательного построения.

Вместе с общими закономерностями, присущими любому судебному разбирательству, состязательное построение иных судебных производств в отличие от традиционного порядка рассмотрения уголовных дел имеет существенные особенности, обусловленные особым назначением того или иного вида деятельности уголовного суда, специфическим характером конфликтного правоотношения и содержанием соответствующего ему процессуального обращения – предмета судебного рассмотрения. Эти особенности связаны с качественно иным составом сторон, их ролевыми установками, инициированием (возбуждением) производств, появлением новых участников судебного разбирательства, процессуальными статусами участвующих в судебном производстве субъектов (их неопределённостью и недостаточной урегулированностью), выражаются также в специфике познавательной деятельности суда, предмета доказывания и используемых средств доказывания.

Итак, перейдем к последовательному рассмотрению перечисленных особенностей.

Характер и содержание конфликтного отношения. Данный признак лежит в основе правового вопроса (спора), вынесенного на разрешение уголовного суда и является главным, детерминирующим другие специфические особенности судебного производства. Ключевым моментом является то, что правовой спор по судебно-контрольным делам, делам исполнения приговора или иного судебного решения, реабилитационным и компенсационным делам ведется

состязательности судебного разбирательства по уголовному делу // Теория уголовного процесса: состязательность: монография / под ред. Н. А. Колоколова. Ч. 1. М., 2013. С.115–127; Алтынникова Л. И. Особенности реализации принципа состязательности сторон в апелляционном производстве по уголовным делам. М., 2018.

не по поводу выдвинутого обвинения, как в уголовном деле, а по вопросу законности и обоснованности ограничения конституционных прав и свобод личности органами и должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование (судебно-контрольные производства) либо по вопросам корректировки, обеспечения исполнения судебного решения или их конкретизации (судебно-исполнительные производства). В судебно-реабилитационном производстве спор может возникнуть по поводу факта, характера и размера взыскиваемого вреда или объема восстанавливаемых прав.

В основе правового спора по анализируемым делам лежит конфликт между государством и личностью, который возникает и развивается на противоречии публичного и частного интересов. Суть противоречий и соответственно развивающихся на их почве конфликтов в каждой из категорий дел различна. В судебно-контрольных производствах она выражается в соперничестве «между публичным интересом, связанным с необходимостью обеспечить беспрепятственное движение уголовного дела и установление его юридически значимых обстоятельств, и частными интересами конкретных носителей конституционных прав и свобод»[1]. Суд посредством судебного контроля разрешает в условиях состязательного судебного заседания социально-правовой конфликт по поводу ограничения прав и свобод личности между органами уголовного преследования (иначе – обвинительной власти) и конкретным участником уголовного судопроизводства[2].

Под *обвинительной властью* обычно понимается способность органов дознания, предварительного следствия и прокурора посредством специальных властных процессуальных полномочий осуществлять в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, уголовное преследование – деятельность стороны обвинения по изобличению подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, предъявлению от имени государства официального обвинения и его поддержания (отстаивания) в суде – в целях обеспечения реализации

[1] Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. М., 2013. С. 328–329.

[2] Резепкин А. М. Указ. соч. С. 17.

уголовной ответственности[1]. Но следует заметить, что используемое для трактовки обвинительной власти понятие «уголовное преследование» обычно воспроизводится для научных целей в объеме, определенном п. 55 ст. 5 УПК РФ, который не охватывает всей деятельности обвинительных органов. В этой связи И. С. Дикарев обоснованно обращает внимание на необходимость включения в понятие уголовного преследования всей процессуальной деятельности стороны обвинения, связанной с уличением лица в совершении общественно-опасного деяния и направленной не только на привлечение его к уголовной ответственности, но и на применение в установленных законом случаях к этому лицу иных мер уголовно-правового характера[2].

По судебно-исполнительным делам, связанным с исполнением приговора (в части наказания), противоречия интересов заключаются в том, что общество и государство заинтересованы в восстановлении социальной справедливости, предупреждении новых преступлений и надлежащем исправлении осужденного (ч. 2 ст. 43 УК РФ) посредством исполнения в указанных целях наказания, назначенного по приговору суда и при необходимости скорректированного судом в процессе его применения, а индивидуум, претерпевающий заложенное в наказании ограничение личных прав и свобод, вполне естественно противится предлагаемому повышению уровня правоограничений, стремится добиться ослабления степени применяемой к нему уголовной репрессии или избавиться от нее вовсе. В результате столкновения этих интересов потенциально между исполнительной властью в лице исполняющих наказание государственных органов и осужденным, несущим бремя уголовного наказания, может возникнуть правовой спор по поводу корректировки установленного приговором правового режима ограничений прав и свобод осужденного.

---

[1] См.: Лазарева В. А. Проблемы реализации состязательности в уголовном процессе // Теория уголовного процесса: состязательность: монография / под ред. Н. А. Колоколова. Ч. 1. М., 2013. С. 137–138.

[2] См.: Дикарев И. С. Дефекты понятийного аппарата теории состязательного уголовного процесса // Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А. С. Александрова. М., 2015. С.194–200.

По реабилитационным делам и делам о возмещении вреда противоречие интересов проявляется проще и выглядит более банально: реабилитированный или иное лицо, в отношении которого в ходе уголовного судопроизводства допущено беззаконие, стремится взыскать как можно большую сумму, получить, так сказать, «полную сатисфакцию», нередко с прибытком, а государство в лице финансового органа всегда заинтересовано (из соображений недопущения необоснованных расходов и экономии бюджетных средств) выплатить компенсацию как можно в меньшем размере, по крайней мере «не оплачивать лишнего» – не компенсировать вред, который досконально не подтвержден в судебном заседании.

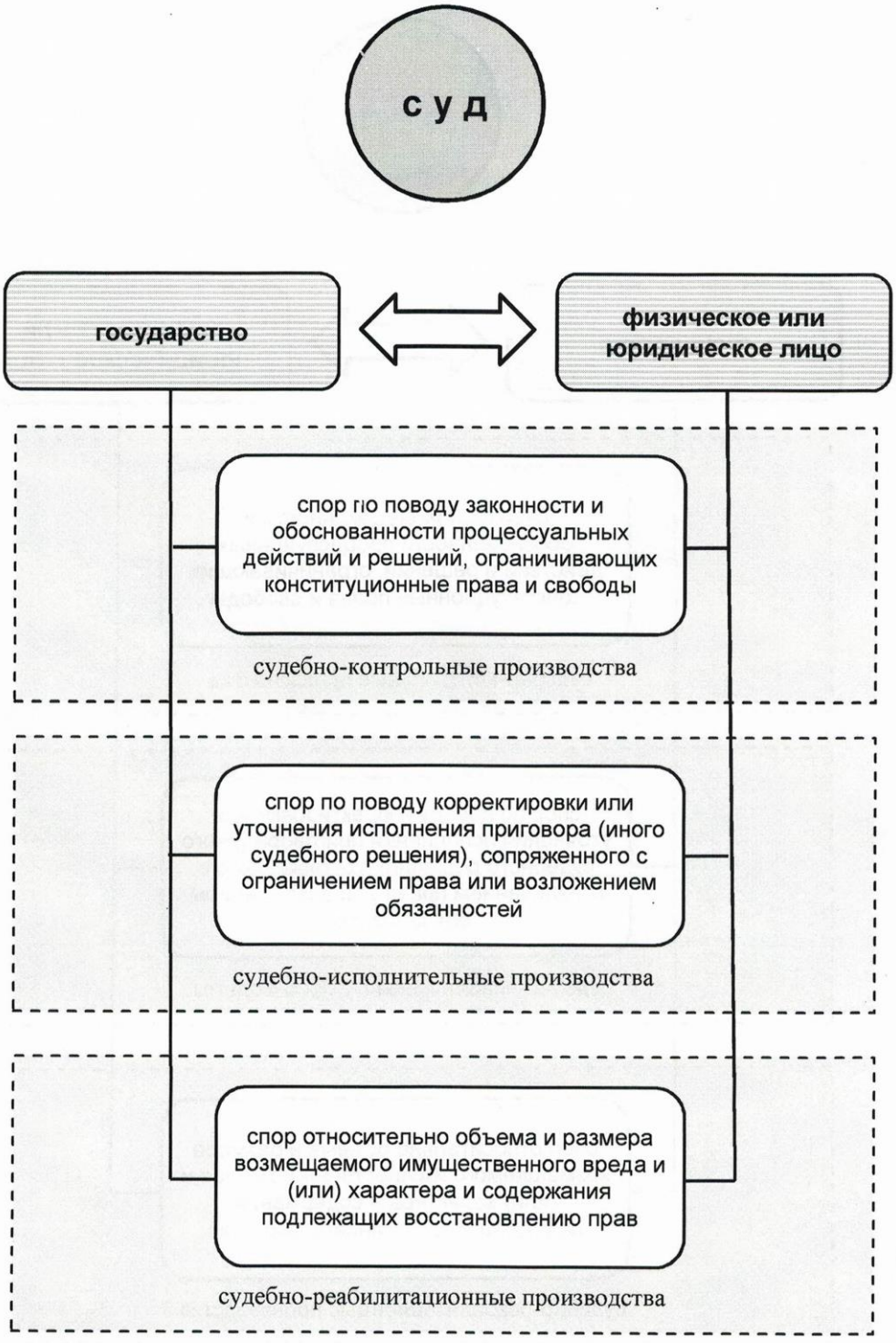
Хотя государство и признает на законодательном уровне ответственность за вред, причиняемый незаконными действиями его органов и должностных лиц (ст. 53 Конституции РФ, ст. 1069 ГК РФ) и возложило на себя обязанность возмещать гражданину и юридическому лицу вред, причиненный в результате необоснованного уголовного преследования (в отношении граждан) и другой незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, *в полном объеме* (ст. 1070 ГК РФ, ч.1 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ), это не исключает возникновения по конкретным делам спорных правовых ситуаций относительно объема и размера возмещаемого вреда, что подтверждается судебной практикой, изобилующей примерами обжалования судебных постановлений о взыскании в порядке гл. 18 УПК РФ имущественного вреда как представителями финансовых органов[1], так и реабилитированными[2].

---

[1] См., например: постановление Президиума Воронежского областного суда от 24.10.2018 г. по делу № 44У-78/2018; постановление Президиума Приморского краевого суда от 28.10.2019 г. по делу № 44–212/2019; апелляционные определения Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 18.01.2021 г. по делу № 55-12/2021; апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 21.05.2020 г. по делу № 55-228/2020; апелляционные определения Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 01.03.2021 г. по делу № 55–91/2021 и от 03.03.2021 г. по делу № 55–88/2021; апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 02.10.2020 г. по делу № 55-493/2020; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2021 г. № 77-720/2021; определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20.10.2020 г. № 77-2661/2020 // Данные судебные решения не опубликованы. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: постановление Президиума Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 25.10.2018 г. № 44У-98/2018; апелляционное определение Первого апелляционного суда общей

Схема 13. Конфликтное отношение в «неосновных» судебных производствах



юрисдикции от 23.12.2020 г. № 55-2072/2020; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17.12.2020 г. № 77-3439/2020 // Решения не опубликованы. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, спор по делам (вопросам), рассматриваемым в «неосновных» (дополнительных) судебных производствах, если его рассматривать обобщенно, носит публично-правовой характер и возникает между государством в лице указанных властных субъектов и физическим (или юридическим) лицом, вовлеченным в уголовное судопроизводство, независимо от процессуального статуса индивидуума и его отношения к преступлению *(см. схему 13).*

Характеристика субъектного состава сторон. Появление в судебных делах сторон детерминировано наличием потенциального правового спора. При этом специфический характер правового спора по иным (не уголовным) делам определяет и свойственный ему состав его участников и придает сторонам иное качественное состояние.

Понятно, что вне уголовного дела никто никого официально не обвиняет в совершении преступления и обвинять не может, а предъявленное обвинение или существующее подозрение в причастности к преступлению не являются основным предметом судебного рассмотрения и проверки в «неосновных» судебных производствах. К моменту возникновения судебно-исполнительных и судебно-реабилитационных производств данный вопрос вообще оказывается разрешенным судом в рамках основного производства по уголовному делу. Поэтому сторона обвинения и сторона защиты в привычном их понимании, характерном для уголовного дела, в судебно-контрольных, судебно-исполнительных и судебно-реабилитационных производствах, как ни парадоксально, отсутствуют. Однако данное обстоятельство само по себе не умаляет, как полагают некоторые авторы[1], действие принципа состязательности. Попытаемся разобраться, кто в таком случае состязается в судебном заседании.

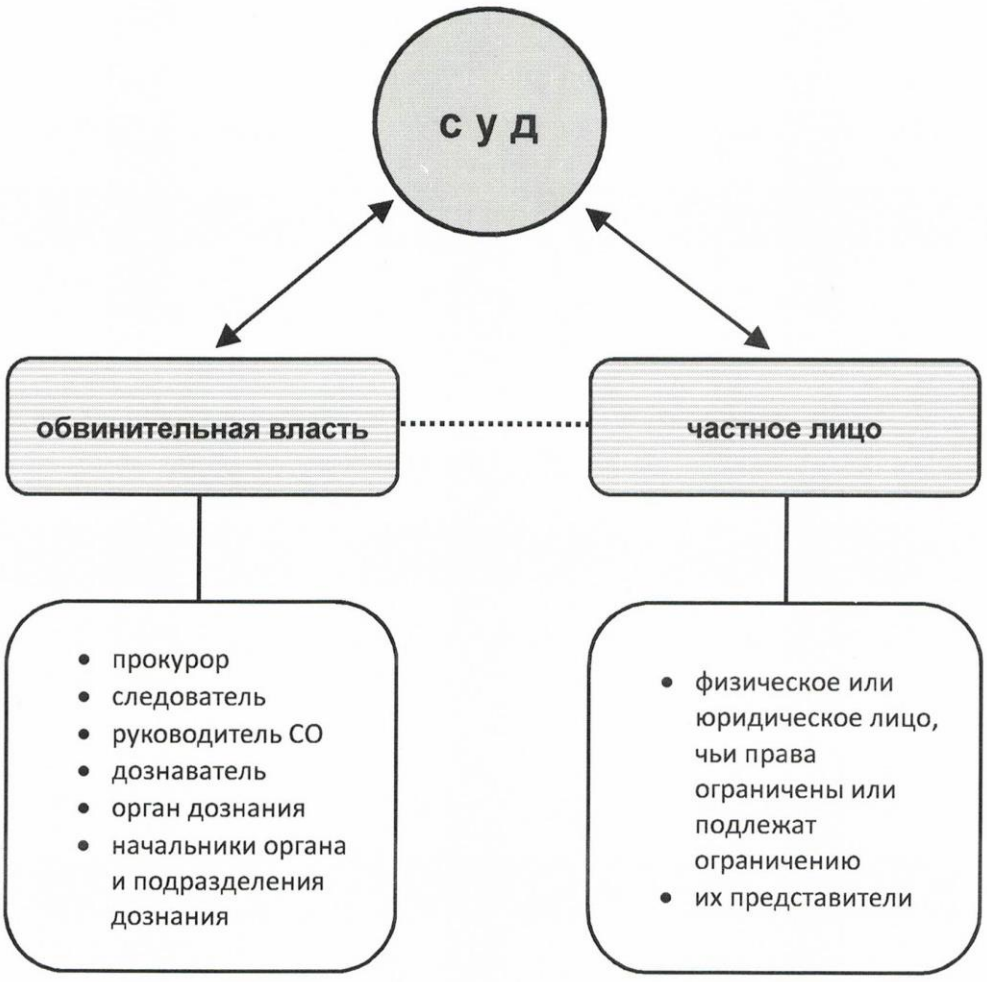
1. *Судебно-контрольные производства.*

Ввиду того, что судебно-контрольное производство предназначено для разрешения правового конфликта (спора), вызванного потребностью

[1] Каштанова Н. С., Колбина В. А. Судебный контроль в уголовном процессе России // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 1 (50). С. 223–227.

обвинительной власти ограничить индивидуальное право или свободу, и инициируемое или примененное ею правоограничение может коснуться любого из вовлекаемых в уголовное судопроизводство субъектов, а не только обвиняемого или подозреваемого, стороны в делах судебного контроля могут не совпадать со сторонами (обвинения и защиты) по основному уголовному делу, а субъекты уголовно-процессуальной деятельности могут перемещаться «на другую сторону», но в любом случае в данной категории судебных дел присутствуют и противоборствуют две стороны, как бы их не называли (*см. схему 14*).

Схема 14. Стороны в судебно-контрольных производствах



Ввиду того, что дела судебного контроля производны от основного уголовного дела, их участниками чаще всего являются одни и те же субъекты

процесса: следователь, прокурор, обвиняемый, защитник, потерпевший и т.д., но при «переходе» в судебно-контрольное производство их процессуальный статус существенно изменяется. Так, например, следователь в судебном заседании утрачивает все свои властные полномочия и наделяется равными процессуальными правами с обвиняемым и иными участниками судебного разбирательства. При этом следователь выступает в суде не столько как лицо, расследующее уголовное дело, сколько как субъект публичной власти, ограничивший или намерившийся ограничить конституционные права и свободы частного лица, и доказывающий суду правомерность своих действий и решений.

При рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ все лица, законность ограничения прав которых проверяется судом, приобретают процессуальный статус особого субъекта – заявителя, не относящегося ни к стороне обвинения, ни к стороне защиты, и в рамках данного судебно-контрольного производства не пользуются тем статусом (обвиняемого, потерпевшего, истца и т. д.), которым наделены в связи с участием в уголовном деле.

По нашему мнению, спорящими сторонами в судебно-контрольных делах являются: «*обвинительная власть*» – государственный орган или должностное лицо, осуществляющее предварительное производство по уголовному делу, и «*частное лицо*» – физическое или юридическое лицо, чьи интересы существенным образом затрагиваются противной стороной.

Исходя из такого понимания состязательной сути судебно-контрольных производств, представляется лишенным каких-либо оснований встречающееся в научной литературе утверждение о том, что следователь «является участником правосудия», что в ходе судебного заседания он «действует совместно и согласованно с судом»[1]. Очевидно, что на следователя и на суд возложены различные задачи, и в судебном контроле они выполняют присущие только им роли, обусловленные их функциональным назначением.

[1] Ерохина О. С. Участие следователя в судебном заседании в ходе досудебного производства по уголовному делу: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 14.

Орган правосудия априори не может (и не должен) согласовывать свою деятельность с действиями следователя, являющегося стороной по делу, и их деятельность по определению не может быть «совместной». Также несовместимыми с положением следователя как стороны в судебно-контрольном деле выглядят допущение о возможности его отвода в судебном заседании и предложение о возложении на суд обязанности разрешать такой отвод[1]. Можно заключить, что подобные взгляды наглядно демонстрируют непонимание истинной роли и положения следователя в судебно-контрольном производстве.

Субъектный состав сторон в делах судебного контроля также заметно отличается от состава стороны обвинения и стороны защиты в уголовном деле, и эта особенность состязательности судебно-контрольных производств непосредственно связана с предыдущей. Властные субъекты, осуществляющие производство по делу и отнесенные законодателем к стороне обвинения – прокурор, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, орган дознания, начальники органа дознания и подразделения дознания – остаются в одной группе участников и образуют ту сторону в судебно-контрольных делах, которая обозначена как «обвинительная власть».

В то же время другие участники уголовного дела, выступающие в основном производстве на стороне обвинения (потерпевший, гражданский истец и их представители), при возникновении судебно-контрольного производства «перемещаются» на сторону, условно названную нами термином «частное лицо», при условии, что проверяемое судом процессуальное действие непосредственно затрагивает их конституционные права и свободы (ограничивает или создает угрозу нарушения), либо привлекаются к судебному разбирательству в качестве «третьего лица» – иного лица, чьи интересы могут быть затронуты завершающим судебно-контрольное производство судебным решением.

Для примера разберем следующую ситуацию. В уголовном деле процессуальный интерес потерпевшего, желающего восстановить свои нарушенные преступлением права, заключается в изобличении, признании

[1] Там же. С. 17.

виновным и осуждении лица, совершившего преступление. Устремления следователя, исполняющего свой служебный долг по расследованию этого дела, выливаются в аналогичный процессуальный интерес. Потенциальное (чаще всего и фактическое) совпадение процессуальных интересов данных субъектов предопределяет выполнение ими общей функции обвинения и отнесение их к стороне обвинения. В ходе расследования дела между потерпевшим и следователем возможен правовой конфликт, связанный с принудительным ограничением конституционного права потерпевшего посредством выполнения какого-нибудь следственного действия, применения мер принуждения или в результате принятия того или иного процессуального решения. При обжаловании такого действия или решения следователя в суд в порядке ст. 125 УПК РФ потерпевший и следователь ввиду конфликта интересов «расходятся по разные стороны баррикад» и не могут выступать на одной стороне. Нельзя не признать, что при судебном рассмотрении такой жалобы потерпевший и следователь – противоборствующие стороны, но уже принципиально иные, чем определено главами 6 и 7 УПК РФ, в противном случае пришлось бы допустить ситуацию, парадоксальную с точки зрения привычного для уголовного дела восприятия состязательности – спор стороны обвинения со стороной обвинения (или спор «с самим собой»).

Помимо указанных субъектов – потерпевшего, гражданского истца и их представителей) – на стороне «частное лицо» в делах судебного контроля могут также выступать (и выступают чаще других) субъекты, которые в рамках уголовного дела относятся к стороне защиты, а именно: обвиняемый, подозреваемый, защитник, законный представитель обвиняемого и подозреваемого, гражданский ответчик и его представитель. Кроме того, в качестве частного лица, чьи права и свободы оказываются объектом защиты посредством судебного контроля, может предстать любой иной субъект, не относящийся ни к стороне обвинения, ни к стороне защиты и (или) вовсе не привлеченный к производству по уголовному делу, но чьи права и свободы ставятся под угрозу нарушения. Наиболее характерные случаи – изъятие в

качестве доказательств материальных объектов и арест имущества, принадлежащих не участникам производства по уголовному делу, а сторонним гражданам и организациям.

Таким образом, в судебно-контрольных производствах имеем отличные от уголовного дела спорящие стороны, формируемые вследствие и на основе не уголовно-правого, а *процессуального конфликта* по поводу ограничения индивидуальных прав и свобод в ходе досудебного производства по уголовному делу.

2. *Судебно-исполнительные производства*.

Как справедливо отмечается в научной литературе, процессуальные статусы участников судебных производств по делам исполнения приговора в законе должным образом не урегулированы, «размыты», последовательно не выдержаны, «характеризуются фрагментарным регулированием»[1], что затрудняет определение действительной роли каждого из них в анализируемых уголовных производствах и их четкое размежевание, а это в свою очередь препятствует эффективному правоприменению. Тем не менее, «недостатки законодательной техники не должны мешать выяснению существа вопроса»[2], они не могут аннулировать состязательную природу уголовного правосудия.

Думается, не случайно, а вполне логично и оправдано в делах по вопросам исполнения приговора и иных судебных решений участвующий в деле прокурор именуется «прокурором», а не государственным обвинителем, а адвокат, представляющий интересы осужденного, – «адвокатом», а не защитником[3]. На

---

[1] Крымов А. А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 17, 38–39; Тябина Ю. А. Уголовно-процессуальные правоотношения в стадии исполнения приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 21–25.

[2] Бибило В. Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. Минск, 1986. С. 90.

[3] Упоминание в ч. 3 ст. 398 УПК РФ защитника в качестве субъекта, управомоченного возбуждать перед судом вопрос об отсрочке исполнения приговора не указывает на участие адвоката в судебно-исполнительном производстве именно в статусе защитника и поэтому не противоречит положениям ст. 399 УПК РФ, а, объясняется тем обстоятельством, что применение отсрочки исполнения приговора (наказания) по основаниям ст. 398 УПК РФ предусмотрено в первую очередь (и чаще применяется на практике) при вынесении приговора,

процессуальной арене появляются новые субъекты уголовного процесса – государственные органы и учреждения, исполняющие наказание и иные меры уголовно-правового характера, а также «компетентные органы иностранного государства», инициирующие смену места дальнейшего исполнения лишения свободы (ст. 469 УПК РФ), которые не отнесены законодателем ни к одной из сторон (ни к обвинению, ни к защите), являющихся обязательным элементом состязательной конструкции разбирательства уголовного дела.

Да и осужденный – не просто «переименованный» в соответствии с ч. 1 ст. 47 УПК РФ обвиняемый, а субъект с изменившимся правовым статусом. В рамках производства по уголовному делу, которое может продолжаться в апелляционной, кассационной и надзорной стадиях, осужденный остается стороной защиты, имея возможность защищать свои интересы путем оспаривания подтвержденного судом обвинения и назначенного наказания, но в производствах по вопросам исполнения наказания сторона обвинения отсутствует, следовательно, и осужденный выступает в ином процессуальном качестве[1].

Хотя осужденный и отстаивает (защищает) собственные личные права и интересы, ни он, ни его адвокат не могут именоваться стороной защиты, поскольку в привычном восприятии сложившейся модели уголовного судопроизводства сторона защиты может противостоять только стороне обвинения, и ее появление и функционирование производно от уголовного преследования. В рамках судебно-исполнительных производств осужденный не «защищается от обвинения», а «защищает свои интересы» теми же процессуальными средствами, которые доступны любому другой заинтересованному в деле лицу.

то есть в рамках основного производства по уголовному делу, в котором адвокат, реализуя указанное право, как раз и пребывает в статусе защитника.

[1] Согласно позиции Конституционного Суда РФ на стадии исполнения приговора осужденный не подвергается уголовному преследованию и может выступать в качестве заявителя, что придает специфику судебному разбирательству и отражается на порядке судебного заседания, предусмотренного ст. 399 УПК РФ (см.: Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 г. № 3335-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Санникова Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 399 УПК РФ» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

В. И. Качалов в этой связи пишет, что содержание права осужденного на защиту в стадии исполнения приговора «приобретает в некоторой степени другой, нежели на предыдущих этапах производства по делу, смысл»[1]. Мы же считаем, что предоставленное обвиняемому в рамках уголовного дела «право на защиту» (в значении ст. 47 УПК РФ) после его осуждения и начала исполнения приговора заменяется в судебно-исполнительном производстве на более общее *«право на судебную защиту»*, принадлежащее каждому гражданину (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ). В связи с этим обратим внимание, что и Пленум Верховного Суда РФ применительно к разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, ведет речь о реализации осужденным именно права «на судебную защиту», а не специфического «права обвиняемого на защиту» (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 г. № 21).

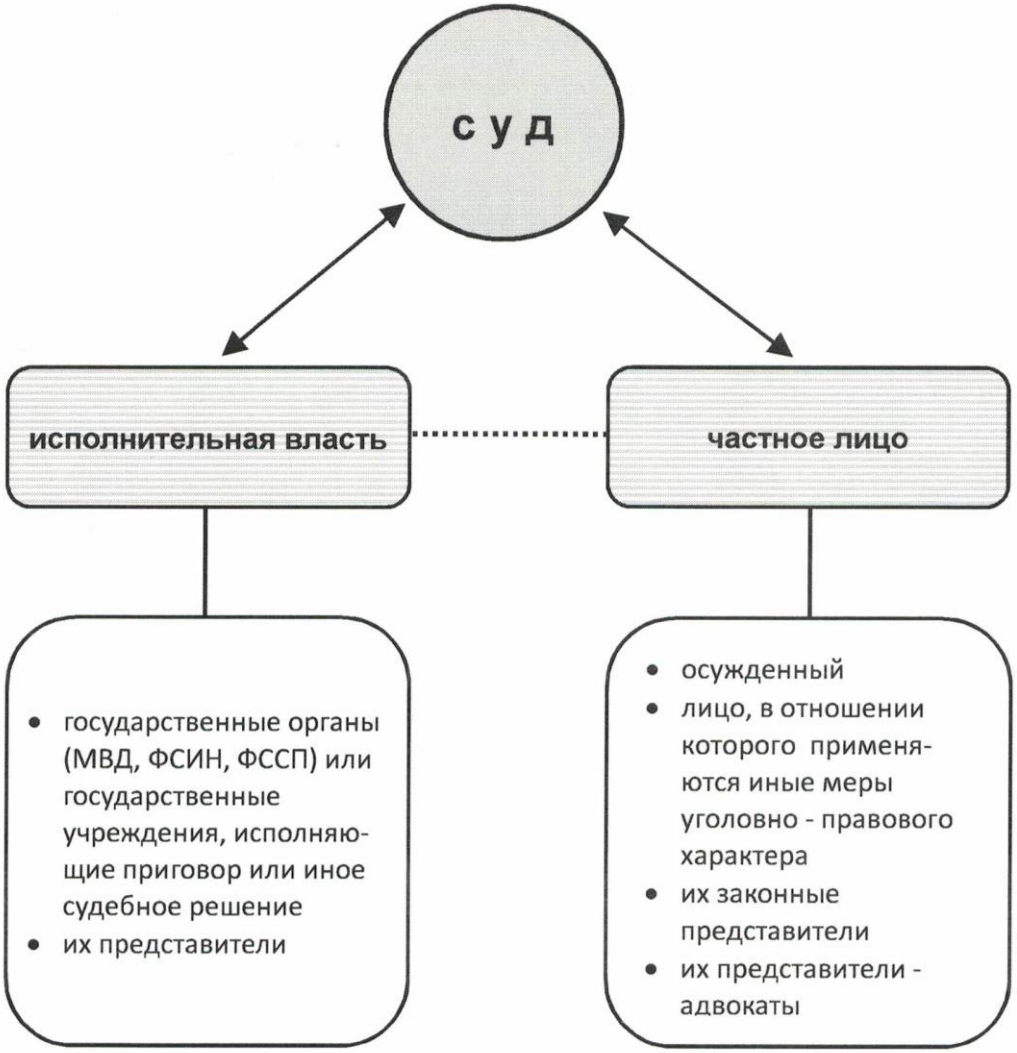
Тем не менее, отсутствие противоборства обвинения и защиты не устраняет, как полагает ряд авторов, состязательности судебного производства в данных делах. Состязание сохраняется, оно трансформируется, а вернее сказать, возникает заново и наполняется иным смыслом и содержанием. В отличие от уголовного дела спорящие стороны здесь формируются вследствие и на основе правового конфликта, вызванного не фактом преступного деяния, а иными обстоятельствами – событиями и действиями, дающими повод и основания для изменения правого режима ограничения индивидуальных прав и свобод, установленного приговором. В судебном разбирательстве противостоят («соперничают»), с одной стороны, государственные органы и учреждения, исполняющие наказание и призванные отстаивать в суде публичный интерес, с другой – осужденный, преследующий свой личный (частный) интерес. Таким образом, сторонами по судебно-исполнительному делу являются «*исполнительная власть»* и *«частное лицо»*.

На стороне исполнительной власти выступают государственные органы и учреждения МВД, ФСИН, ФССП, специальные медицинские и воспитательные

[1] Качалов В. И. Право осужденного на защиту в стадии исполнения приговора // Уголовный процесс. 2016. № 5. С. 80–81.

учреждения, а непосредственно в судебных заседаниях в качестве их представителей – должностные лица этих органов и учреждений. Сторону «частное лицо» представляют сам осужденный, лицо, в отношении которого применяется принудительная мера уголовно-правового характера, их законные представители и представители – адвокаты (*см. схему 15*).

Схема 15. Стороны в судебно-исполнительных производствах



3. *Судебно-реабилитационные производства.*

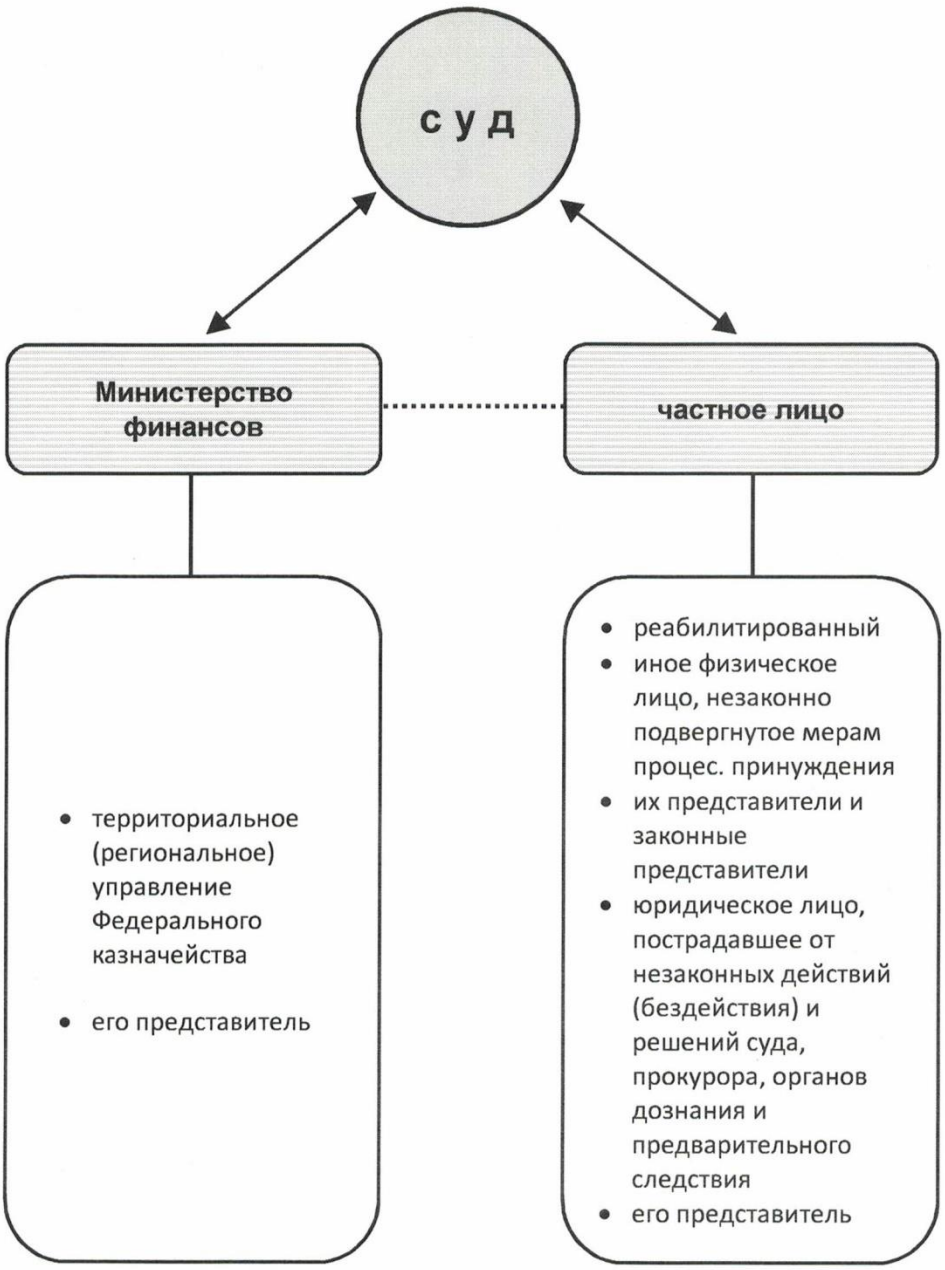
В производствах по делам о взыскании имущественного вреда за счет казны РФ единственным субъектом, противостоящим реабилитированному или иному лицу, управомоченному на возмещение вреда, как уже отмечено выше, является Министерство финансов РФ, то есть опять же орган исполнительной власти. Министерство финансов РФ привлекается к участию в таких делах *в качестве ответчика от имени казны Российской Федерации*, его интересы в судах представляют по доверенности территориальные управления Федерального казначейства (п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 г. № 17).

Таким образом, по делам данной категории, также являющимся разновидностью дел из публичных правоотношений, к стороне «частное лицо» относятся: реабилитированный, его представитель и законный представитель, иное физическое или юридическое лицо, заявившее о возмещении вреда не в связи реабилитацией, а по другим основаниям (ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ), его представитель, а на стороне «исполнительная власть» выступает Министерство финансов РФ в лице своего представителя *(см. схему 16*).

Уголовно-процессуальный закон и Пленум Верховного Суда РФ умалчивают о том, кто является противной стороной в делах по требованиям реабилитированного о восстановлении трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав. Практика рассмотрения таких требований еще менее значительна, чем по делам о взыскании имущественного вреда, практически не изучена и ждет своего исследователя. Но чисто теоретически, исходя из государственно-правовой, гражданско-правовой и административно-правовой природы материальных правоотношений, из которых вытекают и на которых основываются требования о восстановлении прав, указанных в ст. 138 УПК РФ, и неизбежного в связи с данным обстоятельством присутствия в порядке рассмотрения таких дел элементов искового производства или административного судопроизводства, можно предположить, что по поводу восстановления прав реабилитированного могут возникать различные по своему характеру правовые споры при условии,

что восстановление утраченного права затрагивает чьи-либо частные или служебно-ведомственные, а возможно и публичные интересы.

Схема 16. Стороны в судебных производствах по делам о возмещении имущественного вреда



В этих случаях, руководствуясь общими принципами и стандартами осуществления правосудия, суд должен привлекать к участию в деле в качестве

стороны соответствующих заинтересованных в исходе дела субъектов (представителей администрации по месту работы или учебы реабилитированного, органов социального обеспечения, жилищно-коммунального хозяйства и т. п.[1]).

Привлечение к участию в деле иных заинтересованных лиц. Для классической схемы состязательного уголовного процесса, применяемой в производстве по уголовному делу, характерно отнесение всех субъектов, имеющих в деле процессуальный (личный или служебный) интерес и заинтересованных в исходе дела, к той или иной процессуальной стороне, а присутствие в судебном производстве «третьего лица» – иного заинтересованного, но не наделенного статусом стороны лица не предусмотрено. Иное наблюдаем в некоторых делах судебного контроля, делах по вопросам исполнения наказания и реабилитационных делах.

Так, ч. 3 ст. 125 УПК РФ прямо указывает на возможность участия в судебном разбирательстве по жалобе заявителя иных лиц (помимо сторон), чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым действием (бездействием) или решением. Эти «иные лица», а ими могут быть как участники производства по уголовному делу, так и посторонние субъекты, индифферентны к вопросу о нарушении (правомерности ограничения) прав заявителя, обычно согласны с обжалованным действием (бездействием) или решением и не предъявляют в судебном производстве по жалобе заявителя собственных требований, но итоговое решение суда по результатам рассмотрения жалобы может иметь для них значимые правовые последствия, что предопределяет наличие у них потенциального интереса в исходе данного судебно-контрольного дела.

При рассмотрении судом ходатайства о применении меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста на одной стороне («обвинительная власть») участвуют прокурор, а также дознаватель или следователь и руководитель следственного органа, на другой («частное лицо») – подозреваемый или обвиняемый, а также его защитник и законный представитель

[1] Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практич. пособие / под ред. В. П. Верина. М., 2007. С. 409.

(ч. 4 ст. 108 УПК РФ). Потерпевший, чьи конституционные права и свободы предстоящей мерой пресечения непосредственно не затрагиваются и, следовательно, не входят в предмет судебного разбирательства, стороной в этом деле не является. Однако результат рассмотрения судом вопроса о мере пресечения обвиняемому (подозреваемому) ввиду его прямой связи с уголовным делом может затрагивать интересы потерпевшего, и поэтому суды предоставляют ему право лично участвовать в судебном заседании или довести до суда свою позицию через представителя или законного представителя, а также право обжаловать судебное решение по мере пресечения (п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 № 41).

Такой подход в отечественном правоприменении основан на требованиях Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью и положениях других международно-правовых актов[1], подкрепляется правовой позицией Конституционного Суда РФ[2]. В связи со сложившейся судебной практикой В. В. Рудич не без оснований заключает о формировании в российском правосудии правового стандарта участия потерпевшего в судебно-контрольных процедурах, связанных с принятием решений о применении мер пресечения[3].

В производствах по вопросам отсрочки исполнения приговора, условно-досрочного освобождения от наказания, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания и об освобождении от наказания в виде ограничения по военной службе военнослужащего, уволенного с военной службы,

---

[1] См.: Заключение под стражу и его альтернативы в уголовном судопроизводстве: коллективная монография / Науч. ред. О. В. Качалова. М., 2019. С. 106.

[2] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2003 г. № 446-О «По жалобам граждан Л.Д. Вальдмана, С.М. Григорьева и региональной общественной организации "Объединение вкладчиков "МММ" на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений УПК РФ, АПК РФ и Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации"» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3; Определение Конституционного Суда РФ от 17.10.2006 г. № 422-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Диденко Виктора Владимировича и Осадской Татьяны Михайловны на нарушение их конституционных прав положениями статей 42, 108 и главы 43 УПК РФ» // Документ не опубликован. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Рудич В. В. Участие потерпевшего в процедуре принятия судом решения об избрании меры пресечения // Уголовное право. 2016. № 5. С. 84–87

(пункты 4, 5, 19 ст. 397 и ст. 398 УПК РФ) также предусмотрено привлечение к участию в судебном заседании иных (помимо сторон) лиц – потерпевшего по уголовному делу, его представителя и (или) законного представителя. Вопросы исполнения наказания непосредственно не касаются прав потерпевшего, и он не является участником нового правового отношения, поэтому изначально его невозможно отнести ни к одной из сторон принципиально иного спора, возникающего в процессе исполнения уголовного наказания. Но исход судебного рассмотрения вопросов исполнения наказания может затрагивать его личные законные интересы. Для их защиты потерпевший по его желанию привлекается к участию в судебном разбирательстве в соответствии с ч. 2.1 ст. 399 УПК РФ и имеет возможность донести до суда собственную позицию по рассматриваемому вопросу.

К участию в судебно-исполнительном производстве, когда разрешаемый судом вопрос касается исполнения приговора в части гражданского иска (об отсрочке или рассрочке имущественного взыскания, наложенного судом в счет возмещения причиненного истцу вреда, об изменении способа и порядка исполнения имущественных взысканий), могут быть привлечены гражданский истец и гражданский ответчик (ч. 2 ст. 399 УПК РФ)

По реабилитационным делам при рассмотрении вопроса о восстановлении прав реабилитированного (ст. 138 УПК РФ), могут появиться (обнаружиться) лица, чьи интересы затрагиваются заявленным требованием. На их возможное участие в судебном заседании обращает внимание Верховный Суд РФ в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 г. № 17 (в редакции постановления от 09.02.2012 г. № 3).

Особенности инициирования судебных производств. Судебное производство по уголовному делу начинается исключительно по обращению в суд обвинителя (публичного или частного), и движителем судебного разбирательства является выдвинутое обвинение или требование применить ту или иную меру уголовно-правового характера: судебный штраф, принудительную меру медицинского характера, принудительную меру воспитательного воздействия.

Противная сторона – сторона защиты – инициатором рассмотрения уголовного дела быть не может, т. к. предметом разбирательства уголовного дела является обвинение или требование о применении (без осуждения) мер уголовно-правового характера – односторонняя претензия, исходящая от стороны обвинения.

Судебно-контрольные производства, в зависимости от характера процессуального конфликта, возбуждаются и рассматриваются судом по инициативе любой из сторон, направляемые в суд требования могут исходить как от органа обвинительной власти, так и от частного лица.

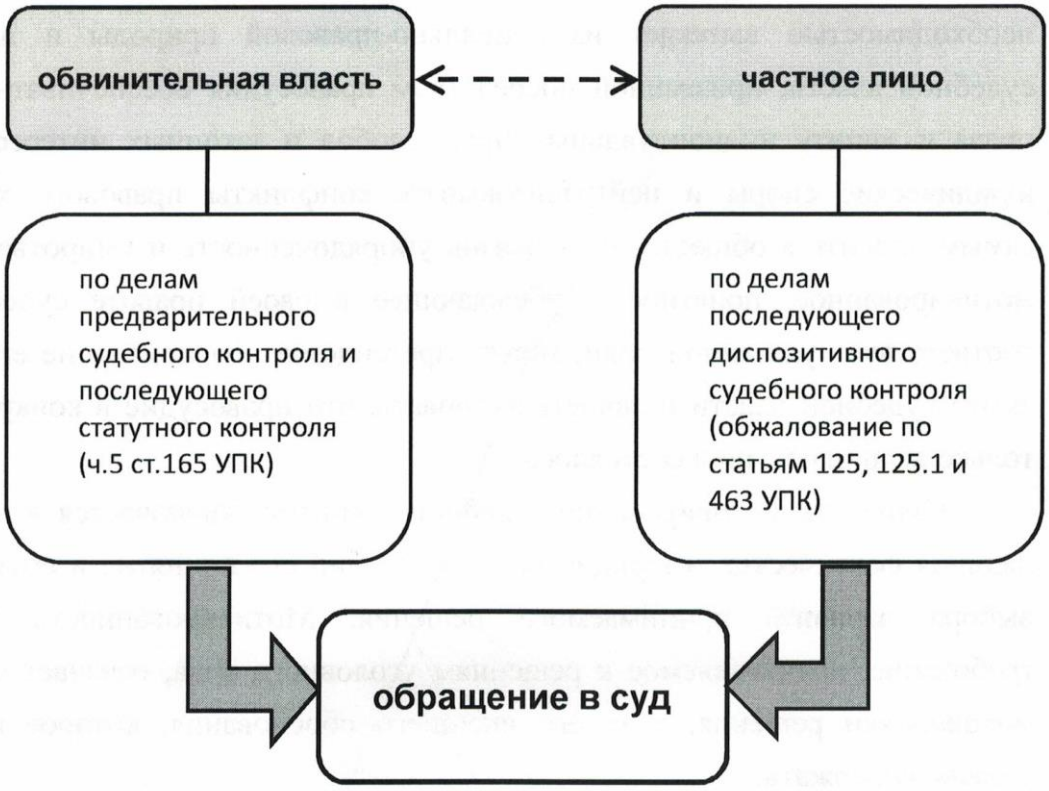
По делам предварительного и последующего статутного контроля (ч. 2 ст. 82, статьи 105.1 – 109, 114 – 118, 165, 203, 435 УПК РФ) судебный контроль инициируется следователем или дознавателем с согласия руководителя следственного органа или прокурора соответственно, а по делам последующего диспозитивного контроля (статьи 125, 125.1, 463 УПК РФ) – лицом, чьи конституционные права и интересы ограничены обжалуемым процессуальным действием или решением, либо его представителем, а в случае если это лицо является одновременно обвиняемым или подозреваемым по уголовному делу так же и его защитником (*см. схему 17*).

Данная особенность в совокупности с вышеописанными нюансами судебного порядка рассмотрения жалоб по ст. 125 УПК РФ приводит к возникновению в конкретном судебном производстве любопытных метаморфоз, заключающихся в существенном изменении обычных процессуальных ролей, выполняемых сторонами в уголовном деле (сторона обвинения обвиняет, сторона защиты защищается), которые в свою очередь трансформируют привычный ход состязания сторон в уголовном процессе. В чем это выражается?

Во-первых, при подаче жалобы в суд инициатива в производстве по делу временно переходит от органа публичной власти к субъектам, привлеченным к участию в деле. Активность заявителя (жалобщика) на данном этапе задает направление уголовно-процессуальной деятельности и ее развитие уже в рамках судебно-контрольного производства. Должностное лицо, осуществляющее

производство по делу, вынуждено отходить от своей линии процессуального поведения и следовать за заявителем в суд.

Схема 17. Инициирование судебно-контрольных производств



Во-вторых, в судебном разбирательстве в порядке ст. 125 УПК РФ орган уголовного преследования из стороны обвинения (в уголовном деле) по сути превращается в сторону, которая вынуждена защищаться от выдвинутых претензий и требований заявителя, «оправдываться» и доказывать суду законность своих действий. Таким образом, налицо изменение ролевых установок участников судопроизводства.

Смена процессуальных «амплуа» особенно очевидна и контрастна в тех случаях, когда заявителем (жалобщиком) выступают субъекты, относящиеся к стороне защиты, например, обвиняемый или его защитник. В обособившемся от уголовного дела судебном производстве по рассмотрению жалобы в порядке ст.

125 УПК РФ стороны как бы меняются местами, и в роли «обвинителя» начинают выступать субъекты со стороны защиты, которые заявляют о незаконности действий должностных лиц органов уголовного преследования, стараются уличить их в этом и убедить суд принять решение, влекущее уголовно-процессуальные санкции.

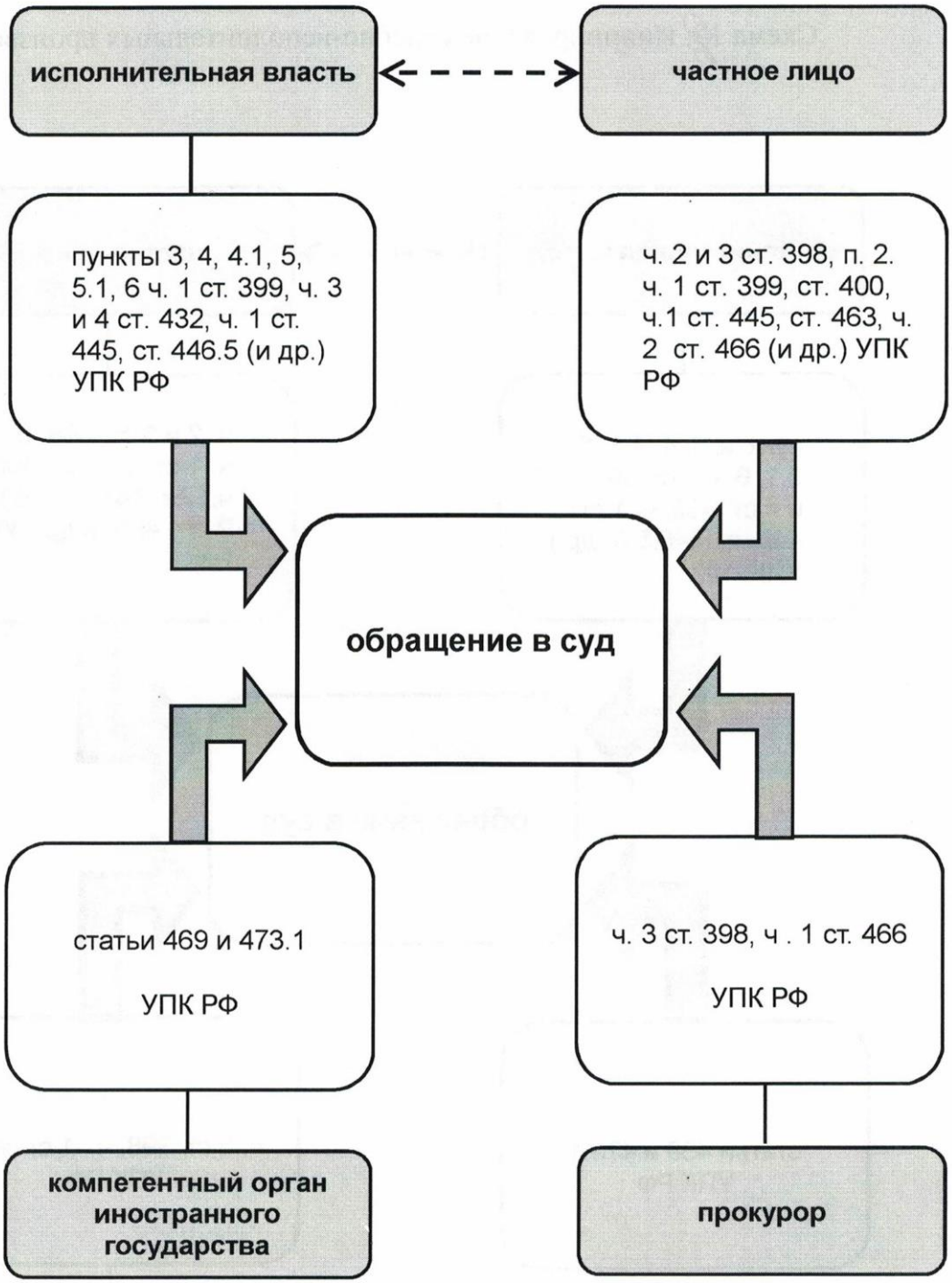
Несколько иначе обстоит дело *в судебно-исполнительных производствах*. Производства по делам исполнения наказания и принудительных мер уголовно-правового характера, в зависимости от содержания выносимого на разрешение суда вопроса, возбуждаются и рассматриваются судом как по инициативе исполнительной власти (например, пункты 3, 4, 4.1, 5, 5.1, 6 части 1 ст. 399 УПК РФ), так и частного лица – осужденного (п. 2. ч. 1 ст. 399 УПК РФ) или его адвоката (п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21).

При этом, как разъяснил Верховный Суд РФ, осужденный вправе обращаться в суд и с ходатайствами об изменении вида исправительного учреждения, назначенного по приговору суда, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, об отмене условного осуждения и о снятии судимости (пункты 3, 5, 7 ст. 397 УПК РФ), то есть по вопросам, инициирование которых закон возлагает на «исполнительную власть», с другой стороны положение п. 2 ч. 1 ст. 399 УПК РФ не исключает право уполномоченных государственных органов и должностных лиц независимо от наличия ходатайства осужденного по п. 13 ст. 397 УПК РФ обращаться в суд с представлением о приведении вынесенного по уголовному делу приговора в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим преступность деяния, смягчающим наказание или иным образом улучшающим положение лица, совершившего преступление (пункты 28, 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21).

Таким образом, в производствах по вопросам исполнения судебных решений, так же как и в судебно-контрольных, стороной, противостоящей инициатору судебного дела и привлекаемой судом к участию в судебном

разбирательстве, может быть любая из сторон. Движителем дела здесь также является не выдвинутое обвинение (подозрение), а иное формально определенное обращение-требование (представление или ходатайство) заинтересованного субъекта права (*см. схему 18*).

Схема 18. Инициирование судебно-исполнительных производств



В то же время существенной особенностью судебно-исполнительных производств является то обстоятельство, что инициировать принятие судебных решений, снижающих степень наложенных приговором или иным судебным решением правовых ограничений и так или иначе улучшающих положение осужденного или лица, в отношении которого применяются меры уголовно-правового характера, может не только сам осужденный (или лицо, подвергнутое иным мерам уголовно-правового характера), но и орган (учреждение), исполняющее наказание или иные меры уголовно-правового характера.

Так, например, согласно п. 5.1 ч. 1 ст. 399 УПК РФ учреждение или орган, исполняющие наказание, в котором осужденный отбывает лишение свободы или принудительные работы, правомочно направить в суд представление об изменении осужденному вида исправительного учреждения, назначенного по приговору суда, на вид с менее строгим режимом содержания, об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Фактически получается, что одна из сторон – исполнительная власть – обращается в суд в интересах другой стороны.

Такое нестандартное для состязательной модели судопроизводства положение объяснимо тем, что публичный интерес далеко не всегда антагонистичен частному. При наступлении оговоренных в законе условий общество заинтересовано в снижении или снятии уголовно-правовых ограничений там и тогда, когда цели уголовного наказания (принудительных мер уголовно-правового характера) достигнуты или в силу изменившихся обстоятельств могут быть реализованы менее суровым ограничением личных прав и свобод. В целях отстаивания этого интереса орган исполнительной власти может инициировать соответствующее судебное производство, когда само лицо, претерпевающее ограничение прав, в силу каких-либо обстоятельств (например, болезненное состояние, индивидуально-психологические особенности, незнание закона и т. п.) не реализует свое право на обращение в суд.

Можно ли с учетом подобных ситуаций вести речь о состязательном построении судебного производства? Полагаем, что да, т. к. независимо от

позиции сторон в конкретном деле (а они могут совпадать или не совпадать по различным причинам, в том числе под воздействием противоправных мотивов процессуального поведения), порядок судопроизводства не изменяется и сохраняет состязательный характер, ориентированный не на конкретно-индивидуальный случай, а на потенциально возможный спор сторон. Иными словами, следует различать «состязательность сторон» как абстрактную (идеальную) модель процессуального поведения, заложенную в судебных процедурах, и «состязание сторон» как возможное реальное воплощение этой модели в единичном юридическом (судебном) процессе.

Судебные дела по реабилитации и возмещению вреда, в которых функции обвинения и защиты также не реализуются, инициируются и возбуждаются обращением в суд реабилитированного или иного управомоченного лица путем направления в судебный орган соответствующего письменного заявления. Примечательно, что органы власти (прокурор, суд) не вправе самостоятельно, без волеизъявления реабилитированного (иного правомочного на возмещение вреда субъекта) возбуждать и проводить судебное производство по возмещению вреда и восстановлению прав реабилитированного. Данное обстоятельство – еще одно подтверждение состязательного (и диспозитивного) характера судебно-реабилитационных производств.

§ 2. Особенности познавательно-доказательственной деятельности по судебным делам, рассматриваемым в порядке контрольных, исполнительных и реабилитационных судебных производств

Рассмотрение судебно-контрольных дел, дел по вопросам исполнения судебных решений, реабилитационных и компенсационных дел, так же как и разбирательство уголовных дел, сопряжено с установлением фактической основы дела, то есть тех фактических обстоятельств, которые составляют

предусмотренное законом основание для судебного решения по основному правовому вопросу, поставленному перед судом в соответствующем уголовном производстве. При этом не вызывает сомнений, что установление фактов в процессе рассмотрения любого судебного дела, то есть их процессуальное познание, возможно не иначе как посредством доказательственной деятельности с применением специальных процессуальных средств доказывания, а судебное решение должно быть основано лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании[1].

Своеобразие предмета и целевого назначения иных (не основных) судебных производств детерминирует особенности судебного разбирательства по такого рода судебным делам и в первую очередь – специфику познавательно-доказательственной деятельности, которая выражается в уникальности предмета доказывания и пределов судебного познания, неразвитости и необычности средств доказывания, их нестандартном использовании. Данные факторы должны учитываться при законодательной регламентации познавательно-доказательственной деятельности, проводимой в процессе осуществления уголовного правосудия, в целях ее совершенствования.

Проблема заключается в том, что российский законодатель традиционно установил доказательства и подробно регламентировал процесс доказывания по уголовному делу (раздел III УПК РФ), но вопреки насущной потребности практически не урегулировал вопросы доказывания применительно к иным судебным производствам, что порождает неопределенность в правовом регулировании доказательственной деятельности суда и сторон, создает трудности в правоприменительной практике по рассмотрению иных дел (материалов) в порядке уголовного судопроизводства. Данные пробелы отчасти компенсируются судебной практикой, которая на основе толкования конституционных принципов правосудия и прав человека, аналогии уголовно-

[1] См.: п. 5 Обобщения судебной практики по рассмотрению представлений соответствующего органа об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда, в отношении условно осужденного за период с 2019 по 2020 г. (утв. президиумом Челябинского областного суда 22.11.2021 г.) // ГАС «Правосудие. URL: http://oblsud.chel.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=94 (дата обращения: 01.08.2022).

процессуального закона и права, применения общепризнанных стандартов доказывания выработала определенные правовые подходы и позиции, ориентирует на них законодателя, но при отсутствии глубоко проработанной теоретической основы законодательные упущения не могут быть успешно и полностью устранены.

Специфика предмета и пределов судебного познания (доказывания). Предмет доказывания, как известно, отвечает на вопросы: что необходимо установить с помощью доказательств по делу для правильного его разрешения и что (какие обстоятельства) разрешено доказывать сторонам при производстве по делу[1]. Для производства по уголовному делу общий предмет доказывания определен нормативно (ст. 73 УПК РФ), тогда как для других типов судебных производств закон не регламентирует перечень подлежащих доказыванию обстоятельств. Тем не менее, круг устанавливаемых обстоятельств по каждому делу вытекает из предмета судебного рассмотрения и предопределяется характером и содержанием устанавливаемого судом конкретного (спорного) правоотношения.

В обобщенном виде *предмет познания (доказывания) по делам судебного контроля*[2] включает в себя фактические обстоятельства, позволяющие исчерпывающим образом судить о законности–незаконности и (или) обоснованности–необоснованности произведенных или запрашиваемых следователем, дознавателем процессуальных действий (следственных действий или мер процессуального принуждения) и принятых ими и иными должностными лицами – прокурором, руководителем следственного органа, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания – процессуальных решений, ограничивающих конституционные права и свободы личности.

---

[1] Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 49–50; Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головко. М. 2017. С. 433, 437.

[2] Судебно-контрольные производства весьма разнообразны, и в каждом из них предмет доказывания имеет индивидуальное и более конкретное содержание, подробно осветить каждое из них не позволяют ограниченные объемы диссертации.

Конкретные факты, указывающие на обстоятельства, относящиеся к предмету доказывания по судебно-контрольным делам или непосредственно входящие в предмет доказывания, в большинстве своем возникают в рамках уголовно-процессуальных отношений, развивающихся в связи с ведущимся уголовным производством (факт отказа в возбуждении уголовного дела, факт уклонения подозреваемого от явки к следователю и т.д.), но могут появляться и существовать вне зависимости от производства по делу (например, факт нахождения предмета преступления в жилище, факт наличия у обвиняемого судимости). При этом круг подлежащих установлению обстоятельств или иначе пределы судебного исследования (познания) обстоятельств конкретного ограничения прав и свобод очерчены рамками проверяемого действия (бездействия) или решения и их последствий и лимитируются требованиями, изложенными в соответствующем процессуальном обращении (ходатайстве, жалобе) стороны, инициировавшей процедуру судебного контроля.

По делам реабилитации и (или) компенсации вреда установлению путем доказывания подлежат: 1) сущность нарушенного права (в чем оно состоит), характер нарушения (в чем оно выразилось) и (или) вид, объем и размер подлежащего возмещению вреда; 2) причинно-следственная связь между процессуальной деятельностью (или отдельными действиями и решениями), незаконность которых установлена в процессе предшествующего основного или судебно-контрольного производства, и нарушением конкретного права и (или) конкретным вредом, восстановления и (или) возмещения которого соответственно требует заявитель – «частное лицо».

Пределы судебного познания в реабилитационно-восстановительных и компенсационных производствах определяются диапазоном противозаконной (необоснованной) процессуальной деятельности и ее негативных последствий для прав человека или юридического лица, послуживших основанием для восстановления прав и (или) возмещения вреда, и также ограничены, в силу принципов состязательности и диспозитивности, конкретными требованиями

реабилитированного или иного лица, приобретшего право на возмещение имущественного вреда.

В судебно-исполнительных производствах предмет познания и доказывания еще более многообразен ввиду множественности и разнородности разрешаемых в порядке ст. 399 УПК РФ правовых вопросов. В самом общем виде его можно сформулировать как совокупность обстоятельств, дающих основание для изменения правового режима ограничения прав и свобод осужденного или лица, подвергнутого иным мерам уголовно-правового характера, либо для иной корректировки (или конкретизации) исполнения приговора или иного судебного решения.

Характер фактических обстоятельств, подлежащих установлению в судебно-исполнительных производствах также неоднороден. В одних случаях эти обстоятельства связаны с производством по уголовному делу, их можно обозначить как «процессуальные факты» (например, факт и время содержания под стражей, наличие процессуальных издержек, нерешенность в приговоре судьбы вещественных доказательств), в других – факты «материального свойства», которые влияют на исполнение приговора или иного судебного решения и возникают как до вступления решения в силу (например, беременность осужденной), так и после (в частности, факт уклонения условно осужденного от исполнения возложенных судом обязанностей, факт ухудшения материального положения осужденного к исправительным работам). Обстоятельства второго типа составляют большинство, предстают элементами материальных (уголовных или уголовно-исполнительных) правоотношений и определяются нормами УК РФ и УИК РФ. Общим для всех обстоятельств свойством является их способность выступать фактическими основаниями, с наличием которых закон связывает принятие судебных решений по вопросам, предусмотренным статьями 397 – 398 (и др.) УПК РФ.

Пределы судебного познания по большинству дел судебно-исполнительных производств, в силу состязательного характера судопроизводства, также ограничены существом вопроса, разрешаемого судом, и правовыми требованиями

обратившейся в суд стороны. Так, например, при рассмотрении представления уголовно-исполнительной инспекции об отмене по основаниям ч. 3 ст. 74 УК РФ условного осуждения и исполнении наказания суд не должен устанавливать факты, как выходящие за круг обстоятельств, перечисленных в данной норме в качестве оснований отмены условного осуждения, так и не указанные в представлении органа исполнения наказания.

Своеобразие процесса и средств доказывания. УПК РФ не содержит прямого указания на то, каким способом и посредством каких доказательств следует устанавливать обстоятельства, необходимые для принятия правосудного решения по делам судебного контроля, судебно-исполнительным[1], реабилитационным и компенсационным делам, и не устанавливает для указанных производств какие-либо особые, отдельные доказательства, помимо общеустановленных в ст. 74 УПК РФ видов (источников) доказательств. А между тем использование этих видов доказательств в выделенных нами типах судебных производствах весьма ограничено и специфично в сравнении с производимым по уголовному делу судебным следствием.

Как показал проведенный нами опрос практических работников, для установления (проверки) фактических обстоятельств по делам судебного контроля и по делам, рассматриваемым в порядке ст. 399 УПК РФ, суды используют письменные материалы, приложенные к процессуальному обращению – об этом в общей сложности сообщили 97% респондентов (в том числе 98,2% судей), а также дополнительные документы, представленные суду непосредственно в судебном заседании, на что указали 78% респондентов (в том числе 92,3% судей) (*см. приложение № 2, ответы на 12-й вопрос анкеты*).

По делам судебного контроля суду в обязательном порядке предоставляются материалы уголовного производства, подтверждающие законность и обоснованность проверяемого действия или решения. Часть 3 ст. 108 УПК РФ прямо предписывает следователю, дознавателю представлять такие

[1] Исключением служат положения ч. 5 ст. 445 УПК РФ, предусматривающее возможность назначение судом судебной экспертизы по делам о прекращении, изменении и продлении принудительной мер медицинского характера.

материалы с ходатайством об избрании меры пресечения. По остальным видам судебного контроля подобная обязанность сформировалась в ходе развития судебной практики как коррелирующая правомочию суда проверять как законность, так и обоснованность соответствующего действия или решения следователя[1].

Такие материалы, как правило, представляют собой копии процессуально-следственных документов уголовного дела: протоколов следственных действий, закрепляющих полученные органом расследования доказательства по делу, копии процессуальных решений и иных, собранных следователем (дознавателем) процессуально-следственных документов. Те или иные документы, имеющие юридическое значение для разрешения судебно-контрольного дела, могут быть представлены сторонами или запрошены судом непосредственно в судебном заседании[2].

Таким образом, в судебно-контрольных производствах из всего присутствующего в уголовном процессе арсенала доказательств обычно используются такие их виды как протоколы следственных действий (в копиях) и документы. При этом, ввиду того, что судебное разбирательство направлено на

---

[1] Пункты 1 и 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)»; пункты 1 и 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ"(в редакции от 28.06.2022).

См. также: Бурмагин С. В.: 1) Судебное рассмотрение жалоб в порядке ст.125 УПК РФ (Комментарий к обзору практики судов Архангельской области) // Юридический мир. 2004. № 12. С. 79–86, 2005. № 1. С. 80–87; 2) Рассмотрение судом ходатайств о производстве следственных действий и уведомлений об их проведении (комментарий к судебной практике) // Российское правосудие. 2006. № 2. С. 73–74; Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации: практическое пособие оп применению Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. А. И. Карпова. М., 2008. С. 82; п. 5 Обзора практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 115 УПК РФ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.03.2019 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; п. 4.2 Справки Архангельского областного суда по результатам обобщения судебной практики «Рассмотрение судами области во 2 полугодии 2016 года и 1 полугодии 2017 года материалов в порядке ст. 165 УПК РФ» // Архив Архангельского областного суда, 2017.

[2] п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. № 1; п.13 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (в редакции от 11.06.2020).

проверку законности процессуальной деятельности органов уголовного преследования, в качестве доказательств в виде «иных документов» принимаются копии процессуальных документов, удостоверяющих тот или иной факт из цепочки событий и действий, составляющих ведущееся по уголовному делу предварительное производство: копии процессуальных решений, протоколов отдельных процессуальных действий (задержания, разъяснения процессуальных прав, ознакомления с материалами дела и т.д.), уведомлений, повесток, расписок и других процессуальных актов.

При рассмотрении дел по вопросам исполнения судебных решений (за исключением вопросов, предусмотренных пунктами 10, 11 и 15 ст. 397 УПК РФ) суд не использует доказательства, полученные в ходе производства по уголовному делу, поскольку такие судебные дела не направлены на выяснение или проверку обстоятельств, установленных в основном производстве и послуживших фактическими основаниями для вынесения приговора или иного судебного решения. Для целей судебно-исполнительных производств в качестве документов-доказательств, подтверждающих факты оправдания, осуждения и назначения наказания, освобождения от уголовной ответственности и назначении судебного штрафа или применения принудительных мер медицинского характера, принудительных мер воспитательного воздействия, из материалов уголовного дела обычно востребованы только вступившие в законную силу приговоры, иные итоговые постановления суда первой инстанции и решения вышестоящих судебных инстанций по результатам проверки этих решений.

Для установления обстоятельств, могущих послужить основанием для принятия решений по вопросам, предусмотренным статьями 397 – 398, 400 (и др.) УПК РФ, судом используются в основном документы, представленные обратившимся в суд заинтересованным субъектом либо иным участником судебного разбирательства и полученные непроцессуальным путем. В отличие от уголовных дел и дел судебного контроля здесь отсутствуют доказательства, собранные и сформированные уполномоченным лицом до обращения в суд. «Все доказательства формируются в ходе судебного заседания посредством

познавательного процесса, осуществляемого в ходе уголовно-процессуальной деятельности суда и иных участников процесса. В результате этой деятельности происходит преобразование сведений (информации), нашедших отражение в имеющихся материалах, представленных в суд, в соответствующую процессуальную форму»[1].

В ходе судебно-контрольных и судебно-исполнительных производств, что характерно, нередко практикуется опрос (заслушивание) в судебном заседании по имеющим значение вопросам участвующих в деле лиц – это обстоятельство подтвердили 76% опрошенных респондентов, в том числе 91,3% судей (*см. приложение № 2, ответы на 12-й вопрос анкеты*).

Как показывает судебная практика, в качестве лиц, осведомленных о подлежащих установлению обстоятельствах, в судебном заседании могут быть опрошены подозреваемый, обвиняемый, осужденный, оправданный, потерпевший, свидетели и даже следователь, дознаватель и другие должностные лица. Объяснения таких лиц, строго говоря, не являются доказательствами, если они взяты судом без соблюдения процедур, предусмотренных статьями 274 – 280 УПК РФ для допросов, но ввиду отсутствия четкой регламентации познавательно-доказательственной деятельности по рассматриваемым типам уголовных производств суды придают содержащимся в таких объяснениях сведениям доказательственное значение.

Кроме того, практикующие юристы, исходя из норм действующего УПК РФ (очевидно обращаясь к ним на основании аналогии закона), считают допустимым в познавательно-доказательственных целях по судебно-контрольным, исполнительным и реабилитационным делам выполнение, помимо опроса, следующих судебных действий (см. *приложение № 2, ответы на 13-й вопрос анкеты*):

– направление требования (запроса) о предоставлении суду дополнительных документов (83% респондентов, в том числе 95,4% судей);

---

[1] Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 31.

– вызов и допрос в судебном заседании в качестве свидетелей лиц, осведомленных об обстоятельствах, подлежащих установлению (проверке) судом (61% респондентов, в том числе 55,5% судей);

– назначение и проведение судебной экспертизы (45% респондентов, в том числе 32,6% судей);

– выполнение иных судебно-следственных действий: осмотр вещей, предметов и документов, освидетельствование и др. (40% респондентов, в том числе 24,8% судей)[1].

Таким образом, несмотря на отсутствие надлежащей законодательной регламентации исследовательской части судебных разбирательств по вопросам судебного контроля, исполнения приговора и реабилитации, исследование доказательств (доказательственной информации) судом все же производится: письменные материалы и документы оглашаются, объяснения лиц заслушиваются, содержащиеся в этих источниках сведения о подлежащих установлению обстоятельствах оцениваются в совокупности, при необходимости проверяются и используются при принятии результирующего решения. Правда, как свидетельствуют результаты нашего опроса (анкетирования), далеко не во всех случаях.

Так, на вопрос, всегда ли на практике суд первой инстанции устанавливает (проверяет) в судебном заседании фактические обстоятельства, на которых основаны представления, ходатайства, заявления и жалобы, рассматриваемые в порядке судебного контроля и в порядке ст. 399 УПК РФ, свыше 23% практических работников пояснили, что иногда не проверяет, когда противная сторона не оспаривает указанные в обращении факты; определенная часть респондентов указала, что суд не всегда устанавливает (проверяет) факты и делает это по своему усмотрению (6% судей, 3,8% прокуроров, 39,5% адвокатов),

[1] Проведенное В. И. Качаловым исследование производства по исполнению итоговых судебных решений показало, что 62% судей, 78% прокуроров и 43,8% адвокатов считают также необходимым при рассмотрении вопроса об отмене либо изменении ПММХ допрос в качестве специалиста представителя медицинского учреждения, в котором лицо отбывает данную меру (Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 487).

а 23,2% адвокатов заявили, что суд ограничивается данными, указанными в процессуальном обращении и никогда их не проверяет (*см. приложение № 2, ответы на 11-й вопрос анкеты*).

Полагаем, что встречающиеся на практике отклонения от должного для уголовного правосудия процесса доказывания становятся возможными именно вследствие отсутствия его четкой и однозначной нормативно-правовой регламентации применительно к «неосновным» (дополнительным) судебным производствам. Тем не менее, по аналогии с правилами рассмотрения уголовных дел фактические данные, установленные в результате разбирательства судебно-контрольного дела или дела по вопросу исполнения приговора, должны ложиться в основу итогового решения суда лишь при отсутствии сомнений в их достоверности с обязательным указанием на источник этих сведений, который также должен проверяться на предмет подлинности и допустимости.

Представляется, что для каждого типа судебных производств либо, что более предпочтительно, в целом для всей совокупности «неосновных» (дополнительных) судебных производств необходимо законодательно установить общие, единые правила, касающиеся как перечня видов (допустимых источников) доказательств, так и порядка их получения и исследования в судебном заседании с тем, чтобы исключить произвольное обращение с доказательственными материалами со стороны судей.

На актуальность данного предложения указывают результаты опроса практических работников, проявляющих в данном вопросе определенную непоследовательность и противоречивость. В частности, вопреки тому, что многие судьи считают возможным установление и проверку фактических обстоятельств рассматриваемого судебного дела посредством различных следственных действий, большинство из них (64,8%) не считают необходимым закрепление в УПК РФ возможности выполнения в анализируемых производствах каких-либо судебно-следственных действий. В то же время прокуроры, а в особенности, адвокаты в значительно большей степени видят потребность в нормативном разрешении проведения тех или иных судебных действий

познавательного характера: прокуроры в пределах от 11,5 до 26,9% адвокаты – от 34,4 до 56,1% от числа опрошенных (*см. приложение № 2, ответы на 14-й вопрос анкеты*).

В вопросе о том, должна ли система доказательств, установленная для уголовных дел (ст. 74 УПК РФ), быть унифицированной и применяться в доказывании по иным судебным делам (материалам), мнения практиков заметно расходятся. Эту идею твердо поддерживает около трети всех опрошенных судей (33,9%) и прокуроров (30,8%), а также большинство адвокатов (63,7%). Часть респондентов (9,6% судей, 12,8% прокуроров и 20,1% адвокатов) считают, что для «иных» судебных дел в уголовном процессе должны быть разработаны и четко регламентированы собственные средства доказывания (виды доказательств), но значительная часть судьей (47,2%) и прокуроров (43,4%) уверены, что практической потребности в унификации системы доказательств не имеется (см. *приложение № 2, ответы на 16-й вопрос анкеты*).

Последняя позиция представителей государственных органов, видимо, объясняется подспудным нежеланием быть жестко связанными в судебном процессе с нормативно установленными правилами доказывания и вытекающими из них процессуальными обязанностями, неизбежно усложняющими любое уголовное производство. Противоположная приверженность адвокатов к четкому урегулированию, в той или иной форме, вопросов доказывания в дополнительных производствах вполне объяснима естественным стремлением субъекта, всегда защищающего в публично-правовом споре частный интерес и потому выступающего на «слабой стороне», к упорядочению, а, следовательно, и предсказуемости процесса доказывания, без чего эффективное на началах состязательности отстаивание в суде защищаемых интересов представляется проблематичным.

Тем не менее большинство респондентов (сумма ответов «а» и «в» на 16-й вопрос – около 68%) так или иначе ратуют за регламентацию системы доказательств, подлежащих применению в «иных» судебных делах, рассматриваемых в порядке уголовного судопроизводства, и такой подход

профессиональных участников уголовного судопроизводства, отражающий практическую потребность в урегулированности на должном уровне любой доказательственной деятельности, находит отражение и в результатах социологического исследования (анкетирования), ранее проведенного М. В. Беляевым, из которых следует, что большинство практических работников (77% судей, 73,7% прокуроров и 82% адвокатов) считают, что более четкая регламентация процедуры доказывания повышает степень обоснованности судебного решения[1].

В качестве еще одной важной особенности доказывания по исследуемым типам судебных дел следует отметить существующие различия в требуемых уровнях познания (степени доказанности) обстоятельств, входящих в предмет доказывания и служащих основаниями принятия судебных решений в некоторых видах судебных производств.

Для большинства производств, в которых решение поставленных перед судом вопросов основывается на фактических обстоятельствах свершившегося в прошлом или происходящего в настоящем события или действия (совершенное общественно-опасное деяние, болезнь осужденного или злостное нарушение им порядка отбывания наказания и т.п.) требуется достижение достоверного, не допускающего разумных сомнений знания об этих обстоятельствах, которое бы убеждало судью (судей) в правильности сделанных на основе этого знания категоричных выводов и побуждало к единственно возможному решению.

Принятие же решений с учетом обстоятельств, возможность наступления которых предполагается в перспективе, что характерно для дел предварительного судебного контроля (например, производства по статьям 108 и 109, 165 УПК РФ), допускается при достижении о них вероятностного знания (обвиняемый «может скрыться или совершить новое преступление», телефонные и иные переговоры определенного лица «могут содержать сведения, имеющие значение для

[1] Беляев М. В. судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019. С.

уголовного дела» и т.п.), а это предполагает меньшую степень доказанности подлежащих установлению обстоятельств и точности знаний о них.

При этом факты, на основе которых суд делает выводы о наличии или отсутствии обстоятельств, образующих в соответствии с законом основание для принятия процессуального решения, *должны быть всегда установлены достоверно и не вызывать сомнений*. Разница заключается лишь в том, что во втором случае, по причине перспективного (прогностического) характера судебного познания и с учетом действия законов теории вероятности, совокупность доказательственных фактов всегда будет недостаточна для перевода устанавливаемого будущего события (действия) из категории возможного в категорию неизбежного, и, соответственно, перерастания предположения об этом событии (действии) в убеждение.

Особенности распределения бремени доказывания и проявление активности суда. Общий порядок состязательного судебного процесса предполагает, что бремя доказывания обстоятельств, на которых основаны заявленные перед судом требования, возложено на сторону, обратившуюся в суд с этими требованиями. Так происходит и в основном производстве по уголовному делу – обязанность доказывать выдвинутое обвинение возложена на обвинителя, заявившего требование признать обвиняемое им лицо виновным и осудить. К этому обязывает и действующий в уголовном процессе принцип презумпции невиновности, освобождающий подозреваемого и обвиняемого (и сторону защиты в целом) от необходимости доказывать свою невиновность – бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения (ст. 14 УПК РФ).

В судебном контроле над досудебным производством имеется отступление от общего правила состязательности. При обжаловании процессуальной деятельности органов уголовного преследования в порядке ст. 125 и 125.1 УПК РФ бремя доказывания распределяется иначе. Физическое или юридическое лицо, обратившееся в суд с жалобой, доказывает только факт (в большинстве случаев очевидный) того, что оспариваемый акт затрагивает его конституционное право, а

законность и обоснованность процессуального действия (бездействия) или решения обязана доказать противная сторона – орган обвинительной власти, чьи действия подлежат судебной проверке[1].

Данное (особенное) правило было заложено в российский уголовный процесс установленной в 1992 г. процедурой судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей (статьи 220.1 и 220.2 УПК РСФСР[2]), и согласуется с более общим порядком судебного рассмотрения жалоб на действия должностных лиц и органов власти, установившимся в российском судопроизводстве с принятием Конституции РФ, гарантировавшей всеобъемлющее право каждого человека на судебную защиту его прав и свобод, включая право обжалования в суд любых решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (ст. 46 Конституции РФ).

Согласно части 2 ст. 6 действовавшего до 15 сентября 2015 г. Закона РФ от 27 апреля 1993 г. № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан»[3] (часть 2 введена Федеральным законом

---

[1] Н. М. Чепурнова и Д. В. Белоусов полагают, что обязанность доказывания незаконности и необоснованности оспариваемых в порядке ст. 125 УПК РФ действий лежит на заявителе, его защитнике или представителе (Чепурнова Н. М., Белоусов Д. В. Судебная защита в механизме гарантирования прав и свобод. Конституционно-правовой аспект: монография. М., 2010. С. 129), однако, это утверждение не соответствует сложившейся правоприменительной практике и противоречит правовым нормам более общего характера.

[2] Статьи 220.1 и 220.2 были введены в УПК РСФСР 1960 г. Законом Российской Федерации от 23.05.1992 г. № 2825-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 25. ст. 1389. В соответствии с ч. 3 ст. 220.1 УПК РСФСР на лицо, производящее дознание, следователя, прокурора возлагалась обязанность представить в суд материалы, подтверждающие законность и обоснованность применения заключения под стражу или продления его срока, и в случае их непредоставления суд, согласно ч. 7 ст. 220.2 УПК РСФСР, выносил постановление об отмене этой меры пресечения и об освобождении лица из-под стражи.

[3] Закон РФ от 27.04.1993 г. № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» (в редакции от 09.02.2009 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 19. Ст. 685. – Закон утратил силу с 15 сентября 2015 г. в связи с принятием Федерального закона от 08.03.2015 г. № 22-ФЗ «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1392.

от 14 декабря 1995 г. № 197-ФЗ[1]), при судебном рассмотрении жалоб на действия (решения) государственных органов, органов местного самоуправления, учреждений, предприятий и их объединений, общественных объединений, должностных лиц, государственных служащих гражданин обязан доказать факт нарушения своих прав и свобод, но освобождается от обязанности доказывать незаконность обжалуемых действий (решений), при этом процессуальная обязанность документально доказать законность обжалуемых действий (решений) возлагается на соответствующие органы (учреждения, предприятия, общественные объединения), должностных лиц, государственных служащих, чьи действия и решения обжалуются гражданином. В настоящее время аналогичное по сути правило распределения бремени доказывания по судебным (административным) делам о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, закреплено в ст. 62 КАС РФ.

Судебное обжалование в порядке ст. 125 УПК РФ (равно и ст. 125.1, и ст. 463 УПК РФ) действий (бездействия) и решений органов уголовного преследования по существу представляет собой отдельный вариант разрешения споров о защите прав и свобод, возникающих из публичных правоотношений, каковыми и являются правоотношения уголовно-процессуальные. Предоставляемые заявителю преимущества, определенное благоприятствование в состязательном (в целом) доказывании по делам последующего диспозитивного судебного контроля объяснимо спецификой предмета проверки, и оправдано очевидным фактическим неравенством частного лица и властного субъекта, ведущего производство по уголовному делу, и необходимостью в связи с этим сглаживания этого неравенства в целях справедливого состязания и эффективного восстановления нарушенного права.

---

[1] Федеральный закон от 14.12.1995 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан”» // СЗ РФ. 1995. № 51. Ст. 4970.

«Благоприятствование» как способ (механизм) «преодоления фактического неравенства сторон при нормативно декларируем их равноправии» обычно рассматривается применительно к стороне защиты[1]. Однако представляется, что это понятие, с учетом вовлечения в публичные уголовно-процессуальные правоотношения с властью не только обвиняемого (подозреваемого), но и других субъектов, могущих оспаривать законность ограничения их прав и относимых нами к стороне «частное лицо», должно получить более широкое научное толкование и законодательное выражение в УПК РФ аналогично тому, как это имеет место в административном судопроизводстве.

В производстве по жалобе, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, благоприятствование заявителю со стороны суда выражается также и в менее жестких требованиях к форме и содержанию жалобы (формально они не установлены и на практике ограничиваются общими правилами составления судебных жалоб[2]) в сравнении с ходатайствами следователя, дознавателя, прокурора, направляемыми в суд в рамках иных судебно-контрольных производств, и в отсутствии обязанности заявителя сопровождать жалобу подтверждающими ее доводы документами. На практике необходимые для проверки законности и обоснованности оспоренного процессуального акта документы («отказные» материалы, копии соответствующих процессуальных решений и материалов уголовного дела) суды обычно своим решением (распоряжением) истребуют у соответствующего должностного лица в порядке подготовки к судебному заседанию[3].

---

[1] См.: Соловьев С. А. Благоприятствование защите (favor defensionis): монография. М., 2021. С. 91–105.

[2] п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. № 1.

[3] п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. № 1; Справка по результатам обобщения судебной практики по рассмотрению районными (городскими) судами Архангельской области в 2018 году жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ // ГАС «Правосудие» [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.arh.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=134 (дата обращения: 10.06.2021).

См. также: Бурмагин С. В. Судебное рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 УПК (Комментарий к обзору практики судов Архангельской области) // Юридический мир. 2004. № 12. С. 82, 85–86; Практика применения Уголовно-процессуального кодекса РФ. С. 141; Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации. С. 113;

По всем иным судебно-контрольным производствам, в которых реализуется предварительный, превентивный контроль суда, особого правила о перераспределении бремени доказывания не требуется, поскольку стороной, обратившейся в суд с правовыми требованиями, является властный субъект, который уже в силу этого обстоятельства способен и обязан доказывать законность и обоснованность своих притязаний на ограничение прав частного лица. К тому же в большинстве случаев спорное правоотношение в этих формах контроля (прежде всего связанных с применением различных мер процессуального принуждения) есть отношение обвинения и защиты, что предполагает доказывание в суде оснований ограничения свободы и иных прав обвиняемого (подозреваемого) в условиях действия принципа презумпции невиновности.

В судебно-исполнительных производствах в тех случаях, когда тот или иной вопрос исполнения приговора или иного судебного решения инициирован исполнительной властью, обязанность доказывать правомерность и обоснованность заявленных требований возлагается (должно возлагаться) на обратившийся в суд государственный орган или учреждение, исполняющее судебное решение. Подтверждение этому находим в разъяснении Верховного Суда РФ, рекомендовавшего судам проверять, приложены ли к поступившему в суд представлению копии соответствующих судебных решений и документы, необходимые для разрешения поставленного вопроса по существу, и указавшего на необходимость возвращать эти материалы для соответствующего оформления, если в них не содержится достаточных данных для рассмотрения представления и их невозможно восполнить в судебном заседании (п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 г. № 21).

Применительно к ситуациям, когда обращение в суд по вопросам, рассматриваемым в порядке судебно-исполнительного производства, исходит от «частного лица», складывается двойственное положение. С одной стороны, осужденный или лицо, которому назначены иные меры уголовно-правового характера, должен обосновать свое ходатайство и, как минимум, приложить к

нему копии соответствующих судебных решений, в противном случае суд не сможет определиться с предметом и пределами предстоящего судебного разбирательства и установить (проверить) подсудность поступившего от «частного лица» заявления, а это не позволит назначить судебное заседание и повлечет возврат заявления для переоформления[1]. С другой стороны, в данных производствах нельзя не учитывать то обстоятельство, что и осужденный, и лицо, к которому применены иные меры уголовно-правового характера, особенно те из них, кто содержится в изоляции от общества, имеют ограниченные возможности по собиранию документов и представлению их в качестве доказательств суду.

Поэтому определенной льготой для стороны «частное лицо» служит выработанное судебной практикой положение, согласно которому суд не вправе отказать в принятии ходатайства осужденного, его законного представителя или адвоката в случае неприложения к заявлению необходимых для рассмотрения дела документов, которые обязаны предоставлять администрация учреждения или органа, исполняющего наказание, то есть документов, издаваемых и находящихся в распоряжении этих органов и учреждений[2].

Кроме того, как следует из положений того же п. 32 Постановления Верховного Суда РФ от 20.12.2011 г. № 21, суд оказывает сторонам судебно-исполнительного дела содействие в сборе сведений, которые не могут быть получены или истребованы ими самостоятельно. Надо полагать, что в такой помощи в большей степени нуждается сторона «частное лицо», и на практике содействие суда чаще оказывается ей. Сказанное не означает освобождение частного лица от обоснования обращенного к суду требования и доказывания (пусть и при содействии суда) обстоятельств, на которые данная сторона ссылается.

Своеобразный поворот проблема распределения бремени доказывания обретает в судебно-реабилитационных производствах. Государство, напомним, несет обязанность по возмещению гражданину и юридическому лицу вреда,

---

[1] Такой вывод вытекает из разъяснений Верховного Суда РФ, содержащихся в абз. 1 и 2 п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 г. № 21.

[2] См. абз. 3 п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 г. № 21.

причиненного в результате уголовного преследования или иной незаконной процессуальной деятельности государственных органов в полном объеме (ст. 1070 ГК РФ, ч. 1 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ). Однако, исходя из сущности правосудия и следуя принципам его функционирования, для взыскания вреда предварительно требуется этот «полный объем» установить (а значит, и доказать) в судебном заседании. На практике суды придерживаются верной позиции, согласно которой «требования реабилитированного должны быть удовлетворены в случае, если они подтверждены документально, а доказательства отвечают требованию относимости к конкретному делу»[1]. Но возникает вопрос, кто должен доказывать объем вреда и другие обстоятельства?

Обращающейся в суд («просящей») стороной по реабилитационным и компенсационным делам всегда является частное лицо, от которого исходит требование возмещения вреда или иного восстановления в правах. По характеру и содержанию рассматриваемого судом вопроса его разрешение тяготеет к процессуальному порядку, свойственному исковому производству, в котором бремя доказывания обстоятельств, на которых основываются правовые требования и возражения на эти требования, в равной степени возлагаются на истца и ответчика соответственно.

По логике искового производства, в котором, кстати, рассматривается часть требований реабилитированного – о компенсации морального вреда (ч. 2 ст. 136 УПК РФ), а также требования о взыскании имущественного вреда и восстановлении прав в той части, в которой они при их рассмотрении в порядке ст. 399 УПК РФ оставлены без рассмотрения (абз. 2 п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 г. № 17) – бремя доказывания объема и размера причиненного вреда по указанным делам должно быть возложено на реабилитированного, иное лицо, обратившееся за возмещением имущественного вреда, и их представителей. И, надо заметить, в первые годы действия института

[1] См., например: Справка Ивановского областного суда по итогам обобщения судебной практики по делам о реабилитации (гл. 18 УПК РФ), 2011 г. // ГАС «Правосудие» [Электродный ресурс]. URL: http://oblsud.iwn.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=48 (дата обращения: 15.05.2021).

уголовной реабилитации многие суды следовали этой логике и придерживались позиции: «бремя доказывания факта причинения материального вреда и обоснование его размера лежит на заявителе»[1].

Однако, опираясь на положения Конституции РФ и ряда международно-правовых актов, Конституционный Суд РФ сформулировал и воплотил в своих решениях правовые позиции, согласно которым «государство, обеспечивая – на основе принципов верховенства права, юридического равенства и справедливости – пострадавшим от незаконного или необоснованного привлечения к уголовной ответственности лицам эффективное и полное восстановление в правах, обязано гарантировать им и максимально возможное возмещение причиненного вреда; при этом, по смыслу ст. 49 Конституции РФ, на гражданина не может быть возложена обязанность доказывания оснований для возмещения вреда, непосредственно связанная с доказыванием невиновности в совершении преступления; как более слабая сторона в правоотношении, он не должен подвергаться излишним обременениям; соответственно, предусматривая в этих целях наряду с общими гражданско-правовыми правилами компенсации вреда специальные публично-правовые механизмы, упрощающие процедуру восстановления прав реабилитированных и обусловленные спецификой их правового статуса как лиц, нуждающихся в особых гарантиях защиты своих прав, федеральный законодатель обязан создавать такие процедурные условия, которые, не подвергая сомнению принцип исполнимости принятых решений о выплатах компенсации вреда указанным лицам, способствовали бы скорейшему определению его размера и возмещению»[2].

---

[1] Справка Ивановского областного суда по итогам обобщения судебной практики по делам о реабилитации (гл. 18 УПК РФ), 2011 г.

[2] См. постановления Конституционного Суда РФ: от 02.03.2010 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 242.1 Бюджетного кодекса РФ в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 11. Ст. 1256; от 14.07.2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 УПК РФ в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко» // СЗ РФ. 2011. № 30. Ст. 4698; от 19.07.2011 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 135 УПК РФ в связи с жалобой гражданина В. С. Шашарина" // СЗ РФ. 2011. № 31. Ст. 4808; от 17.10.2011 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 УПК РФ в связи с

В развитие данных позиций Пленум Верховного Суда РФ в п. 17 Постановления от 29.11.2011 г. № 17 разъяснил, что уголовно-процессуальный закон для реабилитированных установил упрощенный по сравнению с исковым порядком гражданского судопроизводства режим правовой защиты, освобождающий их от бремени доказывания оснований и размера возмещения имущественного вреда, и суды стали придерживаться этой позиции[1]. При этом, как указал Верховный Суд РФ, в случае недостаточности данных, представленных реабилитированным в обоснование своих требований, суд обязан оказать ему содействие в собирании дополнительных доказательств, необходимых для разрешения заявленных им требований, а при необходимости и *принять меры к их собиранию*.

Такими мерами, исходя из содержания общих полномочий суда по осуществлению правосудия и специфики реабилитационных производств, могут служить производимые по собственной инициативе суда и обращенные к различным органам и организациям запросы необходимых сведений, требования о предоставлении конкретных документов или их копий, вызов и допрос (опрос) в судебном заседании сведущих лиц, в особо сложных и спорных ситуациях – назначение судебной экспертизы.

Изложенный подход представляется наиболее взвешенным, он учитывает публичный характер устанавливаемого судом деликтного правоотношения, позволяет уголовному суду более оперативно, полно и эффективно восстановить права лица, пострадавшего от необоснованного притеснения (а где-то и откровенного произвола) государственных органов и должностных лиц, ведущих уголовное производство, а, значит, и соответствует назначению уголовного правосудия. Определенное ограничение состязательности, неприемлемое в

жалобами граждан В. А. Тихомировой, И. И. Тихомировой и И. Н. Сардыко» // СЗ РФ. 2011. № 43. Ст. 6123; от 14.11.2017 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РФ в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко» // СЗ РФ. 2017. № 48. Ст. 7299.

[1] См.: Обобщение судебной практики применения районными (городскими) судами и мировыми судьями Волгоградской области положений главы 18 УПК РФ, регламентирующей право на реабилитацию (2016 г.) // ГАС РФ «Правосудие» [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=901 (дата обращения: 15.05.2021 г.).

большинстве видов (формах) правосудия, и очевидное судебное благоприятствование заявителю («частному лицу») в его споре с государством допустимы, как уже было отмечено, в целях сглаживания фактического неравенства противостоящих сторон, и особенно необходимы (да и оправданы с позиции справедливости) при восстановлении правового положения лиц, факты беззакония в отношении которых уже признаны государством в официальных юридических актах.

В русле обсуждаемого вопроса встает проблема пределов активности суда в состязательном судопроизводстве, вызванная определенным противоречием между вытекающим из состязательного построения процесса требованием нейтралитета суда, его невмешательства в спор сторон и соблюдения беспристрастности, с одной стороны, и правозащитной ролью суда, предполагающей активность в обеспечении судебной защиты нарушенного права, – с другой.

По нашему убеждению, отстаиваемому на протяжении ряда работ, данная дилемма должна решаться в соответствии с общеотраслевыми целями и задачами уголовного правосудия, а также конституционного статуса суда как независимого органа правосудия, призванного на основе состязательности и равноправия сторон разрешать социально правовые споры, исходя из чего степень активности суда в уголовно-процессуальном доказывании следует определять на основе *принципа ограниченной активности суда*[1], согласно которому суд выполняет роль организатора процесса доказывания, контролирует познавательно-доказательственную деятельность сторон, стимулирует активность сторон по представлению и исследованию доказательств в ходе судебного следствия и создает им необходимые условия для реализации процессуальных

[1] Бурмагин С. В.: 1) Проблема пределов активности суда в современном российском уголовном процессе и пути ее разрешения // Российское и европейское право: традиции и стратегия развития в условиях глобализации: Материалы международной науч.-практ. конференции (30–31 октября 2007 г., Архангельск). Архангельск, 2008. С. 321–332; 2) Роль и правовое положение суда в современном российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Т. 1. Владимир, 2009. С. 155–171; 3) Уголовный суд России. С. 180–198; 4) Статус и деятельность суда в уголовном процессе. С. 187–194.

(состязательных) прав, но ограничен в инициативном собирании и исследовании доказательств[1].

Принцип ограниченной активности суда, надо признать, нашел (в целом) воплощение в действующей регламентации полномочий уголовного суда и практике рассмотрения уголовных дел. В частности, суд призван способствовать сторонам в собирании и представлении доказательств в ходе судебного разбирательства по уголовному делу[2], но должен оказывать непосредственное содействие стороне (вызов лиц на допрос, запрос документов и т. д.) только по ее инициативе (ходатайству) и только тогда, когда возможности стороны ограничены или полномочия недостаточны.

Аналогичное содействие сторонам в процессе доказывания, не выходящее за пределы обычных обеспечительных обязанностей в состязательном процессе, суд вправе оказывать и при рассмотрении иных дел в порядке уголовного судопроизводства (проанализировано выше на примере исполнительных и реабилитационных производств). Создаваемые же в отдельных производствах некоторые преимущества и «поблажки» в доказывании стороне, обращающейся за восстановлением нарушенного права или компенсацией причиненного в ходе уголовного судопроизводства вреда (ст. 125, 463, 133, 139 УПК РФ) неизбежно сопровождаются повышенной активностью судебного органа в познавательном доказывании. Она необходимым образом компенсирует пассивность частного лица в споре с органом государственной власти и оправдана вышеизложенными факторами и интересами правосудия.

---

[1] Подробнее о содержательных компонентах принципа ограниченной активности уголовного суда изложено в вышеперечисленных работах.

[2] Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // БВС РФ. 2018. № 3.

§ 3. Некоторые структурно-процедурные особенности и недостатки регламентации «неосновных» судебных производств

«Неосновные» (дополнительные) типы судебных производств в сравнении с общим производством по уголовному делу, помимо исследованных в предыдущих разделах диссертации отличий, имеют и другие важные особенности, касающиеся их внутренней структуры и процессуального порядка (процедуры).

1. В структуре контрольных, исполнительных и реабилитационных производств в суде первой инстанции закон не выделяет стадию подготовки к судебному разбирательству как таковую. При этом этап подготовки к судебному заседанию, без чего немыслимо разбирательство какого-либо судебного дела, безусловно, в них присутствует, но ограничивается в основном организационно-подготовительными действиями (проверка относимости (приемлемости) поступившего в суд обращения и его подсудности, определение круга участников процесса, места и времени судебного заседания) и не включает того обширного комплекса процессуальных действий и решений, который установлен главами 33 и 34 УПК РФ для судебного производства по уголовному делу и составляет содержание его начальной стадии.

Закон даже не обязывает суд ни по одному из «неосновных» типов производств выносить постановление о назначении судебного заседания, хотя Верховный Суд РФ рекомендует в отдельных производствах принимать подобные решения[1] и суды, следуя этим рекомендациям, а в ряде случаев и по собственному усмотрению назначают судебные заседания путем принятия соответствующего постановления[2], что не является нарушением закона, поскольку способствует

---

[1] См.: п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ»

[2] См.: п. 9.5 Справки Архангельского областного суда по результатам обобщения судебной практики «Рассмотрение судами области во 2 полугодии 2016 года и 1 полугодии

качественной подготовке дела к слушанию и соблюдению (обеспечению) процессуальных прав участвующих в деле лиц.

Другой структурной особенностью рассматриваемых судебных производств является отсутствие в судебном разбирательстве центрального для рассмотрения уголовного дела этапа – судебного следствия – в том виде и объеме, как он регламентирован для производства по уголовному делу (гл. 37 УПК РФ)[1]. Однако «иные» судебные производства включают его аналог – исследовательскую часть судебного заседания, которая слабо обозначена в законе и при этом только в отдельных производствах (части 1 и 6 ст. 108, ч. 4 ст. 125, ч. 7 ст. 399 УПК РФ), тем не менее, как было установлено нами ранее[2], является обязательным компонентом любого судебного производства, претендующего на включение в систему уголовного правосудия, и обязательным признаком (критерием), по которому тот или иной вид (или часть) судебной деятельности может быть отнесен(а) к деятельности по отправлению правосудия.

В этой связи, с учетом проанализированных в предыдущем разделе диссертации данных о процессе доказывания, представляется крайне важным закрепить в статьях УПК РФ, регулирующих «неосновные» (дополнительные) судебные производства, прямо или посредством отсылочных норм, требования об обязательном исследовании в судебном заседании представленных сторонами доказательств и иных доказательственных материалов.

2. Для судебных производств контрольных, исполнительных и реабилитационных типов и видов установлены иные, чем для рассмотрения уголовных дел, процессуальные сроки их проведения. Для уголовных дел закон определяет срок принятия судьей решения по поступившему делу (ч. 3 ст. 227

2017 года материалов в порядке ст. 165 УПК РФ»; Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 года № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / Е. А. Кузьмина, А. А. Ларинков, И. К. Севастьяник, В. А. Шиплюк. – СПб., 2020. С 47.

[1] М. С. Белоковыльский в этой связи пишет о наличии в исполнительных производствах «редуцированной формы судебного следствия» с крайне ограниченным набором дозволенных средств и способов доказывания (Белоковыльский М. С. Стадия исполнения приговора: неадекватность средств доказывания цели // Адвокат. 2013. № 7. С. 25–32).

[2] См. §§ 2 и 3 первой главы и §§ 3 и 4 второй главы диссертации.

УПК РФ) и сроки начала судебного разбирательства в судебном заседании (ст. 233 УПК РФ), но не ограничивает рассмотрение дела в суде первой инстанции конкретным сроком, предписывая суду руководствоваться общими требованиями о разумном сроке уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ).

Вне всяких сомнений принцип разумного срока уголовного судопроизводства, распространяется и на все иные судебные производства, выделенные нами в отдельные типы, но при этом для судебно-контрольных и большинства судебно-реабилитационных производств законодатель определил конкретные сроки, в которые они должны быть завершены судом первой инстанции.

Наиболее сжатые сроки рассмотрения дела судом установлены для различных форм оперативного судебного контроля:

- в течение 8 часов с момента поступления в суд материалов – для принятия решения по ходатайствам о применении мер пресечения (ч. 4 ст. 108 УПК РФ);

- не позднее 5 суток со дня получения соответствующего ходатайства – при продлении мер пресечения (ч. 8 ст. 109 УПК РФ);

- не позднее 5 суток со дня поступления жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ;

- в течение 24 часов с момента поступления ходатайства (по некоторым из них не позднее 5 суток) – при даче разрешения на производство следственных и иных процессуальных действий (части 2 и 3.1 ст. 165 УПК РФ);

- в десятидневный срок после поступления представления – при даче заключения о наличии или отсутствии в действиях лица признаков преступления (ч. 2 ст. 448 УПК РФ).

Для судебно-исполнительных производств, осуществляемых в порядке ст. 399 УПК РФ, рассмотрение дела в суде не лимитировано конкретным сроком, но разбирательство реабилитационных и компенсационных дел в части требований о возмещении имущественного вреда, хотя и проводится по правилам ст. 399 УПК РФ, в силу требований ч. 4 ст. 135 УПК РФ и в соответствии со ст. 139 УПК РФ должно быть завершено не позднее одного месяца со дня поступления соответствующего требования.

Жесткие сроки судебного производства по делам судебного контроля и возмещению имущественного вреда реабилитированным, иным лицам, незаконно подвергшимся мерам процессуального принуждения, а также юридическим лицам, вред которым причинен незаконными действиями (бездействием) или решениями органов и должностных лиц, осуществлявших уголовное судопроизводство, вполне оправданы и вызваны необходимостью в одних случаях, своевременно в интересах предварительного расследования принять решения, связанные с ограничением прав и свобод личности, в других – оперативно (в кратчайшие сроки) восстановить нарушенные органами уголовной юстиции индивидуальные права и устранить (компенсировать) наступившие вследствие этих нарушений негативные последствия.

3. Более упрощенные и ускоренные (в сравнении с уголовными делами) формы рассмотрения судебных дел в рамках «неосновных» судебных производств предопределили для них и наиболее простой – единоличный – состав суда. Исключение составляют только регламентированное частями 2 и 3 ст. 448 УПК РФ судебно-контрольное производство по даче по представлению Президента РФ заключения о наличии или отсутствии в действиях Генерального прокурора РФ или Председателя Следственного комитета РФ признаков преступления, которое должно проводиться коллегией, состоящей из трех судей Верховного Суда РФ.

4. В нормах УПК РФ, регулирующих контрольные, исполнительные и реабилитационные судебные производства не регламентируются в полной мере, а чаще вообще никак, процессуальные права участвующих в судебном разбирательстве лиц.

Применение (как прямое, так и по аналогии) общих положений уголовно-процессуального закона, устанавливающих правовые статусы сторон и других субъектов уголовного судопроизводства (Раздел II УПК РФ), а также определяющих перечень процессуальных прав для участников судебного заседания по уголовному делу (ст. 244 УПК РФ), не может полностью

компенсировать данный законодательный пробел и удовлетворить потребности указанных производств[1].

Как установлено в предыдущих параграфах настоящей главы, во всех типах «неосновных» (дополнительных) судебных производств появляются специфические заинтересованные в исходе дела участники, которые ни с точки зрения отстаиваемого ими интереса, ни по направленности осуществляемой ими деятельности не могут быть отнесены ни к одной из сторон в уголовном деле и наделены их статусом. Кроме того, и участники, традиционно относящиеся в рамках уголовного дела к стороне обвинения или защиты, «переходя» в судебно-контрольные либо судебно-исполнительные производства, нередко изменяют свои ролевые установки и «процессуальное амплуа».

В результате, при отсутствии четкого понимания правового статуса того или иного участника судебного производства, в ходе практической деятельности могут возникать нестыковки в соотношениях процессуальных прав участников судебного процесса, а это может привести к неоправданному ограничению потенциальных возможностей сторон в отстаивании законных интересов, необеспечению справедливой состязательности, а значит, и ненадлежащему отправлению правосудия. Во всяком случае, с формальной стороны возникает угроза обеспечения равноправия сторон – неотъемлемого условия, общепризнанного стандарта справедливого судебного разбирательства.

Проблема обеспечения равноправия сторон. Состязательность, как известно, требует равноправия сторон. Существенное отступление от этого основополагающего правила состязательного судопроизводства присутствует в единственной, но самой востребованной и распространенной форме судебного контроля – рассмотрении судом ходатайства следователя, дознавателя о разрешении производства следственных и иных процессуальных действий в порядке ст. 165 УПК РФ, которое за исключением случаев, указанных в ч. 3.1 ст.

[1] Так, в частности, 33% судей, 16% прокуроров и 31,3% адвокатов указали, что в практической деятельности у них возникают проблемы в связи с недостаточной регламентацией полномочий участников производства по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора и иных итоговых судебных решений (См.: Качалов В. И. Указ. соч. С. 487).

165 УПК РФ, происходит без участия лица, чьи конституционные права и свободы предполагается ограничить испрашиваемым действием.

В этой коллизионной правовой ситуации, в которой сталкиваются частные интересы индивидуума и публичный интерес эффективного и результативного расследования дела, законодатель отдал предпочтение второму, ограничив тем самым действие состязательного начала. Такое специфическое построение процедуры рассмотрения ходатайств о разрешении процессуально-следственных действий в порядке ст. 165 УПК РФ поставило под сомнение ее состязательный характер и породило в научной среде острую дискуссию об эффективности данной формы судебного контроля[1].

Регламентируемый частями 2, 3 и 4 ст.165 УПК РФ порядок указанных судебно-контрольных производств оправдан необходимостью сохранения конфиденциальности и обеспечения внезапности процессуально-следственных действий (в противном случае, при уведомлении заинтересованного лица о предстоящем проведении этих действий, они могут утратить всякий смысл), не противоречит Конституции РФ[2] и не лишает заинтересованное лицо права обжаловать судебное решение.

В то же время нельзя не признать, что подобное ограничение действия принципа состязательности существенно снижает эффективность данной формы судебного контроля, поскольку не только лишает заинтересованное лицо

---

[1] См.: Кальницкий В. В. "Санкционирование" и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства не эффективны // Уголовное право. 2004. № 1. С. 73–75; Жеребятьев И. Судебный порядок выдачи разрешения на производство отдельных процессуальных действий // Уголовное право. 2005. № 2. С. 84–86; Бородинов В. В. Невостребованный потенциал судебного контроля // Российская юстиция. 2006. № 5. С. 37–41; Россинский С. Б. Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? // Российский судья. 2009. № 8. С. 17–21; № 9. С. 19–22; Колоколов Н. А. Конституционное право на неприкосновенность жилища: к вопросу об эффективности превентивного судебного контроля // Российский судья. 2010. № 6. С. 13–16, № 7. С. 4–8; Каретников А. С., Азамасцева К. А. Разрешение суда на производство следственных действий // Законность. 2011. № 2. С. 43–47; Россинский С. Б. Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 225–235.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 25.03.2004 г. № 124-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Власова Валерия Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 115 и 165 УПК РФ» // Документ не опубликован. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

превентивных средств защиты своего права, но, устраняя его из судебного разбирательства, лишает суд преимуществ состязательного метода познания фактической основы для принятия решения, не стимулирует судебный орган к всесторонней и полной проверке наличия предусмотренных законом оснований и условий проведения процессуального действия, не позволяет в достаточной степени учесть частный интерес в рассматриваемом деле и объективно оценить обоснованность притязаний следователя (дознавателя), что в конечном итоге может привести к судебной ошибке и неправомерному ограничению конституционных прав и свобод личности, для защиты которых судебный контроль собственно и введен в уголовный процесс.

Данный проблемный вопрос – эффективное обеспечение средствами судебного контроля правомерности ограничения конституционных прав и свобод человека при производстве следственных действий – не имеет однозначного решения, не сводится только к выбору законодателем более приемлемой (по соображениям практической целесообразности) из существующих форм процессуального контроля, а требует более глубокой научной проработки. Представляется, что перспектива оптимизации предварительного контроля суда за производством следственных действий, ограничивающих права и свободы личности, может открыться с внедрением в российское правосудие института следственного судьи, наделенного более обширными и разнообразными полномочиями по контролю над досудебным производством.

В судебно-исполнительных производствах другая проблема – неполное урегулирование процессуальных статусов участников судебного разбирательства. При действующей правовой регламентации порядка рассмотрения судом вопросов, связанных с исполнением приговора (ст. 399 УПК РФ), утверждать о процессуальном равноправии лиц, участвующих в судебном производстве по делам исполнения наказания, можно лишь весьма условно, с существенными оговорками.

Согласно ч. 3 ст. 399 УПК РФ осужденный, потерпевший, их законные представители и (или) представители, в том числе адвокаты, вправе знакомиться с

представленными в суд материалами, участвовать в их рассмотрении, заявлять ходатайства и отводы, давать объяснения, представлять документы. Ввиду универсальности для правосудия требования обеспечения равноправия сторон суды на практике обычно предоставляют аналогичные права и представителям органов и учреждений, исполняющих наказание, однако одной доброй воли суда для обеспечения справедливого состязания явно недостаточно. Очевидно, что для этих целей требуется четкое законодательное закрепление единообразного комплекса прав и обязанностей для всех заинтересованных в исходе дела участников судебного разбирательства.

В соответствии с положениями статей 389.1, 401.2, 412.1 УПК РФ, перечисленные выше субъекты также вправе в установленном порядке обжаловать решение, принятое судом по результатам рассмотрения дела по исполнению наказания, в вышестоящий суд, однако органы и учреждения, исполняющие наказание, к субъектам обжалования судебных решений не отнесены, и на практике такое право данным участникам судопроизводства суды не предоставляют.

Между тем, если исходить из признания органов и учреждений, исполняющих наказание, стороной по данной категории судебных дел, логика состязательного построения судебного производства требует наделения их более широким спектром прав по участию в судебном заседании, включая право обжалования судебных решений. Необходимость такого установления неоднократно аргументировалась в юридической печати[1]. Правда, высказывается и противоположная точка зрения.

---

[1] Перлов И. Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. М., 1968. С. 67; Свиридов М. К. Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания. Томск, 1972. С. 52–55; Пастухов И. В. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора … С.9; Николюк Н. В. Производство по рассмотрению и разрешению дел о замене наказания в связи с уклонением осужденного от его отбывания … С. 9–10, 21; Вырастайкин В. В. Устранить коллизии в правоприменительной практике // Преступление и наказание. 2006. № 1. С. 32–35; Грищенко А. В. Институт исполнения приговора в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 17; Курганский М. Г. Вопросы исполнения приговора, разрешаемые районными (городскими) судами по месту отбывания наказания осужденным … С. 8; Шабалина Л. А. Обеспечение прав, свобод и законных интересов осужденного при

Так, например, В. И. Качалов считает излишним предоставление органам и учреждениям, исполняющим наказание, права на обжалование решений суда[1], полагая, что данные субъекты не имеют в деле самостоятельного интереса, а защита публичного интереса не входит в их компетенцию и осуществляется прокурором[2]. Против данной позиции имеются определенные возражения. Если орган или учреждение, исполняющее наказание, не имеет (не отстаивает) в деле никакого интереса, его участие в судебном заседании бесцельно, а значит и лишено всякого смысла. Обращение же в суд не заинтересованного в исходе дела субъекта, не стремящегося к конкретному результату судебного разбирательства, вовсе противоречит сущности и назначению правосудия и не допускается ни по одному из видов судопроизводства.

В действительности орган или учреждение, исполняющее наказание, действует целенаправленно: излагает в представлении вполне конкретные требования и добивается его удовлетворения судом, а в случае привлечения к участию в деле занимает в судебном заседании вполне конкретную правовую позицию по существу рассматриваемого вопроса. При этом, как отмечено выше, орган исполнительной власти руководствуется публичным интересом (во всяком случае, должен им руководствоваться[3]), и такое процессуальное поведение не является несовместимым с деятельностью прокурора, функциональная

рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора … С. 11, 18; Крымов А. А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России … С. 17–18; Пупышева Л. А. Концепция производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора: постановка проблемы. С. 123; Тябина Ю. А. Уголовно-процессуальные отношения в стадии исполнения приговора … С.25; Левченко О. В., Гужва О. В., Караева А. А. Указ. соч. С. 106.

[1] Такого же мнения, по данным В. И. Качалова, придерживается большинство практикующих юристов: 85% судей, 54% прокуроров и 56,3% адвокатов (Качалов В. И. Указ. соч. С. 266, 492).

[2] Качалов В. И. Уголовно-процессуальные особенности апелляционного пересмотра судебных решений, принятых в ходе исполнения приговора // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 197.

[3] На практике, надо признать, должностные лица государственных органов (не только исполняющих наказание, но и, в частности, осуществляющих уголовное преследование) нередко подменяют публичный (государственный) интерес интересами ведомственными, служебными, что вполне объяснимо с точки зрения закономерностей функционирования любого административно-бюрократического аппарата, хотя и не может не вызывать негативных оценок и критического отношения к данному явлению.

характеристика которой применительно к судебно-исполнительным, судебно-реабилитационным и некоторым судебно-контрольным производствам весьма неоднозначна и заслуживает особого внимания.

Неопределенная роль прокурора как участника судебного разбирательства по «иным» судебным делам. Согласно общим положениям уголовно-процессуального права, прокурор является должностным лицом, уполномоченным осуществлять от имени государства уголовное преследование и надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия (ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 37 УПК РФ), уголовно-процессуальным законом он отнесен к стороне обвинения (глава 6 УПК РФ). При разбирательстве уголовных дел в суде прокурор исполняет роль государственного обвинителя, без которого немыслимо функционирование состязательного уголовного правосудия, но его участие предусмотрено и в судебных заседаниях по иным делам (материалам), рассматриваемым судом в порядке уголовного судопроизводства. Какова роль прокурора в производствах по делам такого рода?

1. Судебно-контрольные производства.

Изначально, до принятия Федерального закона № 87-ФЗ от 05.06.2007 г.[1], существенным образом скорректировавшем полномочия прокурора в уголовном процессе, УПК РФ наделял прокурора процессуальным статусом, позволявшим ему занимать главенствующее место среди органов уголовного преследования, руководить их уголовно-процессуальной деятельностью и направлять ее по каждому уголовному делу. Такое положение накладывало и полную ответственность за законность, эффективность и качество всего досудебного производства, которую прокурор испытывал морально и нес юридически.

Прокурор процессуально «возглавлял» деятельность следователя и дознавателя, в любой момент мог оперативно вмешаться в нее, отменить или изменить незаконное или необоснованное решение, побудить органы расследования к должным действиям и, соответственно, отвечал за состояние и

[1] Федеральный закон от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"» // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

результаты досудебного производства. В судебном заседании по делам судебного контроля прокурор каждый раз выступал как заинтересованный в их исходе субъект, как процессуальная сторона, чей процессуальный интерес заключался в отстаивании законности и обоснованности проверяемых судом действий и решений не только непосредственно подчиненных ему по службе работников прокуратуры, но и должностных лиц органов дознания и предварительного следствия, которые обязаны были согласовать у прокурора свои действия и направляемые в суд ходатайства.

При таком положении дел вполне логичным и оправданным являлось обязательное участие прокурора в судебном рассмотрении всех ходатайств органов предварительного расследования и жалоб на них, при этом участие следователя, дознавателя либо не было предусмотрено вовсе (ч. 3 ст.125 УПК РФ в первоначальной редакции[1]) либо допускалось, но не было обязательным (в остальных формах судебного контроля) и осуществлялось на практике в субсидиарном порядке.

В настоящее время (после указанных изменений законодательства в 2007 г.) прокурор не имеет полномочий по процессуальному руководству органами предварительного следствия, а надзорные функции не позволяют ему в полной мере направлять их деятельность по проверке сообщения о преступлении и расследованию возбужденного дела. Данные изменения, по мнению И. С. Дикарева, коренным образом изменили модель взаимоотношений прокурора с органами расследования и сформировали «принципиально новый правовой статус прокурора в досудебном производстве как непричастного к осуществлению уголовного преследования органа, чья процессуальная функция на протяжении всего расследования исчерпывается беспристрастным надзором за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»[2]. В новых

---

[1] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (1 ч.). Ст. 4921.

[2] Дикарев И. С. Система сдержек и противовесов в досудебном производстве по уголовным делам // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 78. – Разделяя мнение автора о кардинальном изменении характера процессуальных взаимоотношений прокурора с органами следствия, не можем не заметить, что функция уголовного преследования в деятельности

условиях, когда в рамках конкретного уголовного дела процессуальные интересы прокурора, с одной стороны, и следственного органа – с другой, зачастую не совпадают, а нередко принимают и конфликтный характер, прокурор не может выступать в судебном процессе как представитель общих интересов органов уголовного преследования.

Воспринимая перемены во взаимоотношениях прокурора и органов следствия, законодатель расширил участие следователя в судебно-контрольных процедурах и дополнил их полноценным участием руководителя следственного органа (ч. 4 ст. 108 и ч. 3 ст. 125 УПК РФ в редакции Федерального закона от 02.12.2008 г.[1]), что позволило органам следствия самостоятельно, вне зависимости от позиции прокурора, отстаивать перед судом собственную точку зрения по вопросам законности и обоснованности заявленных ходатайств об ограничении конституционных прав и свобод личности, а также обжалованных в суд процессуальных действий (бездействия) и решений. В результате этих изменений следователь и руководитель следственного органа заняли в судебно-контрольных производствах положение стороны, имеющей свой собственный процессуальный интерес, заключающийся в признании судом правомерности их деятельности, ставшей предметом судебной проверки, и в принципе способной его отстаивать в судебном заседании, хотя правомочие по обжалованию судебного решения по-прежнему принадлежит только прокурору.

Таким образом, получаем следующую картину. Процессуальный конфликт имеет место между следователем и участником производства по делу, чьи конституционные права ограничены следователем или могут быть ограничены по его ходатайству. Эти субъекты в судебно-контрольном производстве, безусловно, являются сторонами по делу (одна из них обращается в суд с соответствующим требованием, вторая добивается обратного). На стороне частного лица, как указывалось выше, могут выступать его представитель или защитник, на стороне

прокурора на стадиях досудебного производства все же не исчерпала себя полностью, поскольку прокурор сохранил полномочия по процессуальному руководству органами дознания и по-прежнему утверждает обвинительные заключения следователей.

[1] Федеральный закон от 02.12.2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 49. Ст. 5724.

следователя как органа обвинительной власти – руководитель следственного органа, который контролирует деятельность следователя, руководит ею и несет ответственность за ее результаты.

Встает резонный вопрос[1]: в каком качестве в этой состязательной конструкции предстает прокурор? Как представляется, его процессуальное положение с точки зрения состязательного построения судебного разбирательства весьма двусмысленно и четко не определенно. В тех случаях, когда предметом судебной проверки является деятельность органа следствия, прокурора нельзя однозначно отнести ни к одной из сторон. У прокурора, если можно так выразиться, «плавающий» интерес. В одних случаях он на стороне следователя, в других – противостоит ему и возражает против заявленных им ходатайств. Если быть точнее, в этих делах прокурор не представляет ни частный интерес, ни интересы следствия, у прокурора нет и собственного процессуального интереса, поскольку суд ни прямо, ни косвенно не оценивает процессуальную деятельность прокурора.

Ввиду неопределенности правового положения прокурора в рассматриваемой категории судебно-контрольных производств среди практических работников отсутствует единое понимание сущности и значения участия прокурора в судебном разбирательстве по такого рода делам, что не может не сказываться как на продуктивности прокурорской деятельности, так и эффективности осуществляемого в порядке судебного контроля правоприменения.

Результаты проведенного нами опроса практических работников – судей, прокуроров, адвокатов – относительно роли прокурора в делах судебного

---

[1] Таким вопросом озадачены многие авторы, например: Манова Н. С., Рыгалова К. А. Роль прокурора при решении судом вопроса о применении мер пресечения // Законность. 2017. № 12. С. 6–10. По мнению К. В. Андреева, «вопрос о роли, функциях (и полномочиях) прокурора в рамках оперативных судебно-контрольных производств» особенно актуален «в условиях намечающейся конфронтации между Следственным комитетом РФ и непосредственно Генеральной прокуратурой РФ» (Андреев К. В. Процессуальные полномочия следователя и прокурора в рамках судебно-контрольных производств, реализуемых на досудебном этапе уголовного судопроизводства России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2012. С. 14.).

контроля (статьи 108, 125, 165 и др. УПК РФ), в которых предметом судебного рассмотрения выступают ходатайства следователя или жалобы на его действия или решения, показывают, что 48,4% респондентов считают прокурора стороной по делу, 16,2% – полагают, что прокурор содействует (помогает) суду разобраться в обстоятельствах дела и правильно разрешить рассматриваемый вопрос, 28,7% – находят, что прокурор осуществляет надзор за следственными органами (законностью их деятельности), 2,5% – уверены, что прокурор осуществляет надзор за судом (законностью судебного контроля), и 4,2% – высказали иные единичные суждения (*см. приложение № 2, ответы на 8-й вопрос анкеты*)

Выборка ответов по категории респондентов свидетельствует, что и среди самих прокурорских работников отсутствует единомыслие о своем назначении в судебном производстве по указанной категории судебно-контрольных дел: 11,5% из них считают себя стороной в судебном процессе; 46,2% видят свое назначение в содействии (помощи) суду в правильном разрешении рассматриваемого вопроса; 32,1% указали, что в судебном заседании осуществляют надзор за следственными органами; а 7,7% – надзор за судом и законностью его постановлений.

Между тем при существующем правовом регулировании безоговорочно невозможно принять ни один из приведенных вариантов. Как подчеркнуто выше, в анализируемых делах прокурора сложно отнести к какой-либо из сторон. Можно предположить, что прокурор выступает здесь как незаинтересованный субъект, который, не будучи связан собственным процессуальным интересом, объективно оценивает спорную правовую ситуацию и высказывает суду свое независимое суждение, «дает заключение» по вопросу правомерности ограничения прав личности, чем оказывает суду содействие в осуществлении правосудия[1].

[1] Такая точка зрения содержится в работах: Лазарева В. А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве по уголовному делу: монография. М., 2010. С. 155; Ерохина О. С. Участие следователя в судебном заседании в ходе досудебного производства по уголовному делу … С. 17; Щерба С. П., Попова А. В. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. 2016. № 1. С. 22–26; Балакшин В. С., Спирин А. В. Участие прокурора в

Однако, во-первых, такое положение прокурора не вписывается в состязательную модель судебного разбирательства, для которой «подключение» к участию в деле незаинтересованного в его исходе субъекта и наделение его правом обжалования судебного решения – правовой нонсенс, во-вторых, оно противоречит статусу суда как независимого, самостоятельного, полновластного органа правосудия, который не нуждается в помощи «независимого правового эксперта» и в состоянии самостоятельно разрешить поставленный перед ним правовой вопрос, в-третьих, роль «консультанта по правовым вопросам» не согласуется с высоким назначением самих органов российской прокуратуры и их задачами, определенными Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации».

Если же исходить из того, что прокурор в рассматриваемой ситуации выполняет надзорные функции, возникают другие, не менее острые вопросы. Очевидно, что прокурор не уполномочен надзирать за действиями суда и его решениями – внешний надзор за судебной деятельностью в России упразднен еще в 90-х годах прошлого столетия. За кем же тогда надзирает прокурор в судебном заседании по делам судебного контроля? Если за действиями и решениями органов предварительного следствия, как полагает значительная часть правоведов, то эту надзорную деятельность следует осуществлять своевременно, до начала судебно-контрольной проверки, и вне судебного заседания, в котором прокурору не доступны властные надзорные правомочия и специфические меры прокурорского реагирования.

Согласно пунктам 1.8 и 1.19 Приказа Генпрокуратуры России от 17.09.2021 г. № 544[1], прокурорам вменяется обязательное участие в судебных заседаниях по делам судебного контроля и *дача суду заключения* об обоснованности ходатайства

рассмотрении судом ходатайств органов предварительного расследования // Законность. 2016. № 10. С. 30–33; Воскобойник И. О., Кузнецова О. Д. Проблемы и перспективы судебного контроля при рассмотрении жалоб в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК РФ // Российский судья. 2016. № 8. С. 20–24.

[1] Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность. 2021. № 12.

следователя (в отношении мер пресечения – письменное) или по поводу действий следователя, обжалуемых в порядке ст.125 УПК РФ, а в каждом случае установления предусмотренных законом оснований – принятие мер к своевременному *обжалованию решений суда*, принятых по ходатайствам следователя[1].

Указанными процессуальными формами «надзорные полномочия» прокурора, собственно, и исчерпываются. Судя по характеру и моменту реализации этих полномочий, взятых явно из набора процессуальных правомочий сторон в судебном заседании, можно заключить, что они используются не для предотвращения или исправления незаконных действий и решений органов следствия (эти действия и решения уже состоялись), а для влияния на результат контрольно-проверочной деятельности суда, то есть на содержание итогового решения по судебно-контрольному делу. Примечательно, что в п. 1.8 указанного приказа констатируется, что прокурор осуществляет «надзор за законностью *применения* в качестве меры пресечения заключения под стражу». А кто непосредственно применяет эту меру? Очевидно, что не следователь, а судья. По сути, подобные формулировки означают не что иное, как ориентацию прокуратуры на скрытую форму надзора за судебной деятельностью, что противоречит конституционному статусу судебной власти.

Любопытным в развитие этого суждения представляется умозаключение С. П. Щербы и А. В. Поповой о том, что «прокурор, принимая участие в рассмотрении судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, как правило, *выступает на стороне обвинения*, выполняет прежде всего надзорную функцию, направленную на соблюдение требований закона при *применении* указанной меры пресечения (выделено нами –

[1] Аналогичные положения содержались в предшествующих, утративших силу приказах об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказах Генпрокуратуры России «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» от 06.09.2007 г. № 136, от 02.06.2011 г. № 162 и от 28.12.2016 № 826 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

С. Б.)»[1]. Если вдуматься, выглядит по меньшей мере странно: сторона обвинения надзирает за законностью применения судом меры пресечения, назначаемой по ее же ходатайству.

Если же надзорная функция не суть прокурорских полномочий в рассматриваемой категории судебных производств, то возникает вопрос о значении и правовой сущности «заключения прокурора», которое, кстати, уголовно-процессуальными нормами, регулирующими судебный контроль в досудебном производстве, не предусмотрено. В этом случае остается неясной и природа (истоки) правомочия прокурора обжаловать судебное решение, наличие которого является признаком процессуальной стороны или надзирающего субъекта.

В то же время реальная сторона судебно-контрольного производства – следователь и руководитель следственного органа – не наделена правом обжаловать решение суда первой инстанции, тем самым лишена важнейшего процессуального средства отстаивания своих притязаний в состязательном процессе. В отдельных регионах суды принимают к рассмотрению апелляционные жалобы следователя[2], но подобная практика не нашла распространения и не поддержана Верховным Судом РФ.

Вывод из всего сказанного напрашивается один: прокурор в судебно-контрольном деле может выступать только как орган уголовного преследования, как сторона обвинения. Только в этом качестве он может быть наделен правомочием обжаловать решение, вынесенное в рамках судебного контроля. А при таком варианте, очевидно, требуется четкое согласование позиций прокурора и следственного органа по поводу рассматриваемого судом ходатайства следователя либо жалобы на действия последнего, и такое согласование должно состояться до начала судебно-контрольного разбирательства и поддерживаться по его ходу с учетом возможного выявления новых, юридически значимых для судебного решения обстоятельств.

---

[1] Щерба С. П., Попова А. В. Указ. соч.

[2] См.: Кузьмина О. В. Следователь как субъект обжалования судебных решений на досудебной стадии уголовного процесса // Уголовное право. 2010. № 3. С. 85–89.

При действующем порядке одновременное участие в делах судебного контроля должностных лиц органов следствия и надзирающего за их деятельностью прокурора, в силу противоречия их позиций по рассматриваемому судом вопросу, чреват втягиванием суда в процессуальный спор между властными субъектами уголовного процесса, относящимися к стороне обвинения[1].

И. С. Дикарев видит в разрешении судебно-контрольного дела в условиях состязательной процедуры, когда судом учитываются несовпадающие позиции следственного органа и прокурора, положительный момент – проявление системы сдержек и противовесов в досудебном производстве[2]. Но ведь состязание предполагается не между прокурором и следователем или руководителем следственного органа, а между частным лицом и органом власти. Не возражая в принципе против необходимости и целесообразности установления в наших российских условиях системы сдержек и противовесов между органами государственной (обвинительной) власти, выскажем мнение, что в эту систему не должен включаться судебный контроль за соблюдением конституционных прав и свобод граждан.

Судебно-контрольные процедуры в досудебном производстве имеют иное предназначение. Их состязательное построение предполагает рассмотрение спора между государством и индивидуумом (личностью), а не отвлечение на разбирательство, кто прав – следственный орган или прокурор. Если посмотреть на судебный контроль в уголовном судопроизводстве шире, как на средство реализации судебной власти, то, конечно, он выполняет роль сдержек и противовесов, но только как фактор, сдерживающий власть правоохранительных («силовых») органов в их намерении ограничить права и свободу личности и противостоящий их неправомерным устремлениям в этом направлении.

---

[1] Анализ этой проблемы и ее негативных проявлений см.: Спирин А. В. Спор между прокурором и следователем в суде недопустим // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. N 4 (26). С. 63–69.

[2] Дикарев С. И. Указ. соч. С. 81.

По нашему убеждению, «выяснение всех процессуальных отношений» между прокурором и поднадзорными ему органами предварительного расследования должно происходить вне судебного разбирательства. В противном случае амбиции должностных лиц органов власти могут затмить (оттенить) собой основной вопрос судебно-контрольного дела – наличие оснований для ограничения прав личности – и помешать суду правильно разрешить его.

В юридической литературе, помимо рассмотренных нами вопросов, также обозначена практическая проблема низкой эффективности участия прокурора в судебном рассмотрении ходатайств следователя, которая также и, надо полагать, не в последнюю очередь обусловлена неясностью его процессуального статуса в этом виде судебных производств. Насущность данной проблемы побуждает некоторых авторов[1], в том числе из числа руководящего состава прокуратуры[2] говорить о нецелесообразности сохранения за прокурором полномочий по участию в рассмотрении дел судебного контроля или их ограничения.

2. Судебно-исполнительные производства.

Глава 47, статьи 432, 445 (и др.) УПК РФ крайне скупо регламентирует деятельность прокурора в производствах по вопросам исполнения приговора и иных судебных решений. Согласно ч. 6 и ч. 7 ст. 399 УПК РФ прокурор вправе участвовать в судебном заседании и высказывать суду свое мнение по существу рассматриваемого вопроса. И хотя на практике суды предоставляют прокурору возможность воспользоваться в судебном заседании тем же набором процессуальных средств, которыми обладают стороны, следует согласиться с утверждением А. А. Крымова и Ю. А. Тябиной о том, что в законе «роль прокурора в стадии исполнения приговора вообще не определена»[3].

---

[1] Рябцева Е. В. Давайте будем последовательны в реформировании уголовного судопроизводства! (о соотношении прокурорского надзора и судебного санкционирования на предварительном следствии) // Российская юстиция. 2008. № 8. С. 57–59.

[2] Наседкин В. А. Оптимизация процедуры поддержания в судах ходатайств следственных органов - действенный способ повышения эффективности прокурорского надзора на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Законность. 2016. № 3. С. 3–4.

[3] Крымов А. А, Тябина Ю. А. Проблемы правового регулирования участия прокурора в стадии исполнения приговора // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2016. № 2. С. 63.

Как уже отмечено, в уголовном процессе прокурор осуществляет уголовное преследование и надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, других функций на него уголовно-процессуальным законом не возложено. Очевидно, что в период исполнения приговора или иного судебного решения прокурор не осуществляет ни того, ни другого. В тоже время в силу ч. 1 ст. 389.1, ч. 1 ст. 401, ст. 401.2, ч. 1 ст. 412.1 УПК РФ прокурор наделен правом обжалования любого постановления суда, вынесенного при разрешении вопросов, связанных с исполнением судебных решений. Ответ на возникающий вопрос, в каком качестве при этом выступает прокурор, вновь не очевиден[1].

Мнения практических работников о роли прокурора в рассмотрении вопросов, разрешаемых в порядке ст. 399 УПК РФ, также не отличаются единством. Так, 35,7% опрошенных нами респондентов считают прокурора стороной по делу, 23,5% – полагают, что прокурор содействует (помогает) суду разобраться в обстоятельствах дела и правильно разрешить рассматриваемый вопрос, 33,3% – находят, что прокурор осуществляет надзор за органами, исполняющими приговор и иные судебные решения (законностью их деятельности), 4,4% – уверены, что прокурор осуществляет надзор за судом (законностью судебных постановлений), и 3,2% – высказали иные единичные суждения (см. *приложение № 2, ответы на 9-й вопрос анкеты*).

Ответы самих прокурорских работников показывают, что среди них и в этом вопросе отсутствует единомыслие: 11,5% считают себя стороной в судебном процессе; 48,7% видят свое назначении в содействии (помощи) суду в правильном разрешении рассматриваемого вопроса; 32,1% (меньше, чем обобщенный показатель) указали, что в судебном заседании осуществляют надзор за органами исполнения приговора; а 5,1% – надзор за судом и законностью его постановлений.

Правильно сориентироваться практикам не помогает и правовая теория – в ней самой отсутствует ясность по исследуемому вопросу. Разброс научных

[1] См.: Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве. С. 48–50; Тябина Ю. А. Уголовно-процессуальные отношения в стадии исполнения приговора … С. 24.

мнений очень широк: от суждения, что прокурор в «стадии исполнения приговора» выполняет «те же функции, что и в предыдущих судебных стадиях, – функцию уголовного преследования, правозащитную и борьбы с преступностью»[1], до утверждения, что прокурор «является незаинтересованным наблюдателем» и «выступает помощником судьи в разрешении дела: он – ассоциативный субъект судебного познания»[2].

Не углубляясь в подробный анализ всех существующих точек зрения, выскажем убеждение, что прокурор не должен низводиться до «помощника судьи», некоего «консультанта по правовым вопросам». Такая роль не только имеет мало смысла[3], но и, как уже отмечено, не совместима как с независимостью и самостоятельностью органов судебной власти, которые при принятии решений не нуждаются в советах «стороннего наблюдателя», так и с истинным назначением органов прокуратуры. К тому же в данную установку не вписывается полномочие прокурора по обжалованию судебных решений, которое является прерогативой заинтересованного в исходе дела участника судопроизводства и в состязательном процессе принадлежит, как правило, стороне по делу.

Однако и к стороне процесса отнести прокурора в настоящее время сложно, поскольку он не руководит деятельностью органов и учреждений, исполняющих

---

[1] Тушев А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: система функций и полномочий: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2006, С. 40. – На «правозащитную функцию» прокурора, обязывающую его принимать меры к устранению всяких нарушений закона от кого бы они ни исходили, указывает В. В. Дорошков (Дорошков В. В. Общие и специальные полномочия прокурора в уголовном процессе // Мировой судья. 2015. № 11. С. 13–19). По мнению Л. А. Пупышевой, в уголовно-исполнительном производстве прокурор выполняет «функцию правообеспечения», отстаивая в судебном заседании, предусмотренном ст. 399 УПК РФ, публичный интерес и оказывая «содействие суду в принятии законного, справедливого и обоснованного решения» (Пупышева Л. А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса … С. 294).

[2] Воронин О. В. Участие прокурора в стадии исполнения приговора // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2011, № 1. С. 44, 47.

[3] От участия прокурора в таком качестве суду мало пользы, поскольку, как верно отмечает В. О. Белоносов, прокурор не обладает большей осведомленностью по вопросам факта, чем представитель органа (учреждения), исполняющего наказание, и не отличается от судьи более высокой юридической компетенцией, то есть по сравнению с судьей не может знать ничего «принципиально юридически более компетентного» (Белоносов В. О. Функция прокурора в судебном разбирательстве в стадии исполнения приговора // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 4. С. 10).

наказание, не несет ответственность за направленные ими в суд представления, а главное – не инициирует исполнительное производство в суде и вроде бы не имеет процессуального интереса в деле. Более того, участие прокурора в судебном заседании не обязательно и оставлено на его усмотрение (за исключением случаев, предусмотренных ч. 5 ст. 432, ст. 445, 463, ч. 1 ст. 466 УПК РФ). Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 30.06.2021 г. № 376 также не предписывает прокурорам участвовать во всех видах судебно-исполнительных производств[1].

В этой связи глубокие сомнения возникают и в верности утверждения о выполнении прокурором в указанной части уголовного судопроизводства миссии «правообеспечения». Во-первых, выполнение подобной задачи возможно лишь на постоянной основе, а не в условиях периодического, если не эпизодического, появления в судебном процессе. Во-вторых, непосредственно в судебном заседании прокурор не обладает каким-либо арсеналом обеспечительных мер и не имеет возможности самостоятельно (без суда, вне или вопреки его воле) что-либо обеспечить. Формально единственное предоставленное прокурору статьей 399 УПК РФ процессуальное средство, с помощью которого он имеет возможность влиять на судебное решение, – изложение суду собственного мнения (позиции) по рассматриваемому вопросу. В свете сказанного прокурор действительно может показаться этаким вольным слушателем, сторонним наблюдателем, если бы не правомочие по обжалованию судебных постановлений.

В юридической литературе присутствует точка зрения, что посредством обжалования судебных решений по результатам судебно-исполнительных производств прокурор осуществляет надзор за законностью[2]. Но вновь возникает вопрос: за чем или кем конкретно надзирает прокурор в ходе судебного

---

[1] Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30.06.2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Антонов И. А., Горленко В. А. Функции прокуратуры в сфере уголовного судопроизводства: понятие, содержание, "тенденции к сокращению" // Российский следователь. 2008. № 20. С. 5–9; Алексеев С. Л., Вотчель Н. Р. Прокурорский надзор: Учебное пособие / Под ред. Ф. Н. Багаутдинова. Казань, 2014. С. 94–95.

рассмотрения дел по вопросам исполнения судебных решений? Если за судом, за судебной деятельностью, за судебными решениями, то не должен, так как не правомочен. Если за исполнением приговора органами и учреждениями, исполняющими наказание, то эту надзорную деятельность прокурор может и должен осуществлять лишь вне уголовно-процессуальной деятельности, за пределами судебного заседания и судебно-исполнительного производства в целом, в котором у прокурора отсутствуют властные надзорные полномочия, в властный субъект один – суд.

Анализируя проблемы, связанные с регулированием участия прокурора в «стадии исполнения приговора», А. А. Крымов и Ю. А. Тябина пишут о необходимости большей взаимосвязи данной деятельности с надзором за законностью исполнения наказаний соответствующими органами и учреждениями исполнительной власти, когда участие прокурора в суде при решении вопросов исполнения приговора «должно стать логичным продолжением его надзорной деятельности»[1]. Следует признать, что в рамках состязательного судопроизводства это возможно только путем придания прокурору статуса процессуальной стороны, отстаивающей публичный интерес и участие которой обязательно по всем делам по вопросам исполнения наказания.

Представляется, что существующее двусмысленное положение прокурора в «неосновных» судебных производствах есть рудимент сохранившейся с советских времен обязанности по надзору за деятельностью суда и должно быть ликвидировано. Последовательное претворение в делах судебного контроля (в части проверки законности действий и решений следственных органов), по вопросам исполнения судебных решений и реабилитации[2] состязательных процедур как неотъемлемого элемента (атрибута) уголовного правосудия требует устранения из них обозначенных нами коллизий двумя возможными (в рамках действующей системы уголовного процесса), альтернативными способами: путем

---

[1] Крымов А. А, Тябина Ю. А. Указ. соч. С. 64.

[2] Отдельно положение и участие прокурора в судебно-реабилитационных производствах нами не разбиралось ввиду того, что они аналогичны положению и участию прокурора в судебно-исполнительных производствах.

исключения прокурора из судебного разбирательства с передачей полномочий по обжалованию судебного постановления соответствующим государственным органам и учреждениям либо путем преобразования процессуального статуса прокурора в соответствии с принципами состязательности и независимости судей.

Более предметно по типам судебных производств эти возможные варианты представляются следующим образом.

В судебно-контрольных производствах:

1) восстановление прежней компетенции прокурора в уголовном процессе, благодаря которой все разногласия следователя и руководителя следственного органа с прокурором будут разрешаться (при решающем значении позиции прокурора) до обращения органов уголовного преследования в суд, а участие следователя и руководителя следственного органа вновь становится необязательным, поскольку именно прокурор будет представлять в суде согласованную позицию и единые требования органов обвинительной власти[1];

2) освобождение прокурора от участия в рассмотрении судебно-контрольных дел по ходатайствам должностных лиц органов предварительного следствия и жалобам на их действия (бездействие) и решения, и передача следователю или руководителю следственного органа правомочия обжаловать судебные решения по вопросам судебного контроля в вышестоящий суд[2].

В судебно-исполнительных производствах:

1) полное освобождение прокурора от участия в делах по вопросам, связанным с исполнением судебных решений, установление обязательного участия в судебном заседании представителей органов и учреждений, инициировавших рассмотрение в суде того иного «исполнительного» вопроса, наделение данных субъектов необходимым набором процессуальных прав для

---

[1] Предпочтение такому варианту в указанных выше работах высказывают В. А. Спирин, С. П. Щерба и А. В. Попова.

[2] Признание за должностными лицами органов предварительного следствия права обжаловать судебные решения в рамках судебно-контрольных производств отстаивают О. В. Кузьмина и Ю. А. Цветков (См.: Кузьмина О. В. Указ. соч; Цветков Ю. А. Следователь в апелляции // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 27–32).

активного участия в качестве стороны по делу, включая право обжалования судебного постановления[1];

2) придание прокурору статуса обязательного и активного участника судебно-исполнительного производства в судебном рассмотрении по всем вопросам исполнения судебных решений[2].

Второй вариант представляется более предпочтительным ввиду большей пригодности органов прокуратуры для представления в суде публичного интереса. Логическим переходом прокурора от положения органа надзора за законностью деятельности по исполнению судебных решений в положение стороны в судебно-исполнительном производстве, должно явиться согласование им направляемого в суд представления органа или учреждения, исполняющего наказание, или самостоятельное обращение в суд с аналогичным представлением.

Для целостности и завершенности предлагаемой конструкции следует: а) наделить прокурора полномочиями согласовывать (утверждать) соответствующее представление и поддерживать его в судебном заседании или направлять представление от своего имени[3]; б) обязать прокурора участвовать в судебном рассмотрении всех дел указанной категории, в том числе возбужденных по ходатайству осужденного или его адвоката; 3) устранить из круга активных участников судебного заседания представителей органов и учреждений, исполняющих наказание, или сохранить их факультативное, обусловленное

---

[1] Работы, в которых выдвинуты предложения по усилению процессуального статуса органов и учреждений, исполняющих приговор, приведены нами выше.

[2] Подобные предложения обосновываются в следующих научных работах: Пастухов И. В. Указ. соч. С. 9; Курганский М. Г. Указ. соч. С. 8; Николюк Н. В. Производство по рассмотрению и разрешению дел о замене наказания в связи с уклонением осужденного от его отбывания … С. 9, 19–20; Тябина Ю. А. Указ. соч. С. 22, 25; Шабалина Л. А. Указ. соч.17–18; Гужва О. В. Теоретические и практические проблемы рассмотрения судом вопросов, связанных с исполнением приговора … С. 10; Крымов А. А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России … С. 19, 42–43; Пупышева Л. А. Концепция производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора: постановка проблемы. С. 121, 123; Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе … С. 244–245.

[3] За наделение прокурора полномочиями возбуждать уголовно-исполнительное (судебное) производство путем внесения в суд представлений по всем вопросам, указанным в ч. 1 ст. 399 УПК РФ, высказываются 36% судей, 63% прокуроров и 56% адвокатов (См.: Качалов В. И. Указ. соч. С. 246–247, 491).

усмотрением прокурора участие в качестве вспомогательного субъекта; 4) предоставить прокурору весь комплекс процессуальных прав, необходимых для полноценного участия в судебном процессе в качестве стороны, отстаивающей интересы общества и государства.

При таком положении полномочие прокурора по обжалованию судебного решения логично и гармонично впишется в его обновленный процессуальный статус субъекта, защищающего публичный интерес и потому заинтересованного в исходе дела.

Типичные и дифференцированные модели принятия итоговых судебных решений. Рассмотренные в настоящей главе особенности построения и осуществления «неосновных» (дополнительных) судебных производств в конечном итоге определяют модели реализации в них процессуально-правового механизма принятия судебных решений, завершающих рассмотрение соответствующего судебного дела и воплощающих в себе его результаты.

Наиболее типичной (привычной) для советско-российского уголовного процесса и полной по содержанию (можно сказать, «классической») является модель принятия итогового решения по уголовному делу, поступившему в суд с обвинительным документом и рассмотренному в обычном порядке. В ней наиболее четко и явственно просматриваются все этапы судебного правоприменения и присущие механизму принятия судебного решения элементы (см. § 4 третьей главы).

При этом применительно к решению дела в отношении несовершеннолетнего данная модель уже имеет некоторые особенности, связанные, в частности, с расширением круга подлежащих установлению обстоятельств, т. е. предмета доказывания (ст. 421 УПК РФ), с появлением дополнительных активных участников судебного процесса – законных представителей несовершеннолетнего подсудимого, и наличием дополнительных вопросов, разрешаемых судом при постановлении приговора (ст.430 УПК РФ). В дифференцированных (особых) порядках рассмотрения уголовных дел с обвинением отмечаются более существенные особенности, позволяющие

квалифицировать их как отступление от типовой модели принятия итогового решения по делу. Речь идет о так называемых упрощенных и усложненных формах судебного разбирательства по уголовному делу.

Упрощенные (или ускоренные) судебные производства, протекающие в особых, предусмотренных главами 40 и 40.1 УПК РФ порядках судебного разбирательства, характеризуются, как известно, сокращенным судебным следствием, исключающим непосредственное установление в судебном заседании фактических обстоятельств инкриминируемого деяния и проверку судом с участием сторон обоснованности выводов о виновности подсудимого, и, как следствие, упрощенной структурой приговора, не содержащего в себе развернутого обоснования (мотивировки) выводов о виновности-невиновности подсудимого и юридической квалификации совершенного им деяния.

Производство в суде с участием присяжных заседателей, напротив, предусматривает более сложную структуру судебного разбирательства, двухэтапное установление фактологической основы приговора в «раздвоенном» судебном следствии и раздельное разрешение вопросов факта и вопросов права, отнесенных к компетенции коллегии присяжных заседателей и председательствующего соответственно (ст. 334 УПК РФ). При этом первая часть судебного решения – разрешение вопросов доказанности факта деяния и виновности подсудимого в его совершении (ч. 1 ст. 339 УПК РФ) – выносится в форме особого процессуального акта – вердикта присяжных заседателей, являющегося не отдельным, самостоятельным и окончательно сформированным решением уголовного суда, а органической частью соответствующего приговора.

Еще больше отличий от типовой модели принятия судебных решений, реализуемой в производстве по уголовному делу, имеют модели принятия итоговых решений в контрольных, исполнительных и реабилитационных судебных производствах. Во всех перечисленных производствах отмечаются юридически значимые особенности, которые связаны с принятием в этих производствах основных (итоговых) судебных решений, так или иначе определяют содержательное наполнение элементов механизма принятия решений

и таким образом формируют типичные модели принятия итоговых судебных решений, характерные для каждого из типов «неосновных» судебных производств. Такого рода особенности заключаются в следующем:

а) имеется собственный предмет доказывания, обусловленный специфическим содержанием основного правового вопроса рассматриваемого судебного дела;

б) фактическую основу решения составляют не только и не столько обстоятельства совершенного (или предполагаемого) общественно-опасного деяния, сколько обстоятельства, возникшие после этого события, в том числе и непосредственно связанные с самим производством по делу – процессуальные факты (*в модели принятия решений по судебно-контрольным делам)*, либо обстоятельства вредных последствий от противоправной уголовно-процессуальной деятельности (*в модели принятия решений по реабилитационным и компенсационным судебным делам*), либо обстоятельства, не имеющие никакого отношения к производству по уголовному делу, а возникающие в процессе исполнения приговора или иного судебного решения и в связи с этим процессом (*в модели принятия решений по судебно-исполнительным делам*);

в) познание судом фактических обстоятельств дела осуществляется в большинстве случаев нехарактерными для уголовного дела способами (без проведения судебно-следственных действий) и с отступлениями от строго состязательного метода (с допущением познавательной активности суда);

г) для установления фактической основы принятия решения в качестве средств доказывания используются не только собственно доказательства, предусмотренные ст. 74 УПК РФ, но и иные источники юридически значимой информации: объяснения, а также процессуальные акты и иные письменные материалы основного производства (уголовного дела);

д) судом разрешается одинарный правовой вопрос, который не сопровождается комплексом дополнительных сопутствующих вопросов, требующих судебного разрешения совместно с основным вопросом дела подобно тому, как это предусмотрено при постановлении приговора (ст. 299 УПК РФ);

е) отсутствуют варианты коллегиального принятия решения (за исключением дачи заключения в порядке ст. 448 УПК РФ);

ж) узкий перечень видов итоговых решений, ограниченный 2–3 альтернативными вариантами;

з) отсутствие специальной, законом урегулированной процедуры принятия решения, компенсируемое применением по аналогии процедуры принятия решения (постановления приговора) из основного производства, что не может обеспечить ее неукоснительное соблюдение.

В связи с последним обстоятельством при опросе практических работников (судей, прокуроров и адвокатов) им был задан вопрос: нуждаются ли на их взгляд процедуры вынесения решений по итогам рассмотрения дел (материалов) судебного контроля, по разрешению вопросов исполнения приговора и реабилитации в тщательной нормативной регламентации, как это сделано в отношении приговора? Меньшая часть респондентов – 22,3% (но при этом в их число вошли 50% судей) – ответила отрицательно, указав, что на практике при рассмотрении указанных дел на основе аналогии закона успешно применяется процедура вынесения приговора; большинство же опрошенных (69,5%) ответили положительно, при этом из них: 41% считает, что такая регламентация необходима для каждого из указанных судебных производств, а 59% полагают, что целесообразнее установить в УПК РФ единую для всех дел и материалов процедуру вынесения итогового решения (*см. приложение № 2, вопрос 17-й анкеты*).

Отмеченные соискателем (далеко не в полном объеме) особенности принятия уголовным судом итоговых решений в «неосновных» типах судебных производств, полагаем, дают веские основания для выделения и последующего научного исследования дифференцированных моделей принятия судебных решений для каждого их типов и видов судебных производств в уголовном процессе. Исследование и сопоставление универсального и типовых, а также типовых, видовых и одинарных моделей принятия судебных решений, анализ присущих им особенностей, раскрытие общих и частных закономерностей их

построения и функционирования, безусловно, необходимы для выявления и устранения недостатков правовой регламентации и реализации на практике этих правовых моделей, совершенствования всего механизма принятия судебных решений, а значит, и повышения эффективности и качества уголовного правосудия.

Подводя итог анализу реализации в контрольных, исполнительных и реабилитационных судебно-уголовных производствах состязательного начала и проявления в них структурных и процедурных особенностей, можно сделать ***следующие выводы***:

1. На современном этапе развития уголовного правосудия явно прослеживаются две встречные тенденции: упрощение процедур основного судебного производства по уголовному делу и усложнение иных судебных производств, в частности, производств по применению мер процессуального принуждения и рассмотрению вопросов, связанных с исполнением судебных решений, что указывает на определенное процедурное сближение разнотипных производств и является подтверждением их системности и единства.

2. Современная система уголовного правосудия Российской Федерации базируется по состязательной модели судопроизводства, которая позволяет суду, сохраняя объективность и беспристрастность, учитывать и защищать разноплановые правовые ценности (законные интересы) в условиях их конкуренции посредством разбирательства и разрешения любого юридического дела (спорного правового вопроса) при участии заинтересованных сторон и обеспечении последним возможности отстаивать свои права и интересы в ходе равноправного и справедливого судебного состязания.

3. Общие признаки состязательного судопроизводства: наличие сторон, потенциально обладающих противоположными интересами, построение процедуры с расчетом на возможное противоборство сторон в судебном заседании, предоставление им для этого равных прав по участию в судебном разбирательстве дела и процессуальных средств отстаивания своих позиций, размежевание процессуальных функций суда и сторон; разрешение дела

процессуально независимым от сторон и не связанным их интересами органом правосудия – присущи всем типам судебно-уголовных производств, что является одним из веских доказательств их единства, позволяющего объединять все предусмотренные и осуществляемые в уголовном процессе судебные производства в единую систему уголовного правосудия.

4. Одновременно с этим состязательное построение отдельных видов судебных производств имеет свои характерные особенности, обусловленные особым назначением того или иного вида деятельности уголовного суда, специфическим характером конфликтного правоотношения, а также предметом судебного рассмотрения, присущим тому или иному производству. Эти особенности *заключаются* в своеобразных для каждого вида производств составе и статусе сторон и других участников, направленности и соотношении их деятельности по инициированию судебного производства и участия в познавательно-доказательной деятельности, в предмете доказывания и используемых средств доказывания, в степени активности суда; *проявляются* внешне в процессуальной форме и *свидетельствуют* о дифференцированности судебных производств.

5. Свойственное основному типу судебных производств соотношение сторон («обвинение» – «защита») в иных производствах отсутствует (в судебно-исполнительных и судебно-реабилитационных производствах) либо значительно трансформируется (в судебно-контрольных). Для «неосновных» (дополнительных) судебных производств характерно конфликтное правоотношение, которое возникает между *государством* в лице исполнительных органов власти, осуществляющих уголовное преследование, исполнение судебных решений и функции по обеспечению исполнения федерального бюджета, и *частными лицами* (физическими и юридическими), вовлеченными в уголовное судопроизводство, по поводу нарушения, ограничения, усиления или ослабления ограничения, а также восстановления нарушенных в процессе производства по уголовному делу прав и свобод последних.

6. Имеющиеся в структуре уголовного правосудия отступления и недостатки состязательного построения конкретных видов судебных производств обусловлены: первые – спецификой предмета производства, содержанием конфликтного отношения и составом противостоящих сторон; вторые – недооценкой (как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях) значения большинства «неосновных» судебных производств как деятельности по осуществлению правосудия и необходимости их последовательного построения в этом качестве на состязательных началах.

7. Для «неосновных» (дополнительных) судебных производств характерны: недостаточная урегулированность на законодательном уровне процессуальных статусов сторон и других участвующих в судебном разбирательстве лиц, отсутствие надлежащей регламентации осуществляемой в их рамках познавательно-доказательственной деятельности, в том числе средств, способов и процессуального порядка доказывания.

В этой связи существует практическая потребность: а) в конкретизации и оптимизации правовых статусов участников судебного разбирательства в соответствии с их истинным ролевым назначением в том или ином виде судебных производств и на началах процессуального равноправия в судебном заседании; б) в унификации процессуальных средств доказывания, предполагающей распространение системы доказательств, установленных для уголовных дел (ст. 74 УПК РФ), на все иные судебные производства и введении в действие норм (возможно бланкетного характера), устанавливающих порядок производства в судебном заседании судебно-следственных действий, приемлемых для дополнительных судебных производств, в частности, допроса свидетелей, осмотра вещей и документов, производства судебной экспертизы; в) в закреплении в статьях УПК РФ регулирующих «неосновные» (дополнительные) судебные производства, требования об обязательном исследовании в судебном заседании представленных сторонами доказательств и иных доказательственных материалов.

8. Обозначенные, но далеко не исчерпывающим образом, особенности судебно-контрольных, судебно-исполнительных и судебно-реабилитационных производств непосредственным образом формируют типичные и дифференцированные модели принятия итоговых судебных решений, характерные для каждого из типов и видов производств, и требуют дальнейшего изучения и учета в правовом регулировании процесса доказывания и других процедур, предназначенных для указанных судебных производств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное комплексное исследование уголовно-процессуальной деятельности суда в контексте доктрины системного построения и дифференциации уголовного судопроизводства показало несостоятельность прежде традиционного для отечественной науки, но не отвечающего современным правовым реалиям узкого подхода к пониманию сущности и пределов уголовного правосудия, согласно которому осуществляемое уголовным судом правосудие сводится исключительно к рассмотрению уголовных дел. Результаты исследования подтвердили выдвинутую гипотезу о единстве уголовного правосудия в сочетании с дифференциацией судебной деятельности по его осуществлению и привели соискателя к следующим выводам.

1. Уголовное правосудие в Российской Федерации является разновидностью государственно-властной деятельности и определяется как осуществляемая в форме уголовного судопроизводства деятельность суда по рассмотрению и разрешению на основе права и справедливости уголовных и иных юридических дел (правовых вопросов), отнесенных уголовно-процессуальным законом к ведению судебной власти, в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом правовых интересов.

Обосновано, что уголовное правосудие представляет собой сложное системное правовое явление, суть которого – разрешение в порядке уголовного судопроизводства спора о действительном или предполагаемом праве, а основным содержанием является процессуальная деятельность уголовного суда по рассмотрению и разрешению уголовных дел и иных, связанных с ними судебных дел, находящихся в его компетенции. Рассмотрение и разрешение дела судом – две неотъемлемые составляющие правосудия, для которого характерно диалектическое единство процесса правосудия и его результата.

Основные правозащитные цели уголовного правосудия детерминированы общим назначением судебной власти и целями (предназначением) уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), в рамках которого оно осуществляется. Главная двуединая цель уголовного правосудия состоит в: 1) защите и восстановлении нарушенных преступлением прав и законных интересов; 2) защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, а равно любого иного ограничения ее прав и свобод в процессе производства по делу.

Общими задачами суда при осуществлении уголовного правосудия являются: 1) рассмотрение и разрешение уголовных дел и различных правовых вопросов, возникающих в ходе уголовного судопроизводства и отнесенных к компетенции суда; 2) обеспечение законности (правомерности) и справедливости осуществляемого судом уголовного производства; 3) создание необходимых условий для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

2. Установлено, что деятельность по отправлению уголовного правосудия является по своей природе юридической, правоприменительной, а по характеру – познавательной, юрисдикционной, процессуальной, осуществляемой в установленной законом уголовно-процессуальной форме с соблюдением принципов уголовного судопроизводства и гарантий его справедливости. Иная непроцессуальная (организационная, обеспечительная и прочая) деятельность суда собственно правосудием не является, но необходимым образом содействует своевременному и качественному его осуществлению.

Судебное рассмотрение конкретного дела представляет собой взаимосвязанную последовательность правоприменительных актов суда, образующих в совокупности правоприменительный цикл, направленный на разрешение основного правового вопроса рассматриваемого дела и индивидуальное урегулирование спорного правоотношения.

Доказано, что любая процессуальная деятельность уголовного суда, направленная на разрешение входящих в его компетенцию юридических дел и

спорных вопросов, требующих установления фактических обстоятельств и применения к ним норм права, обладает всеми конструктивными признаками правосудия и является таковым, а завершающее такую деятельность судебное решение есть акт правосудия. Правосудие начинает осуществляться с момента поступления в судебный орган соответствующего процессуального обращения (заявления, ходатайства, представления, уголовного дела), порождающего судебное производство и номинально заканчивается моментом обращения итогового решения суда, вступившего в законную силу, к исполнению, но может быть продолжено в судах вышестоящих инстанций.

Для изложенного в работе доктринального толкования понятия уголовного правосудия и широкого определения его предметной области и процессуальных пределов (границ) имеются необходимые и достаточные теоретические и нормативно-правовые основания. Произошедшее в новейшей истории России расширение предметной области уголовного правосудия и дальнейшая дифференциация его правовых форм являются закономерными процессами, вызванным объективными факторами исторического развития российского общества.

3. Установлено, что непосредственная деятельность суда по осуществлению уголовного правосудия также имеет системный характер, состоит из многочисленных единичных процессуальных актов суда – действий и решений – и по предметному признаку разделяется на четыре вида (части): 1) судебный контроль законности досудебного производства; 2) рассмотрение и разрешение уголовных дел; 3) разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора и иных судебных решений; 4) рассмотрение вопросов реабилитации и возмещения вреда, причиненного незаконной уголовно-процессуальной деятельностью.

Для каждого вида (и разновидности) судебной деятельности законом предусмотрен особый тип (вид) судебного производства, предназначенный для разрешения соответствующих категорий судебных дел: судебно-контрольных дел, уголовных дел, дел по вопросам исполнения судебных решений, реабилитационных и компенсационных дел, различающихся по существу

спорного правоотношения (конфликта) и содержанию главного правового вопроса, подлежащего разрешению судом.

Доказано, что деятельность уголовного суда по осуществлению правосудия во всех ее разновидностях характеризуется многофункциональностью. Комплексная функция уголовного правосудия, которую в целом осуществляет суд в уголовном процессе, складывается из таких уголовно-процессуальных функций суда – подфункций правосудия, как разрешение дела, правоохранная, правовосстановительная, контрольная, обеспечительная и превентивная; все они в той или иной степени реализуются при рассмотрении любого судебного дела и проявляются в каждом из видов судебных производств.

Раскрыта структура уголовного правосудия как судебной деятельности – ее образуют: процессуальные действия и процессуальные решения суда (первичные структурные элементы), судебные процедуры (вторичные элементы структуры) и судебные производства (конечные, нормативно определенные процессуальные образования).

Судебные процедуры предусмотрены для решения в ходе уголовного производства локальных, текущих (промежуточных) правовых вопросов и образованы совокупностью последовательных, взаимосвязанных судебных действия и решений, имеющих общую направленность.

4. Судебные решения являются главным, ключевым процессуальным средством выражения и реализации судебной власти, представляют собой наиболее важный компонент любого судебного производства и уголовного правосудия в целом, посредством которого осуществляются наиболее значимые властные полномочия суда, достигаются цели и задачи уголовного правосудия. Судебные решения отражают правовую сущность уголовного правосудия, которая состоит не только в процессе рассмотрения и разрешения судебно-правового спора, но и в юридически значимом результате – законном, эффективном и справедливом урегулировании социально-правового конфликта.

Сформулировано авторское определение понятия судебного решения в уголовном судопроизводстве, согласно которому судебное решение есть

вынесенный в установленной законом процессуальной форме правоприменительный акт суда, содержащий основанные на праве и установленных фактических обстоятельствах дела выводы по рассмотренному в порядке уголовного судопроизводства юридическому делу или отдельному правовому вопросу и вытекающие из этих выводов властные волеизъявления суда о действиях, направленных на достижение целей уголовного правосудия.

Аргументировано, что комплексной качественной характеристикой судебного решения в уголовном процессе является свойство правосудности, которое определяется через соответствие судебного решения правовым требованиям законности, обоснованности, мотивированности и справедливости, соблюдение которых обеспечивает надлежащее осуществление уголовного правосудия и достижение его целей по конкретному делу.

Каждое решение уголовного суда должно быть правосудным, при этом содержательное наполнение требований законности, обоснованности, мотивированности и справедливости различно для разных типов и видов судебных решений и зависит от назначения, функционального характера решения, его относимости к основному вопросу судебного дела, принадлежности к виду судебного производства, а также от процессуального порядка принятия решения.

5. Обосновано, что судебное производство в уголовном процессе есть не что иное, как обособленная часть уголовно-процессуальной деятельности суда по осуществлению уголовного правосудия, совершаемая при взаимодействии с другими участниками уголовного судопроизводства и представляющая собой структурно определенный и организационно завершенный комплекс судебных процедур и отдельных процессуальных действий, предназначенный для разрешения по существу конкретной разновидности юридических дел (правовых споров), отнесенных к компетенции суда и подлежащих рассмотрению в порядке уголовного судопроизводства.

Судебные производства как самые крупные, организационно законченные и нормативно определенные процессуальные образования предназначены для

разбирательства по предмету судебного дела и решения его основного и всех сопутствующих правовых вопросов. В своей совокупности судебные производства охватывают всю деятельность суда по осуществлению уголовного правосудия без остатка.

Установлено, что судебно-уголовное производство как система уголовно-процессуальной деятельности суда представляет собой не линейное и ординарное (однопредметное) производство, а сложную, интегрированную и многофункциональную процессуальную конструкцию, комплексное правовое образование, состоящее из нескольких типов уголовно-процессуальных производств, различающихся по своему предметно-целевому назначению (направленности).

Современная система судебных производств Российской Федерации, призванная обеспечить в сфере уголовного судопроизводства полноту судебной власти и реализовать ее правозащитную функцию, сложилась в результате длительного развития, проходившего в соответствии с общими закономерностями общественно-исторического процесса, в русле общеевропейских тенденций с учетом национально-культурных традиций. Расширение спектра судебных производств и разнообразия их процессуальных форм – объективный и закономерный процесс развития уголовного правосудия, обусловленный стремлением законодателя модернизировать традиционные формы правосудия, адаптировав их к новым социальным условиям и усложняющимся общественным отношения, и является общепризнанным в международном сообществе трендом.

6. Сравнительный анализ зарубежных систем судебно-уголовного производства при сопоставлении их между собой и с российской системой позволил с уверенностью констатировать общее структурное сходство всех систем при содержательном разнообразии их составляющих элементов. В каждой современной национальной системе уголовного правосудия выделяются такие виды судебной деятельности как рассмотрение и разрешение уголовного дела в разнообразных дифференцированных вариантах (формах), судебный контроль на

предшествующих этапах уголовного производства, судебно-исполнительная и восстановительно-компенсационная (реабилитационная) деятельность.

В тоже время международный опыт построения систем уголовного судопроизводства указывает на отсутствие у законодателей системного подхода к выделению особых уголовных порядков и отдельных производств, тогда как это представляется принципиально важным для надлежащей регламентации всех видов судебных производств с учетом их единой правовой (правосудной) сущности и предметно-целевой специфики каждого из них, и подтверждает актуальность развития доктрины судебных производств в уголовном процессе на основе выработки четких, научно обоснованных критериев их дифференциации.

7. На основе вышеизложенных результатов диссертационного исследования предложена *концепция единства уголовного правосудия и дифференцированности судебно-уголовных производств*, которая базируется на необходимой теоретической и нормативно-правовой основе и имеет следующие объективные предпосылки: а) дальнейшее расширение правовой сферы приложения судебной власти; б) развитие в уголовном судопроизводстве правозащитных механизмов, прежде всего путем наращивания потенциала судебной защиты; в) общественный запрос на усиление гарантий справедливости уголовного правосудия и повышение его эффективности.

Концептуально доктрина единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств представлена соискателем в виде следующей совокупности *основных взаимосвязанных теоретических положений*.

1) Уголовное правосудие в Российской Федерации является сложноорганизованной, интегрированной и динамической правовой системой, основное содержание которой составляет деятельность суда по рассмотрению в порядке уголовного судопроизводства юридических дел и урегулированию лежащих в их основе социально-правовых споров.

2) Судебная деятельность по осуществлению уголовного правосудия не лимитирована рассмотрением уголовных дел и не ограничена рамками единого производства, а реализуется в комплексе взаимосвязанных, разветвленных

судебных производств, центральным и основным из которых является производство по уголовному делу.

3) Судебно-уголовное производство как форма деятельности уголовного суда по осуществлению правосудия первоначально делится на типы и виды производств по предметно-целевому принципу (критерию), а обособленные таким образом судебные производства вторично расчленяются на судебные стадии и далее дифференцируются по иным, дополнительным основаниям.

4) Признаками самостоятельности судебного производства, позволяющими выделить его в отдельную организационно оформленную и процессуально обособленную структурную единицу системы уголовного правосудия, являются: а) наличие специфических целей и задач; б) собственный предмет судебного рассмотрения и соответствующий ему (особенный по содержанию) предмет судебного познания и доказывания; в) процессуальная автономность от других типов производств; г) полистадийность; д) внешняя организационная обособленность и отдельное (от уголовного дела) документальное оформление; е) своеобразная процедура, включающая особые правила подсудности; ж) собственный набор (перечень) итоговых судебных решений.

5) В современном российском уголовном процессе выделяются следующие типы самостоятельных судебных производств: основное производство по уголовному делу и производные от него судебно-контрольное, судебно-исполнительное и судебно-реабилитационное производства, каждое из которых предназначено для рассмотрения типичного для него судебного дела, подлежащего разрешению в порядке уголовного судопроизводства.

6) Наряду с типологическими различиями судебные производства сохраняют общность в рамках единой системы уголовного правосудия, обусловленную: а) правовой природой, социальным назначением и единством судебной власти, которая реализуется в уголовном процессе посредством этих производств; б) единой аксиологической сущностью и общими целями уголовного правосудия; в) существующими между производствами взаимными связями и действием общих закономерностей их построения и

функционирования; г) тождественностью реализуемых судом процессуальных функций (при своеобразии их проявления в различных типах и видах производств); д) правоприменительным характером судебных производств; е) сходным структурным построением и поэтапным делением судебных производств; ж) единством принципов уголовного правосудия и общих условий судебного разбирательства; з) единообразием (сходством) основных методов, процессуальных средств и способов рассмотрения и разрешения дела; и) единством регламента и общих процедурных правил проведения судебного заседания; к) наличием в различных судебных производствах унифицированных судебных процедур; л) общими судебно-процессуальными гарантиями соблюдения законности рассмотрения дела и обеспечения прав участников судопроизводства; м) стандартными правилами вынесения судебных решений и едиными для всех производств требованиями правосудности судебных решений; н) общим и в целом единообразным порядком проверки законности и обоснованности принимаемых в судебных производствах решений.

8. В развитие выдвинутой концепции аргументируется, что производство по уголовному делу (во всех его разновидностях) в системе уголовного правосудия является исходным, центральным, доминирующим и системообразующим производством. В то же время судебно-контрольные, судебно-исполнительные и судебно-реабилитационные производства не являются исключениями из основного общеуголовного производства, его экстраординарными формами (порядками), а представляют собой самостоятельные уголовные производства, необходимым образом расширяющие сферу уголовного правосудия и дополняющие его систему процессуальными средствами судебной защиты, отсутствующими в основном производстве.

Каждый из выделенных типов судебных производств занимает собственное важное место в единой системе уголовного правосудия. Любое судебное производство в смысле его письменного оформления можно именовать общим термином – судебное дело, охватывающим и уголовные дела, и любые, так называемые, судебные материалы по различным (отдельным) ходатайствам,

представлениям и жалобам, рассматриваемым в порядке уголовного судопроизводства. Каждое судебное дело заканчивается актом правосудия, которое воплощает применение норм права к установленным фактам, разрешает дело по существу и вносит свою лепту в достижение целей уголовного правосудия.

Разработана систематизация судебных производств, которая предусматривает деление основного производства на следующие виды: 1) производства по обвинению лица в совершении преступления; 2) производства по ходатайствам о применении принудительных мер медицинского характера; 3) производства по ходатайствам о применении к несовершеннолетнему лицу принудительных мер воспитательного воздействия; 4) производства по ходатайствам о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Главным, сущностным признаком основных производств является их обусловленность свершившимся или предполагаемым общественно-опасным деянием и вытекающая из этого обстоятельства потребность в установлении: а) факта деяния и всех значимых обстоятельств его совершения; б) причастности к его совершению лица, в отношении которого ведется данное производство. В отличие от других типов судебных производств рассмотрению в суде уголовного дела, как правило, предшествует предварительное (досудебное) производство.

Контрольные, исполнительные и реабилитационные типы судебных производств также имеют множество разновидностей и разнообразные процессуальные формы и, в отличие от основных производств, возбуждаются непосредственно в суде путем подачи в судебный орган соответствующего процессуального обращения уполномоченным субъектом, рассматриваются в укороченные сроки и в более упрощенных порядках (отсутствует полноценная стадия подготовки к судебному заседанию, упрощена исследовательская часть, прения сторон заменены на однократное выслушивание мнений).

9. Выявлено, что наличие самостоятельных судебных производств в качестве отдельных структурных образований общей системы уголовного

правосудия с неизбежностью детерминирует постановление по результатам судебного разбирательства по каждому поступившему в суд процессуальному обращению, содержащему требование судебной защиты права или законного интереса, финального решения, которое разрешает основной вопрос судебного дела или иным образом заканчивает рассмотрение дела по существу.

Общими отличительными признаками итоговых решений в любом обособленном судебном производстве является то, что эти решения: 1) разрешают по существу основной вопрос судебного производства по конкретному процессуальному обращению и завершают рассмотрение соответствующего судебного дела в определенной судебной инстанции; 2) постановляются в совещательной комнате и выносятся исключительно в письменной форме в виде отдельного процессуального акта: приговора, постановления, определения, заключения; 3) свободно обжалуются в установленном законом порядке в вышестоящую судебную инстанцию независимо от иных судебных решений.

Обосновано, что система решений уголовного суда соотносится с системой судебных производств и является подсистемой уголовного правосудия. Общие правила вынесения судебных решений и единые формальные, процедурные и содержательные требования, предъявляемые ко всем судебным решениям, выступают в отношении судебных производств одним из основных объединяющих факторов.

Для каждого единичного вида судебных производств (производственного модуля) предусмотрен необходимый для его успешного осуществления комплекс судебных решений, который представляет собой синтез взаимосвязанных между собой процессуальных решений суда, нацеленных на разрешение юридических дел, рассматриваемых судом в том или ином судебном производстве. Каждый комплекс в обязательном порядке включает уникальный набор основных (итоговых) решений суда, нормативно установленных для определенного вида производств, и объединяет его с комплектом вспомогательных (промежуточных) решений, как универсальных (в составе стандартных судебных процедур), так и особенных, встречающихся только в отдельных производствах.

Процедура принятия судебного решения соотносится с актом судебного правоприменения как форма и содержание единого явления. В связи с этим рассмотрение конкретного судебного дела в определенной инстанции можно представить как объединение взаимосвязанных, последовательно выстроенных единичных (микро)правоприменительных актов суда по вспомогательным (текущим, промежуточным) вопросам и основного (макро)правоприменительного акта, образующих в совокупности правоприменительный цикл, направленный на разрешение главного правового вопроса рассматриваемого дела и индивидуальное урегулирование спорного правоотношения. Последовательность правоприменительных циклов образует полный правоприменительный процесс, который соответствует целому (единому) производству по отдельному судебному делу, рассматриваемому в порядке уголовного судопроизводства.

Отмечено, что проявление единства и дифференцированности судебных производств обнаруживается также при анализе процесса реализации универсального для всей системы правосудия механизма принятия судебных решений: структура и элементный состав механизма неизменны (едины для всех видов судебных производств), но содержательное наполнение элементов варьируется, в том числе в зависимости от вида судебного производства (его особенностей), детерминируя появление вариативных (типичных и дифференцированных) моделей принятия судом итоговых решений.

10. Подтверждено, что единство и дифференцированность процессуальной формы – две объективные закономерности развития современного (в рамках действующего УПК РФ) российского уголовного судопроизводства, а значит, и уголовного правосудия. В ходе этого развития наблюдаются две разнонаправленные тенденции: дальнейшая дифференциация форм уголовного правосудия (появление новых судебных производств и особых (дифференцированных) порядков ведения основных производств) и унификация ключевых (опорных) судебных процедур и процессуальных правил основного производства, их распространение на иные (дополнительные) судебные

производства посредством правового регулирования либо через судебную практику и придание им таким образом универсального характера.

Выявлены также две другие встречные тенденции в динамике уголовного правосудия: упрощение процедур основного судебного производства по уголовному делу за счет появления и расширения его сокращенных и ускоренных видов (форм) и одновременно усложнение иных («неосновных») судебных производств, в частности, производств по применению мер процессуального принуждения и рассмотрению вопросов, связанных с исполнением судебных решений, что указывает на определенное процедурное сближение разнотипных производств и является подтверждением их системности и единства.

11. Подчеркнуто, что современная система уголовного правосудия Российской Федерации базируется по состязательной модели судопроизводства, которая позволяет суду, сохраняя объективность и беспристрастность, учитывать и защищать разноплановые правовые ценности (законные интересы) в условиях их конкуренции посредством разбирательства и разрешения любого юридического дела (спорного правового вопроса) при участии заинтересованных сторон и обеспечении последним возможности отстаивать свои права и интересы в ходе равноправного и справедливого судебного состязания.

В то же время установлено, что состязательное построение отдельных типов и видов судебных производств имеет свои характерные особенности, которые обусловлены особым назначением того или иного вида деятельности уголовного суда, специфическим характером конфликтного правоотношения, а также предметом судебного рассмотрения, присущим тому или иному производству, и заключаются в: а) своеобразных для каждого типа (вида) производств составе и статусе сторон (не совпадающем с присущим основному производству соотношением «сторона обвинения – сторона защиты») и других участников судебного процесса; б) направленности и соотношении их деятельности по инициированию судебного производства и участия в познавательно-доказательной деятельности; в) содержании предмета доказывания, пределах судебного познания (доказывания) и используемых средств доказывания; г)

распределении бремени доказывания и степени активности суда; д) привлечении к участию в судебном разбирательстве лиц и органов, не участвующих в основном производстве.

Перечисленные основные особенности, относящиеся главным образом к дополнительным судебным производствам, проявляются внешне в процессуальной форме, свидетельствуют о дифференцированности судебных производств и *должны непременно учитываться* в ходе научных исследований судебно-уголовных производств и правотворческой (законодательной) деятельности по их совершенствованию и модернизации, а также в правоприменительной практике.

Имеющиеся в структуре уголовного правосудия отступления и недостатки состязательного построения конкретных видов судебных производств обусловлены: первые – спецификой предмета производства, содержанием конфликтного отношения и составом противостоящих сторон; вторые – недооценкой (как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях) значения большинства «неосновных» судебных производств как деятельности по осуществлению правосудия и необходимости их последовательного построения в этом качестве на состязательных началах.

В числе существенных недостатков процедурного плана, характерных для «неосновных» (дополнительных) судебных производств, выделены: недостаточная урегулированность на законодательном уровне процессуальных статусов сторон и других участвующих в судебном разбирательстве лиц; отсутствие надлежащей регламентации осуществляемой в их рамках познавательно-доказательственной деятельности, в том числе средств, способов и процессуального порядка доказывания.

12. Результаты исследования системы уголовного правосудия позволили соискателю выдвинуть и поддержать ранее выдвинутые предложения по совершенствованию норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих различные судебные производства и деятельность уголовного суда в целом, и обосновать соответствующие рекомендации, направленные на:

- уточнение содержащихся в статьях 8 и 15 УПК РФ формулировок принципов осуществления правосудия только судом и состязательности сторон соответственно, с тем чтобы указанные принципы недвусмысленно распространяли свое действие не только на производство по уголовному делу, а на все без исключения виды судебных производств, осуществляемых в рамках уголовного процесса;

- корректировку правовых понятий итогового и промежуточного судебных решений, закрепленных в ст. 5 УПК РФ, распространив легальное понятие итогового судебного решения на все решения уголовного суда, разрешающие по существу любое дело, рассматриваемое в порядке самостоятельного судебного производства;

- нормативное закрепление требования мотивированности устных (протокольных) постановлений и определений суда с конкретизацией в законе обязательных содержательных элементов мотивировки решений, выносимых в данной форме;

- более четкое и последовательное подчинение некоторых видов основных судебных производств (по ходатайствам органов уголовного преследования о применении принудительных мер воспитательного воздействия и о назначении судебного штрафа), а также судебно-контрольных, судебно-исполнительных и судебно-реабилитационных производств общим условиям и правилам производства уголовных дел в суде первой инстанции (глава 35 УПК РФ) за изъятиями, объективно вызванными спецификой предмета судебного рассмотрения и интересами (разумной) процессуальной экономии;

- установление для уголовных дел с ходатайствами о применении принудительных мер воспитательного воздействия и о назначении судебного штрафа единообразной с иными видами уголовных дел процедуры их направления в суд через прокурора, предусматривающей утверждение (согласование) прокурором любых итоговых процессуальных документов следователя и дознавателя и лишение последних правомочия прекращать

уголовное дело или уголовное преследование по предусмотренному ч. 1 ст. 427 УПК РФ основанию;

- регламентацию процедуры судебного рассмотрения уголовных дел о применении принудительных мер воспитательного воздействия и о назначении судебного штрафа наподобие особого порядка проведения судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (ст. 316 УПК РФ);

- исключение из предмета судебно-исполнительных производств вопросов, предусмотренных пунктами 11, 12 и 15 ст. 397 УПК РФ, включив их рассмотрение в основное судебное производство в качестве дополнительной, факультативной процедуры, применяемой при необходимости исправления, уточнения или дополнения итогового судебного решения по рассмотренному делу;

- упорядочение и конкретизацию в судебно-контрольных, судебно-исполнительных и судебно-реабилитационных производствах правовых статусов сторон и других участников судопроизводства, включая прокурора, в соответствии с их ролевым назначением и на началах процессуального равноправия в судебном заседании;

- унификацию процессуальных средств доказывания, предполагающую распространение системы доказательств, установленных для уголовных дел (ст. 74 УПК РФ), на все иные судебные производства;

- закрепление в процессуальных нормах, регулирующих «неосновные» (дополнительные) судебные производства, требования об обязательном исследовании в судебном заседании представленных сторонами доказательств и иных доказательственных материалов и порядка производства в судебном заседании судебно-следственных действий, приемлемых (допустимых) для данных производств.

13. В целом теоретическое осмысление неоднородности и системности уголовно-процессуальной деятельности суда, признание на доктринальном уровне наличия в уголовном процессе самостоятельных, отделенных от уголовного дела

судебных производств, образующих в единстве с основным производством современную систему отправления уголовного правосудия, позволяют наиболее полно раскрыть диалектику российского уголовного правосудия, правильно понять суть и значение реализуемых вне основного производства по уголовному делу судебных полномочий и принимаемых на их основе процессуальных решений.

В теоретическом плане комплекс разработанных научно-обоснованных положений, объединенных в концепцию единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств, призван обогатить сложившуюся в процессуальной науке доктрину уголовно-процессуальных производств и задать в развитии теории уголовного правосудия новое направление – парадигму, основанную на признании системности, многофункциональности и процедурного разнообразия судебно-уголовного производства.

Представленные в диссертации базовые понятия, сформулированные дефиниции, разработанные методологические подходы к изучению поставленных вопросов и основные выводы по результатам проведенного исследования способны и должны послужить ориентиром, теоретической и методологической основой для предстоящих научных изысканий в области уголовного правосудия. Они указывают на перспективные направления в последующей разработке доктрины единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств – более методичные, детальные и глубокие исследования отдельных типов и видов судебных производств в контексте их принадлежности к единой системе уголовного правосудия и взаимосвязи с другими производствами.

Дальнейшее развитие в процессуальной науке концептуальных положений о системном единстве и дифференцированности судебных производств в уголовном процессе, детальное изучение общих и особенных закономерностей их построения и функционирования будут способствовать совершенствованию процедур судебно-уголовных производств и повышению эффективности всего уголовного правосудия.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Нормативно-правовые и судебные акты:

Конституция РФ – Конституция Российской Федерации 1993 г.

ФКЗ – Федеральный конституционный закон

ФЗ – Федеральный закон

УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г.

УПК РСФСР – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1960 г.

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г.

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации 1994– 2006 гг.

ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации 2002 г.

АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации 2002 г.

КАС РФ – Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации 2015 г.

Органы власти:

ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет

СНК – Совет Народных Комисаров РСФСР

МВД – Министерство внутренних дел Российской Федерации

ФСИН – Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации

Европейский суд, ЕСПЧ – Европейский Суд по правам человека

Официальные издания:

СУ РСФСР – Собрание узаконений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

Ведомости ВС СССР – Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических республик

Ведомости ВС РСФСР – Ведомости Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

Ведомости СНД и ВС РСФСР – Ведомости Съезда Народных Депутатов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

Ведомости СНД и ВС РФ – Ведомости Съезда Народных Депутатов и Верховного Совета Российской Федерации

СЗ РФ – Собрание законодательства Российской Федерации

БВС РФ, Бюллетень ВС РФ – Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации

Иные сокращения:

ПММХ – принудительные меры медицинского характера

ПМВВ – принудительные меры воспитательного воздействия

МПСР – механизм принятия судебного решения

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Правовые акты и официальные документы

1. Нормативно-правовые акты

а. Международно-правовые акты

1. Всеобщая декларация прав человека : принята Резолюцией 217 А(III) Ген. Ассамблеи ООН от 10.12.1948 г. // Рос. газета. – 1995. – 5 апреля.
2. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью : принята Резолюцией 40/34 Ген. Ассамблеи ООН 29.11.1985 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS № 5) : заключена в Риме 04.11.1950 г.] // СЗ РФ. – 1998. – № 20. – Ст. 2143.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (с изм. от 13.05.2004) [вместе с Протоколом № 1 : подписан в Париже 20.03.1952; Протоколом № 4 : подписан в Страсбурге 16.09.1963 г.; Протоколом № 7 : подписан в Страсбурге 22.11.1984 г.] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: заключена в Нью-Йорке 10.12.1984 г. (с изм. от 08.09.1992) // Ведомости Верхов. Совета СССР. –1987. – № 45. – Ст. 747.
6. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека : заключена в Минске 26.05.1995 г. // СЗ РФ. – 1999. – № 13. – Ст. 1489.

7. Международного пакт о гражданских и политических правах : принят Резолюцией Ген. Ассамблеи ООН 2200 (XXI) от 16.12.1966 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.
8. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты Резолюцией 40/33 Ген. Ассамблеи ООН 29.11.1985 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт : принят в Санкт-Петербурге Постановлением 7-6 Межпарламентской Ассамблеи государств–участников СНГ 17.02.1996 г. (в редакции от 29.11.2013 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Основные принципы, касающиеся независимости судебных органов : приняты в Милане VII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 16.08–06.09.1985 г.; одобрены Резолюциями Ген. Ассамблеи ООН от 29.11.1985 г. № 40/32 и от 13.12.1985 г. № 40/146 // Международная защита прав и свобод человека. Сб. документов. – М.: Юрид. литература, 1990. – С. 325–329.

б. Законы и иные нормативно-правовые акты Российской Федерации

11. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изменениями, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1–ФКЗ и одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Рос. газета. – 1993. – 25 декабря; СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.
12. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в редакции от 01.07.2021

г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447; СЗ РФ. – 2021. – № 27 (часть I). – Ст. 5045.

13. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (в редакции от 16.04.2022 г.) // СЗ РФ. – 1995. – № 18. – Ст. 1589; СЗ РФ. – 2022. – № 16. – Ст. 2592.
14. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в редакции от 16.04.2022 г.) // СЗ РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1; СЗ РФ. – 2022. – № 16. – Ст. 2592.
15. Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» (в редакции от 16.04.2022 г.) // СЗ РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3170; СЗ РФ. – 2022. – № 16. – Ст. 2592.
16. Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (в редакции от 16.04.2022 г.) // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 898; СЗ РФ. – 2022. – № 16. – Ст. 2592.
17. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (в редакции от 16.04.2022 г.) // СЗ РФ. – 2014. – № 6. – Ст. 550; СЗ РФ. – 2022. – № 16. – Ст. 2592.
18. Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (в редакции от 16.04.2022 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 30. – Ст. 1792; СЗ РФ. – 2022. – № 16. – Ст. 2609.
19. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14–ФЗ (в редакции от 01.07.2021 г., с изм. от 08.07.2021 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410; СЗ РФ. – 2021. – № 27 (часть I). – Ст. 5123.
20. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в редакции от 14.07.2022 г., с изм. от 18.07.2022 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; СЗ РФ. – 2022. – № 29 (часть II). – Ст. 5225, – № 29 (часть III). – Ст. 5274 и 5312.

21. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (в редакции от 11.06.2022 г.) // СЗ РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198; СЗ РФ. – 2022. – № 24. – Ст. 3943.

22. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в редакции от 14.07.2022 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921; СЗ РФ. – 2022, – № 29 (часть II). – Ст. 5227.

23. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (в редакции от 14.07.2022 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1; СЗ РФ. – 2022. – № 29 (часть III). – Ст. 5258.

24. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (в редакции от 11.06.2022 г.) // СЗ РФ. – № 30. – Ст. 3012; СЗ РФ. – 2022. – № 24. – Ст. 3937.

25. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (в редакции от 14.07.2022 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532; СЗ РФ. – 2022. – № 29 (часть III). – Ст. 5285.

26. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (в редакции от 11.06.2022 г.) // СЗ РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391; СЗ РФ. – 2022. – № 24. – Ст. 3943.

27. Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в редакции от 11.06.2022 г.) // СЗ РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472; СЗ РФ.– 2022. – № 24. – Ст. 3943.

28. Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления» (в редакции от 11.06.2022 г.) // СЗ РФ. – 1995. – № 29. – Ст. 2759; СЗ РФ. – 2022. – № 24. – Ст. 3943.

29. Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 7–ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» (в редакции от 16.04.2022 г.) // СЗ РФ. – 1998. – № 2. – Ст. 223; СЗ РФ. – 2022. – № 16. – Ст. 2592.

30. Федеральный закон от 30.03.1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СЗ РФ. – 1998. – № 14. – Ст. 1514.
31. Федеральной закон от 17.12.1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» (в редакции от 01.07.2021) // СЗ РФ. – 1998. – № 51. – Ст. 6270; СЗ РФ. – 2021. – № 27 (часть I). – Ст. 5112.
32. Федеральный закон от 07.08.2000 г. № 119-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно–процессуальный кодекс РСФСР» (в редакции от 18.12.2001 г.) // СЗ РФ. – 2000. – № 33. – Ст. 3345.
33. Федеральный закон от 14.03.2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (в редакции от 08.12.2020 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 11. – Ст. 1022; СЗ РФ. – 2020. – № 50 (часть III). –Ст. 8071.
34. Федеральный закон от 20.08.2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» (в редакции от 16.02.2022 г.) // СЗ РФ. – 2004. – № 34. – Ст. 3528; СЗ РФ. – 2022. – № 8. – Ст. 1037.
35. Федеральный закон от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» (в редакции от 22.12.2014 г.) // СЗ РФ. – 2007. – № 24. – Ст. 2830; СЗ РФ. – 2014. – № 52 (часть I). – Ст. 7538.
36. Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в редакции от 14.07.2022 г.) // СЗ РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849; СЗ РФ. – 2022. – № 29 (часть III). – Ст. 5282.
37. Федеральный закон от 02.12.2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2008. – № 49. – Ст. 5724.
38. Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против

коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона “О противодействии коррупции”» // СЗ РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6235.

39. Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» // СЗ РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 16.
40. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» (в редакции от 31.12.2014 г.) // СЗ РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 45; СЗ РФ. – 2015. – № 1 (часть I). – Ст. 71.
41. Федеральный закон от 20.03.2011 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2011. – № 13. – Ст. 1687.
42. Федеральный закон от 01.12.2012 г. № 208-ФЗ «О внесении изменений в статьи 78 и 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2012. – № 49. – Ст. 6753.
43. Федеральный закон от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2013. – № 9. – Ст. 875.
44. Федеральный закон от 23.07.2013 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в статью 83 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2013. – № 30 (Часть I). – Ст. 4054.

45. Федеральный закон от 08.03.2015 г. № 22-ФЗ «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1392.

46. Федеральный закон от 30.03.2015 г. № 62-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации по вопросу участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора» // СЗ РФ. – 2015. – № 13. – Ст. 1806.

47. Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СЗ РФ. – 2016. – № 27 (часть II). – Ст. 4256.

48. Федеральный закон от 29.07.2018 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2018. – № 31. – Ст. 4817.

49. Федеральный закон от 29.07.2018 г. № 240-ФЗ «О внесении изменений в статью 17.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. – 2018. – № 31. – Ст. 4829.

50. Федеральный закон от 11.10.2018 г. № 361-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2018. – № 42 (часть II). – Ст. 6375.

51. Федеральный закон от 20.07.2020 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2020. – № 30. – Ст. 4750.

52. Федеральный закон от 08.12.2020 г. № 419-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2020. – № 50 (часть III). – Ст. 8064.

53. Федеральный закон от 11.06.2022 г. № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2022. – № 24. – Ст. 3940.

54. Федеральный закон от 07.10.2022 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2022. – № 41. – Ст. 6945.

55. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18.05.1981 г. № 4892-X «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» // Ведомости ВС СССР. – 1981. – № 21. – Ст. 741.

56. Декларация прав и свобод человека и гражданина : принята Постановлением Верховного Совета РСФСР от 22.11.1991 г. № 1920-1 «О декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 52. – Ст. 1865.

57. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1435.

58. Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утв. Указом Президента РФ от 13.10.2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» (в редакции от 11.04.2022 г.) // СЗ РФ. – 2004. – № 42. – Ст. 4109; СЗ РФ. – 2022. – № 16. – Ст. 2648.

59. Инструкция по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов, утв. Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15.12.2004 г. № 161 (в редакции Приказа от 24.12.2021 № 248) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

60. Инструкция по судебному делопроизводству в районном суде, утв. Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 г.

№ 36 (в редакции от 22.12.2021 № 244) г.) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

61. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17.09.2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность. – 2021. – № 12.
62. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30.06.2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

в. Нормативно-правовые акты, утратившие силу

63. Декрет ВЦИК от 12.04.1919 г. «О революционных трибуналах (Положение)» // СУ РСФСР. – 1919. – № 13. – Ст. 132.
64. Декрет ВЦИК от 21.10.1920 г. «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» // СУ РСФСР. – 1920. – № 83. – Ст. 407.
65. Декрет ВЦИК от 30.11.1918 г. «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // СУ РСФСР. – 2018. – № 85. – Ст. 889.
66. Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде» [Декрет о суде № 2] // СУ РСФСР. – 1918. – № 26. – Ст. 420.
67. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10.03.1921 г. «Положение о Высшем судебном контроле» // СУ РСФСР. – 1921. – № 15. – Ст. 97.
68. Декрет СНК РСФСР от 04.05.2018 г. «О революционных трибуналах» // СУ РСФСР. – № 35. – Ст. 471.
69. Декрет СНК РСФСР от 20.07.1918 г. № 3 «О суде» [Декрет о суде № 3] // СУ РСФСР. – 1918. – № 52. – Ст. 589.
70. Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» [Декрет о суде № 1] // СУ РСФСР. – 1917. – № 4. – Ст. 50.

71. Закон РСФСР от 8 июля 1981 г. «О судоустройстве РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1981. – № 28. – Ст. 976.
72. Закон РФ от 16.07.1993 г. № 5451-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судоустройстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1313.
73. Закон РФ от 23.05.1992 г. № 2825-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 25. – Ст. 1389.
74. Закон РФ от 27.04.1993 г. № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» (в редакции от 09.02.2009 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 19. – Ст. 685.
75. Инструкция Народного комиссариата юстиции РСФСР от 19.12.1917 г. «О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» // СУ РСФСР. – 1917. – № 12. – Ст. 170.
76. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г. : С прил. предм. алф. указ. Неофиц. изд. – Санкт-Петербург: кн. маг. В.П. Анисимова, 1903. – 253 с.
77. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : утверждены Законом СССР от 25 декабря 1958 года // Ведомости ВС СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 15.
78. Положение о судоустройстве Р.С.Ф.С.Р. : принято Постановлением IV сессией ВЦИК от 11.11.1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 69. – Ст. 902.
79. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 02.02.1938 г. «О дополнении УПК РСФСР главой XXXIV» // СУ РСФСР. – 1938. – № 3. – Ст. 38.
80. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.12.1934 г. «О дополнении УПК РСФСР главой XXXIII» // СУ РСФСР. – 1935. – № 2. – Ст. 8.

81. Постановление Реввоенсовета РСФСР от 04.02.1919 г. «О революционных военных трибуналах (Положение)» // СУ РСФСР. – 1919. – № 13. – Ст. 131.
82. Постановление Совета Министров СССР от 08.09.1955 г. № 1655 «О трудовом стаже, трудоустройстве и пенсионном обеспечении граждан, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированных» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
83. Постановлением ВЦИК от 16.10.1924 г. «О дополнениях и изменениях Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. – 1924. – № 78. – Ст. 784.
84. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
85. Свод законов Российской Империи, издания 1857. Том 15. Законы уголовные. – СПб., 1857.
86. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Перваго составленный: издание 1857 года. – Санктпетербург: Тип. Второго отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1857–1876.
87. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Перваго составленный: издание 1857 года. – Санктпетербург: Тип. Второго отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1857-1876. Продолжение Свода законов… по 31 марта 1863 года. ч. 4. Статьи к X, XI, XII, XIII, и XV томам Свода. 1863. – 112 с.
88. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утвержден Законом РСФСР от 27.10.1960 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.
89. Уголовно-Процессуальным Кодекс Р.С.Ф.С.Р. : утвержден Постановлением Президиума ВЦИК от 15.02.1923 г. // СУ РСФСР. – 1923. – № 7. – Ст. 106.
90. Уголовно-Процессуальным Кодекс Р.С.Ф.С.Р. : принят Постановлением III Сессии ВЦИК от 25.05.1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 20–21. – Ст. 230.

91. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 08.08.1983 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. – 1983. – № 32. – Ст. 1153.
92. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 13.12.1977 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. – 1977. – № 51. – Ст. 1217.
93. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 08.08.1983 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. – 1983. – № 32. – Ст. 1153.
94. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24.01.1985 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. – 1985. – № 5. – Ст. 163.
95. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24.08.1966 г. «О внесении дополнений и изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. – 1966. – № 35. – Ст. 946.
96. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13.08.1981 г. № 5447-X «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. – 1981. – № 33. – Ст. 966.
97. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. – 898, XVII с.
98. Устав уголовного судопроизводства. Издание 1914 года со всеми позднейшими узаконениями и с объяснениями по решениям уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената по 1916 год / Сост. Д. А. Каплан. – Екатеринослав: Тип. И. Е. Коган, 1916.
99. Федеральный закон от 14.12.1995 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан”» // СЗ РФ. – 1995. – № 51. – Ст. 4970.

100. Федеральный закон от 21.12.1996 г. № 160-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1996. – № 52. – Ст. 5881.

г. Нормативно-правовые акты иностранных государств

101. Кримінальний процесуальний кодекс України. Параллельный перевод на русский язык. – Симферополь, 2014.
102. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14.07.2000 г. № 907-IQ (в редакции от 15.04.2022 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=11597 (дата обращения: 05.05.2022).
103. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 09.10.2009 г. № 1772 (в редакции от 30.12.2021 г.) // Законодательный Вестник Грузии. URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=137 (дата обращения: 05.05.2022).
104. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 18.01.2022 г. № 129 // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=136101 (дата обращения: 05.05.2022).
105. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 01.09.1998 г. № ЗР-248 (в редакции от 20.08.2021 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7460 (дата обращения: 05.05.2022).
106. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 г. № 295-3 (в редакции от 26.05.2021 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2002 (дата обращения: 05.05.2022).

107. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 г. № 231-V (в редакции от 02.03.2022 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=69097. (дата обращения: 05.05.2022).
108. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14.03.2003 г. № 122-XV (в редакции от 31.03.2022 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3833. (дата обращения: 05.05.2022).
109. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009 г. № 564 (в редакции от 18.03.2022 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=30692 (дата обращения: 05.05.2022).
110. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 г. № 2013-XII (в редакции от 11.04.2022 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=889. (дата обращения: 05.05.2022).
111. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Франция (Code de procédure pénale) 1958 года (в редакции на 01.05.2022 г.) // Légifrance. Le service public de la diffusion du droit. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154?etatTexte=VIGUEUR&etatTexte=VIGUEUR_DIFF (дата обращения: 10.05.2022).
112. Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18.04.2009 г. (в редакции от 08.05.2022 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=27706 (дата обращения: 05.05.2022).
113. Уголовный процессуальный кодекс Украины (Кримінальний процесуальний кодекс) от 13.04.2012 г. № 4651-VI (в редакции от 14.04.2022 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=52250 (дата обращения: 05.05.2022).

2. Правовые акты Конституционного и Верховного судов Российской Федерации

а. Решения Конституционного Суда РФ

114. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.04.1998 г. № 13-П по делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 113 УПК РСФСР в связи с запросом Костомукшского городского суда Республики Карелия // СЗ РФ. – 1998. – № 19. – Ст. 2142.
115. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.1998 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 УПК РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. – 1998. – № 28. – Ст. 3393.
116. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью "Моноком"» // СЗ РФ. – 1999. – № 14. – Ст. 1749.
117. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2000 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений частей 3, 4 и 5 статьи 377 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан А. Б. Аулова, А. Б. Дубровской, А. Я. Карпинченко, А. И. Меркулова, Р. Р. Мустафина и А. А. Стубайло» // СЗ РФ. – 2000. – № 8. – Ст. 991.
118. Определение Конституционного Суда РФ от 17.02.2000 г. № 84-О «По жалобе граждан Лазарева Андрея Викторовича, Русановой Елены Станиславовны и Эрнезакса Олега Владимировича на нарушение их конституционных прав рядом положений статей 201, 202, 218 и 220 УПК РСФСР» // СЗ РФ. – 2000. – № 28. – Ст. 2999.

119. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова» // СЗ РФ. – 2001. – № 7. – Ст. 700.

120. Определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2003 г. № 505-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гусевой Елены Сергеевны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 62 Жилищного кодекса РСФСР» // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

121. Определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2003 г. № 446-О «По жалобам граждан Л.Д. Вальдмана, С.М. Григорьева и региональной общественной организации "Объединение вкладчиков "МММ" на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений УПК РФ, АПК РФ и Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации"» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3.

122. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // СЗ РФ. – 2003. – № 51. – Ст. 5026.

123. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2004 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 10 статьи 75 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" и части первой статьи 259 ГПК РФ в связи с запросом Верховного Суда РФ» // СЗ РФ. – 2004. – № 9. – Ст. 831.

124. Определение Конституционного Суда РФ от 25.03.2004 г. № 124-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Власова Валерия

Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 115 и 165 УПК РФ» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

125. Определение Конституционного Суда РФ от 08.06.2004 г. № 194-О по жалобе гражданина Капустяна В. Н. на нарушение его конституционных прав статьями 165 и 203 УПК РФ // СЗ РФ. – 2004. – № 29. – Ст. 3080.
126. Определение Конституционного Суда РФ от 05.11.2004 г. № 345-О «По жалобе гражданки Бегченковой Ольги Ивановны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 448 УПК РФ» // СЗ РФ. – 2004. – № 51. – Ст.5264.
127. Определение Конституционного Суда РФ от 18.11.2004 г. № 369-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Граматчикова Игоря Витальевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 19, 122 - 125, 406, 415 и 416 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
128. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 г. № 5-П по делу о проверки конституционности статьи 405 УПК РФ в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в РФ, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан // СЗ РФ. – 2005. – № 22. – Ст. 2194.
129. Определение Конституционного Суда РФ от 20.10.2005 г. № 381-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сергеева Олега Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
130. Определение Конституционного Суда РФ от 02.03.2006 г. № 22-О «По жалобе закрытого акционерного общества "Промышленно-финансовая корпорация "Томич" на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 4 части 2 статьи 39 АПК РФ» // СЗ РФ. – 2006. – № 15. – Ст. 1643.

131. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 г. № 286-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каримова В.Ф. на нарушение его конституционных прав статьями 5, 125, 359, 391 УПК РФ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»;
132. Определение Конституционного Суда РФ от 17.10.2006 г. № 422-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Диденко Виктора Владимировича и Осадской Татьяны Михайловны на нарушение их конституционных прав положениями статей 42, 108 и главы 43 УПК РФ» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
133. Постановление Конституционного Суда от 16.05.2007 г. № 6-П по делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 УПК РФ в связи с запросом президиума Курганского областного суда // СЗ РФ. – 2007. – № 22. – Ст. 2686.
134. Определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 г. № 524-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Семенова Е.А. на нарушение его конституционных прав положениями части седьмой статьи 236, статьями 359, 391 и пунктом 9 части первой статьи 448 УПК РФ» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
135. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2010 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 242.1 Бюджетного кодекса РФ в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2010. – № 11. – Ст. 1256.
136. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 УПК РФ в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко» // СЗ РФ. – 2011. – № 30. – Ст. 4698.
137. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2011 г. № 18-П по делу о проверке конституционности положения ч. 2 ст. 135 УПК РФ в связи с жалобой гражданина В. С. Шашарина // СЗ РФ. – 2011. – № 31. – Ст. 4808.

138. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2011 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 УПК РФ в связи с жалобами граждан В. А. Тихомировой, И. И. Тихомировой и И. Н. Сардыко» // СЗ РФ. – 2011. – № 43. – Ст. 6123.

139. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2012 г. № 20-П по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 125 и ч. 1 ст. 152 УПК РФ в связи с жалобой гражданки Р. Г. Мишиной // СЗ РФ. – 2012. – № 32. – Ст. 4618.

140. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // СЗ РФ. – 2013. – № 28. – Ст. 3881.

141. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.03.2014 г. № 5-П по делу о проверке конституционности ч. 2.1 ст. 399 УПК РФ в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области // СЗ РФ. – 2014. – № 13. – Ст. 1526.

142. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей – седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина С. В. Махина» // СЗ РФ. – 2015. – № 30. – Ст. 4660.

143. Определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2016 г. № 226-О «По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 246 УПК РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2016. – № 5.

144. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 ГК РФ и статьи 17 Федерального закона "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам" в

связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» // СЗ РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7169.

145. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2017 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РФ в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко» // СЗ РФ. – 2017. – № 48. – Ст. 7299.
146. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.11.2017 г. № 30-П по делу о проверке конституционности положений ст. 38 и 125 УПК РФ в связи с жалобой гражданина В. В. Ченского // СЗ РФ. – 2017. – № 49. – Ст. 7528.
147. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.01.2018 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 81.1 и п. 3.1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Синклит”» // СЗ РФ. – 2018. – № 4. – Ст. 685.
148. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.10.2018 г. № 36-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 10 УК РФ, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части первой статьи 239 и пункта 1 статьи 254 УПК РФ в связи с жалобой гражданки А. И. Тихомоловой» // СЗ РФ. – 2018. – № 44. – Ст. 6821.

б. Постановления Пленума Верховного Суда РФ

149. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (в редакции от 03.03.2015 г.) // Бюллетень ВС РФ. – 1996. – № 1.
150. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (в редакции от 05.03.2013 г.) // Бюллетень ВС РФ. – 2003. – № 12.

151. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации» (в редакции от 28.06.2022 г.) // Бюллетень ВС РФ. – 2009. – № 4.
152. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (в редакции от 16.05.2017 г.) // Бюллетень ВС РФ. – 2010. – № 9.
153. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (в редакции от 28.10.2021 г.) // Бюллетень ВС РФ. – 2011. – № 4.
154. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» (в редакции от 03.03.2015 г.) // Бюллетень ВС РФ. – 2011. – № 7.
155. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 УПК РФ, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» (в редакции от 28.06.2022 г.) // Бюллетень ВС РФ. – 2012. – № 1.
156. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» (в редакции от 18.12.2018 г.) // Бюллетень ВС РФ. – 2012. – № 2.
157. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» (в редакции от 03.03.2015 г.) // Бюллетень ВС РФ. – 2012. – № 8.
158. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 г. № 26 «О применении норм УПК РФ, регулирующих производство в суде

апелляционной инстанции» (в редакции от 01.12.2015 г.) // Бюллетень ВС РФ. – 2013. – № 1.

159. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (в редакции от 29.11.2016 г.) // Бюллетень ВС РФ. – 2013. – № 8.
160. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Бюллетень ВС РФ. – 2013. – № 8.
161. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (в редакции от 11.06.2020 г.) // Бюллетень ВС РФ. – 2014. – № 2.
162. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» (в редакции от 15.05.2018 г.) // Бюллетень ВС РФ. – 2014. – № 2.
163. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» // Бюллетень ВС РФ. – 2014. – № 7.
164. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень ВС РФ. – 2015. – № 9.
165. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) // Бюллетень ВС РФ. – 2017. – № 7.
166. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в

суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень ВС РФ. – 2018. – № 3.

167. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 г. № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» (в редакции от 29.06.2021 г.) // Бюллетень ВС РФ. – 2019. – № 9.
168. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 г. № 24 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

в. Постановления Пленума Верховного Суда СССР

169. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22.12.1964 г. № 18 «О некоторых процессуальных вопросах, возникших в судебной практике при исполнении приговора» (*признано недействующим с 20.12.2011 г.*) // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М.: Фирма «Спарк», 1995. – С. 31–33.
170. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29.09.1988 г. № 11 «О практике вынесения судами частных определений (постановлений)» // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1988. – № 6.
171. Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924 – 1957 гг. / Под ред. Н. К. Морозова. – М.: Госюриздат, 1958. – 279 с.
172. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М. Фирма «Спарк», 1995. – 599 с.

3. Материалы судебной практики и судебной статистики

а. Решения Европейского Суда по правам человека

173. Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. / [редкол.: В. А. Туманов и др.]. – М.: Норма и др., 2000. Т. 1. – 856 с. ; Т. 2. – 808 с.
174. Постановление ЕСПЧ по делу «Хорнсби против Греции» (Hornsby v. Greece) от 19.03.1997 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. / Председ. ред. кол. В. А. Туманов. – М.: НОРМА, 2000. – С. 428–439.
175. Постановление ЕСПЧ от 07.05.2002 г. по делу «Бурдов (Burdov) против России» (жалоба № 59498/00) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»;
176. Постановление ЕСПЧ по делу «Бурдов против Российской Федерации (№ 2)» [Burdov v. Russia]) от 15.01.2009 г., (жалоба № 33509/04) // Российская хроника Европейского Суда. – 2009. – № 4.

б. Судебные акты, обобщения и обзоры практики судов Российской Федерации

177. Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 21.05.2020 г. по делу № 55-228/2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
178. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 23.12.2020 г. № 55-2072/2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
179. Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 02.10.2020 г. по делу № 55-493/2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

180. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Псковского областного суда от 22.10.2013 г. по делу № 33-1758/2013 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
181. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.04.2018 г. по делу № 19-АПУ18-5 / Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2018) : утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018 г. // Бюллетень ВС РФ. – 2019. – № 3–4.
182. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 18.06.2019 г. по делу № 22-2886/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
183. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 01.03.2021 г. по делу № 55–91/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
184. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 03.03.2021 г. по делу № 55–88/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
185. Апелляционные определения Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 18.01.2021 г. по делу № 55-12/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
186. Дополнительное кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.03.2021 г. № 48-УД21-2-К7 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
187. Дополнительное кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.12.2020 г. № 77-1884/2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
188. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 27.12.2004 г. № 14-о04-58 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

189. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ № 12-Дп02-13 / Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2003 года // Бюллетень ВС РФ. – 2004. – № 1.
190. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10.11.2006 г. № 69-о06-31 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
191. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.02.2003 г. № 89-О03-6 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
192. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 01.12.2009 г. № 67-О09-82 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
193. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.09.2002 г. № 05-о02-128 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
194. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.03.2021 № 48-УД21-2-К7 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
195. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 115 УПК РФ : утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 27.03.2019 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
196. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) : утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019 г. // Верховный Суд Российской Федерации [официальный сайт]. URL: http://www.vsrf.ru/documents/thematics/?year=2019 (дата обращения: 20.12.2020).
197. Обобщение судебной практики по делам о признании права граждан на реабилитацию (Карелия), 2016 г. // Информационно-правовой портал

ГАРАНТ.РУ. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/23018055/ (дата обращения: 15.05.2021).

198. Обобщение судебной практики по рассмотрению представлений соответствующего органа об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда, в отношении условно осужденного за период с 2019 по 2020 г. : утверждено президиумом Челябинского областного суда 22.11.2021 г. // ГАС «Правосудие. URL: http://oblsud.chel.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=94 (дата обращения: 01.08.2022).
199. Обобщение судебной практики применения районными (городскими) судами и мировыми судьями Волгоградской области положений главы 18 УПК РФ, регламентирующей право на реабилитацию (2016 г.) // ГАС РФ «Правосудие». URL: http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud &id=901 (дата обращения: 15.05.2021 г.).
200. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2021 г. № 77-720/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
201. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.08.2019 г. № 18-КГ19-72 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
202. Определение судебной коллегии по гражданским делам Ленинградского областного суда от 03.03.2011 г. № 33-1088/2011 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
203. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17.12.2020 г. № 77-3439/2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
204. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20.10.2020 г. № 77-2661/2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
205. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09.12.2015 г. по делу № А44-251/2015 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
206. Постановление Вельского районного суда Архангельской области от 14.05.2020 г. по уголовному делу № 1-111/2020 // ГАС РФ «Правосудие». URL: https://velsksud--arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&

name_op=doc&number=49782420&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.12.2020).

207. Постановление Городовиковского районного суда Республики Калмыкия от 20.05.2020 г. по делу № 1–36/2020 // Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/mrxmLA2ORgri/ (дата обращения: 15.01.2021).
208. Постановление мирового судьи судебного участка № 5 Кунгурского судебного района Пермского края от 20.09.2011 г. по делу № 4–/2011 // Судебный участок № 5 Кунгурского судебного района Пермского края [официальный сайт]. URL: http://101.perm.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=718 (дата обращения: 15.01.2021).
209. Постановление Нововоронежского городского суда Воронежской области от 16.02.2016 г. по делу № 1–28/2016 // Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/BywAf89Gba1V/ (дата обращения: 15.01.2021.
210. Постановление Предгорного районного суда Ставропольского края от 19.05.2020 г. по делу № 1–158/2020 // Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/IqnV2OutRFVw/ (дата обращения: 15.01.2021).
211. Постановление председателя Калининградского областного суда от 25.09.2014 г. № 4-Аг-430/14 по делу об административном правонарушении // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
212. Постановление Президиума Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 25.10.2018 г. № 44У-98/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
213. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 804п03пр / Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2003 года // Бюллетень ВС РФ. – 2004. – № 7.
214. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 07.12.2005 г. № 757п05пр // Бюллетень ВС РФ. – 2006. – № 6.

215. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 13.04.2005 г. № 121п05пр // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
216. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 13.04.2005 г. № 121п05пр / Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2005 г. // Бюллетень ВС РФ. – 2005. - № 12.
217. Постановление Президиума Воронежского областного суда от 24.10.2018 г. по делу № 44У-78/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
218. Постановление Президиума Приморского краевого суда от 28.10.2019 г. по делу № 44–212/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
219. Постановление Староминского районного суда Краснодарского края от 23.04.2020 г. по делу № 1–53/2020 // Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/10zwOLEmDrQg/ (дата обращения: 15.01.2021).
220. Постановление Сухобузимского районного суда Красноярского край от 11.02.2020 г. по делу № 1–10/2020 // Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/DOSUgi9D67W4/ (дата обращения: 15.01.2021).
221. Постановление Усольского городского суда Иркутской области от 07.02.2020 г. по уголовному делу № 1-183/2020 // ГАС РФ «Правосудие». URL: https://usolsky--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=232750602&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 20.12.2020).
222. Решение Санкт-Петербургского городского суда от 25.09.2012 г. по административному делу № 12-665/12 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
223. Справка по результатам обобщения судебной практики по делам о применении принудительных мер воспитательного воздействия судами и мировыми судьями в 2016 году / Верховный суд Республики Хакасия [официальный сайт]. URL: http://vs.hak.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=330 (дата обращения: 20.12.2020).

224. Справка Архангельского областного суда по результатам обобщения судебной практики «О соблюдении районными (городскими) судами и мировыми судьями законодательства, регламентирующего освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа» // Архив Архангельского областного суда, 2019.
225. Справка Архангельского областного суда по результатам обобщения судебной практики по возмещению вреда, связанного с уголовным преследованием (реабилитация), в 2007–2009 годах // Архив Архангельского областного суда, 2010.
226. Справка Архангельского областного суда по результатам обобщения судебной практики «Рассмотрение судами области во 2 полугодии 2016 года и 1 полугодии 2017 года материалов в порядке ст. 165 УПК РФ» // Архив Архангельского областного суда, 2017.
227. Справка Ивановского областного суда по итогам обобщения судебной практики по делам о реабилитации (гл. 18 УПК РФ), 2011 г. // ГАС РФ «Правосудие». URL: http://oblsud.iwn.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud &id=48 (дата обращения: 15.05.2021).
228. Справка по результатам изучения судебной практики по применению судами Республики Крым судебного штрафа (статьи 76.2, 104.4, 104.5 УК РФ) (за период с 15 июля по 15 октября 2016 года) // Верховный суд Республики Крым [официальный сайт]. URL: http://vs.krm.sudrf.ru/modules. php?name=docum_sud&id=55 (дата обращения: 20.12.2020).
229. Справка по результатам обобщения судебной практики по делам о применении принудительных мер воспитательного воздействия / Бюллетень судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда за 1 квартал 2009 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
230. Справка по результатам обобщения судебной практики по делам о применении принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ) судами и мировыми судьями Нижегородской области в 2013 году // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

231. Справка по результатам обобщения судебной практики по рассмотрению районными (городскими) судами Архангельской области в 2018 году жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ // ГАС «Правосудие». URL: http://oblsud.arh.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=134 (дата обращения: 10.06.2020).

в. Материалы судебной статистики

232. Сводные отчеты Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2018–2021 гг. (Форма № 1) // ГАС РФ «Правосудие» / Судебный департамент при Верховном Суде РФ [официальный сайт]. URL: http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 01.08.2022).

233. Сводные отчеты Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке за 2018–2021 гг. (Форма № 6) // ГАС РФ «Правосудие» / Судебный департамент при Верховном Суде РФ [официальный сайт]. URL: http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 01.08.2022).

234. Сводные отчеты Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке за 2018–2021 гг. (Форма № 8) // ГАС РФ «Правосудие» / Судебный департамент при Верховном Суде РФ [официальный сайт]. URL: http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 01.08.2022).

235. Отчеты Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению уголовных дел в прядке надзора за 2018–2021 гг. (Форма № 8-н) // ГАС РФ «Правосудие» / Судебный департамент при Верховном Суде РФ [официальный сайт]. URL: http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 01.08.2022).

II. Библиографические (литературные) источники

1. Монографии и иные научные издания. Учебная литература

236. Абашева Ф. А. Функциональная характеристика современного уголовного процесса / Ф. А Абашева, Т. З. Зинатуллин; Науч. ред. З. З. Зинатуллин. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 216 с.
237. Аверин А. В. Истина и судебная достоверность (Постановка проблемы) / А. В. Аверин. – 2-е изд., доп. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – 466 с.
238. Адильшаев Э. А. Судебное санкционирование как форма реализации правосудия в уголовном судопроизводстве России: монография / Э. А. Адильшаев, И. В. Жеребятьев, А. А. Шамардин. – Оренбург: ИПК «Университет», 2013. – 277 с.
239. Азаров В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам: монография / В. А. Азаров, В. А. Константинова. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 216 с.
240. Азаров В. А. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России В. А. Азаров, И. Ю. Таричко. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2004. – 379 с.
241. Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: учебник / под. ред. В. М. Бозрова. – М.: ЮСТИЦИЯ, 2017. – 568 с.
242. Александров Н. Г. Применение норм советского социалистического права: Лекция, прочит. на юрид. фак. МГУ / Н. Г. Александров. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1958. – 40 с.
243. Алексеев Н. С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л Д. Кокарев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 251 с.

244. Алексеев С. Л. Прокурорский надзор: учебное пособие / С. Л. Алексеев, Н. Р. Вотчель; Под ред. Ф. Н. Багаутдинова. – Казань: Академия социального образования, 2014. – 126 с.

245. Алексеев С. С. Общая теория права: Курс в 2-х т. Т. 2 / С. С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1982. – 359 с.

246. Алексеев С. С. Общая теория права: учебник / С. С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – 576 с.

247. Алексеев С. С. Проблемы теории права: Курс лекций: в 2 т. Т. 2 / С. С. Алексеев. – Свердловск, 1973. – 401 с.

248. Алексеев С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1975. – 263 с.

249. Алексеев С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – 2–е изд., перераб. и доп. – М.: Бек,1995. – 311 с.

250. Алексеев С. С. Философия права: история и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы / С. С. Алексеев. – М.: НОРМА, 1999. – 329 с.

251. Алиев Т. Т. Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / Т. Т. Алиев, Н. А. Громов, Л. М. Зейналова, Н. А. Лукичев. – М.: Приор-издат, 2003. – 112 с.

252. Алтынникова Л. И. Особенности реализации принципа состязательности сторон в апелляционном производстве по уголовным делам / Л. И. Алтынникова. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 181 с.

253. Анишина В. И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации: курс лекций / В. И. Анишина. – М.: Эксмо, 2008. – 272 с.

254. Антонов И. А. Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователя / И. А. Антонов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 234 с.

255. Афанасьев В. Г. Научное управление обществом (опыт системного исследования) / В. Г. Афанасьев. – М.: Политиздат, 1973. – 391 с.

256. Афанасьев С. Ф. Право на справедливое судебное разбирательство и его реализация в российском гражданском судопроизводстве / С. Ф. Афанасьев. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 292 с.

257. Бажанов М. И. Избранные труды / М. И. Бажанов; [сост.: В. И. Тютюгин, А. А. Байда, Е. В. Харитонова, Е. В. Шевченко; отв. ред. В. Я. Таций]. – Харьков: Право, 2012. – 1244 с.

258. Барабанов П. К. Уголовный процесс в Великобритании / П. К. Барабанов. – М.: Изд-во «Спутник+», 2015. – 702 с.

259. Барабанов П. К. Уголовный процесс Испании / П. К. Барабанов. – М.: Изд-во «Спутник+», 2021. – 382 с.

260. Барабанов П. К. Уголовный процесс Италии / П. К. Барабанов. – М.: Изд-во «Спутник+», 2019. – 461 с.

261. Барабанов П. К. Уголовный процесс Франции / П. К. Барабанов. – М.: Изд-во «Спутник+», 2016. – 512 с.

262. Барабанов П. К. Уголовный процесс ФРГ / П. К. Барабанов. – М.: Изд-во «Спутник+», 2014. – 359 с.

263. Барабаш А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление / А. С. Барабащ. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – 257 с.

264. Баршев И. Я. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству / И. Я. Баршев. – СПб.: тип. 2 отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1841. – 297 с.

265. Бахрах Д. Н. Административное право: Учебник для вузов / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Старилов. – 3-е изд., пересм. и доп. – М.: Норма, 2007. – 816 с.

266. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие / Б. Т. Безлепкин. – изд. 9-е, перераб. и доп. – М.: Проспект, 2018. – 300 с.

267. Белкин Р. С. Курс криминалистики: Учеб. пособие для вузов / Р. С. Белкин.– 3-е изд., доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. – 837 с.

268. Беляев М. В. Свойства судебных решений в российском уголовном процессе: монография / М. В. Беляев. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 177 с.

269. Беляев М. В. Свойства судебных решений и механизм их вынесения в уголовном судопроизводстве: научно-практическое пособие / М. В. Беляев, В. И. Качалов, О. В. Качалова, Е. В. Марковичева. – М.: Проспект, 2021. – 144 с.

270. Бернам, У. Правовая система США / У. Бернам. – М.: Новая юстиция, 2006. – Вып. 3. – 1216 с.

271. Бибило В. Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора / В. Н. Бибило. – Минск: Университетское, 1986. – 158 с.

272. Бибило В. Н. Проблемы юриспруденции: избранные труды / В. Н. Бибило. – Минск: Право и экономика, 2010. – 470 с.

273. Бибило В. Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве / В. Н. Бибило. – Минск: Право и экономика, 2001. – 207 с.

274. Божьев В. П. Избранные труды / В. П. Божьев. – М.: Юрайт, 2010. – 715 с.

275. Бозров В. М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть: монография / В. М. Бозров. – Екатеринбург: Уральская гос. юрид. академия, 2012. – 93 с.

276. Бозров В. М. Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов (вопросы теории и практики): монография / В. М. Бозров. – Екатеринбург, 1999. – 229 с.

277. Бозров В. М. Судебное решение и оценка доказательств по уголовному делу: монография / В. М. Бозров, Н. В. Костовская. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 160 с.

278. Боннер А. Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности / А. Т. Боннер. – М.: Российское право, 1992. – 319 с.

279. Бурдина Е. В. Судебная власть в Российской Федерации: учебник / Е. В. Бурдина. – Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2006. – 248 с.

280. Бурмагин С. В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе: учебное пособие / С. В. Бурмагин. – М.: Проспект, 2016. – 304 с.

281. Бурмагин С. В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия: монография / С. В. Бурмагин. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 720 с.

282. Бурмагин С. В. Уголовный суд России: монография / С. В. Бурмагин. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 392 с.

283. Буряк П. М. Философия и методология науки: курс лекций для аспирантов и магистрантов / П. М. Буряк. – Минск: БГТУ, 2008. – 285 с.

284. Вандышев В. В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части: учебник для юрид. вузов и факультетов / В. В. Вандышев. – М.: Контракт: Волтерс Клувер, 2010. – 700 с.

285. Васильев В. Л. Юридическая психология: Учебник для вузов / В. Л. Васильев. – 5-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Питер, 2004. – 655 с.

286. Венгеров А. Б. Теория государства и права. Часть II. Теория права. Т. 1 / А. Б. Венгеров. – М.: Юрист, 1996. – 168 с.

287. Вербин С. Наука принятия решений / С. Вербин. – СПб.: Питер, 2002. – 154 с.

288. Викторский С. И. Русский уголовный процесс / С. И. Викторский, – Издание второе – исправ. и доп. – М.: Издание А. А. Карцева, 1912. – 442 с.

289. Виницкий Л. В. Справедливость приговора суда первой инстанции в современном уголовном процессе России: монография / Л. В. Виницкий, А. А. Маганкова. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 248 с.

290. Винницкий Л. В. Судебный контроль за избранием меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста / Л. В. Виницкий, Г. С. Русман. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 188 с.

291. Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 гг.): Очерки теории и практики / Н. В. Витрук. – М.: Городец-издат, 2001. – 507 с.

292. Волколуп О. В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования / О. В. Волколуп. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 265 с.

293. Володина Л. М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации: монография / Л. М. Володина. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 289 с.

294. Волторнист О. А. Проблемы соотношения досудебного и судебного производства в уголовном процессе России / О. А. Волторнист, Ю. В. Деришев, М. Э. Романовский. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 168 с.

295. Воронин О. В. Исполнение приговора по УПК РФ: учеб. пособие / О. В. Воронин. – Томск: Изд-во Научно-технич. лит, 2006. – 139 с.

296. Воскобитова Л. А. Социальные технологии и юридическое познание: монография / Л. А. Воскобитова, В. И. Пржиленский. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 192 с.

297. Воскобитова Л. А. Теоретические основы судебной власти: учебник / Л. А. Воскобитова. – Норма: ИНФРА-М, 2017. – 288 с.

298. Гаврилов Б. Я. Актуальные проблемы защиты конституционных прав и свобод личности в досудебном производстве / Б. Я. Гаврилов. – М.: Академия управления МВД России, 2012. – 368 с.

299. Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты / Б. Я. Гаврилов. – М.: ТК Велби,, Изд-во Проспект, 2008. – 208 с.

300. Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, Германии и России, принаровленная к университетскому курсу / Гартунг Н. – СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1868. – 206 с.

301. Гессен И. В. Судебная реформа / И. В. Гессен. – СПб.: Книгоизд-во П. П. Гершунина, 1905. –267 с.

302. Головненков П. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung (StPO). Potsdam: Universitätsverlag Potsdam 2012 / П. Головненков, Н. Спица. – Потсдам: Изд-во Университета Потсдама, 2012. – 404 с.

303. Горевой Е. Д. Внутреннее судейское убеждение в оценке доказательств по уголовным делам / Е. Д. Горевой. – М., 2008: Юрлитинформ. – 131 с.

304. Горский Г. Ф. Судебная этика. Некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса / Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1973. 271 с.

305. Горшенев В. М. Контроль как правовая форма деятельности / В. М. Горшенев, И. Б. Шахов. – М.: Юрид. лит, 1987. – 176 с.

306. Гражданское процессуальное право: Учебник / [С. А. Алехина, В. В. Блажеев, А. Т. Боннер и др.]; Под ред. М. С. Шакарян. – М.: Проспект: Велби, 2004. – 580 с.

307. Григорьев В. Н. Уголовный процесс: Учебник / В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Яшин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2008. – 816 с.

308. Гродзинский М. М. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе / М. М. Гродзинский. – 2-е изд., доп. – М.: Госюриздат, 1953. – 232 с.

309. Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе / Ю. М. Грошевой. – Харьков: Вища школа, 1979. – 143 с.

310. Грубов Е. О. Разработка и принятие управленческих решений: учеб. пособие / Е. О. Грубов. – Иваново: Ивановский гос. энергетич. ун-т им. В. И. Ленина, 2010. – 110 с.

311. Гуськова А. П. Правоохранительные органы (судоустройство): Учебник / А. П. Гуськова, А. А. Шамардин. – М.: ИГ «Юрист», 2005. – 321 с.

312. Гуськова А. П. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства / А. П. Гуськова, Н. Г. Муратов. –М.: Юрист, 2005. – 176 с.

313. Гуськова А. П. Судебные решения в уголовном судопроизводстве. Их характеристика и значение: учеб. пособие / А. П. Гуськова. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2012. – 63 с.

314. Гуценко К. Ф. Правоохранительные органы: Учебник / К. Ф. Гуценко, М. А. Ковалев; Под ред. К. Ф. Гуценко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Зерцало, 1999. – 395 с.
315. Гуценко К. Ф. Уголовный процесс западных государств / К. Ф. Гуценко, Л. В. Головко, Б. А. Филимонов. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: Изд-во «Зерцало–М», 2002. – 528 с.
316. Давыдов В. А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: теория и практика исправления судебных ошибок / В. А. Давыдов. – М.: Юрайт, 2012. – 313 с.
317. Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. / М. Де Сальвиа. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 1071 с.
318. Дикарев И. С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: монография / И. С. Дикарев. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2016. – 400 с.
319. Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе: монография / И. С. Дикарев. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. – 173 с.
320. Добровольская Т. Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговоров / Т. Н. Добровольская. – М., 1979. – 140 с.
321. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / отв. ред. Л. М. Масленникова. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 384 с.
322. Дорошков В. В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности / В. В. Дорошков. – М.: Норма, 2004. – 320 с.
323. Дорошков В. В. Состояние современного правосудия: монография / В. В. Дорошков. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – 251 с.

324. Дюрягин И. Я. Применение норм советского права: Теорет. вопросы / И. Я. Дюрягин. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973. – 247 с

325. Евланов Л. Г. Теория и практика принятия решений/ Л. Г. Еланов. – М.: Экономика, 1984. – 175 с.

326. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Комментарий к статьям 5 и 6 / Отв. ред. Н. Б. Топорнин. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1997. – 160 с.

327. Еникеев М. И. Общая и юридическая психология (в двух частях). Часть I «Общая психология». Учебник / М. И. Еникеев. – М.: Юрид. лит, 1996. – 512 с.

328. Ершов В. В. Регулирование правоотношений: Монография / В. В. Ершов. – М.: РГУП, 2020. – 564 с.

329. Есикова М. М., Профессиональная этика юриста [Электронный ресурс]: учебное пособие / М. М. Есикова, О. А. Бурахина, В. А. Скребнев, Г. Л. Терехова. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2015. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

330. Жилин Г. А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография / Г. А. Жилин. – М.: Проспект, 2010. – 574 с.

331. Загайнова С. К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе / С. К. Загайнова. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 389 с.

332. Загорский Г. И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам: учебно-практическое пособие / Г. И. Загорский. – М.: Проспект, 2011. – 312 с.

333. Загорский Г. И. Постановление приговора: проблемы теории и практики: учебно-практич. пособие / Г. И. Загорский. – М.: Проспект, 2010. – 200 с.

334. Загорский Г. И. Процессуальные (судебные) акты в уголовном процессе: учеб. пособие для вузов / Г. И. Загорский, В. И. Качалов. – М.: РАП, 2014. – 191 с.

335. Зайцева Е. А. Роль следственной и судебной практики в обеспечении правильного применения норм уголовно-процессуального права: монография / Е. А. Зайцева, В. К. Ашуров, О. В. Сидоренко. – Волгоград: ВА МВД России, 2017. – 224 с.

336. Заключение под стражу и его альтернативы в уголовном судопроизводстве: коллективная монография / кол. авторов; науч. ред. О. В. Качалова. – М.: РУСАЙНС, 2019. – 174 с.

337. Зеленецкий В. С. Функциональная структура прокурорской деятельности: Учеб. пособие / В. С. Зеленецкий. – Харьков: Харьк. юрид. ин-т, 1978. – 78 с.

338. Зинатуллин З. З. Проблемы уголовного процесса России: сб. статей / З. З. Зинатуллин. – Ижевск: Детектив-информ, 2008. – 283 с.

339. Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное доказывание: Концептуальные основы: Монография / З. З. Зинатуллин, Т. З. Егорова, Т. З. Зинатуллин. – Ижевск: Детектив-информ, 2003. – 227 с.

340. Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальные функции: учебное пособие / З. З. Зинатуллин, Т. З. Зинатуллин. – Ижевск: Детектив-информ, 2002. – 240 с.

341. Зуб А. Т. Принятие управленческих решений. Теория и практика: учеб. пособие / А. Т. Зуб. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2010. – 397 с.

342. Измоденов А. К. Основы государственного контроля, надзора и аудита: учеб. пособие / А. К. Измоденов, А. В. Курдюмов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. – 109 с.

343. Исаев М. А. История Российского государства и права: учебник / М. А. Исаев. – М.: Статут, 2012. – 840 с.

344. Искендеров Р. Г. Правовое и социальное значение правосудного приговора / Р. Г. Искендеров. – Баку: АГУ, 1988. – 122 с.

345. История государства и права России. Учебник / Под. ред. Ю. П. Титова. – М.: ООО «ТК Велби», 2003. – 544 с

346. Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества: текст лекций. Ч. 5. Правосистематизирующая практика / В. Н. Карташов; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль, 1999. – 225 с.

347. Карякин Е. А. Формирование истинности приговора в состязательном судебном производстве: вопросы теории и практики / Е. А. Карякин; под науч. ред. А. П. Гуськовой. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 224 с.

348. Качалов В. И. Уголовно-процессуальное регулирование исполнения итоговых судебных решений: монография / В. И. Качалов. – М.: Ustitia, 2017. – 297 с.

349. Качалова О. В. Заключение под стражу в качестве меры пресечения: обоснованность применения и продления: учебно-методические материалы / О. В. Качалова, В. И. Качалов. – М.: Деловой стиль, 2019. – 82 с.

350. Качалова О. В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе: монография / О. В. Качалова. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 208 с.

351. Керимов Д. А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права: монография / Д. А. Керимов. – 3-е изд., перераб. и доп. Репр. изд. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 524 с.

352. Кириллова Н. П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. Монография / Н. П. Кириллова. – СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та. Изд-во юрид. фак-та. 2007. – 408 с.

353. Клеандров М. И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты / М. И. Клеандров. – М.: Норма, 2011. – 448 с.

354. Кобликов А. С. Судебный приговор А. С. Кобликов. – М.: Юрид. лит, 1966. – 135 с.

355. Кобликов А. С. Юридическая этика. Учебник для вузов / А. С. Кобликов. – М.: Норма : ИНФРА-М,, 1999. – 168 с.

356. Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: монография / Н. Н. Ковтун. – Н.-Новгород: Нижегор. правовая акад, 2002. – 331 с.

357. Ковтун Н. Н. Судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство России (глава 16 УПК РФ): Учеб.-практ. пособие / Н. Н. Ковтун, Р. В. Ярцев. – 2-е изд., доп. и изм. Н.Новгород: Изд-во Волго-Вятской акад. гос. службы, 2008. – 151 с.

358. Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам /Л. Д. Кокорев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1971. – 160 с.

359. Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Этика уголовного процесса: учеб. пособие / Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. – 221 с.

360. Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание / Л. Д. Кокорев, Н. П. Кузнецов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. – 272 с.

361. Колоколов Н. А. Методика проведения основных судебно-контрольных действий в стадии предварительного расследования: учебное пособие / Н. А. Колоколов. – 2-е изд., перераб. и доп. В 2-х частях. Ч. I. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 404 с.

362. Колоколов Н. А. О праве, суде и правосудии: избранное / Н. А. Колоколов. – М.: Закон и право: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 686 с.

363. Колоколов Н. А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе / Н. А. Колоколов. – М.: Юрист, 2008. – 415 с.

364. Колоколов Н. А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности / Н. А. Колоколов. – М.: Юрист, 2010. – 399 с.

365. Колпаков В. М. Теория и практика принятия управленческих решений: Учеб. пособие / В. М. Колпаков. – 2-е изд., перераб. и доп. – Киев: МАУП, 2004. – 504 с.

366. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / Под общ. ред. В. А. Туманова, Л. М. Энтина. – М.: Норма, 2002. – 334 с.

367. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Отв. ред. А. А. Чекалин; под ред. В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. – 4-е изд., переаб. и доп. – М.: ЮРАЙТ, 2007. – 1264 с.

368. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. И. Радченко, науч. ред. А. С. Михлин, В. А. Казакова. – 2-е изд., переаб. и доп. – М.: Проспект, 2008. – 699 с.

369. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. – М.: КОНТРАКТ, 2013. – 672 с.

370. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – 736 с.

371. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). В 4-х т. Т. 4 Особенная часть. Разделы X – XII. / отв. ред. В. М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

372. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. Т. 2. / Под ред. А. В. Бриллиантова. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2015.– 701 с.

373. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / Под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юриспруденция, 2013 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

374. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред.: Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2004. – 822 с.

375. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. А. М. Рекункова и А. К. Орлова. – М.: Юрид. лит, 1981. – 536 с.

376. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные работы / А. Ф. Кони. – М.: Юрайт, 2019. – 152 с.

377. Константинова В. А. Понятие и классификация промежуточных решений суда первой инстанции в уголовном процессе: учеб. пособие / В. А. Константинова. – Омск: Омский гос. ун-т, 2017. – 84 с.

378. Корнакова С. В. Проблемы реализации принципа справедливости в российском уголовном судопроизводстве: монография / С. В. Корнакова, В. А. Щербаков. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 144 с.

379. Костюк М. Ф. Понятия и виды иных мер уголовно-правового характера: учеб. пособие / М. Ф. Костюк, А. Н. Батанов, В. А. Посохова, Т. М. Калинина. – М.: Проспект, 2011. 319 с.

380. Криминалистика: Учеб. для вузов / Под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. – М.: Высшая школа, 1994. – 527 с.

381. Крымов А. А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России: монография / А. А. Крымов. – М. Проспект, 2017. – 463 с.

382. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. – М.: Юрид. лит, 1989. – 638 с.

383. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. – 1278 с.

384. Кутафин О. Е. Судебная власть в России: История. Документы: В 6 т. / О. Е. Кутафин, В. М. Лебедев, Г. Ю. Семигин; – М. : Мысль, 2003, Т. 1: Начала формирования судебной власти. – 701 с.; Т. 2: Период абсолютизма. – 847 с.; Т. 3: От свода законов к судебной реформе 1864 г. – 893 с.; Т. 4: На рубеже веков: эпоха войн и революций. – 677 с.; Т. 5: Советское государство. – 829 с.; Т. 6: Российская Федерация. – 893 с.

385. Куцова Э. Ф. Исполнение приговора: лекции по уголовному процессу / Э. Ф. Куцова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. – 49 с.

386. Лазарев В. В. Применение советского права / В. В. Лазарев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. – 200 с.

387. Лазарев В. В. Теория государства и права: Учебник для вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – М.: Спарк, 1998. – 448 с.

388. Лазарева В. А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве по уголовному делу: Монография / В. А. Лазарева. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 168 с.

389. Лазарева В. А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара: Самар. гос. ун-т, 1999. 134 с.

390. Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и половины XVII веков) / Ланге Н. - СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1884. - 253 с.

391. Ларин А. М. Уголовный процесс России. Лекции-очерки / А. М. Ларин, Э. Б. Мельникова, В. М. Савицкий; Под ред. В. М. Савицкого. – М.: Бек, 1997. – 314 с.

392. Ларин А. М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства / А. М. Ларин; Отв. ред. В. М. Савицкий. – М.: Наука, 1985. – 240 с.

393. Лебедев В. М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития / В. М. Лебедев. – СПб.: Лань, 2001. – 382 с.

394. Левченко О. В. Рассмотрение судом вопросов, связанных с исполнением приговора / О. В. Левченко, О. В. Гужва, А. А. Караева. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 168 с.

395. Левченко О. В. Реализация принципов уголовного судопроизводства судом в стадии исполнения приговора / О. В. Левченко, А. А. Камардина. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 190 с.

396. Ломакин А. Л. Управленческие решения: учебное пособие / А. Л. Ломакин. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М,, 2005. – 188 с.

397. Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права / Е. Г. Лукьянова. – М.: Норма, 2003. – 240 с.

398. Лупинская П. А. Решение в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П. А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010, – 240 с.

399. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы / П. А. Лупинская. – М.: Юрид. лит, 1976. – 168 с.

400. Малиновский И. А. Сборник памятников древнего русского права / И. А. Малиновский. – Ростов-н/Д : Акционерная печатня, 1917. – 247 с.

401. Малышева О. А. Реализация правовых позиций Европейского Суда по правам человека в российском уголовном процессе: монография / О. А. Малышева, Ю. В. Малышева; Под ред. Б. Я. Гаврилова. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 176 с.

402. Малышева О. А. Уголовно-процессуальные основы исполнения приговора: учебник для магистратуры и аспирантуры / О. А. Малышева. – М.: Норма, 2017. – 287 с.

403. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право / М. Н. Марченко. – М.: Проспект, 2007. – 512 с.

404. Матвиенко Е. А. Приговор суда и его исполнение / Е. А. Матвиенко. – Минск: Вышэйш. школа, 1968. – 179 с.

405. Мещеряков Ю. В. Формы уголовного судопроизводства: Учеб. пособие / Ю. В. Мещеряков. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 92 с.

406. Мирецкий С. Г. Приговор суда / С. Г. Мирецкий. – М.: Юрид. лит, 1989. – 109 с.

407. Михайловская И. Б. Суды и судьи: независимость и управляемость / И. Б. Михайловская. – М.: Проспект, 2008. – 128 с.

408. Михаляк Я. С.. Применение социалистического права в период развернутого строительства коммунизма / Я. С. Михаляк. – Москва: Госюриздат, 1963. – 44 с.

409. Морщакова Т. Г. Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам) / Т. Г. Морщакова, И. Л. Петрухин; Отв. ред. О. П. Темушкин. – М.: Наука, 1987. – 238 с.

410. Мотовиловкер Я. О. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Ч. 1 / Я. О. Мотовиловкер. – Кемерово: Книж. изд-во, 1962. – 296 с.
411. Мотовиловкер Я. О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса: Учеб пособие / Я. О. Мотовиловкер. – Ярославль: ЯрГУ, 1978. – 96 с.
412. Мотовиловкер Я. О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты: Вопросы факты и права / Я. О. Мотовиловкер. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 152 с.
413. Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции / Я. О. Мотовиловкер. – Ярославль, 1976. – 93 с.
414. Мотовиловкер Я. О. Предмет советского уголовного процесса: учеб. пособие / Я. О. Мотовиловкер. – Ярославль. 1974. – 95 с.
415. Моул Н. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство: Прецеденты и комментарии / Н. Моул, К. Харби, Л. Б. Алексеева. – М.: Рос. акад. правосудия, 2001. – 143 с.
416. Муратова Н Г. Уголовный процесс: проблемы и идеи: монография / Н. Г. Муратова; под ред. Б. Я. Гаврилова. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 464 с.
417. Муратова Н. Г. Процессуальные акты органов предварительного расследования: Вопросы теории и практики / Н. Г. Муратова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 116 с.
418. Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: монография / А. Д. Назаров. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 400 с.
419. Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 года № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / Е. А. Кузьмина, А. А.

Ларинков, И. К. Севастьяник, В. А. Шиплюк. СПб.: Санкт-Петерб. юрид. институт (филиал) Универ. прокуратуры Рос.Федерации, 2020. – 79 с.

420. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В. П. Божьев. – М.: Спарк, 2002. – 1007 с.
421. Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм / П. Е. Недбайло. – М.: Госюриздат, 1960. – 511 с.
422. Немов Р. С. Психология: учебник для студентов вузов: В 3 кн. / Р. С. Немов. – 4-е изд., – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. Кн. 1: Общие основы психологии. – 688 с.
423. Нерсесянц В. С. Общая теория государства и права: Учебник для вузов / В. С. Нерсесянц. – М.: Норма, 2002. –539 с.
424. Николюк В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения: монография / В. В. Николюк. – Орел: ОрЮИ МВД России, 2015. – 236 с.
425. Николюк В. В. Возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам уголовно-процессуального принуждения: монография / В. В. Николюк. – Омск: Омская академия МВД России, 2012. – 152 с.
426. Николюк В. В. Привод, задержание и заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: Научно-практич. пособие / В. В. Николюк. – М.: РГУП, 2018. – 170 с.
427. Николюк В. В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР / В. В. Николюк. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. – 252 с.
428. Николюк В. В. Устранение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора: монография / В. В. Николюк, Д. А. Квициния. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД РФ, 2014. – 124 с.
429. Общая психология: курс лекций / сост. Е. И. Рогов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. – 448 с.

430. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х тома / Отв. ред. М. Н. Марченко. Т. 1: Теория государства. – М.: Зерцало, 2000. –416 с.
431. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах / Под ред. М. Н. Марченко. Т. 2: Теория права. – М.: Зерцало, 2000. – 656 с.
432. Организация деятельности судов: учебник / Под общ. ред. В. М. Лебедева. – М.: Норма, 2008. – 623 с.
433. Основы теории систем и системного анализа: конспект лекций / сост. Е. Г. Водолазская, Н. В. Водолазская. – Краматорск: Изд-во Донбас. гос. машиностр. академии, 2003. – 68 с.
434. Отечественное законодательство XI-XX веков : Пособие для семинаров / Под ред. О. И. Чистякова. Ч. 1: XI - XIX века. – М.: Юристъ, 2004. – 462 с.
435. Павлухин А. Н. Судебный контроль за исполнением уголовных наказаний / А. Н. Павлухин, И. А. Давыдова, Н. Д. Эриашвили. – М.: ЮНИТА-ДАНА, 2008. – 143 с.
436. Пальчикова М. В. Определения и постановления суда первой инстанции в российском уголовном процессе: монография / М. В. Пальчикова. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 216 с.
437. Пастухов М. И. Оправдание подсудимого / М. И. Пастухов. – Минск: Университетское, 1985. – 111 с.
438. Перлов И. Д. Исполнение приговора в советском уголовном процессе / И. Д. Перлов. – М.: Юрид. лит., 1963. – 227 с.
439. Перлов И. Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе / И. Д. Перлов. – М.: Юрид. лит., 1968. – 395 с.
440. Петрухин И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию: монография / И. Л. Петрухин. – М.: Проспект, 2009. – 192 с.
441. Петрухин И. Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений / И. Л. Петрухин. – М.: Проспект, 2008. – 286 с.
442. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России / И. Л. Петрухин. – М.: ТК Велби, 2005. Ч. 2. – 192 с.

443. Петрухин И. Л. Теоретические основы эффективности правосудия / И. Л. Петрухин, Г. П. Батуров, Т. Г. Морщакова. – М.: Наука, 1979. – 392 с.

444. Печников Г. А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе: монография / Г. А. Печников. – 2-е изд., исправ. и доп. – Волгоград: ВА МВД России, 2010. – 312 с.

445. Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С. В. Познышев. – М.: Г. А. Леман, 1913. – 329 с.

446. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н. Н. Полянский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 271 с.

447. Полянский Н. Н. Проблемы судебного права / Н. Н. Полянский, М. С. Строгович, В. М. Савицкий, А. А. Мельников; Под ред. В. М. Савицкого. – М. Наука, 1983. – 223 с.

448. Попова Н. Ф. Административное право: учебник и практикум / Н. Ф. Попова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 333 с.

449. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Н. А. Громова. – М.: ГроссМедиа, 2007. – 606 с.

450. Правоохранительные органы Российской Федерации: Учебник для вузов / под ред. В. М. Семенова, В. А. Байдукова. М., – 2008: НОРМА. – 320 с.

451. Правоохранительные органы: учебник / отв. ред. Ю. Е. Орлов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2010. – 496 с.

452. Правосудие в современном мире: монография / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 704 с.

453. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практич. пособие / под ред. В. П. Верина. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – 589 с.

454. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в 2 ч. Часть 2. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики: практическое пособие / под ред. В. М. Лебедева. – М.: Юрайт, 2016. – 395 с.

455. Проблемы судебной этики / Под ред. М. С. Строговича. – М.: Наука, 1974. – 271 с.
456. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В. М. Сырых. – М.: РАП, 2008. – 525 с.
457. Прохорова И. А. Теория систем и системный анализ: учебное пособие / И. А. Прохорова. – Челябинск: Издат. центр, 2013. – 48 с.
458. Психология. Учебник / Отв. ред. А. А. Крылов. – М.: Проспект, 1998. – 584 с.
459. Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности / Р. Д. Рахунов. – М.: Госюриздат, 1961. – 277 с.
460. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям / Розин Н. Н. – 3-е изд., пересмотр. – Петроград: Изд. юрид. кн. скл. "Право", 1916. – 603 с.
461. Розэ Г. Введение в немецкое уголовно-процессуальное право: Учебное пособие / Г. Розэ; Науч. перевод: Анна Килина, Юлия Степанова. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2001. – 219 с.
462. Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти томах / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1984. Т. 3: Акты Земских соборов / отв. ред.: Маньков А.Г. 1985. – 512 с.
463. Российское законодательство X–XX веков: В 9-ти томах / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1984. Т. 8: Судебная реформа / отв. ред. Б. В. Виленский. 1991. – 495 с.
464. Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1 Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: проспект, 2011. – 528 с.
465. Рябинина Т. К. Деятельность суда по назначению и подготовке уголовного дела к судебному заседанию в механизме реализации судебной власти: монография / Т. К. Рябинина. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 216 с.

466. Рябинина Т. К. Особенности реализации судебной власти в стадии назначения судебного заседания: прошлое и настоящее: монография / Т. К. Рябинина. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 240 с.

467. Рябинина Т. К. Полномочия суда на стадии назначения судебного заседания как средства реализации судебной власти: монография / Т. К. Рябинина. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 336 с.

468. Рябцева Е. В. Исполнение приговора в уголовном процессе России / Е. В. Рябцева. – Ростов-на-Дону, 2007. – 218 с.

469. Рябцева Е. В. Правосудие в уголовном процессе России: монография / Е. В. Рябцева. – 2-е изд., доп. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 397 с.

470. Рябцева Е. В. Судебное санкционирование в уголовном процессе России: монография / Е. В. Рябцева. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 275 с.

471. Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде / В. М. Савицкий. – М.: Наука, 1971. – 342 с.

472. Савицкий В. М. Язык процессуального закона. Вопросы терминологии / В. М. Савицкий; Под ред. А. Я. Сухарева. – М.: Наука, 1987. – 286 с.

473. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса / Т. В. Сахнова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. – 782 с.

474. Свиридов М. К. Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания: Учеб. пособие / М. К Свиридов. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1972. – 136 с.

475. Свиридов М. К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора / М. К. Свиридов. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978. – 221 с.

476. Сердюков С. В. Ускоренное судебное разбирательство: необходимость, реальность, перспектива (вопросы теории и практики) / С. В. Сердюков. – М.: ЮРКНИГА, 2006. – 127 с.

477. Скакун О. Ф. Теория государства и права: учебник / О. Ф Скакун. – Харьков: КОНСУМ, 2000. – 704 с.

478. Случевский Вл. Учебник русского уголовного процесса / Вл. Случевский. – СПб: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913, – 670 с.

479. Смирнов А. В. Состязательный процесс / А. В. Смирнов. – СПб: Альфа, 2001. – 320 с.

480. Смирнов А. В. Уголовный процесс: учебник / / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; Под общ. ред. А. В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2008. – 704 с.

481. Смирнов А. В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе: монография / А. В. Смирнов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 240 с.

482. Смирнов В. А. Уголовный процесс: учебник для вузов. / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; Под общ. ред. А. В. Смирнова. – 2-е изд. – СПб: Питер, 2005. – 699 с.

483. Соловьев С. А. Благоприятствование защите (favor defensionis): монография / С. А. Соловьев; Под ред. Л. Н. Масленниковой. – М.: Норма, 2021. – 296 с.

484. Солодилов А. В. Судебный контроль в системе уголовного процесса России / А. В. Солодилов. – Томск: Изд-во Том. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2000. – 297 с.

485. Социология права: курс лекций: в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. – М: Проспект, 2015. Т. 1. – 368 с.

486. Справедливое судебное разбирательство в международном праве: юридический сборник / Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека. – Варшава, 2013. – 279 с.

487. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под. ред. Т. Г. Морщаковой. – М.: Мысль, 2012. – 583 с.

488. Стецовский Ю. И. Судебная власть. Учебное пособие / Ю. И. Стецовский. – М.: Дело, 1999. – 400 с.

489. Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем : монография / Н. Г. Стойко. – СПб. : Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юрид. ф-та СПбГУ, 2006. – 264 с.

490. Строгович М. С. Избранные труды: В 3-х т. Т. 3: Теория судебных доказательств / М. С. Строгович; Отв. ред. А. М. Ларин. – М.: Наука, 1991. – 297 с.
491. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 703 с.
492. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: В 2-х т. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М.: Наука, 1968. – 470 с.
493. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: В 2-х т. Т. 2: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву / М. С. Строгович. – М.: Наука, 1970. – 516 с.
494. Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности / М. С. Строгович. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – 251 с.
495. Строгович М. С. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров / М. С. Строгович. – М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1956. – 319 с.
496. Строгович М. С. Уголовный процесс / М. С. Строгович. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – 312 с.
497. Суд и правоохранительные органы: учеб. для акад. бакалавриата / под общ. ред. В. В Ершова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014.– 767 с.
498. Судебная власть / [Т. Е. Абова и др.]; Под ред. И. Л. Петрухина. – М.: Проспект, 2003. – 720 с.
499. Судебная власть и правосудие в Российской Федерации: Курс лекций / Под ред. В. В. Ершова. – М.: Рос. акад. правосудия, 2011. – 900 с.
500. Судебная система России: учеб. пособие / [Батова С. А. и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Дело, 2001. – 332 с.
501. Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации: практическое пособие оп применению Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. А. И. Карпова. – М.: Юрайт, 2008. – 732 с.

502. Судебный контроль в уголовном процессе: учеб. пособие / под ред. Н. А. Колоколова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТА-ДАНА. Закон и право, 2009. – 847 с.

503. Суздалов Е. Г. Теория систем и системный анализ. Конспект лекций / Е. Г. Суздалов. – СПб, 2010. – 47 с.

504. Танцерев М. В. Потерпевший и его функция в уголовном процессе Российской Федерации: Монография / М. В. Танцеров, Н. Г. Стойко. – Красноярск: КГУ, 2003. – 101 с.

505. Татьянин Д. В. Реабилитация в уголовном процессе России: монография / Д. В. Татьянин. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 144 с.

506. Теория государства и права: Учебник для вузов / Под ред. В. М. Корельского, В. Д. Превалова. – М.: НОРМА, 2002. – 616 с.

507. Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции: монография / под ред. Н. А. Колоколова. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 492 с.

508. Теория уголовного процесса: состязательность: монография / [Белкин А. Р. и др.]; под ред. Н. А. Колоколова. Ч. 1. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 362 с.

509. Теория уголовного процесса: состязательность: монография / под ред. Н. А. Колоколова. Ч. 1. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 368 с.

510. Теория юридического процесса / Под общ. ред. В. М. Горшенева. – Харьков: Вища школа, 1985. – 192 с.

511. Тихомиров Ю. А. Правовые акты: Учеб.-практ. пособие / Ю. А. Тихомиров, И. В. Котелевская. – М.: Юрид. колледж МГУ, 1999. – 158 с.

512. Трефилов А. А. Уголовно-процессуальный кодекс Лихтенштейна: комментарий и перевод / А. А. Трефилов. – М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2012. –176 с.

513. Трефилов А. А. Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии от 5 октября 2007 года. / А. А. Трефилов. – М.: ООО «НИПКЦ Восход-А». 2011. – 220 с.

514. Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран. Т. 1: Уголовно-процессуальная компаративистика. Уголовный процесс Швейцарии / А. А. Трефилов. – М. : НИПКЦ Восход-А, 2016. – 1019 с.

515. Трубникова Т. В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации: Учеб. пособие / Т. В. Трубникова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – 296 с.
516. Трубникова Т. В. Теоретические основы упрощенных судебных производств / Т. В. Трубникова. –Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – 132 с.
517. Тузов Н. А. Мотивирование и преюдиция судебных актов: Монография / Н. А. Тузов. – М.: РАП, 2006. – 152 с.
518. Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве / Д. В. Тулянский. М.: Юрлитинформ, 2006. – 192 с.
519. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. Э. К. Кутуева; науч. ред. В. П. Сальникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Санкт-Петерб. ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. – 583 с.
520. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. П. А. Лупинская. – 2-е изд., переаб. и доп. – М.: Норма, 2009. – 1072 с.
521. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / Отв. ред. П. А. Лупинская. – М.: Юристъ, 2004. – 815 с.
522. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистров / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – 476 с.
523. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. В. М. Лебедева. – 2-е изд., пер. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – 1060 с.
524. Уголовно-процессуальные акты / под ред. Г. В. Стародубовой. – М.: Юрайт, 2018. – 446 с.
525. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1 – 32.1. Постатейный научно-практический комментарий / Отв. ред. Л. А. Воскобитова. – М.: Редакция «Российской газеты», 2015. – 912 с.

526. Уголовный процесс / Под ред. И. Л. Петрухина. – М.: ПБОЮЛ Грачев С. М., 2001. – 520 с.

527. Уголовный процесс / под ред. М. А. Чельцова. – М.: Юрид. лит, 1969. – 463 с.

528. Уголовный процесс европейских государств: монография / под ред. В. И. Самарина, В. В. Луцика. – М.: Проспект, 2018. – 752 с.

529. Уголовный процесс России. Особенная часть: Учебник / Под ред. В. З. Лукашевича. – СПб.: Издат. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – 704 с.

530. Уголовный процесс России: Общая часть: Учебник / Под ред. В. З. Лукашевича. – СПб.: Издат. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – 448 с.

531. Уголовный процесс. Учебник для студентов юрид. вузов и фак-тов / Под ред. К. Ф. Гуценко. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – М.: Зерцало, 2000. – 608 с.

532. Уголовный процесс: учеб. пособие / под ред.: П. М. Давыдов, И. Я Дюрягин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 312 с.

533. Уголовный процесс: учебник / под ред. В. А. Лазаревой. – М.: ЮСТИЦИЯ, 2015. – 656 с.

534. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. В. П. Божьева. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Спарк, 2002. – 704 с.

535. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юрид. вузов / под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко и А. Г. Тузова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. – 445 с.

536. Уголовный процесс: Учебник для вузов / под ред. В. И. Радченко. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Юстицинформ, 2006. – 783 с.

537. Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России: Учебное пособие / Л. Т. Ульянова. – М.: ИД «Городец», 2008. – 176 с.

538. Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и судебный приговор / Ф. Н. Фаткуллин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1965. – 531 с.

539. Фетищев Д. В. Судебная власть в механизме государства: вопросы теории и практики: Монография / Д. В. Фетищев. – М.: Науч. книга, 2007. – 283 с.

540. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. Том 2. – СПб.: Альфа, 1996. – 607 с.

541. Фокин В. М. Правоохранительные органы Российской Федерации: учебник / Отв. ред. В. П. Кашепов. – М.: Былина, 1999. – 219 с.

542. Фурсов Д. А., Харламова И. В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Т. 1: Теория и практика организации правосудия / Д. А. Фурцев, И. В. Харламова. – М.: Статут, 2009. – 524 с.

543. Хайруллин В. И. Категория справедливости в истории политико-правовой мысли / В. И. Хайруллин. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 192 с.

544. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства / О. В. Химичева. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2004. – 287 с.

545. Цоколова О. И. Реабилитация в уголовном процессе: Монография / О. И. Цоколова, Г. В. Костылева, С. А. Рогачев. – М.: ВНИИ МВД России, 2010. – 131 с.

546. Чайковская М. А. Свойства приговора: монография / М. А. Чайковская. – М.: Проспект, 2013. – 176 с.

547. Чеботарев Г. Н. Принцип разделения властей в государственном устройстве Российской Федерации / Г. Н. Чеботарев. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1997. – 217 с.

548. Чельцов (Чельцов-Бебутов) М. А. Избранное. Том 2: сборник научных трудов / М. А. Чельцов; отв. ред. Л. А. Воскобитова. – М.: Проспект, 2017. – 720 с.

549. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс / М. А. Чельцов. – М.: Госюриздат, 1962, – 503 с.

550. Чепурнова Н. М. Судебная защита в механизме гарантирования прав и свобод. Конституционно-правовой аспект: монография / Н. М. Чепурнова, Д. В. Белоусов. – М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2010. –167 с.

551. Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения в уголовном судопроизводстве: монография / А. С. Червоткин. – М.: Проспект, 2017. – 375 с.

552. Черданцев А. Ф. Теория государства и права: Учебник / А. Ф. Черданцев. – М.: Юрист, 2003. – 193 с.

553. Швецов В. И. Исполнение приговора в советском уголовном процессе: учебное пособие / В. И. Швецов. – М.: ВЮЗИ, 1982. – 51 с.

554. Шевцов В. С. Право и судебная власть в Российской Федерации / В. С. Шевцов. – М.: Профобразование, 2003. – 366 с.

555. Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса / С. Д. Шестакова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 220 с.

556. Шилов А. В. Судебный контроль на стадии предварительного расследования в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / А. В. Шилов, Е. З. Трошкин. – Минск: Тесей, 2004. – 192 с.

557. Шклярук М. С. Траектория уголовного дела в официальной статистике: на примере обобщенных данных правоохранительных органов / М. С. Шкрярук; Под ред. К. Д. Титаева, Э. Л. Панеях. – М.: Статут, 2014. – 72 с.

558. Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства / В. Н. Шпилев. – Минск: Изд-во БГУ, 1974. – 143 с.

559. Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П. С. Элькинд. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 172 с.

560. Юридическая деятельность: сущность, структура, виды: сб. науч. трудов / [Редкол.: В. Н. Карташов (отв. ред.) и др.]. – Ярославль: Изд-во Ярослав. ун-та, 1989. – 138 с.

561. Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / Под ред. В. М. Горшенева, П. Е. Недбайло. – М.: Юрид. лит, 1976. – 279 с.

562. Юркевич Н. А. Промежуточное производство в системе уголовного процесса России. История, теория и практика, перспективы развития / Н. А. Юркевич. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – 374 с.

563. Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства / Ю. К. Якимович. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – 168 с.

564. Якимович Ю. К. Дифференциация уголовного процесса / Ю. К. Якимович, А. В. Ленский, Т. В. Трубникова; Под ред. М. К. Свиридова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 297 с.

565. Якимович Ю. К. Избранные статьи (1985–1996) / Ю. К. Якимович. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. – 70 с.

566. Якимович Ю. К. Избранные труды / Ю. К. Якимович. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. – 772 с.

567. Якимович Ю. К. Судебное производство по УПК Российской. Федерации / Ю. К. Якимович, Т. Д. Пан. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – 249 с.

568. Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве / М. Л. Якуб. – М.: Юрид. лит., 1981. – 144 с.

2. Диссертации и авторефераты диссертаций

569. Авдюков М. Г. Законная сила судебного решения в советском гражданском процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук / М. Г. Авдюков. – М., 1953. – 14 с.

570. Агеева Г. Н. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Г. Н. Агеева. – М., 1952. – 17 с.

571. Агутин А. В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. …д-ра юрид. наук / А. В. Агутин. – Н.-Новгород, 2005. – 52 с.

572. Александрова О. Ю. Оправдательный приговор в уголовном процессе: теоретические основы и правоприменительная практика: автореф. дис. … канд. юрид. наук / О. А. Александрова. – Омск, 2005. – 22 с.

573. Александрова О. Ю. Оправдательный приговор в уголовном процессе: теоретические основы и правоприменительная практика: дис. ... канд. юрид. наук / О. Ю. Александрова. – Красноярск, 2005. – 202 с.

574. Алексеев А. Г. Вопросы теории и практики заявления, рассмотрения и разрешения ходатайств в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. Г. Алексеев. – Барнаул, 2005. – 23 с.

575. Алексеева Л. Б. Право на справедливое судебное разбирательство: Реализация в УПК РФ общепризнанных принципов и норм международного права: дис. … д-ра юрид. наук / Л. Б. Алексеева. – М., 2003. – 58 с.

576. Амануллина А. Ф. Судебный контроль в стадии исполнения приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. Ф. Амануллина. – М., 2008. – 25 с.

577. Амирбекова Г. Г. Институт реабилитации в уголовном процессе: теория и практика реализации (по материалам Республики Дагестан): автореф. дис. … канд. юрид. наук / Г. Г. Амирбекова. – М., 2008. – 22 с.

578. Андреев К. В. Процессуальные полномочия следователя и прокурора в рамках судебно-контрольных производств, реализуемых на досудебном этапе уголовного судопроизводства России: автореф. дис. … канд. юрид. наук / К. В. Андреев. – Владимир, 2012. – 25 с.

579. Антонова Е. Е. Функциональная характеристика досудебного производства в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е. Е. Антонова. – Омск, 2006. – 18 с.

580. Анфёрова О. А. Проблема прекращения уголовного дела (уголовного преследования) с применением к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия: автореф. дис. … канд. юрид. наук / О. А. Анферова. – Волгоград, 2003. – 20 с.

581. Ахундов Н. А. Справедливость приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Н. А. Ахундов. – М., 1990. – 24 с.

582. Аширова Л. М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе: автореф. ... дис. канд. юрид. наук / Л. М. Аширова. – Уфа, 2006. – 27 с.

583. Бажанов М. И. Законность и обоснованность основных судебных актов в советском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967 // Бажанов М. И. Избранные труды / М. И. Бажанов; отв. ред. В. Я. Таций. – Харьков: Право, 2012. – С. 1191–1209.

584. Баландин В. Н. Принципы юридического процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук / В. Н. Баландин. – Саратов, 1998. – 15 с.

585. Банников И. А. Принцип осуществления правосудия только судом в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук / И. А. Банников. – М., 2017. – 214 с.

586. Баранов А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / А. М. Баранов. – Омск, 2006. – 39 с.

587. Барова М. А. Уголовно-процессуальный механизм вынесения судебных решений в досудебном производстве: автореф. … дис. канд. юрид. наук / М. А. Барова. – Н.Новгород, 2014. – 35 с.

588. Бахта А. С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / А. С. Бахта. – М., 2011. – 49 с.

589. Безруков А. М. Преюдициальная связь судебных актов: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. М. Безруков. – Екатеринбург, 2005. – 27 с.

590. Безруков С. С. Принципы уголовного процесса: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / С. С. Безруков. – М., 2016. – 58 с.

591. Беляев В. П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / В. П. Беляев. – Саратов, 2006. – 55 с.

592. Беляев М. В Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика: дис. … д-ра юрид. наук / М. В. Беляев. – М., 2019. – 472 с.

593. Берова Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Д. М. Берова. – Ростов-на-Дону, 2011. – 47 с.

594. Бетрозов С. А. Институт реабилитации в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук / С. А. Бетрозов. – СПб, 2006. –26 с.

595. Бозров В. М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России: Теоретические, процессуальные, криминалистические, этиологические и организационные аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. М. Бозров. – Екатеринбург, 1999. – 55 с.

596. Бойцова Л. В. Ответственность государства за ущерб, причиненный гражданам в сфере правосудия: Генезис, сущность, тенденции развития: дис. … д-ра юрид. наук / Л. В. Бойцова. – М., 1995. – 349 с.

597. Бопхоев Х. В. Принудительные меры в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений: проблемы совершенствования законодательного урегулирования и практики правоприменения: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Х. В. Бопхоев. – Н.-Новгород, 2006. – 30 с.

598. Боярская А. В. Доказывание в упрощенных судебных производствах уголовного процесса России: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. В. Боярская. – Томск, 2012. – 22 с.

599. Бунина А. В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. В. Бунина. – Челябинск, 2005. – 26 с.

600. Бурмагин С. В. Роль и правовое положение суда в современном российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. В 2-х т. / С. В. Бурмагин. – Владимир, 2009. Т. 1. – 263 с.

601. Бутов В. Н. Определения суда первой инстанции по уголовным делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук / В. Н. Бутов. – Свердловск, 1975. – 19 с.

602. Быданцев Н. А. Прекращение уголовного преследования (дела) в отношении несовершеннолетнего с применением принудительной меры воспитательного воздействия в аспекте ювенальной юстиции: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Н. А. Быданцев. – Томск, 2007. – 21 с.

603. Васильев О. Л. Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях российского уголовного процесса: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / О. Л. Васильев. – М., 2018. – 45 с.

604. Великий Д. П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Д. П. Великий. – М., 2001. – 32 с.

605. Владыкина Т. А. Теоретическая модель производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Т. А. Владыкина. – Екатеринбург, 2018. – 37 с.

606. Вороненков Д. Н. Теоретические и нормативные основы судебного контроля в механизме разделения властей: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Д. Н. Вороненков. – М., 2009. – 66 с.

607. Воронин О. В. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением: автореф. дис. … канд. юрид. наук / О. В. Воронин. – Томск, 2004. – 22 с.

608. Воскобитова Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Л. А. Воскобитова. – М., 2004. – 56 с.

609. Гаврилов Б. Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: дис. … д-ра юрид. наук / Б. Я. Гаврилов. – М., 2004. – 623 с.

610. Гаврилюк Р. В. Реабилитация в российском уголовном процессе (вопросы теории и практики): автореф. дис. канд. юрид. наук / Р. В. Гаврилюк. – Н.-Новгород, 2008. – 33 с.

611. Гай О. Ю. Законная сила приговора в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук / О. Ю. Гай. – Саратов, 1999. – 24 с.

612. Гапонов Е. Н. Совершенствование правового регулирования судопроизводства при исполнении приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е. Н. Гапонов. – М., 2009. – 27 с.

613. Гареев М. Ф. Цели иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения по российскому уголовному праву: дис. … канд. юрид. наук / М. Ф. Гареев. – Казань, 2005. –23 с.

614. Герасимова А. А. Функции судебной власти в механизме современного российского государства: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. А. Герасимова. – Саратов, 2012. – 26 с.

615. Гладышева О. В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / О. В. Гладышева. – Краснодар, 2009. – 45 с.

616. Глыбина А. Н. Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе РФ: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. Н. Глыбина. – Томск, 2006. – 24 с.

617. Грицай О. В. Исполнение приговора в части имущественных взысканий: процессуальная сущность, основания и порядок: автореф. дис. … канд. юрид. наук / О. В. Грицай. – Самара, 2007. – 24 с.

618. Грищенко А. В. Институт исполнения приговора в уголовном судопроизводстве: автореф дис. … канд. юрид. наук / А. В. Грищенко. – Владимир, 2006. – 25 с.

619. Гужва О. В. Теоретические и практические проблемы рассмотрения судом вопросов, связанных с исполнением приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук / О. В. Гужва. – М., 2013. – 27 с.

620. Давыдова И. А. Судебный контроль за исполнением уголовного наказания: автореф. дис. … канд. юрид. наук / И. А. Давыдова. – Рязань, 2005. – 24 с.

621. Даровских С. М. Судебные правовые позиции в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и процессуальные формы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С. М. Даровских. – М., 2011. – 50 с.

622. Дегтярев С. А. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве (теоретико-прикладные проблемы): автореф. … дис. д-ра юрид. наук / С. А. Дегтярев. – Екатеринбург, 2008. – 51 с.

623. Добровольская Т. Н. Советское правосудие на современном этапе развернутого строительства коммунизма: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Т. Н. Добровольская. – М., 1965. – 34 с.

624. Добросоцкая О. В. Разработка и принятие управленческих решений: теоретико-методологические основы и процессная организация: автореф. дис. … канд. экон. наук / О. В. Добросоцкая. – Воронеж, 2008. – 24 с.

625. Дусейнова Э. Г. Функция суда по разрешению уголовных дел в системе уголовно-процессуальных функций России и Казахстана: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Э. Г. Дусейнова. – Челябинск, 2004. – 20 с.

626. Дюрягин И. Я. Применение норм советского права и социальное (государственное) управление: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / И. Я Дюрягин. – Свердловск,1975. – 34 с.

627. Ерохина О. С. Участие следователя в судебном заседании в ходе досудебного производства по уголовному делу: автореф. дис. … канд. юрид. наук / О. С. Ерохина. – М., 2014. – 22 с.

628. Ершова Н. С. Обоснованность итоговых уголовно-процессуальных решений суда первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук Н. С. Ершова . – М., 2014. – 30 с.

629. Ершова Н. С. Обоснованность итоговых уголовно-процессуальных решений суда первой инстанции: дис. … канд. юрид. наук / Н. С. Ершова. – М., 2014. – 230 с.

630. Заблоцкий В. Г. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук / В. Г. Заблоцкий. – Иркутск, 1971. – 20 с.

631. Завражнов Е. В. Судебная власть в Российской Федерации: теоретические вопросы и проблемы реализации: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е. В. Завражнов. – Омск, 2006. – 27 с.

632. Загайнова С. К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: Теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / С. К. Загайнова. – Екатеринбург, 2008. – 50 с.

633. Зайцева Ю. А. Самоконтроль арбитражного суда первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Ю. А. Зайцева. – Саратов, 2011. – 26 с.

634. Зиннатов Р. Ф. Реализация судебной власти на стадии подготовки дела к судебному заседанию в современном уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Р. Ф Зиннатов. – Ижевск, 2006. – 27 с.

635. Иванова О. Г. Уголовно-процессуальное производство по избранию судом меры пресечения: уголовно-процессуальная форма и особенности доказывания: дис. … канд. юрид. наук / О. Г. Иванова. – Красноярск, 2019. – 203 с.

636. Ивенский А. И. Приговор – акт правосудия, осуществляемого в общем и особом порядках судебного разбирательства: автореф. дис. канд. юрид. наук / А. И. Ивенский. – Саратов, 2006. – 20 с.

637. Изместьева Е. М. Субъекты правоприменительной деятельности в условиях децентрализации правового регулирования в России: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е. М. Изместьева. – Саратов, 2016. – 26 с.

638. Инагамджанова З. Ф. Частное определение - важное средство выполнения судом профилактических функций: автореф. дис. … канд. юрид. наук / З. Ф. Инагамджанова. – Ташкент, 1991. – 20 с.

639. Каз Ц. М. Правовая природа приговора в советском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Ц. М. Каз. – Саратов. 1952. – 21 с.

640. Калиновский К. Б. Законность и типы уголовного процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук / К. Б. Калиновский. – СПб., 1999. – 21 с.

641. Камардина А. А. Реализация принципов уголовного судопроизводства при производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. А. Камардина. – Ростов-на-Дону. 2012. – 24 с.

642. Карташов А. Ю. Уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. Ю. Карташов. – Ставрополь, 2004. – 22 с.

643. Карташов В. Н. Юридическая деятельность: Проблемы теории и методологии: автореф. дис. … д-ра юрид наук / В. Н. Карташов. – М., 1990. – 41 с.

644. Карякин Е. А. Проблемы процессуального доказывания в российском уголовном процессе на основе принципа состязательности: дис. … канд. юрид. наук / Е. А. Карякин. – Оренбург, 2002. – 22 с.

645. Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе: дис. … д-ра юрид. наук / В. И. Качалов. – М., 2017. – 492 с.

646. Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / В. И. Качалов. – М., 2017. – 49 с.

647. Квициния Д. А. Разрешение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Д. А. Квициния. – М., 2012. – 28 с.

648. Климова Я. А. Трансформация полномочий прокурора на завершающих этапах досудебного производства: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Я. А. Климова. – Волгоград, 2017. – 25 с.

649. Клинова Е. В. Проявление законной силы судебного решения: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е. В. Клинова. – М., 2004. – 28 с.

650. Князев А. А. Законная сила судебного решения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Князев. – М., 2004. – 29 с.

651. Коваленко Е. Н. Судебное решение: теоретико-методологические и технико-юридические аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е. Н. Коваленко. – Ростов-на-Дону, 2009. – 26 с.

652. Козина Т. В. Судебное следствие и обоснованность приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Т. В. Козина. – М., 1992. – 23 с.

653. Колесник И. В. Теоретическая модель правоприменительной технологии: дис. … д-ра юрид. наук / И. В. Колесник. – М., 2014. –437 с.

654. Колоколов Н. А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования преступлений: важная функция судебной власти (проблемы осуществления в условиях правовой реформы): дис. … канд. юрид. наук / Н. А. Колоколов. – М., 1998. – 23.

655. Колязина А. В. Государственный контроль и надзор в жилищно-коммунальном хозяйстве: дис. … канд. юрид. наук / А. В. Колязина. – Саратов, 2018. – 26 с.

656. Кононов Р. В. Компетенция органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере контроля и надзора (вопросы теории): автореф. дис. … канд. юрид. наук / Р. В. Кононов. – М., 2009. – 24 с.

657. Константинова А. В. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. В. Константинова. – Томск, 2012. – 26 с.

658. Корнеев О. А. Институт реабилитации в уголовно-процессуальном праве России: дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Корнеев. – Челябинск, 2005. – 23 с.

659. Косова С. А. Прекращение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия: автореф. дис. … канд. юрид. наук / С. А. Косова. – Омск, 2002. – 23 с.

660. Костерина Н. В. Судебный контроль на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Н. В. Костерина. – Волгоград, 2005. – 20 с.

661. Крымов А. А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / А. А. Крымов. – М., 2015. – 58 с.

662. Кузнецова О. Д. Проблемы реализации принципа состязательности при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук / О. Д. Кузнецова. – Калининград, 2004. – 20 с.

663. Курганский М. Г. Вопросы исполнения приговора, разрешаемые районными (городскими) судами по месту отбывания наказания осужденными: автореф. дис. … канд. юрид. наук / М. Г. Курганский. – Краснодар, 2007. – 19 с.

664. Курносова В. В. Судебная правоприменительная деятельность: дис. … канд. юрид. наук / В. В. Курносова. – Казань, 2018. – 191 с.

665. Лазарева В. А. Судебная защита в уголовном процессе РФ: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. А. Лазарева. – М., 2000. – 41 с.

666. Лазарева В. А. Судебная защита в уголовном процессе РФ: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра. юрид. наук / В. А. Лазарева. – М., 2000. – 420 с.

667. Лебедев В. М. Судебная власть на защите конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. М. Лебедев. – М., 1998. – 23 с.

668. Липунцова А. В. Государственный контроль в механизме реализации функций государства: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. В. Липунцова. – Пенза, 2019. – 24 с.

669. Лихачева Е. Ю. Правообеспечительная роль правосудия в досудебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е. Ю. Лихачева. – Саратов, 2005. – 26 с.

670. Ложкина Л. В. Заключение под стражу осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы (вопросы теории и практики): автореф. дис. … канд. юрид. наук / Л. В. Ложкина. – Ижевск, 2007. – 26 с.

671. Лопатин С. А. Реализация или преодоление преюдиции в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук / С. А. Лопатин. – М., 2017. – 27 с.

672. Лупинская П. А. Теоретические основы принятия решений в советском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / П. А. Лупинская. – М., 1973. – 42 с.

673. Луценко П. А. Судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук / П. А. Луценко. – М., 2014. – 19 с.

674. Маганкова А. А. Актуальные вопросы справедливости приговора суда первой инстанции в современном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. А. Маганкова. – Челябинск, 2013. – 24 с.

675. Магизов Р. Р. Судебный контроль за законностью и обоснованностью применения мер процессуального принуждения: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Р. Р. Магизов. – Н.Новгород, 2004. – 29 с.

676. Майорова Л. В. Частные определения в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Л. В. Майорова. – Л., 1983. – 24 с.

677. Малышева Ю. В. Реализация в уголовном процессе Российской Федерации решений Европейского Суда по правам человека: дис. … канд. юрид. наук / Ю. В. Малышева. – М., 2017. – 179 с.

678. Мамина О. И. Правосудие в механизме правового государства: концепции и реальность: автореф. дис. канд. юрид. наук / О. И. Мамина. – Тамбов, 2007. – 25 с.

679. Манова Н. С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Н. С. Манова. – М., 2005. – 54 с.

680. Масленникова Н. И. Законная сила судебного решения в советском гражданском процессуальном праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Н. И. Масленникова. – Свердловск, 1975. – 17 с.

681. Масликов И. С. Судебная власть в государственном механизме Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук / И. С. Масликов. – М., 1997. – 23 с.

682. Махоркин И. Л. Полномочия суда и их реализация на стадии предварительного расследования в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук / И. Л. Махоркин. – М., 2009. – 27 с.

683. Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ): автореф. дис. … д-ра юрид. наук / И. А. Минникес. – Екатеринбург, 2009. – 54 с.

684. Миронов В. Ю. Достоверность доказательств и их значение при постановлении приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук / В. Ю. Миронов. – Челябинск, 2005. – 22 с.

685. Митрофанова Е. В. Действие принципа состязательности сторон в досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е. В. Митрофанова. – Волгоград, 2004. – 22 с.

686. Мишакова Н. В. Теоретические и правовые аспекты совершенствования функций судебной власти в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Н. В. Мишакова. – М., 2019. – 27 с.

687. Мищенко Е. В. Проблемы дифференциации и унификации уголовно-процессуальных форм производств по отдельным категориям уголовных дел: дис. … д-ра юрид. наук / Е. В. Мищенко. – Оренбург, 2014. – 59 с.

688. Молодкин Н. Е. Функции судебных актов в правовом регулировании: автореф. дис … канд. юрид. наук / Н. Е. Молодкин. – М., 2005. – 22 с.

689. Москалькова Т. Н. Нравственные основы уголовного процесса: Стадия предварительного расследования: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Т. Н. Москалькова. – М., 1997. – 35 с.

690. Мурадьян Э. М. Частные определения суда по гражданским делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Э. М. Мурадьян. – М., 1969. – 16 с.

691. Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Н. Г. Муратова. – Екатеринбург, 2004. – 46 с.

692. Мядзелец О. А. Судебный контроль за прекращением уголовного дела и уголовного преследования: автореф. дис. канд. … юрид. наук / О. А. Мядзелец. – М., 2008. – 27 с.

693. Насонов С. А. Концептуальные основы производства в суде с участием присяжных заседателей: дис. … д-ра юрид. наук / С. А. Насонов. – М., 2021. – 517 с.

694. Николюк В. В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР: дис. … д-ра юрид. наук / В. В. Николюк. – М. 1990. – 448 с.

695. Николюк В. В. Возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам уголовно-процессуального принуждения: автореф. дис. … канд. юрид. наук / В. В. Николюк. – М., 2011. – 32 с.

696. Николюк Н. В. Производство по рассмотрению и разрешению дел о замене наказания в связи с уклонением осужденного от его отбывания: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Н. В. Николюк. – М., 2006. – 27 с.

697. Носков И. Ю. Судебная деятельность: понятие, виды, основные характеристики: дис. ... канд. юрид. наук / И. Ю. Носков. – М., 2016. – 187 с.

698. Носкова Е. В. Производство по рассмотрению и разрешению жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е. В. Носкова. – Томск, 2011. – 23 с.

699. Орлова А. А. Концепция реабилитации и организационно-правовые механизмы ее реализации в российском уголовном процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / А. А. Орлова. – М., 2013. – 58 с.

700. Орлова Т. В. Дифференциация форм судебного разбирательства в уголовном процессе российского государства: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Т. В. Орлова. – Екатеринбург, 2016. – 26 с.

701. Остапенко И. А. Приговор как итоговое решение по уголовному делу: автореф. дис. канд. юрид. наук / И. А. Остапенко. – Владимир, 2007. – 21 с.

702. Павлушина А. А. Теория юридического процесса: Проблемы и перспективы развития: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / А. А. Павлушина. – Н.Новгород, 2005. – 58 с.

703. Пастухов И. В. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора: автореф. дис … канд. юрид. наук / И. В. Пастухов. – Омск, 2005. – 23 с.

704. Пашкевич П. В. Законность и обоснованность судебного приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук / П. В. Пашкевич. – М., 1958. – 20 с.

705. Пашков С. Ю. Роль председательствующего при осуществлении правосудия судом первой инстанции по уголовным делам в общем порядке по УПК РФ: автореф. ... канд. юрид. наук / С. Ю. Пашков. – СПб., 2010. – 26 с.

706. Писаревский И. И. Обоснованность и мотивированность приговора в российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук / И. И. Писаревский. – Томск, 2019. – 317 с.

707. Подольский М. А. Судебные решения в досудебном производстве по уголовному делу (вопросы теории и практики): дис. … канд. юрид. наук / М. А. Подольский. – Казань, 2007. – 273 с.

708. Подольский М. А. Судебные решения в досудебном производстве по уголовному делу: Вопросы теории и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук / М. А. Подольский. – Екатеринбург, 2007. – 25 с.

709. Подопригора А. А. Реабилитация в уголовном процессе России: автореф дис. … канд. юрид. наук / А. А. Подопригора. – Ростов-на-Дону, 2004. – 26 с.

710. Пономаренко В. А. Мотивированность судебного решения в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук В. А. Пономаренко. – М., 2007. – 24 с.

711. Попова И. П. Обвинительный приговор без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве: сущность, основания и порядок постановления: автореф. дис. … канд. юрид. наук / И. П. Попова. – Иркутск, 2018. – 23 с.

712. Попова И. П. Обвинительный приговор без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве: сущность, основания и порядок

постановления: дис. … канд. юрид. наук / И. П. Попова. – Иркутск, 2018. – 321 с.

713. Постнов А. С. Механизм детерминации правоприменительных актов: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. С. Постнов. – М., 2006. – 25 с.

714. Потетинов В. А. Уголовно-процессуальный институт реабилитации в законодательстве России: современное состояние и перспективы развития: автореф. дис. … канд. юрид. наук / В. А. Потетинов. – Томск, 2018. – 23 с.

715. Пресняков М. В. Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание: автореф. дис. … д-ра. юрид. наук / М. В. Пресняков. – Саратов, 2010. – 45 с.

716. Пупышева Л. А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса: дис. … д-ра юрид. наук / Л. А. Пупышева. – Омск, 2022. – 458 с.

717. Пучковская М. Е. Исправление судом следственных ошибок на стадии предварительного расследования и при производстве в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук / М. Е. Пучковская. – Томск, 2004. – 25 с.

718. Рабцевич О. И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование: автореф. дис. … канд. юрид. наук / О. И. Рабцевич. – Казань, 2003. – 26 с.

719. Разяпова Л. М. Деятельность суда после провозглашения решения, завершающего рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Л. М. Рязапова. – Екатеринбург, 2018. – 32 с.

720. Раменская В. С. Институт реабилитации в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук / В. С. Раменская. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.

721. Рафиков Р. В. Судебное правоприменение: теоретико-правовой анализ: автореф. … дис. канд. юрид. наук / Р. В. Рафиков. – Н. Новгород, 2006. – 19 с.

722. Рафиков Р. Р. Судебное правоприменение: теоретико-правовой анализ: дис. … канд. юрид. наук / Р. Р. Рафиков. – Уфа, 2006. – 184 с.

723. Резепкин А. М. Элементы состязательности в российском досудебном производстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. М. Резепкин. – Челябинск, 2005. – 21 с.

724. Рогачев С. А. Реабилитация в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук / С. А. Рогачев. – М., 2009. – 29 с.

725. Рудич В. В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук / В. В. Рудич. – М., 2013. – 33 с.

726. Рустамов Х. У. Дифференциация форм уголовного процесса: Современные тенденции и проблемы совершенствования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Х. У Рустамов. – М., 1998. – 40 с.

727. Рыжих А. Н. Полномочия суда на досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. …канд. юрид. наук / А. Н. Рыжих.– Екатеринбург, 2008. – 24 с.

728. Рыжков И. Н. Стадия исполнения приговора в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. Н. Рыжков. – М., 1965. – 18 с.

729. Рябинина Т. К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Т. К. Рябинина. – Саратов, 2021. – 49 с.

730. Савченко В. А. Единоличные решения судьи при рассмотрении уголовных дел: автореф. дис. … канд. юрид. наук / В. А. Савченко. – Саратов, 1981. – 14 с.

731. Сбоев А. С. Механизм судебного контроля в досудебном уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. С. Сбоев. – Челябинск, 2004. – 21 с.

732. Семикина С. А. Эффективность актов арбитражных судов: автореф. дис. … канд. юрид. наук / С. А. Семикина. – Саратов, 2011. – 22 с.

733. Серебров Д. О. Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности: автореф. дис. … канд. юрид. наук Д. О. Серебров. – Н.Новгород, 2004. – 36 с.

734. Смородинова Ю. С. Контроль и надзор в деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (административно-правовой аспект): дис. … канд. юрид. наук / Ю. С. Смородинова. – Волгоград, 2015. – 210 с.

735. Сморчков А. И. Обоснованность правоприменительного решения: Теоретико-управленческий аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. И. Сморчков. – М., 1989. – 24 с.

736. Солдатова О. Е. Юридический процесс (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. … канд. юрид. наук / О. Е. Солдатов. – Челябинск, 2014. – 18 с.

737. Соловьев И. Ф. Правосудность приговора в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук / И. Ф. Соловьев. – Воронеж, 1992. – 21 с.

738. Солодов Д. А. Процессуальные и тактические решения следователя (сущность, проблемы оптимизации принятия): автореф. дис. … канд. юрид. наук / Д. А. Солодов. – Воронеж, 2003. – 24 с.

739. Солонина С. Ю. Дискреционные основания прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. … канд. юрид. наук / С. Ю. Солонина. – Воронеж, 2015. – 22 с.

740. Сосновик Н. Ф. Возмещение вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам незаконным применением мер процессуального принуждения: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Н. Ф. Сосновик. – М., 2005. – 25 с.

741. Стрелкова Ю. В. Вердикт присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и правоприменительная практика: дис. … канд. юрид. наук / Ю. В. Стрелкова. – М., 2018. – 228 с.

742. Суханова Н. Н. Постановление оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Н. Н. Суханова. – Иркутск, 2008. – 24 с.

743. Сычева О. Н. Презумпция истинности приговора в современном уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук / О. Н. Сычева. – Н-Новгород, 2008. – 31 с.

744. Таричко И. Ю. Функция судебного контроля в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук / И. Ю. Таричко. – Омск, 2004. – 21 с.

745. Тенетко А. А. Юридическая техника правоприменительных актов: дис. … канд. юрид. наук / А. А. Тенетко. – Екатеринбург, 1999. – 200 с.

746. Теплов В. А. Определение суда первой инстанции по уголовному делу: автореф. дис. … канд. юрид. наук / В. А. Теплов. – Саратов, 1974. – 20 с.

747. Терехин В. В. Допустимость доказательств в уголовном процессе (методологический, правовой, этический аспекты): автореф. дис. … д-ра юрид. наук / В. В. Терехин. – Н.-Новгород, 2016. –52 с.

748. Ткачев Н. И. Законность и обоснованность судебных постановлений в гражданском процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Н. И. Ткачев. – Саратов, 1984. – 23 с.

749. Ткаченко М. В. Государственный контроль и надзор за нотариальной деятельностью (административно-правовые вопросы): автореф. дис. … канд. юрид. наук / М. В. Ткаченко. – Ростов-на-Дону, 2011. – 27 с.

750. Толочко А. Н. Роль мотивировки в обеспечении законности, обоснованности и справедливости актов социалистического правосудия, выносимых судом первой инстанции по уголовным делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. Н. Толочко. – Харьков, 1985. – 16 с.

751. Травкин А. А. Сущность и сферы (пределы) действия правоприменительных актов (проблемы теории и практики): автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. А. Травкин. – Владимир, 2008. – 22 с.

752. Трахов Р. А. Обоснованность решений суда первой инстанции в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Р. А. Трахов. – Краснодар, 2010. – 26 с.

753. Трубникова Т. В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Т. В. Трубникова. – Томск, 1997. – 30 с.

754. Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Тулянский. – М., 2004. – 22 с.

755. Тушев А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: система функций и полномочий: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / А. А. Тушев. – Краснодар, 2006. – 46 с.

756. Тябина Ю. А. Уголовно-процессуальные правоотношения в стадии исполнения приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Ю. А. Тябина. – – Н.Новгород. 2016. – 27 с.

757. Умарова М. А. Механизм судебного контроля: общетеоретическое исследование: дис. … канд. юрид. наук / М. А. Умарова. – Курск, 2018. – 204 с.

758. Устинов А. А. Доказывание при рассмотрении судом материалов уголовного дела в ходе досудебного производства: дис. … канд. юрид. наук / А. А. Устинов. – М., 2022. – 237 с.

759. Хахалева Е. В. Обоснованность решения суда общей юрисдикции: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е. В. Хахалева. – Саратов, 2005. – 26 с.

760. Хачиров А. Д. Влияние процессуального статуса сторон в уголовном судопроизводстве на постановление приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. Д. Хачиров. – Краснодар, 2009. – 29 с.

761. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / О. В. Химичева. – М., 2004. – 46 с.

762. Цоколова О. И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / О. И. Цоколова. – М., 2007. – 60 с.

763. Цыганенко С. С. Общий и дифференцированный порядки уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. / С. С. Цыганенко. – СПб., 2004. – 46 с.

764. Чванов О. А. Механизм правоприменения: автореф. дис. канд. юрид. наук / О. А. Чванов. – Саратов, 1995. – 19 с.

765. Чеджемов З. Т. Роль суда в обеспечении прав и свобод граждан на досудебном производстве по УПК РФ: автореф. дис. … канд. юрид. наук / З. Т. Чеджемов. – М., 2003. – 30 с.

766. Ченцов В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа: теория, законодательство, правоприменение: автореф. дис. … канд. юрид. наук / В. В. Ченцов. – М., 2019. – 34 с.

767. Чепурная И. В. Судебный контроль в досудебном уголовном производстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук / И. В. Чепурная. – М., 2005. – 23 с.

768. Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук / А. С. Червоткин. – М., 2013. – 209 с.

769. Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе: автореф … канд. юрид. наук / А. С. Червоткин. – М., 2014. – 25 с.

770. Чернышев В. А. Проблема функций в российской науке уголовного процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук / В. А. Чернышев. – Ижевск, 1999. – 23 с.

771. Чурилов Ю. Ю. Оправдательный приговор в российском судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Ю. Ю. Чурилов. – Воронеж, 2009. – 24 с.

772. Шабалина Л. А. Обеспечение прав, свобод и законных интересов осужденного при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с

исполнением приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Л. А. Шабалина. – Владимир, 2012. – 21 с.

773. Шагиев Б. В. Юридическая деятельность в современном российском обществе (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. … канд. юрид. наук / Б. В. Шагиев. – М., 2003. – 21 с.

774. Широкопояс Ю. А. Акты суда общей юрисдикции об окончании производства по делу без принятия судебного решения: автореф. дис. …канд. юрид. наук / Ю. А. Широкопояс. – Саратов, 2006. – 26 с.

775. Шишов В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в досудебном производстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук / В. В. Шишов. – М., 2019. – 32 с.

776. Яблоков В. А. Реализация судебной власти на досудебных стадиях уголовного процесса России: автореф. дис. … канд. юрид. наук / В. А. Яблоков. – Самара, 2001. – 19 с.

777. Якимович Ю. К. Уголовно-процессуальные производства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Ю. К. Якимович. – М., 1992. – 40 с.

3. Статьи в научных журналах и сборниках

778. Аббасова Ф. М. Теоретические основы дифференциации производств в уголовном процессе в контексте системы особых производств по Уголовно-процессуальному кодексу Азербайджанской республики / Ф. М. Аббасова // Юрид. вестник Самар. ун-та. 2016. – Т. 2. – № 4. – С. 31–36.

779. Абдрасулов Е. Б. Некоторые аспекты юридической природы судебного контроля в уголовном процессе Республики Казахстан / Е. Б. Абдрасулов, М. С. Абакасов // Международ. науч. журнал «Инновационная наука». – 2017. – № 2. – С. 72–78.

780. Азаров В. А. Унификация правовых норм о судебных решениях в свете концепции судебного права / В. А. Азаров, В. А. Константинова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 11. – С. 26–31.

781. Александров А. С. Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы / А. С. Александров, И. А. Александрова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 1. – С. 5–20.

782. Александров А. С. Новое – буржуазное уголовное и уголовно-процессуальное право России / А. С. Александров, И. А. Александрова // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки: сб. науч. трудов. – Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2013. – С. 100–118.

783. Александров А. С. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации / А. С. Александров, О. И. Андреева, О. А. Зайцев // Вестник Томского гос. ун-та. – 2019. – № 448. – С. 199–207.

784. Александров А. С. Принципы уголовного судопроизводства / А. С. Александров // Известия вузов. Правоведение. – 2003. – № 5. – С. 162–178.

785. Александров А. С. Современная уголовная политика по противодействию преступности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности / А. С. Александров, И. А. Александрова // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сб. статей по материалам IV Всерос. науч.-практич. конф.: 3 ноября 2016 г. / Отв. ред. Е. Н. Рахманова, СЗФ РГУП. – СПб.: ИД «Петрополис», 2016. – С. 20–27.

786. Александрова И. А. О научной обоснованности уголовной и уголовно-процессуальной политики противодействия преступности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности / И. А. Александрова, Д. И. Ураков // Вестник Калининград. филиала Санкт-Петербург. ун-та МВД России. – 2015. – № 2. – С. 51–55.

787. Амануллина А. Ф. К вопросу о правовой природе вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора / А. Ф. Амануллина // Бизнес в законе. – 2009. – № 1. – С. 202–204.

788. Андреев В. К. Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров / В. К. Андреев, В. А. Лаптев, С. А. Чуча // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – № 1. – С. 19–34.

789. Анишина В. Каким должен быть запрос районного суда в Конституционный Суд РФ / В. Анишина // Российская юстиция. – 1999. – № 3. – С. 35–36.

790. Антонов И. А. Функции прокуратуры в сфере уголовного судопроизводства: понятие, содержание, "тенденции к сокращению" / И. А. Антонов, В. А. Горленко // Российский следователь. – 2008. – № 20. – С. 5–9.

791. Астафьев Ю. В. Нравственные категории в оперативно-розыскной деятельности / Ю. В. Астафьев // Судебная власть и уголовный процесс. – 2015. – № 4. – С. 94–100.

792. Аширбекова М. Т. Вердикт присяжных как правоприменительный акт / М. Т. Аширбекова // Мировой судья. – 2019. – № 10. – С. 33–37.

793. Аширбекова М. Т. О природе судебного производства по пересмотру приговора в суде вышестоящей инстанции / М. Т. Аширбекова, Н. В. Стус // Российский судья. – 2007. – № 10. – С. 25–27.

794. Аширбекова М. Т. О сущностных свойствах приговора / М. Т. Аширбекова, Е. А. Зайцева // Вестник ТГУ. Право. – 2021. – № 39. – С. 21–31.

795. Аширбекова М. Т. Приговор: правореализационные качества и сущностные свойства / М. Т. Аширбекова // Вестник Волгоград. акад. МВД России. – 2019. – № 3. – С. 74–80.

796. Баев О. Я. Уголовно-процессуальные решения и решения в уголовном судопроизводстве / О. Я. Баев // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия «Право». – 2009. – № 1. – С. 329–340.

797. Байтин М. И. О юридической природе Конституционного Суда Российской Федерации / М. И. Байтин // Судебное правоприменение: проблемы теории и практики / Ред. В. М. Сырых. – М.: РАП, 2007. – С. 220–232.

798. Балакшин В. Истина в уголовном процессе / В. Балакшин // Российская юстиция. – 1998. – № 2. – С. 18–19.

799. Балакшин В. С. Участие прокурора в рассмотрении судом ходатайств органов предварительного расследования / В. С. Балакшин, А. В. Спирин // Законность. – 2016. – № 10. –С. 30–33.

800. Барановский К. В. Влияние правовых позиций Конституционного Суда РФ на уголовно-процессуальное законодательство и практику / К. В. Барановский, А. В. Безруков, А. Г. Калугин // Журнал российского права. – 2007. – № 11. – С. 56–68.

801. Бахин В. П. Состязательность или ее видимость? / В. П. Бахин, Н. С. Карпов // «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания», международная научно-практическая конференция (2003; Москва). Матер. Международ. науч.-практич. конф. / [Редкол. сб.: И. М. Мацкевич и др.]. – М.: МГЮА, 2004. – С. 88–91.

802. Белоковыльский М. С. Стадия исполнения приговора: неадекватность средств доказывания цели / М. С. Белоковыльский // Адвокат. – 2013. – № 7. – С. 25–32.

803. Белоносов В. О. Функция прокурора в судебном разбирательстве в стадии исполнения приговора / В. О. Белоносов // Вестник Самарского юрид. института. – 2015. – № 4. – С. 9–11.

804. Белоусов А. Е. О понятии правосудия по уголовным делам / А. Е. Белоусов, О. О. Басова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. – 2015. – № 2. – С. 191–198.

805. Беляев В. П. Контроль и надзор: проблемы разграничения / В. П. Беляев // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 4. – С. 199–207.

806. Беляева Г. С. Процессуально-правовые средства: понятие, признаки, виды / Г. С. Беляева // LEX RUSSICA. – 2015. – № 3 (Том С). – С. 19–27.

807. Берзинь О. А. К вопросу о понятии процессуального решения в уголовном судопроизводстве России / О. А. Берзинь // Вестник Воронеж. ин-та МВД России. – 2018. – № 1. – С. 94–98.

808. Берова Д. М. Функции суда в уголовном судопроизводстве Д. М. Берова // Философия права. – 2010. – № 6. – С. 103–106.

809. Берова Д. М. Функции суда в уголовном судопроизводстве / Д. М. Берова // Общество и право. – 2010. – № 5. – С. 176–184.

810. Берталанфи Л. фон. История и статус общей теории систем / Л. Берталанфи // Системные исследования. Ежегодник 1973. – М.: Наука, 1973. – С. 20–37.

811. Бибило В. Н. Уголовно-процессуальное регулирование исполнения приговора / В. Н. Бибило // Право и демократия: сб. науч. трудов. – Минск: Право и экономика, 2003. – Вып. 14. – С. 286–293.

812. Бибило В. Н. Частные определения суда / В. Н. Бибило // Право и демократия: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 8. – Минск: Белгосуниверситет, 1997. – С. 144–151.

813. Бибило В. Разъяснения судом сомнений и неясностей, возникших при исполнении приговора / В. Бибило // Судовы Веснік. – 2016. – № 4. – С. 66–70.

814. Бозров В. М. Процессуальная сущность решения суда первой инстанции по уголовному делу / В. М. Бозров, Н. В. Костовская // Мировой судья. – 2012. – № 8. – С. 14–23.

815. Бойко А. И. Судебный контроль по уголовным делам – особый вид юридической деятельности / А. И. Бойко, О. А. Бойко // Северо-Кавказский юрид. вестник. – 2010. – № 1. – С. 77–90.

816. Бойков А. Д. Опасность негативного правотворчества / А. Д. Бойков // Право и политика. – 2000. – № 9. – С. 25–29.

817. Болтошев Е. А. К вопросу о состязательности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства России / Е. А. Болтошев // Российский судья. – 2001. – № 10. – С. 14–17.

818. Бородинов В. В. Невостребованный потенциал судебного контроля / В. В. Бородинов // Российская юстиция. – 2006. – № 5. – С. 37–41.

819. Бородинов В. В. Современная система уголовно-процессуальных полномочий суда / В. В. Бородинов // Российская юстиция. – 2017. – № 11. – С. 25–27.

820. Боярская А. В. Уголовно-процессуальное производство и судебное производство: конкуренция понятий / А. В. Боярская // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2010. – № 1. – С. 149–152.

821. Булатов Б. Б. Задержание осужденного, злостно уклоняющегося от исполнения приговора (отбывания наказания) / Б. Б. Булатов, В. В. Николюк // Уголовное право. – 2013. – № 6. – С. 96–102.

822. Булатов Б. Б. Проблемы согласования (преодоления конкуренции) норм УПК РФ и УИК РФ / Б. Б. Булатов, В. В. Николюк // Российская юстиция. – 2014. – № 12. – С. 46–50.

823. Бурмагин С. В. Как обосновать переход на альтернативную меру пресечения, когда следователь ходатайствует о заключении под стражу / С. В. Бурмагин // Уголовный процесс. – 2018. – № 10. – С. 60–69.

824. Бурмагин С. В. Направление уголовных дел для дополнительного расследования в условиях развития состязательности судопроизводства (обзор судебной практики районных судов Архангельской области) / С. В. Бурмагин // Юридическая практика: Информационный бюллетень. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – № 1 (28). – С. 33–65; – № 2 (29). – С. 79–94.

825. Бурмагин С. В. О влиянии решений Европейского Суда по правам человека на уголовное судопроизводство России / С. В. Бурмагин // Российское правосудие. – 2016. – № 2. – С. 83–95.

826. Бурмагин С. В. О сущности, понятии и пределах уголовного правосудия / С. В. Бурмагин // Известия вузов. Правоведение. – 2018. – № 1. – С. 32–53.

827. Бурмагин С. В. Признаки и границы уголовного правосудия / С. В. Бурмагин // Публичное и частное право. – 2019. – № 1. – С. 149–162.

828. Бурмагин С. В. Проблема пределов активности суда в современном российском уголовном процессе и пути ее разрешения / С. В. Бурмагин // Российское и европейское право: традиции и стратегия развития в условиях глобализации: Материалы международ. науч.-практич. конф. (30–31 октября 2007 г., Архангельск). – Архангельск: ПГУ, 2008. – С. 321–332.

829. Бурмагин С. В. Проблемы применения решений Европейского суда по правам человека при рассмотрении уголовных дел судами Российской Федерации / С. В. Бурмагин // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 2. – С. 299–309.

830. Бурмагин С. В. Рассмотрение судом ходатайств о производстве следственных действий и уведомлений об их проведении (комментарий к судебной практике) / С. В. Бурмагин // Российское правосудие. – 2006. – № 2. – С. 66–84.

831. Бурмагин С. В. Расширение функций суда в состязательном уголовном процессе / С. В. Бурмагин // Право и общество: сб. науч. тр. – Архангельск: Изд-во АГТУ, 2002. – С. 4–10.

832. Бурмагин С. В. Справедливость уголовного правосудия в интерпретациях Конституционного Суда Российской Федерации / С. В. Бурмагин // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводств. Сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции: 22 марта 2013 г. / Сост. К. Б. Калиновский, Т. В. Соколов. – СПб.: Сев.-Запад. филиал РАП, 2013. – С. 102–109.

833. Бурмагин С. В. Судебное рассмотрение жалоб в порядке ст.125 УПК РФ (Комментарий к обзору практики судов Архангельской области) / С. В. Бурмагин // Юридический мир. – 2004. – № 10. – С. 84–87; – № 11. – С. 81–86; – № 12. – С. 79–86; – 2005. – № 1. – С. 80–87; – № 2. – С. 77–83.

834. Бурмагин С. В. Судебные производства в уголовном процессе: понятие и виды / С. В. Бурмагин // Государство и право. – 2019. – № 2. – С. 146–159.

835. Бурмагин С. В. Частное постановление (определение) как форма осуществления превентивной функции суда в уголовном процессе / С. В. Бурмагин // Уголовный процесс. – 2006. – № 11. – С. 44–59.

836. Быков В. М. Об установлении истины в уголовном судопроизводстве / В. М. Быков, Г. А. Печников // Журнал российского права. – 2004. – № 3. – С. 48–53.

837. Васильев А. М. О правоприменении и процессуальном праве / А. М. Васильев // Труды ВЮЗИ. Проблемы соотношения материального и процессуального права / Отв. ред. М. С. Шакарян. – М.: ВЮЗИ, 1980. – С. 4–13.

838. Васильев О. Л. Нравственные начала уголовного процесса / О. Л. Васильев // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 1. – С. 110–117.

839. Васильева А. С. Соотношение судебного контроля и правосудия / А. С. Васильева // Российский судья. – 2006. – № 7. – С. 17–19.

840. Васяев А. А. Мотивированность судебных решений – стандарт Европейского суда по правам человека / А. А. Васяев, С. А. Князькин // Адвокат. – 2013. – № 6. – С. 27–32.

841. Ваулин И. А. Особенности процессуального права как части системы российского права / И. А. Ваулин // Вопросы экономики и права. – 2016. – № 1. – С. 15–20.

842. Володина Л. М. Решения в уголовном судопроизводстве / Л. М. Володина // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений): Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф: В 2-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2015. – Ч. 1. – С. 149–153.

843. Воронин О. В. Участие прокурора в стадии исполнения приговора / О. В. Воронин // Вестник РУДН. Серия: Юрид. науки. – 2011. – № 1. – С. 42–48.

844. Воронин О. В. К вопросу о совершенствовании правового регулирования производств, связанных с рассмотрением и разрешением вопросов,

касающихся исполнения приговора, по УПК РФ / О. В. Воронин // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. Ч. 30 / Под ред. М. К. Свиридова. - Томск: Изд-во Томского ун-та, 2006. – С. 172–175.

845. Воронин О. В. О состязательности в стадии исполнения приговора / О. В. Воронин // Вестник РУДН. Серия: Юрид. науки. – 2010. – № 1. – С. 53–58.

846. Воскобитова Л. А. Обвинение или обвинительный уклон? / Л. А. Воскобитова // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 3. – С. 455–462.

847. Воскобитова Л. А. Правовые рамки справедливости в уголовном судопроизводстве / Л. А. Воскобитова // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве: Сб. статей по матер. всерос. науч.-практич. конференции 20–21 марта 2015 г. В 2-х ч. – СПб.: ИД «Петрополис», 2016. – Ч. 1. – С. 55–67.

848. Воскобитова Л. А. Проблемы понимания назначения, целей и задач современного уголовного судопроизводства / Л. А. Воскобитова // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений (к 90-летию со дня рождения проф. И. М. Гуткина): сб. матер. межвуз. науч.-практич. конф: в 2-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2009. – Ч. 1. – С. 56–65.

849. Воскобойник И. О. Проблемы и перспективы судебного контроля при рассмотрении жалоб в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК РФ / И. О. Воскобойник, О. Д. Кузнецова // Российский судья. –2016. – № 8. – С. 20–24.

850. Выдря М. М. Расследование уголовного дела – функция уголовного процесса / М. М. Выдря // Советское государство и право. – 1980. – № 9. – С. 78 – 82.

851. Вырастайкин В. В. Устранить коллизии в правоприменительной практике В. В. Вырастайкин // Преступление и наказание. – 2006. – № 1. – С. 32–35.

852. Газетдинов Н. И. Правосудие как основная форма реализации судебной власти / Н. И. Газетдинов // Российский судья. – 2014. – № 6. – С. 20–23.

853. Гладкова Ю. В. Этапы принятия управленческих решений / Ю. В. Гладкова, В. П. Гладков // Вестник ПНИПУ. Электротехника, информац. технологии, системы управления. – 2010. – № 4. – С. 39–44.

854. Глазырина М. А. Правоприменительный акт как документальная форма правоотношений: сущность, качество, виды / М. А. Глазырина // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. Научный журнал. Выпуск 14. – Ярославль: ЯрГУ, 2015. – С. 148–159.

855. Горшенев В. М. Теория юридического процесса как комплексное научное образование / В. М. Горшенев // Проблемы социалистической законности. Республ. междувед. науч. сб. Вып. 17. – Харьков: Изд-во при Харьковском ун-те, 1986. – С. 3–7.

856. Гриненко А. В. Приговор суда первой инстанции как итоговый акт уголовного судопроизводства / А. В. Гриненко // Российский судья. – 2017. – № 1. – С. 29–32.

857. Гришин А. И. Состязательность уголовного судопроизводства и предварительное расследование / А. И. Гришин // Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 176–178.

858. Гук П. А. Судебное нормотворчество: вопросы теории и практики / П. А. Гук // Lex Russica. – 2016. – № 7. – С. 14–27.

859. Гуськова А. П. К вопросу о судебной защите прав и свобод человека, гражданина в российском уголовном судопроизводстве / А. П. Гуськова // Российский судья. – 2005. – № 6. – С. 11–14.

860. Давыдова И. А. Соотношение судебного контроля и иных функций судебной власти / И. А. Давыдова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2007. – № 6. – С. 33–35.

861. Даев В. Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве / В. Г. Даев // Правоведение. – 1974. – № 1. – С. 64–78.

862. Даровских С. М. Механизм реализации принципа состязательности в стадии исполнения приговора / С. М. Даровских // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Право. – 2009. – № 6. – С. 24–27.

863. Даровских С. М. Формирование правовых позиций – форма реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве / С. М. Даровских // Современные проблемы судебного права / отв. ред. А. П. Гуськова. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2012. – С. 82–88.

864. Демидов И. Ф. Принципы уголовного судопроизводства в свете Конституции Российской Федерации (проблемы и решения) / И. Ф. Демидов // Журнал российского права. – 2009. – № 6. – С. 66–76.

865. Диваев А. Б. Обращение к исполнению приговоров, определений, постановлений – завершающая стадия производства по уголовному делу / А. Б. Диваев // Вестник Кузбасского института. – 2020. – № 1. – С. 149–159.

866. Диваев А. Б. Правовая природа деятельности по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора / А. Б. Диваев, И. А. Земеров // Вестник Кузбасского института. – 2020. – № 3. – С. 93–104.

867. Диваев А. Б. Сущность деятельности по исполнению приговора в уголовном процессе / А. Б. Диваев // Вестник Кузбасского института. – 2017. – № 4. – С. 111–118.

868. Дикарев И. С. Дефекты понятийного аппарата теории состязательного уголовного процесса / И. С. Дикарев // Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А. С. Александрова. – М.: Юрлитинформ, – 2015. – С. 194–200.

869. Дикарев И. С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, ее обусловливающие / И. С. Дикарев // Российская юстиция. – 2013. – № 12. – С. 18–21.

870. Дикарев И. С. Об унификации процессуальной формы направления уголовных дел в суд / И. С. Дикарев // Законность. – 2017. – № 8. – С. 53–56.

871. Дикарев И. С. Правосудие и судебный контроль в уголовном процессе: соотношение понятий / И. С. Дикарев // Государство и право. – 2008. – № 2. – С. 45–51.

872. Дикарев И. С. Система сдержек и противовесов в досудебном производстве по уголовным делам / И. С. Дикарев // Журнал российского права. – 2018. – № 3. – С. 76–83.

873. Дорошков В. В. Общие и специальные полномочия прокурора в уголовном процессе В. В. Дорошков // Мировой судья. – 2015. – № 11. – С. 13–19.

874. Дорошков В. В. Решения мировых судей в различных процедурах уголовного судопроизводства / В. В. Дорошков // Мировой судья. – 2018. – № 12. – С. 13–19.

875. Дорошков В. В. Совершенствование стадии исполнения приговора / В. В. Дорошков // Мировой судья. – 2017. – № 9. – С. 33– 40.

876. Дорошков В. В. Современный уголовный процесс через призму духовно-нравственных основ российского общества / В. В. Дорошков // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 12. – С. 14—25.

877. Дорошков В. В. Стратегия развития современного уголовного судопроизводства / В. В. Дорошков // Вестник Московского ун-та МВД России. – 2016. – № 4. – С. 57–60.

878. Дюкова Е. А. Судебный контроль как вид контрольной деятельности государства / Е. А. Дюкова, Н. М. Чепурнова // Российский судья. – 2007. – № 10. – С. 16–18.

879. Евстигнеева О. В. Конституционно-правовые основы справедливости в уголовном судопроизводстве / О. В. Евстигнеева // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводств. Сб. статей по материалам всерос. науч.-практич. конф.: 22 марта 2013 г. / Сост. К. Б. Калиновский, Т. В. Соколов. – СПб.: Сев.-Запад. филиал РАП, 2013. – С. 109–116.

880. Емельянов С. Л. Уголовный процесс и уголовно-процессуальные производства в Республике Беларусь: вопросы их дифференциации / С. Л. Емельянов // Единство и дифференциация досудебного и судебного

производства в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия Великой Судебной Реформы: сб. науч. статей всерос. науч.-практич. конф. (14–15 ноября 2019 г.); Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2019. – С. 135–139.

881. Еникеев З. Д. Воплощение справедливости в законах – правотворческая задача / З. Д. Еникеев // Вестник Удмуртского университета. – 1997. – № 1. – С. 51–55.

882. Ершов В. В. Право и неправо: дискуссионные вопросы теории и практики / В. В. Ершов // Российское правосудие. – 2013. – № 1. – С. 24–31.

883. Ершов В. В. Право и правосудие как парные категории / В. В. Ершов // Российское правосудие. – 2014. – № 1. – С. 5–17.

884. Ершов В. В. Правовое и индивидуальное правовое регулирование общественных отношений как парные категории / В. В. Ершов // Российское правосудие. – 2013. – № 4. – С. 4–23.

885. Ершов В. В. Правосудие, правопонимание и правотворчество в условиях глобализации с позиции легизма и «широкого» понимания права / В. В. Ершов // Российское правосудие. – 2011. – № 12. – С. 5–16.

886. Ершов В. В. Юридическая природа правовых позиций суда / В. В. Ершов // Российское правосудие. – 2013. – № 6. – С. 37–47.

887. Ершова Н. С. Итоговые и промежуточные уголовно-процессуальные решения / Н. С. Ершова // Актуальные проблемы уголовного процесса. – 2012. – № 3. – С. 198–205.

888. Жеребятьев И. Некоторые вопросы реализации правосудия в уголовном судопроизводстве / И. Жеребятьев, А. Шамардин // Уголовное право. – 2004. – № 3. – С. 82–84.

889. Жеребятьев И. Судебный порядок выдачи разрешения на производство отдельных процессуальных действий / И. Жеребятьев // Уголовное право. – 2005. – № 2. – С. 84–86.

890. Жилин Г. А. О понятии правосудия по гражданским делам / Г. А. Жилин // Российское правосудие. – 2008. – № 4. – С. 4–20.

891. Зажицкий В. И. Истина и средства ее установления в УПК РФ: теоретико-правовой анализ / В. И. Зажицкий // Государство и право. – 2005. – № 6. – С. 67–74.

892. Зайцев И. Самоконтроль суда первой инстанции в гражданском процессе / И. Зайцев // Российская юстиция. – 1998. – № 12. – С. 18–20;

893. Зайцева С. А. Закон и установление истины по делу в свете современной российской уголовной политики / С. А. Зайцева, Г. И. Седова // Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация. Науч.-практич. конф. памяти проф. А. Н. Красикова (20–21 марта 2003 г.). – Саратов, 2003. – С. 175–178.

894. Заплатина Т. С. Искусственный интеллект в вопросе вынесения судебных решений, или ИИ-судья / Т. С. Заплатина // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 4. – С. 160–168.

895. Зинатуллин З. З. Правосудие, его содержание и формы реализации по уголовным делам / З. З. Зинатуллин, Т. З. Зинатуллин // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве: сб. науч. статей / под ред. Л. Л. Кругликова. –Ярославль: Изд-во Ярославского гос. ун-та, 2000. – С. 152–155.

896. Зинатуллин З. З. Предмет уголовного судопроизводства и правосудия / З. З. Зинатуллин, Ф. А. Абашева // Уголовное судопроизводство. – 2009. – № 2. – С. 38–40.

897. Зинатуллин З. З. Судебная власть и правосудие по уголовным делам: соотношение с судебным контролем / З. З. Зинатуллин, В. В. Зезянов // Российский судья. – 2005. – № 5. – С. 18–20.

898. Зинатуллин З. З. Эволюция учения об уголовно-процессуальных функциях / З. З. Зинатуллин, С. Ю. Туров // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2012. – Вып. 1. – С. 91–97.

899. Зинатуллин З. З. Правосудие по уголовным делам: может ли оно быть досудебным? / З. З. Зинатуллин, Ф. А. Абашева // Российская юстиция. – 2008. – № 12. – С. 67–70.

900. Зубарев С. М. О правоохранительных аспектах контроля и надзора / С. М. Зубарев // Уголовно-исполнительное право. – 2017. – Т. 12. – № 4. – С. 417–421.

901. Иногамова-Хегай Л. В. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и иные меры уголовно-правового характера / Л. В. Иногамова-Хегай // Общество и право. – 2016. – № 2. – С. 98–103.

902. Исмаилов Ч. М. Теоретические и прикладные проблемы ограничения конституционных прав в оперативно-розыскной деятельности и их соотношение с уголовно-процессуальными / Ч. М. Исмаилов // Российская юстиция. – 2015. – № 6. – С. 60–64.

903. Кальницкий В. В. "Санкционирование" и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства не эффективны / В. В. Кальницкий // Уголовное право. – 2004. – № 1. – С. 73–75.

904. Кальницкий В. В. К вопросу о процессуальной форме судебного заседания в досудебном производстве / В. В. Кальницкий // Российская юстиция. – 2017. – № 3. – С. 60–63.

905. Кальницкий В. В. Порядок прекращения судом уголовного дела (преследования) в связи с назначением судебного штрафа / В. В. Кальницкий // Законодательство и практика. – 2016. – № 2. – С. 6–12.

906. Кальницкий В. В. Судебное заседание как процессуальная форма деятельности суда в досудебном производстве по уголовному делу / В. В. Кальницкий // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства: материалы науч.-практ. конф. (Томск, ТГУ, 29-31 янв. 2004 г.) / под ред. М. К. Свиридова. – Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2004. – С. 131–137.

907. Камардина А. А. Исполнение приговора как стадия уголовного судопроизводства / А. А. Камардина // Вестник Оренбург. гос. ун-та. – 2010. – № 3. – С. 64–66.

908. Камардина А. А. О понятии и сущности правосудия в уголовном судопроизводстве / А. А. Камардина // Вестник Оренбург. гос. ун-та. – 2014. – № 3. – С. 14–17.

909. Каминский А. М. Производство о наложении денежного взыскания в системе уголовного судопроизводства / А. М. Каминский // Вестник Удмуртского ун-та. Экономика и Право. – 2015. – Т. 25. – Вып. 5. – С. 139–141.

910. Каретников А. С. Разрешение суда на производство следственных действий / А. С. Каретиников, К. А. Арзамасцева // Законность. – 2011. – № 2. – С. 43–47.

911. Каретников А. С. Является ли деятельность суда по рассмотрению и разрешению ходатайств должностных лиц органов предварительного расследования судебным контролем? / А. С. Каретников, К. А. Арзамасцева // Российская юстиция. – 2010. – № 4. – С. 66–69.

912. Карпов К. Н. Практика применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних / К. Н. Карпов, К. Д. Николаев, Д. Ю. Фисенко // Законодательство и практика. – 2016. – № 2. – С. 62–67.

913. Качалов В. И. Право осужденного на защиту в стадии исполнения приговора / В. И. Качалов // Уголовный процесс. – 2016. – № 5. – С. 80–81.

914. Качалов В. И. Уголовно-процессуальные особенности апелляционного пересмотра судебных решений, принятых в ходе исполнения приговора / В. И. Качалов// Вестник Томского гос. ун-та. – 2017. – № 417. – С. 195–202.

915. Качалова О. В. Вердикт присяжных заседателей должен быть мотивирован / О. В. Качалова // Уголовный процесс. – 2017. – № 3. – С. 9.

916. Качалова О. В. Критерии справедливости уголовного судопроизводства / О. В. Качалова // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве: Сб. статей по материалам всерос. науч.-практич. конф. 20–21 марта 2015 г. В 2-х частях. – СПб.: ИД «Петрополис», 2016. – Ч. 1. – С. 152–162.

917. Качалова О. В. Функции суда в современном российском уголовном судопроизводстве / О. В. Качалова // Российский судья. – 2014. – № 1. – С. 8–10.

918. Каштанова Н. С. Судебный контроль в уголовном процессе России / Н. С. Каштанова, В. А. Колбина // Вестник Омского ун-та. Серия «Право». – 2017. – № 1 (50). – С. 223–227.

919. Кириллова Н. П. Состязательность судебного разбирательства и установление истины по делу / Н. П. Кириллова // Известия вузов. Правоведение. – 2008. – № 1. – С. 93–100.

920. Ковтун Н. Н. О роли суда в доказывании по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности процесса / Н. Н. Ковтун // Государство и прав. – 1998. – № 6. – С. 59–63.

921. Ковтун Н. Н. Эффективность оперативного судебного контроля / Н. Н. Ковтун, Е. Н. Суслова // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 3. – С. 7–15.

922. Козлова А. В. О видах юридического процесса: теория вопроса / А. В. Козлова // Вопросы экономики и права. – 2012. – № 12. – С. 38–42.

923. Колоколов Н. А. Конституционное право на неприкосновенность жилища: к вопросу об эффективности превентивного судебного контроля (часть 1) / Н. А. Колоколов // Российский судья. – 2010. – № 6. – С. 13–17.

924. Колоколов Н. А. Конституционное право на неприкосновенность жилища: к вопросу об эффективности превентивного судебного контроля (часть 2) / Н. А. Колоколов // Российский судья. – 2010. – № 7. – С. 4–8.

925. Колоколов Н. А. Судебный контроль в стадии исполнения уголовного наказания / Н. А. Колоколов, И. А. Давыдова, А. Н. Павлухина, Н. Д. Эриашвили // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2008. – № 6. – С. 10–34; – 2009. – № 1. – С. 25–37; – № 2. – С. 28–39.

926. Колоколов Н. А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования: реальность и перспективы / Н. А. Колоколов // Государство и право. – 1998. – № 11. – С. 31–39.

927. Конин В. В. Стадия исполнения приговора: относится ли она к правосудию? В. В. Конин // Российская юстиция. – 2014. – № 8. – С. 55–58.

928. Конин В. В. Уголовно-процессуальные функции: дискуссия не закончена / В. В. Конин // Уголовное судопроизводство. – 2008. – № 2. – С. 2–4.

929. Константинова В. А. Мотивированность устных определений и постановлений суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам / В. А. Константинова // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2009. – № 4. С. 241–243.

930. Костовская Н. В. Процессуальная сущность решения суда первой инстанции по уголовному делу / Н. В. Костовская // Вестник Оренбург. гос. ун-та. – 2010. – № 3 (109). – С. 71–77.

931. Крымов А. А. Некоторые проблемы регламентации уголовно-процессуальных прав осужденных / А. А. Крымов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 2 (40). – С. 98–103.

932. Крымов А. А. Проблемы правового регулирования участия прокурора в стадии исполнения приговора / А. А. Крымов, Ю. А. Тябина // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2016. – № 2. – С. 62–66.

933. Кудилинский М. Н. Контроль как вид государственно-управленческой деятельности. Соотношение понятий «контроль» и «надзор» / М. Н. Кудилинский // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 8. – С. 47–52.

934. Кудовба О. Н. Судебный контроль за исполнением принудительных мер медицинского характера, применяемых в отношении осужденных / О. Н. Кудовба // Уголовно-исполнительное право. – 2017. – Т. 25(1–4). – № 2. – С. 182–185.

935. Кудрявцев В. Л. Правовые и процессуальные проблемы определения предмета преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ «Вынесение

заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта» / В. Л. Кудрявцев // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 5. – С. 70–84.

936. Кудрявцева А. В. Мотивированность судебного решения как составляющая справедливости судебного разбирательства / А. В. Кудрявцева // Уголовная юстиция. – 2018. – № 11. – С. 61–64.
937. Кудрявцева А. В. Немотивированность как основание к отмене и изменению судебного решения в кассационной и апелляционной инстанциях / А. В. Кудрявцева, Ю. А. Морозова // Вестник Томского гос. ун-та. – 2019. – № 438. – С. 222–226.
938. Кузьмина О. В. Следователь как субъект обжалования судебных решений на досудебной стадии уголовного процесса / О. В. Кузьмина // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 85–89.
939. Куцова Э. Ф. Истина и состязательность в уголовном процессе Российской Федерации / Э. Ф. Куцова // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 1. – С. 97–109.
940. Куцова Э. Ф. Приговор и его качества / Э. Ф. Куцова // Законодательство. – 2009. – № 12. – С. 58–74.
941. Лазарев Л. В. Конституционный Суд РФ и развитие конституционного права / Л. В. Лазарев // Журнал российского права. – 1997. – № 11. –С. 3–13.
942. Лазарева В. А. Особенности и формы реализации судебной власти в уголовном процессе / В. А. Лазарева // Вестник Нижегородского университета. Серия: Право. – 2001. – № 2. – С. 151–158.
943. Лапина М. А. Сущность государственного контроля (надзора) и генезис его законодательного определения / М. А. Лапина // Вестник Финансового университета. – 2016. – № 4. – С. 152–157.
944. Латыпов Т. Р. О применении положений главы 52 УПК РФ при возбуждении уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц / Т. Р. Латыпов // Журнал российского права. – 2010. – № 8. – С. 59–65.

945. Лебедев В. М. Современная российская модель правосудия / В. М. Лебедев // Российское правосудие. – 2012. – Специальный выпуск журнала «К VIII Всероссийскому съезду судей». – С. 4–22.

946. Левченко О. В. Соотношение принципов уголовного судопроизводства с общими условиями судебного разбирательства, реализуемые при производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора / О. В. Левченко, А. А. Камардина // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 2. – С. 81–89.

947. Леончиков Н. С. Судебная власть и конституционное обеспечение прав человека и российском уголовном процессе / Н. С. Леончиков // Учен. зап. Ин-та гос-ва и права. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2002. – Вып. 3. – С. 71–77.

948. Лившиц Р. З. Судебная практика как источник права / Р. З. Лившиц // Журнал российского права. – 1997. – № 6. – С. 49–57.

949. Ложкина Л. В. Виды и формы производств, осуществляемых в стадии исполнения приговора / Л. В. Ложкина, Л. Г. Татьянина // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2008. – Вып. 2. – С. 141–145.

950. Лукайдес Лукис Г. Справедливое судебное разбирательство (комментарий к п. 1 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод) / Лукис Г. Лукайдес // Российская юстиция. – 2004. – № 2. – С. 8–20.

951. Лукашевич В. З. Принцип состязательности и равноправия сторон в новом УПК РФ / В. З. Лукашевич, А. Б. Чичканов // Правоведение. – 2002. – № 2. – С. 102–109.

952. Ляхов Ю. А. Конституционный принцип состязательности уголовного судопроизводства и права личности / Ю. А. Ляхов // Российская юстиция. – 2014. – № 3. – С. 57–59.

953. Макарова З. В. Конституционный принцип законности уголовного судопроизводства / З. В. Макарова // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 4. – С. 631–636.

954. Макарова З. В. Справедливость – нравственно-правовая основа уголовного судопроизводства / З. В. Макарова // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве: Сб. статей по материалам всерос. науч.-практич. конф. 20–21 марта 2015 г. В 2-х частях. – СПб.: ИД «Петрополис», 2016. – Ч. 1. – С. 218–227.

955. Макарова З. В. Справедливость в уголовном судопроизводстве / З. В. Макарова // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия «Право». – 2012. – № 7. – С. 54–56.

956. Макарова О. В. Правовое регулирование института реабилитации в российском уголовном процессе / О. В. Макарова // Журнал российского права. – 2014. – № 5. – С. 30–36.

957. Малин П. М. Об уголовно-исполнительном задержании / П. М. Малин // Уголовно-исполнительное право. – 2016. – № 4. – С. 44–48.

958. Малько А. В., Семикин Д. С. Судебные акты как особая разновидность правовых актов / А. В. Мальков, Д. С. Семикин // Российский юридический журнал. – 2010. – № 5. – С. 34–39.

959. Манова Н. С. Роль прокурора при решении судом вопроса о применении мер пресечения / Н. С. Манова, К. А. Рыгалова // Законность. – 2017. – № 12. – С. 6–10.

960. Марковичева Е В. Прекращение уголовного преследования в отношении несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия / Е. В. Марковичева // Российский судья. – 2007. – № 9. – С. 25–27.

961. Марковичева Е. В. Осуществление правосудия и функции суда в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства / Е. В. Марковичева // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2018. – Т. 28, Вып. 1. – С. 125–128.

962. Мартынчик Е. Г. Социалистическое правосудие: предмет, правоотношения, функции и социальная роль / Е. Г. Мартынчик // Известия вузов. Правоведение. – 1990. – № 2. – С. 33–40.

963. Мартыняхин Л. Ф. О процессуальных функциях судебной власти и судов, ее осуществляющих / Л. Ф. Мартыняхин // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства: материалы науч.-практ. конф. (Томск, ТГУ, 29-31 янв. 2004 г.) / под ред. М. К. Свиридова. – Томск: Изд-во науч.-техн. лит, 2004. – С. 40–44.

964. Маслов К. В. О соотношении понятий контроля и надзора / К. В. Маслов // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 1. – С. 85–90.

965. Мельников В. Ю. Понятие правосудия и судебного контроля в досудебном производстве / В. Ю. Мельников // Администратор суда. – 2012. – № 2. – С. 5–11.

966. Меретуков Г. М. Обоснованность приговора суда / Г. М. Меретуков // Общество и право. – 2012. – № 1. – С. 190–194.

967. Меретуков Г. М. Правовая природа и виды решений суда первой инстанции в российском уголовном процессе / Г. М. Меретуков // Электронный научный журнал КубГАУ. – 2012. – № 76. – С. 1124–1149.

968. Мирза Л. С. Iustitia (Правосудие и справедливость в уголовном процессе) / Л. С. Мирза // Lex Russica. – 2008. – № 1. – С. 54–71.

969. Миронов А. Л. Сущность государственного контроля / А. Л. Миронов // Вестник Московского ун-та МВД России. – 2012. – № 9. – С. 46–49.

970. Мичурина О. В. О месте стадии исполнения приговора в системе уголовного судопроизводства / О. В. Мичурина // Российская юстиция. – 2017. – № 10. – С. 33–35.

971. Морщакова Т. Г. Об актуальности теории решений в уголовном судопроизводстве / Т. Г. Морщакова // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 2. – С. 5-8.

972. Муратова Н. Г. Формирование концепции судебного контроля современного уголовного процесса / Н. Г. Муратов // Вестник экономики, права и социологии. – 2007. – № 1. – С. 99–105.

973. Муратова Н. Г. Судебные решения – акт юридической культуры и справедливости / Н. Г. Муратова, К. А. Шайдуллова // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 2. – С. 193–198.

974. Муратова Н. Д. Правовая культура процессуальных решений / Н. Д. Муратова // Вестник Оренбург. гос. ун-та. – 2011. – № 3. – С. 106–111.

975. Мядзелец О. А. Рассмотрение и разрешение судом вопросов, связанных с применением к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия / О. А. Мядзелец // Российский судья. – 2007. – № 5. – С. 16–20.

976. Мядзелец О. А. Судебный контроль за досудебным производством как форма (способ) осуществления правосудия в сфере уголовного судопроизводства / О. А. Мядзелец // Российский судья. – 2008. – № 11. – С. 4–9.

977. Нажимов В. П. Об уголовно-процессуальных функциях / В. П. Нажимов // Известия вузов. Правоведение. – 1973. – № 5. – С. 73–82.

978. Нажимов В. П. Психологические основы учения об уголовно-процессуальных функциях / В. П. Нажимов // Правоведение. – 1983. – № 5. – С. 52–58.

979. Наседкин В. А. Оптимизация процедуры поддержания в судах ходатайств следственных органов – действенный способ повышения эффективности прокурорского надзора на досудебной стадии уголовного судопроизводства / В. А. Наседкин // Законность. – 2016. – № 3. – С. 3–4.

980. Насонов С. А. Норвежская модель производства в суде присяжных / С. А. Насонов // Вопросы современной юриспруденции. – 2015. – № 45–46. – С. 56–61.

981. Непомнящая Т. В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система / Т. В. Непомнящая // Известия вузов. Правоведение. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 114–121.

982. Нерсесянц В. С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о правоприменительной природе судебных актов) / В. С. Нерсесянц

// Судебная практика как источник права / Отв. ред.: Б. Н. Топорнин – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1997. – С. 34–41.

983. Нерсесянц В. С. У российских судов нет правотворческих полномочий / В. С. Нерсесянц // Судебная практика как источник права: Сб. науч. статей / [Б. Н. Топорнин, Э. Серверэн и др.]. – М.: Юрист, 2000. – С. 107–112.

984. Николюк В. В. Законодательное определение принципа осуществления правосудия только судом (ст. 8 УПК РФ) не отражает современного содержания уголовного судопроизводства / В. В. Николюк, С. С. Безруков // Российский следователь. – 2013. – № 9. – С. 14–17.

985. Николюк В. В. Научная полемика конструктивна, когда она не становится «околонаучной» (в связи со статьей М. К. Свиридова «Отраслевая принадлежность норм, регулирующих судебную деятельность по исполнению приговора») / В. В. Николюк // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 4. – С. 176–189.

986. Николюк В. В. Особенности отправления правосудия при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора / В. В. Николюк // Уголовный процесс. – 2014. – № 4. – С. 28–37.

987. Николюк В. В. Разъяснение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора / В. В. Николюк // Российское правосудие. – 2017. – № 3. – С. 76–87.

988. Николюк В. В. Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Российской Федерации: точки соприкосновения и проблемы согласования / В. В. Николюк // Уголовное право. – 2016. – № 3. – С. 116–122.

989. Нуманов Х. И. Сущность контрольно-надзорной функции в деятельности государственных органов / Х. И. Нуманов // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2013. – № 2. (29). – С. 106–113.

990. Ображиев К. В. Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы / К. В. Ображиев // Вестник Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2012. – Т. 2, № 1. – С. 89–96.

991. Пальчикова М. В. Недобросовестность рассмотрения ходатайств участников судебного разбирательства как основная проблема современного уголовного процесса / М. В. Пальчикова // Судебная власть и уголовный процесс. – 2015. – № 4. – С. 163–168.

992. Панкова О. В. Правосудие в современной России: понятие и признаки / О. В. Панкова // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22, № 4. – С. 527–546.

993. Пашковская А. Международная научно-практическая конференция «Пять лет действия Уголовного кодекса РФ: итоги и перспективы» / А. Пашковская // Уголовное право. – 2003. – № 1. – С. 128–130.

994. Переплеснина Е. М. Судебная власть и правосудие в конституционно-правовой системе современной России / Е. М. Переплеснина // Российская юстиция. – 2012. – № 5. – С. 40–43.

995. Петрухин И. Л. Истина, достоверность и вероятность в суде / И. Л. Петрухин // Юридический мир. – 2003. – № 8. – С. 17–25.

996. Петрухин И. Л. Правосудие в системе государственных функций / И. Л. Петрухин // Известия вузов. Правоведение. – 1983. – № 3. – С. 36–43.

997. Пиюк А. В. Возвращение "объективной истины": правильно ли расставлены акценты? / А. В. Пиюк // Российская юстиция. – 2014. – № 8. – С. 52–55.

998. Плашевская А. А. Самостоятельное устранение судом ошибок в приговоре / А. А. Плашевская // Вестник Владимир. юрид. института. – 2012. – № 2. – С. 120–123.

999. Плашевская А. А. Уголовно-исполнительное задержание в системе мер правового принуждения / А. А. Плашевская // Вестник Кузбасского университета. – 2012. – № 3 (11). – С. 49–54.

1000. Погодин С. Б. Возможности развития особых производств в условиях российской модели состязательного уголовного процесса / С. Б. Погодин // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 1. – С 129–139.

1001. Подольный Н. А. Принцип справедливости в уголовном процессе России / Н. А. Подольный // Российский судья. – 2002. – № 12. – С. 13–15.

1002. Попов В. Ф. Судебное следствие в системе уголовно-процессуальной деятельности: понятие, значение, сущность и содержание / В. Ф. Попов // Российский судья. – 2000. – № 4. – С. 39–45.

1003. Попова И. И. Свойства обвинительного приговора в российском уголовном судопроизводстве / И. И. Попова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2015. – № 1. – С. 50–60.

1004. Попова Л. В. Системный подход в исследовании понятия уголовно-процессуальных функций / Л. В. Попова // Вопросы осуществления правосудия по уголовным делам. Межвуз. сб. Вып. 10. – Калининград. Изд-во КГУ, 1982. – С. 35–42.

1005. Прокудина Л. А. Соотношение понятий «деятельность суда» и «отправление правосудия» / Л. А. Прокудина // Право. – 2010. – № 3. – С. 43–59.

1006. Пупышева Л. А. Концепция производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора: постановка проблемы / Л. А. Пупышева // Вестник Кузбасского института. – 2016. – №. 4. – С. 118–124.

1007. Пупышева Л. А. Особое производство, предусмотренное гл. 47 УПК РФ: назначение, предмет и процессуальная форма / Л. А. Пупышева // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2020. – Том 2, № 1 (2). – С. 139–147.

1008. Пупышева Л. А. Судебное производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в свете правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ / Л. А. Пупышева // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 2. – С. 148–161.

1009. Пучинский В. Особые определения суда первой инстанции. К проекту гражданского процессуального кодекса СССР / В. Пучинский // Социалистическая законность. – 1956. – № 1. – С. 39–43.

1010. Резяпов А. А. Производство о наложении денежного взыскания в системе уголовного судопроизводства / А. А. Резяпов, А. М. Каминский // Вестник Удмуртского ун-та. Экономика и право. –2015. – Том. 25, № 5. – С. 139–141.

1011. Романец Ю. В. Роль правоприменения в утверждении справедливости / Ю. В. Романец // Российская юстиция. – 2012. – № 2. – С. 66–70.

1012. Россинский С. Б. Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? / С. Б. Россинский // Российский судья. – 2009. – № 8. – С. 17–21; – № 9. – С. 19–22.

1013. Россинский С. Б. Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий / С. Б. Россинский // Вестник Томского гос. ун-та. – 2017. – № 423. – С. 225–235.

1014. Рудич В. В. Участие потерпевшего в процедуре принятия судом решения об избрании меры пресечения / В. В. Рудич // Уголовное право. – 2016. – № 5. – С. 84–87.

1015. Рябинина Т. К. Нравственные аспекты постановления приговора / Т. К. Рябинина // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – № 2. – С. 86–94.

1016. Рябцева Е. В. Давайте будем последовательны в реформировании уголовного судопроизводства! (о соотношении прокурорского надзора и судебного санкционирования на предварительном следствии) / Е. В. Рябцева // Российская юстиция. – 2008. – № 8. – С. 57–59.

1017. Савченко С. Х. Разрешение ходатайств как способ исправления процессуальных ошибок, совершенных при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции в ходе судебного разбирательства / С. Х. Савченко // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2015. – № 2 (57). С. 27–29.

1018. Свиридов М. К. О сущности и основаниях дифференциации уголовного процесса / М. К. Свиридов // Актуальные вопросы государства и права в период совершенствования социалистического общества: Сб. статей /

[Редкол.: В. Ф. Волович (отв. ред.) и др.]. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987. – С. 241–242.

1019. Свиридов М. К. Отраслевая принадлежность норм, регулирующих судебную деятельность по исполнению приговора / М. К. Свиридов // Вестник Томского гос. ун-та. Право. – 2020. – № 36. – С. 83–91.
1020. Свиридов М. К. Природа судебного контроля за предварительным расследованием / М. К. Свиридов // Вестник Томского гос. ун-та. – 2008. – № 311. – С. 119–123.
1021. Свиридов М. К. Самостоятельность суда при постановлении приговора / М. К. Свиридов // Вестник Томского гос. ун-та. Право. – 2014. – № 2 (12). – С. 88–95.
1022. Свиридов М. К. Соотношение функций разрешения уголовных дел и судебного контроля в деятельности суда / М. К. Свиридов // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб, статей. Вып. 7. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. – С. 3–6.
1023. Селина Е. В. Нравственные начала уголовного судопроизводства / Е. В. Селина // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 4. – С. 794–804.
1024. Семенцов В. А. Судебная власть: понятие и основные признаки / В. А. Семенцов // Актуальные проблемы судебной власти, прокурорского надзора, правоохранительной и адвокатской деятельности: сб. науч. трудов / под ред. О. В. Гладышевой, В. А. Семенцова. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2010. – С. 5–9.
1025. Семикина С. А. «Самоконтроль» в арбитражном суде / С. А. Семикина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Спец. выпуск «Правоведение». – 2009. – № 2. – С. 134–136.
1026. Сергеев К. А. Контроль и отправление правосудия – два вида судебной деятельности / К. А. Сергеев, И. Ю. Чеботарев // Социум и власть. – 2015. – № 5. – С. 83–88.

1027. Симоненко А. В. Задержание осужденных как правовое состояние / А. В. Симоненко // Уголовная юстиция. – 2018. – № 11. – С. 170–174.

1028. Синицын В. А. Отдельные аспекты законодательной регламентации особенностей производства по уголовным делам в отношении Генерального прокурора Российской Федерации и председателя Следственного комитета Российской Федерации / В. А. Синицын // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 5. – С. 61–65.

1029. Скиба А. П. Некоторые проблемы разграничения уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного регулирования / А. П. Скиба // Уголовно-исполнительное право: научный журнал. – 2015. – № 2 (20). – С. 9–13.

1030. Смирнова И. Г. К вопросу о социальной роли Европейского суда по правам человека в уголовном судопроизводстве / И. Г. Смирнова // Известия Иркутской гос. экономич. академии. – 2011. – № 5. – С. 149–153.

1031. Смирнова И. С. Критерии дифференциации основных уголовно-процессуальных производств / И. С. Смирнова // Вестник Омской юрид. академии. – 2015. – № 1 (26). – С. 65–69.

1032. Смирнова И. С. Производство по сложным уголовным делам в системе уголовно-процессуальных производств / И. С. Смирнова // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2011. – № 4. – С. 135–138.

1033. Смыкалин А. С. Особенности судоустройства, судопроизводства и исполнения судебных решений в период феодальной раздробленности на Руси в XII–XIV вв. (на примере Новгорода и Пскова) / А. С. Смыкалин // Российская юстиция. – 2006. – № 5. – С. 64–69.

1034. Соколовская Н. С. Уголовно-процессуальная функция, осуществляемая судом в состязательном уголовном процессе / Н. С. Соколовская // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства: Сб. статей. – Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2004. – С. 188–192.

1035. Спирин А. В. Спор между прокурором и следователем в суде недопустим / А. В. Спирин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2013. – № 4 (26). – С. 63–69.

1036. Стародубова Г. В. Приговор суда: обоснованность и объективность / Г. В. Стародубова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – № 2. – С. 131–136.

1037. Стельмах В. Ю. Процессуальные аспекты прекращения уголовного преследования с назначением судебного штрафа / В. Ю. Стельмах // Российский юридический журнал. – 2018. – № 6. – С. 117–129.

1038. Страшун Б. А. О базе данных «Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации» / Б. А. Страшун, И. В. Сухинина // Конституционное правосудие. – 2007. – № 1. – С. 22–33.

1039. Султанов А. Р. Является ли немотивированное правосудие правосудием? / А. Р. Султанов // Российский судья. – 2017. – № 12. – С. 29–33.

1040. Султанов А. Р. О проблеме мотивированности судебных актов через призму постановлений Европейского суда по правам человека / А. Р. Султанов // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 2. – С. 11–14.

1041. Сумин А. А. Стадия исполнения приговора не должна присутствовать в системе стадий уголовного судопроизводства / А. А. Сумин // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 1. – С. 79–81.

1042. Сундуров. Ф. Р. Природа и проблемы систематизации мер в уголовном праве / Ф. Р. Сундуров // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 2. – С. 497–505.

1043. Сычев П. Г. Уголовно-процессуальные производства как базовый элемент теории дифференциации уголовного процесса / П. Г. Сычев // Российская юстиция. – 2016. – № 8. – С. 47–51.

1044. Татьянина Л. Г. Законность, обоснованность, мотивированность и справедливость итогового судебного решения, постановленного по уголовному делу (дискуссионные положения) / Л. Г. Татьянина // Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном

процессе: социальные технологии и правовые институты (г. Москва, Университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 8 апреля 2016 г.): материалы конференции / отв. ред. С. Б. Россинский. – М.: Оригинал-макет, 2016. – С. 469–470.

1045. Татьянина Л. Г. Судебное санкционирование как особое производство / Л. Г. Татьянина, Э. А. Адильшаев // Вестник Удмуртского университета. Экономика и Право. – 2011. – Вып. 4. – С. 147–152.
1046. Терехин В. А. К вопросу о легализации судебной практики как источника права / В. А. Терехин // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – № 3. – С. 142—143.
1047. Терехин В. А. Современная реформа в России и развитие функций судебной власти / В. А. Терехин, А. А. Герасимова // Российская юстиция. – 2011. – № 10. – С. 42–46.
1048. Тронева В. Н. Процессуальные требования, предъявляемые к приговору суда как важнейшему акту правосудия / В. Н. Тронева, Т. Г. Шаова, В. Г. Глебова // Уголовно-процессуальные акты в контексте современных проблем уголовного судопроизводства: сб. науч. трудов по итогам всерос. круглого стола, г. Волгоград, 16–17 апр. 2019 г. / под ред. И. С. Дикарева, Н. А. Соловьевой. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2019. – С. 107–115.
1049. Трубникова Т. В. Судебный контроль на досудебных стадиях судопроизводства: правовая природа и место в системе уголовного процесса / Т. В. Трубникова // Вестник Томского гос. ун-та. – 2003. – № 279. – С. 81–83.
1050. Тузов Н. А. Выражение функций органов судебной власти в судебных актах / Н. А. Тузов // Журнал российского права. – 2008. – № 10. – С. 95–104.
1051. Тулянский Д. В. Осуществляет ли суд правосудие в стадии исполнения приговора? / Д. В. Тулянский // Журнал российского права. – 2001. – № 7. – С. 118–121.

1052. Тябина Ю. А. Теоретико-правовые аспекты классификации вопросов, разрешаемых судом в порядке исполнения приговора / Ю. А. Тябина // Человек: преступление и наказание. – 2015. – № 4. – С. 125–129.

1053. Фадеева Е. И. Судебные решения, выносимые по результатам рассмотрения представления о даче заключения о наличии в действиях прокурора, следователя и адвоката признаков преступления / Е. И. Фадеева // Российский юридический журнал. – 2010. – № 2. – С. 191–198.

1054. Францифоров Ю. В. Принцип законности как средство противодействия преступлениям в уголовном судопроизводстве / Ю. В. Францифоров // Оптимизация правовой основы противодействия преступности: к 25-летию Конституции РФ: сб. науч. трудов по итогам всерос. науч.-практич. конференции / под. ред. Н. А. Соловьёвой, В. М. Шинкарука. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2018. – С. 180–184.

1055. Францифоров Ю. В. Реализация судебной власти в уголовном судопроизводстве / Ю. В. Францифоров, А. П. Попов // Правовые институты и методы обеспечения экологической и природоресурсной безопасности в России, странах СНГ и европейского союза: законодательство, социальная и экологическая эффективность: материалы междун. науч.-практич. конф.: сб. науч. статей / под ред. Н. Т. Разгельдеева. – Саратов: Саратовский источник, 2019. – С. 173–175.

1056. Хайдаров А. А. Проблемные вопросы заявления сторонами ходатайств и их рассмотрения в ходе судебного следствия / А. А. Хайдаров // Вестник экономики, права и социологии. – 2012. – № 3. – С. 243–244.

1057. Хаткова З. М. Место судебных решений в системе источников конституционного права Российской Федерации / З. М. Хаткова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2007. – № 1. – С. 322–330.

1058. Хачароев Х. Д. К вопросу о понятии и сущности правосудия / Х. Д. Хачароев // Российская юстиция. – 2012. – № 4. – С. 57–60.

1059. Хачатуров Р. Л. О законности / Р. Л. Хачатуров // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. – 2009. – № 3(6). – С. 59–63.

1060. Химичева Г. П. Принцип состязательности сторон и его роль в совершенствовании УПК Российской Федерации / Г. П. Химичева // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания, международная научно-практическая конференция (2003; Москва): материалы межд. науч.-практич. конф. / [Редкол. сб.: И. М. Мацкевич и др.]. – М.: Изд-во МГЮА, 2004. – С. 91–94.

1061. Хохрякова О. С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации их значение для применения трудового законодательства в законодательства о социальном обеспечении / О. С. Хохрякова // Вопросы трудового права. – 2006. – № 9. – С. 19.

1062. Цветков Ю. А. Следователь в апелляции / Ю. А. Цветков // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 4. – С. 27–32.

1063. Цоколова О. И. Проблемы реализации принципа состязательности при избрании меры пресечения / О. И. Цоколова, С. С. Безруков // Вестник Томского гос. ун-та. Право. – 2019. – № 33. – С. 175–186.

1064. Чайковская М. А. Характеристика приговора: свойства или требования / М. А. Чайковская // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – № 1. – С. 256–262.

1065. Чарыев М. Р. Правосудие — как одна из основных функций судебной власти в современной России / М. Р. Чарыев // Российский судья. – 2000. – № 4. – С. 6–9.

1066. Чекуров Н. Г. Проблемы реализации судебного контроля в уголовном судопроизводстве РФ / Н. Г. Чекуров // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 4. – С. 99–103.

1067. Чельцов М. О расширении гарантий законности в советском уголовном процессе (К проекту УПК СССР) / М. Чельцов, В. Радьков // Социалистическая законность. – 1954. – № 9. – С. 9–16.

1068. Чепурнова Н. Судебный контроль и прокурорский надзор / Н. Чепурнова, С. Смольников // Законность. – 2007. – № 5. – С. 16–18.

1069. Червоткин А. С. Процессуальные особенности рассмотрения вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора / А. С. Червоткин // Российская юстиция. – 2015. – № 10. – С. 23–27.

1070. Червоткин А. С. Развитие понятия промежуточного судебного решения в современном уголовном процессе / А. С. Червоткин // Российская юстиция. – 2011. – № 11. – С. 31–35.

1071. Шабанов В. Б. Проблемы, возникающие при рассмотрении и разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора / В. Б. Шабанов, Л. Ю. Буданова // Вестник Сибирского юрид. ин-та МВД России. – 2017. – № 1. – С. 25–32.

1072. Шабанов П. Н. Внутреннее убеждение судьи / П. Н. Шабанов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. – 2010. – № 1. – С. 129–138.

1073. Шадарова А. Н. Развитие концепции мотивированности судебных решений в практике Европейского суда по правам человека / А. Н. Шадарова // Прецеденты Европейского суда по правам человека. – 2016. – № 5. – С. 3–8.

1074. Шамардин А. А. К вопросу о формах осуществления судебной власти / А. А. Шамардин // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Международ. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 27-28 января 2005 г.). Ч. 2. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. – С. 397–403.

1075. Шевченко О. В. Теоретическое осмысление места института исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве / О. В. Шевченко, О. В. Гужва // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 1. – С. 131–137.

1076. Шемраева Ю. А. Связь судебного контроля и прокурорского надзора на стадии предварительного расследования по уголовному делу / Ю. В. Шемраева // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2015. – № 1. – С. 95–97.

1077. Шибкова О. С. Категория качества как категория мышления (свойство – признак – качество) / О. С. Шибкова // Известия Волгоград. гос. педагогич. ун-та. – 2010. – № 5. – С. 56–59.

1078. Шимановский В. В. К вопросу о процессуальной функции следователя в советском уголовном процессе / В. В. Шимановский // Известия вузов. Правоведение. – 1965. – № 2. – С. 175–178.

1079. Шипицина В. В. Критерии дифференциации процессуальной формы: правовое и социальное значение / В. В. Шипицина В. В. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 4. – С. 180–186.

1080. Щерба С. П. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу / С. П. Щерба, А. В. Попова // Законность. – 2016. – № 1. – С. 22–26.

1081. Эбзеев Б. С. Толкование Конституции Конституционным Судом РФ: теоретические и практические проблемы / Б. С. Эбзеев // Государство и право. – 1998. – № 5. – С. 5–12.

1082. Юсупов А. А. Проблемы единства понимания юридического процесса и юридической процедуры / А. А. Юсупов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – № 3. – С. 107–114.

1083. Якимович Ю. К. Дифференциация уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы / Ю. К. Якимович // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2013. – Вып. 2. – С. 203–208.

1084. Якуб М. Л. О понятии процессуальной функции в советском уголовном судопроизводстве» / М. Л. Якуб // Известия вузов. Правоведение. – 1973. – № 5. – С. 83–89.

1085. Якубина Ю. П. Законодательное регулирование задержания осужденных, уклоняющихся от исполнения приговора / Ю. П. Якубина // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. – 2017. – Т. 7, № 3. – С. 57–61.

1086. Якубович Н. А. Процессуальные функции следователя // Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве. Сб. науч.

трудов / Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности; [редкол.: Н. В. Жогин (отв. ред.) и др.]. - М.: Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1980. – С. 15–32.

1087. XXVII съезд КПСС и укрепление законности и правопорядка: сб. статей / Отв. ред. С. В. Бородин, И. И. Карпец. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1987. С. 182. 253 с.

4. Справочная литература

1088. Азимов Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.

1089. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник / З. Е. Александрова. – 11-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 2001. – 568 с.

1090. Бартошек М. Римское право: Понятия термины, определения / С. Бартошек. – М.: Юрид. лит, 1989. – 448 с.

1091. Большой толковый словарь русского языка / Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.

1092. Дыдынский Ф. М. Латино-русский словарь к источникам римского права: По изданию 1896 г. / Ф. М. Дыдынский. – М.: Издательство «Спарк», 1998. – 560 с.

1093. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – Т. 2: П–Я. – 1084 с.

1094. Краткий словарь по социологии / Под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина. – М.: Политиздат, 1989. – 479 с.

1095. Международная защита прав и свобод человека: Сб. документов / Сост. и авт. вступ. ст. Г. М. Мелков. – М.: Юрид. лит, 1990. – 661 с.

1096. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 17-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1985. – 797 с.

1097. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.

1098. Словарь русского языка: В 4-х т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. – 2-е изд., испр. и доп. Т. 3: П–Р. – М.: Рус. яз., 1983. – 750 с.

1099. Словарь русского языка: В 4-х т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. – Изд. 3-е, стер. Т. 1: А–Й. – М.: Рус. яз, 1985. – 702 с.

1100. Словарь русского языка: в 4-х т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. – Изд. 3-е, стер. Т. 2: К-О. – М.: Рус. яз., 1986. – 736 с.

1101. Словарь русского языка: В 4-х т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. – Изд. 3-е, стер. Т. 3: П–Р. – М.: Рус. яз., 1987. – 749 с.

1102. Словарь русского языка: В 4-х т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. – Изд. 3-е, стер. Т. 4: С–Я. – М.: Рус. яз., 1988. – 795 с.

1103. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1: А–Й. – 702 с.; Т. 2: К–О. – 736 с.; Т. 3: П–Р. – 750 с.; – Т. 4: С–Я. – 797 с.

1104. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – 1599 с.

1105. Толковый словарь русского языка: т. 1-4 / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т "Советская энциклопедия", 1935–1940. – Т. 1: А – Кюрины. – 1935. – 1562 стб.; – Т. 2: Л – Ояловеть. – 1938. – 1040 стб.; – Т. 3: П – Ряшка. – 1939. – 1424 стб.; – Т. 4: С – Ящурный. – 1940. – 1500 стб.

1106. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. М.: Политиздат, 1987. – 590 с.

1107. Юрчук В. В. Современный словарь по психологии / В. В. Юрчук. – Минск: Современное слово, 1998. – 768 с.

5. Литература на иностранных языках

1108. Ashworth A., Redmayne M. The Criminal Process. – Oxford: Oxford. University Press, 2005. – 415 p.
1109. Dalia A. A., Ferraioli M. Manuale di diritto processuale penale. – Padova: Cedam, 2013. – 910 p.
1110. Desportes F., Lazerges-Cousquer L. Traité de procédure pénale. – Paris: Economica, 2012. – 2349 p.
1111. Fenoll J.N. Derecho procesal III. Proceso penal. – Valencia: Tirant lo Blanch. 2019. – 512 p.
1112. Fourment F. Procédure pénale. – Bruxells: Larcier, 2012. – 354 p.
1113. Gonzalez M., Soler J., Brun I. Derecho procesal penal. – Pamplona: CreateSpace Independent Publishing Platform. 2016. – 732p.
1114. Guinchard S., Buisson J. Procédure pénale. – Paris: LexisNexis, 2014. – 1522 p.
1115. Hauser R. Schweri E. Schweizerisches Strafprozessrecht. – Basel: Helbing & Lichtenhahn. 2002. – 644 p.
1116. Heger M. Strafprozessrecht. – Stuttgart: Kohlhammer W. 2013. – 188 p.
1117. Herman G. N. Plea bargaining. – Charlottesville: Lexis Law Publishing. 1997. – 368 p.
1118. Herrera C., Alonso F. Derecho procesal penal. – Madrid: Centro de Estudios Financieros. 2019. – 441 p.
1119. Leroy J. Procédure pénale. – Paris: LGDJ – Montchrestien. 2013. – 528 p.
1120. Lozzi G. Lezioni di procedura penale. – Milano: Giappichelli. 2017. – 965 p.
1121. Rassat M-L. Procédure pénale. – Paris: Ellipses. 2010. – 758 p.
1122. Sanders A., Young R., Burton M. Criminal Justice. – Oxford: Oxford University Press. 2010. – 818 p.
1123. Schroeder F., Verrel T. Strafprozessrecht. – München: Verlag C.H. Beck. 2011. – 273 p.

1124. Stéfani G., Levasseur G., Bouloc B. Procédure pénale. – Paris: Dalloz. 2022. – 1266 p.
1125. Vergés É. Procédure pénale. – Paris: LexisNexis, 2020. – 388 p.
1126. Verny É. Procédure pénale. – Paris: Dalloz, 2012. – 302 p.
1127. Марочкін О. І. Мотивування процесуальних рішень слідчого. Київ, 2015. С. 81–91.

III. Иные электронно-информационные ресурсы сети Интернет

1128. Flyword.ru. Онлайн словарь синонимов и близких по смыслу слов [сайт]. URL: http://flyword.ru/ (дата обращения: 10.07.2022).
1129. Васяев А. А. Немотивированный отказ суда и судьи удовлетворить заявленное участниками процесса ходатайство - нарушение принципа законности в уголовном судопроизводстве / А. А. Васяев // Портал «Мудрый юрист» [Электронный ресурс]. URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/24464-nemotivirovannyj-otkaz-suda-sudi-udovletvorit-zayavlennoe-uchastnikami (дата обращения: 20.08.2022).
1130. Резолюция о последствиях прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы в свете статьи 58 Европейской Конвенции по правам человека, принятая 22.03.2022 г. на Пленарном заседании Европейского Суда по правам человека [изложена в Информации Европейского суда по правам человека от 23.03.2022 г. № ECHR 099 (2022)] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: https://base.garant.ru/403740812/ (дата обращения: 22.07.2022).
1131. Россия перестанет быть стороной Европейской конвенции о правах человека 16 сентября 2022 года // Совет Европы. Программный Офис Совета Европы в Москве [инфрмационный сайт]. URL: https://www.coe.int/ru/web/moscow/-/russia-ceases-to-be-a-party-to-the-

european-convention-on-human-rights-on-16-september-2022 (дата обращения: 20.07.2022).

1132. Словарь русских синонимов [сайт]. URL: https://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/ (дата обращения: 10.07.2022);
1133. Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ – русский язык для всех [сайт]. URL: http://gramota.ru/slovari/ (дата обращения: 10.07.2022).
1134. Судебная практика по уголовным делам // Судебные и нормативные акты Российской Федерации [сайт]. URL: https://sudact.ru/practice/sudebnaya-praktika-po-ugolovnym-delam/ (дата обращения: 01.08.2022).
1135. Членство Российской Федерации в Совете Европы прекращено с 16 марта 2022 г. на основании Резолюции Комитета Министров Совета Европы CM/Res(2022)2 от 16.03.2022 г. – Resolution CM/Res(2022)2 on the cessation of the membership of the Russian Federation to the Council of Europe // Council of Europe. Committee of Ministers [официальный сайт]. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=0900001680a5da51 (дата обращения: 20.07.2022).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Схема 1. Деятельность по осуществлению уголовного правосудия – Том. 1, с. 112.

Схема 2. Структура деятельности суда по осуществлению уголовного правосудия – Том 1, с. 127.

Схема 3. Соотношение основных видов судебной деятельности и судебных производств – Том 1, с. 138.

Схема 4. Судебные функции и уровни их реализации – Том 1, с. 156.

Схема 5. Структурная модель уголовного процесса: производства и стадии – Том 1, с. 280.

Схема 6. Дифференциация процессуальной формы производства по уголовному делу – Том 1, с. 284.

Схема 7. Система судебных производств – Том 1, с. 322.

Схема 8. Модули судебного производства отдельного вида (на примере уголовного дела) – Том 1, с. 345.

Схема 9. Комплекс судебных решений – Том 1, с. 471.

Схема 10. Корректировка исполнения судебного решения – Том 2, с. 107.

Схема 11. Конкретизация (уточнение) судебного решения – Том 2, с. 129.

Схема 12. Состязательное построение производства по уголовному делу с предъявленным обвинением – Том 2, с. 175.

Схема 13. Конфликтное отношение в «неосновных» судебных производствах – Том 2, с. 183

Схема 14. Стороны в судебно-контрольных производствах – Том 2, с. 185.

Схема 15. Стороны в судебно-исполнительных производствах – Том 2, с. 192.

Схема 16. Стороны в судебных производствах по делам о возмещении вреда – Том 2, с. 194.

Схема 17. Инициирование судебно-контрольных производств – Том 2, с. 199.

Схема 18. Инициирование судебно-исполнительных производств – Том 2, с. 201.

Приложение № 1

Судебная статистика Российской Федерации

(статистические данные приведены или рассчитаны по ежегодным отчетам Судебного департамента при Верховном Суде РФ[1])

Таблица 1. Количество дел, оконченных производством судами первой инстанции в порядке уголовного судопроизводства в 2018 – 2021 гг.

категории (виды) дел	2018		2019		2020		2021	
	кол-во дел	%	кол-во дел	%	кол-во дел	%	кол-во дел	%
всего дел:	**2 899 735**	***100***	**2 731 958**	***100***	**2 572 182**	***100***	**2 620 591**	***100***
уголовные дела*	888 127	*30,6*	809 318	*29,6*	751 491	*29,2*	772 223	*29,5*
судебно-контрольные дела	1 159 066	*40*	1 155 776	*42,3*	1 155 897	*44,9*	1 131 876	*43,2*
по вопросам исполнения приговора и иных судебных решений	850 312	*29,3*	764 500	*28*	662 556	*25,8*	685 201	*26,1*
по вопросам реабилитации и возмещения вреда	2 230	*0,1*	2 364	*0,1*	2 238	*0,1*	2 235	*0,1*
прочие материалы по заявлениям и ходатайствам, не образующим отдельных производств**	47 865		30 738		30 207		29 056	

* Включены дела по ходатайствам следователя (дознавателя) о применении принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему (ч.1 ст. 427 УПК РФ), относимые нами к категории уголовных дел: 2018 г. – 2885 дел, 2019 г. – 3 204 дела, 2020 г. – 2 638 дел, 2021 г. – 2275 дел.
** Решения по материалам частного обвинения, в том числе поступившим из органов предварительного расследования, об изменении территориальной подсудности, о возобновлении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств и др.

[1] См.: Отчеты Судебного департамента при Верховного Суде РФ о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции, в апелляционном, кассационном и надзорном порядках за 2018 – 2021 гг. (Формы № 1, 6, 8 и 8н) // ГАС РФ «Правосудие» [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 10.06.2022).

Таблица 2. Количество апелляционных дел, рассмотренных в порядке уголовного судопроизводства в 2018 – 2021 гг.

категории апелляционных дел по видам обжалованных судебных решений	2018		2019		2020		2021	
	кол-во дел	%	кол-во дел	%	кол-во дел	%	кол-во дел	%
всего дел:	**313 103**	***100***	**318 373**	***100***	**301 489**	***100***	**317 869**	***100***
по проверке приговоров и иных (итоговых) решений по существу уголовного дела	119 487	*38,2*	115 679	*36, 3*	102 242	*33,9*	112 689	*35,5*
по проверке промежуточных решений, вынесенных в ходе судебного производства по уголовному делу	17 809	*5,7*	17 083	*5,4*	18 223	*6,0*	17 008	*5,5*
по проверке решений, принятых в порядке судебного контроля	110 812	*35,4*	117 282	*36,8*	123 280	*40,9*	131 153	*41,3*
по проверке решений по вопросам, связанным с исполнением приговора*	64 995	*20,8*	68 329	*21,5*	57 744	*19,2*	57 019	*17,9*

* В том числе дела по пересмотру решений по вопросам реабилитации и возмещении вреда, которые в отчете по апелляции (Форма № 6) отдельно не учитываются.

Таблица 3. Количество кассационных дел, рассмотренных в порядке уголовного судопроизводства в 2018 – 2021 гг.

категории кассационных дел по видам обжалованных судебных решений	2018		2019		2020		2021	
	кол-во дел	%	кол-во дел	%	кол-во дел	%	кол-во дел	%
всего дел*:	**10 038**	***100***	**10 009**	***100***	**21 904**	***100***	**41 832**	***100***
по проверке приговоров и иных (итоговых) решений по существу уголовного дела	7 423	*73,9*	7 036	*70,3*	19 621	*89,6*	39 902	*95,4*
по проверке промежуточных решений, вынесенных в ходе судебного производства по уголовному делу	320	*3,2*	324	*3,2*	243	*1,1*	290	*0,7*
по проверке решений, принятых в порядке судебного контроля	584	*5,8*	602	*6,0*	661	*3,0*	548	*1,3*
по проверке решений по вопросам, связанным с исполнением приговора	1 537	*15,3*	1 844	*18,4*	1 377	*6,3*	1089	*2,6*

*Без учета дел по реабилитации лиц, необоснованно репрессированных по политическим мотивам

Таблица 4. Количество и виды основных судебных производств (уголовных дел), оконченных судами первой инстанции в 2018 – 2021 гг.

виды производств	2018		2019		2020		2021	
	кол-во дел	%	кол-во дел	%	кол-во дел	%	кол-во дел	%
всего производств (уголовных дел):	**888 127**	***100***	**809 318**	***100***	**751 491**	***100***	**772 223**	***100***
по делам с обвинительным документом (заключением, актом, постановлением)	855 062	*96,3*	759 027	*93,8*	700 169	*93,2*	740 980	*96*
по применении принудительным мер медицинского характера	8 384	*0,9*	8047	*1,0*	7456	*1,0*	8019	*1,0*
о применении принудительных мер воспитательного воздействия	2 885	*0,3*	3204	*0,4*	2638	*0,4*	2275	*0,3*
о назначении судебного штрафа	21 796	*2,5*	39 040	*4,8*	41 228	*5,5*	20 949	*2,7*

Таблица 5. Рассмотрение в 2018 – 2021 гг. по первой инстанции уголовных дел с обвинительными документами (заключением, актом, постановлением) в дифференцированных формах судопроизводства

формы основного производства	2018		2019		2020		2021	
	кол-во дел	%	кол-во дел	%	кол-во дел	%	кол-во дел	%
всего рассмотрено уголовных дел с обвинением:	**855 062**	***100***	**759 027**	***100***	**700 169**	***100***	**740 980**	***100***
в общем (обычном) порядке	273 474	*32*	314 736	*41,5*	342 738	*49*	421 673	*57*
в особых (упрощенных) порядках судебного разбирательства (гл. 40, 40.1 УПК)	581 270	*68*	443 518	*58,4*	356 686	*50,9*	318 349	*43*
с участием коллегии присяжных заседателей	318	*0,04*	773	*0,1*	745	*0,1*	958	*0,1*

Таблица 6. Количество и виды судебно-контрольных производств (дел), оконченных судами первой инстанции в 2018 – 2021 гг.

виды производств	проц. форма	2018		2019		2020		2021	
		кол-во дел	%	кол-во дел	%	кол-во дел	%	кол-во дел	%
об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий	ст.105.1 и 108 УПК	347	*0,03*	1417	*0,12*	2 111	*0,18*	2 918	*0,26*
о продлении срока запрета определенных действий	ст.105.1 и 109 УПК	511	*0,04*	2774	*0,24*	3 817	*0,33*	5 063	*0,44*
об избрании меры пресечения в виде залога	ст.106 УПК	122	*0,01*	90	*0,01*	269	*0,02*	41	*0,00*
об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста	ст.107, 108 УПК	7 170	*0,62*	6 966	*0,60*	8 060	*0.70*	7 879	*0,70*
о продлении срока домашнего ареста	ст.107 и 109 УПК	28 980	*2,50*	28 230	*2,44*	28 663	*2,48*	29 061	*2,57*
об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу	ст.108 УПК	114 257	*9,86*	106 046	*9,18*	96 663	*8,36*	99 928	*8,77*
о продлении срока содержания под стражей	ст.109 УПК	216 717	*18,7*	217 822	*18,9*	201 362	*17,4*	202 524	*17,9*
о помещении обвиняемого в медицинский или психиатр. стационар	ч.2 ст.203 УПК	8 722	*0,75*	8 554	*0,74*	8 082	*0,70*	8 149	*0,72*
о переводе лица, содержащегося под стражей, в психиатрический стационар	ч. 1 ст.435 УПК	619	*0,05*	728	*0,06*	664	*0,06*	787	*0,07*
о временном отстранении от должности	ст.114 УПК	538	*0,05*	530	*0,05*	1 378	*0,12*	434	*0,04*
по ходатайствам о производстве следственных действий	ч.2,3,4 ст.165 УПК	581 038	*50,1*	580 868	*50,3*	612 351	*53,0*	586 961	*51,9*
по ход-вам о передаче, реализации, утилизации или уничтожении веществ. доказательств	ч.3.1 ст.165 УПК	1 250	*0,11*	1 596	*0,14*	2 470	*0,21*	2 288	*0,20*
о наложении ареста на имущество	ст.115 и 116 УПК	41 321	*3,57*	40 505	*3,51*	43 904	*3,80*	45 440	*4,01*

об установлении и продлении срока наложения ареста на имущество	ст.115. 1 УПК	3 820	*0,33*	7 045	*0,61*	7 599	*0,66*	7 263	*0,64*
об установлении срока для ознакомления с материалами уголовного дела	ч.3 ст.217 УПК	25 778	*2,23*	5 293	*0,46*	6 381	*0,55*	6 546	*0,58*
о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела	ст.214 и 214.1 УПК			23 089	*2,00*	1 937	*0,17*	2 256	*0,20*
о разрешении эксгумации	ч.3 ст.178 УПК					19 006	*1,64*	158	*0,01*
по иным ходатайствам следователя (дознавателя)	ст.118, 178; ч.2 ст.435, 448 и др.							9 158	*0,80*
по жалобам на действия и решения органов расследования и прокурора	ст.125 УПК	121 845	*10,5*	119 775	*10,4*	106 736	*9,23*	113 147	*10,0*
по жалобам на прекращение уголовного дела	ст.125. 1 УПК	25	*0,00*	76	*0,01*	126	*0,01*	37	*0,00*
по жалобам на решение о выдаче (экстрадиции)	ст.463 УПК	182	*0,02*	168	*0,01*	160	*0,01*	117	*0,01*
иные в порядке судебного контроля*	ч.5 ст.165 УПК и др.	5 824	*0,50*	4 834	*0,42*	4 158	*0,36*	2 351	*0,21*
всего производств:		**1 159 066**	***100***	**1 155 776**	***100***	**1 155 897**	***100***	**1 131 876**	***100***

* Согласно пункту 1.5.1 Инструкции по ведению судебной статистики от 29 декабря 2007 г.[1] в разделе 4. «Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб» статистического отчета Формы 1 в течение 2018-2020 гг. помимо собственно судебно-контрольных дел, рассматриваемых в порядке уголовного судопроизводства, учитывались также материалы, рассматриваемые на основании отдельных федеральных законов, «предусматривающих функции судебного контроля за решениями государственных органов», в частности, Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Закона о статусе судей и Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремисткой деятельности».

[1] Инструкция по ведению судебной статистики, утв. Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.12.2007 г. № 169 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Данная инструкция действовала с 1 января 2008 г. и утратила силу на основании Приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 июня 2021 № 124 «Об утверждении Инструкции по ведению судебной статистики» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Таблица 7. Количество и виды судебно-исполнительных производств (дел), оконченных судами первой инстанции в 2018 – 2021 гг.

виды производств	2018		2019		2020		2021	
	кол-во дел	%	кол-во дел	%	кол-во дел	%	кол-во дел	%
корректирующие производства								
о применении акта амнистии	997	*0,12*	539	*0,07*	594	*0,1*	282	*0,04*
о замене штрафа иными видами наказаний, не связанными с лишением свободы (пп. «а» п.2 ст.397 УПК)	16 493	*1,94*	17 051	*2,23*	14 323	*2,16*	16 377	*2,39*
о замене на основании ч.5 ст.46 УК РФ кратного штрафа, назначенного по ст.204, 204.1, 204.2, 290, 291, 291.1 УК РФ (пп. «а» п.2 ст.397 УПК)	507	*0,06*	557	*0,07*	470	*0,07*	409	*0,06*
о замене обязательных работ лишением свободы (пп. «б» п.2 ст.397 УПК)	29 525	*3,47*	29 245	*3,83*	25 786	*3,89*	27 147	*3,96*
о замене исправительных работ лишением свободы (пп. «в» п.2 ст. 397 УПК)	39 676	*4,67*	41 377	*5,41*	36 744	*5,55*	37 735	*5,51*
о замене ограничения свободы лишением свободы (пп. «г» п.2 ст.397 УПК)	4 514	*0,53*	5 312	*0,69*	4 915	*0,74*	5 236	*0,76*
о замене принудительных работ лишением свободы на основании ч.6 ст.53.1 УК РФ (п.2.1 ст.397 УПК)	600	*0,07*	1 983	*0,26*	2 231	*0,34*	2 772	*0,40*
о замене наказания в виде лишения свободы принудительными работами на основании ч.2 ст.53.1 УК РФ	72	*0,01*	4 108	*0,54*	6 979	*1,05*	14 306	*2,09*
об изменении вида исправительного учреждения, назначенного по приговору (п.3 ст.397 УПК)	35 669	*4,19*	35 438	*4,64*	32 220	*4,86*	30 453	*4,44*
об условно-досрочном освобождении от наказания по ст.79 УК РФ (п.4 ст.397 УПК)	99 646	*11,7*	92 545	*12,1*	83 147	*12,5*	69 302	*10,1*
об отмене условно-досрочного освобождения от наказания на основании ч.7 ст.79 УК РФ (п.4.1 ст.397 УПК РФ)	879	*0,10*	802	*0,10*	688	*0,10*	1 909	*0,28*
о замене неотбытого срока лишения свободы более мягким видом наказания в соотв. со ст.80 УК РФ (п.5 ст.397 УПК)	57 000	*6,70*	79 804	*10,4*	68 380	*10,3*	62 997	*9,19*

об освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного в соотв. со ст. 81 УК РФ (п.6 ст.397 УПК)	9 135	*1,07*	8 588	*1,12*	7 325	*1,11*	7 839	*1,14*
об отмене условного осуждения до истечения испыт. срока и снятии судимости в соотв. с ч.1 ст.74 УК РФ (п.7 ст.397 УПК)	19 814	*2,33*	19 850	*2,60*	16 618	*2,51*	16 449	*2,40*
о продлении срока условного осуждения на основании ч.2 ст.74 УК РФ (п.7 ст.397 УПК)	94 820	*11,2*	92 901	*12,2*	80 233	*12,1*	88 003	*12,8*
об отмене услов. осуждения в связи с неисполнением возложенных обязанностей, уклонением от возмещения вреда или совершением нового преступления - ч.2.1, 3, 4 ст.74 УК РФ (п.7 ст.397 УПК)	38 395	*4,52*	39 069	*5,11*	32 905	*4,97*	37 104	*5,42*
об отмене либо о дополнении возложенных на осужденного обязанностей в соотв. со ст. 73 УК РФ (п.8 ст.397 УПК)	29 048	*3,42*	29 934	*3,92*	27 882	*4,21*	29 062	*4,24*
об отмене частично либо о дополнении ограничений осужденному к наказанию в виде ограничения свободы в соотв. со ст.53 УК РФ (п.8.1 ст.397 УПК)	2 930	*0,34*	5 918	*0,77*	6 810	*1,03*	7 396	*1,08*
об освобождении от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности в соотв. со ст. 83 УК РФ (п.9 ст.397 УПК)	569	*0,07*	757	*0,10*	808	*0,12*	1 037	*0,15*
о прекращении, изменении или продлении применения ПММХ (п.12. ст.397, ст.445 УПК)	44 447	*5,23*	45 345	*5,93*	47 217	*7,13*	48 953	*7,14*
об освобождении от наказания или о смягчении наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу - ст. 10 УК РФ (п.13 ст.397 УПК)	167 675	*19,7*	75 955	*9,94*	37 325	*5,63*	37 327	*5,45*
о снижении размера удержания из зарплаты осужденного к исправ. работам в соотв. со ст. 44 УИК РФ в связи с ухудшением его матер. положения (п.14 ст.397 УПК)	135	*0,02*	97	*0,01*	80	*0,01*	78	*0,01*
об освобождении от наказания несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия, в соотв. с ч.2 ст. 92 УК РФ (п.16 ст. 397 УПК РФ)	32	*0,00*	102	*0,01*	98	*0,01*	96	*0,01*
о досрочной отмене отсрочки беременной женщине, осужденному лицу, имеющему ребенка в возрасте до 14-ти лет - ч.2 ст.82 УК РФ (п.17 ст.397 УПК)	520	*0,06*	664	*0,09*	613	*0,09*	660	*0,10*
об освобождении от наказания и замене наказания более мягким, а также о сокращении срока отсрочки отбывания наказания и об освобождении от наказания осужденному с отсрочкой исполнения приговора по достижении ребенком 14-лет. возраста - ч.3,4 ст.82 УК РФ (п.17.1 ст.397 УПК)	459	*0,05*	543	*0,07*	540	*0,08*	586	*0,09*

об отмене отсрочки отбывания наказания в виде л/свободы до окончания лечения наркомании и медико-соц. реабилитации в связи с отказом или уклонением осужденного от лечения - ч.2,4,5 ст.82.1 УК РФ (п.17.2 ст.397 УПК)	86	*0,01*	84	*0,01*	78	*0,01*	92	*0,01*
об освоб-нии от отбывания наказания осужденного, признанного больным наркоманией после прохождения курса лечения и медико-соц. реабилитации - ч.3 ст.82.1 УК РФ (п.17.2 ст.397 УПК)	30	*0,00*	17	*0,00*	47	*0,01*	27	*0,00*
о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания либо об освобождении от наказания в виде ограничения по военной службе военнослужащего, уволенного с воен. службы, в порядке ст.148 УИК РФ (п.19 ст.397 УПК)	348	*0,04*	1 082	*0,14*	1 431	*0,22*	1 649	*-,24*
о передаче гражданина иностр. гос-ва, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого он является (ст.470 УПК РФ, п.20 ст.397 УПК)	1 010	*0,12*	930	*0,12*	674	*0,10*	506	*0,07*
по вопросам исполнения приговоров иностранных государств (п.21 ст.397, ст.472 УПК)	149	*0,02*	167	*0,02*	162	*0,02*	111	*0,02*
об отсрочке исполнения приговора в связи с болезнью осужденного, тяжкими последствиями и другими исключит. обстоятельствами (пп.1,3 ч.1 ст.398 УПК)	1 392	*0,16*	1 365	*0,18*	1 645	*0,25*	1 176	*0,17*
о предоставлении отсрочки осужденным, имеющим детей (до 14 лет) и женщине в связи с беременностью - ч.1 ст. 82 УК РФ (п.2 ч.1 ст.398 УПК)	1 344	*0,16*	1 140	*0,15*	905	*0,14*	945	*0,14*
об отсрочке отбывания наказания в виде лишения свободы до окончания лечения наркомании и медико-социальной реабилитации в соотв. с ч.1 ст.82.1 УК РФ (п.4 ч.1 ст.398 УПК)	22	*0,00*	14	*0,00*	24	*0,00*	9	*0,00*
об отсрочке или рассрочке уплаты штрафа (ч.2 ст.398 УПК)	5 231	*0,62*	5 060	*0,66*	3 833	*0,58*	3 495	*0,51*
о снятии судимости (ст. 400 УПК РФ)	15 382	*1,80*	13 364	*1,75*	10 512	*1,59*	10 727	*1,57*
об отмене принудительных мер воспитательного воздействия несовершеннолетнему на основании ч.4 ст.90 УК РФ (ч.5 ст.427 УПК)	113	*0,01*	145	*0,02*	117	*0,02*	85	*0,01*
об отмене постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) и назначенного судебного штрафа	1 733	*0,20*	3 307	*0,43*	5 752	*0,87*	5 481	*0,80*
обеспечительные производства								

о назначении судебно-психиатрической экспертизы в соотв. с ч. 2.1 ст.102 УК РФ (п.4.2 ст.397 УПК)	57	*0,01*	73	*0,01*	63	*0,01*	74	*0,01*
о заключении под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания, не связанного с лишением свободы (п.18 ст.397 УПК)	1 704	*0,20*	3 963	*0,52*	4 203	*0,63*	4 824	*0,70*
о заключении под стражу осужденного к лишению свободы, уклоняющегося от прибытия в колонию-поселение для отбывания наказания (п.18.1 ст.397 УПК)	4 626	*0,54*	5 026	*0,66*	4 436	*0,67*	4 778	*0,70*
конкретизирующие производства								
об исполнении приговора при наличии других неисполненных приговоров в соотв. со ст. 70 УК РФ (п.10 ст. 397 УПК)	2 643	*0,31*	2 551	*0,33*	1 983	*0,30*	2 358	*0,34*
о зачете времени содержания под стражей, а также времени пребывания в лечебном учреждении в соотв. со ст.72, 103 и 104 УК РФ (п.11 ст. 397 УПК)	31 585	*3,71*	15 220	*2,00*	12 215	*1,84*	13 519	*1,97*
о разъяснении сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора (п.15 ст. 397 УПК)	9 814	*1,15*	24 794	*3,24*	28 172	*4,25*	31 967	*4,67*
иные по вопросам исполнения приговоров и иных судебных актов в порядке уголовного судопроизводства	79 486	*9,35*	57 714	*7,55*	51 373	*7,75*	59 861	*8,74*
всего производств:	**850 312**	***100***	**764 500**	***100***	**662 556**	***100***	**685 201**	***100***

Таблица 8. Количество и результаты судебно-реабилитационных производств, оконченных судами первой инстанции в 2018 – 2021 гг.

количество дел (производств) и результаты:		**2018**	**2019**	**2020**	**2021**
о возмещении вреда реабилитированному и восстановлении его прав (в соответствии с ч. 5 ст. 135 и ч. 1 ст. 138 УПК)					
всего окончено дел: Из них:		**2 160**	**2 318**	**2 022**	**2 152**
удовлетворено	количество	1213	1 399	1 178	1 256
	% от общего числа	*56.1*	*60,4*	*58,3*	*58,4*
отказано	количество	269	246	203	185
	% от общего числа	*12,5*	*10,6*	*10*	*8,6*
иной результат*	количество	678	673	641	711
	% от общего числа	*31,4*	*29*	*31,7*	*33,0*
о возмещении имущественного вреда по ходатайствам в период досудебного производства					
всего окончено дел: Из них:		**70**	**46**	**216**	**83**
удовлетворено	количество	32	22	190	40
	% от общего числа	*45,7*	*47,8*	*88*	*48,2*
отказано	количество	6	6	7	9
	% от общего числа	*8,6*	*13*	*3,2*	*10,8*
иной результат*	количество	32	18	19	34
	% от общего числа	*45,7*	*39,1*	*8,8*	*41,0*

* производство прекращено, заявление (ходатайство) отозвано или возвращено судом, передано по подсудности

Таблица 9. Количество частных постановлений, вынесенных судами в порядке уголовного судопроизводства в 2021 г.

категория дел и основания	**судебные инстанции**				**общее кол-во**
	1 –я инстанция	**апелляция**	**кассация**	**надзор**	
по уголовным делам:	**11 051**	**780**	**72**	**-**	**11 903**
об обстоятельствах, способствовавших совершению преступления	4 114	8	-	-	4 122
о нарушениях закона в ходе предварительного расследования	3 731	121	4	-	3 856
о нарушениях при рассмотрении дела судом		351	21	-	372
о нарушениях другого характера	3 206	300	47	-	3 553
по делам судебного контроля, по вопросам исполнения судебных решений и реабилитации	**4 326**	**514**	**2**	**1**	**4 845**
о нарушениях закона органами предварительного расследования	3 012	199	1	-	3 212
о нарушениях при рассмотрении дела судом	-	148	3	1	152
о нарушениях другого характера	1 314	167	-	-	1 481
всего :	**15 377**	**1 294**	**76**	**1**	**16 748**

Таблица 10. Использование в 2018–2021 гг. видео-конференц-связи, аудио-видео-протоколирования в судебных заседаниях при рассмотрении по первой инстанции судебных дел в порядке уголовного судопроизводства

вид технического средства и способ его использования	**2018**	**2019**	**2020**	**2021**
количество дел (материалов), по которым использовалась видеоконференц-связь	93 184	98 942	115 931	105 655
количество судебных заседаний с использованием видеоконференц-связи (количество дней)	108 570	118 362	147 261	129 546
количество дел (материалов), по которым использовалось аудио-протоколирование	110 691	459 668	1 082 646	1 174 724
количество судебных заседаний (количество дней), в которых проводилась аудиозапись	207 823	827 108	2 063 688	2 411 681
количество дел (материалов), по которым использовалось видео-протоколирование	22 281	38 883	60 117	78 421
количество судебных заседаний (количество дней), в которых проводилась видеозапись	55 854	77 818	105 367	136 219

Приложение № 2

Результаты социологического опроса (анкетирования) практических работников

I. Сведения о количестве, профессиональном статусе и стаже работы опрошенных респондентов

1. **Судьи**, осуществляющие уголовное судопроизводство – мировые судьи, судьи районных (городских судов), гарнизонных военных судов, областных и приравненных к ним судов, апелляционных судов, а также Верховного Суда РФ – из **22 субъектов** Российской Федерации: городов Москва и Санкт-Петербург, Республики Дагестан, Республики Татарстан, Республики Хакасия, Камчатского края, Ставропольского края, областей: Амурской, Архангельской, Брянской, Волгоградской, Калининградской, Кемеровской, Ленинградской, Московской, Нижегородской, Сахалинской, Смоленской, Тверской, а также Ненецкого автономного округа, Чукотского автономного округа и Ямало-Ненецкого автономного округа.

Количество опрошенных судей – **218** человек.

Профессиональный (юридический) стаж опрошенных:

продолжительность стажа	количество судей	% от общего числа
стаж судейской работы:		
до 3 лет	25	11,5%
от 3 до 10 лет	50	22,9%
от 10 до 20 лет	91	41,7%
свыше 20 лет	52	23.9%

2. **Прокуроры**, участвующие в уголовном судопроизводстве – прокуроры, заместители и помощники прокуроров районных (городских) прокуратур, специализированных прокуратур, областных и приравненных к ним прокуратур – из **11 субъектов** Российской Федерации: Республики Бурятия, Республики Коми, Краснодарского края, а также Архангельской, Калининградской, Ленинградской, Московской, Мурманской, Новгородской, Орловской и Псковской областей.

Количество опрошенных прокуроров – **156** человек.

Профессиональный (юридический) стаж опрошенных:

продолжительность стажа	число прокуроров	% от общего числа
до 3 лет	22	14,1%
от 3 до 10 лет	62	39,7%
от 10 до 20 лет	56	35,9%
свыше 20 лет	16	10,3%

3. **Адвокаты**, участвующие в уголовном судопроизводстве – члены адвокатских палат, объединенных Федеральной Палатой адвокатов Российской Федерации – из **55 субъектов** Российской Федерации: городов Москва, Санкт-Петербург и Севастополь, Республики Адыгея, Республики Башкоростан, Республики Бурятия, Республики Дагестан, Республики Карелия, Республики Коми, Республики Крым, Республики Мордовия, Республики Саха (Якутия), Республики Татарстан, Республики Хакасия, Чувашской Республики, Алтайского края, Краснодарского края, Красноярского края, Пермского края, Приморского края, Ставропольского края, Хабаровского края, а также областей: Амурской, Архангельской, Астраханской, Белгородской, Брянской, Волгоградской, Вологодской, Воронежской, Иркутской, Калининградской, Кемеровской, Костромской, Курганской, Курской, Ленинградской, Московской, Новгородской, Новосибирской, Омской, Оренбургской, Псковской, Ростовской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Сахалинской, Смоленской, Тверской, Томской, Тульской, Тюменской и Челябинской, Ханты-Мансийского автономного округа (Югра).

Количество опрошенных адвокатов – **551** человек.

Профессиональный (юридический) стаж опрошенных:

продолжительность стажа	число адвокатов	% от общего числа
до 3 лет	87	15,8%
от 3 до 10 лет	158	28,7%
от 10 до 20 лет	181	32,8%
свыше 20 лет	125	22,7%

II. Результаты анкетирования

вопросы и варианты ответов	**ответы респондентов** абсолютное число / процент к общему числу ответов			
	судьи	**прокуроры**	**адвокаты**	**ОБЩЕЕ**
1. Ограничивается ли, на Ваш взгляд, осуществление уголовного правосудия только рассмотрением уголовных дел?				
дано ответов:	218 100%	156 100%	551 100%	925 100%
а) да	7 **3,2%**	22 **14,1%**	58 **10,5%**	87 **9,4%**
б) нет	207 **95%**	130 **83,3%**	482 **87,5%**	819 **88,5%**
в) затрудняюсь ответить	4 **1,8%**	4 **2,6%**	11 **2%**	19 **2,1%**
2. Если Вы ответили отрицательно на предыдущий вопрос, укажите, какую еще судебную деятельность (помимо рассмотрения уголовного дела) следует включать в понятие «уголовное правосудие»? - *допускалось несколько вариантов ответа*				
дано ответов:	207 100%	130 100%	482 100%	819 100%

а) судебный контроль на стадиях досудебного производства (ст. 108, 125, 165 УПК и др.)	204 **98,6%**	106 **81,5%**	442 **91,7%**	752 **91,8%**
б) разрешение в порядке ст. 399 УПК РФ вопросов, связанных с исполнением приговора и других судебных решений	199 **96,1%**	110 **84,6%**	434 **90%**	743 **90,7%**
в) рассмотрение в порядке гл. 18 УПК РФ заявлений о реабилитации, восстановлении прав и возмещении причиненного вреда	186 **89,9%**	108 **83%**	421 **87, 3%**	715 **87,3%**
г) рассмотрение обращений в порядке международного сотрудничества (об экстрадиции, о признании и исполнении приговора суда иностранного государства и т.д.) – главы 53-55 УПК РФ	157 **75,8%**	88 **67,7%**	362 **75,1%**	607 **74,1%**
д) иное (свой вариант ответа)	1 **0,5%**	-	2 **0,4%**	3 **0,4%**
3. Если Вы ответили положительно на 1-й вопрос, укажите, к какому виду юридической деятельности следует относить деятельность суда по рассмотрению так называемых материалов: - по судебному контролю в досудебном производстве, - по вопросам исполнения приговора и иных решений, - по вопросам реабилитации? *- допускалось несколько вариантов ответа*				
дано ответов:	7 100%	22 100%	43 100%	72 100%
а) административная деятельность	-	2	2	4 **5,6%**
б) организационно-управленческая	-	2	2	4 **5,6%**
в) правоохранительная деятельность	1	6	2	9 **12,5%**
г) контрольно-надзорная деятельность	5	10	32	47 **62,3%**
д) иное (свой вариант ответа)	1	2	7	10 **13,9%**

4. Воспринимаете ли Вы перечисленные в предыдущем вопросе материалы в качестве самостоятельных юридических (судебных) дел, рассматриваемых отдельно от уголовного дела?				
дано ответов:	210 100%	156 100%	551 100%	917 100%
а) да, это – отдельные судебные дела	127 **60,5%**	64 **41%**	207 **37,6%**	398 **43,4%**
б) нет, эти материалы – составная часть уголовного дела	83 **39,5%**	76 **48,7%**	322 **58,4%**	481 **52,5%**
в) затрудняюсь ответить	-	16 **10,3%**	22 **4%**	38 **4,1%**
5. Представляет ли, по Вашему мнению, рассмотрение перечисленных в 3-м вопросе судебных дел (материалов) полноценное судебное производство, отделенное от производства по уголовному делу?				
дано ответов:	211 100%	142 100%	551 100%	904 100%
а) да, это – своеобразные, но полноценные и законченные судебные производства	122 **57,8%**	68 **47,9%**	247 **44,8%**	437 **100%**
б) нет, рассмотрение подобных материалов является всего лишь одной из судебных процедур единого производства по уголовному делу	87 **41,2%**	74 **52,1%**	268 **48,6%**	429 **47,5%**
в) иное (свой вариант ответа)	2 **1%**	-	6 **1,1%**	8 **0,9%**
6. Считаете ли Вы, что постановления (определения), выносимые по результатам рассмотрения дел (материалов) судебного контроля, а также по вопросам исполнения приговора и реабилитации являются, как и итоговые решения по уголовному делу, актами правосудия?				
дано ответов:	218 100%	156 100%	551 100%	925 100%
а) да, считаю	190 **87,2%**	118 **75,6%**	439 **79,7%**	747 **80,8%**
б) нет, не согласен	15 **6,9%**	26 **16,7%**	77 **14%**	118 **12,8%**
в) затрудняюсь ответить	13 **6%**	12 **7,7%**	35 **6,4%**	60 **6,5%**

7. Разделяете ли Вы мнение о том, что действие принципов уголовного судопроизводства (гл.2 УПК РФ) и общих условий судебного разбирательства (гл.35 УПК РФ) распространяется на процесс рассмотрения судебных дел (материалов), указанных в 3-м вопросе?				
дано ответов:	215 100%	156 100%	543 100%	914 100%
а) нет, при рассмотрении этих дел (материалов) действуют иные процессуальные правила	10 **4,7%**	8 **5,1%**	33 **6,1%**	51 **5,6%**
б) принципы действуют, а условия судебного разбирательства – нет	60 **27,9%**	50 **32,1%**	178 **32,8%**	288 **31,5%**
в) да, принципы уголовного процесса и общие условия судебного разбирательства действуют в полном объеме	136 **63,3%**	96 **61,5%**	325 **59,9%**	557 **60,9%**
г) распространяют действие, но в ограниченном объеме (частично)	7 **3,3%**	2 **1,3%**	2 **0,4%**	11 **1,2%**
в) иное (свой вариант ответа)	2 **0,9%**	-	5 **0,9%**	7 **0,8%**
8. Как Вы считает, какую роль выполняет прокурор в делах судебного контроля (ст. 108, 125, 165 УПК и др.), в которых предметом судебного рассмотрения выступают ходатайства следователя или жалоба на его действия или решения?				
дано ответов:	218 100%	156 100%	548 100%	922 100%
а) прокурор в этих делах – сторона по делу, отстаивающая позицию органов предварительного следствия	74 **33,9%**	18 **11,5%**	354 **64,6%**	446 **48,4%**
б) стороной не является, а содействует (помогает) суду разобраться в обстоятельствах и правильно разрешить рассматриваемый вопрос	26 **11,9%**	72 **46,2%**	51 **9,3%**	149 **16,2%**
в) осуществляет надзор за следственными органами (законностью следствия)	100 **45,9%**	50 **32,1%**	115 **21%**	265 **28,7%**
г) осуществляет надзор за судом (законностью судебного контроля)	5 **2,3%**	12 **7,7%**	6 **1,1%**	23 **2,5%**

д) иное (свой вариант ответа)	13 **6%**	4 **2,6%**	22 **4%**	39 **4,2%**
9. Какова, на Ваш взгляд, роль прокурора в рассмотрении представлений и ходатайств по вопросам исполнения приговора и других решений, рассматриваемых в порядке ст. 399 УПК РФ?				
дано ответов:	218 100%	156 100%	542 100%	916 100%
а) прокурор – сторона по делу	67 **30,7%**	18 **11,5%**	242 **44,6%**	327 **35,7%**
б) содействует (помогает) суду разобраться в обстоятельствах и правильно разрешить рассматриваемый вопрос	37 **17%**	76 **48,7%**	102 **18,8%**	215 **23,5%**
в) осуществляет надзор за органами, исполняющими приговор и иные судеб-ные решения (за законностью их деятельности)	92 **42,2%**	50 **32,1%**	163 **30,1%**	305 **33,3%**
г) осуществляет надзор за судом (законностью судебных постановлений)	10 **4,6%**	8 **5,1%**	22 **4,1%**	40 **4,4%**
д) иное (свой вариант ответа)	12 **5,5%**	4 **2,6%**	13 **2,4%**	17 **3,2%**
10. Согласны ли Вы с утверждением о том, что в делах по ходатайствам следователя (дознавателя) о разрешении производства следственных действий (ст. 165 УПК РФ) суд по сути разрешает правовой спор (конфликт), и, если да, то кто является противной стороной (противостоит) органу уголовного преследования?				
дано ответов:	218 100%	156 100%	543 100%	917 100%
а) не согласен – в этих делах правовой спор (конфликт) отсутствует	95 **43,6%**	80 **51,3%**	135 **24,9%**	310 **33,8%**
б) согласен – противной стороной выступает сторона защиты	13 **6%**	10 **6,4%**	74 **13,6%**	97 **10,6%**
в) согласен – противной стороной может являться любое лицо, чьи права ограничиваются следственным действием и могут быть нарушены в ходе его производства	99 **45,4%**	56 **35,9%**	302 **55,6%**	457 **49,8%**

г) затрудняюсь ответить	10 **4,6%**	6 **3,8%**	24 **4,4%**	40 **4,4%**
д) иное (свой вариант ответа)	1 **0,5%**	4 **2,6%**	8 **1,5%**	13 **1,4%**
11. Исходя из Вашего практического опыта, всегда ли суд первой инстанции устанавливает (проверяет) в судебном заседании фактические обстоятельства, на которых основаны представления, ходатайства, заявления и жалобы, рассматриваемые в порядке судебного контроля и в порядке ст. 399 УПК РФ?				
дано ответов:	218 100%	156 100%	544 100%	918 100%
а) да, устанавливает (проверяет) во всех без исключения случаях	157 **72%**	110 **70,5%**	63 **11,6%**	330 **35,9%**
б) обычно да, но иногда не проверяет, когда противная сторона не оспаривает указанные в обращении факты	46 **21.1%**	36 **23,1%**	133 **24,4%**	215 **23,4%**
в) нет, делает это не всегда и по своему усмотрению	13 **6%**	6 **3,8%**	215 **39,5%**	234 **25,5%**
г) нет, никогда не проверяет – суд ограничивается данными (информаци-ей), указанными в процессуальном обращении: представлении, заявлении, ходатайстве	2 **0,9%**	4 **2,6%**	126 **23.2%**	132 **14,4%**
д) иное (свой вариант ответа)	-	-	7 **1,3%**	7 **1,3%**
12. Что на практике используют суды для установления (проверки) фактических обстоятельств по указанным в предыдущем вопросе делам в качестве доказательств? *- допускалось несколько вариантов ответа*				
дано ответов:	218 100%	156 100%	544 100%	918 100%
а) письменные материалы, приложенные к процессуальному обращению	214 **98,2%**	150 **96,2%**	526 **96,7%**	890 **97%**
б) объяснения (пояснения) участвующих в деле лиц, данные в судебном заседании	199 **91,3%**	132 **84,6%**	367 **67,5%**	698 **76%**
в) дополнительные документы, представленные суду непосредственно в судебном заседании	202 **92,3%**	128 **82,1%**	386 **71%**	716 **78%**

г) иное (свой вариант ответа)	1 **0,5%**	1 **0,6%**	6 **1,1%**	8 **0,9%**
13. Выполнение каких действий в судебном заседании, исходя из норм действующего УПК РФ, Вы считаете допустимым в целях установления (проверки) фактических обстоятельств, необходимых для принятия решения по делам судебного контроля, вопросам исполнения приговора и реабилитации? *- допускалось несколько вариантов ответа*				
дано ответов:	218 100%	156 100%	541 100%	915 100%
а) направление требования (запрос) о предоставлении суду дополнительных документов	208 **95,4%**	110 **70,5%**	438 **81%**	756 **82,6%**
б) опрос, заслушивание в судебном заседании лиц, не являющихся сторонами по делу	102 **46,8%**	56 **35,9%**	256 **47,3%**	414 **45,2%**
в) вызов и допрос в судебном заседании в качестве свидетелей лиц, сведущих о подлежащих установлению (проверке) обстоятельствах	121 **55,5%**	70 **44,9%**	366 **67,7%**	557 **60,8%**
г) назначение и проведение судебной экспертизы (например, для установления имущественного или физического вреда, подлежащего возмещению в порядке реабилитации)	71 **32,6%**	44 **28,2%**	298 **55,1%**	413 **45,1%**
д) выполнение иных судебно-следственных действий: осмотр вещей, предметов и документов, освидетель-ствование и др.	54 **24,8%**	36 **23,1%**	273 **50,5%**	363 **39,7%**
е) никакие из вышеперечисленных	10 **4,6%**	26 **16,7%**	41 **7,6%**	77 **8,4%**
ж) иное (свой вариант ответа)	1 **0,5%**	4 **2,6%**	1 **0,2%**	6 **0,7%**
14. Возможность выполнения каких судебных действий в целях, указанных в предыдущем вопросе, Вы считаете необходимым закрепить в УПК РФ? *- допускалось несколько вариантов ответа*				
дано ответов:	216 100%	156 100%	535 100%	907 100%
а) никаких, в этом нет необходимости	140 **64,8%**	45 **28,8%**	152 **28,4%**	337 **37,2%**
б) истребование документов, запрос информации	58 **26,9%**	42 **26,9%**	300 **56,1%**	400 **44,1%**

в) получение объяснений	17 **7,9%**	24 **15,4%**	184 **34,4%**	225 **24,8%**
г) допрос в качестве свидетеля	21 **9,7%**	18 **11,5%**	234 **43,7%**	273 **30,1%**
д) назначение и производство экспертизы	16 **7,4%**	22 **14,1%**	217 **40,6%**	255 **28,1%**
е) выполнение иных судебно-следственных действий	13 **6%**	34 **21.8%**	198 **37%**	245 **27%**
ж) иное - указать свой вариант ответа:	4 **1,9%**	-	11 **2,1%**	15 **1,7%**
15. Согласны ли Вы с мнением, что при рассмотрении ходатайства следственного органа о применении принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 427 УПК), суд должен проверить обоснованность (доказанность) выдвинутого в отношении несовершеннолетнего обвинения (подозрения) и убедиться в наличии в действиях несовершеннолетнего состава вменявшегося ему преступления?				
дано ответов:	218 100%	156 100%	543 100%	915 100%
а) нет, суд полностью полагается на выводы органа предварительного расследования	2 **0,9%**	2 **1,3%**	15 **2,8%**	22 **2,4%**
б) да, представленные материалы уголовного дела должны быть изучены судьей и не вызывать у него сомнений в том, что несовершеннолетний совершил инкриминируемое ему деяние	115 **52,7%**	60 **38,7%**	164 **30,2%**	339 **37%**
в) да, судья не только обязан изучить с этой целью письменные материалы уголовного дела, но и вправе провести необходимые судебно-следственные действия, направленные на установление (уточнение) отдельных обстоятельств дела	99 **45,4%**	94 **60,3%**	362 **66,7%**	555 **60,7%**
г) иное - указать свой вариант ответа:	-	-	2 **0,4%**	2 **0,4%**
16. Поддерживаете ли Вы идею о том, что система доказательств, установленная для уголовных дел (ст. 74 УПК РФ) должна быть унифицирована и применяться в доказывании по иным судебным делам (материалам), рассматриваемым в порядке уголовного судопроизводства: судебно-контрольным, по вопросам исполнения приговора и реабилитационным?				

дано ответов:	218 100%	156 100%	543 100%	917 100%
а) да, поддерживаю	74 **33,9%**	48 **30,8%**	346 **63,7%**	468 **51%**
б) нет, практическая потребность в этом отсутствует	103 **47,2%**	68 **43,4%**	38 **7%**	209 **22,8%**
в) нет, т. к. для иных дел (материалов) должны быть разработаны и четко регламентированы собственные средства доказывания (виды доказательств)	21 **9,6%**	20 **12,8%**	109 **20,1%**	150 **16,6%**
г) затрудняюсь ответить	18 **8,3%**	20 **12,8%**	49 **9%**	87 **9,5%**
д) иное - указать свой вариант ответа:	2 **0,9%**	-	1 **0,2%**	3 **0,3%**
17. Нуждаются ли, на Ваш взгляд, процедуры вынесения решений по итогам рассмотрения дел (материалов) судебного контроля и по разрешению вопросов исполнения приговора и реабилитации *в тщательной нормативной регламентации* как это сделано в отношении приговора?				
дано ответов:	218 100%	156 100%	541 100%	915 100%
а) нет, на практике при рассмотрении указанных дел (материалов) на основе аналогии закона успешно применяется процедура вынесения приговора	109 **50%**	46 **29,5%**	49 **9,1%**	204 **22,3%**
б) да, такая регламентация необходима для каждого из указанных судебных производств	24 **11%**	34 **21,8%**	203 **37,5%**	261 **28,5%**
в) да, но целесообразнее установить в УПК единую (для всех дел и материалов) процедуру вынесения итогового решения	73 **33,5%**	53 **34%**	249 **46%**	375 **41%**
г) затрудняюсь ответить	10 **4,6%**	22 **14,1%**	39 **7,2%**	71 **7,8%**
д) иное - указать свой вариант ответа:	2 **0,9%**	1 **0,6%**	1 **0,2%**	4 **0,4%**